

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

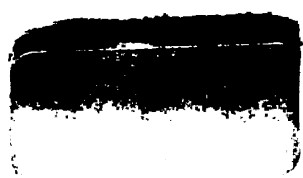
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855857 8

INDEXE

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

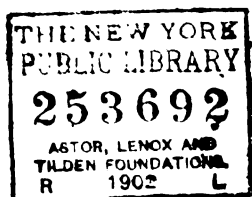
Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

(13)

СКАЗКИ ДИККЕНСА

The Life of Charles Dickens, by John Forster. Vol. II. 1842—1852. London, 1873.

Десятилѣтіе изъ жизни Диккенса, которому его биографъ посвящаетъ второй томъ своего труда, вышедшій въ началѣ нынѣшняго года, представляло блестящую пору въ дѣятельности великаго писателя; но нѣтъ причины ограничивать эту пору десятилѣтіемъ, и не представляется удобнымъ по поводу однихъ этихъ десятилѣтъ резюмировать всю дѣятельность Диккенса въ очеркѣ, который долженъ имѣть полубіографическій, полукритическій характеръ. Десятилѣтіе съ 1842 по 1852 годъ не представляло ни въ жизни, ни въ творествѣ Диккенса отдѣльной, заключенной въ себя, имѣющей свою особую фizioномію эпохи. Періодъ это произвольный; онъ начинается съ возвращенія Диккенса изъ перваго путешествія его въ Америку, и останавливается на окончаніи имъ романа «Давидъ Копперфильдъ». Въ теченіе этого періода, Диккенсъ сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ на континентъ Европы, написалъ романы «Чезлвудъ», «Домби и Сынъ», и «Копперфильдъ», и свои замѣчательнѣйшія «Рождественскія сказки». Желая продолжить очеркъ, предпринятый нами при появленіи перваго тома сочиненія Форстера ¹⁾, а именно, познакомить русскихъ читателей Диккенса съ его личностью и съ процессомъ его работы, и приводя, какъ мы это сдѣлали и прежде, такіа личныя черты въ оцѣнѣ тѣхъ результатовъ, которые были ими обусловлены, то-есть самого творчества Диккенса, мы пока оставимъ, насколько возможно, въ сторонѣ романы, написанные имъ въ это

¹⁾ «Дѣтство и молодость Диккенса», „Вѣстникъ Европы“ іюль, 1872, стр. 685.

десятилѣтіе. При окончаніи труда Форстера мы надѣемся имѣть случай бросить общій взглядъ на капиталныя, его произведенія, къ которымъ принадлежать и нѣкоторые, въ то время имъ еще ненаписанныя.

Но особую область въ творествѣ Диккенса составляютъ его такъ-называемыя сказки или рассказы, періодически издававшіеся имъ къ концу года, къ Рождеству. Съ одной стороны, въ этой области проявился въ особомъ освѣщеніи и съ удивительнымъ богатствомъ весь поэтический геній этого писателя; съ другой стороны, сказки Диккенса менѣе извѣстны, менѣе популярны у насъ, чѣмъ большія его произведенія, его романы. Наконецъ, въ то именно десятилѣтіе, которое обнимается настоящею книгою Форстера, Диккенсъ написалъ всѣ лучшіе изъ такихъ его, небольшихъ, имѣющихъ свое особенное значеніе рассказовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, мы и хотимъ на этотъ разъ специально заняться этой именно областью Диккенсова творчества и къ ней подвести тѣ личныя черты, съ которыми насъ знакомитъ настоящая часть біографіи.

I.

«Въ видѣ отдыха отъ труда», въ то время, когда Диккенсъ былъ занятъ своимъ полуанглійскимъ, полуамериканскимъ романомъ «Чезльуитомъ», онъ предпринималъ другую работу. Онъ сталъ набрасывать нѣчто въ родѣ сказки. Въ первой статьѣ, посвященной Диккенсу, мы указали на тотъ весьма характеристичный фактъ, что въ воображеніи этого поэта, въ его постоянной мечтѣ, въ томъ интимномъ уголкѣ души, гдѣ живутъ полусознанные образы и хранятся полузабытыя впечатлѣнія, въ этомъ истинномъ родинкѣ поэзии,—у Диккенса главное мѣсто занимало время его дѣтства. Дѣтство въ воображеніи Диккенса всегда оставалось какъ бы главною эпохой его жизни; какъ будто именно въ дѣтствѣ онъ жилъ для наблюденія и собиранія матеріала, для изученія душевныхъ движеній и природы человѣка, для оцѣнки и взвѣшиванія на тончайшихъ, чувствительнѣйшихъ вѣсахъ всякаго элемента насилія и несправедливости, состраданія и любви въ отношеніяхъ между людьми. Какъ будто въ дѣтствѣ онъ и жилъ только для этого и исключительно этимъ былъ занятъ; а послѣ, въ возрастные годы, являлся уже повѣствователемъ своего дѣтства, расходолателемъ того сокровища, которое имъ было собрано въ ту пору. Сознать этотъ фактъ и проникнуться имъ необходимо для того, чтобы вѣрно оцѣнивать всю поэтическую сторону въ твор-

чествъ Диккенса. Этѣмъ мы, разумѣется, не хотимъ сказать, что Диккенсъ всегда оставался ребенкомъ. Еслибы было такъ, то какъ бы прелестны ни были созданія его, но Диккенсъ, какъ писатель, не имѣлъ бы общественнаго значенія. Одна наивная впечатлительность не могла бы произвести того могучаго направленія, въ силу котораго Диккенсъ сталъ Диккенсомъ. Ребенокъ имѣлъ бѣдныхъ людей, видѣлъ отдѣльныя страданія, но онъ не могъ подняться до знанія бѣдныхъ и слабыхъ въ ихъ совокупности, какъ громадной корпораціи тѣхъ безыменныхъ единицъ, которыхъ давить и топчетъ въ Англіи современная общественная жизнь, которыми и на которыхъ она строитъ свои колоссальныя фабрики и палатцы. Ребенокъ могъ вглядѣться въ суровыя, безжалостныя лица тѣхъ счастливицевъ, которые въ общей свалкѣ за жизнь, за бормъ и наслажденія, держатся на позиціяхъ возвышенныхъ, пригрѣтыхъ солнцемъ, съ которыхъ удобно отталкивать соперниковъ внизъ, въ темную и холодную яму. Мистеръ Домби, конечно, попался ему на глаза въ дѣтствѣ и былъ предметомъ его проникательнаго созерцанія. Но ни гениальный ребенокъ, ни поэтъ, живущій исключительно для поэзіи, не ощутилъ бы необходимости и не сумѣлъ бы выступить на защиту слабыхъ, посвятить именно этому *тому* всю прелесть своей поэзіи, выступить обвинителемъ довольныхъ и безжалостныхъ триумфаторовъ, обратясь къ нимъ съ бичомъ сатиры, тѣмъ болѣе могущественной, что она не имѣла въ себѣ ничего лирическаго и субъективнаго, а по реальности и холодности своей уподоблялась скорѣе зеркалу изъ полированной стали, чѣмъ бичу, за которымъ видна дѣйствующая имъ рука.

Сатира Диккенса, избирающая себѣ способомъ самую объективную критику, близка къ сатирѣ Тэккерея и однородна съ нею, хотя предметъ ея не совсѣмъ тотъ же. Но, сдѣлавъ эту необходимую оговорку, мы затѣмъ можемъ возвратиться, безъ опасенія быть непонятыми, собственно къ поэтической сторонѣ Диккенсова творчества. И вотъ, здѣсь мы должны признать главнымъ источникомъ, такъ сказать хранилищемъ его поэзіи—его дѣтство, то-есть неисчерпаемый запасъ впечатлѣній, который онъ вынесъ изъ своего дѣтства, той поры его жизни, которая, повторяемъ, всегда представлялась въ умѣ этого поэта какъ-бы главною его эпохой, эпохой собиранія матеріала. Но дѣтство единичнаго человека близко къ дѣтству всего человѣчества,—къ фантастичности, легендѣ, сказкѣ. Изъ того факта, что уму Диккенса постоянно были присущи воспоминанія изъ дѣтства, очевидно, что Диккенсу весьма близка должна была быть сказка, ближе чѣмъ кому-либо;

притомъ близка ему, сродни его генію была сказка именно дѣтская, такая сказка, какія разсказываются или разсказывались въ старое время няньками малымъ дѣтямъ. Сказки эти—волшебныя, чудесныя сказки, не потому только, что въ нихъ являются волшебныя лица, но и потому, что въ нихъ, какъ онѣ усваиваются тѣмъ умомъ, который и самъ-то еще очень недавно возникъ какимъ-то чудомъ, въ самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ сила чудесная, сила очарованія. Между словами разсказчицы и впечатлѣніемъ слушателей здѣсь почти такое же различіе, какъ между звукомъ отъ прикосновенія пальцевъ къ клавишамъ и сонатою, которую эти клавиши вызываютъ. Разсказать этихъ сказокъ нельзя, хотя бы и передавая слова въ точности. Одна изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей таланта Диккенса заключалась въ томъ, что онъ хранилъ впечатлѣнія дѣтства во всей цѣльности ихъ образовъ и колорита и умѣлъ воспроизводить эти образы не въ видѣ темныхъ силуэтовъ, какими они представляются взрослымъ, а со всею яркостью, тонкостью и свѣжестью ихъ первоначальныхъ красокъ.

Форстеру понятна эта особенность таланта его друга. Онъ говоритъ, между прочимъ, что «никто не дорожилъ болѣе, чѣмъ Диккенсъ, старыми дѣтскими сказками (nursery tales)», и что Диккенсъ «съ скрытымъ удовольствіемъ сознавалъ, что онъ только даетъ этимъ сказкамъ болѣе возвышенную форму». Форстеръ далѣе вѣрно оцѣниваетъ практическую пользу, принесенную сказками Диккенса обществу, и мы приведемъ этотъ отзывъ на своемъ мѣстѣ. Но Форстеру повидимому не пришла мысль, что самый фактъ обращенія Диккенса къ этой отрасли творчества былъ никакъ не случайный, но истекалъ изъ самой природы поэта; что сказка, во всемъ очарованіи и полнотѣ тѣхъ образовъ, которые она производитъ въ умѣ ребенка, была однимъ изъ главныхъ родниковъ всей поэтической силы Диккенса, была для него при изученіи человѣка отчасти тѣмъ, чѣмъ была средневѣковая легенда для Шекспира, Гёте и Шиллера въ изображеніи драмъ исторіи, то-есть жизни человѣчества.

Послушаемъ объясненія Форстера, какъ возникла первая сказка Диккенса. Осенью 1843 года, Диккенсъ отправился въ Манчестеръ на собраніе, происходившее по поводу открытія тамопшняго «Атенея». Въ числѣ участвовавшихъ въ собраніи были Кобденъ и Дизраэли. Диккенсъ говорилъ тамъ «о предметѣ, который всегда былъ его сердцу ближе всѣхъ, именно объ образованіи для самыхъ бѣдныхъ дѣтей; онъ воставалъ въ своей рѣчи противъ мнѣнія, будто крохи образованія еще вреднѣе, чѣмъ полное невѣжество». Незадолго передъ тѣмъ онъ, съ поэтомъ Лонгфелло и

Форстеромъ, осматривалъ ночлежные пріюты въ бѣдныхъ кварталахъ Лондона, и впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этого осмотра, казалось въ его мэнчестерской рѣчи. Онъ убѣждалъ собраніе, что вреднѣе всего не недостаточность образованія, а полная тьма, полное отсутствіе какой-либо умственной нити, держась за которую дѣи, рожденное въ вертепѣ разврата и преступленія, могло бы выйти изъ этого лабиринта; вреднѣе всего то, что за полнымъ отсутствіемъ подобной нити, за совершеннымъ неимѣніемъ какой-либо нравственной поддержки, цѣлыя поколѣнія рѣшительно осуждены на развратъ и преступленіе. Въ то время только еще начиналось движеніе въ пользу такъ-называемыхъ Ragged Schools, которое впоследствии приняло такое развитіе, что ихъ теперь считаютъ около 300 съ 30 тысячами учениковъ. Диккенсъ и въ этомъ дѣлѣ принималъ близкое участіе. Когда онъ былъ въ Мэнчестерѣ, ему, по словамъ Форстера, впервые пришла мысль о сказкѣ; чрезъ недѣлю по возвращеніи изъ Мэнчестера онъ приступилъ къ ней, «въ видѣ отдыха отъ труда». «Это было дѣло тѣхъ случайныхъ свободныхъ минутъ, которыя оказались въ его распоряженіи посреди исполненія двухъ главъ «Чезлуита», говоритъ Форстеръ и прибавляетъ, что предпринята была эта лишняя работа «единственно съ цѣлью прибавить что-нибудь къ балансу доходовъ отъ «Чезлуита». Но послушаемъ дальше: «Однако, онъ самъ разсказывалъ и я могу засвидѣтельствовать, съ какой странной силою это дѣло тотчасъ само овладѣло имъ, какъ онъ надъ нимъ плакалъ, и смѣялся, и опять плакалъ, возбужденный до необыкновенной степени. Какъ бродилъ по пятнадцати, по двадцати верстъ въ день, по темнымъ улицамъ Лондона, обдумывая этотъ разсказъ поздно ночью, въ такое время, когда трезвый человѣкъ давно спитъ». Но предметъ этотъ потому такъ и завладалъ всѣмъ вниманіемъ автора, потому такъ и охватилъ всѣ его силы, что былъ необыкновенно близокъ къ природѣ Диккенса. Обращеніе его къ сказкѣ, очевидно, не было дѣломъ случайности, и зависѣло не оттого, что онъ желалъ прибавить что-нибудь къ неполнѣ удовлетворительнымъ доходамъ отъ продажи «Чезлуита»; тогда или въ иное время, но когда-нибудь Диккенсъ непремѣнно долженъ былъ внести свое творчество въ тотъ сказочный міръ, который былъ постоянно присущъ его духу, и котораго отблескомъ освѣщались даже такіа «трезвыя» аналитическія его созданія, какъ, напр., Домби или Никльби, и нѣтъ сомнѣнія, что собственно поэтический геній Диккенса нигдѣ не проявился съ такой силою, какъ въ его сказкахъ.

Первая изъ нихъ была именно та «коляда» или «пѣснь Рожд-

деству» (Christmas Carol), которую онъ импровизировалъ, проводя цѣлыя ночи въ прогулкахъ по «темнымъ улицамъ» Лондона. «Пѣснь Рождеству» непременно вышла бы прелестнымъ рассказомъ и тогда, еслибы Диккенсъ просто коснулся въ ней сверхъестественнаго міра, міра человѣческихъ грѣзъ, суевѣрій и традицій. Но, замкнувшись въ одномъ сверхъестественномъ мірѣ, Диккенсъ не вышелъ бы изъ уровня народнаго сказочнаго эпоса или, еслибы создалъ свои собственные чисто-фантастическіе типы, то сталъ бы въ область и въ уровень Гоффмана. Великій писатель общественный, Диккенсъ сдѣлалъ нѣчто совсѣмъ иное. Міръ гнѣвъ, грѣзъ, упованій, вѣры въ доброе, потребности въ идеалѣ онъ поставилъ лицомъ къ лицу съ типомъ жесточайшаго эгоизма, холоднаго расчета, неумолимости ко всему слабому, полнаго отрицанія всякаго идеала и всякой нужды въ идеалѣ вообще. Мистеръ Скруджъ — герой «Пѣсни Рождеству». Мистеръ Скруджъ человѣкъ, не совершившій никакого преступленія; онъ человѣкъ дѣловой, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, хладнокровіемъ, прозорливостью, бережливостью, аккуратностью, короче: просто человѣкъ дѣловой въ высшей степени и вполне исправный. «Онъ умѣлъ схватывать крѣпко и въ особенности умѣлъ крѣпко держать. Жесткій и острый какъ кремль, онъ не знавалъ такого огня, которое могло бы извлечь изъ него хоть искру великодушія. Всюду, куда онъ являлся, онъ приносилъ съ собою свою температуру, всегда ниже нуля. Въ лѣтнюю жару; при немъ, въ конторѣ его стоялъ морозъ; и къ Рождеству, несмотря на великій праздникъ, Скруджъ не оттаивалъ ни на градусъ... Его никто не останавливалъ на улицѣ веселымъ привѣтствіемъ: а, Скруджъ, здравствуйте, какъ ваше здоровье; заходите къ намъ! Ницему въ голову не приходило просить у него подачки, а дѣти не спрашивали у него, который часъ? Во всю его жизнь никто, ни мужчина, ни женщина, ни разу не рѣшился спросить у него дорогу. Даже собаки, водящіе слѣпыхъ, и тѣ будто узнавали его, и тотчасъ вводили своихъ патроновъ подъ ворота».

«Но Скруджу ничего этого и не требовалось; напротивъ, онъ и желалъ, чтобы было именно такъ. Сознаніе, что по многолюдной улицѣ онъ одинъ идетъ въ настоящемъ уединеніи, что на лбу у него какъ-бы видна надпись, приглашающая прохожихъ проходить своею дорогой,—такое сознаніе, когда оно являлось уму Скруджа, было для него лучшимъ гостинцемъ».

Само собою разумѣется, что Скруджъ не только не соблюдалъ праздника Рождества, но особенно ненавидѣлъ его, за то, что тогда всѣ дураки ходятъ и поздравляютъ другъ друга; съ

тѣмъ? спрашивается. Не съ тѣмъ-ли, что къ Рождеству обыкновенно наступаютъ сроки для уплаты по всякимъ счетамъ и векселямъ. Въ сочельникъ, уходя изъ конторы, мистеръ Скрудж спросилъ своего бухгалтера:—«Вы, конечно, рассчитываете завтра отдыхать весь день?»—«Если вы не имѣете ничего противъ этого»—былъ отвѣтъ.—«Имѣю очень много противъ; вѣроятно, и вы имѣли бы что противъ вычета у васъ за этотъ день 2¹/₂ шиллинговъ, а хотите, чтобы я далъ ихъ вамъ даромъ?»—Бухгалтеръ возразилъ, что это бываетъ разъ въ годъ.—«Разъ въ годъ можно запускать руку въ чужой карманъ?» Такова была философія мистера Скруджа, которую мы позволяемъ себѣ напомнить читателямъ, потому что намъ нужно уяснить, съ кѣмъ именно боролся Диккенсъ, въ защиту слабыхъ и бѣдныхъ, на кого, въ ихъ пользу, онъ устремлялъ всю силу своего поэтического творчества, на кого выпускалъ весь тотъ волшебный міръ, который жилъ въ немъ самомъ. Все это онъ дѣлалъ для борьбы съ тѣмъ обществомъ, которое выработано безусловною, неумолимою конкуренціею; съ холодною, правильною, почтенною буржуазною философіею, которая вся сводится на понятіе «о моемъ и твоёмъ», на фарисейскую правильность, фарисейское самодовольство и фарисейскую же безпощадность къ самаритянамъ. Достопочтенный англійскій дѣловый, торговый человѣкъ платитъ все, что съ него слѣдуетъ по торговымъ счетамъ и по государственнымъ и городскимъ пошлинамъ, и затѣмъ вполне доволенъ собою; тѣмъ хуже для тѣхъ, кто «не сумѣлъ» ничего приобрѣсти, «не сумѣлъ» рассчитать составъ своего семейства сообразно съ балансомъ своего грессбуха, «не сумѣлъ», наконецъ, быть здоровымъ. Тѣмъ хуже для нихъ. Онъ же исполнилъ всѣ свои обязанности и благодарить Бога, что не принадлежитъ къ числу такихъ людей. Рядомъ съ нимъ, мы совершенно удобно можемъ поставить и русскаго торговаго человѣка, такъ какъ у нашего Тита Титыча «широкая натура» сказывается только въ безобразіи, а въ отношеніи своемъ къ меньшей братіи, въ самодовольствѣ, въ презрѣніи ко всѣмъ, кто «не сумѣлъ» набить себѣ кошелекъ, Титъ Титычъ нисколько не отстаетъ отъ мистера Домби, а въ безпощадности къ своимъ подчиненнымъ нисколько не уступаетъ мистеру Скруджу. Натура его такъ же узка и такъ же суха, и если онъ иногда «развертывается» то, повторяемъ, собственно только въ безобразіи, потому что Титъ Титычъ все-таки еще дикій человѣкъ, между тѣмъ, какъ англійскіе сверстники его—вполнѣ правильные джентльмены. Но возьмемъ другого нашего буржуа, болѣе образованнаго: возьмемъ сѣдлаго чиновника, который «сумѣлъ» приобрѣсти домикъ, и

даже ищѣнице, и въ то же время умѣлъ всегда быть на отличномъ счету у высшаго начальства, сѣмѣлъ не то что избрать въ жизни благую часть, но, такъ сказать—соединилъ въ свою пользу всѣ «благія части», какія только представлялись ему жизнью; человекъ съ состояніемъ, съ солиднымъ чиномъ и орденомъ, уважаемый въ обществѣ, даже либераль, по благонамѣренности. Развѣ и онъ не уподобляется библейскому фарисею, который благодарилъ Бога за собственное свое совершенство, за отличіе свое отъ всѣхъ павшихъ подъ гнѣтомъ жизни, отъ всѣхъ «труждающихся и обремененныхъ?»

Выводя этотъ типъ, Диккенсъ прежде всего казнитъ холодную самоувѣренность мистера Скруджа, а потомъ разрушаетъ его самодовольство, доказывая ему, что онъ во многомъ обманываетъ самъ себя, что онъ добровольно отказывается отъ наслажденій истинныхъ, мѣняя ихъ на сущій вздоръ, что его эгоистическій расчетъ въ жизни во многомъ невѣренъ, и что въ дѣйствительности иной бѣднякъ счастливѣе его. Міръ нравственный, котораго Скруджъ не хочетъ знать, прежде всего мститъ ему тѣмъ, что осаждаетъ его въ видѣ суетвѣрія. Скруджъ приходитъ въ свою пустую контору и замѣчаетъ въ головѣ молотба, которымъ стучать въ дверь—несомнѣнное, хотя и удивительное сходство съ головою своею покойнаго компаньона. Отсюда начинается рядъ галлюцинацій, за которымъ слѣдуетъ рядъ картинъ изъ давно забытой, свѣжей, нѣжной поры жизни. Такъ какъ это сказка, то авторъ имѣлъ право допустить въ ней, что страшный, обхватывающій всѣ нравственныя силы человека, мысли и впечатлѣнія всей его жизни сонъ—исправляетъ Скруджа; Скруджъ по пробужденіи посылаетъ индѣйку въ подарокъ бѣдному семейству и удваиваетъ жалованье своего бухгалтера.

Была ли въ сущности нова мысль сказокъ Диккенса? Нѣтъ; это было не что иное, какъ основная нравственная мысль христіанства, и Диккенсъ имѣлъ полное право посвящать свои сказки тому празднику, которому онъ посвящалъ ихъ. Защита бѣдныхъ и слабыхъ, слово любви человѣчности, снисхожденія, великодушія, осужденіе фарисейскаго самодовольства, отверженіе неумолимыхъ, хотя и правильныхъ судей—все это произнесено другомъ неимущихъ рыбаковъ, самаритянъ, прокаженныхъ. Но одно дѣло—божественная проповѣдь, другое—Established Church.

Здѣсь умѣстно будетъ показать, какъ относился Диккенсъ лично къ церкви. Та же «пѣснь Рождеству» дастъ намъ первое указаніе. Въ теченіи своего сна, мистеръ Скруджъ видитъ толпу бѣдняковъ, которые весело тащатъ свои праздничныя яства къ

булочнику, чтобы испечь ихъ на его кухнѣ. Но какъ же лавка булочника открыта въ праздникъ? Вѣдь это нарушение святости субботняго дня, крайне осуждаемое духовенствомъ. Скрудѣжь спрашиваетъ доблаго генія, который его сопровождаетъ, для чего же онъ и ему подобныя требуютъ, чтобы кухня булочника была закрыта въ праздникъ, когда бѣдные можетъ быть только по праздникамъ-то и обѣдаютъ? Но добрый геній съ негодованіемъ откидываетъ свое участіе въ такомъ мнимо-религіозномъ педантизмѣ. «На землѣ есть дѣйствительно», говоритъ духъ, «люди, которые вѣстають близкимъ знакомствомъ съ нашимъ міромъ, но пользуются нашимъ именемъ собственно для того, чтобы удовлетворить свои собственные дурныя страсти — гордость, злость, ненависть, зависть, ханжество и себялюбіе; но намъ люди эти совершенно чужды. Помни это, и не возлагай на насъ отвѣтственности за ихъ дѣйствія». Когда онъ занимался вопросомъ объ устройствѣ Ragged Schools и о преподаваніи въ нихъ, то сильно вставалъ на томъ, чтобы нищихъ дѣтей, неучившихся еще ровню ничему, не обременять слышкомъ катихизисомъ, и вообще преподаваніемъ религіозныхъ формъ и отвлеченій. Онъ составилъ статью въ этомъ смыслѣ для Edinburgh Review, которая, разумеется, отвергла столь безбожныя ученія и не приняла статьи Диккенса. Его возмущала духъ формализма и педантизма въ господствующей церкви, въ особенности именно въ ея отношеніяхъ къ бѣднымъ классамъ, возмущала до такой степени, что онъ одно время даже отдѣлился отъ англиканства и присталъ къ свободной унитаріанской конгрегации. Хотя въ послѣдствіи Диккенсъ и сталъ снова посѣщать англиканскія церкви, но въ своемъ духовномъ записаніи прописалъ между прочимъ: «убѣждаю дорогихъ дѣтей моихъ смиренно стараться поступать согласно ученію новаго завета, въ его широкое смѣслѣ, не давая вѣры никакому человеческому опредѣленію той или другой буквы писанія». Человѣкъ съ той громадной силой воображенія, какою обладалъ Диккенсъ, съ той неотступной мечтательностью, какою жила въ немъ, естественно могла увлечь поэтическая сторона католицизма. У Форстера мы находимъ, безъ всякихъ объясненій, описаніе одного сна, который самъ Диккенсъ имѣлъ однажды, когда жилъ въ Італіи. Въ письмѣ объ этомъ снѣ, Диккенсъ самъ, повидимому, не придавалъ ему особаго значенія, но настаивалъ на странной, необыкновенной реальности своего видѣнія. «Во время этого видѣнія, — писалъ онъ Форстеру, — я чувствовалъ себя столь же реальнымъ, столь же одушевленнымъ и исполненнымъ страсти, какъ Макроди (актеръ) въ послѣдней сценѣ Макбета»... Мы приведемъ

только отрывокъ изъ разговора Диккенса съ духомъ, который явился ему въ видѣніи: «...отвѣтъ мнѣ еще на одинъ вопросъ, сказыаь я, и—Боже, въ какой агоніи страха я былъ, что видѣніе исчезнетъ прежде, чѣмъ я успѣю спросить — отвѣтъ мнѣ, какая вѣра истинная? Духъ молчалъ, и я въ страхѣ, что онъ не отвѣтитъ, прибавилъ: думаешь ли ты, подобно мнѣ, что форма вѣры значить не много, лишь бы дѣлать добро? Но видя, что духъ какъ-бы колеблется, я настойчиво продолжалъ: или католическая религія лучшая; можетъ быть въ ней вѣра живѣе и прочнѣе? «Для тебя, — отвѣчалъ духъ, съ такой небесной нѣжностью во мнѣ, что я чувствовалъ, какъ будто сердце мое надрывается, — для тебя она — лучшая». Тогда я проснулся, облитый слезами и сознавалъ себя совершенно такимъ же, какимъ былъ во снѣ. Едва свѣтало; я призвалъ Катю (жену) и повторилъ ей свой сонъ раза три или четыре, чтобы послѣ не преувеличивать и не уменьшать впечатлѣнія дѣйствительно бывшаго. Оно было именно таково, безъ всякаго замѣшательства и бреда». Онъ самъ затѣмъ указывалъ на обстоятельство, послужившее непосредственнымъ поводомъ къ такому удивительному сну: въ той комнатѣ, гдѣ спалъ Диккенсъ, прежде былъ алтарь; мѣсто его было видно, а также замѣтны и тѣ мѣста стѣнъ, гдѣ были картины святыхъ. Диккенсъ не преминулъ тотчасъ возстановить въ своемъ воображеніи, на яву, весь видъ часовни, даже лица святыхъ представились ему въ опредѣленныхъ образахъ. Диккенсъ всегда такъ думалъ, то-есть размышленіе его было образно, какъ сценическое дѣйствіе.

Форстеръ оставляетъ безъ всякаго объясненія приведенный католическо-тенденціозный сонъ Диккенса, который во всякомъ случаѣ примѣчательнъ для характеристики поэтической натуры его. Но Диккенсъ былъ не только поэтъ, а также — весьма серьезный практическій дѣятель, и никакое видѣніе не могло обратитъ его въ «Лотѣра». Онъ слишкомъ ясно сознавалъ огромныя социальныя невыгоды католицизма. Чтобы показать это, приведемъ отрывокъ изъ письма его, писаннаго въ Швейцаріи, въ 1846 году: «здѣсь, въ Симплонской долинѣ, вы можете тросточкой начертить на дорожной пыли грань, гдѣ кончается область протестантскаго кантона и начинается область кантона католическаго; эта грань раздѣляетъ въ то же время два совершенно различныхъ быта человѣчества. На протестантской сторонѣ чистота, бодрость, дѣятельность, просвѣщеніе, по меньшей мѣрѣ — постоянное стремленіе къ улучшеніямъ. На католической сторонѣ — грязь, болѣзнь, невѣжество, печаль и нищета. Я такъ часто видѣлъ подобный контрастъ, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ

путенествовать, что во мнѣ возникает прискорбная мысль: не слѣдуетъ ли приписывать бѣдственное положеніе Ирландіи не только англійскому притѣсненію (misgovernment) и торійской подлости, но—въ равной степени—и самой религіи ирландцевъ?

Мы нисколько не удалились отъ поэтическаго творчества Дикенса, и именно отъ его рождественскихъ разсказовъ, когда воспользуюсь его религіозныхъ воззрѣній и вмѣстѣ духа протестантизма. Напротивъ, этимъ отступленіемъ мы ближе подошли къ объясненію той сферы, въ которой держатся эти разсказы. Протестантизмъ, вообще говоря, есть религія практическая, а не созерцательная. Протестантизмъ ставитъ на первомъ планѣ добрыя дѣла, а не священность вѣры,—порядочную жизнь, а не мистическіе восторги. Оно отнимаетъ у грѣшника разрѣшеніе ему грѣховъ властью священства за одну искренность раскаянія. Оно оставляетъ человека наединѣ съ его совѣстью и съ его дѣлами: пусть судитъ самъ себя! Практическое направленіе протестантизма поставило на первомъ планѣ проповѣдь, то-есть правоученіе, а не молитву и не обрядъ. Вотъ почему протестантизму не нужна помощь Рафаэля, Микель-Анджело, Палестрины, Гайдна, Бетховена, а вмѣсто искусствъ, очаровывающихъ всѣ чувства, нужна—грамотность, раскрывающая умъ. Изъ этого же слѣдуетъ, что у протестантизма нѣтъ собственной поэзіи, но изъ этого не слѣдуетъ однако, что протестантизмъ убиваетъ идеаль. Вся разница въ томъ, что его идеаль ближе къ жизни, чѣмъ мистическіе идеалы католицизма. Крайнія точки этихъ двухъ религіозныхъ направленій могутъ быть обозначены тамъ, гдѣ католическое вѣрованіе превращается въ наступленннй фанатизмъ, то-есть не только въ восторги и видѣнія св. Терезы, но, пожалуй, и въ благословленіе винжаловъ, и тамъ, гдѣ протестантское правоученіе превращается въ полнѣйшую прозу: «уповай на Бога и храни сухимъ свой порошокъ» (trust in God and keep your powder dry), какъ говаривалъ Кромвель. Но, не доходя до крайности, въ предѣлахъ протестантизма есть обильное поле для поэзіи, и притомъ поэзіи преимущественно человѣческаго характера. Католицизмъ только терпитъ семейство, протестантизмъ семейство поэтизируетъ, и дѣйствительно, въ протестанствѣ существуетъ какъ-бы особый культъ священныхъ отношеній, связей и воспоминаній семьи. Главная доля всей поэзіи, выходящей протестантизмомъ, какъ-бы кристаллизовалась вокругъ идеи семейства, этого перваго звена любви и солидарности человека со всею его расой. Религіозные корни лежатъ гораздо глубже и дѣйствуютъ гораздо могущественнѣе даже и въ современномъ обществѣ, чѣмъ думаютъ заурядные публицисты. Раз-

личіе догматовъ само по себѣ, конечно, нимѣ утратило непосредственное значеніе; но дѣло въ томъ, что различіе національныхъ характеровъ въ огромной степени обусловилось именно разностью религиозныхъ направленій. Вдаваться въ болѣе точное объясненіе этихъ различій здѣсь не мѣсто; но одинъ, характерный примѣръ намъ нуженъ, потому что онъ прямо идетъ въ нашему предмету. Величайшимъ праздникомъ въ году католицизмъ, то-есть католическіе народы признаютъ «свѣтлое воскресенье», и это естественно; въ священномъ преданіи, въ откровеніи, ихъ наиболѣе поражаетъ *чудесность*. Протестантизмъ, то-есть всѣ народы протестантскіе величайшимъ праздникомъ въ году считаютъ «рождество», и это тоже вполне естественно; имъ въ священномъ преданіи всего важнѣе — *реальный фактъ*. Пришествіе они празднуютъ болѣе, чѣмъ искупленіе. И замѣьте, что это произошло не сознательно: ни католическіе отцы, ни протестантскіе учителя не опредѣляли, какой праздникъ важнѣе: но все направленіе того и другого міросозерцанія логично сказалось въ этомъ именно предпочтеніи одного праздника другому.

Надо близко знать жизнь германскую или англійскую, чтобы понимать все значеніе Рождества въ протестантскихъ странахъ. Вся поэзія протестантизма, сосредоточиваясь, какъ мы уже сказали, преимущественно на идеѣ семьи, сплелась съ Рождествомъ, праздникомъ дѣтей, въ воспоминаніе о виллемсовомъ Младенцѣ. Въ семьѣ протестантской, можно сказать, Рождество и есть единственный праздникъ, которому доселѣ посвящаются разные домашніе обряды и обычаи, разные семейныя традиціи и воспоминанія. Прочіе праздники для протестантской семьи просто — рекреационные дни. Одно Рождество въ ней соблюдается свято и идеализируется до высшей степени, потому именно, что это — праздникъ самой семьи, праздникъ домашнего очага. Всей поэзіи, всего глубокаго значенія Рождества въ протестантскихъ земляхъ иноземцамъ нельзя понять ¹⁾. Когда, зимою 1870 года, въ нѣмецкихъ газетахъ выражалось сожалѣніе о «войнахъ, стоящихъ далеко, во Франціи, лишенныхъ участія въ Christabend и Weihnachtsbaumъ», то у насъ многіе смѣялись, не безъ отбѣива негодованія, надъ такой нѣмецкой сентиментальностью: «полутора-милліонное населеніе Парижа терпитъ голодъ, а нѣмцы жалѣютъ своихъ братьевъ,

¹⁾ Это достаточно подтверждается полнымъ отсутствіемъ смысла рождественской «ѣлки» у насъ, несмотря на распространенность этого обычая въ среднемъ кругу. У насъ бываетъ ѣлка, все равно, на Рождество или на Новый годъ, бываетъ ѣлка *отъ клубовъ*, бываетъ даже *голая* ѣлка (?) какъ-бы въ отрицаніе самой идеи этого германскаго семейнаго обряда.

которые жгутъ Базейлль, но не получаютъ подарка подъ ёлкой». Вотъ какъ трудно понять чужой нравственный міръ. Дѣло въ томъ, что Christabend, Christmas соединяютъ всѣхъ членовъ семьи, которые иногда издалека съѣзжаются, чтобы освятить свою родственную связь, свою солидарность; нѣмцамъ было совершенно естественно жалѣть объ отсутствующихъ, лишенныхъ привѣта и ласкъ матерей, дѣтей, женъ, и нѣтъ сомнѣнія, что нѣмцы, стоявшие во Франціи, глубоко чувствовали это лишеніе.

За всѣми предшествующими объясненіями намъ уже нѣтъ нужды повторять, почему Диккенсъ, избравшій цѣлью всей своей дѣятельности, всего своего творчества, защиту слабыхъ и бѣдныхъ, примѣняясь съ одной стороны къ особенностямъ своего таланта, а съ другой къ условіямъ той страны, въ которой онъ жилъ, непременно долженъ былъ обратиться, между прочимъ и къ формѣ сказки и притомъ именно рождественской сказки, а также почему эта форма удалась ему въ такомъ совершенствѣ и имѣла громадный успѣхъ, неоцѣнимое, конечно, но несомнѣнное влияние на общество. За первымъ рождественскимъ рассказомъ — Christmas Carol, послѣдовали въ слѣдующіе годы рядъ такихъ рассказовъ: Chimes, Cricket, Battle of Life, Haunted man, Dr. Marigold's-Prescriptions, No thoroughfare. Съ перваго же рассказа, который мы взяли, въ примѣръ, и который вышелъ въ 1843 году, Диккенсъ и по собственному желанію, и вслѣдствіе цѣлой массы заявленій изъ общества, рѣшилъ на каждое Рождество давать такой рассказъ, что, разумѣется, исполнялось не буквально, то-есть не каждый годъ.

II.

Успѣхъ перваго рассказа и многихъ изъ послѣдующихъ въ отношеніи нравственномъ былъ громадный. «Благословеніе на васъ», писалъ Диккенсу извѣстный юристъ, лордъ Джеффри: «вы должны быть счастливы сами, такъ какъ можно сказать съ увѣренностью, что этотъ маленькимъ изданіемъ (Christmas Carol) вы сдѣлали болѣе добра, возбудили болѣе добрыхъ чувствъ и вызвали болѣе благодѣяній, чѣмъ ихъ произведено было всѣми амбонами и профессіоналами христіанскаго міра съ самаго прошлагодняго Рождества и до сихъ поръ». Теккереи отзывался о «Christmas Carol» такъ: «возможны ли какія-либо возраженія относительно такой книги? Я вижу въ ней благодѣяніе, оказанное цѣлой націи, и добрую услугу, оказанную авторомъ лично каждому читателю». На этихъ отзывахъ мало: «на автора, — говоритъ Форстеръ, — по

сыпались отовсюду ежедневно, во все продолженіе святокъ, письма отъ совершенно незнакомыхъ ему людей, которыя доставляли ему большое наслажденіе; письма совсѣмъ не литературнаго, но чисто домашняго, самаго наивнаго свойства; общее содержаніе ихъ сводилось къ тому, что сообщало ему разныя подробности о томъ, какъ книга его читалась вслухъ въ семействахъ корреспондентовъ, какое произвела дѣйствіе, какъ ее будутъ хранить на особую заветную полку, и сколько ожидается отъ нея всевозможныхъ хорошихъ послѣдствій». Первое изданіе «Пѣсни Рождеству» было выпущено всего въ 6000 экземплярахъ и раскуплено въ первый же день; въ теченіи года этотъ рассказъ разошелся въ 15 тысячахъ экземпляровъ. Послѣдующіе же рождественскіе рассказы расходились въ этомъ числѣ въ первые же дни послѣ своего появленія. Отъ продажи Christmas Carol Диккенсъ выручилъ чистой прибыли всего 726 фунтовъ, что было, конечно, весьма недостаточно. Но на первомъ изданіи онъ получилъ прибыли всего 230 фунтовъ, между тѣмъ какъ его расчетъ былъ сдѣланъ на сумму вдвое большую. Вдобавокъ къ неудачѣ «Чезьлуита», новая неудача поразила Диккенса. Такимъ образомъ, среди громаднаго литературнаго успѣха, Диккенсъ писалъ: «я думаю, что не обойдусь безъ лихорадки... мои долги, сдѣланные за цѣлый годъ, остаются неуплаченными, а они таковы, что мнѣ надо будетъ собрать всю свою энергію и рѣшимость для того, чтобы развязать себѣ руки, прежде чѣмъ уйду — а если буду живъ непременно уйду въ июнѣ... Если не сокращу своихъ расходовъ, то разорюсь совершенно уже непоправимымъ образомъ».

Ошибка расчета состояла въ томъ, что первыя сказки Диккенса не были рассчитаны на громадное число покупателей, а потому изданіе и обошлось дорого. Впослѣдствіи, онъ продавалъ рождественскіе рассказы по нѣскольку пенсовъ и печаталъ ихъ въ несравненно большемъ числѣ экземпляровъ. Такъ, рассказъ на рождество 1865 года разошелся въ первую недѣлю въ невѣроятномъ для насъ числѣ—250 тысячъ экземпляровъ! Матеріальныя неудачи при изданіи «Чезьлуита» и первой сказки побудили Диккенса ѣхать за-границу. Для расчетливыхъ хозяевъ, которымъ чужды условія литературной работы, должна быть удивительна такая логика: испытать неудачу въ расчетѣ, не получивъ отъ труда ожидаемыхъ результатовъ — оставлять работу, уѣзжать за-границу. Но логика тутъ была, потому именно, что условія литературнаго труда — и въ особенности въ области чистаго творчества — совершенно своеобразны и не похожи на условія иныхъ отраслей труда. Когда «Чезьлуитъ» былъ сперва принятъ хо-

одно и только мало-по-малу, не вслѣдствіе импульса самого читающаго міра, а только подъ вліяніемъ компетентныхъ отзыовъ, сталъ привлекать къ себѣ покупателей и почитателей, Диккенсъ писалъ: «эта книга даетъ мнѣ предостереженіе, что если только мнѣ возможно на время сойти со сцены, то слѣдуетъ сдѣлать это теперь же. Кромѣ этого соображенія, я чувствую потребность отдохнуть. Вы говорите—можно отдохнуть два или три мѣсяца, вы говорите такъ потому, что привыкли въ теченіи восьми лѣтъ видѣть меня вѣчно за работой. Такого отдыха мало, такъ нельзя продолжать, напрягая мозгъ такимъ образомъ постоянно. Самое увѣченіе, съ какимъ работаешь, прекращаясь съ работою, оставляетъ позади себя ужасное уныніе; такая смѣна, если она слишкомъ часто повторяется, непременно должна быть вредна умственнымъ силамъ. Чего бы не далъ Скоттъ впослѣдствіи за своевременную добровольную рѣшимость отдохнуть въ путешествіи, если бы успѣлъ сдѣлать это въ молодые годы, вмѣсто того, чтобы тащиться за-границу тогда, когда уже онъ сталъ заговариваться, когда онъ уже былъ близокъ къ разрушенію!» Далѣе, упомянувъ о сдѣлкахъ съ издателями Брадбери и Ивэнсъ, по поводу путешествія, Диккенсъ замѣчаетъ... «Если поставить вопросъ даже чисто-коммерческимъ образомъ, то и въ этомъ смыслѣ не лучше ли будетъ для меня удалиться на годъ, да вдобавокъ обогатиться массою новыхъ впечатлѣній?»

Диккенсъ хотѣлъ ѣхать на годъ въ Италію, Форстеръ отговаривалъ его. Но послѣдствія показали, что Диккенсъ былъ правъ. Да и кто, кромѣ самого поэта, артиста, писателя, можетъ быть судьей въ такомъ дѣлѣ; кто можетъ оцѣнить значеніе ихъ умственныхъ потребностей? Для этого надо непосредственно сознавать, въ какомъ состояніи находятся струны того невидимаго инструмента, котораго звуки всѣмъ доступны, по устройство остается тайной для всѣхъ. Примѣръ Вальтера Скотта, на который ссылался Диккенсъ, былъ приведенъ имъ ксати: знаменитый романистъ умеръ прямо оттого, что насилить и истощилъ свои умственные силы чрезмѣрнымъ трудомъ, къ которому его принудило банкротство его издателей и громадный долгъ, который палъ на него за нихъ. Вальтеру Скотту было уже 60 лѣтъ, когда, въ 1831 году, онъ собрался за-границу, «потащился» въ Италію. Но было слишкомъ поздно; изъ Италіи онъ возвратился домой, чтобы умереть на родинѣ. Что касается обогащенія своего умственного запаса новыми впечатлѣніями, то и въ этомъ отношеніи Диккенсъ былъ правъ. Мы узнаемъ отъ Форстера, ближайшаго его друга, что какъ первое путешествіе въ Америку,

такъ и второе въ Италію, много способствовали развитію Диккенса: ими онъ пополнилъ свое образованіе, которое было случайное и, по выраженію Форстера, путешествія сообщали ему болѣе широкій взглядъ на людей и на вещи.

Отправившись за границу въ іюлѣ 1844 года, Диккенсъ уже изъ Марсели писалъ: «Поставленный въ средѣ совершенно новыхъ для меня вещей и обстоятельствъ, я чувствую, какъ будто у меня на плечахъ вырастаетъ другая голова, рядомъ со старою». Онъ поселился въ Генуѣ, и отсюда предпринималъ поѣздки по Италіи. Сардинскія власти оказали ему всякое вниманіе, такъ что онъ не подвергся разнымъ, существовавшимъ въ то время въ Сардиніи, таможеннымъ и полицейскимъ стѣсненіямъ. Однако, и въ Италіи онъ скоро принялся за работу. Онъ сталъ писать новую сказку на Рождество. Въ это время онъ жилъ въ Италіи, среди новой для него природы, заботливо изучалъ физіономіи и типы людей и городовъ, приходилъ въ неописанный восторгъ отъ Венеціи; жилъ въ Генуѣ въ великолѣпномъ домѣ—«палаццо Пескиере», платя за квартиру 500 франковъ въ мѣсяцъ, но въ глубинѣ его души оставалось все то же сознаніе, что онъ когда-то былъ бѣдный, заброшенный мальчикъ-чернорабочій, и все та же мысль, что достаточные классы въ Англіи въ дѣйствительности не знаютъ бѣдныхъ, хотя и много занимаются «облагодѣтельствомъ» и въ особенности «исправленіемъ» ихъ, «приведеніемъ ихъ къ вѣрѣ» и «искорененіемъ» въ нихъ безконечныхъ пороковъ и преступленій, спеціально приписываемыхъ бѣднымъ классамъ. Повѣсть, за которую онъ принялся въ палаццо Пескиере, получила названіе «Колокольный звонъ». Предварительный очеркъ ея, набросанный Диккенсомъ въ письмѣ, которое Форстеръ приводитъ, самъ по себѣ такъ же хорошъ, такъ же поэтиченъ и изященъ по формѣ, какъ сама повѣсть; размѣры его не позволяютъ намъ его привести, а сокращать его нельзя. Герои этого разсказа все тѣ же; со славою итальянскаго искусства, съ величіемъ воспоминаній Италіи и красотою ея природы, съ дожами и лимонными деревьями, они не имѣютъ ничего общаго. Это — бѣдный мальчикъ Тоби или Тротти, посыльный, который стоитъ у церкви, ожидая порученій и бьетъ себя по желудку, чтобы согрѣть его; другія лица принадлежать къ той же средѣ. Но есть и другая сторона — сэръ Джозефъ, богатый баронетъ, который спеціально занимается благодѣтельствомъ, и отлично зная неисправимую природу бѣдныхъ, не ждетъ отъ нихъ ничего, кромѣ черной неблагодарности; судья ольдерменъ Кьютъ, который всѣ свои приговоры сводитъ къ цѣлямъ «искорененія» разныхъ пороковъ и преступ-

лений; онъ глубоко убѣжденъ въ необходимости «искоренить» бродяжничество, нищенство, самоубійство. Систематической строгостью приговоровъ онъ надѣется достигнуть того, что попытокъ къ самоубійству, напримѣръ, болѣе не будетъ. Есть еще мистеръ Фэйлеръ, купецъ, необыкновенно дѣловой и практическій человѣкъ, у котораго основной принципъ тотъ, что человѣкъ долженъ быть «въ расчетѣ» самъ съ собой и съ другими; что къ новому году необходимо очистить всѣ счета и заключить книги, такъ чтобы начать новыя книги и вести ихъ и дѣла съ прежней аккуратностью: съ точностью требуя уплаты себѣ и уплачивая съ точностью ближнимъ. Значеніе Рождества и Новаго года для него въ томъ и заключается, что это время специально напоминаетъ о такихъ обязанностяхъ человѣчества; и человѣчество должно ихъ исполнять, а тотъ, кто исполнять ихъ не можетъ, кто не можетъ очистить счета и начать, за расчетомъ, новыя книги, тотъ не имѣетъ никакого участія въ этой торжественной порѣ года, и собственно говоря, едвали имѣетъ право принадлежать и къ человѣчеству. Посыльному мальчику Тоби приходится видѣть этихъ людей и слышать ихъ разговоры. Прозябшій на вѣтрѣ, истомленный, идетъ онъ домой, погруженный въ уныніе, несмотря на звонъ колоколовъ, возвѣщающихъ праздникъ. Дѣло въ томъ, что никакого особеннаго праздника и не предстоитъ маленькому пролетарію. И вотъ, подъ вліяніемъ слышанныхъ рѣчей, мальчикъ Тоби приходитъ и самъ къ мысли, что подобнымъ ему нѣтъ мѣста въ жизни, что, не имѣя возможности «быть въ расчетѣ», они не исполняютъ никакого назначенія, а составляютъ бремя и больше ничего; хотя ребенокъ, онъ уже достаточно видѣлъ тѣхъ пороковъ, которыми ворятъ бѣдныхъ, и легко убѣждается, что бѣдные люди вообще дурные люди, что погибаютъ они по своей винѣ и что эти люди напрасно родились и хорошо сдѣлаютъ, если умрутъ. Вотъ постановка дѣла въ этомъ разсказѣ, и мы напоминаемъ о ней, потому что въ ней выражается не только общественное значеніе всей дѣятельности Дикенса, какъ писателя, но и самая глубокая, самая душевная мысль его, какъ чело-вѣка, — мысль, никогда его неопекавшая.

Онъ хотѣлъ уменьшить этотъ контрастъ, этотъ бѣдственный разладъ, и высшей цѣлью его честолюбія было убѣдить достаточные, самодовольные классы, что они ошибаются, что они не знаютъ бѣдныхъ, преувеличиваютъ природную ихъ испорченность, преувеличиваютъ виновность пороковъ въ той средѣ, которая лишена и средствъ къ жизни, и всякой нравственной поддержки, и что презрѣніе, жестокость, съ какими относятся къ этому бѣд-

ному народу сами его благотворители, съ каждой коркой хлѣба отпускають порцію еще большаго униженія и нравственнаго паденія. Такова была главная цѣль Диккенса во всѣхъ важнѣйшихъ его произведеніяхъ. Но рождественскія сказки его имѣли еще и другую сторону: такъ какъ, по дешевизнѣ своей, онѣ должны были проникать и въ слои, граничащіе съ бѣдностью, то въ нихъ Диккенсъ, вмѣстѣ со словомъ увѣщанія богатымъ, говоритъ слово ободренія «лишеннымъ наслѣдства». Такъ, все развитіе повѣсти «Колокольный звонъ» посвящено тому, чтобы утѣшить бѣднаго Тоби, доказать ему, что сэръ Джозефъ и ольдерменъ Кютъ вовсе не такъ правы, даже не такъ точны въ исполненіи собственныхъ своихъ обязанностей, какъ показывается видъ ихъ самодовольства, и что онъ, Тоби, вовсе не такъ виноватъ, родившись на свѣтъ и оставаясь въ немъ; что онъ также имѣетъ право на жизнь, на мѣсто въ обществѣ, имѣетъ права и обязанности, имѣетъ и право на участіе въ праздникѣ, и даже большее право, чѣмъ многіе изъ «лучшихъ», чѣмъ онъ, по положенію, людей.

Задумчивая мысль человѣка высказывается иногда случайнымъ замѣчаніемъ, случайной оговоркою въ бесѣдѣ съ близкимъ, по предмету совсѣмъ постороннему лучше, чѣмъ всякими предисловіями и введеніями. Основная мысль Диккенса никогда и не высказывалась въ предисловіяхъ и введеніяхъ, которыхъ у него вообще нѣтъ. Но она проглядываетъ во всемъ, что онъ писалъ, а иногда съ рельефностью высказывается имъ самимъ неожиданно въ томъ или другомъ изъ его частныхъ писемъ, или въ интимномъ разговорѣ, посвященныхъ совершенно иному предмету. Такъ, выше уже сказано, что, путешествуя по Италіи для отдыха, Диккенсъ пришелъ въ необыкновенный восторгъ отъ Венеціи: «Когда, въ концѣ года, мы увидѣлись съ нимъ—говоритъ Форстеръ—онъ только что посѣтилъ Венецію и отзывался о ней, какъ о чудѣ; но я хорошо помню, какъ надъ всѣмъ у него возвышалась та надежда, та преобладающая страсть (master-passion), которая наполняла его душу. «Ахъ—сказалъ онъ мнѣ,—когда я видѣлъ эти мѣста, какъ мнѣ думалось, что если бы удалось наложить руку на время, прочно наложить свою руку на время, намѣтивъ на немъ хоть одну, но неизгладимую черту сочувствія къ массѣ рабочаго народа, то это значило бы стать выше праха всѣхъ дождей въ ихъ гробницахъ, стать на такую «лѣстницу гигантовъ», которой никакой Сампсонъ не могъ бы разрушить!» «Такова была честолюбивая мысль всей его жизни», прибавляетъ біографъ.

Но слово утѣшенія и ободренія, съ какимъ Диккенсъ обращался къ бѣднымъ, никогда не переходило въ приторную сен-

иментальность, благодаря живости и энергіи ума поэта. Въ нѣжности штриховъ, въ дѣтской нѣжности звуковъ, онъ могъ захотѣть дагѣе, чѣмъ какой-либо иной поэтъ, благодаря именно инымъ свойствамъ своего генія, благодаря разнообразію и богатству своихъ средствъ: юмору, въ которомъ свѣтилось иногда прелестное добродушіе, иногда проглядывала самая ѣдкая иронія, и силъ открытаго негодованія, съ какою онъ, порою, внезапно обрушался на святошество, жестокосердіе и самодовольство, отбросивъ уже всякіе намеки. У него нѣтъ фальшивыхъ интонацій, и нѣжность у него всегда спасена отъ приторности достаточнымъ присутствіемъ горькаго элемента. Иначе Диккенсъ не могъ бы производить того громаднаго впечатлѣнія, какое онъ производилъ, ни на англичанъ, ни на насъ, такъ какъ и русскому нѣбу горькій вкусъ рѣшительно пріятнѣе сладкаго, что доказывается всею нашею литературой. Припомнимъ, напримѣръ, тѣ аккорды, которыми онъ прелюдировалъ къ разсказу о бѣдномъ мальчикѣ Тоби. «Ехвали много найдется людей—начинаетъ онъ,—которые охотно вызвались бы спать въ церкви; не говорю во время проповѣди, и когда тепло; нѣтъ, спать въ церкви ночью, совсѣмъ одному... потому что ночью вѣтеръ имѣетъ обыкновеніе блуждать вокругъ этихъ старыхъ зданій и съ тоскливымъ постояннымъ воємъ ходить пошатывая то дверь, то окно, отыскивая скважину, чтобы ворваться внутрь. А когда ворвется, то начинаетъ чего-то искать, роется, шарить, не находитъ и опять запросится вонъ, опять завоетъ и забьется, чтобъ выйти... Порывами бросается онъ подъ своды, будто хочетъ снять крышу, потомъ вдругъ въ отчаяніи спадаетъ на полъ и начинаетъ прошептываться внизъ, подъ камень, въ склепы. Ползетъ вдоль стѣнъ и останавливается, точно читаетъ надгробныя надписи, то будто плачетъ, то вдругъ взвизгиваетъ, словно прочелъ что-то необыкновенно смѣшное. Остановится подъ сводомъ алтаря и начинаетъ дивнымъ голосомъ отпѣвать какой-то псаломъ, точно могильную жалобу на всякаго рода преступленія, святотатства, идолопоклонства, презрѣніе къ скрижалямъ завета, которыя такъ прекрасны и гладки на первый взглядъ, но такъ часто надламываются и разбиваются ихъ толковниками»...

Работа увлекла его по обыкновенію и напрягла всѣ его силы. «Книжка эта,—писалъ онъ Форстеру,—опять повліяла на мой цвѣтъ лица. Щеки мои, начавшія округляться, опять впали, глаза опять стали огромны, волосы сдѣлались сухіе, а голова подъ волосами горяча и слегка кружится. Прочтите заключительную сцену третьей части. Я не взялся бы написать ее во второй разъ... При началѣ второй части я созналъ, что должно

случиться въ третьей части, и съ тѣхъ поръ я перечувствовалъ много горя и волненія, какъ будто это правда; иногда ночью просыпался подъ этимъ вліяніемъ. Вчера, когда кончилъ, то долженъ былъ скрываться въ своей комнатѣ, потому что лицо у меня распухло, возрасло вдвое, такъ что я представлялъ крайне смѣшной видъ... Иду гулять, чтобы осѣжить голову. Чувствую, что эта работа произвела во мнѣ нѣкоторое сотрясеніе, и бросаю перо на этотъ день». «Чернильное пятно» иллюстрировало это дѣйствіе, прибавляетъ Форстеръ, «а остальное—какъ говоритъ Гамлетъ—было покрыто молчаніемъ».

Диккенсъ нарочно пріѣхалъ въ Лондонъ въ ноябрѣ 1844 г., чтобы просмотрѣть послѣднюю корректуру этой повѣсти и попробовать посредствомъ чтенія въ тѣсномъ кружкѣ, какъ она будетъ принята публикою. Въ началѣ декабря, въ квартирѣ Форстера, состоялось это первое публичное чтеніе Диккенса. Оно было непохоже на позднѣйшія его публичныя чтенія въ Англіи и Америкѣ, такъ какъ аудиторія состояла не изъ тысячъ, а всего изъ девяти человѣкъ. Присутствовавшіе были писатели и артисты, въ числѣ ихъ Карлейль. Одинъ изъ нихъ, Маклейзъ, тутъ же набросалъ карандашемъ эскизъ этого засѣданія, и эскизъ этотъ отпечатанъ въ книгѣ Форстера. Изъ присутствовавшихъ въ собраніи теперь остались въ живыхъ только Карлейль и Форстеръ. Но хотя чтеніе передъ такой избранной аудиторіей и не могло быть названо, въ строгомъ смыслѣ, публичнымъ, тѣмъ не менѣе оно послужило, вѣроятно, какъ-бы зародышемъ для тѣхъ позднѣйшихъ чтеній, потому что, увидавъ, какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на этотъ тѣсный кружокъ, въ которомъ двое даже просто плавали, Диккенсъ не могъ не приписать части заслуги своему искусству читать.

Послѣ этого перваго чтенія Диккенсъ отправился въ Геную, и возвратился въ Англію, чрезъ Швейцарію, только полгода спустя, то-есть въ половинѣ 1845 года. Къ декабрю этого же года онъ написалъ новую сказку: «Сверчокъ» (The Cricket on the Hearth). Въ ней онъ не коснулся прямо общественныхъ отношеній, и социальное значеніе этого разсказа состоитъ развѣ въ томъ, что въ немъ показывается, какая глубина и деликатность чувства возможна въ самой отдаленной отъ всякаго изящества средѣ, въ какой мягкости въ семейныхъ отношеніяхъ способна даже простая натура чернорабочаго. Нѣжность и преданность тяжеловатаго, простоватаго извозчика къ молодой женѣ, въ которой онъ видитъ украшеніе и поэзію всего своего существованія, въ этомъ разсказѣ представлены мастерски и являются тѣмъ болѣе убѣдительными, что изображены въ формѣ, соотвѣтственной степени

развитія этого человѣка, такъ что онъ ни на минуту не противорѣчитъ своей формѣ, а между тѣмъ, въ немъ обнаруживается много сокровеннаго, духовнаго богатства, и отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ, что даже само умственное развитіе въ сущности не обуславливаетъ такого неравенства между людьми, какъ то обыкновенно думаютъ. Такъ какъ этотъ рассказъ относится единственно къ области семейныхъ отношеній, то здѣсь представился просторъ для изображенія той чарующей силы, какая связана для сѣверныхъ расъ съ понятіемъ о своемъ *очагѣ*, *жилищѣ* (hearth, home). Совершенно естественно, что понятіе это приобрѣло на сѣверѣ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ на югѣ. Южнаго жителя все манитъ изъ дому на улицу, на площадь; ему на открытомъ воздухѣ тепло и привольнѣе, чѣмъ взаперти. Природа физическая отражается на природѣ нравственной. Умственные интересы южнаго жителя не сосредоточены дома; напротивъ, жилище для него скорѣе мѣсто, гдѣ онъ ѣстъ и спитъ и проводить время развѣ въ ненастье. Улица, площадь, овладѣли еще тысячелѣтіе тому назадъ его предками; онъ сжилъ съ улицами, онъ на нихъ живетъ, сидитъ, лежитъ, умственные интересы влекутъ его на улицу и на площадь. Сѣверному home соответствуетъ южное forum. Если онъ ощущаетъ религіозное настроеніе, онъ не садится дома за отцовскую библію, но входитъ въ великолѣпный храмъ во всякое время дня и удовлетворяетъ своему чувству на глазахъ народа, стало быть не столько углубляется въ созерцаніе, сколько совершаетъ обрядные акты молитвы. На улицахъ вѣчно толпа, не та громадная, вѣчно смѣняющаяся толпа, которая бѣжитъ по Cheapside'у или Strand'у, боясь опоздать на поѣздъ, нѣтъ—толпа гуляющихъ, состоящая все изъ тѣхъ же людей, толпа, которая никуда не спѣшитъ, но жадно передаетъ въ своей средѣ слухи, анекдоты, мнѣнія. На улицахъ сѣвера и сидѣть негдѣ, никто и не сидитъ, даже не отдыхаетъ. Улица на югѣ, это вѣчно полный клубъ. Немудрено, что и характеръ общественной дѣятельности здѣсь иной, чѣмъ на сѣверѣ. Выбѣсто того, чтобы изучать взаперти книги и записки объ общественныхъ дѣлахъ, и составлять себѣ о нихъ самостоятельное личное фактическое мнѣніе, южный житель судить о нихъ въ толпѣ, со всѣмъ легкомысліемъ и всею страстностью толпы. Толпу легко обмануть, легко овладѣть ея собирательнымъ умомъ; увлечь ее несравненно легче, чѣмъ убѣдить, покорить себѣ разсудительныхъ политическихъ домохозяевъ сѣвера. Но за то, эта толпа несравненно легче переходитъ отъ словъ къ дѣлу; на той же самой улицѣ, служащей ей клубомъ, она вмѣстѣ поставить

баррикады, прежде чѣмъ сѣверяне соберутся изъ жилищъ подписывать бумагу съ протестомъ. И сломить оппозицію на югѣ легче—стоитъ только «очистить» улицы и площади картечью. Самыя партіи на югѣ запечатлѣны характеромъ форума: человѣкъ принадлежитъ къ извѣстной партіи болѣе потому, что слѣдуетъ наслѣдственному знамени: сынъ помнитъ, гдѣ стоялъ отецъ, когда была свалка на улицѣ, и станетъ на той же сторонѣ; братъ мститъ «чернымъ», потому что они убили его брата, и «бѣлое» знамя, подъ которымъ его братъ палъ, для него—священное знамя. Вся исторія Рима и итальянскихъ республикъ, испанскихъ и южно-французскихъ муниципій, задумывалась и совершалась, однимъ словомъ, происходила на улицѣ, проявлялась обрядами и демонстраціями. Удивительно ли, что политика на югѣ заключается и до сихъ поръ преимущественно въ вопросѣ о политическихъ формахъ, гораздо болѣе, чѣмъ о дѣйствительномъ, практичномъ содержаніи и смыслѣ законовъ, опредѣляющихъ частную жизнь? Южный житель даже если захочетъ помечтать, уединиться, то выйдетъ изъ дому на набережную, подъ свѣтъ мѣсяца, или уйдетъ въ садъ, въ рошу, послушать соловьевъ. Отсюда и поэзія его, южная поэзія совсѣмъ иная, чѣмъ поэзія сѣвера. Южная поэзія есть поклоненіе реальной красотѣ—культъ природы, гнѣсъ о славныхъ дѣлахъ.

Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ поэзія сѣвера, однимъ изъ блестящихъ представителей которой является Диккенсъ въ своихъ рождественскихъ сказкахъ. Вообще, родина сказки на сѣверѣ, какъ родина былины на югѣ. Улица, площадь, общественная жизнь, однимъ словомъ, для сѣверянъ это—трудъ, тяжкій трудъ надъ неблагоприятною землею, подъ ненастнымъ небомъ, на холодномъ морѣ. Отдыхать отъ труда и «отъ всякой борьбы жизни» онъ идетъ домой; онъ отдыхаетъ тамъ, гдѣ грѣется, у очага. Лѣто на сѣверѣ наименѣе поэтическое время года, потому что это пора наибольшаго труда; *il maggio, la fenaïson, les vendanges*—на югѣ это праздники, пора безумнаго веселья. У насъ, на сѣверѣ, эта пора называется «страдною», а праздники—посидѣлки, коляды, святки. Величайшій праздникъ протестантизма *Christmas, Weihnachten*, праздникъ семьи, семейнаго начала, непременно долженъ былъ установиться зимой, въ самомъ сердцѣ зимы, потому что протестантизмъ—религія сѣвера, а сѣверъ, если когда отдыхаетъ, то именно въ глухую зиму. Естественно, что сказка, поэзія сѣвера, должна была избрать себѣ зимнюю декорацию: на дворѣ и кругомъ сугробы снѣга, темнота и вой вѣтра; въ избѣ, въ домѣ, у очага тепло и свѣтло. Здѣсь снята тяжелая одежда,

человѣкъ какъ-бы оттаялъ, раскрылся, и раскрылся именно для впечатлѣній семейныхъ. Не шумить ни Арно, ни «Гвадалкивиръ»; но шумить, отрадно шумить самоваръ на столѣ; о соловѣй нѣтъ и помину, но за очагомъ весело чикаетъ сверчокъ—the cricket on the hearth. «...Началь музыки самоваръ, сверчокъ присоединился къ нему только впоследствии; миссизъ Пирибингль, сидя въ разумѣ у очага, отлично понимала, что самоваръ пѣлъ о комъ-то, кого тутъ не было, но кто въ то время спѣшилъ сюда. Для нея было много ясно, что журчанье самовара обращалось не къ тому, что было въ комнатѣ, а къ кому-то, кто долженъ былъ скоро прибыть. Ей была совершенно понятна пѣсня самовара, что кругомъ потѣмки и туманъ, грязь, гололедица, что даже путевого столба не видно, такъ какъ онъ обмерзъ, что вода хотя и не замерзла еще, но уже подернулася; что все утратило свою естественную форму, а онъ идетъ, идетъ... Вотъ въ этомъ мѣстѣ, въ пѣсню вступился и сверчокъ, и такъ удивительно-громко, совсѣмъ несоотвѣтственно своему росту (какой ростъ у сверчка, вѣдь его и не видно), что еслибы онъ лопнулъ отъ напряженія и рассыпался бы на множество невидимыхъ кусочковъ, то это было бы не что иное, какъ естественный результатъ чрезмѣрной силы его голоса... Они продолжали пѣть дуэтъ и пѣли будто въ перегонку; вотъ сверчокъ опередилъ, а самоваръ пыхтя догоняетъ его, старается, гонименно ворчитъ, какъ большой волчокъ; вотъ сверчокъ какъ будто свернулъ за уголъ, и гонить, гонить; эй, самоваръ, не поддавайся... Боже, Джонъ! на что ты похожъ, въ эту погоду! сказала миссизъ Пирибингль, встрѣчая своего мужа. На бровяхъ его повисъ туманъ въ видѣ замерзшихъ капель, а подъ дѣйствіемъ огня и вмѣстѣ сырости, явилась какая-то радуга, пронизавшая даже ему въ бакенбарды.—Да, душка, медленно проговорила Джонъ, разматывая шарфъ, которымъ былъ повязанъ, и грѣя руки—дѣло не лѣтнее; поэтому неудивительно».

Поэзія сѣвера—поэзія созерцанія, углубленія въ себя; въ этой сказкѣ, которую мы привели, являются феи, призраки; реальны въ этой поэзіи только личные чувства; природа отсутствуетъ или только давить, пугаетъ. А потому счастливымъ должно признать тотъ сѣверъ, которому протестантизмъ далъ грамоту, книгу, просвѣтилъ созерцаніе и сдѣлалъ доступною иную, тоже реальную поэзію, именно поэзію очага, то-есть святость семейныхъ отношеній.

Въ произведеніяхъ Диккенса легко найти сцены болѣе драматичныя, мысли болѣе цѣнныя для успѣховъ человѣчества вообще, чѣмъ въ этомъ маленькомъ разсказѣ; но въ нихъ нѣтъ ничего

болѣе прелестнаго и вмѣстѣ простого и глубоко-патетическаго, чѣмъ эта сказка «Сверчокъ за очагомъ».

Въ то самое время, когда Диккенсъ писалъ *The Cricket*, онъ предпринимать было трудъ совсѣмъ иного рода, именно редакцію новой большой ежедневной газеты. Форстеръ сильно отговаривалъ его отъ этого предпріятія между прочимъ и потому, что усиленный трудъ слишкомъ вредно отзывался на здоровьѣ Диккенса. «Правда, только впоследствии открылось, — говоритъ біографъ, — какъ дорого обходилась Диккенсу въ отношеніи не только умственному, но и физическому, жизнь его воображенія; но я уже и въ то время (1845) имѣлъ понятіе о томъ достаточно, чтобы сомнѣваться въ благоразуміи такого новаго предпріятія. Во всякой умственной работѣ, его воля, устремаясь къ какой-либо данной цѣли, такъ сильно господствовала надъ всѣмъ прочимъ, что онъ никогда достаточно не берегъ своихъ силъ, не измѣрялъ во что ему обойдется это напряженіе и безсознательно расходовалъ многое, въ чемъ и безъ того нуждался. Публикѣ, которая наслаждалась его трудомъ, самое производство этого труда могло казаться столь же легкимъ, какъ наслажденіе имъ; но въ дѣйствительности едва ли кому такъ дорого обходилось всякое напряженіе ума. Привычки его, образъ жизни, обнаруживали бодрость; но здоровье его не было крѣпко; эта тайна разоблачилась передо мной еще прежде его путешествія въ Америку; но самъ онъ, до конца, упорно отрицалъ тотъ фактъ, что успѣхи, торжество его, были куплены имъ огромной цѣною». Приведемъ нѣсколько строкъ самого Диккенса, написанныхъ въ то время, когда онъ работалъ надъ *Cricket*: «...мнѣ было такъ нехорошо сегодня поутру, отъ головокруженія и головной боли, и всякихъ непріятностей, что я всталъ не ранѣе полудня... Это вѣроятно оттого, что я пересталъ гулять, голова кружится, какъ будто я пьянъ, и глаза нехороши, я худо вижу». Диккенсъ настоялъ на своемъ, и газета «*Daily News*» была основана по его программѣ, и съ его именемъ, которое и было первоначальной рекомендаціею для журнала; написалъ Диккенсъ для «*Daily News*» не много, но весь первоначальный колоритъ этой газеты сообщенъ былъ ей Диккенсомъ. Первый нумеръ «*Daily News*» вышелъ въ памятную эпоху, именно во время внесенія Пилемъ закона объ отмѣнѣ пошлинъ съ привознаго хлѣба. Впрочемъ, разныя условія, поставленныя надателями, лишили дѣло редакцірованія газеты всякой привлекательности для Диккенса, а потому редакторство его и было очень кратковременно. Послѣ него, и тоже весьма короткое время, редакторомъ «*Daily News*» былъ Форстеръ. Стоитъ привести двѣ,

сохраненныя Форстеромъ записки, изъ которыхъ одна обозначаетъ начало редакторства Диккенса (выпускъ перваго нумера), а другая—конецъ этого редакторства: «21-го января 1846 г., 6 часовъ утра; передъ уходомъ домой; мы печатали три четверти часа и вышли раньше, чѣмъ «Times». Вторая записка гласитъ: «9-го февраля; усталъ до смерти и совершенно истощенъ; я только-что отказался отъ редакторства». Въ первыхъ нумерахъ «Daily News» были помѣщены путевыя замѣтки Диккенса объ Италіи (Pictures from Italy); начавъ печатаніе ихъ въ газетѣ, онъ не могъ съѣсть оставить ея, а потому согласился до окончанія публикаціи этихъ очерковъ давать и другія статьи, соціальнаго характера. Статьи эти относились между прочимъ къ «школамъ оборвышей» (Ragged schools) и къ всенародной казни». По отзыву биографа, въ эти статьи были написаны съ замѣчательнымъ искусствомъ. Послѣ этой неудачи съ газетою, Диккенсъ уѣхалъ съ семействомъ въ Швейцарію и поселился въ Лозаннѣ, на берегу озера, въ домѣ съ балкономъ, откуда видѣнь былъ замокъ Шильонъ. Здѣсь онъ началъ «Домби» и новую сказку на Рождество «Борьба жизни» (Battle of life). Обѣ эти вещи онъ задумалъ въ одно время, но отложилъ сперва сказку до тѣхъ поръ, когда большая работа, т.-е. «Домби» будетъ «поставлена на ноги»; въ концѣ гдѣ два мѣсячныхъ выпуска «Домби» были готовы, и тогда онъ принялся за сказку.

III.

Эта усвоенная Диккенсомъ манера вести одновременно двѣ работы, писать большой романъ съ широко-задуманнмъ планомъ и сложнымъ механизмомъ, котораго отдѣльныя части, впрочемъ, измѣнялись на самомъ ходу работы,—и «отдыхать» отъ этого серьезнаго труда въ легкихъ сказочныхъ эскизахъ, имѣла немаловажныя достоинства, которыхъ, повидимому, не сознаетъ Форстеръ, обращающій главное вниманіе на то, что Диккенсу не сѣдовало чрезмѣрно напрягать своихъ силъ и изнурять себя работою.

Дѣло въ томъ, что талантъ Диккенса былъ слишкомъ богатъ имъ, если угодно — поэтическая вена въ немъ была слишкомъ сильно для правильной выработки большихъ романовъ. Это можетъ показаться парадоксомъ, но вовсе не есть парадоксъ. Въ романѣ, какъ и въ драматическомъ творествѣ, недостаточно имѣть опредѣленную идею и необходимую силу творчества. Это, такъ

сказать, только мелодіи для той партитуры, которую требуется скомпонировать. Условія живости, движенія, новости положеній въ драмѣ, а въ романѣ цѣльности и разнообразія хода дѣйствія, пропорціональности частей и т. п. — имѣютъ въ значительной степени механический характеръ и правильное, по возможности совершенное соблюденіе такихъ условій требуетъ болѣе организаціоннаго таланта, хладнокровнаго разсчета, чѣмъ силы творчества и поэтическаго жара. Мы знаемъ, что Диккенсъ, когда писалъ отдѣльныя сцены, увлекался ими до такой степени, что руки у него тряслись и онъ плавалъ, впадая въ нервное состояніе, просто дѣлался нездоровъ. Мы знаемъ, что съ своими типами онъ сживался совершенно, сживался до такой степени, что ему невыразимо грустно было оканчивать каждое изъ большихъ своихъ произведеній. Сверхъ всего этого, мы знаемъ, что у Диккенса было много чисто-лирическаго настроенія, особая наклонность къ неопредѣленности, къ полумраку, полусвѣту, полуобразамъ, къ полусознаннымъ душою представленіямъ. Какъ могъ писатель съ такими свойствами создать такія правильныя и сложныя картины, какъ, напр., «Домби», съ полнымъ соблюденіемъ правды не только жизненной, но и литературной, то-есть правды въ развитіи хода дѣйствія; какъ могъ онъ соблюсти хладнокровный расчетъ, никогда не пожертвовать правдою своему пристрастію къ какому-либо любимому типу, избѣгнуть лирическихъ отступленій, наконецъ, придать своимъ главнымъ типамъ ту неизмѣнную рельефность, а иногда рѣзкость, которую они имѣютъ и которую они всегда сохраняютъ до самаго конца? Провѣряя книгу Форстера, которая повѣствуетъ какъ Диккенсъ писалъ — самыми произведеніями этого писателя, мы убѣждаемся, что «Чезълунтъ» могъ быть Чезълуитомъ, а «Домби» вышелъ Домби потому именно, что когда Диккенсъ писалъ ихъ, онъ писалъ въ то же время «Пѣснь о Рождествѣ» и «Борьбу жизни», то-есть сказки. Сюда долженъ былъ выливаться весь излишекъ его поэтической силы, его страсти къ полусознаннымъ образамъ, его аккорды изъ тѣхъ же полу-сверхъестественныхъ сочетаній и оборотовъ, которые такъ поражаютъ у Бетховена. Этимъ онъ какъ-бы отрезвлялся для той большой работы, которая требовала отъ него умственной дисциплины въ творествѣ, требовала самоограниченія, такта никакъ не менѣе, чѣмъ воображенія, и предъявляла большой запросъ не на поэтическія, а на сатирическія его силы. Вотъ почему мы думаемъ, что Диккенсъ не могъ поступать иначе, чѣмъ поступалъ онъ, соединяя обработку большого романа съ импровизаціею фантастическихъ разсказовъ.

Это распределение его умственных силъ на двѣ различныя работы не трудно доказать сличеніемъ каждой сказки съ каждымъ романомъ. При такомъ сличеніи окажется, что чѣмъ болѣе простора онъ давалъ своей фантазіи и своему поэтическому жару въ сказкѣ, тѣмъ въ романѣ, писавшемся одновременно, свободнѣе, сильнѣе, чище выступали другія свойства: обдуманность, правильность отношенія эпизодовъ ко всему дѣйствію, и сатирическая ѣдкость. Тотъ романъ, который болѣе отличается всѣми этими послѣдними условіями, въ которомъ болѣе соблюдена правильность, и наименѣе лиризма и особенно ѣдка сатира въ личныхъ типахъ, это—«Чезлуитъ», который самимъ Диккенсомъ, а также Форстеромъ признавался за самое совершенное въ литературномъ отношеніи изъ всѣхъ его произведеній. Этотъ романъ писался въ одно время, съ «пѣснью Рождеству», сказкою, въ которой Диккенсъ далъ въ первый разъ полную волю игрѣ своей фантазіи и въ которой онъ проявилъ несравненный лирическій жаръ. Романъ «Домби и Сынъ», по широкому развитію страсти, превосходить всѣ романы Диккенса; но компоновка его далеко не такъ правильна, какъ въ «Чезлуитѣ»; развитіе его въ весьма важныхъ моментахъ произвольно, и какъ мы видимъ изъ самой исторіи сочиненія этого романа, шло случайно. Такъ та чудная, чисто сказочная, по своему лирическому богатству, поэма о маленькомъ Полѣ, сынѣ богача Домби, представляетъ совершенство сама по себѣ, но занимаетъ такое мѣсто въ цѣломъ, которое не-соотвѣтственно эпизоду и по тону своему совершенно не подходитъ къ рѣзкой инструментовкѣ остального. Еслибы Диккенсъ съ самаго начала достовѣрно зналъ, что Полъ умретъ, то онъ не придалъ бы этой части такихъ громаднхъ размѣровъ; у Форстера мы узнаемъ, что когда онъ уже рѣшилъ въ своемъ умѣ, что Полъ долженъ умереть, то все еще на нѣсколько выпусковъ, то-есть, мѣсяцевъ работы, откладывалъ его смерть. Явно, что уму его слишкомъ привольно было въ этой, родной области дѣтскихъ полусознательныхъ образовъ и думъ и что именно поэтическая сила держала его здѣсь въ неволѣ. Такъ и другой, важнѣйшій эпизодъ въ «Домби», бѣгство второй жены его съ ненавистнымъ Каркеромъ, обладателемъ такихъ красивыхъ и необыкновенно-выразительныхъ зубовъ—этотъ важнѣйшій эпизодъ, обозначающій собою поворотъ въ жизни Домби, получилъ ту, а не другую разработку случайно. Извѣстный въ юридическомъ и литературномъ мірѣ Англіи лордъ Джеффри, котораго Диккенсъ очень уважалъ, и который признавался присяжнымъ критикомъ Диккенса (его critic laureate, какъ называлъ себя самъ Джеффри), написалъ

Диккенсу, что «не можетъ быть, чтобы Эдиѣ сдѣлалась любовницей Каркера»... «Сегодня письмо отъ Джеффри», пишетъ Диккенсъ Форстеру, «который не хочетъ вѣрить (положительно отказывается повѣрить), чтобы Эдиѣ была любовницей Каркера. Какъ вы думаете, не сдѣлать ли такой оборотъ, что она въ страшной сценѣ съ нимъ вдругъ отерываешь ему, что онъ ошибся, что *этою* она вовсе не имѣла въ намѣреніи?» «Такъ и было сдѣлано», говоритъ Форстеръ. Эта переписка происходила тогда, когда четырнадцатый выпускъ, въ которомъ состоялось бѣгство Эдиѣи съ Каркеромъ, уже вышелъ въ свѣтъ и писался пятнадцатый выпускъ. Стало быть самъ Диккенсъ сперва предполагалъ, что Эдиѣ, хотя и ненавидитъ Каркера, но рѣшившись бѣжать съ довѣреннымъ человѣкомъ своего мужа, съ человѣкомъ, который былъ въ рукахъ мужа бичемъ для ея гордости, для того, чтобы вдвойнѣ уязвить мужа, — въ дѣйствительности сдѣлается «любовницей» Каркера.

Этотъ недостатокъ пропорціональности и обдуманности въ «Домби», съ избыткомъ лирическаго элемента въ первой его части — фактически объясняются ходомъ другой, одновременной работы Диккенса, именно рождѣственной повѣсти «Борьба жизни». Работа эта, что называется, «не клеилась»; Диккенсъ не далъ въ ней полного простора своей фантазіи, а напротивъ, стѣснилъ себя произвольно предвзятыми условіями. Сперва, неизвѣстно для чего, и когда онъ еще рѣшительно не зналъ, что будетъ въ этой повѣсти, онъ выдумалъ себѣ, что «хорошо бы еслибы она имѣла какую-нибудь связь съ полемъ, на которомъ нѣкогда происходило сраженіе». Это былъ, очевидно, чистый капризъ. Но Диккенсъ упорно держался его, какъ это иногда случается съ писателями, совершенно безотчетно; и вотъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ связалъ начало разсказа съ забытымъ полемъ битвы, то-есть съ тѣмъ мотивомъ, который является въ извѣстномъ монологѣ пушкинскаго Руслана. И сдѣлалъ онъ это совершенно напрасно, такъ какъ повѣсть совсѣмъ никакого отношенія къ битвѣ не имѣетъ. А между тѣмъ, самое названіе, заранѣе придуманное ей, вслѣдствіе такого каприза — the Battle of Life, непременно должно было крайне стѣснять Диккенса при работѣ. «Борьба жизни» — тема очевидно относившаяся къ совсѣмъ иной категоріи мыслей, тогда какъ у Диккенса подъ этимъ заглавіемъ вышла просто исторія самопожертвованія двухъ сестеръ, которыя обѣ любятъ одного человѣка, и каждая хочетъ пожертвовать своимъ счастьемъ для сестры. Вышло это такъ независимо отъ воли автора, который затѣмъ и былъ вынужденъ къ заглавію «Борьба жизни» прибавить другое, пояс-

нительное заглавіе «Любовная повѣсть», потому что иначе читатель ожидать бы отъ этого разсказа чего-либо совершенно иного, какъ ожидать сперва и самъ авторъ. Повѣсть эта граціозна, но была самой слабой изъ всѣхъ сказокъ Диккенса и даже вовсе не похожа по тону на остальные его сказки, потому, конечно, что она «дѣлалась», а не вылилась непосредственно изъ источника фантазіи, потому что она—продуктъ разсчета, а не избытка вдохновенія. Любопытно для всякаго, кто интересуется процессомъ и условіями литературнаго творчества, любопытно видѣть, какъ поэтическая фантазія отмстила Диккенсу за такое насиліе надъ собою: онъ не далъ ей исхода въ сказкѣ, за то она могла своими волнами затопила всю первую часть романа; расчетъ, обдуманность были напрасно примѣнены къ сказкѣ, которая вслѣдствіе того вышла правильнымъ, но слабымъ романчикомъ; очевидно, самое названіе «Борьба жизни» требовало для себя именно большого, социальнаго романа, а не любовной исторіи. Но за то воображеніе автора, богатство его души въ тонахъ сверхъестественно-освѣщенныхъ, въ дѣтскихъ полу-сознательныхъ мечтахъ, наконецъ, въ лирическомъ жарѣ, однимъ словомъ, во всемъ, что составляетъ прелесть сказокъ Диккенса, изгнали въ значительной мѣрѣ расчетъ и обдуманность изъ романа «Домби» и выразились въ эпизодѣ маленькаго Поля съ такимъ просторомъ, съ такой полнотою, что составили изъ первой части «Домби» отдельную поему, чудную, едва ли не самую прелестную изъ всѣхъ сказокъ Диккенса. Мы, поэтому, имѣемъ полное право исторію Поля въ романѣ «Домби и Синъ» отнести къ категоріи сказокъ Диккенса, признать въ ней его рождественскую сказку 1846 года, а «Борьбу жизни» причислить, въ качествѣ романическаго, къ другой категоріи произведеній Диккенса.

Несестественности взаимнаго отношенія, въ какое стали съ самаго начала эти двѣ одновременныя работы, Диккенсъ не могъ сознавать, но ея не сознаетъ и Форстеръ. Между тѣмъ, зная эту причину, вполне яснымъ становится та умственная пытка, чрезъ которую прошелъ Диккенсъ въ то время, когда, живя въ Лосаннѣ, онъ писалъ «Домби» и усиливался создать свою «Борьбу жизни», но не могъ уяснить самъ себѣ своей задачи, и даже приходилъ въ отчаяніе и хотѣлъ-было совсѣмъ бросить сказку. Обдуманность этой сказки и вмѣстѣ стѣсненіе, слабость творчества удостовѣряются письмами Диккенса: «.....сообщу вамъ удивительное извѣстіе;—боюсь, что сказки къ этому рождеству *вовсе не будетъ*... я уже написалъ третью ея, и она обѣщаетъ выйти хорошо; но вести ее безъ введенія сверхъестественнаго элемента—

который теперь уже не можетъ идти въ ней—и въ данныхъ размѣрахъ, крайне трудно; это такъ озабочиваетъ меня, что, имѣя въ то же время на рукахъ «Домби», я боюсь совсѣмъ истощиться, и затѣмъ быть не въ состояніи вернуться къ этой второй работѣ съ необходимой свѣжестью и силою. Еслибы у меня была только книга къ рождеству, я бы ее *сдѣлалъ*, но меня ужасно пугаетъ, что я не буду потомъ способенъ приняться за романъ. Я уже написалъ первую часть сказки; знаю заключеніе второй части и знаю всю третью (три только и будутъ). Знаю смыслъ каждаго характера и ту мысль, которую каждый изъ нихъ долженъ выражать. Но у меня не хватаетъ духа начать вторую часть. Не знаю отчего это такъ. Можетъ быть мнѣ, при постоянной работѣ въ этой типѣ, недостаетъ именно того шума и стука, который служить развлеченіемъ. Обстоятельство, что обѣ книги я началъ вдругъ, безъ сомнѣнія, само создало затрудненіе; я убѣжденъ теперь, что не могъ бы сочинить Carol при самомъ началѣ «Чезьлуита», и приступить послѣ Chimes прямо къ другой книгѣ. Но совсѣмъ вѣрно то, что я чувствую себя нехорошо, чувствую и головокруженіе, и капризное уныніе. Сплю худо, вѣчно безпокоюсь и не могу отдѣлаться отъ мысли, что исховаю мозгъ романа и что мнѣ слѣдовало бы теперь просто отдыхать».

Итакъ, самъ Диккенсъ пришелъ въ убѣжденію, что писать разомъ двѣ вещи въ одномъ родѣ, различныя только по размѣрамъ, было неудобно; но это было потому именно, что обѣ эти вещи *были* въ дѣйствительности въ одномъ родѣ. Christmas Carol не помѣшала роману, съ которымъ писался одновременно: факты убѣждаютъ насъ въ томъ, независимо отъ такой или иной позднѣйшей догадки самого автора. И теперь, то-есть въ примѣненіи къ Dombey и Battle of Life, факты убѣждаютъ насъ, что не сказка мѣшала роману, какъ предполагалъ Диккенсъ, а наоборотъ, романъ убилъ сказку: стѣснивъ эту сказку произвольными рамками, изгнавъ изъ нея сверхъестественный элементъ, Диккенсъ лишилъ себя того спасительнаго «отвода», какой она должна была представить непреодолимой силѣ его воображенія, вслѣдствіе чего эта сила, сбросивъ всякую дисциплину, открыла себѣ исходъ въ первой части «Домби»; а затѣмъ сказки уже не для чего было писать—она уже была написана въ жизни и впечатлѣніяхъ маленькаго Поля. И въ самомъ дѣлѣ, повѣсть Battle of Life вышла слабою, въ сравненіи съ другими сказками, и мѣстами въ ней явны даже нѣкоторые потуги, то-есть стремленіе прежними приемами, оборотами замѣнить прежнюю силу творчества.

Между тѣмъ романъ, т.-е. «Домби», шелъ впередъ безъ вся-

каго затрудненія. Здѣсь, согрѣтый душевной теплотою и поэтическимъ просторомъ первой части, Диккенсъ шель далѣе съ увлеченіемъ. Всѣ главные дѣйствующія лица были выведены имъ въ первой половинѣ романа, можно даже сказать въ первыхъ двухъ частяхъ, если поэмѣ о маленькомъ Полѣ считать вступленіемъ. Мастеръ Домби, Флоренсія, Вальтеръ, Карверъ, Эдионъ — лица потрясающей драмы, и второстепенныя лица, актеры той остроумной, трогательной и типической комедіи, которая сопровождаетъ эту драму: приживалка миссъ Токсъ, глупый и добрый юноша Тутсъ, Соломонъ Гилльсъ — мастеръ математическихъ инструментовъ, другъ его, юмористическій добрый геній капитанъ Котль, преслѣдующая его хозяйка миссизъ Максъ-Стингеръ, Карверъ старшій, извѣстный подъ названіемъ младшаго, багровый майоръ Багстоуъ, отцвѣтная красавица мать Эдионъ, бойкая дѣвушка, нянька Сюзанъ Ниппёръ, семейство Тудлей — какая богатая галерея мастерски очерченныхъ, вѣчно живущихъ типовъ, представляется здѣсь вслѣдъ за вступленіемъ, которое само уже знакомитъ съ многими изъ нихъ и сверхъ того украшено такими чудесными фигурами, какъ Полъ, семейство Блимберовъ и миссизъ Пипчинъ. Въ этомъ романѣ, который по широтѣ драматическаго дѣйствія и богатству типовъ не имѣетъ себѣ равнаго, Диккенсъ въ два приѣма развернулъ цѣлую армію рельефныхъ, энергически-задуманныхъ характеровъ въ боевую линію, которая, такъ сказать, уже при самомъ началѣ беретъ штурмомъ все вниманіе читателя и затѣмъ уже держитъ его въ плѣну до конца. Типы этого романа такъ рельефны и естественны, что публика не могла не дѣлать догадокъ насчетъ оригиналовъ ихъ. Но вотъ что говоритъ объ этомъ Форстеръ, который былъ свидѣтелемъ, какъ создавался самый романъ, очевидцемъ его развитія: «могу сказать съ достаточной увѣренностью, что хотя отдѣльныя черты быть можетъ и были прямо сняты съ живыхъ людей, знакомыхъ Диккенсу (какъ то дѣлаютъ всѣ писатели, — а онъ дѣлалъ болѣе, чѣмъ кто-либо), но только двое изъ лицъ романа имѣли дѣйствительно живыхъ оригиналовъ, именно миссизъ Пипчинъ, которую зналъ Диккенсъ, и миссъ Блимберъ, которую знавалъ и я. Деревянный мичманъ въ самомъ дѣлѣ стоялъ (а можетъ быть и юселъ стобить) на своемъ наблюдательномъ посту въ Лиденголь-стритъ. Имена нѣкоторыхъ живыхъ лицъ напрасно были связаны съ фигурами Гилльса, Пёрча и капитана Котля. Что касается любезнаго и почтеннаго негоціанта въ Сити, чье имя было усвоено мистеру Домби, то онъ имѣлъ также мало сходства съ этимъ лицомъ, какъ съ Кориоланомъ или Тимономъ афин-»

скимъ». Однако изъ одного письма самого Диккенса мы узнаемъ, что мистера Домби если онъ и не писалъ съ натуры, то все-таки воображалъ себѣ самъ похожимъ на одного богатаго негоціанта въ лондонскомъ Сити. Когда Диккенсъ хлопоталъ объ иллюстраціяхъ для первыхъ выпусковъ романа, то его болѣе всего занимало, конечно, какая фізіономія будетъ дана художникомъ самому мистеру Домби. И вотъ, однажды онъ пишетъ: «человѣкъ подходящий для Домби (the man for Dombey), если бы только Броуну (рисовальщику) удалось взглянуть на него, настоящій представитель этого класса, есть сэръ А.—Э.—». Въ книгѣ Форстера помѣщена любопытная коллекція рисунковъ, предложенныхъ художникомъ для изображенія Домби; можно сказать, что это — довольно полная коллекція англійскихъ коммерческихъ типовъ вообще.

Начавъ «Домби» въ Швейцаріи, Диккенсъ продолжалъ его въ Лондонѣ и Парижѣ. Въ послѣдствіи, онъ нерѣдко пріѣзжалъ въ Парижъ на короткое время, и по обычаю англичанъ, не считалъ такую поѣздку «заграничнымъ путешествіемъ». Англичане часто провожаютъ своихъ друзей «за-границу», то-есть въ далекое путешествіе—до Парижа, Брюсселя или Остенде. Парижская жизнь Диккенсу нравилась, но его непріятно поражало въ этомъ городѣ инстинктивно сознаваемое имъ чувство какого-то пресыщенія, то-есть въ парижскомъ обществѣ онъ сознавалъ ту черту, что здѣсь какъ будто чаша наслажденій испита до дна, и естественный вкусъ притупился. Въ письмахъ его не разъ проглядываетъ это мнѣніе, а однажды онъ прямо высказываетъ его по поводу необыкновеннаго интереса, возбужденнаго смертью извѣстной Маріи Дюплессі и воспоминаніями о ней.

По-французски Диккенсъ зналъ достаточно для разговора, но въ французскихъ запискахъ его, приводимыхъ Форстеромъ, встрѣчается, сверхъ неизбѣжныхъ англицизмовъ, много грамматическихъ ошибокъ, доказывающихъ, что онъ теоретически не изучалъ французской рѣчи. Въ книгѣ помѣщено шутивное французское письмо Диккенса къ Форстеру, дающее ему подробное наставленіе, какъ высадиться въ Булони, какъ попасть въ назначенный отель, взять билетъ на дальнѣйшій путь и проч. Оно подписано: «Charles Dickens Français naturalisé et citoyen de Paris». Здѣсь англійское слово guidance (руководство) принято за слово французское, оказывается смѣшеніе между de и des и встрѣчаются выраженія въ родѣ d'y l'accompagner. Форстеръ самъ приводитъ это письмо въ доказательство своего отзыва, что хотя Диккенсъ худо произносилъ французскія слова, но писалъ по-французски замѣчательно сво-

бодно и гладко». По этому письму Форстеръ приѣхалъ въ Парижъ, и провелъ тамъ двѣ недѣли съ Диккенсомъ. Это было въ 1847 году; въ то время Диккенсъ писалъ «Домби». Диккенсъ не жила въ парижскомъ литературномъ мірѣ, но бывалъ въ немъ и представилъ своего друга литературнымъ знаменитостямъ. Они ужинали съ Дюма и Сю, видѣлись съ Т. Готье, А. Карреръ и Ламартиномъ, нѣсколько разъ бесѣдовали со Скрибомъ, носили больного Шатобриана и скульптора Давида, и провели вечеръ у Гюго, «который оказывалъ Диккенсу самый любезный приемъ, и сумѣлъ тонко выразить ему самую лестную похвалу; мой другъ,—прибавляетъ Форстеръ,—долго вспоминалъ объ удовольствіи, какое ему доставилъ этотъ вечеръ». Диккенсъ въ этомъ послѣднемъ году царствованія Лудовика-Филиппа не разъ высказывалъ опасеніе по поводу замѣченной имъ силы наполеоновскаго культа въ то время во Франціи. «Молчаливаго» принца Лудовика-Наполеона Диккенсъ и Форстеръ встрѣтили однажды въ Лондонѣ, у извѣстнаго представителя англо-французской high life—остроумнаго графа д'Орсэ. Упомянемъ объ одной запискѣ д'Орсэ къ Диккенсу, который рекомендовалъ ему своего «курьера», то есть провожатаго въ поѣздкахъ за границей, Роша... «Вапа рекомендація даетъ ему право на безсмертіе; репутація его обезпечена и затрудненіе будетъ только въ томъ, чтобы найти ему такого господина, который былъ бы его достоинъ. Надо бы посоветовать королевѣ взять его съ собой на поѣздку въ Савенъ-Готу, такъ какъ при своей расторопности, онъ навѣрное будетъ въ состояніи открыть это королевство.» Здѣсь же встаетъ будетъ упомянуть, что Диккенсъ перечиталъ романы Поль-де-Кока и любилъ этого автора, вѣроятно потому именно, что всегдашняя простота, а иногда и ловко схваченная и высказанная житейская правда, выдѣляли Кока въ средѣ той французской беллетристики, которая господствовала при имперіи. Но вообще надо замѣтить, что Диккенсъ любилъ или перечитывать нѣсколько разъ особенно привлекшія его серьезныя книги, какъ, напримѣръ, «Исторію французской революціи» Карлейля, или же читать самыя простѣйшія вещи, какъ-то путешествія и приключенія въ дикихъ странахъ, занимавшія его какъ ребенка, или хоть того же добродушнаго и веселаго Поля Кока.

Въ то время, какъ Диккенсъ писалъ «Домби», онъ получалъ отъ издателей Брадбери и Ивенса по 100 фунтовъ въ мѣсяцъ, въ счетъ будущей продажи. Успѣхъ же ея былъ таковъ, что за первые шесть мѣсячныхъ выпусковъ Диккенсъ не только вернулъ эти уже полученные имъ 600 фунтовъ, но получилъ изъ про-

даже еще на свою часть 2,220 фунтовъ, то-есть всего около 18¹/₂ тысячъ рублей.

«Домби» былъ оконченъ въ началѣ 1848 года. Онъ имѣлъ громадный успѣхъ не въ одной Англіи, но между прочимъ и у насъ. «Домби» и доселѣ остается наиболѣе извѣстнымъ, наиболѣе памятнымъ русской публикѣ изъ всѣхъ произведеній Диккенса. Въ свое время этотъ романъ не мало способствовалъ тому, что англійская литература и жизнь привлекли къ себѣ особенное вниманіе и сочувствіе русскаго общества. Инициатива такого умственного направленія въ русскомъ обществѣ, которое хотя само по себѣ и представляетъ только одну черту нашего умственного движенія съ сороковыхъ годовъ, тѣмъ не менѣе имѣло свою важность и заслуживало бы отдѣльной оцѣнки, безспорно принадлежала Бѣлинскому. Однимъ изъ дѣлъ Бѣлинскаго была реакція противъ преобладанія въ нашемъ умственномъ мірѣ элемента французскаго. Но какъ-бы приискивая намъ новыхъ гувернеровъ, Бѣлинскій не остановилъ своего выбора на нѣмцахъ, на что имѣлъ достаточныя причины, такъ какъ цѣлью его было никакъ не поработеніе, а наоборотъ, эмансипація русской мысли къ самостоятельности. Для достиженія ея онъ указывалъ намъ на Англію, которой сочувствовалъ прежде всего какъ странѣ свободныхъ учрежденій. Нѣкоторая англоманія Карамзина не оставила слѣдовъ; она отражала въ себѣ только частное, аристократическое явленіе, представителемъ котораго въ жизни былъ графъ М. С. Воронцовъ. Но англоманія, вызванная Бѣлинскимъ и отразившаяся потомъ не только въ англазированной походкѣ «Русскаго Вѣстника», но и въ ознакомленіи русскаго общества съ капитальнѣйшими произведеніями современныхъ англійскихъ публицистовъ и ученыхъ, имѣла характеръ по-преимуществу демократическій. Странно сказать — замѣтимъ мимоходомъ — что при всемъ этомъ масса русской публики осталась мало знакомой съ дѣйствительною фizioноміей англійскаго общества. Но это не относится къ нашему предмету. Мы хотѣли только сказать, что романъ «Домби» по-преимуществу, а также и другія произведенія Диккенса, являясь въ нашихъ журналахъ въ такое время, когда русская жизнь была, можно сказать, скрыта льдомъ, когда, употребляя аллегорію Виктора Гюгô, еще не «пошелъ ледъ на Невѣ», произвели особенно сильное впечатлѣніе и немало содѣйствовали осуществленію указанной мысли Бѣлинскаго, произведя у насъ реакцію отъ французскаго къ англійскому. Крымская война если и прервала это направленіе, то не надолго, какъ то доказывается уже самой фizioноміей «Русскаго Вѣстника» первыхъ годовъ.

Диккенсъ о большомъ успѣхѣ своихъ произведеній, и въ особен-ности «Домби», въ Россіи, получилъ извѣстіе изъ самаго компетент-наго источника. При запискѣ, посланной имъ Форстеру въ 1849-мъ году, и въ которой говорится объ успѣхѣ продажи «Давида Копперфильда», онъ переслалъ своему другу для прочтенія письмо изъ за-границы: «прочтите приложение». Цитируемъ Форстера.

«Это было письмо изъ Петербурга отъ русскаго литератора, подписанное «Тринархъ Иванъ свѣтъ Вреденскій¹⁾» (Trinarch Ivan- vitch Wredenskiï); при письмѣ онъ прислалъ Диккенсу русскій переводъ «Домби» и увѣдомлялъ Диккенса, что сочиненія его, прежде переведенныя въ журналахъ съ пропусками, теперь пе- реведены въ полномъ видѣ авторомъ письма, хотя впрочемъ и онъ призналъ необходимымъ пропускъ въ переводѣ «Пиквика». Авторъ письма любезно относился къ нашему языку, не забы- вая впрочемъ предъяснить и права своего языка, говоря, что труд- ность перевода (при передачѣ «жонглемовъ» и въ другихъ слу- чаяхъ) зависѣла отъ невозможности вѣрно воспроизвести на рус- скомъ языкѣ красоты подлинника, такъ какъ хотя русскій языкъ по выразительности богаче всѣхъ европейскихъ, но еще далеко не такъ выработанъ, какъ другіе, болѣе образованные языки. Однако, объясняя далѣе переводчикъ, онъ постоянно старался сжиться съ мыслями Диккенса и высокое свое уваженіе къ нему сопровождалъ сожалѣніемъ, что такой писатель не родился подъ русскимъ небомъ. Впрочемъ, судьба Диккенса въ Россіи все-таки была завидная. «Въ теченіи послѣднихъ одиннадцати лѣтъ, писалъ авторъ перевода,—ваше имя пользуется громкою славой въ Рос- сіи и васъ читаютъ съ жадностью отъ береговъ Невы до отда- леннѣйшихъ мѣстъ Сибири. Вашъ «Домби» продолжаетъ приво- дить въ восторгъ всю литературную Россію».—«Добрый Вреден- скій доставилъ намъ большое удовольствіе и долгое время, когда что-нибудь шло неладно въ общественныхъ дѣлахъ или семейномъ быту Диккенса, онъ говаривалъ мнѣ, что приказалъ укладывать свои вещи въ чемоданъ и собирается въ болѣе сочувствующія ему и лучше оцѣнивающія его отдаленнѣйшія мѣста Сибири».

Послѣ поѣздокъ, о которыхъ упомянуто выше, въ Италію, Швейцарію, Францію, Диккенсъ въ эти годы своей жизни, какъ и въ позднѣйшіе, часто оставлялъ Лондонъ, уѣзжая то на «берегъ», то-есть на дачу гдѣ-нибудь на прибрежьи, по обычаю достаточ- ныхъ англичанъ, то въ другіе большіе города Англій, особенно въ Манчестеръ и Ливерпуль, для участія въ общественныхъ сходкахъ

¹⁾ Тринархъ Иванъ Вреденскій.

и банкетахъ. Дома, въ семействѣ, онъ отличался той же дѣятельностью и живостью, какъ и въ общественной сферѣ. На обѣдахъ у него бывали Токкерей, Карлейль, миссизъ Гасвелль, Вильямъ Коллинсъ и т. д. Но кромѣ обѣдовъ, у него бывали и чисто-семейные музыкальные и танцевальные вечера, по мѣрѣ того, какъ дѣти его подростали и могли принимать въ нихъ участіе. И самъ Диккенсъ не отставалъ отъ нихъ. «Не забудьте этого въ моей біографіи»,—сказалъ онъ разъ Форстеру, объяснивъ, какъ дѣти учили его танцевать польку. Двѣ маленькія дочери Диккенса обучали его этому танцу во дню рожденія своего брата; и отецъ сдѣлалъ достаточные успѣхи. Но наканунѣ этого домашнего праздника, ночью, на Диккенса вдругъ напалъ страхъ, что онъ не будетъ въ состояніи выдѣлывать на этого танца; онъ соскочилъ съ постели, и ночью, въ темнотѣ, сдѣлалъ себѣ репетицію польки. «Характеристичнѣе этого,—говоритъ Форстеръ,—я не могу ничего разсказать и мнѣ остается только прибавить, что дѣйствительно онъ отплясывалъ на другой день польку съ такой живостью и неутомимостью, что превзошелъ юнѣйшихъ». Въ этомъ отношеніи, то-есть въ отношеніи нравственной близости къ дѣтямъ, съ Диккенсомъ не могъ сравниться никто, по замѣчанію его біографа, за исключеніемъ извѣстнаго романиста капитана Мэрриета, который былъ однимъ изъ ближайшихъ пріятелей Диккенса. Мэрриетъ вообще любилъ танцевать, но съ дѣтьми плясалъ до изступленія.

Нынѣшняя книга Форстера, какъ уже сказано, останавливается на описаніи Диккенсомъ романа «Копперфильдъ», въ который, какъ мы уже говорили въ статьѣ «Дѣтство Диккенса», вошла значительнѣйшая часть воспоминаній его дѣтства. Мы надѣемся имѣть еще случай возвратиться къ этому роману, такъ какъ Форстеръ общаетъ подробно говорить объ исторіи его сочиненія впоследствии. Изъ другихъ его работъ за это время, то-есть до конца 1851 года, мы собственно только для поддержанія біографической связи въ нашихъ очеркахъ, посвященныхъ Диккенсу, упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ періодическій сборникъ его «Household words», предпринятый съ 1849 на 1850 годъ, и превратившійся впоследствии съ 1859 года въ «All the Year round». Первый номеръ Household words вышелъ въ мартѣ 1850 г. Затѣмъ, мы должны еще упомянуть о рождественской сказкѣ 1848 года «Одержимый духомъ» (the Haunted man). Мысль о ней пришла Диккенсу въ 1846 году, но онъ написалъ ее въ 1848 году, по окончаніи «Домби». Она построена на весьма простой мысли, что воспоминаніе о прожитомъ, память о прошлыхъ радостяхъ и печаляхъ составляютъ весьма важную часть нашего нравственного

бытія, и что еслибы воспоминанія эти исчезли, то весь міръ, все окружающее человека, всё нынѣшнія привязанности его и лучшія стороны его стремлений лишились бы существенной доли своего смысла, что, однимъ словомъ, утративъ воспоминанія, человекъ лишился бы весьма важной части 'своей нравственной силы и сталъ бы матеріалистомъ въ томъ смыслѣ, какой дается этому слову въ просторѣчій. Мысль простая, но имѣющая психологическій, философскій характеръ, и сказка на ней построенная получила такой характеръ, что она даже въ нѣкоторыхъ приемахъ напоминаетъ Гоффмана. Но теплота, какою она одушевлена, необыкновенное мастерство въ рисовкѣ семейныхъ, дѣтскихъ сценъ, и присутствие элемента общественнаго—соціального урока все въ пользу тѣхъ же «страждущихъ и темныхъ» людей—всецѣло принадлежитъ Диккенсу и даютъ этой сказкѣ право считаться въ числѣ лучшихъ изъ его рождественскихъ рассказовъ.

Диккенсъ показываетъ намъ человека, который въ молодости потерпѣлъ большое горе, большую несправедливость. Добрый, всегда готовый къ самопожертвованію, профессоръ химіи одержимъ духомъ такого воспоминанія, вѣчно съ нимъ бесѣдуетъ, постоянно его совершаетъ, а потому является мрачною фигурой среди людей любящихъ и уважающихъ его за его дѣла. Этихъ людей—швейцара коллегіи, его престарѣлаго отца, и безконечно-доброе существо—жену этого швейцара, а также многочисленное семейство бѣднаго продавца газетъ—Диккенсъ соединяетъ въ картинѣ, исполненной свѣта, теплоты и юмора, рельефно выдающей идею, и наполненной множествомъ мельчайшихъ, но характеристическихъ подробностей,—словомъ, въ одной изъ тѣхъ картинъ, какія умѣлъ писать только Диккенсъ. Несчастный профессоръ испыталъ великое зло, но воспоминаніе объ этомъ горѣ хотя и гложетъ его постоянно, однако не мѣшаетъ ему самому быть добрымъ и сострадательнымъ. Всѣ тѣ бѣдные люди, которые окружаютъ эту главную фигуру, сами по себѣ имѣли бы всевозможныя причины быть недовольны своимъ положеніемъ и другъ другомъ, потому именно, что жизнь имъ не удалась, доля ихъ тяжелая. Между тѣмъ, они не отчаиваются, даже не видятъ въ совершенной наготѣ неприглядности своей доли: жена бѣдняка не думаетъ о томъ, что красною вышла за него замужъ, мужъ ея, отецъ многочисленныхъ маленькихъ бѣдняковъ, не проклинаетъ дня, когда ему пришла мысль жениться,—потому что всѣ эти люди судятъ о настоящемъ и прошломъ не на основаніи одного голаго расчета своего личнаго удобства въ данную минуту, но видятъ настоящее въ томъ свѣтѣ, какой ему сообщается прошлымъ, видятъ настоя-

щее, такъ сказать, въ связи съ его исторіею. Вотъ почему они придаютъ цѣну и такимъ отношеніямъ и условіямъ своей жизни, которыя, еслибы подвергнуть ихъ безпристрастной оцѣнкѣ чрезъ присяжныхъ цѣновщиковъ, оказались бы неизмѣнными никакой цѣны,—напротивъ.

Показавъ намъ эту картину и заставивъ насъ полюбить всѣхъ этихъ людей, Диккенсъ вдругъ вставляетъ въ свой волшебный фонарь иное стекло. Профессоръ, одержимый и удручаемый духомъ мрачнаго воспоминанія, наконецъ, проклиная и отгоняя его отъ себя, чтобы вырваться изъ неволи. Тогда духъ уноситъ съ собою всю его память о пережитыхъ чувствованіяхъ, и мало того — сообщаетъ ему такое свойство, что при появленіи его и у другихъ людей такая память исчезаетъ. Затѣмъ передъ нами наглядно и самымъ болѣзненнымъ для насъ образомъ происходитъ разрушеніе той симпатичной картины, какую мы видѣли въ началѣ. Утративъ связь съ прошлымъ, люди оцѣняютъ другъ друга и свою обстановку, если можно такъ выразиться, по продажной, рыночной цѣнѣ. Они отталкиваютъ и оскорбляютъ другъ друга нанося удары всѣмъ своимъ привязанностямъ, проклинаютъ свою долю и не хотятъ знать никого, кромѣ самихъ себя, потому что не помнятъ ни чужихъ услугъ, ни чужой любви, ни чужихъ благодѣяній. Въ концѣ, разумѣется, the Haunted man вновь призываетъ своего духа, молить призракъ воспоминаній спасти его изъ той пустыни, которая окружила его, и повѣсть получаетъ обычный праздничный, счастливый конецъ. Но замѣчательно, что въ то время, когда несчастный химикъ носилъ въ себѣ даръ убивать воспоминанія, то-есть важную часть души, во всѣхъ кому являлся, было одно существо, въ которомъ это роковое вліяніе его не произвело ровно никакой перемѣны: это былъ недавно призрѣнный мальчикъ-бродяга, нищій большого города. Устраненіе воспоминаній у всѣхъ разрушило нравственный міръ, произвело во всѣхъ страшную перемѣну; но въ этомъ мальчикѣ никакой перемѣны оно не произвело, потому что, безродный и бѣглый, онъ никакихъ воспоминаній, кромѣ чисто-животныхъ, не имѣлъ, не имѣлъ и нравственнаго міра. «Сердце этого заброшеннаго существа,—говоритъ призракъ,—такая же безплодная пустыня, какъ сердце человѣка, который, какъ ты теперь, лишился воспоминаній, отброшенныхъ тобою... Горе такому существу!.. Горе, тысячу разъ горе тому народу, который создалъ въ своей средѣ множество уродовъ подобныхъ тому, котораго ты видишь у моихъ ногъ!»?

Л. Полонскій.

НОВѢЙШАЯ ПОЛЕМИКА РАСКОЛА

Прошлое десятилѣтіе, памятное по своимъ преобразованіямъ, долго не забудется и расколомъ. И въ его жизни за это время не мало произошло событій, которыя, съ одной стороны,—показали ему шаткое его положеніе, а съ другой,—дали и даютъ еще новыя силы къ продолженію и развитію его существованія на совершенно новыхъ началахъ, мало обратившихъ на себя вниманіе нашей литературы. Въ это десятилѣтіе, болѣе чѣмъ когда-либо, австрійское священство показало расколу всю свою внутреннюю несостоятельность. Постоянныя ссоры между его іерархами, алчность, безпечность ихъ о пасомыхъ заставили нѣкоторыхъ старообрядцевъ обратиться къ точному изслѣдованію основаній этого пресловутаго священства. Это изслѣдованіе навело ихъ на сомнѣніе въ его законности, поколебало вѣру въ него, а появившееся извѣстное «Окружное Посланіе» окончательно измѣнило ихъ убѣжденія. Многіе изъ нихъ за это время, какъ извѣстно, присоединились къ единовѣрію. Но это же самое «Посланіе» послужило и началомъ извѣстнаго оживленія въ средѣ раскола. Оно, по видимому, имѣло одну только цѣль:—воспрепятствовать, насколько возможно, распространенію между старообрядцами-поповцами антихристіанскихъ безпоповщинскихъ идей. На самомъ же дѣлѣ, кромѣ этой цѣли, оно имѣло и другую:—выяснить старообрядцамъ взглядъ на русскую церковь.

Большинство раскола возстало на это «Посланіе». Кромѣ анализа и опроверженій, въ старообрядческой литературѣ стали еще появляться цѣлыя сочиненія, поставившія себѣ задачей — показать

Digitized by Google

и доказать превосходство старообрядства предъ новообрядствомъ. Въ этихъ сочиненіяхъ высказывается совершенно новый взглядъ на церковь, ставятся новыя возраженія противъ нея. Въ нихъ расколь признаетъ православность и даже историческую древность нашихъ обрядовъ, и отличаетъ ихъ отъ своихъ—старообрядческихъ—только тѣмъ, что послѣдніе составляютъ, по ихъ мнѣнію, продуктъ собственно русскаго народнаго благочестія. Расколь утверждаетъ, что его обряды выработаны вѣковою практикою русской церкви, утверждены ея авторитетомъ и отличаются особеннымъ смысломъ. Изъ этихъ-то сочиненій ¹⁾ расколь теперь, повидимому, и почерпаетъ новыя силы для своей пошатнувшейся жизни, — и въ нихъ находитъ уважительныя причины для своего самостоятельнаго существованія. Но, чтобы вполне уяснить новыя основы и новыя полемическіе приемы раскола, намъ необходимо вкратцѣ напомнить содержаніе его прежней полемики.

«Никонъ и ученицы его,—писали нѣкогда иноки Соловецкаго монастыря царю Алексѣю Михайловичу,—всю православную христіанскую вѣру въ русскій земли, преданіе апостольское и св. отецъ нарушили и книги всѣ печатныя, по которымъ святые отцы угодили Богу, похулили и чинъ превратили, еже есть истинный трисоставный крестъ Господень, и сложеніе перстовъ крестнаго воображенія, и святое имя Господа нашего Ісуса Христа, и молитву Ісусову, исповѣданіе православныя вѣры, и ангельскую трисвѣтую пѣснь, и начальный стихъ Царю Небесный, и крещеніе челоуѣкомъ, и величаніе, и маслосвященіе, и погребеніе иноческое и мірское, и церковное пѣніе заутреню и полунощницу, часы, молебень и вечерню, и павечерню и ефимонъ, и весь чинъ и уставъ, и каженіе и звонъ церковный перемѣнили же. Того ради новыя вѣры и новаго ученія не приѣмлемъ», — такъ говорила сказка Соловецкаго монастыря: «Чесо ради не приѣмлютъ новоизложенныя вѣры», помѣщенная въ рукописномъ сборникѣ при Казанск. Дух. Академіи подъ № 95, л. 63 — 64.

Это объясненіе соловецкихъ инововъ, — почему они не хотѣли принять исправленныя церковію богослужебныя книги и обряды, заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе точный и вѣрный перечень тѣхъ возраженій, какія расколь на первыхъ порахъ своей жизни выставлялъ противъ православія. Однимъ словомъ,

¹⁾ Такихъ рукописныхъ сочиненій, при составленіи настоящей статьи, у насъ подъ руками нѣлось четыре: 1) „Новѣйшая раскольническая челобитная“; 2) „Письма къ старообрядцу Г. Ѳ.“; 3) „Расколь не есть ересь и раскольники не еретики“ (брошюра); и 4) „Объясненіе П. В.“.

расколъ, возставъ противъ всей тогдашней церковной реформы, видѣтъ въ измѣненіи каждой даже буквы, каждого слова ересь и нѣмну православію и отеческому преданію. «Зри Государь, — писалъ Савватій царю, — Сына Божія съ Отцомъ по Савеліеву союкупу смазываютъ во-едино лицо, во многихъ мѣстѣхъ печатаютъ безъ союзнаго слова и безъ запятыя слитно». Выпущеніе въ Символѣ Вѣры буквы *а* между словами: *рожденна, несотворенна* — заставляеть раскольниковъ подозрѣвать въ этомъ ересь Арія ¹⁾. Въ измѣненіи имени *Исусъ* въ *Иисусъ* они видятъ опять ересь; потому что «еже рещи Исусъ, то стало два состава и два сына, четыре лица въ Троицѣ, а не три». Въ замѣнѣ слова *конецъ* конца, въ Символѣ Вѣры, словомъ *не будетъ*, они видятъ подражаніе жидамъ, ждущимъ антихриста; — слова *истинный*, въ молитвѣ Царю Небесный, словомъ *истины* подозрѣваютъ церковь въ непризнаніи Духа Святого за лицо равночестное первымъ двумъ лицамъ Св. Троицы, и такъ далѣе все въ томъ же родѣ.

Впрочемъ, всѣ подобныя «новшества» нашей церкви не могли поднять и не поднимали всей желчи раскола. Совсѣмъ другое мы встрѣчаемъ, когда расколъ возсталъ противъ измѣненія старыхъ обычаевъ, обрядовъ и введенія новыхъ. Это «новшество» показалося ему оскорбленіемъ отеческой старины, оскорбленіемъ отеческихъ и соборныхъ постановленій, искаженіемъ православія. Ненависть его въ этомъ случаѣ къ церкви безгранична. Онъ не знаетъ, чему уподобить, съ чѣмъ — съ какою ересью — сравнить новыя обычаи и обряды. Всякая почти ересь видна, по его мнѣнію, въ нихъ. «Велѣно намъ креститься щепотью — тремя персты, а не тако, яко же мы изначала пріяхомъ, по апостольскому и святыхъ отецъ преданію, и по свидѣтельству преподобнаго Петра Дамаскина, и св. Θεодорита, и блаженнаго Максима Грека, и по соборному уложенію Макарія митрополита московскаго и всего освященнаго собора». Въ четверовѣчномъ крестѣ раскольники видѣли ненавистное имъ латинство, въ троеніи аллилуіи — язычество. Утверждая, что «первое аллилуія глаголется во славу Бога Отца, а второе — во славу Сына Божія, третіе слава Тебѣ Боже — во славу Духа Святаго», они заключали: «а идѣже убо троится аллилуія, ту есть прилагаемый чуждій Богъ языческій;

¹⁾ Въ Символѣ вѣры, Государь, — писалъ Авраамій, — букву азъ вынали помозачи Арія еретику и глаголютъ: рожденна, несотворенна, а подобаетъ глаголати: рожденна, а несотворенна... И симъ отлѣтиемъ ископа ровъ прелести» (Челобит. Авраамія, рук. Солов. библ. при Каз. Дух. Акад. № 30).

понеже мнози суть бози еллинстїи». Въ змїѣ, которымъ патріархъ Никонъ въ первый разъ украсилъ архіерейскій посохъ, они видѣли жидовство и самый вѣрный признакъ паденія на Руси православія. «Тѣмъ онъ (Никонъ) знаменіе показываетъ, яко погубитель православныя вѣры христіанскія: а сїй змїй погубилъ прадѣда нашего Адама и весь міръ. Его же Господь Богъ проклялъ; а нынѣ ту проклятую змію освящаютъ и почитаютъ, вносятъ во святилище Божіе, аки нѣкое освященіе... А идѣже змїй, тамо есть и діаволъ и бѣсомъ жилище, а идѣже бѣсъ живетъ, трудно тамъ въ познаніи прїити. И аще кто вѣруетъ въ него, нѣсть христіанинъ» ¹⁾).

Всѣ эти возраженія достаточно говорятъ, что расколъ на первыхъ порахъ своей жизни не имѣлъ еще опредѣленной системы своего ученія, и только возставалъ противъ всего новаго, введеннаго нашею церковію, видѣлъ во всемъ ересь и неправославіе. Да ему, впрочемъ, и не нужна была система. Онъ не думалъ, что церковныя дѣла останутся въ такомъ порядкѣ; онъ надѣялся на возвратъ къ старинѣ. Поэтому-то, руководясь въ своихъ возраженіяхъ противъ «новшествъ» болѣе чувствомъ, безотчетною привязанностію къ буквѣ и старинѣ, чѣмъ разсудкомъ, знаніемъ, — онъ твердилъ только, что теперь «въ Россіи новая латино-римская вѣра, по своей воли, а не по Божіи сотворенная, — вѣра злая, Никонская прелесть». А почему все это такъ, почему въ православіи «застарѣла ересь и злоба велика возрасте» ²⁾, на это онъ мало обращалъ вниманія. Какая придетъ древняя ересь на память, въ той и обличается «новшество». Кто же иначе его обличить въ этомъ?.. Пастыри церкви?.. Но имъ вѣры нѣтъ; они — Никониане. А между тѣмъ голосъ, можетъ быть, и будетъ услышанъ, вопли — и отзовутся въ сердцѣ царя-батюшки. Думая, что царь обманутъ, расколъ надѣялся, что стоить только поболѣе наговорить ему страховъ, — и онъ непремѣнно воротитъ всё на прежній ладъ ³⁾, или, если этого не будетъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ остановитъ дальнѣйшее введеніе въ употребленіе новыхъ книгъ и обрядовъ. «Молимъ тебя со слезами, Государь, — говорятъ въ заключеніе своей челобитной соловецкіе старцы, — не вели у насъ новымъ учителямъ истинную нашу христіанскую вѣру, самимъ

¹⁾ Челобит. Авраамія. — См. также объ этомъ въ «Сказкѣ Соловецкаго монастыря», рук. Соловец. библ. при Каз. Дух. Акад. (подъ № 95, л. 70).

²⁾ «Истор. о вѣрѣ и челобитныя о стрѣльцахъ». См. зап. Алекс. Б. ч. I, стр. 62 и друг.

³⁾ Всѣ челобитныя и всѣ почти письма расколоучителей проникнуты этимъ духомъ.

Господомъ Иисусомъ Христомъ и святыми его апостолами преданную и седмю вселенскими соборы утвержденную, измѣнити». Но царь былъ глухъ къ мольбамъ раскола. Ссылками и казнями отбѣжало правительство на его недовольство «новшествами». И раскольническое возстаніе 1682 года было послѣднимъ явнымъ протестомъ противъ «новой вѣры». Испытавши эту неудачу и отказавшись навсегда сдѣлать свою старую вѣру господствующею, и, по крайней мѣрѣ, терпимою, расколъ послѣ этого замкнулся самъ въ себя, сталъ тайно работать надъ своею внутреннею жизнью. Понятно, въ какія отношенія въ православной церкви онъ теперь долженъ стать по своему ученію. Убѣдившись съ своей точки зрѣнія въ еретичествѣ церкви, онъ сталъ ученія своихъ предшественниковъ формулировать въ систему, сталъ его дополнять, развивать. Поэтому, въ дальнѣйшихъ возраженіяхъ раскола противъ православія чего-нибудь особенно новаго, чего бы не говорили, или, по крайней мѣрѣ, на что бы не намекали первые расколоучители, мы не встрѣтимъ. Встрѣчаемъ только то особенное, что расколъ, раздѣлившись, вслѣдствіе внутреннихъ обстоятельствъ своей жизни, на двѣ половины, далеко одна на другую непохожія, сталъ и въ возраженіяхъ своихъ противъ православія двояться, сталъ представлять возраженія противъ послѣдняго нерѣдко взаимно одно другое уничтожающія. Тогда какъ безпоповщина, — образовавшаяся логическимъ путемъ изъ примѣра и ученія первыхъ расколоучителей ¹⁾, выходя изъ идеи царствованія на землѣ антихриста, переданной отъ послѣднихъ, стала вставать положительно противъ всего, видѣть во всемъ не-своемъ ересь и рѣшительное оскудѣніе православія, дошла въ своихъ возраженіяхъ противъ церкви до *plus ultra*, — поповщина, наоборотъ, не считая нашу церковь вполне еретическою, неправославною, боясь совсѣмъ отъ нея удалиться, остановилась на полдорогѣ, и, страшась безпоповщинскихъ выводовъ, не пошла далеко въ развитіи раскольническихъ началъ.

Правда, и безпоповцы на первыхъ порахъ своей дѣятельности (въ началѣ XVIII вѣка) въ своихъ возраженіяхъ противъ православной церкви были сдержанны, не обличали, какъ будто, ее въ неправославіи. Убѣжденные въ еретичествѣ ея, въ гибели православія, они въ своихъ сочиненіяхъ не говорили этого прямо, а старались свое понятіе о церкви высказывать какъ можно темнѣе, двусмысленнѣе. Укоряя нашу церковь за новые обряды, они не

¹⁾ См., напр., посланіе Аввакума подъ названіемъ: „Книга всѣмъ нашимъ горемычѣмъ илюминикѣмъ“. Зап. Алекс. Б., ч. II, стр. 18 — 19.

осмѣдивались прямо заявить о ея неправославіи; «дѣло это-де выше нашего разума». На вопросъ: «ересь ли наше триперстное сложеніе въ крестномъ знаменіи»? безпоповцы отвѣчаютъ: «облагати судомъ сіе выше триперстное сложеніе не дерзаетъ. А понеже триперстное сложеніе древлецерковнымъ обычаемъ не содержитсяъ, древлецерковными св. книгами не показуется, св. древлеписанными книгами не объявляется, того ради сіе намъ не преданное пріяти не можемъ: не прилагай бо (рече Божіе слово) предѣлъ вѣчныхъ, яже положиша отци твои» ¹⁾. Но подобная маска была довольно прозрачна, чтобы не видѣть настоящаго взгляда начальныхъ безпоповцевъ на церковь. Поставляя причиною своего отдѣленія отъ церкви ея «новшества» и гоненія ея на нихъ, на которыя еще сѣтовали «святіи отци пресловутыя соловецкіи обители», безпоповцы проговариваются. Описавши яркими красками тѣ невзгоды, которымъ они уже подвергались и какимъ еще, быть можетъ, подвергнутся, безпоповцы воспеваютъ: «Посмотри же отъ начала евангельскія проповѣди и до нынѣ въ противныя православнѣй церкви соборы, како они яросію гоненія христово стадо оскорбляху... Аріане велико гоненіе православнымъ творяху; македоніане гоненіемъ дышаху, еutihіане такими же злояростными нравы ученіе свое защищяху», и такъ далѣе—до уніи. Приводя множество доказательствъ относительно древности своихъ обрядовъ, они говорятъ, что «мы того ради древлеправославныя церкви уставы соблюдаемъ, да вѣчное спасеніе душамъ своимъ получимъ, — того ради въ святоотеческихъ преданіяхъ утверждаемся, да вѣчнаго участія ихъ не отпадемъ, — того ради древлецерковныхъ уставовъ нарушити не можемъ, да древлецерковная запрещенія не подпадемъ» и проч. ²⁾. Выводъ изъ всего этого ясенъ.

Но если безпоповцы начала XVIII вѣка, вынужденные обстоятельствами ³⁾, протестуя противъ церковныхъ «новшествъ», говорили такъ темно и сокровенно о еретичествѣ и паденіи пра-

¹⁾ Поморск. отвѣты, вопр. и отв. 6, рукоп. Соловец. библиот. при Каз. Дух. Акад. № 54.

²⁾ Предисловіе къ Поморскимъ отвѣтамъ, рук. при Каз. Дух. Акад. № 54, л. 3.

³⁾ Поморянамъ иначе, пожалуй, и нельзя было говорить. Они хорошо знали, каково было современное имъ правительство. Пользуясь снисхожденіемъ къ себѣ Петра Великаго, они боялись возстановить его противъ себя. Занявшись они только въ своихъ «отвѣтахъ» о царствованіи на землѣ антихриста, заговоры прямо о неправославіи церкви, къ которой самъ царь принадлежалъ, — чего добраго, они подверглись бы за это тому же, отъ чего въ свое время не убѣжали Авадумъ, Лазарь и другіе.

вословія въ церкви, — за то преемники ихъ, уже не стѣсняясь, говорили обо всѣмъ этомъ во всеуслышаніе, и говорили какъ нельзя яснѣе. «Плакаше древле св. пр. Іеремія, — зываютъ они, — надъ запустѣніемъ Іерусалима: како, рече, потемнѣ злато и кѣмъ сребро доброе?.. Но кто и нынѣ не восплачетъ, кто не рыдастъ, кто ли не изліетъ слезъ надъ російскими мнѣніями быти пастыри, видя ихъ всякаго плача достойную въ вѣрѣ православіи измѣну? како потемнѣша нравомъ ересей!.. како измѣниша паче солнцесіятельнаго злата блестящая православіемъ древлецерковныя догматы!»¹⁾

Какія же это «ереси», какъ и въ чемъ измѣнены «древлецерковныя догматы»? Ереси эти большею частію «луторскія, кальвинскія, латинскія, татарскія, арменскія, жидовскія и манихейскія». Благословеніе пятью перстами есть ересь; такъ благословляютъ только латины. Этого мало. Благословляя по новому, не слагая въ этомъ случаѣ «перваго пальца съ двумя послѣдними», церковь «тѣмъ самымъ не признаетъ трехъ божественныхъ ипостасей, а не слагая указательнаго съ великосреднимъ, не признаетъ двухъ естествъ въ Ісусѣ Христѣ». Печатаніе просфоръ двучастнымъ крестомъ есть та же ересь, — «ибо безъ сего трисоставнаго креста Господня не можетъ на проскомидіи предлагаемый хлѣбъ пресуществиться въ плоть Христову». Помазываніе мвромъ ногъ у крещаемого, благовѣстъ во время пѣнія «Достойно» и снятіе монахами клобуковъ во время чтенія евангелія, суть тоже ереси латинскія, папешскія и уніатскія. Брадобритіе, бракъ, «съ латини, люторы и кальвины» и даже раздѣленіе пищи съ послѣдними тоже ереси. Ношеніе нѣкоторыми мужчинами длинныхъ волосъ и париковъ, а женщинами короткихъ — есть ересь «евтиховъ, люторъ и кальвиновъ». Астрономическія занятія и календари тоже ересь проклятая: «проклиною прелесть ихъ, иже зрятъ въ бѣгъ небесный!» Нареченіе именъ при крещеніи: Юрія, Богдана, есть латинская ересь. Перечисливши болѣе сотни ересей въ нашей церкви, они и сами сознаются, что «еще бы кто и многотысячнѣ на изъявленіе ихъ потѣлся, обаче за множество подробностейъ исчислити не возможетъ, а точію съ пророкомъ возопіетъ: отъ главы и до ногу бысть яко едина язва и яко единъ струпу, и нѣсть кому приложить пластыря, ниже врачеванія, и съ тайновидцемъ речетъ: Вавилонъ великій, мати любодѣйцамъ и мерзостямъ земскимъ и душевному блуду учительница, съ нею же

¹⁾ Предисл. къ „Мечу Духовному“, рукоп. Соловец. библ. при Каз. Дух. Акад. № 47.

любоудѣйна царіе земстїи и купцы отъ силы ея разбогачѣша»¹⁾).

Между тѣмъ, какъ безпоповцы, убѣдившись такимъ образомъ, въ «погибели» православїа, принимаютъ вслѣдствіе этого всѣхъ переходящихъ въ ихъ секту чрезъ одно только перекрещиваніе, — поповцы, какъ мы выше замѣтили, проводятъ болѣе легкій взглядъ на церковь. Принимая бѣглыхъ поповъ отъ церкви и тѣмъ измѣнивъ началамъ раскола, они, по необходимости, должны были вслѣдствіе этого и менѣе чѣмъ безпоповцы видѣть недостатокъ въ православной цѣркви. Они не считаютъ нашу церковь вполне неправославною. Правда, они находятъ въ ней ереси и возражаютъ противъ нихъ, но только эти ереси уже не перваго чина.

Одни изъ нихъ (вѣтвовцы, напр.) считаютъ церковь зараженною ересями второго чина, и потому переходящихъ къ нимъ принимаютъ вторымъ чиномъ. «Мы не дерзаемъ, — говорятъ они, — называть ихъ (православныхъ) еретиками, или инако како, но токмо они намъ сумнительны». «Россійская церковь, по ихъ мнѣнію, безъ всякой нужды за равно прїемлетъ какъ трепогружательное крещеніе, такъ и обливательное», и чрезъ это соединяется «римлянамъ и латинамъ, понеже у нихъ всякое крещеніе принимали»; а также «не второкрещаетъ она проклятыхъ люторъ и калвинъ и протчихъ нѣмцевъ католицкаго исповѣданїа»; порицаетъ столбавый соборъ и двуперстіе неприличными именами и печатаетъ книги «новы съ убавленіемъ и приложеніемъ» (т.-е. Розыскъ, Пращицу и друг.) какъ единовольники, «понеже они девять главизнъ нѣкакыхъ противныхъ у себя имѣли»²⁾.

Другіе поповцы (діаконовцы) находятъ въ церкви ереси только третьяго чина, и вслѣдствіе этого принимаютъ переходящихъ къ нимъ единственно посредствомъ проклятїа ихъ. Сначала и они «недоумѣвали, како отдать слово» о православной цѣркви, что связать о греческихъ архїереяхъ — «вси ли они отъ тогда (т.-е. со времени поѣздки на Востокъ Ар. Суханова) и до нынѣ въ противствѣ древнему православію обрѣтаются, или не вси; сего намъ, за толикимъ дальнеразстояніемъ и варварскимъ ими обладаніемъ... извѣстно, вѣдѣти и извѣстити невозможно»³⁾. И

¹⁾ Сборникъ Кельсіева, см. „Обвинит. статьи противъ правосл.“, стр. 198.

²⁾ Рукоп. Соловецк. библ. при Каз. Дух. Акад. подъ заглав. „Утвержденіе Церкви“, № 48, л. 112 и слѣд.

³⁾ Дїаконовы отвѣты. Отв. 1, ст. 1—8; Записк. Алекс. Б., часть II, стр. 200—203 и отвѣтъ 117, стр. 286—291.

они возражали противъ того, что въ «Жезлѣ» напечатано: «Яко Пресвятая Дѣва, Мати Божія, словомъ архангела Гавріила, въ 15-е лѣто по рождествѣ ея, въ самый день благовѣщенія очистиса; зане скверна прародительна быша въ ней»; потому что «сочисовати, яко Мати Божія имѣ въ себѣ скверну прародительнаго грѣха, есть непослѣдовати православно-каѳолическому исповѣданію, а послѣдовати западному учителю Іоанну Гибнеру» и проч. ¹⁾. Но, потомъ, когда голосъ ихъ былъ услышанъ ²⁾, когда они, оказываясь бессильными передъ безпоповцами въ защитѣ своихъ бѣглыхъ поповъ, все болѣе и болѣе неудовлетворялись своею бѣгствующею церковью; то стали все менѣе и менѣе находить въ православной церкви ересей, и, приближаясь къ ней, стали возражать только почти противъ однихъ ея новыхъ обычаевъ, порицаній старыхъ и клятвъ на нихъ. «Мы оставили,—писали уже они,—и оставляемъ не существо церковное... понеже о Божѣ и свойствахъ Божественныхъ погрѣшенія (въ православной церкви) не обрѣтаются» ³⁾, «но—погрѣшности и новоизмышленныя новости и соблазны хоша и некасающіяся до поврежденія существа членовъ вѣры о Божѣ, но паче новости и соблазны, да и внесенныя въ церковь чрезъ церковное преданіе и ученіе, кривѣ всякія потребности. Притомъ же не ученіемъ и проповѣдію, но силою и притѣсненіемъ съ кровію властительно, ими же древнее и святое и достовѣрное преданіе иное отвержено, а иное весьма поругано и обложено клятвами, и по нынѣ обрѣтаются претыканіемъ и соблазномъ» ⁴⁾.

Проклятія, противъ которыхъ старообрядцы здѣсь возражаютъ, бывшія преслѣдованія раскольниковъ, касаются уже не коренныхъ началъ раскола. И если они дѣйствительно считаютъ нашу цер-

¹⁾ „Никодим. Отвѣтъ“, рукоп. Соловец. библиот. при Каз. Д. Акад., № 118, л. 339—341.

²⁾ „Даруй,—писалъ Никодимъ въ заключеніе своихъ отвѣтовъ высокопреосвященному,—утомленнымъ христіаномъ прохладу, разжени облака темныхъ сумнительствъ“ (л. 364—365). И всю дѣятельность одного митр. Платона относительно раскола можно назвать отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

³⁾ „Смотри Символъ вѣры,—говоритъ въ доказательство этого поповецъ безпоповцу,—содержимый велико-россійскою церковью, Никейскаго Собора изложенія и Константинопольскаго также, и Аванасія Великаго, и Анастасія Антиохійскаго, и Кирилла Александрійскаго, Максима Исповѣдника, при семъ и катехизисы велико-россійскія церкви сочиненія, краткій и пространный, и богословію Макаріеву и Платонову“ („Пѣшех. Отвѣтъ“, рукоп. Солов. библиот. при Каз. Дух. Акад., № 113, отвѣтъ 15, л. 19 на оборот. и отв. 16, л. 28).

⁴⁾ Тамъ же.

ковъ соборною ¹⁾ другимъ словомъ, вселенскою, то имъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только присоединиться къ ней. Но какъ, повидимому, они ни близко подошли къ церкви ²⁾, все же большинство изъ нихъ послѣдняго не сдѣлало: вѣковыя предубѣжденія противъ нея, мысль объ отысканіи собственнаго архіерея останавливала ихъ на этой дорогѣ. А между тѣмъ, внутреннее распаденіе поповщины, происходившее отъ безжизненности ея началъ, годъ отъ году, все болѣе и болѣе усиливалось. Многіе поповцы сами видѣли это, сознавали и горько жаловались. «Увы, брате,—писалъ въ 1799 году поповецъ на Рогожское кладбище къ пріятелю,—увы, да не оскорбимъ васъ словомъ, уже бо кончина приближается наша, видно по всему писанію, что основаніе нашей вѣры на пещѣ, а не на твердомъ камени. Не имѣемъ мы ни епископа, ни священника, благословеннаго отъ власти церковной, но ожидаемъ, по мнѣнію нашему, особеннаго епископа. Сохрани насъ Боже, чтобъ и мы не также ожидали себѣ епископа, какъ жида ожидаютъ пришествія Мессіи»³⁾. А затѣмъ вскорѣ наступили и тридцатые года, когда правительство строго запрещало раскольникамъ держать бѣглыхъ поповъ, энергично преслѣдовало ихъ. И поповщина обѣдѣла попами. Что тутъ было дѣлать?.. Поповцамъ оставалось одно изъ двухъ: или переходить въ единовѣріе, или—въ безпоповщину. Но, къ удовольствію ихъ, вскорѣ нашелся давно ожидаемый ими «особенный епископъ», появилось австрійское священство. Поповцы

¹⁾ Тамъ же, отв. 14-й.

²⁾ О триперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія и литерословномъ—для благословенія, о значеніи того и другого въ Церкви, объ имени Іисусъ, о четвероконечномъ крестѣ и прочихъ новыхъ обрадахъ—этомъ камнѣ преткновенія для поповцевъ, они и то разсуждали весьма здраво и основательно. (См. „Пѣсех. Отв.“, предисловіе, л. 9-й отв. 61, л. 78 на оборот.; отв. 62—63, л. 84; отв. 66, л. 85 и 86 и отв. 61, л. 83 на оборот.).

³⁾ „Русск. Вѣстн.“ 1864 г., май, стр. 11. „О новый Израилю,—писалъ въ томъ же родѣ, въ 1820 г., неизвѣстный по имени иргизскій инокъ,—утолстѣ, ушпрѣ и забылъ еси Бога, создавшаго тя! Ушпрѣ фабриками и мірскими почестями, утолстѣ въ пространномъ житіи снотолченіемъ, чревоугодіемъ, объяденіемъ же и пьянствомъ. Забылъ еси Бога и послужилъ проклятой мамонѣ, и златому тельцу пригнѣси всю душу твою и всѣмъ помышленіемъ твоимъ. Окрадая смущенную Никоніанскую церковь, тщетно хвалилися, о новый Израилю, якобы священства чинъ въ тебѣ неизсякаетъ! Всеу хвалилися! Гдѣ той неизсякаемый источникъ, гдѣ пріемственныя отъ рукъ апостольскихъ хиротонія? Имѣши ли священное руковозложеніе, мѣросовершенство, антиминовъ освященіе, епископское благословеніе и разрѣшеніе, равно и судъ церковный? Кто можетъ къ тебѣ пресвитеровъ и діаконовъ поставити, мѣро совершати, дѣвъ освящати и всѣ дѣла съ разсужденіемъ творити по 9 пр. св. ант. соб. и по 6 карагенскаго?“ („Правосл. Обзоръ“, 1868 г., май, стр. 45).

обрадовались этому, успокоились, но не всѣ и ненадолго. Нѣкоторые изъ нихъ даже совсѣмъ не приняли его. Да и безпоповцы, съ своей стороны, тоже не оставляли ихъ въ покоѣ. Выхода изъ идеи царствованія на землѣ антихриста и повсѣхтственной гибели православія, они доказывали имъ, что теперь священства никакого нѣтъ и не можетъ быть. И подобная безпоповщинская пропаганда между поповцами, замѣтно, не проходила безслѣдно. Въ противодѣйствіе ей, московскій раскольниковскій духовный совѣтъ напечаталъ нужнымъ издать извѣстное «Окружное посланіе возлюбленнымъ чадамъ единымъ, святыя соборныя апостольскія, древне-православно-каѳолическія церкви, всѣмъ и всюду пребывающимъ». Опровергая въ немъ «безмѣстная, нелѣпая безпоповщинскія мудрованія» ¹⁾, московскій духовный совѣтъ для большей убѣдительности поповцевъ, что теперь нѣтъ еще антихриста, заговорилъ въ «Посланіи», въ довольно миролюбивомъ направленіи, объ особенностяхъ нашей церкви, которыя главнымъ образомъ и были основаніемъ для безпоповцевъ видѣть въ церкви антихриста и которыя для поповцевъ, какъ мы видѣли, казались все еще признаками ея неправославія. Сказавши, что «господствующая нынѣ въ Россіи церковь, а равно и греческая, вѣруетъ не во инаго Бога, но во единого съ нами, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ» и проч., «Посланіе» продолжаетъ далѣе: «хотя имя Христа Спасителя мы пишемъ и произносимъ *Исусъ*... обаче и пишемое и произносимое нѣмѣшними грѣхами и россіянами тако: *Иисусъ*, хулити не дерзаетъ и не нарицаемъ его именемъ инаго Іисуса и именемъ противника Христова, якоже нѣщцы безпоповцы злосудствуютъ. Ибо нынѣ въ Россіи господствующая церковь, вкупѣ же и греческая, подъ симъ именемъ исповѣдуетъ того же Христа Спасителя, по плоти родословныя сына Давидова, сына Авраамля, родившагося отъ колѣна Іудова, отъ Пречистыя Дѣвы Маріи, безъ сѣмени, наитіемъ Св. Духа,.. распята, погребенна и воскресшаго въ третій день, и въ чотыредесатый вознесшася на небеса и паки пріити имущаго со славою судити живымъ и мертвымъ... Сего ради видится и въ нѣкихъ древнихъ книгахъ имя Спасителя написаннымъ *Исусъ*, якоже въ концѣ библіи, Острожской печати.. въ маломъ катехизисѣ, изданномъ Петромъ Могилою,.. въ бесѣдахъ, изданныхъ въ Кіевѣ въ 7131-е лѣто Захаріемъ Копышевскимъ». Все это знали патріархи московскіе, которые хотя «и не пріятна того въ церковное употребленіе, обаче и суда

¹⁾ Чтен. Имп. Общ. Истор. и Древност., 1865 г. кн. III, стр. 247—252.

хульна, еже бы нареци Иисуса инымъ Богомъ не точію не изнесоша, но даже о семъ и не глаголаша»... «Подобнѣ и четвероконечный крестъ... не есть образъ противника антихриста,.. но образъ есть креста Христова, отъ днѣй Апостольскихъ и до нынѣ пріемлемый православно-каѳолическою церковію и видотворимый свѣтлю и начертаніемъ. Свѣтлю убо: егда осѣненіемъ руки, свѣщамъ, дуновеніемъ и огражденіемъ себе рукою крестное знаменіе воображаемъ...» Поэтому «мы не безчестимъ и не хулимъ сего креста и всяко крестохуленіе и кресторугательство отрѣцаемъ, отмечаемъ и уничтожаемъ»¹⁾.

Таковъ взглядъ позднѣйшихъ поповцевъ на православную церковъ. И изъ какого побужденія ни высказали бы они его,—изъ одного ли только желанія воспрепятствовать этимъ распространенію въ своемъ согласіи безпоповщинской пропагандѣ, или же вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ желанія показать церкви, что они не питаютъ къ ней старинной ненависти²⁾,—для насъ въ этомъ случаѣ важно то, что поповцы печатно, наконецъ, публично заявили, что новообрядства греко-россійской церкви не заключаютъ въ себѣ никакой ереси, что они достойны уваженія и уважаются ими³⁾.

Если это такъ, то что же имъ теперь мѣшаетъ присоединиться къ уважаемой ими православной греко-россійской церкви? «Вины же нашего непослѣдованія пастырямъ тоя церкви,—отрѣчаютъ они намъ на это,—суть важныя и благословныя, понеже, попущеніемъ Божиимъ, чрезъ Никона, бывшаго патріарха, древнецерковныя преданія измѣнишася, и внослѣдствіи соборомъ

1) Тамъ же, стр. 258—260.

2) На эту мысль наводятъ насъ нѣкоторыя мѣста самого „Окружнаго Посланія“, и въ особенности слѣдующее: „Молимъ живущаго въ вышнихъ Единаго, Безначальнаго Царя Славы, да послужитъ сіе (т.-е. кроткое обращеніе съ старообрядцами) образцемъ ученимъ пастыремъ господствующей нынѣ въ Россіи Церкви, яко да и тѣмъ обратятъ должное вниманіе о жестокословныхъ порицаніяхъ, отъ предѣлстниковъ ихъ сочиненныхъ и въ свѣтъ изданныхъ“. (Тамъ же, стр. 225). Если бы они не хотѣли этимъ „Посланіемъ“ обратить на себя вниманіе Церкви, то зачѣмъ бы это имъ говорить?

3) Правда, объ этомъ почти въ такомъ же духѣ говорилось и прежде—въ „Пѣсехоновыхъ Отвѣтахъ“. Но различіе между послѣдними и „Посланіемъ“ то, что „Пѣсехоновы Отвѣты“ писаны были частнымъ лицомъ и по частному вопросу, а „Посланіе“ издано было отъ лица дѣлаго московскаго духовнаго совѣта и публично, издано было отчасти, какъ мы выше тоже замѣтили, и для вразумленія русскихъ пастырей. Первому сочиненію, какъ неофіціальному и исключительно направленному для своего одного „согласія“, менѣе нужно давать въ этомъ случаѣ вѣры, чѣмъ послѣднему. Вотъ почему мы выше и не останавливались почти на отвѣтъ „Пѣсехоновыхъ отвѣтовъ“ относительно греко-россійскаго новообрядства.

1667 года ужаснѣйшая клятва и анаѣма на содержащихъ древня свято-церковная преданія произнесся, и строгое гоненіе и преслѣдованіе воздвигся съ мученіемъ. И по сихъ отъ пастырей, побирающихъ по нововзложеннымъ преданіямъ, бранныя книги издашася, въ нихъ же святѣйшее и поклоняемое имя Христа, Спасителя нашего, *Ис*, злоухульно поречено, аки бы не заменуеть Спасителя и Исцѣлителя душъ нашихъ, но нѣкоего инаго Ісуса. Къ сему же (оле дерзосте!) именоваша чудовищнымъ и ничего незначущимъ. Двуперстное сложеніе на изображеніе крестнаго знаменія такожде поречено: аріанствомъ, македоніанствомъ, несторіанствомъ, злобжнымъ раздѣленіемъ, арменствомъ, арменскою ересью, кукишемъ, Аріевой пропастью, адовыми вратами, волшебнымъ знаменіемъ, демоносидѣніемъ, чертовымъ преданіемъ... Сихъ ради совѣсть наша не допускаеть насъ быти въ подчиненіи пастыремъ тоя церкви» ¹⁾.

Но эти «вины» отступленія поповцевъ отъ церкви далеко не «важны и неблагословны»; они не первоначальны. Московскія клятвы 1667 года были уже слѣдствіемъ противленія старообрядцевъ церкви. А порицанія на раскольническіе обряды были вызываемы, какъ извѣстно и самому расколу, раскольническою же бранью на поправленные обряды, и не принадлежать церкви, хотя и высказываемы были нѣкоторыми ея пастырями. Церковь давно уже ихъ забыла. Впрочемъ, и сами поповцы сознають это, сознають, что «вины» эти не «важны и не благословны». Многие изъ нихъ съ перваго разу поняли, куда ихъ должно привести «окружное посланіе»; поняли, что признавая церковь греко-россійскую православною въ догматахъ, признавая ея, поправленные Никеономъ, обряды нисколько почти не богопротивными, они тѣмъ самымъ наносятъ ударъ себѣ, послѣ котораго уже ничѣмъ нельзя основательно защитить свое «согласіе», и послѣ котораго, въ силу одной послѣдовательности, они должны присоединиться къ ней—къ самой церкви. Они поняли, что признаніе того и другого вполне справедливымъ наноситъ и нанесло уже ударъ всей предшествовавшей раскольнической полемикѣ противъ православія; поняли, что «Окружное Посланіе» невосвратно уничтожило собою всѣ тѣ возраженія противъ греко-россійской церкви, какія расколъ въ продолженіе почти 200 лѣтъ выставялъ противъ нея.

Если, въ самомъ дѣлѣ, старообрядцы признали, наконецъ, что церковь наша въ догматахъ и таинствахъ православна; то что

¹⁾ Чтен. Импер. Общ. Истор. и Древн., 1865 г., кн. III, стр. 254—255.

же значать послѣ этого всѣ прежнія обличенія ихъ нашей церкви въ различныхъ ересяхъ, обличенія, которыхъ, какъ мы выше видѣли, держались и поповцы? Если новоисправленные книги и обряды не заключаютъ въ себѣ ничего еретическаго; то изъ-за чего же они негодовали на церковь въ продолженіе почти двухсотъ лѣтъ? Правда, они говорятъ въ «Посланіи» все-таки, что ихъ обряды стариннѣе, древнѣе ¹⁾. Но кто же ихъ и заставляетъ измѣнять имъ. На это у насъ и существуетъ единовѣріе. Вотъ почему на первыхъ же порахъ появленія въ свѣтъ «Окружнаго Посланія» оно встрѣтило во многихъ же поповцахъ сопротивленіе себѣ и произвело между ними раздоръ. Вотъ почему они взывали къ духовному своему совѣту еще въ 1863 году: «молимъ, умирите церковь Христову и успокойте умы христіанъ православныхъ, уничтожьте новосоставленное вами Окружное Посланіе». Но какъ «умирить церковь Христову»? Посредствомъ одного уничтоженія «окружнаго посланія»?.. Оно и было уничтожено въ томъ же году. Но это ни къ чему мирному не привело: раздоръ въ поповщинѣ изъ-за «Посланія» не ослабѣвалъ. Безсильнымъ въ этомъ случаѣ оказалось и «Соборное опредѣленіе» на окружное посланіе, въ которомъ московскій освященный соборъ, указавши причину, по которой послѣднее (т.-е. Окружное Посланіе) было издано, и научивши поповцевъ, какъ его нужно понимать, наконецъ, для большаго умиротворенія ихъ, говоритъ: «но, видя, что многіе христіане, не понявшіе сущность дѣла, припили въ сомнѣніе, а потому освященный соборъ, опровергая всякое сомнѣніе, подтверждаетъ, что согласно ученію древле-истинной христіанской церкви сие учить и проповѣдуетъ: аще кто не крестится двѣма персты, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ; такожде и о имени Ісусъ Христосъ проповѣдуетъ, яко же пишетъ въ книгѣ дѣяній апостольскихъ: нѣтъ бо иного имене подъ небесами, даннаго въ человѣцехъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ; подобно и всѣ прочія догматы церковныя и ученія, въ древле-печатныхъ книгахъ изложенныя, приедемъ за свято, и вводящихъ измѣненія и новизны проклинаемъ» ²⁾. Пошатнувъ своими руками такъ сильно воззрѣнія поповщины на нашу церковь и тѣмъ подорвавъ къ себѣ довѣріе у многихъ изъ ея членовъ, московскій духовный совѣтъ не могъ проклятіями на источникъ всего этого (т.-е. Окружное Посланіе) и уклончивыми толкованіями возратить довѣріе къ себѣ у поповцевъ, восстано-

¹⁾ Тамъ же, стр. 254.

²⁾ „Русск. Вѣстн.“, 1863 г., іюль, стр. 429.

вить нарушенный имъ церковный миръ въ «согласіи». Вѣковыя религіозныя воззрѣнія требуютъ болѣе мзды за свое оскорбленіе. Для умиротворенія «церкви христіанской» вождямъ раскола нужно было сказать что-либо поосновательнѣе, поновѣе вышепредставленнаго объясненія. Для защиты особаго существованія инокшны, которое было распатано «Окружнымъ Послаіемъ» необходимо было выдумать что-либо пообаятельнѣе, что, поражаа старообрядцевъ своею новизною и болѣею основательностію, успокоило бы ихъ, дало бы имъ новыя силы къ особому существованію, дало бы имъ новое оружіе противъ православія.

Спустя два года послѣ изданія «Окружнаго Послаіа», въ средѣ старообрядства стали дѣйствительно появляться одно за другимъ новыя сочиненія, выше нами поименованныя, которыя и представляютъ именно такое значеніе для раскола. Въ нихъ выставляются новыя возраженія противъ православной церкви. Новѣйшій расколъ уже не старается оправдать взглядъ «Окружнаго Послаіа» на наше обрядство. Нѣтъ, — онъ даже далѣе развиваетъ его. Онъ не только допускаетъ ту мысль, что наше обрядство не заключаетъ въ себѣ никакой ереси, но даже болѣе того — соглашается, что оно древнѣе раскольниковскаго обрядства. Не находя въ православной церкви, какъ и «Окружное Послаіе», ничего еретическаго, новѣйшій расколъ для защиты законности особаго существованія старообрядства возстаетъ на церковныя осужденія послѣдняго, но не потому, что обряды, содержащіе раскольниками, древнѣе Никоновскихъ, происходятъ отъ самыхъ первыхъ временъ христіанства, какъ то утверждалось прежде раскольниками, а потому, что эти обряды суть чисто русскаго, національнаго происхожденія, потому что они выработаны вѣковымъ русскимъ благочестіемъ, которымъ, вслѣдствіе этого, должны подчиняться всѣ — отъ мірянина до епископа. Совѣтуя православнымъ архіереямъ, какъ и «Окружное Послаіе», миролюбиво обращаться съ старообрядцами, и имѣя своеобразный взглядъ на значеніе обряда въ дѣлѣ вѣры, — онъ возстаетъ на церковь за то только, что она въ лицѣ, будто бы, одного своего архипастырства несправедливо осудила обряды, содержащіе раскольниками, — обряды сами по себѣ невинныя. Вращаясь вслѣдствіе этого главнымъ образомъ на соборѣ 1667 г., вса новѣйшая раскольниковская противоправославная полемика свиситъ доказывать, что старообрядство осуждено имъ неправильно.

Соборъ этотъ, — говоритъ она, — не имѣлъ права осуждать «старые», до-Никоновскіе обряды; потому что онъ «самъ по себѣ не можетъ считаться представителемъ Церкви»: на немъ не

было самого тѣла церкви—мірянь, а епископы сами по себѣ не имѣютъ права измѣнять церковные обряды. «Старые обряды,—говоритъ она далѣе,—*несправедливо* прокляты церковію; потому что они, будучи сами по себѣ полны глубокаго смысла и значенія — «смысленны», являются произведеніемъ національнаго, русскаго благочестиваго чувства, произведеніемъ вѣковымъ, историческимъ, которому, вслѣдствіе этого, должны подчиняться всѣ—отъ мірянина до епископа, и потому, наконецъ, что они—«старые обряды», не заключаютъ въ себѣ никакой ереси.

Вотъ тѣ главныя положенія, которыя новѣйшій расколъ выставляетъ противъ православной церкви во всѣхъ вышепоименованныхъ нами его сочиненіяхъ, написанныхъ съ замѣчательнымъ діалектическимъ искусствомъ, вообще отличающимъ новѣйшую раскольническую полемику.

I.

Мы замѣтили, что новѣйшій расколъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, имѣвшихъ у насъ подъ руками, поставляетъ своею задачею показать превосходство старообрядства предъ поправленно-обрядствомъ,—«произнести *слово* въ защиту и оправданіе старообрядства». Останавливаясь вслѣдствіе этого главнымъ образомъ на московскомъ соборѣ 1667 года, онъ такъ начинаетъ разсуждать относительно его клятвъ «на священные обычаи и обряды древней Россійской церкви»: «Ежели народъ,—разсуждаетъ онъ,—безъ епископа не составляетъ церкви, то и епископъ—безъ народа тоже. Государи, по духу и ученію апостольской церкви, суть прирожденные представители народа въ дѣлахъ церкви, а слѣдовательно и посредники между нимъ и архипастырствомъ, блюстители неприкосновенности чиновъ и уставовъ, обычаевъ и обрядовъ противу склонности архипастырства къ обрядоулучшеніямъ и самовластительству. Государи суть естественнѣйшіе органы, чрезъ кои народъ выражаетъ свое участіе въ самомъ установленіи сихъ обрядовъ и обычаевъ. Этимъ-то представительствомъ за свой народъ государи и оправдываютъ, канонизуютъ свое право на внимательство въ дѣла церкви и на первосѣдательство на соборахъ. Но наше архипастырство лишило народъ права на голосъ въ дѣлахъ церкви и себѣ одному присвоило значеніе церкви и даже церкви апостольской. Лишивъ его и духовенство этого права,—права на свободу въ дѣлѣ обряда и на смысленность въ дѣлѣ вѣры, и себѣ одному присвоивъ значеніе церкви съ ея непогрѣшимостію, оно само—наше архипастырство—во всѣхъ

этихъ дѣйствіяхъ уклонилось отъ духа и преданій святой апостольской церкви, впало въ латинство; рѣшенія по вопросамъ вѣры безспорно принадлежать архипастырству, но и то не безъ контроля пасомыхъ, что въ древности и выражалось присутствіемъ на соборахъ народа, а нынѣ государей и синклита, какъ представителей народа въ дѣлахъ церкви, а у насъ въ Святѣйшемъ Синодѣ первосвѣдательствомъ Государя Императора. Но чисто въ обрядовыхъ вопросахъ рѣшенія законны и дѣйствительны только при взаимномъ соглашеніи архипастырства и пасомыхъ. Такъ и было въ древней русской церкви. Въ 1478—1482 гг. все-російскій митрополитъ Геронтіи отвѣчаетъ предъ народомъ за совершенное имъ кругохожденіе не по обычаю. Но послѣ у насъ стало не совсѣмъ такъ. Епископы наши, какъ епископство свое получаютъ отъ самовластительства, такъ самовластительно поступаютъ и съ церковію они почитаютъ себя уполномоченными. Слѣдовательно,—заключаетъ авторъ,—и осужденіе на наше отечественное обрядство произнесено однимъ архипастырствомъ русской церкви вопреки ея самой, т.-е. народу, который есть самое тѣло церкви. А какъ одно архипастырство не составляетъ собора церкви въ собственномъ ея смыслѣ, то и осужденіе это оказывается произнесеннымъ не только не апостольскою церковію, но даже и не русскою»¹⁾.

Взглядъ этотъ на соборъ 1667 года совершенно новъ въ расколѣ; подобнаго ему въ прежней раскольниковъ литературѣ не бывало. Выходя изъ понятій о церкви «въ собственномъ ея смыслѣ» и изъ своеобразнаго взгляда на участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви, новѣйшій расколъ утверждаетъ, что такъ какъ «епископы безъ народа не составляютъ церкви», и такъ какъ «наше архипастырство лишило народъ права на голосъ въ дѣлахъ церкви, себѣ одному присвоило значеніе церкви, и самовластительно поступать съ церковію почитаетъ себя уполномоченнымъ», то «слѣдовательно и осужденіе на наше отечественное обрядство произнесено однимъ только архипастырствомъ, но отнюдь не церковію».

Для подтвержденія этой своей теоріи расколъ ссылается на древнія времена, приводитъ даже одинъ фактъ изъ исторіи отечественной церкви, но не обращаетъ вниманія на то, что участіе мірянъ на соборахъ не всегда было одинаково; въ одно время оно было сильнѣе, въ другое—слабѣе. Въ этомъ отношеніи особенно рѣзко отличаются первые вѣка христіанства

¹⁾ „Новѣйшая раскольник. челобитная“, рук. Каз. Дух. Акад. № 1; и въ „Объясненіи Н. В.“, рук. тамъ же.

отъ послѣдующихъ. Въ первые вѣка христіанства голосъ паствы на соборахъ, на первый взглядъ, мало чѣмъ отличался отъ голоса пастырей. Послѣдніе ничего почти не дѣлали безъ совѣта паствы¹⁾. Отличіе становится яснымъ уже по внимательномъ разсмотрѣніи соборныхъ разсужденій и постановленій. И это понятно почему. Въ ту пору—во времена страшныхъ гоненій—простые вѣрующіе въ ревности своей по вѣрѣ не уступали пастырямъ церкви. И чѣмъ полнѣе тогдашній христіанинъ отдавался своей вѣрѣ, чѣмъ рѣшительнѣе жертвовалъ для нея выгодами своей жизни и даже самою своею жизнію,—тѣмъ глубже, естественно, онъ входилъ и въ интересы своей религіи, тѣмъ живѣе принималъ участіе въ дѣлахъ своей церкви.

Соборы начались, какъ извѣстно, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства; ихъ было нѣсколько при самихъ апостолахъ. Остановимся на одномъ изъ нихъ, который послужилъ образцомъ уже для всѣхъ послѣдующихъ соборовъ.

Когда въ Антиохіи стали проповѣдывать обязательность обрѣзанія для всѣхъ христіанъ, антиохійская церковь «отправила по сему дѣлу Павла и Варнаву въ Іерусалимъ къ апостоламъ и пресвитерамъ». Въ Іерусалимѣ «апостолы и пресвитеры собрались для разсмотрѣнія сего дѣла», и, по общему совѣту братіи, постановили—не возлагать излишняго бремени обрядового іудейскаго закона на христіанъ: «тогда апостолы и пресвитеры со всею церковью разсудили, избравъ изъ среды себя мужей, послать ихъ въ Антиохію... написавъ и вручивъ имъ слѣдующее: Апостолы и пресвитеры и братія находящимся въ Антиохіи, Сиріи и Киликіи братіямъ... поелику мы услышали, что нѣкоторые смутили васъ (своими) рѣчами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрѣзываться..., то мы, собравшись, единодушно разсудили, избравъ мужей, послать ихъ къ вамъ» и т. д.²⁾

Изъ описанія этого собора видно, что на немъ вмѣстѣ съ апостолами и пресвитерами присутствовали и міряне, — видно также, что и опредѣленіе его, посланное къ другимъ церквамъ, написано было отъ имени апостоловъ, пресвитеровъ и братіи. Здѣсь еще, стало быть, не видно строгаго указанія на распредѣленіе границъ того участія, какое принимали тогда вѣрующіе въ дѣлахъ церкви. Тѣмъ не менѣе, всматриваясь въ самыя соборныя разсужденія, мы замѣчаемъ, что главное дѣло на соборѣ

1) Св. Кипріанъ „полагалъ, напр., себѣ за правило ничего не дѣлать безъ совѣта съ своимъ клиромъ и безъ согласія народа“. См. письмо къ пресв. и діакон., соч. Кипр., т. I, стр. 106.

2) Дѣян., гл. 15.

принадлежало все-таки апостоламъ. Къ нимъ только однимъ съ пресвитерами антиохійская церковь обратилась за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія, а не ко всей іерусалимской церкви. Они главнымъ образомъ и разсуждали на соборѣ (Петръ и Іаковъ). Дѣйствитель говоритъ: когда «Апостолы и пресвитеры собрались для разсмотрѣнія сего дѣла и когда, по долгомъ разсужденіи, Петръ, вставъ, сказалъ...; тогда умолило всё собраніе». Слѣдовательно, они одни дѣлаютъ окончательное опредѣленіе, между тѣмъ всѣ прочіе вѣрующіе хранятъ молчаніе. Ихъ опредѣленіе это принимается всею церковію. Слѣдовательно, согласуясь съ нимъ, тогдашніе вѣрующіе придали голосу апостольскому значеніе чисто законодательное.

Такое же второстепенное значеніе участію мірянъ на соборахъ церковь придавала и въ послѣдующее время. Говоря о соборѣ, бывшемъ въ Азій по случаю Монтановой ереси, Евсевій, церковный историкъ, хотя и приводитъ слова одного писателя — тѣ именно, что: «вѣрующіе начали часто и во многихъ мѣстахъ Азій собираться, и, изслѣдовавъ новое ученіе, объявили его еретическимъ и отвергли его какъ нечестивое» ¹⁾, однако въ актахъ соборовъ, бывшихъ въ Азій по случаю этой ереси, не упоминается о мірянахъ. Въ соборномъ свиткѣ (libellus synodicus) упоминается только о епископахъ, какъ объ единственныхъ лицахъ, составившихъ соборы по случаю появленія монтанизма ²⁾. Вопросъ о празднованіи Пасхи волновалъ всѣхъ вѣрующихъ, а между тѣмъ извѣстно, что постановленія соборовъ, бывшихъ по этому дѣлу, приписываются однимъ только епископамъ. «По случаю разногласія о празднованіи Пасхи,—говоритъ Евсевій,—происходили соборы епископовъ, которые всѣ единодушно, посредствомъ своихъ посланій, положили» и проч. ³⁾. То же самое видно и въ актахъ соборовъ африканскихъ, бывшихъ въ III-мъ вѣкѣ изъ-за дѣла о крещеніи еретиковъ. «Мы, епископы,—говорится, напр., тамъ,—собравшись въ числѣ 71-го, утвердили это (нѣтъ-нѣтъ еретическаго крещенія) своимъ мнѣніемъ, постановивъ, что въ католической церкви» и проч. На соборѣ африканскомъ (при св. Кипріанѣ), на которомъ присутствовали и міряне, мы постоянно встрѣчаемъ выраженія: «всѣ епископы сказали: угодно», или: «угодно всѣмъ епископамъ, собравшимся на

¹⁾ Церк. истор., Евсевій, кн. 5, гл. 16.

²⁾ Христ. чт., 1861 г., Декабрь.

³⁾ Церк. истор., 5, 23. О соборѣ противъ Новата онъ то же самое говоритъ (тамъ же, 6, 43).

соборъ» ¹⁾). Вслѣдствіе этого и соборныя опредѣленія подписывались только одними епископами или ихъ уполномоченными. «Кто поступитъ противъ своей подписи, тотъ самъ себя отлучить отъ сего собранія. Геннадій епископъ сказалъ: что изречено всѣми, мы должны утвердить своею подписью. Всѣ епископы сказали: да будетъ, — и подписались». «Всѣ епископы сказали: всѣмъ это угодно, и подтверждаемъ это нашею подписью и подписались всѣ епископы» ²⁾). Вотъ общая форма соборовъ, установленная въ VII-мъ вѣкѣ согласно древнему обычаю: «сперва войдутъ епископы и займутъ мѣста по порядку своего постановленія. Послѣ епископовъ призовутся пресвитеры, которые по какой-либо причинѣ обязаны будутъ быть на соборѣ, потомъ діаконы съ такимъ же ограниченіемъ. Епископы садутъ вокругъ, пресвитеры займутъ мѣста позади ихъ, а діаконы должны стоять предъ епископами. Затѣмъ пусть войдутъ и міряне, признанные достойными присутствовать на соборѣ, пусть призовутся также нотаріи для того, чтобы они читали и записывали всё, что будетъ необходимо» ³⁾).

Съ четвертаго вѣка личное участіе мірянъ на соборахъ слабѣетъ, а наконецъ и совсѣмъ замѣняется представительствомъ императоровъ, или ихъ уполномоченныхъ. Съ этого времени церковь входитъ въ союзъ съ государствомъ. И государство, вполне сознавая все вліяніе ея на гражданъ, стало съ своей стороны входить въ ея интересы. Гражданская власть теперь уже сама принимаетъ на себя заботу созывать епископовъ на соборы, доставлять имъ средства къ путешествію и содержанію и охранять ихъ дѣйствія отъ какихъ бы то ни было насилій. Теперь открывается рядъ вселенскихъ соборовъ, на которыхъ она, въ лицѣ государей или ихъ уполномоченныхъ, замѣняетъ голосъ народа. Но это, впрочемъ, нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Государя, являясь на соборахъ представителями народа, не пользовались на нихъ какими-либо особенными правами, отличными отъ прежнихъ правъ народа. По обстоятельствамъ времени, измѣнилась одна только форма участія мірянъ на соборахъ.

Неизвѣстно, были ли въ нашей русской церкви соборы при св. Владимірѣ. Но извѣстно, что самъ св. Владиміръ, «снимаясь (сходясь) съ епископы, часто совѣщавашеся, како во чловѣцѣхъ сихъ, новопознавшихъ Господа, законъ уставити» ⁴⁾), и — что

¹⁾ Хр. чт., 1861 г., Дек.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Годичный актъ при Казанск. Универс. за 1866 годъ, брошюра, стат. „объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церк.“, стр. 37. См. также Хр. чт. за 1861 годъ, декабрь.

⁴⁾ Похв. слово Владим. мит. Иларіона.

слѣдствіемъ этихъ совѣщаній былъ уставъ, въ послѣдствіи подтвержденный и дополненный другими такими князьями. Въ уставѣ этихъ прямо сказано: «въ дѣлѣ церковныхъ людей не вступаются ни князи, ни княжи волостели, а вѣдаютъ ихъ епископы по правиламъ св. отецъ». Въ новгородскихъ грамотахъ епископамъ усвоилась полная власть въ этихъ дѣлахъ каждый разъ, какъ только возникаетъ судъ, относящійся до вѣры и церковнаго благоустройства. На этихъ судахъ все дѣло обсуждается одними епископами, князья же и народъ присутствуютъ на нихъ только какъ свидѣтели, и принимаютъ на себя одну только власть исполнительную. При Глѣбѣ, напр., въ Новгородѣ являются волхвы. Глѣбъ преслѣдуетъ ихъ, но только тогда уже, когда они были осуждены епископомъ предъ всѣмъ народомъ ¹⁾. На кievскомъ соборѣ, состоявшемся въ 1168 году для рѣшенія извѣстнаго вопроса о постѣ, кромѣ епископовъ и прочихъ духовныхъ лицъ, было не мало и мірянъ. Но все дѣло соборныхъ разсужденій вели одни духовныя лица ²⁾. Владимірскій соборъ 1274 года, разсуждавшій о мѣрахъ къ искорененію современныхъ ему безпорядковъ въ практикѣ русской церковной жизни, состоялъ изъ однихъ только епископовъ. Сказанія объ этомъ соборѣ не говорятъ по крайней мѣрѣ о присутствіи на немъ мірянъ, и все дѣло веденія соборныхъ разсужденій приписываютъ однимъ епископамъ. Въ предисловіи къ изложенію правилъ этого собора читаемъ: «я, Кириллъ, смиренный митрополитъ всей Руси (сильно скорбѣлъ), видя и слыша нестроения въ церквахъ; посему я разсудилъ нынѣ со святымъ соборомъ и преподобными епископами произвести нѣкоторое изслѣдованіе о церковныхъ дѣлахъ». Въ самомъ изложеніи правилъ говорится: «не взимать отъ нихъ (т. е. отъ поставленныхъ во священныя степени) ничего, кромѣ того, что я ³⁾ установилъ взимать въ митрополіи; пусть будетъ такъ во всѣхъ епископіяхъ ⁴⁾». На Переяславскомъ соборѣ 1310 года, который составленъ былъ для осужденія Андрея, епископа тверскаго, за изводимыя имъ клеветы на первосвятителя церкви Петра, присутствовали вмѣстѣ съ епископами, другими духовными лицами со-

рас-
вите-
нима-

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп. 1, 63—64.

²⁾ Христ. Чт., 1852 г., ч. I, стр. 308—309.

³⁾ Это приписываніе митрополитомъ Кирилломъ какъ будто одному себѣ со всего составленія не отрицаетъ значенія у самаго собора. По окончаніи собора, предложенія изложены были митрополитомъ въ видѣ особой рѣчи, предложенія соборѣ отъ собственного лица, вѣроятно, предъ закрытіемъ собора и послѣ, по одобреніи отъ послѣдняго, разосланы по всѣмъ епархіямъ для г

⁴⁾ Русск. Достоп. 1, 106—112.

и князя. Все собраніе выразило сильное неудовольствіе на Андрея. Однакожъ окончательный судъ надъ нимъ произнесенъ былъ все-таки епископами; святитель Петръ простилъ Андрея ¹⁾. На соборѣ тверскомъ 1390-го года, созванномъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ для суда надъ тамопниимъ епископомъ Евѣмиемъ, за самовольное оставленіе имъ касседры, присутствовали кромѣ митрополитовъ, епископовъ, духовенства, и князя съ боярами. Но разсужденія его велись одними епископами: «митрополиты же, — говорить объ этомъ современная записка, — суди его по правиламъ св. отецъ». Епископы лишили Евѣмія касседры ²⁾. Іоаннъ, архіепископъ новгородскій, за недостатокъ покорности и смиренія осужденъ былъ московскимъ соборомъ 1401-го года, состоявшимъ изъ митрополита Кипріяна и девяти только епископовъ ³⁾. Извѣстный нашъ митрополитъ Исидоръ за свое единеніе съ Западомъ осужденъ былъ также московскимъ соборомъ 1441-го года. Правда, великій князь еще прежде собора заключилъ его въ монастырь. Но окончательное сужденіе объ его поступкѣ все-таки рѣшено было соборомъ пастырей. Соборъ увѣщевалъ Исидора раскаяться, но напрасно, и Исидоръ былъ имъ осужденъ. «И явился, — сказано въ грамотѣ великаго князя, по этому случаю составленной, — и явился всѣмъ нашимъ боголюбивымъ епископамъ русскимъ, яко чуждо есть и страшно отъ божественныхъ и священныхъ правилъ Исидорово все дѣло ⁴⁾». Соборъ, созванный митрополитомъ Іоною въ 1459 году, для изысканія мѣръ къ противодѣйствію уніи, которая стала распространяться на юго-западѣ, состоялъ изъ однихъ только великороссійскихъ епископовъ. Въ письменномъ обязательствѣ, которое здѣсь дали епископы относительно своей вѣрности московской митрополіи и въ воззваніи, посланномъ отъ собора литовскимъ епископамъ и всему тамопшнему духовенству, не встрѣчаются по крайней мѣрѣ подписи свѣтскихъ лицъ ⁵⁾. На московскомъ соборѣ 1503-го года, созванномъ для изысканія мѣръ къ устраненію современныхъ церковныхъ безпорядковъ, присутствовалъ самъ великій князь Иванъ Ильевичъ съ своимъ сыномъ. Но предсѣдательствовалъ на немъ св. митрополитъ Симонъ, вели разсужденія и постановили опредѣленія (сходни только епископы. Великій же князь, соглашаясь съ рѣшеніемъ,

1) Хр. ист. чт., 1852 г., ч. I. 354—355.

2) Тамъ же, 356—357.

3) Годы же, 369.

стѣи мѣрныя же, 364—365.

4) Похв. же, 367.

неими собора, утвердить только их неприкосновенность ¹⁾. На самомъ, наконецъ, Стоглавомъ соборѣ царь имѣлъ только совѣщательный голосъ. Въ своей рѣчи и вопросахъ собору онъ только указалъ ему предметы для разсужденія. Самое же разсужденіе и опредѣленіе постановлено было епископами подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія. Согласившись съ опредѣленіемъ собора, царь своими грамотами содѣйствовалъ въ послѣдствіи только къ проведенію ихъ въ народную жизнь ²⁾.

Вотъ историческая практика нашей древней отечественной церкви. Собственно, и у насъ, какъ въ древней греческой церкви, мірской элементъ на соборахъ всегда былъ второстепеннымъ, — то право мірянъ на голосъ въ дѣлахъ церковныхъ, какъ право чисто только человѣческое, всегда находилось въ подчиненіи іерархическому, ссылающейся въ этомъ случаѣ на право божественное. Очевидно, что князья наши и цари — представители народа въ дѣлахъ церковныхъ, — созывая, по нуждамъ церкви, соборы, присутствуя на нихъ и утверждая опредѣленія ихъ, дѣйствовали во всѣхъ этихъ случаяхъ только какъ сила второстепенная — охранительная. Слѣдовательно, съ исторической стороны новѣйшій расколъ не правъ, утверждая, что у насъ въ древности — до патріарха Никона, голосъ народа въ дѣлахъ церкви и обряда былъ равносильный голосу епископовъ. Это — во-первыхъ.

Во-вторыхъ, обращаясь теперь къ самому собору 1666—67-го г., мы видимъ, что мірской элементъ занималъ на немъ соответственное своимъ правамъ положеніе. Состоявши изъ іерарховъ, имѣвшихъ право и обязанность присутствовать на соборахъ и представлять собою божественную (*jus divinum*) и рѣшительную (*jus decisivum*) власть церкви, онъ созданъ былъ, по нуждамъ своего времени, самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который, «подобно пророку Іліи ревностію возревновавъ, подобно Константину — повелѣ собору быти». На второмъ соборномъ засѣданіи, положившемъ основаніе для дальнѣйшихъ соборныхъ разсужденій, присутствовалъ «естественный, прирожденный представитель народа въ дѣлахъ церкви» — царь. Слѣдовательно, соборъ этотъ по составу своему, вопреки мнѣнію новѣйшаго раскола, по всей справедливости, можетъ считаться представителемъ всей россійской церкви. Голосъ и желаніе царя принимались на этомъ соборѣ и уважались какъ голосъ и желаніе всего народа. Царь жаловался епископамъ собора на волненія, про-

¹⁾ Правосл. соборскія, 1868 г., ч. II, стр. 349—363.

²⁾ Допом. къ лад. Стоглава, стр. 2 и др.

исходившія въ тогдашней нашей церковной жизни отъ возникающаго раскола, и просилъ ихъ позаботиться о прекращеніи ихъ. Епископы, и сами вполне сознавая это, приняли надлежащія мѣры къ прекращенію ихъ и постановили извѣстные соборныя опредѣленія, которыя царь и утвердилъ. И такой образъ дѣйствій большого московскаго собора вполне согласенъ, какъ это видно изъ всего сказаннаго нами выше, съ практикою древней восточной и нашей отечественной церкви. Если такъ, — то гдѣ же тутъ латинство, въ которомъ такъ рѣшительно укоряетъ новѣйшій расколъ нашихъ пастырей церкви? Въ чемъ онъ видитъ, что наши пастыри «не признаютъ представительства за свой народъ даже и за самими государями»?

Другое усиліе новѣйшаго раскола состоитъ въ томъ, чтобы доказать некомпетентность епископовъ въ дѣлѣ исправленія ими церковнаго обряда. Онъ прямо и рѣшительно утверждаетъ, что одни епископы не имѣли и не имѣютъ права измѣнять обычай и обряды, что они сами должны подчиняться обряду своей церкви, и что подчиненіе голосу епископовъ необязательно въ этомъ случаѣ для пасомыхъ. Сказавши, что «чисто въ обрядовыхъ вопросахъ рѣшенія законны и дѣйствительны только при взаимномъ соглашеніи архипастырства и пасомыхъ», онъ вслѣдъ за этимъ говоритъ: «Епископы не только не имѣютъ права касаться обрядовъ и обычаевъ своими измѣненіями, но и сами обязаны подчиняться обряду и обычаю своей церкви. Это послушаніе обрядамъ и обычаямъ отечественной церкви особенно обязательно для нашего архипастырства. У насъ въ Россіи епископы — монахи, а отличительный, существенный знакъ монашества есть послушаніе. Нѣтъ, у насъ не совсѣмъ такъ. Епископы наши, какъ епископство свое получаютъ отъ самовластительства, такъ самовластительно поступать и съ церковію они почитаютъ себя уполномоченными. Говорятъ, міряне и пасомые не должны имѣть голоса въ дѣлахъ вѣры и обряда, пасомые будто бы обязаны архипастырству безусловнымъ, безразсуднымъ повиновеніемъ. Это голосъ папизма и іезуитизма, а не православія. А между тѣмъ нѣкоторые пастыри сами иногда противъ своей воли и признанія, какъ Валаамова ослица, проговариваются и говорятъ истину. Необязательность для пасомыхъ слушаться архіереевъ въ дѣлѣ обряда, особенно рельефно изобразилъ покойный преосвященный митрополитъ с.-петербургскій Григорій. Въ книжицѣ своей: «Отвѣтъ единовѣрца старообрядцу», онъ говоритъ: *«Братіе, поминайте наставники ваша, иже маголаша вамъ слово Божіе. Повинуйтесь имъ и покоряйтесь.* Это заповѣданіе Апостола весьма

важно и непременно должно быть исполняемо; потому что Господь ясно сказал своимъ ученикамъ: *слушай вась, мене слушаетъ, и отъменяйся вась, мене отъменяется*. Но сказанное заповѣданіе Апостола о повиновеніи наставникамъ должно быть исполняемо по яснымъ его словамъ только тогда, когда они глаголютъ намъ слово Божіе. О перстахъ же, которые должно слагать для крестнаго знаменія, Слово Божіе нигдѣ не говоритъ ничего. Слѣдовательно, св. Апостоль, дѣлая намъ означенное заповѣданіе, не имѣлъ въ виду обязать насъ повиновеніемъ имъ въ отношеніи къ перстосложенію для крестнаго знаменія, тѣмъ болѣе (не тѣмъ болѣе, — поправляетъ въ этомъ случаѣ новѣйшій расколъ митрополита Григорія, — а именно потому), что употребленіе перстовъ для крестнаго знаменія не составляетъ вѣры». Что здѣсь сказано о перстосложеніи, — заключаетъ новѣйшій расколъ, — то, конечно, должно разумѣть и о каждомъ обычаѣ и обрядѣ» (тамъ же, стр. 67, 68, 69, 71 и 72).

Такое убѣжденіе новѣйшаго раскола относительно безправности епископовъ въ дѣлѣ измѣненія ими церковнообряда выходитъ у него главнымъ образомъ изъ своеобразнаго его взгляда на значеніе обряда въ дѣлѣ вѣры и отчасти — изъ теоріи его относительно образованія нашего отечественнаго старообряда. Относительно значенія обряда въ дѣлѣ вѣры новѣйшій расколъ рассуждаетъ такъ: «Обрядъ, — говоритъ онъ, — есть видимый знакъ и видимое дѣйствіе, чрезъ кои сообщается благодать, освящающая и совершающая. И потому обрядъ, какъ проводникъ благодати, необходимъ и обязателенъ для каждого вѣрующаго. Но, признавая обязательность обряда, св. апостольская церковь никогда не придавала и не придаетъ ему догматической неизмѣняемости и вселенски обязательной единообразности, предоставляя каждой частной церкви, по мѣрѣ ея самостоятельности, благоустроить свои чины и уставы, обычаи и обряды сообразно времени, мѣсту и духу народа... Не лучше ли поэтому, — совѣтуетъ новѣйшій расколъ, — и не время ли русскому архипастырству, оставивъ обрядовыя подробности свободѣ и совѣсти каждаго, приведеніе ихъ въ одному знаменателю предоставить времени» (тамъ же, л. 4—5 и 71).

Итакъ, обрядъ въ дѣлѣ вѣры не такъ важенъ, чтобы стоило обращать на него особенное вниманіе. Въ дѣлѣ обряда, по убѣжденію новѣйшаго раскола, должна быть допущена полная свобода «для совѣсти каждаго». А отсюда уже одинъ шагъ и до известнаго намъ положенія новѣйшаго раскола, въ силу котораго онъ отвергаетъ достоинство большого московскаго собора.

Если въ самомъ дѣлѣ обрядовая свобода должна быть представлена «совѣсти каждаго» вѣрующаго, то, понятно, что епископы послѣ этого не имѣютъ права и не должны измѣнять церковные обряды. Если — далѣе — епископы, незаконно присвоивъ себѣ власть, стануть измѣнять послѣдніе и измѣнять ихъ, какъ это и было на соборѣ 1667-го года, и стануть вводить ихъ измѣненные уже во всеобщее употребленіе; то вѣрующіе міряне, въ силу законнаго понятія объ обрядовой свободѣ для «совѣсти каждаго», имѣютъ право не подчиняться рѣшеніямъ ихъ и постановленіямъ.

Но, проповѣдую обрядовую свободу, новѣйшій расколъ становится чрезъ это въ противорѣчіе съ самимъ собою. Если обрядовая свобода должна принадлежать «совѣсти *каждаго*», то, понятно, — ее, въ силу логической послѣдовательности, не должно отнимать и у епископовъ. А между тѣмъ епископамъ-то онъ въ ней и отказываетъ, когда утверждаетъ, что они должны подчиняться обряду и обычаю своей церкви. Въ другомъ мѣстѣ онъ еще рѣшительнѣе утверждаетъ, что «архипастырство обязано повиноваться въ дѣлѣ обряда и обычая своей отечественной церкви» (тамъ же, л. 34). Значитъ, тутъ что-то скрывается особенное. А чтó именно, — это сейчасъ увидимъ, когда узнаемъ, чтó разумѣтъ новѣйшій расколъ подъ тою церковію, обрядамъ и обычаямъ которой архипастырство, по его убѣжденію, должно повиноваться. Подъ этою церковію онъ разумѣтъ не что иное, какъ себя же самого — старообрядство. Вмѣнивши въ обязанность епископамъ повиноваться обрядамъ и обычаямъ своей церкви, онъ тотчасъ же и указываетъ послѣднюю намъ, когда вслѣдъ за этимъ восклицаетъ, что: «сама *россійская Церковь въ лицѣ старообрядства* воть уже 200 лѣтъ протестуетъ противъ ошибокъ архипастырства» (тамъ же, л. 35). Все это было бы страннымъ, если бы новѣйшій расколъ въ своемъ понятіи о церкви и іерархіи придерживался поповщинскаго взгляда, или безпоповщинскаго. Но онъ не стѣбитъ ни за бѣглыхъ поповъ, ни за идею царствованія на землѣ антихриста. Онъ прямо говоритъ, что въ церкви непрерывно до скончанія вѣковъ должна пребыть священная іерархія съ ея тремя чинами, безъ которой никакое общество вѣрующихъ не можетъ притязать на именованіе св. церкви. Полагая далѣе, что «эти истины столь священны и столь ясны, что пояснять ихъ совершенно излишне» (Письм. старообр. къ Г. Θ., л. 2), и сознавая, что у старообрядцевъ нѣтъ іерархіи, онъ въ то же время утверждаетъ, что это однакоже нисколько не препятствуетъ имъ называться церковію. «Я не разъяснилъ, — говоритъ по этому поводу новѣйшій расколъ, — какимъ образомъ 200 лѣтъ пребывавъ

без *іерархіи*, старообрядцы могли пребывать неотступно и дѣйствительно пребывают неотступно въ союзѣ и повиновеніи св. апостольской церкви,—но я останавливаюсь это дѣлать* (тамъ же, 1. 10 на оборот.). Почему?.. Нѣтъ отвѣта и, разумѣется, не можетъ быть. Но у новѣйшаго раскола, какъ увидимъ ниже, есть еще и не такія важныя противорѣчія самому себѣ, какъ, напр., вышеуказаніе нами, изъ-за котораго мы уклонились даже отъ настоящаго дѣла.

Новѣйшій расколъ представляетъ еще одно возраженіе противъ каноническаго достоинства большого московскаго собора. На этомъ соборѣ, извѣстно, присутствовали два восточныхъ патріарха и другіе греческіе іерархи, которые всѣ, конечно, и подписали соборный актъ объ осужденіи старообрядцевъ. Вслѣдствіе этого наша церковь считаетъ, что съ осужденіемъ старообрядцевъ наша церковь согласна съ нею и восточная. Послѣднее ему кажется нѣбывотнымъ, потому что «анаематствованія сего собора прямо противорѣчатъ соборной *инструкціи* константинопольскаго патріарха сему собору». Онъ даже утверждаетъ, что «бывшіе на этомъ соборѣ греки—представители восточной церкви—исполнили это свое представительство точно также, какъ таковой же грекъ митрополитъ Исидоръ—за нашу церковь на Флорентійскомъ соборѣ».

Что же это за *инструкція*?

Инструкція эта есть извѣстное посланіе константинопольскаго патріарха Паисія къ патріарху Никону, присланное имъ еще въ 1655 году и заключающее въ себѣ дѣяніе константинопольскаго собора, и нѣсколько общихъ совѣтовъ Никону,—посланіе, въ которомъ даются отвѣты на тѣ 26 вопросовъ касательно чиновъ церковныхъ и погрѣшностей, вравшихся въ наши тогдашнія церковно-богослужебныя книги, которые предложили константинопольскому патріарху царь и патр. Никонъ въ 1654 году. «А что Восточная Церковь,—разсуждаетъ по этому поводу новѣйшій расколъ,—на сторонѣ поправленіиообрядства,—это болѣе, нежели сомнительно. Изъ собственнаго посланія константинопольскаго патріарха Паисія къ Никону мы слышимъ вразумленіе, что обрядовыя разности не разрушаютъ единства вѣры и не препятствуютъ общенію, и—предостереженіе патріарху Никону не касаться этихъ разностей своими поправленіями».

Но, константинопольскій патріархъ своимъ посланіемъ дѣлаетъ предостереженіе одному только патріарху Никону, а потому какъ же новѣйшій расколъ могъ сдѣлать изъ этого посланія «инструкцію» для большого московскаго собора? Время этого послѣдняго собора и время, когда писано было константинопольскимъ патріархомъ посланіе Никону—не похоже одно на другое.

Расколъ около 1655 года далеко, какъ извѣстно, былъ еще не то, чѣмъ онъ сталъ во время 1667 года. Въ эту пору онъ уже рѣшительно воспротивился Церкви. Слѣдовательно, уже по одному этому, посланіе патріарха Паисія, пригодное, быть можетъ, для положенія нашихъ церковныхъ дѣлъ въ 1655 году, не можетъ считаться инструкціею для собора 1667 года. Да и какъ, наконецъ, соборъ одной частной церкви можетъ предписывать «инструкціи» собору, на которомъ присутствовали два восточные патріарха, собору, стало быть, со вселенскимъ характеромъ?

Но допустимъ, что посланіе патріарха Паисія къ Никону можетъ считаться «инструкціею» для большого московскаго собора. Что же изъ этого, — въ чемъ и какъ этотъ соборъ погрѣшилъ противъ этой «инструкціи»? Новѣйшій расколъ это дѣло представляетъ такъ: сказавши, что патріархъ Паисій предостерегаетъ патр. Никона «касаться обрядовыхъ разностей своими поправленіями, такъ какъ онѣ не разрушаютъ единства вѣры», онъ вслѣдъ затѣмъ съ удивленіемъ спрашиваетъ: «И что же?!. Въ томъ же посланіи святѣйшій Паисій эти самыя разности называетъ смертною пажитію. Это видимое противорѣчіе въ устахъ константинопольскаго патріарха, очевидно, есть слѣдствіе извращенія патріархомъ Никономъ сущности дѣла. И дѣйствительно, святѣйшій Паисій пишетъ патріарху Никону: «о епископѣ коломенскомъ Павлѣ и о протопопѣ Іоаннѣ Нероновѣ вы пишете, что они не согласуютъ съ вами, содержатъ свои особыя книги, свою литургію, свое крестное знаменіе, что они даже порицаютъ наши патріаршія молитвы и литургію и стараются привести новшества свои и сокровенныя молитвы, какъ бы исправленіе. Отвѣщаемъ: сія вся суть знаменія ереси и раздора, и который сицевая вѣруетъ и глаголетъ, есть чуждъ православныя нашей вѣры. Итакъ, или да примутъ нелицемѣрно, елика содержитъ и догматствуетъ православная наша церковь, или по первомъ и второмъ наказаніи пребывше не исправлены, да отвержете ихъ и разлучите изверженіемъ отъ овецъ Христовыхъ, да не питаютъ я смертною пажитію». «Осужденіе справедливое, — поясняетъ новѣйшій расколъ. Чтѣ сказать о людяхъ, кои осмѣлились бы опорочить литургію великихъ отцовъ—Василія и Іоанна и всѣ богослужебныя книги назвать негодными, дерзнули бы сочинить и свою литургію и свои богослужебныя книги? Подлинно, не было ли бы это знаменіемъ ереси и раздора, хулою на преданія святыхъ отцовъ и на самую церковь? Но, полно, такъ ли это было и есть у старообрядцевъ? Въ первый и единственный разъ слышимъ изъ устъ патріарха Никона, будто бы у насъ свои богослужебныя

книги, свои молитвы, своя литургія, свое крестное знаменіе. Свое ли все это? Ей, не свое, а до подлинности, до буквы все то, что содержала древняя російская церковь до Никона. Какимъ же образомъ въ донесеніи константинопольскому патріарху оказалось у Никона все старое, а у старообрядцевъ свои новины, т.-е. будто бы ими самими написанныя и книги, и молитвы, и литургія, и крестное знаменіе?.. Вотъ по истинѣ странное слышаніе! Мы, старообрядцы, стояли и стоимъ за все то, что выражено книгами, напечатанными при первыхъ пяти патріархахъ російскихъ, а Никонъ увѣряетъ святѣйшаго константинопольскаго патріарха, будто у насъ и литургія, и книги, и обряды Нероновскаго и Павло-Коломенскаго. Если такимъ изложеніемъ дѣла успѣлъ патріархъ Никонъ похитить отъ константинопольскаго патріарха осужденіе старообрядства; то,—заключаетъ новѣйшій расколъ,—по истинѣ російская церковь не имѣетъ основанія торжествовать побѣду надъ старообрядствомъ, себя успокоивать и утѣшать, а насъ обличать согласіемъ въ осужденіи насъ всюю восточною Церковію» («Новѣйш. расколн. челобитная», л. 75—80):.

Это правда, скажемъ и мы. Но дѣло въ томъ, правильно ли толкуетъ это посланіе патріарха Паисія къ Никону новѣйшій расколъ? Кажущееся противорѣчіе этого посланія онъ объясняетъ тѣмъ, что, будто бы Никонъ въ своемъ донесеніи константинопольскому патріарху намѣренно исказилъ факты. Но ни того, ни другого не допускаетъ самое простое толкованіе этого посланія.

Въ этомъ посланіи патріархъ Паисій сначала занимается общими разсужденіями объ обрядовыхъ разностяхъ, добавляя все-таки, что «иное дѣло еретики, а иное дѣло раскольники, которые, хотя, повидимому, и соглашаются въ главныхъ догматахъ православія, имѣютъ однакожъ и свои ученія, чуждыя канолической церкви»¹⁾. Вникнувши же потомъ въ тѣ вопросы, которые ему предложены были патріархомъ Никономъ, онъ уже продолжаетъ: «Увѣщавай всѣхъ принять тотъ чинъ, который содержится во всей восточной церкви и дошелъ до насъ по преданію изъ начала безъ маѣйшей перемѣны. Если же ваши чины окажутся несогласными съ нашими: пишите къ намъ и разсудимъ объ нихъ соборнѣ». Стало быть, патріархъ Паисій уже не совѣтуетъ безразлично относиться къ тогдашнимъ нашимъ разностямъ въ чинахъ, которыя вообще были указаны нами въ обзорѣ древней противуправославной раскольнической полемики. Когда онъ узналъ, что изъ-за нашихъ обрядовыхъ разностей произошло

¹⁾ Истор. русск. раск., Макарь., стр. 148.

возмущеніе въ лицѣ Павла Коломенскаго и Іоанна Неронова противъ церковной власти, когда онъ узналъ, что нашлось не мало людей, которые нѣкоторыя обрядовыя особенности стали считать за догматы и изъ-за этого — отдѣляться отъ церкви, тогда онъ поспѣшилъ замѣтить: «сія вся суть знаменія ереси и раздора.» Новѣйшій расколъ толкуетъ: «Патріархъ предостерегаетъ Никона касаться несущественныхъ разностей (т.-е. о которыхъ говорить въ началѣ своего посланія) своими поправленіями. И что же? Въ томъ же посланіи эти же самыя разности называетъ смертною пажитію!» Вовсе не эти самыя разности, о которыхъ патріархъ Паисій вообще разсуждалъ въ началѣ своего посланія къ Никону, называетъ онъ смертною пажитію, а разности *наши, тогдашнія*, грозившія разрушить миръ церковный. «Это видимое противорѣчіе въ устахъ константинопольскаго патріарха, очевидно, есть слѣдствіе извращенія патріархомъ Никономъ сущности дѣла.» И этого сказать нельзя; это было не слѣдствіемъ извращенія патріархомъ Никономъ сущности дѣла, а слѣдствіемъ разъясненія его. Когда Никонъ писалъ патріарху Паисію, что Павелъ Коломенскій и Іоаннъ Нероновъ содержатъ свои книги и проч.; то онъ разумѣлъ тутъ только то, что они не хотятъ разстаться съ своими книгами, напечатанными до него, съ книгами, въ которыхъ много ошибокъ, погрѣшностей, имъ правящихся, что они держатся ихъ съ явнымъ противленіемъ церковной власти.

Никонъ въ своемъ посланіи къ Паисію не только не извратилъ сущности дѣла, но еще умолчалъ и умолчалъ о самомъ важномъ. «Я слышалъ, — пишетъ патріархъ Паисій Никону въ письмѣ, присланномъ первымъ вмѣстѣ съ дѣяніемъ константинопольскаго собора, которое новѣйшій расколъ называетъ «инструкцію», — я слышалъ, что въ вашихъ церковныхъ чинахъ есть и еще нѣкоторыя вещи, несогласныя съ чиномъ великой церкви, и удивляюсь, какъ ты не спрашиваешь объ нихъ. И прежде всего у васъ будто бы въ самомъ символѣ вѣры сдѣлано прибавленіе, котораго у насъ нѣтъ. Отъ всего сердца желаемъ, чтобы это исправилось» ¹⁾.

Новѣйшій расколъ не обратилъ вниманія на это замѣчаніе патріарха Паисія. И понятно почему. Оно идетъ въ разрѣзъ съ его намѣреніемъ, подрываетъ его положеніе. Ему выгодно было воспользоваться обмолвкой патріарха Никона, которая собственно состояла только въ томъ, что онъ въ посланіи своемъ къ Паисію выразился несовсѣмъ точно о тогдашнихъ нашихъ церковныхъ разностяхъ. На дѣлѣ оказывается, что и патріархъ Ни-

¹⁾ Тамъ же, стр. 151.

вонъ въ своемъ донесеніи константинопольскому патріарху Паисію не исказилъ «сущности дѣла», и въ такъ-называемой «инструкціи» послѣдняго патріарха собору 1667 года, нѣтъ ничего противорѣчащаго тогдашнимъ (1654—1655 гг.) нашимъ церковнымъ дѣламъ. Если же такъ, то, стало быть, нѣтъ основанія новѣйшему расколу заподозрѣвать восточную церковь въ несогласіи съ нашею относительно осужденія старообрядцевъ.

Этому послѣднему нашему выводу противорѣчить, какъ будто, недавно заявленный нашими газетами взглядъ александрійскаго патріарха Никанора на нашъ большой московскій соборъ,—тотъ именно, что, будто бы, упомянутый патріархъ сказалъ нашему русскому инокъ Варнавѣ, что ему даже и неизвѣстно то, о чемъ было говорено на соборѣ 1667 года. Но прежде всего и болѣе всего этотъ фактъ—подозрителенъ. Его передаетъ раскольникъ—инокъ Варнава, и передаетъ, какъ сейчасъ увидимъ, въ духѣ благопріятномъ новѣйшему расколу. Современные намъ старообрядцы, какъ извѣстно, хлопчуть о снятіи клятвъ этого собора съ обрядовъ своихъ, на которые онѣ, будто бы, были положены, считая это главною причиною раскола и—вопіюще несправедливостію, такъ какъ обряды вообще—не догматы. Очень естественно, что инокъ Варнава, въ бесѣдѣ своей съ патріархомъ, въ подобномъ видѣ, если только еще не въ худшемъ, и объяснить ему клятвы собора и причину происхожденія нашего раскола. Послѣ этого патріарху Никанору, дѣйствительно, не оставалось ничего болѣе говорить, какъ «точію, — по словамъ Варнавы,—удивляться, что изъ-за ничтожныхъ обрядовыхъ предметовъ дѣлается такая бѣда—расколъ церковный, ибо всѣ эти предметы отнюдь не касаются догматовъ вѣры, но точію суть обряды.» Если подобною передачею дѣла Варнава успѣлъ достигъ того, что патріархъ произнесъ сужденіе о клятвахъ собора, вполне благопріятное новѣйшимъ раскольникамъ, то можно полагать, что и самый фактъ заявленія патріархомъ относительно незнанія имъ соборныхъ (1667 г.) изложеній подложенъ. Наконецъ, если александрійскій патріархъ Никаноръ и дѣйствительно, по словамъ Варнавы, не знаетъ, о чемъ разсуждалось на нашемъ большомъ московскомъ соборѣ, то и въ этомъ нѣтъ ничего особенно страннаго: не всѣ знаютъ нашу церковную исторію.

Вотъ тѣ совершенно новые пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ новѣйшая раскольническая полемика, доказывая некомпетентность московскаго собора. Но она оспариваетъ сверхъ того и справедливость произнесеннаго имъ осужденія расколу.

„ULTIMO“

ПОВѢСТЬ

VIII *).

Гольдгеймеръ усѣлся за письменный столъ и какъ будто утлубился въ занятія; когда слуга ввелъ нотариуса Вейкerta, онъ все же не выпускалъ бумаги изъ своихъ рукъ. Вейкертъ хорошо была знакома эта уловка. Онъ могъ съ точностью опредѣлить, черезъ сколько именно секундъ маленькій, черномазенькій господинъ сниметъ золотое пенсъ-нэ съ своего носа и, обратясь къ нему, укажетъ на придвинутый заранѣе стулъ.

— До сихъ поръ я не имѣлъ чести... началъ банкиръ.

— Мнѣ случалось бывать въ вашей конторѣ по дѣламъ, прервалъ нотариусъ.

Оба господина быстро взглянули другъ на друга и затѣмъ оба отвернулись. Каждый высмотрѣлъ то, что ему надобно, и вышелъ какъ разъ то самое, чего ожидалъ.

— Ну, а то частное дѣло, которое доставляетъ мнѣ сегодня честь... началъ снова банкиръ.

— Касается вотъ этихъ векселей,—докончилъ нотариусъ, вынимая нужныя ему бумаги изъ портфеля,—на сумму всего девять тысячъ пятьсотъ талеровъ, выданныхъ въ различное время, и срокъ которымъ истекаетъ сегодня. Эти векселя за подписью доктора Вильда, и я полагаю, что домъ Гольдгеймеръ-Сынъ не откажется ихъ дисконтировать.

---

*) См. выше: апрѣль, 629 стр.

— На чемъ же основывается ваше предположеніе? спросилъ Гольдгеймеръ.

Онъ небрежно игралъ своей цѣпочкой; но пальцы его дрожали, и густыя брови нервно подергивались. Вейкертъ билъ на вѣрняка.

— Я заключаю изъ вашего вопроса, а главное, по тону, которыми онъ сдѣланъ, что я ошибся, вымолвилъ онъ вставая, — а потому прошу извинить за беспокойство.

— Садитесь, пожалуйста садитесь! вскричалъ банкиръ; вы меня не поняли, совсѣмъ не поняли!

— Если такъ, то, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, оскѣлюсь попросить позволенія вести нашу бесѣду съ полнѣйшей откровенностью.

— Сдѣлайте одолженіе, я вѣдь только объ этомъ и прошу, убѣдительнѣе прошу! Будьте такъ добры, позвольте...

Банкиръ пробѣжалъ векселя, которые подалъ ему нотаріусъ, и улыбка скользнула по его узкому лицу. На нихъ стояли ровныя, частію предосудительныя имена, которыя сплетались съ именемъ Вильда, какъ галки пристають къ раненому соколу... имена, которыя совсѣмъ не упоминаются въ практикѣ приличныхъ фирмъ, но которыя, однако, всѣ были извѣстны Гвидо Гольдгеймеру—всѣ безъ исключенія. Знакомство съ ними относилось къ темнымъ днямъ, прожитымъ въ темномъ переулкѣ, гдѣ онъ провелъ свою темную молодость. И темную, весьма темную исторію читалъ онъ между строками, краткими, но многозначительными, которыми была испещрена оборотная сторона векселей... исторію человѣка, ведущаго такую игру, которой не долженъ проиграть, потому что суммы, красующіяся на этихъ бумажкахъ ключахъ являются лишь матеріальной ставкой... настоящая же ставка — это его честь, быть можетъ самая жизнь! Да! его жизнь, его честь! Онъ, Гвидо Гольдгеймеръ, держать ее теперь въ своихъ рукахъ, если только правильно сыграетъ свою партію! А вѣдь это не трудно! Зачѣмъ скупилъ всѣ эти векселя старикъ Кемпе, имя котораго красовалось на всѣхъ нихъ, какъ не зачѣмъ, чтобы пріобрѣсти рѣшительное вліяніе на Вильда и предписать ему свои условія? Зачѣмъ перепродавалъ онъ векселя, скупленные, разумѣется, не безъ труда? Пуще же всего, зачѣмъ онъ еще сегодня взялъ съ него этотъ вексель «по востребованію»? Ужъ, разумѣется, потому, что попытка не удалась, потому что Вильдъ — это было такъ на него похоже! — гордо отвергъ руку, которую старикъ протягивалъ ему отчасти съ угрозой, отчасти въ видахъ примиренія, въ гордой увѣренности, что онъ сегодня до-

бьется отъ Mélanie согласія, а отъ ея родителей—благословенія. Онъ разсчитывалъ, что жаренныя куропатки сами повалятся ему въ ротъ!

Мрачныя тѣни пробѣгали по смуглому лицу Гольдгеймера, въ то время, какъ онъ перелистывалъ зловѣщія бумаги, соображая, разсчитывая, обдумывая свою месть. Одно только было опасно... И Гольдгеймеръ, который было повернулся къ нотаріусу, снова принялся разглядывать подписи. Это были, очевидно, тѣ самыя бревна, которыя старикъ положилъ ему на пути и которыя «благородное созданіе» торопилось расчислить. Съ этой цѣлью она вытребовала даже свой капиталъ—даже суммы почти сходились—а господинъ докторъ, разумѣется, съ радостью ухватится за спасеніе, предлагаемое ему «ангеломъ», когда надежды его на помощь Гольдгеймера не осуществляются! Но пусть они всѣ дѣлаютъ, какъ знаютъ, а ему слѣдуетъ воспользоваться настоящей минутой и доказать Mélanie, что человѣкъ, который явится черезъ часъ просить ея руки, — плутъ, авантюристъ, отъ котораго отказался даже его крестный отецъ, его благодѣтель... а тамъ пусть себѣ его дочь, о присутствіи и «благородныхъ» планахъ которой, очевидно, ни отецъ, ни нотаріусъ не подозрѣвали, разыгрываетъ всласть трогательно-слезливую роль ангела-избавителя. И если даже она тѣмъ временемъ дѣйствительно спасетъ его, то тѣмъ лучше. Такимъ образомъ, вернется затраченный капиталъ. Но это было въ настоящую минуту, да и вообще, неважно. Чтобы достигъ того, что уже не было простымъ желаніемъ, но оказывалось возможнымъ шансомъ, не жаль было никакихъ суммъ!

Гольдгеймеръ сложилъ бумаги, которыя, повидимому, такъ старательно изслѣдовалъ.

— Я согласенъ дисконтировать эти векселя, сказалъ онъ;—но само собою разумѣется...

— Мы купили ихъ очень дорого, перебилъ его нотаріусъ; векселя этого господина стояли очень низко, всего какихъ-нибудь полгода тому назадъ; но въ послѣднее время стояли почти *pari*. На нихъ просто спекулировали.

— И не даромъ, отвѣчалъ банкиръ; я приму ихъ *pari*. Г. Самуэли, пожалуйста сюда!

Управляющій вошелъ и поклонился своему принcipалу, между тѣмъ, какъ Вейкертъ принялся внимательно разглядывать часы, во вкусъ рококо, красовавшіяся на каминѣ. Банкиръ отдавалъ вполголоса свои приказанія Самуэли; послѣдній спросилъ у него на ухо:—Хорошо ли вы разсмотрѣли векселя?

Банкиръ кивнулъ головой.

— Этотъ нотариусъ настоящій плутъ; еще недавно я вынужденъ былъ пригрозить ему, что велю служителямъ выгнать его изъ конторы.

Банкиръ снова кивнулъ головой и затѣмъ промолвилъ громко: — Будьте такъ добры, г. Самуэли, распорядитесь!

Самуэли распорядился; нотариусъ застегнулъ сюртукъ, предвѣрительно засунувъ въ его боковой карманъ довольно толстую пачу и взялся за шляпу.

Гольдгеймеръ проводилъ его до дверей.

— А я хотѣлъ васъ просить, господинъ нотариусъ, если только вы не найдете это для себя неудобнымъ, то... но въ такомъ случаѣ не мѣшкайте ни минуты и пришлите ко мнѣ старика Кемпе, который, конечно, дожидается васъ гдѣ-нибудь по близости?

— Я, право, не знаю...

— О! вы, конечно, найдете его, если захотите, любезный господинъ нотариусъ... я былъ бы очень вамъ обязанъ... очень признателенъ. Вы оставили, конечно, свой адресъ? Я охотно имѣю дѣло съ умными людьми, про которыхъ знаешь навѣрное, что они понимаютъ все на полу-словѣ. И въ виду того интереса, который мнѣ внушаетъ докторъ Вильдъ и все, что до него касается, а главное тѣ лица, которыя играли такую важную роль въ его прежней жизни, какъ, напримѣръ, достойнѣйшій Томасъ Кемпе... который, вдобавокъ, еще одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ кліентовъ... въ виду этого интереса...

— Понимаю, отвѣчалъ нотариусъ, съ особенной усмѣшкой; но я боюсь, какъ бы не пострадала та *entente cordiale*, которую я предполагалъ и, какъ вижу, не безъ основанія, между вами и докторомъ отъ сообщеній, которыя могутъ сдѣлать лица, знакомыя съ прежней жизнью господина доктора...

— Понимаю, возразилъ банкиръ, тоже съ особенной усмѣшкой; но что могутъ они сказать новаго счастливому владѣльцу вотъ этихъ бумагъ!

И онъ указалъ на векселя, лежавшіе подъ золотымъ прессы-ице.

— Какъ знать, замѣтилъ Вейкертъ, пожимая плечами.

— Скажите лучше, нельзя знать! Такъ, напримѣръ, я желалъ бы спросить... не принадлежите ли и вы, господинъ нотариусъ, къ числу тѣхъ лицъ, которыя знавали доктора Вильда раньше, чѣмъ...

— Чѣмъ онъ подписалъ векселя?

— Вы хотѣли употребить другое слово. Не стѣсняйтесь, по-

жалуйста: между свѣтскими людьми, какъ мы, подобное стѣсненіе вовсе не у мѣста, совсѣмъ излишне. Итакъ, если вы имѣете еще что-нибудь противъ доктора, дѣлами котораго вы, повидимому, особенно интересовались въ послѣднее время... напримѣръ, если вамъ извѣстно нѣчто въ родѣ *liaison dangereuse* съ какой-нибудь дамой изъ общества... вѣдь молодой, неженатый врачъ съ большой практикой не можетъ иногда этого избѣжать? А векселя весьма — между нами будь сказано — подозрительны, весьма и весьма подозрительны! но только съ коммерческой точки зрѣнія... быть можетъ, у васъ есть еще и другіе, въ которыхъ найдется маленькая неточность, остроумная игривость, гениальное *qui pro quo*, знаете... ну, ну, любезный господинъ нотариусъ, быть можетъ, вы еще припомните кое-что! а пока пришлите ко мнѣ старика и будьте дома сегодня послѣ полудня, или лучше: навѣдайтесь ко мнѣ около пяти часовъ и прямо велите доложить о себѣ; около этого времени мнѣ, по всей вѣроятности, понадобятся ваши безцѣнные услуги.

Дверь безъ шума затворилась за нотариусомъ. Гвидо Гольдгеймеръ съ удовольствіемъ потиралъ свои руки. — Всѣ-то они дураки! и даже умнѣйшіе изъ нихъ! Какую дурацкую рожу корчилъ этотъ молодецъ! Онъ воображалъ, что проведетъ меня, а я самъ такъ провелъ его, что онъ теперь не знаетъ, какой рукой ему креститься. Тѣмъ лучше; тѣмъ вѣрнѣе я могу разсчитывать, что онъ сдѣлаетъ то, что я хочу. Жаль, очень жаль, что онъ больше ничего не зналъ! Посмотримъ, что можно изъ этого сдѣлать, посмотримъ.

Банкиръ снова заходилъ по комнатѣ, но уже не прежними глухими, неслышными шагами хищнаго звѣря. Лаковые сапоги ступали теперь такъ твердо, что производили нѣкоторый шумъ даже на толстомъ турецкомъ коврѣ, между тѣмъ какъ смуглое лицо, отражавшееся въ зеркалѣ, казалось, помолодѣло и просіяло. Но оно снова какъ будто состарѣлось и омрачилось, когда повернулось къ циферблату часовъ, во вкусъ рококо, стоявшихъ на каминѣ.

— Половина двѣнадцатаго! Побѣда была теперь почти обезпечена, однако, все же нельзя было совсѣмъ положиться на это. И какъ быстро пролетѣлъ цѣлый часъ! хотя съ другой стороны можно считать счастьемъ, что для какихъ-нибудь случайностей, могущихъ спутать всю игру, не остается собственно времени. Чистѣйшая игра въ жмурки! Тамъ благородная дочь, которая, за спиной у своего родителя, жертвуетъ 10,000 талеровъ, чтобы добыть ловкому женишку другую жену; здѣсь честный родитель,

безъ вѣдома дочери, рискуеть почти такой же суммой, чтобы выкупить добраго зятюшка, но настолько хитерь, однако, чтобы подумать и о томъ, какъ-бы выручить свои денежки въ тотъ моментъ, нѣтъ сдѣлка оказалась сомнительною. Какъ блистательно отдѣлалась Меланіе стараго осла...

— Любезнѣйшій, почтеннѣйшій, заполучный другъ!

Гвидо Гольдгеймеръ пошелъ съ распростертыми объятіями на встрѣчу отцу Христіаны, котораго Жанъ ввелъ въ кабинетъ. Онъ усадилъ его въ кресло рядомъ съ собою и, не выпуская изъ своихъ рукъ холодныхъ, дрожащихъ рукъ старика, продолжалъ говорить:

— Мой добрѣйшій, несчастный другъ! не могу высказать вамъ, какъ горестно мнѣ, что мы, послѣ долгой трехъ-лѣтней разлуки должны свидѣться при такихъ... печальныхъ обстоятельствахъ! И все-таки я радъ, что васъ вижу! радъ, что вы, наконецъ, пришли ко мнѣ! и что я могу излить свое переполненное сердце передъ вами! вѣдь вы выстрадали то же самое, что и я, и даже въ настоящую минуту страдаете, мучитесь, какъ страшно и мучусь я самъ!

Гольдгеймеръ выпустилъ холодныя, дрожащія руки, чтобы дать вамъ возможность ухватиться за бумажный носовой платокъ и стереть мигающіе глазки. Приличія требовали, чтобы онъ самъ провелъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ по лицу.

— Благодарю васъ, мой добрѣйшій, рыдалъ маленькій человечекъ, прикрывая лицо бумажнымъ носовымъ платкомъ; я въ ужасномъ положеніи, и просто не знаю, что мнѣ дѣлать! Какъ показусь на глаза моей бѣдной Христіанѣ, отъ которой я все это скрылъ и увѣрилъ ее, что ѣду сюда, чтобы столковаться насчетъ изюма съ фирмой Ликъ-и-Сыновья. Видите-ли, добрѣйшій, у меня просто темнѣеть въ глазахъ, какъ я только объ этомъ думаю, и съ вашей стороны прекрасно и гуманно, что вы принимаете все это такъ близко къ сердцу. Но почему вы страдаете и мучитесь столько же, сколько и мы, отъ того, что онъ станетъ навѣръ вашимъ зятемъ, а не нашимъ... то бишь моимъ... хотя изъ моего кармана ушла тысяча талеровъ, да и Христіана моя жертвовала всѣми процентами съ 10,000, которые оставила ей тетушка Мартина, и которые хранятся у васъ, пока, наконецъ, три года тому назадъ, онъ вдругъ не захотѣлъ ничего отъ нея брать... и я тогда же сказалъ ей: Христіана, сказалъ я, попомни мое слово, что теперь, когда онъ ничего отъ тебя не беретъ, онъ и тебя самое не возьметъ... Но почему вы такъ же страшно несчастны, какъ и мы... видите-ли, этого я никакъ въ толкъ не возьму

Банкиръ, который все еще продолжалъ тереть свое смутно лицо носовымъ платкомъ, взглянулъ съ такимъ изумленіемъ и даже испугомъ, что Томасъ Кемпе пересталъ тереть свой носъ и, съ своей стороны, испуганно поглядѣлъ на банкира.

— Вы этого не понимаете? спросилъ банкиръ укоризненнымъ голосомъ, — значитъ, вы полагаете, что у моей дочери нѣтъ сердца и что ей все равно, что человѣкъ, котораго она... но неужели же вы въ самомъ дѣлѣ считаете насъ способными воспользоваться несчастіемъ такого славнаго семейства, какъ ваше? неужели...

Банкиръ, казалось, не находилъ словъ; маленькій человѣчекъ началъ смутно сознавать, что онъ должно быть очень обидѣлъ Гольдгеймера.

— Господинъ Вейкертъ... пролепеталъ онъ...

— Неужели я долженъ былъ открыть свое сердце постороннему человѣку, вскричалъ банкиръ, указывая патетическимъ жестомъ на свою грудь, на которой сверкали брилліантовые запонки но даже и онъ понялъ бы меня, если только у него есть сердце но чтобы вы... вы...

— Но затѣмъ же вы дисконтировали мой вексель? вскричалъ Кемпе въ великомъ смущеніи.

Грудь банкира заволновалась такъ сильно, что брилліантовые запонки запрыгали на груди.

— Фирма Гольдгеймеръ-Сынъ никогда не обманываетъ довѣрія, которое ей оказываютъ. Я уплатилъ бы долги этого господина, еслибы вмѣсто десяти тысячъ...

— Пять тысячъ, поправилъ Кемпе.

— Съ вашимъ сегодняшнимъ векселемъ «по востребованію»...

Маленькій человѣкъ вскочилъ съ своего стула.

— Только не этотъ! только не этотъ! вскричалъ онъ видя себя. — Создатель! какъ онъ попалъ въ вамъ въ руки! Создатель, я долженъ получить его обратно! Моя Христіана ни въ жизни мнѣ не проститъ, если я выпущу его изъ рукъ! Она о немъ и не подозрѣваетъ, я все это, такъ сказать, принялъ на свою голову; да и въ сущности хотѣлъ только попугать, хотѣлъ употребить послѣднее средство смягчить это каменное сердце. Но когда онъ принялъ меня... видите ли, я вовсе не дурной человѣкъ, многоуважаемый господинъ Гольдгеймеръ, я никого не въ силахъ обидѣть, и если мнѣ случится выдрать за уши своего ученика, то значитъ, онъ уже очень дурно себя велъ; тѣмъ менѣе могу я огорчить Конрада, которымъ всегда такъ гордился, хотя и не давалъ ему этого замѣтить... и если бы онъ только захотѣлъ, то я отдалъ бы ему послѣдній грошъ... но вѣдь, говорятъ же, что

у курицы есть сердце... и когда я очутился на улицѣ... ужъ и самъ теперь не помню, какъ я сошелъ съ лѣстницы... а тутъ еще Вейвертъ сталъ меня убѣждать, что мнѣ не слѣдуетъ бросать денегъ за окошко и что вы навѣрное заплатите за своего будущаго зятя... сознаюсь вамъ: я не совсѣмъ-то вѣрилъ тому, что Вейвертъ давно уже напѣввалъ мнѣ въ уши. Онъ, собственно говоря, всегда былъ дряннымъ человѣкомъ, а съ Конрадомъ поступилъ, по словамъ моей Христіаны, какъ негодяй, и если уже говорить всю правду, то я былъ собственно очень радъ, когда она прописала ему отставку, недѣлю тому назадъ, когда онъ снова заѣхалъ въ нашу сторону. И если Конрадъ забылъ Господа Бога и готовъ... Эхъ! многуважаемый господинъ Гольдгеймеръ, противъ судьбы ничего не подѣлаешь, и тѣ пять или шесть человѣкъ вашихъ единовѣрцевъ, которые живутъ въ нашемъ городѣ... ну, да вѣдь въ сущности всѣ мы вѣримъ въ единаго Господа Бога, и здѣсь въ Лейпцигѣ, въ вашемъ прекрасномъ домѣ... ну, да что говорить, здѣсь все это смотреть совсѣмъ иначе... да и вы сами, многуважаемый господинъ Гольдгеймеръ, доказываете, что у васъ истинно христіанскія чувства, да и супруга ваша также, а дочка ваша... ей семнадцать лѣтъ, говорилъ Вейвертъ... Боже милостивый! и она любитъ его, и сердце ея быть можетъ разбилось бы, если бы ей пришлось отъ него отказаться, потому что... нужно говорить правду... другого такого человѣка, какъ Конрадъ, не сыщешь... и еслибы моя Христіана все это знала и была бы здѣсь, то, видите ли... я все это время и еще вчера вечеромъ, когда уѣзжалъ, былъ на нее страшно золъ; но было бы лучше, еслибы я ее послушался, а не Вейверта, который началъ съ того, что затащилъ меня вмѣсто «Зеленой Березы» къ «Дикарю», гдѣ еще свергнѣе, и гдѣ я не могъ глазъ сомкнуть, но все думалъ о Христіанѣ... и видите ли, я въ этомъ убѣжденъ, что если бы она была здѣсь, то бросилась бы на шею вашей дочкѣ и сказала бы: возьми его себѣ и Богъ да благослови вашъ союзъ. Аминь!

Добрый старикъ вынужденъ былъ снова прибѣгнуть къ носовому платку. На этотъ разъ банкиръ не нашелъ нужнымъ послѣдовать его примѣру.

Черные глаза его сверкали презрѣніемъ, гнѣвомъ и яростью; безбородое лицо снова омрачилось и приняло такое выраженіе, какъ еслибы господинъ Гольдгеймеръ-Сынъ желалъ вмѣсто шерстяного стараго шарфа накиннуть на шею Томаса Кемпе новую и крѣпкую веревку.

Ужъ эти бараны безъ мозга и безъ желчи! эти непроходи-

мые кретины! Вотъ онъ призвалъ человѣка затѣмъ, чтобы вполне освоить его съ ролью несчастнаго отца и затѣмъ провести его въ будуаръ къ Mélanie... съ его покраснѣвшимъ отъ слезъ носикомъ, съ его пестрымъ бумажнымъ носовымъ платкомъ, который онъ мять въ рукахъ, на которыхъ не было перчатокъ, съ его толстымъ шарфомъ, изъ-за котораго выглядывалъ воротникъ рубашки допотопнаго фасона: взгляни-моль на этого старца, Mélanie, убитаго горемъ отца несчастной дочери!.. а теперь... теперь ему придется радоваться, если онъ сумѣетъ выпроводить стараго болвана изъ дому, прежде чѣмъ его вздорныя рѣчи дойдутъ до ушей Mélanie.

— Гвидо, Гвидо! — слышался глухой и какъ-бы замогильный голосъ.

Томасъ Кемпе испуганно оглядѣлся и широко раскрылъ моргающіе глазки, когда банкиръ, вскочивъ съ своего мѣста, подбѣжалъ къ стѣнѣ и приложилъ свое ухо къ мѣдной раковинѣ, или чему-то въ этомъ родѣ, выглядывавшему изъ-за обоя.

— Наша Mélanie въ обморокъ; умоляю тебя, иди скорѣй.

Банкиръ приложился къ тому мѣсту, гдѣ только-что красовалось его ухо и вслѣдъ затѣмъ раздались какіе-то звуки, такъ страшно, что старикъ вскочилъ съ мѣста, схватилъ свою фуражку и черезъ минуту уже стоялъ на улицѣ, самъ не понимая, какъ онъ туда попалъ.

А Гвидо Гольдгеймеръ бросился вверхъ по узенькой лѣстницѣ, которая вела прямо изъ его кабинета въ будуаръ жены, объявивъ предварительно въ конторѣ, что его нѣтъ дома ни для кого.

IX.

Раньше вышеописанной сцены, Гольдгеймеръ, истощивъ попусту все свое краснорѣчіе, пришелъ въ совершеннѣйшее отчаяніе, и наговоривъ немало рѣзкостей, исчезъ наконецъ въ контору черезъ узкую дверь, скрытую въ обояхъ, изъ краснаго салона. Жена же его, отнявъ отъ заплаканнаго лица носовой платокъ, обшитый кружевами, облегчила свое удрученное сердце восклицаніемъ: — Ахъ! слава тебѣ Господи!

— Слава тебѣ Господи, повторила она еще разъ; эти мужчины такіе деспоты, такіе грубые! воображаю, какъ ты изстрадалась, бѣдное, дорогое, любимое мое дитя!

Она встала и усѣлась рядомъ съ Mélanie на маленькой, полукруглой софѣ, напротивъ камина, и захвативъ въ свои руки

ей руки, принялась их сжимать и гладить, и отведя от лба темные волосы стала цѣловать прекрасные глазки. Mélanie принимала нѣжность матери съ спокойствіемъ, которое граничило почти съ холодною, и наконецъ съ нетерпѣливымъ жестомъ высвободилась изъ ея объятій.

— Все это прекрасно, мамá, но дѣла наши нисколько не поднимаются впередъ. А между тѣмъ черезъ какой-нибудь часъ Конрадъ будетъ здѣсь.

— Ты вѣдь слышала, что папá не велѣлъ его принимать ни подъ какимъ видомъ.

— Такъ онъ и дастъ отказать себѣ!

Г-жа Гольдгеймеръ съ испугомъ поглядѣла на свою дочь; прекрасные глаза у Mélanie были опущены внизъ, а лицо выражало сосредоточенное раздумье.

— Какое же твое настоящее мнѣніе? спросила она тихо.

— Мое настоящее мнѣніе? возразила г-жа Гольдгеймеръ съ удивленіемъ;—но, милое дитя, развѣ оно не вполне для тебя ясно?

— Совсѣмъ неясно. Ты сначала держала сторону папá, а затѣмъ начала вступаться за меня и говорила, что Евгенія никакъ нельзя сравнивать съ Конрадомъ; папá совсѣмъ вышелъ изъ себя при этомъ...

— Я очень дурно сдѣлала, возразила г-жа Гольдгеймеръ съ жаромъ; мнѣ не слѣдовало говорить этого въ присутствіи твоего папá. Онъ понялъ это навѣрное не такъ, какъ я желала...

— Ну? спросила Mélanie, когда мать внезапно умолкла.

Г-жа Гольдгеймеръ прижала кружевной платокъ къ глазамъ.

— Это старая исторія, отвѣчала она; прежде чѣмъ ты... прежде чѣмъ я... охъ! дорогое дитя, мы, женщины, никогда не можемъ поступать такъ, какъ намъ хотѣлось бы. Мы всегда бываемъ вынуждены подчиниться обстоятельствамъ. Въ особенности же мы, еврейки! у христіанъ—нѣсколько иначе, но я право не знаю, лучше ли имъ отъ того. Напротивъ! любовь скоро проходить, а затѣмъ остается нищета, да заботы, да стѣсненія... чистеньныя перчатки и платья, которыя приходится надѣвать по три вечера сряду... вспомни только, какъ была наряжена вчера г-жа фонъ-Вильбергъ... на ней была старая розовая наколка, на этотъ разъ отдѣланная кружевами... разумѣется, поддѣльными... а вѣдь мужъ у ней полковникъ! Если мы нашихъ мужей не любимъ и никогда не любили, за то они могутъ съ легкостью бросать тысячи тамъ, гдѣ бѣдному человѣку одного талера жаль. И повѣрь мнѣ, милое дитя: въ сущности въ этомъ вся сила, въ особен-

ности когда кто привыкъ къ роскоши съ дѣтства, какъ ты, непримѣрь.

— Но вѣдь я полагаю, возразила Mélanie все съ тѣмъ же раздумчивымъ, неподвижнымъ взглядомъ, я полагаю, что папá богатъ; а то, что онъ рассказывалъ тутъ о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ... такъ вѣдь это онъ говорилъ только для того, чтобы запугать меня и...

— Ради самого Бога, не думай этого, дитя! вскричала г-жа Гольдгеймеръ, хватая Mélanie за руку; онъ божился мнѣ сегодня ночью, и хотя онъ не постоитъ за этимъ, когда захочетъ поставить на своемъ... однако Зильберманъ дѣлалъ вчера за ужиномъ намеки; такіе намеки, что я чуть въ обморокъ не упала. У меня просто въ глазахъ потемнѣло.

— Ну, тогда все же остается твое состояніе, мамá; да кромѣ того, весьма возможно, что папá находится въ затруднительномъ положеніи въ настоящую минуту, но, чтобы онъ не выпутался изъ него... нѣтъ, мамá, я этому не вѣрю. Дѣла Зильбермановъ были совсѣмъ плохи шесть лѣтъ тому назадъ... я, конечно, этого не помню, но вы часто говорили объ этомъ при мнѣ... и если Зильберманъ сдюмѣлъ выпутаться, то и папá сдюмѣетъ. И, наконецъ, у Вильда есть пр�ктика...

Г-жа Гольдгеймеръ широко раскрыла глаза:

— Неужели ты говоришь это серьезно, дитя! Какіхъ-нибудь жалкихъ двѣ тысячи талеровъ! Великій Боже! да ихъ не хватитъ тебѣ на туалетъ!

— Боже мой, мамá! все это я хорошо знаю, возразила Mélanie нетерпѣливо, но если вы ничего лучше не сдюмѣете сказать Вильду какъ то, что папá разоренъ, то онъ вправѣ будетъ возразить вамъ: значить, я богаче васъ. Нѣтъ, мамá, этимъ путемъ вамъ отъ Вильда не отдѣлаться.

Она встала съ софы съ опущенными глазами и принялась расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ. Взоры матери съ нѣжнымъ безпокойствомъ слѣдили за прелестной, двигающейся фигурой.

— Знаешь ли, Mélanie, проговорила она, когда я гляжу на тебя, то думаю, что никакой принцъ не достоинъ тебя; ты съ самаго рожденія всегда дѣлала то, что хотѣла, и у меня просто разрывается сердце, когда я подумаю, что какое-нибудь твое желаніе останется невыполненнымъ. Да и ты права: дѣла у папá вовсе уже не такъ худы... Да и будь я на твоемъ мѣстѣ, то тоже охотнѣе согласилась бы жить съ Вильдомъ въ четвертомъ этажѣ — хотя мнѣ ужасно объ этомъ подумать — чѣмъ съ

Евгениемъ въ ихъ великолѣпномъ бель-этажѣ... потому что вѣдь старики хотѣли перебраться, какъ мнѣ говорилъ вчера Зильберманъ, внизъ, чтобы быть поближе къ садовой террасѣ... вѣдь старухѣ Зильберманъ лѣтомъ надо быть какъ можно больше на воздухѣ, пока она не уйдетъ въ Ишль... охъ! и мы всѣ хотѣли тамъ съѣхаться! и каково это думать, что все это была одна мечта!

Г-жа Гольдгеймеръ снова должна была прибѣгнуть къ носовому платку, но не успѣла она найти сухой уголокъ и поднести его къ глазамъ, какъ услышала шелестъ утренняго капота дочери, и поднявъ глаза увидѣла ее уже въ дверяхъ.

— Куда ты?

— Одѣваться, отвѣчала Mélanie; да и тебѣ совѣтую одѣться. Уже одиннадцать часовъ.

Она проговорила это черезъ плечо и такъ спокойно, какъ еслибы сегодня утромъ ничего не случилось особеннаго, и ея судьба не должна была рѣшиться черезъ часъ!

— Странный ребенокъ! прошептала мать; еслибы я только знала, чего она собственно хочетъ; она навѣрное это знаетъ, она всегда знаетъ, чего хочетъ, и всегда бываетъ права... Что-то она сегодня надѣнетъ? не хочу ей мѣшать, а любопытно было бы взглянуть...

— Подай свѣтло-сѣрое шелковое платье съ четырех-угольнымъ вырѣзомъ; волосы на лбу завей, но чуть-чуть, а сзади заплети въ длинныя косы; чтобы все было легко, свободно и... красиво.

Mélanie желала проговорить все это съ ребяческой игривостью, но ей это не удалось. На прекрасномъ личикѣ ея, которое она разглядывала въ зеркало, пока горничная причесывала ея чудные волосы, замѣчалось совсѣмъ не дѣтское выраженіе... Никакой принцъ меня недостойнъ... да! хорошо еслибы какой-нибудь принцъ... а то жить въ четвертомъ этажѣ въ наемной квартирѣ...

Она невольно плотнѣе закуталась въ легкій пеньюаръ, и молодое личико ея приняло такое мрачное выраженіе, что лицо прекрасной сказочной королевы не могло быть мрачнѣе, когда зеркальцо повѣдало ей роковую вѣсть о томъ, что за горами, за долами, за широкими морями живетъ королева у семи братьевъ-богатырей, и эта королева еще краше ея.

— Какъ ты сегодня неловка, Элиза!

Бѣдная дѣвушка съ величайшимъ стараніемъ приступила къ своему дѣлу; но распущенные волосы госпожи выскальзнули у

нея изъ рукъ и разсыпались широкой, блестящей волной по спинѣ стула и до самого ковра; она не могла съ ними справиться.

— Мнѣ придется прогнать тебя, вскричала Mélanie, топнувъ маленькой ножкой.—Рикхенъ, освободите меня, пожалуйста, отъ этой безтолкового дѣвчонки!

Блѣдное лицо Рикхенъ какъ разъ въ эту самую минуту просунулось въ дверь уборной; она быстро помыгнула въ нее.

— Ступайте въ прачешную и помогайте Аугустѣ гладить; я буду прислуживать барышнѣ.

Горничная ушла со слезами на глазахъ. Рикхенъ заперла за ней дверь на ключъ и вернулась къ Mélanie, высоко поднимая свои худыя руки.

— Ахъ! милая барышня, вы такая умница и вѣрно сейчасъ же догадались, что я пришла сюда не проста! Представьте себѣ... впрочемъ, могу я пока завивать васъ, какъ недавно, вечеромъ, à la Грётхенъ? хорошо, хорошо!.. представьте себѣ, милая барышня... этотъ Жанъ... онъ такой вѣтрогонъ, за которымъ нуженъ глазъ, да глазъ... да и подслушивать у дверей—просто отвратительно... но прислугу отъ этого никакъ не отучишь, а Жанъ по крайней мѣрѣ искренно расположенъ къ господамъ, за что я и спускаю ему многое; ну, вотъ приходитъ онъ сейчасъ весь блѣдный и рассказываетъ, что получилъ отъ одного господина пять талеровъ за то, чтобы доложить о немъ барину, и такъ какъ ему это показалось подозрительнымъ, то онъ и подслушалъ все до единого слова. А господинъ-то этотъ былъ какой-то нотариусъ, и все время рѣчь шла о докторѣ и о какомъ-то вѣкселѣ, который онъ подписалъ, а уплатить-то и не можетъ, и Жанъ говоритъ: насколько онъ понялъ, доктору не одобровать, и онъ можетъ сказать спасибо, если не проведетъ сегодняшнюю ночь въ должговомъ отдѣленіи. Ахъ! милая, дорогая барышня, я просто внѣ себя, когда подумаю, что у человѣка, который выступаетъ такимъ гоголемъ, какъ будто вся вселенная принадлежитъ ему, нѣтъ гроша за душой; вѣдь представьте только себѣ, милая барышня, когда онъ уходилъ вчера вечеромъ и Жанъ помогалъ ему надѣть пальто, изъ кармана у него что-то выпало, да и закатилось куда-то такъ, что они долго не могли найти, вотъ докторъ-то и сказалъ: оставьте, это вѣрно не мое... а это было его... сегодня утромъ Жанъ нашелъ... и представьте что это такое было: прелестный и новехонькій портмоне... но совсѣмъ пустой: то-есть ни единого талера, ни единого гроша, ни единого пфеннига, только двѣ визитныхъ карточки! Ну, конечно, не удивительно, замѣтилъ при

этомъ Жанъ, что отъ него иной разъ получишь золотой, а тамъ, гляди, цѣлыхъ четыре недѣли не дождешься ни копѣйки, не то, что молодой баринъ Зильберманъ...

— Сколько онъ заплатилъ вамъ за то, чтобы вы рассказали мнѣ всѣ эти прекрасныя исторіи?

Mélanie встала; Рикхенъ трепещущими руками сложила пеньюаръ и тонкій голосокъ ея задрожалъ, когда она, укладывая въ ящикъ туалета гребни и щетки, возразила:

— Я не заслуживала отъ васъ, барышня, чтобы вы ставили меня на одну доску со всѣми прочими. И когда вотъ услышишь такое, то рада въ другой разъ лучше языкъ откусить, чтобы только не опростоволоситься, рада уши зажать, чтобы не слышать людскихъ рѣчей, потому что... моя хата съ краю, ничего не знаю... такъ-то выгодно... да и какое мнѣ дѣло собственно до того, что у доктора уже есть невѣста, и сосваталъ онъ ее не со вчерашняго дня, а ужъ цѣлыхъ девять или десять лѣтъ, и ужъ конечно, значить, она не можетъ быть такъ молода, какъ другія дамы, а хороша-то она и никогда не была; а кое-какія деньжонки, которыя водились у ней, онъ ужъ давно растратилъ; ну, вотъ оно и неудивительно, что господинъ докторъ теперь повернулъ въ другую сторону, какъ говорила мнѣ молодая модистка, которая приходила поправить мою наболку... она вѣдь тоже изъ Вурцена и знаетъ всю исторію.

— Она еще здѣсь? вскричала Mélanie и внезапно повернулась къ Рикхенъ, которая чуть-было не выронила со страху гребни изъ рукъ: такъ блѣдна была ея барышня и такъ сверкали ея глаза.

— Я полагала, что все равно, если я сама...

— Сію минуту приплите ее ко мнѣ сюда, сію минуту! — закричала Mélanie, топнувъ маленькой ножкой.

— Ради Бога, барышня, успокойтесь, пролепетала Рикхенъ; — она показалась мнѣ довольно вѣтряной дѣвушкой и быть можетъ все это нагала...

По лицу Mélanie пробѣжала мрачная улыбка; но она ничего не возражала, а только сдвинувъ брови указала на дверь, которую Рикхенъ тотчасъ отперла. Элиза, уже два раза тщетно стучавшаяся въ дверь, заглянула въ комнату.

— Въ прихожей дожидается дама, которая убѣдительнѣе проситъ позволенія увидѣть барышню. Дѣло очень важное, говорить; она думаетъ, что барышня не откажется ее принять, если я скажу ей имя: Христіана Кемпе...

Рикхенъ всплеснула своими исхудавшими руками, быстро по-

вернулась въ своей молодой барышнѣ и поднявъ глаза къ потолку, какъ будто благодарила небо за то, что оно выручило ее изъ бѣды. Молодая барышня ея, должно быть, поняла ея жестъ и взглядъ, потому что поблѣднѣла еще сильнѣе, если можно, и затѣмъ сказала спокойно.

— Я могу, пожалуй, принять эту даму здѣсь, не правда ли, Рикхенъ? Пожалуйста, Рикхенъ, проведите ее сюда!

Она остановилась передъ зеркаломъ. Вотъ гдѣ спасеніе; все остальное онъ опрокинулъ бы какъ карточный домикъ; да и какъ рѣшилась бы я сказать ему! Но это! это разумѣется разобьетъ мнѣ сердце... Вотъ она! довольно некрасива, какъ кажется, но имѣетъ видъ приличной дамы!

Х.

Mélanie медленно повернулась и стала лицомъ къ лицу съ особой, которую она передъ тѣмъ разсматривала въ зеркалѣ. Она не была, конечно, красивой, но не могла также назваться и дурной; въ особенности большіе, голубые глаза отличались какою-то оригинальной прелестью, хотя въ настоящую минуту были подернуты какъ-бы дымкой. Но еще нѣсколько секундъ... и дымка разсѣялась, большіе голубые глаза уже глядѣли такъ тепло и такъ внятно, и при этомъ такъ свѣтло и проникающе, что Mélanie опустила длинныя, шелковые рѣсницы и указавъ на кушетку, стоявшую по близости, тихимъ голосомъ попросила гостью сѣсть.

— Прошу извинить, что я принимаю васъ здѣсь, продолжала она, пододвигая себѣ табуретъ, моя няня виновата въ этомъ, она...

Христіана, какъ вошла въ комнату, такъ и не оглядѣлась кругомъ. Она все время не сводила глазъ съ прелестной фигуры, которая усѣлась теперь передъ ней, легко и беззаботно, какъ птичка, складывающая свои крылышки. Глаза Христіаны готовы были омрачиться, но вѣдь она всегда представляла себѣ ту, которую онъ теперь любилъ, прекрасной и привлекательной! И развѣ ей не было бы больно, еслибы она нашла ее иною!

— Я желала васъ видѣть, чтобы переговорить съ вами, сказала она. Мое имя... мое имя вамъ неизвѣстно.

— Я не могу припомнить... отвѣчала Mélanie.

— Значить, я пришла во время. Потому что я была увѣрена, что вы услышите обо мнѣ... въ самомъ непродолжительномъ вре-

мнѣ, какъ только убѣдилась, что мой отецъ вчера вечеромъ... но для васъ это непонятно.

— Я дѣйствительно не понимаю васъ, замѣтила Mélanie, но прошу говорить со мной совсѣмъ откровенно, совсѣмъ свободно... какъ съ сестрой.

Она встала и усѣлась рядомъ съ Христіаной на кушеткѣ, и при послѣднихъ словахъ схватила ея руки въ порывѣ чувства, которое необыкновенно какъ скрасило ея прелестное личико.

— Какъ съ сестрой! повторила она.

Христіана крѣпко сжала нѣжныя ручки. Грудь ея вздымалась, глаза глядѣли неподвижно, ротъ судорожно подергивался. Вдругъ она обняла Mélanie и съ страстной нѣжностью принялась цѣловать ея лобъ и глаза.

— Какъ съ сестрой! рыдала она, — моей сестрой! Я буду вамъ вѣчно благодарна за это слово, которое снимаетъ печать съ моего языка! Да, теперь я могу говорить; теперь я могу высказать все, все, потому что вы меня поймете и быть можетъ уже догадываетесь... навѣрное догадываетесь о томъ, что я хочу сказать! Но я все же должна высказаться, ради него, ради того, чтобы вы могли защищать, отстаивать его, подобно тому, какъ и я зачастую защищала его противъ нападокъ, казавшихся на видъ справедливыми... Ахъ! кто понимаетъ его, кто можетъ его понимать, кромѣ тѣхъ, кто его любитъ!

Она отерла слезы и снова взяла Mélanie за руку, которую нѣжно сжала, между тѣмъ какъ грустная улыбка блуждала на ея губахъ.

— Я полюбила его... могу сказать почти съ перваго момента, какъ онъ... этому уже прошло десять лѣтъ и я была тогда такъ же молода, какъ теперь вы... когда онъ переступилъ нашъ порогъ. Его отецъ и моя мать были двоюродные братъ и сестра, и поэтому онъ приходилъ иногда къ намъ въ гости, но довольно рѣдко, потому что онъ росъ въ отцовской деревенькѣ, въ горахъ, въ большомъ уединеніи и бѣдности... Это самое и сдѣлало его такимъ застенчивымъ и гордымъ; а затѣмъ, и позднѣе въ семинаріи, онъ чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, среди ханжей и жульоновъ... какъ онъ говорилъ мнѣ объ этомъ впоследствии... когда получилъ ко мнѣ довѣріе и... полюбилъ меня.

Яркій румянецъ залилъ лицо Христіаны и затѣмъ исчезъ, точно вечерняя заря въ лѣтнихъ дождевыхъ облакахъ.

— Я могу сказать это теперь, когда онъ меня разлюбилъ. Теперь, когда для него открытъ весь міръ, весь прекрасный Божій міръ, что можетъ значить моя любовь! Тогда... да, тогда я

была для него частицею голубого неба, которое дружески киваетъ узнику, сквозь желѣзную рѣшетку его темницы... птичкою, несложная пѣсенка которой нарушаетъ могильную тишину... И когда страданія дѣлались нестерпимы, то я была человѣческой душой, которая не оставалась вполнѣ глуха, но могла понимать и отвѣчать на его жалобы... жалобы страстнаго сердца, которое вынуждено биться въ тактъ съ будничной, пошлой жизнью! Жалобы огненнаго духа, который рвется въ небеса, между тѣмъ, какъ ничтожныя людишки стремятся наложить на него оковы... Но вы не смѣйтесь, слушая меня? вы не говорите: бѣдная, она такъ много задумывалась надъ всѣмъ этимъ, такъ старалась разъяснить себѣ все съ разныхъ сторонъ, и вотъ, пока она все это жевала, да пережевывала, въ ея воображеніи тѣснились всякаго рода картины и сравненія, изъ которыхъ не было ни одного вполнѣ реальнаго! Но я знаю, я вижу по вашему внимательному лицу, по вашимъ прекраснымъ умнымъ глазамъ, что вы меня понимаете; понимаете, чѣмъ я была въ то время для него, пока не наступилъ день, о которомъ онъ такъ долго мечталъ, пока не возсталъ народъ, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ потребовать себѣ свободы! Могъ ли онъ сидѣть спокойно дома! Онъ, у котораго земля давно горѣла подъ ногами! и развѣ онъ могъ не принести себя въ жертву! онъ, мужество котораго не страшилось никакихъ опасностей. Они схватили его съ оружіемъ въ рукахъ; они бросили его въ темницу; онъ разломалъ желѣзныя рѣшетки, благодаря своей исполинской силѣ, и сквозь тысячи опасностей пробрался въ свободную Швейцарію. Но... вы, вѣроятно, слышали все это изъ его собственныхъ устъ,—я же знаю объ этомъ только изъ его писемъ... вѣдь съ того самаго весенняго дня, когда онъ съ ружьемъ за плечами перепрыгнулъ черезъ нашъ садовый заборъ, чтобы стать во главѣ отряда волонтеровъ... съ того самаго дня я видѣла его только одинъ разъ, здѣсь въ Лейпцигѣ... то было мимолетное и печальное свиданіе, о которомъ я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ ужаса.

Она провела рукой по лбу и по глазамъ.

— Но я пришла сюда не затѣмъ, чтобы нагонять на васъ тоску! Я пришла вдохнуть въ васъ мужество отстаивать его противъ всего, чѣмъ они вздумаютъ смущать вашу любовь, потому что съ его характеромъ—а развѣ тотъ, кто его любитъ, можетъ желать, чтобы онъ перемѣнился!—онъ долженъ былъ поступать такъ, какъ онъ поступалъ.

Онъ пріѣхалъ тогда изъ Парижа — великаго Парижа! въ этотъ маленькій городокъ! и съ какою цѣлью? чтобы свидѣться

съ дѣвушкою, которой онъ предлагалъ сдѣлаться спутницей его жизни, — сложившейся теперь такимъ блестящимъ образомъ, и только потому, что эта дѣвушка шесть лѣтъ тому назадъ повстрѣчалась ему на пути, прошла съ нимъ шага два впередъ, и быть можетъ дружеской, хотя и неопытной рукою нѣсколько облегчила ему его бремя! Ахъ! моя милая, добрая, прелестная, я не могу все разъяснить вамъ до мельчайшихъ подробностей, но вѣдь это не нужно. Нужно только, чтобы вы твердо знали одно: единственное лицо, которое быть можетъ имѣло бы нѣкоторое право негодовать на него—не испытываетъ этого чувства; единственное лицо, которое пострадало во всемъ этомъ, говорить: такъ должно было быть! и иначе не могло и быть! онъ мнѣ ничего не долженъ! ровно ничего!

Пурпуровая краска снова залила ее лицо, и она опустила длинныя рѣсницы на разгорѣвшіяся щеки, когда продолжала:

— Слѣдуетъ сообщить вамъ еще одно, хотя это можетъ показаться вамъ,—выросшей въ богатствѣ, подобно птицѣ въ тепломъ, мягкомъ какъ шелкъ, гнѣздышкѣ,—непонятной, безобразной сказкой; но все-таки выслушайте меня... ради его... вѣдь ему нельзя поставить въ вину, такъ же, какъ и никому другому, если въ то время, какъ онъ переходилъ черезъ улицу, къ его сапогамъ пристало нѣсколько пыли... а между тѣмъ они хотятъ превратить эти нѣсколько пылинокъ въ грязное пятно, и запятнать имъ его честь, которая была, есть и будетъ такъ же чиста, какъ вотъ это ваше зеркало.

У Конрада была богатая тетка... богатая по нашимъ мѣщанскимъ понятіямъ. Она была бездѣтна; онъ былъ ее ближайшій родственникъ и всѣми давно было признано, что онъ будетъ ея наследникомъ, хотя она и жила не въ ладахъ съ его отцомъ, а Конрадъ всегда стоялъ за отца горой и говорилъ, что будь у него десять тетокъ, которыя бы всѣ захотѣли сдѣлать его своимъ наследникомъ, то это не помѣшало бы ему отстаивать свое мнѣніе. Это обстоятельство тоже поселило нѣкоторое неудовольствіе между нимъ и старухой, которая въ сущности его очень любила... Но когда онъ принялъ участіе въ революціи и она увидѣла изъ оконъ своего дома, какъ онъ стоялъ на баррикадѣ... Они говорятъ, что это убило ее... Ну, это конечно преувеличено, но какъ бы то ни было, а она дѣйствительно умерла черезъ нѣсколько дней послѣ того и отказала свое имущество мнѣ и еще нѣсколькимъ другимъ родственникамъ, которые были седьмой ведой на киселѣ. Имя Конрада не было упомянуто въ завѣщаніи; онъ былъ лишенъ наследства.

Я предложила ему мою часть, которая была помѣщена въ банкѣ вашего отца до моего совершеннолѣтія... Я предложила ему мою часть; онъ отказался и, наконецъ... такъ какъ я не переставала приставать къ нему и печально спрашивала: неужели между нимъ и мной могутъ быть какіе-нибудь счеты... онъ согласился принять отъ меня... нѣтъ! нѣтъ! взять изъ нашей общей доли, — которая гораздо болѣе принадлежала ему, — столько, сколько было необходимо, чтобы не умереть съ голоду, чтобы имѣть возможность продолжать начатыя занятія... въ Цюрихѣ, въ Парижѣ! Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся сюда изъ Парижа... три года тому назадъ... съ тѣхъ поръ кредитивъ моего отца лежитъ нетронутымъ у вашего батюшки...

Вы такъ пристально смотрите на меня; конечно, вы думаете: и ты не вернула ему его свободы! Простите меня и попросите его простить меня за то, что я такъ омрачила его жизнь! Но наше женское сердце, такое капризное и такое упрямое... да и старикъ Крепельманнъ, близкій другъ моего семейства, который крестилъ и меня и Конрада и любить его пуще всего на свѣтѣ... Ну вотъ, дядя Крепельманнъ все пишетъ мнѣ: — ты не должна предъявлять такихъ претензій! Такому человѣку, какъ Конрадъ, некогда писать письма, да еще любовныя; ему даже некогда бывать у меня, хотя онъ и привыкъ говорить мнѣ обо всемъ и у него нѣтъ отъ меня секретовъ! Ахъ! Конрадъ хранить тайну отъ старика, которая однако не могла долго оставаться тайной; и послѣ долгого молчанія дядя Крепельманнъ написать мнѣ... Этому будетъ недѣль восемь... И вотъ тутъ я впервые услышала ваше имя... и я все думала о васъ... но, нѣтъ, я не думала, что вы такъ прекрасны!

Ну вотъ, я хотѣла написать Конраду и... не могу описать вамъ этого, да оно и не нужно... Мы, дѣвушки, такія странныя созданія, а въ особенности, когда доживемъ, какъ я, на примѣръ, до двадцати-шестилѣтняго возраста... мы бываемъ преисполнены гордости и ложнаго стыда... и, и... дни проходили за днями, пока, наконецъ, вчера, мой добрый старикъ отецъ, который никакъ не можетъ понять Конрада, внезапно не отправился сюда и... подстрекаемый, конечно, однимъ дряннымъ человѣкомъ, который въ ту пору въ Дрезденѣ предатель Конрада самымъ позорнымъ образомъ, и съ того времени всегда былъ его злѣйшимъ врагомъ... какъ я узнала объ этомъ — неважно... Но отецъ пріѣхалъ сюда въ отчаяніи, и находится въ настоящую минуту здѣсь съ цѣлью поставить Конрада въ самое затруднительное положеніе... Вы едва ли поняли бы въ чемъ дѣло, еслибы я постаралась

вамъ его объяснить... при чемъ тотъ негодяй, о которомъ я вамъ говорила, рассчитываетъ безъ сомнѣнiя, что вашъ батюшка узнаетъ объ этомъ, а можетъ быть и вы сами... что до васъ дойдутъ слухи обо мнѣ и о томъ, что я вамъ сейчасъ разсказала, но въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ заблагоразсудится врагамъ Конрада представить вамъ съ цѣлью оторвать ваше юное, любящее сердце отъ его сердца.

Я все это увидѣла, все это сообразила по первому взгляду. Я выѣхала вслѣдъ за моимъ отцомъ и испугала сегодня ночью добраго дядю Крепельманна своимъ неожиданнымъ появленiемъ... мнѣ нужны были его совѣтъ, его помощь. Но злая неудача преслѣдуетъ меня все утро. Отца я не нашла въ той гостинницѣ, гдѣ онъ обыкновенно останавливается и напрасно объѣздила полгорода, разыскивая его; затѣмъ я была два раза у Конрада, чтобы предупредить его, высказать ему... Я бы, конечно, сдумала это сдѣлать... но не была принята... что мнѣ было дѣлать? А теперь его дѣйствительно нѣтъ дома. Тогда у меня мелькнула мысль: отправлюсь къ ней! переговорю съ ней! скажу ей все! если она такое благородное существо, какимъ она должна быть, такъ какъ любить его и любима имъ, то она выслушаетъ меня, пойметъ и разрушитъ коварные замыслы, которые составлены противъ него, подобно тому, какъ солнце разгоняетъ туманъ, поднимающiйся съ болота.

Добрый генiй внушилъ мнѣ эту мысль. Онъ привелъ меня къ ангелу, чистому и непорочному, который все очиститъ, до чего ни привоснутъ его нѣжныя руки. И батюшка вашъ разсѣется, когда услышитъ, что подняли такой шумъ изъ-за пустяковъ, а Конрадъ... нѣтъ! Конрадъ не разсѣется. Онъ приметъ это серьезно, потому что онъ очень серьезный человѣкъ съ дѣтски-нѣжнымъ сердцемъ, хотя порою можно подумать противное. Ему станетъ больно, какъ бываетъ больно, когда онъ вынужденъ причинить боль пациенту; но вы скажете ему... и онъ вамъ погнѣтитъ... что я не больна, что у меня весело на душѣ, хотя слезы и навертываются на глазахъ. А теперь, будь счастлива, прелестное созданiе! моя милая, юная сестра! будь счастлива, потому что ты его любишь! будьте счастливы оба, такъ какъ вы любите другъ друга!..

Mélanie осталась одна. Она сидѣла на кушеткѣ и механически отирала слезы съ своихъ щекъ. Но то были чужiя слезы.

За то улыбка, съ какою она принялась разсматривать себя въ зеркаль, принадлежала ей... и то была злая улыбка, странно обезобразившая ея прелестный ротикъ. Зеркальце-то вѣдь не со-

лгало: королева оказалась въ сто разъ прекраснѣе, чѣмъ она. Она не облекла этого впечатлѣнія въ такую поэтическую форму; она не вспомнила про сказку о злой королевѣ; но что она была недостойна той, которая только-что ушла отъ нея, слезы которой она только-что стерла съ своихъ щекъ, поцѣлуи которой все еще чувствовала на своемъ лбу... что она была недостойна развязать ремень отъ ея сапога... это она живо ощутила.

Но только на одну минуту.

Затѣмъ она наклонилась и поправила складки кружевной манишки на груди, которая слегка смялась.

— Я вовсе не такое благородное созданіе, проговорила она; и именно потому, что я не такое благородное созданіе, а онъ таковой благородный человѣкъ, мы и не подходимъ одинъ къ другому; я вѣдь не могу быть не тѣмъ, что я есть... Но сцена предстоить ужасающая.

Она вышла изъ уборной и пошла къ матери, которая вѣроятно теперь уже была одѣта и ждала ее. Но, когда она проходила по комнатамъ, обычная воздушная походка, повидимому, измѣнилась ей, и ея шаги казались медленными и неуверенными. И едва лишь она добралась до краснаго салона, какъ упала на софу въ такомъ изнеможеніи, которое граничило съ обморокомъ, и это-то заставило встревоженную мамашу немедленно подать сигналъ черезъ слуховую трубу въ кабинетъ Гольдгеймера.

XI.

— Ради самого неба! что здѣсь у васъ такое? вскричалъ Гольдгеймеръ, врываясь безъ памяти черезъ дверь, скрытую въ обояхъ. Кажется, вы рѣшились сегодня свести меня съума! Mélanie, опомнись! развѣ время теперь падать въ обморокъ! развѣ пристало теперь разыгрывать комедіи! Лучія, съума ты сходишь? зачѣмъ тебѣ понадобились еще свидѣтели? Великій Боже! этого только не доставало!

Гольдгеймеръ слишкомъ поздно выпустилъ изъ рукъ прекрасную руку Mélanie, которую потрясалъ безъ всякаго толка, и бросился къ своей женѣ, чтобы отвести ея руки отъ позолоченной пуговицы электрическаго звонка. Но послѣдній уже сдѣлалъ свое дѣло, и въ то время, какъ Mélanie, желавшая съ своей стороны положить конецъ всей этой сценѣ, встала и объявила, что дурнота ея прошла,—со всѣхъ сторонъ сбѣжали Рикхенъ, Элиза, горничная, Жанъ и Францъ, и наконецъ всѣ другіе слуги жен-

сваго и мужского пола. Имъ всѣмъ объявили, что барышнѣ сдѣлалось-было дурно, но теперь она снова поправилась и они могут удалиться.

Слуги удалились, но на взглядъ Гольдгеймера недостаточно быстро, потому что онъ почти вытолкалъ послѣдняго за дверь. Но вѣдь каждая минута была дорога! вѣдь теперь или никогда слѣдовало ему привести въ исполненіе все то, что онъ такъ старательно обдумалъ и подготовилъ внизу, въ кабинетѣ, съ цѣлью вырвать съ корнемъ проклятую любовь дочери къ Вильду! Теперь, или никогда! а ему остается такъ мало времени! И вотъ съ искусствомъ, которое сдѣлало бы честь любому адвокату, принялся онъ группировать и сопоставлять все, что онъ слышалъ о Вильдѣ отъ старика Крепельманна, отъ нотариуса, отъ отца Христіаны. Онъ выставилъ доктора человѣкомъ, для котораго честь, вѣрность и добросовѣстность одинъ пустой звукъ! мѣднымъ лбомъ, отрицающимъ благодарность, которую долженъ былъ бы испытывать; мало того, онъ проявляетъ чудовищную неблагодарность! Этотъ человѣкъ, презрѣвъ и растоптавъ все, что свято и дорого для другихъ людей, съ безпримѣрнымъ нахальствомъ протягиваетъ руки къ первому призу, къ высшей преміи, къ главному выигрышу, къ фрейленъ Гольдгеймеръ, моей Mélanie, моему единственному дѣтищу, для котораго я трудился, боролся и спекулировалъ? На что мнѣ деньги? Я былъ бѣднымъ мальчикомъ, который запивалъ водою сухую корку хлѣба и училъ свои уроки при свѣтѣ сальной свѣчи, которая должна была свѣтить еще и моей старой бабушкѣ, и родителямъ, и моимъ тремъ братьямъ, которые всѣ умерли, потому что не отличались моей выносливостью; да вѣдь и теперь я остался тѣмъ же простымъ человѣкомъ; вѣдь я не курю и не пью вина и... ради кого игралъ я на биржѣ, рассчитывая на громадныя барыши, еслибы только вѣнскія акціи въ послѣднюю минуту... и вдругъ теперь ты бросаешь меня на произволъ судьбы, когда тебѣ стоить сказать одно только слово, чтобы вывести меня изъ затрудненія! А твоя бѣдная мать! развѣ она не заслуживаетъ, чтобы ты позаботилась объ ея счастьи! Наконецъ, дѣло идетъ о всей твоей будущности, которая можетъ быть такой, что всякая дѣвушка ей позавидуетъ: истинно княжеская будущность...

— Ахъ, Mélanie! мое милое, дорогое дитя! ты не погубишь своего отца! ты не погубишь меня! вскричала г-жа Гольдгеймеръ, направляясь съ распростертыми объятіями къ своей дочери и держа въ рукахъ смятый кружевной носовой платокъ, точно флагъ, взывающій о помощи.

Mélanie сидѣла на маленькомъ креслѣ у камина... на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ она вчера вечеромъ слушала импровизацію Вильда... и во все время рѣчи своего отца ни разу не подняла длинныхъ рѣсницъ и... къ великому изумленію Гольдгеймера... у ней не вырвалось ни единого жеста изумленія, испуга, сомнѣнія или отчаянія, которыхъ онъ ожидалъ. Только блѣдность щекъ, подергиваніе мускуловъ рта, да колебаніе нѣжной груди доказывали, что она слышитъ то, что онъ говоритъ, что она слѣдитъ за его рѣчью.

И Mélanie дѣйствительно слѣдила за его рѣчью, слышала каждое слово; но каждое слово только сильнѣе убѣждало ее въ той мысли, которая запала въ нее съ самаго начала, а именно: что центръ тяжести, что рѣшеніе всего вопроса лежитъ совсѣмъ не тамъ, совсѣмъ не тамъ! но гдѣ же?

И та же картина пронеслась передъ ея полу-закрытыми глазами, которая мелькала въ ея воображеніи вчера вечеромъ, когда онъ читалъ стихи, въ которыхъ фигурировала юная новобрачная чета на палубѣ рейнскаго парохода... та самая картина съ отчетливостью и ясностью солнечнаго утра и солнечныхъ лучей, которые отражались и переливались нѣжными красками въ складкахъ ея шелковаго, сѣраго дорожнаго платія, и на золотой оправѣ *prince-nez* Евгенія Зильбермана...

Отъ нея одной зависѣло рѣшеніе! отъ нея одной и ни отъ кого больше! Отъ нея зависѣло, будетъ ли черезъ какіе-нибудь часъ или два ея отецъ, голосъ котораго дрожалъ отъ глубокаго нервнаго возбужденія, командовать на биржѣ и играть курсами; или же прокрадется туда, какъ человѣкъ, который проигралъ свою игру и долженъ начинать съизнова; будетъ ли мать ея продолжать *dolce far niente*, въ которому привыкла и чѣмъ была счастлива, или нѣтъ; будетъ ли Евгенийъ Зильберманъ обнимать ея колѣни, лепеча слова благодарности; упадетъ ли къ ея ногамъ, униженный, тотъ сильный человѣкъ, сердце котораго билось вчера вечеромъ у ея груди такъ сильно, какъ будто хотѣло выпрыгнуть.

И странное ощущеніе, такое, какого она еще никогда не испытывала, волновало ее и пробѣгало по ней волной: желаніе смѣяться, смѣшанное съ чувствомъ отвращенія; но смѣхъ пересиливалъ отвращеніе, и г-жа Гольдгеймеръ, направлявшаяся къ дочери съ распростертыми объятіями, съ ужасомъ замѣтила, что глаза дочери закрыты, а ротъ судорожно подергивается, и готова была уже бѣжать опять къ электрическому звонку. Но тутъ Mélanie встала съ мѣста и, спокойно стоя, оглядѣла родителей съ

улыбкой, которая повидимому шла совсѣмъ въ разрѣзъ съ ея настоящимъ положеніемъ.

— Я уже раньше говорила мамѣ, что вы слишкомъ низкаго мнѣнія о Вильдѣ, если полагаете, что можете перехитрить его. Ты убѣдишься въ этомъ, papà, какъ только Вильдъ покажется въ дверяхъ; ты не осмѣлишься высказать ему и сотой доли того, что говорилъ сейчасъ. Что касается дѣвушки, на которой Вильдъ былъ помолвленъ и изъ-за которой, ты полагаешь, что я откажусь отъ Вильда, и про которую будто бы ея отецъ сказалъ тебѣ, что она намѣрена настаивать на своихъ правахъ во что бы ни стало... мнѣ очень жаль, papà, но я и тутъ должна тебя опровергнуть. M-lle Кемпе только-что была у меня... я принимала ее въ своей уборной; мы долго и откровенно бесѣдовали съ нею; она возвращаетъ Вильду полную свободу и не только не предъявляетъ какихъ-либо на него правъ, но, напротивъ того, желаетъ, сколько я поняла, уплатить долги Вильда, о которыхъ ты такъ много шумишь, papà. Во всякомъ случаѣ она впередъ дала мнѣ свое благословеніе и хотя ей никакъ не удавалось увидѣться съ Вильдомъ сегодня утромъ, такъ что онъ совсѣмъ не знаетъ о настроеніи этой дѣвицы... однако, совѣтую тебѣ, papà, совсѣмъ не упоминать Вильду про эти отношенія, потому что я отнюдь не могла бы подтвердить твоихъ словъ. А теперь, мамѣ, я бы желала немного отдохнуть въ библіотекѣ, потому что чувствую себя нѣсколько взволнованной; и если Вильдъ придетъ и спроситъ обо мнѣ, и если papà и ты найдешь пригоднымъ или желательнымъ, чтобы я съ нимъ переговорила, то можете пригласить его ко мнѣ.

Mélanie поцѣловала мать въ лобъ, еще разъ улыбнулась отцу и удалилась... — Точно герцогиня, — замѣтилъ Гольдгеймеръ женѣ, недвижно устремивъ ей вслѣдъ свои черные глаза.

— Что же это все значитъ? что долженъ я ему сказать? Хочетъ она выйти за него, или не хочетъ? Услышнить отъ нея Евгений: да или нѣтъ? Я вовсе не желаю, чтобы эта дѣвчонка вышла меня за носъ!

Онъ хотѣлъ выйти ей вслѣдъ, но жена, съ совсѣмъ несвойственной ей живостью, перегородила ему дорогу.

— Ради самого неба, Гвидо, оставь мое несчастное дитя въ покое! Она сегодня достаточно настрадалась! И я сама больше не могу этого выносить... Мы обѣ не можемъ больше этого выносить.

— Я полагаю, что вы обѣ съума спятили! заскрежеталя

банкиръ, запуская обѣ руки въ густые, изсиня черные волосы съ легкой сѣдиной, — обѣ сума спятили! и меня хотите сума свести! Не можете болѣе выносить?! Да вѣдь ничто еще не рѣшено, ничто не обдумано! Напротивъ того, то, что я соорудилъ съ такою заботливостью, разрушено, какъ карточный домикъ! А вы не можете долѣе выносить! превосходно!

Банкиръ разразился рѣзкимъ, злымъ смѣхомъ, но не посмѣлъ однако оттолкнуть свою Лучію и бѣжать за Mélanie въ библіотеку. Въмѣсто того онъ принялся бѣгать по маленькому салону... какъ дикій звѣрь... произнося угрозы, проклятія и внезапно останавливаясь передъ часами, стоявшими на каминѣ, завопилъ:

— Двѣнадцать часовъ! А въ двѣнадцать онъ хотѣлъ придти!

— Я полагаю, что его не слѣдуетъ принимать, проговорила г-жа Гольдгеймеръ... Боже милостивый!..

И она указала дрожащею рукой на дверь, которая вела въ «желтую» залу, потому что какъ разъ въ эту минуту изъ залы донесся стукъ шаговъ, которые были ей хорошо знакомы, которые она въ теченіи почти цѣлаго года привыкла встрѣчать веселой усмѣшкой и словами: его шаги!

Гольдгеймеръ также узналъ эти шаги. Съ быстротой молніи ринулся онъ въ дверь и поспѣшно притворилъ ее за собой. Последнее, что мелькнуло ему въ щелку — это то, какъ его Лучія опустилась въ кресло близъ камина. Обернувшись, онъ увидѣлъ передъ собой стройную фигуру Конрада Вильда.

— M-lle Mélanie больна? она въ салонѣ? въ салонѣ? Mélanie? Слуги, между которыми замѣтно какое-то смущеніе, такъ мнѣ сказали. Вы, кажется, не велѣли никого принимать, кромѣ вашего домашняго врача, какъ я осмѣлился замѣтить Жану. Что такое съ m-lle Mélanie?

— Ничего, рѣшительно ничего, любезный докторъ; то-есть у нея нѣсколько разстроились нервы... Боже мой! вѣдь съ дамами это часто бываетъ!.. но теперь она чувствуетъ себя хорошо, со всѣмъ хорошо; моя жена... и моя дочь... онѣ собирались куда-то выѣхать... поэтому, если вы спѣшите, любезный другъ, то не стѣсняйтесь изъ-за моихъ дамъ... вѣдь вы можете увидѣть ихъ во всякое другое время...

— А вы сами?

— Я! Боже мой, мнѣ никогда о себѣ думать; у меня сегодня голова идетъ кругомъ! я такъ...

— Взволнованъ, подсказалъ Вильдъ.

Онъ схватилъ руку банкира и принялся шупать его пульсъ, глядя на часы, которые вынулъ изъ кармана: двадцать-четыре, двадцать-

ить... сто и даже сто-два въ минуту; это слишкомъ много, любезный господинъ Гольдгеймеръ, даже для такого человѣка, у котораго обыкновенный пульсъ восемьдесятъ въ минуту. Вы должны беречься, а не то у васъ можетъ повториться воспаленіе сердца, которымъ вы страдали прошлою осенью, но уже въ сильнѣйшей степени.

Онъ, съ мягкой настойчивостью и не выпуская руки банкира, усадилъ послѣдняго на стулъ и самъ усѣлся возлѣ него. Оба молча просидѣли нѣсколько секундъ другъ противъ друга, банкиръ наклонясь впередъ, опустивъ глаза и играя кистями кресла, Вильдъ—откинувшись на спинку кресла, скрестивъ руки на груди и устремивъ большіе, строгіе, сверкающіе глаза на противника, словно измѣривая его и отдавая себѣ отчетъ въ его силѣ, прежде тѣмъ начать борьбу. Слабый отблескъ улыбки появился на его серьезномъ лицѣ, когда онъ заговорилъ:

— Какъ врачъ, я привыкъ не мѣшкать на терапевтическомъ пути, какъ скоро діагноза болѣзни вполне удалась, но прямо избирать кратчайшій путь, не упуская изъ виду своей цѣли. Дозвольте мнѣ поступать такимъ же точно образомъ и въ нашей бесѣдѣ, тѣмъ болѣе, что обстоятельства дѣлаютъ обязательными величайшую честность и откровенность съ обѣихъ сторонъ, и всякая уловка, всякая дипломатическая попытка повредить прежде всего намъ самимъ. Быть можетъ намъ раньше слѣдовало избрать этотъ путь; но теперь не время ломать голову надъ тѣмъ, что прошло и чего не воротить. Къ тому же, что касается меня, то я только со вчерашняго вечера узналъ навѣрное о такомъ обстоятельствѣ, убѣдиться въ которомъ въ моемъ положеніи было крайне необходимо, а именно: что Mélanie, которую я давно уже люблю, любить меня.

По блѣдному лицу банкира пробѣжала судорога и черные глаза метнули быстрый какъ молнія и злобный взоръ, но немедленно опустились, встрѣтивъ свѣтлый, пристальный взглядъ противника.

— Въ моемъ положеніи, повторилъ онъ, я не могъ дѣйствовать на-авось, но долженъ былъ ощущать подъ ногами твердую, совсѣмъ твердую почву, для того, чтобы явиться къ отцу любимой дѣвушки и за-одно попросить согласія на бракъ съ его дочерью и немедленной уплаты моихъ долговъ. Относительно многихъ другихъ людей такое совпаденіе обстоятельствъ заставило бы меня призадуматься. Но вы свѣтскій человѣкъ и къ тому же одинъ изъ дѣателей биржи, и вы хорошо знаете, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ приходится нѣсколько риско-

вать, а всякій честный коммерсантъ можетъ рисковать, если разсчитываетъ уплатить разность.

По смуглому лицу банкира снова пробѣжала судорога, но черные глаза его оставались опущенными, и Вильдъ продолжать, послѣ минутнаго молчанія, между тѣмъ какъ взоръ его упорно покоился на смугломъ лицѣ, а улыбка рѣзче выступила на губахъ и не сходила съ нихъ:

— Говорятъ, что и вамъ также приходится сегодня уплатить значительную разность, весьма значительную разность, рядомъ съ которой мои десять тысячъ талеровъ долгу могутъ показаться совсѣмъ... совсѣмъ бездѣлицей; да по правдѣ сказать долги — моя послѣдняя забота. Когда человѣкъ живетъ въ долгу около десяти лѣтъ слишкомъ, какъ я напримѣръ, то до нѣкоторой степени осваивается съ этимъ положеніемъ. Въ послѣдніе три года катастрофа неоднократно грозила разразиться надъ моей головой, но я всегда умѣлъ предотвратить ее; и хотя на этотъ разъ, благодаря стараніямъ нѣкоего Вейкертъ — человѣкъ этотъ былъ у васъ? предлагалъ вамъ, конечно, мой весель, который вы отвергли? — я такъ и думалъ! онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ негодяевъ, которые не любятъ дѣлать дѣла вполовину, — говорю, что хотя на этотъ разъ мое положеніе гораздо опаснѣе, но я еще не истощилъ терпѣнія моихъ богатыхъ друзей, потому что всегда старательно избѣгалъ беспокоить ихъ своими маленькими финансовыми операціями. Да и сегодня, если бы вы отказали мнѣ въ вашей помощи, господинъ Гольдгеймеръ, я сумѣлъ бы устроиться съ моими заимодавцами... Но разность... свою разность я не уплачу этимъ...

Въ первый разъ взоръ его скользнулъ въ сторону, а ясный, твердый голосъ задрожалъ:

— Свою разность я уплачу высшими благами, которые только могутъ быть у человѣка, находящагося въ моемъ положеніи: вѣрой въ самого себя, которую я на вѣки утрачу, если потерплю здѣсь неудачу; уплачу ее сомнѣніемъ, мало того, разочарованіемъ во всѣхъ свѣтлыхъ идеалахъ, которые отнынѣ превратятся для меня въ ненавистныя каррикатуры, если все то, что я сдѣлалъ, выстрадалъ, принесъ въ жертву, окажется... если Гекуба... но я забываю, что бесѣдую съ такъ-называемымъ *matter-of-fact-man*, которому непонятны подобныя соображенія, въ особенности, когда у него голова идетъ кругомъ отъ собственныхъ дѣлъ. Я позволяю себѣ заключить, что ваше молчаніе, въ силу известной поговорки, есть знакъ согласія, а заручившись имъ я

могу позволить себѣ, въ качествѣ друга, перейти... къ вашей собственной разности.

Его большіе, великолѣпные глаза снова устремились на маленькую, чернявую фигурку Гольдгеймера, который при послѣднихъ словахъ вздрогнулъ, точно хотѣлъ вскочить со стула, но затѣмъ снова опустился, словно его придавила невидимая рука, съ которой ему не-подъ-силу было бороться.

— Васъ, любезный господинъ Гольдгеймеръ, соблазнила мысль, заплатить свою разность счастьемъ вашей единственной дочери... я хочу сказать счастьемъ Mélanie, которое будетъ не только попорчено, если она выйдетъ за-мужъ за это чучело... нѣтъ, мало того: безусловно, окончательно погублено. Окончательно... это говорю я, ея другъ... ея вратъ! Нельзя безнаказанно вести жизнь нашей *jeunesse dorée*, она никому не проходитъ даромъ; но она гибнетъ нравственными и физическими банкротами такихъ людей, какъ...! Евгенийъ Зильберманъ. Я радъ, что мнѣ приходится заявить объ этомъ теперь, когда мои слова уже больше не служатъ предостереженіемъ, а выражаютъ просто радость, что опасность миновала.

Перейдемъ теперь къ другой опасности, — той опасности, которую вамъ еще предстоитъ преодолѣть и въ виду которой я пришелъ предложить вамъ свою помощь. Да, а! это смѣшно, не правда-ли? однако тѣмъ не менѣе это такъ! Я пріѣхалъ къ вамъ прямо отъ Макса Ломбарда, который собирался ѣхать на биржу, куда и вы, замѣчу мимоходомъ, должны явиться черезъ четверть часа. Поэтому мнѣ вдвойнѣ необходимо быть краткимъ и сжатымъ... и такъ... коротко и ясно: Максъ Ломбардъ принимаетъ во мнѣ участіе не только потому, что я далъ ему вчера вечеромъ богатую тѣму для его застольнаго спича, но и потому, что онъ благодаренъ мнѣ... и не со вчерашняго дня... за небольшія услуги, которыя я оказывалъ ему и его юному семейству. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что онъ смутно чувствуетъ себя дилеттантомъ не только въ изящныхъ искусствахъ, но и въ финансовомъ дѣлѣ, гдѣ оно нѣсколько рискованнѣе, такъ какъ касается его миллионѣвъ. Онъ страстно желаетъ найти себѣ ментора и, — если смѣю такъ выразиться, — убѣжденъ, что вы можете сдѣлаться этимъ менторомъ, если захотите, а онъ льститъ себя надеждой, что вы этого захотите, если онъ предложитъ вамъ постановить условія для *entente cordiale*, которая, само собой разумѣется, должна начаться съ сегодняшняго дня. Онъ ожидаетъ васъ на подъѣздѣ биржи и надѣется прочесть на вашемъ лицѣ, что благословенный союзъ между домами Ломбардъ

и Гольдгеймеръ-Сынъ заключенъ въ памятное *Ultimo* текущаго марта мѣсяца на вѣки вѣчныя, и будетъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе, опираясь на непоколебимыхъ основахъ взаимнаго уваженія, любви... и такъ далѣе... и такъ далѣе... не хочу предвосхищать у этого добраго малаго его будущаго спича! А теперь, любезный господинъ Гольдгеймеръ, я васъ долѣе не задерживаю. Поспѣшайте на биржу, гдѣ васъ встрѣтятъ съ раскрытыми объятіями; я же отправлюсь въ красный салонъ, гдѣ меня, смѣю думать, дожидаются.

Вильдъ всталъ, но, отодвигая стулъ, все же не спускалъ глазъ съ смуглаго лица банкира, точно этотъ послѣдній былъ нантерой или другимъ какимъ-нибудь дикимъ звѣремъ, и этотъ дикій звѣрь долженъ былъ броситься на него въ тотъ моментъ, какъ онъ отведетъ отъ него глаза. Въ теченіи всей этой бесѣды Гольдгеймеръ тщетно пытался выдержать сверкающій взглядъ голубыхъ глазъ; но въ настоящую минуту терпѣніе его истощилось. Онъ не могъ долѣе выносить неслыханной дерзости этого нищаго авантюриста, его крайняго пренебреженія къ богатымъ евреямъ, которое сквозило въ каждомъ словѣ и даже въ самомъ его дружелюбіи, его покровительственную мину, которую онъ осмѣливался принимать, говоря съ нимъ... съ нимъ, Гвидо Гольдгеймеромъ! И если бы даже выгоды союза съ молодымъ Максомъ Ломбардомъ были въ десять разъ значительнѣе... то ему ихъ не надо... онъ не хочетъ быть ими обязаннымъ этому чужаку, котораго онъ ненавидѣлъ, котораго онъ боялся, противъ котораго все въ немъ возмущалось, который сталъ ему поперекъ дороги, котораго онъ съ наслажденіемъ растопталъ бы ногами и который стоялъ теперь, — когда онъ съ невѣроятнымъ усиліемъ поднялъ на него свои глаза, передъ нимъ, точно каменная стѣна, въ которую маленькій мальчишка швыряетъ горохомъ. Однако, посмотримъ!

— Вы очень добры, чрезвычайно какъ добры, любезный докторъ, но только немного торопливы, немножко... какъ бы сказать... немного самонадѣянны. Вы чересчуръ свысока смотрите на насъ, мелкихъ людишекъ, которые однако тоже можемъ имѣть свои взгляды, свои желанія, свою волю. А если я не желаю, чтобы Mélanie вышла замужъ за христіанина?

— Въ такомъ случаѣ она съ спокойной совѣстью можетъ сдѣлаться моей женой, потому что я давно уже отказался отъ всякой положительной религіи.

— Но она должна выйти замужъ за еврея!

— За Евгенія Зильбермана?

— Это уже мое дѣло.

— А также отчасти и вашей дочери, полагаю. Но я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, что со вчерашняго вечера я увѣренъ въ любви Mélanie.

— Господинъ докторъ! вы осмѣливаетесь утверждать, что моя дочь...

— Любить меня, ничего болѣе. Вы не станете утверждать, что я желаю этимъ сказать что-нибудь худое про вашу дочь.

— Худое или нѣтъ, но... но моя Mélanie никогда не будетъ леною человѣка, который...

— Ну-съ, господинъ Гольдтеймеръ, который?...

— Можеть такъ же *cavalièrement* поступить съ сердцемъ и счастьемъ моей дочери, какъ онъ поступилъ съ сердцемъ и счастьемъ другой дамы, равно какъ и съ ея деньгами...

— Вамъ извѣстно и это?

— Изъ устъ самой дамы... m-elle Христіаны Кемпе... сего дня только... только часъ тому назадъ...

— Изъ ея устъ? въ самомъ дѣлѣ? изъ ея устъ! Ну что-жъ, прекрасно!

Онъ вздрогнулъ, когда Гольдтеймеръ произнесъ имя Христіаны, и мрачное облако спустилось надъ его бровями въ то время, какъ онъ, скрестивъ руки на груди, тихимъ голосомъ, но отчеканивая каждое слово, каждую букву, произнесъ:

— Въ моихъ глазахъ гораздо лучше, и во всякомъ случаѣ честнѣе, когда подобныя отношенія, родительницею которыхъ бываетъ глупость, а родителемъ неразуміе, разрываются прежде, чѣмъ будутъ закрѣплены на всю жизнь. Это лучше, честнѣе и менѣе жестоко, чѣмъ то, когда они продолжаютъ подъ покровомъ тайны и подъ маской вѣрнаго мужа... не такъ ли, господинъ Гольдтеймеръ?

Банкира покинула угрожающая мина. Онъ поблѣднѣлъ, какъ полено.

— Вы знаете, пролепеталъ онъ...

— Уже съ декабря мѣсяца, когда моя профессія—я находился по сосѣдству, а въ крайнихъ случаяхъ ближайшій врачъ всегда кажется самымъ лучшимъ для встревоженного материнскаго сердца — привела меня въ одинъ небольшой домикъ... Вамъ знакомъ этотъ маленький домикъ, господинъ Гольдтеймеръ, который вы нѣсколько лѣтъ тому назадъ отдѣляли съ нѣкоторой роскошью, теперь уже нѣсколько поблѣншею, какъ вы можете убѣдиться въ этомъ сами, если переступите за порогъ этого домика, въ особенности днемъ. Вы не были тамъ уже нѣсколько лѣтъ...

ну, это ваше дѣло... Но, господинъ Гольдгеймеръ, г-жа Ребекка, какъ она себя называетъ, и ея трое дѣтей принадлежать къ числу моихъ бѣдныхъ пациентовъ, и... я не имѣлъ намѣренія говорить объ этихъ вещахъ, пока не получу на то права. Вы навязали мнѣ роль, которая, чувствую, совсѣмъ мнѣ не пристала и теперь... не противьтесь долѣе признать мое право. Мнѣ теперь необходимо переговорить съ вашей супругой... между Mélanie и мной всякія дальнѣйшія объясненія будутъ почти лишними.

Они дошли до дверей красной гостиной. На стулѣ Вильда постѣдовало тихое: войдите! Онъ повернулся къ банкиру:

— Въ настоящую минуту вы еще не въ состояніи примириться съ тѣмъ, что вамъ кажется, хотя весьма неосновательно, крупной непріятностью. Я вернусь къ вамъ черезъ пять минутъ; послѣ этого вы завезете меня, если хотите, въ университетъ... Ахъ боже! академическіе четверть часа уже прошли... и затѣмъ отправитесь на биржу устанавливать, вмѣстѣ съ Максомъ Ломбардомъ, биржевые курсы.

Онъ, улыбаясь, махнулъ рукой и Гольдгеймеръ тоже улыбнулся въ отвѣтъ. Но едва только мощная фигура ненавистнаго человѣка скрылась у него изъ глазъ, а властительные взоры перестали метать на него молніи — лицо его исказилось; черные глаза засверкали, зубы заскрежетали, кулаки сжались.

— Будь ты проклятъ, проскрежеталъ онъ, будь ты проклятъ!

Рука его ухватилась — было за хрустальную ручку двери, но снова опустилась. Все тщетно! если онъ не могъ остановить этого ненавистнаго, этого страшнаго человѣка... то что же могли сдѣлать женщины. Его жена очарована имъ! Mélanie его любитъ! — Будь онъ проклятъ, будь онъ проклятъ! охъ, я простофиля, трусъ, болванъ!

И Гольдгеймеръ упалъ въ совершеннѣйшемъ изнеможеніи на ближайшій стулъ, устремивъ стеклянный, пристальный взглядъ на дверь: она могла каждую минуту открыться и пропустить ненавистнаго человѣка, который явится рука объ руку съ Mélanie просить родительскаго благословенія!

— Ваше согласіе дано мнѣ, говорилъ Вильдъ г-жѣ Гольдгеймеръ въ красномъ салонѣ, — и не со вчерашняго дня. Если какая-нибудь мать знаетъ, что ея дочь любима и любима безгранично, то это вы! вѣдь на вашихъ вроткихъ, дружескихъ глазахъ разцвѣла и развилась наша любовь, хорошо и ясно, какъ цвѣтокъ, согрѣтый солнечными лучами. Я отблагодарю васъ... словами въ настоящую минуту и вѣрною любовью вѣрнаго сына во всю мою остальную жизнь.

Онъ прижалъ къ губамъ руки г-жи Гольдгеймеръ, по лицу которой катились горячія слезы.

— Богъ васъ благослови, милый Конрадъ; я не могу выразить вамъ, какъ я счастлива. Я никогда ничего не имѣла противъ этого брака, и если Гольдгеймеръ скажетъ да и устроится съ Максомъ Ломбардомъ... конечно свадьба уже не будетъ такая блестящая и Mélanie придется отказаться отъ сервиса фабрики Мейснера, котораго король не хотѣлъ купить, потому что нашенъ его слишкомъ дорогимъ, да и до Египта врядъ ли придется вамъ доѣхать съ ней, во время свадебной поѣздки, какъ она этого желала! Вѣдь вы говорите, что не можете оставлять своихъ пациентовъ на такой долгій срокъ, да и вообще мнѣ трудно представить себѣ мою Mélanie докторшей... нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ любезный Вильдъ, хоть вы и смѣетесь... а, право, я никакъ этого не могу себѣ представить: приемная биткомъ набитая народомъ, на дворѣ вывѣска, звонки по ночамъ!.. но, какъ бы то ни было, по мнѣ все хорошо, если только Гольдгеймеръ и Mélanie согласны. Она въ библіотекѣ. Господи! какое это будетъ счастье! а повѣрите ли, любезный Вильдъ, всего какихъ-нибудь десять минутъ тому назадъ, когда она вышла вотъ въ эту дверь, я полагала, что все кончено и не подозрѣвала, что вы еще вчера вечеромъ обручились! Затѣмъ же она этого не сказала? она спасла бы насъ отъ предыдущей сцены... такая ужасная эта была сцена, любезный Вильдъ! я просто не могу о ней вспомнить!

— И не нужно, сказалъ Вильдъ, вставая; эта сцена и многое другое осталось позади насъ, а впереди насъ ожидаетъ будущность, изъ которой мнѣ ясно представляется только маленький, обворожительный обѣдъ, которымъ вы насъ сегодня угостите... совсѣмъ *entre nous*, смѣю просить... и какой вы одна только умѣете заказать, а теперь васъ въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ оставить въ покоѣ на нѣсколько минутъ, чтобы вы могли обдумать на свободѣ *тени*.

Онъ улыбался, говоря это, и снова поцѣловалъ пухленькія, маленькія ручки г-жи Гольдгеймеръ. Онъ улыбался и въ то время, какъ стоялъ у дверей и въ послѣдній разъ приветствовалъ ея взглядомъ и жестомъ.

Но, въ то время, какъ онъ проходилъ по комнатѣ, которая отдѣляла библіотеку отъ краснаго салона, съ лица его исчезли всякіе слѣды веселой улыбки. Судорожно схватился онъ за сердце, потомъ за лобъ... и затѣмъ опять за сердце, которое сначала билось такъ сильно, точно хотѣло выскочить, а теперь замерло; затѣмъ опять схватился за лобъ, который только-что горѣлъ, какъ

въ огнѣ, а теперь покрылся холоднымъ потомъ. Въ глазахъ у него потемнѣло; онъ механически хватался за пустое пространство, наконецъ, овладѣлъ собой, благодаря невѣроятному усилю, и на его блѣдныхъ губахъ снова появилась улыбка... гордая, властительная улыбка.

— Я такъ хочу, если бы даже и не заплатилъ такой дорогой цѣной! если бы даже она не стояла такой борьбы... я такъ хочу!

— Mélanie!

Она сидѣла у камина—совершенно въ этой позѣ, какъ недавно, когда изображала въ живыхъ картинахъ Гретхенъ передъ образомъ *Mater dolorosa*—наклонясь впередъ, закрывъ лицо руками. Длинные темныя косы, изъ которыхъ одна распустилась, падали на ея плечи, и касались ковра... Она, повидимому, не слыхала его шаговъ, не слыхала легкаго шуршанья тобеленеваго ковра, и когда онъ нѣжно и тихо назвалъ ее по имени, она бросилась къ нему на шею съ крикомъ изумленія и ея губы затрепетали на его губахъ.

— Послѣдній, прошептала она, послѣдній!

Она высвободилась изъ его рукъ и остановилась, въ полуборотѣ къ нему, приложивъ одну руку ко лбу, другою же давая ему знакъ, чтобы онъ оставилъ ее.

Вильдъ быстро схватилъ ее за руку и несмотря на сопротивленіе привлекъ къ себѣ:

— Какъ, что это значитъ? Ты моя! моя Mélanie! моя милая, прелестная невѣста!

Она лежала съ закрытыми глазами, точно въ обморожѣ, въ его объятіяхъ.

— Я не могу, пролепетала она, не могу понять въ бѣдѣ своего добраго отца; не могу ввергнуть въ нищету любимую мать.

— Бѣда? нищета? ты гредишь, Mélanie! все это пустые страхи, которыми хотятъ напугать тебя и ничего болѣе!

— Они никогда не дадутъ своего согласія!

— Они его дали; я уже переговорилъ съ твоими родителями. Все, что лежало преградой между тобой и мной, все смеется съ дороги, все!

— И даже воспоминаніе о твоей первой любви?

— Она была у тебя?

— Да.

— Если такъ, то она сказала, она должна была сказать тебѣ, что она возвращаетъ мнѣ мою свободу; я это знаю такъ

же хорошо, какъ если бы самъ присутствовать при вашемъ свиданіи. А если я ошибаюсь... если она дѣйствительно намѣрена преслѣдовать меня своею любовью, на которую я не могу отвѣчать... ну, тогда значитъ она была недостойна и той любви, которую я нѣкогда къ ней питалъ. Повторяю, Mélanie: прочь всѣ эти злые грѣзы! прочь пустые страхи! Погляди мнѣ въ глаза! Mélanie, моя Mélanie! ты будешь моею, ты можешь быть моею, ты уже моя, если только захочешь!

Онъ выпустилъ-было ее изъ своихъ объятій, и теперь снова пошелъ къ ней.

— Вы ошибаетесь, я этого не хочу.

Она не отступала назадъ, не шевелилась; на прекрасномъ, блѣдномъ лицѣ не видать было ни признака страсти, ни малѣйшаго колебанія не слышать было въ мягкомъ, звучномъ голосѣ.

Онъ остановился, какъ вкопанный; руки его медленно опустились; въ его глазахъ вспыхнулъ недобрый огонекъ. На высокомъ бѣломъ лбу выступила внезапно гровая, синяя жила. Но длинныя рѣсницы ея не опустились; они простояли съ минуту глядя пристально другъ другу въ глаза.

— Итакъ, все это была одна только комедія?

— Если вамъ угодно такъ называть!

— А какъ же долженъ я назвать? и какъ долженъ я назвать тебя? тебя?

Этого она не ожидала; передъ его гнѣвомъ она склонилась, какъ былинка, колеблемая вихремъ.

— Ради Бога, не убивайте меня!

Онъ съ силой поднялъ съ полу Mélanie, которая упала передъ нимъ на колѣни, протянувъ къ нему руки, и оттолкнулъ ее прочь отъ себя:

— Какъ всякое ничтожество дорожитъ всегда своею жизнью! Къ чему-добраго, она объявить мнѣ теперь, что ничто не мѣшаетъ намъ оставаться друзьями, что между нами произошло пустое недоразумѣніе, что она чувствуетъ ко мнѣ самое нѣжное участіе. Ну, а что касается просьбы держать языкъ за зубами, то она сама собой разумѣется!

Онъ остановился передъ бюстомъ Минервы.

— Ты предупреждала меня вчера вечеромъ, но я не обращалъ вниманія на твое предостереженіе. О, боги! кого вы захотите покарать, у того отнимете разумъ.

Онъ медленно пошелъ къ двери и тамъ снова остановился:

— Скажи своему отцу, чтобы онъ убралъ прочь свою Минерву и поставилъ на ея мѣсто Венеру *vulgivaga*...

Онъ не далъ себѣ труда обернуться и поглядѣть въ какомъ положеніи оставляетъ *Mélanie*. Она лежала недвижимо въ креслахъ, когда онъ вышелъ изъ комнаты.

Большая дверь библіотеки выходила на площадку, съ которой широкая покрытая дорогимъ ковромъ, мраморная лѣстница вела внизъ. Медленно сошелъ онъ съ лѣстницы. Жанъ хвастался Францу, что онъ возвратитъ доктору, которому надо думать теперь уважить дверь, его пустое портмоне, когда докторъ сойдетъ внизъ и при этомъ выразитъ ему все свое презрѣніе. Но такъ или иначе, а должно быть случай оказался вовсе не такимъ удобнымъ, какъ полагалъ Жанъ. По крайней мѣрѣ онъ оставилъ свое презрѣніе при себѣ, а портмоне въ карманѣ: вѣжливо помогъ доктору надѣть пальто и подобострастно растворилъ передъ нимъ дверь въ швейцарскую, гдѣ швейцарь, весь въ золотыхъ галунахъ, не менѣе подобострастно отворилъ выходную дверь, которую оставилъ открытою, потому что въ этотъ самый моментъ въ подъѣздъ подѣхалъ кабріолетъ, въ которомъ сидѣло двое господъ.

Когда Вильдъ проходилъ мимо, лакей откинулъ подножку, но младшій изъ двухъ господъ, который уже выставилъ было лакированный сапогъ изъ экипажа, поспѣшно принявъ его обратнo, при чемъ золотое *pinse-nez* свалилось у него съ носа; старшій же свирѣпо поглядѣлъ на Вильда черезъ плечо своими черными глазами.

Вильдъ, съ своей стороны, повидимому, и не замѣтилъ обоихъ господъ, подобно тому, какъ человѣкъ, собирающійся оставить цѣркь, гдѣ его утомило скучное представленіе, не обращаетъ никакого вниманія на двухъ паяцовъ, которые выходятъ на сцену въ ту минуту, какъ онъ поднимается съ своего мѣста, чтобы уйти и больше не возвращаться.

XII.

— Послушай-ка! а вѣдь похоже на то, какъ будто онъ не намѣренъ продолжать своихъ лекцій? говорилъ одинъ студентъ другому, по окончаніи лекціи доктора Вильда о гигиенѣ.

— Это почему? возразилъ другой. Онъ этого ни за что не сдѣластъ; я его знаю еще съ прошлаго семестра. Онъ читаетъ обыкновенно до самаго конца семестра и никогда не прерываетъ на половинѣ,—это всякому извѣстно. А случилось тебѣ когда-нибудь быть очевидцемъ настоящаго отравленія угольной кислотой?

Присутствія въ атмосферѣ тридцати процентовъ совершенно достаточно для этого; здѣсь, я думаю, скоро будетъ столько.

— Возмутительный воздухъ; можетъ, потому онъ и былъ такъ вялымъ и блѣднымъ; его голосъ, подъ конецъ, даже заметно дрожалъ.

— Не знаю, чего ты такъ объ немъ заботишься, онъ просто проголодался. Я страшно голоденъ, пойдемъ.

Вильдъ не былъ голоденъ, но наблюденіе маленькаго, блѣлаго студента было вѣрно: онъ былъ очень блѣденъ, и напоследокъ его голосъ казался нѣсколько глухимъ и какъ будто надорваннымъ, когда онъ сообщалъ, о чемъ будетъ говорить на слѣдующей лекціи, послѣ-завтра, а именно: объ отравленіи растительными веществами. Студенты уже сложили свои тетради, а онъ все еще стоялъ на кафедрѣ, устремивъ оцѣпенѣлый взоръ впередъ и не замѣчая того, что вокругъ него происходило; по крайней мѣрѣ онъ не отвѣчалъ на поклоны своихъ слушателей, когда медленными шагами выходилъ изъ большой, набитой биткомъ, аудиторіи.

Въ корридорѣ попался ему на встрѣчу его молодой товарищъ.

— Очень радъ, что васъ встрѣтилъ; я собирался къ вамъ съ просьбой принять на себя на нѣсколько дней мою практику.

— Вы уѣзжаете?

— Нѣтъ, но мнѣ нездоровится. Заработался, пересиливалъ себя—все послѣднее время только и поддерживалъ себя хининомъ.

— У васъ нехорошій видъ; поберегите себя, нѣсколько дней меня не стѣснять. Пациенты объ этомъ увѣдомлены?

— Имъ сказано разъ навсегда, что они должны обращаться къ вамъ, если мнѣ почему-нибудь нельзя заниматься ими. Нѣкоторыхъ впрочемъ я специально предупрежу на этотъ разъ.

— Хорошо. Ступайте поскорѣй домой и не утомляйте себя! Сегодня вечеромъ я васъ навѣщу.

— Вы застанете меня дома.

Товарищъ засмѣялся; они пожали другъ другу руки, молодой докторъ отправился въ свою аудиторію. Вильдъ нашелъ перель университетомъ наемный экипажъ, въ которомъ обыкновенно обѣзжалъ свою практику и который отпускалъ около двухъ часовъ у гостиницы, гдѣ обѣдалъ.

— Я васъ продержу сегодня дольше обыкновеннаго, можетъ быть до четырехъ часовъ.

— Ничего, господинъ докторъ, куда прикажете ѣхать?

Вильдъ далъ адресъ первѣйшаго въ городѣ часовыхъ дѣлъ мастера, къ немалому удивленію кучера, для котораго было новостью, что господинъ Шадефонъ поступилъ въ число «нашихъ націентовъ».

Но еще болѣе удивился господинъ Шадефонъ, когда докторъ Вильдъ, котораго онъ хорошо зналъ, предложилъ ему купить его хронометръ вмѣстѣ съ цѣпочкой.

— Это англійская работа превосходнаго качества, сказали часовыхъ дѣлъ мастера, разсматривая механизмъ въ лупу, работа перваго сорта; конечно, подарокъ?

— Надѣюсь, что это не помѣшаетъ вамъ купить ихъ.

— Не въ томъ дѣло, господинъ докторъ, но не помѣшаютъ ли это вамъ продать ихъ. Такіе дорогіе часы весьма трудно сбыть здѣсь и, чего добраго, совсѣмъ не удастся. Мнѣ придется отправить ихъ въ Лондонъ или Парижъ. Другими словами, мнѣ придется предложить вамъ за нихъ цѣну, далеко неподходящую. Простите нескромный вопросъ, господинъ докторъ: зачѣмъ вы желаете продать часы?

— По весьма простой причинѣ: мнѣ нужны деньги для одной, весьма дорогой для меня личности; мнѣ нужны деньги тотчасъ—а въ настоящую минуту ихъ у меня нѣтъ.

— Сколько вамъ нужно?

— Пятьсотъ галеровъ.

— Вотъ вамъ деньги, господинъ докторъ, а вотъ и ваши часы: я сочту себѣ за честь оказать маленькую любезность чело-
вѣку, о которомъ слышалъ такъ много хорошаго.

— Я вамъ очень благодаренъ, но мнѣ невозможно воспользо-
ваться вашей любезностью.

— Ну, въ такомъ случаѣ, оставьте мнѣ ваши часы, но подѣ однимъ условіемъ, чтобы вы могли во всякое время купить у меня ихъ обратно за ту же цѣну. Согласны?

— Если эти часы стоятъ этихъ денегъ—чему я не совсѣмъ вѣрю.

— Объ этомъ не беспокойтесь.—Вы мнѣ сдѣлали честь и удовольствіе, говорилъ часовщикъ Шадефонъ, провожая Вильда до дверей.

Поѣздка Вильда по городу продолжалась нѣсколько часовъ, но онъ всего разъ или два, да и то на самое короткое время, останавливалъ экипажъ передъ красивыми и изящными домами, которые обыкновенно усердно посѣщалъ. Большую часть времени онъ провелъ сегодня въ улицахъ предмѣстья, гдѣ живутъ почти исключительно мелкіе ремесленники, работники, а частію и со-

вершнные пролетаріи; эти улицы онъ обыкновенно посѣщать въ послѣ-обѣденные часы пѣшкомъ. Его весьма скромный экипажъ, безъ сомнѣнія, привлекалъ на себя вниманіе жильцовъ этихъ темныхъ квартиръ. Кучеръ же разсудилъ, что сегодня вѣроятно происходитъ нѣчто совсѣмъ особенное, потому что хотя ему и случалось бывать въ этихъ мѣстахъ съ другими докторами, да и съ самимъ докторомъ Вильдомъ, но онъ никогда не замѣчалъ, чтобы люди, какъ сегодня, выходили изъ своихъ маленькихъ домовъ провожать господина доктора до экипажа. Одна блѣдная женщина, съ блѣднымъ ребенкомъ на рукахъ, плакала при этомъ и даже хотѣла поцѣловать руку у господина доктора, и когда онъ ее не допустилъ до этого, то поцѣловала полу его сюртука. Въ другомъ мѣстѣ слѣпой старикъ съ сѣдыми какъ лунъ волосами показался въ дверяхъ, изъ которыхъ вышелъ Вильдъ, и когда экипажъ двинулся съ мѣста и кучеръ посмотрѣлъ назадъ, то увидѣлъ, что слѣпой все еще сѣтитъ у дверей, скрестивъ руки на груди и устремивъ въ небо свои мутные глаза. Въ третьемъ мѣстѣ кучеръ, обернувшись, увидѣлъ, что какой-то мужчина и его жена смѣются, кивая съ гримасами на отъѣзжающій экипажъ и показывая събѣжавшимся оборваннымъ сосѣдямъ деньги, вѣроятно только-что ими полученные.—Этимъ не дадите въ другой разъ, господинъ докторъ, рѣшился замѣтить кучеръ; и Вильдъ отвѣчалъ съ грустной улыбкой: это въ послѣдній разъ!

Уже вечерѣло, когда экипажъ покатился по красивымъ бульварамъ и площадямъ въ средней части города и остановился у одной аптеки.

— Въ какомъ положеніи моя касса для бѣдныхъ? спросилъ Вильдъ.

— Послѣднее время приходилось довольно крутенько, господинъ докторъ, вслѣдствіе частыхъ и упорныхъ случаевъ перемежающейся лихорадки; но все-таки у насъ осталось еще нѣсколько талеровъ.

— Вотъ вамъ еще сто.

— Но зачѣмъ же такъ много, господинъ докторъ? я вамъ напомину, когда выйдутъ всѣ деньги.

— Берите. И, что бишь я хотѣлъ еще сказать? дайте мнѣ немного *acidum hydrocyanicum*; правда, мнѣ это понадобится только послѣ-завтра для моей левціи, да боюсь, какъ-бы мнѣ не позабыть.

— Прикажете отпустить также соотвѣтственную дозу *liquor ammonii*?

— Благодарю; я не нахѣренъ шутить со смертію и потому не нуждаюсь въ противоядіи.

Въ тотъ самый моментъ, какъ Вильдъ спряталъ въ карманъ баночку съ синильной кислотой и протянулъ руку за шляпой, которая стояла на прилавкѣ, — онъ пошатнулся и упалъ бы на полъ, еслибы его не поддержалъ подбѣжавшій аптекарь, съ помощью подоспѣвшаго провизора, и не посадилъ въ кресло, предназначенное для приходящихъ за лекарствами.

— Господи помилуй, господинъ докторъ, что съ вами?

— Ничего, возразилъ Вильдъ, съ улыбкой на блѣдныхъ губахъ; принималъ у себя съ утра, съ девяти часовъ кажется, и затѣмъ до настоящей минуты былъ все въ разбѣздахъ. Природа взяла свое. Дайте мнѣ, пожалуйста, стаканъ краснаго вина и кусочекъ блага хлѣба.

И то и другое появилось немедленно.

— Чудесно! сказалъ онъ, медленно отхлебывая вино и заглатывая хлѣбомъ.

Онъ допилъ послѣднія капли изъ стакана и подобралъ тщательно всѣ крошки съ тарелки. Затѣмъ протянулъ руку аптекарю и провизору и сказалъ: благодарю васъ, благодарю васъ отъ души!

Они переглянулись, когда Вильдъ вышелъ, удивленные тономъ, съ которымъ Вильдъ выразилъ свою благодарность, и въ которомъ звучала теплота, несоотвѣтствующая ничтожной услугѣ, оказанной ему.

— Благодарю васъ отъ души, сказалъ Вильдъ кучеру, отпуская его, нѣсколько минутъ спустя, у своего дома.

— Что же это значитъ? сказалъ кучеръ, поглядывая то на золотую монету въ своихъ рукахъ, то на дверь, въ которую вошелъ Вильдъ. И онъ мнѣ не сказалъ, въ которомъ часу приѣзжать завтра!

Иоганнъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ своего господина.

— Сюда уже два раза приходилъ какой-то молодой человѣкъ, сказалъ Иоганнъ, очень дерзкій и картавый молодой человѣкъ, съ черными какъ смоль курчавыми волосами и вообще непохожій на честнаго христіанина. Во второй разъ онъ нагло кричалъ, что вы должны быть дома, что въ третій разъ онъ другого пришлетъ и вообще велъ какія-то странныя рѣчи, не снимая при этомъ шапки съ своей курчавой головы, хотя я и говорилъ ему, что въ приемной господина доктора никто не смѣетъ оставаться въ шляпѣ, кромѣ развѣ самого господина доктора; и наконецъ, просто сбилъ у него шапку съ головы...

— Приходилъ кто-нибудь отъ... онъ одинъ приходилъ?

— И одного такого довольно, господинъ докторъ.

— Странно, бормоталъ Вильдъ; а еще кто-нибудь былъ?

— Одна дама.

— Какая дама?

— Она была уже два раза сегодня поутру: та самая, знаете, господинъ докторъ, которая приходила не за медицинскимъ советомъ.

— Какая она на видъ?

— Очень приличная, настоящая дама, господинъ докторъ, хотя и не расфуфыренная, какъ польская графиня, что была сегодня поутру. Но на лицѣ у нея было что-то жалостное, страдальческое, а такія мнѣ немало досадили въ послѣдній мѣсяцъ, господинъ докторъ, я ей это и сказалъ; но она отвѣтила: мнѣ ничего не нужно отъ господина доктора; я хочу только передать кое-что господину доктору, и непременно лично передать. Ну, да вѣдь насъ не проведешь...

— Довольно, сказалъ Вильдъ.

Онъ сѣлъ за письменный столъ и сталъ просматривать счета, которые поручилъ Иоганну вытребовать въ теченіе дня; счета отъ мелкихъ ремесленниковъ, прачки — ничтожныя суммы, которымъ Вильдъ подвелъ итогъ и далъ Иоганну крупную ассигнацію, чтобы онъ шелъ и немедленно заплатилъ все.

— Да вѣдь это гораздо больше, чѣмъ нужно, господинъ докторъ!

— Твое жалованье въ томъ же числѣ.

— И все-таки, господинъ докторъ; вѣдь я получаю всего...

— Такъ, вѣрно, уходи! а если я обчелся, то излишекъ брать твой; ну, и уходи поскорѣй!

Иоганнъ не возражалъ. Было ясно, что докторъ обчелся; но онъ былъ такъ страненъ; навѣрно съ нимъ случилось что-нибудь недоброе: умеръ пациентъ, котораго онъ надѣялся поставить на ноги — какъ намеренъ, когда онъ нѣсколько дней ходилъ повѣсившись — или что-нибудь въ этомъ родѣ. Теперь все равно съ нимъ не столкнешься, думалъ Иоганнъ; теперь надо оставить его въ покоѣ; когда буду мести, вывѣдаю все.—Кто тамъ снова звонить? Дома вы, господинъ докторъ?

— Для той дамы нѣтъ, вскричалъ Вильдъ; ни подъ какимъ видомъ!

Онъ рѣзкимъ движеніемъ отодвинулъ кресло, на которомъ сидѣлъ, и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, прислушиваясь къ тому, что происходитъ въ передней, откуда слышался

скоро голосъ Іоганна, обмѣнивающійся весьма рѣзкими словами съ другимъ голосомъ — мужскимъ! — Слава Богу! пойду къ нему на помощь; надо покончить комедію. Іоганнъ,пусти его!

— Онъ ведетъ себя еще грубѣе прежняго, закричалъ Іоганнъ, продолжая держать субъекта за шиворотъ и встряхивая его.

— Онъ ужъ таковъ отъ природы, сказалъ Вильдъ; еще разъ говорю тебѣ:пусти его! Войдите! Ты можешь идти, Іоганнъ.

Вейкертъ подобралъ съ полу свою шляпу и послѣдовать за Вильдомъ въ комнату.

— Хороша у васъ прислуга, нечего сказать, господинъ докторъ! Этотъ человѣкъ...

— Питаетъ весьма естественное въ честномъ человѣкѣ отвращеніе къ подлецу. Чему я обязанъ, что вижу васъ у себя?

Широкое лицо Іоганна, показавшееся было въ дверяхъ, выражало пламенное желаніе задать притлецу трѣпку, но Вильдъ кивнулъ ему головой и дверь затворилась, къ великой досадѣ Іоганна. Послѣ этого Вильдъ снова обратился къ нотаріусу, который, съ блѣднымъ какъ полотно лицомъ отъ страха и ярости, вытаскивалъ бумаги изъ портфеля:

— Имѣю честь предъявить вамъ, господинъ докторъ, по порученію господина банкира Гольдгеймеръ-Сынъ...

Скверные глазки Вейкерта, боязливо потлаживавшіе до сихъ поръ по сторонамъ или устремленные въ полъ, злорадно блеснули, но сейчасъ же опустились внизъ, встрѣтивъ спокойный и гордый изгладъ Вильда.

— Гольдгеймеръ-Сынъ, повторилъ онъ, перелистывая бумаги и стараясь придать дѣловой тонъ своему голосу, — векселя на 5.320 талеровъ, срокъ которыхъ истекаетъ сегодня. Разсмыслный изъ кассы упомянутой фирмы былъ сегодня уже два раза здѣсь, но васъ не было дома и никакихъ распоряженій для уплаты съ вашей стороны сдѣлано не было. А потому мнѣ поручено предъявить вамъ векселя для уплаты; со мной и довѣренность...

— Избавьте меня отъ дальнѣйшихъ рачей!

— Понимаю. Итакъ, объявляю вамъ отъ имени фирмы Гольдгеймеръ-Сынъ, по поводу векселя — вы отказываетесь отъ дальнѣйшихъ подробностей? — протестъ.

— И затѣмъ...

— Затѣмъ, сказалъ Вейкертъ, я имѣю предъявить вамъ еще одинъ вексель отъ той же фирмы, смѣю сказать: новѣйшій — безсрочный, «по предъявленію», господинъ докторъ...

Нотаріусъ снова поднялъ глаза, но снова обманулся въ своемъ ожиданіи: гордое спокойствіе на лицѣ человѣка, стоявшаго пе-

редъ жить, не помрачилось ни малѣйшею тѣнью смущенія, горя, гнѣва, или вообще какой бы то ни было страсти. Вейверту пришлось удовлетвориться вторичнымъ произнесеніемъ установленнаго закономъ фразъ, онъ даже началъ желать подьконецъ, чтобы Вильдъ опять его прервалъ. Но Вильдъ этого не сдѣлалъ; онъ стоялъ, сложивъ на широкой груди руки, не двигаясь, не шевелился, даже не моргнувъ глазомъ, какъ показалось Вейкерту. Въ такомъ положеніи оставилъ его послѣдній, нѣсколько минутъ спустя, когда онъ откланялся Вильду съ вѣжливостью, по всей вѣроятности величественною ироніи, и поспѣшно удался.

Ни криковъ отчаянія, ни стонувъ не услышалъ Вейкертъ, поправляя въ передней передъ зеркаломъ свой туалетъ, приведенный въ безпорядокъ. Ничего не услышалъ онъ, когда, желая подслушать что будетъ, отворилъ дверь въ залу и хлопнулъ ею, оставаясь въ залѣ: ничего, рѣшительно ничего! Была роковая тишина, и Вейкерту пришлось весьма осторожно отворить вторично дверь, чтобы не напугать, и—на зло грубому лакею, котораго нигдѣ не было видно—онъ, уходя, оставилъ ее открытой настежь.

XIII.

Конрадъ Вильдъ остался какъ вкопанный на томъ же мѣстѣ.
— Какъ быть?

Дорогой онъ думалъ, нельзя ли устроить такъ, чтобы его смерть имѣла видъ естественной смерти: отъ нервнаго удара или паралича сердца, положившаго разомъ конецъ его жизни, въ то время, какъ онъ, послѣ дневныхъ трудовъ, сидѣлъ въ углу дивана и спокойно курилъ сигару, или у окна, перелистывая книгу или просматривая газету, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца; въ этомъ положеніи его, конечно, не разъ видѣли дамы, обитательницы бель-этажа противоположнаго дома.

Но долго-ли можетъ продлиться такое заблужденіе? Нѣсколько часовъ, самое большее нѣсколько дней.

Затѣмъ мигомъ разнесется по городу молва: докторъ Вильдъ отравился синильной кислотой, потому что, при послѣднемъ *ultimo*, не могъ уплатить по предъявленному ему векселю десять тысячъ талеровъ.

Изъ-за несчастныхъ-то десяти тысячъ талеровъ!

Нѣтъ! не изъ-за нихъ! Черезъ четверть часа они могли бы лежать на его письменномъ столѣ, еслибы онъ только пожелалъ. Когда сегодня утромъ онъ сказалъ богатому графу Гальдеру, что

опасность миновала, что мать и ребенокъ будутъ живы, молодой богачъ бросился въ слезахъ къ нему на шею и вскричалъ: вы спасли и мою жизнь; чѣмъ я могу васъ за это отблагодарить! А Мавсъ Ломбардъ! Добрый малый! Онъ счелъ бы за счастье—спасти меня.

Спасти? Отъ чего?

Отъ смерти.

Кто можетъ быть отъ нея спасенъ! и что за прокъ въ нѣсколькихъ лишннихъ годахъ; развѣ эти годы принадлежать намъ, а не презрѣнному случаю, играющему съ нами, какъ вихрь съ былинкой. Да, я хочу спастись! отъ владычества случая, отъ ранней жизни—я ею пресыщенъ.

Да, съ меня довольно! Я истомленъ — истомленъ до смерти! Онъ опустился въ кресло передъ письменнымъ столомъ. Здѣсь—въ тѣ дни, когда каждый часъ былъ дорогъ!—онъ сидѣлъ и работалъ и напрягалъ свой умъ, стремясь открыть тайну жизни и доставить торжество человѣческому гению и искусству надъ смертью. Не насмѣшка ли это, что здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, истомленный работою мозгъ долженъ найти покой; что именно здѣсь, гдѣ онъ долженъ былъ найти ключъ къ разгадкѣ жизни, онъ находитъ — смерть: смерть *sans phrase* — честную смерть, которая добросовѣстно тушитъ огни и терпѣливо ожидаетъ, покуда погаснутъ послѣднія искры.

Онъ всталъ, совершенно машинально, и сѣлъ за рояль. Какъ часто ему случалось, среди ночной тиши, умѣрять удары своего пульса нѣсколькими тактами изъ ораторій Генделя или сонаты Шуберта; часто достаточно было немногихъ звуковъ той безыскусственной, но обворожительной музыки, которую онъ носилъ въ самомъ себѣ—дикихъ, но нелишенныхъ ритма мелодій, ариіи Аріеля для ликующихъ духовъ жизни—и все приходило въ порядок!

Сегодня глубокомысленный Гендель оказывался безсильнымъ, мелодичный Шубертъ ничего не говорилъ, арфа же Аріеля издала нѣсколько рѣзкихъ, дисгармоничныхъ тоновъ, звучавшихъ какъ насмѣшка и поруганіе надъ безмятежной душой.

Онъ медленно всталъ и закрылъ, не торопясь, инструментъ. Что могли сказать ему теперь эти звуки, исходившіе изъ дерева и струнъ? Что могли повѣдать голоса духовъ!

Человѣческій голосъ—мягкій, ясный человѣческій голосъ говорилъ ему: есть одна душа, которая тебя понимаетъ, которая знаетъ, что ты не бѣжишь отъ жизни, какъ трусъ съ поля битвы, или какъ воръ изъ дому, оглядывающійся на сторожей, или какъ

франтъ изъ салона, желающій, чтобы говорили объ его внезапномъ исчезновеніи—душа, которая знаетъ, что ты уходишь, потому что оставаться долѣе нельзя и незачѣмъ, потому что, по своему искреннему убѣжденію, оставаться не стоить.

Этотъ голосъ! этотъ мягкій, ясный человѣческій голосъ! Онъ опустилъ голову и закрылъ лицо руками.

И еще разъ прозвучалъ тотъ же голосъ: мягкій и ясный, такой нѣжный и кроткій! Всего лучше въ ней было этотъ кроткій голосъ и глаза, большіе, голубые глаза!

Но увы! кроткій голосъ былъ ни больше, ни меньше, какъ это, долетѣвшее неизвѣстно откуда! Увы! глаза казались голубыми только оттого, что въ нихъ отражалось голубое небо, и стоило только набѣжать облаку, чтобы омрачить ихъ и заставить проливать сентиментальныя слезы — какъ при свиданіи въ послѣдній разъ.

— Какія неотлагательныя дѣла могли заставить ее три раза сегодня приходить ко мнѣ? Не желаетъ ли она возвратить мнѣ мои письма? Можетъ, сжечь ихъ! Получить свои обратно? Впрочемъ, правда, во всемъ долженъ быть порядокъ: книги должны быть заключены, дебетъ и кредитъ должны сходиться! утромъ размѣняла вексель, затѣмъ пришла ко мнѣ за квитанціей, рассчитывая на мою добросовѣстность, которая заставитъ меня засвидѣтельствовать, что при существующихъ обстоятельствахъ она, какъ хорошая хозяйка, никакъ не могла иначе поступить. Ну, еще бы! она не понапрасну была здѣсь; ей нужна квитанція.

Онъ отперъ ящикъ, въ который положилъ полиціа общества страхованія жизни и остатокъ денегъ:—ихъ было какъ разъ достаточно на приличныя похороны. Онъ порылся въ бумагахъ и наконецъ... нашелъ ея письма.

Ихъ было не очень много, принимая во вниманіе время, въ теченіи котораго велась переписка; нѣкоторыя могли затеряться въ нутешествіи или во время его оригинальныхъ житейскихъ похожденій; большую же часть однако онъ берѣгъ, въ теченіи перныхъ лѣтъ — какъ дорогое воспоминаніе, затѣмъ... онъ самъ не жаль: по привычкѣ, по слабости, или такъ изъ упрямства, наперекоръ совѣсти, которая твердила ему: каждый изъ этихъ тонкихъ листочковъ служить тяжелымъ обвиненіемъ противъ меня! Онъ ихъ сложилъ по порядку: послѣднія пролежали кажется непрочитанными.

Да ей ли принадлежать эти послѣднія письма? Почеркъ составилъ другой—твердый, оригинальный; ничего общаго съ каллиграфическою отчетливостію буквъ или дѣтскимъ царпаніемъ

прежнихъ писемъ. Но, увы! содержаніе было тоже самое: тѣ же обыденныя мысли, тѣ же скудныя впечатлѣнія мелкой души, не-выходящей изъ узкихъ рамокъ домашняго обихода.

— Это свело меня съума! говорить бѣдный Гамлетъ; у него тоже должно быть хранилась въ карманѣ пачка писемъ отъ такой же интересной Офеліи! Она тоже навѣрное не захотѣла бы оставить стараго Полонія, чтобы ѣхать въ Парижъ, еслибы Гамлетъ предложилъ ей подобное испытаніе. У этихъ Офелій всегда найдутся причины не ѣхать въ Парижъ; за то онѣ такъ охотно прыгаютъ въ воду.

Да! такъ было въ романтическія времена; теперь женщины стали практичнѣе; теперь онѣ подсылаютъ отца Полонія вытребовать вексель съ Гамлета, и затѣмъ размѣниваютъ его у какого-нибудь банкира, черезъ посредство Полонія, а не то и сами лично. Вѣдь онѣ теперь очень опытны въ этихъ дѣлахъ!

Онѣ машинально стали читать листокъ, который лежалъ наверху:

«Ты вознесся такъ высоко, я такъ счастлива и горжусь этимъ, но иногда страхъ охватываетъ мое сердце—гдѣ я? что со мною будетъ? затѣмъ я снова припоминаю то, что ты мнѣ писалъ о своихъ странствованіяхъ по Альпамъ. Мнѣ припоминается твое восхожденіе на Пилатъ: подъ твоими ногами, на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ футъ лежало озеро, а по-ту сторону его возвышались безмолвные колоссы въ ледяныхъ коронахъ и снѣжныхъ мантияхъ—я хочу представить себѣ картину, громадную и широкую, и думается мнѣ: вѣдь я стою на вершинѣ одной изъ нашихъ маленькихъ горъ, въ нашей собственной Швейцаріи, а не въ той другой, большой Швейцаріи. Слезы навертываются у меня на глазахъ, и я принуждена наконецъ сказать себѣ: а тамъ меня не было. Еслибы я была тамъ, то никакая гора не показалась бы мнѣ слишкомъ высока и слишкомъ крута и я также стояла бы наверху и сознавала бы, какъ великъ и прекрасенъ Божій міръ».

Листокъ выпалъ у него изъ рукъ.

— Жаль ее, очень жаль ее! бормоталъ онъ; она была всегда честна, и безъ всякаго жеманства; честна и правдива. Этого недостаточно—въ наукѣ, искусствѣ и жизни; но это дорого, очень дорого и очень... рѣдко. И можетъ быть, еслибы я съ самаго начала...

Горькая улыбка мелькнула на его блѣдномъ лицѣ.

— Какъ разъ кстати, думать о началѣ, когда дѣло близится къ концу! къ концу... Онъ наступитъ вмѣстѣ съ ночнымъ мра-

комъ. Въ домѣ тишина, на улицѣ тоже... самое удобное время, самое подходящее время.

Онъ завернулъ письма и надписалъ адрессъ; въ глубинѣ комнаты, гдѣ стоялъ столъ, еще было достаточно свѣту. Онъ отодвинулъ лѣвой рукой пачку съ письмами, а правой взялъ баночку съ нажатой пробкой.

Тихо повсюду, на улицѣ и въ домѣ—необычайно тихо, такъ тихо, что ему слышится глухое бѣненіе его сердца. Оно бьется не отъ страха — о! нѣтъ; тѣмъ не менѣе онъ чувствуетъ такое стѣсненіе въ груди, что готовъ плакать. Замри бѣдное сердце, пора тебѣ на покой! Замри!

Но то были не удары сердца: сквозь безмолвную тишину дохлеса слабый, весьма слабый стукъ въ дверь.

Его сердце замерло. Что это? Въ квартирѣ не было никого, кромѣ него, и Вейкертъ, уходя, захлопнулъ дверь въ залу.

Стукъ послышался снова: волосы стали у него дыбомъ и замирающее было сердце забилося съ большею силою отъ наплыва жизни, нахлынувшей какъ волна изъ таинственнаго родника. Если это духъ, то духъ добрый...—Христіана!

Она вошла въ комнату; Вильдъ бросился къ ней навстрѣчу: они очутились лицомъ къ лицу.

— Христіана! снова вскрикнулъ онъ.

— Конрадъ!

Послѣдній лучъ потухавшей зари упалъ на ея лицо. Да! то были ея глаза, тѣ большіе, голубые глаза, которые передъ тѣмъ мерещились ему въ воображеніи! то былъ ея голосъ, тотъ милый, яркий голосъ, который передъ тѣмъ слышался ему сквозь молчаливую тишину, охватившую его усталую душу.

— Милая, любимая... бѣдная Христіана!

Онъ лежалъ у ея ногъ и прижималъ заплаканное лицо къ ея колѣнямъ; она также плакала, положивъ боязливо свои руки на его голову, на густые, мягкіе, курчавые волосы, которыхъ она касалась въ первый разъ въ жизни. Она увлекла его за собой на диванъ, говоря:

— Я не бѣдна, если ты меня любишь... я богата, безконечно богата и счастлива! Не смѣй плакать, Конрадъ; я не знаю, что говорю, что дѣлаю, можетъ быть совсѣмъ не то, что желаю. Бѣдный, бѣдный Конрадъ! она была такъ мила, такъ прекрасна—и могла такъ поступить съ тобой! Я знаю все, Конрадъ, отъ добраго дядюшки Крепельманна! и то, какъ господинъ Гальдгеймеръ воспользовался поспѣшностью отца; дядюшка Крепельманнъ, какъ только узналъ объ этомъ—написалъ ему тотчасъ же

что отказывается отъ своего мѣста, положилъ письмо на конторку и ушелъ съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться; отецъ въ совершеннѣйшемъ отчаяніи, и ты прости старика, онъ не хотѣлъ тебѣ зла, и когда я ему сказала, что съ самаго утра поспу съ этими несчастными деньгами и не могу ихъ сбыть съ рукъ, потому что ты не хотѣлъ меня принять или можетъ быть въ самомъ дѣлѣ не былъ дома—онъ бросился ко мнѣ на шею... и стоитъ теперь на улицѣ, вмѣстѣ съ добрымъ дядюшкой Крепельманномъ; я нашла твои двери настѣжъ открытыми и вотъ... вотъ тебѣ: отряхни отъ себя этихъ гадкихъ людей, какъ пыль—жалкую пыль, попавшую на твою одежду... и затѣмъ прощай, Конрадъ, тысячу разъ прости!

Она вынула пакетъ съ деньгами изъ сафьянной сумочки, положила возлѣ себя на диванѣ и хотѣла встать; Конрадъ ее удержалъ.

— Христіана, знаешь ли, что если ты отъ меня уйдешь съ тѣмъ, чтобы не возвращаться... нѣтъ! это было бы плохо съ моей стороны! Я не хочу принуждать тебя, не хочу стѣснять тебя... но, Христіана, я могу сказать одно: я вижу теперь ясно, какъ я виновата передъ тобой, и если ты дѣйствительно тотъ добрый ангелъ, какимъ ты мнѣ представлялась, то не дай мнѣ изныть и изнемочь въ безплодномъ отчаяніи. Не отнимай у меня руки, которую ты мнѣ только-что протянула.

Онъ снова приклонилъ свою голову къ ея колѣнямъ; она такъ же боязливо пыталась поднять его:

— Конрадъ! ты не долженъ стоять передо мной на колѣняхъ; я не могу тебя видѣть на колѣняхъ... не могу. Ты долженъ оставаться моей путеводной звѣздой, или для меня наступитъ ночь. Ты готовъ былъ забыть о своемъ небесномъ происхожденіи оттого, что облака на минуту ступились надъ тобой? Еслибы ты поступилъ такимъ образомъ, Конрадъ, то, знаешь ли, и я могла бы разсердиться на тебя и счесть тебя измѣнникомъ. Я могу быть для тебя тѣмъ же, чѣмъ и другіе и даже больше; я знаю это теперь, хотя прежде едва осмѣливалась мечтать объ этомъ. Но ты, Конрадъ, ты самъ не долженъ никому принадлежать... ни ей, ни мнѣ... никому! ты долженъ принадлежать самому себѣ, своему гению, своей любви къ человѣчеству... своей великой, всесильной любви къ человѣчеству... я знаю отъ дядюшки Крепельманна, который зачастую слѣдилъ за тобой, когда ты объ этомъ и не подозрѣвалъ и думалъ, что ты одинъ... и что твоя лѣвая не вѣдаетъ о томъ, что творитъ твоя правая... я знаю, я знаю какъ глубоко, какъ сильно любишь ты людей бѣдныхъ,

страдающих... а потому мой милый, мой герой, мое все, оставайся вѣренъ самому себѣ и ты будешь великъ и славенъ!

Она прижала губы къ его лбу и затѣмъ встала. Онъ ее не удерживалъ болѣе. Онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дивана, опустивъ голову и слѣдилъ за ней глазами. Она подошла къ двери, и обернулась... но она была уже въ его рукахъ, въ его мощныхъ рукахъ, которые приподняли ее съ земли, какъ перышко. Затѣмъ онъ поставилъ ее на полъ, и охвативъ руками прошепталъ:—Но только съ тобой, съ тобой!

И вотъ, они стоятъ у окна, озаренные самыми послѣдними лучами потухавшей зари, которые пробились сквозь облака, омрачавшее небо, и привѣтливо киваютъ двумъ старикамъ, которые минутъ десять уже какъ расхаживаютъ по тротуару, обмѣниваясь порой тревожными словами. Старики дружески отвѣчаютъ на поклонъ, затѣмъ тоже бросаются на шею другъ другу къ великому изумленію прохожихъ.

— Теперь все обстоитъ благополучно, кумъ, рыдалъ Томасъ Кемпе.

-- Какъ разъ въ самую пору, кумъ, какъ разъ въ самую пору, пробормоталъ Крепельманнъ, отирая съ улыбкой слезы. — Вѣдь сегодня у насъ *Ultimo!*

Фр. Шпильгагенъ.

К о н е ц ъ .

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ АВСТРІИ

Кто прочелъ книгу профессора Антона Шпрингера ¹⁾, по которой сдѣланъ былъ въ «Вѣстникѣ Европы» ²⁾ очеркъ австрійской революціи 1848-го года, тотъ остановился на закрытіи учредительнаго сейма въ Кромѣрижѣ, или по-нѣмецки Кремзирѣ, и на пожалованіи конституціи 4-го марта 1849-го года, — той конституціи, которую и обнародовали только для вида, чтобы потомъ отъ нея какъ можно скорѣе отдѣлаться. Книга Шпрингера даетъ понятіе о томъ, что революція 1848-го г. произошла въ Австріи, такъ сказать, сюрпризомъ, что произвелъ ее такъ-называемый духъ вѣка, то-есть иными словами, всѣ по-немногу и никто въ особенности; внезапно провалилась система слѣпой рутинны и затхлаго застоя, повѣяло свѣжимъ воздухомъ, власть брала въ руки кто хотѣлъ. Тогда-то разыгрались на просторѣ незрѣлыя и неясныя стремленія въ гражданской свободѣ, которыя сейчасъ же скрестились и перепутались съ національными эгоистическими разсчетами и взаимными ненавистями племенъ, входящихъ въ составъ многоязычной монархіи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ движеніе успѣло опустылить и опротивѣть большинству своими изліществами; главный результатъ, достигнутый имъ, былъ готовъ освобожденіе крестьянъ, — результатъ не столько политическій сколько соціальный. Съ того момента все столь же быстро

---

¹⁾ Anton Springer, Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden, 1809. Bde. Leipzig. 1868—65.

²⁾ „Новѣйшая исторія Австріи“, въ трехъ статьяхъ, В. Д. (Вѣстн. Евр. 1866, I, стр. 393—468; т. II, стр. 287—324; т. IV, стр. 325—390).

повернулось къ старому: опять отыскивается и обозначается въ организмъ центръ, который нѣкоторое время какъ будто бы пропалъ, опять стягиваются члены къ этому центру лучами реакціи. Реакція торжествуетъ и выметаетъ тщательно всё безъ исключенія приобрѣтенія революціи—всё, кромѣ отѣны крѣпостного права. У Шпрингера изображена самымъ рельефнымъ образомъ парламентская сторона революціи, онъ могъ ее изобразить пользуясь бумагами и указаніями близкаго родственника своего *Пинкаса*, игравшаго весьма видную роль въ имперскомъ сеймѣ;—но онъ не зналъ и судить по догадкамъ о сторонѣ дѣла закулисной, о причинахъ реакціи, о замыслахъ людей, воплощавшихъ въ себѣ или думавшихъ, что они воплощаютъ государственную идею Австріи, о томъ, какъ они сошлись, сѣлись и дружными усиліями достигли умиротворенія страны. Этотъ пробѣлъ книги Шпрингера пополнило недавно многотомное, весьма богатое матеріаломъ сочиненіе: *Geschichte Oesterreichs vom Ausgange des Wiener October-Aufstandes 1848*. Prag. I B.—1869; II B.—1870; III B.—1872. Авторъ этого обширнаго труда—баронъ *Гельфертъ*, богемскій нѣмецъ, человекъ по преимуществу правительственный, притомъ реакціонеръ; онъ въ душѣ обожаетъ Виндишгреца, ненавидитъ либеральныя идеи и парламентаризмъ, и оплакиваетъ какъ величайшее несчастье для Австріи раннюю потерю Шварценберга и Стадіона. «Если бы Австрія подольше сохранила, говорить онъ, блестящую чету этихъ государственныхъ Диоскуровъ, то она можетъ быть приобрѣла бы новыя области, но не потеряла бы навѣрное ни одного изъ своихъ прежнихъ владѣній» (III, 44). Мелкій чиновникъ министерства юстиціи въ Прагѣ и Вѣнѣ, потомъ адъюнктъ-профессоръ въ Краковѣ, Гельфертъ попалъ въ учредительный сеймъ, занималъ мѣсто въ центрѣ, вертѣлся вокругъ Стадіона, убрался изъ Вѣны въ Прагу послѣ октябрьской катастрофы и зазванъ былъ изъ Праги въ Ольмюцъ, гдѣ, по его словамъ, ему предлагали министерство юстиціи, а потомъ министерство народнаго просвѣщенія (III, 68), но онъ не рѣшился принять ни одно, ни другое, и кончилъ тѣмъ, что состоялъ по министерству просвѣщенія сначала подъ руководствомъ Стадіона, потомъ при Львѣ Тунѣ, въ званіи помощника статсъ-секретаря. Гельфертъ присутствовалъ при самомъ зачатіи Шварценбергъ-Баховскаго министерства, онъ пользовался по смерти Виндишгреца и Шварценберга бумагами ихъ, удѣленными ему родными умершихъ. Сочиненіе Гельферта изображаетъ, подъ какою вліяніями и какимъ образомъ сложилось новое правленіе, съ новымъ императоромъ, поставившее себѣ задачу создать но-

вую Австрію, вмѣсто Меттерниховской. Оно не доходитъ до изложенія того, какъ дѣйствовали эти государственные люди, которые, бывъ облечены неограниченною властью и располагая страню безъ малѣйшаго активнаго откуда бы то ни было сопротивленія, довели Австрію послѣ десяти лѣтъ господства до Виллафранкскаго мира. Этому періоду, заключенному между двумя весьма грустными и унижительными для Австріи воспоминаніями: Вилагошъ и Сольферино, посвященъ первый томъ книги *Вальтера Рогге: Oesterreich von Vilagos bis zur Gegenwart. Leipzig und Wien. 1872.* Рогге — радикаль, нѣмецкій патриотъ и централистъ. Свой трудъ онъ доводитъ потомъ до Гогенвартовскаго эпизода, предшествовавшаго образованію нынѣ дѣйствующей комбинаціи, т.-е. министерству *Ауэринпера-Андраша*. Нельзя полагаться безусловно на сужденія ни Гельферта, ни Рогге, но собранные ими факты драгоцѣнны. На основаніи этихъ фактовъ постараемся изобразить послѣднія судьбы Австріи до вступленія ея окончательно на путь конституціонный послѣ Сольферинскаго разгрома.

I.

Десять лѣтъ реакціи. — Министерство Шварценбергъ-Баховское.
1848 — 1859.

I.

Главные дѣйствующія лица реакціи. — Министерство 21 ноября 1848-го года.

Едва ли былъ въ Австріи человекъ менѣе способный не только заботиться объ имперіи, но даже радѣть о собственной своей персонѣ, какъ императоръ Фердинандъ. За нимъ надобно было присматривать какъ за ребенкомъ и наблюдать, чтобы онъ не подписалъ какой-нибудь бумаги, противной интересамъ царствующаго дома и монархіи. Одной минутѣ недосмотра приписываетъ Гельфертъ (III В. 325 Anmerkung) манифестъ, подписанный 10-го іюня въ Иннсбрукѣ, отставившій Геллачича отъ банства и отъ военныхъ должностей: венгерскіе министры Л. Батіани и Эстергази воспользовались тѣмъ, что императрица Марія-Анна, урожденная принцесса Сардинская, неотступавшая отъ су-

пруга при всѣхъ дѣловыхъ свиданіяхъ, вышла изъ комнаты, и дала подписать императору не читая бумагу, которая оказалась потомъ манифестомъ 10-го іюня и съ которою стремглавъ потомъ поспѣшилъ Батіани въ Пеинтъ предать ее печати. (Это обстоятельство не осталось безъ вліянія впослѣдствіи и на трагическую кончину Батіани). На имперскихъ министрахъ въ Вѣнѣ столь же мало можно было полагаться царствующему дому, сколько и на венгерскихъ: они узаконивали революцію, служили промотводами, были постоянно между молотомъ и наковальнею, и постоянно мѣнялись при напорѣ волнъ народнаго движенія. На слѣдующій день послѣ паденія Меттерниха, 14-го марта, потрясенный необычайными событіями императоръ заявилъ супругѣ своей желаніе отречься отъ престола. Это желаніе, повторявшееся потомъ при каждой изъ быстро слѣдующихъ одна за другою катастрофъ, хранимо было въ величайшей тайнѣ. Въ эту тайну сверхъ немногихъ членовъ дома посвящено было въ началѣ только одно лицо, на которое весь императорскій домъ и вся среда, обываемая во время революціи таинственнымъ, почти мистическимъ прозвищемъ *камариллы*, состоящая изъ слугъ престола, старыхъ генераловъ, высшихъ придворныхъ чиновъ, лицъ, интересы коихъ были непосредственно задѣты революціею и кои толпились вокругъ престола, взирали какъ на главную опору и спасителя государства.

Такимъ лицомъ, сдѣлавшимся сразу главою и средоточіемъ реакціи отъ начала до конца революціи былъ князь Альфредъ Виндишгрецъ. Въ этотъ періодъ сила князя Виндишгреца была такова, что револьно при мысли о немъ вспоминался великій его предшественникъ, мрачный герой тридцатилѣтней войны. При ближайшемъ изученіи обоихъ, оказывается, что Виндишгрецъ не былъ ни въ малѣйшей степени похожъ на Вальдштейна, ни по способностямъ, ни по честолюбію. Его самоувѣренная военная бездарность проявилась въ полномъ блескѣ во время венгерской кампаніи начала 1849-го г.; онъ былъ только парадный генералъ, чопорный, нерѣшительный, медлительный, еле-еле и то съ трудомъ умѣющій справляться съ національною гвардіею да съ баррикадною сволочью. По политическому уму, онъ стоялъ несравненно ниже бана Іеллачича. Ультра-консерваторъ; неимѣющій ни малѣйшей гибкости ни въ умѣ, ни въ характерѣ и окаменѣвшій въ разъ навсегда опредѣлившихся убѣжденіяхъ, Виндишгрецъ выдвинулся только тѣмъ, что очутился случайно въ центрѣ и государства и революціоннаго движенія, въ самый моментъ революціи, а такъ какъ въ надежныхъ, неподатливыхъ людяхъ тогда особенно нуждались, а онъ былъ человѣкъ въ этомъ отношеніи на-

дежный, то на него и оперлись. Для всякой реакціи клерикальной, феодальной, военной онъ оказывался вполне подходящимъ лицомъ. Его ультра-католическое благочестіе характеризуется всего лучше тѣмъ, что передъ смертью, получивъ по телеграфу папское благословеніе, онъ велѣлъ его читать торжественно при яркомъ освѣщеніи и при открытыхъ дверяхъ своей оиучивальни, при чемъ, самъ нарядившись въ фельдмаршальскій мундиръ и реталин, стоялъ на колѣняхъ. Въ Виндизгрецѣ сжесчивались двѣ особенности, порою противоположныя: генеральство и барство. Выпколенный съ молодыхъ лѣтъ въ военной службѣ, онъ на всякое управленіе смотрѣлъ съ точки зрѣнія чиновначалія, безусловной централизаціи и слѣпой дисциплины. Вмѣстѣ съ тѣмъ и по рожденію и по душѣ аристократъ, одинъ изъ первыхъ магнатовъ Богеміи, онъ былъ расположенъ отстаивать неуклонно даже въ пику правительству неприкосновенность своихъ какъ личныхъ, такъ и сословныхъ правъ и преимуществъ. Въ ландтагѣ богемскомъ Виндизгрецъ считался въ числѣ несговорчивыхъ. Онъ возмущался и протестовалъ, когда Богемію называли «областью», а его самого нѣмцемъ, а не богемцемъ. Извѣстенъ его отвѣтъ въ 1814 г., когда онъ былъ только полковникомъ австрійскихъ константиновскихъ кирасиръ, шефу этого полка цесаревичу Константину Павловичу (*Il me semble que vous jouez le grand seigneur?—Mon prince, il ne me faut pas le jouer, parce que je le suis*). Обѣ черты: генеральство и барство уживались въ князѣ весьма естественно; онъ былъ прежде всего вельможа, *grand seigneur*, но притомъ вельможа того времени, когда феодальное дворянство, потерявъ всякій политическій вѣсъ и значеніе, превратилось въ привилегированный расадникъ кандидатовъ, предназначенныхъ на высшія въ государствѣ должности, въ плотину, ограждающую династическій принципъ отъ волнъ революціи, и уединяющую вмѣстѣ съ тѣмъ престолъ отъ движеній, происходящихъ въ нѣдрахъ общества. Въ сущности твердость, съ которою князь отстаивалъ ревниво свои привилегіи, входить безъ доклада къ государю, квартировать въ Гофбургѣ, имѣть на дворѣ императорскаго замка свой столникъ для вербовки солдатъ въ свой полкъ, совершенно соответствовала твердости, съ которою считались мѣстами московскіе бояре, навлекая на себя гнѣвъ царскій и опалу, или неповолебности испанскаго гранда, отстаивающаго свое право стоять передъ королемъ съ непокрытою головою. Въ сущности этотъ аристократъ и генералъ былъ все-таки человекъ придворный, сіяющій не собственнымъ, но заимствованнымъ свѣтомъ. Такъ какъ онъ родился въ 1787 году, то въ эпоху революціи ему было 61 годъ отъ роду и 44

года военной службы (съ 1804). Съ 1844 г. онъ командовалъ австрийскою арміею, расположенною въ Богеміи. Подобно большинству чешскихъ магнатовъ, Виндингрецъ склонялся сердцемъ къ Россіи; онъ пользовался милостію русскаго императора, особенно послѣ того, какъ въ 1833 г. онъ сподобился быть свидѣтелемъ въ лагерѣ при Мюнхенгрעדѣ обѣщанія, даннаго нашимъ государемъ, въ торжествѣ рыцарскаго великодушія, престарѣлому императору Франку быть по его смерти добрымъ другомъ и помощникомъ крѣпкому наслѣднику австрийскаго престола Фердинанду. Въ мартѣ 1848 г., Виндингрецъ, находясь въ Вѣнѣ, былъ удержанъ отъ возвращенія въ Прагу Меттернихомъ, а послѣ паденія Меттерниха, облеченъ по просьбѣ всего императорскаго дома диктаторскою властію, причемъ предполагалось объявить Вѣну въ осажденномъ положеніи. Взять на себя эту роль не хватило у него духу: онъ отказался, заготовленные объявленія о его назначеніи были сжаты и уничтожены; онъ предпочелъ давать изъ-за кулисъ совѣты и командовать негласно всѣми властями военными и гражданскими, которыя оставались еще въ послушаніи особѣ императора. Самъ дворъ былъ ему подчиненъ, и ни одна депутація не могла быть допущена безъ его разрѣшенія къ императору. Онъ держалъ императора отъ намѣренія немедленно отречься отъ престола и произвелъ молодого полковника Іеллачича въ фельдмаршаль-лейтенанты, тайные совѣтники и банкы, по ходатайству хорватской депутаціи. Въ этомъ положеніи Виндингрецу никакъ немно было долго держаться; хотя онъ дѣйствовалъ негласно, но былъ на виду и возмолить глаза революціонерамъ; самому двору было немаловажно имѣть его руководителемъ. Въ началѣ апрѣля, Виндингрецъ получилъ рескриптъ весьма лестный, самымъ сердечнымъ образомъ благодарившій его за прошлыя услуги и освобождающій его отъ дальнѣйшихъ. Въ министерскихъ кружкахъ толкуемо было, что увольненіе послѣдовало въ видѣ уступки «общественному мнѣнію, которое необходимо падать». Недовольный, сердитый князь уѣхалъ даже не въ Прагу, къ своей командѣ, а въ свое имѣніе въ Венгрію, Лесно, близъ Тирново, грозясь, что онъ тамъ поведетъ войска на Вѣну возстановить престолъ. Изъ этого рѣшенія, которому въ сущности весьма рады были министры и въ числѣ ихъ Латуръ, вызвали Виндингреца вѣнскія событія 15 мая, повлекшія за собою бѣгство императора въ Инсбрукъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Прагу спасать «монарха, династію и всѣхъ честныхъ людей», то между нимъ, дворомъ въ Инсбрукѣ и Латуромъ спуталось отношенія самымъ страннымъ образомъ. Въ Прагѣ, въ которой начинала видимо революція и близился взрывъ,

Виндишгрець мечтаетъ только о томъ, чтобы идти съ войскамъ на Вѣну, но требуетъ, чтобы ему дано было получать приказаніе прямо изъ Иннспрука, а не отъ Латура. Это требованіе только по тому не удовлетворено, что Латуръ пригрозилъ выходомъ въ отставку. Между тѣмъ въ Прагѣ, вслѣдъ за славянскимъ конгрессомъ, вспыхнуло уличное движеніе, и Виндишгрець столь малъ былъ увѣренъ въ своей силѣ, что серьезно помышлялъ о томъ, чтобы оставить Богемію на произволъ судьбы въ рукахъ революціи и отправиться съ арміею въ Тироль. Однако пришлось бомбардировать городъ и вслѣдствіе этой бомбардировки одержанная легкая, неожиданная и полная побѣда (іюньскіе дни), которая доставила Виндишгрецу необычайную славу и утвердила его въ замыслахъ подавить въ Вѣнѣ мятежъ вооруженною рукою.

Тотчасъ послѣ іюньскихъ дней за спиною у Латура и въ тайнѣ отъ него установилось соглашеніе между дворомъ и Виндишгрецомъ при посредствѣ императрицы Маріи-Анны. Виндишгрець снабженъ былъ рескриптомъ, предоставляющимъ ему неограниченную власть надъ всѣми войсками монархіи, кромѣ итальянской арміи. На основаніи этого рескрипта онъ списывался точно также въ тайнѣ отъ Латура, съ генералами, командующими въ Галиціи, Моравіи, и съ Радецкимъ въ Италіи о походѣ на Вѣну. Старый Радецкий, стяжавшій настоящіе боевые лавры подъ Кустоццею и отвоевавшій Миланъ у итальянцевъ, чувствовалъ себя столь сильнымъ, что обѣщалъ дать Виндишгрецу 20,000 солдатъ. Положеніе бѣднаго Латура становилось поистинѣ незавиднымъ. Надъ Вѣною висѣлъ издали Виндишгрець въ видѣ громовой тучи публика вѣнская, не понимая раздвоенія власти, подозрѣвала конституціонныхъ министровъ въ шапняхъ и стачекъ съ реакціею чехи-депутаты сеймовые правой стороны напирала на снятіе осады наго положенія съ умиротворенной Праги; общественное мнѣніе требовало удаленія Виндишгреца; въ Богеміи стояли праздныя войска, между тѣмъ какъ Вѣна ничѣмъ не защищалась отъ уличнаго движенія, и послѣдніе баталіоны высылались военнымъ министромъ то въ Италію, то потомъ на венгерскую границу. Между тѣмъ на всѣ требованія Латура Виндишгрець отвѣчалъ самыми рѣшительными отказами, основанными на томъ, что его «избралъ Провидѣніе подавить революцію» и т. п. «Со временъ тридцати-лѣтней войны, писалъ Латуръ Виндишгрецу, не бывало еще примѣра въ цесарской арміи подобнаго явнаго неповиновенія со стороны главнокомандующаго». Когда, 12 августа, дворъ возвратился изъ Иннспрука въ Вѣну, та же игра продолжалась; Виндишгрець зналъ все, что дѣлается въ военномъ министерствѣ, чрезъ

средством генерала Мертенса, дѣлать подъ рукою распоряженія и размѣщеніи и образѣ дѣйствій войскъ въ случаѣ выходящей вѣдана катастрофы, переписывался ежеминутно съ дворомъ чрезъ адъютанта своего Лангенау. Важный вопросъ, возбужденный уже въ мартѣ, стоялъ на очереди: о перемѣнѣ царствующаго лица. 6 сентября Виндингрецъ по просьбѣ императрицы прислалъ проекты двухъ манифестовъ, одного объ отреченіи, другого о вступленіи на престолъ при письмѣ, въ которомъ извѣщивались грозившія государю опасности, во избѣжаніе которыхъ предвидѣлась возможность вторичнаго послѣдствіа отъѣзда изъ Шенбрунна: «если бы сей попытка отнять у императора veto, заставилъ его уменьшить личный составъ войскъ, ограничилъ власть его надъ войскомъ, обусловилъ сношенія и соглашенія съ иностранными державами произволеніемъ на нихъ своимъ». Отреченіе, по убѣжденіямъ Виндингреца, являлось средствомъ расчета съ революціею, представляющимъ ея окончательному укроженію, такъ какъ новый государь долженъ быть свободенъ по совѣсти отъ какихъ бы то ни было словъ и обязательствъ своего предшественника. Лично Виндингреца всего болѣе привлекала идея возврата къ совершенно старому до-мартовскому устройству и порядку. Уступками съ его стороны духу времени являлись, въ его проектѣ манифеста о вступленіи на престолъ, общаніе конституціи на подобіе английской, усиленіе областной автономіи расширеніемъ круга вѣдомства ландштеновъ, наконецъ, непривокосновенность крестьянской реформы подъ условіемъ выкупа. Но Виндингрецъ настаивалъ особенно, и такъ сказать подчеркивалъ въ манифестѣ, что конституція должна быть жалованною свыше, а не составленною по соглашенію съ сеймомъ, и что, давъ ее, будущій императоръ долженъ поставить себѣ закономъ не дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ уступокъ ¹⁾.

¹⁾ Sans être lié en aucune sorte par ma parole Impériale, j'ai cependant formé la résolution de conserver les formes constitutionnelles... Je suis décidé à accorder une constitution à l'instar de celle d'Angleterre, enviée depuis des siècles par toutes les nations de l'Europe... Je chargerai les conseillers de Ma couronne de me soumettre le projet de la constitution... J'accorde aux diètes provinciales réunies dans une représentation plus étendue de l'état des bourgeois et des paysans la liberté de délibérer sur toutes celles des leurs affaires intérieures qui ne sont point en rapport avec les intérêts généraux de la Monarchie entière et de soumettre à Mon contentement les modifications désirées par elles et fondées sur leur rapport local et national.—Je déclare en outre de maintenir dans toute leur étendue les libertés acquises par l'état des paysans au prix d'une indemnité équitable de même que j'ai formé la résolution inébranlable de ne plus faire des concessions ultérieures (Belfort: II. B. Приложение 5).

На счетъ Вѣны и катастрофы Виндишгрецъ оказался ясновидящимъ и пророкомъ. Все случилось точь-въ-точь, какъ онъ предсказывалъ: произошла вспышка въ октябрѣ, Латуръ былъ растерзанъ и повѣшенъ, изъ Шенбрунна дворъ подъ военнымъ прикрытіемъ направился поспѣшно въ Ольмюцъ; изъ Вѣны бѣжали многіе сеймовые депутаты и большинство министровъ, остался только на своемъ посту Филиппъ Краузь, соединившій въ своихъ рукахъ почти всѣ портфели, съ тѣмъ, чтобы защищать банкъ, казенную собственность и интересы короны, подписываясь въ то же время хладнокровно и добродушно подъ всякими распоряженіями революціонныхъ властей и раздавая для задобренія черни сотни тысячъ скверныхъ сигаръ, чѣмъ спасались миллионы, хранящіеся въ государственныхъ казначействахъ. Бахъ проѣздилъ весь день 6 октября, укрываясь отъ черни въ наемной каретѣ, и удралъ на слѣдующій день въ Зальцбургъ. Доббльгофъ и Горнбостль подали въ отставку. Министръ императорскаго двора престарѣлый 75-лѣтній Вессенбергъ раньше другихъ усакалъ въ Прагу и оттуда въ Ольмюцъ, гдѣ очутился 12 октября, ранѣе двора, прибывшаго въ эту крѣпость 14 октября. Въ теченіи нѣсколькихъ дней въ Австріи только и были два конституціонные министра, изъ которыхъ одинъ Краузь, «министръ мтежа», подписывалъ постановленія революціи, а другой «крѣпостной (ольмюцкій) министръ» Вессенбергъ готовъ былъ точно также подписывать всѣ постановленія реакціи. Виндишгрецъ попалъ теперь въ свой элементъ и могъ въ свое удовольствіе расправиться съ революціею, что онъ и сдѣлалъ медленно, хладнокровно, систематически. 8 октября онъ принималъ въ Градчинѣ Пражскомъ, не безъ приличнаго съ своей стороны нравоученія, бѣжавшихъ изъ Вѣны Ригера и Гавличка, которые еще недавно подписались на адресъ сейма, требующемъ отозванія Виндишгреца, а теперь докладывали ему случившемся въ Вѣнѣ. Между тѣмъ, какъ войска изъ Богеміи двигались на Вѣну по-издавна готовымъ росписаніямъ, Виндишгрецъ очутился 15 октября въ Ольмюцѣ, гдѣ наконецъ и взялъ въ руки то, что ему было предлагаемо въ мартѣ, но отъ чего онъ отказался—военную диктатуру. 16 октября онъ былъ возведенъ въ фельдмаршалы, ему дана была уже не тайкомъ, а гласно, полная власть надъ всѣми военными силами имперіи (кромѣ войскъ въ Италиі), для возстановленія законнаго порядка; ему обѣщано не гласно, что новое имѣющее составиться министерство не сдѣлаетъ ни шагу и не составитъ никакого органическаго законоположенія безъ его о томъ вѣдома и согласія. На пути въ Вѣну онъ заивилъ комиссарамъ франкфуртскаго парламента, Велькеру и Мосли

коротко и ясно: «въ Вѣнѣ не можетъ ничего сдѣлать даже самъ императоръ, таковы полномочія, которыя онъ мнѣ далъ». Сеймъ онъ во всеуслышаніе обзывалъ шайкою негодяевъ, арестовалъ парламентаровъ, отказывался вступать въ переговоры съ мятежниками, а между тѣмъ, тянулъ, мѣшкалъ и далъ полную возможность доведенной до отчаянія столицѣ вооружиться на неровный бой. Всего характеристичнѣе было свиданіе Виндишгреца съ министромъ Краузомъ въ лагерѣ 25 октября: «а знаете ли, сказалъ князь, что я бы долженъ объявить васъ военноплѣннымъ и не пустить въ городъ назадъ». — «Сдѣлайте одолженіе, задержите меня, отвѣчалъ Краузъ; большаго удовольствія вы не могли бы мнѣ лично и доставить. Или вашему сіятельству думается, что я сижу въ Вѣнѣ для собственнаго моего удовольствія».

Оставимъ теперь Виндишгреца разыгрывать на просторѣ роль лѣшаго или бабы-яги реакціи: весь интересъ момента былъ конечно не въ Вѣнѣ, а въ Ольмюцѣ, куда стекались медленно тузы контр-революціи, разметанные бурей въ разныя стороны и гдѣ совершался съ трудомъ и съ натугами подборъ министерства 21 ноября и выработка будущей программы управленія. Виндишгрець слишкомъ мало смыслилъ въ технику государственнаго механизма, чтобы непосредственно вліять на эту часть работы, онъ ограничился только тѣмъ, что рекомендовалъ двору Шварценберга, одобрилъ выборъ Стадіона и давалъ формальное свое согласіе на то, что новые правители государства замыслили и предпринимали для пересозданія государства. Постараемся представить характеристику людей, которые вступили теперь въ Ольмюцъ на политическую арену съ девизомъ: *viribus unitis*!

Человѣкъ, получившій отъ Виндишгреца такъ сказать рукоположеніе на министра-президента, главу кабинета, былъ, какъ и Виндишгрець, князь, родомъ изъ Богеміи, притомъ ближайшій его свойственникъ, а именно младшій братъ жены его Элеоноры, убитой шальною, неизвѣстно кѣмъ пущенною пулею въ Прагѣ, во время іюньскихъ дней. Молодой князь Феликсъ Шварценбергъ, родившійся въ 1800 г., началъ свою карьеру по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, вступивъ кадетомъ въ тотъ полкъ константиновскихъ кирасиръ, котораго начальникомъ былъ его шуринъ. Вскорѣ потомъ, въ 1824 году, не покидая военнаго кундира, онъ промѣнялъ скучную въ мирное время строевую службу на болѣе пріятныя занятія, и сдѣлавшись дипломатомъ, цѣлыхъ 18 лѣтъ провелъ при разныхъ австрійскихъ посольствахъ въ Петербургѣ, Лиссабонѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ. Въ великосвѣтскихъ кругахъ европейскихъ столицъ онъ приобрѣлъ

громкую извѣстность своими кутежами и скандалами своихъ нескончаемыхъ любовныхъ похожденій. Живой, бойкій, до безумія храбрый и хладнокровно рѣшительный, Шварценбергъ блисталъ остроуміемъ холоднымъ, извительнымъ, всегда готовымъ дать колкій отвѣтъ. Такъ какъ умъ у него былъ далеко недюжинный, то иногда скучая отъ великосвѣтскаго бездѣлія и пустоты, онъ съ тою же жадностью, съ какою искалъ удовольствій, волочась за женщинами или играя въ азартныя игры, углублялся въ чтеніе, бралъ уроки и изучалъ всевозможныя науки, начиная съ древнихъ классиковъ и археологій до богословія и анатоміи; но и эти набѣги на науку происходили изъ того же утонченнаго сибаритизма, который составлялъ самое существо натуры князя Шварценберга и который дѣлалъ его способнымъ соединять излишества съ лишеніями и нѣгу лѣни съ напряженнымъ трудомъ, ради одного только разнообразія. Шварценбергъ любилъ разъ только въ жизни, но этотъ романъ съ леди Эленборо кончился процессомъ о прелюбодѣянніи, начатымъ со стороны оскорбленнаго мужа, приговоромъ палаты лордовъ и поспѣшнымъ отѣздомъ Шварценберга на материкъ. Изжившійся физически, истощенный и пресыщенный Шварценбергъ только въ 1842 году добился того, что ему дали первую самостоятельную должность—посланника при туринскомъ дворѣ. Понадобилось много черствости и безсердечія, чтобы занимать съ успѣхомъ этотъ постъ. Австрія гранитною горою лежала на Италиі, мѣшая объединенію, насилуя національное чувство и полицейски наблюдая за всѣми итальянскими правительствами въ интересахъ неподвижности и застоя. Король Карлъ-Альбертъ, который все царствованіе провелъ окруженный австрійскими шпионами и одинаково боялся и кинжала карбонаровъ и шоколада іезуитовъ, не могъ равнодушно выносить Шварценберга; его бросало въ дрожь отъ безжизненнаго взгляда и вѣчной сардонической улыбки этого высокаго, сухощаваго господина, надменно вѣжливаго, имѣющаго военный мундиръ и осанку и легкую, тихую поступь придворнаго чловека. Но Шварценбергу эта роль приходилась по-нутру и правилась; ему, чловеку изжившемуся, съ притупившимися отъ излишества нервами, служили теперь развлеченіемъ интрига и власть, онъ наслаждался ими какъ интересною игрою, въ которой интересовалъ его болѣе самъ процессъ игры, нежели ея результаты. Изъ этой игры онъ могъ вынести конечно только полнѣйшее презрѣніе къ людямъ и цинизмъ, бывающіе обыкновенно удѣломъ того, кто изучитъ наглядно самую грязную сторону природы чловеческой. Счастливейшими годами своей дипломатической карьеры Швар-

цербергъ считалъ періодъ 1844—1848, когда онъ состоялъ посланникомъ въ Неаполѣ при королѣ Фердинандѣ. Здѣсь, зимою 1845 года, онъ представлялся русскому императору, который изложилъ о немъ свое неблагопріятное для Шварценберга мнѣніе, возникшее вслѣдствіе личнаго знакомства Шварценберга съ декабристомъ княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ, что и было причиною отозванія въ 1826 году Шварценберга изъ Петербурга. Шварценбергъ столь горячо вступался за короля неаполитанскаго въ смутное время 1848 года, что народъ въ Неаполѣ сорвалъ и разбилъ на домѣ посольства австрійскаго орла. Оставивъ Неаполь, когда тамъ разыгралось народное движеніе, Шварценбергъ отправился къ Радецкому, участвовалъ въ сраженіяхъ, велъ бригаду на штурмъ подъ градомъ пуль подъ Куртатоне, былъ начальникомъ дипломатической канцеляріи Радецкаго, потомъ губернаторомъ Милана и, какъ «полевой дипломатъ», ѣздилъ въ Инсбрукъ и въ Вѣну разстраивать бывшіе въ ходу замыслы и планы о предполагаемой уступкѣ Австріею Ломбардіи. (Проектъ Гумельгауэра, который сберегъ бы много крови и денегъ Австріи, если бы тогда же осуществился). Въ концѣ сентября, во время одной изъ такихъ поѣздокъ въ Вѣну, адъютантъ Виндишгреца Лапенау предложилъ Шварценбергу отъ Виндишгреца, не согласится ли онъ взять портфель. По первому извѣстію объ отъѣздѣ двора въ октябрѣ въ Ольмюцъ, еще до свиданія съ императоромъ, Виндишгрецъ писалъ императрицѣ изъ Праги: «не входите въ переговоры съ сеймомъ, вызовите изъ Вѣны князя Феликса Шварценберга и положитесь вполне на его совѣты». Шварценбергъ пріѣхалъ въ Ольмюцъ 14 октября, въ тотъ самый день, когда прибылъ туда и дворъ, и наканунѣ пріѣзда Виндишгреца. Ему и поручено составить сплошной, единодушный, рѣшительно-реакціонный кабинетъ, подъ верховнымъ руководствомъ Виндишгреца. На свой новый постъ онъ приносилъ свою врожденную бойкость и быстроту соображенія, но безъ всякаго положительнаго знанія австрійскихъ обстоятельствъ, безъ плана, системы, безъ всякихъ государственныхъ идей. Вопросы дня изучалъ онъ во мѣръ того, какъ они являлись, и то по верхамъ, не сходя съ вершинъ высшей политики; правда, что работалъ онъ скоро, причемъ ему помогали крутой его нравъ и умѣнье безнощадно эксплуатировать своихъ содержимыхъ въ черномъ тѣлѣ подчиненныхъ. Высшимъ чиновникамъ ему случалось зачастую говорить: «Unsinn», или «die Dummheit die er da gemacht». Министру Рексбергу онъ подаль разъ черезъ плечо, въ присутствіи постороннихъ, бумагу, со словами: «депеша вамъ не удалась, не угодно

ли ее передѣлать». Въ противоположность съ Виндишгрецомъ, который былъ прежде всего феодалъ и консерваторъ, Шварценберга можно назвать чистѣйшимъ абсолютистомъ, но и этотъ, почти византійскій, безпредѣльный абсолютизмъ, не мѣшавшій ему въ послѣдствіи согласиться на основы конкордата, который поставилъ Австрію почти по-испански на колѣни передъ Римомъ, являлся въ Шварценбергѣ дѣломъ личнаго темперамента и вкуса, а не обдуманнаго убѣжденія. Такъ какъ абсолютизмъ Шварценберга, основанный на воображеніи и прихоти, не былъ поддерживаемъ никакимъ планомъ, никакимъ знаніемъ условій, при которыхъ возможно его осуществить, то въ этомъ отношеніи Шварценбергъ являлся совершеннымъ утопистомъ и брался не колеблясь за такія задачи, которыя бы заставили отступить чело-вѣка болѣе положительнаго. Для него, напримѣръ, вопросъ венгерскій былъ сразу и напередъ рѣшенный: подавить силою и вытравить опасный сепаратизмъ, потомъ подвести Венгрію подъ одинъ со всѣми другими областями знаменатель, то-есть подъ византійскій произволъ съ полнѣйшимъ уничтоженіемъ всякаго историческаго права и всякихъ областныхъ и національных особенностей. 6 ноября писалъ онъ къ Виндишгрецу, около котораго вертѣлись нѣкоторые венгерскіе магнаты изъ крѣпостниковъ и обскурантовъ: «не вѣрьте имъ, у нихъ у всѣхъ сидитъ въ головахъ мадьяризмъ; теперь или никогда пересоздать намъ Венгрію и устроить ее такъ, чтобы ею можно было управлять».

То, чего недоставало Шварценбергу: положительное знаніе, послѣдовательность и навыкъ, обрѣталось съ избыткомъ въ другомъ Діоскурѣ министерства 21 ноября, въ *Францѣ Серафимѣ графѣ Стадіонѣ*. Политика-фантаста и эмпирика дополнялъ политикъ-доктринеръ и теоретикъ, истощеннаго удовольствіями сластолюбца—истощенный умственною работою аскетъ. Стадіонъ былъ едва ли не самый эксцентричнѣйшій чудакъ во всей имперіи: онъ бѣгалъ отъ женщинъ, считалъ преступленіемъ противъ государственной службы, когда его подчиненные чиновники женились, не допускалъ никакой прелести въ стихахъ, искусство называть тунедствомъ и предпочиталъ господамъ Шиллеру и Гёте двухъ факановъ, которые таскаютъ тюки съ корабля на пристань. Себя онъ отдавалъ всецѣло государству, а жить ему пришлось въ таковой именно періодъ, когда въ государствѣ царили китайщина, рутинна и застой. Онъ полюбилъ званіе чиновника даже при такихъ условіяхъ, ради того добра, которое можно дѣлать, ради живыхъ силъ, которыя можно пробуждать и направлять, была бы въ рукахъ только власть, а въ самомъ себѣ знаніе дѣла и воля. Сообразно

времени, въ которомъ выработался Стадіонъ, руководящимъ его идеаломъ сдѣлался абсолютизмъ, но тупоумный, во что бы то ни стало консервативный, а просвѣщенный и безконечно прогрессивный, котораго образчикъ имѣла уже Австрія въ лицѣ Іосифа II. Нельзя сказать однако, чтобы Стадіонъ былъ чистый іозефинецъ; онъ сочувствовалъ конечно іозефинскимъ идеямъ, но не іозефинскимъ приемамъ, то-есть реформаторству не сверху внизъ, посредствомъ указовъ да канцелярской переписки. Стадіонъ терпѣть не могъ бумажнаго бездѣлія, канцелярской переписки, вицмундира, церемоніала, онъ скорѣе походилъ на Гарунъ-аль-Рашида и выше всего ставилъ живое дѣло, личное неусыпное наблюдение и вліяніе пекущагося о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи жителей правителя, поддерживаемаго одушевленными тѣми же намѣреніями и тѣмъ же духомъ подчиненными. Кроме того, онъ еще и потому шелъ несравненно дальше іозефинизма, что не считалъ просвѣщенной бюрократіи альфою и омегою государственнаго развитія. Въ неизмѣримой дали за многими столѣтіями ему видѣлась болѣе свободная форма государственнаго устройства, но очевидно онъ не могъ и помышлять о конституціи при естественномъ ходѣ вещей въ порядкѣ органическаго развитія, единственнаго, какое допускалъ Стадіонъ, безъ всякаго фундамента, безъ подготовительныхъ подстроекъ. Великую заслугу Стадіона составляетъ то, что онъ все-таки мечталъ о закладкѣ фундамента, его конькомъ было общинное устройство. Правильное общинное самоуправленіе, хорошія народныя школы и просвѣщенный бюрократическій персоналъ, развивающій силы всякой области порознь и всего государства,—вотъ и все, что Стадіонъ считалъ возможнымъ въ данное время въ Австріи. Въ его заботахъ объ общинѣ и о народной школѣ сквозила демократическая черта, поражающая въ человѣкѣ—самомъ породистомъ, въ аристократѣ самой «голубой» крови. Правительственный чело-
вѣкъ до мозга костей, Стадіонъ не взиралъ на происхожденіе при выборѣ агентовъ и готовъ былъ, когда того требовали государственные интересы, подрѣзать дерево дворянскихъ привилегій; никто радикальнѣе его не постигалъ необходимости крестьянской реформы и тѣхъ выгодъ, какія можно изъ отгнны крупного права извлечь для государства. Будучи австріецемъ черножелтаго цвѣта, онъ безразлично относился къ національностямъ; самъ нѣмецъ—составлялъ и распространялъ въ Истріи учебники на итальянскомъ языкѣ, запретивъ въ эту работу горячаго итальянскаго патріота Донъ Онгаро; въ Галиціи поддерживалъ руси-
новъ, сходился съ чехами, только съ мадьярами и поляками не

могло быть у него ничего общаго. Добавимъ, что Стадіонъ, самъ по себѣ небогатый, не зналъ цѣны деньгамъ и всегда жилъ на широкую ногу, что онъ имѣлъ не очень общающую наружность: высокій, тощій, съ длинными руками и ногами, лицо его было узкое, расширяющееся ко лбу, плѣшивому и высокому, глаза у него были водянисто-голубые. Природа не надѣлила его ораторскими способностями, мысли свои выражалъ онъ съ трудомъ и запинаясь, но голова его вѣчно работала. Если о нѣкоторыхъ людяхъ говорятъ, что у нихъ недостаетъ одного колеса въ головѣ, то о немъ можно сказать, что у него было одно колесо лишнее. Не зная усталости, онъ рано привыкъ, работая, возбуждать свои нервы искусственными способами: самыми сильными сигарами, неумѣреннымъ употребленіемъ крѣпчайшаго кофе. Таковъ былъ самый дѣльный и талантливый человѣкъ, котораго произвела меттерниховская Австрія. Много нужно было счастья этому бюрократическому титану, чтобы развернуть свои крылья въ средѣ, заѣдающей обыкновенно всякое дарованіе и всякую самостоятельность. Выдти въ знатные люди помогли ему, конечно, аристократическое происхожденіе и семейныя связи. Отецъ его былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Австріи до 1809 года, то-есть до Меттерниха. Родившись въ 1806 году, онъ съ 1828 года долго тянулъ лямку какъ сверхштатный и бесплатный чиновникъ по разнымъ областямъ и канцеляріямъ. Въ 1830 году, будучи крейсѣ-коммиссаромъ въ Ржешовѣ, въ Галиціи, во время холеры, когда испуганный народъ отказывался хоронить умершихъ, онъ для дачи примѣра взялъ одного изъ умершихъ отъ холеры своими нѣжными руками, взвалилъ его на свои плечи и понесъ на кладбище. Въ Иннсбрукѣ 1832 года его аттестовало начальство неспособнымъ къ повышенію. Несмотря на то, въ 1834 году при своихъ связяхъ онъ получилъ мѣсто въ одномъ изъ министерствъ, а въ 1841 году назначенъ губернаторомъ австрійскаго поморья: Триеста, Истріи, Горичи и Градиски. Здѣсь въ весьма скорое время стяжалъ онъ славу администратора-чудотворца, но мановенію косяго двѣтуть города и льются рѣкою довольство и богатство. Триестское портофранко при немъ было точно внѣ Австріи, здѣсь читались свободно всѣ книги и газеты; собственною властью губернатора введено общинное самоуправленіе безъ разрѣшенія свыше, посредствомъ однихъ инструкцій губернаторскихъ, правда «временно» и въ «видѣ опыта». Здѣсь вывелъ онъ въ люди и отличилъ Брука и даровитаго публициста Варренса. Триестъ весь плакалъ, когда Стадіона перевѣстили въ страну, болѣе обширную, но окровавленную и терзаемую всѣми ужасами обществен-

вой междоусобной борьбы, а именно въ Галицію. Стадіонъ назначенъ правителемъ Галиціи въ апрѣлѣ 1847 г., значить, послѣ рѣзни 1846 года и послѣ подавленія польскаго движенія правительствомъ при помощи вооруженныхъ имъ крестьянъ. Раны были свежи, глубоки и огоньки показывались изъ-подъ пепла, а послѣ мартовской революціи въ Вѣнѣ огоньки эти вспыхнули опять жгучимъ пламенемъ; поляки, составляющіе здѣсь высшій и средній классъ, болѣе образованное общество, приняли участіе въ общегалиційскомъ движеніи, среди котораго у галиційскаго намѣстника опускались руки. Онъ ихъ не сложилъ однако и совершилъ двѣ вещи, за которыя поплатился совершенною утратою на время всякой популярности: отмѣнилъ барщину (Robot) и, какъ выражалась польская пресса, «изобрѣлъ русиновъ». Гораздо ранѣе нежели крестьянскій вопросъ поднять былъ на сеймѣ, въ самомъ началѣ революціи, Стадіонъ съ помощникомъ своимъ, а потомъ министромъ барономъ Филиппомъ Краузомъ, выработали проектъ, который утвержденъ и опубликованъ какъ законъ 7 апрѣля 1848 г. о совершенной отмѣнѣ барщины и всѣхъ крестьянскихъ повинностей, а равно патримоніальныхъ помѣщичьихъ судовъ, подъ условіемъ имѣющаго въ будущемъ послѣдовать выкупа. Что касается до «изобрѣтенія русиновъ», то выраженіе это бессмыслица, но дѣло въ томъ, что Стадіонъ далъ русинамъ возможность сойтись, устроиться политически и помочь ихъ движенію, которое направлено было противъ поляковъ. Послѣ этихъ двухъ дѣлъ, обильныхъ послѣдствіями, въ маѣ 1848 г. окольными путями Стадіонъ получилъ собственноручную записку отъ императора, зовущую его въ Иннсбрукъ и поручающую ему образовать новое министерство. Тайкомъ онъ уѣхалъ въ Львова, сдѣлавъ дѣла графу Агенору Голуховскому, и чрезъ Крауза и Вѣну поспѣшилъ въ Иннсбрукъ. Министерства онъ не принялъ, во-первыхъ, потому, что при дворѣ нашель недоброжелателей, во-вторыхъ потому, что въ данныхъ обстоятельствахъ единственный возможный кабинетъ былъ существующій, готовый на всѣ уступки кабинетъ Пиллерсдорфа. Стадіонъ хранилъ себя на будущія времена, между тѣмъ галиційскіе крестьяне въ окрестностяхъ Рабскаго провели его на выборахъ въ депутаты на учредительный сеймъ имперскій.

На сеймѣ въ манежѣ Стадіонъ имѣлъ видъ зачумленнаго, отъ котораго всѣ бѣгутъ и сторонятся. Депутаты-поляки изъ Галиціи были на него озлоблены смертельно не за отмѣну барщины (барщина и крѣпостное право были въ принципѣ давно у нихъ вопросами рѣшенными), но за то, что облагодѣтельство-

вавъ крестьянъ на счетъ помѣщиковъ отъ имени правительства, Стадіонъ усилилъ абсолютизмъ и лишилъ польское движеніе возможности подарить землю и свободу крестьянамъ и привлечь ихъ такимъ образомъ на сторону польскаго движенія. За польскими депутатами тоже самое повторяли нѣмецкіе либералы и революціонеры, инстинктивно чувствовавшіе, что Стадіонъ человекъ правительственный, сильной руки и крѣпкаго закала. «Второй Меттернихъ, Тартюфъ, Макиавель», какъ его тогда звали, человекъ отпѣтый и поконченный, сѣлъ одиноко на одной изъ верхнихъ скамей центра и взялъ подъ свое начало галиційскихъ крестьянъ, которые безусловно его слушали и голосовали за нимъ точно по командѣ. Мало-по-малу отношенія его къ сейму измѣнились, и если бы сеймъ продлился, то онъ бы сдѣлался главою и вожакомъ консервативной партіи. Въ іюлѣ Виндишгрецъ, вербовавшій людей на всякій случай; зазывалъ къ себѣ Стадіона въ Прагу, но Стадіонъ отвѣтилъ довольно рѣзко, «что онъ считаетъ реакцію дѣломъ несправедливымъ, нечестнымъ и никогда не согласится сдѣлать что-нибудь, въ чемъ бы заключалось стремленіе къ какой-либо реакціи» (Helfert III. В. 3 приложение). Въ томъ же письмѣ сказано: «то, что государь пожаловалъ народамъ, свято, какъ всякая другая собственность». Эти слова доказываютъ, что Стадіонъ въ іюлѣ вошелъ въ парламентскую колею. Насколько искренно?—это другой вопросъ. Въ конституціонный порядокъ онъ не вѣрилъ, но въ данныхъ обстоятельствахъ онъ могъ полагать, что конституціоннымъ порядкомъ можно что-нибудь сдѣлать и потому не хотѣлъ еще связываться съ явнымъ коноводомъ реакціи. 19 сентября онъ былъ въ числѣ главныхъ агитаторовъ, недопустившихъ венгерскихъ делегатовъ въ сеймъ имперскій и зажегшихъ такимъ образомъ австро-венгерскую междоусобную войну. Когда произошла октябрьская катастрофа, Стадіонъ явился 7 октября на свой сеймовый постъ въ манежѣ, но тѣ самые злѣйшіе враги его изъ галиційскихъ депутатовъ, которые дѣлали когда-то предложенія о преданіи его суду, предостерегали его теперь о необходимости исчезнуть, во избѣжаніе участи Латура. Онъ и бѣжалъ ночью въ Моравію къ роднымъ, гдѣ его съ трудомъ отыскали лица высоко-поставленныя при дворѣ (Кламъ-Мартиницъ, графъ Грюнпе, генераль-адъютантъ князь Лобковицъ). Они звали его ко двору; онъ отправился сначала въ Прагу для переговоровъ съ чехами, затѣмъ прибылъ въ Ольмюцъ, гдѣ вокругъ него тотчасъ сгруппировались сеймовые депутаты, бѣжавшіе изъ Вѣны вслѣдъ за дворомъ. Стадіонъ былъ посредникомъ между ними и Шварценбергомъ, давалъ послѣднему совѣты, но относительно

своего вступленія въ кабинетъ отзывался очень уклончиво: «мое время еще не пришло». Дѣло въ томъ, что, совѣщаясь съ Стадіономъ и подчиняясь его авторитету, Шварценбергъ видимо предпочиталъ болѣе податливаго Баха и только тогда, когда Бахъ, котораго долгое время напрасно искали, прибывъ въ Ольмюцъ, отказался взять министерство внутреннихъ дѣлъ и Виндишгрецъ высказался съ своей стороны въ пользу Стадіона, предпочтительно предъ высочкою и ловкимъ, но ненадежнымъ человекомъ Бахомъ, рѣшено 7 ноября, что Стадіонъ будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ послѣдовало распределение остальныхъ портфелей. Баху досталось министерство юстиціи, финансы оставлены за оказавшимъ громадныя услуги во время октябрьскаго безначалія Краузонъ, военное дѣло сдано бывшему вѣнскому коменданту Кордону; по рекомендаціи Стадіона изъ Триеста вызванъ на постъ министра торговли Брукъ, народнымъ просвѣщеніемъ заведывалъ временно подъ руководствомъ Стадіона Гельфертъ, а министромъ земледѣлія назначенъ штирійскій горнозаводчикъ Тиннфельдъ. Предсѣдательство въ кабинетѣ и иностранныя дѣла предоставилъ себѣ Шварценбергъ. Процессъ рожденія новаго министерства, которое было, по его же словамъ, министерствомъ *единства въ дѣйствіи, силы и логика*, былъ необыкновенно тяжелъ и продолжителенъ. Цѣлый мѣсяцъ, съ конца октября до второй половины ноября дѣйствовали уже новые правители и разъѣзжали во всѣ концы изъ Ольмюца въ Шенбруннъ къ Виндишгрецу, въ Прагу и обратно, но официально они ничѣмъ еще незначились и всѣ распоряженія и мѣропріятія скрѣплялъ отпрашивавшійся убѣдительно на покой старикъ Вессенбергъ. Только 21 ноября вышли одновременно приказы объ увольненіи Вессенберга и о назначеніи новыхъ министровъ. Важнѣйшій политическій вопросъ переходнаго состоянія отъ прибытія двора въ Ольмюцъ до сформированія кабинета состоялъ въ опредѣленіи отношеній его къ сейму и конституціонному порядку. Значительная партія при дворѣ, главой которой былъ до-мартовскій министръ финансовъ баронъ Кюбекъ, предлагала планъ величавый по своей простотѣ: объявить осадное положеніе на всю Австрію, взять назадъ всѣ уступки, ударить остріемъ по шпанкѣ и предоставить военному диктатору по подавленіи мятежа принять тѣ мѣры къ возрожденію Австріи, которыя онъ заблагоразсудитъ. Этотъ проектъ, который въ главныхъ чертахъ и осуществленъ былъ три года спустя, оказался несвоевременнымъ даже по понятіямъ Шварценберга. Монархическая власть зашла на волосокъ, Венгрія могла считаться отложившеюся, Вѣна еще держалась; вездѣ на пути въ Ольмюцъ въ городахъ насе-

леніе встрѣчало дворъ холодно и даже враждебно, одни только крестьяне сопровождали поѣздъ императорскій съ восторгомъ и ликованиями, но и ихъ депутаціи упрашивали о томъ, чтобы Цесарь далъ имъ подтвержденіе ихъ воли на гербовой бумагѣ (pastem plu). Огромное большинство образованныхъ людей, гнушавшаяся вѣнскими уличными событіями, еще стояли крѣпко за конституцію и либеральныя реформы, поддержка чеховъ обуславливалась удержаніемъ впредь учредительнаго сейма, и продолженіемъ начатаго имъ дѣла. При такихъ условіяхъ правительство обѣими руками ухватилось за чешскія предложенія, изъять сеймъ изъ-подъ вліянія вѣнской революціи и предоставить ему необходимую свободу дѣйствій. Самый выборъ мѣста для сейма въ моравскомъ Кромѣрижѣ или Кремзирѣ сдѣланъ былъ по указанію Палацкаго. Засѣданія сейма открылись 22 ноября, на слѣдующій день послѣ опубликованія приказовъ о назначеніи новаго министерства, а 27 новый министр-президентъ явился въ первый разъ на сеймовой трибунѣ и прочелъ среди глубокаго молчанія рѣчь, составленную Губерномъ, не безъ сильнаго въ ней участія Стадіона и его идей. Бумага дрожала въ рукахъ дипломата, которому впервые приходилось говорить въ столь многочисленномъ собраніи, но голосъ его становился самоувѣреннѣе и тверже по мѣрѣ того какъ усиливались со стороны слушателей знаки сочувствія, перешедшіе потомъ въ громъ рукоплесканій. Крайне заманчивы были золотыя обѣщанія, которыя расточались въ этой программѣ будущаго: «безъ правды нѣтъ довѣрія, безъ довѣрія нѣтъ содѣйствій правительства и народнаго представительства. Намъ предстоитъ великое дѣло сплоченія въ одно политическое тѣло всѣхъ земель и народовъ монархіи. Министерство не отстанетъ отъ стремленія къ либеральнымъ учрежденіямъ. Оно станетъ во главѣ движенія. Мы преданы конституціонной монархіи искренно и безъ заднихъ мыслей. Мы далеки отъ всякихъ антиконституціонныхъ затѣй! Будемъ радѣть о непривосновенномъ сохраненіи народами Австріи предоставленной имъ свободы». Шварценбергъ сузилъ сейму равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, равноправность національностей, отдѣленіе суда отъ администраціи, общинное самоуправленіе. Впечатленіе было неожиданное и пріятное; министерство дѣлалось вдругъ популярнымъ. Между тѣмъ сейму готовился уже другой гораздо болѣе неожиданный сюрпризъ, исполненный быстро, таинственно, но далеко не такъ, какъ это дѣлается въ конституціонныхъ государствахъ: 2 декабря народъ Австріи получили новаго монарха.

Когда императоръ Фердинандъ рѣшился отказать отъ пр

стола, то при совѣщаніи императрицы Маріи-Анны съ Виндишгрецомъ выказалась необходимость устроить это отреченіе такимъ образомъ, чтобы на престолъ вступилъ не ближайшій наследникъ, братъ императора эрцгерцога Францъ-Карлъ, слабый тѣломъ и малоспособный, но молодой и свѣжій человѣкъ, сынъ его Францъ. Императрица нашла полное одобреніе проекту и совершенную готовность въ матери молодого «Франца» эрцгерцогини Софіи, урожденной принцессы баварской. Молодой принцъ еще не кончилъ воспитанія, занимался весьма обстоятельно и долго военными науками, зналъ языки всѣхъ почти народовъ австрійской имперіи (въ томъ числѣ мадьярскій, польскій), потому слушалъ лекціи естественныхъ и юридическихъ наукъ и философіи, которую ему преподавалъ теперешній кардиналъ Рауверъ, былъ не по возрасту серьезенъ, прилеженъ, но въ то же время крайне застѣнчивъ. Онъ обнаруживалъ мало самостоятельности и крѣпко привязывался къ лицамъ, бывшимъ его руководителями. 18 августа 1848 года ему должно было исполниться 18 лѣтъ. Обѣимъ женщинамъ, заботившимся о его высочемъ назначеніи, казалось почему-то, что по законамъ царствующаго дома ему надо дожидаться 18 августа, чтобы считаться совершеннолѣтнимъ. Въ апрѣлѣ, во время революціи былъ проектъ назначить его намѣстникомъ въ Прагу, приставивъ къ нему графа Лва Туна вице-президентомъ, но это предположеніе не осуществилось, его отправили въ концѣ апрѣля къ старику Радецкому, отбывать боевой жизни. Побывавъ въ сраженіи при Санта-Лучія, принцъ вызванъ былъ ко двору, пріютившемуся въ то время въ Иннсбрукъ, гдѣ его разлучили съ бывшимъ воспитателемъ его графомъ Бомбелль, особенно ненавистнымъ радикальной партіи, и поручили полковнику графу Грюнпе, въ званіи оберъ-каммергера. Во все время пребыванія въ Иннсбрукѣ не было и рѣчи объ отреченіи императора, но съ возвращеніемъ двора въ августѣ въ Вѣну, эта, по словамъ Виндишгреца «печальная необходимость» (cette triste nécessité) сдѣлалась главнымъ предметомъ переписки между Прагою и Вѣною и поѣздокъ Лангенау. Въ Ольмюцѣ вопросъ рѣшенъ былъ окончательно во время бытности тамъ Виндишгреца, на пути его изъ Праги въ Вѣну. Виндишгрецъ, мечтанный о томъ какъ бы, взявъ Вѣну, завоевать и Офенъ, склоненъ былъ отложить до этого момента отреченіе, чтобы избавить будущаго государя отъ войны съ своимъ народомъ, но Шварценбергъ рѣшительно поставилъ условіемъ своего вступленія въ кабинетъ, чтобы престолъ былъ занятъ императоромъ въ полномъ цвѣтѣ способностей и лѣтъ. Государственная тайна сообщена была тогда же Вес-

сенбергу, Стадіону и совѣтнику посольства Гюбнеру, правой рукой Шварценберга въ его дѣловой перепискѣ; остальные министры узнали о ней только въ половинѣ ноября. Когда пришлось изготавлять акты и манифесты, возникъ вопросъ о значеніи лѣтъ принца. Оказалось по справкамъ, что восемнадцатилѣтній возрастъ вовсе неваженъ, потому что срокъ совершеннолѣтія государя считается ему какъ королю Богеміи въ 14, а какъ эрцгерцогу Австріи въ 16 лѣтъ, только по венгерскимъ законамъ лѣтъ нехватало принцу, потому что совершеннолѣтіе монарховъ Венгріи совпадало съ общимъ гражданскимъ. Рѣшено, чтобы новый императоръ носилъ имя не Франца II, какъ первоначально предполагалось, но Франца-Іосифа I, имя, напоминающее его великаго и популярнаго предшественника, реформатора Іосифа II. Приготовленія были кончены, но приключились неожиданныя задержки: то императору Фердинанду приходила вдругъ охота «остаться», то императрица посылала вдругъ 24 ноября записку къ Виндишгрецу въ Шенбруннъ за окончательнымъ его словомъ по вопросу: «*car c'est en vous, mon prince, que je mets toute ma confiance*». Съ двадцатыхъ чиселъ ноября принцъ былъ посвященъ въ готовящееся для него назначеніе, но онъ продолжалъ брать уроки и только младшій братъ его догадывался, что «должно быть Франци назначаютъ куда-нибудь опять намѣстникомъ». — Когда отвѣтъ пришелъ отъ Виндишгреца, Шварценбергъ заботился объ обстановкѣ событія торжественной, почти театральной. 2 декабря въ субботу, въ 8 часовъ утра, собраны во дворецъ, безъ предупрежденія о причинѣ созванія, члены императорскаго семейства, придворные, министры, мѣстные власти и вызванные изъ Вѣны Виндишгрецъ и Иеллачичъ. Только сеймъ блисталъ совершеннымъ отсутствіемъ; Шварценбергъ не хотѣлъ пригласить председателя его Смольку, который считался слишкомъ краснымъ человѣкомъ. Весьма немногіе изъ прибывшихъ во дворецъ допущены были въ запертую тронную залу, а именно сверхъ членовъ дома только министры, оба полководца, Грюнпе и Гюбнеръ, сей послѣдній съ перомъ въ рукахъ въ должности протоколиста. Не всѣ члены дома знали о предстоящемъ. Ровно въ 8 часовъ открылъ дверь изъ внутреннихъ покоевъ генералъ-адъютантъ князь Лобковицъ, вошла августѣйшая чета, за нею эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, эрцгерцогиня Софія и Францъ-Іосифъ. Императоръ Фердинандъ прочелъ съ бумажки нѣсколько словъ, за раше приготовленныхъ, Шварценбергъ прочелъ манифесты отреченія какъ императора, такъ и его брата Франца-Карла, Францъ-Іосифъ получилъ на колѣняхъ благословеніе какъ отъ августѣйшей четы, такъ и отъ родителей, Гюбнеръ сплестъ про-

только о происходившемъ; затѣмъ, послѣ оставленія тронной залы членами дома и двора, открыты настежь двери ея и началось представленіе собравшихся новому государю, который, обнявъ при всѣхъ Виндишгреца, сказалъ ему: «Вамъ обязаны мы всѣмъ, что есть и существуетъ». — Того же числа пополудни экстренный поѣздъ отвезъ министровъ въ Кремзиръ, гдѣ съ трибуны сейма Шварценбергъ оповѣстилъ совершившійся актъ, «имѣющій всемірно-историческое значеніе». — Манифестъ о вступленіи на престолъ, тутъ же прочитанный, повторялъ почти пунктъ за пунктомъ всю программу министерства изложенную въ рѣчи 27 ноября, объявлялъ свободныя, соответствующія духу времени учрежденія, и глаголъ почти также, какъ программа, вѣчную память венгерской конституціи въ словахъ: «мы надѣемся, съ Божіей помощію и по соглашенію съ моими народами, соединить всѣ области и племена монархіи въ одно великое политическое тѣло». Собраніе по предложенію Смольки провозгласило трижды громогласно: «да здравствуетъ нашъ конституціонный императоръ и король Францъ-Іосифъ!» — Энтузіазмъ былъ большой, надежды велики на будущее, на новое, на неизвѣстное. Нельзя сказать, чтобы при этомъ энтузіазмъ обошлось безъ сомнѣній, столкновений и неудовольствій. На небо набѣгали сѣренкія тучи; новое министерство не церемонилось съ сеймомъ, не стѣснялось оказывать ему неуваженіе. Всѣ усилія употреблены были на то, чтобы отклонить отъ поѣздки въ Ольмюцъ съ сеймовою депутаціею Смольку, какъ человѣка непріятнаго правительству, даже подсланы были убѣждать его въ юмъ Палацкій и Ригеръ, но безуспѣшно, такъ какъ Смолька все-таки поѣхалъ. Въ отвѣтъ на адрессъ сейма 3 декабря, вечеромъ новый государь, въ рѣчи, которая сказана была нѣсколько запинаясь, но внушена министрами, предпріишлѣ окончательнѣ самый спорный вопросъ объ учредительной власти сейма и отношеніи его къ прерогативамъ короны, словами: «поставьте меня въ скоромъ времени въ возможность повѣрить ожидаемый моими народами проектъ конституціи и удѣлѣть ему мою императорскую санкцію». — Въ этихъ словахъ высказывалось ясно, что императоръ можетъ и не утвердить, при повѣрѣ, проекта конституціи, но можно было вывести по крайней мѣрѣ то безспорное заключеніе, что сейму дано будетъ по крайней мѣрѣ докончить свои работы по составленію проекта конституціи. Слѣдующая глава покажетъ, насколько эта увѣренность оказалась невѣрною и обманчивою.

II.

Преждевременно кончившійся сеймъ и мертворожденная конституція (2-го декабря 1848 г., 6 марта 1849 года).

Осадному положенію подчинены были Вѣна, Галиція и Истрія, въ маѣ 1849 года дождалась его Прага и всѣ богемскіе укрѣпленные города; правительство неурганизованное, безъ денегъ; старые законы негодные, а новые еще неготовые; съ венгерцами открытая война, въ которой все разбитое, приниженное и подавленное реакціе стояло на сторонѣ венгерцевъ и ожидало отъ нихъ, несмотря ни на что, спасенія вплоть до самой вилагошской капитуляціи. — Бѣдной, многотрѣнной столицѣ пришлось испить до дна горькую чашу. Филистеръ вѣнскій снималъ почтительно шапку передъ каждымъ киверомъ и султаномъ, можно было попасть въ отвѣтственность за шляпу калабрѣзъ, за цѣбѣ галстука, или прическу. Весь конецъ 1848 г. шли экзекуціи, вѣшаніе и разстрѣливаніе. Къ такому времени относится памятная формула: помилованъ свинцомъ и порохомъ (zu Pulver und Blei begnadigt); къ веснѣ экзекуціи прекратились и мѣсто ихъ заняли казематы въ дальнихъ крѣпостяхъ или отдача въ солдаты, наущничество было въ полномъ ходу, надобно было остерегаться во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ переодѣтыхъ такъ-называемыхъ шпицелей, въ домахъ—дворниковъ и лакеевъ. Въ штатѣ розыскной полиціи служило особенно много чеховъ. Въ это время родилась глубокая ненависть коренного обывателя Вѣны къ этому племени и особенно презрительно значеніе слова: Böhmake, которое равносильно ругательству. Высшее общество имѣло также своихъ великоблудскихъ агентовъ. — Грубость полиціи далеко превзошла все прежнее и заставила пожалѣть о Седльницкомъ. Новый директоръ полиціи Вейсъ фонъ-Штаркенфельсъ щеголялъ цинизмомъ и пренебреженіемъ всякой вѣжливости и всякаго приличія, и держался на этомъ посту до февраля 1853 года: онъ слетѣлъ за свою непредусмотрительность, обнаруженную по поводу посягательства Либени на жизнь императора. Штаркенфельсу особенно потѣшался надъ писателями. «Что вы за наставникъ и указчикъ правительству, говоритъ онъ одному журналисту; и безъ васъ улица будетъ вымощена». — «Вы были бы полезны обществу, если бы вы были сапожникъ, но какъ писателю, вамъ нечего искать въ Вѣнѣ», говоритъ онъ другому, котораго высылалъ изъ столицы административнымъ порядкомъ. — Онъ предлагалъ серьезно

министрамъ слѣдующее средство справиться съ общественнымъ мнѣніемъ: «я прикажу арестовать сегодня ночью двѣнадцать газетчиковъ, да и повѣшу ихъ завтра на дворѣ полицейскаго дома у св. Петра, а послѣзавтра опубликую о томъ въ вѣдомостяхъ; тогда всему этому лаю будетъ конецъ».—Судьба жителей зависѣла отъ центральной слѣдственной комиссіи въ Вѣнѣ, которая опубликовала 2 января, подъ предлогомъ очищенія столицы отъ иностранныхъ эмиссаровъ, распоряженіе, «чтобы всѣ иностранцы и австрійцы родомъ не изъ Вѣны оставили столицу, если они не могутъ доказать какъ того, что они ни въ чемъ не замѣшаны въ общественномъ и политическомъ отношеніяхъ, такъ и необходимости своего пребыванія въ столицѣ».

Провинціи менѣе страдали отъ военного гнета, нежели столица; но онѣ сочувствовали столицѣ и венгерцамъ, даже въ Прагѣ замѣченъ былъ этотъ поворотъ и имя Кошута начинало дѣлаться популярнымъ. Недовольство Стадіономъ и вообще министерствомъ росло, общество «Славянской Липы» вело дѣятельную пропаганду въ этомъ направленіи. Никто не вѣрилъ въ возможность конституціоннаго порядка, главное вниманіе обращено было на военные дѣйствія, никто не возлагалъ особенныхъ надеждъ на господъ болтающихъ въ Кремзирѣ. Ходъ государственной машины при новомъ министерствѣ способенъ былъ только поддерживать этотъ политическій пессимизмъ.—Сейму давали сочинять конституцію, но не допускали его участвовать въ законодательныхъ работахъ, и только одинъ министръ финансовъ Краузъ утруждалъ его своими предложеніями о вотированіи новыхъ и новыхъ кредитовъ для пополненія бумажками совершенно пустой казны. Важнѣйшія правительственныя распоряженія совершались безъ вѣдома сейма; такъ, напримѣръ, 6 декабря Стадіонъ предписалъ закрытіе всѣхъ демократическихъ и рабочихъ клубовъ, «этихъ собраній одинаково противорѣчащихъ и началамъ правильно устроеннаго государства и законамъ разума.» 7 декабря, тотъ же министръ запретилъ циркулярно всѣмъ служащимъ всякое неодобреніе или противодѣйствіе мѣрамъ правительства, причемъ предварилъ cadaго изъ служащихъ, что ему слѣдуетъ либо оставить службу, либо такъ говорить и дѣйствовать, какъ на службѣ такъ и внѣ службы, чтобы его преданность правительству не могла быть заподозрѣна. Отвѣчая на запросы членовъ сейма, Стадіонъ бралъ съ трибуны сейма на себя и товарищей отвѣтственность за хозяйничавшихъ въ Вѣнѣ, отрицалъ существованіе диктатуры и утверждалъ, что военные суды перестали судить скорорѣшительнымъ судомъ за три дня передъ тѣмъ какъ (9 декабря) Вин-

дишгрецу угодно было объявить примѣненіе этой формы расправы ко всѣмъ, которые будутъ произносить на улицѣ возмутительныя рѣчи.

Въ это смутное время настоящей Аркадіею являлся маленький городъ моравской Ганнакіи, гдѣ изготовлялась конституція. Какъ ни круто обходились съ сеймомъ in согроге министры, здѣсь были клубы, здѣсь толковали о политикѣ и чувствовали себя свободными до поры до времени люди, компрометтированные въ глазахъ правительства, каковы Гольдмаркъ, Фишгофъ, Фюстеръ, Виоландъ и другіе. Здѣсь обсуждались основныя права гражданъ монархіи (Grundrechte), въ пику Виндишгрецу огромнымъ большинствомъ голосовъ вотирована отмена смертной казни (30 января) и съ невозмутимою ничѣмъ наивностью принято (17 янв.) предложеніе объ отменѣ различія состояній съ тѣмъ, чтобы государство никому не жаловало и ни за кѣмъ не признавало дворянства и титуловъ. Дни сейма были заранее сочтены, не только Шварценбергъ, но и самъ Стадіонъ хитрили только съ нимъ и лицемѣрили. Еще въ ноябрѣ, тотчасъ послѣ возобновленія засѣданій въ Кремзирѣ Стадіонъ сообщалъ по секрету лучшему изъ своихъ дѣльцовъ, совѣтнику министерскому Эттелю (Oettel): «до тѣхъ поръ, пока во Франціи республика, надо и намъ свистѣть конституціонно; надо дать господамъ депутатамъ поболтать въ Кремзирѣ, причемъ они себя сами сильно скомпрометтируютъ; потомъ надо будетъ предварительно октроировать, остальное сдѣлается, когда во всей Европѣ будетъ положенъ конецъ революціи.» Такъ думалъ лучший все-таки изъ министровъ, человекъ живой и реформаторъ; онъ никогда не вѣрилъ въ конституціонный порядокъ, мирился съ нимъ до октября, а послѣ октября, признавъ его несвоевременнымъ, сѣлъ опять на свой конекъ: свободную общину, которую онъ надѣялся создать въ несвободномъ государствѣ посредствомъ бюрократической централизаціи, путемъ просвѣщеннаго деспотизма, подобнаго іосифовскому. Это было съ его стороны чистѣйшее заблужденіе и утопія; вскормленный бюрократизмомъ и въ этомъ отношеніи ограниченный умъ Стадіона никакъ не понималъ, что безъ конституціонныхъ гарантій и поддержки сейма государственная колесница при тѣхъ кондукторахъ, которые ея управляли, не пойдетъ по колеѣ іозефинизма, а направится назадъ, въ средніе вѣка, и зайдетъ прамехонько до самой «Каноссы», до знаменитаго конкордата. — Стадіонъ предполагалъ ждать, пока въ Парижѣ республика, оказалось, что можно достигнуть цѣли несравненно скорѣе. Опасенія насчетъ венгерской силы разсѣялись; сила эта исчезла, провалилась съвозъ земли, ушла

куда-то въ пустыни за Тейсъ. 5 января австрійцы заняли Пешть-Офенъ, 15 Виндишгрець учредилъ въ Пештѣ особую слѣдственную комиссію, а 22 января послѣ сраженія подъ Копольвою официальная «Вѣнская Газета» возвѣстила конецъ венгерской кампаніи, и заставляла ожидать сдачи войскъ мятежника Гергея, которыя въ своемъ бѣгствѣ жгутъ города и села. Такой неожиданно счастливый ходъ событій заставлялъ поспѣшить распущеніемъ сейма, во избѣжаніе того, чтобы сеймъ не одобрилъ турокъ и не представилъ проекта конституціи, который уже былъ изработанъ сеймовою комиссіею 2 марта. Закрытіе сейма послѣдовало 6 марта. Не будемъ излагать хода и содержанія его работъ, оказавшихся бесполезными, но прежде, чѣмъ опишемъ несчастный его конецъ и ближайшія послѣдствія этого конца, намъ предстоитъ по необходимости разрѣшить слѣдующій вопросъ, самый существенный и коренной для характеристики десятилѣтняго періода реакціи. Еслибы во главѣ правленія въ Австріи стояли люди менѣе властолюбивые, менѣе крутые, черствые и близорукие; еслибы они предвидѣли или хотя бы въ малѣйшей степени предчувствовали то, что нынѣ оказалось очевидною истиною, а именно, что для Австріи, при настоящемъ ея положеніи и степени развитія составляющихъ ее народностей, нѣтъ никакого другого выхода и спасенія кромѣ парламентскаго правленія; еслибы они сразу пошли на этотъ путь и не тратили силъ и времени попустому вмѣсто того, чтобы возрождать и обновлять, только на то, чтобы пеленать, то могли ли бы они создать изъ элементовъ, бывшихъ у нихъ подъ рукою, такой конституціонный порядокъ вещей, который былъ бы прочнѣе и жизнеспособнѣе теперешняго, который бы и правамъ короны давалъ болѣе мѣста, и для народовъ былъ надежнѣе, наконецъ, который бы Австрію спаивалъ, между тѣмъ какъ нынѣ она имѣетъ видъ кучи разнородныхъ частей, не могущихъ между собою ужиться и распадающихся по отсутствію всякаго цемента? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только приблизительный, гадательный, но онъ дастъ возможность постигнуть, насколько люди 21 ноября исправили или испортили дѣло, бывшее у нихъ въ рукахъ, и, слѣдовательно, насколько они заслуживаютъ или нѣтъ названія настоящихъ государственныхъ людей.

По содержанію своему проектъ конституціи, изготовляемый сеймомъ, немногимъ разнился отъ октроированной конституціи 4 марта 1849 г., внѣшняя форма пожалованія, а не соглашенія между короною и народнымъ представительствомъ, не имѣла никогда особенно важнаго значенія и вліянія на прочность и устой-

чивость созидаемого порядка. Главный и существенный вопросъ бываетъ конечно не въ формѣ, а въ томъ, съ которой стороны обрѣтается въ данный моментъ настоящая политическая сила, способная устроить русло, которымъ потечетъ общественная жизнь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сила эта вполне и всецѣло была въ 1849 году на сторонѣ правительства, что оно диктовало условія, что оно могло провести и осуществить всякія поправки въ изготавляемомъ проектѣ конституціи; что сеймъ проникнутъ былъ сознаніемъ необходимости спасти государство, охранить его цѣлость, что при этомъ сознаніи и власть исполнительная была бы надѣлена возможно большими прерогативами, и требованія отдѣльныхъ частей и областей государства о сохраненіи своихъ преимуществъ, своихъ историческихъ особенностей сведены были бы до minimum, — наконецъ, и самыя національныя страсти были бы по возможности обузданы, доведены до minimum. Нельзя сказать, чтобы въ кремзирскомъ сеймѣ племена помирились между собою, но, въ виду общихъ интересовъ и общихъ враговъ и противниковъ, національныя страсти ступеньвались, уходили на второй планъ, заклятые враги перетасовывались и вмѣсто національныхъ стали слагаться настоящія политическія партіи. Ритеръ стоялъ по многимъ вопросамъ за-одно съ нѣмцемъ Пингасомъ, съ Лёнеромъ, Фишгофомъ и Шузелею. Много-много бы дали теперешніе министры, еслибы имъ представилась нынѣ возможность согласить нѣмцевъ и чеховъ настолько, чтобы заставить ихъ засѣдать вмѣстѣ въ одномъ и томъ же парламентѣ. Конституционная жизнь предупредила бы и тотъ союзъ, который образовался потомъ между чешскимъ національнымъ движеніемъ и богемскими феодалами, да клерикалами, вслѣдствіе котораго всякая теперешняя комбинація федеративная, съ чехами во главѣ движенія, просто пугаетъ участіемъ въ немъ различныхъ темныхъ силъ, съ которыми нельзя ужиться современному человѣку. Въ то время вожатые чеховъ весьма свободно высказывались въ смыслѣ самаго рѣшительнаго религіознаго свободомыслія, гусситскія воспоминанія оживали, Гавличекъ задѣвалъ католицизмъ въ печати, директоръ пражской семинаріи Нагловскій проповѣдывалъ началъ весьма сходныя съ тѣми, которыя проводятся нынѣшними старокатоликами въ Германіи. На послѣднихъ порахъ сеймъ кремзирскій высказался (6 марта, по предложенію Вихера) за самую полную свободу вѣроисповѣданій, съ подчиненіемъ притомъ всѣхъ церквей общимъ законамъ государства. Отстаивая права государства въ отношеніи къ церквямъ, сеймъ хотѣлъ школу освободить отъ всякихъ церковныхъ вліяній. Даже страшнѣйші

камень преткновения, заключающійся въ отношеніяхъ центральной власти къ автономіи областей, былъ счастливо обойденъ. Редакціонная коммиссія сейма путемъ благоразумныхъ компромиссовъ пришла къ начертанію такого «централистически-федеративнаго» устройства; сохранены ландтаги, имъ предоставлена выработка областныхъ конституцій, но утвержденіе сихъ послѣднихъ, контроль за дѣятельностью областныхъ ландтаговъ предоставлены имперскому сейму, которому и предоставлено вѣдать все то, что не отнесено опредѣлительно и специально къ вѣдомству ландтаговъ. Нынѣ отношеніе ландтаговъ къ рейсхрату совершенно обратное, рейсхратъ вѣдаетъ только немногія специально ему присвоенныя дѣла, остальное входитъ въ область автономіи провинцій, да и тѣмъ недовольны чехи и не хотятъ ни за что подчиняться. О дуализмѣ въ сеймѣ никто не заикался. Хотя не упоминалось о Венгріи, но конституція составлялась настолько широкая, чтобы въ ней могла современемъ уместиться и Венгрія со всѣми своими областями. Надежда эта можетъ быть была и несбыточная, но кто знаетъ, какъ велики были бы требованія венгерцевъ, если бы въ остальныхъ частяхъ имперіи введено было конституціонное правленіе. Во всякомъ случаѣ требованія эти едва ли бы распространились до того, что венгерцами получено въ 1867 г., какъ плодъ ихъ выдержки и терпѣнія, послѣ 18-ти лѣтъ безплодной и ни къ чему не ведущей со стороны правительства политики.

Манифестъ о распущеніи сейма подписанъ былъ 4-го марта; обѣ причины этого распоряженія были фиктивные, вымышленныя. Сеймъ не потому былъ распущенъ, что мѣшкель съ изготовленіемъ конституціи; конституція вчернѣ была готова, и при переговорахъ сейма съ Стадіономъ въ Кремзирѣ 6-го марта предлагаемо было со стороны сейма представить готовый проектъ къ 13-му марта. Сеймъ не потому былъ также распущенъ, что въ немъ не было представителей всѣхъ земель единой и нераздѣльной имперіи, то-есть Венгріи, и что сеймъ, составивъ конституцію для цѣлой имперіи, вышелъ за предѣлы своего призванія. Въ сущности правительство не признавало никакого призванія за учредительнымъ собраніемъ и намѣрено было дать временно конституцію всей имперіи безъ участія народныхъ представителей, съ тѣмъ, чтобы никогда не приводить ее въ исполненіе. Мысль о распущеніи сейма существовала съ самаго начала образованія министерства, но ближайшимъ поводомъ къ тому, чтобы покончить съ сеймомъ, послужили какъ побѣды въ Венгріи, такъ и появленіе на политическомъ поприщѣ новой силы, которая прежде того, во все время революціи, была въ состояніи скрытномъ, а

теперь стала обнаруживать явно свое вліяніе; эта дѣйствующая теперь сила заключалась въ высшемъ римско-католическомъ духовенствѣ, какъ представителѣ религиозной нетерпимости и средне-вѣкового подведенія подъ религиозное начало, какъ свѣтскаго закона, такъ и свѣтской политики. Римскій католицизмъ имѣетъ въ Австріи неизмѣримо глубокіе корни, въ прошедшемъ главною его задачею считалось подавленіе реформаціи, обузданіе человѣческаго ума, полнѣйшая солидарность авторитета церкви съ государствомъ. Эта солидарность произвела ту косность, тотъ вѣковой застой, который столь невыгодно отразился на умственной жизни австрійскихъ народовъ. Церковный римско-католическій авторитетъ и современная культура давно сдѣлались въ Австріи столь же непримиримыми противниками, какъ огонь и вода; во время разгара революціи всякое противодѣйствіе ей, открытое, было немислимо, но теперь, когда движущая ея сила ослабѣла и волны ея улегались, притязанія церковной іерархіи заявлялись рѣзко, настоячиво, съ приписываніемъ всѣхъ неурядицъ и безчинствъ по слабленіямъ со стороны власти, малому ея радѣнію о пользахъ церкви. Дворъ, министерство и сеймъ были заброшены прошеніями и адресами епископовъ, составленными по митрополіямъ и областямъ. Всѣ эти адреса были другъ на друга похожи и мотивировались тѣмъ, что церковь не имѣетъ на сеймѣ настоящихъ представителей; всѣ они протестовали противъ уравнинія римско-католической церкви съ другими еретическими вѣроисповѣданіями, потому что конституція будетъ пустымъ словомъ, если церкви не будутъ предоставлены тѣ права и преимущества, которыя ей принадлежать по каноническому праву. Не можетъ считаться свободною страна, въ которой несвободна церковь. Подъ свободою церкви разумѣлось безусловное подчиненіе епископамъ низшаго духовенства, десятины въ пользу церкви отъ прихожанъ, свободное распоряженіе церковными капиталами и имуществами. Епископы ходатайствовали о дозволеніи имъ безпрепятственно и безконтрольно сноситься съ папою, съѣзжаться на областные синоды по правиламъ тріентскаго собора, просили о преобразованіи гражданскихъ законовъ о бракѣ въ духѣ каноническаго права, о подчиненіи народнаго образованія духовенству, съ предоставленіемъ приходскимъ священникамъ надзора за учителями, о введеніи въ законы о печати такой наказуемости за нападенія на церковныя установленія, какъ за нападенія на конституцію. Въ довершеніе всего епископы просили о заключеніи съ папою конкордата, дабы положить конецъ одностороннему нормированію свѣтскою властью дѣлъ и отношеній церковныхъ. Впослѣдствіи эта программа вы-

полена была іота въ іоту. На сеймъ эти адреса, конечно, не дѣйствовали, но въ высшихъ сферахъ, ищущихъ среди революціонной сумятицы твердой точки опоры, составители адресовъ представляли работу сейма торжествомъ безвѣрія, подкапывающимъ основанія религіи; они были внимательно выслушиваемы. Они окончательно рѣшили судьбу какъ сейма, такъ и конституціи. Закрытіе сейма имѣло видъ внезапнаго и насильственнаго разогнанія его; по внѣшней формѣ оно походило на *coup d'état*. 6-го марта, позднимъ вечеромъ, Стадіонъ, пріѣхавъ въ Кремзиръ, пригласилъ къ себѣ человѣкъ 15 депутатовъ изъ предводителей правой стороны и центра, сообщилъ содержаніе какъ императорскаго манифеста, такъ и новой конституціи и, удивившись, что мѣры правительства не встрѣчаютъ одобренія ни въ комъ изъ приглашенныхъ, кромѣ Гельферта, уѣхалъ въ Ольмюцъ, обещавъ приложить свои старанія къ тому, чтобы сейма не распускать и съ манифестомъ пріостановиться. Но въ ту же ночь солдаты заняли замокъ и расположились такъ, чтобы никто не былъ допущенъ въ залу засѣданій. Въ ту же ночь тѣ изъ депутатовъ, у которыхъ были какіе-нибудь давнишніе расчеты съ правительствомъ, бѣжали тайкомъ и переодѣтые за предѣлы Австріи. Предосторожность эта не была нисколько лишняя, что испытали нехотѣвшій послѣдовать примѣру товарищей Фишгофъ, который поплатился многолѣтнимъ подслѣдственнымъ арестомъ и освобожденъ отъ суда по недостаточности доказательствъ по обвиненію въ государственномъ преступленіи, съ ограниченіемъ правъ политическихъ; права эти были ему возвращены только при министерствѣ Белькреды. Даже Смолька попалъ подъ надзоръ полиціи, который продолжался затѣмъ до 1861 года. Бѣжавшіе депутаты судимы были заочно. Нѣкоторые изъ нихъ могли бы, если бы попались, заплатить жизнью за свою прежнюю политическую дѣятельность, чему убѣдительнымъ примѣромъ служить процессъ Гольдмарка. Этотъ процессъ такъ живо рисуетъ тогдашніе политическіе нравы, что я считаю нелишнимъ извлечь изъ него нѣсколько характеристическихъ подробностей.

Докторъ медицины Іосифъ Гольдмаркъ, венгерскій еврей, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ лѣвой стороны сейма. О всѣхъ коноводахъ движенія собирались, въ концѣ 1848 года, сдѣланныя объ образѣ ихъ дѣйствія въ клубахъ, на сеймѣ, о сношеніяхъ ихъ съ венгерцами, съ рабочими. По разнесшемуся слуху, что Гольдмаркъ былъ однимъ изъ дѣятелей въ событіяхъ 6-го октября, а слѣдовательно и въ беспорядкахъ, жертвою коихъ сдѣлался Латуръ, Гольдмаркъ былъ допрошенъ въ одной изъ

вѣнскихъ казармъ 14-го ноября 1848 года и показалъ, что онъ отраженъ былъ сеймомъ вмѣстѣ съ Смольбою и Боррошемъ спасать военнаго министра изъ рукъ разъяренной черни, причемъ и онъ, и товарищи его, а также пытавшіеся вступаться за Латура депутаты Фишгофъ и Сѣраковский, были побиты и помяты толпою. Вмѣсто того, чтобы обратиться съ разспросами къ бывшимъ министрамъ и депутатамъ сейма, чтобы принять въ соображеніе стенографическіе отчеты о засѣданіи сейма или даже показанія подсудимыхъ по дѣлу о Латурѣ, военно-судныя власти прискакали и допросили въ Ольмюцѣ подъ присягою двухъ свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ — смотритель дома въ военномъ министерствѣ Паули, показалъ, что онъ видѣлъ человѣка въ штатскомъ платьѣ, 40 лѣтъ, довольно плотнаго, порядочно одѣтаго, который возбуждалъ народъ искать Латура въ зданіи министерства словами: не вѣрьте тѣмъ, которые говорятъ, что его здѣсь нѣтъ. Паули привели, по распоряженію Шварценберга, въ залу сейма, посадили въ министерской ложѣ во время засѣданія; тамъ онъ дѣйствительно указалъ на Гольдмарка, хотя Гольдмаркъ не походилъ на описаннаго въ первоначальномъ показаніи Паули господина, потому что былъ худой и малый ростомъ и имѣлъ всего 29 лѣтъ. Другой свидѣтель Гѣхсманъ, министерскій курьеръ, употребляемый военными властями для особыхъ порученій, то-есть, иными словами, сыщикъ, допрошенный по распоряженію Шварценберга, показалъ, что когда, послѣ убіенія Латура, чернь принесла его убійцъ на рукахъ въ аулу, то тутъ были и многіе депутаты, въ томъ числѣ Гольдмаркъ, которые поздравляли и себя, и венгерцевъ съ успѣхомъ и говорили, что смерть Латура для нихъ дороже милліона. Заручившись этими данными еще въ декабрѣ 1848 года, министерство ждало конца сейма, не обращаясь къ нему съ требованіемъ о разрѣшеніи предать Гольдмарка суду. По разогнаніи сейма, Гольдмаркъ бѣжалъ въ Америку и поселился въ Нью-Йоркѣ. Его предали суду заочно вмѣстѣ съ Фюстеромъ и Віоландомъ, и вѣнскій ландгерихтъ призналъ его въ 1856 году не только виновнымъ въ посягательствѣ на верховную власть и государственной измѣнѣ (Hochverrath), но и соучастникомъ въ убіеніи Латура, на основаніи только двухъ показаній Паули и Гѣхсмана и того обстоятельства, что Гольдмаркъ присутствовалъ при убіеніи Латура, — обстоятельство, неотрицаемое Гольдмаркомъ, которое превратилось въ рѣшеніи суда въ сильную улику, на основаніи слѣдующихъ соображеній: «отзывъ Гольдмарка о намѣреніи его защищать министра есть возмутительная неправда, такъ какъ умерщвленіе Латура исходило отъ демократической

партии и было въ интересѣ какъ ея, такъ и венгерскихъ демократовъ, въ числу коихъ принадлежитъ Гольдмаркъ по народности и связямъ». Судъ присудилъ всѣхъ трехъ подсудимыхъ въ смертной казни. Когда, 20-го іюня 1867 года, послѣдовала амнистія для чисто-политическихъ преступленій, въ томъ числѣ и для государственной измѣны, Гольдмаркъ пріѣхалъ въ Европу, чтобы очистить себя отъ обвиненія въ убійствѣ Латура, и былъ тѣмъ же вѣнскимъ ландгерихтомъ оправданъ 12-го октября 1868 года. Результаты переслѣдованія его дѣла были замѣчательные. При новомъ допросѣ Паули измѣнилъ признанное имъ тождество на простое сходство Гольдмарка съ штатскимъ, порядочно одѣтымъ, который совѣтовалъ искать Латура въ зданіи министерства. Многочисленными показаніями другихъ свидѣтелей удостовѣрено, что Гольдмаркъ былъ весь этотъ день въ мундирѣ національнаго гвардейца и что когда сеймъ отрядилъ его и товарищей спасать Латура, то они всѣ опоясались наскоро бѣлыми шарфами изъ разорванной занавѣси одного изъ окошекъ залы засѣданій. Въ такомъ видѣ и съ такимъ знакомъ, который нельзя было не запомнить, но котораго не помнилъ Паули, Гольдмаркъ, за четверть часа до смерти Латура, распоряжался на площади призваніемъ отряда военной національной гвардіи для спасенія Латура, а потомъ, по свидѣтельству Смольки и Фишгофа, съ рискомъ для себя онъ защищалъ Латура, отталкивая чернь и уговаривая ее. Значить, со стороны Паули было смѣшеніе лицъ; что же касается до Гѣхсмана, то съ его стороны было очевидное лжесвидѣтельство. Латуръ былъ убитъ ровно въ три четверти пятаго; по словамъ Смольки, прямо съ мѣста убійства оба они съ Гольдмаркомъ направились въ залу засѣданій, гдѣ ровно въ 5 часовъ началось, по стенографическому отчету, засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Смольки, заступившаго мѣсто бѣжавшаго Штробаха, и началось оно предложеніемъ Лёнера предать суду Штробаха, которое Гольдмаркъ оспаривалъ самымъ энергическимъ образомъ, значить Гольдмаркъ не могъ являться въ аудіу послѣ убійства Латура. Ночью съ 6-го на 7-е онъ помогъ министру Доббльгофу бѣжать изъ Вѣны. Другой министръ Брестль удостовѣрилъ, что крайняя демократическая партія, въ октябрѣ 1848 года, считала Гольдмарка реакціонеромъ. Во все время процесса Гѣхсманъ скрывался и не заявлялъ о себѣ, но когда истекъ срокъ давности двадцатилѣтней, полагаемый закономъ по дѣламъ о лжесвидѣтельствѣ, тогда онъ счелъ, съ своей стороны, долгомъ принести пренаивно защитнику Гольдмарка свое курьезнѣйшее оправданіе. «Уже не то время, писалъ этотъ бывший сыщикъ, а въ концѣ

концовъ отставной канцлисть съ пенсіономъ въ 1500 гульденовъ за свои заслуги, чтобы отвѣтствовать за подобныя политическія дѣла; тогда весь свѣтъ былъ точно домъ умалишенныхъ, каждый доносилъ другъ на друга, гдѣ только могъ, — смѣшно и поминать объ этомъ». Бевстыжій доносчикъ жаловался потомъ въ письмѣ, что его топчутъ въ грязь за «его патріотизмъ», скорбѣлъ о томъ, «что ему на старости лѣтъ приходится жить скудно при маленькомъ содержаніи». Наконецъ, «желая отъ всей души г. Гольдмарку всякаго благополучія, и надѣясь, что 1869 годъ вознаградитъ ему все, что онъ претерпѣлъ, Гѣхманъ просилъ его не гнѣваться и его, Гѣхмана, простить». Такихъ людей, какъ Гѣхманъ, были многія сотни, они были въ то время въ полномъ ходу и процвѣтали.

Конституція, пожалованная 4 марта, была по содержанію своему не лучше и не хуже другихъ, появившихся въ томъ же періодѣ. Главный ея недостатокъ заключался въ томъ, что она не могла жить; она была написана для *цѣлой* Австріи, подчинить ей Венгрію нельзя было безъ употребленія меча, а послѣ повсемѣстнаго водворенія господства меча можно было предвидѣть, что не окажется надобности ни въ какой конституціи. Конституція венгерская была похѣрена вся цѣліюмъ не прямо и не буквально, по смыслу, но по духу новаго закона. Въ § 71 было сказано: Конституція королевства венгерскаго сохраняется, но встѣдъ затѣмъ прибавлено: насколько она непротивна конституціи имперіи; а такъ какъ она была противна пожалованной 4 марта и такъ какъ въ сей послѣдней приступлено было прямо къ разчлененію по кускамъ короны св. Стефана, Кроація и Славонія со включеніемъ Фіуме объявлены самостоятельными, отдѣлена Трансильванія и въ ней гарантирована самостоятельность землѣ сабовъ, Военная Граница подчинена непосредственно имперской исполнительной власти, какъ составная часть военныхъ силъ, наконецъ, сербской воеводинѣ обѣщаны учрежденія, клонящіяся къ охраненію ея церкви и національности (Карловицкій патріархатъ и особый воевода); то ясно было, что въ сущности не останется ровно ничего ни изъ конституціи венгерской старинной, начинающейся съ золотой буллы короля Андрея, 1222 г., ни изъ новой, созданной сеймовыми законами 1848 года. Если дипломатъ Шварценбергъ и централистъ Стадіонъ льстили себя смѣлою, дерзавшею надеждою уломать Венгрію и кроша ее, подвести подъ одинъ знаменатель съ областями нѣмецкими и славянскими, то этой надежды недоставало даже и у нихъ относительно итальянскихъ владѣній Австріи. § 76 гласилъ, что будетъ изданъ особый статутъ,

содержащій конституцію ломбардо-венедіанскаго королевства, но всѣ были убѣждены, что эта прекрасная область такъ и останется на будущія времена военною префектурою, второю военною границею, состоящею нескончаемо на осадномъ положеніи, чѣмъ-то въ родѣ пушечнаго ядра, которое прикрѣпляютъ посредствомъ цѣпи къ ногамъ каторжника. Какъ всѣ конституціи, такъ и пожалованная 4 марта виѣщала въ себѣ и основныя права (патентъ 4 марта), впрочемъ, значительно обрѣзанныя въ сравненіи съ сеймовымъ проектомъ. Допущена свобода вѣроисповѣданія вообще, но съ правомъ только богослуженія на дому. Большія преимущества предоставлены закономъ признаннымъ церквамъ: публичное богослуженіе, самоуправленіе, завѣдываніе принадлежащими имъ учрежденіями, имуществомъ и фондами. Цензура отбѣнялась, и признаны свобода изслѣдованія, собраній, свобода личная, неприкосновенность жилища и корреспонденціи. Суду присяжныхъ должны были подлежать тягчайшія общія преступленія и нарушенія законовъ о печати. Объячено въ § 83, что всѣ земскіе статуты будутъ изготовлены въ теченіи 1849 года, все, что въ этихъ статутахъ не предоставлено спеціально ландтагамъ, подлежитъ вѣдѣнію центральной имперской власти. Въ законодательствѣ имперскомъ должны были участвовать двѣ палаты. Нижняя палата пополнялась прямыми выборами, причемъ 1 депутатъ полагался на 100,000 жителей. Имущественный цензъ для избирателей долженъ былъ равняться 6 гульденамъ прямыхъ податей въ уѣздахъ и 20 въ городахъ. Палата областей или верхняя предполагалась вдвое меньше по личному составу, и должна была образоваться изъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ сеймовъ. Предполагался въ будущемъ законъ объ отвѣтственности министровъ, равно какъ и особая совѣщательная по законодательнымъ вопросамъ коллегія—государственный совѣтъ изъ лицъ по назначенію императора. Приложенный къ конституціи особый патентъ отъ 4 марта содержалъ весьма льготное для крестьянъ и весьма обстоятельное положеніе о выкупѣ въ коронныхъ земляхъ (не-венгерскихъ). Барщина оцѣнивалась на деньги, причемъ цѣна барщиннаго дня опредѣлялась въ одну треть цѣны вольнонаемнаго труда. Изъ вычисленнаго такимъ образомъ годового оброка одна треть слагалась со счетовъ, какъ эквивалентъ за подати, отъ платежа которыхъ за крестьянъ помѣщикъ теперь освобождался, одна треть платилась крестьянами, а одна областю изъ ея средствъ и при пособіи, въ случаѣ недостаточности этихъ средствъ, отъ государственной казны. Всѣ расчеты по оброку совершались при посредствѣ казначействъ. По желанію крестьянъ имъ разрѣшено

выкупаться, внося 20-тикратную стоимость годового оброка (капитализация изъ 5⁰/₀). Въ концѣ марта опубликованъ цѣлый рядъ органическихъ законовъ, дополняющихъ конституцію, за сѣрною Стадіона, безпѣтное положеніе о печати, довольно стѣснительное о сходбищахъ и обществахъ. Важнѣе всѣхъ другихъ былъ патентъ 17 марта объ общинахъ, важнѣйшая послѣ положенія о выкупѣ изъ Стадіоновскихъ работъ, — составленная съ полнымъ знаніемъ дѣла и единственная, которая привилась, принесла плоды и дѣйствуетъ донинѣ, свидѣтельствуя о томъ, что Стадіонъ стоялъ безконечно выше своихъ товарищей, что онъ былъ настоящій организаторъ. Населеніе каждой общины подраздѣлено на коренныхъ обывателей (Bürger), на лицъ, приобщившихся (Angehörige) бракомъ, рожденіемъ, запискою въ обыватели или постояннымъ пребываніемъ въ общинѣ въ теченіи 4 лѣтъ, и на чужихъ. Обыватели коренные и приобщившіеся дѣлятся на три класса по цензу и выбираютъ мѣстную общинную управу, которая въ свою очередь избираетъ бургомистра. Въ члены управы могутъ попасть всѣ коренные обыватели, а изъ приобщившихся священники, чиновники, офицеры, учителя и лица, имѣющія университетскіе дипломы. Изъ выборныхъ отъ общинныхъ управъ образуется представительница единицъ высшаго порядка земскаго участка, бецирка — участковая управа (12—30 чел.), избирающая себѣ изъ среды своей старшину (Obman); наконецъ, изъ участковъ слагается округъ (Kreis), завѣдываемый окружною управою изъ выборныхъ отъ участковыхъ управъ тоже съ выборнымъ старшиною. Всѣ должности въ управахъ должны быть почетныя, безвозмездныя.

Законъ объ общинахъ былъ послѣднимъ государственнымъ дѣломъ Стадіона. Истощенный организмъ не вынесъ усиленной умственной работы, возбуждающія дѣятельность нервовъ средства перестали дѣйствовать, въ половинѣ апрѣля 1849 г. Стадіонъ сталъ забывать слова, заикаться, заговариваться. Лечение не помогло, сознаніе погасло, и этотъ могучій умомъ человекъ превратился въ идіота, котораго водили подъ руку по улицамъ, который глядѣлъ на проходящихъ неподвижными глазами съ бессмысленною улыбкою, и не узнавалъ даже ближайшихъ знакомыхъ. Такъ влачилъ онъ еще четыре года свое печальное существованіе. Смерть его послѣдовала 8 іюня 1853 года, и прошла почти незамѣченною. Онъ сошелъ съ политическаго поприща во-время, онъ не дожилъ до призванія Австріею противу венгерцевъ помощи сосѣдей — и до конкордата. Во всякомъ случаѣ роль его

въ кабинетѣ была бы незавидная, еслибы онѣ тамъ остался; единственный представитель іозефинизма, единственный реформаторъ и организаторъ среди людей, занятыхъ только тупоумнѣйшею реакціею, онѣ долженъ былъ бы или подписывать противное убѣжденіямъ, проводимымъ имѣ настойчиво и съ успѣхомъ въ лучшіе годы своей жизни, или быть вытѣсненнымъ изъ кабинета, въ образованіи котораго онѣ принималъ такое сильное участіе. Онѣ кончилъ тѣмъ же несочувствующимъ парламентаризму и противнымъ ему бюрократомъ, какимъ онѣ былъ всю жизнь, даже и на сеймѣ вѣнскомъ, но въ немъ потеряло министерство единственного въ средѣ своей человѣка, постигающаго чутьемъ потребности массы, нужды народа и могущаго до извѣстной степени сдерживать въ извѣстныхъ предѣлахъ реакцію, которая, клубясь и волнуясь, выступала теперь изъ береговъ.

В. Спасовичъ.

СЛѢПОЙ

1.

Князь выѣхалъ рано средь гридней своихъ
Въ сырѣ-борѣ полеванья извѣдать;
Гонялъ онъ и вепрей и туровъ гнѣдыхъ,
Но время dospѣло, звонъ рога утихъ,
Пора отдыхать и обѣдать.

2.

Въ логу они свѣжемъ, подъ дубомъ, сидятъ
И брашна примаются рушать;
И князь говоритъ: «Мнѣ отраднѣ звучать
Ковши и братины, но пѣсню-бы радъ
Я въ зелени этой послушать!»

3.

И отрокъ озвался: «За рѣчкою тамъ
Убогій мнѣ пѣсенникъ вѣдомъ;
Онъ слѣпъ, но гораздъ ударять по струнамъ»;
И князь говоритъ:—«Отыщи его намъ,
Пусть тѣшитъ онъ насъ за обѣдомъ!»

4.

Ловцы отдохнули, братины допивъ,
Сидѣть имъ безъ дѣла не любо,
Поѣхали далѣ, про пѣсню забывъ —
Гусляръ между тѣмъ на княжой на призывъ
Бредеть ко знакомому дубу.

5.

Онъ шупаетъ посохомъ корни деревь,
Плетется одинъ чрезъ дубраву,
Но въ сердцѣ звучить вдохновенный напѣвъ,
И думъ благодатныхъ ужъ зрѣетъ посѣвъ,
Слагается пѣсня на славу.

6.

Пришелъ онъ на мѣсто: лишь дятель стучить,
Лишь въ листьяхъ стрекочетъ сорока —
Но въ сторону ту, гдѣ, не видя, онъ мнитъ,
Что съ гриднями князь въ ожиданьи сидитъ,
Старикъ поклонился глубоко:

7.

— Хвала тебѣ, княже, за ласку твою,
Бояре и гридни, хвала вамъ!
Начать пѣсногѣнье готовъ я стою —
О чемъ-же я, старый и бѣдный, спою
Предъ сонмищемъ симъ величавымъ?

8.

Что въ вѣщемъ сказалося сердцѣ моемъ,
 То выразить рѣчью возмусь-ли? —
 Пождать—и не слыша ни слова кругомъ,
 Садится на кочку, обросшую мхомъ,
 Персты возлагаетъ на гусли.

9.

И струнь переливы въ лѣсу потекли,
 И пѣсня его зазвучала....
 Всѣ міра явленія вблизи и вдали:
 И синее небо, и роскошь земли,
 И цвѣтныхъ камней начала,

10.

Что въ нѣдрахъ подземія блескъ свой таятъ,
 И чудища въ морѣ глубокомъ,
 И въ темномъ бору заколдованный кладъ,
 И витязей бой, и сверканіе латъ,
 Все видитъ духовнымъ онъ окомъ.

11.

И подвиги славить минувшихъ онъ дней,
 И все, что достойно вѣнчаетъ:
 И доблесть народовъ, и правду князей —
 И милость могучихъ онъ въ пѣснѣ своей
 На малыхъ людей призываетъ.

12.

Привѣтъ полоненному плетъ онъ рабу,
Уворъ градоимцамъ суровымъ,
Насилье-жъ надъ слабымъ, съ гордыней на лбу,
Къ позорному онъ притвождаетъ столбу
Грозящимъ пророческимъ словомъ.

13.

Обильно растетъ его мысли зерно,
Какъ въ полѣ ямень золотистый;
Проснулось что въ сердцѣ дремало давно —
Что было отъ лѣтъ и отъ скорбей темно,
Воскресло прекрасно и чисто.

14.

И ликъ озарѣнъ его тѣмъ-же огнѣмъ,
Какъ въ годы борьбы и надежды,
Явилася власть на челѣ поднятѣмъ,
И кажутся царской хламидой на немъ
Лохмотья раздранной одежды.

15.

Не пѣлось ему еще такъ никогда,
Въ такомъ разцвѣтаньи богатѣмъ
Еще не сплеталася думъ череда —
Но вотъ ужъ вечерняя въ небѣ звѣзда
Зажглася надъ алымъ закатомъ.

16.

Къ исходу торжественный клонится ладъ,
И къ небу незрящіе взоры
Возвелъ онъ, и духомъ могучимъ объять,
Онъ пѣснь завершилъ — подъ перстами звучать
Послѣдніе струнъ переборы.

17.

Но мертвою онъ тишиной окружѣнъ,
Безмолвье пустыннаго лога
Порой прерываетъ лишь горлицы стонъ,
Да слышны сквозь гуслей смолкающій звонъ
Призывы далекого рога.

18.

На диво ему, что собранье молчитъ,
Поникъ головою онъ думной —
И вотъ закачались вѣтви ракиъ,
И тихо дубрава ему говорить:
— Ты гой-еси, дѣдъ неразумный!

19.

Сидишь одинокъ ты, обманутый дѣдъ,
На мѣстѣ ты пѣль опустѣломъ!
Допиты братины, оконченъ обѣдъ,
Подъ дубомъ души человѣческой нѣтъ,
Разѣхались гости за дѣломъ!

20.

Они средь моей, средь зеленой красы
Порскають, свой ловъ продолжая;
Ты слышишь какъ, въ слѣдъ утыкая носы,
По звѣрю вдали заливаются псы,
Какъ трубить охота княжая!

21.

Ко сбору ты, старый, придти опоздалъ,
Ждать некогда было боярамъ,
Ты пѣсней награды себѣ не стяжалъ,
Ничьихъ за нее не услышишь похвалъ,
Трудился, убогій, ты даромъ!

22.

— Ты гой-еси, гой-ты, дубравушка-мать!
Сдается, ты правду сказала!
Я пѣлъ одинокъ, но тужить и роптать
Мнѣ, старому, было-бъ грѣшно и не стать —
Наградъ мое сердце не ждало!

23.

Воистину, еслибъ очей моихъ ночь
Безлюдыя отъ нихъ и не скрыла,
Я пѣсни-бъ не могъ и тогда перемочь,
Не могъ отъ себя отогнать-бы я прочь
Что душу мою охватило!

24.

Пусть по-слѣду псы, заливаясь, бѣгутъ,
 Пусть ловлю князь доволенъ!
 Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
 А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
 Зане онъ надъ нею не волеетъ!

25.

Она какъ рѣка въ половодье сильна,
 Какъ рѣсная ночь благотворна,
 Тепла какъ душистая въ маѣ весна,
 Какъ солнце привѣтна, какъ буря грозна,
 Какъ люта смерть необорна!

26.

Охваченный ею не можетъ молчать,
 Онъ рабъ ему чуждаго духа,
 Вожглась ему въ грудь откровенья печать,
 Неволей, иль волей, онъ долженъ вѣщать
 Чтѣ слышитъ подвластное ухо!

27.

Не вѣдаетъ горный источникъ, когда
 Потокомъ онъ въ степи стремится,
 И бьетъ и кипитъ его, пѣнясь, вода,
 Придутъ-ли къ нему пастухи иль стада
 Струями его освѣжиться!

28.

Я мнилъ: эти гусли для князя звучать,
Но пѣсня, по мѣрѣ какъ пѣлась,
Невидимо свой расширяла охватъ,
И вольный лился безъ различія ладъ
Для всѣхъ, кому слушать хотѣлось!

29.

И кто меня слушалъ, привѣтъ мой тому!
Землѣ-государынѣ слава!
Ручью, что ко слову журчалъ моему!
Вамъ, звѣзды, мерцавшимъ сквозь синюю тьму!
Тебѣ, мать-сырая дубрава!

30.

И тѣмъ, кто не слушалъ, мой также привѣтъ!
Дай Богъ полевать имъ не даромъ!
Дай князю безъ горя прожить много лѣтъ,
Простому народу безъ нужды и бѣдъ,
Безъ тучи великимъ боярамъ!

Гр. А. К. Толстой.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ XIX-го ВѢКА

Les discours de M. le Prince de Bismarck. Berl. 1872.

VII *).

Познакомившись съ главными чертами общей фигуры князя Бисмарка и съ возрѣніями его на вопросы внутренней политики, мы можемъ перейти теперь къ тому отдѣлу, который раскрываетъ передъ нами личность энергическаго послѣдователя Фридриха II во всемъ ея значеніи, во всей ея силѣ. Отдѣлъ этотъ — внѣшняя политика.

Мы видѣли, что міросозерцаніе князя Бисмарка во всемъ, что касается внутренней жизни государства не отличается ни особенною глубиною, ни особенною твердостью какихъ-нибудь принциповъ. Устроитель «единой» Германіи не бросилъ на бѣдную политическую почву нѣмецкаго государства сѣмена тѣхъ широкихъ идей, тѣхъ благодатныхъ началъ, которыя, проникнувъ во внутреннюю жизнь народа, пускаютъ изъ себя крѣпкіе и несокрушимые корни, служащіе какъ-бы порукой мощнаго политическаго и нравственнаго развитія общества. Ему чужды подобныя идеи, въ немъ не находятъ себѣ сочувствія тѣ начала государственной жизни, которыя провозглашены избранными умами европейской цивилизаціи.

---

1) См. выше: янв. 195, фев. 257 стр.

Какъ несправедливы были бы обвиненія князя Бисмарка въ томъ, что его идеаль внутренняго государственнаго организма есть идеаль ретроградный, реакціонный, идеаль à la Меттернихъ, точно также невѣрно было бы утверждать, что его идеаль есть идеаль либеральный, отвѣчающій потребностямъ и требованіямъ вѣка, получившаго въ наслѣдство гуманныя и справедливыя идеи, завѣщанныя концомъ XVIII-го столѣтія.

Бисмаркъ, являющійся воплощеніемъ практическаго государственнаго человѣка, не знаетъ никакого идеала. Его воззрѣнія, его отношенія къ тому или другому вопросу внутренней жизни, обуславливаются данною минутой, такъ или иначе сложившимися обстоятельствами. Бисмаркъ не чувствуетъ себя скованнымъ неразрывною цѣпью опредѣленныхъ идей и принциповъ, которые должны быть послѣдовательно проводимы въ жизнь; онъ вырывается изъ этой цѣпи, смотря по надобности, то или другое звено и прицѣпляетъ его къ совершенно иному звену, совершенно иной цѣпи идей и принциповъ. Вотъ отчего, какъ читатель могъ уже убѣдиться, одна государственная мѣра, одно воззрѣніе нѣмецкаго канцлера не обуславливаютъ собою другой мѣры, другого воззрѣнія, вотъ почему начала искренно реакціонныя какъ-то оригинально сочетаются у него и мирятся съ началами чуть не революціонными.

Всякая попытка подвести его политику подъ то или другое опредѣленіе была бы напрасна, она не уживается ни съ какою кличкой, потому что политика его есть личная, непризнающая для себя обязательнымъ иного закона, кромѣ закона своей личной воли. Подчиненіе этой волѣ — вотъ одно, что съ величайшею послѣдовательностью проводить князь Бисмаркъ въ своей политикѣ. Но достаточно ли этого одного, чтобы прицѣпить къ имени нѣмецкаго канцлера некрасивый ярлыкъ—деспотъ, и затѣмъ считать, что вся его характеристика исчерпана, что направленіе его политики опредѣлено однимъ этимъ словомъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Деспотъ деспоту рознь. И Петръ Великій, и Фридрихъ II, и Бромвель, и Робеспьеръ съ Сень-Жюстомъ могутъ быть названы деспотами, но между ихъ деспотизмомъ и деспотизмомъ какого-нибудь Іоанна Грознаго, Альбы, Ричарда III, Наполеона I лежитъ цѣлая бездна. Исторія оправдываетъ и часто ставитъ на безконечную высоту однихъ, признавая, что они осуществляли свою личную волю, съ непреклонною рѣшимостью, но осуществляли ее съ убѣжденіемъ, что они служатъ дѣлу государства, народа, человѣчества. Та же исторія вознитъ на своемъ судѣ другихъ, потому что эти другіе, осуществляя свою волю, были поглощены только личными,

мелкими интересами и оставались чужды стремленію содѣйствовать счастью народа или народовъ. Мы хотимъ этимъ сказать, что имѣя дѣло съ натурою деспотическою, каковою безспорно обладаетъ князь Бисмаркъ, нужно прежде всего узнать, какіе стимулы заставляютъ дѣйствовать человѣка прежде, чѣмъ безусловно осудить его деспотизмъ, его желаніе согнуть все, что только противится его волѣ. Цѣль, конечно, не оправдываетъ средствъ, но она заставляетъ относиться къ нимъ болѣе снисходительно. Опредѣлить степень хорошаго или дурного намѣренія, степень злой или доброй воли, вотъ чего не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ дѣятельности и роли государственнаго человѣка, независимо отъ успѣха или неудачи его политики.

Князь Бисмаркъ свою волю сдѣлалъ закономъ, на всѣхъ его дѣйствіяхъ лежитъ печать деспотической натуры; но дѣйствуя деспотически онъ всегда имѣлъ передъ глазами, и въ этомъ его значительное оправданіе, государственные интересы. Эти интересы могли быть имъ дурно поняты, эти интересы могутъ быть въ дѣйствительности противоположными истиннымъ интересамъ народа, но въ этомъ вопросѣ лучший судья, конечно, самъ народъ, среди котораго живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ. Мы уже сказали, какими государственными интересами оправдывалъ свою внутреннюю политику князь Бисмаркъ. Интересы эти, или, употребляя еще разъ его выраженіе, «великіе вопросы», которые онъ имѣлъ передъ своими глазами, заключались въ созданіи сильнаго, могущественнаго государства.

Намъ нужно было напомнить характеръ внутренней политики князя Бисмарка, такъ какъ тѣмъ же характеромъ отличается и вся его внѣшняя политика. Разумѣется, то, что онъ самъ выставлялъ въ оправданіе первой, то считалъ онъ, и уже съ большимъ правомъ, оправданіемъ и второй. Нѣмецкій народъ принялъ это оправданіе и не только простилъ «желѣзному» князю его надменное съ нимъ обращеніе, но отвелъ ему первое мѣсто на Олимпѣ нѣмецкихъ боговъ. Причина понятна. Развѣ Бисмаркъ не осуществилъ завѣтную мечту нѣмецкаго народа, развѣ своею смѣлою до дерзости политикою онъ не создалъ единства Германіи? Систематическіе противники князя Бисмарка возражаютъ на это: да, быть можетъ, онъ и создалъ пресловутое нѣмецкое единство, но развѣ онъ хотѣлъ создать его, развѣ вся его политика не направлена была къ одной только цѣли—усилить Пруссію, округлить ее, сдѣлать ее сильнымъ, могущественнымъ государствомъ, потопить въ ней Германію, и развѣ это рѣшеніи вопросъ,

что та страшная государственная масса, которая занимает такое внушительное положеніе въ центрѣ Европы, должна быть названа единою Германіею, а не распухнувшею Пруссіею? Это вопросъ, который вполне заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться, и слѣдя шагъ за шагомъ за рѣчами князя Бисмарка, постараться рѣшить, правы ли эти противники, или правы, напротивъ, горячіе сторонники и панегиристы нѣмецкаго канцлера, которые восклицаютъ: князь Бисмаркъ — это великій, небывалый умъ, онъ все предвидѣлъ, все предугадалъ, и въ то время, когда всѣ считали его узкимъ феодаломъ, защитникомъ исключительно прусскихъ интересовъ, въ тайнѣ души своей онъ уже рѣшилъ осуществить мечту нѣмецкаго народа и вызвать къ жизни, какъ тѣнь блуждавшее по нѣмецкой землѣ, единство Германіи! Итакъ, думаетъ ли князь Бисмаркъ объ этомъ единствѣ, входило ли оно въ предначертанный имъ планъ, или мысль его была поуже и побѣднѣе и ограничивалась созданіемъ сильной, грозной Пруссіи? Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ прежде, чѣмъ идти далѣе, онъ стоитъ, такъ сказать, у преддверія внѣшней политики, составляетъ какъ бы предисловіе къ изложенію воззрѣній князя Бисмарка, относящихся къ двумъ отдѣламъ: какъ слѣдуетъ обращаться съ побѣжденными, и какъ слѣдуетъ вести себя съ иностранными государствами?

Мы полагаемъ, что какъ неправы систематическіе его противники, утверждающіе, что отъ начала и до конца у него не было въ головѣ ничего иного, какъ Пруссіи, такъ неправы и тѣ, которые, на основаніи совершившихся событій, рѣшаютъ, что единство Германіи было постоянною цѣлю князя Бисмарка, съ той самой минуты, когда онъ вступилъ въ управленіе прусскою политикою. Правда, на помощь послѣднимъ является самъ князь Бисмаркъ, когда въ одной изъ своихъ уже позднѣйшихъ рѣчей, произнесенной послѣ французской войны, и присоединеніи Эльзаса и Лотарингіи, онъ между прочимъ говоритъ: «Когда задача, которую я задался, принимая на себя управленіе иностранною политикою Пруссіи, или вѣрнѣе, которую я постоянно имѣлъ передъ глазами, т.-е., восстановленіе въ какой бы то ни было формѣ нѣмецкаго государства—была выполнена...» Далѣе нечего приводить его слова. Такимъ образомъ, Бисмаркъ прямо утверждаетъ, что цѣль всей его политики заключалась въ достиженіи нѣмецкаго единства. Мы могли бы привести, да и приведемъ еще не одно мѣсто, въ которомъ Бисмаркъ проводитъ ту же мысль и утверждаетъ, что это единство было его постояннымъ стремленіемъ. Нисколько не заподозривая искренность и чистосердечіе нѣмец-

каго канцлера, тѣмъ не менѣе можно смѣло сказать, что на самомъ дѣлѣ это единство далеко не всегда было передъ глазами, и что въ первый періодъ своей дѣятельности онъ весьма мало думалъ о немъ, а если и думалъ, то думалъ со страхомъ, съ какою-то непріязнію. Утверждая же противное, князь Бисмаркъ впадаетъ въ ошибку, изъ которой его могли бы вывести его прежнія рѣчи. Можно, конечно, сказать, что его прежнія рѣчи имѣли только одну цѣль—это отводить глаза отъ истинныхъ его плановъ, но едва ли это было бы справедливо. Прежнія рѣчи дышали не меньшею искренностію, какъ и позднѣйшія. Какой же отвѣтъ долженъ быть данъ на поставленный вопросъ и какъ слѣдуетъ объяснить противорѣчивыя «показанія» самого князя Бисмарка?

Если въ настоящее время князь Бисмаркъ прежде всего нѣмецъ, а потомъ уже пруссакъ, то того же нельзя сказать про то время, когда только открывалась его политическая дѣятельность. Въ то время, напротивъ, онъ былъ прежде всего пруссакъ, а потомъ уже, и то въ самой незначительной степени, нѣмецъ. Нѣмецкое единство представлялось ему какою-то теоріею, слишкомъ любезною всему либеральному, радикальному и революціонному, что было только въ Германіи, чтобы теорія эта могла быть близка его сердцу. Онъ, который не любитъ вообще никакихъ теорій, относился къ теоріи нѣмецкаго единства съ крайне враждебнымъ чувствомъ. Онъ видитъ смыслъ только въ томъ, что носить на себѣ практическій характеръ, что можетъ быть практически осуществлено, про все остальное онъ охотно бы сказалъ: все это для меня «тринь-трава, братцы». Въ то время, въ то мечтательное время нѣмецкой жизни, единство Германіи представлялось тѣсно связаннымъ съ свободою, съ либеральными учрежденіями, чуть не съ разрушеніемъ монархическаго начала. Могло ли такое единство привязать къ себѣ князя Бисмарка, въ тотъ періодъ до мозга костей пропитаннаго еще феодальными принципами? Конечно, нѣтъ! Вотъ почему, когда ему случалось говорить еще до датской войны про идею нѣмецкаго единства, то рѣчь его была полна сарказма и какого-то презрительнаго тона. «Должна быть какая-то особенная прелесть, язвительно отвѣчаютъ онъ своимъ противникамъ въ прусской палатѣ, въ этомъ словѣ: «нѣмецкій», каждый старается присвоить это слово себѣ; каждый называетъ «нѣмецкимъ» то, что для него полезно, что выгодно для интересовъ его партіи, и смотря по надобности, мѣняетъ значеніе слова. Отсюда происходитъ то, что въ извѣстныхъ эпохи называютъ «нѣмецкимъ» дѣломъ оппозицію сейма (въ это время существо-

валъ еще франкфуртскій сеймъ); въ другія времена держать сторону сейма, превратившагося въ прогрессивный, считаютъ тоже дѣломъ «нѣмецкимъ». Такимъ образомъ легко можетъ случиться, что насъ потому только обвиняютъ въ нежеланіи имѣть что-либо общее съ Германіей, что мы соблюдаемъ наши собственные интересы. Я могу обратиться къ вамъ, говорить Бисмаркъ, съ такимъ же упрекомъ. Вы не хотите имѣть ничего общаго съ Пруссіей, потому что съ точки зрѣнія вашей партіи и въ интересъ вашей партіи вамъ не угодно, чтобы существовала Пруссія, и потому что вамъ желательно, чтобы Пруссія или вовсе не существовала или чтобы она была ничѣмъ инымъ, какъ только частію Nationalvereinig'a».

Въ одной изъ послѣдующихъ рѣчей, относящихся къ тому же періоду, т. е. къ концу 1863-го и началу 1864-го гг., Бисмаркъ по поводу Шлезвиг-Гольштинскаго вопроса еще рѣшительнѣе выражаетъ, какъ неприятно ему, что въ палатѣ такъ много говорятъ и такъ много хлопчатъ объ интересахъ Германіи, въ то время, когда интересы Пруссіи умышленно забываются и какъ-бы събѣгаются говорить о нихъ. «Вы требуете, говоритъ онъ, чтобы правительство дѣйствовало въ интересъ *хорошо понятомъ* Пруссіи, Германіи и герцогствъ — въ скобкахъ я вставляю одно замѣчаніе: мы дошли до того, что никто не смѣетъ честнымъ образомъ сказать, что онъ дѣйствуетъ въ интересахъ Пруссіи, что онъ дѣйствуетъ какъ пруссака; на этой сторонѣ (лѣвой) почти не имѣютъ смѣлости произнести слово «прусскій» безъ того, чтобы тотчасъ не прибавить объясненія, — «само собою разумѣется въ смыслѣ нѣмецкихъ интересовъ, правъ Германіи, правъ герцогствъ». Къ этимъ правамъ всегда взываютъ; что же касается публичнаго признанія прусскихъ интересовъ, прусской національности, обращается онъ съ пренебреженіемъ къ лѣвой сторонѣ, то намъ нечего ждать отъ васъ этого». Въ эту эпоху, къ которой относятся сдѣланныя нами выписки изъ рѣчей нѣмецкаго канцлера, мы почти съ увѣренностью можемъ сказать, что князь Бисмаркъ думалъ только объ одномъ — это объ усиленіи и увеличеніи Пруссіи, въ это время онъ желалъ только поставить ее во главѣ Германіи, спихнуть съ ея мѣста Австрію, и предоставить ея Пруссіи. Дѣло, по крайней мѣрѣ для Бисмарка, шло только о преобладаніи, о гегемоніи, о первенствѣ между Австріею и Пруссіею, но вовсе не объ единствѣ Германіи.

Мы охотно допускаемъ, что если бы въ настоящую минуту былъ предложенъ Бисмарку категорическій вопросъ: Германія ли должна поглотить Пруссію или Пруссія Германію, то онъ смѣло

отвѣтитъ: Германія Пруссію! Но еслибы тотъ же вопросъ былъ ему предложенъ восемь-девять лѣтъ назадъ, то онъ точно также не задумавшись отвѣтилъ бы: Пруссія Германію! И это не одна простая догадка. Вовсе нѣтъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ прямо ставитъ вопросъ, кто долженъ исчезнуть другъ въ другъ: Пруссія ли или Германія? и если на этотъ вопросъ онъ не рѣшился отвѣтить прямо безъ обиняковъ, то тѣмъ не менѣе смыслъ его словъ былъ совершенно прозраченъ. «Нужно съ ясностью прежде всего установить, гдѣ эта «Германія», кто это такая «Германія», что разумѣютъ подъ «нѣмецкими интересами». Бисмаркъ въ то время былъ весьма далекъ отъ той претензіи, которая съ такою откровенностью каждый день и на всѣ лады высказывается теперь упоенными побѣдами и съ ногъ до головы облитыми «славою» нѣмцами, претензія, которая не можетъ не рѣзать весьма непріятно наше ухо, что Германія—это все то пространство, гдѣ раздается нѣмецкій языкъ, и все то, гдѣ когда бы то ни было господствовали нѣмцы. Въ то время Бисмаркъ, не безъ ироніи припоминая пѣсню Морица Арндта:

Was ist des Deutschen Vaterland?
So weit die deutsche Zunge klingt...

говорилъ, что вопросъ, чтó такое и кто такое «Германія», такой же сложный въ политическомъ, какъ и въ географическомъ отношеніи. Но времена перемѣнились, и если бы теперь князю Бисмарку понадобилось цитировать «національную» пѣсню Арндта, то весьма много шансовъ за то, что онъ цитировалъ бы ее какъ аргументъ въ пользу «новаго округленія» Германіи. Уже послѣ французской войны, послѣ завоеванія Эльзаса, нѣкоторые изъ его рѣчей, какъ мы увидимъ далѣе, были ничѣмъ инымъ, какъ варіаціею на пѣсню Арндта.

Едва ли можно сомнѣваться, что если бы въ то время князь Бисмаркъ думалъ, что единая Германія можетъ быть создана по прусскому образцу, если бы онъ думалъ, что единая Германія получить такой военный и воинственный характеръ, какой она получила, на горе сосѣдей, въ дѣйствительности, то онъ тогда же бы объявилъ себя сторонникомъ этого единства. Но о такомъ единствѣ, о такой «единой Германіи» никто не думалъ, это понятіе сливалось съ какимъ-то идиллическимъ представленіемъ, съ какою-то «утопіею» мирнаго, тихаго, скромнаго, свободнаго государства, и такъ какъ князь Бисмаркъ рѣшительный врагъ всякихъ аркадій, всякихъ идиллій, то онъ былъ и врагомъ «того» нѣмецкаго единства, которое выработало формулу: единство чрезъ свободу!

Но когда же произошла въ князѣ Бисмаркѣ перемена, когда онъ самъ заговорилъ о нѣмецкомъ единствѣ и уже не съ тономъ ироніи, а весьма серьезно, какъ-бы дѣлая это единство знаменемъ всей своей политики? Указать на годъ, мѣсяць и день этой перемены, конечно, мудрено. Перемена произошла въ немъ не вдругъ и мы можемъ только по рѣчамъ его видѣть какъ слово: «Пруссія» мало-по-малу стиралось на второй планъ и на первый выступало другое слово: «Германія». И это весьма понятно. Будучи по преимуществу практическимъ государственнымъ человекомъ, онъ выступилъ на политическое поприще съ одною задачею, задачею ближайшею: создать сильное государство, не задаваясь при этомъ и не думая ни о какихъ отдаленныхъ цѣляхъ. Первый приступъ былъ труденъ, онъ встрѣтилъ сопротивленіе, и сопротивленіе это въ значительной степени заключалось въ томъ «мечтательномъ» единствѣ—въ словѣ, которое такъ часто попадалось въ рѣчахъ его противниковъ. Въ этому слову онъ почувствовалъ на первыхъ порахъ почти-что ненависть, и отсюда его колкости, его остроты по поводу единства. Но затѣмъ, когда онъ увидѣлъ, послѣ первыхъ военныхъ успѣховъ, что защитники «единства» путемъ свободы вовсе не такіе ожесточенные враги «единства» путемъ войны и завоеваній, Бисмаркъ тотчасъ понялъ, какую выгоду можно извлечь изъ этого слова, изъ этой идеи.

У Бисмарка не было своихъ идей, своихъ принциповъ, кромѣ одного принципа выгоды, пользы, которые могли бы идти въ разрѣзъ съ мечтою нѣмецкаго народа. Онъ никогда не зналъ, что значитъ принципъ, да притомъ и признавалъ глупостью стѣснять себя какими бы то ни было отвлеченностями. Принципъ національности, легшій въ основу нѣмецкаго единства, понимался Бисмаркомъ весьма широко, весьма своеобразно, и притомъ совершенно согласно съ правилами государственной практической философіи нашихъ дней. Приходится этотъ принципъ съ руки, можетъ онъ оказать поддержку—прекрасно; не съ руки, не можетъ—еще лучше. Много разъ въ своихъ рѣчахъ, уже въ тѣхъ, которыя относятся къ эпохѣ сближенія Бисмарка съ идеей единства, у него вырываются весьма характерныя признанія. Такъ, послѣ датской войны, когда на Бисмарка нападали, что онъ не блюдетъ «нѣмецкіе» интересы и желаетъ возвратить Даніи городъ Фленсбургъ, онъ съ негодованіемъ отвѣчаетъ: «это чистая ложь, чтобы я когда-нибудь говорилъ, что Фленсбургъ датскій городъ. Я считаю его городомъ нѣмецкимъ, да притомъ, если бы онъ и былъ даже датскимъ, то я все-таки не отдалъ бы его». Такихъ откровенныхъ признаній весьма много у нѣмецкаго канцлера. Основывая на

принципъ національности притязаніе на ту или другую область, Бисмаркъ вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ, что принципъ этотъ, когда дѣло идетъ о пользѣ государства, нисколько не долженъ стѣснять. «Я допускаю, говорилъ онъ, что господство нѣмцевъ надъ народами, которые сопротивляются, не хотятъ этого господства—я хочу сказать, поправляется Бисмаркъ, не господство, но политическое сожительство нѣмцевъ съ такими народами, которые стремятся разрушить связь,—можетъ быть невыгодно, но часто оно бываетъ необходимо». Его прежніе противники, партизаны нѣмецкаго единства «путемъ свободы» не только не возставали противъ такихъ словъ, но относились къ нимъ съ горячимъ сочувствіемъ. Въ это время онъ пересталъ только фрондировать «единство»; но Пруссія, ея могущество все еще оставалось для него предметомъ всѣхъ его помысловъ, всѣхъ его заботъ.

Для исторіи образованія нѣмецкаго единства и возрѣвній на него князя Бисмарка, весьма интересно то мѣсто одной изъ его рѣчей, уже послѣ датской войны, гдѣ онъ говоритъ, что мелкіе нѣмецкія государства добровольно никогда не подчинятся Пруссіи. Отвѣчая на упрекъ одного депутата, что Пруссія упустила случай въ вопросѣ о герцогствахъ стать во главѣ средних и малыхъ нѣмецкихъ государствъ, онъ говорилъ: «Если бы докладчикъ былъ подобно мнѣ въ продолженіи восьми лѣтъ полномочнымъ министромъ во Франкфуртѣ при германскомъ сеймѣ то онъ не считалъ бы этого столь легко осуществимымъ дѣломъ. Онъ убѣдился бы, какъ и я, что большинство второстепенныхъ и третьестепенныхъ государствъ не подчинилось бы добровольно управленію Пруссіи»... «Большая часть этихъ государствъ не оказалась бы послушною Пруссіи, слѣдовательно...» въ 1865 годъ нѣмецкія второстепенныя государства могли уже предвидѣть, что ихъ ожидаетъ въ будущемъ во имя «единства» Германіи.

Если въ первое время «единство» Германіи было все-таки еще средствомъ для Бисмарка, то несправедливо было бы утверждать, что оно оставалось такимъ средствомъ и до конца. Бисмаркъ, лишенный твердо опредѣленныхъ идей, строгихъ принциповъ, быть можетъ даже въ силу этого, былъ болѣе чутокъ къ общественному давленію, и, къ чести его должно быть сказано, онъ не былъ настолько упоренъ, чтобы не поддаваться натиску со бытій. Подъ давленіемъ этихъ событій, подъ впечатлѣніемъ того взрыва чувства нѣмецкаго единства, которое съ такою силою сказалось послѣ австрійской войны 1866 года, Бисмаркъ расширилъ свой первоначальный планъ. Изъ-за сильной и могущественной Пруссіи передъ нимъ стала вырастать теперь «единая Германія».

правда, весьма мало походившая на ту, которая снилась нѣмецкимъ патріотамъ эпохи войны за освобожденіе и нѣмецкимъ радикаламъ эпохи революціи 1848 года. Читатель помнитъ, что князь Бисмаркъ не разъ высказывалъ, что его старыя воззрѣнія, прежнія убѣжденія ничуть не стѣсняють, и что горизонтъ идей долженъ расширяться съ расширеніемъ границъ. По мѣрѣ того, какъ росли событія, выросталъ и князь Бисмаркъ, бросая позади себя привѣшанныя къ нему феодальныя путы. Такимъ образомъ, самое отсутствіе принциповъ, непрочно сложившихся идей, служило къ выгодѣ князя Бисмарка и позволило ему разстаться съ своими прежними друзьями, товарищами молодыхъ лѣтъ, изъ которыхъ каждый, цѣпляясь за отжившія феодальныя начала, не хотѣлъ дѣлать никакой уступки ходу совершающихся и совершившихся событій. Каждый изъ нихъ стоялъ на своемъ мѣстѣ и считалъ величайшимъ мужествомъ упорно твердить: *Hier steh' ich, ich kann nicht anders...* Бисмарку были незнакомы подобныя слова, да онъ и не видѣлъ въ нихъ никакого смысла. Онъ стоялъ тамъ, гдѣ ему было выгодно стоять, и не онъ, конечно, замедлялъ бы перемѣнить положеніе, какъ только бы увидѣлъ, что изъ другого положенія можно извлечь большую пользу. Первоначально онъ заботился только о возвеличеніи Пруссіи, но когда онъ убѣдился, что можетъ быть сдѣлано больше, что онъ можетъ эксплуатировать въ свою пользу полувѣковое стремленіе къ единству, онъ охотно пошелъ къ нему на встрѣчу и охотно измѣнилъ свой первоначальный планъ. ♦

Можно ли изъ той легкости, съ которою Бисмаркъ оставляетъ одни воззрѣнія и переходитъ къ другимъ, можно ли дѣлать упрекъ, обращать ее въ обвиненіе? Упреки, обвиненія,—все это весьма относительно. Безъ сомнѣнія, феодальная партія должна считать Бисмарка измѣнникомъ, ренегатомъ, чуть не краснымъ. Партія же либеральная—впрочемъ, «либеральная» не есть настоящее слово, скажемъ лучше: партія нѣмецкаго единства, которая охватываетъ огромное большинство цѣлаго народа,—должна была, напротивъ, рукоплескать Бисмарку. Она и рукоплескала, и отпустила ему всѣ его старыя прегрѣшенія. Князь Бисмаркъ дѣлался «нѣмцемъ» мало-по-малу, событія увлекали его независимо отъ его воли, и когда значительное разстояніе было уже пройдено, онъ увидѣлъ, что исключительно прусскій мундиръ сталъ тѣсенъ и требуется новый, общегерманскій.

Пруссія—это старый, сердитый, ворчливый дядька-педантъ, которому на руки сдастъ ребенокъ. Ребенокъ слушается дядьки и долго еще будетъ его слушаться; но когда онъ вырастетъ, окрѣп-

нетъ, когда почувствуетъ силу, онъ не захочетъ больше выносить ворчанія стараго дядьки и скажетъ ему въ одинъ прекрасный день: пошелъ вонъ! Дядька съ ужасомъ подниметъ глаза, но увидитъ въ своемъ питомцѣ такую рѣшимость, что поневолѣ отступитъ. Ребенокъ превратился въ мужа. Видитъ ли Бисмаркъ этотъ день, предчувствуетъ ли онъ ту минуту, когда будетъ произнесено слово: пошелъ вонъ!—это другой вопросъ, но вѣрно только то, что Бисмаркъ изъ Пруссіи хотѣлъ сдѣлать честнаго дядьку, который не рѣшился бы погубить своего питомца, чтобы огрбить его и присвоить себѣ все его достояніе. Самое правдоподобное—это то, что Бисмаркъ не останавливается, какъ и подобаетъ практическому государственному человѣку, на мысли, что будетъ впоследствии, когда Пруссія должна будетъ утратить свое первенствующее положеніе, или вѣрнѣе, перестать быть Пруссією, чтобы сдѣлаться Германією; но если бы этотъ вопросъ представился, если бы необходимо было ему выбирать между Пруссією и Германією, то быть можетъ и съ болью въ груди, но онъ все-таки произнесъ бы: Германія!—не желая своими же руками разрушать дѣло, на которое потрачено имъ столько силъ. Польза, выгода, однимъ словомъ, единственный принципъ, которому Бисмаркъ всегда оставался и остается вѣренъ какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ, служить достаточнымъ аргументомъ противъ всѣхъ тѣхъ, которые обвиняютъ Бисмарка, что въ дѣлѣ Германіи онъ былъ и остается только пруссакомъ. Аргументъ этотъ настолько силенъ, что мы считаемъ излишнимъ приводить другіе въ пользу того, что Бисмаркъ если и не пересталъ быть пруссакомъ, то сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ «пѣмцемъ».

Обвиненія Бисмарка въ исключительно прусскихъ стремленіяхъ раздавались и послѣ 1866 года и основывались на томъ, что онъ самъ какъ-бы задерживалъ быстрое развитіе нѣмецкаго единства и умышленно не пользовался всѣми выгодами, которыя можно было извлечь изъ громкихъ побѣдъ, одержанныхъ прусскимъ оружіемъ. Бисмаркъ медлитъ довершить ударъ, Бисмаркъ не пользуется всѣми выгодами своего положенія! Если когда-нибудь могъ быть сдѣланъ явно несправедливый упрекъ, то конечно этотъ долженъ быть названъ такимъ. Скорѣй солнце станетъ вертѣться вокругъ земли, нежели Бисмаркъ не извлечетъ изъ побѣды, изъ извѣстнаго успѣха, всего, что можно только извлечь. Онъ выжметъ весь сокъ и выброситъ только кору. Когда нужно выжимать сокъ, Бисмаркъ не остановится ни передъ чѣмъ: насиліе, жестокость, попраніе самыхъ законныхъ, священныхъ правъ, онъ на все пойдетъ; справедливость, гуманность, уваженіе

народной воли, всё эти громкія «слова» XIX-го вѣка, Бисмаркъ знаетъ имъ цѣну лучше, чѣмъ кто-либо, — на языкѣ практической философіи все это зовется глупостью и сентиментальничаньемъ.

Если Бисмаркъ, повидимому, не извлекаетъ изъ побѣды, изъ торжества всей выгоды, всей пользы, то будьте увѣрены, что это не даромъ, не спроста, не изъ чувства великодушія, а по глубоко-обдуманному расчету, какъ все, что ни дѣлаетъ этотъ замѣчательный, крайне своеобразный государственный человѣкъ. Ничто такъ не назидательно, какъ тѣ упреки въ неумѣренности, которые дѣлаетъ онъ, князь Бисмаркъ, обращаясь къ народнымъ представителямъ. «Не будьте такъ жадны, такъ алчны!» — вотъ смыслъ весьма многихъ рѣчей князя Бисмарка, касающихся вопроса единства Германіи. Бисмаркъ не разъ долженъ былъ справедливо возмущаться, видя передъ собою людей, которые кидали въ него камнями, когда онъ приступалъ къ «войнѣ», какъ средству осуществленія своего плана, которые носились со свободой и равенствомъ и потомъ набрасывались съ алчностью на добычу и рукоплескали всевозможнымъ насиліямъ надъ своими «братьями», къ которымъ «вынужденъ» былъ прибѣгать «железный» князь.

Между тѣмъ то, въ чемъ такъ усердно обвиняли князя Бисмарка, именно и доказывало ясно, что это человѣкъ, который нѣсколькоми головами возвышается надъ всѣми современными государственными людьми, что Германія встрѣтила въ немъ не дюжину, но рѣдкаго и въ высшей степени замѣчательнаго дипломата. Онъ не задавался далекими цѣлями, идеи, планы его не поражаютъ глубиною, но они поражаютъ обдуманностью, мѣткостью каждаго шага и необыкновенною увѣренностью. Если про кого-нибудь можно сказать, что онъ никогда не ошибается въ своей политикѣ, то это про Бисмарка. Нѣтъ ни одного неудачнаго хода, нѣтъ ни одного невѣрнаго шага; когда онъ бьетъ, то онъ бьетъ съ увѣренностью, что не промахнется. Самое легкое конечно сказать: какое счастье этому человѣку! но вѣдь это пустая фраза! Сегодня счастье, завтра счастье, наконецъ, когда-нибудь нужно и искусство и мудрость. Бисмаркъ все предвидитъ, всѣмъ пользуется, онъ не упуститъ ни одного обстоятельства, которое можетъ быть обращено къ выгодѣ его стремленій, мало того, онъ создастъ обстоятельства, когда они не представляются, или заставитъ ихъ, если они сложились невыгодно, обратиться въ его пользу. Вотъ отчего Бисмаркъ такъ и опасенъ, вотъ отчего всѣ государства, не исключая, конечно, и Россіи, должны смотреть въ оба за каждымъ шагомъ Бисмарка, должны во всё сто-

роны повернуть каждое слово, каждую рѣчь, которую онъ произноситъ.

Эта обдуманность, эта мѣткость руководила Бисмаркомъ и въ вопросѣ нѣмецкаго единства. Когда онъ дѣлалъ шагъ впередъ, то ему уже нечего было опасаться: а что, какъ придется сдѣлать два назадъ! «Г. депутатъ, говорилъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей, нападаетъ на то, что мы достигли слишкомъ малаго и въ слишкомъ малому стремимся. Да, господа, эта почва во всѣ времена была самая удобная для оппозиціи, чтобы нападать на правительство: всегда представляютъ какъ крайнюю необходимость то, что не можетъ быть достигнуто въ данную минуту, и всегда правительство дѣлаютъ отвѣтственнымъ за то, чего нельзя было достигнуть; никогда положеніе: «лучшее есть врагъ хорошаго», не было примѣняемо оппозиціей по отношенію къ правительству.» Отмѣтимъ на пути эту черту, которая выражена у него въ положеніи «лучшее есть врагъ хорошаго», и замѣтимъ, что Бисмаркъ съ необыкновенною рѣшительностью и смѣлостью соединяетъ въ себѣ большую осторожность. Онъ обладаетъ замѣчательною способностью: выждать минуту для своихъ плановъ, но когда эта минута наступитъ, то уже онъ ее не упуститъ. Все, что можно извлечь, онъ извлечетъ, но ни на волосъ больше. Единственное исключеніе, и то исключеніе по нашему только мнѣнію, онъ допустилъ во французской войнѣ, когда ему мало показалось выжать весь сокъ изъ страны, но когда ему потребовалось вырвать еще кусокъ мяса, клочекъ тѣла. Но и тутъ мы не можемъ судить еще въ настоящее время, насколько вина падаетъ на князя Бисмарка и насколько на другихъ. Впрочемъ, не станемъ забѣгать впередъ.

«Римъ не былъ построенъ въ одинъ день», выражался Бисмаркъ по поводу нѣмецкаго единства; имѣйте же терпѣніе и умѣйте жертвовать личными взглядами и убѣжденіями. «Въ нашемъ національномъ характерѣ, говорилъ нѣмецкій канцлеръ въ 1867 году, есть нѣчто, что служитъ препятствіемъ къ единству Германіи. Иначе мы бы не потеряли его или сѣумѣли бы снова быстро его приобрѣсти. Перенесемся мысленно ко времени нѣмецкаго величія, къ эпохѣ первыхъ императоровъ. Мы найдемъ, что никакая другая страна въ Европѣ, казалось, не соединяла въ себѣ столько шансовъ, какъ Германія, для достиженія могущественнаго національнаго единства. Обратите ваши взоры къ среднимъ вѣкамъ, отъ московитской имперіи Рюриковъ къ владѣніямъ готовъ на западѣ и арабовъ въ Испаніи; Германія представится вамъ страной, которая изъ всѣхъ европейскихъ странъ,

изалось, предназначена остаться сплоченнымъ государствомъ. Какъ потеряли мы единство, спрашиваетъ Бисмаркъ? Какимъ образомъ до сихъ поръ мы не могли его снова завоевать? Чтобы высказать это однимъ словомъ, я скажу, что причина, по моему мнѣнью, лежитъ въ томъ, что въ Германіи существуетъ чувство излишней художественной независимости, которая заставляетъ отдѣльнаго чело-вѣка, общину и всю расу полагать свое довѣріе гораздо больше въ собственные силы, нежели въ силы цѣлаго. Намъ недостало той гибкости, той уступчивости индивидуума и расы въ пользу цѣлой націи, гибкости, которая позволила другимъ народамъ, нашимъ сосѣдямъ, обезпечить за собою прежде насъ то благо, къ которому мы стремимся.»

Конечно, трудно было бы подыскать болѣе гордаго объясне-нія причины, по которой Германія столь долгое время не была едина, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе остроумнаго, чтобы пригласить всю палату, весь рейхстагъ, народъ, слѣпо слѣдовать и повино-ваться волѣ того, который принялъ въ свои руки дѣло нѣ-мецкаго единства. Бисмаркъ не подшучиваетъ болѣе надъ этимъ единствомъ, онъ не спрашиваетъ болѣе иронически, что такое Германія, онъ знаетъ теперь это слишкомъ хорошо, и взывая къ общему согласію восклицаетъ: «Поважемъ въ нашу очередь, гос-пода, то исторія шести вѣковъ страданій не была бесплодна для Германіи; покажемъ, что мы близко приняли къ сердцу урокъ, который слѣдовало извлечь изъ неудавшихся попытокъ Франк-фурта и Эрфурта, попытки, которыя мы всѣ видѣли нашими гла-зами, какъ онѣ провалились.»

Единство Германіи, которое не входило въ его первоначаль-ный планъ сильнаго и могущественнаго прусскаго государства, и надъ которымъ поэтому онъ трунилъ съ такою ироніею, сдѣ-лалось теперь необходимою приправою всѣхъ его рѣчей, къ ка-кому бы вопросу онъ ни относился. Шло ли дѣло о чисто внут-реннихъ дѣлахъ, Бисмаркъ,—когда онъ не опирался на категори-ческое: такъ нужно! и когда онъ желалъ одержать верхъ чув-ствомъ,—призывалъ тотчасъ на помощь единство и говорилъ: вы выжили по немъ, а теперь вы сами вашими распрями разру-шаете его! «Думаете ли, въ самомъ дѣлѣ, спрашивалъ онъ послѣ африскской войны, что это величественное движеніе, которое, въ прошломъ году, двинуло цѣлые народы, отъ Бельта до морей Си-циліи, отъ Рейна до Прута и Днѣстра, къ этой фатальной игрѣ въ кости, которая своею ставкою имѣла королевскія и импера-торскія короны; что миллионъ нѣмецкихъ солдатъ, которые сра-жались другъ противъ друга и обагрили свою кровью поля битвы

отъ Рейна до Карпатъ, что тысячи людей, которыхъ 'подкосилъ желѣзо или болѣзнь и которые своею смертію запечатлѣли дѣло нашего національнаго возрожденія, неужели думаете вы...», с большою силою говорилъ онъ, что все это можетъ быть уничтожено капризомъ какой-нибудь палаты.» Шло ли дѣло о жалобахъ присоединенныхъ и завоеванныхъ областей, Бисмаркъ опять вѣдигалъ впередъ единство и говорилъ:— Да, вы можете быть правы, можетъ быть ваше положеніе въ самомъ дѣлѣ тяжело, и что же дѣлать, это жертва, которой требуетъ нѣмецкое единство. Шло ли дѣло о какой-нибудь войнѣ, которая давно была рѣшена, обдумана, взвѣшены всѣ шансы за и противъ, у него всегда былъ отличный предлогъ выставить Германію, какъ несчастную жертву и сказать: смотрите, враги наши покушаются на нѣмецкое единство! мы только защищаемъ его!

Всю пользу, которую можно было только извлечь изъ иде нѣмецкаго единства, Бисмаркъ извлекъ для осуществленія своего плана, и онъ съ гордостью могъ уже отвѣчать въ 1867-мъ году на всѣ жалобы нѣкоторыхъ изъ объединенныхъ: «Что значать всѣ тягости, когда, благодаря имъ, въ нашемъ союзѣ заискиваютъ! мы въ состояніи оберегать, нашими собственными силами, нашу свободу, нашу честь, безъ того, чтобы заискивать благоволенія другихъ государствъ?» Что значать всѣ жертвы, онъ долженъ былъ быть легки для васъ потому что этими жертвами создано великое дѣло. «Развѣ это ничто для васъ, спрашивалъ Бисмаркъ когда ваши соотечественники, изъ самыхъ отдаленныхъ странъ обращаютъ съ гордостью свои взоры къ родинѣ и говорятъ себѣ съ чувствомъ собственного достоинства: «мы — нѣмцы», между тѣмъ какъ въ былое время они опускали глаза съ чувствомъ какого-то стыда.» Единство требовало жертвъ, большихъ жертвъ, и Бисмаркъ не стѣсняясь могъ требовать ихъ; онъ могъ бы сказать, обращаясь къ своимъ соотечественникамъ, словами русскаго поэта:

Даромъ ничто не дается

Судьба жертвъ искупительныхъ просить...

Важно только то, чтобы жертвы были пропорціональны дѣлу. Пропорціональны были жертвы, принесенныя нѣмцами, съ достигнутыми результатами, или нѣтъ, это рѣшить только будущее, когда единая Германія выйдетъ изъ того переходнаго времени въ которомъ она живетъ по настоящую минуту.

Такимъ образомъ, вотъ, въ немногихъ словахъ, ходъ идеи Бисмарка по отношенію къ главному вопросу, волновавшему нѣмецкій народъ, вопросу объ единствѣ Германіи. Первоначаль-

при вступленіи Бисмарка въ министерство онъ относится къ единству не только скептически, но крайне враждебно. Единство въ эту эпоху тѣсно соединяется въ его головѣ съ революціонными силами, или, выражаясь съ болѣе гармоніею съ его мыслями, революціоннымъ безсиліемъ, съ громкими, но безплодными фразами о свободѣ. Всѣ его заботы исключительно направлены на извѣдѣніе Пруссіи, и интересы Германіи интересуютъ его ровно настолько, насколько нужно, чтобы во главѣ ея поставить Пруссію, чтобы сковать ее по рукамъ и ногамъ тяжелою цѣпью зависимости отъ монархіи Фридриха II. На слѣдующей ступени, Бисмаркъ, убѣдившись конечно съ одной стороны въ безсиліи оппозиціи, съ другой въ собственной своей силѣ, дѣлаетъ изъ «единства» одно изъ своихъ орудій, одно изъ средствъ своей политики. Онъ понялъ, что этимъ словомъ во внутреннихъ дѣлахъ онъ можетъ обуздывать своихъ противниковъ, во внѣшнихъ онъ утѣшаетъ имъ свои замыслы — возвеличить Пруссію. Единство было ширмами, прикрывавшими его первоначальную цѣль. Затѣмъ, на дальнѣйшей уже ступени, послѣ австрійской войны, горизонтъ Бисмарка расширяется, его планы видоизмѣняются, онъ думаетъ теперь о сильномъ и могущественномъ государствѣ, но такія государствомъ для него уже становится не Пруссія, а Германія, хотя и подчиненная прусскимъ порядкамъ. Бисмаркъ въ эту эпоху невольно испытываетъ на себѣ силу общественнаго влеченія.

Если нѣмецкая нація, относившаяся къ нему вначалѣ такъ враждебно, теперь преклонилась передъ нимъ и круто повернула въ сторону отъ начала единства путемъ свободы, — то и Бисмаркъ въ свою очередь сдѣлалъ не одинъ шагъ на встрѣчу общества, осознавая, какъ весьма умный человѣкъ, что безнаказанно нельзя перечить общественному мнѣнію, и что чрезвычайно выгодно дѣлать видъ, что уступаешь и дѣйствительно уступать, особенно когда эти уступки могутъ принести только пользу собственнымъ планамъ. Идея нѣмецкаго единства, туманная и отвлеченная, слилась теперь съ идеей сильнаго и могущественнаго государства, идея весьма реальной и ясной, и обѣ эти идеи повліяли другъ на друга. Ширина первой, какъ она понималась въ доброе старое время, сдузилась подъ вліяніемъ второй; узость этой второй, какъ она понималась первоначально Бисмаркомъ, т.-е. сильной, единственной Пруссіи, олицетворяемой исключительно крушовскою пушкою и игольчатымъ ружьемъ, расширилась подъ вліяніемъ первой. Военное могущество, конечно, въ мнѣніи Бисмарка оставалось самымъ существеннымъ дѣломъ, но и другіе интересы,

въ дѣйствительности болѣе важныя, заняли извѣстное мѣсто въ общемъ планѣ, осуществленію котораго посвятилъ себя нѣмецкій канцлеръ. Когда передъ сильнымъ человѣкомъ становятся двѣ идеи, два плана, изъ которыхъ одинъ болѣе грандіозный, другой болѣе мелкій, и когда, оставаясь на практической почвѣ, онъ сознаетъ, что тотъ и другой осуществимы, и первый только требуетъ большей силы воли, большей энергіи, большей рѣшимости, то нѣтъ сомнѣнія, что сильный человѣкъ не станетъ колебаться и предпочтетъ болѣе грандіозный болѣе мелкому плану. Такъ было и съ Бисмаркомъ. Пока идея нѣмецкаго единства казалась ему фантастическою, лишенною реальной почвы, до тѣхъ поръ онъ относится къ ней враждебно, съ ироніей; но съ той минуты, когда онъ увидѣлъ возможность осуществить ее въ дѣйствительности, хотя и въ иной формѣ, чѣмъ мечтали о томъ нѣмецкіе радикалы, онъ съ энергіей и мужествомъ принялся за дѣло. Онъ проникся теперь этою идеею и не клалъ оружія, пока не достигъ осуществленія завѣтной мечты нѣмецкаго народа. Онъ достигъ ее такимъ образомъ, что и волки оказались сыты и овцы цѣлы. Подъ овцами мы разумѣемъ нѣмецкихъ радикаловъ и весь нѣмецкій людъ, такъ много шумѣвшій о свободѣ народовъ, пока Германія была слабою державою, и такъ мало заботящійся теперь, когда Германія превратилась въ могущественное государство, чтобы эта прославленная свобода не была оскорбляема среди побѣжденныхъ племенъ.

Да, какъ ни разсуждать, Бисмаркъ все-таки окажется неизмѣримо выше своихъ современниковъ всевозможныхъ лагерей; Бисмаркъ зналъ къ чему онъ стремится, и по крайней мѣрѣ искренно относится съ откровеннымъ презрѣніемъ къ тѣмъ идеямъ, которыя въ нашъ вѣкъ болѣе эксплуатируются какъ громкія фразы, нежели дѣйствительно и серьезно уважаются. Въ отношеніи единства Германіи, Бисмаркъ оставался вѣренъ себѣ. Онъ не угождалъ ему, когда считалъ химерой, но когда онъ увидѣлъ, что можетъ осуществить по «своему», то онъ смѣло пошелъ впередъ и осуществилъ по «своему» то, что вѣроятно долге бы еще оставалось заоблачною мечтою народа. Выиграла ли или потеряла отъ этого Германія съ точки зрѣнія исторіи, будущаго, мы не станемъ гадать. Никто не можетъ сказать съ увѣренностью, что созданное Бисмаркомъ зданіе нѣмецкаго единства окрышитъ и выдержитъ тяжелый напоръ времени; точно также какъ никто не можетъ утверждать, что зданіе его походитъ на картонную постройку, которая повалится отъ перваго вѣтра, сгніетъ отъ первой сырой погоды. Прошедшее позволяетъ сказать одно: вѣнш-

няя сила государства, внѣшнее его значеніе прочно только подъ однимъ условіемъ, это — внутренняго развитія внутренней силы народа. Остановите искусственными заборами это развитіе, придайте внутреннюю силу, и тогда неизбежное съ виду зданіе падаетъ съ страшнымъ грохотомъ. Вотъ одно, что можно сказать, созерцая необыкновенно-быстрое и поистинѣ изумляющее возвышеніе нѣмецкой имперіи. До сихъ поръ князь Бисмаркъ не относился къ внутреннимъ вопросамъ такъ, какъ долженъ относиться къ нимъ глубокой умъ, всегда отличающій настоящаго общественнаго реформатора. Но въ этомъ человѣкѣ прошедшее не связано тѣсно съ будущимъ. Бисмаркъ не останавливается въ своемъ развитіи, онъ охотно идетъ впередъ, когда убѣждается, что идти впередъ выгодно: это подтверждается и его отношеніемъ къ вопросу нѣмецкаго единства. Можетъ быть онъ, покончивши съ своею такъ сказать внѣшнею задачею, и убѣдится, что польза на сторонѣ возможно болѣе полного и свободнаго внутренняго развитія народа, и тогда дѣло политической и нравственной свободы нѣмецкой націи было бы выиграно, а вмѣстѣ съ тѣмъ было бы закрѣплено и дѣло единства Германіи.

VIII.

Когда задаешься задачею опредѣлить характеръ и образъ дѣйствій какого-нибудь замѣчательнаго человѣка, оказывающаго рѣшительное вліяніе на ходъ европейскихъ событій, то неумѣстно прибѣгать въ такомъ случаѣ къ дотактамъ. Только поэтому мы и не поставимъ здѣсь вопроса: окончили ли князь Бисмаркъ дѣло единства, выполнили ли онъ свой планъ и не потребуется ли для «безопасности» Германіи, для того, чтобы она «мирно» могла существовать, не потребуется ли еще округлить границу съ какою-нибудь другой стороны и во имя все того же злополучно «великаго» принципа національности и всегда услужливой исторіи, принять въ лоно Германіи блудныхъ сыновъ какого-нибудь другого края?

Was ist des Deutschen Vaterland?

So weit die deutsche Zunge klingt...

Мъ тотъ кличъ, который такъ пріятно ласкаетъ слухъ нѣмца, вотъ тотъ зовъ, который такъ усердно, точно бьетъ въ набатъ, продолжаетъ гудѣть и заставляетъ поневолѣ спрашивать: чего еще недостаетъ единой Германіи, въ какую сторону обращаетъ она теперь свои побѣдоносные и вмѣстѣ грозные взоры?

новыя Іены, новыя Садовыя и Седаны, и духъ націи, поднятій на время, снова опускается и покрывается плѣсенью, какъ болото. И снова на вопросъ: изъ-за чего ты идешь проливать свою кровь? солдатъ не имѣетъ другого отвѣта какъ: такъ приказано! Давно уже Европа не выходитъ изъ этого проклятаго обличьяго колеса.

Сила нынѣшней Германіи въ эти послѣднія, баснословныя войны, въ эти послѣднія кровавыя десяти лѣтъ заключалась именно въ томъ, что любой нѣмецкій солдатъ, любой нѣмецкій воинъ на вопросъ: изъ-за чего ты дерешься? отвѣчалъ, гордо и съ увѣренностью: я дерусь изъ-за единства моей родины! И эта идея давала ему энергію и рѣшимость въ борьбѣ. Арміи другихъ націй не имѣли идеи, которую они могли бы противопоставить идѣ нѣмецкаго полчища, и потому при равной степени развитія, при равной степени цивилизаціи, при равной дозѣ внутренней свободы, нѣмецкая нація должна была оказаться сильнѣе другихъ, сильнѣе тою идеею, которая возвышалась и воспламеняла народный духъ. Само собою разумѣется, что въ борьбѣ съ націею слабѣйшею по развитію, по цивилизаціи, еще болѣе обѣдною въ отношеніи внутренней свободы, обладающей только наземными идеями, далеко не возвышающими народнаго духа, Германія, по-видимому, можетъ оказаться еще болѣе сильною, еще болѣе грозною.

Что князь Бисмаркъ понималъ силу идеи и превосходство націй, обладающей ею, передъ другими, у которыхъ нѣтъ ничего кромѣ «такъ приказано», это видно изъ весьма многихъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ различныхъ случаяхъ, когда на горизонтѣ виднѣлась война. Бисмаркъ тотчасъ высоко вздергивалъ знамя единства Германіи, говоря: если война станетъ неизбежна, мы не попятимся назадъ! намъ есть изъ-за чего драться! если мы прольемъ нашу кровь, то мы прольемъ ее за нашу независимость, за наше право распоряжаться своею судьбою, за то единство Германіи, которое должно сдѣлать насъ сильными и могущественными и обезпечить отъ вмешательства чужеземцевъ въ наши собственные дѣла. И слова эти тотчасъ подхватывались и повторялись каждымъ нѣмцемъ: да, мы пойдемъ драться за нашу независимость, за дорогое для насъ единство Германіи! Создавая это, Бисмаркъ смѣло двигалъ впередъ нѣмецкія полчища и безбоженно бросалъ войну, «огонь и желѣзо», «кровь» и «пштыкъ» въ основаніе всей своей политики, въ основаніе своего плана первоначально сильной Пруссіи, потомъ могущественной объединенной Германіи. Война съ тѣми, которые противились составу

одно цѣлое, воспользоваться благами «единой» Германіи, война съ тѣми, которые не хотѣли допустить образованія по сосѣдству могущественнаго воинственнаго государства, и думали положить преграду желѣзной волѣ нѣмецкаго канцлера! Война и только война, какъ средство для достиженія цѣли, все остальное—химера, химера и еще разъ химера!

Война занимаетъ такую выдающуюся роль въ политикѣ князя Бисмарка, въ его кодексѣ практической мудрости, что нельзя не поставить вопроса, какъ же смотреть онъ на войну, какой теоріи держится онъ относительно этой опасной матеріи? Князь Бисмаркъ высказываетъ убѣжденіе, что при настоящемъ положеніи Европы, при данномъ состояніи цивилизаціи, немислимы болѣе войны изъ-за какихъ-нибудь мелкихъ интересовъ, изъ-за интересовъ династическихъ, раздраженнаго самолюбія, мнимаго оскорбленія чувства достоинства того или другого лица, и что отнынѣ не можетъ быть иной войны, какъ война изъ-за крупныхъ вопросовъ, изъ-за интересовъ національных. «Теперь, говоритъ онъ, войну можно начинать не иначе, какъ вслѣдствіе національных мотивовъ, — мотивовъ, которые достаточно очевидно носили бы этотъ характеръ, чтобы огромное большинство населенія само признавало насколько мотивы эти важны; таково мое крайней мѣрѣ мое личное убѣжденіе». Устами бы князя Бисмарка да медъ пить! Онъ высказываетъ, безъ сомнѣнія, безусловную истину; такъ должно было бы быть, но говорить о томъ, что должно было бы быть, это по его же собственной теоріи совершенно пустое и ни къ чему не ведущее занятіе. Этимъ либеральнымъ взглядомъ не ограничивается князь Бисмаркъ, онъ идетъ далѣе, и въ одной изъ своихъ рѣчей, болѣе чѣмъ два года спустя, онъ признаетъ, что война, помимо того, что она не должна быть допускаема иначе, какъ изъ-за крупныхъ національных интересовъ, только тогда законна, когда она является войною оборонительною. Большаго, кажется, нельзя и желать; требовать отъ него большаго было бы и несправедливо и неразумно. Война національная и притомъ исключительно оборонительная! на этомъ не помирятся развѣ, при современномъ положеніи Европы, только рѣшительные утописты, натаптанные гдѣ-то далеко за тридцать земель и до такой степени погруженные въ теорію, что неспособны даже отличить, что въ данное время при данныхъ обстоятельствахъ практически возможно, и что практически невозможно.

Нужно ли говорить, что если Бисмаркъ утверждаетъ, что законна и справедлива только одна оборонительная война, то этому слову «оборонительная» онъ даетъ вовсе не то значеніе, которое

ему обыкновенно приписывается. Въ своихъ воззрѣнiяхъ на войну, на право войны, на ея условiя и законность князь Бисмаркъ является самымъ строгимъ послѣдователемъ и ученикомъ своего великаго предтечи Фридриха II. Какъ же смотрѣлъ на войну этотъ послѣднiй.

Разсужденiя Фридриха объ этомъ предметѣ такъ любопытны, что ихъ нельзя не привести, тѣмъ болѣе, что воззрѣнiя Фридриха вполне раздѣляетъ князь Бисмаркъ, который и ссылается въ своей рѣчи на авторитетъ «великаго короля». Недаромъ онъ учился у него политической мудрости.

«Свѣтъ былъ бы очень счастливъ, такъ разсуждаетъ Фридрихъ въ своей извѣстной критикѣ на Маккиавеля, — если бы не существовало другого средства, какъ переговоры для поддержанiя справедливости и возстановленiя мира и добраго согласiя между нацiями. Убѣжденiе употреблялось бы въ дѣло вмѣсто оружiя и вмѣсто того, чтобы рѣзаться между собою, ограничивались бы только споромъ между собою. Печальная необходимость заставляетъ правителей прибѣгать къ средствамъ несравненно болѣе жестокимъ. Есть случаи, когда нужно съ оружiемъ въ рукахъ, проповѣдуетъ либеральный Фридрихъ II, защищать свободу народовъ, которую хотять угнетать несправедливостью, когда нужно насилiемъ достигъ того, въ чемъ низость отказывается мягкости, когда монархи должны довѣрить дѣло ихъ нацiи судьбѣ оружiя. Вотъ въ одномъ-то изъ подобныхъ случаевъ становится справедливымъ тотъ парадоксъ, что хорошая война родитъ и утверждаетъ добрый миръ». Такимъ образомъ, высказавъ, что война необходима только тогда, когда угнетается свобода народа, когда надъ нимъ совершаются вопiющiя несправедливости, Фридрихъ переходитъ къ опредѣленiю, какiя войны справедливы, и это опредѣленiе вполне заимствовалъ у него Бисмаркъ. «Войны, разсуждаетъ Фридрихъ, могутъ быть оборонительныя, и эти войны, безспорно, самыя справедливыя. Бываютъ войны, которыя монархи обязаны предпринять, чтобы поддержать права, которыя у нихъ оспариваютъ; они защищаютъ ихъ съ оружiемъ въ рукахъ, и битвы рѣшаютъ вопросъ о силѣ ихъ доводовъ. Бываютъ войны изъ предосторожности, которыя правители мудро предпринимаютъ. Въ сущности это войны наступательныя, но онѣ тѣмъ не менѣе справедливы. Когда чрезмѣрное величiе державы, точно съ провидѣнiемъ будущаго, говоритъ Фридрихъ, готово, повидимому, виднн изъ береговъ и угрожаетъ поглотить вселенную, тогда благоразумiе заставляетъ противопоставить плотины и остановить бурное теченiе потока тогда, когда еще можно справиться съ нимъ».

Словомъ, всѣ войны, какія бы онѣ ни были и изъ-за чего бы ни были начаты могутъ подойти подъ ту или другую категорію, и всѣ онѣ, строго говоря, могутъ быть названы войнами оборонительными. Такъ ихъ и называетъ Бисмаркъ, который повторяетъ слова Фридриха, что «гораздо лучше предупредить другихъ, нежели самому быть предупрежденнымъ: великіе люди нивогда не имѣли случая сожалѣть, употребляя въ дѣло свои силы прежде, нежели ихъ враги успѣли принять мѣры, способныя связать имъ руки и разрушить ихъ могущество».

Съ словами Фридриха, только-что приведенными, интересно сравнить слова Бисмарка, произнесенныя имъ послѣ цѣлаго ряда войнъ въ одной изъ рѣчей, относящихся къ 1871 году. Бисмаркъ выражается почти языкомъ своего предшественника: «Г. депутатъ, говорить нѣмецкій государственный человѣкъ, подвергаетъ сомнѣнію теорію наступательной войны, предпринятой съ цѣлю обороны. Я тѣмъ не менѣе думаю, что подобная оборона при посредствѣ наступательныхъ дѣйствій весьма обыкновенна и представляется самою дѣйствительною въ большинствѣ случаевъ, и что для страны, находящейся въ такомъ центральномъ положеніи Европы, что у нея есть три и даже четыре границы, на которыхъ она постоянно можетъ подвергнуться нападению, чрезвычайно полезно слѣдовать примѣру, поданному Фридрихомъ Великимъ передъ семилѣтнею войною, когда вмѣсто того, чтобы ожидать, пока сѣть, въ которую онъ долженъ былъ попасть, распространится до его головы, онъ разорвалъ ее, быстро нанося самъ первый ударъ. По моему убѣжденію,—продолжаетъ Бисмаркъ и слова его имѣютъ весьма внушительный смыслъ,—тѣ основывать свои расчеты на весьма неразумной политикѣ и влекущей за собою тяжкую отвѣтственность, которые допускаютъ, что нѣмецкая имперія, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ виду нападенія, приготовляемаго противъ нея, быть можетъ коалиціей съ естественными силами, быть можетъ отдѣльно извѣстной державой, могла бы спокойно выжидать, пока ея противнику покажется, что самая лучшая и удобная минута наступила. Въ такомъ случаѣ, то обязанность правительства, и народъ имѣетъ право отъ него требовать—чтобы, если война дѣйствительно стала неизбежна, оно само выбрало для ея начала ту минуту, когда для страны и для націи она можетъ быть ведена съ меньшими жертвами и съ меньшей опасностью. Я могъ бы, продолжаетъ князь Бисмаркъ, привести, какъ примѣры, другіе случаи, когда было сочтено невыгоднымъ для прусскаго государства выжидать въ положеніи чисто оборонительномъ полного вооруженія своихъ враговъ, полного

осуществленія ихъ плановъ, но когда быстрое нападеніе избавило страну отъ огромныхъ жертвъ, быть можетъ отъ пораженія».

Слова князя Бисмарка и по времени, когда онѣ были произнесены, и по смыслу, вполне достойны вниманія. По времени, потому что слова эти были сказаны послѣ французской войны, послѣ того, слѣдовательно, что Германія положила къ своимъ ногамъ двухъ своихъ могущественныхъ сосѣдей, Австрію и Францію, когда двѣ границы ея находились такимъ образомъ внѣ опасности нападенія на весьма продолжительное время, и когда князю Бисмарку, казалось, нечего было болѣе вызывать грозный призракъ нападенія на нѣмецкую имперію.

Князь Бисмаркъ, какъ умный политикъ и преслѣдующій строго опредѣленную цѣль, знаетъ, что дружбою во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ государствъ можно пользоваться, можно ее эксплуатировать, какъ эксплуатировалъ Фридрихъ II дружбу Петра III, но самому по отношенію къ дружественному государству слѣдуетъ дѣйствовать такъ, какъ будто бы не существовало и тѣни нѣжной и трогательной дружбы. Вотъ отчего въ своихъ политическихъ разсужденіяхъ князь Бисмаркъ не забываетъ и русской границы и охотно дѣлаетъ предположеніе, что съ этой стороны, съ этой «границы» можетъ быть произведено нападеніе на цѣлость нѣмецкой имперіи.

Мы сказали, что вышеприведенныя слова князя Бисмарка важны не только по времени, когда они были сказаны, но и по смыслу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи они любопытны, такъ какъ объясняютъ какъ слѣдуетъ понимать оборонительную войну съ точки зрѣнія нѣмецкаго канцлера. Въ его устахъ это слово «оборонительная война» получаетъ крайне растяжимый смыслъ, и нѣтъ такой войны, которую онъ не могъ бы подвести подъ понятіе «обороны». Безопасность государства и оборонительная война,—это любимые термины князя Бисмарка.

Всякій захватъ, всякое нападеніе, лишь бы оно было сдѣлано подъ условіемъ пользы государства, его выгоды, находятъ себѣ не только оправданіе въ практической философій современнаго государственнаго человѣка типа князя Бисмарка, но какъ бы предписываются ею. Допустимъ существованіе маленькаго, безобиднаго государства, которое никому неспособно причинить вреда, но которое въ свою очередь можетъ быть легко проглочено или по крайней мѣрѣ отъ него отнята часть. Теорія оборонительной войны приложима и тутъ. Маленькое государство, всевозможными интригами и происками могло образовать коализацію изъ сильныхъ государствъ, и это одно слово «могло» достаточно, чтобы

предпринять «оборонительную войну», мало того, это маленькое государство современем могло вырасти и сдѣлаться серьезною опасностью! слѣдовательно, эту опасность нужно предупредить. Тогда же вопросъ идетъ о дѣйствительно великой державѣ, эта о приложеніи теоріи «оборонительной войны» нечего и говорить. Въ тишинѣ кабинета обдумать политическій планъ, исполнить подготовить средства къ его осуществленію, какою-нибудь придуманною комбинаціе вызвать разрывъ сношеній, поспѣть если возможно разставить сѣти такъ, чтобы самъ пропавшій запутался въ нихъ и первый объявилъ войну, затѣмъ быстро нанести заранѣе подготовленный ударъ—вотъ система, вотъ проявленіе политической мудрости, которое во всей его цѣльности осуществлялъ князь Бисмаркъ у Фридриха II.

Эта система рисуется нѣсколькими словами, въ которыхъ Фридрихъ рассказываетъ о началѣ силезской войны. Фридрихъ казался больнымъ лихорадкой въ Рейнсбергѣ, когда къ нему пришло извѣстіе о смерти Карла VI, отца Маріи-Терезіи, случившейся 26 октября 1740 г. «Доктора, рассказываетъ Фридрихъ, пропитанные насквозь старыми предрассудками, не хотѣли дать ему жизни; онъ принялъ ея несмотря на нихъ, такъ какъ, прибавляетъ онъ съ гордостью, онъ задумалъ вещи болѣе серьезныя, тѣмъ лечитъ свою лихорадку. Онъ рѣшился тотчасъ же потребовать себѣ княжества Силезскія, на которыя его домъ имѣлъ неоспоримыя права, и въ то же время онъ сталъ приготовляться поддерживать свои притязанія, еслибы потребовалось, силою оружія. Этотъ проектъ наполнялъ всѣ его политическіе виды; это было средство приобрести себѣ славу, увеличить могущество государства и повончить вопросъ объ этомъ тяжёломъ наслѣдствѣ герцога Берга...» Этотъ простой, наивный рассказъ весьма характеренъ, если всмотрѣться въ него попристальнѣе. Тутъ основаніе практической государственной философіи и его, современнаго намъ, послѣдователя. Слова о «неоспоримомъ правѣ» приложены больше для красоты, вопросъ бы мало измѣнился, если бы не было и признака какого-нибудь права. Достаточно было, что представится случай «округлить» свои владѣнія, случай удобный, представлявшій 90 на 100 шансовъ успѣха, въ виду затрудненія, въ которомъ находилась Марія-Терезія при своемъ спорномъ вступленіи на тронъ. Правитель Пруссіи увидѣлъ возможность «приобрести славу и увеличить могущество государства»—этого было словесно довольно, чтобы начать войну. Какой же бы иначе это былъ правитель Пруссіи, тѣмъ болѣе какой-бы это былъ Фридрихъ II! Вотъ этимъ-то началомъ безусловно проникся князь

Бисмаркъ, и потому только онъ и могъ создать свою теорію «оборонительной» войны.

Если въ существѣ воззрѣній на войну нѣтъ никакого различія между представителемъ практической государственной философіи XVIII-го столѣтія и представителемъ той же философіи XIX-го вѣка, то изъ этого не слѣдуетъ все-таки выводить, чтобы не было различія и во внѣшнемъ выраженіи, формѣ той и другой. Та основная черта, на которую мы имѣли случай указать—лицемѣріе, и здѣсь точно также сохраняетъ свою силу. Бисмаркъ, доказывая необходимость своихъ «оборонительныхъ» войнъ, не считаетъ нужнымъ вдаваться въ сентиментально-іезуитскія разсужденія объ ужасахъ и бѣдствіяхъ войны. Война такъ война, и дѣло съ концомъ! Само собою разумѣется, что война, влечетъ за собою бѣдствія! что прѣтъ молодежи подкашивается, что тысячи, десятки тысячъ людей остаются на всю жизнь хромыми, кривыми, калѣчными, что матери, жены, сестры оплакиваютъ своихъ сыновей, братьевъ, мужей, что труды многихъ лѣтъ, что крохи, собранныя въ потъ лица, что все это гибнетъ, летитъ въ ту бездонную пропасть, которая съ неистовствомъ все пожираетъ! Все это понятно, все это въ порядкѣ вещей, о чемъ же тутъ толковать! И князь Бисмаркъ не разсуждаетъ объ этомъ, онъ знаетъ, что когда онъ сказалъ: война! то онъ сказалъ уже все и всякія прибавленія будутъ только пустою тратою словъ.

Вовсе не такъ смотрѣлъ на это Фридрихъ Великій. Не даромъ же онъ былъ такимъ нѣжнымъ другомъ и почитателемъ Вольтера, не даромъ онъ опровергалъ «возмутительное» произведеніе Макіавеля. Почитая войну хорошимъ средствомъ для установленія своей «репутации», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ также убивался и скорбѣлъ о ея бѣдствіяхъ, какъ позволительно только самымъ горячимъ сторонникамъ лиги мира. «Я убѣждаюсь, говоритъ онъ, что если бы монархи видѣли вѣрную и истинную картину бѣдствій, навлекаемыхъ на роду однимъ объявленіемъ войны, они не остались бы безчувственны. Ихъ воображеніе не достаточно живо, чтобы представить себѣ въ настоящемъ свѣтѣ всѣ страданія, которыхъ они никогда не знали и отъ которыхъ они защищены благодаря ихъ положенію: какъ могутъ они почувствовать тяжесть налоговъ, которые давятъ народъ? исчезновеніе въ странѣ молодежи, идущей въ рекруты? заразные болѣзни, опустошающія арміи? ужасъ сраженій и еще болѣе смертоносныя осады? отчаяніе раненыхъ, лишившихся благодаря непріятельскому оружію какихъ-либо членовъ своего тѣла, единственныхъ орудій ихъ труда и ихъ существованія? горе сиротъ, у которыхъ смерть отняла ихъ

отда, единственную поддержку ихъ слабыхъ силъ? потерю столь-
кихъ людей, полезныхъ государству, которыхъ смерть скосила
прежде времени? Монархи, которые только для того бы и должны
были существовать на свѣтѣ, чтобы стараться дѣлать людей бо-
лѣ счастливыми, должны были бы хорошенъко подумать прежде,
чѣмъ подвергать ихъ изъ-за вздорныхъ и тщеславныхъ причинъ
всему тому, чего человѣчество должно по преимуществу страпиться.
Монархи, которые смотрятъ на своихъ подданныхъ какъ на сво-
ихъ рабовъ, немилосердно рискуютъ ими и безъ сожалѣнія смот-
рятъ, какъ они погибаютъ; но монархи, которые видятъ въ лю-
дяхъ равныхъ себѣ, и которые смотрятъ на народъ какъ на тѣло,
душу котораго они видятъ въ себѣ, скупы на кровь своихъ под-
данныхъ».

Вотъ элементъ той притворной и приторной гуманности, ко-
торая вносила въ практическую философію XVIII-го столѣтія и
отъ котораго, къ счастью, избавлена теорія политической мудро-
сти нашего времени. Въ этомъ отношеніи, какъ XIX-й вѣкъ опе-
редилъ XVIII-й, такъ точно Бисмаркъ опередилъ Фридриха. Дѣлая
войну единственнымъ средствомъ для осуществленія своихъ поли-
тическихъ плановъ, довольно понятно, что князь Бисмаркъ не
долженъ былъ уже стѣсняться, не долженъ былъ чувствовать себя
связаннымъ заключенными трактатами, принятыми на себя обя-
зательствами. Война господствовала надъ всѣми соображеніями.
Полезъ, выгода государства обуславливаетъ начало войны; полезъ,
выгоды обуславливаютъ ея конецъ. Сознавая необходимость за-
ключить миръ, Бисмаркъ подписывалъ трактатъ, но нужно быть
младенцомъ, чтобы думать, что какой-нибудь трактатъ когда-
либо могъ связать дѣйствія нѣмецкаго канцлера. Что такое трак-
татъ? Листъ бумаги, слова, а развѣ слова имѣютъ какое-нибудь
значеніе въ практической философіи XIX-го вѣка. Важны только
факты, дѣйствія, все остальное игрушки, годныя для дѣтей, но не
болѣе. Но тутъ «приличія» дипломатіи не позволяютъ князю Бис-
марку сохранить его обычное качество—откровенность, и онъ во-
лей-неволей подчиняется правилу: съ волками жить, по волчьимъ
закону. Вотъ чѣмъ только и объясняются увѣренія князя Бисмарка,
что Германія «имѣетъ обыкновеніе уважать трактаты». Менѣе
чѣмъ кто-нибудь онъ самъ могъ относиться серьезно къ своимъ
словамъ. Данія и Австрія знаютъ кое-что про «обыкновеніе»
Германіи уважать свои трактаты. Впрочемъ, читатель не долженъ
заключать изъ нашихъ словъ, что мы это неуваженіе къ трак-
татамъ ставимъ въ упоръ князю Бисмарку. Мы весьма далеки
отъ этого. Уваженіе къ трактатамъ было бы какимъ-то диссонан-
сомъ.

сомъ въ цѣльной фигурѣ князя Бисмарка, въ цѣльности его политическихъ воззрѣній и его образа дѣйствія, и, наконецъ, подобное обвиненіе могло бы только развѣ обличить въ полномъ незнакомствѣ съ исторіею. Когда же, спрашивается, и уважались трактаты? Нѣтъ, мы упомянули о нарушении трактатовъ только для того, чтобы сказать, что въ вопросахъ внѣшней политики у самого Бисмарка не хватало подчасъ мужества открыто сказать то, что онъ говорилъ такъ часто: я уважаю силу и презираю слова!

Бисмаркъ уважалъ силу, потому что онъ видѣлъ, что только ею можно достигнуть того, чего не въ состояніи были достигнуть идеи, вздохи, платоническіе возгласы, и нравственное томленіе нѣмцевъ. То, чего не создали идеи, то создано было штыкомъ, войною. Война была какъ-бы источникомъ единства Германіи, война довершила его, если только считать его довершеннымъ. Нѣмцы не думаютъ такъ, они не забываютъ пѣсни Морица Арндта.

Единство Германіи—какъ цѣль, война—какъ средство, слились въ понятіи Бисмарка, и только тогда, когда мы ни на минуту не упустимъ изъ виду этой цѣли и этого средства, передъ нами со всею ясностью раскроются воззрѣнія нѣмецкаго канцлера какъ на систему обращенія съ побѣжденными народами, такъ и на отношенія Германіи къ иностраннымъ государствамъ и по преимуществу къ ея ближайшимъ сосѣдямъ: Австріи, Франціи и Россіи. Къ опредѣленію этихъ-то именно воззрѣній мы и должны теперь перейти.

IX.

Воззрѣнія князя Бисмарка на внѣшнюю политику, на отношенія сначала Пруссіи, потомъ Германіи, какъ къ иностраннымъ государствамъ, такъ и къ присоединеннымъ и завоеваннымъ областямъ, находятся въ самой тѣсной, неразрывной связи съ исторіею Германіи за послѣднія десять лѣтъ. Если бы мы задались задачею прослѣдить систему и образъ дѣйствій Бисмарка во всемъ ея объемѣ, во всѣхъ подробностяхъ, то задача эта равнялась бы задатъ написать исторію Германіи съ 1862 по 1872 г. Написать же исторію Германіи за эту обильную событіями эпоху, значило бы написать не только исторію Германіи, но исторію Европы, такъ какъ страна Бисмарка, благодаря его энергичной и мощной политикѣ, сдѣлалась центромъ, вокругъ котораго, точно вокругъ солнца, вращались всѣ остальные европейскія государства. Само собою разумѣется, что мы весьма далеки отъ такой

задачи. Мы ограничимся только самыми крупными, выдающимися событиями, и этихъ событій будетъ слишкомъ достаточно, чтобы познакомиться по нимъ съ системой внѣшней политики князя Бисмарка и съ немногими основными положеніями его практической мудрости. Бисмаркъ сыгралъ до сихъ поръ три замѣчательныя шахматныя партіи, замѣчательныя по необыкновенно искусному сочетанію ходовъ, по той смѣливости и сообразительности, съ которой онъ предвидѣлъ ходы своихъ противниковъ, и по той необыкновенной ловкости, съ которою онъ извлекалъ выгоду для своего положенія изъ каждаго передвиженія самой легкой пѣшки своихъ партнеровъ. Эти три партіи были: датская, австрійская и французская войны. Завязка, развитіе и развязка или прологъ, дѣйствія и эпилогъ этихъ событій слишкомъ извѣстны нашимъ читателямъ, такъ что мы смѣло можемъ опустить всю фактическую ихъ сторону и пользоваться ими лишь настолько, насколько понадобится для уразумѣнія началъ той практической философіи, которая нашла себѣ въ князѣ Бисмаркѣ такого типическаго представителя.

Цѣль Бисмарка была собрать всѣ нѣмецкія земли въ одно почтенное цѣлое, но цѣль эта встрѣчала себѣ препятствія съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, препятствіе это заключалось въ нежеланіи самихъ нѣмецкихъ государствъ утратить дѣйствительную независимость и самостоятельность и сохранить только одну фактивную, съ другой—онъ встрѣчалъ преграду для осуществленія своего плана въ другихъ европейскихъ государствахъ, границы которыхъ были смежны съ границей Германіи. Эти государства находили стѣснительнымъ и не совсѣмъ безопаснымъ образованіе рядомъ съ собою могущественной военной державы. Австрія, какъ извѣстно, сама желала играть роль Германіи и злобно ворчала, когда князь Бисмаркъ предлагалъ ей обратить свои взоры болѣе на востокъ и предоставить одной Пруссіи заботу о судьбѣ Германіи. Прежняя носительница императорской короны, очевидно, не могла на это согласиться добровольно.

Для Франціи, этого другого сосѣда Германіи, привившей не только къ нравственному, или, если можно такъ выразиться, цѣльному, но и къ политическому первенству въ Европѣ, возникновеніе единой Германіи, и притомъ не такой, какую пророчествовали Лессинги, Фихте и Берне, и не такой, которую почти всѣ орожающіе лѣтъ предсказывали передовые французскіе писатели, приготовляя къ этому событію свою родину, но Германіи, до юга востокъ пропитанной выправкою Фридриха II, и обладающей сильною военною организаціею, сильною потому, что она

находится въ связи съ системою нѣмецкаго образованія, — возникновеніе такого государства для Франціи было тяжелымъ кошмаромъ, который она съ трудомъ могла переносить. Создайся та идеальная единая Германія, о которой мечтали люди непрактическіе, фантазеры, будь французское общество на болѣе высокомъ нравственномъ уровнѣ, не поддайся оно деморализаціи, внесенной имперіей, тогда, безъ сомнѣнія, возникновеніе Германіи не было бы кошмаромъ для Франціи. Но исторія не обращаетъ никакого вниманія на всѣ эти условныя «создайся» «будь», и судьба, точно злая мачиха, вовсе не безцоконится о мирномъ и радостномъ устройствѣ судьбы человѣчества и, какъ на зло людямъ, самыя свѣтлыя улыбки расточаетъ не мечтателямъ и идеалистамъ, а такимъ суровымъ реалистамъ и практическимъ людямъ, какъ князь Бисмаркъ.

Вотъ, сопротивленіе этихъ-то сосѣдей, для которыхъ единая Германія являлась точно бѣльмо на глазу, и сопротивленіе нѣмецкихъ государствъ, которыя упорно отказывались понять до послѣдней минуты, въ чемъ заключается для нихъ благо утратить свою самостоятельность, долженъ былъ сломить Бисмарка. Задача, благодаря общему опустившемуся уровню Европы, оказалась какъ разъ по его силамъ. Каждая страна думала только о себѣ, и нисколько объ общемъ положеніи Европы, каждое государство видѣло только данную минуту и было, повидимому, слѣпо настолько, что вовсе теряло способность смотрѣть въ даль и разглядѣть не то, что случится черезъ болѣе или менѣе крупный періодъ времени, а то, что должно быть завтра. Поразительное отсутствіе проницательности, какая-то куриная слѣпота — вотъ характеристическая черта, отличавшая государства Европы за весь періодъ политической дѣятельности Бисмарка. Онъ одинъ умѣлъ соображать, онъ одинъ понималъ истинную связь и свѣтленіе событій. Что же касается до того, чтобы воспользоваться своею проницательностію и чужою, точно повальной слѣпотой, то этою способностью его одарила природа, какъ никого.

Кромѣ Австріи и Франціи у Германіи оставался еще только одинъ могущественный сосѣдь, но этотъ сосѣдь добровольно отстранился отъ игры, и Бисмарку не только нечего было безпокоиться о немъ, но онъ извлекъ изъ него всю выгоду, какую только было возможно, и ему ничего не стоило воспользоваться имъ такъ, какъ будто бы интересы Германіи и этого третьяго сосѣда были вполне солидарны. Этотъ сосѣдь не кто иной какъ Россія. Разумѣется, только одно будущее можетъ показать, такъ ли солидарны интересы Россіи и Германіи, какъ то, повидимому,

думали, и въ интересахъ ли Россіи было допускать непомѣрное усиленіе Германіи.

Ошибочно было бы выводить изъ нашихъ словъ, будто мы думаемъ, что кабая-нибудь страна на свѣтѣ можетъ и имѣть нравственное право остановить естественное развитіе, естественный ростъ другой страны. Германія, безъ всякаго сомнѣнія, имѣла право на свое единство, какъ и всякая другая страна, и никакая сила неспособна была бы задавить этого стремленія и не допустить до единства, лишь только нѣмецкій народъ возмѣнилъ твердое намѣреніе слиться въ одно цѣлое. Но еще большая разница между тѣмъ, чтобы быть равнодушнымъ и даже симпатичнымъ зрителемъ образованія единой Германіи, и дѣятельнымъ бездѣйствіемъ къ вызвышенію сосѣдней страны на счетъ другихъ государствъ. Большая разница между естественными народными стремленіями и стремленіями чисто завоевательнаго свойства. Настолько же, насколько одни законны, настолько же беззаконны другіе.

Въ послѣдніе годы, по поводу быстрого возвышенія нѣмецкой имперіи, во всевозможныхъ политическихъ разсужденіяхъ было наговорено столько дикого, внесено было столько путаницы въ вопросъ о выгодѣ и невыгодѣ возвеличенія того или другого государства, опасности или, напротивъ, пользы сосѣдства сильнаго народа, что и тутъ необходимо оговориться, чтобы не быть отнесеннымъ къ числу людей, которые на всѣ политическіе вопросы смотрятъ съ какой-то узкой, улиточной точки зрѣнія. Толки объ опасности для одного народа сосѣдства другого могущественнаго народа принадлежать къ самымъ нелѣпымъ толкамъ. Слабость, политическая ничтожность сосѣдняго народа можетъ казаться выгодною только самымъ недалекимъ политикамъ. Весь существующій политическій строй не стоилъ бы мѣднаго гроша, если бы для благосостоянія, процвѣтанія и спокойнаго существованія одного государства необходимо было бы, чтобы другіе окружающіе или сосѣдніе народы были лишены всякой политической силы. Вопросъ не въ большемъ или меньшемъ могуществѣ сосѣдняго народа, а въ тѣхъ началахъ, которыя составляютъ его мощь, его силу. Пусть будутъ Сѣверо-американскіе штаты двадцать разъ могущественнѣе всей Европы, взятой вмѣстѣ, они все-таки не опасны и не могутъ быть опасны, хотя бы они находились не за океаномъ, а тутъ же, рядомъ, подъ бокомъ. Не опасно было бы ихъ сосѣдство, потому что среди началъ, составляющихъ ихъ могущество, лежитъ столько же ревнивое охраненіе ихъ независимости и свободы, сколько строгое уваженіе къ свободѣ и

независимости другихъ народовъ. Съ этимъ уваженіемъ къ свободѣ другихъ народовъ несовмѣстима, разумѣется, завоевательная политика. Мы предпочли бы взять для примѣра какой-нибудь европейскій народъ, но это уже не наша вина, если за отсутствіемъ такого въ Европѣ, мы вынуждены указывать для поясненія нашей мысли на другую страну свѣта. Мы весьма далеки отъ мысли, чтобы, говоря вообще, сосѣдство могущественной Германіи было для насъ опасно.

Мы полагаемъ, напротивъ, что сосѣдство Германіи, какъ бы сильна она ни была, благодаря своему высшему развитію, благодаря высшей цивилизаціи, будетъ какъ нельзя болѣе выгодно для Россіи, но только тогда, когда Германія отрѣшится отъ началъ практической философіи, какъ выражаются они въ князѣ Бисмаркѣ, и смѣло пойдетъ на встрѣчу тѣмъ идеямъ и тѣмъ началамъ жизни, которыя составляютъ пока удѣлъ такихъ странъ, какъ Англія. Во всякомъ случаѣ Германія гораздо прежде Россіи усвоить себѣ эти начала государственной жизни, такъ какъ и теперь уже нѣмцы гораздо къ нимъ ближе, чѣмъ мы, и тогда сосѣдство ея будетъ для насъ столь же выгодно, какъ было для Германіи дорого и важно сосѣдство либеральной и богатой политическими и социальными идеями Франціи. Что сосѣдство Франціи имѣло самое благотѣльное вліяніе на политическое развитіе Германіи, это могутъ отрицать развѣ только нѣмцы, незнакомые съ исторіей, а если и знакомые, то опьяненные до безпамятства событіями послѣднихъ десяти лѣтъ. Пусть эти нѣмцы спросятъ мнѣнія своихъ самыхъ замѣчательныхъ по развитію и уму людей, пусть заглянутъ они въ Шлоссера, Гервинуса и Штрауса, хотя и нѣсколько зачумленного уже военною славою, и они увидятъ, какъ говорятъ эти люди о благотворномъ вліяніи Франціи. Такое же значеніе, есть много основаній предполагать, будетъ имѣть для Россіи Германія, ея ближайшій сосѣдъ. Когда Германія твердо установится на разумныхъ началахъ и, понявъ всю важность свободы и независимости для себя, не станетъ находить ихъ излишними и для другихъ, тогда пускай она будетъ еще сильнѣе, чѣмъ теперь, намъ нечего будетъ ея опасаться.

До тѣхъ же поръ вопросъ стоитъ нѣсколько иначе. Германія можетъ быть опасна, и весьма серьезно опасна для Россіи, если только она усвоитъ себѣ завоевательную политику, начало которой, безспорно, положено завоеваніемъ Эльзаса и Лотарингіи. Труденъ только первый шагъ, говорятъ французы, а если онъ сдѣланъ, то нѣтъ причины останавливаться, когда сознаешь себя

силѣе другихъ. Едва ли кто можетъ поручиться, что Германія не пойдетъ далѣе на этомъ пути, и какъ «округлила» свои западныя границы, такъ точно пожелаетъ «округлить» и восточныя. Предсказывать будущее самое неблагоприятное дѣло, и не мы, конечно, рискуемъ занимать читателя нашими пророчествами; но высказать желаніе, чтобы тѣмъ европейскимъ державамъ, которыя своими дѣйствіями или, что одно и то же, своимъ дѣятельнымъ бездѣйствіемъ помогли усиленію Германіи на счетъ одного изъ своихъ сосѣдей, не пришлось горько раскаиваться за свою политику,—это позволительно каждому смертному.

Европейскія державы имѣли полное основаніе, когда увидѣли, что Германія князя Бисмарка вступаетъ на опасный для ихъ спокойствія путь завоевательной политики, напомнить ей приведенныя уже нами слова Фридриха II: «когда чреватѣрное величіе державы готово, повидимому, выйти изъ береговъ и угрожаетъ поглотить вселенную, тогда благоразуміе заставляетъ противопоставить ей плотину и остановить бурное теченіе потока». Европейскія державы не только не старались остановить этого потока, но, напротивъ, постарались расчистить ему русло для болѣе беспрепятственнаго теченія, и если бы кто-нибудь могъ проникнуть въ сокровенныя мысли князя Бисмарка, быть можетъ онъ поймалъ бы нѣмецкаго канцлера на думѣ: а славно я провелъ моихъ добрыхъ сосѣдей! Но, не будучи въ состояніи проникнуть въ тайныя думы человѣка, стоящаго во главѣ политической Европы, постараемся по крайней мѣрѣ не ошибаться и постигнуть истинный смыслъ его словъ и рѣчей, касающихся внѣшней политики, направленной къ созданію не только единой, но и могущественно-грознай Германіи.

Фигура Бисмарка во всемъ, что касается внѣшней политики, является несравненно болѣе замѣчательною и выдающеюся, нежели въ вопросахъ внутренней политики. Его отличительными чертами въ послѣдней служатъ, какъ видѣлъ уже читатель, большая энергія, настойчивость, сила недюжинной деспотической натуры. Но рядомъ съ этими чертами нельзя было не отмѣтить въ немъ отсутствіе всякой послѣдовательности, проистекающей отъ недостатка общаго политическаго міросозерцанія на внутреннюю жизнь народа, бѣдности идей, и отсюда непониманіе связи между однимъ и другимъ началомъ политической жизни націи. Совсѣмъ другое во внѣшней политикѣ. Тутъ онъ знаетъ, чего хочетъ, тутъ у него есть строго обдуманнѣйшій планъ, какъ относительно цѣли, такъ и относительно средствъ, и потому въ каждомъ его дѣйствіи, въ каждомъ шагѣ видна строгая послѣдовательность.

То, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ не случайно, онъ не бросается то въ одну, то въ другую сторону, тутъ все у него выжето, одно событіе примыкаетъ къ другому и образуется цѣлая крѣпкая непрерывная цѣпь, которою онъ окручиваетъ всѣ государства, интересы которыхъ соприкасаются съ интересами Германіи. Энергія и сила, отличающія внутреннюю политику, отличаются и внѣшнюю, но тутъ рядомъ съ ними является большое искусство, умѣнье во-время приложить эту энергію и эту силу и во-время сдерживать «бурный потокъ». Только тогда, когда Бисмаркъ высказывается въ вопросахъ внѣшней политики, видишь, что человекъ этотъ въ своей сферѣ, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ не для того только, чтобы подчинить своей волѣ, но чтобы дать возможность осуществиться извѣстному плану. Нужно быть пристрастнымъ до несправедливости, чтобы не видѣть, что нѣмецкій канцлеръ во внѣшней политикѣ дорожитъ своими идеями не столько потому, что это его идеи, сколько потому, что онъ думаетъ, что эти идеи доставятъ торжество Германіи. Если бы интересы его родины заставили его отказаться отъ этихъ идей, онъ съ удовольствіемъ бы покинулъ ихъ и подчинилъ благу государства. Мы хотимъ этимъ сказать, что князь Бисмаркъ во внѣшней политикѣ далеко не принадлежитъ къ тѣмъ узкимъ, самолюбивымъ политикамъ, которые скорѣе готовы пожертвовать счастьемъ своей страны, нежели отказаться отъ извѣстныхъ, давно усвоенныхъ идей. Сильный и энергичный, онъ чуждается мелкаго самолюбія мелкихъ государственныхъ людей. Это такое достоинство, которое въ современномъ политическомъ мірѣ встрѣчается вовсе не такъ часто, чтобы не поставить его въ заслугу всегда гордому и непреклонному нѣмецкому министру.

Внѣшняя политика—его сила, на внѣшнюю политику были направлены, главнымъ образомъ, всѣ его помыслы, всѣ его заботы; вопросы внутренней жизни стояли всегда у него на заднемъ планѣ. Бисмаркъ былъ вполне отерожененъ въ ту минуту, когда, возражая на упрекъ, что онъ изъ внѣшней политики дѣлаетъ только орудіе внутренней политики, орудіе въ борьбѣ правительства съ парламентскими притязаніями, отвѣчалъ: «Я отвергаю этотъ упрекъ, какъ совершенно незаслуженный и ничѣмъ неоправдываемый. Для меня внѣшнія дѣла сами по себѣ составляютъ цѣль и я ставлю ихъ выше всѣхъ другихъ. И вы, господа, говорилъ Бисмаркъ, вы должны были бы думать точно также, какъ и я, такъ какъ то, что вы могли потерять во внутренней жизни, вы получите возможность, безъ сомнѣнія, быстро наверстать при какомъ-нибудь либеральномъ министерствѣ, кото-

рое, быть может, не долго заставить себя ждать. Это вовсе не личная потеря. Но во внешней политикѣ есть минуты, которыя никогда болѣе не возвращаются. Такою минутою онъ считалъ истекшій десяти-лѣтній періодъ, и онъ ковалъ желѣзо, пока оно было горячо.

Бисмаркъ былъ бы уже слишкомъ скромнѣе, еслибы онъ всѣ успѣхъ своей политики приписывалъ исключительно благоприятнымъ для Германіи условіямъ, въ которыхъ находилась Европа. Если справедливо, что никто не умѣетъ въ такой степени пользоваться выгодными обстоятельствами, какъ нѣмецкій канцлеръ, то также справедливо будетъ сказать, что вмѣстѣ съ умѣньемъ извлекать всю возможную пользу изъ сложившихся по воли обстоятельствъ, Бисмаркъ обладаетъ другимъ, болѣе драгоценнымъ искусствомъ — создавать обстоятельства. Онъ умѣетъ давать событіямъ такое направленіе, какое необходимо для его плановъ, для достиженія цѣли, и тѣ, которые становятся жертвами его дипломатическаго искусства, уже слишкомъ поздно замѣчаютъ, что событія, которымъ они содѣйствовали всѣми своими силами, должны были неминуемо вести къ ихъ ущербу, къ ихъ гибели. Когда они одумаются и захотятъ поправить то, чему виною была непроницательность, то они убѣждаются, что тутъ-то именно и ожидалъ ихъ «устроитель» Германіи. Смѣлымъ ходомъ Бисмаркъ предупреждаетъ отпоръ, направленный противъ его политики, и пользуется самымъ сопротивленіемъ, которое, наконецъ, онъ встрѣчаетъ въ томъ или другомъ государствѣ, чтобы еще болѣе сжать своего противника. Но не слѣдуетъ думать, что смѣлость, доходящая до дерзости, нѣмецкаго канцлера, исключаетъ у него всякую осторожность. Вовсе нѣтъ. Осторожность онъ искусно соединяетъ съ какой-то бравадой, и какъ онъ самъ выражается: смѣлость въ политикѣ никогда не должна превращаться въ легкомысленный рискъ.

Бисмаркъ во внешней политикѣ естественно не можетъ быть настолько же откровеннѣе, насколько онъ является во внутреннихъ дѣлахъ; современная дипломатія требуетъ скрытности, и нѣмецкій канцлеръ старается не уклоняться отъ этого требованія. Но и тутъ, если бы сосѣди Германіи внимательно слѣдили за нимъ тѣмъ, что высказывалъ въ палатѣ князь Бисмаркъ, то, благодаря его природной склонности къ откровенности, которая и тутъ, то тамъ, да прорвется, они бы могли убѣдиться, что миролюбивыя увѣренія нѣмецкаго министра такъ и дышать воинственными помыслами. Бисмаркъ таилъ ихъ въ себѣ до поры до времени; онъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, знаетъ, что умѣть выждать

минуты — это большое достоинство, и онъ выжидать. Придавая силѣ, факту, первенствующее значеніе, онъ не упускаетъ изъ виду и того нравственнаго впечатлѣнія, которое должна произвести его политика. Вотъ отчего онъ взялъ себѣ за правило во внѣшней политикѣ, когда онъ рѣшался сломить силу того или другого со-сѣда, такъ подстроить обстоятельства, установить для глазъ по-стороннихъ зрителей такую декорацію, чтобы всегда имѣть воз-можность сказать: Европа можетъ быть свидѣтельницею, что не Германія первая обнажила свое оружіе, не она вызывала на бой, напротивъ, Германія самая мирная изъ всѣхъ державъ, и если она рѣшилась на пролитіе крови, то только потому, что врагъ угрожалъ ей «безопасности», что нужно было забо-титься о спасеніи ея «независимости». Наивные люди принимали на вѣру, что независимости Германіи дѣйствительно угрожала опасность; мастерски написанная декорація обманывала глазъ и скрывала истинные смѣлые замыслы нѣмецкаго канцлера.

Другое правило внѣшней политики Бисмарка, не менѣе по-учительное, можетъ быть выражено такъ: никогда не слѣдуетъ срывать недозрѣвшаго плода! Правда, онъ весьма часто пособляетъ ему созрѣть скорѣе, сосредоточивая на немъ съ большимъ искус-ствомъ лучи политическаго солнца, но пока плодъ не созрѣлъ, пока онъ не можетъ быть снятъ съ увѣренностью, что будетъ съ аппетитомъ проглоченъ и безъ опасности засорить желудокъ, онъ оставляетъ его на деревѣ. Онъ съ удовольствіемъ однимъ заря-домъ убьетъ при случаѣ двухъ зайцевъ, но стрѣлять на рискъ, на удачу, никогда! Когда Бисмаркъ увѣренъ, что нѣсколько раньше или нѣсколько позже онъ достигнетъ того, что желаетъ, то онъ не торопится, не горитъ нетерпѣніемъ поскорѣ схватить кладъ въ свои руки. Для того, чтобы получить большее, но не совсѣмъ вѣрное, онъ никогда не станетъ рисковать вѣрнымъ, тѣмъ меньшимъ, которое онъ уже держитъ въ рукахъ. Много разъ онъ обращался къ палатѣ со словами: терпѣніе, господа, терпѣніе, не все вдругъ, умѣйте довольствоваться тѣмъ, что имѣете, все придетъ въ свое время!

Въ систему внѣшней политики князя Бисмарка входитъ еще одно положеніе, заимствованное имъ прямо, какъ и многое дру-гое изъ кодекса практической мудрости Фридриха. Положеніе это — подписывать трактаты съ прямымъ намѣреніемъ не стѣснять себя соблюденіемъ ихъ. Мы имѣли случай уже привести тѣ слова нѣмецкаго канцлера, въ которыхъ онъ такъ торжественно заяв-ляетъ, что Германія имѣетъ обыкновеніе свято хранить трактаты. Но нужно думать, что слова были ничѣмъ инымъ, какъ такъ-

называемымъ ораторскимъ движеніемъ. Истинное же правило Бисмарка заключается въ соблюденіи только того, что выгодно и въ забвеніи того, что связываетъ руки. Бисмарку случалось даже быть настолько откровеннымъ, чтобы публично заявлять, что если въ трактатъ занесена та или другая невыгодная статья, то это нисколько не должно смущать общественнаго мнѣнія, такъ какъ статья трактата можетъ быть толкуема и такъ, и иначе. Такъ рассуждалъ Бисмаркъ въ палатѣ немедленно послѣ заключенія пражскаго мира по поводу статьи трактата о возвращеніи Даніи сѣвернаго Шлезвига. И это правило практической философіи нашего времени высказывалось совершенно свободно, какъ самая обыкновенная вещь. Если бы Бисмарку кто-нибудь замѣтилъ, что едь въ сущности это доказываетъ только отсутствіе политической честности, что въ переводѣ на обыкновенный языкъ это называется вѣроломствомъ, онъ, весьма вѣроятно, только усмѣхнулся и сказалъ бы: полноте, пожалуйста, оставьте эти разсужденія фатализерамъ и идеалистамъ! Правила обыденной честности, будничное пониманіе долга вовсе непримѣнимы къ такому государственному человѣку, да непримѣнимы вообще къ современной политикѣ. Бисмарку вовсе нѣтъ дѣла до условной политической честности; для него она заключается въ служеніи интересамъ государства, въ извлеченіи пользы для имперіи, и если бы, действуя «честно», съ точки зрѣнія различныхъ идеалистовъ, онъ упустилъ бы интересы, выгоду государства — вотъ когда бы онъ сказалъ, что онъ не исполнилъ своего долга. Когда девизомъ чловека служить: *salus imperii suprema lex esto!* тогда обыденнымъ аршиномъ нельзя болѣе мѣрить чловека.

Этотъ *salus imperii* служить основаніемъ воззрѣній Бисмарка и на отношенія его къ присоединеннымъ и завоеваннымъ областямъ и провинціямъ. Воля населенія не имѣетъ для него ровно никакого значенія. Народъ не желаетъ, всячески протестуетъ противъ присоединенія къ Германіи; Бисмарку весьма жаль, но дѣлать нечего, онъ, тѣмъ не менѣе, долженъ быть присоединенъ, такъ какъ иначе «независимость» и «безопасность» Германіи лишится необходимыхъ гарантій; какъ только выгода его страны требуетъ чего-нибудь, тогда всякія другія разсужденія уходятъ на самый отдаленный планъ, и они никогда даже не долетятъ до слуха князя Бисмарка. Не долетятъ потому, что онъ не захочетъ ихъ услышать. Мгновенное сопротивленіе должно быть энергически подавлено; князь Бисмаркъ обойдется жестоко, онъ будетъ неумолимъ, но вовсе не потому, чтобы онъ былъ жестокъ, напротивъ, онъ будетъ радъ, если большая мягкость, обходитель-

ность, уступчивость въ вопросахъ второстепенныхъ въ состояніи будущъ замѣнить жестокость и безсердечіе. Если же нѣтъ, дѣлать нечего, того требуетъ тогда *salus imperii*. Безцѣльно жестокъ Бисмаркъ никогда не будетъ. И не потому, чтобы природныя его свойства играли тутъ какую-нибудь роль; мы даже не знаемъ, жестокимъ или мягкимъ сердцемъ обладаетъ князь Бисмаркъ, и вопросъ этотъ, какъ неидущій къ дѣлу, предоставляемъ рѣшать его многочисленнымъ біографамъ. Нѣтъ, какъ человѣкъ, одаренный глубокимъ политическимъ смысломъ, воспитанный, какъ бы то ни было, на европейской, цивилизованной почвѣ, онъ просто понимаетъ, что притѣсненія, месть никогда не въ силахъ установить прочнаго порядка, онъ понимаетъ выгоду быть мягкимъ и уступчивымъ. Еслибы онъ былъ убѣжденъ въ противномъ, его обычною системою была бы жестокость, а мягкость являлась бы какъ исключеніе.

Таковы общія воззрѣнія и правила Бисмарка, относящіяся ко внѣшней политикѣ. Посмотримъ теперь, какъ онъ примѣняетъ ихъ къ дѣлу, и начнемъ съ его системы обращенія съ побѣжденными, или, чтобы употребить болѣе современный и дипломатическій терминъ, — съ присоединенными областями.

Пробнымъ камнемъ для Бисмарка въ его завоевательной политикѣ послужилъ тотъ несчастный Шлезвигъ-Гольштейнъ, который въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣлъ до такой степени набить оскомину обществу, интересующемуся вопросами внѣшней политики, что въ настоящее время нужно имѣть извѣстную храбрость, чтобы написать эти два слова: Шлезвигъ-Гольштейнъ! Не имѣя вовсе надобности касаться фактической стороны этого вопроса мы должны все-таки посмотрѣть на образъ дѣйствій князя Бисмарка въ то отдаленное по событіямъ время, когда онъ смѣлъ приступалъ къ закладкѣ своего зданія. На первыхъ же порахъ система его обрисовалась вполне; при видѣ, съ какою ловкостью онъ воспользовался такъ вѣстатіи подвергнувшимся случаемъ, чтобы начать дѣло «округленія» Пруссіи, нельзя было не признать въ немъ весьма искуснаго, изъ ряда вонъ выходящаго дипломата. Кому неизвѣстно, какая басня была сочинена относительно нарушенія Даніею лондонскаго трактата 1852 года, обещавшаго за герцогствами Шлезвигъ-Гольштейнъ ихъ провинціальную автономію. Данія не исполнила обязательствъ, Даніи слѣдовало заставить смириться, «нѣмецкіе» интересы были нарушены. Дѣло могло кончиться, это само собою разумѣется, весьма мирно, Данія охотно уважила бы справедливыя представленія державъ, подписавшихъ лондонскій трактатъ, но это вовсе и

ходило въ расчеты князя Бисмарка, и первое, съ чего онъ начиналъ,—это съ громкихъ возгласовъ о «датскомъ угнетеніи» герцогствъ. Бисмарку нужно было увѣрить, что «угнетеніе» это весьма серьезно, и онъ продолжалъ толковать о немъ даже тогда, когда населеніе герцогствъ всяческими протестами стало заявлять, что оно вовсе не нуждается въ покровительствѣ нѣмецкихъ государствъ и просить лишь о томъ, чтобы его оставили въ покоѣ.

Изъ многочисленныхъ рѣчей князя Бисмарка, посвященныхъ Шлезвигъ-Гольштейнскому вопросу, ясно видно, насколько война съ Данією была орудіемъ въ его рукахъ. «Намъ стоить только натянуть струну—говорить онъ,—и необходимость войны представится сама собою». Бисмаркъ «натянулъ струну»—и война началась. Пруссія вышла изъ періода «сосредоточенія», и послѣ пятидесятилѣтняго мира она обнажила свой мечъ на защиту чисто платоническихъ интересовъ. Пруссія не могла оставаться равнодушною свидѣтельницею «угнетенія» нѣмецкаго населенія и обрушилась на Данію безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей. Вотъ что говорилось въ то время.

До окончанія войны Бисмаркъ тщательно скрывалъ свои намеренія, но за то, какъ только миръ былъ подписанъ, какъ только Шлезвигъ-Гольштейнъ былъ уступленъ Данією Пруссіи и Австріи, такъ тотчасъ Бисмаркъ раскрылъ свои планы. «Я полагаю,—говорилъ онъ,—что для герцогствъ будетъ гораздо выгоднѣе сдѣлаться членами большой прусской общины, нежели образовывать отдѣльное маленькое государство, обремененное тягестями, превышающими его силы». Это «я полагаю» на языкѣ Бисмарка означало—«я рѣшилъ», и затѣмъ никакія силы неспособны уже были заставить его измѣнить это рѣшеніе.

Не входя въ обсужденіе, какимъ образомъ совершилось присоединеніе Шлезвигъ-Гольштейна къ Пруссіи, мы должны спросить только, какими правилами, какими началами руководствовался Бисмаркъ, «присоединяя» къ Пруссіи оторванное отъ Даніи населеніе? Играетъ ли тутъ какую-нибудь роль принципъ національностей? Никакой, и Бисмаркъ съ большою откровенностью высказываетъ это въ своихъ рѣчахъ. Притомъ же принципъ національности мудрено было въ этомъ случаѣ проводить нѣмецкому министру въ виду рѣшительно заявленнаго населеніемъ желанія остаться въ неразрывной связи съ Данією. Какой же другой принципъ можно было выставить для оправданія насильственнаго присоединенія? Одинъ только, и именно тотъ, который съ такимъ прамодушіемъ выставилъ Бисмаркъ,—это прин-

ципъ всякой завоевательной политики, принципъ не новый, но только усовершенствованный, принципъ государственной пользы.

Въ доброе старое время, да пожалуй и до настоящаго времени, многіе государственные люди, или, по крайней мѣрѣ, которые считаютъ себя таковыми, полагали и полагаютъ, что расположение, хорошее или дурное, присоединеннаго населенія не имѣетъ ровно никакого значенія, что для государства вполне безразлично, особенно когда есть значительныя «усмиряющія» или, чтобы выразится приличнѣе, «умиротворяющія» силы, какъ настроено это населеніе, какія чувства питаетъ оно къ государству-присоединителю. Бисмаркъ вовсе не держится подобнаго отсталаго взгляда. «Мое мнѣніе, — говоритъ онъ, — всегда было таково, что населеніе, которое заявляетъ свое твердое и дѣйствительно неоспоримое желаніе не быть прусскимъ или нѣмецкимъ, которое заявляетъ неоспоримую волю присоединиться къ сосѣднему государству, къ которому оно непосредственно примыкаетъ и которое принадлежитъ къ той же самой національности, не прибавляетъ никакой силы тому государству, съ которымъ оно не хочетъ жить вмѣстѣ». Лучше, кажется, нельзя. Истинно либеральный государственный человѣкъ могъ смѣло бы подписаться подъ этими словами. Но княземъ Бисмаркомъ руководить въ этомъ случаѣ вовсе не либерализмъ. Слова его только доказываютъ, что иногда его принципъ государственной выгоды можетъ встрѣтиться съ принципомъ выгоды государства, выгоды, понимаемой нѣсколько иначе, нѣсколько шире, нежели понимаетъ его князь Бисмаркъ.

Для нѣмецкаго канцлера нежеланіе населенія само по себѣ не имѣетъ значенія, оно важно для него настолько, насколько вліяетъ на ту степень увеличенія силы, которую находитъ государство въ присоединеніи къ себѣ того или другого населенія. Вотъ почему, какъ скоро для государства оказывается выгодно присоединить къ себѣ извѣстную провинцію, то нежеланіе ея терять уже всякое значеніе, и она присоединяется несмотря на то, что не можетъ придать силы присоединяющемуся государству. Бисмаркъ прекрасно это объясняетъ. «Можно имѣть однако такія важныя причины, которыя не позволяютъ уступать желаніямъ населенія; могутъ существовать преграды географическаго свойства, которыя дѣлаютъ невозможнымъ выполненіе этихъ желаній. Нужно только опредѣлить, въ какой степени примѣняется это къ настоящему случаю. Вопросъ открыть; во всякомъ случаѣ, обсуждая его, мы высказали съ твердостью, что мы никогда не можемъ пойти на то, чтобы посредствомъ какаго бы

то ни было соглашенія, наша военная оборонительная линія была ослаблена...» Такимъ образомъ, если бы военная оборонительная линія, какъ называетъ Бисмаркъ границы государства, потребовала присоединенія совершенно чуждой Германіи области, и если бы притомъ была возможность завоевать ее, то, по возрѣнію князя Бисмарка, никакія постороннія соображенія не могутъ быть приняты во вниманіе. А кому не извѣстно, что «военная оборонительная линія» быстро подвигается впередъ и впередъ по мѣрѣ возрастанія могущества государства. Въ 1864 г. эта оборонительная линія потребовала, чтобы на сѣверѣ Германіи была отторгнута цѣлая область отъ Даніи, въ 1871 году она же потребовала для своего самосохраненія Эльзаса и Лотарингіи на западѣ; кто знаетъ, не потребуетъ ли она присоединенія кое-чего и на восточной границѣ въ какомъ-нибудь 187? году.

Однимъ словомъ, по поводу Шлезвигъ-Гольштейнскихъ герцогствъ совершенно ясно обнаружилась уже завоевательная политика Бисмарка. Едва ли въ XIX в. кто-нибудь, кромѣ Бисмарка, такъ смѣло бросалъ вызовъ тѣмъ понятіямъ, которыя вызваны были къ жизни французскою революціею прошлаго столѣтія. Право народа свободно располагать своею судьбою, уваженіе къ его независимости, признаніе святости его воли—все это, какъ ненужный балластъ, было выброшено за бортъ политической жизни, и вмѣсто теоретическаго принципа «правъ народа», былъ поставленъ принципъ практическій: «право сильнаго». Когда Наполеонъ I завоевалъ себѣ народы и цѣлыя царства раздавалъ какъ мучины своимъ приближеннымъ, трусость передъ принципами, несмотря на все презрѣніе къ людямъ, которыхъ онъ повально считалъ глупцами, заставляла его прикрывать свою завоевательную политику громкими фразами о свободѣ народовъ и объ освобожденіи ихъ отъ угнетенія ихъ деспотическихъ правительствъ; когда Наполеону III понадобилось болѣе для удовлетворенія чувства славы, нежели изъ серьезныхъ политическихъ видовъ, присоединить къ Франціи Савойю и Ниццу, онъ точно также, наружно склоняясь передъ принципомъ воли народа, устроилъ по тѣмъ правиламъ искусства комедію народнаго голосованія. Даже Виконтъ, принимая въ свои объятія бросившуюся къ нему съ радостію Италію, считалъ все-таки необходимымъ выполнить внѣшнюю форму, посредствомъ которой заявляется воля цѣлой націи. У Бисмарка же не было никакой трусости передъ какими-то принципами, ему не нужно было даже разыгрывать комедію, разыграть которую онъ сдумалъ бы, быть можетъ, не хуже дру-

того, потому что никакіе принципы, за исключеніемъ силы и выгоды, для него не имѣютъ значенія. Нужно имѣть запасъ большого мужества и прямоты, чтобы въ вѣкъ политическаго лицемерія, по преимуществу, сказать открыто и во всеуслышаніе: я не признаю никакихъ общепринятыхъ либеральныхъ воззрѣній, я буду держаться въ политикѣ моихъ понятій, моихъ правилъ, какъ бы они ни были непріятны тѣмъ истуканамъ-идеямъ, которыми вы лицемѣрно поклоняетесь!

Въ рѣчахъ Бисмарка, посвященныхъ герцогствамъ, есть такіе рельефныя черты, на которыя нельзя не обратить вниманія. Онѣ обрисовываютъ правила, которыхъ онъ держится во внѣшней политикѣ. Бисмарка, послѣ войны 1866-го года, обвиняли за тотъ пятый параграфъ Пражскаго мира, въ силу котораго Пруссія обязалась возвратить Даніи часть Шлезвига, какъ явно датскій округъ. Бисмаркъ, защищаясь, и не подумалъ вовсе привести какъ аргументъ, что удерживать силою датское населеніе было бы несправедливо. Подобные аргументы онъ предоставляетъ политикамъ-фантазерамъ, онъ же самъ говоритъ: «если бы на свѣтѣ существовали только герцогства да Данія, то этого параграфа, конечно, не существовало бы». Но онъ спѣшитъ успокоить палату, такъ недавно еще отказавшуюся вотировать необходимый для войны заемъ, и которая теперь не могла насытиться завоеваніями, знаменательными словами: «туманная редакція, въ которой выраженъ этотъ параграфъ, предоставляетъ намъ извѣстную ширину въ его исполненіи». Къ этой «ширинѣ въ исполненіи» нѣмецкій канцлеръ возвращался до тѣхъ поръ, пока нарушеніе Пражскаго мира не было, наконецъ, освящено давностью. Сначала нѣмецкій канцлеръ утверждалъ, что только австрійскій императоръ имѣетъ право требовать выполненія 5-го параграфа Пражскаго мира, но и это право онъ понималъ весьма условно. «...Его Величество императоръ австрійскій одинъ имѣетъ право требовать отъ насъ выполненія Пражскаго мира. Но въ какой мѣрѣ? Это вопросъ, который самый трактатъ оставляетъ неопредѣленнымъ, давая такимъ образомъ прусскому правительству просторъ дѣйствовать такъ, какъ само оно признаетъ болѣе справедливымъ и болѣе отвѣчающимъ выгодамъ государства». Австрійское правительство могло сколько угодно удивляться и даже возмущаться такимъ толкованіемъ трактата, но Бисмаркъ чувствовалъ себя правымъ, потому что онъ основывалъ свое толкованіе на единственно признаваемомъ имъ правѣ — правѣ сильного. Впрочемъ, кромѣ этого могущественнаго аргумента, у него былъ другой: среди датскаго населенія живутъ также и нѣмцы! Вотъ, слѣ-

двательно, и принципъ національности, который могъ быть выставленъ Бисмаркомъ для противозаконнаго удержанія герцогствъ.

Утверждая, что Бисмаркъ относился съ презрѣніемъ къ принципу національности, слѣдуетъ оговориться. Онъ относился къ нему съ презрѣніемъ, когда другіе народы основывали свои притязанія въ Германіи на этомъ принципѣ, но когда Германія могла выставить его въ свою пользу, Бисмаркъ не гнушался пользоваться имъ. «Трудность,—говорилъ онъ,—заключается не въ томъ, чтобы мы не желали уступить Даніи датчанъ, которые желаютъ быть датчанами; она не происходитъ изъ того, чтобы мы отказывались уступить Даніи то, что принадлежитъ ей; но то, что составляетъ для насъ трудность—это смѣшеніе населенія въ этомъ краѣ, и невозможность возвратитъ датчанъ Даніи, безъ того, чтобы не уступить вмѣстѣ съ ними и нѣмцевъ... Если бы всѣ датчане, продолжаетъ нѣмецкій канцлеръ, жили всѣ вмѣстѣ въ одной части края, смежной съ датскою границею, и если бы всѣ нѣмцы занимали другую часть провинціи, я считалъ бы тогда совершенно можною политикою не покончить этого дѣла однимъ почеркомъ пера и колебаться возвратитъ Даніи исключительно датскій округъ. Эта уступка естественно была бы потребована, съ моей точки зрѣнія, тою національною политикою, которой мы слѣдуемъ въ Германіи, но которую по отношенію къ Польшѣ мы не имѣемъ возможности соблюдать, въ силу историческаго развитія прусскаго государства, которое мы не можемъ измѣнять по простествію цѣлаго вѣка. Мы должны принять и поддерживать всѣ его послѣдствія.» Такимъ образомъ, въ силу національной политики слѣдовало бы Даніи возвратитъ все датское, и въ силу той же политики Бисмаркъ удерживалъ подлежащую уступкѣ часть Шлезвигъ, такъ какъ тутъ попадались нѣмцы, которыми нельзя было жертвовать.

Бисмаркъ жалуется на стремленія къ партикуляризму населенія, на ненависть къ Пруссіи, на отсутствіе симпатіи въ населеніи къ нѣмецкимъ интересамъ, но его жалобы нисколько не парализуютъ его рѣшимости сдѣлать ручными жителей присоединенной области. Онъ желаетъ съ ними обходиться мягко, готовъ даровать различныя льготы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшительно предупреждаетъ, что не потерпитъ никакихъ уклоненій отъ законныхъ требованій, въ особенности уклоненій отъ воинской повинности, и что каждое уклоненіе повлечетъ за собою, «хотя и съ сожалѣніемъ», наказаніе безъ всякаго снисхожденія. «По международному праву,—говорилъ онъ,—въ настоящее время герцогство Шлезвигъ, во всемъ его объемѣ, въ границахъ, указанныхъ въискомъ

трактатомъ (1864), составляетъ безспорно нераздѣльную часть прусской монархіи; отсюда слѣдуетъ, что всѣ жители края должны подчиняться существующимъ въ Пруссіи законамъ. Сколько изъ этихъ жителей и которые изъ нихъ перестанутъ считаться, быть можетъ, въ будущемъ, согласно условіямъ Прагскаго трактата, прусскими подданными, это еще вопросъ, который предстоитъ разрѣшить; но до тѣхъ поръ, что они пруссаки, и до послѣдней минуты; они должны подчиняться прусскимъ законамъ и властямъ, или испытать послѣдствія, связанныя съ отказомъ повиноваться. Если такъ смотрѣлъ Бисмаркъ на край, который по трактату долженъ былъ отойти въ сосѣднему государству, то какъ же можно спросить, смотрѣлъ онъ на такія области, которыя были завоеваны безъ всякихъ условій? Обращеніе Бисмарка съ провинціями присоединенными послѣ войны 1866-го года и съ завоеванными Эльзасомъ и Лотарингіей отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, и съ успѣхомъ можетъ служить для полнаго уясненія себѣ правилъ практической философіи нашего времени, примѣняемыхъ въ побѣжденныхъ государствахъ. Ганноверъ и Эльзасъ дали Бисмарку возможность упрочить тѣ понятія и положенія, которыя онъ набросалъ по поводу завоеваній, бывшихъ результатомъ датской войны.

Читая рѣчи князя Бисмарка, въ которыхъ раскрывается его система обращенія съ присоединенными провинціями, невольно останавливаешься на мысли — какими странными путями совершилось единство Германіи! Пути эти совершенно опровергаютъ, повидимому, установившееся понятіе, что образованіе и развитіе новаго, современнаго государства не должно, не можетъ проходить тѣ же фазисы, черезъ которые проходило средневѣковое государство. Теорія учить, что цементомъ современнаго государства, его сиюю, его могуществомъ представляется свободная воля всѣхъ членовъ государства, желаніе, потребность жить одною общею жизнію, между тѣмъ практика на дѣлѣ показываетъ, что согласіе, добрая воля, разумное пониманіе необходимости тѣснаго союза, все это не что иное какъ выдумка, вздоръ, бредъ какихъ-то мечтателей. На нашихъ глазахъ вырастаетъ сильное государство, оно возвышается мечемъ, путемъ завоеванія, какъ одноплеменныхъ, такъ чужеплеменныхъ народовъ, и что при этомъ удивительно, это не то, что мечъ сѣчетъ по старому, что сила побѣждаетъ безсиліе, все это совершенно въ порядкѣ вещей, но удивительно то, что по всеобщему признанію мечъ въ итогѣ сдѣлалъ то же дѣло, которое сдѣлало бы всеобщее согласіе и добрая воля.

На нашихъ глазахъ образовалась единая Италия и вслѣдъ за нею, почти въ одно время, единая Германія. Первая въ основѣ своей имѣла страстное желаніе всѣхъ частей, слившихся въ одно цѣлое, вторая, напротивъ, въ основаніе свое положила право силы, завоеванія, одна часть такъ ненавидѣла другую, что только оружіе могло заставить ихъ слиться вмѣстѣ. И несмотря на это коренное различіе, какъ та, такъ и другая страна, повидимому, прочно установила свое единство; наконецъ, что еще болѣе удивительно, это то, что страна менѣе цивилизованная, низшей культуры, достигла единства путемъ мира и любви, между тѣмъ, какъ страна, которая гордится своимъ высшимъ развитіемъ, которая ставитъ себя во главѣ цивилизованныхъ народовъ достигла его путемъ меча и завоеванія. По теоріи, между тѣмъ, должно было бы быть совершенно наоборотъ. Еслибы Германія обнажила свой мечъ противъ иностранныхъ государствъ, которыя, въ видахъ дурно понятыхъ собственныхъ интересовъ, захотѣли помѣшать единству нѣмецкаго народа, это было бы совершенно естественно и не поставило бы въ слишкомъ враждебное отношеніе теорію и практику; но когда нужно завоевывать нѣмецкій Голштейнъ, нѣмецкій Ганноверъ, нѣмецкій Франкфуртъ и заставить ихъ силою сдѣлаться членами единой нѣмецкой семьи, тогда вопросъ становится гораздо сложнѣе и труднѣе для разрѣшенія.

Есть, конечно, много политиковъ, для которыхъ не существуетъ никакихъ трудныхъ вопросовъ, которые чувствуютъ себя способными разрѣшать всякій вопросъ однимъ взмахомъ пера, и такіе политики, безъ сомнѣнія, повторяютъ стереотипную фразу: нѣмецкое единство въ продолженіи пятидесяти лѣтъ уже таилось въ груди Германіи! и считаютъ вопросъ весьма удовлетворительно разрѣшеннымъ. А между тѣмъ, эта фраза ничего не объясняетъ, и попрежнему загадка остается неразгаданною: отчего то, что таилось въ продолженіи пятидесяти лѣтъ въ груди Германіи, нужно было создавать завоеваніемъ нѣмцами нѣмцевъ? Если современные, самые замѣательные историки и публицисты Германіи, если всѣ Зибели, Моисены, Трейчке и Штраусы громко превозносятъ способъ образованія единой Германіи, и видятъ въ немъ доказательство высшего развитія, высшей культуры, первенствующей надъ всѣми остальными, то это довольно естественно объясняется чувствомъ необыкновенной опьяняющей радости при видѣ ихъ осуществившейся мечты. Въ виду этого едва ли слѣдуетъ относиться слишкомъ строго къ ихъ хвастливому патріотическому фразерству. Будущіе же историки, свободные отъ опьяненія, едва ли съ тяжкимъ чувствомъ, съ ѣдкой болью не остановятся предъ рѣчами князя

Бисмарка, этимъ историческимъ памятникомъ Германіи, и не погружаться въ самую горькую думу, слѣдя по этимъ рѣчамъ за дѣломъ сплоченія нѣмецкаго народа. Рѣчи, посвященныя присоединенному Ганноверу, особенно должны будутъ обратить на себя вниманіе нѣмецкихъ историковъ.

Ганноверъ, какъ хорошо извѣстно, былъ присоединенъ къ Пруссіи послѣ войны 1866 года, сопротивленіе населенія было самое рѣшительное, отвращеніе къ Пруссіи безграничное. «Мы не станемъ терпѣть сопротивленія,—говорилъ Бисмаркъ,—мы сломаемъ его». Въ энергическихъ мѣрахъ не было недостатка, но для насъ не столько важны самыя мѣры, сколько взглядъ нѣмецкаго канцлера на ихъ необходимость. Бисмаркъ не дѣлаетъ никакого различія между страной чисто нѣмецкою и иностраннымъ государствомъ. Для него все равно, между кѣмъ происходила война; права войны онъ понимаетъ одинаково, какъ по отношенію къ нѣмцамъ, такъ и по отношенію ко всякому другому врагу. Еслибы Ганноверъ не принялъ участія въ войнѣ противъ Пруссіи, права Ганноверскаго королевства были бы уважены, никогда бы Пруссіи не пришлось въ голову коснуться до правъ и независимости Ганновера, но такъ какъ онъ былъ въ числѣ враговъ Пруссіи, то право завоеванія примѣняется къ нему вполне и безусловно. Мы васъ предупреждали,—таковъ смыслъ рѣчи нѣмецкаго канцлера,—не идти противъ насъ; вы не послушались насъ, вы довѣряли 800-тысячному австрійскому войску, вы ошиблись, слѣдовательно, вамъ нечего жаловаться, пеняйте на себя. Нужны были суровыя мѣры, чтобы притянуть Ганноверъ къ нѣмецкому единству. «Никто не сожалѣетъ о нихъ болѣе меня», говорилъ князь Бисмаркъ, но дѣлать нечего, нужно обезпечить побѣду. «Не была понята, говорилъ онъ, важность событій. Было ли это фатальное ослѣпленіе, которымъ Богъ часто наказываетъ монарховъ? Было ли это невѣдѣніе дѣйствительности жизни, порокъ общій многимъ дипломатамъ и министрамъ? Я предоставляю это изслѣдовать другимъ. Войны желали, ее желали съ открытыми глазами. Существовала рѣшимость въ случаѣ побѣды захватить прусскія провинціи. Послѣ этого никто не имѣетъ права удивляться, что война имѣла серьезныя послѣдствія, ни выставять противъ насъ какихъ-то обвиненій съ тономъ жалобы. Господа, продолжалъ онъ, когда Пруссія рисковала своею кровію и своею свободою, когда все королевство и его славная корона составляли ставку, когда кроаты угрожали намъ грабежомъ и насъ хотѣли подчинить иностранному владычеству, когда выбрали минуту опасности, чтобы вопить оружіе намъ въ бокъ, тогда не время затро-

пить струну чувства и жаловаться на недостатокъ вниманія»...

Мы приводимъ эти слова вовсе не для того, чтобы показать безсердечіе, безчувственность князя Бисмарка, подобные упреки ниже его и слишкомъ мелки для такого государственнаго чловѣка, какъ нѣмецкій канцлеръ; слова эти любопытны, потому что показываютъ, что князь Бисмаркъ не дѣлалъ никакого различія между завоеванною нѣмецкою странюю и завоеванною же, но не-нѣмецкою. Дальнѣйшее развитіе его мысли еще болѣе выдѣльно подтверждаетъ наши слова. Какъ онъ отвѣчаетъ на жалобы, на произвольные аресты, на безпричинныя заточенія въ тюрьмы и крѣпости? Очень жаль, но что же дѣлать, мы управляемъ краемъ на правѣ войны, на правѣ побѣды, завоеванія. Побѣдитель желаетъ быть вашимъ другомъ, вашимъ соотечественникомъ, онъ и ведетъ себя такъ, но въ концѣ концовъ онъ все-таки побѣдитель. Тотъ, кто жалуется, что въ такой странѣ и въ такую минуту чловѣка, нарушающаго спокойствіе, подвергаютъ заключенію и лишаютъ возможности вредить, тотъ доказываетъ, что у него нѣтъ яснаго представленія о различіи, существующемъ между абсолютнымъ порядкомъ и порядкомъ конституціоннымъ, который обезпечиваетъ гражданъ противъ злоупотребленія силою. Считаете ли вы насиліемъ надъ закономъ и правомъ, спрашиваетъ Бисмаркъ, когда въ Россіи чловѣка безъ суда сажаютъ въ тюрьму въ настоящую эпоху? Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, слѣдовательно, нечего также называть насиліемъ, если въ Ганноверѣ, управляемомъ на правѣ войны, арестуютъ чловѣка.

Хотя Бисмаркъ и смотритъ на присоединенныя провинціи съ точки зрѣнія завоевателя, побѣдителя, но это все-таки не мѣшаетъ ему желать, чтобы такой безправный порядокъ прекратился какъ можно скорѣе, и чтобы въ завоеванныхъ областяхъ была введена общая конституція. Бисмарку слѣдуетъ отдать справедливость, что нарушеніе права, военное положеніе онъ никогда не возводитъ въ систему. Онъ слишкомъ хорошо понимаетъ для этого ея невыгоды. Напротивъ, онъ старается приобрѣсти симпатію населенія, что онъ прямо выражаетъ въ одной изъ своихъ рѣчей, говоря о тѣхъ милліонахъ, которые предоставлены были Пруссіи въ распоряженіе ганноверскаго короля за его отреченіе отъ престола. Бисмаркъ не довольствовался тѣмъ, что завоевалъ Ганноверъ, ему нуженъ былъ актъ «добровольнаго» отреченія короля Георга Ганноверскаго. Бисмаркъ не хочетъ пользоваться правомъ завоеванія шире, чѣмъ это требуется необходимостью и «безопасностью» государства. Вотъ что онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ: «Наша обязанность была извлечь возможную

пользу изъ выигранныхъ сраженій и изъ тѣхъ жертвъ, цѣною которыхъ онѣ были куплены, чтобы доставить странѣ положеніе, необходимое для ея безопасности и для достиженія предначертанной судьбы. Въ этой обязанности правительство черпало силу, чтобы широко воспользоваться правомъ войны относительно династии, верховная власть которой подвергала постоянной опасности, какъ можно было видѣть, миръ территоріи, заселенной народами одной и той же расы, но правительство нисколько не помышляло расширять право побѣды или увеличивать свои выгоды болѣе, чѣмъ необходимо было для достиженія опредѣленнаго результата».

Бисмаркъ, если и не своимъ личнымъ опытомъ, то опытомъ другихъ убѣдился, что только хорошее обращеніе примиряетъ населеніе и вполнѣ приобщаетъ его къ общему отечеству. Онъ припоминаетъ при-рейнскія провинціи, которыя, какъ утверждаетъ Бисмаркъ, еще въ 1830 году, были расположены къ Пруссіи не болѣе ганноверскихъ партикуляристовъ, и которые вслѣдствіе упорно хорошаго обращенія сдѣлались въ концѣ концовъ такими же хорошими пруссаками, какъ и жители старыхъ провинцій, Силезіи и Помераніи. «Мы желаемъ, говорить онъ, настолько содѣйствовать успѣшному развитію Ганновера, чтобы каждый житель этого края, пусть будетъ это самый неразвитый и самый неспособный, могъ бы сказать себѣ, что дѣла идутъ не хуже прежняго, что съ нимъ обращаются также справедливо и также милостиво, какъ и въ прошедшемъ, и что не послѣдовало никакой остановки въ осуществленіи проектированныхъ улучшеній». Недовольство, выражаемое только въ словахъ, не вліяетъ на способъ дѣйствій Бисмарка и онъ самъ говорить не безъ остроумія, что если бы всѣ ганноверскіе депутаты вотировали какъ одинъ человѣкъ, какъ будто бы всѣ они были посланы въ рейхстагъ столицею Пруссіи, то и тогда онъ не отступитъ отъ миролюбивой политики. Для читателя понятна острота Бисмарка; извѣстно, что до послѣдняго времени Берлинъ поставлялъ всегда самихъ оппозиціонныхъ представителей.

Но лишь только сопротивленіе выходитъ изъ области слова и переходитъ въ область подобія дѣла, тогда князь Бисмаркъ не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы подавить этотъ призракъ сопротивленія, тогда онъ тотчасъ призоветъ на помощь право завоевателя, право войны и на всякій упрекъ спокойно отвѣтитъ: да, это можетъ быть и непріятно, но вы напрасно жалуетесь, такъ какъ побѣда предоставила мнѣ право дѣйствовать по моему усмотрѣнію. Когда дѣло идетъ о поддержаніи порядка въ при-

соединенных провинціяхъ, когда тутъ или тамъ проявляется известное сопротивленіе, но сопротивленіе, повторяемъ, фактическое, выражающееся не на бумагахъ, но въ какихъ-нибудь событіяхъ, тогда судъ, законное слѣдствіе, по мнѣнію Бисмарка, никуда не годится. «Этотъ родъ защиты, говоритъ онъ, такъ медленъ, что я могу быть убитъ, прежде нежели въ состояніи буду защищаться. Мы не можемъ на политической почвѣ, гдѣ мы должны зорко наблюдать не только за нашимъ собственнымъ существованіемъ, но за спасеніемъ цѣлой націи, мы не можемъ доводить до того, чтобы мы прибѣгали къ необходимой оборонѣ только тогда, когда уже ничего нельзя сдѣлать. По моему мнѣнію, законная само-защита не ограничивается только однимъ случаемъ, когда намъ нужно отвратить нападеніе, угрожающее нашей жизни. Она заключается также въ поддержаніи довѣрія къ миру, въ которомъ мы нуждаемся для нашего процвѣтанія». Какъ читатель видитъ, Бисмаркъ весьма широко понимаетъ такъ-называемую само-защиту и оставляетъ за собою право во всякую минуту сказать побѣжденному: я нахожу необходимымъ дѣйствовать какъ побѣдитель! Бисмаркъ не разбираетъ противъ кого онъ долженъ былъ отстаивать свое широкое право, онъ не дѣлалъ различія въ обложеніи, демократъ и аристократъ, либераль и консерваторъ одинаково получали отъ него суровые удары. Онъ не щадилъ и королеванныя головы; вѣнчаніе, помазаніе, право божественнаго происхожденія не имѣли для него никакого значенія, когда нужно было водворить «миръ» въ побѣжденной области. «Мы должны охранять, говорилъ Бисмаркъ, безопасность Германіи, мы должны закончить съ этими преступными подводами, при помощи которыхъ играютъ спокойствіемъ великой націи и миромъ Европы, съ этими заговорщиками, которые считаютъ дозволеннымъ, ради какихъ-то презрѣнныхъ династическихъ интересовъ, компрометтировать, при помощи стачекъ съ за-границей, миръ, величіе и честь собственного отечества». «Расширенныя границы», выражаясь языкомъ нѣмецкаго канцлера, видимо расширили и его политическія воззрѣнія.

Но какъ бы то ни было и противъ кого ни былъ бы направленъ гнѣвъ князя Бисмарка, нельзя не сказать, что Ганноверъ лучше любой другой присоединенной области можетъ служить для оцѣнки тѣхъ странныхъ путей, которыми совершилось нѣмецкое единство. Ганноверъ чисто нѣмецкая провинція, и однако, несмотря на то, остается Ганноверомъ и никакъ не хочетъ промѣнять свое имя на общее имя нѣмецкой родины—Германіи. Дѣйствуетъ ли Бисмаркъ суровостью, дѣйствуетъ ли Бисмаркъ мягкостью, Ганно-

веръ остается враждебенъ Германіи и не далеко еще то время, когда Бисмаркъ не безъ отгѣнка грусти говорилъ: «Да, къ нашему несчастію, врагъ нашъ имѣетъ право сказать, что его нашествіе, если бы при началѣ оно было счастливо, не вездѣ встрѣтило бы у насъ то сопротивленіе, которое ему противопоставила бы всякая другая единая нація Европы. Коріоланы не рѣдкость въ Германіи; до сихъ поръ только недоставало Велесковъ, иначе трагедія скоро бы началась»... Слова эти были сказаны не далѣе какъ въ 1869 году, т.-е. за годъ до французской войны. Но и съ войною 1870 года не оканчиваются жалобы на стремленіе къ партикуляризму, и послѣ поразительныхъ успѣховъ нѣмецкаго оружія, сплотившихъ окончательно Германію, Бисмаркъ съ горечью говорить, что «нѣмецкія» присоединенныя провинціи составляютъ контингентъ той партіи, которая не перестаетъ мечтать о разрушеніи того зданія, постройка котораго стоила столько жертвъ, столько крови. Чего добраго, найдутся пессимистическіе умы, которые, задумавшись надъ этимъ явленіемъ, скажутъ: положимъ, основное правило практической философіи, выраженное въ краткой, но сильной формѣ: огонь и желѣзо, хотя и мудрое правило, но и оно не безъ изъяна; положимъ, то, что создается путемъ этого огня и этого желѣза создается и быстро, но врядъ ли оно также прочно какъ то, что создается путемъ свободы и гуманности, т.-е. при посредствѣ правила общественной жизни, выработаннаго лучшими теоретическими умами, которыхъ князь Бисмаркъ называетъ идеалистами и фантазерами! Правъ ли окажется современный представитель практической философіи, правы ли окажутся теоретики-идеалисты, это рѣшить только будущее, но нельзя не сказать при этомъ, что въ настоящее время акціи «огня и желѣза» стоятъ куда выше акцій свободы и гуманности. Послѣднія стоятъ даже далеко ниже пары.

Мы уже сказали, что князь Бисмаркъ не разбираетъ между своими и чужими, и потому ту же самую систему, которую онъ примѣнялъ къ присоединеннымъ нѣмецкимъ провинціямъ, ту же систему приложилъ онъ и къ завоеваннымъ французскимъ областямъ. Въ свое время, говоря объ отношеніи Германіи къ Франціи, и о тѣхъ гарантіяхъ «безопасности» и «независимости», къ которымъ «вынуждена» была прибѣгнуть первая, мы скажемъ о тѣхъ соображеніяхъ, которыя руководили княземъ Бисмаркомъ, когда онъ присоединялъ къ Германіи Эльзасъ и Лотарингію; теперь же мы ограничимся только его воззрѣніями на то, какъ слѣдуетъ управлять оторваннымъ отъ Франціи съ мясомъ и кровью населеніемъ, чтобы воспламенить его горячую любовь къ за-

исполнители. Бисмаркъ прежде всего, съ свойственнымъ ему примодушнѣмъ, устанавливаетъ тотъ фактъ, что жители отвоеванныхъ областей не только не желали быть отдѣленными отъ Франціи, но были крайне опечалены и огорчены такимъ насильственнымъ разлученіемъ. «Я вовсе не хочу розыскивать причины, говорить между прочимъ князь Бисмаркъ, которыя сдѣлали возможнымъ, чтобы населеніе нѣмецкаго происхожденія до такой степени прилежало къ странѣ, чуждой ему по языку и притомъ правительству которой не всегда относилось къ нему съ полною благожелательностью и вниманіемъ. Быть можетъ причину этого нужно искать въ томъ фактѣ, что всѣ тѣ качества, которыя отличаютъ нѣмцевъ отъ французовъ, находятся въ высшей степени у эльзасцевъ, такъ что населеніе Эльзаса, въ отношеніи способности и любви къ порядку, составляло я могу сказать это безъ преувеличенія, родъ аристократіи во Франціи; это населеніе доставляло самыхъ способныхъ дѣловыхъ людей, самыхъ вѣрныхъ служителей, подставныхъ охотниковъ, жандармовъ, чиновниковъ; число эльзасцевъ и лотарингцевъ, находившихся въ услуженіи государства, значительно превышало пропорціональную цифру населенія; такимъ образомъ было полтора милліона нѣмцевъ, которые были въ состояніи извлекать выгоду, и весьма положительно, изъ всѣхъ отличительныхъ качествъ нѣмца, среди народа, обладающаго другими качествами (слава Богу! скажемъ мы въ скобкахъ), но не этимъ именно—и привилегированное положеніе, которое они получали благодаря этимъ особеннымъ качествамъ, заставляло ихъ позавидовать многія несправедливости закона». Если это разсужденіе не чисто нѣмецкое, если это разсужденіе читатель не назоветъ разсужденіемъ человѣка, ставящаго выше всего на свѣтѣ принципъ выгоды и относящагося ко всему тому, что должно быть названо любовью къ отечеству, привязанностью къ царю, правамъ, чувствамъ, заставляющимъ дорожить своею родною помимо всѣхъ матеріальныхъ расчетовъ, какъ въ пустыхъ мечтаніяхъ, то читатель прямо можетъ быть обвиненъ въ несправедливости къ князю Бисмарку. Только въ умѣ типическаго представителя практической философіи могло сложиться подобное объясненіе привязанности населенія въ его отечеству.

Установивъ, такимъ образомъ, нежеланіе Эльзаса и Лотарингіи быть отдѣленными отъ Франціи, и объяснивъ весьма оригинально причину такого нежеланія, Бисмаркъ спрашиваетъ, какими же средствами можно побѣдить отвращеніе населенія завоеванныхъ областей къ присоединенію его къ Германіи? «Мы, говорить съ обыкновенною скромностью князь Бисмаркъ, вообще имѣемъ

привычку, мы, нѣмцы, управлять болѣе мягко, хотя иногда и нѣсколько неуклюже—но въ итогѣ счетъ оказывается вѣрнѣе—болѣе мягко, говорю я, и болѣе человѣчно, нежели способны на то французскіе государственные люди; это выгода нѣмецкой натуры, которая скоро сдѣлается чувствительна и получить цѣну для нѣмецкаго сердца эльзасцевъ. Сверхъ того, мы имѣемъ возможность предоставить жителямъ Эльзаса и Лотарингіи несравненно большую долю общинной и личной свободы, нежели допускали то французскія учрежденія». Бисмаркъ, разсуждая о примиреніи Эльзаса съ Германіей, нѣсколько разъ возвращается къ тому, что мы-де, нѣмцы, народъ добродушный, мы управляемъ милостиво, намъ чужда суровость и т. п. Еслибы мы не знали природной откровенности Бисмарка, то мы могли бы предположить, что подобныя вещи говорятся съ прямымъ разсчетомъ на глупость народа, съ твердою увѣренностью, что если народу что-нибудь начать долбить и долбить въ голову, то онъ кончитъ тѣмъ, что повѣритъ и наконецъ скажетъ: да, нѣмцы имѣютъ привычку управлять несравненно болѣе мягко и человѣчно, чѣмъ французы! Зная же откровенность нѣмецкаго канцлера, мы можемъ сказать только то, что все у него своеобразно и оригинально, и даже взглядъ на мягкое управленіе и человѣчность.

Не останавливаясь вовсе на томъ, справедливы ли слова князя Бисмарка или нѣтъ, соглашаясь даже съ нимъ, что нѣмцы управляютъ болѣе человѣколюбиво, нежели французы (потому-то вѣроятно Франція счумѣла такъ привязать къ себѣ Эльзасъ, а Германія такъ оттолкнуть отъ себя Познань), посмотримъ, что предлагаетъ князь Бисмаркъ, чтобы побѣдить отвращеніе къ нѣмцамъ «нѣмцевъ» Эльзаса и Лотарингіи?

Нужно было бы не имѣть чувства справедливости, чтобы не признать, что планъ, система князя Бисмарка—система настоящаго государственнаго челоѣка. Оставляя въ сторонѣ принципъ завоеванія, насилія надъ волею народа и исходя уже изъ совершившагося факта, нельзя не сказать, что система князя Бисмарка—разумная система. Онъ не заботится прежде всего о томъ, чтобы наводнить страну нѣмецкими чиновниками, чтобы стѣснить внутреннюю свободу завоеванныхъ областей и немедленно перенести на новое населеніе всѣ чуждые имъ порядки, нѣтъ, онъ выходитъ изъ другого начала. Онъ спрашиваетъ прежде всего, чего недоставало главнымъ образомъ французскому управленію? и отвѣчаетъ на поставленный вопросъ: недоставало прежде всего общинной свободы, недоставало самоуправленія; централизація вытягивала все подъ одну ниточку и равняла всѣ части

имперіи, подстригала всѣ департаменты такъ точно, какъ подстрижены кусты и деревья въ Версальскомъ паркѣ. Вотъ отчего Бисмаркъ полагалъ прежде всего необходимымъ надѣлать Эльзасъ и Лотарингію общинною свободою, самоуправленіемъ. «Я убѣжденъ, говорилъ онъ, что мы можемъ, безъ вреда для имперіи въ ея цѣломъ, предоставить населенію Эльзаса, въ дѣлѣ самоуправленія, несравненно большій просторъ уже и въ настоящее время, и онъ будетъ все расширяться, пока не достигнетъ того идеала, къ которому стремятся, т.-е., чтобы каждый индивидуумъ, каждая маленькая сфера, даже самая узкая, обладала тою мѣрою свободы, которая совмѣстна съ порядкомъ цѣлаго государства. Достигнуть этой цѣли, подойти къ ней по возможности ближе, я считаю, что такова должна быть задача всякой разумной политики, а эту задачу гораздо легче выполнить съ нѣмецкими учрежденіями, лежащими въ основѣ нашего управленія, нежели выполнить ее во Франціи съ французскимъ характеромъ и съ однообразными учрежденіями этой страны. Я надѣюсь поэтому, что съ помощью нѣмецкаго терпѣнія и нѣмецкаго добродушія, продолжая настаивать на немъ Бисмаркъ, мы достигнемъ дружбы нашего новаго соотечественника — быть можетъ скорѣе даже, нежели мы надѣемся на то въ настоящее время. «Бисмаркъ не обманываетъ себя, онъ знаетъ, что розы не безъ шиповъ, и что Эльзасъ и Лотарингія представляютъ много затрудненій, много безпокойства. «Всегда останутся, говоритъ онъ, извѣстные элементы (въ Эльзасѣ и Лотарингіи), которыхъ личное прошлое пустило глубокие корни во Франціи, которые слишкомъ стары, чтобы оторваться оттуда, или слишкомъ тѣсно связаны съ Франціею своими матеріальными интересами, и которые за разрывъ свой съ французскими интересами не въ состояніи найти у насъ вознагражденія, а если и найдутъ, то только позже. Мы не должны поэтому обольщать себя надеждою, что въ Эльзасѣ быстро настанетъ такое же положеніе въ отношеніи нѣмецкихъ чувствъ, какъ въ Тюрингіи; но тѣмъ не менѣе мы можемъ не отчаиваться достигнуть еще сами той цѣли, къ которой стремимся, если сумеемъ только хорошо воспользоваться тѣмъ временемъ, которое, среднимъ счетомъ, дано человѣку».

Продолжая обсуждать тѣ мѣры, которыя должны быть приняты во вновь завоеванныхъ провинціяхъ, для пріобрѣтенія ихъ расположенія, Бисмаркъ энергически высказывается противъ наведенія страны нѣмецкими чиновниками. Всѣ должности въ общинѣ должны быть занимаемы по выбору. «Конечно, высказы-

торыя могутъ отсюда возникнуть; но я гораздо болѣе страшусь опасности, которая могла бы родиться, если бы число чиновниковъ, отправляемыхъ нами въ этотъ край, увеличилось сверхъ строго необходимаго». Благо у насъ вошло въ моду во всемъ стараться подражать Германіи, правда, только во всемъ, что похуже, благо мы силимся смотрѣть на все нѣмецкими глазами, я позволю себѣ рекомендовать нашимъ обрусителямъ намотать себѣ на усь вышеприведенныя слова князя Бисмарка. Право, они стоить вниманія! Князь Бисмаркъ, съ истиннымъ государственнымъ смысломъ разсуждая о вредѣ цѣлой ватаги чиновниковъ, которые часто какъ голодные воршуны налетаютъ на «присоединенный» край, между прочимъ говоритъ: «Невозможно избѣжать, чтобы чиновникъ, являющійся въ чуждую ему страну, и обладая даже всѣмъ требуемымъ его обязанностями развитіемъ, но не обладая тѣмъ общимъ, болѣе широкимъ чутьемъ, котораго требуетъ его новая миссія въ новомъ краѣ, не породилъ вражду, несогласіе различными промахами, вовсе не отвѣчающими намѣреніямъ правительства, которыя онъ долженъ выполнять. Ошибется онъ разъ, онъ будетъ имѣть еще слабость, слишкомъ свойственную человѣческой натурѣ, не сознать своей ошибки, и онъ захочетъ свалить эту ошибку на жителей, вмѣсто того, чтобы обвинить самого себя...» Благодаря такому положенію, съ одной стороны возникаютъ доносы и подозрѣнія чиновниковъ, съ другой—жалобы населенія.

Бисмаркъ не скрываетъ отъ себя, что вслѣдствіе нерасположенія въ краѣ общественнаго мнѣнія въ Германіи, избранные общинами на различныя должности могутъ быть до извѣстной степени опасны, но «я менѣе опасаясь, прибавляетъ онъ, этого риска, нежели опасаясь нашего собственнаго безсилія въ доставленіи странѣ способныхъ чиновниковъ». Высказывая это либеральное воззрѣніе на управленіе присоединенною областью, Бисмаркъ, конечно, менѣе всего заботится о либерализмѣ. Воззрѣніе это нисколько не противорѣчитъ его общимъ воззрѣніямъ, оно не звучитъ диссонансомъ въ его кодексъ практической мудрости, оно вполне обуславливается началомъ пользы, выгоды, а потому-то тѣмъ болѣе достойно вниманія..

Бисмаркъ своимъ яснымъ умомъ отлично понимаетъ то, что другимъ никакъ не дается, что преимущество сильнаго правительства въ томъ и заключается, что ему нечего изъ-за всякаго пустяка бить тревогу и ополчать цѣлую рать противъ какихъ-то призраковъ; что правительство должно настолько уважать себя, чтобы не пугаться каждой вспышки, всякаго сдѣлаго слова и

не воображать себя живущимъ на вулканѣ, въ то время, когда оно опирается на неподвижную, гранитную массу. Сознавая съ одной стороны свою силу и съ другой выгоду предоставленія завоеваннымъ провинціямъ возможно большей внутренней свободы, Бисмаркъ и настаивалъ въ рейхстагѣ, чтобы Эльзась и Лотарингія не были стѣснены въ ней какимъ-нибудь обуздывающимъ закономъ... «Преимущество, которымъ обладаетъ энергическое и рѣшительное правительство, въ томъ и заключается, что ему нечего бояться тѣхъ маленькихъ пожаровъ, которые вспыхиваютъ то тутъ, то тамъ. До какой степени, впрочемъ, можетъ быть доведено самоуправленіе въ этомъ краѣ, я не хочу еще произносить рѣшительнаго сужденія; во всякомъ случаѣ я думаю, что было бы разумно, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ, идти такъ далеко, какъ только дозволяетъ это общее спокойствіе имперіи и новаго края». Не опасаясь «маленькихъ пожаровъ», Бисмаркъ рѣшился предоставить вновь присоединеннымъ провинціямъ возможно большую независимость, онъ заболтался, чтобы поскорѣе передать всѣ дѣла по управленію въ руки чиновниковъ туземцевъ, наконецъ, онъ объявляетъ, что его самое искреннее желаніе — видѣть какъ можно скорѣе представителей Эльзаса и Лотарингіи въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, чтобы они приняли участіе въ управленіи общими дѣлами имперіи: «мы безусловно нуждаемся въ нихъ, говорилъ онъ, если мы серьезно, съ необходимою глубиною, хотимъ заняться эльзасскими дѣлами».

Когда вопросъ касается внутренняго управленія французскими областями, Бисмаркъ выказываетъ необыкновенную мягкость, и кто бы могъ подумать, Бисмаркъ громко заявляетъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ считаетъ себя либеральнѣе рейхстага, болѣе заботливымъ, болѣе внимательнымъ къ нуждамъ новаго края, чѣмъ представители Германіи, и въ силу этой большей мягкости онъ требуетъ, чтобы до извѣстнаго времени ему была предоставлена диктатура въ этой странѣ, чтобы Германія положила на его умѣнье, на его искусство управлять. «Боязнь похѣпать, если я могу только такъ выразиться, едва начавшейся кристаллизаціи нѣмецкихъ симпатій въ Эльзасѣ, вотъ причина, говоритъ нѣмецкій канцлеръ, которая заставляетъ меня удерживать въ своихъ рукахъ, сколь возможно долго, эльзасскія дѣла». Что князь Бисмаркъ заблуждается относительно «начавшейся кристаллизаціи нѣмецкихъ симпатій», это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, но вѣрно то, что Бисмаркъ дѣлалъ много, чтобы помочь образованію такой кристаллизаціи. Онъ не жалѣлъ заботъ и внимательности, чтобы примирить съ Германіею

этого, какъ онъ нѣжно выражается, «младшаго ребенка нѣмецкой семьи» и сильный своею практическою мудростью, онъ съ презрѣніемъ относился къ теоретическому положенію, что ложное въ началѣ останется ложнымъ и до конца. Вотъ почему онъ не обращаетъ никакого вниманія на тѣхъ, которые говорятъ: Эльзась и Лотарингія, оторванные отъ Франціи вопреки волѣ народа присоединенныя къ Германіи силою оружія, во имя принципа завоеванія, никогда не сдѣлаются по чувству нѣмецкими областями и навсегда останутся для Германіи путами, которыя будутъ только мѣшать прогрессивному развитію нѣмецкаго народа. Кто поручится, что князь Бисмаркъ окажется не правъ и что правила современной практической философіи еще разъ не побѣдятъ положеній теоретической мудрости. Сторонники послѣдней могутъ, впрочемъ, себя утѣшать надеждой, что настанетъ время когда и на ихъ улицѣхъ будетъ праздникъ. Придется можетъ быть подождать, но что значать вѣка въ жизни народовъ!

Такова система обращенія князя Бисмарка съ побѣжденными народами. Если бы возможно было помириться съ самымъ принципомъ завоеванія, если бы на насиліе надъ волею и желаніемъ населенія возможно было смотрѣть какъ на нѣчто нормальное если бы, однимъ словомъ, въ самомъ основаніи своемъ практическая философія, воплощенная въ князѣ Бисмаркѣ, не представляла съ «фантастической» точки зрѣнія чего-то уродливаго и своему существу, — тогда нельзя было бы не признать, что системъ князя Бисмарка можетъ служить образцомъ для всякаго государства, которому досталось держать подъ своимъ господствомъ чуждую ему національность. По крайней мѣрѣ эта система исключаетъ безцѣльную жестокость, безцѣльные преслѣдованія на мѣсто ихъ ставитъ политику, которая скорѣе всякой другою способна примирить побѣдителя съ побѣжденнымъ, если только вообще такое примиреніе возможно, внѣ добровольнаго союза народовъ, смѣняющаго ихъ насильственный, или, какъ выражаются иногда, ихъ «неровный бракъ».

Евг. Утинъ.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

VIII *).

БѢЛИНСКІЙ.

Съ тридцатыхъ годовъ начинается развитіе, достигшее своей зрѣлости въ сороковыхъ годахъ и всего чаще соединяемое съ именемъ Бѣлинскаго. Славянофилы въ свое время называли его «западнымъ»; теперь начинаютъ его называть направлениемъ «сороковыхъ годовъ». Имя Бѣлинскаго можетъ справедливо оставаться за этимъ направлениемъ, не потому, чтобы онъ былъ руководящимъ его представителемъ (въ этомъ же направленіи дѣйствовали и другіе писатели, достаточно отъ него независимые и, можетъ быть, больше его талантливые), — но Бѣлинскій былъ одинъ изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ новыхъ идей, и безъ сомнѣнія самый дѣятельный распространитель и защитникъ ихъ въ литературѣ. Онъ очень рѣдко, только въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ ставилъ свое имя подъ своими статьями, — но это имя было извѣстно всѣмъ, и послѣ-

*) См. выше: 1871, май, 283; сент. 301; дек. 455; 1872, май, 145; нояб. 47; 1873, апр. 471 стр.

дователямъ, и врагамъ его: на немъ въ особенности сосредоточивались горячее сочувствіе новыхъ поколѣній, самая ожесточенная ненависть старыхъ литературныхъ партій и вражда новой школы, враждебной «западному» взгляду.

Направленіе Бѣлинскаго, или точнѣе, той цѣлой литературной школы, которой онъ принадлежалъ, какъ мы уже замѣчали прежде, составляетъ главное русло нашего литературнаго и общественнаго развитія въ сороковыхъ годахъ. Въ этомъ направленіи главнымъ образомъ собраны результаты предыдущаго развитія, и изъ него вышла затѣмъ слѣдующая ступень нашей общественности. По направленію Бѣлинскаго и другихъ писателей той школы можно всего лучше судить о характерѣ и объемѣ тогдашней русской образованности; это было ея лучшее выраженіе и лучшая ея сила. Историческая жизненность этого направленія опредѣляется тѣмъ, что оно было ближайшимъ antecedentомъ прогрессивныхъ стремленій нашего времени. И это было очень естественно: со времени дѣятельности Бѣлинскаго, существенно измѣнилось отношеніе литературы къ обществу; литература перестала быть какою-то случайной принадлежностью, внѣшнимъ украшеніемъ общественной жизни,—напротивъ, она тѣсно примкнула къ ней; различныя школы, расходясь въ самыхъ коренныхъ своихъ мнѣніяхъ, не спорятъ о томъ, что дѣйствительность, жизнь, общество должны быть единственнымъ содержаніемъ литературы, и объясненіе ихъ—существенной ея задачей; литературныя партіи съ тѣхъ поръ стали уже партіями общественнаго характера... Это явленіе, отличающее новѣйшую литературу, приведено было многими различными обстоятельствами,—но дѣятельность Бѣлинскаго въ особенности содѣйствовала тому, что литература усвоила этотъ реальный общественный характеръ, который конечно и останется за ней.

Не предпринимая здѣсь полной оцѣнки дѣятельности Бѣлинскаго, и цѣлаго его направленія, мы постараемся указать общія черты положенія этого направленія въ тогдашней литературѣ, и разъяснить главныя условія, при которыхъ только можетъ быть достигнута справедливая оцѣнка литературныхъ и общественныхъ мнѣній и стремленій Бѣлинскаго.

Общія свѣдѣнія о началѣ и развитіи этого прогрессивнаго направленія и о личномъ развитіи Бѣлинскаго болѣе или менѣе извѣстны. Бѣлинскій еще ждетъ своей біографіи, но любопытный читатель и теперь можетъ найти значительное количество свѣ-

дний о литературной исторіи того времени и о личности Бѣлинскаго, и въ разсказахъ его друзей и современниковъ, и въ историческихъ изслѣдованіяхъ о тогдашней литературѣ ¹⁾).

Въ новѣйшее время Бѣлинскій и его направленіе вызывали самыя разнообразныя сужденія. Въ первое время послѣ его смерти, имя его долго не произносилось въ литературѣ; смерть его сошла съ началомъ усиленно строгаго надзора за литературой, надзора, который вѣроятно прекратилъ бы дѣятельность Бѣлинскаго, еслибы она не была прекращена смертью; теперь имя его само опаснымъ, и на нѣсколько лѣтъ оно не было воспоминаемо ни друзьями, ни врагами. Впервые, послѣ того, оно было названо въ 1856 году, и тогда люди новаго поколѣнія, наслѣдо-

¹⁾ Слѣдствія о біографіи и личномъ характерѣ Бѣлинскаго читатель найдетъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ статьяхъ:

- Записки для біографіи Б. Лажечникова. Моск. Вѣстникъ, 1859, № 17, 92.
  - Бѣлинскій и Моск. университетъ въ его время. П. Прозорова. Библ. для Чтенія, 1859, № 12, стр. 1—14.
  - Воспоминаніе о Бѣлинскомъ, И. Панаева, Современникъ, 1866, № 1, стр. 335—376, и въ его же „Литер. Воспоминаніяхъ“.
  - Былое и Думи; du Développement, и проч.
  - Н. В. Станкевичъ, П. Анненкова. М. 1868.
  - Т. Н. Грановскій, А. Станкевича. М. 1870.
  - Воспоминанія студентства, 1832—35, К. Аксакова (Моск. университетъ времени Бѣлинскаго). День, 1862, № 39—40.
  - Университетскія воспоминанія, Г. Г. День, 1863, № 42.
  - Воспоминанія Д. Свербеева, Р. Архивъ, 1868 и 1870 (для характеристики литер. партій).
  - Воспоминанія о Бѣлинскомъ, И. Тургенева. В. Европа, 1869, апр.
- Изъ многочисленныхъ статей, заключающихъ оцѣнку литературныхъ мнѣній Бѣлинскаго въ новѣйшее время, укажемъ, напр., слѣдующія:
- Очерки Гоголевскаго періода русской литературы, въ Современникѣ 1855, № 12; 1856, № 1, 2, 4, 7, 9—12.
  - О значеніи худож. произведеній для общества, П. Анненкова. Р. Вѣстникъ, 1856, № 4.
  - Критика Гогол. періода и наши къ ней отношенія, А. Дружинина. Библ. для Чтен. 1856, № 11, 12.
  - Бѣлинскій и его мнѣніе послѣдователи, Я. Грота. Спб. Вѣдом. 1861, № 109.
  - Бѣлинскій и его ижеученики, г. Лонгинова. Р. Вѣстн., 1861, № 6, и его же въ Соврем. Литовиси 1865, № 32: „Что значить договориться?“ по поводу слѣдующей статьи Писарева:
  - Пушкинъ и Бѣлинскій, — въ Соч. Писарева, томъ 3.
  - Бѣлинскій и отрицательный взглядъ въ литературѣ, А. Григорьева. Время, 1861, № 4, стр. 182—218; его же: Западничество, и проч. Время, 1861, № 3.
  - Статьи г. Сяблицева, въ Отеч. Запискахъ, 1871—1872.
  - Статьи гг. Достоевскаго и Погодина, въ „Гражданинѣ“, 1873.
- Другія указанія въ каталогѣ Межова.

вавшего стремленія Бѣлинскаго, и его друзья съ глубокимъ сочувствіемъ собирали воспоминанія объ энергическомъ дѣятелѣ, въ другихъ литературныхъ лагеряхъ заговорила и старая вражда. Какъ критикъ, онъ слишкомъ высоко цѣнилъ достоинство литературы, и беспощадно преслѣдовалъ въ ней всякіе застарѣлые предразсудки, мѣшавшіе ея развитію, всякую фальшивую тенденцію и притязательную бездарность, и потому враговъ у него было очень много. Таѣ, противъ него были крайне ожесточены всѣ люди, остававшіеся отъ старыхъ литературныхъ школъ, начиная съ шипиловской и карамзинской, бывшіе романтики, писатели, принадлежавшіе нѣкогда къ пушкинскому кругу и, къ удивленію, въ особенности ненавидѣвшіе Бѣлинскаго, несмотря на все его поклоненіе Пушкину; наконецъ, писатели «Маяка» и тѣ литературные подонки, которые нѣкогда имѣли своего рода силу въ лицѣ Греча и Булгарина. Также были ожесточены противъ Бѣлинскаго писатели стараго «Москвитанина», тенденція котораго, представляемая г. Погодинымъ и Шевыревымъ, въ свое время не мало потерпѣла отъ Бѣлинскаго. Наконецъ, особый лагерь, враждебный Бѣлинскому, представляли славянофилы — враги, которыхъ впрочемъ самъ Бѣлинскій выдѣлялъ изъ ряда другихъ своихъ противниковъ, какъ людей вѣрнаго и опредѣленнаго убѣжденія.

Бѣлинскій умеръ рано; его противники продолжали дѣйствовать въ литературѣ и сохранили все озлобленіе, которое нѣкогда питали противъ него. Первая категория, представители которой есть до сихъ поръ, конечно потеряла значеніе, но когда случилось, говорила о Бѣлинскомъ съ прежнимъ раздраженіемъ. Славянофилы, въ послѣднее время, почти не удостоивали его упоминанія и опроверженій, направивъ полемику на новыхъ противниковъ; только изрѣдка имя его называлось или подразумевалось въ числѣ «отступниковъ» ¹⁾. Г. Погодинъ еще недавно корилъ Бѣлинскаго легкомысліемъ, «атеизмомъ», «соціализмомъ» (въ которомъ Бѣлинскій вовсе не былъ, кажется, виноватъ), и другими предосудительными мнѣніями. Понятно, что старыя школы, давно потерявшія всякую нравственную связь съ новымъ движеніемъ, не могли и послѣ увидѣть историческаго значенія Бѣлинскаго, и въ ихъ сужденіяхъ еще видны старыя досады на него. Но вражда переходитъ и къ новымъ школамъ, напр. къ той школѣ, выродившейся изъ славянофильства, выраженіемъ которой служили и служатъ журналы «Время», «Эпоха», «Заря», «Гражданинъ».

¹⁾ «День».

Еще недавно были здѣсь высказаны обличенія «атеизма» и другихъ неблаговидныхъ свойствъ направленія Бѣлинскаго.

Съ другой стороны, произошла извѣстная метаморфоза съ нѣкоторыми изъ людей, принадлежавшихъ по своему развитію прогрессивной школѣ сороковыхъ годовъ, и даже тѣсно связанныхъ нѣкогда съ кругомъ Бѣлинскаго. Отложивши въ сторону свое прошедшее и обратившись въ самыхъ ревностныхъ консерваторовъ, они естественно спутали свои отношенія къ прежней литературѣ, и когда новое движеніе заявляло свое тѣсное историческое единство съ Бѣлинскимъ и съ Гоголевскимъ періодомъ, они утверждали, что этого единства нѣтъ, что Бѣлинскій не думалъ и не призналъ бы того, что видятъ въ немъ или выводятъ изъ него теперь; или же, указывали въ самой дѣятельности Бѣлинскаго заблужденія, происходившія отъ его крайнихъ увлеченій, и следовательно вредъ; или, просто избѣгали опредѣлять ближе свое отношеніе къ Бѣлинскому, опасаясь непріятныхъ для себя обличеній.

Дѣятельность этихъ и подобныхъ людей, нѣкогда близкихъ Бѣлинскому и обратившихся къ нашему времени въ «постепеновцевъ», умѣренныхъ и неумѣренныхъ консерваторовъ и въ явныхъ обскурантовъ, наводила многихъ на мысль, что эти люди и должны въ самомъ дѣлѣ представлять собой тенденціи «сороковыхъ годовъ», ихъ настоящій объемъ и характеръ; являлись невыгодныя заключенія о цѣломъ литературномъ періодѣ, въ которомъ начинали видѣть своего рода романтизмъ, исполненный пресватными идеальными мечтами, но не выдерживавшій перваго прикосновенія къ настоящей жизни. Нынѣшніе, обратившіеся въ консерватизмъ, писатели «сороковыхъ годовъ» иногда высказывали какъ будто свою солидарность съ Бѣлинскимъ, и потому упоминаніе о «сороковыхъ годахъ» отражалось и на сужденіяхъ о Бѣлинскомъ: писатели новыхъ литературныхъ поколѣній въ самомъ Бѣлинскомъ начинали открывать вещи, ихъ неудовлетворившія, въ другихъ писателяхъ того времени — еще больше, и историческій выводъ становился довольно неблагоприятнымъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ біографіи Бѣлинскаго, личной и литературной, которая разъяснила бы документально его дѣятельность и условія времени, и которая могла и должна была бы устранить всякія недоразумѣнія въ его исторической оцѣнкѣ. Относительно упомянутыхъ сейчасъ мнѣній очевидно, что значенія Бѣлинскаго и теперь, какъ прежде, не могутъ признавать литературныя партіи, въ самомъ основаніи враждебныя его воззрѣніямъ, не могутъ признать безъ ущерба собственному суще-

ствованію; но время уже дѣлаетъ свое, и уже теперь безпристрастный наблюдатель не можетъ не видѣть въ литературѣ слѣдовъ глубокаго вліянія, оказаннаго Бѣлинскимъ и его друзьями: отъ нихъ по преимуществу идетъ начало того критическаго направленія, которое составляетъ лучшую сторону современной литературы. Внимательное изученіе той эпохи показало бы также, что если старія литературныя партіи теперь окончательно потеряли кредитъ, если стало невозможно чистое славянофильство сороковыхъ годовъ, если литература находитъ свою главную силу въ изученіи и неподраженномъ изображеніи дѣйствительности, то въ этомъ всего сильнѣе дѣйствовали стремленія Бѣлинскаго и его крута. Изученіе фактовъ устранило бы и тѣ недоразумѣнія, какія есть еще относительно характера и дѣятельности самого Бѣлинскаго: оно показало бы, каковъ былъ собственно этотъ характеръ, чтó въ его дѣятельности было только слѣдствіемъ условій времени и обстоятельствъ, чтó нужно было ему преодолевать, съ какими понятіями общественными онъ имѣлъ дѣло; показало бы также, могъ ли онъ быть солидаренъ съ людьми, которые нѣкогда принадлежали одному дѣлу съ нимъ, а потомъ, ставши защитниками обскурантизма, позволяли себѣ злоупотреблять его именемъ. Таковы были бы задачи литературной исторіи Бѣлинскаго, которая теперь была бы особенно полезна.

Въ перечисленныхъ выше сочиненіяхъ собрано довольно много подробностей о возникновеніи того направленія, которому принадлежалъ Бѣлинскій. Исторія молодого кружка, въ которомъ развивался Бѣлинскій и много другихъ товарищей его дѣятельности, чрезвычайно любопытна, какъ нѣчто единственное и небывалое въ исторіи нашей образованности. Этотъ кружокъ, — составившійся, впрочемъ, не вдругъ и имѣвшій различныя комбинаціи, — вообще состоялъ изъ молодыхъ людей, большей частью очень даровитыхъ; съ первыхъ шаговъ своихъ въ литературѣ, онъ обнаружилъ оригинальную и горячую дѣятельность и уже вскорѣ приобрѣлъ господствующее положеніе. Въ средѣ кружка совершался цѣлый актъ литературнаго развитія, чрезвычайно любопытный по обстоятельствамъ времени и внутреннему смыслу. Обстоятельства были очень неблагоприятныя, но пробудившаяся потребность общественной мысли вызвала работу умственныхъ силъ, которая совершалась несмотря на всѣ трудныя условія и приходила къ своей цѣли, — къ сознанію общественнаго положенія и къ освободительнымъ идеямъ. Это соединеніе цѣлаго ряда

замѣтельныхъ дарованій, — раздѣлившихся потомъ на школы «западную» и славянофильскую, — какъ будто вознаграждало потерю силъ, понесенную обществомъ въ двадцатыхъ годахъ, и процессъ развитія, тогда прерванный, возобновился съ новой энергійей. Дѣятельность новаго поколѣнія почти не имѣла никакой прямой связи съ этимъ прежнимъ движеніемъ, руководилась другими побужденіями, въ первое время была поглощена чисто отвлеченными предметами, была совершенно чужда всякихъ политическихъ интересовъ, но въ концѣ приходила къ тому же общественному вопросу, который, съ другой точки зрѣнія и подъ другими побужденіями, поставленъ былъ движеніемъ двадцатыхъ годовъ. Сороковые года, когда новыя направленія опредѣлялись, отличаются, и въ «западной» и въ славянофильской школѣ, стремленіемъ къ критическому изученію русской жизни и заявленіемъ новыхъ умственныхъ и общественныхъ потребностей — хотя и понятыхъ обѣими сторонами весьма различно.

Исторія кружка, къ которому принадлежалъ Бѣлинскій и къ которому примкнуло всего больше тогдашнихъ молодыхъ силъ, какъ будто представляетъ въ сокращеніи цѣлый фазисъ развитія, пройденный новымъ поколѣніемъ, и высшій пунктъ, достигнутый тогда русской образованностью. Это направленіе въ большинствѣ своихъ дѣятелей начало съ самаго спокойнаго консерватизма, съ полного признанія существовавшихъ формъ жизни; но затѣмъ быстро проходило различныя ступени критической мысли, и окончило отрицаніемъ этихъ формъ, иногда весьма рѣшительнымъ, и стремленіемъ къ иному идеалу общности. Взгляды этого круга представляли наиболѣе серьезное критическое содержаніе, какового только достигала наша литература. Что здѣсь выражалась исторически созрѣвшая мысль и дѣйствительная потребность развитія, это доказывалось тѣмъ, что въ то же время и въ другихъ областяхъ литературы, вполне независимо отъ вліянія идей, развившихся въ кругѣ Бѣлинскаго и его друзей, совершались явленія, которыя содѣйствовали его стремленіямъ и въ томъ же смыслѣ вліяли на общество. Такова была дѣятельность Гоголя, Лермонтова, Колюцова. Это были явленія совсѣмъ иной области, но явленія совершенно параллельныя направленію Бѣлинскаго и его друзей; критика Бѣлинскаго разъяснила ихъ и съ своей стороны усилила ихъ литературное значеніе...

Кружокъ составилъ первоначально изъ молодежи московскаго университета, въ началѣ тридцатыхъ годовъ; это была пора особеннаго оживленія, какія возвращаются отъ времени до времени въ наши университеты. Блестящій періодъ московскаго уни-

верситета былъ еще впереди, но и тогда преподаваніе двухъ-трехъ профессоровъ, въ особенности М. Г. Павлова и Надеждина, открыло для ихъ слушателей новый міръ, полный интереса. Это была нѣмецкая философія, школы Шеллинга и Огена. Это было первое умственное возбужденіе, и оно нашло самую благопріятную почву. Молодой кружокъ представлялъ рѣдкое и счастливое соединеніе ума и дарованій и уже вскорѣ связать былъ одними идеальными стремленіями: это была любовь къ наукѣ, увлеченіе поэзіей, потребность нравственно-идеальнаго совершенствованія, желаніе служить нѣкогда въ рядахъ общества дѣлу истины и нравственнаго достоинства. Въ первомъ броженіи трудно было бы отличить тѣ направленія, которыя потомъ должны были раздѣлить кружокъ на два различные, и наконецъ рѣзко враждебные лагера. Дѣйствительно, первоначально здѣсь мы находимъ рядомъ и Бѣлинскаго и К. Аксакова: оба были восторженные романтическіе идеалисты, не подозрѣвавшіе тогда, какъ далеко разойдутся они впослѣдствіи. Различіе мнѣній выросло изъ однихъ первоначальныхъ основаній, подъ различными вліяніями дальнѣйшихъ размышленій, характеровъ и впечатлѣній жизни. Бѣлинскій одно время стоялъ почти на настоящей славянофильской точкѣ зрѣнія...

Понятія кружка, изъ которыхъ выросли потомъ воззрѣнія Бѣлинскаго, имѣли свое послѣдовательное и логически законное развитіе. Это должно замѣтить въ виду того мнѣнія, которое хотеть представить взгляды Бѣлинскаго какъ случайное заимствованіе, какъ личный произволъ или какъ теорію, не имѣвшую никакой связи съ жизнью. Кружокъ тридцатыхъ годовъ дѣйствительно началъ съ чистой теоріи, не имѣвшей связи съ нашей жизнью и заимствованной изъ чужого источника. Но, во-первыхъ, научная, и въ особенности чисто отвлеченная теорія есть всегда общее достояніе, которымъ можетъ пользоваться всякая образованность; во-вторыхъ, тамъ, гдѣ начиналось ея вліяніе на понятія о дѣйствительной жизни, гдѣ оказывалось ея прикладное значеніе, эта чужая теорія была понята у насъ и переработана совершенно независимо. Первоначальное заимствованіе ея изъ чужого источника не правилось доморощеннымъ мыслителямъ, но оно было однимъ изъ тѣхъ безчисленныхъ и неизбежныхъ заимствованій, на которыя вѣроятно еще довольно долго будетъ обречена наша запоздавшая и отстающая образованность. Наша домашняя наука не представляла тогда и тѣни чего-либо подобнаго заимствованной теоріи, какъ и до сихъ поръ не представляетъ ничего равнаго научному развитію какой-нибудь изъ главныхъ европейскихъ націй;

напротивъ, домашняя, т.-е. нѣсколько у насъ освоившаяся наука состояла большей частью изъ старыхъ ключковъ той же западной науки, прилаженныхъ еще къ требованіямъ нашей патріархальности. Защитники «самобытнаго» русскаго мышленія, попрекавшіе Бѣлинскаго и его друзей ихъ «западными» теоріями, забывали историческія преданія нашей образованности. Заимствованіе «западной» науки было освящено самымъ авторитетомъ, стоявшимъ во главѣ народа, и когда разъ была заявлена необходимость «западной» науки и она была допущена, когда мы постоянно пользовались ея практическими, внѣшними примѣненіями, — то поздно и нелѣпо было спрашивать у нея отчета въ тѣхъ теоретическихъ понятіяхъ, какія она создавала и вводила въ обращеніе: кто былъ недоволенъ результатами ея вліянія, тотъ долженъ былъ бы опровергать ихъ на той же почвѣ, выставлять доказательства противъ доказательствъ. Если научно-теоретическіе результаты не подходили подъ требованія традиціонной системы, это еще не могло говорить противъ ихъ разумности; въслѣдствіи традиціонная система даже внѣшнимъ образомъ начала подавлять эти результаты, но для людей, сколько-нибудь размышляющихъ, было ясно, что этотъ способъ дѣйствій мало убѣдителен...

Но, главное было въ томъ, что заимствованная теорія не осталась у нашихъ прозелитовъ неизмѣнной и неподвижной. Совершенно напротивъ, они усвоили ее какъ живое, сознаваемое убѣжденіе, провѣряли ее собственной мыслью, приложеніями къ жизни, отбрасывали выводы, которые казались имъ невѣрными, и извлекали новые, — теорія была ими самостоятельно переработана и послѣднія воззрѣнія ихъ далеко не были похожи на начало. Понятно, что при этомъ должны были оказаться и болѣе или менѣе значительныя отличія въ мнѣніяхъ разныхъ лицъ; и дѣйствительно, при сходствѣ общихъ понятій, у различныхъ членовъ круга составлялись разнообразныя оттѣнки мнѣній, въ которыхъ отражалось различіе характеровъ, склада ума и жизненнаго опыта. Однимъ словомъ, занятая теорія нисколько не сдѣлалась какой-нибудь узкой и условной доктриной, а напротивъ вошла какъ чисто отвлеченное основаніе, какъ методъ, приложеніе и развитіе котораго были уже дѣломъ самостоятельнаго труда. Окончательные результаты представляли уже «самобытное» русское мышленіе...

Теорія, послужившая исходнымъ пунктомъ въ образованіи мнѣній у людей «сороковыхъ годовъ», была, какъ извѣстно, Гегелевская философія. Университетъ, гдѣ представителями философіи были Павловъ и Надеждинъ, сообщилъ своимъ питомцамъ нѣкъ къ этимъ изученіямъ и предварительную школу. Ученики

Павлова и Надеждина стужили воспользоваться школой и покинув Шеллинга и Овена, которымъ слѣдовали и дальше которыхъ не шли ихъ руководители, самостоятельно взялись за изученіе Гегеля. Это была новѣйшая, послѣдняя ступень нѣмецкаго мышленія, и знакомство съ ней произвело въ нашихъ адептахъ философскаго изученія тоже сильное, увлекающее впечатлѣніе, какое эта философія оказывала тогда на своей родинѣ. Мы приводимъ, въ примѣчаніи, рассказъ Гервинуса о томъ всеобъемлющемъ господствѣ, какимъ пользовалась Гегелева философія въ Германіи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ: изъ этого рассказа понятно будетъ и ея дѣйствіе у насъ ¹⁾.

¹⁾ Упомянувъ о томъ, какъ нѣмецкая философія возстала противъ богословскихъ теорій Шлейермахера, Гервинусъ продолжаетъ:

„Это возстаніе противъ Шлейермахера было совершенно понятно... Философія должна была отомстить теологіи за 2000-лѣтнее угнетеніе; она чувствовала теперь свою силу, и въ этомъ сознаніи ей хотѣлось подчинить своему свѣтскому законодательству религію и ея науку; относительно этой науки, философія думала, что видѣтъ воистъ ея содержаніемъ, но хотѣла вознестись его изъ нѣмыхъ формъ чувства и представленія (на которыхъ утверждалъ теологію Шлейермахеръ) къ высшей формѣ яснаго понятія. Со времени реформаторской дѣятельности Канта, философія утвердила свое главное пребываніе въ Германіи, и съ того времени здѣсь прежде всего поступали въ горнило всѣ великія задачи науки, и, обработанныя здѣсь, отправлялись отсюда на философскіе рынки всей Европы. Со времени диктатуры Гегеля, которая была таверъ (около 1830-го года) во всей силѣ, это господство нѣмецкой философіи въ особенности казалось neodолимымъ, прочно утвержденнымъ первенствомъ. Въ 1818, Гегель былъ приглашенъ въ Берлинъ, въ это средоточіе научной жизни, гдѣ теологія и философія, правовѣдѣніе и языковѣніе соперничали въ неистощимыхъ усиліяхъ труда. Строгая серьезность этого человѣка, исполненнаго вѣры въ самого себя, преданнаго своей задачѣ какъ священному долгу, и непритупленная послѣдовательность и правильность его ученія собрали здѣсь вокругъ него всю равнодушную молодежь, которой въ безурядицѣ романтическихъ увлеченій требовалась цѣлительная дисциплина ума, или требовалось философское освѣщеніе ея спеціальной науки, или спасительное убѣжище изъ безотрадной общественной жизни. Защита и благоволеніе властей къ учителю и ученикамъ еще больше увеличили вліяніе ученія: оно сдѣлалось модой для дилеттантовъ, обязанностью для вступающихъ на службу, необходимою для искущаго занятій. Около того времени, когда возникли *Berliner Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik* (1827), передовая школа, подъ начальствомъ нѣсколькихъ старшихъ подмастерьевъ, расположилась около предводителя какъ завоевательное войско, и, часто не ушедши дальше формулъ тарабарскаго техническаго языка, проповѣдовала міру, что эта философія можетъ дать все, искусство и науку, истинную церковь, истинное государство. Въ чрезвычайно обширномъ кругу любознательныхъ ученыхъ, серьезныхъ чиновниковъ, даже образованныхъ дѣловыхъ бюргеровъ въ Германіи, эта школа распространила чувство обязанности, необходимости поладить съ этой новой вѣрой; школа старалась разъяснить смыслъ ученія даже нѣкоторымъ французамъ, которые увидѣли въ Гегелѣ — Спинозу, помноженнаго на Аристотеля, и видѣли его на вершинѣ пирамиды, которую складывала вся наука въ послѣднія три столѣтія. За учениемъ была признана слава, что онъ въ своей системѣ какъ-би свелъ въ истину

Довольно вспомнить это безусловное господство Гегелевой философии в Германии, где был тогда главный источник наших научных заимствований, чтобы видеть, как естественно было умение немецкой философией в молодом поколении тридцатых годов. Это было без сомненья высшее умственное явление, какое только могла представить тогдашняя Европа; никакая иная система, никакое иное учение старого и нового времени не могли

такъ тѣмъ всѣмъ нити современнаго образованія, что онъ украсилъ ее всѣми драгоценностями и достоинствами науки того поколѣнія, что онъ подчинилъ своей системѣ умственную работу классическаго періода немецкой литературы, что онъ собралъ въ себѣ просвѣщенное чувство, живое наблюденіе, смѣлое мышленіе, просвѣщеніе и всемірную образованность, всѣ плоды этого богатаго времени, что онъ, казалось, далъ немецкой умственной жизни мѣсто отдыха, откуда она увидѣла твердую цѣль, а по нѣмѣ самой школы—прочное завершеніе дѣла. Потому что это ученіе нѣмѣ, кажется, призываніе—положить все будущее въ оковы своей системы; оно говорило, что міровой цѣль достигъ своей цѣли; оно утверждало, что оно завершило борьбу конечнаго со-знанія съ абсолютнымъ, борьбу, наполняющую всю исторію философіи,—что оно со-сложило въ себѣ результаты всѣхъ прежнихъ системъ, которыя были простыми ступе-нями единой истинны,—что оно примирило всѣ мнѣнія, принципы и противорѣчія,—что послѣ столькихъ испробованныхъ формъ нашло послѣднюю, абсолютную форму, въ которой (послѣ того какъ Шеллингъ указалъ абсолютное содержаніе философіи) метода становится тождественна съ содержаніемъ, любовь къ знанію становится дѣй-ствительнымъ знаніемъ, любовь къ мудрости дѣлается мудростью. Въ то время не стали бы слушать человѣка, который бы сталъ напоминать школъ собственныя слова учителя, который самъ признавался, что какая бы то ни было философія никогда не можетъ выйти изъ своего настоящаго міра. Тогда не стали бы слушать человѣка, который бы предостерегалъ отъ исключительнаго признанія какой-нибудь одной си-стемы, съ той точки зрѣнія, что разнообразіе формъ и смѣна представлений въ этомъ мірѣ есть условіе его существованія, и что призываніе найти средину этихъ проти-воположностей, свойство этихъ колебаній, чтобы дать одному опредѣленному пред-ставленію абсолютное, а не относительное достоинство, есть заблужденіе, исполненіе котораго означало бы ступень къ смерти въ вещахъ и пораженіе всѣхъ духовныхъ силъ. Тогда не стали бы слушать человѣка, который выразилъ бы сомнѣніе въ томъ, удобно ли предпринять такое всеобъемлющее метафизическое зданіе именно въ то время, когда при совершенно новомъ раздѣленіи труда и болѣе глубокомъ вниманіи во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности совершались всеобщіе перевороты, который не благопріятствовалъ какому-нибудь завершенію знанія, потому что онъ скорѣе былъ началомъ совершенно новаго рода научнаго изслѣдованія. Этого нѣмѣ непогрѣши-мости не могло разсѣять то обстоятельство, что это, забывшее о времени, философ-ское ринарство, во многихъ изъ своихъ смѣлыхъ предположеній,—какъ, напр., въ лекціяхъ Гегеля о разстояніи планетъ, или въ его доказательствахъ старости міра,—по-требовало доктринистическаго пораженія, или что специалисты находили въ частныхъ раз-личіяхъ системъ, источникахъ и результаты поставленными наизворотъ... Тогда стали бы смѣяться надъ человѣкомъ, который усумнился бы, не раздѣлять ли и эта фило-софія недогматичную судьбу всѣхъ явившихся въ послѣднее время системъ; и это умственное господство, установленное въ пору удаленія отъ безотраднѣйшей современной исторіи, не распадется ли въ ту минуту, когда болѣе знаменательный часъ ударитъ на великихъ часахъ времени?" *Gervinus, Gesch. des neunz. Jahrh. 8, стр. 24—27.*

идти въ сравненіе съ этой универсальной философіей, которую, казалось, нужно было только понять и изучать, чтобы достигнуть вершины человѣческаго мышленія... Конечно, въ тогдашнихъ мнѣніяхъ учениковъ Гегеля объ его системѣ было большое заблужденіе, но тѣмъ не менѣе система имѣла законныя права на свою славу и въ своемъ смыслѣ была дѣйствительно завершающимъ явленіемъ въ тогдашней наукѣ...

Введеніе Гегелевой философіи было дѣломъ Станкевича, извѣстнаго даровитаго юноши, которому вообще принадлежало большое умственное и нравственное вліяніе въ молодомъ кружкѣ. Его имя въ особенности связано съ развитіемъ Бѣлинскаго и потомъ Грановскаго. Гегелева философія стала всепоглощающимъ интересомъ. Друзья Станкевича, посвященные имъ въ философію Гегеля, увлеклись ею какъ откровеніемъ науки. Она была постояннымъ предметомъ ихъ бесѣдъ и горячихъ споровъ. По разсказамъ современника, — «нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности» и о ея *по-себѣ бытіи*. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней... Русскіе гегелианцы устроили себѣ особенный языкъ: «они не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще для большей легкости оставляя всѣ латинскія слова *in crudo*, давая имъ православныя окончанія и семь русскихъ падежей»... Понятно, что на первыхъ же порахъ стали сказываться и невыгодныя стороны ухищренной философской отвлеченности. «Рядомъ съ испорченнымъ языкомъ шла другая ошибка болѣе глубокая. Молодые философы наши испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманье; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманье простыхъ вещей, надъ которымъ такъ гениально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Мефистофеля съ студентомъ. Все *от самыхъ дѣтъ* непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи, и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому, что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы

отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космо-
сомъ, и если ему попадались по дорогѣ какой-нибудь солдатъ
въ хмѣльномъ или баба, вступающая въ разговоръ, философъ
не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народ-
ную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза,
навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему
порядку, къ «гемюту» или къ «трагическому въ сердцѣ»... То же
и въ искусствѣ. Знаніе Гёте, особенно второй части Фауста (оттого
ли, что она хуже первой, или оттого, что труднѣе ея) было
столько же обязательно, какъ имѣть платье. Философія музыки
была на первомъ планѣ. Разумѣется, объ Россини и не гово-
рили, къ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его
дѣтскимъ и бѣднымъ, за то производили философскія слѣдствія
изъ каждымъ аккордомъ Бетховена... Наравнѣ съ итальянской
музыкой дѣлила опалу французская литература и вообще все
французское, а по дорогѣ и все политическое».

Это крайнее идеалистическое настроеніе не могло удержаться
долго въ людяхъ съ такимъ живымъ талантомъ и дѣятельной
мыслью, какъ были люди этого кружка, и въ особенности Бѣ-
линскій. Впослѣдствіи, они освободились отъ этого настроенія. Но
и на этой степени, идеализмъ молодыхъ гегелианцевъ, въ его бо-
лѣе серьезныхъ примѣненіяхъ, былъ новостью и успѣхомъ въ ли-
тературныхъ понятіяхъ. Новыя философскія изученія устраняли
съ перваго раза ту произвольную неопредѣленность, почти без-
содержательность романтическихъ теорій, которая господствовала
въ поэзіи и критикѣ нашихъ романтиковъ, и въ первый разъ
дали возможность опредѣленной и раціональной критики. Подъ
внушеніемъ идей этого перваго періода Бѣлинскій написалъ свои
«Литературныя мечтанія» (1834), въ которыхъ, съ этой новой
точки зрѣнія, онъ отрицалъ у насъ существованіе настоящей ли-
тературы и опредѣлялъ, чѣмъ должна быть литература, заслужи-
вающая этого имени. Эта обширная статья, написанная съ боль-
шимъ одушевленіемъ, была достойнымъ началомъ его критиче-
скаго поприща ¹⁾.

¹⁾ „У насъ нѣтъ литературы, — говоритъ онъ въ концѣ статьи, — я поосторю
ся съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, ибо въ сей истинѣ вижу залогъ нашихъ бу-
дущихъ успѣховъ“. Въ этихъ словахъ сказана основная мысль статьи, и Бѣлинскій
былъ конечно правъ, видя въ ясномъ сознаніи бѣдности литературы залогъ ея буду-
щаго успѣха. „Присмотритесь хорошенько къ ходу нашего общества, продолжаетъ
онъ, — и вы согласитесь, что я правъ. Посмотрите, какъ новое поколѣніе, разочаро-
ванное въ гениальности и бессмертіи нашихъ литературныхъ произведеній, вмѣсто
того, чтобы издавать въ свѣтъ недозрѣлыя творенія, съ жадностью предаются изуче-

Не будемъ пересказывать подробностей того, какъ постепенно развивались мнѣнія Бѣлинскаго. Существенное изъ этого было довольно обстоятельно рассказано другими, — напр., нѣкоторыми изъ его современниковъ и авторомъ статей о Гоголевскомъ періодѣ. Необходимо однако, когда идетъ рѣчь о Бѣлинскомъ, имѣть въ виду путь его развитія, на которомъ онъ проходилъ нѣсколько различныхъ ступеней. Дѣло въ томъ, что его противники, и въ сороковыхъ годахъ, и въ семидесятыхъ, много разъ принимались обвинять Бѣлинскаго въ отсутствіи прочныхъ убѣжденій, въ легкомысленной и быстрой переменѣ взглядовъ: говорили, 'будто бы онъ «внезапно» измѣнялъ свои мнѣнія о «самыхъ высокихъ предметахъ человѣческаго вѣдѣнія», изъ одной крайности впадалъ въ другую, дѣлаясь, напримѣръ, изъ «пламеннаго христіанина — отчаяннымъ (?) безбожникомъ и пропагандистомъ» ¹⁾. Въ разныхъ видахъ, эта тема много разъ повторялась въ литературѣ, и враги Бѣлинскаго, какъ видимъ, до сихъ поръ съ любовью возвращаются къ ней. Но насколько правды въ этихъ обвиненіяхъ? Бѣлинскій, дѣйствительно, въ разное время имѣлъ весьма несходныя мнѣнія о «самыхъ важныхъ» предметахъ человѣческаго вѣдѣнія (о «неважныхъ» смѣшно было бы говорить); иногда могло казаться, что переменна мнѣній совершалась довольно скоро (увидимъ дальше почему это могло казаться), — но только по неразумѣнію, по пристрастію, или злему намѣренію можно говорить о «неосновательной» измѣнчивости его мнѣній. Самъ Бѣлинскій совершенно вѣрно указалъ причину измѣнчивости своихъ мнѣній, когда на подобныя обвиненія славянофильскаго писателя (М... З... К...) отвѣчалъ, что вопросъ о томъ, сообразна ли съ способностью страстнаго, глубокаго убѣжденія способность измѣнять его, «давно рѣшенъ для всѣхъ тѣхъ, его любить истину больше себя и всегда готовъ пожертвовать ей своимъ самолюбіемъ»... Бѣлинскому дѣйствительно приходилось жертвовать и

нію наукъ и черпаетъ живую воду просвѣщенія въ самомъ источникѣ. Въѣкъ *ребячества* проходитъ видимо. И дай Богъ, чтобы онъ прошелъ скорѣе. Но еще болѣе дай Богъ, чтобы поскорѣе всѣ разувѣрились въ нашемъ литературномъ богатствѣ! Благородная нищета лучше мечтательнаго богатства! Придетъ время — просвѣщеніе разольется въ Россіи широкимъ потокомъ, умственная фizioномія народа вѣнчается, и тогда наши художники и писатели будутъ на всѣ свои произведенія налагать печать русскаго духа. Но теперь намъ нужно ученіе! ученіе! ученіе!... Сочин. Бѣлинскаго, т. I, стр. 130—131.

¹⁾ Такія слова находятъ въ новѣйшихъ обвиненіяхъ г. Погодина, который, по собственнымъ словамъ его, «заднимъ числомъ» принялся обличать Бѣлинскаго: это очень удебно, — въ прежнее время можно было рисковать очень суровымъ отворомъ со стороны обличаемаго.

самолюбиемъ, и тяжело выносить воспоминаніе о прежнемъ заблужденіи. Такъ было, напримѣръ, съ извѣстной статьёй о «Бородинской годовщинѣ»¹⁾. Когда говорятъ теперь объ измѣнчивости мнѣній Бѣлинскаго, то берутъ обыкновенно его мнѣнія тридцатыхъ годовъ и ставятъ рядомъ мнѣнія конца сороковыхъ годовъ,—но въ томъ и дѣло, что между этими крайними пунктами прошёлъ цѣлый періодъ развитія, смѣна нѣсколькихъ послѣдовательныхъ ступеней, которыя совершенно объясняютъ окончательный результатъ. Сколько-нибудь внимательное наблюденіе этого періода могло бы показать, что эта смѣна совершалась нѣсколько не произвольно, и напротивъ очень естественно и съ такою постепенностью, что читая статьи одну за другой, въ хронологическомъ порядкѣ, дѣйствительно невозможно замѣтить никакого перерыва,—какъ это было уже давно указано однимъ изъ критиковъ Бѣлинскаго. Самый замѣтный перерывъ въ понятіяхъ Бѣлинскаго произошелъ, вѣроятно, послѣ упомянутой статьи о «Бородинской годовщинѣ»,—но и это объясняется обстоятельствами дѣла. Бѣлинскій былъ не измѣнчивъ, а напротивъ крайне упоренъ въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя казались ему правильными; но, съ другой стороны, если ему доказывали или онъ самъ убѣждался, что его взглядъ былъ ошибоченъ, онъ не лицебріилъ, не прибѣгалъ къ столь обыкновеннымъ уловкамъ сохранить хоть наружную правоту, но открыто сознавался въ заблужденіи. Статья о «Бородинской годовщинѣ», какъ разсказываютъ современники, была написана именно въ пору крайняго увлеченія, когда онъ, раздраженный рѣзкимъ противорѣчіемъ другихъ, еще сильнѣе, въ послѣднее опроверженіе противниковъ и въ досадѣ на нихъ, высказалъ свои понятія: но противорѣчія, имъ слышанныя, запали въ его мысль, онъ обдумалъ ихъ, и мнѣнія противника, которыя были дѣйствительно вѣрнѣе, наконецъ, побѣдили упорство Бѣлинскаго. Потомъ онъ самъ же искалъ случая, чтобы сознаться въ этомъ передъ самимъ противникомъ. Примѣръ такой честности мнѣній встрѣчается не часто...

Бѣлинскій былъ журналистъ; по природѣ, это былъ человѣкъ, глубоко дорожившій правдой, и потому стремившійся высказываться, убѣждать, дѣйствовать на другихъ: въ теченіе своего поприща онъ высказывался постоянно, такъ что въ его сочиненіяхъ естественно отразился и сохранился весь процессъ его внутренняго развитія, и всѣ послѣдовательныя его ступени, — отдѣльно каждый конечно не похожіе одинъ на другой. Но только люди,

¹⁾ 1839 годъ.

не испытывшіе на самихъ себя этого процесса, не имѣющіе понятія о мучительной борьбѣ съ сомнѣніемъ, могутъ видѣть въ этомъ только отсутствіе серьезности. Подобныя обвиненія особенно бессмысленны и отвратительны со стороны людей, для которыхъ убѣжденіе не существуетъ или бываетъ дѣломъ практическаго расчета. «Средній человѣкъ», который сегодня — благонамѣреннѣйшій консерваторъ, завтра — застойный либераль, послѣзавтра — обскурантъ, не можетъ вообще понять, какъ можетъ другой человѣкъ измѣнять свои мнѣнія не по тонкимъ соображеніямъ обстоятельствъ, а только по внушенію собственной мысли и нравственнаго чувства, какъ для него бываетъ дѣломъ *совѣсти* — отказаться отъ прежняго мнѣнія, когда ошибочность его будетъ доказана. Для людей, не безпечующихъ себя особыми заботами об истинѣ, непонятно, что сомнѣніе можетъ простирается на самыя важныя предметы человѣческаго вѣдѣнія; имъ неизвѣстно, что только путемъ сомнѣнія и критики можетъ быть достигнуто разумное пониманіе этихъ важныхъ предметовъ, и благочестиво осуждая сомнѣвающихъ, они забываютъ, что сомнѣніе — вовсе не выгодное занятіе, потому что слишкомъ легко можетъ навлечь большія практическія неудобства... Исторія мнѣній Бѣлинскаго именно любопытна и характеристична какъ исторія развитія понятій, въ тогдашнихъ условіяхъ нашей образованности, у человѣка даровитаго, проникнутаго горячимъ желаніемъ истины и общественнаго блага, и который, начавши признаніемъ *statusquo*, мало-по-малу, путемъ размышленія и жизненнаго опыта, приходилъ къ отрицанію этого *statusquo* и стремился къ инымъ идеаламъ. Чего стоило Бѣлинскому это развитіе, объ этомъ онъ не жалеетъ самъ, отвѣчая славянофильскому критику М... З... К... на обвиненія въ легкой переменчивости его мнѣній. Мы указывали сейчасъ эти слова; прибавимъ теперь заключеніе: «Что касается до вопроса, сообразна ли съ способностью страстнаго, глубокаго убѣжденія способность измѣнять его, онъ давно рѣшенъ для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ истину больше себя и всегда готовъ пожертвовать ей своимъ самолюбіемъ, откровенно признаваясь, что онъ, какъ и другіе, можетъ ошибаться и заблуждаться. Для того же, чтобъ вѣрно судить, легко ли отбывался такой человѣкъ отъ убѣжденій, которыя уже не удовлетворяли его, и переходилъ къ новымъ, или это *сеида* бывало для него *болѣзненнымъ процессомъ*, стоило ему *горькихъ разочарованій, тяжелыхъ сомнѣній, мучительной тоски*, для того, чтобы судить объ этомъ, прежде всего надо быть увѣреннымъ въ своемъ безпри-

страсти и добросовѣстности...»¹⁾ О послѣднемъ надо напомнить и новѣйшимъ его обвинителямъ.

Должно замѣтить, что это постепенное видоизмѣненіе и окончательное образованіе взглядовъ Бѣлинскаго не было только его личной исключительной исторіей, но принадлежало, въ большей или меньшей степени, всему кругу, съ которымъ онъ дѣлилъ свое развитіе. Всѣ люди этого круга (за исключеніемъ двухъ-третей, имѣвшихъ свой особый путь развитія) начинали отвлеченной философіей, полнымъ консерватизмомъ или даже безучастіемъ въ общественныхъ вопросахъ, и всѣ пришли потомъ къ тому же отрицательному или критическому пониманію тогдашней общественности. Бѣлинскаго отличала только энергія, которую онъ вносилъ въ дѣло своихъ убѣжденій, страстное увлеченіе тѣмъ, что казалось ему истиной, неспособность останавливаться на полдорогѣ между двумя разными точками зрѣнія, — какъ это бываетъ у большинства. Наконецъ, у Бѣлинскаго вся эта исторія была на виду, по самому характеру его дѣятельности она высказалась съ первой исходной точки до послѣдняго результата, — тогда у другихъ она проходила незамѣтно.

Путь развитія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очень естественный. Бѣлинскій и его друзья не могли остановиться на ихъ первой философско-идеалистической точкѣ зрѣнія. «Исключительно умозрительное направленіе, — справедливо замѣчаетъ свидѣтель той эпохи, — совершенно противоположно русскому характеру... *русскій духъ* переработалъ Гегелево ученіе, и наша живая натура, несмотря на всѣ постриженія въ философскіе монахи, беретъ свое». Различныя обстоятельства содѣйствовали тому, что отвлеченная мысль стала сближаться съ дѣйствительностью и принимать иное направленіе.

Изъ своей философской школы Бѣлинскій вынесъ хорошую логическую дисциплину, опредѣленные и широкія воззрѣнія на литературу; собственный критическій тактъ, замѣчательнымъ достоинствамъ котораго отдавали и теперь отдаютъ справедливость сами его противники, уже рано доставлялъ ему вѣрную точку зрѣнія на произведенія литературы. По этимъ теоретическимъ приемамъ, онъ стоялъ уже гораздо выше старыхъ романтиковъ; но его понятія общественныя оставались еще строго консервативными, въ силу извѣстныхъ толкованій Гегелевой философіи, изъ которыхъ выводилось оправданіе существующаго. Съ этими взглядами Бѣлинскій явился даже и въ первыхъ статьяхъ «Оте-

¹⁾ Сочиненія, XI, стр. 257—258.

чественныхъ Записокъ», гдѣ эта точка зрѣнія была доведена до послѣдняго предѣла, за которымъ послѣдовала упомянутый выше поворотъ.

Но Бѣлинскій не могъ долго оставаться при этихъ мнѣніяхъ. Прежде всего, собственная работа мысли не дала Бѣлинскому остановиться на «примиреніи», которому онъ могъ еще предаваться въ пору юношескаго оптимизма и подъ вліяніемъ мягкой, любящей, идеалистической по преимуществу природы Станкевича. Та «дѣйствительность», которую теперь они толковали теоретически, должна была выясняться при каждой встрѣчѣ съ практической жизнью, и Бѣлинскому должны были бросаться въ глаза неодолимыя препятствія въ примиренію этой дѣйствительности съ разумностью. Бѣлинскій, усвоивши себѣ положенія Гегелевой философіи (хотя, не зная по-нѣмецки, онъ узнавалъ еѣ изъ вторыхъ рукъ), былъ въ особенности чуждъ въ слабымъ сторонамъ этой философіи. Современникъ рассказываетъ такой примѣръ. «Однажды, проспоровивши цѣлые часы противъ боязливаго пантеизма берлинцевъ, Бѣлинскій всталъ и сказалъ своимъ дрожащимъ и прерывающимся голосомъ: «Вы хотите увѣрить меня, что цѣль человѣка — привести абсолютный духъ къ сознанію самого себя, и вы довольствуетесь этой ролью; что касается до меня, я не такъ глупъ, чтобы служить покорнымъ орудіемъ кому то бы то ни было. Если я думаю, страдаю, я думаю и страдаю для себя. Вашъ абсолютный духъ, если онъ существуетъ, мнѣ чуждъ. Мнѣ нѣтъ до него дѣла, потому что у меня нѣтъ съ нимъ ничего общаго»... Съ тѣхъ поръ,—прибавляетъ тотъ же современникъ,—какъ начали проповѣдовать нелѣпость дуализма, первый даровитый человѣкъ, занявшійся у насъ нѣмецкой философіей, замѣтилъ, что она — реалистическая только на словахъ, что въ сущности она оставалась... логическимъ монастыремъ, куда люди бѣжали отъ міра, чтобы погрузиться въ отвлеченности».

Жизненный опытъ рано сталъ указывать Бѣлинскому ту мрачную и тяжелую сторону дѣйствительности, которая не легко поддается теоретическимъ примиреніямъ. Еще мальчикомъ онъ узналъ на себѣ тягость семейнаго деспотизма, и въ провинціальномъ захолустьѣ видѣлъ немало темныхъ сторонъ русской жизни, видѣлъ ту настоящую дѣйствительность, правдивое изображеніе которой въ литературѣ онъ встрѣтилъ потомъ какъ первый залогъ зрѣлости литературы. Повидимому, онъ самъ пытался изображать эту жизнь, какъ онъ зналъ ее. По разсказамъ извѣстно, что еще будучи студентомъ онъ написалъ драму, въ которой выведены были сцены крѣпостного права и гдѣ между прочимъ

слута убиваетъ своего господина: какъ говорятъ, эта драма, представленная Бѣлинскимъ въ университетскій совѣтъ, послужила настоящимъ поводомъ къ различнымъ притѣсненіямъ и наконецъ къ исключенію Бѣлинскаго изъ университета.

Съ переездомъ въ Петербургъ, мнѣнія Бѣлинскаго объ общественныхъ предметахъ стали въ особенности измѣняться въ томъ смыслѣ, какой онѣ окончательно приняли въ послѣдніе годы. Петербургъ имѣлъ на него отрезвляющее дѣйствіе отъ самообольщенія теоретическими построениями: впечатлѣнія «дѣйствительности» были здѣсь особенно близки, и надо было быть особенно расположену обманывать себя, чтобы не принять этихъ впечатлѣній и остаться на прежней идеалистической точкѣ зрѣнія. Журнальная дѣятельность указала ему и обратную сторону официального просвѣщенія, на которое онъ нѣкогда возлагалъ свои надежды...

Въ реалистическихъ взглядахъ утверждало его и наблюденіе литературы. Въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ статей (о русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя) Бѣлинскій высоко поставилъ Гоголя, какъ писателя, начинающаго новый періодъ литературы. Появленіе «Мертвыхъ Душъ» завершило кругъ произведеній Гоголя, съ которыми дѣйствительно вошелъ въ литературу новый элементъ: имъ безъ сомнѣнія принадлежало большое вліяніе и въ образованіи тѣхъ общественныхъ взглядовъ, которые въ послѣдніе годы одушевляли критику Бѣлинскаго. Замѣчено было, что параллельно съ тѣмъ, какъ развивалась дѣятельность Гоголя, происходило измѣненіе въ отзывахъ Бѣлинскаго о состояніи нашей литературы: онъ больше и больше покидаетъ отрицаніе нашей литературы, наслѣдованное отъ Надеждина, и переходитъ къ убѣжденію, что у насъ есть или начинается дѣйствительная литература, у которой есть свое развитіе и исторія; онъ находитъ въ литературѣ серьезный общественный смыслъ, и рядомъ съ этимъ покидаетъ теорію чистаго искусства. Содержаніе сочиненій Гоголя было таково, что иллюзіи относительно «дѣйствительности» были невозможны, и Бѣлинскій въ своей критикѣ приходилъ къ такъ называемому отрицательному общественному направленію совершенно параллельно съ тѣмъ, что дѣлалось тогда въ самой поэтической литературѣ.

Но были и болѣе прямые вліянія, дѣйствовавшія на образъ мыслей Бѣлинскаго: онѣ выходили изъ среды самого кружка, въ его послѣднемъ составѣ.

Въ то первое время, когда собирались вокругъ Станкевича молодые любители философіи, въ другомъ кружкѣ ихъ сверстни-

ковъ зарождалось другое направление, также теоретическое и идеальное, но съ перваго раза обратившееся къ вопросамъ иного характера. Это направление, представителями котораго были Герценъ и Огаревъ, и особенно первый, было, какъ и направление Станкевича, результатомъ и домашнихъ условий, и вліяній европейской литературы; и неясныя въ началѣ, инстинктивно-понятныя отголоски движенія двадцатыхъ годовъ, и поэзія Шиллера, и новѣйшая политическая и социальная литература (но не германская философія) положили основаніе образу мыслей, несходному съ интересами кружка Станкевича и направленному всего болѣе на предметы политическіе. Но когда люди обоихъ этихъ направлений встрѣтились нѣсколько позднѣе, около 1840 года, и, начавши спорами, успѣли отчасти объяснить себя другъ другу, то оказалось, что въ ихъ стремленіяхъ было много родственнаго, что вскорѣ и сблизило ихъ до дружескихъ отношеній, и наконецъ до полного согласія общихъ взглядовъ. Одни поступились философскимъ идеализмомъ, другіе приняли съ своей стороны за Гегеля и научились философскому методу, и для обоихъ обозначилась одна общая цѣль—ввести въ литературу и въ умы общества тѣ принципы, въ которыхъ они приходили изученіемъ европейской образованности.

Развитіе Герцена было самобытно и исключительно, какъ была самобытна его высоко-даровитая природа. Не повторяя извѣстныхъ фактовъ его біографіи и его собственныхъ разъясненій, довольно замѣтить, что сильный умъ, блестящій талантъ писателя и рѣдкое остроуміе соединялись въ немъ съ чрезвычайно обширнымъ образованіемъ,—качества, которыя потомъ нашли успѣхъ и признаніе въ европейской литературѣ ¹⁾. Съ самаго начала его сознательной жизни, мысли его получили политическое направленіе, въ смыслѣ самаго рѣшительнаго либерализма: онъ изъ дома вынесъ вражду къ крѣпостному праву, а затѣмъ и отрицаніе цѣлой общественности того времени. Конечно, онъ могъ только отчасти высказывать въ литературѣ свой взглядъ на вещи, но въ его произведеніяхъ всегда слышалась свѣжая освободительная струя, возбужденіе къ критикѣ, вражда къ застою, обскурантизму и общественной несправедливости. Его остроумная, живописная, тонкая манера съ перваго раза дали большую популярность избранному имъ псевдониму. Его энциклопедическая образованность дѣлала его сочиненія прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для умовъ, въ которыхъ была потребность живого знанія. На Бѣлинскаго

¹⁾ Ср. его біографію, написанную Альтгаузомъ, въ *Unsere Zeit*, 1872.

онъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе, противодѣйствуя крайностямъ его идеализма: статья о «Бородинской годовщинѣ» поссорила ихъ, но вскорѣ, когда самъ Бѣлинскій увидѣлъ свою ошибку и свое странное положеніе, они тѣмъ больше сблизились. Ихъ соединялъ одинаковый энтузіазмъ; но Герценъ далеко превосходилъ его своимъ многостороннимъ образованіемъ, знакомствомъ съ новейшей исторіей и новѣйшей литературой, и въ этомъ отношеніи, кажется, немало помогать Бѣлинскому. Если не ошибаемся, онъ, между прочимъ, указалъ Бѣлинскому значеніе произведеній Жоржа-Занда, къ которымъ тотъ прежде относился съ большимъ предубѣжденіемъ и враждой. Во внутреннихъ вопросахъ, между ними, кажется, уже скоро не было никакихъ споровъ...

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, въ московскомъ университетѣ наступаетъ новая оживленная пора, вслѣдствіе пріѣзда молодыхъ профессоровъ, окончившихъ за-границей свои приготовленія къ кафедрѣ: съ ними вошелъ въ нашу умственную жизнь новый запасъ европейскаго научнаго знанія и глубокаго интереса къ успѣхамъ русскаго просвѣщенія. Станкевичъ, проводившій послѣдніе годы жизни за границей, умеръ въ 1841 году. Въ Москвѣ образовался новый кружокъ, болѣе зрѣлаго характера, въ которомъ собрались также прежніе друзья Станкевича и которому предстояла не менѣе благотворная дѣятельность. Чтобы характеризовать его, довольно назвать имя Грановскаго, который тѣсно сдружился со Станкевичемъ за границей, и по собственнымъ словамъ, много занялъ отъ него въ своемъ развитіи и наминалъ его своей китой, идеальной человѣчностью. «Въ числѣ друзей Грановскаго,—говоритъ его биографъ,—вскорѣ явился человѣкъ, сдѣлавшійся для него дорогимъ на всю его жизнь. Въ 1842 году переселился въ Москву изъ Новгорода А. И. Герценъ. Живой, умный, разнообразно образованный, полный интересовъ научныхъ и общественныхъ, даровитый и остроумный, онъ соединялъ въ себѣ все, что дѣлало его бесѣду и сообщество привлекательнымъ и живительнымъ для Грановскаго и друзей его. Тѣсный кружокъ друзей собирался часто вмѣстѣ. Каждый изъ нихъ много читалъ. Всякое значительное явленіе, къ какой бы области знанія, искусства, литературы ни принадлежало оно, было извѣстно одному изъ нихъ. Прочтенное и узнанное въ спорахъ и бесѣдахъ дѣлалось общимъ достояніемъ друзей. Рядомъ съ веселой бесѣдой, шутками и остротами, друзья обмѣнивались мнѣніями, мыслями, новостями. Въ частыхъ бесѣдахъ обобщались ихъ понятія и мнѣнія. Въ этомъ кружкѣ образованныхъ и одушевленныхъ живыми интересами людей нерѣдко появлялись замѣчательнѣйшіе и дарови-

тѣйшіе изъ нашихъ литераторовъ и артистовъ... Друзья не довольствовались наслажденіемъ мыслію и знаніемъ. Они были дѣтельны въ той мѣрѣ, въ какой современныя условія допускали научную и литературную дѣятельность. Иной изъ нихъ издавалъ газету, другой переводы, третій писалъ статьи для журнала...

Грановскаго знали Бѣлинскій еще раньше, въ Москвѣ, до отъѣзда перваго за границу. Теперешній московскій кружокъ остался въ дружескихъ связяхъ съ Бѣлинскимъ и послѣ перѣзда его въ Петербургъ. Московскій кружокъ (Герценъ, Грановскій, Кудрявцевъ, писавшій подь псевдонимомъ Нестроева, Боткинъ и др.) постоянно участвовали въ журналѣ, гдѣ работалъ Бѣлинскій, — сначала въ «Отечественныхъ Запискахъ», потомъ въ «Современникѣ». Эти силы дѣйствовали въ одномъ общемъ направленіи: всѣ, болѣе или менѣе воспитавшіеся въ идеальныхъ стремленіяхъ, проникнуты были желаніемъ работать для просвѣщенія и гуманности; всѣ одинаково понимали недостатки русскаго общества въ этомъ отношеніи, и находили единственное средство для лучшаго будущаго въ широкомъ распространеніи образованія, и, въ дальнѣйшей перспективѣ, — убѣждены были въ необходимости развитіи въ обществѣ понятіе о болѣе совершенныхъ формахъ общественнаго устройства и стремленіе къ нимъ. Бѣлинскій безъ сомнѣнія многое заимствовалъ отъ этихъ друзей московскаго круга, отъ умственной и нравственной солидарности съ ними. Такъ отъ вліянія Герцена, въ значительной степени, произошелъ его поворотъ съ консервативно-идеалистической точки зрѣнія, и болѣе строгій и внимательный взглядъ на свойства нашей общественности. Отсюда шелъ новый взглядъ его на французскую литературу, противъ которой онъ былъ предубѣжденъ въ прежнее время, по пристрастію къ мнѣніямъ нѣмецкой философіи; такъ, онъ сталъ восторженнымъ поклонникомъ художественнаго таланта и общественной тенденціи Ж. Занда. Интересъ къ современной исторіи, къ политическимъ и социальнымъ движеніямъ европейскаго общества съ новой стороны дополнилъ и исправилъ прежнія мнѣнія Бѣлинскаго и окончательно утвердилъ его понятія о томъ, что нужно для успѣховъ русскою общественной жизни и образованности... Недавно его назвали, съ цѣлью лишняго уязвленія, социалистомъ. Собственно говоря, не было бы большой бѣды, если бы это обозначеніе было вѣрно, — потому что весь тогдашній «соціализмъ», какой и былъ, конечно былъ не больше какъ однимъ изъ тѣхъ идеальныхъ увлеченій, которыя въ особенности развиваются въ извѣстные періоды, какъ необходимая потребность наполнить пустоту и бѣдность общественной жизни, и въ этомъ смыслѣ совершенно

законы; что нашъ такъ-называемый «соціализмъ», будучи невиненъ логически, какъ чисто идеалистическая вещь, былъ столько же невиненъ и въ практически-гражданскомъ отношеніи, — объ этомъ странно и говорить, потому что онъ никогда не выходилъ изъ области мечтаній. Что касается до Бѣлинскаго, то въ его мнѣніяхъ, кажется, и вовсе не было никакого соціализма. Въ вопросахъ внутренней жизни русскаго общества, которые все больше начинали его занимать въ послѣдніе годы, онъ довольно ясно видѣлъ положеніе вещей; его такъ-называемое отрицаніе обращалось противъ самыхъ дѣйствительныхъ золъ нашего общественнаго и народнаго быта, противъ крѣпостнаго права, бюрократическаго произвола, всякаго рода общественной несправедливости, обскурантизма и т. д., и надо полагать, что эти, слишкомъ осязательныя и слишкомъ часто напоминавшія о себѣ явленія были для него предметомъ такого близкаго значенія и такъ его возбуждали, что едва ли онъ могъ найти интересъ въ системѣ, столь крайне идеалистической, какъ тогдашній соціализмъ. Онъ, повидимому, не задавался столь отдаленными перспективами. Наконецъ, въ его сочиненіяхъ нѣтъ ничего похожаго на соціализмъ...

Въ сороковыхъ годахъ, кружокъ друзей, которые лѣтъ десять передъ тѣмъ съ юношескимъ энтузіазмомъ увлекались нѣмецкой философійю и были мало замѣтны въ литературѣ, еще полной романтическими преданіями, — этотъ кружокъ, съ своими новыми развитіями, хотя все еще немногочисленный, занималъ въ литературѣ господствующее положеніе. Разнообразная дѣятельность Герцена, университетское преподаваніе и историческія сочиненія Грановскаго, труды по русской исторіи гг. Соловьева, Кавелина, Павлова, изученіе европейской новѣйшей исторіи, политико-экономическіе интересы, изученіе новой европейской литературы — въ работахъ Фролова, Боткина, Кудрявцева, Влад. Милютина, Анненкова и т. д., все это вносило въ литературу содержаніе, полное глубокаго значенія. Эта дѣятельность, проникнутая однимъ общимъ характеромъ, — стремленіемъ къ просвѣщенію, къ объясненію русской жизни, къ нравственному освобожденію, — съ пермго раза, какъ она могла установиться нѣсколько правильно, привлекала къ себѣ ту часть общества, въ которой были лучшіе задатки и въ которой подобныя стремленія еще оставались неизгнаннымъ инстинктомъ. Бѣлинскому, въ этой дѣятельности, принадлежала очень важная роль: онъ не былъ въ этомъ цѣломъ кругу господствующей личностью, — которой и вовсе не было; — многимъ онъ даже обязанъ былъ другимъ, — но это былъ человѣкъ страстнаго убѣжденія, неутомимой дѣятельности, и онъ, безъ сомнѣнія,

сдѣлалъ больше всѣхъ другихъ въ распространеніи тѣхъ понятій, которыя составляли содержаніе и особенность такъ-называемаго «западнаго» направленія.

Главная сила таланта Бѣлинскаго состояла въ живомъ пониманіи искусства; проникательность его критики, признаваемая самими его противниками, много разъ замѣчательнымъ образомъ оправдывалась. Главная заслуга Бѣлинскаго — созданіе русской критики, и вмѣстѣ—эстетической исторіи литературы. Съ первой статьи, которою онъ началъ свое критическое поприще, онъ устанавливаетъ теоретическія понятія о литературѣ, изъ которыхъ, путемъ послѣдовательнаго развитія, образовались его позднѣйшія понятія. Въ своихъ эстетическихъ представленіяхъ, онъ началъ съ теоріи безсознательнаго творчества, но по мѣрѣ того, какъ спадалъ философскій туманъ и разъяснялось для него жизненное значеніе искусства, Бѣлинскій отклоняется отъ первоначальной точки зрѣнія, и даетъ все больше и больше мѣста теоріи сознательнаго творчества и требованіямъ жизни и общества. Онъ понимаетъ теперь искусство уже не какъ безсознательное и эгоистическое витаніе художника въ его исключительной сферѣ, но какъ одно изъ выраженій жизни, разумѣніе которой и служеніе ей обязательны для художника, какъ для всякаго мыслящаго человѣка. Цѣня въ литературѣ одно изъ главнѣйшихъ средствъ общественнаго развитія, особенно въ тѣ времена, когда только въ литературѣ общественная мысль могла сколько-нибудь высказываться, — критика переходила на публицистическую почву, или точнѣе говоря, впервые поставила дѣйствительную задачу, предстоящую литературѣ,—которая до того времени довольствовалась у насъ ролью или отвлеченной, или элементарно-дидактической, или дилеттантской. Какъ бы дальше ни совершалось движеніе, какіе принципы ни проповѣдовала бы литература, но съ тѣхъ поръ она уже стояла на почвѣ дѣйствительныхъ интересовъ жизни, выражала существующія въ ней направленія, а не служила только отвлеченному дилеттантскому развлеченію. Въ этомъ измѣненіи значенія литературы въ обществѣ, — очень большая доля заслуги принадлежала именно Бѣлинскому.

Дѣятельность Бѣлинскаго въ этомъ отношеніи, и вообще дѣятельность этого круга находила опору въ естественномъ возрастаніи самой литературы. Въ сороковыхъ годахъ литература представляла любопытное зрѣлище новой возникавшей жизни. Тотъ

протестъ противъ застоя и стѣсненія образованности и общественной жизни, — къ которому приходилъ кругъ Бѣлинскаго, — выражался въ то же время въ литературѣ поэтической. Когда вырабатывалось теоретически понятіе о необходимости реального содержанія въ литературѣ, о необходимости изученія самой жизни, объ изгнаніи романтической фантастики, — въ нашей поэзіи являлись таланты первостепенной силы, идущіе въ этомъ самомъ направленіи: Гоголь, Кольцовъ, Лермонтовъ. Всѣ они являются совершенно независимо одинъ отъ другого, и вмѣстѣ независимо отъ критической школы круга Бѣлинскаго ¹⁾. Гоголь и Кольцовъ явились внѣ всякаго вліянія европейской литературы, даже съ самымъ ограниченнымъ образованіемъ, — но это не помѣшало ни тому, ни другому изображать народную жизнь съ такой поэзіей и нравы общества съ такой правдой, какихъ еще не видѣла наша литература. Здѣсь являлась, наконецъ, та чистая дѣйствительность, которой доискивалась философская теорія. Съ Гоголемъ литература окончательно становилась на ту дорогу, которой такъ долго искала ощупью, и совершенно свободная отъ чужихъ вліяній, приобрѣтала чисто русское содержаніе. Развитие Лермонтова шло инымъ путемъ, съ одной стороны подъ сильнымъ вліяніемъ Байрона, съ другой — въ общественномъ кругу, очень дажекомъ отъ народной жизни, но, несмотря на то, и Лермонтовъ замѣчательно угадывалъ народно-поэтическіе мотивы (въ «Письмѣ о Калашниковѣ»), какъ въ то время это удавалось только одному Кольцову, и какъ удавалось только рѣдко и очень немногимъ послѣ того. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во многихъ стихотвореніяхъ и въ «Герое нашего времени» онъ затрогивалъ самыя глубокія помысленія лучшихъ умовъ своего времени.

Это совпаденіе теоретическаго развитія понятій съ фактами поэтической литературы указывало, что въ этихъ явленіяхъ была своя историческая необходимость. Въ самомъ дѣлѣ, среди полнаго торжества понятій официальной народности, среди той литературы, — «писанной слогами помадныхъ объявленій», по выраженію Гоголя, — которая доказывала, что мы живемъ въ лучшемъ изъ міровъ, являлась литература, которая, повидимому ничѣмъ не нарушая господствующаго тона, мало замѣтно для большинства, и отчасти даже для самихъ дѣятелей, вносила совершенно новыя начала. Гоголь, слѣдуя въ своихъ общественныхъ

¹⁾ Только Кольцовъ былъ дружески связанъ съ кружкомъ Станкевича, и отчасти развивалъ подъ его вліяніемъ, — но сущность его поэзіи образовалась конечно раньше и имѣла самостоятельную.

взглядахъ преданіямъ пушкинскаго круга, не помышляя ни о какомъ осужденіи существующихъ формъ, даже заискивая передъ властями, издаетъ глубокую сатиру, гдѣ дѣйствительно сквозь смѣхъ слышались слезы; противъ воли автора въ его изображеніяхъ говорило отрицаніе описываемой имъ жизни, такъ что самъ Гоголь не могъ въ послѣдствіи вынести этого значенія своихъ произведеній и отрекся отъ нихъ... Поэзія Лермонтова, исполненная глубокаго и сильнаго чувства, въ своемъ соприкосновеніи съ жизнью общества была только поэзіей скорби, безнадёжности и озлобленія. Въ его произведеніяхъ встрѣчали выраженіе своего чувства тѣ «лишніе» люди, которые, съ своими порывами въ общественной дѣятельности, съ своими идеалами и стремленіями, даже съ своимъ образованіемъ, находили себя совершенно чужими въ господствующихъ нравахъ. Въ поэзіи Кольцова, народная «муза» опять не имѣла никакихъ пѣсень для народности официальной...

Общественная важность элементовъ, внесенныхъ въ литературу этими писателями, очевидная уже изъ ихъ параллельнаго и независимаго другъ отъ друга развитія, и изъ содержанія самыхъ произведеній, обнаруживалась далѣе и тѣмъ, что эти элементы послужили основаніемъ дальнѣйшаго литературнаго развитія. Къ Гоголю особенно примыкаетъ такъ-называемая «натуральная школа», которая послѣдовала его указаніямъ и стала рисовать русскую дѣйствительность, не подерашивая ее фальшивыми красками. Лермонтовскіе мотивы въ большой степени вопли въ изображеніе типовъ новаго образованнаго поколѣнія сороковыхъ годовъ. Кольцовъ навсегда устранилъ прежнія книжныя поддѣлки народно-поэтическаго склада и указалъ, чѣмъ можетъ быть поэзія въ настоящемъ народномъ стилѣ.

«Натуральная школа» (не забудемъ, что ея послѣднимъ завершеніемъ былъ тогда г. Тургеневъ, съ «Записками Охотника») шла по дорогѣ, указанной Гоголемъ, уже сознательно. Естественно, что она вызвала противъ себя вражду всѣхъ старыхъ партій, между прочимъ и прежней пушкинской школы; въ ней недружелюбно относились и славянофилы. Однимъ непріятно было видѣть въ ней несомнѣнное развитіе гоголевской сатиры, за которой, напримѣръ, пушкинская школа, по всему складу своихъ понятій, не хотѣла признать ея отрицательнаго значенія, или по крайней мѣрѣ одобрить его; другимъ непріятно было замѣтить очевидную связь «натуральной школы» съ образомъ мыслей, отличавшимъ «западное» направленіе: въ ней, не безъ основанія, чуяли вліяніе Бѣлинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, одной изъ главныхъ

заслугъ его критики было то, что она съ перваго взгляда угадала и разъяснила все высокое значеніе Гоголя, и тѣмъ безъ сомнѣнія въ большой степени увеличила его вліяніе. Для писателей «натуральной школы» непосредственное впечатлѣніе произведеній Гоголя усиливалось всѣмъ вліяніемъ Бѣлинскаго.

Такимъ образомъ, литература и критика дѣйствовали взаимно одна на другую, и литературные вопросы совершенно измѣнили свой характеръ. «Словесныхъ дѣлъ мастера», романтическіе стилисты должны были сойти со сцены; явилось требованіе общественнаго содержанія въ литературныхъ произведеніяхъ, и Бѣлинскому почти исключительно принадлежитъ установленіе новыхъ литературныхъ идей. Задача писателя — не только художественная, но и общественная; онъ обязанъ служить лучшимъ интересамъ человеческой мысли, нравственнаго и гражданскаго достоинства въ своемъ обществѣ, потому что и содержаніе искусства тождественно съ этими интересами. Бѣлинскій, хотя крайне стѣсненный въ своей литературной дѣятельности извѣстными внѣшними препятствіями, успѣлъ выразить и утвердить новый складъ не только литературныхъ, но и общественныхъ понятій; для новыхъ поколѣній онъ сталъ нравственно-воспитывающей силой.

Изучая мнѣнія Бѣлинскаго, необходимо имѣть въ виду, что эти мнѣнія въ то время не могли быть и не были выражены съ достаточной полнотой, и что, поѣтому, для полнаго пониманія ихъ надо, если не прямо предпринять «чтеніе между строками» (при чемъ легко преувеличить или произвольно понять содержаніе), то по крайней мѣрѣ взять въ соображеніе то, что было высказано нѣкоторыми писателями этого круга безъ упомянутыхъ стѣсненій, и по этому дополнять недостающее воображеніемъ.

Взятая въ цѣломъ, система мнѣній Бѣлинскаго и всего круга, которому онъ принадлежать, была продолжающимся развитіемъ идей, появившихся въ русскомъ образованномъ обществѣ въ двадцатыхъ годахъ: это была новая ступень того же критическаго обращенія къ вопросамъ нашей внутренней жизни, и того же стремленія къ формамъ общественности, болѣе совершеннымъ въ гражданскомъ смыслѣ. Движеніе двадцатыхъ годовъ было прервано и не оставило никакого опредѣленнаго результата; но мысль, въ немъ лежавшая, сохранилась. Посредствующимъ звеномъ между стремленіями двухъ поколѣній было «Письмо» Чадаева; его скептицизмъ и европейскія симпатіи были тѣмъ со-

держаніемъ, которое нужно было переработать, чтобы идти дальше. Новое направление, пройдя свою предварительную школу въ идеализмъ Гегелевой философіи, вскорѣ заявило свои общественные взгляды: достигнувъ своей зрѣлости, оно рѣшительно покинуло дорогу официальной народности, не удовлетворяясь ея результатомъ—существовавшимъ характеромъ умственной и общественной жизни. Но дѣятельность для людей этого направления была тогда возможна исключительно въ области предметовъ и интересовъ литературныхъ; поэтому, Бѣлинскому оставалось бороться противъ старыхъ литературныхъ партій, олицетворявшихъ въ себѣ консервативную рутину. Господствующая система понятій официальной народности не могла подлежать критикѣ; въ этомъ отношеніи новое направление было совершенно связано; въ спорахъ съ старыми литературными партіями, оно по необходимости должно было умалчивать объ этой сторонѣ ихъ мнѣній, выражая только свое несочувствіе къ «квасному и кулачному патріотизму»; чисто литературная часть дѣятельности старыхъ партій была подорвана уже вскорѣ новымъ направлениемъ. Главнымъ противникомъ, съ которымъ слѣдовало бороться, оставались славянофилы¹⁾.

1) По поводу славянофильства, г. Погодинъ выставлялъ противъ меня въ „Гражданинѣ“ цѣлый рядъ всякихъ обвиненій, между прочимъ въ томъ, что я то включалъ въ славянофильство его, г. Погодина, и „Москвитянина“, то выдѣляю ихъ,—и что я не узналъ литературы предмета (я перечитывалъ ее еще со студентской скамьи). Но самъ обвинитель конечно запаматовалъ эту литературу, потому что выдѣленіе „Москвитянина“ г. Погодина и Шевирева (какъ и выдѣленіе „Маяка“) изъ славянофильства сдѣлано вовсе не мною въ первый разъ, а гораздо ранѣе, — сначала, отчасти самими настоящими славянофилами, а потомъ между прочимъ нѣкоторые критиками, совершенно благопріятными славянофильству. Предоставляемъ г. Погодину, знающему литературу, припомнить, какія это были критики. (Если онъ не припомнить, я пожалуй послѣ самъ укажу цитаты, гдѣ онъ это найдетъ).

Въ сороковыхъ годахъ, напротивъ, часто смѣшивали „Москвитянина“, г. Погодина и Шевирева, и славянофиловъ въ одну партію, по той простой причинѣ, что въ то время отчасти не вполне еще опредѣлилась ихъ разница, отчасти потому, что славянофилы, не имѣя собственного изданія, прибѣгали иногда къ „Москвитянину“. Впослѣдствіи, чтобы высказываться безъ чужихъ дополненій, славянофилы начали издавать свои „Сборники“.

А существенная разница между ними, говоря кратко, была та, что въ понятіяхъ „Москвитянина“ было гораздо больше поддакиванія и лести официальной народности (или казенной, какъ прибавляетъ г. Погодинъ,—все равно), чѣмъ славянофилы считали приличнымъ, и что въ „Москвитянинѣ“ былъ еще особый такъ сказать юродивый элементъ, котораго славянофилы также удалялись.

Наконекъ, относительно другихъ минимыхъ историческихъ ошибокъ, открытых г. Погодинымъ въ моемъ изложеніи славянофильства, прибавлю, что, во-первыхъ, въ настоящихъ очеркахъ я вообще не бралъ на себя полного и послѣдовательнаго изложенія фактовъ, и предполагая ихъ извѣстными, останавливался на томъ, что по моему

Кружокъ, къ которому принадлежалъ Бѣлинскій, боролся съ ними въ особенности потому, что видѣлъ въ славянофильствѣ силу, равную себѣ по умственному оружію и общимъ философскимъ основаніямъ (другіе равны не были), но въ его мнѣніяхъ видѣлъ тѣ же начала официальной народности, только въ формѣ, облеченной въ философскія доказательства, ухищренной и доктринерской. Выше мы имѣли случай упоминать, какъ легко было въ сороковыхъ годахъ смѣшивать славянофильство съ мнѣніями г. Погодина и Шевырева; иногда славянофилы вступали въ «Москвитининъ», не отказываясь отъ солидарности съ его другими мнѣніями. Понятно, что большинство читателей въ то время совершенно ихъ смѣшивало, и критика не могла не трактовать ихъ вмѣстѣ. Но положеніе круга Бѣлинскаго въ этомъ спорѣ было далеко не благоприятное: ихъ противники являлись въ слишкомъ тѣсномъ союзѣ съ авторитетомъ, до котораго нельзя было касаться.

Споръ, происходившій между двумя сторонами, представлялъ собой въ сущности давнее историческое столкновеніе двухъ началъ, которыя можно опредѣлить какъ консервативное преданіе и потребность прогресса, какъ національную исключительность и стремленіе къ усвоенію европейской образованности. Теперь этотъ споръ велся въ области тѣхъ теоретическихъ понятій, до которыхъ достигъ небольшой слой наиболѣе образованныхъ людей. Обѣ стороны исходили изъ однихъ первоначальныхъ философскихъ изученій. Философія Гегеля была такъ абстрактна, что изъ нея, въ практическихъ примѣненіяхъ, можно было извлекать самыя противоположные выводы, и они были извлечены. Славянофилы выводили изъ нея свое ученіе въ духѣ правой стороны Гегелевой школы; ихъ противники, отчасти наскучивъ философской казуистикой и тѣсными результатами, какіе давала эта философія въ своемъ буквальномъ смыслѣ, отчасти подъ вліяніемъ другого порядка идей, вынесеннаго изъ общественно-политическихъ изученій, —

нѣмъ требовало новаго объясненія; во-вторыхъ, полной исторіи славянофильства не можетъ быть въ моемъ изложеніи и потому, что предѣлы очерковъ ограниченыполовиной пятидесятихъ годовъ, что упоминается въ заглавіи; въ-третьихъ, для нѣкоторыхъ (г. Погодину неясныхъ) отзывы о положеніи партій, я имѣлъ данныя, вѣроятно сообщенныя г. Погодинымъ (укажу для примѣра хоть біографію Грановскаго). Наконецъ, то касается другихъ неясностей, которыя г. Погодинъ вызываетъ меня истолковать, то пусть мой противникъ потрудится самъ объяснить ихъ себѣ (я желаю только объясненія безпристрастнаго), — а я въ настоящее время толковать ихъ подробнѣе не имѣю желанія: другимъ читателямъ, довольно компетентнымъ въ славянофильскомъ вопросѣ — сколько я слышалъ — мои мнѣнія, невразумительныя для г. Погодина, были достаточны понятны.

отвергли ея консервативные выводы и развивали ея основанія дальше, въ томъ духѣ, въ какомъ стали излагать это ученіе въ самой Германіи наиболѣе смѣлые послѣдователи школы. (Образчикомъ остаются, напр., извѣстныя «Письма объ Изученіи Природы», — въ которыхъ многія страницы написаны какъ будто теперь, какимъ-нибудь изъ писателей, основывающихъ философію на началахъ естествознанія). Разница въ этихъ приемахъ философскаго разсужденія, естественно сопровождалась разницей, даже противоположенностью въ выводѣ — во всей системѣ мнѣній. Славянофилы и кругъ друзей Бѣлинскаго разошлись и въ теологін, и въ исторіи, и въ понятіяхъ общественныхъ.

Мы видѣли, въ какомъ духѣ славянофилы развивали свою теологическую систему. Для ихъ противниковъ, эта аргументація не была убѣдительною, ни въ теоретической, ни въ исторической части ¹⁾. Относительно первой, противники славянофильства стояли на совершенно иной точкѣ зрѣнія: чистому супранатурализму славянофиловъ они противопоставили бы право свободного изслѣдованія; на славянофильскую догматику, которой принудительность возмущала въ нихъ самыя глубокіе инстинкты ума и чувства, они противопоставили бы «молодыхъ гегеліанцевъ», рационалистовъ, тюбингенскую школу. Даже для тѣхъ членовъ круга, которые сами отличались религіознымъ идеализмомъ, какъ Грановскій, не имѣла ничего сочувственнаго догматика славянофиловъ, на которой они утверждали самыя важныя положенія объ исторіи и цивилизаціи запада и востока, и которая въ девятнадцатомъ столѣтіи хотѣла сохранить значеніе, принадлежавшее ей въ десятомъ вѣкѣ. Дѣленіе челоуѣческой цивилизаціи на два развитія, по раздвоенію догматики, было невообразимо для противниковъ славянофильства, по всѣмъ ихъ историческимъ понятіямъ. Въ мірѣ византійскомъ, поставленномъ такъ высоко славянофилами, они видѣли только застой и упадокъ. Если русскому народу не приходились духъ и формы запада, — спрашивали они, — то что же общаго имѣлъ русскій народъ съ жизнью византійской? Гдѣ была органическая связь между славянами, варварами отъ молодости, и греками, варварами отъ дряхлости? И что такое Византія, какъ не тотъ же Римъ, но Римъ временъ упадка, безъ славныхъ воспоминаній, безъ раскаянія? Въ теологическомъ устройствѣ Византіи они ви-

¹⁾ Понятно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ однихъ печатныхъ разсужденіяхъ споръ. Въ печати, прямая постановка этихъ вопросовъ была тогда немислнна. Но по временамъ противники встрѣчались, и печатную полемику замѣняли устными бесѣдами и препирательствами, — изъ которыхъ кое-что проскользало и въ литературу.

для тотъ же существенный характеръ, какъ въ западномъ мірѣ, только болѣе вялый и апатическій; въ ея устройствѣ гражданскомъ — только неограниченный деспотизмъ и страдательное повиновеніе, поглощеніе личности государствомъ, государства императоромъ. Южные славяне были въ продолжительныхъ и тѣсныхъ связяхъ съ этой Византіей: что же они изъ этого вынесли? Гдѣ цивилизующая сила византійскаго принципа, у самихъ грековъ, и у всѣхъ тѣхъ народовъ, которые принимали этотъ принципъ?

Такимъ образомъ, несогласіе мнѣній распространялось и на историческую часть вопроса. Какъ славянофилы восхваляли древнюю Русь, такъ ихъ противники считали русскую старину, періодъ господства византійскихъ заимствованій, — временемъ патріархальнаго деспотизма и невѣжества, для заключенія котораго необходима была реформа. Бѣлинскій и его друзья не убѣждались контрастомъ греко-славянской и западной цивилизациі, который выставило славянофильство: съ одной стороны, они искали и не находили тѣхъ великихъ истинъ, которыя заключались въ древнерусской цивилизациі, и находили только развитіе внѣшней силы въ Московскомъ царствѣ, византійско-восточнаго склада, и нравы, описанные Котошикинымъ; съ другой, удивлялись, какъ славянофильство могло такъ легко и странно относиться къ тому, что выработано умственной и политической исторіей Европы... Наконецъ, они только смѣялись надъ тѣмъ, какъ близкій по духу славянофиламъ «Москвитининъ», особенно устами Шевырева, обличалъ «развратъ мышленія» и «безстыдство знанія», овладевшіе Европой...

Противъ писателей «западнаго» направленія, и противъ Бѣлинскаго особенно, не одинъ разъ въ послѣдствіи выставлены были обвиненія въ этомъ пренебреженіи къ древней Руси и непониманіи ея, въ такомъ же непониманіи и несправедливомъ отношеніи къ народной поэзіи, къ возникавшей малорусской литературѣ, наконецъ къ цѣлому славянскому міру; рядомъ съ этимъ, винили ихъ въ крайнемъ поклоненіи Петру Великому, реформѣ, государственному началу (даже въ «централизациі»!), за которыя они признавали право какъ за силой, и т. п. Винили даже въ несочувствіи вообще къ народному. Устраняя это послѣднее обвиненіе, какъ основанное, относительно Бѣлинскаго, на явномъ недоразумѣніи, о другихъ обвиненіяхъ надо замѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, обвинители отчасти приводятъ мнѣнія Бѣлинскаго безъ должнаго разбора, смѣшивая въ одно его первыя сочиненія и послѣднія, тогда какъ первыя были только началомъ, приго-

товленіемъ, которое послѣ было имъ покинуто. Во-вторыхъ, мнѣнія Бѣлинскаго объ этихъ предметахъ всею чаще высказывались въ полемической формѣ, слѣдовательно, высказывались въ болѣе обыкновеннаго рѣзкой формѣ, и, рассчитанныя на опроверженіе противнаго мнѣнія, по необходимости выставляли больше одну спорную часть предмета. Въ-третьихъ, недостатки Бѣлинскаго были недостатками времени: въ то время не было ни тѣхъ научныхъ изслѣдованій, которыя теперь измѣнили къ лучшему наши историческія представленія, ни тѣхъ явленій литературныхъ, которыя такимъ же образомъ измѣняли прежніе взгляды, — каково напр. послѣднее развитіе малорусской литературы и т. п. Въ мнѣніяхъ Бѣлинскаго были, правда, и дѣйствительныя ошибки и крайности, но за то кому мы больше всего обязаны тѣмъ, что остановлены были другія крайности, конечно гораздо болѣе вредныя?

Вникнувъ въ понятія Бѣлинскаго, мы увидимъ, что въ свое время, сказанное имъ имѣло свои основанія, могло или должно было быть сказано; увидимъ, что были въ его мнѣніяхъ и ошибки, но увидимъ также ихъ причину, и потому умѣримъ и обвиненія, или совершенно ихъ отвергнемъ. Славянофилы, и ихъ друзья въ «Москвитинѣ» пустили въ ходъ мысль о «гніеніи Запада»: отчасти, эта мысль служила и полемическимъ ударомъ «западному» направленію. Люди этого направленія находили проповѣдь о гніеніи Запада просто бессмысленной, когда она шла, напр., от Шевырева, но вѣстѣ и вредной, потому что она самымъ грубымъ образомъ вторила тому обскурантизму, котораго у насъ всегда бывало вдоволь. Серьезнѣе относились они къ этому обвиненію, когда оно шло отъ настоящихъ славянофиловъ, какъ Хомяковъ, Кирѣевскій, — потому что и мнѣнія ихъ были серьезнѣе. На положеніе о гніеніи Запада они отвѣчали различными объясненіями. Прежде всего, они находили, что мысль не нова, и даже принадлежитъ не намъ, а нѣкоторымъ писателямъ самой Европы. «Европа, — говорили они, — не дожидалась ни повѣи Хомякова, ни прозы редакторовъ «Москвитинина», чтобы понять, что она теперь наканунѣ переворота, возрожденія или полнаго разложенія. Сознаніе упадка нынѣшняго общества, это — социализмъ, и конечно, его писатели заимствовали свой приговоръ противъ современной Европы не изъ сочиненій Шафарика, Коллара или Мицкевича. Соціализмъ былъ извѣстенъ въ Россіи лѣтъ десять раньше того, чѣмъ стали говорить о славянофилахъ... Но если указанный источникъ могъ существовать для Хомякова или Кирѣевскаго, то для другихъ проповѣдниковъ гніенія Запада,

какъ для Шевырева, послужили, быть можетъ, другіе источники, также западные, только имѣвшіе гораздо менѣе смысла или во-се его неимѣвшіе, напр., писанія всякихъ ретроградныхъ партій, феодаловъ и клерикаловъ, которымъ современная Европа казалась близкой къ гибели по крайнему развитію невѣрія и либерализма: это совершенно сходилось съ тѣмъ, что подобныя ретроградныя партіи думали объ Европѣ и у насъ.

Но откуда бы ни взялась, эта мысль была крайней нелѣпостью какъ аргументъ противъ нашего заимствованія западной образованности. Если даже вѣрить западнымъ пессимистамъ, то гибель грозила въ Европѣ только извѣстнымъ общественнымъ формамъ, въ которыхъ дѣйствительно было и есть много гнилого, но вовсе не самой цивилизаціи, не собраннымъ ею богатствамъ науки и искусства. Самъ западный пессимизмъ, у социалистовъ, происходилъ изъ чувства общественной справедливости, которое было чуждо той же цивилизаціи и становится болѣе и болѣе общимъ. У насъ проповѣдники гніенія Запада даже не поняли, или не захотѣли понять настоящаго значенія этихъ западныхъ отрицаній современной европейской жизни, и они напрасно ссылались на западныхъ отрицателей (какъ и теперь вздумали ссылаться на Гартмана), потому что западные отрицатели, конечно, не удовлетворялись бы *тѣми* разрѣшеніями этого вопроса, какое предлагали наши философы. Западное недовольство европейской жизнью было недовольство взрослого человѣка результатомъ, который былъ бы еще очень и очень хорошъ для мальчика или юноши, и наша проповѣдь европейскаго гніенія производила тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, что наша собственная образованность была по-истинѣ нищенская.

Бѣлинскій между прочимъ остановился на этомъ предметѣ по поводу «Русскихъ Ночей» кн. Одоевскаго, гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Фаустъ, излагаетъ это гніеніе Запада. Бѣлинскій указываетъ сходство его мнѣній съ славянофильскими, — признаетъ, что много есть очень вѣрнаго въ его изображеніяхъ общественныхъ бѣдствій европейской жизни, напр., пролетаріата и т. п., но приводитъ цѣлый рядъ своихъ возраженій на общую мысль, и въ заключеніе очень вѣрно характеризуетъ сомнѣніе этого Фауста, — и, конечно, кн. Одоевскаго. «Да, ужасно въ нравственномъ отношеніи состояніе современной Европы, — говоритъ Бѣлинскій. Скажемъ болѣе: оно уже никому не новость, особенно для самой Европы, и тамъ объ этомъ и говорятъ и пишутъ еще съ гораздо большимъ знаніемъ дѣла и большимъ убѣжденіемъ, нежели въ состояніи дѣлать это кто-либо у насъ. Но какое

же заключеніе должно сдѣлать изъ этого взгляда на состояніе Европы? Неужели согласиться съ Фаустомъ, что Европа того и гляди прикажетъ долго жить, а мы, славяне, напечемъ блиновъ на весь міръ, да и давай поминки творить по покойницѣ?... Подобная мысль, еслибъ о ея существованіи узнала Европа, никого не ужаснула бы тамъ... Нельзя такъ легко дѣлать заключенія о такихъ тяжелыхъ вещахъ, какова смерть—не только народа (морить народовъ намъ ужъ нипочемъ), но цѣлой, и притомъ лучшей, образованнѣйшей части свѣта. Европа больна,—это правда, но не бойтесь, чтобы она умерла; ея болѣзнь отъ избытка здоровья, отъ избытка жизненныхъ силъ; это болѣзнь временная, это кризисъ внутренней, подземной борьбы стараго съ новымъ: это—усиліе отрѣшиться отъ общественныхъ основаній среднихъ вѣковъ и замѣнить ихъ основаніями, на разумъ и натуръ чловека основанными. Европѣ не въ первый разъ быть больною: она была больна во время крестовыхъ походовъ и ждала тогда конца міра; она была больна передъ реформаціею и во время реформаціи,—а вѣдь не умерла же, къ удовольствію господъ душеприкащиковъ ея! Идя своею дорогою развитія, мы, русскіе, имѣемъ слабость всѣ явленія западной исторіи *мнрять на свой собственный аршинъ*: мудрено ли послѣ этого, что Европа представляется намъ то домомъ умалишенныхъ, то безнадежною больною? мы кричимъ: «Западъ! Востокъ! Тевтонское племя! Славянское племя!» и забываемъ, что подъ этими словами должно разумѣть *человѣчество*... Мы предвидимъ наше великое будущее; но хотимъ непременно имѣть его на счетъ смерти Европы: какой по-истинѣ *братскій* взглядъ на вещи! Не лучше ли, не чловечнѣе ли, не гуманнѣе ли разсуждать такъ: насъ ожидаетъ безконечное развитіе, великіе успѣхи въ будущемъ, но и развитіе Европы и ея успѣхи пойдутъ своимъ чередомъ? Неужели для счастья одного брата непременно нужна гибель другого? Какая не философская, не цивилизованная, и не христіанская мысль!..» 1).

Бѣлинскій опровергаетъ затѣмъ и другія мнѣнія Фауста, приводившія его къ сомнѣніямъ о судьбѣ Европы, и его замѣчанія достаточно разъясняютъ дѣло. Надо замѣтить, что у славянофиловъ и въ «Москвитинѣ» гибель Европы утверждалась еще гораздо болѣе категорически (хотя, быть можетъ, съ меньшими доказательствами), чѣмъ у кн. Одоевскаго, — и нужно представить себѣ условія тогдашней литературы, чтобы судить о впечатлѣніи, какое должны были производить эти обвиненія западной

образованности, и безъ того заподозрѣнной у насъ, какъ источника всякой порчи. Безъ этого, нападенія на западную Европу были совершенно безвредны, и дѣйствительно служили поводомъ къ самому веселому остроумію Герцена.

Мы видѣли прежде, какимъ образомъ споръ о родовомъ и общинномъ бытѣ выросталъ въ споръ партій до спора о самомъ принципѣ цивилизаціи. Писатели «западнаго» направленія могли быть неправы въ исторической части предмета, видя родовой бытъ тамъ, гдѣ были другія бытовые формы, — но вопросъ этимъ не исчерпывался. Говоря о поглощеніи личности родовымъ бытомъ, «западное» направленіе разумѣло то поглощеніе личности бытовыми формами (какія именно онѣ были, въ *этомъ* смыслѣ было почти безразлично), которое кончалось политическимъ безправіемъ и рабствомъ. Общинный бытъ, защищаемый славянофилами, не предотвратилъ также этого рабства. Славянофилы отвергали европейское понятіе о личности, смѣшивая его съ узкимъ эгоизмомъ и не желая видѣть его другого значенія, которое представлялось кѣмъ-то рядомъ историческихъ освободительныхъ идей, достигнутыхъ развитіемъ личности на Западѣ. Но сами славянофилы не разрѣшали вопроса объ отношеніи личности и государства, или разрѣшали его очень странно. Настаивая на общинѣ, они не объясняли, какимъ образомъ она могла имѣть цивилизующее вліяніе, и почему внутренній общественно-политическій результатъ ея былъ такъ ограниченъ. Киевскій общинный бытъ не помѣшалъ образоваться чисто-деспотическому характеру московскаго царства, не помѣшалъ потомъ подавленію всѣхъ инстинктовъ свободы, зародившихъ которыхъ былъ въ древнихъ учрежденіяхъ... «Западное» направленіе думало, что община сдѣлала мало, что не спасла древней общественной свободы, она и потомъ не спасла крестьянина отъ крѣпостного права, и что ея дальнѣйшее существованіе (которое безъ сомнѣнія было бы важно) едва ли можетъ быть прочно безъ свободы личности. Оно думало при этомъ, что самый важный интересъ къ общинѣ начался только тогда, когда западный социализмъ, забывши старую европейскую общину, вновь теоретически построилъ ее, — тогда только и мы вспомнили о своей старой, еще уцѣлѣвшей общинѣ.

На указанія о поглощеніи личности бытовыми формами (тѣми или другими) въ древней Руси, — славянофилы отвѣчали, въ упомянутой прежде статьѣ М... З... К..., своеобразной теоріей, по которой, напротивъ, личность въ древне-русской жизни была развита, но съ тѣмъ выстѣ столь проникнута христіанскимъ смиреніемъ и интересомъ общины, что отри-

цала самоё себя и передавала все свое содержаніе одному верховному главѣ цѣлой земской общины... «Москвитянинъ,—говорить (намекая на эту статью М... З... К...) одинъ современникъ,—заимствовалъ свои аргументы изъ старыхъ русскихъ лѣтописей, изъ греческаго катихизиса и Гегелевскаго формализма. Славянофильскій авторъ полагаетъ, что начало личности было развито въ древней Россіи, но что личность, просвѣщенная греческою церковью, обладала высокимъ даромъ самопожертвованія и добровольно переносила свою свободу на личность государя... Онъ выражаетъ собой состраданіе, благоволеніе и свободную индивидуальность. Каждый отказывался отъ личной самостоятельности, и вмѣстѣ съ тѣмъ спасать ее въ представителѣ личнаго начала, государѣ.» Упомянутый современникъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ этой «испорченной діалектики», противъ этого «безнравственнаго злоупотребленія словъ», безнравственнаго потому, что оно дѣлается сознательно. «Что значать эти метафорическія рѣшенія, которыя представляютъ только самый вопросъ навыворотъ? Къ чему эти образы, эти символы, вмѣсто самыхъ вещей? Развѣ славянофилы изучали лѣтописи Византіи затѣмъ, чтобы привить себѣ эту византійскую язву? Мы не греки временъ Палеологовъ, чтобы спорить объ *opus operans* и *opus operatum* въ то время, когда къ намъ въ дверь стучится великое и неизвѣстное будущее... «Философская метода славянофиловъ не нова; въ тридцатыхъ годахъ такимъ же образомъ говорила правая сторона гегелианцевъ; нѣтъ такой нелѣпости, которой нельзя было бы ввести въ формы пустой діалектики, давая ей видъ глубокой метафизики... Славянофильскій авторъ, говоря о верховномъ представительствѣ личности, только парафразировать очень извѣстное опредѣленіе рабства, которое даетъ Гегель въ своей Феноменологіи (*Hege und Knecht*). Но онъ преднамѣренно забыть, какъ Гегель выходитъ изъ этой низшей ступени человѣческаго сознанія... Надобно замѣтить, что этотъ философскій жаргонъ, по формѣ принадлежащій наукѣ, а по содержанію схоластикѣ, встрѣчается также у іезуитовъ. Монталамберъ, отвѣчая на запросъ о жестокостяхъ, совершенныхъ папскимъ правительствомъ въ римскихъ тюрьмахъ, говорилъ: Вы говорите о жестокостяхъ папы, но онъ не можетъ быть жестокъ, ему запрещаетъ это его положеніе; онъ, намѣстникъ Иисуса Христа, можетъ только прощать, быть милосерднымъ, и дѣйствительно папы всегда прощаютъ... Насмѣшка,—которая составляетъ презирать человѣческое слово», и проч.

Таковы были мнѣнія людей «западнаго» направленія о сла-

славянофильской теоріи, выраженной въ статьѣ М... З... К... ¹⁾. Мнѣнія Бѣлинскаго были безъ сомнѣнія совершенно съ этимъ солидарны, и его собственныя опроверженія славянофильства были писаны съ той же общей точки зрѣнія. Съ теоріей М... З... К..., въ которой теологическій принципъ древней Руси также занималъ важное мѣсто, естественно соединялось извѣстное ученіе о «приниженіи личности» и о «смиреніи», будто бы составлявшемъ главнѣйшую черту въ національномъ характерѣ древней Руси, ея высокое достоинство, причину величественнаго развитія ея исторіи и ея превосходство надъ западнымъ міромъ. Эту теорію въ то время въ особенности проповѣдывалъ Шевыревъ, а впоследствии К. Аксаковъ. Бѣлинскій довольно ѣдко отвѣчалъ однажды на теорію смирения обзоромъ главнѣйшихъ фактовъ нашей исторіи, изъ котораго оказывалось, что едва-ли національное смиреніе помогло образованію русскаго государства, и что оно вообще далеко не составляло отличительнаго качества руководящихъ лицъ русской исторіи ²⁾.

Разногласіе въ философскихъ понятіяхъ, въ мнѣніяхъ о теологическомъ принципѣ и западной цивилизаціи, приводило къ разногласію объ отношеніяхъ русскаго народа къ Западу и о русскомъ національномъ развитіи. Когда славянофилы противопоставляли Россію Западу, «западная» школа ставила ихъ въ ту тѣсную связь, гдѣ ихъ нравственнымъ соединеніемъ служили общечеловѣческіе принципы и идеалы. Для Бѣлинскаго и его друзей не были ни убѣдительны, ни привлекательны толки о предназначеніи русской цивилизаціи, долженствующей будто бы преодолѣть и замѣнить европейскую. Эти толки казались имъ мистической фантазіей, чѣмъ они дѣйствительно и были. Въ общемъ счетѣ, Бѣлинскій признавалъ извѣстную пользу славянофильскаго движенія, — хотя только условную и относительную, тамъ, гдѣ оно указывало недостатки русскаго европеизма; но затѣмъ, идеалы славянофиловъ, обращенные назадъ, считалъ только вреднымъ романтизмомъ, удаляющимъ отъ здраваго пониманія современныхъ потребностей нашего образованія.

Въ новѣйшее время Бѣлинскаго, какъ и другихъ людей того направленія, какъ Грановскій, Герценъ и т. п., нерѣдко упрекали въ космополитизмъ, — въ чемъ-то такомъ, что какъ будто дѣ-

¹⁾ Ср. статью г. Кавелина „О юридическомъ бытѣ древней Россіи“, по поводу которой славянофильскій критикъ выставлялъ эту теорію, и отвѣтъ г. Кавелина на это возраженіе.

²⁾ Соч., т. XI, стр. 30 и слѣд.

дало ихъ людьми, чуждыми русской жизни, мало ее понимающими, искавшими для нея чужихъ идеаловъ, и т. п. Нѣтъ ничего страннѣе этого обвиненія. Эти обвиненія принадлежать въ особенности тѣмъ ультра-національнымъ мыслителямъ, высшая философія которыхъ заключается въ извѣстномъ мнѣніи, что мы всѣхъ можемъ закидать шапками. Къ сожалѣнію должно сказать, что первые поводы къ этимъ обвиненіямъ даны были отчасти самими славянофилами, а также и ихъ союзниками въ «Москвитянинѣ». Друзья Бѣлинскаго съ негодованіемъ говорили о наклонности, дѣйствительно тогда существовавшей у ихъ противниковъ—прямо или косвенно винить «западное» направленіе, вмѣстѣ съ любовью къ Европѣ, въ недостаткѣ любви къ отечеству, — и напротивъ, приписывать самимъ себѣ привилегію патріотизма. Славянофилы и ихъ союзники въ «Москвитянинѣ» вообще терпѣть не могли такъ-называемой ими «петербургской» литературы, желчно отзывались о натуральной школѣ, Тургеневѣ, кн. Одоевскомъ, и т. д. Было очень возможно, что въ начинавшейся послѣ Гоголя школѣ, которая обратилась къ изображенію народной и общественной дѣйствительности, были нѣкоторыя ошибки, неточности, невыдержанность тона: но невозможно было отвергать, ни у этихъ писателей, ни у Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена и пр., полной искренности и самаго одушевленнаго патріотизма. Ихъ враги въ «московской» литературѣ не постояли однако за такими обвиненіями, и кругъ Бѣлинскаго справедливо могъ извлекать отсюда недоумѣніе къ цѣлой школѣ.

«Положеніе натуральной школы, — говоритъ Бѣлинскій по этому поводу, — между двумя непріязненными ей партіями (партіей старыхъ противниковъ Гоголя и его школы, и партіей славянофильской) по истинѣ странно: отъ одной она должна защищать Гоголя, и отъ обѣихъ—самое себя; одна нападаетъ на нее за симпатію къ простому народу, другая нападаетъ на нее за отсутствіе къ нему всякаго сочувствія...¹⁾ Оставимъ въ сторонѣ разглагольствованія критика «Москвитянина» о народѣ;... а сами замѣтимъ только, что враги натуральной школы отличаются между прочимъ удивительною скромностію въ отношеніи къ самимъ себѣ и удивительною готовностію отдавать должную справедливость даже своимъ противникамъ. Недавно одинъ изъ нихъ, г. Хомяковъ, съ *редкою* въ нашъ хитрый и осторожный вѣкъ *наивностію* объявилъ печатно, что въ немъ чувство любви къ отечеству «не

¹⁾ Славянофилы говорили о ней, что „она не обнаружила никакого сочувствія къ народу и такъ же легкомысленно клеветаетъ на него, какъ и на общество“, и т. п.

вольное и прирожденное», а у его противниковъ — «приобрѣтенное волею и разсудкомъ, такъ сказать наживное» (Моск. Сборникъ, 1847, стр. 356). А вотъ теперь г. М... З... К... объявляетъ, въ пользу себя и своего литературнаго прихода, монополию на симпатію къ простому народу! Откуда взялись у этихъ господъ притязанія на исключительное обладаніе всѣми этими добродѣтелями? Гдѣ, когда, какими книгами, сочиненіями, статьями, доказали они, что они больше другихъ знаютъ и любятъ русскій народъ? Все, что дѣлалось литераторами для споспѣшествованія развитію первоначальной образованности между народомъ, дѣлалось не ими. Укажемъ на «Сельское Чтеніе», издаваемое княземъ Одоевскимъ и г. Заблоцкимъ... Знаемъ, что гг. славянофилы смотрятъ на это изданіе почему-то не очень ласково, и не высоко цѣнятъ его; но не будемъ здѣсь спорить съ ними о томъ, хороша или дурна эта книжка: пусть она и дурна, да дѣло въ томъ, что литературная партія, на которую они такъ нападаютъ, сдѣлала что могла для народа и тѣмъ показала свое желаніе быть ему полезною; а они, славянофилы, ничего не сдѣлали для него». Бѣлинскій ссылается потомъ на Дала, который принадлежалъ тогда къ «петербургской» литературѣ, и котораго мудрено было обвинять, что онъ не знаетъ и не любитъ русскаго народа, и т. д. ¹⁾ Когда прошла пора «натуральной школы», то сама критика, продолжавшая дѣло Бѣлинскаго, указала слабыя стороны этой школы, — но за ней нельзя и теперь отвергнуть большой литературной заслуги: критика Бѣлинскаго и солидарная съ ней школа повѣствователей окончательно утвердили и развили въ литературѣ начала, внесенныя Гоголемъ, и дали имъ сознательное значеніе. Для того времени, когда дѣятельность самихъ славянофиловъ дѣйствительно еще немного заявила себя внѣ полемики, слова Бѣлинскаго могли быть очень справедливы.

Другой писатель «западнаго» направленія, полемизируя съ «Москвитяниномъ», подъ псевдонимомъ Ярополка Водянскаго (въ статьѣ «Москвитянинъ и Вселенная»), намекаетъ на одинъ фактъ отношеній славянофильства къ его противникамъ, по поводу стихотворенія Языкова «Сержантъ Сурминъ». «Кажется, — говоритъ Ярополкъ Водянской, — успокоившаяся отъ суетъ муза г. Языкова рѣшительно посвящаетъ нѣкогда забубенное перо свое поэзіи исправительной и обличительной. Это истинная цѣль искусства; пора поэзіи сдѣлаться трибуналомъ de la poésie correctionnelle. Мы имѣли случай читать еще поэтическія произведенія того же ис-

¹⁾ Сочин., т. XI, стр. 252 и слѣд.

правительнаго направленія, ждемъ ихъ въ печати; это—громъ и молнія; озлобленный поэтъ не остается въ абстракціяхъ; онъ указываетъ негодующимъ перстомъ *лица*—при полномъ изданіи можно приложить адреса!.. Исправлять нравы! что можетъ быть выше этой цѣли? развѣ не ее имѣлъ въ виду самоотверженный Коцебу и авторъ «Выжигинныхъ» и другихъ нравственно-сатирическихъ романовъ? Здѣсь идетъ рѣчь о томъ стихотвореніи Языкова, о которомъ разсказывается въ біографіи Чаадаева и Грановскаго; въ послѣдней упомянуты и другіе факты, въ которыхъ обнаруживались подобныя отношенія славянофиловъ и ихъ союзниковъ къ «западному» направленію ¹⁾).

Но мнимый крайній европеизмъ Бѣлинскаго въ сущности вовсе не былъ такой крайній, какъ объ этомъ говорили и еще говорить. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно познакомиться ближе съ его понятіями, и не останавливаясь исключительно на нѣкоторыхъ особенно рѣзкихъ (или могущихъ казаться рѣзкими) выраженіяхъ, какія случаются у Бѣлинскаго, обратить вниманіе на спокойное изложеніе его понятій, какъ онѣ сложились въ концѣ его дѣятельности ²⁾)... По поводу славянофильскихъ заботъ о національности, Бѣлинскій думаетъ, что эти заботы вовсе не нужны, что гдѣ народъ имѣетъ дѣйствительныя внутреннія силы, ему нечего хлопотать о своей національности, она, какъ природа, будетъ проявляться сама собой. По мнѣнію его, славянофильскія мечтанія о древней Руси — чисто маниловская фантазія, что изъ нашей жизни невозможно вычеркнуть періодъ Петра Великаго, — потому что самый этотъ періодъ есть уже исторія, которая вошла въ нашъ національный характеръ. «Не объ измѣненіи того, что совершилось безъ нашего вѣдома и что смѣется надъ нашею волею, должны мы думать, а объ измѣненіи самихъ себя на основаніи уже указаннаго намъ пути высшею насъ волею. Дѣло въ томъ, что пора намъ перестать *казаться*, и начать *быть*, пора оставить, какъ дурную привычку, довольствоваться словами и европейскія формы и внѣшность принимать за европеизмъ. Скажемъ болѣе: пора намъ перестать восхищаться европейскимъ потому только, что оно не азіатское, но любить, уважать его, стремиться къ нему потому только, что оно *человѣческое*; и на этомъ основаніи, все европейское, въ чемъ нѣтъ челоуѣческаго, отвер-

¹⁾ Г. Погодинъ упоминаетъ объ этихъ отношеніяхъ темной фразой: «Бывали случаи и періоды *охлажденія между ними*, вслѣдствіе недоразумѣній или крайностей, которыя *другимъ казались опасными*, и даже *вредными для дѣла* (?), въ данныхъ обстоятельствахъ». Гражданинъ, № 11.

²⁾ Таковы, напр. его обзорѣнія литературы за 1846 и 1847 годы; Сочин., т. XI.

гать съ таковой же энергіею, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго. Европейскихъ элементовъ такъ много вошло въ русскую жизнь, въ русскіе нравы, что намъ вовсе не нужно безпрестанно обращаться въ Европѣ, чтобъ сознать наши потребности: и на основаніи того, что уже усвоено нами отъ Европы, мы достаточно можемъ судить о томъ, что намъ нужно» (XI, 23). Минимая борьба человѣческаго съ національнымъ есть въ сущности только борьба новаго съ старымъ, современнаго съ отживающимъ. «Собственно говоря, борьба человѣческаго съ національнымъ есть не больше, какъ риторическая фигура; но въ дѣйствительности ея нѣтъ. Даже и тогда, когда прогрессъ одного народа совершается чрезъ заимствованіе у другого, онъ тѣмъ не менѣе совершается національно. Иначе нѣтъ прогресса. Когда народъ поддается напору чуждыхъ ему идей и обычаевъ, не имѣя въ себѣ силы переработывать ихъ самостоятельностью собственной національности, въ собственную же сущность, — тогда онъ гибнетъ политически» (XI, 39). Итакъ, хлопотать намѣренно о народности, наперекоръ европейскому, бесполезно и ни къ чему не ведетъ; но эти толки имѣютъ свое основаніе, — именно въ пробудившемся желаніи изучить свою собственную дѣйствительность...

Причина фальшивыхъ понятій славянофильства о нашемъ настоящемъ лежала, по мнѣнію Бѣлинскаго, между прочимъ въ неправильной оцѣнкѣ Петра. Къ объясненію реформы онъ возвращался нѣсколько разъ, и постоянно въ томъ смыслѣ, что Петръ не только не былъ враждебенъ національности, но есть именно ея лучшій представитель. Таково было еще мнѣніе Чаадаева; теперь оно развивалось новыми соображеніями, и у Бѣлинскаго, и у другихъ писателей «западнаго» направленія. Одинъ изъ нихъ высказывалъ, впослѣдствіи, эту мысль въ такой рѣшительной формѣ: «Петровский періодъ сразу сталъ *народнымъ* періодомъ царей московскихъ. Онъ глубоко взомелъ въ нашу исторію, въ наши нравы, въ нашу плоть и кровь; въ немъ есть что-то необычайно родное намъ, юное; отвратительная примѣсь казарменной дерзости и австрійскаго канцелярства не составляетъ его главной характеристики. Съ этимъ періодомъ связаны дорогія намъ воспоминанія нашего могучаго роста, нашей славы и нашихъ бѣдствій; онъ сдержалъ слово и создалъ сильное государство. Народъ любитъ успѣхъ и силу.»

Въ спорахъ объ этомъ предметѣ славянофилы выиграли развѣ одно — они побудили смотрѣть строже на способы исполненія реформы; но сущность мнѣній Бѣлинскаго и его друзей останется гораздо вѣрнѣе исторіи, чѣмъ мнѣнія славянофильства. Что на-

сается обвиненій въ пристрастіи къ реформѣ, какія продолжаются и до сихъ поръ, то очень часто Бѣлинскій оказывается виноваты только въ томъ, что не былъ знакомъ съ тѣми новыми изслѣдованіями, какія изданы были послѣ его смерти.

Таковы же большею частію были и тѣ обвиненія, которыя поднимались были противъ мнѣній Бѣлинскаго о народной поэзіи. Бѣлинскій дѣйствительно думалъ о ней далеко не такъ, какъ думаютъ теперь; онъ не восторгался ею безусловно, находилъ въ ней много грубаго и невязающаго. Но можно не принимать теперь его мнѣній, а обвинять его за нихъ странно и несправедливо. Существенной причиной новаго взгляда на народную поэзію было введеніе новыхъ приемовъ изученія, которыхъ въ то время еще не было и которые, должно сказать, не нами же были издуманы. Бѣлинскій въ свое время высказывалъ мнѣнія, которыя были очень естественны при тогдашнемъ состояніи этихъ изученій. Онъ начинаетъ говорить о народной поэзіи съ тридцатыхъ годовъ; единственная большая статья его объ этомъ предметѣ написана въ 1841-мъ году. Главными авторитетами въ дѣлѣ русской народной поэзіи были тогда Сахаровъ, Снегиревъ, Макаровъ, и т. п., — Сахаровъ, имѣвшій самыя странныя понятія о дѣлѣ, самоучка, который не останавливался присочинять къ народной поэзіи собственныя свои добавленія и орнаменты; Снегиревъ, некритичность котораго довольно извѣстна; Макаровъ, котораго теперь странно даже называть въ числѣ изслѣдователей, и котораго однако и позднѣе 1841 пускали даже въ серьезные ученыя изданія. Даже Надеждинъ, человѣкъ обширной учености и съ несомнѣнными заслугами въ русской археологіи и этнографіи, но человѣкъ *того* времени, до послѣдняго времени не имѣлъ тѣхъ понятій о предметѣ, какія считаются правильными въ наше время. Бѣлинскій не занимался спеціально предметомъ, но онъ стоялъ на уровнѣ тѣхъ понятій, какія были у тогдашнихъ спеціалистовъ этого дѣла. Онъ судилъ о произведеніяхъ народной поэзіи по непосредственнымъ эстетическимъ впечатлѣніямъ, и по общимъ историческимъ даннымъ, и, конечно, не могъ видѣть въ различныхъ ея подробностяхъ того смысла, какой открыли въ нихъ только новѣйшія изслѣдованія съ помощью сравнительнаго языковѣдѣнія, міеологіи и археологіи. При жизни Бѣлинскаго, не было сдѣлано почти еще ни одной попытки такого рода изслѣдованій. Съ другой стороны, Бѣлинскій въ своихъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ имѣлъ въ виду то, какъ отражались толики о народности на самой литературѣ. Онъ еще съ тридцатыхъ годовъ началъ высказываться противъ фальшивой и поверхностной

погони за «народностью», справедливо обличалъ внѣшнія поддѣлки подъ народность, считая ихъ новаго рода романтической мишурой,—а въ то время было очень много произведеній такого рода, гдѣ народность состояла въ подборѣ различныхъ народныхъ поговорокъ и прибаутокъ, въ трактирныхъ сценахъ, въ «маленькомъ мужицкомъ языкѣ», какъ выражался тогда «Маякъ», и пр. и гдѣ этой мнимо-народной внѣшностью одѣвалось самое немудрое, а нерѣдко совершенно пошлое мнимо-народное содержаніе ¹⁾. Въ томъ же смыслѣ Бѣлинскій не имѣлъ сочувствія къ тогдашней малороссійской литературѣ, которую также считалъ дѣломъ народно-романтической прихоти и моды. Въ самомъ дѣлѣ, по тогдашнимъ началамъ трудно было ожидать, чтобы малороссійская литература могла быть или стать достояніемъ и потребностью народа, средствомъ его образованія; а малорусской литературы въ болѣе широкомъ объемѣ онъ не считалъ возможной, какъ не считаютъ ея возможной сами славянофилы. По его мнѣнію,—когда высшіе классы малорусскаго народа, лучшіе его таланты, какъ Гоголь, присоединялись къ русскому обществу и образованію, было бы напрасной тратой силъ стремиться къ основанію особой малорусской литературы: Гоголь не усумнился писать по-русски и прекрасно сдѣлалъ, потому что на малорусскомъ языкѣ не были бы возможны даже такіа малорусскія поэты, какъ «Тарасъ Бульба»,—о другихъ нечего и говорить.

Словомъ, «народность» въ глазахъ Бѣлинскаго была высокимъ достоинствомъ, необходимымъ признакомъ истинно художественнаго произведенія, когда писатель дѣйствительно схватывалъ черты народного характера и языка, но всякая поддѣлка, подражавшая народности съ внѣшней, матеріальной стороны, оскорбляла въ немъ чувство художественности, какъ грубое малеванье, особенно когда съ этимъ внѣшнимъ подражаніемъ народности связывалась грубая поддѣлка подъ народный складъ мысли; такъ-называемый

¹⁾ Его взглядъ на литературную народность выраженъ еще въ статьѣ о повѣстяхъ Гоголя («Телескопъ», 1835; Сочин. I, 226): «Повѣсти г. Гоголя народны въ высочайшей степени; но я не хочу слишкомъ распространяться объ ихъ народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условіе истинно художественнаго произведенія, если подъ народностію должно разумѣть вѣрность изображенія нравовъ, обичаевъ и характера того или другого народа, той или другой страны. Жизнь всякаго народа проявляется въ своихъ, ей одной свойственныхъ формахъ, слѣдовательно, если изображеніе жизни вѣрно, то и народно... Право, пора бы намъ перестать хлопотать о народности (въ 1835!), такъ же какъ пора бы перестать писать не имѣя таланта, ибо эта народность похожа на «Тѣнь» въ баснѣ Крылова; г. Гоголь о ней нисколько не думаетъ, и она сама направляется къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гонятся за нею, и ловятъ—одну тривіальность.»

«квасной и кулачный» патриотизмъ, который выдавали и выдають еще за самый народный, былъ ему въ высшей степени противенъ.

Ему не нравились и болѣе изысканныя поддѣлки подъ народный характеръ и народныя воззрѣнія, когда, напр., славянофильскіе поэты излагали въ стихотворной формѣ свои тенденціи. Такъ Бѣлинскій судилъ о стихотвореніяхъ Хомякова, въ которыхъ особенно много этой изысканной притязательности. Рядомъ съ Хомяковымъ, онъ очень вѣрно характеризовалъ и произведенія другого славянофильскаго поэта, Лыкова ¹⁾.

Но несмотря на то, что Бѣлинскій былъ однимъ изъ самыхъ крайнихъ представителей «западнаго» направленія, онъ относился къ славянофильству съ безпристрастіемъ, какого не оказывали ему противники его изъ этой школы. Онъ оспаривалъ ихъ мнѣнія о русской исторіи, цивилизаціи, національности, но, отдавая справедливость ихъ искреннему и самостоятельному убѣжденію, признавалъ, хотя относительную, но значительную пользу ихъ дѣятельности. Начало славянофильства Бѣлинскій видитъ въ мнѣніяхъ Карамзина. «Извѣстно, что въ глазахъ Карамзина Іоаннъ III былъ выше Петра Великаго, а до-петровская Русь лучше Россіи новой. Вотъ источникъ такъ-называемаго славянофильства, которое мы, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ считаемъ весьма важнымъ явленіемъ, доказывающимъ, въ свою очередь, что время зрѣлости и возмужалости нашей литературы близко. Во времена дѣтства литературы всѣхъ занимають вопросы, если даже и важные сами по себѣ, то не имѣющіе никакого дѣльнаго примѣненія въ жизни. Такъ-называемое славянофильство, безъ всякаго сомнѣнія, касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается и какъ оно къ нимъ относится—это другое дѣло. Но прежде всего, славянофильство есть убѣжденіе, которое, какъ всякое убѣжденіе, заслуживаетъ полного уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе не согласны». Значеніе славянофильства Бѣлинскій считаетъ чисто-отрицательнымъ. «Дѣло въ томъ, что положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то туманныхъ мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ, которыхъ несостоятельность слишкомъ ясно обнаруживается фактами дѣйствительности, всѣми вмѣстѣ и каждымъ порознь. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія не въ томъ, что они говорятъ противъ гнѣющаго будто бы Запада (Запада славянофилы рѣшительно не понимаютъ, потому что мѣряють его на восточны

¹⁾ См. обзорѣніе русской литературы за 1844 г.; Сочин., т. IX.

аршинъ); но въ томъ, что они говорятъ противъ русскаго европеизма, а объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться хотя на половину, какъ, напр., что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно, отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выражающагося національнаго характера, какимъ, въ чести ихъ, отличаются почти всѣ европейскіе народы; что это дѣлаетъ насъ какими-то междоумками, которые хорошо умѣютъ мыслить по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, но никакъ не умѣютъ мыслить по-русски; и что причина всего этого въ реформѣ Петра Великаго. Все это справедливо до извѣстной степени...¹⁾ Ближній дѣлаетъ далѣе весьма справедливыя замѣчанія о положительныхъ мнѣніяхъ славянофильства, и вообще, въ обстоятельствахъ тогдашней литературы, очень вѣрно опредѣляя его значеніе. Также вѣрно онъ объясняетъ и мнимый крайній европеизмъ своего собственнаго направленія, тѣ «западные очки», которыми обыкновенно попрекали это направленіе.

«Важность теоретическихъ вопросовъ,—говоритъ онъ въ той же статьѣ,—зависитъ отъ ихъ отношенія къ дѣйствительности. То, что для насъ, русскихъ, еще важные вопросы, давно уже рѣшено въ Европѣ, давно уже составляетъ тамъ простыя истины жизни, въ которыхъ никто не сомнѣвается, о которыхъ никто не споритъ, и въ которыхъ всѣ согласны. И—что всего лучше—эти вопросы рѣшены тамъ самою жизнью, или, если теорія и имѣла участіе въ ихъ рѣшеніи, то при помощи дѣйствительности. Но это нисколько не должно отнимать у насъ смѣлости и охоты заниматься рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, потому что, пока не рѣшимъ мы ихъ сами собою и для самихъ себя, намъ не будетъ никакой пользы въ томъ, что они рѣшены въ Европѣ. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы тѣ же, да не тѣ, и требуютъ другого рѣшенія. Теперь (1847) Европу занимаютъ новыя великія вопросы. Интересоваться ими, слѣдить за ними намъ можно и должно, ибо ничто человѣческое не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми. Но въ то же время для насъ было бы все безплодно принимать эти вопросы, какъ наши собственные. Въ нихъ нашего только то, что примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ, и мы стали бы играть роль донъ-Кихотовъ, горячася изъ него. Этимъ мы заслужили бы скорѣе насмѣшки европейцевъ, нежели ихъ уваженіе. У себя, въ себѣ, вокругъ себя, вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ и

¹⁾ Сочин. XI, 20 и слѣд.

ихъ рѣшенія. Это направленіе будетъ плодотворно, если и не будетъ блестяще. И начатки этого направленія видимъ мы въ современной русской литературѣ, а въ нихъ—близость ея зрѣлости...

Близкую зрѣлость литературы Бѣлинскій вообще видѣлъ въ обращеніи ея къ изученію русской дѣйствительности, и особенно явленій общественныхъ. Въ этомъ смыслѣ онъ усердно защищалъ отъ всякихъ нападеній «натуральную школу», которая въ первый разъ съ интересомъ и съ любовью стала изучать и изображать низшіе общественные классы. Это не нравилось въ особенности старымъ литературнымъ школамъ и извѣстному обширному слою общества, который, издавна, по прямымъ и косвеннымъ вліяніямъ крѣпостничества и чиновничества, привыкъ презирать «необразованнаго» мужика. «Что за охота наводнять литературу мужиками?» повторяетъ Бѣлинскій вопросъ людей этого рода, и старается объяснить нравственное значеніе, религіозный долгъ и общественную необходимость участія и интереса къ низшимъ классамъ, «отъ которыхъ мы отворачиваемся, какъ отъ парій, отъ падшихъ, какъ отъ прокаженныхъ»¹⁾. «Посмотрите, — продолжаетъ онъ далѣе, — какъ въ нашъ вѣкъ вездѣ заняты всѣ участію низшихъ классовъ, какъ частная благотворительность всюду переходитъ въ общественную, какъ вездѣ основываются хорошо организованныя, богатые вѣрными средствами общества, для распространенія просвѣщенія въ низшихъ классахъ, для пособія нуждающимся и страждущимъ, для отвращенія и предупрежденія нищеты и ея неизбежнаго слѣдствія—безнравственности и разврата... Это общее движеніе, столь благородное, столь человѣческое, столь христіанское, встрѣтило своихъ порицателей въ лицѣ поклонниковъ тупой и косной патріархальности... Но это ли не отрадное въ высшей степени явленіе новѣйшей цивилизаціи, успѣховъ ума, просвѣщенія и образованности? Могло ли не отразиться въ литературѣ это новое общественное движеніе, въ литературѣ, которая всегда бываетъ выраженіемъ общества! Въ этомъ отношеніи литература сдѣлала едва ли не больше: она скорѣе способствовала возбужденію въ обществѣ такого направленія, нежели только отразила его въ себѣ, скорѣе упредила его, нежели только не отстала отъ него». Въ другомъ мѣстѣ, Бѣлинскій защищаетъ это направленіе отъ другого упрека—въ утилитарности, и объясняетъ, что общественная полезность нисколько не мѣшаетъ эстетическому достоинству произведеній, что искусство въ этомъ отношеніи можетъ идти совершенно рядомъ съ наукой. «Политико-экономъ,

¹⁾ Сочин., IX, 340 и слѣд.

вооружаясь статистическими числами, *доказывает*, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или много ухудшилось, влѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ, вооружаясь живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, *показывает*, въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ дѣйствительно много улучшилось или ухудшилось отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ. Одинъ доказываетъ, другой показываетъ, и оба *убѣждаютъ*, только одинъ логическими доводами, другой — картинами. Но, первого слушаютъ и понимаютъ немногіе, другого — всѣ. *Высочайшій и священнѣйшій интересъ общества* есть его собственное *благосостояніе*, равно простертое на *каждаго* изъ его членовъ. Путь къ этому благосостоянію—*сознаніе*, а сознанію искусство можетъ способствовать не меньше науки. Тутъ и наука, и искусство равно необходимы»...

Такимъ образомъ выяснялась совершенно положительная цѣль литературы и истинный смыслъ, какой она должна имѣть въ жизни общества. Относительно современной ему литературы, Бѣлинскій не былъ въ заблужденіи; онъ видѣлъ, что въ этомъ самомъ существенномъ отношеніи наша литература еще только приближается къ своей зрѣлости, но что ея дальнѣйшее развитіе намѣчено, и успѣхъ развитія будетъ зависѣть уже только отъ вѣшнихъ условій, въ которыя она будетъ поставлена, отъ того, получитъ ли она необходимый просторъ. «Литература наша дошла до такого положенія, что ея успѣхи въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависать больше отъ объема и количества предметовъ, *доступныхъ ея заведыванію*, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, тѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрее и плодотворѣе будетъ ея развитіе. Какъ бы то ни было, но если она еще не достигла своей зрѣлости, она уже *нашла*, нащупала, такъ сказать, *прямую дорогу* къ ней,—а это великій успѣхъ съ ея стороны» (XI, 43).

Таковы были мнѣнія Бѣлинскаго, насколько они были тогда высказаны имъ *въ печати*. Основнымъ его желаніемъ, съ самаго начала и до конца, было—просвѣщеніе, въ европейскомъ смыслѣ. Его тяжело поражаало невѣжество и забитость массъ, свѣтское невѣжество высшихъ классовъ, обскурантизмъ, возведенный въ систему, ничтожество общественной жизни. Въ одномъ просвѣщеніи онъ видѣлъ надежду на лучшее будущее. Съ теченіемъ его дѣятельности, его мнѣнія все больше выяснялись; изученіе дѣйствительности, котораго онъ требовалъ отъ литературы, опре-

дѣлялось болѣе и болѣе точно — какъ изученіе общественныхъ отношеній и стремленіе къ равному для всѣхъ благосостоянію. Отвлеченные идеалы стараго времени, идеалы истины, добра и красоты, развились въ положительные стремленія... Условія тогдашней литературы не давали Бѣлинскому возможности изложить сколько-нибудь полно свои понятія, — онъ излагалъ ихъ въ тѣхъ тѣсныхъ предѣлахъ, какіе доставляла литературная критика, единственная возможная форма тогдашней публицистики: но его понимали и въ этихъ предѣлахъ, и онъ имѣлъ чрезвычайно обширное нравственное вліяніе и въ литературѣ, и въ умахъ новыхъ поколѣній. Чтò было за этими предѣлами, т.-е., въ чемъ именно состояли общественныя мнѣнія Бѣлинскаго, — объ этомъ въ свое время читатели догадывались; намъ это извѣстно теперь по рассказамъ современниковъ, близко его знавшихъ, и по тому немногому, чтò извѣстно пока изъ вещей, писанныхъ Бѣлинскимъ не для печати. Таково въ особенности письмо его къ Гоголю, по поводу «Переписки съ Друзьями», почти единственный документъ этого рода. Это письмо — представляющее въ нашей литературѣ рѣдкій примѣръ открытой свободной рѣчи — замѣчательно въ высокой степени по энергіи чувства, какимъ оно проникнуто, и благородному отрицанію общественной несправедливости. Это письмо должно быть въ памяти у всякаго, кто сталъ бы опредѣлять воззрѣнія Бѣлинскаго...

Въ томъ развитіи нашей литературы, наполняющемъ тридцатые и сороковые годы, когда она не столько служила отголоскомъ массы общества, сколько упреждала его (по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго), сколько дѣйствовала силами небольшого круга своихъ лучшихъ дѣятелей, — Бѣлинскому принадлежала своя обширная доля. Бѣлинскій, конечно, не былъ человѣкъ ученый, и ему иногда недоставало свѣдѣній ¹⁾, но, несмотря на то, онъ могъ занимать одно изъ господствующихъ мѣстъ въ литературѣ его направленія, въ которой между прочими дѣйствовали тогда нѣсколько людей съ замѣчательнымъ талантомъ и обширнымъ образованіемъ. Бѣлинскаго равняли съ ними, и иногда ставила выше ихъ, сила убѣжденія и увлекающее дѣйствіе на другихъ. Его большая заслуга состояла въ томъ, что его усиленные и твердые стремленія много содѣйствовали литературной

¹⁾ Въ этомъ онъ, конечно, уступалъ и многимъ изъ своихъ друзей, и изъ противниковъ, — послѣдніе не одинъ разъ этимъ его упрекали; но должно сказать однако, что уступая многимъ своимъ противникамъ въ учености, онъ, конечно, былъ несравненно болѣе образованный человѣкъ, чѣмъ напр. писатели „Москвитинна“. Притомъ, онъ и не брался за предметы чистой учености.

дѣтельности этого круга сложиться въ опредѣленное направленіе. Въ частности его заслуга была въ томъ, что онъ началъ настоящую критику въ русской литературѣ, распространилъ здравыя теоретическія понятія объ искусствѣ и много способствовалъ развитію той литературной школы, которая образовалась подъ вліяніемъ Гоголя и утверждалась на здоровомъ изученіи дѣйствительной жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бѣлинскій былъ настоящимъ основателемъ исторіи русской литературы съ XVIII-го вѣка. Онъ положилъ конецъ тому безсистемному взгляду, при которомъ исторія литературы была только реестромъ произведеній и послужнымъ спискомъ писателей, съ голословными одобреніями или порицаніями, и первый далъ исторіи литературы дѣйствительно историческій характеръ послѣдовательнаго развитія. Его эстетическія оцѣнки старыхъ и новыхъ писателей сохраняютъ свою цѣну до сихъ поръ и не могутъ быть обойдены новой критикой. Позднѣе, противъ Бѣлинскаго и въ этомъ отношеніи были подняты обвиненія, утверждавшія, что онъ, напротивъ, былъ плохимъ историкомъ, что онъ дѣлалъ много ошибокъ, особенно вслѣдствіе того, что мало занимался чисто фактической стороной предмета и пренебрегалъ «преданіями», которыя именно помогли бы ему вѣрнѣе понять литературныя отношенія прежняго времени¹⁾. Подобныя обвиненія повторялись не разъ, и въ нихъ еще слышится отголосокъ другихъ обвиненій, которыя поднимали противъ Бѣлинскаго его враги изъ старыхъ литературныхъ партій, — что онъ не знаетъ «преданій», а вмѣстѣ не уважаетъ и старыхъ писателей...

На эти обвиненія довольно сказать нѣсколько словъ. Дѣйствительно, фактическая сторона литературной исторіи у Бѣлинскаго разработана мало, но она, во-первыхъ, была дѣломъ второй важности, когда нужно было прежде установить самую сущность историческаго вопроса, къ которой могла бы потомъ применить фактическая разработка. Эта послѣдняя дѣйствительно и началась уже только послѣ того, какъ былъ поставленъ самый историческій вопросъ. Правда, мало-по-малу, эта разработка раскрыла много новыхъ подробностей, напр., именно указала много незамѣченныхъ прежде нитей, связывавшихъ литературу съ жизнью; но это была уже совсѣмъ иная сторона задачи. Бѣлинскій писалъ исторію художественной литературы, его точка

¹⁾ См. напр. Р. Вѣстникъ, 1861, № 6. Но приведенные образчики ошибокъ Бѣлинскаго, напр. о Станевичѣ, не принадлежать къ особенно важнымъ.

врѣнія была эстетическая,—и здѣсь новая разработка прибавила очень немного, а въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, на которыя направлены теперь историки, литература принималась уже въ самомъ обширномъ смыслѣ, не только художественная, но и всякая, и новая исторія становилась исторіей уже не столько литературы собственно, сколько исторіей образованія, общественной жизни и нравовъ,—главный интересъ ея былъ культурный, а не художественный. Во-вторыхъ, пользоваться «преданіями» было и не такъ удобно. Преданія, о которыхъ идетъ рѣчь, бываютъ, обыкновенно, въ буквальномъ смыслѣ преданія, изустные рассказы людей, близкихъ къ тѣмъ или другимъ лицамъ и фактамъ прошлой литературы. Пользоваться этими преданіями можно было бы только двумя путями: или, если бы сами обладатели преданій собрали и изложили ихъ, или же, надо было добывать отъ нихъ эти преданія личными разспросами. Первое было бы самое естественное; но слишкомъ извѣстно, что наши владѣльцы преданій (въ тѣ времена) именно ничего не дѣлали въ этомъ отношеніи: въ началѣ это еще могло быть неудобно по близости времени, но они не сдѣлали этого и послѣ. Для примѣра довольно сказать, что обладатели преданій не дали біографіи ни Пушкина, отъ котораго сами получили большую долю своего заимствованнаго свѣта, — ни Жуковскаго, который только недавно нашелъ біографа въ своемъ *нѣмецкомъ*, а не русскомъ другѣ, — ни Голая, біографія котораго составлена не близкимъ къ нему лицомъ. Только въ послѣдніе годы «преданія» начинаютъ показываться, вызываемыя всего больше новыми изслѣдованіями, — но и то большей частью въ видѣ совершенно сырого матеріала, переписки и т. п. Надобно полагать, что обладатели преданій ожидали, что къ нимъ лично должны были обращаться тѣ, кому было нужно. Но личныя сношенія не всегда удобны, а иногда совершенно невозможны. Извѣстно, на примѣръ, какъ относились къ Бѣлинскому друзья Пушкина, отъ которыхъ онъ будто бы «могъ» получить свѣдѣнія о Пушкинѣ; — мы думаемъ, напротивъ, что при той злобѣ, какую владѣльцы преданій питали къ Бѣлинскому, самая ихъ бесѣда была бы невозможна... Наконецъ, *ошибки*, въ которыхъ упрекаетъ Бѣлинскаго авторъ упомянутой статьи, вовсе не такъ крупны, чтобы повредить достоинству его труда. Историческія и эстетическія положенія Бѣлинскаго, которыя въ свое время старымъ партіямъ показались настоящимъ святотатствомъ («Карамзинъ тобой ужаленъ, Ломоносовъ — не поэтъ», и т. п.), уже вскорѣ стали господствующими понятіями; и чтобы должнымъ образомъ оцѣнить этотъ фактъ, должно еще припом-

ить, что представляла наша критика и история литературы до Бѣлинскаго.

Только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Бѣлинскаго явилась первая возможность говорить о немъ въ литературѣ, называть его имя... Первые воспоминанія о Бѣлинскомъ и очеркъ дѣятельности «критика Гоголевскаго періода», сдѣланы были уже новымъ литературнымъ поколѣніемъ. Эта оцѣнка, очень высоко ставившая Бѣлинскаго, внушена была сознаніемъ его непосредственнаго вліянія на развитіе новыхъ силъ, готовившихся дѣйствовать въ литературѣ, и въ своихъ главныхъ основаніяхъ эта оцѣнка была, конечно, справедлива. Въ лучшей части образованнаго общества и литературы остается и до сихъ поръ это отношеніе къ Бѣлинскому, какъ писателю, для котораго его дѣятельность была дѣломъ жизни, страстнаго убѣжденія и глубокаго патріотизма. Новое поколѣніе начинаетъ требовательнѣе относиться къ Бѣлинскому—съ различныхъ точекъ зрѣнія, и справедливо, съ нынѣшней точки зрѣнія, указывало нѣкоторыя односторонности и крайности его мнѣній, которыя, конечно, не были непогрѣшимы; но большей частью эти односторонности и крайности находятъ свое объясненіе и оправданіе въ условіяхъ времени, въ которое припала дѣятельность Бѣлинскаго, и въ свойствахъ тѣхъ насущныхъ вопросовъ, которые предстояло тогда разъяснять литературѣ. Между прочимъ, на Бѣлинскомъ отражались и послѣдніе толки о «людяхъ сороковыхъ годовъ», и та недоумчивость, которая возникла относительно ихъ по сохранившимся образцамъ того времени; видя, какъ очень многіе изъ этихъ послѣднихъ могиканъ «сороковыхъ годовъ» не только не сохранили прежнихъ идеально-благородныхъ взглядовъ и стремленій, но возмѣнили стремленія прямо противоположныя,—теперь стали думать, что идеи сороковыхъ годовъ вообще были шатки и непрочны, если оканчивались подобнымъ результатомъ. Спрашивали; чѣмъ былъ бы самъ Бѣлинскій въ наше время, и предполагали, что, вѣроятно, и онъ не остался бы тѣмъ, чѣмъ былъ. Такіе вопросы вообще довольно странны и очень бесполезны,—потому что отвѣтъ на нихъ можетъ быть только произвольный; но такъ какъ въ ихъ условной постановкѣ ищутъ нагляднаго объясненія дѣла, вводя въ нашу жизнь людей изъ «царства мертвыхъ», то въ отвѣтъ на такой вопросъ мы привели бы слова одного современника той эпохи, человека стоявшаго и тогда и послѣ въ *другомъ* лагерѣ, чѣмъ Бѣлинскій, именно въ

лагерь близкомъ къ славянофильству. Вотъ слова этого современника:

«Горячаго сочувствія стоить при жизни и стоить по смерти тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззаветно сочувствовать всему благородному, прекрасному и великому. Безстрашный боецъ за правду, Бѣлинскій не усумнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только признавалъ ее, и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненіе взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей тотъ, кто не дорожитъ правдой. Кажется, онъ даже созданъ былъ такъ, что *натура его не могла устоять противъ правды*, какъ бы правда ни противорѣчила его прежнему взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала... Смѣло и честно звалъ онъ первый геніальнымъ то, что онъ таковымъ призналъ и, благодаря своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Также смѣло и честно разоблачалъ онъ, часто наперекоръ утвердившимся мнѣніямъ, все, что казалось ему ложнымъ и напыщеннымъ, заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущности, въ основахъ не ошибался никогда... Теоріи увлекали его, какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, чего нѣтъ во многихъ. Вполнѣ сынъ своего вѣка, онъ не опередилъ, да и не долженъ былъ опережать его... Еслибы Бѣлинскій прожилъ до нашего времени, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія, по той простой причинѣ, что сохранилъ бы высшее свойство своей натуры: неспособность закоснѣть въ теоріи противъ правды, искусства и жизни».

Эти слова кажутся намъ очень справедливыми.

А. Пыпинъ.

ТЕОРІЯ ДАРВИНА

И

ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИИ

Alf. Decandolle, Histoire des sciences et des savants, depuis deux siècles.

Прошло то старое время, когда каждая наука стояла *особняком*, и когда, поэтому, открытія въ области естествознанія могли оставаться безъ вліянія на науки политическія и наоборотъ. Въ наши дни всѣ науки такъ тѣсно связаны между собою, что сильная мысль, нашедшая себѣ подтвержденіе въ фактахъ, представляемыхъ одною изъ отраслей человѣческихъ знаній, отражается на всѣхъ остальныхъ. И немудрено: въ сущности, всѣ науки ищутъ цѣлью изслѣдованіе челоуѣка и природы, въ ихъ настоящемъ, прошломъ и будущемъ, а потому оставлять безъ вниманія какіе-либо факты, бросающіе свѣтъ на вопросы, еще не разрѣшенные — значило бы, для *всякой* науки, отворачиваться отъ жизни.

Всякому, конечно, извѣстна теорія, названная по имени Дарвина, теорія, по которой разнообразіе въ органической природѣ произошло въ силу естественнаго «подбора» особей, полового подбора, совершаемаго самою природою, въ средѣ которой все существующее стремится поддержать свое существованіе, и гдѣ успѣваютъ въ этомъ лишь тѣ организмы, которые сильнее другихъ и въ своей «борьбѣ за существованіе» одерживаютъ верхъ надъ встрѣчаемыми препятствіями или развиваются при

наиболѣе благопріятныхъ для нихъ условіяхъ. Теорія Дарвина предполагаетъ слѣдовательно, прежде всего, наслѣдственность извѣстныхъ физическихъ свойствъ и зависящихъ отъ нихъ психическихъ явленій. Только въ силу этой наслѣдственности, которая превращаетъ временныя, даже случайныя видоизмѣненія въ постоянныя для послѣдующихъ поколѣній, и мыслимо «происхожденіе видовъ» путемъ «подбора родителей», совершающагося въ природѣ подъ вліяніемъ «борьбы за существованіе». Во что обращается при этомъ сила воспитанія?

Зная связь всѣхъ наукъ между собою, мы не удивимся тому, что сильная мысль, сдѣлавшаяся популярною благодаря Дарвину, но намѣченная предшественниками его и развитая его послѣдователями, отразилась на философіи, на политической экономіи, исторіи, даже филологіи; страннымъ можетъ показаться только то почему теорія Дарвина, подтверждаемая безчисленными доказательствами, имѣла до сихъ поръ столь незначительное вліяніе на педагогію, науку специально посвященную всестороннему изученію человѣка, такъ какъ главнѣйшая задача ея состоитъ во всестороннемъ развитіи человѣка, въ возбужденіи въ дѣятельности всѣхъ силъ, присущихъ человѣку? Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что индуктивный методъ, восходящій отъ частнаго къ общему, получилъ всеобщее приложеніе, благодаря педагогамъ, уже завѣвшимъ на легкость и доступность его, пронизъ въ исторіи географію, математику и проч., и что, до сихъ поръ только нѣтъ сколько мнѣ извѣстно, ни одного руководства къ педагогіи, изложеннаго по этому методу? Не странно ли, что педагоги всѣхъ странъ ратуютъ за обученіе посредствомъ усовершенія внѣшнихъ чувствъ и воспріятій, передаваемыхъ послѣдними, что педагоги всѣхъ народовъ требуютъ синтеза фактовъ, а не отвлеченіи при обученіи, и сами обходятъ такой фактъ, какова теорія Дарвина. Или для нихъ безразлично знать, насколько,—признавая теорію Дарвина и извѣстную связь между физическимъ и психическимъ развитіемъ организмовъ, чего никто не отвергаетъ ни идеалисты, ни матеріалисты,—знать, насколько остается при этомъ простора для воспитателя?

Едва ли педагогъ сочтетъ пустымъ такой вопросъ, а если и сихъ поръ онъ предлагается лишь весьма немногими изъ педагоговъ, то едва ли не потому, что антропология еще не довольно знакома большинству педагоговъ, и что въ средѣ послѣднихъ еще очень многіе, вмѣсто того, чтобы всматриваться въ указанія жизни, какою бы наукою они ни были представлены довольствуются пареніемъ въ выси поднебесной и подъ-часть и

такой высотѣ, откуда имъ трудно разглядѣть то, что дѣлается на землѣ. Говоря о педагогахъ, я разумѣю пишущую братію изъ нихъ; что же касается практиковъ, стоящихъ непосредственно у дѣла воспитанія и обученія—то большинство ихъ, къ несчастію, настолько подавлено «борьбою за собственное существованіе», поприще наблюденій ихъ такъ тѣсно, а пища, предлагаемая имъ «пишущими педагогами» настолько неудобоварима, что эти труженики, въ большинствѣ случаевъ, смотрятъ и не видятъ, т.-е. не выводятъ изъ жизни своей собственной педагогической теоріи. Между тѣмъ, едва ли кто-нибудь изъ этихъ практиковъ, или изъ «библѣтныхъ» педагоговъ, рѣшится отвергать, что такой вопросъ, какъ теорія Дарвина, есть вопросъ близкій къ каждому изъ нихъ и притомъ не только потому, что такое или иное отношеніе къ этому вопросу можетъ коснуться «борьбы за существованіе» самихъ педагоговъ, но и потому, что въ средѣ послѣднихъ есть немало людей, дорожащихъ не только кускомъ хлѣба, но истиной и убѣжденіями своими.

Но кто изъ насъ не воспитываетъ и въ этомъ смыслѣ кто изъ насъ не педагогъ? Къ каждому изъ насъ близокъ вопросъ о законахъ воспитанія, т.-е. умственного развитія человѣчества, такъ какъ при рѣшеніи его идетъ рѣчь о насъ самихъ, родителей и дѣтей нашихъ. И такимъ-то вопросомъ, какъ значеніе теоріи Дарвина по отношенію ко всему, что только есть самага драгоценнаго для человѣка, мы пренебрегаемъ!

Сегодня мы не рѣшаемъ этого вопроса, но приглашаемъ читателей подумать надъ нимъ по поводу недавно выпшедшей въ Женевѣ книги, съ содержаніемъ которой мы познакоимъ читателей, насколько оно касается нашего предмета, пользуясь этимъ случаемъ для того, чтобы высказать нѣсколько своихъ, самостоятельныхъ соображеній.

Книга, на которую я хочу обратить вниманіе родителей и учителей, написана Альфонсомъ де-Кандоллемъ, сыномъ того знаменитаго де-Кандолля, который, какъ профессоръ Женевской академіи, какъ профессоръ «Collège de France» въ Парижѣ и академіи въ Монпелье и какъ авторъ многихъ сочиненій, приобрѣлъ себѣ репутацію одного изъ лучшихъ ботаниковъ нашего времени. Авторъ рассматриваемой книги, пошедши по стопамъ отца, продолжалъ нѣкоторые изъ его сочиненій, читалъ ботанику въ Женевѣ, но по отзыву компетентныхъ лицъ не сравнялся съ нимъ по значенію въ наукѣ. Рассматриваемая нами книга его не имѣетъ прямого отношенія къ предмету его спеціальности, ботаникѣ, но представляетъ напротивъ попытку примѣнить методъ

естественно-историческій, которымъ авторъ привыкъ владѣть, къ философскому вопросу, весьма важному для всѣхъ отраслей знанія. Подъ заглавіемъ: «Histoire des sciences et des savants, depuis deux siècles» (Исторія наукъ и ученыхъ въ послѣднія два столѣтія), де-Кандолль подѣлился съ публикою нѣсколькими монографіями, имѣющими болѣе или менѣе близкое отношеніе къ вопросу о законахъ умственного развитія человѣчества; но какъ мало заглавіе ни соотвѣтствуетъ содержанію книги, нетрудно замѣтить однако, что каждая изъ статей этого сборника проникнута одною мыслью, а именно указать значеніе теоріи Дарвина для изученія законовъ умственного развитія человѣчества, для педагогич. Теорія Дарвина не могла не представлять особеннаго интереса для нашего автора уже потому, что имъ самимъ, еще въ 1855 году, четыре года до появленія *первой* книги Дарвина, въ сочиненіи его о географіи растений (*Géographie botanique raisonnée*), было допущено предположеніе о происхожденіи видовъ растений путемъ подбора особей, совершаемаго самою природою и постепеннаго превращенія временныхъ и случайныхъ видовъмѣненій формъ въ постоянныя. Но, какъ А. де-Кандолль имѣетъ нѣкоторое право считать себя въ числѣ предшественниковъ Дарвина, такъ онъ считаетъ себя обязаннымъ указать на то, что на томъ поприщѣ изслѣдованія, на которомъ мы встрѣчаемся съ нимъ въ настоящее время, Гальтонъ въ сочиненіи о наслѣдственности гения (*Hereditary genius*. 1869 г.) проложилъ для него первый путь. Но Гальтонъ, задавшись вопросомъ, насколько велика сила наслѣдственности въ появленіи людей гениальныхъ, изучилъ по біографическимъ словарямъ жизнеописанія 65 главнѣйшихъ ученыхъ со временъ Аристотеля до нашихъ дней. Факты, собранные такимъ образомъ, Гальтонъ счелъ основою для своихъ выводовъ и заключеній. Де-Кандолль счелъ такую основу недостаточною, а потому, во-первыхъ: ограничился учеными послѣднихъ двухъ столѣтій, жизнеописанія которыхъ намъ извѣстны съ большими подробностями и болѣею достовѣрностію, и, во-вторыхъ, не позволилъ себѣ, подобно Гальтону, произвольно избрать нѣсколько десятковъ ученыхъ изъ среды тысячъ и предпочелъ изучать біографіи лишь такихъ лицъ, которыя были признаны почетными членами и корреспондентами парижскою академіею, лондонскимъ королевскимъ обществомъ и берлинскою академіею. Таковъ матеріалъ казался автору болѣе удобнымъ для сколько-нибудь точныхъ наблюденій какъ потому, что при этомъ устранялись пристрастіе автора и ошибочность заключеній его о представителяхъ наукъ, въ которыхъ онъ некомпетентенъ, такъ и потому, что

число *иностранных* членовъ во всѣхъ академіяхъ обыкновенно ограничено извѣстнымъ комплектомъ лицъ, что и обязываетъ академіи быть настолько строгими при выборѣ, что едва ли нельзя признать *средняго* уровня избираемыхъ выше средняго уровня лицъ, не отличенныхъ академіями. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что идетъ рѣчь объ отношеніи академій къ *иностранцамъ*, а потому если бы мнѣнія трехъ ученыхъ учреждений совпали, что касается выбора извѣстнаго лица, не связаннаго ни съ кѣмъ изъ нихъ узами національности, нерѣдко ведущими къ пристрастію, то такой фактъ, повторявшійся однако довольно часто, свидѣтельствовать бы безспорно о научномъ значеніи избраннаго; точно также если бы оказалось, что въ извѣстный періодъ времени всѣ академіи избирали иностранныхъ сочленовъ своихъ предпочтительно изъ среды извѣстной національности, или что въ извѣстное время всѣ академіи отличаютъ математиковъ, или зоологовъ предпочтительно предъ другими учеными, то и такія явленія невозможно было бы счесть случайными, и было бы, напротивъ, основаніе вывести изъ совокупности ихъ извѣстные законы. Наконецъ, предлагая рядъ изслѣдованій о числѣ *ученыхъ* въ различное время, у разныхъ народовъ, на различныхъ поприщахъ, авторъ предвѣщаетъ о томъ, что онъ къ «ученымъ» причисляетъ лишь тѣхъ, которые въ чемъ-либо *подвинули* впередъ науку, а не тѣхъ, которые много *знаютъ*; въ такомъ смыслѣ и академіи обыкновенно понимали слово «ученый», и въ смыслѣ этого слова необходимо условиться заблаговременно, для того, чтобы отъ ограниченія поприща изслѣдованія выиграли точность наблюдений и безошибность выводовъ. Для того, чтобы исчерпать вопросъ о методѣ изслѣдованія, избранномъ авторомъ, я теперь же укажу на то, что де-Кандоль принадлежитъ къ числу тѣхъ естествоиспытателей, которые полагаютъ «*мощность*» естественныхъ наукъ гораздо болѣе въ способѣ изслѣдованія, чѣмъ въ достигаемыхъ результатахъ, такъ какъ, по мнѣнію его, естествознаніе ведетъ прежде всего къ выясненію для изслѣдователя *бесконечности* въ явленіяхъ природы, *бесконечно* большихъ и *бесконечно* малыхъ величинъ. «Ни одинъ астрономъ,—говоритъ авторъ,—ни на минуту не допустить того, что явленія ограничиваются тѣми, которыя доступны его лучшему телескопу, во многіе натуралисты, вооруженные микроскопомъ еще такъ выражаются, будто бы они видятъ *начало* чего-нибудь». Такое воззрѣніе автора, имѣя большое значеніе для рассматриваемаго имъ вопроса, помогло ему не только осторожно отнестись къ выводу изъ теории Дарвина по отношенію къ законамъ *умствен-*

наго развитія человѣка, но и внимательно изслѣдовать множество другихъ причинъ, кромѣ законовъ Дарвина, обуславливающихъ это развитіе, и такимъ образомъ выступить на поприще, близкое всѣмъ, принимающимъ къ сердцу интересы воспитанія и обученія.

Для того, чтобы подвергнуть наблюденію лишь возможно лучше выясненные факты, авторъ разсматриваемой книги, какъ мы сказали, останавливается на ученыхъ, заслужившихъ отличія академій. Уставъ парижской академіи наукъ, согласно которому не болѣе восьми иностранцевъ могутъ быть почетными членами ея одновременно, состоялся въ 1699 году; съ тѣхъ поръ парижская академія всегда имѣла по восьми почетныхъ членовъ изъ иностранцевъ, но полный списокъ послѣднихъ не былъ составленъ, и составленъ въ первый разъ съ большимъ трудомъ де-Кандоллемъ, который приводитъ его въ своей книгѣ: за 205 лѣтъ оказывается 95 назначеній, изъ числа которыхъ авторъ исключаетъ три имени, такъ какъ они принадлежать лицамъ, отличавшимся лишь покровительствомъ наукъ и не послужившимъ ей никакимъ самостоятельнымъ трудомъ. Такимъ образомъ, остались въ списокъ 92 ученыхъ, изъ которыхъ 52 до конца прошлаго вѣка и 40 въ текущемъ столѣтіи; де-Кандоллемъ обозначены въ списокъ, для каждаго изъ ученыхъ, предметъ специальности его, родина, національность, вѣроисповѣданіе, профессія и общественное положеніе. Принимая во вниманіе, что комплектъ восьми почетныхъ членовъ, который могъ быть достаточнымъ во времена Ньютона, слишкомъ незначителенъ для нашего времени, авторъ составляетъ списки корреспондентовъ парижской академіи, такъ какъ и этимъ званіемъ академія отличала лицъ, лишь наиболѣе выдававшихся, по ея мнѣнію, ученыхъ; но за невозможностію представить списки корреспондентовъ за каждый изъ 205 лѣтъ, авторъ даетъ списки за 1750, 1788, 1829 и 1869 года, т.-е. списки, представляющіе положеніе дѣла въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, съ болѣе или менѣе правильными промежутками около 40 лѣтъ. Вставивъ въ эти четыре списка имена и восьми почетныхъ членовъ парижской академіи, де-Кандолль нашелъ, что въ 1750 году французская академія наукъ удостоила званія почетнаго члена или корреспондента 35 лицъ, въ 1789 году—39; въ 1829 году—69; и столько же числилось всего иностранныхъ ученыхъ, отличенныхъ французскою академіею и въ 1869 году.

Лондонское королевское общество основано въ 1662 году; въ XVIII вѣкѣ число *иностранныхъ* членовъ этого общества не было ограничено никакимъ комплектомъ, и только въ текущемъ вѣкѣ принято за правило не имѣть ихъ одновременно болѣе 50.

Многих изысканий стоило де-Кандоллю составление списковъ иностранныхъ членовъ лондонскаго королевскаго общества, но и эта задача имъ рѣшена, а для того, чтобы облегчить сравненіе, списки составлены имъ для тѣхъ же эпохъ, для которыхъ составлены списки ученыхъ, отличенныхъ французскою академіею. Такимъ образомъ, оказалось, что въ 1750-мъ году лондонское королевское общество насчитывало 74 *иностранныхъ* члена; въ 1789 году—64; въ 1829 году—48 и въ 1869 году—49.

Берлинская академія основана въ 1700 году, но и по настоящее время число членовъ изъ иностранцевъ не отдѣлено отъ числа членовъ изъ нѣмцевъ, а потому составленіе списковъ *иностранныхъ* членовъ этой академіи для четырехъ вышеозначенныхъ эпохъ представляло особенныя трудности, которыя удалось преодолѣть де-Кандоллю только при содѣйствіи секретаря академіи, и такимъ образомъ, въ первый разъ появились въ печати списки такого рода. По отношенію къ берлинской академіи годы 1750, 1789, 1829 и 1869 представляются особенно удачно избранными, такъ какъ имъ предшествовало время относительнаго мира, и потому есть основаніе думать, что политическія и національныя страсти остались безъ вліянія на число иностранцевъ различныхъ національностей, почтенныхъ берлинскою академіею; по изслѣдованіямъ де-Кандолля оказалось, что въ 1750 году берлинская академія имѣла 42 члена изъ *иностранцевъ*, въ 1789 году—36, въ 1829 году—51, въ 1869 году—66.

Установивъ такимъ образомъ поприще наблюденія, де-Кандоль приступаетъ къ сличенію фактовъ, къ распредѣленію ихъ на группы, къ выводамъ. Академіи основаны въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ между 1662 и 1700 годами; онѣ могли избирать иностранныхъ членовъ своихъ совершенно свободно изъ числа математиковъ и изъ числа естествоиспытателей; поэтому авторъ считаетъ поучительнымъ вычислить, на основаніи списковъ, напечатанныхъ въ его книгѣ, въ какой пропорціи различныя академіи *въ разное время* отличали ученыхъ каждой изъ двухъ указанныхъ категорій. Эти вычисленія несомнѣнно выясняютъ, что тѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ большее число *естествоиспытателей* встрѣчается въ числѣ иностранцевъ, почтенныхъ учеными учрежденіями, *сравнительно* съ числомъ *математиковъ*, и послѣднихъ тѣмъ больше въ числѣ почетныхъ членовъ, тѣмъ дальше отъ нашего времени. Это фактъ и фактъ не случайный, до очевидности выясняющій возрастаніе числа лицъ въ цивилизованномъ мірѣ, посвящающихъ себя изученію естественныхъ наукъ и возрастающее значеніе послѣднихъ. Въ этомъ

отношеніи де-Кандолль справедливо ставить въ огромную заслугу Дарвину то, что его труды заставили въ наши дни интересоваться вопросами естествознанія *большинство* читающей публики. чѣмъ больше лицъ вдумываются въ эти вопросы, и чѣмъ больше сознательныхъ наблюдателей, тѣмъ болѣе выигрываетъ наука, служащая, въ свою очередь, человѣчеству. На возрастающее значеніе естественныхъ наукъ въ послѣдніе два столѣтія, выясненное цифрами де-Кандоллемъ, повліяли изобрѣтеніе точныхъ инструментовъ и примѣненіе правильныхъ методовъ наблюденія, а на послѣднее не могло не повліять возникновеніе трехъ академій въ Европѣ, происшедшее, какъ мы знаемъ, между 1662 и 1700 годами. Древніе философы, располагая незначительнымъ числомъ фактовъ, занимались *всѣми* науками, такъ поступали и мыслители среднихъ вѣковъ. Но послѣ изобрѣтенія болѣе совершенныхъ орудій и способовъ наблюденія, число фактовъ настолько возросло, что для каждаго ученаго явилась необходимость ограничить поприще своего наблюденія, *специализировать* свои занятія. Это подтверждается тою рубрикою списковъ, составленныхъ де-Кандоллемъ, въ которой послѣдній, на основаніи біографіи каждаго ученаго, отмѣчалъ, какой наукѣ онъ себя посвятилъ: во времена Лейбница и Ньютона почти при имени каждаго ученаго пришлось бы писать: «математикъ, астрономъ и физикъ»; еще въ XVIII-мъ вѣкѣ часто встрѣчается то же, но въ XIX-мъ вѣкѣ уже весьма рѣдко встрѣчается, чтобы одинъ и тотъ же ученый въ равной мѣрѣ занимался двумя науками. Добавлю къ этому соображеніе, упущенное изъ виду де-Кандоллемъ, но кажущееся мнѣ чрезвычайно существеннымъ для послѣдующихъ выводовъ: *специализация* наукъ, плодотворная специализация ихъ стала возможна не только вслѣдствіе уже указанныхъ причинъ, но и вслѣдствіе распространенія *общаго* образованія. Такъ, въ наше время ученый, посвящая себя *одной* наукѣ, приступаетъ къ этому послѣ того, какъ онъ, посредствомъ *общеобразовательнаго* курса, уже овладѣлъ результатами *всѣхъ* наукъ въ известной мѣрѣ, насколько это необходимо при связи всѣхъ наукъ между собою.

Списки де-Кандолля, въ которыхъ, какъ мы знаемъ, показана и профессія ученыхъ, выясняютъ, что чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ рѣже званіе ученаго соединяется съ какою-либо доходною профессіею. Въ старину ученые часто бывали врачами, если не всегда по званію, то на дѣлѣ, а Вольфъ, математикъ и натуралистъ, занималъ кафедру юридическихъ наукъ; чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ подобные примѣры рѣже, такъ какъ наука всецѣло поглощаетъ время ученаго. Вотъ по-

чему *экономическое* положеніе страны можетъ сильно отзыватьсѣ на количествѣ и качествѣ ея ученыхъ: чѣмъ въ средѣ даннаго народа больше лицъ обеспеченныхъ, обладающихъ досугомъ, тѣмъ больше и ученыхъ, т.-е. людей, могущихъ трудиться для науки, хотя бы занятія эти и не представляли матеріальныхъ выгодъ; чѣмъ легче въ данной странѣ совершаются экономическія операціи, тѣмъ болѣе времени остается у лица, просвѣщеннаго и обеспеченнаго, свободнаго отъ заботъ о житейскихъ потребностяхъ, времени, которое оно можетъ отдать наукѣ. Такъ, до конца XVIII-го вѣка, какъ доказываютъ списки де-Кандолля, въ числѣ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ академіи было чрезвычайно много лицъ изъ сословія духовенства; съ XIX-го вѣка эти примѣры рѣдки съ тѣхъ поръ, что уменьшены матеріальныя средства духовенства, что во многихъ мѣстахъ упразднены монастыри, обладавшіе досугомъ и богатствомъ; къ тому же изъ католическаго духовенства особенно много занимались наукою аббаты, которые не имѣли занятій по приходу и, владѣя состояніемъ, вовсе не нуждались въ профессіи священника. Ошибочно было бы, полагаетъ де-Кандолль, ставить въ особую заслугу католическому духовенству его занятія наукою, или выводить эти стремленія изъ духа католической церкви и духовенства ея: если бы это было такъ, то миссіонеры, непрерывно посѣщающіе новые страны, должны были бы сдѣлать много открытій, между тѣмъ какъ ими оказаны самыя ничтожныя услуги наукѣ.

Къ той же мысли о несоединимости специальныхъ занятій наукой съ доходною профессіею де-Кандолль возвращается и при изслѣдованіи, на основаніи составленныхъ имъ списковъ, вопроса о томъ, изъ какого слоя общества выходятъ люди, подвигающіе науку? Распредѣливъ ученыхъ по ихъ сословному происхожденію, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 52 процента *иностранцевъ* членовъ французской академіи принадлежатъ къ среднему классу, 49 процентовъ къ сословію дворянъ и денежной аристократіи, и только 7 процентовъ къ сословію рабочихъ, земледѣльцевъ и проч., при этомъ само по себѣ понятно, что академія, при оцѣнкѣ заслугъ ученаго, не могла принимать въ расчетъ его происхожденія. Эти результаты, выведенные де-Кандоллемъ математически правильно, но подвергнутые имъ наблюденію при *предъятой* мысли и недостаточно имъ изслѣдованные, приводятъ его къ совершенно ложнымъ заключеніямъ. Такъ, по-тенный авторъ, довольствуясь вышеприведеннымъ *поверхностнымъ* вычисленіемъ, говорить, что классъ рабочихъ, земледѣльцевъ и проч. составляетъ отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ всего населенія въ странѣ, и тѣмъ

не менѣе эта масса дала всего менѣе знаменитыхъ ученыхъ, «не смотря на существующія для нея средства возвышенія посредствомъ школы, военной службы, духовнаго сана, промышленности и торговли»; затѣмъ авторъ настаиваетъ на томъ, что сословіе дворянъ, самое малочисленное въ странѣ, дало *относительно* наибольшее число ученыхъ. Авторъ не объясняетъ этого, подобно прусскимъ феодаламъ, благородствомъ крови, но *богатствомъ* и совокупностію другихъ причинъ, которыхъ мы коснемся ниже.

Въ заключеніяхъ автора трудно не замѣтить весьма существенныхъ погрѣшностей—онъ представляетъ одинъ *общій* итогъ ученыхъ по сословіямъ за 200 лѣтъ, и затѣмъ принимаетъ въ расчетъ возможность образованія и карьеры для массы, которая существуетъ не 200 лѣтъ, а всего только 50 лѣтъ или даже только 25 лѣтъ, такъ какъ только весьма недавно исчезли всякаго рода привилегіи дворянства, облегчавшія ему, *сравнительно* съ другими сословіями, обогащеніе. Вообще говоря, чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе расчищается дорога для массы, этого не замѣтилъ де-Кандолль, хотя могъ усмотрѣть это изъ нѣже составленныхъ списковъ; вотъ что и даю мнѣ право предположить въ немъ предвзятую мысль въ пользу аристократизма, которая подтверждается и тѣмъ, что такой мыслитель могъ говорить о значеніи для массы *народной школы*, будто бы онъ не зналъ, что всего какихъ-нибудь тридцать лѣтъ тому назадъ это учрежденіе начали ставить на подобающее ему мѣсто! Для того, чтобы статистическими данными доказать ошибочность *метода* вычисления де-Кандолля, я подраздѣлялъ списокъ 90 ученыхъ, имъ составленный, хронологически на пять группъ: первую группу (10 именъ), до 1700 года, я вовсе не принималъ въ расчетъ; во второй группѣ, отъ 1700 до 1772 года, т.-е. во время господства привилегій дворянства, оказалось 25 именъ и изъ нихъ 10, принадлежащихъ ученымъ изъ сословія дворянъ и негониантовъ; это приблизительно процентъ, вычисленный де-Кандоллемъ для *всего* списка. Но что мы видимъ дальше? Въ третьей группѣ, отъ 1772 по 1800 годъ, оказывается *дворянъ* всего 5 изъ 20-ти ученыхъ, т.-е. только 25 процентовъ вмѣсто 40,—вотъ какъ отзывалось на массѣ паденіе привилегій! Въ четвертой группѣ списка, отъ 1800 до 1826 года, на 13 ученыхъ приходится всего 3 дворянина и, наконецъ, въ пятой группѣ, за время отъ 1827 года по 1868 годъ, которая и должна быть названа по преимуществу временемъ водворенія юридическаго и экономическаго равноправія сословій, въ списокъ, на 21 ученаго, оказывается всего 4 ученыхъ изъ сословія дворянъ и негониантовъ, т.-е. около 20%,

мѣсто 41⁰%, вычисленныхъ де-Кандоллемъ. На это можно возразить, что тѣмъ не менѣе остается не опровергнутымъ тотъ выводъ автора, что сословіе дворянъ, самое *малочисленное*, дало *наибольшее* число ученыхъ, сравнительно съ другими сословіями. Но я и не имѣлъ въ виду опровергать той безспорной истины, что сословіе наиболѣе богатое и просвѣщенное должно дать *относительно* и наибольшее число ученыхъ. Но мнѣ кажется, что я доказалъ, что съ того времени, какъ привилегіи отменены закономъ у дворянства, *относительное* преобладаніе его въ науку все болѣе и болѣе уменьшается, и слѣдовательно увеличиваются шансы учености для другихъ сословій; въ числѣ послѣднихъ большинство лицъ живетъ доходами отъ профессіи, отсюда прямо слѣдуетъ, что де-Кандолль ошибочно поставилъ *богатство* въ числѣ условій, благопріятствующихъ научнымъ занятиямъ: онъ долженъ былъ, не уклоняясь отъ фактической почвы въ область *предвѣстныхъ* теорій, указать не на богатство, но на *достатокъ*, и на то, что по мѣрѣ увеличенія числа лицъ обеспеченныхъ, пользующихся *достаткомъ*, и наука *демократизируется*. Несоединимость учености съ доходною профессіею, на которой, какъ я сказалъ выше, нашъ авторъ настаиваетъ, опровергается его же вычислениями: наибольшее число ученыхъ выпало, какъ мы видѣли, въ Франціи изъ *средняго* сословія; въ самой Франціи, по вычислениямъ де-Кандолля, этотъ классъ общества, существующій преимущественно *доходами отъ профессій*, далъ еще больше ученыхъ. Не очевидно ли послѣ этого, что говоря объ условіяхъ, благопріятствующихъ научнымъ занятіямъ, нѣтъ возможности говорить о *богатствѣ*, но только о *достаткѣ*, и нѣтъ возможности, на основаніи фактовъ, доказывать несоединимость учености съ доходною профессіею? Это можетъ послужить утѣшеніемъ для лицъ, считающихъ себя призванными служить интересамъ массы: факты и вычисления доказываютъ, что такіе люди не черпали воду рѣшетомъ, что народная школа, экономическія и политическія учрежденія возвышаютъ массу до наслажденія наукою, увеличиваютъ число слугъ науки, но весьма медленно, такъ какъ законы развитія человѣчества, къ обозрѣнію которыхъ мы и приступимъ по де-Кандоллю, весьма сложны, а успѣхи его обуславливаются множествомъ обстоятельствъ. Де-Кандолль правъ, говоря, что «лицамъ *ничего не имѣющимъ* не слѣдуетъ совѣтовать спеціальныхъ занятій наукою», такъ какъ подобныя занятія недоходны, а доходъ такимъ лицамъ необходимъ; но почему не совѣтовать всякому бѣдняку занятій наукою въ раннемъ возрастѣ, т. е. достиженія имъ такой профессіи, доходъ отъ

которой создать досугъ и возможность посвятить себя наукѣ въ эпоху зрѣлости? Слѣдовательно, только предвзятою мыслию можно объяснить себѣ то, что де-Кандолль увѣряетъ, будто бы стипендіи могутъ увеличить лишь число людей знающихъ, но не число двигателей науки: чѣмъ болѣе лицъ достигнуть той степени знанія, послѣ которой возможны научныя занятія, тѣмъ болѣе увеличатся и шансы возрастанія числа ученыхъ въ странѣ. Справедливо однако при этомъ то, что не однѣми стипендіями создаются сподвижники науки; обратимся же теперь къ болѣе обстоятельному изслѣдованію этого *сложнаго* явленія, наблюденіе надъ которымъ бросаетъ свѣтъ и на законы умственного развитія человѣка.

Въ ряду причинъ, вліяющихъ на развитіе человѣчества, весьма важное значеніе принадлежитъ законамъ Дарвина о наслѣдственности физическихъ свойствъ и зависящихъ отъ нихъ нравственныхъ силъ, и о «естественномъ подборѣ», вслѣдствіе котораго извѣстныя физическія свойства организмовъ, а слѣдовательно и зависящія отъ нихъ психическія силы могутъ угасать, или развиваться, или, видоизмѣняясь постепенно, создаваться вновь отъ поколѣнія до поколѣнія. По мнѣнію де-Кандолля, которое, какъ извѣстно, раздѣляетъ въ настоящее время большинство естествоиспытателей, «затрудненіе не въ томъ, чтобы прослѣдить въ одной и той же породѣ видоизмѣненіе формъ», доказанное Дарвинымъ до очевидности, «и не въ томъ, чтобы отъ времени до времени указать и причины этихъ видоизмѣненій, но въ томъ, чтобы понять, въ какихъ случаяхъ и какимъ образомъ вновь произведенныя формы могутъ окрѣпнуть, удержаться отъ поколѣнія до поколѣнія». «Вопросъ не въ томъ, — говоритъ де-Кандолль въ другомъ мѣстѣ, — существуетъ ли естественный подборъ, и не въ томъ, произошли ли однѣ формы отъ другихъ», что уже вполне выяснено Дарвинымъ, «но въ томъ, чтобы понять, какимъ образомъ, въ какомъ размѣрѣ и по какимъ причинамъ произошли *наслѣдственные* видоизмѣненія, и какимъ образомъ вліяютъ на нихъ, *всегда неизбѣжный*, естественный подборъ?» Поставивъ такимъ образомъ вопросъ и считая теорію Дарвина о происхожденіи видовъ, насколько она *свидѣтельствуетъ о фактѣ* естественнаго подбора и его послѣдствіяхъ, неопровержимою, авторъ пытается отвѣчать на часть изъ поставленныхъ имъ и еще не разрѣшенныхъ вопросовъ, на основаніи составленныхъ имъ списковъ ученыхъ и матеріаловъ, почерпнутыхъ въ біографіяхъ ихъ.

Обратимся, вмѣстѣ съ де-Кандоллемъ, прежде всего къ списку иностранныхъ почетныхъ членовъ парижской академіи наукъ. Если

принять во вниманіе, что по уставу такихъ членовъ бывало всего восемь на весь цивилизованный міръ; что за исключеніемъ Франціи этотъ міръ представляетъ населеніе приблизительно въ 200 милліоновъ; что за 200 лѣтъ состоялось всего 92 назначенія со стороны академій, быть можетъ, на милліардъ людей—то нельзя не признать, что крайне мало было шансовъ въ пользу того, чтобы академія производила свой выборъ два раза или болѣе того въ одномъ и томъ же семействѣ, и чтобы такимъ образомъ случай привелъ въ академію отца и сына, или сыновей его и внука или внуковъ. Если даже ограничить поприще избранія лицами, печатающими свои труды, допустить 8 наукъ естествовѣдѣнія и за 200 лѣтъ шестнадцать тысячъ писателей, и принять во вниманіе, что изъ нихъ около четырехъ тысячъ писателей были французы, а изъ остальныхъ двѣнадцати тысячъ только 92 были почтены выборомъ во французскую академію наукъ, т.-е. всего около семи на тысячу, то и въ такомъ случаѣ мало представляется вѣроятія на случайное совпаденіе въ одномъ и томъ же семействѣ двухъ или болѣе избраній; эти соображенія представляютъ особенное значеніе, если не упускать изъ виду, сколько было ученыхъ, вовсе не имѣвшихъ сыновей, и такихъ, сыновья которыхъ не дожили до 50-ти лѣтъ. Тѣмъ не менѣе парижская академія четыре раза избирала сыновей лицъ, входившихъ въ составъ ея: Бернулли Даниіла и Бернулли Ивана, сыновей Ивана Бернулли, также почтеннаго академію; Эйлера Альберта, какъ отца его Леонарда; Гершеля Джона, сына академика Вильяма Гершеля. Кроме того въ спискѣ встрѣчаются имена пяти сыновей специалистовъ, посвятившихъ себя наукѣ, итого слѣдовательно *десять* такихъ ученыхъ, ученость отцовъ которыхъ доказана, что составляетъ *десять процентовъ* всего числа иностранцевъ, почтенныхъ академію. Не довольствуясь этимъ выводомъ, де-Кандолль, желая на основаніи составленныхъ имъ списковъ прослѣдить еще полнѣе *наслѣдственность* учености, отыскиваетъ въ числѣ лицъ, почтенныхъ званіемъ корреспондентовъ академіями французской, лондонской и берлинской, одиннадцать такихъ, отцы которыхъ также были отличены этими учеными учрежденіями. Принимая во вниманіе, что академики, возведенные въ это званіе *послѣ* 1820 года, могли имѣть сыновей, которые еще *не успѣли* заявить себя, де-Кандолль принимаетъ въ расчетъ только назначенія по 1820-й годъ; ихъ оказывается всего 65 и изъ нихъ въ 11-ти случаяхъ ученые имѣли сыновей, творчество которыхъ въ наукѣ доказано, что составляетъ *семнадцать процентовъ*. Вычисления для иностранцевъ, почтенныхъ лондонскимъ королевскимъ

обществомъ, даютъ сходные съ вышеприведенными результаты; всѣ эти вычисленія до очевидности *свидѣтельствуютъ о фактѣ*, что въ весьма многихъ случаяхъ за отцемъ, прославившимся въ наукѣ, слѣдовалъ сынъ, пріобрѣтавшій такое же значеніе на научномъ поприщѣ. Но остается еще рѣшить, насколько тутъ участвовала *наслѣдственность* дарованій, и насколько воспитаніе сына отцемъ и другія условія развитія умственныхъ способностей и вкуса къ научнымъ занятіямъ?

Прежде этого полезно сличить факты, *повидимому*, указывающіе на рѣшающее значеніе наслѣдственности и исключительное вліяніе законовъ Дарвина съ другими фактами, которые можно почерпнуть изъ тѣхъ же списковъ де-Кандолля. Авторы справедливо замѣчаютъ, на основаніи біографій ученыхъ, имени которыхъ имъ занесены въ списки, что *чаще* ученые встрѣчались въ числѣ сыновей протестантскихъ пасторовъ, чѣмъ въ числѣ сыновей специалистовъ, занимавшихся наукою, хотя послѣднихъ было *больше*, нежели протестантскихъ пасторовъ; слѣдовательно если бы *наслѣдственность* имѣла въ данномъ случаѣ рѣшающее и исключительное значеніе, то у ученыхъ по профессіи *чаще* встрѣчались бы ученые сыновья, чѣмъ, напримѣръ, у протестантскихъ пасторовъ. Итакъ, очевидно, что наслѣдственность и законъ Дарвина вообще имѣютъ значеніе въ томъ, что весьма частоты, посвятившіе себя наукѣ, имѣютъ сыновей, посвящающихъ себя тому же поприщу; но наслѣдственность не составляетъ при этомъ причины исключительной и для того, чтобы вѣсѣсить *относительное* значеніе ея, необходимо сличить ее съ другими причинами, вліяющими на развитіе человѣчества, къ изслѣдованію которыхъ по де-Кандоллю мы и перейдемъ, для того, чтобы вновь затѣмъ возвратиться къ оцѣнкѣ теоріи Дарвина.

Обстоятельства, обуславливающія нравственное развитіе члвчка, по мнѣнію де-Кандолля, подлежатъ двоякой классификаціи съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: а) ихъ можно подраздѣлять на обстоятельства, *предшествоющія* рожденію члвчка (возможное наслѣдованіе отъ одного изъ родителей или предковъ извѣстныхъ свойствъ) и на обстоятельства, *слѣдующія* за рожденіемъ члвчка (воспитаніе, примѣръ, совѣты, личный опытъ, умозаключенія вслѣдствіе научныхъ занятій, окружающія обстоятельства, общественное мнѣніе и учрежденія страны). б) Тѣ же обстоятельства можно подраздѣлять, но менѣе логично, на обстоятельства, сосредоточенныя въ семьѣ, ей присущія (наслѣдственность, воспитаніе, совѣты, примѣры) и на внѣшнія (школа, общественное мнѣніе, законы и учрежденія страны).

Приступає до дослідження виховання, як причини, впливаючої на нравственный складь чоловіка, зь какими *задатками* онъ бы ни родився, де-Кандолль имѣть въ виду только свою спеціальную задачу—дослідження причинъ, розвиваючихъ *науку* занятія, а потому говорить почти исключительно *объ обученіи*, хотя совершенно справедливо не допускаєть иного обученія, кромѣ *воспитывающаго*. Въ этомъ отношеніи авторомъ высказаны чрезвычайно здравыя мысли, которыя нельзя повторять довольно часто, такъ какъ онѣ настолько просты и очевидны, что мы, привыкнувъ смотрѣть въ даль и не *замѣчать* того, что у насъ *прѣзъ глазами*, не обращаемъ на нихъ никакого вниманія. «Главнѣйшій двигателъ всякихъ открытій,—говорить авторъ,—состоить въ любознательности, въ стремленіи узнать истину о дѣйствительно существующихъ предметахъ... Какова бы ни была сила и направленіе этого стремленія, а воспитаніе можетъ возбуждать, притуплять и направлять любознательность»... Умѣнье наблюдать факты совершенно необходимо для достиженія возможности удовлетворенія любознательности, и каждый изъ насъ одаренъ этимъ свойствомъ въ дѣтствѣ, въ большей или меньшей степени. «Что дѣлають затѣмъ въ школахъ,—продолжаєть авторъ,—для развитія этого драгоцѣннаго дара? — Почти ничего. Что дѣлають, напротивъ, для того, чтобы повредить этому драгоцѣнному дару, умертвить его или подавить его развитіємъ другихъ способностей? Чрезвычайно много».—Къ несчастію, это такъ! Въ большинствѣ случаевъ, обучая, мы сообщаемъ свѣдѣнія, забывая о томъ, что мы призваны *посредствомъ обученія* возбудить и развити любознательность. Что говорятъ факты, какими они представляются въ спискахъ де-Кандолля?... Много есть городовъ, долгое время обладавшихъ университетами и почти не давшихъ ученыхъ, отличавшихся творчествомъ, но только знающихъ людей. А отчего? Оттого, что хорошъ не тотъ профессоръ, который дѣлится своею богатою сокровищницею знаній, но тотъ, который умѣетъ возбуждать любознательность въ своихъ слушателяхъ; а какъ мало такихъ профессоровъ и какъ часто они, представляя слушателямъ науку чѣмъ-то законченнымъ, вмѣсто того, чтобы вербовать для этого вѣчно открытаго поприща новыхъ слугъ въ средѣ молодого поколѣнія, убивають въ своихъ слушателяхъ самодѣятельность, притупляють въ нихъ стремленіе къ изысканіямъ и воспитываютъ въ нихъ стремленіе питаться пищею, пережеваною другими до тѣхъ поръ, пока они набьютъ себѣ оскомину, и затѣмъ находятъ отдыхъ не въ занятіяхъ, но въ праздности. Де-Кандолль справедливо останавливаетъ вниманіе на томъ фактѣ, что очень многие

изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ обучались у плохихъ, или посредственныхъ учителей. Но, какъ-бы забывая о множествѣ причинъ, обуславливающихъ развитіе человѣка, онъ объясняетъ себѣ этотъ фактъ исключительно тѣмъ, что эти учителя, мало знавшіе сами, умѣли возбудить любознательность въ своихъ слушателяхъ. Если бы это было такъ, то отсюда слѣдовало бы, что *умѣнье преподавать* гораздо благотѣльнѣе отражается на ученикахъ, чѣмъ обиліе знаній учителя, и что не стоить хлопотать о снабженіи страны возможно болѣе просвѣщенными учителями. Но де-Кандолль очевидно заблуждается: хотя значеніе методики обученія безспорно, но и самая методика превращается въ машинальность, если общее развитіе учителя, достигаемое знаніемъ, не служитъ ей основой; затѣмъ, если малознающій учитель, даже «плохой» учитель, какъ говоритъ де-Кандолль, можетъ образовать даровитыхъ учениковъ, то не очевидно ли, что это случится только съ исключительно способными учениками, и что та же цѣль достигнется гораздо лучше, по отношенію къ *большинству* учениковъ, *хорошимъ* учителемъ. Наконецъ, какъ я уже ~~доказалъ~~ указанный де-Кандоллемъ, только въ томъ случаѣ могъ бы получить рѣшающее значеніе, если бы кто-нибудь взялся доказать невозможное, т. е., что ни одна изъ причинъ, вліяющихъ на развитіе человѣка, перечисленныхъ выше, не создала изъ лицъ плохо обученныхъ извѣстныхъ ученыхъ *вопреки* школѣ, чрезъ которую они прошли. Де-Кандолль, повидимому, придаетъ однако слишкомъ большое значеніе указанному имъ факту, почерпнутому имъ изъ біографій ученыхъ; не сличивъ его со множествомъ противорѣчащихъ явленій, представляемыхъ повседневною жизнію, онъ настолько подчиняется первому впечатлѣнію, что подъ вліяніемъ его извращаетъ значеніе и нѣкоторыхъ другихъ фактовъ, встрѣчаемыхъ на пути: такъ, ему *кажется*, что факты, имъ собранные, свидѣлствуютъ объ относительно ничтожномъ значеніи германскихъ университетовъ для развитія науки въ Германіи; но не трудно доказать, что де-Кандолль извращаетъ смыслъ вѣрно указанныхъ имъ фактовъ. Такъ, на стр. 118-ой авторъ останавливается на той именно мысли, что университеты существовали въ Германіи въ XVIII-мъ вѣкѣ, а весьма немного въ *это же время* бывало корреспондентовъ академій изъ Германіи сравнительно съ XIX-мъ вѣкомъ, когда существовали почти тѣ же университеты. Если бы это было справедливо, какое ничтожное значеніе получили бы заботы всѣхъ народовъ о народномъ образованіи! Но это не такъ, что доказывается сказаннымъ тѣмъ

же авторомъ на стр. 229-й той же книги, что въ Германіи наука стала процвѣтать съ 1820-го года. Авторъ нѣсколько разъ (стр. 257) указывавшій на то, что во Франціи научное движеніе проявилось съ особенной силой во *второй* половинѣ XVIII-го вѣка, какъ въ періодъ послѣдовавшій за пятидесятилѣтіемъ *мира*, совершенно забываетъ о томъ, что по его же словамъ это движеніе проявилось въ Германіи вслѣдъ за періодомъ почти непрерывныхъ *войнъ*, и что поэтому на послѣднемъ явленіи слѣдовало остановиться нѣсколько дольше, чтобы выяснитъ его. Между тѣмъ, какъ стоило лишь автору отказаться отъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него возможнымъ фактомъ воспитанія даровитыхъ ученыхъ плохими учителями, и не трудно было бы, на основаніи историческихъ фактовъ, объяснить себѣ научное движеніе въ Германіи: университеты ея улучшились въ концѣ XVIII-го вѣка, во преимущественно въ эпоху наибольшихъ бѣдствій народа, страдавшаго отъ войны, а дали результатъ нѣсколько позже, когда слушатели ихъ выступили на житейскомъ и литературномъ поприщахъ, и когда цѣлая фаланга писателей своими книгами воспитала новое поколѣніе. — Говоритъ ли такой фактъ за силу воспитанія, или противъ нея? Если эта сила могла побороть такое ужасное бѣдствіе, какъ двухсотлѣтній періодъ войнъ, то она не ничтожна, но *въ числѣ другихъ причинъ* едва ли не имѣетъ весьма существеннаго значенія. Итакъ, факты, приведенные де-Бандоллемъ, нисколько не колеблютъ догмата *того* времени, — народнаго образованія. Говоря преимущественно о значеніи *обученія*, авторъ упустилъ изъ виду воспитаніе *навыковъ* и *склонностей*, которые почерпаются нами изъ примѣра, совѣта, воспитанія семейнаго, общественнаго и политическаго. Но и я не буду останавливаться дольше на этихъ силахъ воспитанія, такъ какъ о нихъ каждый изъ читателей знаетъ изъ собственнаго опыта; повторю только еще разъ, что воспитанію принадлежитъ много определяющая роль въ умственномъ развитіи человѣка и не только потому, что воспитаніе властно надъ физическою природою человѣка и зависящими отъ нихъ психическими свойствами; повторю также, что де-Бандоль придаетъ слишкомъ ничтожное значеніе этой силѣ, въ чемъ мы будемъ еще имѣть случай убѣдиться впоследствии, и перейду къ анализу другихъ причинъ, участвующихъ въ созданіи нравственнаго существа человѣка изъ матеріала, даннаго природою, насколько возможно видоизмѣненіе этого матеріала и постепенное наращеніе въ немъ, отъ поколѣнія до поколѣнія, и даже въ предѣлахъ одной жизни, новыхъ свойствъ.

Отъ тѣхъ поръ, что извѣстны человѣческія общества, они почти

всегда встрѣчаются обладающими какими-либо религіозными вѣрованіями; здѣсь не мѣсто пытаться объяснить себѣ это явленіе, но не лишнимъ будетъ остановиться на томъ, какъ по фактамъ, собраннымъ авторомъ разсматриваемой книги, оно отражается на прогрессѣ человѣчества, а потому и каждой отдѣльной личности, хотя въ послѣднемъ случаѣ нерѣдко труднѣе прослѣдить его, чѣмъ на совокупности фактовъ. Въ 1870-мъ году въ Европѣ было 144 милліона католиковъ и 68¹/₂ милліоновъ протестантовъ; слѣдовательно, католики составляли 51⁰/₀ всего населенія Европы, а протестантовъ, составляющихъ лишь 20⁰/₀, было вдвое меньше, а потому въ спискахъ корреспондентовъ академій должно бы быть *вдвое больше* католиковъ, чѣмъ протестантовъ; списки обнаруживаютъ *обратное* явленіе, и на 92 *иностраннхъ* члена парижской академіи только 16 католиковъ и 71 протестантъ; между тѣмъ, какъ внѣ Франціи въ Европѣ 107 милліоновъ католиковъ и только 68 милліоновъ протестантовъ, послѣдніе дали академіи вчетверо болѣе сочленовъ. Если просмотрѣть списки иностранныхъ членовъ лондонскаго королевскаго общества, то это отношеніе, выражающее преобладаніе протестантовъ, нѣсколько ослабѣваетъ, такъ какъ католическая Франція поставила много ученыхъ, но тѣмъ не менѣе по спискамъ 1829 года и 1869 года, въ которые внесено особенно много французовъ, оказывается столько же католиковъ, какъ протестантовъ, и послѣднихъ даже нѣсколько болѣе *несмотря на то*, что внѣ Великобританіи въ Европѣ всего 44 милліона протестантовъ на 139¹/₂ милліоновъ католиковъ. Слѣдовательно, очевидно, что изъ среды протестантовъ во всякомъ случаѣ вышло болѣе ученыхъ, нежели изъ среды католиковъ. Это явленіе де-Кандолль объясняетъ себѣ не различіемъ въ догматахъ, но въ принципахъ духовенства и отношеніяхъ его къ паствѣ: чѣмъ болѣе духовенство руководствуется принципомъ *авторитета*, тѣмъ болѣе оно этимъ самымъ подавляетъ духъ пылливости и любознательности, разрушая этотъ краеугольный камень значенія всякаго знанія и движенія впередъ. Принципъ злоупотребленія авторитетомъ можетъ быть присущъ и неприсущъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, и весьма мѣткій историческій примѣръ, приведенный де-Кандоллемъ, доказываетъ, что угнетать авторитетомъ можетъ иногда духовенство даже такой церкви, которая приняла въ число своихъ догматовъ принципъ свободнаго анализа. Такъ, въ Женевѣ отъ 1535 по 1725 годъ господствовала исключительность кальвинизма, какъ извѣстно, властвовавшая вполне деспотически надъ духовенствомъ и мірянами, и за все это время Женева не произвела *ни одного* выдающагося уче-

наго; напротивъ, съ 1720 и 1730 года, когда было поколеблено поклоненіе всеподавлявшему авторитету Кальвина, *при прочихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ*, изъ среды женевского населенія не переставали выходить математики, физики и натуралисты и притомъ въ *относительно* чрезвычайно значительномъ количествѣ. Нельзя отрицать вліянія религіи, хотя, для того, чтобы не упрекать де-Кандолля въ исключительности, но никакъ не слѣдуетъ забывать, что нравственное существо человѣка — явленіе чрезвычайно сложное, зависящее отъ множества причинъ, изъ которыхъ едва ли которой-нибудь можно приписать преобладающее значеніе.

Такъ, у де-Кандолля мы еще разъ встрѣчаемся съ вычислениями о цифрѣ ученыхъ, вышедшихъ изъ среды протестантскаго населенія, но на этотъ разъ факты уже не указываютъ болѣе на значеніе религіи, а на другую изъ причинъ, вліяющихъ на нравственный складъ человѣка, на «семейныя преданія», какъ говоритъ де-Кандолль. Вотъ факты: разсчитываютъ, что въ концѣ XVII-го вѣка изгнано изъ Франціи протестантовъ до трехъсотъ тысячъ; допустивъ, что столько же было изгнанниковъ во время религіозныхъ войнъ XVI-го вѣка и въ XVIII вѣкѣ, и то не составятъ и одного милліона протестантовъ, изгнанныхъ изъ Франціи, — а что же? Эта относительно ничтожная горсть людей имѣетъ десять представителей въ парижской академіи наукъ, которые составляютъ 11% всего числа лицъ, почтенныхъ академіею. Кромѣ того, де-Кандолль составилъ списокъ ученыхъ потомковъ протестантовъ, изгнанныхъ изъ Бельгіи, Франціи, Австріи и Италіи, и число ихъ поразительно, въ какой бы странѣ они ни поселились. Если бы на это вліяла исключительно религія или другія причины, но не специфическая причина, присущая именно религіознымъ эмигрантамъ, говоритъ де-Кандолль, то протестантская Германія, поставляя ученыхъ въ той же пропорціи, какъ и эмигранты, должна была бы дать 300 ученыхъ, а она дала ихъ лишь 23. «Извѣстныя идеи, извѣстныя чувства, извѣстныя симпатіи и антипатіи передаются — говоритъ де-Кандолль, — не только отъ отца къ сыну, но отъ дѣда къ внуку и дальше»; совокупность этой духовной атмосферы, присущей семейству, вліяніе которой многіе изъ насъ вынесли на себѣ самихъ, де-Кандолль и называетъ «семейными преданіями». Никто не станетъ отрицать того, какимъ могущественнымъ двигателемъ впередъ бываютъ добрыя преданія для отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа; никто не станетъ отвергать весьма существеннаго значенія для цѣлой жизни человѣка той духовной атмосферы, на которой онъ

вскормленъ въ родной семьѣ и родной странѣ. Поэтому трудно не допустить, вмѣстѣ съ де-Кандоллемъ, и того, что тяжкое бѣдствіе, постигшее семью, и бѣдствіе, побудившее лицъ, которыхъ оно непосредственно коснулось, сосредоточиться, бѣжать отъ людей и искать наслажденія въ наукѣ,—можетъ оставаться надолго памятнымъ въ семьѣ и дать извѣстное направленіе дѣятельности, вкусамъ и способностямъ многихъ изъ сочленовъ ея, существуя какъ преданіе отъ поколѣнія до поколѣнія. Но едва ли было бы осторожно, говоря о протестантскихъ эмигрантахъ, преувеличивать, подобно де-Кандоллю, значеніе «семейныхъ преданій», вмѣсто того, чтобы указать и на эту силу, не забывая объ остальныхъ. Такъ, что мы видимъ въ спискѣ де-Кандолля?.. бельгійскіе эмигранты поселились въ *Базель*, французскіе въ *Базель*, *Женева* и *Невшатель*, итальянскіе въ *Базель*, т.-е. исключительно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ обстоятельства были особенно благоприятны для умственного развитія, благодаря свободѣ и другимъ причинамъ. Кромѣ того, почему опять не вспомнить при этомъ общеизвѣстнаго факта, совершенно безспорнаго, на который слѣдовательно можно сослаться безъ малѣйшей натяжки? Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что во всѣхъ *протестантскихъ* странахъ раньше, чѣмъ въ католическихъ, возникли народныя училища и теперь еще шире разлито образованіе въ массѣ. Если же это фактъ настолько извѣстный, что я считаю излишнимъ подтверждать его статистическими данными, то нельзя не сопоставить его и съ тѣмъ явленіемъ, что *протестанты* вообще дали больше ученыхъ, чѣмъ католики. Такъ, и протестантскіе эмигранты въ числѣ семейныхъ преданій имѣли преданіе о необходимости образованія, а чѣмъ большему числу лицъ вы дадите орудіе въ образованію, тѣмъ болѣе вы увеличите вѣроятность возрастанія числа ученыхъ, если только вы окружите лицъ, владѣющихъ ключемъ въ образованію, благоприятными для науки обстоятельствами. Поэтому, не исключая «семейныхъ преданій» изъ числа силъ, вліяющихъ на развитіе человѣчества, я полагаю, что эта сила разлагается въ свою очередь на многія составныя части, преуспѣяніе которыхъ и образуетъ эту силу.

«Извѣстная атмосфера окружаетъ людей и семейства—справедливо говоритъ де-Кандолль,—и чрезвычайно трудно не подчиниться ея вліянію. Всякому пріятно сознавать, что ему сочувствуютъ, его одобряютъ и уважаютъ... Чрезвычайно ограничено число людей, которые въ раннемъ возрастѣ чувствуютъ непреодолимое стремленіе къ тому или иному занятію; почти во всѣхъ случаяхъ на это вліяютъ разнообразныя причины... въ числѣ по-

слѣднихъ есть и нравственныя причины, менѣе опредѣленныя, дѣйствующія косвенными путями; къ такимъ причинамъ относится и *общественное мнѣніе*. Случается иногда, напримѣръ, что богатые семейства выдаютъ дѣвицъ за бѣдняковъ исключительно во вниманіе къ научному значенію послѣднихъ; въ подобныхъ случаяхъ, объяснимыхъ только извѣстнымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, совершается, говоря языкомъ Дарвина, «половой подборъ», благопріятный для науки.» Де-Кандолль подмѣчаетъ въ человѣческомъ обществѣ шесть главнѣйшихъ стремленій: а) погоня за матеріальными благами изъ-за удовольствія прибрѣтать; б) погоня за удовольствіями, т.-е. склонность въ праздности и къ расходованію цѣнностей, вмѣсто созиданія ихъ; в) стремленіе къ политической дѣятельности и вліянію на общество; г) склонность къ изученію религіозныхъ вопросовъ; д) стремленіе къ истинѣ, какъ истинѣ, что и составляетъ задачу всѣхъ наукъ, и е) стремленіе къ изящному, составляющее основу искусствъ. Только весьма страстные люди подчиняются исключительно одной изъ перечисленныхъ склонностей, а болѣею частью надъ каждымъ лицомъ и каждымъ народомъ господствуютъ одновременно нѣсколько стремленій. Сумму склонностей или стремленій отдѣльныхъ лицъ въ данное время и называютъ общественнымъ мнѣніемъ, которое можетъ быть болѣе или менѣе благопріятно для процвѣтанія наукъ, смотря по роду стремленій, получающихъ одновременно преобладаніе. Такъ, въ нашемъ вѣкѣ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ преобладаютъ стремленія къ накопленію богатства (а), къ политической дѣятельности (в), и къ разработкѣ религіозныхъ вопросовъ (г); въ Германіи господствовали въ XVIII вѣкѣ стремленія къ удовольствіямъ (б) и къ изящному (е), между тѣмъ какъ въ настоящее время въ нѣмецкомъ обществѣ преобладаютъ стремленія къ политическому значенію (в) и къ научнымъ занятіямъ (д). Только первыя двѣ изъ перечисленныхъ выше склонностей находятся въ прямомъ противорѣчій съ преуспѣваніемъ наукъ и препятствуютъ развитію человѣчества; всѣ же остальные совмѣстимы съ прогрессомъ и образуютъ общественное мнѣніе, поощряющее развитіе человѣка, но одаренное различными отбѣнками, смотря по тому, которое изъ многихъ стремленій, совокупность коихъ въ данное время образуетъ характеръ лица или народа, преобладаетъ надъ остальными. Еще разъ забывается де-Кандолль о томъ, какъ образуются склонности? Опытъ каждаго изъ насъ говоритъ намъ, что склонности частію наследственны и, быть можетъ, болѣею частью являются продуктомъ воспитанія и воспитывающаго обученія. Если же справедливо,

что склонности управляютъ дѣйствіями человѣка непосредственно и затѣмъ еще разъ отражаются на немъ же, какъ сила, въ видѣ общественнаго мнѣнія, то какое огромное значеніе получаютъ воспитаніе и образованіе въ обширномъ смыслѣ слова, какъ mogućia видоизмѣнить, возбудить, подавить и привить склонности и тѣмъ самымъ видоизмѣнить ту нравственную атмосферу, которою дышатъ люди и которую мы называемъ то «семейными преданіями», то «общественнымъ мнѣніемъ».

Принадлежитъ ли государственному устройству и правительству страны извѣстное вліяніе на развитіе личностей, входящихъ въ составъ населенія? Какой странный вопросъ для того, кто понимаетъ, что *воспитываетъ*, т.-е. возбуждаетъ или мертвитъ физическія и психическія силы человѣка не только школа, но, быть можетъ, преимущественно *жизнь*! Послушаемъ де-Кандолля: «Вообще правительства слишкомъ часто смѣшиваютъ обученіе съ успѣхомъ наукъ. Многія правительства считаютъ задачу рѣшенною, если созданы школы, университеты. Они не понимаютъ, что стѣсняя эти учрежденія въ выборѣ способовъ обученія и въ выборѣ самихъ преподавателей, они причиняютъ иногда болѣе вреда, чѣмъ пользы. Они не знаютъ того, до какой степени *наука питается свободою и самодѣятельностію учащихся и учащихся отъ стѣнъ учебнаго заведенія*. Часто обременяютъ они профессоровъ лекціями, экзаменами и административными занятіями, отнимающими время у тѣхъ изъ нихъ, которые желали бы работать... Деспотическія правительства иногда привлекали въ свои столицы знаменитыхъ ученыхъ и покровительствовали имъ», но это было лишь временнымъ *перемещеніемъ* науки, а не водвореніемъ ея въ странѣ, такъ какъ не доставало для этого благоприятныхъ условій въ душевной атмосферѣ, подъ гнетомъ деспотизма. Какъ вліяніе религій на развитіе человѣчества не зависитъ отъ догматовъ, но отъ принциповъ, вліяющихъ непосредственно на населеніе, о чемъ мы говорили выше, такъ и вліяніе правительства зависитъ не столько отъ *формы* государственнаго устройства, сколько отъ той доли давленія или свободы, которая становится удѣломъ людей. Это подтверждается фактами, такъ какъ исторія представляетъ явленія жесточайшаго деспотизма въ республикахъ и возможно большей свободы въ монархіяхъ; наука же развивалась, независимо отъ формы государственнаго устройства, только тамъ, гдѣ правительство, изъ какаго источника ни вытекала бы власть его, не сковывало самодѣятельности учащихся и учащихся, не угнетало свободы мысли. Еще и въ иномъ отношеніи правительства оказываютъ весьма существенное вліяніе

на развитіе человѣчества: тѣмъ болѣе въ государствѣ, какова бы ни была форма правленія его, такихъ должностей, достиженія которыхъ стоить добиваться изъ-за денежной выгоды, тѣмъ болѣе развиваются въ народѣ склонности, неблагопріятныя для прорыва науки и развитія человѣчества, и поселяются въ немъ стремленія, заковывающія людей въ тѣсную сферу матеріальныхъ интересовъ. Я думаю, что приложимость знаній къ практической жизни, крайне необходимая при всякомъ обученіи, не должна прививать къ учащимся стремленіе обогатиться посредствомъ знаній, такъ какъ въ этомъ случаѣ богатство, а не знаніе, стали бы для нихъ цѣлью обученія; приложимость къ жизни сообщаемыхъ ученикамъ свѣдѣній, непрерывно обращающихъ ихъ къ настоящему и окружающей ихъ дѣйствительности, должна направить ихъ любознательность къ изученію всѣхъ представляющихся имъ явленій, къ сознательному отношенію къ *настоящему*, которое должно представляться имъ *не* законченнымъ, для того чтобы они въ зрѣломъ возрастѣ поняли сказанное Лейбницемъ: *le présent est engendré du passé et gros de l'avenir* — настоящее порождено прошедшимъ и чревато будущимъ. Чѣмъ болѣе въ странѣ развивается критическое отношеніе къ настоящему, тѣмъ менѣе правдоподобны насильственные перевороты, наступающіе только какъ реакція послѣ продолжительнаго усыпленія критики; чѣмъ болѣе въ народѣ развита любознательность съ цѣлью знанія, а не обогащенія, тѣмъ благопріятнѣе почва для развитія нравственнаго существа человѣка и науки.

Исчерпавъ изслѣдованія нравственныхъ причинъ, обуславливающихъ умственное движеніе въ человѣчествѣ, изъ которыхъ я привелъ только главнѣйшія, де-Кандолль приступаетъ къ обзору причинъ матеріальныхъ, имѣющихъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ законамъ Дарвина, связь съ которыми существуетъ и для причинъ нравственныхъ, но не всегда настолько очевидна. Де-Кандолль, руководствуясь составленными имъ списками ученыхъ и біографіями послѣднихъ, старается объяснить вліяніе географическаго положенія и климата страны, равно какъ и племеннаго происхожденія на процвѣтаніе науки въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Изъ списковъ этихъ, въ которыхъ показано мѣсто жительства каждаго ученаго, слѣдуетъ прежде всего, что до сихъ поръ въ числѣ сподвижниковъ науки встрѣчаются, за самыми рѣдкими исключеніями, только представители средней Европы и Сѣверной Америки; въ числѣ иностранныхъ корреспондентовъ парижской академіи наукъ нѣтъ ни одного, который родился бы южнее Пиренейскаго горнаго хребта и цент-

ральной Италіи, а Португалія, Испанія и Неаполь хотя и дали немногихъ ученыхъ другимъ академіямъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ особеннаго значенія. Любопытно также, что время не расширяло той географической полосы, изъ которой вербовались иностранные корреспонденты для академій: такъ, французская академія нашла себѣ почетныхъ членовъ въ 9-ти государствахъ въ XVIII-мъ вѣкѣ и только въ 7-ми въ XIX-мъ вѣкѣ. Составивъ одну сводную таблицу ученыхъ, отличенныхъ всѣми тремя академіями, де-Кандолль пришелъ приблизительно къ тѣмъ же выводамъ. Раньше второй половины XVII-го столѣтія, съ которой авторъ рассматриваемой книги начинаетъ свои изслѣдованія, великіе ученые встрѣчались какъ-бы разбросанными не только въ центрѣ Европы, но и по окраинамъ ея: Коперникъ въ Польшѣ, Кепплеръ въ Германіи, Галилей въ Пизѣ, Ньютонъ въ Англіи. Съ тѣхъ поръ, какъ значительно возросло число ученыхъ, изъ географическое распредѣленіе является скорѣе въ видѣ группъ, чѣмъ въ видѣ отдѣльныхъ, случайныхъ, разрозненныхъ явленій. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, во-первыхъ, что де-Кандолль своими наблюденіями вновь подтверждаетъ теорію Монтескье о зависимости культуры отъ физическихъ условій страны, теорію настолько извѣстную и для всѣхъ ясную, что я на ней не останавливаюсь; во-вторыхъ, авторъ указываетъ на то, что научная географическая полоса не представляетъ вполнѣ неизмѣняемой величины, но, напротивъ, скорѣе суживается. Отсюда слѣдуетъ, что въ числѣ физическихъ условій не одинъ климатъ имѣетъ значеніе, благоприятствуя умственнымъ занятіямъ умѣренными тепломъ и холодомъ, поощряя политическія науки на югѣ, гдѣ днемъ нельзя работать отъ жары, а ночью нельзя работать геологу, химику, физику, натуралисту, при помощи оптическихъ инструментовъ. Кроме климата вліяютъ племенное различіе и совокупность уже разсмотрѣнныхъ нами нравственныхъ причинъ; иначе географическая полоса процвѣтанія науки, однажды климатомъ опредѣленная, оставалась бы неизмѣнною вмѣсто того, чтобы суживаться, какъ бы сгущая умственное развитіе вокругъ наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ Европы. Крайне трудно разграничить при этомъ вліяніе національности отъ вліянія другихъ причинъ, но, во всякомъ случаѣ, ясно, что національность не имѣетъ рѣшающаго вліянія, такъ какъ въ разное время разные народы преобладали на научномъ поприщѣ; слѣдовательно, если въ данномъ случаѣ вліяли и племенные различія, то не присущія извѣстному племени, но въ немъ отъ времени развившіяся путемъ «естественнаго подбора» по законамъ Дарвина. Мы еще остановимся на этомъ явленіи

впослѣдствіи, а теперь, предлагая свои выводы изъ фактовъ, собранныхъ де-Кандоллемъ и восполняя недосказанное имъ, я указу на то, что изъ предыдущаго логически вытекаетъ, что національность не *неподвижная* сила, но сила видоизмѣняющаяся, тѣряющая и приобретающая извѣстныя свойства подъ вліяніемъ естественнаго подбора и множества другихъ причинъ; отсюда же явнѣе слѣдуетъ, что иногда и въ извѣстныхъ отношеніяхъ прогрессъ можетъ быть анти-національнымъ, но оставаться при этомъ естественнымъ, если постепенно будутъ созидаться новыя составныя части для той силы, которую мы называемъ національностью. Наконецъ, поклоненіе своей національности безъ критическаго отношенія къ тѣмъ силамъ, которыя ею уже созданы, въ извѣстныхъ случаяхъ могло бы равняться застою и укорененію вредно-дѣйствующихъ силъ, вмѣсто постепеннаго видоизмѣненія ихъ въ силы, благопріятствующія развитію человѣчества и вмѣсто воспріятія новыхъ силъ въ составъ національности. Могъ ли кто-нибудь предсказать, напр., сто лѣтъ тому назадъ, когда въ спискахъ французской академіи первое мѣсто принадлежало итальянцамъ, а въ спискахъ лондонскаго королевскаго общества — французамъ, что въ XIX-мъ вѣкѣ первое мѣсто въ академіяхъ французской, лондонской и петербургской, въ числѣ иностранныхъ сочленовъ, займутъ вездѣ *нѣмцы*? И какъ ошибочно поступилъ бы наблюдатель XVIII-го вѣка, если бы онъ, понимая національность чуть не въ смыслѣ предопредѣленія или по-крайней-мѣрѣ въ смыслѣ *неизмѣняемой* силы, назвалъ итальянцевъ *навсегда* народомъ, наиболѣе способнымъ къ научнымъ занятіямъ, наиболѣе развитымъ. Точно также ошибся бы, кажется мнѣ, тотъ, кто въ XIX-мъ вѣкѣ рѣшился бы, не осмысливъ изслѣдуемыхъ фактовъ, утверждать, что нѣмцамъ навсегда принадлежитъ первое мѣсто въ развитіи человѣчества; но трудно отрицать то, что вслѣдствіе извѣстнаго естественнаго подбора и совокупности нами уже разсмотрѣнныхъ нравственныхъ причинъ, настоящее поколѣніе нѣмцевъ непохоже на нѣмцевъ XVIII-го вѣка, когда нѣмцамъ принадлежала второстепенная роль въ европейской наукѣ. Наконецъ, каждому изъ насъ совершенно памятно послѣдствіе того, что Франція, слишкомъ долго ослѣпленная мѣстомъ, которое принадлежало ей въ XVIII-мъ вѣкѣ, слишкомъ долго считала свою *національность* силой неизмѣняющеюся, вмѣсто того, чтобы развивать въ себѣ добрыя задатки, искоренять дурныя и помнить, что *ося* органами, а въ числѣ ихъ и народы, живутъ, т.-е. видоизмѣняютъ свое нравственное существо путемъ естественнаго подбора, поощряя процвѣтаніе силъ, благопріятствующихъ прогрессу или пре-

пятствующимъ ему, и что, поэтому, каждый народъ, подобно отдельной личности, соперничаетъ съ другими народами.

Но не пора ли, наконецъ, теперь подойти ближе къ вопросу насколько законы Дарвина примѣняются къ умственному развитію человѣчества. Вступая на это поприще, мы вновь возвращаемся къ книгѣ де-Кандолля и въ дальнѣйшемъ изложеніи теоріи Дарвина слѣдуемъ за авторомъ ея.

Сходство дѣтей съ родителями обнаруживается часто только по достиженіи дѣтьми извѣстнаго возраста; часто необходимо, дѣлая наблюденія надъ дѣтьми двадцатипятилѣтняго или тридцатилѣтняго возраста, сравнивать ихъ съ родителями, какими мы знали ихъ двадцать-пять и тридцать лѣтъ тому назадъ, а такое отдаленіе одного наблюденія отъ другого на тридцать лѣтъ до-нельзя затрудняетъ наблюдателя и препятствуетъ точности выводовъ его. Кромѣ того, часто полезно знать одного изъ предковъ, для того чтобы рѣшить вопросъ объ унаслѣдованіи свойствъ его внукомъ: это доступно иногда только весьма пожилымъ людямъ, а эти послѣдніе часто обладаютъ слабою памятью и притупленною наблюдательностью, — новый источникъ погрѣшностей. Наконецъ, необходимо возвыситься наблюдателю надъ мнѣніемъ большинства, надъ народнымъ міросозерцаніемъ, слишкомъ склоннымъ объяснять *все* наследственностью способностей, забывая о множествѣ другихъ причинъ, какъ мы видѣли, обуславливающихъ развитіе человѣка. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію де-Кандолля, наукѣ удалось выработать по этому вопросу нѣсколько *безспорныхъ* положеній:

- 1) Внѣшній видъ всего тѣла, очертаніе отдѣльныхъ органовъ, цвѣтъ кожи, глазъ и волосъ и т. п. дѣтей очевидно напоминаютъ родоначальниковъ, и тѣмъ больше, чѣмъ ближе степень родства.
- 2) Извѣстное сходство внутреннихъ органовъ и состава организма обнаруживающееся въ темпераментахъ, долговѣчности, плодovitости и т. п. также очевидно существуетъ между двумя поколениями.
- 3) Весьма часто бываютъ наследственными различныя физическіе недуги и умопомѣшательство.
- 4) Въ произвольныхъ жестяхъ дѣтей нерѣдко можно узнать воспроизведеніе жестовъ родителей, что замѣчалось каждымъ изъ насъ.
- 5) Почти всегда рождаются дѣти съ музыкальными способностями, если и отецъ и мать были музыкантами; если же одинъ изъ родителей обладаетъ музыкальными дарованіями, а другой нѣтъ, то у дѣтей не замѣчается музыкальных способностей, ослабленныхъ помѣсю, но, напротивъ, въ одной и той же семьѣ встрѣчаются дѣти, въ которыхъ всецѣло воспроизводятся музыкальныя дарованія одного изъ родителей, а другія дѣти, совершенно лишеныя способно-

стей въ музыкѣ. 6) Біографіи ученыхъ, изученныя де-Кандоллемъ, убѣждаютъ послѣдняго въ томъ, что существуютъ цѣлыя семейства *математиковъ*, и что только наслѣдственность именно математическихъ способностей, а не иныхъ спеціальностей, бросается въ глаза, если сличать научныя занятія одного поколѣнія съ предшествовавшимъ ему поколѣніемъ, связаннымъ съ нимъ узами кровнаго родства. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что наукою и опытомъ повседневной жизни доказывается наслѣдственность физическихъ свойствъ и *нѣкоторыхъ* психическихъ силъ. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ отрицать преимущество умственныхъ способностей, если сангвиническій темпераментъ, могущій перейти по наслѣдству, ведетъ къ раздражительности, которая, слѣдовательно, можетъ быть наслѣдственною; если развитіе большого мозга соединяется съ развитіемъ умственныхъ способностей, а развитіе мозжечка — съ развитіемъ чувственныхъ склонностей, если, съ одной стороны, формы мозга и мозжечка могутъ быть унаслѣдованы, — что бесспорно, — то невозможно усомниться въ томъ, что многія нравственныя качества переходятъ по наслѣдству, т. е. обнаруживаютъ на сходство дѣтей съ родителями, или часто отдаленнымъ предкомъ, представляя при этомъ, однако, множество исключеній, какъ всякое общее правило. Наблюденія надъ домашними животными въ этомъ случаѣ гораздо точнѣе наблюденій надъ человекомъ, такъ какъ послѣдніе затрудняются во многихъ отношеніяхъ. Такъ, Дарвинъ до очевидности выяснилъ, что уходу за домашними животными удавалось путемъ скрещиванія породъ въ одномъ направленіи, т. е. путемъ извѣстнаго подбора, создавать внутри одной и той же породы извѣстные виды, превосходящіе другіе по *умственнымъ способностямъ*. Такихъ фактовъ нельзя отрицать и отъ нихъ нельзя отворачиваться, но при этомъ слѣдуетъ терять изъ виду того, что и въ мірѣ животныхъ имѣются явленія, которыя приписывали прежде инстинкту, объясняя теперь *и по отношенію къ животнымъ* воспитаніемъ. Цѣлый рядъ такихъ фактовъ указалъ Валласъ (*Contributions to the theory of natural selection. 1870.* Къ вопросу о естественномъ подборѣ). По замѣчанію его, птицы поютъ не по инстинкту, а часто изъ подражанія, подражая иногда пѣнію птицъ другой породы. Птицы строятъ гнѣзда, избирая не всегда одинъ и тотъ же матеріалъ, но сообразуясь съ мѣстными удобствами. Человѣкъ, впервые проникая въ дѣйственные лѣса, изумляется тому, что животныя, не испытавъ отъ него опасности, не бѣгутъ отъ него; слѣдовательно, не всегда и не всѣмъ дикимъ животнымъ присущъ *инстинктъ*, заставляющій ихъ бѣжать отъ человека.

На высотѣ Альповъ бабочки, не видя обыкновенно людей, встречаясь съ ними, охотно садятся на ихъ пестрые платья, а въ долинахъ, населенныхъ людьми, тѣ же бабочки боязливы. «Личны ли опыты каждаго животнаго, — говоритъ де-Кандолль, — дѣлаютъ его осторожнымъ, или эта опытность усиливается наслѣдственностію и подборомъ, вслѣдствіе того, что каждая порода лишаетъ прежде всего наименѣе осторожныхъ сочленовъ, слишкомъ доверчивыхъ, и поддерживается только наиболее бдительными животными этой породы?» Дарвинъ объясняетъ себѣ все это преимущественно наслѣдственностію, превратившеюся въ инстинктъ, естественнымъ подборомъ, а Валласъ настолько ограничиваетъ значеніе инстинкта, что почти отрицаетъ его. Если же въ мірѣ животныхъ, которыхъ такъ легко насильственно поставить въ положеніе, благоприятное для опытовъ и наблюдений, такъ трудно разграничить унаслѣдованные навыки, унаслѣдованную опытность и унаслѣдованныя способности, проявленіе которыхъ образуетъ нравственную личность животнаго, то насколько еще труднѣе допустивъ *несомнѣнное* значеніе наслѣдственности для умственного развитія человѣка, высказаться о томъ, что именно изъ входящаго въ составъ нравственнаго существа человѣка имѣетъ истиннокомъ наслѣдственность, и что привито къ нему всѣмъ, многими или однимъ изъ цѣлаго сонма обстоятельствъ, обуславливающихъ умственное развитіе человѣчества. Во всякомъ случаѣ, совершенно безспорною представляется всѣмъ естествоиспытателямъ, всѣмъ мыслителямъ, — относятся ли они къ идеалистамъ или материалистамъ, или, наконецъ, къ *антропологамъ*, на сторонѣ которыхъ я вижу истину, такъ какъ они изучаютъ *обѣ* стороны човѣческаго существа, *психологію* и *соматологію*, — совершенно безспорною представляется всѣмъ связь, существующая между физическими и психическими свойствами организма; столь же очевидно и наслѣдственность многихъ физическихъ свойствъ, какъ явлено часто, но не всегда встрѣчающееся. Откуда можетъ вытекать ли тотъ выводъ, что човѣкъ рождается со многими унаслѣдованными склонностями и способностями, и если впослѣдствіи, подвергнувшись изслѣдованію *взрослаго* човѣка, и крайне трудно съ точностію указать на то, какую именно роль играла наслѣдственность въ ряду причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась личность човѣка, то откуда никакъ не слѣдуетъ того, чтобы было возможно размышляя о *источникахъ* силъ, встрѣчаемыхъ въ човѣкѣ, мы могли забывать о такомъ сильномъ рычагѣ, какъ *наслѣдственность*. Уже не разъ указывалъ я, пользуясь примѣрами у де-Кандолля и другихъ ученыхъ и собственными наблюденіями, на

что многіе ошибочно придаютъ наслѣдственности значеніе *пред-
редѣленія*; такое пониманіе вещей, какъ я уже объяснилъ, го-
воря о различныхъ національностяхъ, противорѣчитъ фактамъ.
Если же, примѣняя законы Дарвина къ воспитанію, *не отрицая*
наслѣдственности, помнить лишь о томъ, до какой очевидности
показано этимъ ученымъ, что извѣстныя свойства организма мо-
гутъ развиваться или при благопріятной обстановкѣ, или при сла-
быхъ препятствіяхъ, которыя они въ состояніи преодолѣть, то ста-
новится очевиднымъ, что человѣкъ рождается съ извѣстными уна-
слѣдованными склонностями, что онъ можетъ родиться и со склон-
ностями порочными, но что, затѣмъ, отъ дальнѣйшей жизни за-
виситъ, допустить ли онъ эти склонности къ осуществленію, видо-
измѣнить ли ихъ, или поборетъ. Вотъ почему де-Кандолль весьма
строумно и справедливо замѣчаетъ, что правы криминалисты, не
вынося человѣка за *нампренія* и примѣняя къ нему наказаніе
лишь съ той минуты, когда какимъ-либо дѣйствіемъ доказано, что
человѣкъ не противостоялъ порочной склонности, — я добавлю:
или можетъ, унаслѣдованной, — и приступилъ къ осуществле-
нію ея. Де-Кандолль, допустивъ значеніе наслѣдственности, спра-
ведливо нѣсколько разъ напоминаетъ о томъ, насколько другія
причины, обуславливающія развитіе, нами разсмотрѣнныя, могутъ
измѣнить унаслѣдованныя способности, окружая послѣднія
благопріятною или неблагопріятною обстановкою. И не ясно ли при
этомъ, согласно законамъ Дарвина, что если на извѣстныя уна-
слѣдованныя свойства будутъ вліять продолжительное время извѣст-
ныя *внѣшнія* причины, ихъ измѣняющія, то эти унаслѣдо-
ванные свойства будутъ продолжать переходить по наслѣдству
уже въ *измѣняющемся* и, наконецъ, *измѣненномъ* видѣ; обра-
тится новая *порода* и, затѣмъ, допуская множество исключеній,
будетъ переходить по *наслѣдству* такія способности, которыя къ
предшествовавшимъ поколѣніямъ прививались какими-либо причи-
нами изъ множества причинъ, обуславливающихъ развитіе чело-
вѣка. Чѣмъ большее число поколѣній приметъ на себя пе-
реходъ нравственныхъ причинъ извѣстнаго свойства, тѣмъ болѣе
зависитъ на то, чтобы у позднѣйшихъ поколѣній извѣстныя спо-
собности вытекали изъ наслѣдственности, постепенно видоизмѣнивъ
личность человѣка, отъ поколѣнія до поколѣнія. Такимъ
образомъ, теорія Дарвина, по моему мнѣнію, не только не умень-
шаетъ, но увеличиваетъ отвѣтственность человѣка за свои дѣя-
нія: все то, что мы дѣлаемъ, согласно этой теоріи, можетъ от-
разиться не только на насъ самихъ, но и на самыхъ отдален-
ныхъ потомкахъ нашихъ, благодаря возможности того, чтобы

извѣстные результаты нашихъ дѣйствій создали *постепенно* извѣстныя *наслѣдственные* склонности и способности.

Но какимъ образомъ наслѣдственность оказываетъ свое дѣйствіе? Очевидно, что если бы не происходило въ природѣ *подбора* родителей со сходными признаками, то послѣдніе не могли бы укорениться въ потомствѣ. Что касается подбора, то, по отношенію къ людямъ, встрѣчается преимущественно подборъ *естественный*, совершаемый самою природою, самою силою вещей: климатъ, средства къ существованію, соперничество между отдѣльными лицами и цѣлыми собраніями лицъ вліяютъ на этотъ естественный подборъ. Но нерѣдко можно замѣтить на челоуѣчествѣ и результаты *искусственного* подбора: такъ, у древнихъ грековъ убивали слабыхъ и болѣзненныхъ дѣтей; неграми изъ Африки населяли Америку, гдѣ рабовладѣльцы заботились о возможно лучшемъ приплодѣ отъ рабовъ своихъ. Такой искусственный подборъ родителей не можетъ не отзываться *нравственными* послѣдствіями на потомствѣ: такъ, деспоты, подвергая тюремному заключенію и убивая людей независимаго образа мыслей, участвуютъ, сами того не сознавая, въ *искусственномъ* подборѣ такихъ родителей, дѣти которыхъ, отъ поколѣнія до поколѣнія, все рѣже будутъ проявлять независимость и энергію и образуютъ поколѣніе робкое и апатичное. Всѣмъ извѣстно, на примѣръ, что въ Испаніи и Португаліи, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, инквизиція была въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ искусственнымъ подборомъ въ смыслѣ притупленія населенія, подчиненія его авторитету и подавленія въ немъ независимаго анализа.

Если присмотрѣться къ международной жизни, то нельзя не замѣтить того, что между народами существуетъ соперничество, происходитъ борьба за существованіе, какъ между отдѣльными лицами, а слѣдствіемъ этого бываютъ войны, которыя ведутъ изъ-за интересовъ матеріальныхъ и нравственныхъ. Такъ какъ въ борьбѣ за существованіе въ природѣ побѣда остается не за *лучшимъ*, но за организмомъ, наиболѣе принаровленнымъ къ условіямъ жизни въ данное время, то и войны, какъ показывають исторія, не только не всегда вели къ прогрессу челоуѣчества, но иногда предоставляли преобладаніе дурнымъ началамъ надъ добрыми, если послѣдніе не находили достаточной поддержки въ условіяхъ, ихъ окружавшихъ, которыя оказывались болѣе благоприятными, *на извѣстное время*, для торжества грубой силы и невѣжества. Новые народы происходятъ, такъ сказать, вслѣдствіе разрушенія древнихъ народовъ, или посредствомъ колоній; но и внутри каждаго народа продолжается борьба за существованіе и

подборъ. Въ средѣ каждаго человѣческаго общества замѣчается въ отдѣльных лицахъ и семействахъ, связываемыхъ общими интересами, другъ на друга похожихъ, стремленіе сближаться другъ съ другомъ, соединяться узами брака, образовать *общества въ обществахъ*; ничего подобнаго не замѣчаютъ у животныхъ, но у людей появляются *сословія* съ тѣхъ поръ, что люди знаютъ семью и собственность. Постепенно удивихъ входитъ въ обычай, чтобы лица одного колѣна или племени вступали въ бракъ только съ лицами *другого* колѣна или племени, и этотъ обычай, по филологическимъ, а слѣдовательно и психологическимъ результатамъ представляетъ уже значительный прогрессъ; но, вслѣдъ за этимъ появляются касты и сословія, основы которыхъ отнюдь не родственны съ основами колѣна или племени, такъ какъ браки совершаются преимущественно между лицами одного и того же сословія. Что сословія оказываютъ вліяніе на подборъ въ извѣстномъ направленіи, ясно само по себѣ, но менѣе очевидно то, что множество *нравственныхъ* причинъ могутъ при этомъ вліять на подборъ и его послѣдствія, а потому я и обращаю на это вниманіе читателя.

Нравственныя причины, которыя обуславливаютъ развитіе чловѣка, намъ извѣстны, а потому мы теперь легко поймемъ, что сословныя преданія могутъ быть благопріятными и неблагопріятными для прогресса; вспоминая объ этомъ, не забудемъ того, что всякое правило допускаетъ *множество* исключеній, и что, поэтому, негѣпо относиться въ отдѣльному представителю какого-либо сословія съ предвзятыми мнѣніями за него или противъ него, которыя могли бы быть вѣрны только по отношенію ко всей сокоупности лицъ этого сословія. Для того, чтобы предупредить недоразумѣнія, я долженъ указать на то, что я говорилъ, слѣдуя де-Кандоллю, о сословіяхъ, не какъ объ искусственномъ, но какъ о *естественномъ* подраздѣленіи общества самою силою вещей, отнюдь не о сословіяхъ, создаваемыхъ *примѣслями*, въ различной мѣрѣ предоставляемыми каждому. Де-Кандолль, по моему мнѣнію, справедливо указываетъ на слѣдующія три сословія, какъ создаваемыя самою силою вещей, всегда и вездѣ существующія, какъ результатъ естественнаго подбора: 1) классъ лицъ, работающихъ изъ-за насущнаго хлѣба, при возможности и надеждѣ путемъ сбереженій, образованія и доброй нравственности, подняться выше этой ступени; 2) средній классъ, настолько обезпеченный, чтобы нѣсколько менѣе нившаго быть занятымъ обязательнымъ трудомъ, но не могущій обойтись безъ заработка; къ этому классу относятся капиталисты и землевладѣльцы *безраз-*

лично, а также извѣстныя доходныя профессіи; 3) высшій слой общества, состоящій изъ лицъ, обладающихъ такимъ достаткомъ, который позволяетъ имъ принять на себя безвозмездно общественную службу и посвятить свое время дѣламъ общепользнымъ; всякою страной, монархіею, аристократіею, демократіею управляетъ *меньшинство*, направляющее большинство, для того ли, чтобы послѣднее повиновалось или для того, чтобы оно являлось разумнымъ законодательемъ. Указывая на такое подраздѣленіе общества на сословія, де-Кандолль не сдѣлалъ никакихъ поясненій, но я считаю нужнымъ, хотя бы въ немногихъ словахъ, выяснить, въ какомъ смыслѣ это подраздѣленіе общества мною принято: въ настоящую минуту мы не сочиняемъ идеаловъ, при которыхъ человѣчеству жилось бы возможно лучше, но присматриваемся только къ тѣмъ фактамъ, которые являются результатами законовъ Дарвина по отношенію къ политическому подраздѣленію общества. Фактъ, не возводимый въ теорію, указанный де-Кандоллемъ, вѣренъ: до сихъ поръ вездѣ и всегда вниманіе большинства населенія бывало поглощено преимущественно работою изъ-за куска хлѣба, и въ средѣ этого большинства въ этомъ смыслѣ совершался и подборъ; меньшая часть населенія бывала избавлена отъ носительнымъ достаткомъ своимъ отъ наиболее тяжелой работы и бывала занята преимущественно накопленіемъ богатства и доходными профессіями, и, наконецъ, только ничтожное по числу меньшинство населенія руководило обществомъ, управляло имъ, и въ этомъ направленіи въ средѣ его совершался подборъ. Но я уже имѣлъ случай указать на то, что подборъ не только не представляетъ собою силы неизмѣняемой, отъ вѣка и до вѣка дающей тѣ же нравственные результаты, но совершенно наоборотъ — сіюю, нравственные послѣдствія которой чрезвычайно измѣнчивы, по мѣрѣ того, какъ какая-либо нравственная причина путемъ наслѣдственности постепенно входитъ въ составъ того источника силъ, который мы называемъ подборомъ. Принимая эти свойства подбора къ политическому дѣленію общества, мы легко представимъ себѣ самые различные случаи: во Франціи, судя по спискамъ де-Кандолля (впрочемъ это фактъ общезвѣстный), средній классъ обладалъ большимъ просвѣщеніемъ, чѣмъ высшій, правившій государствомъ, и что же? *Искусственный* подборъ, совершавшійся закономъ путемъ снабженія высшаго класса привилегіями, не только уступилъ мѣсто *естественному* подбору наиболее способныхъ и просвѣщенныхъ изъ среды всѣхъ сословій, но и повелъ къ насильственнымъ переворотамъ, *осада* пагубнымъ, во нихъ какой бы идеи они ни совершались. Въ Англіи, напро-

тивъ, гдѣ знанія и капиталы не являлись разьединенными, большинство населенія, поглощенное заботами о повседневной жизни, не раздражаемое привилегіями, *во-время* уступавшими мѣсто *естественному* подбору, охотно предоставляло политическое преобладаніе меньшинству, поддерживая послѣднее своимъ довѣріемъ. Между различными слоями общества, отсутствіе которыхъ немислимо въ силу законовъ Дарвина, такъ какъ немислимы абсолютное равенство способностей и собственности, происходятъ, по законамъ Дарвина, непрерывное соперничество, непрерывная борьба за существованіе. Но эта борьба безъ которой немислима жизнь, можетъ угрожать спокойствію государства только тамъ, гдѣ сословія существуютъ путемъ *искусственнаго* подбора, совершаемаго привилегіями, но не тамъ, гдѣ *ничто*, кромѣ неумолимыхъ законовъ *природы*, не мѣшаетъ *есть* людямъ пользоваться въ *равной* мѣрѣ влияніемъ и значеніемъ. Присмотритесь къ такой демократіи, какъ женеvская, которая существуетъ гораздо болѣе тысячи лѣтъ, и вы увидите, что и здѣсь есть правящее *меньшинство*, но что вы въ ней еще подмѣтите? Что здѣсь, гдѣ большинство давно свилось съ *естественнымъ* подборомъ, очень неблагоприятно относится къ *противоестественной* пропагандѣ коммунистовъ; налюбю пожить здѣсь, для того чтобы убѣдиться въ томъ, какую ничтожную, по числу, горсть людей представляютъ здѣсь коммунисты, несмотря на то, что въ Женевѣ очень много богачей; могущихъ возбуждать зависть, и что коммунисты пользуются здѣсь такою свободою пропаганды, какъ нигдѣ. Это знаменательное явленіе объясняется политическою зрѣлостію массы, а послѣдняя въ кромѣ ея и вошла въ ея вровь путемъ естественнаго подбора подъ влияніемъ дѣлаго ряда *нравственныхъ* причинъ, воспитавшихъ массу. Повторяю, что *естественное* дѣленіе общества на *нѣкисные* классы, не поддерживаемое *искусственными* мѣрами, не только не представляетъ чего-то неизмѣннаго, но, напротивъ, непрерывно видоизмѣняется въ подробностяхъ вслѣдствіе мирной борьбы за существованіе между сословіями: легко отдѣлится въ исторіи то время, когда преобладали землевладѣльцы отъ того времени, когда достигли значенія капиталисты, и того времени, когда ассоціація и образованіе дали значеніе въ государствѣ и *бдѣтелямъ*; если внѣшнія препятствія, удаленіе которыхъ не требуютъ особеннаго напряженія силъ, не мѣшаютъ *естественной* борьбѣ за существованіе, естественному соперничеству, то борьба происходитъ безъ кровопролитія и торжество остается за тѣмъ *слоемъ* общества, свойства котораго наиболѣе принаровлены къ *даннымъ* условіямъ существованія. Такъ, нельзя не замѣтить того,

напримѣръ, что было время, когда первенство принадлежало наиболѣе мужественнымъ, что въ наши дни оно принадлежитъ наиболѣе знающимъ, и что, по мѣрѣ того, какъ образованіе разливается шире въ массѣ, возрастаютъ сбереженія бѣдняковъ и укореняются коопераціи всякаго рода, Европа, т.-е. тѣ государства, которыя не стоятъ внѣ этого движенія, демократизируется. Это новое направленіе въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, этотъ фазисъ развитія человѣчества, произошли подъ вліяніемъ цѣлаго ряда нравственныхъ причинъ, которыя могутъ укорениться, а быть можетъ уже и укореняются путемъ наслѣдственности и естественнаго подбора, образуя цѣлую массу наслѣдственныхъ склонностей, способностей и навыковъ.

На всѣхъ степеняхъ развитія человѣческихъ обществъ происходитъ естественный подборъ, видоизмѣняющій нравственное существо человѣка отъ поколѣнія до поколѣнія, но болѣе или менѣе благоприятный прогрессу человѣчества. Такъ, у дикихъ, по де-Кандоллю, непрестанное угнетеніе *слабыхъ* могло бы благоприятно отражаться на потомствѣ въ смыслѣ непрерывнаго улучшенія расы въ *физическомъ* отношеніи, еслибы у нихъ же, въ большинствѣ случаевъ, женщина, имѣющая столь значительное вліяніе на свойства дѣтей, не находилась въ удрученномъ состояніи и собственно слабостію своею не умаляла вліянія отцовъ, въ средѣ которыхъ физическая сила развивается путемъ естественнаго подбора. Я воспользуюсь этимъ случаемъ, для того чтобы остановить на минуту вниманіе на такъ-называемомъ «женскомъ вопросѣ», интересующемъ наше общество. Если справедливо все сказанное нами выше о вліяніи наслѣдственности, въ ряду множества другихъ причинъ, на физическія и *психическія* свойства человѣка; если справедливо также, что въ случаѣ неравенства родителей дѣти не всегда представляютъ нѣчто среднее между отцомъ и матерью, но, напротивъ, часто удаются, то въ совершеннѣйшаго, то въ несовершеннѣйшаго изъ родителей; если, наконецъ, справедливо замѣчаетъ де-Кандолль, что потому дикія племена такъ мало видоизмѣнились, несмотря на то, что истребленіе слабыхъ направляло подборъ въ смыслѣ покровительства сильнѣйшимъ по расѣ, что они угнетаютъ женщину, — то насколько человѣчество задерживало до сихъ поръ прогрессъ свой тѣмъ, что *большинству* женщинъ не давали того воспитанія физическаго и того образованія, которое получаетъ *большинство* мужчинъ? Поступая такимъ образомъ, люди, призывая къ жизни множество нравственныхъ причинъ, могущихъ надѣлать потомковъ *наслѣдственными* условіями прогресса, какъ-бы довольствовались только подборомъ отцовъ,

часто *парализуя* результаты этого подбора пренебреженіемъ къ итеримъ; отсюда слѣдуетъ, что мужчины, поощряя въ женщинахъ любовь къ труду, вкусъ къ научнымъ занятіямъ, вкусъ къ разумному воспитанію и домашнему хозяйству, дѣйствуютъ въ собственномъ интересѣ, такъ какъ они этимъ самымъ увеличиваютъ шансы того, чтобы сыновья и внуки ихъ наслѣдовали хорошія склонности не только отъ отца, но и отъ матери.

Отъ состоянія дикихъ племенъ до состоянія варварскихъ народовъ только одинъ шагъ, но шагъ значительный—на этой степени развитія человѣчества уже появляются раздѣленіе труда и общественная служба, два могущественные рычага, оказывающіе значительное вліяніе на направленіе единственнаго подбора и предполагающіе въ населеніи уже нѣкоторое умственное развитіе. Но и у варварскихъ народовъ сила имѣетъ еще слишкомъ большое значеніе, неблагоприятное для подбора въ смыслѣ прогресса и развитія человѣчества: часто угнетаютъ слабыхъ, часто покровительствуютъ наименѣе способнымъ, терзаютъ за неодобреніе злоупотребленія силой, поощряютъ хитрость, месть, интригу и такимъ образомъ, путемъ подбора скорѣе укореняютъ пороки, нежели добродѣтели. Къ счастью человѣчества, замѣчаетъ де-Канюль, варвары, пользующіеся властью, не долговѣчнѣе тѣхъ стадъ, въ которыя они стремятся внести *искусственный* подборъ посредствомъ различныхъ жестокостей, и часто не превосходятъ высшихъ дарованіями; вотъ почему человѣкъ, живущій гораздо дольше домашнихъ животныхъ и потому могущій повліять путемъ подбора на *нѣсколько* поколѣній и значительно превосходящій животныхъ по умственному развитію, можетъ оказать гораздо большее вліяніе на видоизмѣненіе нравственной природы животныхъ, чѣмъ на личность человѣка. У образованныхъ народовъ дѣйствія власти, вредно отзывающіяся на настоящемъ поколѣніи и потомствѣ, менѣе возможны, такъ какъ право сильного утрачиваетъ значеніе на этой степени развитія человѣческаго общества; обыкновенно у образованныхъ народовъ сила употребляется для обученія преступниковъ и защиты общества отъ внутреннихъ и внешнихъ враговъ. У образованныхъ народовъ, по мнѣнію де-Канюля, присоединяются къ раздѣленію труда и общественной службы, уже появляющимся у варваровъ, свобода мысли и слова и свобода дѣйствія для каждаго члена общества — насколько каждый изъ видовъ свободы одного не наноситъ вреда сочленамъ его. Чѣмъ болѣе образованъ народъ, тѣмъ болѣе нужно умственного развитія для того, чтобы заработать кусокъ хлѣба, и въ этомъ смыслѣ цивилизація народа оказываетъ огромное вліяніе на подборъ наи-

болѣе способныхъ, такъ какъ наименѣе образованнымъ живется не легко. Но, съ другой стороны, если въ цивилизованномъ обществѣ естественный подборъ совершается непрерывно въ пользу просвѣщенія и развитія, то бѣднѣйшій классъ, наименѣе занятый умственнымъ трудомъ, какъ извѣстно по статистикѣ, размножается гораздо быстрѣе, нежели классы, занятые работою мозга, рѣдко согласующеюся съ значительною плодовитостію; такимъ образомъ, въ природѣ встрѣчаются различныя силы, иногда парализующія другъ друга. Если вы возвысите нравственный уровень массы, то это еще не значитъ, что вся масса будетъ состоять изъ ученыхъ, вторымъ физиологія и статистика отказываютъ, въ большинствѣ случаевъ, въ многочисленномъ потомствѣ; но, оставивъ массу на той степени, на которой умственные занятія еще не преобладаютъ надъ всѣмъ остальнымъ; вы уменьшите препятствія, представляемыя непрерывному прогрессу человечества тѣмъ, что масса размножается относительно быстрѣе меньшинства и такимъ образомъ нерѣдко подавляетъ тѣ наслѣдственные задатки прогресса, которые могли бы быть занесены въ кровь народа меньшинствомъ. Отсюда слѣдуетъ, что заботиться только о воспитаніи меньшинства, значитъ, для государственнаго человѣка, черпать воду рѣшетомъ, если въ то же время не дать полного простора образованію и воспитанію (въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова) массы, для того, чтобы послѣдняя, по возможности, возвысилась, приближалась къ меньшинству по нравственному складу и по возможности меньше численностію свою подавляла нравственное наслѣдіе, остающееся потомству отъ меньшинства, чтобы меньшинство это, наконецъ, непрерывно обновлялось притокомъ сильныхъ силъ изъ массы. Если же мы, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ для подбора родителей въ смыслѣ прогресса человечества, замѣтимъ, что послѣдній совершается не быстро, то вспомнимъ о томъ, что по законамъ Дарвина, нерѣдко встрѣчается *атавизмъ*, т.-е. сходство съ кѣмъ-либо изъ отдаленныхъ предковъ, что наслѣдственность, за исключеніемъ способностей къ музыкѣ и математикѣ, замѣчается болѣею частью не въ подробностяхъ, но въ общемъ характерѣ вѣковыхъ силъ, и что, наконецъ, наслѣдственность, какъ я уже подробно говорилъ о томъ выше, составляетъ лишь *одну* изъ весьма *многихъ* причинъ, обуславливающихъ развитіе человѣка.

Такимъ образомъ, теорія Дарвина не только не стѣсняетъ свободы дѣйствія такого педагога, который не пожелаетъ быть сильѣе природы и не только не умаляетъ отвѣтственности его, какъ это могло показаться съ перваго взгляда, но увеличиваетъ эту отвѣтственность, такъ какъ всякая воспитательная дѣятельность касается не *одного* поколѣнія, но многихъ и весьма многихъ.

Къ такому выводу я пришелъ на основаніи педагогії, пользующейся результатами всѣхъ наукъ, какъ и всякая иная наука. Книга де-Кандолля, какъ видѣли читатели, также дала мнѣ не мало матеріала. Если мнѣ удалось въ предлагаемой статьѣ не только увеличить запасъ свѣдѣній, сколько возбудить мысль читателя, то цѣль моя достигнута. Пора Россіи призадуматься надъ вопросомъ о *воспитаніи* послѣ того, что до сихъ поръ и такъ долго это весьма существенное условіе естественнаго подбора остается почти безъ всякаго вліянія, или потому, что мы о немъ еще не заботились, или потому, что мы чуть не по недѣлямъ гнѣвали системы, или, наконецъ, потому, что мы заботились только о меньшинствѣ, забывая о массѣ.

Б. Р. Н. Корфъ.

ВСЕСОСЛОВНАЯ ВОЛОСТЬ

Мысли по поводу русской всесословной волости.

I.

Вопросъ о всесословной волости поднять въ нашей литературѣ вовсе не искусственно. Кто жилъ въ деревнѣ и знаетъ деревню, иначе сказать, землю русскую и жизнь русскую, тотъ понимаетъ, что въ этомъ стремленіи къ новому устройству волости выражается общее глубокое сознание нашего общественнаго неурейства. Говорить о политическихъ формахъ, объ организаціи крупныхъ членовъ государственнаго тѣла, совершенно бесполезно, пока атомы этого тѣла не живутъ правильною жизнью. Это мы сознали теперь совершенно ясно, но пока еще—совершенно платонически.

Атомы нашего общественнаго организма до сихъ поръ представляютъ вялую ткань, безъ внутренней структуры, безъ энергіи жизни безъ естественной сплоченности. Это маточный растворъ, можетъ быть чреватый будущностью, но пока еще не представляющій ни одного крѣпкаго и правильнаго кристалла. Метафоры въ сторону наши сельскія общины и волости—находятся въ состояніи полной распущенности и дремоты. Въ нихъ вовсе нѣтъ истинно-общественной жизни. Сельская община—единица болѣе естественная—существуетъ исключительно какъ узко-хозяйственное учрежденіе. Она владѣетъ общою землею, имѣетъ общія тягости и старается раздѣлить возможно равномѣрно эти хозяйственныя свои права и обязанности. Получить загонъ или полосу не хуже другого, не дать другому случая воспользоваться какою-нибудь лишнею выгодною, уберечь свой дворъ отъ наряда излишней подводы, отъ сбора излишней копѣйки,—вотъ единственные интересы, которые заставляютъ члена общины принимать участіе въ дѣлахъ этой общины. Разъ онъ выгородилъ

себя въ этихъ насущныхъ, чисто личныхъ, вопросахъ,—интересы общины для него не существуютъ.

Открытіе школы, исправленіе моста и всякія другія общепольныя затѣи встрѣчаются въ огромномъ большинствѣ случаевъ членами общины совершенно враждебно, какъ нападеніе на ихъ скудную мощь, и могутъ быть исполнены лишь полунасильственными мѣрами, напр., „убѣжденіями“ мировыхъ посредниковъ, „вліяніемъ“ помѣщика, старшины, писаря, или зажиточныхъ односельцевъ. Попросту сказать, члены общины привыкли слушаться господъ и начальства. Волость—единица чисто административная и отчасти выдуманная. Доказательствомъ ея выдуманности служить частая (въ послѣднее время) перемѣна границъ и объема волости. Волостей въ уѣздѣ бываетъ то больше, то меньше. Деревня приписывается то къ одной, то къ другой волости. Совпаденіе волости съ погостомъ, какъ того желаетъ кн. Васильчиковъ ¹⁾, искусственно уже потому, что въ большинствѣ губерній исчезли всякіе слѣды воспоминанія о погостѣ, и слово это только сохранилось какъ синонимъ кладбища. Устраняя пока вопросъ о томъ, волость, погостъ или сельская община должны служить основными атомами народной жизни, мы хотимъ разсмотрѣть, возможно ли и полезно ли включить въ эти основныя группы представителей всѣхъ классовъ народа? Говоря логически, нельзя сомнѣваться, что всякій, живущій въ предѣлахъ данной мѣстности, обязанъ стать во всѣхъ отношеніяхъ членомъ мѣстной общины. Но это требованіе именно логическое, т. е. свободное отъ всякихъ случайныхъ и историческихъ условий. Это требованіе должно предполагать заранѣе такія бытовые условія, которыхъ въ Россіи нѣтъ. Естественное и необходимое въ демократической Америкѣ, въ Швейцаріи, у насъ въ Россіи оно сразу наталкивается на множество коренныхъ условій жизни, съ ними совершенно несродныхъ. Несмотря на 19-е февраля, Россія надолго еще останется страной „барина“ и „мужика“. Правда, послѣднія реформы нашей общественной жизни посадили мужика за одну скамью съ барининомъ въ избирательныхъ сѣздахъ, въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, въ управахъ, въ судѣ присяжныхъ. Правда, готовящіяся реформы уравниваютъ барина съ мужикомъ въ дѣлѣ рекрутчины и податей. Но кто вглядывается и вдумывается въ нашу жизнь безъ предубѣжденія, долженъ согласиться, что несмотря на всю юридическую равноправность свою съ бывшимъ барининомъ, мужикъ, говоря вообще, остается въ роли мужика вездѣ, гдѣ ему приходится дѣйствовать на ряду съ барининомъ. Конечно, никто не знаетъ навѣрное,

¹⁾ Въ книгѣ своей о самоуправленіи.

какой родъ отношеній возникнетъ между ними послѣ уравниванія воинской и податной повинности, но я твердо убѣжденъ, что и въ рядахъ солдатъ долго еще одинъ будетъ мужикъ, другой баринъ; одинъ будетъ нести на себѣ всѣ тягости службы за себя и другого. Складку народной жизни гораздо труднѣе перефидать, чѣмъ отменить тотъ или другой юридическій институтъ. Институтъ исчезаетъ въ одинъ день, а привычки, ими воспитанныя, живутъ многіе вѣка. Эльзасъ присоединенъ къ Германіи однимъ почеркомъ пера, но эльзасцы врядъ ли сдѣлаются нѣмцами на нашей памяти. Какъ духъ свободы долго не поддавался оковамъ крѣпостного права, въ первые моменты его появленія, и крѣпостной на бумагѣ долго оставался свободнымъ въ собственномъ сознаніи; такъ, наоборотъ, духъ подчиненія и зависимости, выдѣренный вѣками крѣпостничества, долго еще не покинетъ сердца рабовъ, призванныхъ къ свободѣ. Я не говорю о помѣщичьихъ крестьянахъ въ тѣсномъ смыслѣ, а вообще о нашемъ простомъ народѣ; его общественное положеніе до послѣдняго времени было основано на той же идеѣ крѣпостной зависимости, хотя идея эта принимала различныя формы и разнообразно маскировалась. Крѣпостная зависимость отразилась на всемъ складѣ духа нашего престоноародья, на его убѣжденіяхъ, привычкахъ, вкусахъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что вслѣдствіе этого сродненія народа съ многовѣковымъ институтомъ, для него крайне невыгоднымъ, самъ институтъ этотъ, со всѣми своими послѣдствіями, сталъ отчасти народнымъ институтомъ.

Смѣшно бы было въ наши дни, въ дни безповоротнаго осужденія и разрушенія крѣпостного права, бояться разсматривать этотъ поконченный вопросъ безъ всякой натяжки и риторическихъ прелестей. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что даже накануне смерти крѣпостного права народъ вообще относился къ нему безъ скептицизма и протеста. Протестанты, конечно, были нерѣдки въ царство крѣпостного права, протестанты цѣлыми деревнями, протестанты въ одиночку; уходили на Бугъ, на Моздокъ, поджигали хоромы, отказывались ходить на барщину; протестантовъ этихъ сѣкли, ссылали, мы всѣ все это знаемъ. Но почти всѣ безъ исключенія протесты эти были направлены не противъ основъ института, а противъ частныхъ случаевъ, противъ тѣхъ примѣненій этого института, которые для заинтересованныхъ въ нихъ казались злоупотребленіемъ, неправдою, отступленіемъ отъ общепринятаго порядка. Только крайне рѣдко попадались отдѣльныя лица, разносившія проповѣдь свободы и еще рѣже бывали случаи бунтовъ изъ принципа. Вообще же народъ признавалъ законность существовавшаго порядка, несомнѣваясь и даже не задумываясь. Онъ признавалъ права господъ на

большее и лучшее, признавалъ ихъ право бездѣля и власти. Барская кость, барская кровь была для него предметомъ вполне реальнымъ, необходимымъ звеномъ въ общественномъ строѣ. „Вы слуги царскіе, мы слуги барскіе“—говорили крѣпостные философы, болѣе сентиментальные увѣряли даже, что „вы наши отцы, мы ваши дѣти“. Сословная ненависть крестьянъ къ господамъ рѣшительно не существовала, какъ явленіе общее. Кажется, это сдѣлалось вѣдъ всякаго сомнѣнія теперь, черезъ 10 лѣтъ послѣ реформы. Ненависти не было именно потому, что барство было такой же признанный народнымъ убѣжденіемъ институтъ, какъ и крестьянство. До сихъ поръ крестьяне и дворовые обыкновенно вспоминаютъ своихъ бывшихъ господъ съ чувствомъ какой-то родственности, хотя они ничуть не забыли тяготъ и неправдъ прошлаго. Можетъ быть, нѣкоторые либеральствующіе читатели вѣннать мнѣ въ грѣхъ эти слова; но я говорю ихъ совершенно серьезно, единственно въ видахъ научной точности наблюденія, не желая ни сентиментальничать, ни бить въ набатъ. Я скажу даже болѣе: по-моему, нашъ простой народъ не могъ и не можетъ смотрѣть иначе на это дѣло. Люди грубаго неустаннаго труда не въ состояніи имѣть на жизнь философскихъ воззрѣній, независимыхъ отъ окружающаго міра. Имъ некогда вникать въ сущность своихъ политическихъ, гражданскихъ и естественныхъ правъ; имъ не съ кѣмъ толковать о нихъ, у нихъ нѣтъ внутреннихъ средствъ додуматься до болѣе справедливаго и выгоднаго порядка. Въ частныхъ случаяхъ весь интересъ ихъ. Если сельскій староста, приказчикъ, становой, баринъ съ нимъ хорошъ, то вообще хорошъ и весь порядокъ; если въ барскомъ или казенномъ лѣсу—дубки рубятся безъ особеннаго труда, если нѣтъ запрету на барскихъ лугахъ, вообще, если есть какой-нибудь просторъ личной выгодѣ,—является міра въ благополучіе дѣлаго рода человѣческаго. При такой зависимости отъ частнаго случая, разумѣется, каждый существующій порядокъ долженъ казаться неизбѣжнымъ и абсолютнымъ. Нѣтъ болѣе утѣшаго охранителя существующаго и болѣе ожесточеннаго врага всякихъ новшествъ, какъ человѣкъ сохи и вообще человѣкъ непросвѣщенный.

Подобное явленіе встрѣчается вездѣ. Женны мормоновъ, обращенныя къ домашнимъ животнымъ своими „святими“ мужьями, жены мусульманъ, ставшія игрушкой прихоти въ рукахъ своихъ владыкъ, нѣкто того, чтобы возмущаться такимъ невыгоднымъ для нихъ порядкомъ, становятся его горячими приверженцами, защитницами и распространительницами. Точно также зависимое положеніе женщинъ къ равнымъ вѣкамъ и у разныхъ народовъ Европы всегда находило наиболѣе ревностную поддержку въ средѣ самихъ женщинъ;

да и теперь, чѣмъ необразованнѣ женщина, тѣмъ рѣшительнѣе она стоитъ за то ограниченіе своихъ собственныхъ правъ, которое мужчины считаютъ нужнымъ маскировать разными сентиментальными словами. Итакъ, по нашему мнѣнію, сознаніе своего глубокаго различія отъ господъ, своей естественной зависимости отъ нихъ—присуще нашему народу еще и теперь, послѣ 19-го февраля, и будетъ, по всей вѣроятности, присуще ему довольно долгое время.

Мы останавливаемся на этомъ обыкновенномъ и весьма распространенномъ явленіи народной жизни съ тою цѣлю, чтобы поставить вопросъ о всесословной общинѣ на почву дѣйствительности, безъ всякой выдуманности, безъ всякаго сентиментальничанья. Только имѣя постоянно въ виду этотъ неопровержимый фактъ коренного различія въ положеніи двухъ существенныхъ элементовъ общины—можно толковать о пользѣ или вредѣ всесословнаго состава. Кто стоитъ за всесословную общину, тотъ не долженъ скрывать отъ себя, что члены этой общины, при всей возможной юридической равноправности своей, на дѣлѣ не могутъ быть (я говорю, конечно, о ближайшемъ къ намъ времени) равноправны. Старшина мужикъ и старшина баринъ—это будутъ два званія совершенно различныя, различныя еще въ болѣе степени, чѣмъ, на примѣръ, прежніе бородатые головы губернскихъ городовъ въ своихъ мундирныхъ полукафтаняхъ и сабляхъ, смиренно приносившія, вкупѣ съ „обществомъ“, посильныя приношенія полиціямейстеру, различались отъ вліятельныхъ аристократовъ, контрирующихъ съ генераль-губернаторами подъ тѣмъ же титуломъ московскаго или одесскаго городского головы. Точно такое же коренное различіе жизнь сразу установитъ между членомъ схода—бариномъ и такимъ же членомъ схода—мужикомъ. Баринъ во всѣхъ роляхъ останется бариномъ, и въ жизни общины будетъ самымъ вліятельнымъ человѣкомъ.

Поставивъ такимъ образомъ вопросъ нѣ надлежащемъ свѣтѣ, мы постараемся разсмотрѣть, какія удобства и неудобства могутъ соединиться съ подобнымъ порядкомъ вещей, и насколько, слѣдовательно, желателенъ подобный порядокъ. Мы только просимъ читателя не давать ложнаго толкованія избранной нами точки зрѣнія. Мы вовсе не проповѣдуемъ необходимости и выгоды преимуществъ барства. Мы лично съ гораздо болѣшимъ сочувствіемъ встрѣтили бы возможность другого, болѣе демократическаго, болѣе естественнаго и гораздо болѣе плодотворнаго строя общинной жизни. Но вкусъ, убѣжденіе,—одинъ вопросъ, существующій міръ—совершенно другой. Мы желали бы жить въ обществѣ Ньютоновъ и Платоновъ, а принуждены жить въ обществѣ Коробочекъ и Собакевичей. Зажмурить глаза на дѣйствительность и воображать ее себѣ такою, какою ри-

суетъ вамъ фантазія, хотя и самая возвышенная, — не только очень глупо, но и очень опасно. Какая польза представлять себѣ русскаго мужика съ независимой душою Шиллерскаго Вильгельма Теля, съ глубокимъ демократическимъ чувствомъ какого-нибудь американскаго пионера, и строить на этомъ расчетѣ все зданіе вашей общины, когда на первомъ же шагу несомнѣнно окажется, что этотъ Тель или Линкольнъ насъ въѣзъ проникнуть самыми старовѣрскими, самыми византийскими понятіями о строѣ общества и отношеніяхъ людей, что многія отсталыя вѣрованія друзей юности и регресса изъ болѣе образованнаго класса могутъ показаться ему еще слишкомъ вольнодумными. Какъ изслѣдователь физическаго тѣла, видя извращеніе органовъ, долженъ принять его во вниманіе, не скрывая ни малѣйшей подробности и построить на немъ свои выводы, такъ и изслѣдователь народной жизни долженъ основывать свои заключенія не на томъ, что было бы желательно, а на томъ, что дѣйствительно у него передъ глазами.

Г. Кошелевъ въ журналѣ „Бесѣда“, въ статьѣ своей о всесословной волости, которая дала намъ поводъ высказать настоящія мысли, вооружается противъ всесословнаго состава волости на томъ основаніи, что лица высшихъ классовъ, скажемъ для краткости, господа, не имѣютъ прямого интереса въ тѣхъ именно учрежденіяхъ, которыя должны составлять сущность общинной жизни для крестьянина; школа, врачебная часть, народное продовольствіе, страхование отъ огня — все это вопросы чисто крестьянскіе. Только устройство дорогъ г. Кошелевъ признаетъ почему-то исключительнымъ интересомъ высшихъ классовъ. Мы же, съ своей стороны, и устройство дорогъ относимъ къ одной изъ существеннѣйшихъ потребностей крестьянской жизни. Мы вполне согласны съ г. Кошелевымъ, что теперешняя дѣятельность земскихъ учреждений касается почти исключительно крайнихъ интересовъ одного крестьянства. Но именно въ этомъ самомъ явленіи и лежитъ, по нашему мнѣнію, разрѣшеніе главнѣйшихъ сомнѣній г. Кошелева противъ пользы всесословной общины. Кому извѣстно, что наши всесословныя земскія собранія въ сущности суть собраніе господъ, распоряжающихся интересами крестьянства.

Гласные изъ крестьянъ, болѣею частью, волостные старшины, волостные писаря, сидятъ рядомъ съ мировыми посредниками, своими прямыми начальниками, и не выходятъ изъ ихъ послушанія. Предсѣдатель собранія опять тоже ихъ главный начальникъ, какъ предсѣдатель сѣзда мировыхъ посредниковъ. Кромѣ того, кругомъ ихъ мировые судьи, въ которыхъ они постоянно нуждаются, богатые сосѣди-помѣщики, у которыхъ они работаютъ, кредитуются, ищутъ заступничества, иногда ихъ бывшіе господа, съ которыми у нихъ

еще не прекращены обязательныя отношенія. Есть ли какая-нибудь возможность сохранить свою самостоятельность въ такой авторитетной и многочисленной средѣ не только мужику, привыкшему проходить безъ шапки даже мимо двора своихъ товарищей по собранію, но даже и человѣку съ болѣе независимымъ положеніемъ. Прибавьте къ этому, что содержаніе и форма сужденій, ведущихся въ земскомъ собраніи, почти всегда недоступны безграмотному или, что почти то же, малограмотному мужику. Господа сыплютъ фразами и словами, которые для него тарабарская грамота. Ипотечная система, кадастръ, премія, проектъ, акціи, гарантіи,—бѣдные бороды только рта разѣваютъ. Прежде чѣмъ онъ смѣнетъ о чемъ рѣчь пошла, уже вопросъ голосуется—согласенъ или несогласенъ. Кто несогласенъ пусть встанетъ. Глянетъ на *своего* посредника, на *производителя* (мужичій титулъ предводителя дворянства)—сидятъ, и онъ останется на мѣстѣ. Я не знаю заволжскихъ губерній, гдѣ, говорятъ, элементъ крестьянства бываетъ иногда господствующимъ, и гдѣ самъ крестьянинъ является, говорятъ, совершенно съ другимъ типомъ, болѣе образованный, болѣе вѣрующій въ свои права. Поэтому я не буду имѣть въ виду этихъ окраинъ, а только внутреннія старыя русскія губерніи, приніятыя глубоко тѣмъ духомъ крѣпостной зависимости, о которомъ я говорилъ выше. Кто былъ хотя разъ на какомъ-нибудь нашемъ земскомъ собраніи, тотъ, конечно, не раздумывая подтвердитъ мои слова объ отсутствіи всякаго значенія крестьянскихъ гласныхъ и о рѣшительно господскомъ характерѣ нашихъ земскихъ собраній.

При такихъ условіяхъ, если бы мысль г. Кошелева была вѣрна, нужно бы было ожидать, что вопросы народнаго образованія, народнаго здравія, народнаго продовольствія и т. п., въ которыхъ господа прямо не заинтересованы, останутся безъ всякаго движенія. Однако мы вездѣ видимъ совершенно противное. Почти всѣ земства ассигнуютъ серьезныя цифры на школы, больницы, врачей и пр., такъ что въ сущности активная часть бюджетовъ земства поглощается потребностями одного крестьянскаго сословія. Этотъ общезвѣстный и общераспространенный фактъ совершенно устраняетъ опасенія г. Кошелева, будто во всесословной волости, при перевѣсѣ господскаго элемента, интересы крестьянъ останутся на заднемъ планѣ. Даже, странно сказать, почти во всѣхъ земскихъ собраніяхъ мысль о расширеніи народнаго образованія, объ ассигнованіи средствъ на новыя школы, о приглашеніи врачей, фельдшеровъ, акушеровъ, приведеніе больницъ въ лучшее состояніе, благоустройство дорогъ и т. п. постоянно проводится и защищается представителями образованнаго класса, а со стороны гласныхъ-крестьянъ встрѣчаетъ если не противодѣйствіе, то равнодушіе и даже несочувствіе, какъ всякій

новый налогъ. Еще убѣдительнѣе вопросъ этотъ рѣшается при разсмотрѣніи дѣятельности чисто крестьянскихъ учреждений, какъ, напр., волостные и сельскіе сходы. Кто былъ близокъ къ нашей сельской жизни, тотъ хорошо знаетъ, какихъ трудовъ стоить завести въ волости или селѣ какое-нибудь полезное для крестьянъ учрежденіе, не говоря уже о ссудную кассу, артель или что-нибудь подобное мало извѣданное, а хотъ бы просто школу для обученія грамотѣ. Если наши общины имѣютъ драгоцѣнное для нихъ учрежденіе взаимнаго страхованія, котораго громадная польза бросается въ глаза на каждомъ шагу,—то они обязаны этииъ не своей доброй волѣ, а насилью. Предоставьте вопросъ о страхованіи благоразумію самихъ крестьянъ,—мы бы до сихъ поръ не видали даже приступа къ его осуществленію. Если бы не собирали насильственно по полтинѣ съ двора для покупки пожарныхъ трубъ, до сихъ поръ ни одно село не имѣло бы ни одной кишки. Если при настоящемъ безпорядкѣ волостного управленія трубы эти не имѣютъ почти никакого значенія, все-таки самъ фактъ не теряетъ своей силы. Открытіе школы въ деревнѣ почти всегда обязано или пожертвованію, или приказу начальства. Захочетъ волостной старшина или посредникъ настоять на школѣ — мужики погалдятъ-погалдятъ и почтутъ начальство. А то какой-нибудь баринъ отстроитъ избу, устроитъ скамейки, земство пришлетъ учителя, съ крестьянъ попросятъ только топить избу соломой, да развѣ старика-сторожа. Но они обыкновенно не хотятъ и этой доли участія принимать на себя, такъ что почти вездѣ дѣло сводится на добротныя даванія, да на земское пособіе. Въ настоящемъ году земство уѣзда, въ средѣ котораго я дѣйствую, сдѣлало весьма щедрое постановленіе, по которому всякое селеніе, приготовившее до извѣстнаго срока помѣщеніе и отопленіе для школы, вправе требовать на нее земское пособіе. Управа дала знать объ этомъ черезъ мировыхъ посредниковъ всѣмъ волостямъ; кромѣ того въ собранія сидѣло болѣе десятка крестьянскихъ гласныхъ. Въ слѣдующему собранію было прислано всего три приговора объ открытіи училищъ и то изъ такихъ селеній, гдѣ помѣщики жертвовали помѣщенія, а мировой посредникъ употреблялъ все свое мнѣніе на составленіе приговоровъ; нѣкоторые знакомые мои тоже хотѣли воспользоваться такимъ выгоднымъ постановленіемъ земства; собравъ крестьянъ, они объяснили имъ значеніе этого постановленія, можетъ быть, невозвратимаго другой разъ, и предлагали имъ помѣщеніе для школы и учителя, которое обязались къ тому же снабдить классною мебелью. Книги и учитель давались отъ земства; крестьянъ оставалось только принять зданіе школы на свой ремонтъ и отопленіе да, можетъ быть, посылать сторожа. Казалось, что отказъ

отъ такихъ очевидныхъ выгодъ, приобретаемыхъ почти даромъ, не мыслимъ; но однако мужики этихъ селеній потолклись-потолклись, поблагодарили за милость и «неоставленіе», а школы имѣть не пожелали. Всякій попечитель школы нашего уѣзда расскажетъ вамъ то же самое о своемъ околоткѣ. А между тѣмъ въ уѣздѣ есть множество огромныхъ и богатыхъ селъ безъ училищъ. Минѣ скажутъ, что крестьянъ еще не успѣли убѣдить къ пользѣ тѣхъ учреждений, къ которымъ они теперь такъ равнодушны; что разъ они увѣрують въ пользу школъ и пожарныхъ трубъ, у нихъ тотчасъ явятся и школы, и трубы. Но это будетъ толкованіе произвольное, не подтверждаемое фактами. Въ настоящее время вы не найдете крестьянина, который бы не сознавалъ съ сокрушеніемъ сердца, какъ трудно ему обходиться безъ грамоты, какъ его вездѣ дурачатъ и обираютъ изъ-за одного его безграмотства. Теоретическое сознаніе въ пользѣ школъ проникло въ народъ почти повсемѣстно. Наконецъ, мы возьмемъ примѣръ изъ его матеріальной жизни, гдѣ неудобство извѣстнаго порядка чувствуется слишкомъ непосредственно, чтобы человѣкъ могъ его не сознавать. Въ каждой деревнѣ есть много дѣвочекъ и мальчиковъ, много лошадей, гусей, телятъ, утокъ и пр. Каждому двору дѣти эти бываютъ нужны для разныхъ легкихъ работъ; каждый дворъ платится иногда очень дорого за побой хлѣба своего и чужого, птицею и скотиною; своего — потому что онъ лишается хлѣба; чужого, потому что чужіе хозяева загоняютъ его скотину. Казалось бы, самый азбучный расчетъ, самая ребяческая доля смысла способны были убѣдить нашихъ деревенскихъ хозяевъ, что лучше всего устраивать очередь изъ дѣтей всѣхъ дворовъ для пастьбы скотины и птицы, или сообща нанимать для нихъ подпасковъ; но деревенскіе хозяева поступаютъ иначе: каждый дворъ отдѣльно пасетъ своего теленка, своихъ матокъ, свою птицу, почти всегда на одномъ и томъ же выгонѣ, на одномъ и томъ же берегу. Цѣлая толпа дѣтей, цѣлый день отъ зари до зари, должны бездѣльничать на солнечномъ припекѣ изъ-за такого пустого дѣла. Естественно, что цѣлый день даже и взрослый не въ силахъ сохранить своего поста; естественно, что толпа мальчиковъ, пользуясь отсутствіемъ старшихъ, затѣветъ какія-нибудь игры и отвлечется отъ своей обязанности. Прозѣвали часъ, и лошади во ржи, гуси въ овсахъ. А между тѣмъ почти исключительно для этой пастьбы крестьянскія дѣти прекращаютъ съ апрѣля до ноября посѣщать сельскую школу и такимъ образомъ неслыханно тормазятъ успѣшный ходъ народнаго образованія. Точно также мало благоразумія и экономіи силъ въ другихъ дѣйствіяхъ крестьянскаго быта. Изъ-за 1/2 штофа водки, изъ-за гривенниковой покупки или продажи на базарѣ, цѣлыя вереницы талѣтъ изъ одной

и той же деревни дребезжать по утрамъ въ уѣздный городъ; толпа рабочаго народа, толпа рабочихъ лошадей, упряжь, телѣги, все это расходуется почти даромъ, безъ малѣйшей производительности.

Въ южной Франціи, въ Швейцаріи, я видѣлъ деревенскихъ коммисіонеровъ, которые въ очень удобныхъ повозочкахъ, съ строгимъ точностью срока, ѣздятъ отъ извѣстнаго района селеній до города и обратно; они, конечно, каждую вещь съумѣютъ и купить лучше, и доставить бережнѣе, чѣмъ простой крестьянинъ; а честность тутъ также необходима, какъ выгода.

Еще поразительнѣе неблагоразуміе нашего мужика въ дѣлѣ пожаровъ. Уже навѣрное онъ хорошо и давно сознаетъ пользу сохраненія своего двора и вредъ пожара. Мужика нечего учить, что солома легко вспыхиваетъ, что въ тѣснотѣ пожаръ опаснѣе, чѣмъ на просторѣ. Поговорите съ любимъ мужикомъ, когда горитъ цѣлый порядокъ деревенскихъ избъ. „Теперь пойдетъ трещать, скажетъ онъ вамъ, хаты-то какъ въ кострѣ складены, одна на одной; жара; солома что порохъ стала, онъ теперь вплоть до проулка сравняетъ, ничего не пропустить.“

И все-таки, нынче сгорить — завтра опять накрываетъ домъ тою же сухой соломЕННОЮ шапкою, опять втискиваетъ его между бревенъ и соломъ, хотя есть очень заботливые законы о разселеніи послѣ пожаровъ, хотя глина для крыши тутъ же во рву.

Отчего все это? причина одна: невѣжество не въ силахъ вкоренить въ себѣ полезныхъ привычекъ, хотя и можетъ иногда понимать ихъ пользу.

Прежде всего, невѣжество не умѣетъ отнестись къ общему дѣлу какъ къ своему, видѣтъ связь своихъ интересовъ съ чужими интересами. Этимъ невѣжествомъ нерѣдко страдаютъ и высшіе классы общества, неимѣющіе правильнаго гражданскаго воспитанія, замѣняющіе внутреннюю воспитанность духа лоскомъ внѣшняго образованія. Исторія не дала нашему русскому простолюдину здороваго гражданскаго воспитанія и въ то же время лишила его образовательныхъ преимуществъ другихъ классовъ. Оттого общій грѣхъ нашъ отразился на немъ вдвойнѣ. Ожидать другаго результата, зная исторію нашего народа, было бы странно. Итакъ, мы утверждаемъ, что включеніе въ составъ общины элемента образованнаго, соединеніе въ одной группѣ мужиковъ съ бариномъ, не только не повредило-бы интересамъ крестьянъ, но въ большинствѣ случаевъ могло бы принести имъ положительную выгоду, ослабляя противодѣйствіе невѣжества итрамъ общей крестьянской пользы. Мы не касаемся въ настоящемъ случаѣ самаго способа осуществленія этой всесословной группы и вообще никакихъ практическихъ подробностей, а только

разсматриваемъ общее значеніе всесословности для первичныхъ ступеней общественной жизни.

Мы думаемъ, что предоставленіе нашимъ крестьянамъ права вѣдать свои дѣла какъ они сами знаютъ, есть одинъ изъ видовъ той опасной системы *laissez faire, laissez passer*, которая привела западные общества къ ихъ теперешнему роковому положенію на вулканѣ пролетариата. Право вѣдать самимъ свои дѣла—высокое и полезное само по себѣ—въ примѣненіи къ милліонамъ невѣждъ, воспитанныхъ въ вѣковой школѣ притѣсненій и беззаконія, можетъ легко превратиться въ совершенное безправіе. Мнимая самостоятельность крестьянской общины у насъ повсюду оказывается ничѣмъ инымъ, какъ самолюбіемъ старшины или писаря; а деспотизмъ невѣжды надъ равными ему самый тяжелый изъ всѣхъ деспотизмовъ. Г. Кошелевъ опасается, чтобы помѣщики, вторгшись въ составъ волостного управленія, не направили бы интересовъ общины къ своей частной или словесной выгодѣ. Но почему не опасается онъ зла, гораздо болѣе близкаго и гораздо болѣе несомнѣннаго, зла, которое существуетъ повсюду у насъ на глазахъ?

Кромѣ немногихъ исключеній, наши теперешніе мировые посредники стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ волостныхъ и сельскихъ общинъ, такъ что полновластными хозяевами ихъ является волостной старшина съ писаремъ. Необразованный человѣкъ, добравшійся до власти и неимѣющій надъ собою дѣйствительнаго контроля, не можетъ найти въ себѣ достаточно нравственной силы, чтобы преслѣдовать какія-нибудь иные цѣли, кромѣ грубокорыстныхъ. Онъ правъ уже потому, что привыкъ видѣть самого себя игрушкою корысти и произвола другихъ, власть имѣвшихъ; изъ своего житейскаго опыта онъ не вывелъ о свойствѣ власти ничего другого заключенія кромѣ того, что она сильна и выгодна. Онъ повиновался и терпѣлъ въ роли подчиненнаго, онъ заставляетъ другихъ повиноваться и терпѣть, въ роли власти. Долгія платежи красенъ. Да притомъ нужно еще хорошенько выкинуть, чѣмъ собственно можетъ быть особенно опасенъ въ составѣ общины господскій элементъ? Размѣры гражданскихъ правъ общины никакимъ образомъ не могутъ зависѣть отъ произвола того или другого элемента ея. Слѣдовательно, остается мѣсто только для одного злоупотребленія. Но какъ ни слабо развитіе гражданского чувства въ нашемъ образованномъ классѣ, все-таки и логика, и опытъ должны убѣдить насъ, что возможность примитивныхъ злоупотребленій гораздо менѣе вѣроятна со стороны людей этого класса, чѣмъ со стороны начальника-мужика. Предположимъ, напр., вліятельнаго помѣщика въ роли представителя мѣстной общины: старшиною, головою, попечителемъ. По своему матеріальному и об-

дественному положенію, онъ, конечно, будетъ лишенъ всякаго повода тѣснить мужика изъ-за полтинника или изъ-за $\frac{1}{2}$ штофа водки, у него не будетъ кумовства, ни соперничества, ни зависти, ни старой вражды къ людямъ, стоящимъ совершенно на другомъ уровнѣ. Ему естественно быть и безпристрастнымъ, и обходительнымъ и внимательнымъ къ нуждамъ своихъ общинниковъ. Люди подобнаго положенія очень цѣнятъ свою репутацію въ околотѣ, свое значеніе и вліяніе и не захотятъ ихъ потерять безъ нужды. Въ то же время, именно вслѣдствіе ихъ большого значенія, имъ легче будетъ водворять въ жизни общины лучшіе порядки. Если поводомъ къ этимъ заботамъ будетъ въ большинствѣ случаевъ одно самолюбіе и даже хвастовство, все-таки это лучше, чѣмъ безприсыпный сонъ нашей теперешней общинной жизни. По извѣстной нашей всероссійской слабости можно, конечно, ожидать, что старшина-баринъ не захочетъ утруждать себя бременемъ мелочныхъ и ежеминутныхъ дѣлъ, а сдать его, по обычаю, на попеченіе какаго-нибудь писаря. Но допустивъ даже это, мы остаемся при томъ мнѣніи, что контроль и руководство надъ писаремъ лица авторитетнаго и образованнаго будетъ все-таки значительно выгоднѣе для крестьянъ, чѣмъ стачка съ этимъ писаремъ безграмотнаго старшины. Надежнѣйшимъ судьей при рѣшеніи этого вопроса должны считаться сами крестьяне. Побесѣдуйте съ ними о „*экономномъ судѣ*“ и волостныхъ порядкахъ. Какъ ни матерли имъ горь другіе суды и начальства, однако, они рады обратиться куда угодно, лишь бы отдѣлаться отъ своего мужицкаго правосудія. „У насъ ужъ извѣстно какіе порядки, жалуется мужикъ или баба; сегодня тебя обопьютъ, ты правъ, а завтра имъ новаго поднесутъ, ты виноватъ сталъ“. — А ты бы жаловался посреднику. — „Гдѣ, батюшка, намъ до посредника, мы не знаемъ хоренію гдѣ онъ и находится. 30 верстъ пройдемъ туда, да 30 верстъ назадъ, тебя даже до хоромъ не допустятъ, въ шеню гонать. У насъ старшина царь. Самъ говоритъ: кто на меня посреднику жалуется, тотъ у него первый виноватый“. — Понимю, я какъ-то разговорился съ однимъ умнымъ старикомъ объ ихъ мірскихъ порядкахъ. „Насъ нонче отдали волостнымъ на сѣденіе, сѣтовалъ старикъ, теперь всѣ дѣла у нихъ, что раздѣлы, что рекрутство; Иванъ Сысонецъ (старшина), даромъ что мужикъ, 160 десятинъ купилъ; у тебя экономія-то, кажется, слава Богу, а ему она не нужна, онъ безъ нея получше твою оброкъ собираетъ. Его какъ борева по слободѣ водятъ, изъ кабака въ кабаки, изъ трактира въ трактиры. Онъ-то еще въ Покровскомъ *перушки осушилъ*, а сюда къ намъ *докладываютъ* принесть. Какіе нонче порядки?! Недоволенъ волостнымъ судомъ, подавай, говорятъ, въ мировой сѣздъ, а изъ мирового сѣзда все-таки въ волостной сходъ обращаютъ, хоть и въ

иной; въ волостномъ судѣ извѣстно какъ судать. Развѣ тамъ същень порядокъ? Да и какое это начальство, коли старшина къ начальнику съ рукою лѣзетъ? руку ему подаетъ? Начальникъ можетъ двадцать пять тысячъ на своемъ образованіи имѣть, имѣть чинъ себѣ, дворянство, и съ мужикомъ-хрякомъ *обращается*. Вотъ былъ у насъ окружной Лужашевичъ, изъ военныхъ. У того была суковатая палка толще твоей руки. Возьметъ и поидетъ по кабакамъ. Головъ, писарей этихъ какъ свиней билъ, до смерти; ваше мѣсто, говорить, въ волости, а не въ кабаѣ. Не давали мнѣ билета: недоинка, говорить, за тобою; а за мною все исправно. Жалуюсь окружному, дакъ мнѣ записочку; а они все свое говорятъ: давай рубль. Опять иду къ нему. Взялъ это палку свою, въ волость. Ты, говорить, голова, уже *больше меня сталъ*? Да какъ зачалъ ихъ всѣхъ возить, всю горницу подмелъ, затаскалъ хуже онучей; самъ-то запыхался весь, сѣлъ на стулъ, не отдышется: „уморили, говорить, вы меня подлецы“. Вотъ это былъ начальникъ“. Я нарочно привелъ въ подлинникъ этотъ характерный рассказъ деревенскаго политика, привелъ какъ типическій образецъ убѣжденій, обще-распространенныхъ въ нашемъ народѣ. Все наше громадное крестьянское большинство смотритъ такъ на свои мірскія учрежденія, на обязанности начальства. Грозное и грубое начальство не только ни малѣйшимъ образомъ не возмущаетъ нашего мужика, но напротивъ того, одно только и оправдывается въ его убѣжденіи; кроткихъ и вялыхъ мужикъ положительно презираетъ, словно не признаетъ за ними силы настоять на своемъ, подчинить одной своей волѣ разнородныя чужія воли. Но это въ сторону. Я хотѣлъ только доказать, что внимательство господъ въ исключительныя дѣла крестьянъ ничуть не противорѣчитъ убѣжденію и желаніямъ самихъ крестьянъ, что внимательство это сами крестьяне во всякомъ случаѣ считаютъ гораздо для себя полезнѣе, чѣмъ такъ-называемое самоуправленіе, т.-е. самоуправство волостныхъ. Взглядъ этотъ, конечно, основанъ прежде всего на опытѣ; но и помимо опыта, крестьянинъ вообще склоненъ имѣть болѣе довѣрія и уваженія къ благородному, чѣмъ къ своему брату. Глубоко ошибаются тѣ мало-наблюдающіе люди, которые рассматриваютъ наше крестьянское сословіе, какъ исполненное какого-то хроническаго антагонизма къ дворянству, жаждущее низвергнуть его монополіи и водворить при первой возможности царство демократіи. Такія представленія взяты не изъ жизни, а изъ книгъ; плоды не наблюденія, а фантазіи. Для такихъ книжныхъ людей всѣ народы, всѣ эпохи исторіи одинаковы. Въ 1789 году, представители третьяго сословія во Франціи были проникнуты сознаниемъ своей силы и своего униженія; поэтому они бурнымъ напоромъ сломали преграды монополій, мѣшавшія ихъ есте-

свѣнному росту и потопили въ морѣ демократіи дворянъ и духовныхъ. Но третье сословіе Франціи было сословіе богатыхъ, образованныхъ и предприимчивыхъ людей, которые дѣйствительно стояли и должны были стать по праву во главѣ французской націи. Это былъ тотъ именно классъ общества, который совмѣщалъ въ себѣ науку и промышленность; который первый доработался своимъ мозгомъ до понятій о болѣе справедливомъ и болѣе выгодномъ общественномъ устройствѣ и первый выработалъ въ себѣ способность воспользоваться этимъ новымъ порядкомъ. Предполагать подобное отсутствіе политическаго суевѣрія, подобный рационализмъ убѣжденій въ массѣ нашего темнаго трудящагося люда, разумѣется, нелѣпо; слѣдовательно, нелѣпо и предполагать въ немъ какіе-либо теоретическіе замыслы на переизмѣну общественнаго строя своей земли. Напротивъ того, какъ мы уже не разъ говорили, нашъ простой человѣкъ самый ревностный приверженецъ существующаго порядка. Онъ всосалъ въ себя лучше насъ разныя житейскія суевѣрія. Можетъ быть, никто изъ насъ не цѣнитъ такъ высоко дворянской крови, какъ цѣнитъ ее мужики. Они имѣютъ въ этомъ отношеніи чуть не браминскій взглядъ. Имъ кажется, что съ начала міра, по крайней мѣрѣ, со всемірнаго потона, пошли дворяне, крестьяне, купцы, попы, цари. „Отъ Хама—нашъ братъ хамъ“ скажетъ вамъ всякій старикъ. Безъ этихъ сословныхъ раздѣленій. вѣнчать какъ природа, мужикъ не въ состояніи себѣ мыслить міръ. Царь царствуетъ, господа распоряжаются, попы молятся, купцы торгуютъ, солдаты воюютъ, мужики работаютъ. Этотъ дѣтски-простой, строго опредѣленный библейскій распорядокъ приходится какъ разъ по плечу безхитростному разуму, еще не вѣдающему критики и сомнѣній. Дѣти тоже усваиваютъ себѣ съ удивительною легкостью представленіе такого соціальнаго устройства. Точно также, идея объ антропоморфическомъ божествѣ, творцѣ и хозяинѣ міра, легче воспринимается понятіемъ ребенка и простолюдина, чѣмъ другіе, болѣе отвлеченныя представленія божества.

Я всегда замѣчалъ, что мужикъ считаетъ дворянство преимущественно природнымъ, недостижимымъ никакимъ другимъ путемъ кромѣ кровнаго. Дворянинъ по чину у него все еще не дворянинъ. Онъ у него всю жизнь будетъ „майоръ“, или „Иванъ Васильичъ“, но не будетъ „баринъ“. Онъ относится съ значительною долей презрѣнія къ простой женщинѣ, попавшей въ барыни, и во всякомъ случаѣ считаетъ ей ея происхожденіе гораздо позже, чѣмъ всѣ мы. Онъ не только не радуется, что его братъ-мужикъ достигъ равенства съ господами, но словно чувствуетъ себя положительно оскорбленнымъ тѣмъ, что мужикъ, подобный ему, вдругъ получаетъ право считать себя какъ баринъ. Одинъ мальчочекъ обижался при мнѣ на

распоряженіе станового: „Ну хоть бы и вѣстолицій баринъ былъ, жаловался онъ мнѣ; а то нашего же ханскаго помета; отецъ былъ лапотникъ, да и самъ-то еще борону водилъ. Онъ этого и не забывай. Что ему чинъ-то отъ царя даденъ, такъ это и я свое сына въ науку произведу, такой же будетъ. Все та же мужицкая кровь останется, какъ и у нашего брата“. — „Привалъ это меня къ себѣ Иванъ Александровичъ, рассказывалъ другой мужичокъ, желавшій мнѣ выставить глубокое паденіе одного разорившагося сосѣда: садись, говорить, выпей со мною! Мнѣ то... Что-жъ я тебѣ скажу — оранъ меня беретъ; думаю, онъ ли это сидитъ передо мною, Иванъ Александровичъ, или не онъ. Добро бы не зналъ каковъ таковъ господинъ былъ, какихъ родовъ, а то вѣдь самъ знаешь... Вотъ притча!.. И ноги не садятся... До чего, подумаешь, вода доводить?“...

Насъ здѣсь могутъ остановить и сказать: вы доказываете пользу извѣстнаго порядка тѣмъ, что порядокъ этотъ во вкусу и невѣжественной массѣ, незнакомой съ инымъ порядкомъ; такое доказательство, скажутъ намъ, ни для кого неубѣдительно. Но мы опираемся на взглядъ самого народа не въ видѣ конечнаго довода, а только для устраненія нѣкоторыхъ возраженій, мы хотимъ доказать этими ссылками только два положенія: одно, что теперешнее самоуправленіе народа пустое имя, подъ которымъ скрывается грубый произволъ немногихъ лицъ; другое, что народъ, по убѣжденіямъ и по опыту своему, считаетъ внимательство господъ въ свои дѣла естественнымъ и желаннымъ.

Эти два довода сами по себѣ достаточно вѣски въ общемъ рѣшеніи вопроса. Но и помимо ихъ, со всѣхъ другихъ точекъ зрѣнія, онъ долженъ рѣшиться, по нашему мнѣнію, въ пользу всесословности.

Государство возникло съ тѣмъ, чтобы воспитывать народъ въ гражданской и политической жизни. Слѣдовательно, педагогическая роль государства не можетъ быть отнята у него безъ разрушенія самой идеи государства.

Исторія показываетъ, что государство вездѣ пользовалось скорѣе съ излишествомъ, чѣмъ со скромностью, этимъ правомъ воспитанія общества; какъ оно воспитывало, хорошо или дурно, къ добру или ко вреду, это другой вопросъ. Между прочимъ и нашъ русскій мужикъ былъ воспитанъ извѣстнымъ образомъ: воспитанъ воеводами, яржками, подъячими, становыми, окружными, головами и писарями. Эта стадія его воспитанія закончилась. Ученикъ вышелъ въ учителя. Не всѣ остались этимъ довольны; нужно теперь продолжать путь. Мужики говорятъ: тебя научили ходить, ступай теперь самъ, совершай свои задатки. Но въ томъ-то и дѣло, что научили его многому скверному; что многихъ задатковъ, которыми его снабдили,

не слѣдовало бы не только совершенствоваться, но даже вовсе имѣть. Пустьли одного, онъ и старается воспроизвести образцы, единственно ему вѣдомыя; неберутъ въ старшину, онъ вспоминаетъ становаго, старается дѣйствовать такъ, какъ его старшій учитель.

Кого же ему вспомнить, когда не было другихъ учителей, другого примѣра; когда почти всѣ идеи и принципы, прикасавшіеся къ нему въ разное время его многолѣтковаго малолѣтства, были идеи и принципы противуположенныя, въ корень зараженные духомъ слѣплого и исключительнаго себялюбія. Бросать безъ помощи недоросля, испорченнаго долгимъ и систематическимъ воспитаніемъ, въ высшей степени безразсудно. Легко сказать: дѣлай какъ знаешь; самъ будешь виноватъ, если сдѣлаешь худо. Черезъ это вина все-таки не снимается съ истиннаго виновника, съ неразумнаго воспитателя, отказавшагося отъ своего призванія на половинѣ пути. Что-нибудь одно: или совсѣмъ не трогать, совсѣмъ не портить, или честно довести дѣло до конца. Послѣ періода чиновничьяго воспитанія, у насъ на Руси захотѣли попробовать общественнаго. Проба хотя робкая, колеблющаяся впередъ и назадъ, но все-таки сдѣлана. Явились комитеты по крестьянскому вопросу, губернскія присутствія, мирные посредники и сѣбды, земскія собранія и управы, присяжные суды, мировые судьи, училищные совѣты, попечительства и братства... Всадъ на первомъ планѣ выборъ общества, контроль общества.

Плохо принялись на нашей почвѣ, заболванной неразумнымъ хозяйствомъ, эти дорогія и полезныя растенія. Однако, принялись и стали жить. Какъ ни слабо до сихъ поръ ихъ дѣйствіе, какъ ни хлины ихъ формы, все-таки справедливость требуетъ сказать, что только въ этихъ новыхъ учрежденіяхъ явились новыя, дотошъ не вѣдомыя у насъ отношенія людей къ дѣлу и людямъ.

Все-таки элементы истинно-просвѣщенной общественной дѣятельности, проникнутой сознаніемъ нравственнаго долга, нравственнаго родства съ своими ближними, обнаружилась, наконецъ, на ряду съ безучастнымъ официальнымъ верчениемъ служебныхъ колесъ, безраздѣльно дарившимъ до того времени. Мировые посредники перваго выбора, при многихъ недостаткахъ своихъ, въ большинствѣ явились достойными проводниками идеи общественнаго возрожденія. Сами помѣщики, сами пострадавшіе, они сдѣлались, говоря вообще, добросовѣстными руководителями новорожденнаго сословія, возникшаго какъ бы изъ праха ихъ собственнаго благосостоянія; они стали его вождями, его учителями и при всей короткости своей дѣятельности, успѣли принести народу нѣкоторую пользу. Народъ имъ вѣрять, просилъ ихъ совѣта и защиты, и, что важнѣе, находилъ ихъ. Мировые судьи, конечно, тоже страдаютъ своимъ грѣхомъ, но во всякомъ случаѣ грѣхъ сослов-

наго пристрастія и своекористія не изъ нихъ числа. Все-таки въ мировомъ судѣ, при всей его вѣлости, затруднительности и безсиліи, — всегда виноватый бѣднѣе нашего, наконецъ, свое право и понять, что есть на свѣтѣ судъ, „у него же нѣтъ на лица зрѣніе“. Въ присяжномъ судѣ, въ земскомъ собраніи, мужикъ хотя и чувствовалъ свою нравственную зависимость отъ людей образованныхъ, поставленныхъ выше его въ общественной іерархіи, но не могъ однако не сознавать своего юридическаго равноправія съ нимъ, не могъ не видѣть, что его голосъ, его искреннее убѣжденіе являются важными орудіями общественной жизни, спасая невиннаго, осуждая преступника, избирая достойнаго, кто бы ни были эти люди: свой ли братъ мужикъ, знатный ли баринъ.

Въ новыхъ учрежденіяхъ оказался тотъ спасительный путь, которымъ необходимо нужно было идти для правильнаго воспитанія народа. Съ этого пути и не слѣдуетъ поворачивать. Правда, мы плетемся теперь по немъ медленно, безъ энергіи и успѣха. Въ этомъ виноваты одни мы, и мы одни обязаны измѣниться. Путь тутъ не виноватъ ни въ чемъ, и его нужно держаться крѣпче, чѣмъ когда-нибудь.

Въ чемъ же существенный характеръ этого пути? Въ томъ, что общество само ведетъ свои дѣла, не раздробляясь въ узкіе интересы отдѣльных сословій и партій, а взаимно другъ друга пополняя, воспитываясь въ сознаніи своей родственной связи, своего нравственнаго единства. Одни вносятъ въ общую складчину свое образованіе, свои теоретическія способности, свое знакомство съ иноземными порядками, свои привычки общечеловѣчія; другіе свое близкое знакомство съ фактами ежедневной жизни, свою практическую смѣлливость и силу терпѣнія. Одни увлекаются духомъ измѣненія и щедрости, другіе упрямо и скупно отстаиваютъ всякій заведенный порядокъ, всякую сколоченную полушку.

Если такой путь мы признаемъ необходимымъ для мирового суда, для земскихъ учреждений, то было бы глубокимъ нелогичностью лишать общеземскаго характера ту ступень народной жизни, въ которой коренится дѣйствительная сила всѣхъ другихъ нашихъ общественныхъ учреждений.

Судъ прежде всего начинается въ жизни общины и глубже захватываетъ ее. Земство безъ общины — словно дерево безъ корней. Община — не только цѣль его дѣятельности, но и главное, чуть не единственное средство; община платитъ, община копаешь, община возитъ, община же учится, болѣетъ, горитъ, голодаетъ. Если въ жизни этихъ общественныхъ атомовъ неурядица или мертвенный застой, то изъ чего же сложатся здоровыя формы высшаго обществен-

наго порядка? Если государство вообще признает необходимымъ и счастливѣйшимъ воспитывать народъ къ общественной жизни, то оно должно начинать это воспитаніе съ ранняго возраста. Воспитаніе — это рядъ постоянныхъ примѣровъ, приучающихъ воспитанника къ новымъ способамъ дѣйствій, къ новымъ взглядамъ на вещи. Какъ ни велики грѣхи нашего просвѣщеннаго класса, все-таки онъ одинъ обладаетъ въ извѣстной мѣрѣ этими новыми способами и взглядами; все-таки онъ одинъ хранитель всей нашей науки и всей нашей гражданственности, главнѣйшихъ воспитательныхъ элементовъ общества. Поэтому, устранять изъ жизни общины элементы просвѣщенія — значитъ осуждать общину на неподвижность, значитъ обезсмысливать народъ искусственнымъ раздвоеніемъ его, оставляя массы безъ свѣта, а интеллигенцію — безъ почвы. Въ чьихъ интересахъ подобный образъ дѣйствія? Система завоевателей — *divide et impera* — не имѣетъ смысла въ жизни естественнаго государства, гдѣ всѣ члены тѣла одного состава, всѣ связаны однимъ интересомъ. Во всякомъ случаѣ это система одной минуты, а не цѣлой жизни, система слѣпая, лишенная всякой будущности. Если община не сольется съ собою всѣхъ жителей данной мѣстности, какъ она сливается ихъ въ Англіи, Швейцаріи, Америкѣ, то у насъ будутъ рядомъ расти два народа (а можетъ быть три и больше), съ отдѣльными интересами, съ отдѣльными свойствами каждый. Ихъ общность въ высшихъ сферахъ жизни будетъ только кажущаяся, неискренняя и невозможная. Оставаясь въ сущности группами, нисколько неродственными, они будутъ невольно злоупотреблять общеземскими формами, которыя имъ дадутъ только удобный предлогъ къ столкновеніямъ и взаимной эксплуатаціи. Чувство солидарности и нравственнаго родства между различными общественными группами можетъ утвердиться только постояннымъ ихъ общеніемъ, постояннымъ сознаніемъ единства своихъ интересовъ. Для церкви, школы, общественной дороги, общественныхъ повинностей, общественной безопасности — вотъ ежедневные вопросы, сближающіе жителей одной мѣстности, дѣлающіе ихъ членами одной естественной группы. Какъ бы ни было различно личное положеніе каждаго изъ этихъ членовъ, всякій изъ нихъ, въ той роли, которая соответствуетъ его силамъ, является участникомъ общей жизни, защитникомъ общихъ интересовъ. При этомъ порядкѣ нѣтъ необходимости, чтобы баринъ былъ непременно руководящимъ элементомъ общины потому только, что онъ баринъ, т.-е., что онъ богатъ и вліятеленъ. Свободный выборъ своихъ представителей спасалъ бы общину отъ этой необходимости вездѣ, гдѣ она была бы нежелательна. Для общины достаточно одной возможности воспользоваться, содѣйствіемъ болѣе просвѣщенныхъ своихъ элементовъ вездѣ, гдѣ

она сама сознала бы выгоду этого. Во всякомъ случаѣ, участіе просвѣщенныхъ людей въ жизни общины, даже безъ официальной роли, было бы полезно уже тѣмъ, что внесло бы въ дѣло общины больше осторожности и чувства ответственности. Ни представители самой общины, ни общественные и правительственные органы, имѣющие къ ней отношеніе, не могли бы такъ безнаказанно и безцеремонно относиться къ интересамъ общины и отклонять ея дѣятельность отъ ея настоящаго призванія навязываніемъ несвойственныхъ ей обязанностей, какъ это случается теперь. При правильной постановкѣ общиннаго устройства, полиція перестала бы видѣть въ ней безотпорнаго исполнителя всѣхъ ея приказаній, альфу и омегу всѣхъ тягостей, оброзовъ и повинностей, лежащихъ на цѣломъ народѣ. Кругъ обязанностей общины опредѣлился бы тогда съ такою же точностью, какъ и кругъ ея правъ. Въ настоящее же время нѣтъ ничего неопредѣленнѣе этихъ обязанностей. Община собираетъ и доставляетъ статистическія свѣдѣнія для всѣхъ и всякаго; община моститъ и гатитъ по приказу всякаго; община представляетъ изъ себя военную команду для всяческаго усмиренія, отысканія, изловленія; община перевозитъ всѣхъ и всякаго на своихъ лошадяхъ и телегахъ; община поитъ, кормитъ и даетъ пріютъ всѣмъ, кому прикажутъ; общину гонять въ чужія поля и лѣса для измѣреній и освидѣтельствваній; община отвѣчаетъ за все, что случится въ окрестной мѣстности, стоитъ карауломъ надъ арестованными, убитыми, замерзшими, утонувшими и въ страдную пору, и въ зимнія вьюги; община ставитъ рекрутовъ; община сажаетъ деревья по дорогамъ. Словомъ, легче перечислить чего община не обязана дѣлать, чѣмъ то, къ чему она обязана. Всякій согласится, что при иномъ составѣ общины многія тягости, теперь на ней лежащія, можно было отодвигать въ инныя сферы, болѣе подходящія, и удручающая энциклопедичность ея обязанностей специализируется въ явную выгоду и ея самой, и цѣлаго общества. Итакъ, мы можемъ теперь выразить нашу мысль въ нѣсколькихъ краткихъ положеніяхъ:

- 1) Настоящая наша сельская община находится въ состояніи крайне неудовлетворительномъ и несочувственномъ для крестьянъ.
- 2) Крестьяне наши не только не избѣгаютъ участія господъ въ ихъ дѣлахъ, а положительно желаютъ его.
- 3) Участіе просвѣщенныхъ людей въ жизни общины одно только въ состояніи воспитательно подѣйствовать на эту жизнь и направить ее на настоящій путь.
- 4) Сословный характеръ общины ускорить въ народѣ духъ раздвоенія и отчужденности, и будетъ въ противорѣчій съ другими важными учрежденіями новыхъ реформъ, земствомъ, мировымъ судомъ и пр.

II.

Итакъ, насъ нисколько не страшитъ вссословная волюсть. Если и явятся затрудненія при ея осуществленіи на практикѣ, если осуществленіе это, быть можетъ, потребуетъ измѣненія нѣкоторыхъ другихъ учреждений мѣстнаго управленія, то эти затрудненія, во всякомъ случаѣ, не такого характера, чтобы могли остановить самое исполненіе. Насъ страшитъ совершенно другое и гораздо болѣе серьезное. Вссословная волюсть была бы не первымъ опытомъ нашихъ стремленій къ возрожденію; но судьба всѣхъ прежнихъ опытовъ нашихъ заставляетъ сильно призадуматься человѣка, котораго сердцу близки интересы своего народа. Во всѣхъ нашихъ опытахъ социальныхъ реформъ мы обрисовались теперь слишкомъ отчетливо, чтобы можно было идти на встрѣчу новымъ попыткамъ съ радостнымъ и самоувереннымъ духомъ.

Исторія нашей цивилизаціи доказываетъ особенно ясно, что самыя лучшія учрежденія сами по себѣ еще не достигаютъ цѣли, если не опираются на силу общественнаго воспитанія. Воспитаніе я разую тутъ въ широкомъ смыслѣ, не въ тѣсномъ значеніи школьнаго вліянія. Какія бы реформы ни производились, какія бы комбинаціи ни придумывались, всѣ онѣ должны оказаться несостоятельными въ рукахъ, неумѣющихъ ими пользоваться. Конечно, умѣнье это не приобрѣтается сразу, а воспитывается временемъ и упражненіемъ, какъ всѣ способности вообще; слѣдовательно, неудача нашихъ первыхъ опытовъ должна, повидимому, казаться намъ весьма естественною, неимѣющею зловѣщаго смысла. Мы сами далеки отъ мысли, будто рокъ нашего общества — вѣчная неудача. Но мы далеки также и оттого, чтобы утѣшаться жалкими результатами, которые мы приобрѣли отъ нашихъ величайшихъ общественныхъ реформъ; мы проникнуты убѣжденіемъ, что, помимо ошибокъ, свойственныхъ всякому начинанію вообще, на судьбу этихъ начинаній чрезвычайно вредно повліяли коренные недостатки нашего общественнаго организма. Мы убѣждены поэтому, что безъ настойчивой борьбы противъ этихъ органическихъ недостатковъ нашего общества невозможно рассчитывать на счастливую развязку какого-либо важнаго общественнаго вопроса. Сущность нашей общественной болѣзни можно выразить коротко и ясно: *мы не имѣемъ гражданскаго духа*. Въ нашемъ многомилліонномъ отечествѣ много умныхъ, дѣльныхъ, талантливыхъ людей; еще болѣе людей ловкихъ, умѣющихъ искусно устраивать свои личные и семейные интересы. Но *гражданъ у насъ нѣтъ*; въ этомъ нѣтъ тяжкій грѣхъ. Заботливаго хозяина, предприимчиваго купца,

чиновнаго капиталиста — нетрудно встрѣтить у насъ. Въ этомъ отношеніи русскій человѣкъ не дремлетъ и способенъ иногда, безъ особеннаго риска, соперничать съ европейцемъ. Не много требуется духовныхъ силъ, чтобы удовлетворить чувству себялюбія. Личности тоже настойчиво и неутомимо тащутъ въ свою нору то, что ей нужно. Но изъ такого матеріала не построишь крѣпкаго общественнаго тѣла. Личный интересъ, понимаемый узко, никогда не въ состояніи послужить связующимъ цементомъ. „Моя изба съ краю — ничего не знаю“ — вотъ искренняя гражданская философія русскаго человѣка вообще. Эта философія обращаетъ общество въ безчисленное множество отдѣльныхъ себялюбивыхъ мірековъ, изъ силъ и единства дѣлаетъ безконечную расшатанность и рыхлость. Россія уже не разъ въ теченіе своей исторіи расплачивалась сторицею за этотъ зоологическій принципъ, недостойный человѣчества. Удѣльная рознь, татарщина, смуты XVII столѣтія — все кровавыя дѣти этого принципа. Эти историческія бѣдствія постигли нашъ народъ именно за его привычку, при всякой опасности, „брести врозь“, вмѣсто мужественной и дружной борьбы противъ нея. Подъ впечатлѣніемъ этихъ гибельныхъ событій, народъ, глубоко потрясенный своими несчастіями, невольно воскрешалъ въ себѣ чувство братскаго единенія и съ помощью его не только успѣвалъ отстаивать самостоятельность, но и каждый разъ еще все сильнѣе упрочивалъ свое политическое единство. Этого сознанія своего единства достало народу на то, чтобы сомкнуться вокругъ единаго верховнаго вождя, которому онъ вѣрилъ свои общественныя судьбы. Но сознанія этого не хватило на то, чтобы видѣть свой собственный интересъ въ каждомъ ежедневномъ дѣйствіи каждой общественной стихіи. Уповавъ на власть, руководимую его государственною жизнью, народъ безъ вниманія и интереса отвесилъ къ окружающимъ его явленіямъ общественной жизни, которыя, несмотря на кажущуюся мелочность свою, въ сущности были для него важнѣе многихъ крупныхъ фактовъ политической жизни. Народъ погрязъ въ подробностяхъ личной жизни, забывъ, что она не можетъ быть изъята изъ-подъ вліянія общественныхъ условий, и понесъ за это забвеніе тяжкое наказаніе. Онъ очутился вдругъ бѣднымъ и неумѣльнымъ среди другихъ народовъ, у которыхъ онъ увидѣлъ просвѣщеніе и благосостояніе. Тогда грѣхъ народа, грѣхъ его исторіи, вдругъ сдѣлался очевиденъ до осязательности, какъ нагота Адама послѣ его паденія. Всѣмъ стало ясно, что нужно искать немедленнаго спасенія, выхода; что нужно усиленно наверстывать упущенное, догонять тѣхъ, отъ кого далеко отстали. Библическая вѣра въ „мѣдную змѣю“ не исчезла до сихъ поръ. Поставили, какъ во времена Моисея, мѣдныхъ змѣевъ, и мы, глядя на нихъ

съ убѣжденіемъ, что одинъ взглядъ на змѣя — спасетъ насъ отъ грозящихъ бѣдъ. Освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, земство — все это были наши „*мѣдныя змѣи*“. Предполагали, что черезъ нихъ спасеніе придетъ само собою, безъ всякаго труда и борьбы съ нашей стороны; что свободный крестьянинъ самъ собою сдѣлается такимъ же образованнымъ, какъ американецъ Массачусетса, что земство сразу откроетъ намъ непочатый сокровища, что неправда сама покинетъ страну, гдѣ возсіяло солнце гласнаго суда. Но на дѣлѣ было, конечно, не то; и много не могло выйти, потому что въ народномъ организмѣ сидѣлъ глубоко старый грѣхъ. Самая главная и самая ранняя реформа прошла счастливѣе всѣхъ: потрясеніе народнаго сознанія было еще тогда свѣжо и сильно, и возбужденный общественный духъ работалъ съ необычнымъ ему порывомъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ реформы принимались холоднѣе и вялѣе и выливались практикою въ формы, все ближе походившія на старые образцы. Можно даже сказать, что новыя учрежденія стали во многихъ отношеніяхъ опаснѣе старыхъ. Старыя были рассчитаны на несовершенство своихъ органовъ и ограждены цѣлою системою недовѣрія. Новыя были, напротивъ того, рассчитаны на гораздо болѣе самостоятельную, гораздо болѣе просвѣщенную и гораздо болѣе добросовѣстную дѣятельность своихъ органовъ. Органы эти становились, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, на недостигаемой высотѣ и, въ случаѣ злоупотребленнаго или невѣжественнаго характера своей дѣятельности, являлись положительною опасностью для общества. Съ одной стороны, законодатель предполагалъ среду, способную къ внимательному наблюденію за своими общими интересами и имѣющую неострашное мнѣніе на отдѣльные органы общественной жизни. Въ этой средѣ онъ видѣлъ самый естественный регуляторъ всѣхъ возможныхъ на практикѣ отклоненій этихъ органовъ отъ пути, начертаннаго закономъ. Съ другой стороны, въ самыхъ органахъ этихъ законодатель предполагалъ, какъ неперемѣнное условіе, тонко развитое чувство нравственной отвѣтственности и горячій интересъ къ дѣлу, имъ вѣному.

Избирательное начало, положенное въ основу новыхъ учреждений, казалось обезпечивало за органами общественной дѣятельности именно такой характеръ, такъ какъ безъ подобнаго характера ихъ новое новое учрежденіе не могло достигнуть своей цѣли. Эти предложенія законодателя встрѣтили на дѣлѣ элементы, которые не входили въ его расчетъ. Безучастіе къ общественнымъ дѣламъ оказалось повальное. Пословица: *«общее дѣло — ничье дѣло»*, осуществилось повсюду. Извращеніе на практикѣ мысли законодателя, злоупотребленнаго или безсознательное, не встрѣчало отпора въ обще-

ственной средѣ. Общество, непривыкшее руководить своими дѣлами, потеряло внутреннее сознаніе своего права судить дѣйствія своихъ агентовъ, контролировать и направлять ихъ, хотя законъ и давалъ ему въ руки это право. Не вѣря въ свое право требовать отвѣтственности отъ другихъ, мы точно также потеряли и чувство собственной отвѣтственности; оттого общественными дѣлами, общественными средствами у насъ до сихъ поръ управляютъ съ несмѣнной безцеремонностью и небрежностью. Группы и отдѣльныя лица, стоящія на болѣе просвѣщенной точкѣ зрѣнія, скупаясь внести въ веденіе общественныхъ дѣлъ болѣе строгую отвѣтственность и отчетность, обыкновенно исчезаютъ въ громадномъ большинствѣ людей, усвоившихъ себѣ нѣкая привычка. Въ этомъ главная причина неудачи нашего земства, мировыхъ судовъ, крестьянскаго самоуправления и пр.

Человѣку, незнакому съ провинціею, трудно повѣрить, до какой степени пренебрегаютъ исполненіемъ своихъ обязанностей главнѣйшіе члены этихъ учреждений. Громадное большинство мировыхъ судей производятъ разбирательства разъ или два въ недѣлю, а иногда и цѣлыя недѣли оставляютъ безъ разбирательства, черезъ что дѣла часто залеживаются у нихъ по нѣскольку мѣсяцевъ безъ всякой причины. Мировые посредники во многихъ уѣздахъ по 3 и по 4 мѣсяца не составляютъ сѣздовъ, внося несмѣнную медленность въ движеніи крестьянскихъ дѣлъ; члены и председатели земскихъ управъ живутъ по деревнямъ, изрѣдка собираясь поболтать въ присутствіи, предоставляя теченіе земскихъ дѣлъ своимъ канцеляріямъ, и совершенно не зная дѣйствительнаго состоянія земскихъ интересовъ въ уѣздѣ. Общество все это знаетъ отлично и обо всемъ этомъ сплетничаетъ до-сыта. Но потребовать отчета въ такихъ дѣйствіяхъ — никто не осмѣливается, не считаетъ возможнымъ, да, признаться, никто и не желаетъ; не желаетъ главнымъ образомъ потому, что въ глубинѣ души чувствуетъ свою солидарность съ виновниками, знаетъ хорошо, что онъ самъ дѣйствовалъ бы также, если бы былъ на ихъ мѣстѣ. Оттого не рѣдкость встрѣтить, что по нѣскольку лѣтъ сряду въ одномъ и томъ же уѣздѣ, на одну и ту же должность выбираютъ огромнымъ большинствомъ одно и то же лицо, про котораго нерадѣіе всѣ постоянно толкуютъ. И если вы возмущаетесь этимъ съ перваго взгляда, то, немного подумавъ, сообразивъ качества другихъ, могущихъ быть выбранными, сами согласитесь, что, пожалуй, иначе и поступить нельзя, потому что и всякій другой будетъ дѣйствовать почти также или еще хуже. Мы нѣсколько разъ случалось участвовать въ земскихъ собраніяхъ при обсужденіи разныхъ неправильностей и злоупотребленій въ распо-

расчетъ земскими деньгами; постоянно эти обсуждения кончались оправдательными приговорами, иногда самого наивнаго характера.

Такъ, напр., одно очень цѣнное шоссе было снесено веселымъ водомъ вслѣдствіе очевиднаго пренебреженія своей обязанности земскою управою. Избрана была коммиссія, которая должна была рѣшить: кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ, управа ли, строитель шоссе, или подрядчикъ, взявшійся исправлять его; собраніе рѣшило, вопреки мнѣнію коммиссіи, что „никто не виноватъ“, вѣроятно, слѣдуя принципу М-ше Staël: „tout comprendre—c'est tout pardonner“, ¹⁾ и отвѣтило еще нѣсколько тысячъ земскихъ денегъ на устройство новаго шоссе.

Виноватыми, стало быть, оказались, какъ всегда, плательщики земскаго налога. Нѣкоторые оптимисты судятъ объ общемъ ходѣ нашихъ земскихъ учреждений по просвѣщенной дѣятельности нѣкоторыхъ передовыхъ земствъ. Но такихъ очень немного сравнительно съ массою уѣздныхъ земствъ, пребывающихъ въ лѣни и неподвижности. Если бы какой-нибудь досужій наблюдатель захотѣлъ изслѣдовать на мѣстѣ истинное состояніе земскихъ дѣлъ, онъ бы былъ пораженъ ихъ застоємъ и безпорядочностью; онъ бы убѣдился, что цѣлыя трети дѣтъ часто проходятъ безъ слѣда и плода, оплачивая дорого стоящій и ничего недѣлающій персоналъ; что верѣдко земскія управы не имѣютъ вѣрныхъ свѣдѣній ни о количествѣ земли въ уѣздѣ, ни вообще о хозяйственномъ состояніи его, и ограничиваютъ всю свою дѣятельность отпискою по текущимъ бумагамъ и исполненіемъ обязательныхъ расходовъ. Уѣзды, въ которыхъ еще не думали заводить сельскихъ школъ, не новость у насъ. Уѣзды, въ которыхъ съ помощью сосредоточенія мѣстной власти въ рукахъ одного лица многія земскія повинности отбываются одними крестьянами—также не рѣдкость. Земскія деньги идутъ тамъ обыкновенно на различныя почетныя стипендіи, на пособія разнымъ лицамъ, почитаемымъ нуждающимся въ пособіи изъ тощей мужицкой кошны, на крупныя жалованья, на гимназій мужскія и женскія, недоступныя крестьянскому плательщику, иногда на гарантію бесполезныхъ желѣзныхъ дорогъ, а между тѣмъ крестьяне отправляютъ натурою подводную, постоянную и дорожную повинность, и могутъ, если хотѣть, на свой же счетъ заводить для себя школы. Въ такихъ уѣздахъ земскія учрежденія должны представляться нашему мужичку весьма мудреною выдумкою. А кто виноватъ во всемъ этомъ? Разсуждается, не законодатель, не учрежденія:—виновата кругомъ нравственная вялость общества, не выработавшаго для себя строгихъ

¹⁾ Кто все понимаетъ—тотъ прощаетъ все.

правиль дѣйствія и твердаго убѣжденія, общества, не смѣющаго предъявлять своихъ требованій къ органамъ, имъ же назначеннымъ, и отъ него зависящимъ. Приказчики и слуги общества—вслѣдствіе такой нравственной дряблости его—становятся его безконтрольными распорядителями и вслѣдствіе этого пожимаютъ его интересами.

Такой порядокъ дѣла дѣлаетъ для насъ невыгодными самыя плодотворныя реформы. Земство ложится новымъ тяжкимъ налогомъ, новый гражданскій судъ становится еще болѣе сложнымъ и болѣе недоступнымъ, чѣмъ старыи, подавляя небогатаго человѣка разорительною практикою адвокатовъ и нотаріусовъ, черезъ сѣть которыхъ не долѣзешь до суда. Безспорныя, вовсе не-тяжелыя дѣла, какъ утвержденіе въ правахъ наслѣдства послѣ родного отца, продажа и купля ничтожныхъ по цѣнѣ имуществъ, все это сдѣлалось предметомъ таковой эксплуатаціи со стороны адвокатуры и нотаріата, что бѣдному человѣку всего выгоднѣе бросать подобныя дѣла, не начиная. Что прежде, въ царство узданныхъ судовъ и взятокъ, стоило 5 руб., то теперь, при нотаріусахъ, адвокатахъ и гласномъ судѣ, стоить 500 рублей! Казалось бы обществу естественно требовать, чтобы за всѣ его траты на блестящую обстановку суда, на роскошное обезпеченіе со стороны общества множества новыхъ должностей, на почетъ съ его стороны этимъ должностямъ—новый судъ во всѣхъ своихъ органахъ—главныхъ и второстепенныхъ,—сталъ его дѣлательнымъ и внимательнымъ слугою, а не бралъ на себя роли какого-то олимпійскаго ареопага, недоступнаго будничнымъ интересамъ смертныхъ, преклоняющихся предъ его величіемъ. Но общество опять не смѣетъ и не умѣетъ требовать, общество и здѣсь по старой привычкѣ само наровитъ своихъ слугъ обратить себѣ въ господъ, считая себя въ ихъ полной власти, а не ихъ въ своей. Никакой Солонъ не въ состояніи придумать такого законодательнаго механизма, который бы могъ дѣйствовать на благо общества безъ дѣятельнаго участія самого общества, который бы замѣнилъ зубчатымъ колесомъ или статью кодекса нравственную энергію живого человѣка. Пока мы не встанемъ всѣми нашими силами на борьбу противъ этой губящей насъ внутренней язвы—не только всесловная волюсть, но и тѣ общественныя учрежденія, которыми мы уже владемъ, будутъ приводить насъ къ одному отрицательному результату.

Спасеніе наше въ нашей собственной бодрости, въ оживленіи нашего духа. Слова поэта-философа: „Osez! Le progrès est à ce prix“¹⁾ неопровержимая истина. Но для поднятія нашего гражданскаго духа въ обществѣ необходимы необходимыя характеры. Узкая сфера личныхъ интере-

¹⁾ Дерзайте! прогрессъ добывается только этою цѣною.

совъ, въ какой мы жили такъ долго, и полное устраненіе наше отъ интересовъ высшаго порядка, т.-е. интересовъ общества и государ-ства, нисельчило и оношчило характеры.

Подумаешь, у насъ въ Россіи имѣнъ дѣло не съ характерами, не съ страстями живыхъ людей, а съ какими-то ватопными чуче-лами, которыхъ можно передвигать и сжимать безъ всякаго обрат-наго воедѣйствія съ ихъ стороны. Уиругости ни въ чемъ: ни въ напорѣ, ни въ отпорѣ. Правда, случается иногда, что чувствуется тяжесть, и что эта тяжесть даже раздавливаель, опрокидываель; но все-таки эта тяжесть бездѣйствующей массы, механическая тяжесть огромнаго валаго количества, а не энергическое напряженіе орга-лизма, исполненнаго жизненныхъ силъ. Этою особенностью нашихъ національныхъ свойствъ можно отчасти объяснить разницу исторіи Россіи съ исторіями западныхъ государствъ, въ родѣ Англіи, Швей-царіи и т. п. Можно бы сказать, что на историческомъ характерѣ нашего народа отразился во всей полнотѣ характеръ той рыцлей ночи, расплывающейся подъ дождемъ, трескающейся отъ солнца, застывающей отъ мороза, ночки, неизмѣющей опредѣленныхъ очер-таний въ протяженіи своемъ и опредѣленной формы въ отдѣльныхъ частяхъ, на которой издревле разсѣлось русское племя; точно такъ какъ каменные, строго очерченные утесы Швейцаріи, непод-дающиеся капризамъ стихій, выражаютъ нравственную стойкость и уиругость швейцарскаго горца, сдумѣващаго сдѣлаться свободнымъ и богатымъ вопреки всѣмъ пренатствіямъ своего историческаго и географическаго положенія.

У насъ нѣтъ характера—это приговоръ страшный, но не пре-реченный. Можно добыть все, можно все и скоро улучшить. Но легко ли добыть характеры, если ихъ нѣтъ въ народѣ? Тутъ самый запутанный *circulus viciesus*. Сама борьба добыванія уже требуетъ, чтобы характеры были на лицо, иначе мало шансовъ для борьбы. Англичане, швейцарцы, американцы, древніе римляне, всѣ они до-бывали себя постепенно силу, богатство, образованіе, но всѣ они на-чали историческую борьбу, обладая орудіемъ борьбы. Не умѣя под-писывать своего имени, бароны Англіи сдумѣли настоять на Великой Харти; не имѣя университетовъ и академій, пастухи съ озера 4-хъ кантоновъ сдумѣли утвердить у себя самоуправленіе и равенство; земледѣльцы Америки, задавленные такимъ же физическимъ тру-домъ, какъ и наши крестьяне, сдумѣли вести войну съ сильнѣйшею націею въ мірѣ и свергнуть съ себя господство этой націи. Римля-не завоевали половину Европы, будучи еще грубымъ неучемъ, почти невыхода еще изъ суровыхъ привычекъ жизни естественнаго

человѣка. У всѣхъ этихъ народовъ были характеры, и исторія сохранила намъ ихъ образцы.

Часто мы хвастаемся, что у насъ самыя коренныя реформы народной жизни проходятъ безъ борьбы, встрѣчаемыя единодушнымъ сочувствіемъ, и сопоставляемъ съ этими безкорыстными отношеніями своими къ общественному интересу ту шумную и отчаянную борьбу, какая подымается между партіями или сословіями въ Англіи, Франціи и др., по поводу самыхъ законныхъ и настоятельно необходимыхъ измѣненій общественнаго устройства. Мы охотно ссылаемся на безпощадную рабовладѣльческую войну просвѣщенныхъ американцевъ, на исторію англійскихъ хлѣбныхъ законовъ, ихъ избирательныхъ правъ, равноправности евреевъ и католиковъ и разныхъ другихъ социальныхъ вопросовъ англійской жизни. Тамъ мы видимъ передовыхъ мыслителей и политическихъ дѣятелей, упорно отстаивающихъ очевидную для всѣхъ неправду, между тѣмъ какъ мы, мнимые варвары, единодушно отказываемся отъ трехсотлѣтнихъ своихъ правъ, обезпеченныхъ закономъ и, не раздумывая, разрушаемъ собственными руками свое благосостояніе во имя святыхъ правъ человѣка. Въ женскомъ собраніи, на судѣ присяжныхъ, бывшій владѣлецъ спокойно садится рядомъ съ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ, между тѣмъ какъ давно ли утонченное дворянство передовой Франціи заставляло представителей третьяго сословія стоять безъ шапокъ и въ темномъ платьѣ въ своемъ блестящемъ присутствіи.

Англійская аристократія, играющая въ свободу съ народомъ, до сихъ поръ ревниво охраняетъ свои средневѣковыя права, обезземливъ крестьянина, закабалить работника. А мы съ восторгомъ шлемъ адрессы, когда оказывается надобность для блага страны расширить на наши привилегированныя сословія рекрутскую и податную повинность. Мы не поднимаемъ, какъ нѣкогда Гемптонъ, шума изъ-за 20-ти шиллинговъ налога не указанного въ законѣ, а при первомъ заявленіи намъ становымъ приставомъ окладного листа безропотно уплачиваемъ свои 10¹/₂ коп. съ десятины въ государственный поземельный оборъ.

Признаюсь, въ этихъ похвальбахъ я вижу весьма много страннаго. Совершенноя правда и большое счастье, что великія социальныя реформы нынѣшняго царствованія, сдѣлавшія изъ него величайшую историческую эпоху, проводятся у насъ почти безпрепятственно. Какъ горячіе приверженцы этихъ правительственныхъ реформъ, мы въ высшей степени довольны такимъ спокойнымъ теченіемъ дѣла, и желаемъ навсегда его продолженія. Но мы настаиваемъ, что наша добрая воля тутъ не при чемъ; что мы сами обрисовываемся въ исторіи этихъ реформъ далеко не въ лестномъ свѣтѣ.

Судьба этихъ реформъ доказала не наше сочувствіе къ нимъ, а наше совершенное сословное и общественное ничтожество. Мы всё ворчали, дулись, приходили въ малодушное отчаяніе и поминали сторонниковъ реформъ самою искреннею руганью. Вотъ какъ мы встрѣчали реформы за кулисами нашей жизни, въ ея халатной, т.-е. дѣйствительной, обстановкѣ. Но разъ доходило дѣло до мундирной стороны, разъ приходилось выступать на сцену, — халатное будироваіііе, чувствуя свое безсиліе, чувствуя всякое отсутствіе связи и системы между своими отдѣльными вслнпшками, неумѣяши заранѣе уяснить и оградить своихъ интересовъ общими усиліями всѣхъ къ нимъ причастныхъ, — кvasилосъ и лгало само на себя, поневолѣ притворяясь великодушнымъ и либеральнымъ. *Характеровъ не оказало*; стало быть, — неоткуда было взять смѣлости — объявить свою думу со всею откровенностью. У болѣе искреннихъ хватило, правда, духу въ сквонныхъ намекахъ высказать истинный взглядъ большинства. Такіе смѣльчаки сейчасъ же попали въ мѣстные герои, чуть не въ Гарибальди, и отворъ корпораціи посѣдѣвши ограничиться такою школьною бравадою, какъ вполне удовлетворяющею корпоративному самолюбію, въ границахъ благоразумія. Спрашивается, чѣмъ же похвалиться намъ? Развѣ реформы были совершены по нашему самостоятельному замыслу или проведены были нами съ борьбою черезъ всякія препятствія? Вся наша заслуга въ томъ, что мы во-время помии свое безсиліе и во-время смирились предъ необходимосью. Если бы было иначе, зачѣмъ намъ было ждать обязательныхъ распоряженій власти; зачѣмъ мы не пошли на встрѣчу гуманнымъ предложеніямъ правительства, и сами не навели его на тотъ плодотворный путь, которымъ идти теперь настоящее царствованіе? Неужели только назначеніе комиссіи о военной реформѣ вдругъ раскрыло намъ глаза на несправедливое распредѣленіе повинностей въ нашей общественной средѣ, а до того мы и не догадывались объ этомъ? Адрессы, посылавшіеся по этому случаю, были вполне умѣстны и вполне заслужены тѣми, кому принадлежалъ замыселъ. Но эти адреса — въ то же время приговоръ тѣмъ, кто посылалъ ихъ. Тутъ можно предположить или слѣготу — моль, мы не понимали до сихъ поръ всей несправедливости существующаго порядка — или неискренность — дѣтское желаніе притвориться, что я даю самъ, когда приходится отдавать.

Я не сочувствую отъ всей души партіямъ ультрамонтановъ, легитимистовъ, юнзеровъ, но я съ уваженіемъ смотрю на ихъ прочную организацію и на ихъ энергическую дѣятельность во время борьбы за свой принципъ. Съ такими партіями дѣйствительно нужно считаться, и ихъ вражда какъ ихъ союзъ, имѣютъ огромное значеніе въ

игръ общественныхъ стихій. Все практическое, все что хочетъ имѣть право на будущность, на побѣду, неминуюемо должно быть сплочено въ такой боевой порядокъ и проникнуто такою энергіею характера.

Иезуитизмъ — наслѣдственный и древній врагъ современной цивилизаціи — наглядно учитъ насъ, до какой странной силы можетъ достигнуть организація. Горсть людей, связанныхъ другъ съ другомъ въ крѣпкую и хорошо рассчитанную систему, оказалась способною ворочать по своему произволу судьбами цѣлыхъ обществъ и государствъ, какъ система умно сопоставленныхъ маленькихъ зубчатыхъ колесъ ворочаетъ огромными бездѣйствующими тяжестями. Что же намъ дѣлать, чтобы выйти изъ этого ложнаго круга, чтобы воспитать въ себѣ гражданскій духъ и способность сильной общественной организаціи, когда у насъ нѣтъ характеровъ, необходимыхъ для этого перевоспитанія?

Прежде всего, кажется, нужно глубокое сознаніе необходимости этого перевоспитанія самихъ себя, сознаніе, которое бы дало намъ силы страхнуть съ себя апатію и нравственную робость, одушевленіе бы насъ жаждою болѣе счастливаго и достойнаго жребія. Безъ такого внутренняго возбуждательнаго толчка не совершалась и не совершится ни одна глубокая реформа общественной жизни. Психическое возрожденіе необходимо должно сопутствовать возрожденію внѣшнихъ учреждений, и если оба эти возрожденія не идутъ рядомъ, то послѣднее всегда оказывается мертворожденнымъ. Въ этомъ-то и заключается истинный смыслъ мудраго евангельскаго изреченія: *не наливайте вина новою въ мѣхи старыя*. Минуты спасительнаго раскаянія и одушевленія бывають необходимы въ жизни народовъ, какъ они необходимы въ жизни отдѣльныхъ людей. Какъ Магдалина, народъ долженъ быть потрясенъ до соврѣнной глубины своего существованія, чтобы имѣть силу совершить поворотъ съ пути грѣха на путь правды. Наша Россія еще недавно пережила такую минуту душевнаго потрясенія послѣ Севастопольскаго погрома, и минута эта сдѣлалась для нея дѣйствительно спасительною, дѣйствительно дала ей силы совлечь съ себя ветхаго человѣка и смѣло ступить на новый путь. Но, къ сожалѣнію, эта минута одушевленія продолжалась не такъ долго, какъ было нужно, — и оттого результаты ея не соответствовали надеждамъ. Въ исторіи каждаго народа памятны эти великія минуты перерожденій. Пруссія испытала ее въ годину Іены, до-петровская Русь въ 1612 году. Итакъ, одно жгучее сознаніе опасности, по мнѣнію нашему, можетъ возбудить общество къ дѣйствительной работѣ надъ спасеніемъ своей собственной судьбы и обратить его энергію противъ главнѣйшихъ условій своего безсилія. Мы далеки отъ мысли анализировать въ близкой журнальной

стать такой трудный и сложный вопросъ, какъ причины безхарактерности нашего общества и бѣдности нашего гражданскаго духа. Но мы не можемъ не остановиться на одномъ явленіи, которое, по нашему мнѣнію, во всякомъ случаѣ имѣетъ важное значеніе въ этомъ вопросѣ.

Мы говоримъ о лживости нашего общественнаго воспитанія, объ отсутствіи среди насъ вѣры въ то, что сами мы дѣлаемъ и говоримъ, о нагѣренно-притворной постановкѣ нами многихъ существенныхъ вопросовъ общественной жизни. Лживость эта проявляется на каждомъ шагу, въ пустыхъ и въ серьезныхъ вещахъ. Но мы рѣдко останавливаемъ на ней свое вниманіе, рѣдко бываемъ способны отнестись объективно къ болѣзненной атмосферѣ, въ которой сами сидимъ.

Человѣкъ лжетъ и цѣлое общество лжетъ, воздавая почетъ и хвалу тѣмъ именно идеаламъ, въ которыхъ совершенное отрицаніе его собственнаго принципа дѣятельности. Общество, въ которомъ бы царилъ отервенный культъ корысти было бы почтеніе того, въ которомъ это царствованіе прикрывается дешевымъ благоговѣніемъ во всему противоположному. Въ жизни, напр., мы дѣйствительно благоговѣемъ только передъ „браками разумными“ (*mariage de raison*), то-есть браками, гдѣ капиталъ, выражаемый нашею дочерью или нашимъ сыномъ, помѣщается на выгодныхъ условіяхъ, съ дѣловой точки зрѣнія, безъ всякаго отношенія къ различнымъ идеологическимъ вопросамъ. Такой взглядъ можетъ имѣть свое дѣловое основаніе, убѣдительно для огромнаго большинства — и съ этой точки зрѣнія, его нечего и оспаривать. Но къ чему же мы, проповѣдующіе и практикующіе этотъ взглядъ съ самою почтенною настойчивостью, въ то же время играемъ и другую фальшивую игру; считаемъ, напр., нужнымъ восхищаться разными Юліями и Гретхенъ — въ операхъ, драмахъ и картинахъ; тратимъ значительныя деньги на то, чтобы и для дѣтей нашихъ не осталась необъясненною какая-нибудь подробность художественнаго и нравственнаго совершенства этихъ поэтическихъ образовъ, не только чуждыхъ, но прямо враждебныхъ нашей дѣйствительной жизни.

Мы тутъ понапрасну напускаемъ туману на своихъ юношей; эта безцѣльная ложь причинила уже много роковыхъ столкновений, разочарованій и жертвъ.

Строго говоря, все наше образованіе основано на подобной лжи. Съ дѣтства приучаютъ насъ восторгаться самостоятельною мудростью Сократа, смѣло отрицающею предразсудки вѣка, республиканскимъ герризмомъ грековъ и римлянъ, неподкупностью и простотою жизни разныхъ Аристидовъ, Катоновъ и Цинцинатовъ; приучаютъ для того, чтобы послѣ преслѣдовать въ насъ именно эти самые вкусы и указывать, какъ на идеалъ практической жизни, на тѣхъ именно, кто

наглѣе другихъ топчетъ въ грязь принципы образцовъ, навязанныхъ намъ школою.

Религія не составляетъ нисколько исключенія. Религія вездѣ представляетъ для подражанія образцы независимости духа, беззаветной правдивости, борьбы за идеалъ противъ рутины и невѣжества. Героями религіи не бываютъ человекоугодники, лѣстливые искатели выгодъ, фальшивые смиренники, напротивъ того, они всегда отличатели, страдальцы за правду. Поклоняясь ихъ памяти, чувствуя ихъ подвиги, мы опять глупо лжемъ, потому что въ сущности ненавидимъ ихъ принципы и осуждаемъ ихъ словомъ и дѣломъ. Если бы эти подвижники были нашими современниками, кѣтъ никакого сомнѣнія, что мы бы преслѣдовали ихъ какъ враговъ и окрестили бы ихъ какимъ-нибудь позорнымъ сектантскимъ именемъ.

Въ послѣднее время, напр., по примѣру Европы, мы стали болѣе охотники до юбилеевъ всякаго рода. Прославляютъ память чужихъ и своихъ, Шиллеровъ и Ломоносовыхъ, Петровъ и Гуссовъ. Тратятъ деньги, говорятъ рѣчи, ѣдятъ и пьютъ—и всякій увѣренъ, что совершаетъ жертву во имя цивилизаціи. Въ этихъ празднованіяхъ глубокой комизмъ. Шиллеръ, несмотря на его сентиментальность—поэтъ чисто-революціоннаго духа, пропитанный тѣмъ же вождѣльнѣмъ естественнаго общественнаго строя, какъ Руссо и его политическіе послѣдователи 93 года.

Гуссъ—глава еретиковъ, крамольникъ противъ церкви и государства, удостоенный всенароднаго сожженія. И вдругъ мы, общество трусливыхъ филистеровъ, боящееся малѣйшей зыби на поверхности нашихъ стоячихъ водъ,—ликуемъ по поводу такихъ героевъ прошлаго!

Также мало позволяемъ мы внѣдряться въ нашу дѣйствительную жизнь и религіи. Приличіе и благоразуміе требуютъ, чтобы мы посящали православную церковь, для назиданія нашимъ примѣромъ простого народа, дѣтей, подчиненныхъ, и вообще для охраненія спасительныхъ общественныхъ началъ. Мы продѣлываемъ, правда, съ умѣренностью, всѣ требуемыя процедуры и считаемъ, что съ выходомъ изъ церкви исполнили всѣ обязанности православнаго; весь же ходъ нашей дѣйствительной жизни отъ начала до конца противорѣчитъ основнымъ требованіямъ той самой религіи, которой послѣдователями и поборниками мы себя считаемъ. То религія, а то жизнь; одно нужно въ церкви, другое для домашняго обихода.

Такая лживость весьма серьезная черта нашего современнаго образованія; ложь коренится не только въ нравственныхъ идеалахъ нашего образованія, но и въ чисто-умственныхъ элементахъ его. Мы знакомимъ своихъ дѣтей со всѣми выводами астрономіи, физической географіи, физики, химіи; хлопочемъ вскоренить въ нихъ разумъ безъ

ошибочные приемы строго научного мышления и рядомъ съ этимъ вдругъ требуютъ, чтобы они принимали на слѣпую вѣру такія ученія, которыя опровергають отъ А до Z всѣ выводы наукъ; малѣйшее дѣйствительное понозловеніе юности стать на ту точку зрѣнія, на которую мы такъ усиленно наталкиваемъ его, на точку зрѣнія безпристрастнаго изслѣдованія вопросовъ, наиболѣе интересующихъ человека, — встрѣчается нами какъ явленіе безнравственное, вредное, свидѣтельствующее о гибельномъ направленіи нашего юношества. Такимъ образомъ изъ школы можетъ устроиться систематическій очагъ лжи, которую нужно отбрасывать тотчасъ же по вступленіи въ дѣйствительную жизнь. Въ школѣ, или, говоря обширнѣе, въ теоріи, мы играемъ въ куклы. Мы притворяемся на нѣсколько часовъ вѣрующими, что деревянная лошадка бѣгаетъ, что оловянный солдатикъ стрѣляется, но, конечно, сами собою должны понять, что какъ скоро кончается игра, фантазію нужно прибрать къ мѣсту вмѣстѣ съ куклами.

Результатъ такого положенія дѣла очевиденъ. Когда одна половина жизни диаметрально противорѣчитъ другой, то это все равно, что расколоть жизнь человека пополамъ. Расколотую жизнь вы видите у насъ сплошь да рядомъ. Юность проходитъ въ томъ, чтобы подкапывать будущій фундаментъ зрѣлаго человека; зрѣлость наступаетъ для того, чтобы осмѣять и прировнять къ нулю всѣ помыслы, всю благородную борьбу юности за ея идеалъ. Когда человекъ убѣдится, что его надували въ теченіе лучшей половины его жизни, выдавая миражъ за дѣйствительность, онъ по-неволѣ извѣрится, станетъ скептикомъ по внутреннему убѣжденію, циникомъ въ практикѣ, а на словахъ — разумѣется — тѣмъ, что окажется нужнымъ по спросу дня. Мы получаемъ такой продуктъ, какой готовимъ: ни хуже, ни лучше; а между тѣмъ удивляемся и даже скорбимъ о нравственномъ безсиліи нашихъ общественныхъ стихій, словно мы вправѣ были ожидать отъ своихъ усилій чего-то совершенно иного? Мы устроили все дѣло общественнаго воспитанія такъ, чтобы лишить его практической силы, чтобы принципы этого воспитанія пребывали себѣ спойно и неизмѣнно въ институтскихъ тетрадкахъ или гимназическихъ учебникахъ, не касаясь дѣйствительной жизни, и ни къ чему не обязывая ее: вѣдь носить же въ институтахъ зеленые платья съ бѣлыми передниками, а въ гимназіяхъ курточки съ свѣтлыми пуговицами, и однако, по выходѣ изъ заведенія, никто не останется ни въ бѣломъ фартукѣ, ни въ гимназической курткѣ. Всякій возрастъ нѣшетъ свою одежду и — свои принципы.

Впрочемъ, я уже оговорился, что не въ одной школѣ, не для одного дѣтскаго возраста своего мы сохраняемъ принципы, которые

съ чьей-то легкой руки принято считать моральными. И въ зрѣлой жизни современнаго человѣка есть цѣлая сторона, которой представляется безпрепятственно пробавляться тѣми же идеями. Эта декоративная сторона жизни — существующая для гостиницъ, для газетъ, для общественнаго мнѣнія — заключаетъ въ себѣ наши отношенія къ разнымъ невиннымъ вещамъ, въ родѣ науки, литературы, религій, общественной пользы и т. п. Все, что мы говоримъ и дѣлаемъ по этому поводу, считается ничѣмъ не связаннымъ съ нашими остальными серьезными дѣйствіями. Это какъ-бы продолженіе нашего любезнаго дѣтства, добровольныя иллюзіи, которыми позволительно тѣшить себя послѣ суровыхъ трудовъ дѣйствительной жизни. Что общаго между ними и правилами нашей житейской мудрости?

Такимъ образомъ, жизнь нашего современнаго человѣка складывается изъ нѣсколькихъ, совершенно отдѣльныхъ элементовъ, неимѣющихъ между собою никакой солидарности; человѣкъ приучается проводить разные обряды и исповѣдывать различныя вѣрованія, не вѣря ни въ тѣ, ни въ другія, не затрачивая на нихъ малѣйшей доли искренности. Въ результатъ получается человѣкъ-машина, способный, пожалуй, ловко эксплуатировать свои ближайшіе интересы, но совершенно неспособный къ высшимъ формамъ общественной жизни. Общество, сплошь состоящее изъ такихъ людей, было бы осуждено на разложеніе; это уже былъ бы не цѣлый общественный организмъ, а скопленіе въ одной кучѣ множества эгоизмовъ. Внутри ихъ нѣтъ связи, нѣтъ общаго жизненнаго узла. Когда римляне, утонченно развитые, скептическіе, циническіе, ходили въ свои языческіе храмы поклоняться богамъ, въ которыхъ они давно не вѣрили, тогда цѣлое общество лгало передъ самимъ собою, и это общество было наказано своей гибелію. Наканунъ такой же катастрофы была недавно и Франція второй имперіи, со всею многостороннею ложью своего существованія.

Наблюдайте отдѣльнаго человѣка. Если онъ допускаетъ въ какой-нибудь сферѣ своей дѣятельности крупную ложь, то онъ напрасно льститъ себя надеждою воздержаться отъ лжи и въ другихъ сферахъ. Человѣку трудно бороться противъ собственнаго метода дѣйствій. Невозможно быть честнымъ на извѣстную пропорцію и безчестнымъ на остальную. Невозможно сегодня разрѣшить себѣ быть негодяемъ, а на завтра заказать себѣ геройскій подвигъ, какъ невозможно ожидать, чтобы краска, пущенная въ текущую воду, окрасила только одну струю. Вы еще властны воздержаться отъ извѣстныхъ поступковъ, но разъ вы допустили ихъ, они дѣлаются привычкою и овладѣваютъ вашею волею. Каждый, кто имѣетъ обычай дѣлать наблюденія надъ внутреннею жизнью людей, хорошо знаетъ,

какимъ жалкимъ бессиленъ разрѣшаются попытки нетвердаго духа служить разомъ Богу и мамоннѣ; это ослѣпленіе на счетъ своихъ собственныхъ силъ, это незнакомство съ психологіею нравственнаго чувства встрѣчается особенно часто въ нашемъ обществѣ. Только этою слѣнотой и можно себя объяснить существованіе столь распространеннаго у насъ взгляда на нравственный характеръ поступковъ, взгляда, по которому нехорошее дѣло, совершенное въ строгой тайнѣ и безъ прямого вреда для другого, — уже не считается безнравственнымъ. А между тѣмъ ясно, что поступить безнравственно — это все равно, что въ сферѣ физической жизни принять внутрь ядовитое вещество. Знаетъ ли кто объ этомъ, или нѣтъ — разницы быть не можетъ; достаточно, что въ систему питанія введена разрушительная примѣсь. Эта примѣсь можетъ не оказать сразу убійственнаго дѣйствія, ее можно, пожалуй, принять и нѣсколько разъ съ каждаго безнаказанностью, но никто не будетъ сомнѣваться, что извѣстная сумма вреда произведена въ организмѣ, и что вопросъ только въ томъ, какъ велика должна быть эта сумма для рѣшительнаго обнаруженія своего характера. Когда бы въ обществѣ прочно утвердился такой взглядъ на психологическое вліяніе безнравственныхъ поступковъ, общественное воспитаніе, безъ сомнѣнія, много бы выиграло. Если же все сейчасъ сказанное справедливо по отношенію къ отдѣльному человѣку, то, конечно, оно не менѣе справедливо и по отношенію къ цѣлому обществу. Если двѣ-три крупныя стороны общественной жизни заражены, заражена вся жизнь. Если общество допускаетъ притворство и ложь въ одной сферѣ своей дѣятельности, оно невольно будетъ притворяться и лгать во всѣхъ сферахъ.

Мнѣ кажется, нашъ простой народъ въ этомъ отношеніи имѣетъ преимущество передъ нами, сословіемъ образованныхъ людей. Народъ имѣетъ много грубыхъ и ошибочныхъ теорій. Но всѣ эти теоріи онъ принимаетъ съ наивною искренностью дикаря. Для дѣтскаго и для зрѣлаго возраста, для дома и для площади — у него одни правила. Онъ бьетъ одинаково и сына и жену; онъ молится неонѣ съ тою же матеріальною вѣрою въ красномъ углу своей избы, какъ и передъ церковнымъ иконостасомъ. Вездѣ и во всѣхъ случаяхъ онъ послѣдователенъ самому себѣ, остается самимъ собою; въ немъ не отыщете двойственности, декоративныхъ разговоровъ, декоративныхъ поступковъ. Я думаю, что и нѣкоторые народы счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи; можно довольно вѣрно классифицировать живучесть различныхъ гражданскихъ обществъ по степени цѣльности характеровъ, ихъ составляющихъ.

Искренность и честная постановка воспитательнаго дѣла во всей ее совокупности — первое, необходимое условіе для нравственнаго

возрожденія народа. Общество въ этомъ дѣлѣ можетъ и должно сдѣлать болѣе, чѣмъ правительство, потому что общественное воспитаніе сильнѣе нивольнаго. У насъ было въ модѣ преслѣдовать и ненавидѣть какой-то нигилизмъ. Но врядъ ли кто изъ враговъ нигилизма даетъ себѣ ясный отчетъ, что такое этотъ нигилизмъ, столь его пугающій. Нигилисты—въ устахъ нашего общества—какіе-то необычайно растяжимое; нигилистами называютъ у насъ людей самыхъ разнообразныхъ и самыхъ неподходящихъ качествъ, начиная отъ господъ, ворующихъ платки изъ кармана, до всякаго мыслящаго человѣка, въ чемъ-нибудь несогласнаго съ господствующимъ предразсудкомъ. Мы, съ своей стороны, признаемъ существованіе у насъ нигилизма и нигилистовъ, и признаемъ къ тому же безвѣстный вредъ ихъ для нашего общества. Только мы находимъ нигилистовъ весьма часто въ рядахъ тѣхъ, кто, по великому заблужденію, считаетъ себя ихъ природными врагами. Нигилизмъ, по нашему мнѣнію, есть отсутствіе вѣры во что бы то ни было, отсутствіе всякаго авторитета, всякаго принципа дѣйствій. Таковъ нигилизмъ можетъ носить на себѣ всевозможные ярлыки, даже ярлыки религіозности, православія, консерватизма и т. п. успокоительныхъ началъ; можетъ также ридиться въ науку, либерализмъ, сочувствіе къ народу и т. п. Вездѣ онъ останется самымъ собою. Нигилизмъ—есть разнузданное себялюбіе, незнающее ничего, кромѣ своихъ собственныхъ цѣлей; онъ не уважаетъ ничего, ничего не защищаетъ, не приноситъ жертвы ничему тому, что не себялюбіе. *Джизное общественное воспитаніе служитъ естественнымъ и постояннымъ разсадникомъ нигилизма, потому что оно въ корнѣ подрываетъ авторитетъ истинны.* Отсутствіе въ обществѣ гражданского духа, о которомъ мы сейчасъ говорили, и наращій въ немъ культъ личныхъ выгодъ служатъ самою благодарною почвою для разростанія этого разрушительнаго направленія. Только общественная идея можетъ сопротивляться ему и побороть его. Поэтому нигилизмъ нужно преслѣдовать не въ книгахъ ученыхъ и философовъ, искренно добывающихся истины, по мѣрѣ своихъ силъ, а въ ненормальныхъ условіяхъ общественной жизни, убивающихъ служеніе идеѣ, замѣняющихъ интересы человѣчества интересами отдѣльныхъ лицъ. Если мы подавляемъ вѣточничество въ судахъ, произволъ въ администраціи,—мы утверждаемъ вѣру людей въ законъ, и этимъ восстановленіемъ авторитета побиваемъ нигилизмъ. Если лучшая часть общества, его таланты, его счастливыя, обращаютъ свои силы на пользу менѣе талантливыхъ и менѣе счастливыхъ—у людей является вѣра въ пользу этой лучшей половины своей; является новый авторитетъ—авторитетъ общественной заслуги, и нигилизмъ получаетъ новую смертельную рану въ этой по-

вой вѣры и этомъ новомъ авторитетѣ. Иностранцы изумляются, что такое старческое и антисоціальное направленіе, какъ нигилизмъ, распространяется съ необыкновенной силой въ такой дѣйствительно-мелодой странѣ, какъ Россія. Но что же это значитъ? это значитъ, другими словами, то же самое, что мы говорили въ настоящей статьѣ: въ нашемъ обществѣ нѣтъ гражданскаго духа, а наше общественное воспитаніе исполнено лжи. Это внутренняя органическая причина болѣзни, а нигилизмъ только тотъ паразитный грибокъ, который неизбежно появляется на гнилыхъ мѣстахъ организма, какъ признакъ разложенія и безсилія.

Воспитаніе народа совершается не въ одномъ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, не въ одной семьѣ или школѣ.

Поэтому и для возрожденія общества недостаточно сообщить истинный характеръ воспитанію въ тѣсномъ смыслѣ. Нужно, чтобы и школа взрослого человѣка измѣнилась въ томъ же духѣ. Гдѣ же эта школа? Въ судѣ, въ земствѣ, во всей мѣстной жизни общества. Необходимо, чтобы и эта школа была устроена на началахъ полной искренности. Недовѣріе—самый бесплодный воспитательный элементъ. Если признано необходимымъ вызвать самодѣятельность общества, возвысить въ немъ гражданскій духъ, создать независимые и крѣпкіе характеры—необходимо, чтобы это общество дѣйствительно работало самостоятельно, не для одного звука, не для одного вида. Необходимо строго ограничить предѣлы его дѣятельности, правъ и обязанностей; но въ этихъ предѣлахъ оно должно пользоваться полнымъ довѣріемъ и свободой. Оно въ состояніи выучиться самодѣятельности только путемъ свободного опыта, смѣлаго риска и неизбежныхъ ошибокъ. Опутанное же сѣтью подозрѣній и предостереженій, принужденное робко оглядываться по сторонамъ и спрашивать одобренія каждаго шага,—общество останется такимъ же безсильнымъ несовершеннолѣтнимъ младенцемъ, какимъ оно является теперь. Что-нибудь одно—или искренній опытъ общественной самодѣятельности, или строгая административная опека. Лучшее худшее, но послѣдовательное и смѣлое, чѣмъ лучшее, но безъ вѣры, безъ поддержки, подавляемое и задерживаемое на каждомъ шагу. Всякое неполное и связанное дѣйствіе лишается своего характера и силы. Ублюдки постоянно безъ плода. Нельзя въ одно и то же время идти впередъ и стоять на мѣстѣ. Нельзя безнаказанно дать законъ, рассчитанный на общую самодѣятельность, и установить для него практику, при которой общество должно бездѣйствовать. Должно сдѣлать разъ рѣшительный выборъ и уже затѣмъ оставаться вѣрнымъ своему рѣшенію. Общество, которое разсматривается государствомъ, какъ нечто постороннее, враждебное, чему нельзя довѣрить, затѣмъ надо

сторожить съ подозрѣніемъ и связывать всякое движеніе, такое общество никогда не выростетъ. Узурпаторы въ родѣ Наполеона вынуждены такъ поступать изъ чувства самосохраненія, и они не много скорбятъ о злѣ, которое причиняетъ ихъ система. Въ странахъ же, гдѣ положеніе законнаго правительства, опирающагося на любовь, убѣжденія и привычки народа, совершенно неизмѣнно, разумѣется, система недовѣрія не можетъ имѣть никакой цѣли.

Если въ обычное мирное время общество не имѣетъ возможности вести свои дѣла сообща, безъ стѣсненій, если жители не смѣютъ свободно собраться послушать или поговорить, не смѣютъ открыто выразить своихъ мнѣній путемъ печати и кафедръ, не смѣютъ своимъ собственнымъ починомъ учредить то, что считаютъ для себя полезнымъ — то странно разсчитывать, чтобы подобное общество могло обнаружить самостоятельную жизнь въ годину какой-нибудь великой народной нужды.

У насъ, по примѣру Европы, заводятъ и общество швейцарскаго креста и стрѣльбища для будущихъ вольныхъ стрѣлковъ; устраиваютъ различные комитеты попеченія, составляютъ адреса по разнымъ случаямъ. Но все это не что иное, какъ *игра въ общественную дѣятельность, а не истинная дѣятельность общества*. Во всемъ тутъ дѣйствуютъ почти исключительно чиновники; всякое начинаніе и всякая пропаганда идетъ по вѣдомствамъ и инстанціямъ при посредствѣ канцелярскихъ бумагъ за №-ми, прикомандировывается къ тому или другому департаменту и необходимо безъ орденовъ и наградъ. Для выставокъ, отчетовъ, проектовъ, списковъ, для представленія къ наградамъ, у насъ дѣйствительно и Америка, и Пруссія, и Швейцарія во-очію; а когда коснется до дѣла, до Севастополя, до польскаго возстанія, то канцелярское бумагомараніе и англоманскіе списки остаются сами по себѣ, а торькая дѣйствительность сразу спѣшитъ напомнить все что угодно, только не Пруссію, не Англію.

Я довольно долго жилъ во Франціи, всего за нѣсколько недѣль до вторженія пруссаковъ. По книгамъ и по собственному наблюденію, я уже былъ знакомъ съ причинами внутренняго зла, развѣдаваго страну; я относился весьма несочувственно къ тогдашнему общему строю французской жизни и хорошо сознавалъ разницу между дѣйствительно сильнымъ устройствомъ нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ обществъ и французскаго. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ я не могъ не поражаться, живя даже не въ городѣ, а въ деревнѣ, силою организаціи, дѣятельности, даже самостоятельности французскаго общества, сравнительно съ нашимъ. Таланты, образованіе, привычки и интересъ къ общественной дѣятельности, благоустройство и богатство, гордость и предприимчивость націи — все это не могло быть

сравниваемо съ нашею ракировою и соломенною Русью. И вдругъ— болѣе сильная общественная организація ворвалась во французскую и раздавила ее, несмотря на геройское сопротивленіе, несмотря на изумительную трату таланта и энергіи со стороны разгромленной Франціи. Меня ужаснуло это. Люди болгаринскаго патриотизма, забрасывающіе всѣхъ шапками, конечно, могли приписать паденіе Франціи обычному „мнѣнію Запада“, безнравственности „*нового Вавилона*“, „*идрѣ внутреннихъ раздоровъ*“, бушеванію социалистическихъ партій и т. п. Всего этого я не буду отрицать и не буду даже разбирать. Все это я даже допускаю. Но эти кривуны-шовинисты не хотятъ признать, что если ту же строгость анализа приложить къ нашему обществу, то оно, пожалуй, тоже обрисуетъ въ глазахъ посторонняго наблюдателя, какъ общество неучей, бѣдняковъ и лѣнтяевъ всѣхъ видовъ.

Что будетъ, думалось мнѣ, если организація, подобная прусской, ворвется въ наше общественное тѣло? Гдѣ мы отыщемъ элементы сопротивленія? Мы знаемъ, что одинъ иностранецъ, заѣхавъ въ нашъ глухой уѣздный городъ, въ состояніи эксплуатировать его, несмотря на самыя невыгодныя для чужеземца условія. Знаемъ, что нѣтъ такого нищаго, который бы, зайдя въ Россію, какъ говорится, съ кнутикомъ, черезъ годъ-два не сталъ бы у насъ въ какое-нибудь весьма выгодное положеніе. Развѣ разсчитывать на тѣ силы, которыя губили когда-то персидскихъ царей, заходившихъ въ Скию, на степи, пространство и время? Въ этомъ смыслѣ вполнѣ дикая Россія, Россія безъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, полная лѣсовъ и болотъ, пожалуй, была непобѣдимѣ. Но Россія съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, обезлѣсенная, населенная иностранцами—стала гораздо доступнѣе атакамъ цивилизаціи, чѣмъ даже она была въ 1812-мъ году. Современная военная наука дала средства наносить вѣрные, научно-разсчитанные удары и меньше зависѣть отъ расположенія враждебной страны. Теперь для борьбы съ наукою и общественною организаціею нужна такая же высшая наука, такая же строгая организація. Поэтому перерожденіе общественного строя есть для насъ вопросъ государственной безопасности, государственнаго могущества и славы. Перерожденіе это должно быть дѣйствительное, а не призрачное, потому что судьбу не обманешь фразою.

ЕВГ. МАРКОВЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое мая, 1873.

Новый вопросъ о раскольникахъ.—Судебные примѣры.—Необходимость закона о юридическомъ бракѣ.—Отношеніе церкви къ расколу.—Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1871 годъ.—Обращеніе и проповѣдь.—Духовныя училища и сборы.—Походъ въ Хиву и начало военныхъ дѣйствій.—Петербургское градоначальство.—Письмо гр. А. П. Шувалова въ редакцію.—«Впрочемъ».

Ежегодные отчеты по духовному вѣдомству всегда обращали на себя наше вниманіе, такъ какъ они касаются многихъ важныхъ сторонъ народной жизни. На этотъ разъ будетъ уместно заняться духовнымъ отчетомъ нѣсколько подробнѣе, потому что одна изъ затрогиваемыхъ имъ сторонъ жизни, а именно условія быта раскольниковъ, въ скоромъ времени будетъ затронута и самимъ законодательствомъ. Извѣстно, что на разсмотрѣніи государственнаго совѣта находится въ настоящее время проектъ нѣкоторыхъ измѣненій въ законодательствѣ о раскольникахъ. Проектъ этотъ выработала особая коммиссія, назначенная еще въ 1864 году. Съ тѣхъ поръ, т.-е. въ теченіи почти 9-ти лѣтъ, коммиссія могла собрать много данныхъ о современномъ состояніи раскола, и надо желать, чтобы данныя эти были обнародованы, такъ какъ дѣло представляетъ много важныхъ вопросовъ, доселѣ недостаточно выясненныхъ, несмотря на успѣхи новѣйшей литературы о расколѣ. Съ достовѣрностью неизвѣстна даже и приблизительная цифра раскольниковъ населенія. Обыкновенно ее принимаютъ въ 10—15 милліоновъ душъ; основываясь уже на одной этой цифрѣ, представляющей пятую часть, а пожалуй, и четверть всего великорусскаго населенія, должно признать огромную важность всякой законодательной мѣры, имѣющей въ виду бытъ раскольниковъ. Въ законодательствѣ нашемъ, какъ извѣстно, принципъ вѣротерпимости проведенъ доселѣ далеко еще не достаточно, и это яснѣе всего обнаруживается отношеніемъ законодательства къ расколу. За-

законъ раздѣляетъ секты на „болѣе вредныя“ и „менѣе вредныя“, то-есть прямо усматриваетъ въ каждомъ иновѣрцѣ русскаго происхожденія—правонарушителя. На такой, чисто-матеріальной точкѣ зрѣнія, въ настоящее время не стоитъ уже ни одно изъ законодательствъ существующихъ въ Европѣ. Но мало того, что удержаніе у насъ такой точки зрѣнія нарушаетъ принципъ вѣротерпимости по отношенію къ нашимъ протестантамъ, то-есть раскольникамъ; изъ него еще истекаютъ и гражданскія, бытовыя послѣдствія весьма прискорбнаго свойства для огромной части народа. Распределеніе сектъ на менѣе или болѣе вредныя предоставлено администраціи; такимъ образомъ, не законъ, а административное распоряженіе опредѣляетъ весь гражданскій бытъ массы людей, рѣшаетъ вопросъ, могутъ ли эти люди оставаться безнаказанными или должны подлежать преслѣдованію. Очень многія секты, какъ извѣстно, не признаютъ церковнаго брака, а такъ какъ законодательство безусловно стоитъ на церковной точкѣ зрѣнія, то отсюда происходитъ, что въ огромной массѣ людей, въ населеніяхъ цѣлыхъ мѣстностей, браки, не освященные въ православнои церкви, остаются непризнанными, остаются непризнанными и семьи и всѣ происходящія изъ нея родственныя связи и наследственныя права; короче—законъ, считая вѣдь себя все, что вѣдь церкви, ставитъ цѣлыя населенія въ положеніе живущихъ въ прелюбодѣяннѣи и незаконнорожденныхъ.

Нашъ законъ, какъ мы уже не разъ выясняли, и по отношенію къ признаваемымъ имъ иностраннымъ иновѣріямъ далеко не осуществляетъ принципа полной вѣротерпимости, которая есть не что иное, какъ свобода совѣсти, право всякаго гражданина свободно принимать и исповѣдывать ту или другую вѣру, если только она не соединена съ дѣйствіями, которыя подлежатъ общимъ уголовнымъ законамъ. Но все-таки, законъ выказываетъ болѣе терпимости къ иностраннымъ иновѣріямъ, чѣмъ къ тѣмъ, которыя возникли на русской почвѣ, среди русскаго народа. Такъ, законъ не видитъ правонарушителя ни въ католикѣ, ни въ протестантѣ, ни въ еврей, ни въ азычникѣ, если только они не были прежде православными. Но по отношенію къ иновѣрцамъ русскимъ, законъ все еще какъ-бы не можетъ забыть, что они когда-то отпали отъ православія, то-есть совершили правонарушеніе, и въ этомъ смыслѣ, конечно, продолжаетъ отрицать ихъ право, продолжаетъ видѣть въ нихъ не иновѣрцевъ, а именно раскольниковъ. Мы говоримъ, что законъ поступаетъ здѣсь логично: дѣло въ томъ именно, что законъ стоитъ на точкѣ зрѣнія чисто церковной; онъ не признаетъ права отпадать отъ православія, видѣть въ такомъ отпаденіи преступленіе и считаетъ русскихъ иновѣрцевъ отщепенцами, т.-е. правонарушителями. Для полнаго пре-

образованія нашего законодательства согласно съ тѣми рациональными основами, какія уже осуществлены во всѣхъ странахъ Европы безъ исключенія, необходимо совершенно устранить именно эту кривикальную точку зрѣнія, которая въ нашихъ законахъ еще осталась, перестать видѣть преступленіе въ отпаденіи отъ православія вообще, никого не преслѣдовать за вѣру, но преслѣдовать только за дѣйствія, подлежащія общимъ уголовнымъ законамъ. Тогда исчезаетъ нужда произвольно дѣлить секты на менѣе и болѣе вредныя; свои, душпыльщики и хлысты просто за свои дѣйствія будутъ подлежать суду, а расколъ невинный даже и безъ всякаго officialнаго признанія получитъ полную терпимость; для гражданскаго же полноправія его членовъ останется только ввести бракъ по юридическому обязательству, то-есть тотъ самый бракъ, который въ католическихъ странахъ существуетъ независимо отъ церковнаго, существуетъ и въ нѣкоторыхъ протестантскихъ странахъ, и предполагается во владенію, въ настоящее время, въ Пруссіи. У насъ установленіе этого обязательнаго для всѣхъ юридическаго брака необходимо, тѣмъ гдѣ-либо, потому именно, что у насъ существуютъ многочисленные виды раскола, а установленіе какой-либо формы „полицейскаго брака“ специально для раскольниковъ, у насъ не достигнетъ своей цѣли потому, что видовъ раскола слишкомъ много, и притомъ раскольники наименѣе расположены объявлять о себѣ именно полиціи — это, какъ жется, не подлежитъ сомнѣнію.

Что измѣненіе нынѣшняго законодательства по отношенію къ русскимъ иновѣрцамъ настоятельно нужно — это не требуетъ доказательствъ. Вспомнимъ, что доселѣ законъ даже и „менѣе вредный“ сектантовъ не преслѣдуетъ только тогда, если они ничѣмъ не обнаруживаютъ своей вѣры; но за пропаганду, за отправленіе богослуженія, за устройство или починку существующихъ молебенъ, законъ и нынѣ преслѣдуетъ всѣхъ раскольниковъ. И новымъ судамъ приходится примѣнять такой законъ, очевидно слишкомъ устарѣвшій по сравненію его со всѣмъ духомъ хотя бы самой судебной реформы. Для примѣра напомнимъ, что въ прошломъ году въ самарскомъ окружномъ судѣ и казанской судебной палатѣ разбиралось дѣло по обвиненію купца Севастьянова и мѣщанина Вавилина „въ обращеніи изъ въ раскольничью молебеню, съ устройствомъ въ ней алтара и престола“. Никакого иного преступленія тутъ не было; секта бѣглопоповцевъ, къ которой принадлежали обвиняемые, относится къ „менѣе вреднымъ“; богослуженіе совершалъ даже настоящій священникъ православный, и притомъ такой, который предварительно уволился изъ епархіи, а между тѣмъ былъ сочтенъ „бѣглымъ“ за то только, что совершалъ требы и богослуженіе у сектантовъ тайно. Но какъ же было

и совершать ихъ, если не тайно? Окружной судъ опредѣлилъ заключить въ тюрьму на два мѣсяца и Севастьянова, и священника Лебедева, а Вавилина арестовать при полиціи на три недѣли. Апелляціонную жалобу приносили только Севастьяновъ и Вавилинъ, и судебная палата, оправдавъ послѣдняго, оставила въ силѣ приговоръ о заключеніи Севастьянова. И такихъ дѣлъ можетъ возникать множество, потому что законъ настоящей терпимости не даетъ, а вся сущность терпимости заключается въ томъ, что администрація смотритъ, что называется „сквозъ пальцы“, на менѣ вредныхъ раскольниковъ. Но какая же это гарантія, и рационально ли, чтобы пятая часть русскаго народа жила единственно подъ такой гарантіею? Стоить только кому-нибудь донести — и дѣло начинается. Иногда сама администрація бываетъ поставлена въ невозможность придерживаться и той терпимости, какая существуетъ на практикѣ, именно тогда, когда дѣло возникаетъ по инициативѣ духовныхъ властей. Самарское дѣло возникло потому, что архіерей сообщил губернатору о совершеніи требъ у раскольниковъ священникомъ, который однако уже къ енархіи не принадлежалъ. Защитникъ обвиненныхъ не преминулъ сослаться на сознаніе самимъ правительствомъ принципа полной вѣротерпимости, на слова нашего канцлера, обращенныя къ протестантской депутаціи въ Фридрихсгафенѣ, что начала вѣротерпимости и свободы совѣсти составляютъ убѣжденіе самой верховной власти;—а между тѣмъ судъ, новый судъ, основанный на гуманныхъ началахъ, принужденъ былъ присудить нновѣрцевъ къ заключенію въ тюрьму. Весьма характеристичны были показанія, данныя во время слѣдствія въ судѣ профессорами семинаріи, призванными въ качествѣ свѣдущихъ лицъ. Протоіерей Халколинвановъ показалъ, что хотя бѣглопоповцы, какъ и другіе раскольники, разнятся съ православными въ обрядахъ, „но эти разности не повели бы бѣглопоповцевъ къ отпаденію отъ православія, *если бы они повиновались* православной іерархіи, какъ единовѣрцы; что послѣдніе, хотя въ обрядахъ также расходятся съ православными, но полное *повинованіе ихъ епископской власти* усвоило за ними собственное названіе единовѣрцевъ, сближающее ихъ съ православіемъ“. Другой профессоръ семинаріи, Гурьевъ, сказалъ тоже самое, именно, что обрядовыя разности не отдѣлили бы бѣглопоповцевъ отъ православія, если бы они не придавали имъ догматическаго значенія, но что *отвергая власть іерархіи*, они вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ подлинное значеніе таинства священства. Итакъ, въ чемъ же суть дѣла? Новый судъ, несмотря на всеобщее убѣжденіе въ необходимости вѣротерпимости, принужденъ, на основаніи закона, присуждать людей къ тюрьмѣ за то собственно, что они не повинуются епископской власти и совершаютъ богослуженіе по обра-

дамъ, которые у единовѣрцевъ допускаются, но потому, что единовѣрцы оказываютъ повиновеніе іерархіи. Возможно ли, чтобы въ настоящее время оставался въ силѣ законъ, который преслѣдуетъ такіа цѣли, не имѣющія ничего общаго съ обязанностями гражданскими?

Слишкомъ очевидно, что вообще всѣ тѣ изъ нашихъ законовъ, которые имѣютъ основу чисто-клерикальную, то-есть признаютъ особый родъ преступленій, преступленія противъ вѣры, какъ-то отпаденіе отъ православія и богохульство, были отиѣнены, какъ нераціональныя, подающія поводъ только къ произволу и притѣсненію, какъ устарѣвшія, какъ нигдѣ нынѣ въ Европѣ несуществующія. Богохульство также подаетъ поводъ къ уголовнымъ процессамъ въ новыхъ судахъ, и существующій законъ ставитъ суды въ необходимость наказывать такіа дѣянія, которыя обнаруживаютъ просто грубость или тотъ же расколъ, наказывать ихъ такою несоотвѣтствующею карой, какъ политическая смерть. Такъ, въ прошломъ ноябрѣ былъ здѣсь, въ Петербургѣ, случай осужденія окружнымъ судомъ крестьянина Калинина за „богохульство и оскорбленіе святыни“ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. И такихъ случаевъ будетъ еще немало, потому что судебныя учрежденія не имѣютъ права не примѣнять закона, пока онъ существуетъ, а иной составъ присяжныхъ скорѣе оправдываетъ сознавагося въ убійствѣ, чѣмъ обвиняемаго въ богохульствѣ. Здѣсь законодателью необходимо зайти далѣе массы народа, какъ то сдѣлалъ законодатель въ томъ случаѣ, когда исключилъ изъ общаго уголовного кодекса тѣлесное наказаніе, хотя оно исполнѣ соотвѣтствовало убѣжденію массы. Богохульство, повторяемъ, иногда бываетъ не что иное, какъ простое исповѣданіе раскола; достаточно доносчику подслушать сужденіе протестантовъ или нѣкоторыхъ русскихъ сектантовъ объ иконахъ—и „слово и дѣло“ богохульства будетъ на лицо.

Чрезвычайно-поучительное и по характеру своему вопіющее дѣло производилось въ прошломъ мартѣ, въ саратовскомъ окружномъ судѣ—дѣло о турецкомъ подданномъ Карауловѣ и мѣщанинѣ Діановой. Оба подсудимые 50-ти лѣтъ, жили себѣ тихо, вмѣстѣ съ малолѣтней дѣвочкой, дочерью Діановой, не дѣлая никому вреда. Вдругъ, квартирная хозяйка ихъ, надо полагать вслѣдствіе ссоры, какъ то обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, доноситъ полиціи, что они „ни съ кѣмъ не говорятъ и не исповѣдуютъ православной религіи“. Полиція дѣлаетъ допросъ, на которомъ допрашиваемые просто ничего не отвѣчаютъ. Тогда полицейскій чиновникъ доноситъ начальству, что „Карауловъ и Діанова занимаются приготовленіемъ фальшивыхъ билетовъ для бѣглыхъ солдатъ“, каковое обвиненіе оказалось неосновательнымъ. До сихъ поръ виновными ока-

зываются собственно сами доносчики, и любопытно бы знать, былъ ли полицейскій чиновникъ за свой ложный доносъ наказанъ съ вполне заслуженной строгостью? Но въ отчетѣ о дѣлѣ, который мы имѣемъ передъ глазами, о виновности доносчиковъ и слова нѣтъ. Тотъ же полицейскій чиновникъ, продолжая свое доносческое рвеніе, обвиняетъ Караулова и Діанову въ прелюбодѣліи—никакого иного повода притянуть ихъ къ суду, повидимому, не оказывалось. Полиція беретъ Караулова, Діанову и дочь ея подъ арестъ, потомъ переводитъ ихъ въ тюрьму, гдѣ они и остаются почти пять лѣтъ. Вотъ какія дѣла совершаются на Руси еще въ наше время! Во все это время заключенные молчатъ, и даже защитнику, являющемуся съ предложеніемъ услугъ, не отвѣчаютъ ничего, кромѣ ничего-незначущихъ словъ. Предстали, наконецъ, эти люди передъ судомъ, въ арестантскихъ халатахъ, Діанову при этомъ держали подъ руки. Въ чемъ же обвинялись эти люди передъ судомъ? Въ томъ, что, сидя пять лѣтъ безъ причины въ тюрьмѣ, они „изрѣдка богохульствовали“. Можетъ ли быть что-нибудь менѣе рациональное: держать людей даромъ пять лѣтъ въ тюрьмѣ и потомъ судить ихъ за то, что они ругаются! Обвиненіе выражалось такъ: что Карауловъ и Діанова, „условивъ себѣ вредный взглядъ на религію, отрицающій Бога, церковь и законныя власти, неоднократно, хотя и не въ многочисленномъ собраніи, но въ присутствіи свидѣтелей (т.-е. въ тюрьмѣ), держали порицать православную церковь, съ умысломъ произвести соблазнъ, т.-е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 178 ст. улож. о наказаніяхъ.“ Во время судебного разбирательства, подсудимые хранили молчаніе. На вопросъ предсѣдателя суда, зачѣмъ подсудимыхъ подвергли надзору, свидѣтель, помощникъ полицейскаго пристава Поповъ, отвѣчалъ весьма характеристично: „впредь до востребованія“, какъ будто дѣло идетъ о почтовомъ poste-restante. Вотъ краснорѣчивый отвѣтъ, который не мѣшаетъ вспоминать почаще, когда приходится говорить объ условіяхъ быта еще существующихъ у насъ для массы народа; неужели же всякъ можетъ быть посаженъ въ тюрьму просто „впредь до востребованія“? Впредь до востребованія держать въ тюрьмѣ пять лѣтъ семилѣтнюю дѣвочку! „Когда ихъ стали арестовывать“, объясняетъ тотъ же полицейскій чиновникъ, „они такъ сѣпились, что ихъ нельзя было разсѣпить“. Хороша была и рѣчь товарища прокурора: „Подсудимые, благодаря фанатизму, отрицаютъ религію, Бога и властей....“ Отрицать религію и Бога, *благодаря фанатизму*—это такое психологическое явленіе, которое было доселѣ неизвѣстно, и нынѣ извлечено изъ неизвѣстности единственно „благодаря“ пропущенности саратовскаго прокурора. Далѣе обвинитель счелъ необходимымъ признать, что „новѣйшая наука (?) и законодательство

отстояли свободу вѣроисповѣданія, религіозную терпимость, и нгдѣ (?) она такъ широко не примѣняется, какъ въ обширномъ нашемъ отечествѣ...“ Эти слова доказываютъ тотъ фактъ, что и у насъ въ настоящее время, хотя, быть можетъ, прокуроръ не откажется обвинять людей, выведенныхъ изъ себя преслѣдованіемъ за глупыя дерзости, какъ за тяжкое преступленіе, и хотя присяжные не признаютъ ихъ даже заслуживающими какого-либо снисхожденія, но что никто уже въ нашемъ обществѣ не рѣшится отвергать самый принципъ вѣротерпимости. Стало-быть, принципъ этотъ долженъ быть осуществленъ въ законѣ, и тогда лишится оружія та слѣпая ненависть, которая еще гнѣздится въ умахъ массы, несмотря на всѣмъ провозглашаемый принципъ вѣротерпимости. Но говорить, что уже теперь *нидѣ* свобода вѣроисповѣданія такъ широко не примѣняется, какъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ, и говорить это по дѣлу о богохульствѣ, съ цѣлью обвиненія такихъ людей, которые пять лѣтъ сидѣли въ тюрьмѣ просто за то, что ни съ кѣмъ говорить не хотѣли, — это такой перлъ юридическаго знанія и краснорѣчія, котораго мы, признаемся, не ожидали и изъ Саратова. Объясняя даѣе, что обвиненные принадлежатъ къ особой, новой сектѣ— „молчальниковъ“, товарищъ прокурора оговорился, что секта эта еще „непризнанная“ (то-есть неупоминаемая закономъ), и что сама консисторія не рѣшилась дать ей названіе, а потому онъ и не обвиняетъ подсудимыхъ „въ принадлежности къ этой сектѣ“. Спрашивается, въ такомъ случаѣ, какое же право имѣлъ представитель обвинительной власти относить подсудимыхъ къ сектѣ, неизвѣстной ни закону, ни консисторіи? И что это за новостъ объ обвиненіи въ „принадлежности“ къ сектѣ. Развѣ, по мнѣнію обвинителя, вѣротерпимость у насъ такъ широка, что люди еще могутъ быть судимы и за одну только вообще „принадлежность къ сектѣ“, если эта секта не отнесена прямо къ числу вредныхъ?

Присяжные вынесли отвѣтъ „да, виновенъ“ относительно обоихъ подсудимыхъ, безъ всякаго признанія снисхожденія. Вслѣдствіе того, два старика и малолѣтняя дѣвочка, которые были продержаны въ тюрьмѣ пять лѣтъ просто за то, что не хотѣли ни съ кѣмъ говорить, сосланы въ Сибирь на поселеніе, причеиъ, кроиъ дѣвочки, лишены всѣхъ правъ состоянія.

Принципъ человѣчности, справедливости, примѣръ всего образованнаго міра, убѣжденіе, заявленное самимъ правительствомъ, наконецъ—живые, вопіющіе примѣры, продолжающіе являться передъ нашими глазами, все убѣждаетъ, что обветшалые, клерикальные законы должны быть безотлагательно и безусловно исключены изъ нашего уголовного кодекса. Въ настоящее время вопросъ о правахъ рас-

кольниковъ возбужденъ въ законодательномъ порядкѣ и этимъ случаемъ необходимо воспользоваться, съ тѣмъ, чтобы исправить наше законодательство въ этомъ отношеніи *существеннымъ образомъ*, а не призрачными, маловажными измѣненіями. Если внесенный проектъ по содержанію своему недостаточенъ, если онъ ограничивается однимъ предоставленіемъ раскольникамъ заявлять о своихъ бракахъ полиціи, для приданія этимъ бракамъ законности и еще какими-нибудь мелкими облегченіями въ бытѣ сектъ терпимыхъ, то надо желать, чтобы проектъ былъ передѣланъ. Рѣшеніе отсрочится на время, но это все-таки будетъ лучше, чѣмъ упустить нынѣшній случай проведеніемъ полумѣры или „четверти мѣры“, потому что тогда существенное освобожденіе законодательства отъ устарѣвшихъ, клерикальных притязаній, было бы отложено на долгое время, и настолько же отсрочилось бы время нашего полного сближенія съ Европою, потому что, повторяемъ, именно эти обветшалые законы составляютъ въ настоящее время существенную, бросающуюся въ глаза черту, грань, отдѣляющую Россію отъ всего образованнаго міра. Настоящимъ случаемъ слѣдуетъ воспользоваться съ тѣмъ, чтобы устранить ее. Для этого въ новомъ законѣ должны быть проведены слѣдующія начала: отиѣна преступленій противъ вѣры вообще, какъ отдѣльнаго криминальнаго факта; наказуемость иновѣрцевъ, сектантовъ и всѣхъ гражданъ единственно за дѣйствія противъ государства, личности, собственности, нравственности и общественнаго порядка; установленіе брака юридическаго, заявленіемъ у нотариусовъ, мировыхъ судей и волостныхъ старшинъ, сверхъ вѣнчанія въ церкви и независимо отъ вѣнчанія. Подъ это общее опредѣленіе сами собой подойдутъ: устраненіе каръ за отпаденіе отъ христіанства и православія вообще, въ расколъ или иное иновѣріе и узаконеніе дѣтей раскольниковъ. Только при соблюденіи такихъ началъ законъ нашъ перестанетъ быть клерикальнымъ и получитъ общеевропейскій характеръ. Какъ, скажутъ, допустить, чтобы у насъ католицизмъ и протестантизмъ усилились еще русскими адептами? Но это возраженіе идетъ и противъ раціональности, и противъ государственной, практической пользы: во-первыхъ, государству вовсе нѣтъ дѣла до вѣроисповѣданія его гражданъ; во-вторыхъ, число отпаденій въ иностранныя иновѣрія будетъ, во всякомъ случаѣ, невелико, потому что массѣ народа останется чуждою мысль объ иностранномъ иновѣрїи; въ-третьихъ, какъ бы мало ни было число отпаденій, если они окажутся въ дѣйствительности, то съ государственной точки зрѣнія это можетъ обѣщать только пользу: дѣйствительное существованіе католиковъ и протестантовъ русской національности, русскаго происхожденія, одно только и дастъ возможность католикамъ литовско-

бѣлорусскаго края не считать себя и не быть признаваемыми обществомъ — поляками, а протестантской массѣ эстовъ и латышей остзейскаго края не считать себя и не быть почитаемыми за нѣмцевъ или чухонъ.

Отчетъ по духовному вѣдомству за 1871 годъ убѣждаетъ насъ, что само православное духовенство нынѣ уже убѣдилось, что единственное вѣрное средство для защиты и восстановления православія есть не свѣтская кара, но церковная пропаганда, проповѣдь, соборъ, сѣдованіе. Приводимъ слова отчета: „Благотворныя послѣдствія спасительнаго дѣйствованія церкви (посредствомъ увѣщанія и разъясненія) на расколъ выражаются не только въ присоединеніяхъ къ ней, совершающихся въ разныхъ епархіяхъ и въ средѣ разныхъ раскольническихъ толковъ, но еще болѣе въ ея просвѣтительномъ влияніи на самое настроеніе и современное положеніе раскола. Вліяніе это съ особенною ясностью обнаруживается въ томъ общемъ, почти повсемѣстномъ явленіи, что расколъ измѣняетъ свой вѣковой характеръ, выходитъ изъ своей замкнутости, слабѣетъ въ своемъ упорствѣ и фанатизмѣ, что раскольники начинаютъ менѣе враждебно и болѣе довѣрчиво относиться къ православнымъ и православному духовенству, что въ нихъ развивается и крѣпнѣетъ желаніе узнать истину“. Эти слова и факты, приводимые отчетомъ въ ихъ подкрѣпленіе, представляютъ драгоценное свидѣтельство съ самой компетентной стороны въ пользу полного проведенія начала вѣротерпимости. Всего какой-нибудь десятокъ лѣтъ, какъ прекратились дѣятельныя преслѣдованія раскола и одного этого человѣчнаго послабленія въ короткое время было уже достаточно, чтобы фанатики стали человѣчнѣе, чтобы явленіе *ошкоро* измѣнило свой характеръ. Въ дополненіе къ этимъ словамъ оберъ-прокурорскаго отчета, сошлемся еще на помѣщенную нами выше статью г. Троицкаго: „Новѣйшая полемика раскола“. Оставляя въ сторонѣ возраженія почтеннаго автора, какъ специалиста, мы не можемъ не замѣтить изъ приводимыхъ имъ новѣйшихъ доводовъ раскола, что прежній слѣпой фанатизмъ его и споры о перстосложеніи и трегубой аллилуйи замѣнились въ наше время болѣе понятными идеями: „ежели народъ—разсуждаетъ теперь расколъ—безъ епископа не составляетъ церкви, то и епископъ безъ народа тоже; государи, по духу и ученію апостольской церкви, суть приращенные представители народа въ дѣлахъ церкви, а слѣдовательно, и посредники между нимъ и архипастырствомъ, блюстители неприкосновенности чиновъ и уставовъ, обычаевъ и обрядовъ, противъ склонности архипастырства къ обрядоулучшеніямъ и самовластительству“. Въ этихъ словахъ мы уже видимъ не прежнее фанатическое ослѣпленіе и словесное препирательство, а простое анти-клерикальное направленіе мысли и

требованіе свободы для государства отъ церкви, протестъ противъ подчиненія государства церковной власти. Дѣйствительно, какъ справедливо говорить отчетъ, „фанатики стали человѣчнѣе“.

Общее число раскольниковъ, присоединившихся къ православію за 1871 годъ, составляло 2,608 человѣкъ, изъ нихъ 998 — на правахъ единовѣрія. Для сравненія приведемъ соотвѣтствующія цифры изъ отчета за 1870 годъ: 2,511 и 853. Изъ католичества обратилось въ православіе 2,615 человѣкъ, по отчету же за предшествующій годъ число такихъ обращеній было показано около 3,000. Сравненіе этихъ цифръ показываетъ, что онѣ не случайны; ими, какъ и иными данными общественной статистики, повидимому, управляютъ особые законы: со времени такъ-называемаго „послабленія“ расколу, цифры эти съ году на годъ мало измѣняются, и въ нихъ, очевидно, математически сказываются результаты дѣйствія опредѣленной силы среди опредѣленныхъ же обстоятельствъ. Казалось-бы, такое дѣло, какъ обращеніе, представляя въ жизни отдѣльнаго человѣка явленіе непредвидѣнное, случайное, всего менѣе могло бы подлежать дѣйствію законовъ, управляющихъ статистикою. А между тѣмъ, оказывается противоположное. Замѣчательно, что даже спеціальныя цифры обращеній по губерніямъ, — цифры, изъ которыхъ слагаются приведенные итоги, представляютъ съ году на годъ сходство, такъ что въ общихъ чертахъ цифра обращеній даже распределяется по мѣстностямъ одинаково. Менѣе удивительно, конечно, сходство числа построенныхъ вновь церквей: въ западномъ краѣ православныхъ церквей построено въ 1871 году 85, а въ 1870 году—83; здѣсь сходство объясняется тѣмъ, что матеріальныя средства не измѣнились. Протестантовъ обращено въ 1871 году 810, армянъ 1,534, евреевъ 544, магометанъ 1,655, язычниковъ 2,797. Итогъ всѣхъ принявшихъ православіе составилъ: 11,565 человѣкъ, и единовѣріе 998. Обращеніе магометанъ, какъ извѣстно, представляетъ большую трудность и не всегда бываетъ прочно; во всѣхъ отчетахъ показывалось значительное число отпаденій обращенныхъ мусульманъ; сложивъ цифры такихъ отпаденій только въ трехъ епархіяхъ: казанской, вятской и астраханской, мы получаемъ цифру 1,907; если сравнить ее съ итогомъ обращеній, то окажется, что общій результатъ пропаганды въ мусульманской средѣ за 1871 годъ былъ отрицательный, представивъ убыль, которая должна быть тѣмъ больше значительна, что цифры отпаденій магометанъ приведены въ отчетѣ только „замѣчательнѣйшія“, т.-е. не всѣ. Главные успѣхи по обращенію магометанъ были достигнуты, какъ и въ предшествующіе годы, въ Абхазіи.

Едва ли не еще важнѣе, чѣмъ самое обращеніе иновѣрцевъ, есть дѣло проповѣди среди массы православнаго народа. Бышее духов-

ное управленіе сознаетъ важность этого дѣла, какъ о томъ удостовѣряется въ отчетахъ. Но, къ сожалѣнію, не видно, чтобы въ этомъ отношеніи принимались какія-либо общія мѣры; отчеты говорятъ только объ увѣщаніяхъ и наставленіяхъ въ этомъ смыслѣ, съ какими мѣстныя духовныя начальства обращались къ духовенству, такъ что дѣло это, повидимому, считается подлежащимъ исключительно вниманію мѣстныхъ духовныхъ властей. Мѣстныя же власти, кромѣ увѣщаній, учреждаютъ еще особые цензурные комитеты въ уѣздныхъ городахъ для просмотра проповѣдей и для указанія проповѣдникамъ самыхъ предметовъ и даже способовъ поученій; сверхъ того, лучшія поученія печатаются въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, и доносится епархіальному начальству какъ объ усердныхъ проповѣдникахъ, для поощренія ихъ, такъ и о нерадивыхъ къ дѣлу проповѣдди, для взыскапія съ нихъ. Затѣмъ, успѣхъ всего дѣла отчетомъ возлагается на развитіе въ самомъ духовенствѣ усердія къ проповѣдямъ. „Съ развитіемъ въ духовенствѣ ревности къ дѣлу церковнаго проповѣдничества, — говоритъ отчетъ, — и самая проповѣдь получаетъ болѣе жизненное направленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе слушателей. Объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ преосвященные.“ Сознаніе высшимъ духовенствомъ и духовнымъ управленіемъ важности развитія этого дѣла и необходимости придать проповѣди, для ея успѣха, „болѣе жизненное направленіе“ — отъ радно, но нельзя не замѣтить, что тѣ мѣры, которыя для этого принимаются мѣстными властями, недостаточны по самому своему свойству, и что необходимы мѣры общія, болѣе практическія и широкія. Не умноженіемъ цензурныхъ комитетовъ, конечно, а совершенной отмѣною цензуры для устныхъ поученій можно и возбудить ревность самихъ проповѣдниковъ, и придать жизненность проповѣдямъ. Мы не говоримъ здѣсь о духовной цензурѣ печатныхъ произведеній; но въ самомъ ли дѣлѣ признается невозможнымъ обойтись безъ предварительной цензуры поученій, произносимыхъ устно? Неужели же священникамъ, окончившимъ курсъ семинарій, — не говоря уже о воспитанникахъ духовныхъ академій, — нельзя предоставить слова въ церкви безъ предварительнаго, неизбѣжно мертвящаго самое значеніе, просмотра? Вѣдь не подвергается же просмотру бесѣда священниковъ съ прихожанами при исповѣди, съ учениками при объясненіи догматовъ религіи, то-есть именно въ двухъ важнѣйшихъ отъ правленіяхъ наставнической миссіи пастырей. Неужели же нельзя положиться на нихъ и въ церковной, устной бесѣдѣ съ народомъ? Умышленнаго лжетолкованія, очевидно, и быть не можетъ; очевидно, цензура проповѣдей имѣетъ назначеніемъ только сглаживать какія-либо неточности въ выраженіяхъ, въ смыслѣ догматическомъ. Но

такъ ли важны могутъ быть подобныя неточности въ бесѣдахъ съ народомъ, совершенно неспособнымъ и уловить ихъ, — въ бесѣдахъ, которыя, вдобавокъ, никѣмъ не записываются, чтобы изъ опасенія возможности такихъ неточностей въ отдѣльных случаяхъ стѣснить все великое дѣло проповѣди, этой громадной силы, которую держится все протестантство, устранять цензурою самую охоту къ проповѣди въ священникахъ и тою же цензурою прямо убивать именно жизненность проповѣдническаго слова, то-есть то именно его качество, въ которомъ само духовное управленіе указываетъ высшее его достоинство и вѣрнѣйшій залогъ его успѣха? Впрочемъ, лучшее доказательство важности освобожденія церковнаго слова отъ цензуры имѣется на-лицо: это—успѣхъ простыхъ „внѣ-богослужебныхъ назначеній“, т. е. такихъ собраній, по воскресеньямъ и праздникамъ, которыя устраиваются священниками для объясненія молитвъ, богослуженія и для чтенія св. писанія съ толкованіями. Въ одной самарской епархіи такія бесѣды происходили за 1871 годъ въ 400 приходахъ, то-есть почти во всѣхъ приходахъ епархіи. Отчетъ свидѣтельствуешь, что со стороны священниковъ встрѣчается усердная готовность къ развитію такихъ бесѣдъ — и это понятно. Но на такія особыя собранія всегда, конечно, будетъ являться гораздо меньше народу, чѣмъ бываетъ при богослуженіи; вотъ почему эти бесѣды никакъ не могутъ замѣнить проповѣди. Но, спрашивается, какая же надобность стѣснять проповѣдь цензурою, когда религіозныя же собесѣдованія, по самой ихъ формѣ, цензурѣ подлежатъ не могутъ?

Освободить церковное слово отъ стѣсненія есть, очевидно, главное средство для успѣха проповѣди; при цензурѣ сколько-нибудь значительный успѣхъ рѣшительно невозможенъ. Затѣмъ, вмѣсто „поощренія и взысканія“ по усмотрѣнію начальствъ, казалось-бы раціональнымъ отдѣлить изъ богатаго бюджета духовнаго вѣдомства опредѣленную, значительную сумму прямо на вознагражденіе за проповѣди. Приходскихъ соборовъ и церквей во всей имперіи имѣется около 31,000. На милліонъ рублей можно бы выдать по 100 р. въ цѣлой трети приходовъ за постоянное говореніе проповѣдей. Не надо забывать, что, вѣдь, въ сущности изъ всѣхъ расходовъ духовнаго вѣдомства, какъ и изъ всей работы монашествующаго и блага духовенства, этотъ расходъ и эта именно работа наиболѣе могутъ быть оцѣнены съ мірской точки зрѣнія. А распредѣленіе бюджета, вопросъ о деньгахъ вообще, и могутъ быть разсматриваемы не иначе, какъ именно съ мірской точки зрѣнія, то-есть съ точки зрѣнія приносимой обществу пользы. Если бы прямо на проповѣдь издерживалось въ годъ не менѣе даже, чѣмъ на все содержаніе монастырей, то и это было бы совершенно раціонально. Священникъ, поучающій

народъ, имѣть право ожидать собѣ вознагражденія со стороны общества; отшельнику же, желающему жить въ религиозномъ созерцаніи, право требовать вознагражденія принадлежать не можетъ, и производительный расходъ на проповѣдь особенно необходимъ въ такой странѣ, гдѣ, при богатомъ духовномъ бюджетѣ, масса народа незнакома даже и съ первыми истинами религіи, принимая за религію одну обрядность, и за исполненіе религиознаго долга одно соблюденіе обрядности.

Число народныхъ школъ, содержимыхъ духовенствомъ, въ нынѣшнемъ отчетѣ показано 10,381, съ 253,413 учащимися обоаго пола. Не будемъ напоминать того, что уже не разъ говорилось о призрачности нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ; еще недавно мы читали извѣстіе, что въ одномъ городѣ нѣкій начальникъ, несмотря на всѣ свои старанія, не могъ найти ни одной изъ числящихся въ немъ церковныхъ школъ. Замѣтимъ только, что цифра этихъ школъ, нынѣ приводимая отчетомъ по духовному вѣдомству, согласна съ тою, кака я нынѣ же показывается со стороны министерства народнаго просвѣщенія, и весьма далеко отстоитъ отъ тѣхъ цифръ этихъ школъ, какія приводились въ прежнія времена. Впрочемъ, само духовное вѣдомство удостовѣряетъ, что, по мѣрѣ открытія народныхъ школъ земствомъ и министерствомъ, число церковно-приходскихъ школъ сокращается. Происходитъ это, во всякомъ случаѣ не оттого, чтобы школъ у насъ было уже слишкомъ много; сокращаться можетъ только число школъ неудовлетворительныхъ или цифра школъ, существовавшихъ только на бумагѣ.

Въ наблюденіяхъ надъ религиозно-нравственнымъ состояніемъ православной паствы настоящій отчетъ, какъ и предшествующіе, указываетъ на пьянство, называя его „главнымъ и самымъ вреднымъ недугомъ нашего народа“ и указывая причинами его, кромѣ недостатка образованія, чрезмѣрное размноженіе питейныхъ заведеній, базары въ воскресные и праздничные дни, отвлекающіе народъ отъ церкви, избраніе на сельскія должности лицъ нетрезваго поведенія. Изъ пороковъ образованнаго общества отчетъ указываетъ: „холодность къ церкви, ея установленіямъ и обрядамъ, порождаемую ложно-направленнымъ образованіемъ“. Но при этомъ отчетъ свидѣтельствуетъ объ общемъ благочестіи народа, уваженіи его къ религіи и благочестивомъ настроеніи, выразившемся, между прочимъ, въ денежныхъ пожертвованіяхъ на монастыри и храмы, которые за 1871 годъ составили 3,249.340 рублей, сверхъ разныхъ недвижимыхъ имуществъ, пожертвованныхъ съ тѣмъ же назначеніемъ. Эта цифра денежныхъ пожертвованій представляетъ весьма значительное, замѣчательное превышеніе противъ той, которая показана въ отчетѣ за

1870 годѣ, а именно на 400 слишкомъ тысячъ рублей болѣе (въ 1870 году 2,800,421 р.).

Преобразование учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства подвигалось впередъ, такъ что къ концу 1871 года полное преобразование произведено было уже въ 24 семинаріяхъ и 86 училищахъ. О ходѣ преподаванія въ семинаріяхъ въ настоящее время отчетъ даетъ свидѣтельство одобрительное, при чемъ особенно отмѣчаетъ успѣхи въ преподаваніи математики и физики и классическихъ языковъ. Извѣстно, что въ семинаріяхъ, послѣ предметовъ специально-духовныхъ, первое мѣсто всегда занимали древніе языки; математика же и физика преподавались въ нихъ крайне-неудовлетворительно. Извѣстно также, что тотъ омытъ „сосредоточенія“ общеобразовательнаго курса на классическихъ языкахъ, какой представляли у насъ семинаріи, былъ крайне-неутѣшителенъ. Отчетъ свидѣствуетъ, что и въ физико-математическомъ преподаваніи и въ преподаваніи древнихъ языковъ теперь сдѣланы успѣхи, но какимы же средствомъ произведены были эти успѣхи? Отчетъ говоритъ, что успѣху перваго изъ этихъ двухъ родовъ преподаванія „не мало содѣйствовало“ приглашеніе въ семинарію свѣтскихъ наставниковъ изъ окончившихъ курсъ по физико-математическому факультету въ университетахъ. Что же касается преподаванія древнихъ языковъ, то отчетъ прямо высказываетъ, что оно идетъ довольно успѣшно только тамъ, гдѣ оно поручено учителямъ изъ мѣстныхъ гимназій. Итакъ, источниками для удовлетворительной постановки общеобразовательнаго курса въ среднихъ духовныхъ заведеніяхъ оказываются все-таки свѣтскія училища. Но если духовныя училища, въ смыслѣ общеобразовательныхъ, не могутъ существовать безъ прямой поддержки со стороны свѣтскихъ училищъ, то, спрашивается, для чего же нужно существованіе отдѣльныхъ духовныхъ общеобразовательныхъ училищъ, то-есть семинарій?

И дѣйствительно, со времени превращенія гимназій въ школы древнихъ языковъ, совершенно непонятна потребность въ какихъ-то еще особыхъ духовныхъ школахъ древнихъ языковъ. Богословскій курсъ съ полнымъ удобствомъ можетъ быть весь замкнутъ въ академіи, или въ богословскіе факультеты университетовъ, какъ то доказывается примѣромъ странъ протестантскихъ, которыя духовныхъ семинарій не имѣютъ, но производятъ такихъ богослововъ, которыми готово гордиться католичество, какъ напр., Ньюмэнъ. Одна московская газета, неупускающая случая „кольнуть“ военныя гимназій, подъ предлогомъ, что общеобразовательныя заведенія не нужны отдѣльныя для отдѣльнаго вѣдомства, лучше бы сдѣлала, обративъ свое вниманіе на духовныя семинаріи. Отдѣльное существованіе военныхъ гим-

назій имѣеть тотъ смыслъ, что эти заведенія не классическаго типа; но какой смыслъ имѣеть одновременное существованіе свѣтскихъ школъ древнихъ языковъ и духовныхъ школъ древнихъ языковъ, особенно когда оказывается, что послѣднія и держатся не иначе какъ отвлекая силы отъ первыхъ. Казалось бы вполне рациональнымъ общеобразовательные курсы семинарій прямо слить съ гимназіями, а семинаріи оставить въ видѣ двухъ спеціальныхъ классовъ для приготовленія къ священно-служительскому сану. Съ другой стороны законъ 26 мая 1869 года, отмѣнившій наследственность духовнаго сословія, никакъ не отмѣнить у насъ наследственной духовной касты, касты бурсаковъ, съ особымъ свойственнымъ ей духомъ, до тѣхъ поръ, пока дѣти духовныхъ лицъ свое общее образованіе будутъ получать въ сословныхъ училищахъ—семинаріяхъ. Семинарія и уѣздное духовное училище это—столпы бурсачества, которое ими собственно и держится. Между тѣмъ у насъ на одни расходы по духовно-учебной части издерживается 4½ милл. рублей въ годъ, въ томъ числѣ болѣе 1½ мил. р. непосредственно изъ государственнаго казначейства, а остальные изъ свѣчнаго сбора и другихъ доходовъ духовнаго вѣдомства. Какъ бы для намѣренно - сильнѣйшаго поддержанія въ духовномъ сословіи особаго корпоративнаго духа, даже духовныя женскія училища существуютъ отдѣльно отъ прочихъ женскихъ учебныхъ заведеній, и до 25 мая 1871 года выдавали особня преміи въ видѣ приданаго тѣмъ только воспитанницамъ, которыя выходили замужъ за духовныхъ; съ тѣхъ поръ, положено приданое выдавать тѣмъ воспитанницамъ, которыя выходятъ вообще за людей недостаточныхъ. Вообще мысль, которую руководствуетъ новѣйшее законодательство по устройству духовнаго вѣдомства, вполне ясна: оно логично стремится упразднить въ нашемъ духовенствѣ кастичность, сословную исключительность и замкнутость; но идетъ оно къ этой цѣли робко, такъ что достиженіе этой цѣли принадлежитъ еще далекому будущему, да и то не иначе, какъ при нѣкоторыхъ дополнительныхъ реформахъ; при полновластїи же архіереевъ въ дѣлѣ духовнаго управленія, при существованіи цѣлой системы отдѣльныхъ школъ для дѣтей духовенства, школъ трехъ степеней, наконецъ, при предполагаемомъ учрежденіи отдѣльнаго духовнаго суда, который будетъ вѣдать не одніи духовныя винны, но вообще судить духовныя лица—кастичность, замкнутость духовенства и полное разобщеніе его съ обществомъ исчезнутъ нескоро.

Говоря объ отношеніяхъ нашей церкви къ другимъ, единоувѣрнымъ и иновѣрнымъ, отчетъ по дѣлу о церкви болгарской только напоминаетъ о положеніи первоначально занятомъ въ этомъ дѣлѣ синодомъ, который, какъ извѣстно, выразился два года тому назадъ

противъ самого созванія вселенскаго собора для суда надъ болгарскими іерархами. О состоявшемся же затѣмъ соборѣ и произнесенномъ имъ отлученіи, отчетъ упоминаетъ только въ общихъ выраженіяхъ, такъ какъ событія эти не относятся къ 1871 году, высказывая свое сожалѣніе о нихъ. О движеніи старо-католиковъ вновь упоминается отчетомъ, но изъ него видно, что никакого officialнаго заявленія со стороны нашей церкви по этому вопросу не было, и только приняты частныя мѣры для ознакомленія германскаго общества съ нашими догматами.

Мы привели выше изъ отчета цифры денежныхъ приношеній на монастыри и храмы, поступившихъ въ теченіи 1871 года. Но цифра эта (около 3¼ милл. р.) далеко не представляетъ собою всей суммы денегъ собранныхъ въ церквахъ. Сумма сбора въ церквахъ за 1871 годъ составляетъ 10.143,154 р.; 3¼ милл. пожертвованные собственно на храмы входятъ въ эту общую сумму. Другія главнѣйшія составныя части ея образуются изъ кошелековаго сбора (также около 3¼ милл. р.), кружечнаго сбора (2 м. 150 т. р.), дохода съ имѣній церковей (1½ м. р.) и др. Въ отчетѣ 1870 года, этому итогу въ 10 слишкомъ милл. соотвѣтствовалъ меньшій итогъ, именно 9 м. 668 т. р. Слѣдной же сборъ въ этихъ итогахъ не считается.

Въ лѣтописи внѣшнихъ дѣлъ Россіи за текущій годъ главное мѣсто займутъ, вѣроятно, война съ Хивой и предшествовавшіе ей переговоры съ Англією. Поводомъ къ войнѣ съ Хивой накопилось не мало. Раньше всѣхъ средне-азиатскихъ ханствъ, а именно еще со времени Петра Великаго, подчинившись вліянію Россіи, Хива впоследствии не только вышла изъ нашей зависимости, но будучи ближайшимъ къ европейской Россіи ханствомъ, сохранила до сихъ поръ полную самостоятельность, которою и пользовалась для возбужденія подвластныхъ Россіи кочевниковъ, набѣговъ на караваны и захвата плѣнныхъ. Въ 1869 и 1870 годахъ враждебныя дѣйствія Хивы имѣли послѣдствіемъ почти полный перерывъ торговыхъ сношеній. Хивинскій ханъ Мухамедъ-Рахимъ отказался выдать захваченныхъ имъ русскихъ плѣнныхъ и оставлялъ безъ отвѣта предложенія туркестанскаго генералъ-губернатора о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій и о заключеніи торговаго трактата. Походъ на Хиву объявленъ былъ въ Ташкентѣ приказомъ командующаго войсками туркестанскаго округа 27 февраля. Этотъ же приказъ содержитъ въ себѣ и распоряженія по образованію отрядовъ, назначенныхъ къ дѣйствіямъ противъ Хивы. Изъ приказа и изъ сообщеній „Русскаго Инвалида“ оказывается, что войска наши идутъ на Хиву съ трехъ сторонъ: востока, сѣвера и запада. Главныя силы выступили изъ Джизака (укрѣпленіе на восточной

границѣ Бухары), другой отрядъ выступилъ съ сѣвера изъ Казалинска и форта Перовскаго на урочище Иркибай; оба эти отряда должны соединиться на Буканскихъ горахъ. Западный же отрядъ выступилъ къ Хивѣ изъ Красноводска (на восточномъ берегу Каспійскаго моря). Всѣ отряды будутъ состоять подъ начальствомъ генерала Кауфмана. Кромѣ ихъ, имѣется еще близъ юго-восточнаго угла Каспійскаго моря отрядъ въ Чикишларѣ, имѣющій обсервационное назначеніе. Но первыя извѣстія получены о дѣйствіяхъ именно этого послѣдняго отряда. Изъ послѣдней статьи Вамбери, напечатанной въ аугсбургской „Allgemeine Zeitung“ отъ 7 (19) апрѣля, видно, что его, вѣрнаго защитника англійскихъ видовъ, наиболѣе озабочиваетъ именно занятіе русскими пунктовъ въ этой мѣстности, т.-е. вдоль рѣки Атрека, вблизи Хорассана. Онъ видитъ тревожный признакъ даже въ томъ фактѣ, что на картѣ, изданной недавно нашимъ военно-топографическимъ депо, „зеленый цвѣтъ“ проведенъ неподалеку отъ самого Буджурда, въ Хорассанѣ, и онъ приписываетъ Россіи намѣреніе утвердиться въ этомъ направленіи еще далѣе, именно занять Меръ въ странѣ теке-туркменовъ и вмѣстѣ владѣть ключомъ къ восточному Хорассану.

Въ началѣ марта, отряды, назначенные въ экспедицію противъ Хивы, выступили въ путь. До сихъ поръ, официальные свѣдѣнія упоминаютъ только о стычкахъ на Атрекѣ и за Атрекомъ. Первая стычка была совершенно незначительна, но официальное извѣстіе о ней само по себѣ было не лишено значенія; въ этомъ извѣстіи сказано было, что рѣка Атрекъ, впадающая въ Каспійское море, составляетъ границу нашихъ владѣній съ Персією. Самое провозглашеніе или установленіе этого факта достойно примѣчанія. Извѣстно, что въ англійскихъ газетахъ разглашена было зимою мнимая конвенція, въ силу которой Персія будто бы уступила намъ часть территоріи за Атрекомъ. Само персидское правительство впоследствии опровергло это извѣстіе. По сущности дѣла, все-таки оставалось сомнительнымъ, составляетъ ли Атрекъ нашу границу съ Персією или нѣтъ, не потому, конечно, чтобы наше право занимать правый берегъ этой рѣки подвергалось сомнѣнію, а скорѣе потому, что принадлежность лѣваго берега къ персидскимъ владѣніямъ ничемъ не доказана. Наше право въ той мѣстности совдалось, правда, весьма недавно, такъ какъ все наше поселеніе по ту сторону Каспійскаго моря, а именно занятіе Красноводска и Балханскихъ горъ состоялось только въ послѣдніе годы; приближеніе же наше оттуда на югъ, къ устью Атрека, совершилось только въ 1871 году. Тѣмъ не менѣе расположеніе нашихъ отрядовъ въ этихъ мѣстностяхъ, населенныхъ хищными кочевниками, не признающими надъ собою власти ни од-

ного изъ сосѣднихъ государствъ, само по себѣ составило фактъ законнаго владѣнія. Что касается лѣваго берега Атрека, то власть персидскаго шаха надъ живущими здѣсь трухменцами, которые специально занимаются разбойничьими набѣгами на персидскія же владѣнія, было весьма сомнительно, и Вамбери въ одной изъ прежнихъ статей въ „Аугсбургской“ газетѣ опровергалъ извѣстіе объ уступкѣ намъ заатрекской мѣстности шахомъ тѣмъ именно аргументомъ, что шахъ не могъ уступить намъ того, чѣмъ самъ въ дѣйствительности не владѣлъ.

Какъ бы то ни было, теперь принадлежность лѣваго берега Атрека къ персидскимъ владѣніямъ уже не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ мы видѣли изъ официального извѣстія, что ее признало наше правительство. Извѣстіе это, впрочемъ, провозглашая рѣку Атрекъ границею, въ то же время передавало фактъ, что русскій отрядъ переходилъ эту границу; но переходъ этотъ былъ вынужденный и кратковременный. Въ виду скопища трухменцевъ, образовавшагося на лѣвомъ берегу для переправы на нашу сторону, русскій отрядъ имѣлъ полное право предупредить намѣреніе непріятеля, перейдя самъ границу, разсѣявъ скопище и затѣмъ возвратившись на свой берегъ. Персидское правительство только въ такомъ случаѣ могло бы жаловаться на подобный переходъ границы, если бы имъ самимъ были приняты мѣры для предупрежденія тѣхъ хищническихъ набѣговъ, которые совершались изъ этой принадлежащей ему территоріи на нашихъ туркменъ, у которыхъ трухменцы уводять или искалечиваютъ верблюдовъ. При тѣхъ же обстоятельствахъ, которыми вынужденъ былъ переходъ границы русскимъ отрядомъ, персидское правительство можетъ быть только благодарно этому отряду, который отнялъ у трухменцевъ одного плѣннаго персіянина, переданнаго затѣмъ персидскимъ властямъ.

Впрочемъ, есть официальное извѣстіе о другомъ дѣлѣ, бывшемъ за Атрекомъ. Начальникъ чикишлярскаго отряда, полковникъ Маркозовъ тремя колоннами перешелъ Атрекъ 28 февраля, для наказанія туркменъ, кочующихъ между этой рѣчкой и рѣкой Гюргенемъ (тоже впадаетъ въ Каспійское море) за набѣги на правый берегъ Атрека, и когда туркмены, послѣ схватки, укрылись за Гюргень, то часть одной изъ нашихъ колоннъ перешла въ бродъ и эту рѣку, дошла до аула одного подвластнаго Персіи хана, и въ его сопровожденіи приблизилась къ персидской крѣпости Ахъ - Кало, гдѣ встрѣчена была радушно и даже получила позволеніе возвратиться на сю сторону Гюргеня чрезъ крѣпостной мостъ. Съ своей стороны замѣтимъ, что это происходило не только на территоріи уже безспорно-персидской, но и всего въ какихъ-нибудь 50-ти верстахъ отъ персидскаго города

Астрабада. Въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ причину сомнѣваться въ основательности слуха, сообщеннаго одной русской газетою, будто персидское правительство прислало въ Петербургъ ноту съ представленіями противъ нарушенія границъ его территоріи нашими войсками, и будто наше правительство отвѣчало на эту ноту, что такъ какъ оно уже три мѣсяца тому назадъ просило Персію не считать умышленнымъ случайный переходъ нашихъ войскъ по персидской территоріи, при столкновеніи съ туркменскими племенами, и какъ персидское правительство, въ свое время, ничего не возразило противъ такого заявленія,—то молчаніе это и было принято за согласіе. Всему этому можно бы еще повѣрить, если бы имѣлся въ виду только фактъ перваго, дѣйствительно случайнаго перехода нашихъ войскъ чрезъ Атрекъ. Но экспедиція полковника Маркозова, очевидно, не могла быть предпринята иначе, какъ въ полной увѣренности, что она не дастъ повода къ нареканіямъ, и самый приемъ оказанный нашимъ войскамъ со стороны персидскихъ властей доказываетъ, что никакого разногласія тутъ нѣтъ, что, впрочемъ, доказывается, съ другой стороны, и прибытіемъ шаха въ предѣлы Россіи. Итакъ, если допустить самый фактъ существованія персидской ноты съ представленіями, то въ ней можно подозрѣвать протестъ скорѣе формальный только, и могущій имѣть значеніе не въ прямомъ смыслѣ, а собственно въ смыслѣ предупрежденія какихъ-либо преувеличенныхъ слуховъ о предварительномъ соглашеніи и мнимой солидарности Персіи съ Россіею въ нѣшнемъ ходѣ дѣлъ въ Средней Азій.

Официальныя извѣстія до сихъ поръ и сообщили только объ этихъ двухъ дѣлахъ на Атрекъ и Гюргенѣ, а также о томъ, что нашъ красноводскій отрядъ уже двинулся къ Хивѣ въ двадцатыхъ числахъ марта. Путь отъ Красноводска до Хивы составляетъ 750 верстъ; отъ Чикишляра (по Атреку) до Хивы—765 верстъ.

Частныя же извѣстія сообщаютъ о важной перемѣнѣ будто бы происшедшей въ Хивѣ вслѣдствіе движенія нашихъ отрядовъ. Ханъ будто бы оставилъ своего диванбеги, враждебнаго Россіи, и выслалъ русскихъ плѣнныхъ на встрѣчу нашимъ войскамъ. Такъ какъ главнымъ поводомъ къ экспедиціи служило именно упорное удерживаніе ханомъ нашихъ плѣнниковъ, то съ освобожденіемъ ихъ экспедиція могла бы быть продолжаема уже только съ цѣлію наказать хана за то, что онъ вынудилъ насъ къ походу. Положеніе, принятое въ послѣднее время въ среднеазиатскомъ вопросѣ Англіею, едва ли и не будетъ причиною, что Россія теперь не удовлетворится одной, слишкомъ поздней выдачей плѣнныхъ. Потребовавъ отъ насъ обязательства признать Афганистанъ нейтральною территоріею, англійская дипломатія сама сдѣлала почти неизбѣжнымъ тотъ предполагаемый

нами фактъ, что Россія уже не можетъ удовлетвориться выдачею плѣнныхъ. Переговоры, происходившіе осенью, велись съ англійской стороны такъ оживленно и имъ придавалось въ Англіи такое значеніе, что теперь для насъ отказаться отъ похода на Хиву стало труднѣе, такъ какъ это было бы понято за-границей въ смыслѣ отступленія нашего — не предъ хивинскимъ владыкою, конечно. Съ другой стороны, получивъ обязательство наше относительно Афганистана, до котораго намъ еще весьма далеко, англійская дипломатія уже лишила себя всякой возможности дѣлать намъ представленія относительно Хивы, которая къ намъ довольно близка. Вотъ почему нѣкоторыя разсужденія, высказываемыя газетою „Daily News“, по поводу извѣстія о выдачѣ русскихъ плѣнныхъ ханомъ хивинскимъ, что Россія теперь уже едва ли удовлетворится этой уступкой, и что войска наши все-таки пойдутъ впередъ для полученія серьезныхъ гарантій, хотя могутъ быть вполне вѣрны и сходиться съ собственнымъ нашимъ мнѣніемъ, но изъ нихъ все-таки логически не истекаетъ необходимость и даже возможность какихъ-либо предупредительныхъ мѣръ со стороны Англіи. „Цѣль экспедиціи совершенно ясна“, говоритъ „Daily News“: „она заключается въ овладѣніи низовьями Аму-Дарьи, занятіи угрожающей позиціи на открытой границѣ Персіи и полнымъ контролемъ надъ всѣми номадами долины Атрека“; овладѣніе низовьями Аму-Дарьи означаетъ не что иное, какъ овладѣніе Хивой. Не знаемъ, простираются ли такъ далеко виды нашего правительства, но даже допустивъ это, спрашивается, что же можетъ сдѣлать противъ этого Англія, когда прямымъ результатомъ ея переговоровъ съ Россією и самого обязательства, полученнаго ею отъ Россіи, было полное предоставленіе Англією Хивы на произволь судьбы? Что касается „угрожающаго положенія“ на западѣ, т.-е. на персидской границѣ, въ виду котораго „Daily News“ требуетъ серьезныхъ мѣръ для обезпеченія афганистанской границы, и предполагаемаго тайнаго союза на востокѣ владѣтеля Кашгара съ Россією, въ виду котораго нѣкоторые голоса въ Англіи требуютъ даже немедленнаго занятія англичанами Кашмира, то достаточно указать на слѣдующіе успокоительные факты: на западѣ, отъ устьевъ Атрека до Герата—около 1000 верстъ! на востокѣ, отъ Номангана (въ Коканскомъ ханствѣ) чрезъ Кашгаръ до Кашмира—около 1500 верстъ, сквозь ущелья одного изъ высочайшихъ горныхъ хребтовъ въ мірѣ!

Впрочемъ, хотя вопросъ объ отношеніяхъ Россіи и Англіи въ Средней Азій весьма важенъ, но разбирать его со всей полнотой и обстоятельностью, приличными дѣлу, было умѣстно только въ то самое время, когда происходили переговоры, а не послѣ; теперь же

разсматривать его во всемъ его объемѣ нѣтъ повода. Въ свое время печать наша, какъ извѣстно, не могла заняться этимъ вопросомъ и высказать въ пору мнѣніе русскаго общества, которое только тогда можетъ имѣть цѣну и за границей, когда тамъ знаютъ, что оно появилось самостоятельно. Вотъ почему мы впоследствии, когда возможность высказываться представилась, не воспользовались этой возможностью. Наплась, впрочемъ, газета, которая поставила въ заслугу русской печати самый фактъ непроизвольнаго ея молчанія вначалѣ. Нѣтъ надобности говорить, что это были „Московскія Вѣдомости“. Получивъ, наконецъ, возможность говорить, вмѣстѣ со всѣми, эта газета даже выразила сожалѣніе, что *англійская* печать не послѣдовала примѣру (!) осторожности, данному русской печати въ этомъ случаѣ. Впрочемъ, это характеристическая черта всей дѣятельности издателей московской газеты: самоувѣренно отрицать факты всѣмъ извѣстныя и какъ ни въ чемъ ни бывало разсуждать себѣ совершенно независимо отъ аксіомъ. Навивность безстыдства „Московскихъ Вѣдомостей“ особенно мила тогда, когда онѣ своего же ученика—газету „Голосъ“ обвиняютъ въ подобномъ приѣмѣ—говорить гласно прямо противоположное тому, что всѣмъ негласно извѣстно. Такъ, „Московскія Вѣдомости“ недавно уличали „Голосъ“ въ томъ, что редакторъ его вмѣстѣ съ другими редакторами былъ поставленъ въ извѣстность о жалобахъ военной администраціи на нѣкоторыя сужденія печати, а между тѣмъ, рѣшился потомъ гласно сказать, въ похвалу военной администраціи, что она никогда не жалуется на печать. Пусть бы кто другой уличалъ въ этомъ „Голосъ“; но не учителю уличать своего ученика въ подражаніи. Положимъ, „Голосъ“ и поступилъ такъ, какъ сообщали „Моск. Вѣд.“. Но онъ, по крайней мѣрѣ, могъ разсчитывать, что не всѣмъ извѣстно то, что онъ желалъ игнорировать. А каково удивляться и сожалѣть, что англійская печать не послѣдовала примѣру сдержанности, данному русской печати!

Возвращаясь къ хивинской экспедиціи, пожелаемъ ей одного, чтобы она имѣла ясно предначертанную цѣль. Возможны только двѣ цѣли: или покорить Хиву, или просто наказать хана, а затѣмъ возвратиться назадъ, возстановивъ снова степь между нами и его владѣніями. Занять же за степью одинъ пунктъ, значило бы все равно, что желать покоренія, только отсрочить его. Такъ, занятіе Чимкента, пункта за степью, привело насъ къ покоренію всего туркестанскаго края, а занятіе Джизака, тоже пункта за степью, привело насъ въ Самаркандъ. Пусть мы только напомнимъ хивинскаго хана, какъ наказали англичане абиссинскаго царя, или покоримъ Хиву, если она того стоитъ. Лишь бы покореніе не произошло слу-

чайно, лишь бы случайно мы не очутились съ такимъ расширеніемъ границъ, котораго сами не желали.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ обнародовано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ высочайше утвержденное 20-го марта, мнѣніе государственнаго совѣта, объ образованіи петербургскаго градоначальства и о сопровождающихъ его измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстной администрации, а также утвержденные того же числа положеніе о градоначальствѣ и штатъ его. Должности петербургскаго оберъ-полиціймейстера и его помощника упразднены и лица ихъ занимавшія назначены въ должности градоначальника столицы и его помощника. Сущность новаго положенія заключается въ томъ, что отнынѣ собственно городъ Петербургъ изыять изъ губерніи, изъ вѣдѣнія губернатора и губернскихъ мѣстъ (которые, впрочемъ, и впредь помѣщаются въ Петербургѣ). Губернаторомъ Петербурга, то-есть, начальникомъ управленія столицей въ административномъ отношеніи, сдѣланъ непосредственный начальникъ полиціи, оберъ-полиціймейстеръ, переименованный въ градоначальника; онъ пользуется всѣми правами губернатора, и городская управа, и городской голова поставлены къ нему въ такое же отношеніе, въ какомъ тѣ же учрежденія въ Москвѣ находятся къ губернатору и генераль-губернатору. Москву мы приводимъ въ примѣръ потому, что тамъ существуютъ отдѣльно всѣ три инстанціи, которыя въ Петербургѣ теперь слиты въ одну. Въ Москвѣ есть генераль-губернаторъ, которому городское общественное управленіе подчинено; губернаторъ, которому оно отчасти подчинено, какъ разъяснилъ недавній циркуляръ, наконецъ, оберъ-полиціймейстеръ, непосредственный начальникъ полиціи, которому городское общественное управленіе не подчинено уже ни въ какой мѣрѣ. Теперь, представимъ себѣ, что московскій оберъ-полиціймейстеръ сдѣланъ начальникомъ всего городского управленія, съ упраздненіемъ должностей губернатора и генераль-губернатора, или съ изытіемъ города Москвы изъ вѣдѣнія этихъ двухъ лицъ, тогда мы получимъ основную черту той организаціи, которая теперь введена въ Петербургѣ. Мы взяли въ примѣръ Москву, потому что иначе большинству читателей трудно было бы наглядно разъяснить сущность преобразования властей въ Петербургѣ; генераль-губернатора здѣсь нѣтъ, а о здѣшнемъ губернаторѣ и доселѣ было мало слышно.

Итакъ, градоначальникъ есть губернаторъ города Петербурга; петербургская же губернія, за исключеніемъ столицы, остается въ вѣдѣніи гражданскаго губернатора, какъ и доселѣ. Но губернатору Петербурга, градоначальнику, положеніе предоставляет такое пре-

имущество, какимъ не пользуется ни одинъ изъ губернаторовъ имперіи: право не только доносить непосредственно верховной власти о болѣе важныхъ происшествіяхъ въ столицѣ и „главнѣйшихъ предметахъ полицейскаго управленія въ оной“ (этимъ правомъ, какъ извѣстно, пользовался и оберъ-полицеймейстеръ), но и „испрашивать въ потребныхъ случаяхъ разрѣшенія Его Величества“. Правомъ этимъ (сказано въ Положеніи) онъ имѣеть, однако, пользоваться съ должною осмотрительностью, отнюдь не дозволяя себѣ утруждать Государя Императора представленіями по такимъ предметамъ полицейскаго управленія, разрѣшеніе коихъ, на основаніи уставовъ и учреждений, зависитъ отъ министровъ и главноуправляющихъ, или же для представленія коихъ на Высочайшее воззрѣніе установленъ особый ходъ“. Послѣднія слова, очевидно, относятся къ мѣрамъ законодательнымъ; первая оговорка ограждаетъ права высшихъ административныхъ органовъ; что же касается круга вѣдѣнія городского общественнаго управленія, то по отношенію къ нему здѣсь ограниченія не положено, и затѣмъ будетъ зависетьъ уже отъ самого градоначальника примѣнять или не примѣнять въ потребныхъ случаяхъ дарованное ему право непосредственно испрашивать повелѣніе по такимъ дѣламъ, которыя по Городовому Положенію подлежатъ вѣдѣнію общественнаго управленія.

Другое немаловажное преимущество дано градоначальнику новымъ закономъ относительно кредита, предоставленнаго въ полное его распоряженіе: „въ смѣту г. С.-Петербурга вносится впредь ежегодно сумма въ тридцать тысячъ рублей, на непредвидѣнныя надобности по благоустройству столицы; сумма эта, оставаясь въ вѣдѣніи городской управы, имѣеть быть расходуема ею на означенный предметъ исключительно по указаніямъ С.-Петербургскаго градоначальника“. Объ отчетности по расходованію этой суммы въ положеніи не упоминается, однако, управа будетъ, разумѣется, вести эту отчетность; но, спрашивается, будетъ ли отчетность эта такова, чтобы она могла подлежать ревизіи думы, такъ какъ это будетъ зависетьъ отъ степени опредѣленности самыхъ указаній градоначальника о каждомъ расходѣ. Напримѣръ, если указаніе будетъ заключаться только въ предложеніи отпустить извѣстному чиновнику такую-то сумму на такую-то надобность, то затѣмъ въ отчетности управы обо всемъ производствѣ этого расхода только и останется свѣдѣніе, что такая-то сумма была выдана на извѣстный предметъ по указанію градоначальника.

Подчиненность городского общественнаго управленія начальнику столичной полиціи, то-есть градоначальнику, обусловливается, во-первыхъ, уже тѣмъ, что на градоначальника переносятся теперь всѣ

тѣ права по надзору за законностью дѣйствій городского общественнаго управленія, которыя установлены правилами о примѣненіи къ столицамъ Городового Положенія; во-вторыхъ, тѣмъ, что, какъ объяснено выше, городская управа производитъ нѣкоторые расходы изъ средствъ города прямо по указаніямъ градоначальника. При градоначальникѣ учреждается особое „совѣщательное присутствіе“, безъ рѣшающаго голоса. Это — совѣтъ градоначальника, нѣчто въ родѣ тѣхъ губернаторскихъ совѣтовъ, которые предполагались прежнимъ проектомъ административно-полицейской реформы. Совѣщательное присутствіе состоитъ изъ помощника градоначальника, управляющаго его канцелярією и чиновниковъ управленія градоначальства. Между тѣмъ, обсужденію его подлежитъ не только вопросъ о преданіи суду чиновъ градоначальства и полиціи, но и такой вопросъ, который уже прямо входитъ въ кругъ вѣдѣнія общественнаго управленія, именно—постановленія столичныхъ городскихъ сословій объ исключеніи изъ ихъ среды порочныхъ членовъ и, наконецъ, даже другія дѣла, требующія коллегіальнаго обсужденія по усмотрѣнію градоначальника“.

Весь расходъ по содержанію петербургскаго градоначальства и соединенныхъ съ нимъ учреждений (врачебнаго присутствія и отдѣльных частей полицейскаго управленія) составитъ по штатамъ 290,850 рублей, изъ которыхъ 150,620 рублей относятся на средства города, а 140,230 рублей на государственное казначейство. Въ соединеніи съ кредитомъ въ 30 т. р., предоставленнымъ градоначальнику по благоустройству столицы, весь расходъ города на дѣйствіе новыхъ административно-полицейскихъ учреждений составитъ 180,620 р. въ годъ. Нельзя не замѣтить, что въ бюджетѣ этихъ учреждений содержаніе самого высшаго управленія составляетъ весьма крупную цифру, а именно на содержаніе градоначальника, съ помощникомъ, чиновниками особыхъ порученій и канцелярією, опредѣляется до 110 тысячъ рублей. Высказывать общее сужденіе о характерѣ этого преобразованія мы считаемъ излишнимъ въ виду того мнѣнія по предмету лучшаго устройства столичной полиціи, которое мы высказывали уже не разъ, и которое сводилось къ тому, что наиболѣе рациональнымъ намъ казалось раздѣленіе столичной полиціи на государственную полицію безопасности, не имѣющую отношенія къ дѣламъ городского управленія, подчиненную прямо министерству внутреннихъ дѣлъ, и на полицію благочинія и порядка, подчиненную непосредственно самому городскому общественному управленію.

Мы получили отъ г. Петербургскаго губернскаго предводителя дворянства слѣдующее письмо:

С.-Петербургъ, 3-го апрѣля 1873-го г. — М. г. Въ отчетѣ вашемъ о послѣднемъ чрезвычайномъ собраніи С.-Петербургскаго дворянства, вкралась довольно крупная невѣрности. А. П. Платоновъ будучи болѣе не участвовалъ ни въ одномъ засѣданіи собранія и кромѣ проекта о „Всесословной волости, *никакое его предложеніе не было приложено на голоса*“. Предложеніе о томъ чтобы *вопросъ о „всесословной волости“, вообще, не рассматривался собраніемъ* было сдѣлано другимъ членомъ и дѣйствительно представляло собою *такъ-называемый „предварительный вопросъ“*, несвоевременно поставленный; но *голосованія по этому вопросу не было* и предложеніе отклонено предсѣдателемъ именно по причинѣ несвоевременнаго представленія.

Въ качествѣ предсѣдателя чрезвычайнаго собранія С.-Петербургскаго дворянства 1873-го года прошу помѣстить мое письмо въ майскую книжку „Вѣстника Европы“.

Примите и пр. Гр. Шуваловъ, С.-Петерб. Губерн. Предводитель Дворянства.

Еще до полученія этого письма, мы прочли подобное же сообщеніе графа А. П. Шувалова, разосланное имъ въ газеты. Въ виду такого обстоятельства мы не можемъ теперь помѣстить письма къ намъ безъ всякой оговорки съ своей стороны, какъ сдѣлали бы то, еслибы г. С.-Петербургскій губернскій предводитель дворянства обратился къ намъ съ возстановленіемъ, впрочемъ, весьма и весьма второстепеннаго факта. Но обращеніе въ газеты, очевидно, обнаруживало намѣреніе не только возстановить фактъ, въ настоящемъ случаѣ маловажный, но и набросить тѣнь сомнѣнія на весь смыслъ нашего разсужденія, между тѣмъ, какъ наше разсужденіе основывалось вовсе не на именахъ лицъ, а на фактахъ весьма существенныхъ, оставленныхъ, однако, безъ опроверженія. Нашъ хроникеръ, какъ теперь оказывается, не разспрашивалъ имени лица, внесшаго предложеніе объ устраненіи вопроса о всесословной волости, и принялъ его за автора одного изъ проектовъ, что и подало ему поводъ счесть голосованіе по проекту г. Платонова за голосованіе по означенному предложенію. Мы весьма благодарны за такую поправку, но позволяемъ себѣ замѣтить, что такъ или иначе называлось то или другое лицо, но независимо отъ того, мы имѣли въ виду достаточно фактовъ для сужденія, которые мы произнесли, а именно, что предложеніе, заключавшее въ себѣ, какъ то признаеть теперь и самъ графъ Шуваловъ, „предварительный вопросъ“, было поставлено имъ сперва въ ряду предложеній учредительныхъ; а что предсѣдатель объявлялъ открытыми пренія по всѣмъ столь разнороднымъ предложеніямъ вмѣстѣ, это можетъ

напомнить графу Шувалову протоколъ, если только было занесено туда прямое возраженіе одного изъ членовъ, сказавшаго, что онъ не понимаетъ, какимъ же образомъ будутъ разсуждать въ одно время и о проектахъ, и о томъ, чтобы о самомъ вопросѣ не разсуждать! Всѣ же прочія существенныя наши замѣчанія о томъ, что каждое предложеніе заставляло предсѣдателя въ распλοхъ, что онъ, только вслѣдствіе разъясненій со стороны другихъ членовъ, давалъ имъ опредѣленное направленіе, что объявленіе числа поданныхъ голосовъ было неудовлетворительно, такъ какъ оно не свѣрялось съ общимъ числомъ всѣхъ присутствующихъ членовъ; что самый способъ голосованія посредствомъ вставанія въ нашихъ собраніяхъ ведетъ къ ошибкамъ и даже нѣкоторому произволу; что относительно требованія баллотировки и вообще хода преній должны существовать точныя правила,—все это остается и теперь совершенно вѣрнымъ, независимо отъ того, назывался ли авторъ „предварительнаго вопроса“ А. П. Платоновымъ, или какимъ-нибудь другимъ именемъ. Въ заключеніе, замѣтимъ также, что восстановленіе факта, не измѣняющее впрочемъ сущности дѣла, можно было сдѣлать, не прибѣгая къ несовсѣмъ „парламентскому“ намеку на то, что мы,—какъ выразился графъ А. П. Шуваловъ, подчеркивая въ своемъ газетномъ объясненіи то, что ему кажется страннымъ,—говоримъ „о русскомъ незнаніи правилъ *сеймованія*“ (курсивъ подлинника). Понимая почтеннаго графа на его полусловъ, на его искусствѣ подчеркиванія, мы спѣшимъ успокоить возникшія въ немъ, повидимому, филологическія подозрѣнія: *сеймъ* такое же русское слово, какъ, напримѣръ, *юлосъ*, и если отъ послѣдняго производится *юлосованіе*, то нѣтъ опасности произвести и отъ перваго *сеймованіе*, и затѣмъ говорить о незнаніи у насъ порядка сеймованія. Правда, мы имѣемъ другой терминъ: порядокъ засѣданія; онъ, безъ сомнѣнія, возникъ у насъ въ ту эпоху, когда, дѣйствительно, въ нашихъ собраніяхъ существеннымъ было сидѣніе, а не говореніе, и при этомъ еще наши бояре засѣдали, „уставля брады“; но все же мы думаемъ, что употребленіе нами другого слова, произведеннаго по аналогіи, не требовало курсива, да и вообще нашъ отзывъ по своей цѣли не могъ подать повода къ какой-нибудь раздражительности. Мы разсуждали вполне объективно, отдали даже справедливость безпристрастію предсѣдателя и такту всѣхъ ораторовъ собранія, наконецъ, мы, во избѣжаніе всякихъ личностей, отказались подвергать критическому просмотру рѣчи дѣйствительно слабыя, какъ, напр., та, логика которой состояла въ переходѣ отъ англійскаго самоуправленія къ разъясненію значенія розги въ нашемъ крестьянскомъ быту и къ анекдоту о томъ, какъ крестьяне однажды высѣли самихъ судей,—анекдоту, который, очевидно, не

вель къ уясненію ни вопроса о всесловной волости, ни характера англійскаго самоуправленія.

Мы уже заключили нынѣшнюю хронику, когда вышелъ въ свѣтъ № 15 „Недѣли“ съ „опроверженіемъ“ отъ министерства народнаго просвѣщенія извѣстія, помѣщеннаго въ этой газетѣ, о томъ, что будто бы изъ семи чеховъ, назначенныхъ въ гимназіи учителями, двое оказались несвѣдущими въ исторіи, а двое—латинскаго и греческаго языковъ, преподаваемыхъ уже ими два года. Изъ „опроверженія“ видно, что все это такъ, да не такъ, а именно: „Въ концѣ прошлаго года случилось впервые, что двое славянскихъ стипендіатовъ—вышеозначенный чехъ и одинъ словинецъ, въ то же почти время допущенный къ преподаванію древнихъ языковъ въ одной изъ с.-петербургскихъ гимназій до выдержанія формальнаго (?) испытанія на званіе учителя по случаю, послѣдовавшаго уже въ теченіи учебнаго года, назначенія штатнаго преподавателя ея инспекторомъ прогимназій,—не выдержали испытанія не въ древнихъ языкахъ, которые они преподають и въ которыхъ они оказались достаточно сильными, а въ русской исторіи, и точно также въ концѣ прошлаго года впервые случилось, что одинъ изъ славянскихъ стипендіатовъ — русскій изъ Галиціи, также допущенный съ октября же 1872 г. къ преподаванію латинскаго въ одной изъ с.-петербургскихъ гимназій въ низшихъ двухъ классахъ ея, былъ найденъ на испытаніи въ университетѣ не вполнѣ удовлетворительнымъ по латинскому языку, и также, какъ и двое вышеупомянутыхъ его товарищей оказавшихъ неудовлетворительныя познанія по русской исторіи, не получили учительскаго диплома.“ Итакъ, истина состоитъ въ томъ, что было всего три непріятныхъ случая: въ двухъ случаяхъ признано было однако, что незнаніе русской исторіи не есть препятствіе для чеха и словинца къ тому, чтобы имъ поручить преподаваніе латинскаго языка, между тѣмъ, какъ для русскаго студента не выдержать экзамена изъ какого-нибудь предмета значить не получить вовсе кандидатскаго диплома и, слѣдовательно, не имѣть права вообще быть преподавателемъ; а въ третьемъ случаѣ, дѣйствительно оказалось, что лицо, преподававшее уже латинскій языкъ съ октября мѣсяца, само потомъ не выдержало экзамена, и именно въ латинскомъ языкѣ. Но насъ привело въ недоумѣніе не это обстоятельство, а заключительныя слова министерскаго „опроверженія“: „Впрочемъ (?),—говорить „опроверженіе“,—начальство с.-петербургскаго учебнаго округа, которое чрезъ своихъ окружныхъ инспекторовъ внимательно слѣдитъ за преподаваніемъ въ здѣшнихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ всѣхъ

предметовъ вообще, и древнихъ языковъ въ особенности, *сочло за должное, не устранять* (т.-е. послѣ того, какъ одинъ изъ славянъ уже доказалъ въ университетѣ, что онъ плохъ въ латыни) отъ преподаванія древнихъ языковъ и вышеозначенныхъ трехъ бывшихъ стипендіатовъ, удостовѣрившись (?), что они ведутъ свое дѣло хорошо, съ большимъ усердіемъ и педагогическимъ тактомъ, но, конечно, подѣ условіемъ, что къ началу новаго учебнаго года (т.-е. къ августу мѣсяцу), они будутъ уже имѣть учительскій дипломъ."

Итакъ, господинъ изъ Галиціи будетъ учить латинскому языку еще до августа, не потому, что онъ знаетъ латинскій языкъ, но потому, что онъ „ведетъ дѣло свое хорошо“, усерденъ и имѣетъ педагогическій тактъ, въ нашихъ глазахъ даже необычайный, такъ какъ учить съ успѣхомъ тому, что самъ, по свидѣтельству университета, *знаешь еудовлетворительно—дѣло мудреное*. Мы сознаемся, что для насъ остается совершенно непонятнымъ это „впрочемъ“. Человекъ еудовлетворительно знаетъ латинскій языкъ, „впрочемъ“ можетъ продолжать преподаваніе латинскаго языка! Чтѣ значить это „впрочемъ“? Начальство с.-петербургскаго учебнаго округа „сочло за должное“, но почему? на все есть уставы; на основаніи какого параграфа, въ случаѣ незнанія предмета самимъ преподавателемъ, можно допустить его къ преподаванію мало извѣстнаго ему предмета за одно „усердіе“ и „педагогическій тактъ“? Мы, впрочемъ, думаемъ, что тутъ вина только того, кто редактировалъ это „опроверженіе“, и увлекся примѣромъ Катона, употреблявшаго свое знаменитое „caeterum“ иногда и не совсѣмъ кстати.

НОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦІЯ ГИМНАЗІЙ.

По поводу правилъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для испытанія учениковъ гимназій и прогимназій.

Когда, два года тому назадъ, былъ утвержденъ новый уставъ гимназій и прогимназій, то этимъ же уставомъ было опредѣлено изложить правила испытанія учениковъ при поступленіи въ заведенія, при переводѣ изъ класса и при окончаніи ими курса „въ особой инструкціи, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія для всѣхъ учебныхъ округовъ и публикуемой во всеобщее свѣдѣніе“.

Не ранѣе, какъ года полтора спустя, а именно 8 декабря прош-

венными дѣлу воспитанія; наша же русская инструкція, какъ-бы опасаясь, что мелочною регламентаціе недостаточно устранено вліяніе взглядовъ и пріемовъ, выработанныхъ въ каждой гимназіи, ввела въ испытательную комиссію, производящую выпускной экзаменъ, чиновника, командируемаго попечителемъ округа и рѣшилась придать этому чиновнику, въ противность точному смыслу Высочайше утвержденнаго въ 1871 году устава гимназій, преобладающій голосъ въ сужденіяхъ комиссіи. По §§ 39, 57 и 66 инструкціи, въ случаѣ несогласія депутата попечителя съ большинствомъ испытательной комиссіи, дѣло представляется на разсмотрѣніе подлежащаго вышшаго начальства и представляется *не директоромъ, а депутатомъ*.

Въ доказательство справедливости нашихъ словъ, что преобладающее значеніе депутата попечителя противорѣчитъ уставу гимназій, сошлемся на слѣдующіе параграфы устава:

1) § 74, по которому переводъ учениковъ изъ класса въ классъ и выдача аттестатовъ окончившимъ съ успѣхомъ курсъ ученія подлежатъ *„обсужденію и окончательному рѣшенію педагогическаго совѣта“*.

2) § 71, по которому всѣ рѣшенія специальныхъ комиссій, составленныхъ изъ членовъ совѣта (а такою комиссіею должна быть признана испытательная), представляются непременно на утвержденіе педагогическаго совѣта.

3) § 69, которымъ съ совершенной точностію опредѣленъ составъ педагогическаго совѣта, такъ что присвоеніе кому-либо права преобладающаго голоса въ вопросѣ, предоставленномъ закономъ окончательному рѣшенію совѣта (§ 75), должно бы, казалось, дѣлаться не иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, не нашли законоположеній, которыя уполномочивали бы высшее начальство гимназій сообщать своимъ чиновникамъ, которые можетъ быть начали свою служебную карьеру писарями въ канцеляріяхъ министра или попечителей, права членовъ педагогическихъ совѣтовъ даже и съ обыкновеннымъ, а не только съ преобладающимъ голосомъ.

Не принадлежа къ числу защитниковъ классицизма *quand même*, мы радовались, однако, когда система эта окончательно водворилась въ нашихъ гимназіяхъ: намъ казалось, что съ водвореніемъ опредѣленной системы, не подвергаемой болѣе вопросу или ломкѣ, наши заведенія на долгое время будутъ обезпечены отъ мелочной регламентаціи извнѣ и такимъ образомъ получать, наконецъ, возможность развиваться самостоятельно, органически. Изданная 8-го декабря инструкція убѣдила насъ, что мы ошибались: наши учебныя заведенія по прежнему не обезпечены отъ самаго мелочнаго вѣдѣтельства центральныхъ управленій, не обезпечены даже точнымъ смысломъ за пѣтава, утвержденнаго Высочайшею властью.

Полагаю, немного найдется педагогических совѣтовъ, которые не дорожили бы предоставленнымъ имъ § 74-мъ устава правомъ *обсудить и окончательно рѣшить* вопросъ о выдачѣ аттестатовъ окончившимъ курсъ. Инструкція 8-го декабря свела это право на обязанность внести въ установленный инструкціе бланкъ успѣхи каждаго окончившаго курсъ, опредѣленные чиновникомъ чуждымъ совѣту, и затѣмъ подписать этотъ бланкъ всѣмъ членамъ совѣта, который такимъ образомъ изъ инстанціи, окончательно рѣшающей вопросъ, обращается какъ-бы въ собственную канцелярію чиновника канцеляріи попечителя.

Чтобы обезпечить на будущее время самостоятельность нашихъ учебныхъ заведеній, намъ представляется только одна мѣра: это—ограниченіе до надлежащаго минимума состава центральныхъ управленій, которыя кишатъ чиновниками, ищущими дѣла и жаждущими возможности отличиться разработкою до мелочей какого-либо вопроса. Если бы такая мысль когда-нибудь была приведена въ исполненіе, то центральныя управленія для составленія новыхъ инструкцій и пересмотра старыхъ были бы принуждены обращаться къ директорамъ и учителямъ гимназій, и тогда, вѣроятно, новыя инструкціи наши сдѣлались бы менѣе обширными, но за то онѣ не становились бы въ противорѣчіе съ такими статьями закона, которыя обезпечиваютъ необходимую для дѣла самостоятельность педагогическихъ коллегій.

П. Н.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое мая, 1873.

Пріѣздъ императора Вильгельма.—Измѣненіе австрійской конституціи.—Новый законъ о выборахъ.—Соглашеніе съ Галиціей.—Результаты частныхъ выборовъ во Франціи.—Ремюза и Бародѣ.—Германскія дѣла.—Духовные законы.—Положеніе Эльзаса.

Въ ряду политическихъ событій истекшаго мѣсяца важное мѣсто займетъ пріѣздъ императора германскаго, короля прусскаго Вильгельма I въ Петербургъ. Пріѣздъ этотъ хотя и не представляетъ непосредственной связи съ какою-либо изъ стоящихъ на очереди вопросовъ, но тѣмъ не менѣе имѣетъ важное политическое значеніе, потому что ознаменовываетъ собою еще разъ дружественныя отношенія, существующія между нашимъ и берлинскимъ кабинетами. Личность императора Вильгельма заслуживаетъ всякаго уваженія, сопровождавшіе его, ближайшіе его помощники князь Бисмаркъ, графъ Мольтке, безспорно принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей новѣйшей исторіи. Естественно поэтому, что населеніе русской столицы стекалось огромными массами встрѣчать ихъ въ гдѣ они являлись, и радушно привѣтствовало гостей своего Государя.

Между тѣмъ конституціонная жизнь Австріи, то-есть, той части имперіи, которая состоитъ подъ австрійскою, а не венгерскою короною, вступила въ прошломъ мѣсяцѣ въ новый періодъ существованія. Эра съ которой начинается этотъ періодъ, является состоявшаяся въ прошломъ мѣсяцѣ избирательная реформа. Основаніемъ конституціонной жизни австрійскихъ земель или Цислейтаніи, служатъ сентябрьскій дипломъ 1860 года и февральскій патентъ 1861 года. Эти два документа, взятые каждый отдѣльно, имѣли смыслъ разнотелъный: дипломъ 1860 года и политика на немъ основанная, де-

Digitized by Google

представителемъ которой былъ графъ Голуховскій, предполагали устройство Цислейтаніи на основаніи принциповъ близкихъ къ федерализму, то-есть не только предоставленіе разнымъ королевствамъ, входящимъ въ составъ Цислейтаніи, областныхъ сеймовъ для обсужденія мѣстныхъ дѣлъ, но и признаніе за каждой изъ этихъ единицъ ея исторической, національной личности, самостоятельности. При полномъ развитіи этихъ началъ, Цислейтанія представила бы союзъ самостоятельныхъ національныхъ единицъ, съ общей властью и представительствомъ единственно по обще-имперскимъ дѣламъ въ Вѣнѣ. Но такъ какъ австрійское правительство есть все-таки правительство нѣмецкое, стремившееся въ то время въ своей внѣшней политикѣ прежде всего къ германскимъ дѣламъ; такъ какъ, съ другой стороны, нѣмецкія провинціи Австріи и вообще нѣмецкій элементъ во всѣхъ ея земляхъ представляли наиболѣе вліятельную по богатству и образованности часть населенія имперіи, то естественно, что скоро сказалась реакція отъ принципа федерализма къ принципу централизма или унитаризма, котораго примѣненіе вело въ Австріи къ преобладанію нѣмецкаго элемента въ общихъ дѣлахъ. Результатомъ этой реакціи былъ февральскій патентъ 1861 года и политика, которой первымъ представителемъ явился Шмерлингъ. Если бы патентъ 1861 года былъ составленъ въ отмѣну диплома 1860 года, то перетѣна произошла бы полная, и затѣмъ вопросъ былъ бы только въ успѣхѣ. Но такъ какъ февральскій патентъ былъ составленъ и изданъ не въ отмѣну, а въ дополненіе октябрьскаго диплома, то отсюда произошла неизбѣжность колебаній отъ одного принципа къ другому; патентъ 1861 года не низводилъ сеймы королевствъ и земель на степень простыхъ провинціальныхъ сеймовъ; онъ признавалъ, что не только законодательство въ дѣлахъ чисто-мѣстныхъ и притомъ не требующихъ однообразнаго по всей имперіи устройства, должно принадлежать національнымъ сеймамъ, но продолжалъ видѣть въ историческихъ національностяхъ такія государственныя единицы, которыя по взаимному соглашенію уступали часть своей полноты въ пользу общей власти общаго представительства и законодательства по общимъ дѣламъ въ Вѣнѣ. Такимъ образомъ, и учрежденный этимъ закономъ имперскій сеймъ, рейхсратъ долженъ былъ состояться изъ уполномоченныхъ, присланныхъ національными сеймами. Но такъ какъ въ то же время рейхсрату присвоивалась гораздо болѣшая компетентность, чѣмъ какую могъ бы имѣть простой съѣздъ уполномоченныхъ отъ различныхъ самостоятельныхъ королевствъ и земель, то отсюда явилась оппозиція противъ рейхсрата и централистскихъ атрибутовъ его со стороны отдѣльныхъ національностей. И такъ какъ рейхсратъ самъ долженъ былъ состав-

латься изъ уполномоченныхъ отъ національныхъ сеймовъ, то ясно, что такая конституція въ одно и то же время и посягала на полную автономію національностей, и давала имъ въ руки сильнѣйшее орудіе противъ своего осуществленія: стояло важнѣйшимъ не-германскимъ національнымъ сеймамъ не прислать депутатовъ въ рейхсратъ или отозвать ихъ оттуда, и рейхсратъ дѣлался некомпетентнымъ по неполнотѣ или, по меньшей мѣрѣ, лишался авторитета обще-національнаго австрійскаго представительства, превращаясь въ представительство собственно-нѣмецкое.

Этимъ орудіемъ и пользовались безъ всякаго стѣсненія чехи и поляки, такъ что хотя законъ предполагалъ основою конституціонной жизни соглашеніе, но въ дѣйствительности рейхсратъ въ Вѣнѣ безпрестанно оказывался неполнымъ и представлялъ собою прямое свидѣтельство отсутствія соглашенія. Событія 1866 года заставили правительство серьезно подумать объ упроченіи государственнаго быта. Настоятельнѣе всего было достигнуть соглашенія съ Венгрією, оно и было достигнуто въ 1867 году; на этомъ соглашеніи и утвердилась конституція 1867 года для Цислейтаніи. Эта конституція оставляла рейхсратъ въ видѣ собранія депутатовъ отъ національныхъ сеймовъ королевствъ и земель Цислейтаніи и учредила еще высшее представительство всей монархіи, какъ Цислейтаніи, такъ и Транслейтаніи, въ образѣ собранія делегацій отъ австрійскаго и венгерскаго государственныхъ сеймовъ, которые сходятся поочередно въ Вѣнѣ и въ Пештѣ. Буквою своей, соглашеніе, достигнутое съ Венгрією, на началѣ полного равенства и взаимной самостоятельности для обѣихъ половинъ монархіи, то-есть для австрійской имперіи и венгерской короны, ничего не рѣшило относительно внутренняго устройства въ австрійскихъ земляхъ. Но на практикѣ соглашеніе съ Венгрією въ томъ видѣ, какъ оно состоялось, должно было повліять на правительственную политику и внутри Цислейтаніи. Дѣло въ томъ, что правительство, признавъ начало дуализма, признавъ земли венгерской короны отдѣльнымъ отъ Австріи государствомъ, равноправнымъ съ австрійскою имперією и соединеннымъ съ ней только въ лицѣ монарха, возстановило въ земляхъ за Лейтою полное преобладаніе мадьярскаго элемента, а затѣмъ естественно должно было стремиться, чтобы и земли по-сю сторону Лейты получили сходное устройство, то-есть составляли не союзъ національностей, но единое австрійское государство, другую половину монархіи, съ преобладаніемъ нѣмцевъ на этой сторонѣ Лейты, какъ венгры преобладаютъ на той сторонѣ. Иначе, еслибы въ одной половинѣ монархіи, въ Транслейтаніи, установилось подчиненіе всѣхъ національныхъ элементовъ одному, осуществленіе государственной идеи въ одномъ верховномъ

сеймъ, а въ другой половинѣ установилась бы полная равноправность и автономія нѣсколькихъ національностей, то при такомъ неравномѣрномъ распредѣленіи ядромъ австро-венгерской монархіи очевидно сдѣлалась бы Венгрія; мы видѣли бы подъ скипетромъ короля-императора Франца-Иосифа Венгрію съ подчиненными ей прочими землями венгерской короны, и затѣмъ нѣсколько небольшихъ самостоятельныхъ національныхъ единицъ; ясно, что ядромъ, центромъ всего этого состава была бы Венгрія.

Итакъ, конституція 1867 года, основанная на дуализмѣ, должна была осуществиться не иначе, какъ при согласіи прочихъ національностей Австріи пожертвовать своими мечтами о полной національной автономіи, о полномъ восстановленіи своихъ историческихъ правъ, въ пользу созданія въ Вѣнѣ австрійскаго единства, подобно тому, какъ въ Пештѣ осуществлено было единство венгерское. Исторія послѣдствій съ 1867 года и представляетъ рядъ попытокъ къ соглашенію національностей, причемъ имъ въ разные моменты общались большія или меньшія уступки въ смыслѣ внутренней самостоятельности каждой изъ нихъ въ управленіи собственными дѣлами. Сдѣлавшія одно за другимъ министерства: Велькреди, Потоцкаго, Гогенварта и Ауэрсперга представляютъ собою рядъ тѣхъ самыхъ колебаній въ смыслѣ большихъ или меньшихъ отступленій отъ единства, которыя первоначально выразились въ Голуховскомъ и Шмерлингѣ, но только новѣйшія колебанія происходили уже въ меньшихъ размѣрахъ, такъ какъ правительство вполнѣ уяснило себѣ, что дуализмъ, обязательный по соглашенію съ Венгріею, самъ по себѣ не исключаетъ возможность дѣйствительно федеральнаго устройства въ австрійской половинѣ монархіи. Важнѣйшее изъ упомянутыхъ сейчасъ колебаній представлялось назначеніемъ министерства Гогенварта, которое соглашалось даже признать историческія права "венгской короны" и продѣлать всю церемонію восстановленія въ Венгріи непрерывности законнаго порядка (*Rechtscontinuität*), лишь бы они съ своей стороны согласились потомъ признать надъ собою компетентность австрійскаго рейхсрата въ важнѣйшихъ законодательныхъ дѣлахъ. Попытка эта не имѣла успѣха; также не имѣла успѣха и послѣдняя попытка кабинета Ауэрсперга достигнуть соглашенія съ венгійскими поляками.

Изъ всего сказаннаго видно, что во всей государственной строительствѣ Австріи 1861 и 1867 годовъ была важная логическая ошибка: рейхсратъ, имперскій сеймъ, долженъ былъ служить органомъ подчиненія отдѣльныхъ національностей австрійскому единству, полномочіе рейхсрата по отношенію къ отдѣльнымъ землямъ было отрицательное полноправности національныхъ сеймовъ этихъ земель; а

между тѣмъ самый составъ рейхсрата прямо зависѣлъ отъ этихъ національных сеймовъ, такъ что еслибы нѣсколько сеймовъ одновременно не прислали въ рейхсратъ депутатовъ, то изъ рейхсрата отсутствовала бы треть или половина законнаго числа его членовъ.

Конституція 1867 года, система дуализма, для осуществленія своего требовала прежде всего устраненія этого очевиднаго противорѣчя. Если совокупность австрійскихъ земель есть государство, а не союз государствъ, то ясно, что источникомъ государственнаго сейма должны быть прямые выборы населенія разныхъ провинцй, а не созваніе пословъ отъ національных сеймовъ. Этого требовала логика, и удовлетвореніе ея требованію само по себѣ должно отнять изъ рукъ оппозиціи національностей главное ея орудіе — отказъ національных сеймовъ прислать депутатовъ въ рейхсратъ или выходъ этихъ депутатовъ изъ рейхсрата.

Министерство князя Адольфа Ауэрсперга и г. Лассера, образовавшееся въ декабрѣ 1871 года, съ самаго начала избрало своей задачей проведеніе закона о прямыхъ выборахъ и осуществленіе соглашения съ Галиціей. Сперва оно стремилось къ достиженію обѣихъ этихъ цѣлей одновременно, надѣясь посредствомъ нѣкоторыхъ особыхъ уступокъ Галиціи заручиться голосами поляковъ на рейхсратѣ для проведенія избирательной реформы. Для проведенія же этого закона, какъ измѣненія конституціи, требовалось большинство $\frac{2}{3}$ членовъ рейхсрата. Но поляки требовали за эту услугу болѣе, чѣмъ правительство предполагало имъ дать, а когда оказалось, что законъ о прямыхъ выборахъ прошелъ большинствомъ $\frac{2}{3}$ и безъ помощи поляковъ, тогда, разумѣется, соглашеніе съ ними отодвинулось уже на второй планъ. Нѣсколько мѣсяцевъ министерство собиралось съ силами, подготавливая почву для внесенія проекта избирательной реформы; наконецъ, въ засѣданіи 15 февраля внесло въ палату депутатовъ рейхсрата проекты двухъ законовъ, въ которыхъ и заключалось преобразование системы выборовъ. Одинъ былъ проектъ измѣненія конституціи въ смыслѣ установленія прямыхъ выборовъ; этотъ проектъ и нуждался въ одобреніи его большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ. Другой проектъ заключалъ въ себѣ новое распредѣленіе избирательныхъ округовъ. Въ объяснительной рѣчи къ этимъ проектамъ министр-президентъ князь Ауэрсбергъ назвалъ проведеніе закона о прямыхъ выборахъ „осуществленіемъ австрійской государственной идеи (Staatsgedanken).“ Число депутатовъ въ рейхсратѣ опредѣляется новымъ закономъ въ 351; въ этомъ составѣ отдѣльныя земли участвуютъ слѣдующими цифрами: Богемія 91, Галиція 63, Далмация 9, Нижняя Австрія 36, Верхняя Австрія 17, Зальцбургъ 5, Штирія 23, Каринтія 9, Краина 10, Буковина 9, Моравія 36, Силезія 10,

Тироль 18, Форарльбергъ 3, Истрія 4, Гёрцъ 4, Триестъ 4. Такимъ образомъ, нѣмецкія земли избираютъ 115 депутатовъ, а прочіе 236 депутатовъ, что соотвѣтствуетъ и численному отношенію населеній, такъ какъ населеніе нѣмецкихъ земель составляетъ около 7-ми милліоновъ, то-есть примѣрно треть всего населенія Цислейтаніи, около 20 милл. Но равновѣсіе это нарушается тѣмъ, что тому лишнему $1\frac{1}{2}$ милліону нѣмцевъ, который разсѣянъ по землямъ не-нѣмецкимъ, предоставлено, при распредѣленіи избирательныхъ округовъ, болѣе депутатовъ, чѣмъ бы соотвѣтствовало строго числу нѣмецкихъ избирателей. Впрочемъ, главное значеніе этой реформы все-таки не въ измѣненіи численныхъ отношеній представительства народностей, но въ томъ именно, что членовъ рейхсрата будетъ избирать *все* население каждой земли, а не большинство населенія этой земли, представляемое сеймомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при новомъ способѣ избранія, на выборахъ въ Богеміи пройдетъ въ рейхсратъ болѣе нѣмцевъ, а въ Галиціи болѣе русиновъ, чѣмъ сколько тѣхъ и другихъ прошло тогда, когда депутатовъ въ рейхсратъ избирали сеймъ Богеміи, въ которомъ большинство принадлежитъ чехамъ, и сеймъ Галиціи, въ которомъ большинство принадлежитъ полякамъ.

Категоріи избирателей, установленныя прежнимъ закономъ, удержаны и въ нынѣшнемъ; выборы въ сельскихъ округахъ будутъ производиться въ двухъ степеняхъ, то-есть посредствомъ избранія выборщиковъ (Wahlmänner) въ городахъ непосредственнымъ избраніемъ. Подача голосовъ будетъ письменная и закрытая (тайная), но въ селеніяхъ можетъ быть допускаема и устная, такъ какъ избиратели могутъ и не знать грамоты. Избиратели должны имѣть не менѣе 24 лѣтъ отъ роду, избираемые не менѣе 30-ти лѣтъ; избираемы только лица, состоящіе въ австрійскомъ подданствѣ не менѣе года и принадлежащіе лично къ одной изъ категорій избирателей. Члены рейхсрата избираются на шесть лѣтъ. Единственный слѣдъ прежняго федеральнаго принципа сохранился въ томъ постановленіи новаго закона, что въ делегаціяхъ, то-есть въ томъ высшемъ имперскомъ собраніи, которое представляетъ обѣ половины габсбургской монархіи, Цислейтанію и Транслейтанію, остается, по прежнему, опредѣленное число представителей каждой національности, и что эти представители избираются не совокупно всѣмъ рейхсратомъ, но отдѣльно національными его группами, то-есть депутатами именно той земли, которой представителя требуется избрать въ делегацію.

Чехи не участвовали въ засѣданіяхъ рейхсрата уже со времени паденія министерства Гогенварта; поляки, какъ уже сказано выше, требовали предварительныхъ уступокъ, и не получивъ ихъ, отказались даже присутствовать при рассмотрѣніи новаго избирательнаго

закона. Грохольскій, бывший при Гогенвартѣ министромъ, объявилъ, что новый законъ не можетъ быть утвержденъ безъ согласія сеймовъ королевствъ и земель, такъ какъ отнимаетъ у нихъ существенное право, и что проведеніе его въ одномъ рейхсратѣ будетъ нарушеніемъ законности. Послѣ того, поляки удалились изъ рейхсрата, и такимъ образомъ новый законъ былъ принятъ безъ оппозиціи. Въ палатѣ депутатовъ въ одномъ засѣданіи, 6-го марта, состоялись и пренія по закону объ измѣненіи конституціи въ смыслѣ прямыхъ выборовъ, и принатіе этого закона большинствомъ 119-ти голосовъ противъ 2-хъ; 10-го марта палата депутатовъ приняла и законъ о новомъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ. По принятіи законовъ верхнею палатою, они были утверждены императоромъ и обнародованы 6-го апрѣля.

Проведеніе этой коренной реформы, которая должна значительно измѣнить конституціонную жизнь Цислейтаніи, вызвало живѣйшую радость въ средѣ „конституціонной“, то-есть нѣмецкой централистской партіи и было встрѣчено съ сочувствіемъ всей нѣмецкой печатью за предѣлами Австріи. Это вполне понятно. Органы нѣмецкой партіи рассчитываютъ, что при новомъ способѣ избранія, въ Галиціи, напримѣръ, изъ 63-хъ опредѣленныхъ для нея депутатовъ, можно достигнуть избранія отъ 20-ти до 30-ти приверженцевъ нѣмецкой партіи или, все равно, „преданныхъ“ депутатовъ. Итакъ, если въ добавокъ къ 115-ти депутатамъ чисто-нѣмецкихъ земель удастся провести въ рейхсратѣ еще только треть преданныхъ людей во всѣхъ другихъ земляхъ, то уже получится въ рейхсратѣ состоящее въ полномъ распоряженіи нѣмецкой партіи большинство 193-хъ противъ 158-ми; если же удастся провести въ не-германскихъ земляхъ цѣлую половину преданныхъ кандидатовъ, то нѣмецкой партіи будетъ принадлежать въ рейхсратѣ компактное большинство двухъ третей, пользуясь которымъ она можетъ измѣнять какъ пожелаетъ и самую конституцію. Но справедливо однако замѣтить, что въ прежнихъ попыткахъ къ соглашенію съ отдѣльными національностями, національности оказались столь неуступчивыми, столь готовыми принести самую возможность правильной конституціонной жизни въ жертву своимъ отдѣльнымъ притязаніямъ, что надѣяться долѣе на возможность соглашеній со всѣми ими было просто невозможно. Правительству нужно отдать справедливость въ томъ, что оно въ самомъ дѣлѣ искренно старалось о соглашеніи. Конечно, было бы лучше, если бы правильный ходъ конституціонной жизни установился на удовлетворительномъ для всѣхъ соглашеніи. Но послѣ шестилѣтнихъ бесплодныхъ усилій въ этомъ смыслѣ оказывалось все-таки необхо-

дѣлать, такъ или иначе, обезпечить правильность конституціонныхъ отправленій.

Итакъ, изъ двухъ своихъ задачъ, министерство князя Адольфа Ауэрсперга осуществило одну, но важнѣйшую. Соглашеніе же съ Галиціею не удалось, но мысль о немъ все-таки не оставлена и сами поляки хотя отказались участвовать въ проведеніи закона о выборахъ, но не стали въ рѣшительно враждебное отношеніе къ правительству. Открытіе сессіи делегацій, которое обыкновенно бываетъ уже по окончаніи сессіи рейхсрата, нынѣ происходило 2 апрѣля, и затѣмъ совѣщаніе делегацій и дальнѣйшія работы рейхсрата происходили одновременно до 24 апрѣля. Въ делегацію поляки явились въ полномъ числѣ. Съ своей стороны правительство сдѣлало имъ тоже двѣ любезности. Министръ Лассеръ высказался въ палатѣ депутатовъ противъ раздѣленія города Львова на два избирательныхъ округа, предложеннаго централистомъ Курандою съ той цѣлью, чтобы одного изъ депутатовъ Львова могли избирать евреи, которые присылали бы, конечно, преданнаго нѣмецкой партіи челоуѣка. Въ виду заявленія министра это предложеніе, которое иначе непременно прошло бы, взято было назадъ. Затѣмъ, незадолго передъ закрытіемъ сессіи, бургомистръ Львова Земалковский былъ назначенъ министромъ безъ портфеля, такъ что у Галиціи есть опять свой министръ, какъ было при Гогенвартѣ. Наканунѣ назначенія Земалковского министромъ, галиційскіе депутаты, оставившіе рейхсратъ по случаю проведенія закона о выборахъ, объявлены были въ рейхсратѣ сложившими съ себя свое званіе; но такъ какъ это объявленіе послѣдовало 21-го числа, т. е. за три дня до закрытія сессіи и распущенія всей нынѣшней палаты депутатовъ, то оно не имѣло особаго значенія.

Президентъ палаты депутатовъ, кавалеръ фонъ-Гопфенъ, въ послѣднемъ засѣданіи, обозрѣвая истекшую ея сессію, которая продолжалась 16 мѣсяцевъ, съ перерывомъ отъ іюня до декабря, называлъ ее „достопамятною“ и указалъ на большое значеніе совершившейся избирательной реформы: „въ жизни всѣхъ государствъ,—сказалъ Гопфенъ,—настаютъ моменты, рѣшающіе будущность; на такомъ поворотѣ стала теперь Австрія“. Палата депутатовъ рейхсрата, исходившая изъ избраній національных сеймовъ, собралась въ первый разъ 1-го мая 1861 года и была распущена 24-го апрѣля 1873 г.; но въ теченіе этого двѣнадцатилѣтняго періода нѣсколько разъ происходили общіе выборы, такъ что составъ палаты не разъ измѣнился.

Кромѣ избирательной реформы, въ послѣднюю парламентскую сессію въ Австріи проведена была еще реформа уголовного судопро-

изводства и соединенное съ нею учрежденіе присяжныхъ, которое отнынѣ дѣйствуетъ и въ Австріи. Слѣдующая сессія откроется уже съ палатою депутатовъ, избранною на основаніи новаго закона о выборахъ. Закрытіе сессіи 24-го апрѣля было совершено лично императоромъ; въ тронной рѣчи о двухъ главныхъ цѣляхъ правительства за послѣднее время упоминалось слѣдующимъ образомъ: „благодаря вашему патріотическому содѣйствію удалось доставить имперскому представительству соотвѣтствующую обстоятельствамъ независимость, введеніемъ непосредственнаго его образованія, и тѣмъ безъ ущерба для самостоятельности земель доставить *единство государства* (Einheit des Reichs) подобающее выраженіе“. . . . „Старанія дать королевству Галиціи такое развитіе автономіи, которое, однако, соотвѣтствовало бы единству и могуществу всего государства (Gesammtstaats) не достигли цѣли; но въ призваніи въ совѣтъ короны члена, принадлежащаго Галиціи, королевство это усмотритъ доказательство постоянной нашей заботливости“.

Около того же времени происходили въ Вѣнѣ два торжества, одно императорское семейное, другое — международное. Первымъ было совершенное 20-го апрѣля бракосочетаніе старшей дочери императора Франца-Иосифа, эрцгерцогини Гизели (род. въ 1856 году) съ принцомъ Леопольдомъ баварскимъ, двоюроднымъ братомъ короля. Вторымъ было открытіе 1-го мая, императоромъ Францомъ-Иосифомъ, въ присутствіи наслѣдниковъ престоловъ Германіи и Великобританіи, вѣнской всемірной выставки.

„Парижскихъ избирателей разгадать нельзя“, замѣтила „Кѣльнская“ газета, до результата апрѣльскихъ выборовъ, и результатъ выборовъ вполне подтвердилъ такое предсказаніе: казалось бы, что легче, какъ узнать истинное настроеніе Парижа, гдѣ стоить только выйти на улицу, чтобы тотчасъ ощутить біеніе политическаго пульса. Но на этотъ разъ результатъ показалъ, что въ истинномъ настроеніи Парижа могутъ совершенно ошибаться самые компетентные люди: глава правительства и редакторы умѣншихъ газетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Тьеръ не позволилъ бы графу Ремюза явиться кандидатомъ, если бы сколько-нибудь сомнѣвался въ успѣхѣ его кандидатуры, потому что это значило бы рисковать авторитетомъ правительства. Безспорно также, что ни консервативные республиканскіе, ни либерально-монархическіе органы и собранія не придали бы впередъ такъ много значенія избранію противнаго кандидата, г. Бародѣ, еслибы предполагали его успѣхъ вѣроятнымъ. Между тѣмъ, и правительственные органы и органы умѣренныхъ партій сами ставили вопросъ такъ, что избраніе Бародѣ будетъ будто бы означать тор-

жество партій безпорядка, выразить недоуверіе правительству, и поколеблеть даже и финансовое и политическое положеніе Франціи. Мы думаемъ, что такое преувеличенно-ужасное значеніе придавалось официозною и умѣреннымъ печатью кандидатуръ Бародѣ не столько съ цѣлью повредить ей, сколько въ расчетѣ, что она не будетъ имѣть успѣха, что поэтому нельзя достаточно преувеличить впередъ того благопріятнаго для правительства значенія, какое долженъ былъ получить успѣхъ „правительственнаго“ кандидата.

Однако, избранъ былъ Бародѣ, и мы думаемъ, именно потому, что кандидатура Ремюза, благодаря тѣмъ преувеличеніямъ друзей правительства, получила прямое значеніе „официальной“; Тьеръ, который столько гремѣлъ во время имперіи противъ официальныхъ кандидатуръ, допустилъ, однако, нѣчто въ родѣ возстановленія этой системы.

Вотъ почему парижскіе избиратели поступили совершенно рачительно, не избравъ Ремюза. Лично, Ремюза разумѣется заслуживалъ всякаго предпочтенія; но при той обстановкѣ, какаѣ была придана дѣлу, избиратели должны были уже отложить личныя предпочтенія въ сторону и вотировать не въ пользу того или другого лица, но въ пользу той или другой изъ заявленныхъ ими программъ. Оба кандидата въ своихъ программахъ провозглашали неприкосновенность принципа всеобщей подачи голосовъ; но въ программѣ Бародѣ сверхъ того стояли: немедленное распушеніе собранія, амнистія и несочувствіе къ учрежденію второй палаты. Когда выборъ сводился уже исключительно къ предпочтенію той или другой программы, то ясное дѣло, что избиратели парижскіе должны были заявить себя въ пользу программы Бародѣ. Говорили, что это непрактично; что побѣда радикальной программы не достигнетъ цѣли, но, наоборотъ, усилитъ реакцію въ нынѣшнемъ собраніи, а у Тьера отниметъ охоту ускорять будущіе общіе выборы. Но столько же оснований думать, что на нынѣшнюю палату можно дѣйствовать не уступчивостью и умѣренностью на выборахъ, а наоборотъ, самымъ рѣшительнымъ осужденіемъ ея, такъ чтобы она убѣдилась, что чѣмъ долѣе она будетъ неправильно задерживать въ своихъ рукахъ власть, тѣмъ вѣроятнѣе будетъ становиться большій и большій успѣхъ радикаловъ при будущихъ выборахъ, которые все равно должны же наступить когда-нибудь. Короче, Франція имѣетъ основаніе думать, что на нынѣшнюю палату вѣрнѣе дѣйствовать устрашеніемъ, чѣмъ уступчивостью.

Въ пользу кандидатуры Бародѣ была собственно вся радикальная часть національнаго собранія, съ такими именами, какъ Гамбетта, Луи-Бланъ и Эдгаръ Кинэ. Радикальная партія возставала противъ кандидатуры Ремюза прямо потому, что кандидатура эта получила характеръ официальный; радикальная партія и самъ

Гамбетта выказали со времени учрежденія правительства Тьера достаточно умѣренности, вообще поддерживали его, несмотря на то, что въ большей части отдѣльных вопросов расходились съ нимъ. Но всему есть предѣлы, и спрашивалось, не повело ли бы безусловное подчиненіе Тьеру со стороны радикаловъ скорѣе къ выгодамъ, чѣмъ къ невыгодамъ для видовъ консервативнаго большинства собранія. Увѣренный въ полномъ послушаніи себя всей республиканской партіи, Тьеръ могъ бы обратить всѣ свои усилія къ тому, чтобы склонить въ свою пользу, посредствомъ уступокъ, консервативное большинство. И въ самомъ дѣлѣ, примѣровъ поддержки, оказанной Тьеру радикалами, мы уже видѣли немало, но примѣра уступокъ радикаламъ со стороны Тьера мы еще не видали. Напротивъ, всѣ уступки, имъ сдѣланныя, были сдѣланы въ пользу консервативнаго большинства. Этимъ образомъ дѣйствій Тьеръ нѣсколько напоминаетъ басню о томъ пастухѣ, который отнималъ кормъ у козъ домашнихъ, для того, чтобы прикормить козъ дикихъ; въ баснѣ—домашнія козы пропали, а дикія козы все-таки ушли. Этого пока не случалось съ партіями, среди которыхъ дѣйствуетъ Тьеръ, но тѣмъ не менѣе вполне понятно, что часть „домашнихъ козъ“ пожелаала предупредить пастуха о невозможности лишать ихъ корма неопредѣленное время.

Но, по нашему мнѣнію, все-таки было бы большимъ преувеличеніемъ полагать, что избраніе Бародѣ и другихъ радикальных кандидатовъ въ самомъ дѣлѣ серьезно ослабитъ правительство, и доставить какую-либо выгоду правой сторонѣ. Напротивъ, очень можетъ случиться, что результатъ выборовъ сильнѣе чѣмъ на правительство подѣйствуетъ именно на консерваторовъ правой стороны и нѣсколько умѣритъ ихъ порывы къ установленію „gouvernement de combat“, показавъ имъ еще разъ, съ какою страшною силою и съ какимъ глубокимъ раздраженіемъ имъ пришлось бы мѣряться въ томъ случаѣ, если бы они въ самомъ дѣлѣ рѣшились на „борьбу“ противъ существующаго порядка, т. - е. противъ республики. Что касается правительства, то оно слишкомъ успѣшно ведетъ дѣла Франціи, чтобы не имѣть новой увѣренности въ искреннемъ сочувствіи и поддержкѣ со стороны массы населенія. Такъ и теперь, уже послѣ выборовъ, разнесся слухъ, будто дальнѣйшими переговорами съ Германіею правительство приобрѣло обѣщаніе, что послѣдній пунктъ французской территоріи, который останется во власти германскихъ войскъ, будетъ очищенъ даже 5-го августа. Подъ влияніемъ уже этого извѣстія, а также и естественнаго отрезвленія отъ избирательныхъ намѣренныхъ преувеличеній, то неблагоприятное собственнo для правительства впечатлѣніе, какое могли произвести

нѣмѣнныя частныя выборы, безъ сомнѣнія, скоро и весьма значительно стужается. Данное ему „внушеніе“ оно должно принять къ свѣдѣнію, и употребить какъ новый аргументъ противъ притязаній правой стороны о новыхъ ей уступкахъ.

Германская имперія все еще занята главнымъ образомъ заботами своего объединенія, и нельзя не признать, что она не только не торопится воспользоваться единствомъ для развитія своихъ учреждений въ прогрессивномъ духѣ, но даже выказываетъ положительную медлительность въ приступѣ къ этому важнѣйшему дѣлу. Со времени провозглашенія германской имперіи въ Версалѣ уже прошло два года и нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ до сихъ поръ дѣйствительно либеральное приобрѣтеніе для германскаго общества едва ли не представляется одною только реформою уѣзднаго или окружнаго устройства въ Пруссіи, и то не во всѣхъ провинціяхъ Пруссіи. Правда, въ періодѣ подготовки, выработки, находятся уже возбужденныя, несомнѣнно либеральныя, хотя и второстепенныя, съ политической точки зрѣнія, вопросы: о провѣрѣ способа выдачи желѣзно-дорожныхъ концессій (по заявленію Ласкера въ прусскомъ сеймѣ, для обсужденія этого вопроса учреждена, не парламентская, впрочемъ, но правительственная коммиссія), о необходимости измѣнить существующее законодательство по учрежденію акціонерныхъ компаній (по заявленію его же, сдѣланному въ имперскомъ сеймѣ), о введеніи обязательнаго юридическаго брака (предложеніе Фѣлька и другихъ, разсматриваемое въ коммиссіи имперскаго сейма) и о новомъ законѣ относительно печати для всей имперіи (коммиссія имперскаго сейма составляетъ свой докладъ по этому предмету съ предположеніями объ отмѣнѣ залоговъ и штемпеля для газетъ, и съ ограниченіемъ права администраціи задерживать нумера газетъ, до судебнаго приговора). Послѣдній изъ исчисленныхъ проектовъ могъ бы получить важность первостепеннаго политическаго приобрѣтенія, но только въ такомъ случаѣ, если бы коммиссія рѣшилась вовсе отмѣнить право предварительнаго задержанія, которымъ администрація въ Пруссіи пользуется также весьма широко и если бы, сверхъ того, въ законъ включено было постановленіе, что газеты могутъ быть преслѣдуемы только за собственныя сужденія, но не за цитаты и приведеніе какихъ-либо документовъ и рѣчей.

Утѣшительно, что все-таки хотя идетъ рѣчь о нѣкоторыхъ приобрѣтеніяхъ для общества въ либеральномъ смыслѣ. Но въ области совершившихся фактовъ, практики, пока еще не имѣется ничего значительнаго, кромѣ, повторяемъ, — окружной реформы. Борьба имперскаго правительства съ клерикализмомъ могла бы имѣть такой ха-

ракторъ; по самому существу своему, противодѣйствіе притязаніямъ духовенства и освобожденіе школы отъ клерикальнаго вліянія должны были имѣть въ высшей степени либеральное значеніе, но только при иныхъ условіяхъ, то-есть тогда, если бы борьба эта велась въ самомъ дѣлѣ съ цѣлью освобожденія общества отъ клерикальнаго ига, а не была направлена главнымъ образомъ прямо къ подчиненію духовныхъ властей власти свѣтской, короче, если бы правительство боролось за общественный прогрессъ, а не просто за усиленіе своей власти, за установленіе дисциплины и такого единоначалія, чтобы и церкви состояли подъ общою командой.

Сущность законовъ Фалька, подчиняющихъ юрисдикціи прусскаго государства кары, налагаемыя духовными властями, и полному контролю государства самое воспитаніе духовныхъ лицъ и степень ихъ образованности, съ правомъ сверхъ того для государства прямо удалять отъ должности духовныя лица за нарушенія правъ свѣтской власти, такова, что она заслоняетъ собою то, что было дѣйствительно либеральнаго въ новомъ законѣ объ инспекціи училищъ, который освободилъ школу отъ давленія клерикализма. Ясно, что свѣтская власть, прежде самымъ пагубнымъ образомъ благопріятствовавшая несправедливому давленію клерикализма на школу, теперь неудовольствовалась возстановленіемъ справедливости, но тотчасъ же снова нарушила ее, перейдя въ противоположную крайность. Весьма естественно, впрочемъ, что остановиться здѣсь на либеральной точкѣ всѣхъ менѣе способенъ былъ именно канцлеръ, князь Бисмаркъ: нѣкогда онъ безусловно проповѣдовалъ „христіанскую миссію“ государства, т.-е. поработеніе его клерикальнымъ цѣлямъ; отвергнувъ теперь это воззрѣніе, онъ все-таки не способенъ былъ остановиться на взаимной свободѣ, но въ силу того личнаго духа предпринялъ нѣчто весьма похожее на полное поработеніе церкви государству. Нашъ почтенный берлинскій корреспондентъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ, разъясняя политическую сторону этого дѣла, напоминалъ, что борьба между духовною и свѣтскою властями ведется искони, велась всегда, начиная съ древнѣйшихъ историческихъ временъ, и это безспорно. Но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что фактъ такой борьбы долженъ быть принятъ въ основаніе законодательства, признанъ и упроченъ имъ. Наоборотъ, борьба эта должна быть прекращена въ законодательствѣ, посредствомъ осуществленія полной взаимной свободы государства и церкви. Только тогда, когда государство окончательно перестанетъ признавать юридически духовныя власти властями и духовныя требованія обязательными для законодательства, только тогда и само духовенство лишится повода участвовать въ политической борьбѣ. Оно принимаетъ участіе въ

выборахъ, интригуешь противъ таковаго или иного состава управленія только потому, что въ законѣ оно видитъ орудіе къ порабощенію имъ общества. Какъ только законъ окончательно потеряетъ это значеніе, будетъ вовсе игнорировать самое существованіе различныхъ церквей, политическая борьба духовенства со свѣтской властью прекратится, какъ она не существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Развѣ философы и поэты составляютъ въ государствѣ политическую партію, развѣ они на выборахъ выставляютъ своихъ кандидатовъ? Нѣтъ, потому что самъ законъ вовсе не представляетъ собою средства для проведенія той или иной школы философіи, для направленія поэзій въ томъ или иномъ смыслѣ. Но новыя германскія законы прямо отступаютъ отъ этого, единственнаго рациональнаго принципа. Англійская газета „Pall-Mall“, которая сама скорѣе одобряетъ, чѣмъ порицаетъ эти законы, прямо высказываетъ, однако, что „авторы этихъ мѣръ основали свое законодательство на сознательномъ отверженіи итальянскаго политическаго принципа—свободная церковь въ свободномъ государствѣ“.

Законовъ этихъ, какъ извѣстно, было четыре: 1) объ ограниченіи дисциплинарной власти церкви и учрежденіи королевскаго суда по первовишнимъ дѣламъ; 2) о предварительномъ общемъ образованіи священниковъ и ихъ назначеніи; 3) о выступленіи изъ церкви, т. е. изъ духовнаго сана и изъ исповѣданія, и 4) объ ограниченіи карательной власти церкви. Для проведенія этихъ законовъ потребовалось ввести ограниченія въ статьи 15 и 18-ю прусской конституціи 31-го января 1850 года, которыми провозглашалось полное самоуправленіе церквей въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ и ихъ школахъ, подъ общимъ только надзоромъ государства. Въ настоящее время это измѣненіе конституціи принято обѣими прусскими палатами и утверждено королемъ, а самыя относящіяся сюда законы въ палатѣ депутатовъ прошли еще до вакацій, по случаю праздниковъ, а по возобновленіи сессіи были приняты и палатою господъ; въ результатъ не могло быть сомнѣнія, такъ какъ князь Бисмаркъ положительно заявилъ, что правительство ни въ какомъ случаѣ не откажется отъ этихъ законовъ, а оппозиція въ палатѣ господъ нынѣ сломана: послѣ категорическаго объявленія Бисмарка, палата господъ, большинствомъ 74-хъ противъ 38-ми, постановила прямо приступить къ разсмотрѣнію этихъ законовъ въ общемъ собраніи, не дожидаясь доклада комиссіи, и послѣ общихъ преній палата приняла проекты этихъ законовъ безъ измѣненія.

Протестантское духовенство крайне недовольно такими мѣрами, о католическомъ уже и говорить нечего. Такъ, протестантскіе пасторы въ Помераніи, провинціи извѣстной своей „лояльностью“, не

совершили въ день рожденія короля, 22-го марта, обычнаго въ этомъ случаѣ богослуженія въ церквахъ, а на сдѣланныя имъ замѣчанія отвѣчали, что они отправили богослуженіе въ воскресенье вмѣстѣ и по случаю этого праздника. Преслѣдованію они не подверглись, потому что покажеть нѣтъ такого закона, который обязывалъ бы пасторовъ отправлять богослуженіе въ день рожденія короля. Но, идя по тому пути, на который оно вступило, по пути не игнорированія всего клерикализма, а подчиненія, дисциплинированія его правительству, прусское законодательство несомнѣнно должно будетъ обогатиться и такимъ закономъ, и еще многими ему подобными. Проще всего, еслибы законъ не хотѣлъ знать никакихъ демонстрацій духовенства; но если онъ ставитъ себѣ цѣлью бороться съ этими демонстраціями, то ему придется дополнять себя мелочными постановленіями до безконечности, такъ какъ поле демонстрацій безконечно. Придется сперва точно опредѣлить, въ какіе officialные дни должна происходить церковная служба. Но тогда католическій епископъ можетъ въ officialный праздникъ предоставить службу священнику, а въ церковный праздникъ служить самъ, соборитъ; пасторъ же можетъ въ officialный праздникъ сказать проповѣдь въ 10 минутъ, между тѣмъ, какъ въ воскресенье онъ говоритъ часъ. Придется опредѣлить закономъ, въ какіе дни должно быть архіерейское служеніе и установить minimum продолжительности протестантскихъ проповѣдей въ officialные дни. Но и тогда далеко не будетъ огорожено поле, на которомъ могутъ происходить демонстраціи: можно будетъ въ церковные праздники приглашать въ церковь оркестръ, а въ officialные ограничиваться органомъ, или въ воскресенье исполнить миссу Бетховена, а въ officialный понедѣльникъ самую заурядную музыку. Неужели все это опредѣлять закономъ? Если же малѣйшая подробность имъ опредѣлена не будетъ, то все равно демонстрація останется возможною, и тѣмъ строже опредѣленіе закона, тѣмъ большее значеніе получить демонстрація въ любой формѣ, такъ что, наконецъ, употребленіе такой или иной ризы или цвѣтовъ на алтарѣ въ извѣстный день получить совершенно такую же важность, какую доселѣ представляло бы открытое порицаніе какой-либо правительственной мѣры въ проповѣди.

Между тѣмъ именно этого рода борьба уже началась и производится дѣятельно со стороны правительства. Она выражается и въ болѣе крупныхъ мѣрахъ, какъ, напримѣръ, изгнаніе викарія Ранпа изъ Эльзаса и возбужденіе судебного преслѣдованія противъ архіепископа Гнѣзненскаго, за сопротивленіе введенію нѣмецкаго языка въ духовное преподаваніе въ Познани, но и въ мелочныхъ мѣрахъ преслѣдованія противъ газетъ даже за одно перепечатаніе неприя-

ныхъ правительству документовъ. Наконецъ, даже такая ультра-оптимистическая въ національномъ смыслѣ газета, которая и называется National-Zeitung, стала жаловаться, что это ужъ крайне непріятно видѣть, какъ въ Пруссіи въ наше время Germania и другія клерикальныя газеты принуждены приводить цитаты съ пропусками изъ боязни захвата, которому онѣ часто подвергаются.

Положеніе дѣлъ въ Эльзасѣ не только не улучшается, но даже ухудшается, хотя, впрочемъ, ухудшеніе здѣсь состоитъ быть можетъ просто въ томъ, что германская печать сама доселѣ слишкомъ легкомысленно смотрѣла на недовольство насильно присоединенныхъ провинцій, а теперь начинаетъ убѣждаться, что недовольство это гораздо серьезнѣе, чѣмъ сама національная печать его представляла. Видимый признакъ поворота въ мнѣніяхъ объ этомъ предметѣ не только нѣмецкой прессы, но и германскаго правительства, представлялся въ истекшемъ мѣсяцѣ отрѣшеніемъ отъ должности страсбургскаго бургомистра Лаута. Муниципальному совѣту не было предложено избрать ему преемника, и должность его поручена административному лицу. Назначеніе Лаута бургомистромъ состоялось по распоряженію германскаго правительства, и смѣненъ онъ теперь также императорскимъ повелѣніемъ. Нѣмецкія газеты приводятъ теперь много „винъ“ Лаута, но всѣ онѣ относятся именно только къ отсутствію германскаго патріотизма. Ни въ какомъ нарушеніи обязанности по должности онъ не уличается и сама официальная страсбургская газета признаетъ, что смѣненный бургомистръ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и не безъ юмора прибавляетъ, что такому человеку самому должно быть пріятно быть освобожденнымъ отъ нравственно-тягостнаго положенія. Обвиняется же Лаутъ въ слѣдующемъ: когда вышло императорское повелѣніе о переименованіи улицъ Страсбурга нѣмецкими названіями, то на домѣ Лаута явилась вывѣска съ французскимъ названіемъ улицы; онъ продолжалъ называть себя мэромъ, между тѣмъ какъ ему предписано было называться бургомистромъ; постройку нѣмецкаго театра онъ велъ медленно; въ день рожденія императора не вывѣсилъ никакихъ флаговъ на зданіи ратуши, и какъ онъ, такъ и весь муниципальный совѣтъ не явились на официальное празднество; наконецъ, онъ позволилъ себѣ сказать оберъ-президенту провинціи, — правда, въ частномъ разговорѣ, — что хотя 1 октября 1871 года, въ день избранія національности, онъ не воспользовался правомъ сохранить французскую національность, но поступилъ такъ единственно потому, что французы все-равно придутъ опять.

Хотя, разумѣется, нельзя одобрять подобныхъ мелочныхъ заявленій. нѣвшихъ характеръ демонстраціи со стороны главнаго пред-

ставителя городского общества, но нельзя не признать, что и вызваны они были не менѣ мелочными распоряженіями въ родѣ переименованія улицъ и должностей. Впрочемъ, повторяемъ, нѣмецкая печать начинаетъ понимать, что дѣло не въ Лаутѣ, не въ одномъ человѣкѣ и даже не въ данномъ личномъ составѣ всего муниципальнаго совѣта. Въ этомъ отношеніи „Аугсбургская“ газета весьма горячо стоящая за всѣ интересы германства и германизациі, высказываетъ нелишенные интереса соображенія... „Оппозиція и вражда противъ Германіи,—говоритъ она,—здѣсь не ограничивается нѣсколькими лицами. Напротивъ, большая часть населенія сознательно противится всему нѣмецкому; сюда принадлежатъ всѣ тѣ, кто получилъ чисто-французское воспитаніе, всѣ, которые чувствуютъ себя французами по духу и мышленію, то-есть весь образованный классъ населенія, преимущественно въ городахъ, классъ вліятельный по своему имуществу. Эти люди не могли перемѣниться такъ скоро, да они вообще и не перемѣнятся... Чтобы сгладить здѣсь контрасты, необходимо новое поколѣніе, воспитанное въ нѣмецкомъ духѣ, въ культурѣ нѣмецкой. Невѣрно говорить и о нѣмецкой партіи среди образованныхъ эльзасцевъ. Правда, среди протестантовъ кое-гдѣ еще замѣчаются слабыя германскія сочувствія, но не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо политическомъ вліяніи такихъ людей. Еще менѣ слѣдуетъ обманывать себя тѣмъ фактомъ, что эльзасцы въ разныхъ случаяхъ обращались къ правительству для достиженія той или другой отдѣльной цѣли. Эльзасцы слишкомъ ловкіе дѣловые люди, чтобы не умѣть наилучшимъ образомъ воспользоваться для себя всякимъ положеніемъ. Такъ какъ изъ такихъ офранцузившихся (*verwälscheten*) эльзасцевъ, естественно, только немногіе могли оставить страну, то понятно, что оставшіеся затѣмъ, принужденные стать въ болѣе определенное отношеніе къ даннымъ обстоятельствамъ, впали въ столкновеніе съ нѣмецкимъ правительствомъ и изъ своего прежде пассивнаго положенія должны были перейти въ наступательное (*aggressive*)..... По всей вѣроятности враждебныя демонстраціи умножатся и примутъ болѣе рѣзкій характеръ, между прочимъ уже и потому, что успѣхъ, какого достигла Франція въ вопросѣ объ очищеніи ея территоріи, оживилъ надежды ея приверженцевъ, а предстоящее очищеніе Бельфора въ особенности вскружило голову иному, даже благоразумному жителю верхняго Эльзаса“. Но „Аугсбургская“ газета, сознающая такіе факты, не выводитъ того заключенія, которое, казалось бы, истекаетъ изъ нихъ естественно: если надежды передѣлать нынѣшнее поколѣніе въ Эльзасѣ нѣтъ, и для „сглаженія контрастовъ“ приходится воспитать сперва новое поколѣніе, то тѣмъ самымъ доказывается не только бесплодность, но

и вредность всякихъ придирчивыхъ мѣропріятій для внезапнаго окончанія Эльзаса, такъ какъ они очевидно могутъ только усиливать раздраженіе „возсоединенныхъ братьевъ“, и укрѣплять ихъ въ томъ Wälschthum, которое требуется изгладить. Напротивъ, „Аугсбургская“ газета отъ приведенныхъ признаній приходитъ къ слѣдующему нелогическому выводу: „въ виду этихъ явленій правительство, которое до 1-го октября 1872 г. могло многое допускать, должно было измѣнить свой образъ дѣйствій, и можно только привѣтствовать такую въ немъ перемѣну, что оно перестаетъ склонять уступками, какъ, напр., устройство французскаго театра, освобожденіе членовъ коммерческаго суда отъ обязательной присяги и т. д., такихъ людей, которые на все это отвѣчаютъ презрѣніемъ и насмѣшкой. Противъ такихъ людей нужна строгость, и позволительно только ожидать, что болѣе строгія мѣры не будутъ выходить изъ границъ законности и будутъ принимаемы съ соблюденіемъ политическаго такта“.

Дѣло объединенія Германіи и въ нѣкоторыхъ иныхъ чисто нѣмецкихъ странахъ не идетъ такъ скоро и гладко, какъ бы того хотѣлось національной прусской партіи. Изъ Бадена доходятъ въ послѣднее время извѣстія въ томъ смыслѣ, что настроеніе тамошняго населенія вовсе не такъ безусловно благопріятно объединенію, какъ настроеніе самого баденскаго правительства. Въ Баваріи трудности, разумѣется, еще больше, такъ какъ тамъ и само правительство далеко еще не примирилось съ мыслью о полномъ единствѣ законодательства. На недавно бывшихъ въ Берлинѣ конференціяхъ министровъ юстиціи германскихъ государствъ, баварскій министръ отвергъ предложеніе Пруссіи объ учрежденіи общаго для имперіи верховнаго суда съ полноправностью въ гражданской юрисдикціи, и министры прочихъ южныхъ государствъ присоединились въ мнѣнію министра Баваріи. Сперва въ Мангеймѣ, а потомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ произошли безпорядки, которые хотя и были вызваны только вздорожаніемъ пива и ограничились нападеніемъ на пивоварни, но были такъ значительны по размѣрамъ, что въ нихъ нельзя не подозрѣвать скрытаго политическаго мотива. Пивовары защищались кипяткомъ и направленіемъ въ толпу горячаго пара, но войска также были выведены на улицы и неоднократно употребляли огнестрѣльное оружіе, такъ что убитыхъ и раненыхъ насчитывали десятками.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

24 апрѣля 1873.

КАНДИДАТУРА РЕМЬЮЗА И БАРОДЭ.

Если что мѣшаетъ оптимистическому взгляду на наше будущее, такъ это тѣ насильственные и внезапные переходы отъ опасенія къ надеждѣ, которые мы постоянно переживаемъ. Подобныя перемѣны бросаются въ глаза, и ихъ нельзя не назвать болѣзненными кризисами. Всего съ мѣсяць тому назадъ, если бы мнѣ пришлось вамъ писать, то мое письмо было бы, по всей вѣроятности, окрашено въ розовый цвѣтъ. Тьеръ, казалось, достигъ апогея своей популярности: онъ только-что оказалъ важную и неожиданную услугу, обезпечивъ окончательное освобожденіе территоріи въ срокъ ближайшій, тѣмъ на то рассчитывали. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы въ ту минуту происходили общіе выборы, то Тьеръ былъ бы избранъ во многихъ департаментахъ, а, быть можетъ, и во всѣхъ. Правая сторона собранія одна только была недовольна и дулась, потому что освобожденіе территоріи придвигало эпоху распушенія собранія, но вся Франція была разстрогана и благодарна, и президенту довелось пережить нѣсколько пріятныхъ минутъ. Увы! эти минуты пролетѣли слишкомъ быстро. Еслибы мнѣ приходилось въ настоящую минуту опредѣлить, насколько еще великъ кредитъ Тьера, то я былъ бы, конечно, въ затрудненіи, но оцѣнка моя не была бы особенно крупна.

Странная и трагическая вещь: обстоятельство, порожденное самымъ триумфомъ президента, вызвало эту новую перипетію. Дѣйствительно, кандидатура Ремьюза, министра иностранныхъ дѣлъ, обусловливалась договоромъ объ освобожденіи территоріи, а между тѣмъ эта самая кандидатура, не взирая на всю ея законность, скомпрометтировала все дѣло и грозитъ погубить не только правительство Тьера, но и самую республику.

Каковъ бы ни былъ результатъ выборовъ ¹⁾, эта кандидатура была ошибкой; она повлечетъ несчастныя послѣдствія даже въ случаѣ успѣха, а если окажется неуспѣшной, что, во всякомъ случаѣ, возможно, то будетъ чистымъ бѣдствіемъ, настоящимъ Ватерлоо. Для консервативной республики будутъ сочтены, и мы перейдемъ къ состоянію полнѣйшей неизвѣстности.

¹⁾ Избранъ Бародэ. — Ред.

Но, скажете вы, какъ же было не предвидѣть этого? Дѣло, какъ увидите, очень просто.

Выборъ единственнаго депутата въ Парижѣ, благодаря нелѣпости нашего избирательнаго механизма, всегда представляется дѣломъ очень труднымъ. Общіе выборы, которые производятся по избирательнымъ спискамъ и гдѣ Парижу приходится выбирать между нѣсколькими десятками депутатовъ, гораздо менѣе рискованны. Мы имѣемъ дѣло съ нѣсколькими избирательными списками, изъ которыхъ каждый является выраженіемъ извѣстной партіи, но многіе избиратели комбинируютъ по своей охотѣ имена депутатовъ, такъ что результатъ выборовъ можетъ быть отчасти эклектическій и не имѣть остраго характера манифестаціи, вызванной однимъ какимъ-нибудь именемъ, и которой содѣйствовали бы всѣ столичные избиратели. Поэтому благоразумныхъ людей весьма озабочивало то обстоятельство, что приходилось пополнять только одно вакантное мѣсто, и главнымъ ихъ стараніемъ было найти такого кандидата, который отбѣчалъ бы требованіямъ минуты, то-есть могъ бы получить большинство голосовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не былъ бы ни изъ радикаловъ, ни изъ партіи враждебной республикѣ, словомъ, найти кандидата изъ консервативныхъ республиканцевъ. Многіе подумывали о Ремюза, либеральномъ и прекрасномъ человѣкѣ, пользовавшемся всеобщимъ уваженіемъ и дружнымъ съ Тьеромъ, который, вдобавокъ, одинъ изъ всѣхъ министровъ не былъ депутатомъ. Но всѣ знали, вмѣстѣ съ тѣмъ, что Ремюза очень скромнъ и не желаетъ, чтобы имя его возбуждало много толковъ, и поэтому, вѣроятно, его и не стали бы безнужно, какъ вдругъ счастливое заключеніе берлинскаго договора, честь котораго онъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ Тьеромъ, оставило на немъ общественное вниманіе и внушило мысль предложить ему кандидатуру, какъ блистательное доказательство благодарности. Многіе надѣялись, что радикалы, увлеченные общою радостью, не рѣшатся выставить своего кандидата въ соперники Ремюза, и что послѣдній можетъ быть выбранъ единодушно, — обстоятельство, которое произвело бы самое благопріятное впечатлѣніе какъ внутри страны, такъ и извнѣ. Тьеръ живо ухватился за эту идею, не сомнѣваясь, что великій успѣхъ, только-что одержанный имъ, окажетъ рѣшительное вліяніе на выборъ его министра, и радуясь, что онъ побѣдитъ радикаловъ безъ битвы.

Побѣда, которою онъ льстилъ себя при этомъ, была бы побѣдой *консервативной республики*, а результатъ, котораго онъ ждалъ отъ этой побѣды, это — образованіе большой республиканской консервативной партіи, которая бы доминировала надъ всѣми остальными и могла бы рассчитывать на преобладаніе въ ближайшихъ общихъ вы-

борахъ. Разсчетъ былъ хорошъ, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, если удастся отъ точки до точки, если министръ иностранныхъ дѣлъ не встрѣтитъ конкуррента и дѣло обойдется безъ баталій. Въ противномъ случаѣ правительство оказывалось скомпрометтированнымъ и даже въ случаѣ побѣды не вышло бы изъ дѣла безъ урона. Каково же было бы въ случаѣ пораженія!

Къ несчастію, Тьеръ упустилъ изъ вида ожесточенность духа партій. Нѣтъ сомнѣнія, что радикалы только исполнили бы свой патриотическій долгъ, если бы рѣшились не выставлять соперника Ремюза, но они не счумѣли подчиниться необходимости. Они очень хорошо поняли, какой ударъ готовится имъ, и хотя затруднялись найти кандидата, потому что люди рѣдки во всѣхъ партіяхъ, однако рѣшились отыскать его и вступить въ борьбу съ правительствомъ во что бы то ни стало. Къ тому же, рискъ съ ихъ стороны былъ не особенно великъ: они многочисленны въ Парижѣ и могли во всякомъ случаѣ разсчитывать, что не потерпятъ позорнаго пораженія; но обстоятельства послали имъ отличнаго кандидата, который хотя ни въ какомъ отношеніи не можетъ выдержать сравненія съ Ремюзомъ, однако способенъ взять верхъ надъ нимъ на выборахъ. Этотъ кандидатъ — г. Бародѣ, бывший мэръ города Ліона. Какимъ образомъ Бародѣ, о которомъ никто не думалъ три недѣли тому назадъ, вдругъ сдѣлался опаснымъ соперникомъ такого человѣка, какъ Ремюзъ? Въ этомъ виновато собраніе и отчасти само правительство.

Ліонскій муниципалитетъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ еще нѣсколько дней тому назадъ, былъ ничѣмъ инымъ, какъ преобразованной революціонной коммуной, которая водворилась въ Ліонѣ въ утро 4-го сентября 1870 г., раньше даже, чѣмъ имперія была низвергнута въ Парижѣ. Съ тѣхъ поръ она отчасти побраталась съ парижской коммуной и не могла похвалиться ни своимъ умомъ, ни своей нравственностью. Но нельзя было и помышлять о томъ, чтобы замѣнить ее, потому что въ Ліонѣ большинство безспорно на сторонѣ радикаловъ, и тѣ же самые люди, если не худшіе, были бы проведены новыми выборами. Правительство по этому терпѣло его, тѣмъ болѣе, что Бародѣ и его муниципальный совѣтъ, которые вначалѣ какъ будто признавали себя выше всѣхъ законовъ, въ концѣ концовъ нѣсколько смирились. Но собраніе, гораздо болѣе раздраженное противъ ліонскаго муниципалитета, чѣмъ правительство, потому что этотъ муниципалитетъ ко всѣмъ своимъ порокамъ присоединялъ еще и тотъ, что былъ фанатически анти-клерикаленъ, — не успокоилось до тѣхъ поръ, пока не убѣдило правительство отвѣчать на насиліе насиліемъ. Такимъ образомъ былъ вотированъ законъ, который уже потому былъ дурень, что былъ на-

является противъ одного города и даже противъ одного человѣка. Центральная мэрія въ Лионѣ была упразднена съ единственной цѣлью отрѣшнить отъ должности Бародё. Но черезъ это самое Бародё попалъ въ жертвы, въ мученики, т.-е. какъ разъ оказался такимъ кандидатомъ, какихъ любятъ радикалы, т.-е. такимъ, кандидатура котораго могла надѣлать шума. Парижскіе радикалы немедленно ухватились за него и выставили его кандидатомъ муниципальнаго *conseil*, въ противоположность кандидату *освобожденія территории*. Лионскіе радикалы, которымъ предстоитъ двое выборовъ, черезъ двѣ недѣли спустя послѣ выборовъ въ Парижѣ и которые не сомнѣваются въ результатѣ, намѣренны отблагодарить парижскихъ друзей за вѣжливость, какую эти послѣдніе оказываютъ городу Лиону въ лицѣ Бародё, тѣмъ, что въ свою очередь выставятъ кандидатомъ какого-нибудь парижскаго радикала.

Это поведеніе, повторяю, непростительно въ виду того, что радикаламъ не слѣдовало бы ослаблять правительство Тьера, которое одно до сихъ поръ дѣлало возможнымъ для насъ сохранять хотя ту республику, какая у насъ имѣется. Но, кромѣ того, радикаламъ слѣдовало бы понять, что самое освобожденіе территорій, хотя оно и регулировано и обезпечено берлинской конвенціей, требуетъ, однако, осмотрительнаго поведенія до той самой минуты, пока не осуществится на дѣлѣ. Выкупъ, который Франціи приходится уплачивать, будетъ окончательно внесенъ только 5-го сентября текущаго года, но пока этого еще не сдѣлано, и взносы по займу, которые еще предстоитъ собрать, могутъ быть болѣе или менѣе затруднительны, сообразно съ политическими обстоятельствами. Берлинская конвенція опирается на гипотезѣ политическаго спокойствія во Франціи, между тѣмъ, если Бародё будетъ избранъ въ Парижѣ, то положеніе сдѣлается такимъ натянутымъ, что нельзя будетъ ни за что ручаться. Уже замѣчено, что со времени избирательной борьбы взносы по ссудному займу идутъ ту же.

Не попробуйте убѣдить нашихъ радикаловъ или даже вообще всѣ наши партіи отнестись къ дѣлу хладнокровно и обсудить его со всѣхъ сторонъ! Какъ бы да не такъ: мы кипятимся по вопросу Ремюза-Бародё, словно о нѣмцахъ не осталось и помину во Франціи. Всѣ забыли и думать о берлинской конвенціи, а пустились въ безконечныя пренія о республикѣ и о монархіи, объ *относительной* и о *безусловной* неуприкосновенности всеобщей подачи голосовъ. И не одни радикалы закусили удила. Такъ-называемые консерваторы, пожалуй, еще неблагоразумнѣе ихъ. Имъ хочется во что бы то ни стало сообщить реакціонный отгѣнокъ кандидатурѣ Ремюза. Между тѣмъ одно несомнѣнно: если радикализмъ и можетъ быть побѣжденъ

въ Парижѣ, то не иначе какъ при помощи честной и явно-республиканской кандидатуры. Поэтому Ремюза было необходимо заявить себя республиканскимъ кандидатомъ, что, впрочемъ, нисколько не противно его убѣжденіямъ, а главное безъ всякихъ отговорокъ объявить о своей приверженности къ системѣ всеобщей подачи голосовъ въ томъ видѣ, въ какомъ она нынѣ существуетъ. Онъ это и сдѣлалъ: но искаженіе системы всеобщей подачи голосовъ составляетъ одинъ изъ коньковъ правой. Бороться противъ нее явно,—не осмѣливаются, и стремятся ограничить ее посредствомъ различныхъ уловокъ. Намѣреваются особенно поналечь на условія мѣстожителѣства и быть можетъ отдалить срокъ избирательнаго совершеннѣйшаго. Словомъ, желаютъ снова повторить печальную ошибку, въ которую нѣкогда впали, вотировавъ законъ 31-го мая 1850 г., единственнымъ результатомъ котораго было то, что онъ далъ предлогъ для государственнаго переворота 2-го декабря 1851 г. Ремюза самъ слишкомъ пронапчателѣный человѣкъ, чтобы не понимать этого; поэтому онъ ясно высказался за неприкосновенность всеобщей подачи голосовъ. Къ несчастію, самъ Тьеръ не исполнивъ невозможностью безнаказанно оскорбить суевѣрное отношеніе къ всеобщей подачѣ голосовъ, и въ этомъ отношеніи принялъ неосторожныя обязательства передъ правой. Положеніе дѣла слѣдующее: лѣвая считаетъ Ремюза недостаточнымъ республиканцемъ, а правая находитъ, что онъ черезъ-чуръ зараженъ республиканизмомъ. При этомъ всего любопытнѣе отношеніе различныхъ группъ правой. Честные орлеанисты рѣшились поддерживать Ремюза и даже мнѣ говорили, что сами орлеанскіе принцы совѣтовали своимъ друзьямъ подавать за него свои голоса. Но пристрастные политики, а въ особенности клерикалы, дѣлая видъ, что поддерживаютъ Ремюза въ своихъ органахъ, защищаютъ его дѣло такъ, что даютъ противъ него оружіе республиканцамъ, весьма ловко набрасывая тѣнь на искренность его демократическаго *profession de foi*. Легитимисты и бонапартисты дѣйствуютъ болѣе откровенно, и, можно сказать, нахально противъ кандидата Тьера. Самые ярые открыто работаютъ въ пользу Бародѣ, потому что надѣются, что торжество этого кандидата произведетъ смуту и вызоветъ кризисъ, которымъ они думаютъ воспользоваться. Другіе сочинили третьяго кандидата, у котораго, впрочемъ, нѣтъ ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ. Этотъ третій кандидатъ — полковникъ баронъ Стоффель, способный офицеръ и знаменитый своими замѣчательными военными докладами, которые онъ присылалъ изъ Берлина Наполеону III. Онъ бонапартистъ въ душѣ и лично очень раздраженъ противъ правительства, которое уволило его въ отставку за нѣкоторые неблагонамѣренныя изданія. На митингѣ легитимно-

бонапартистскомъ, созванномъ совсѣмъ недавно, порѣшена была эта кандидатура. На этомъ митингѣ приверженцы Генриха V съ восторгомъ рукоплескали яростнымъ декламациямъ наполеонистскихъ журналистовъ. Герцогъ Ларошфуко-Бизаччіа лично председательствуетъ въ избирательномъ комитетѣ бонапартистскаго кандидата. Итакъ, если сліяніе двухъ отраслей бурбонскаго дома оказалось невозможнымъ, за то сліяніе легитимистовъ и бонапартистовъ можно считать совершившимся фактомъ, вызваннымъ общею ненавистью къ Тьеру, республикѣ и орлеанскому дому.

Но если легитимисты и бонапартисты слились во-едино, то республиканцы, напротивъ того, разъединились, и это разъединеніе по всей вѣроятности переживетъ выборы. Старѣйшіе авторитеты партіи, тѣ, которые опытные и должны были бы имѣть наиболѣе вліянія, какъ-то Литтрé, Карно, историкъ Анри Мартенъ и даже самые выдающіеся приверженцы Прудона стали на сторону Ремюза. Гамбетта находится во главѣ *Бародистовъ*, но говорятъ, что вовлеченъ противъ воли въ эту борьбу хвостомъ своей партіи, — явленіе, которое повторяется довольно часто въ нашей демагогіи, да вѣроятно и во всѣхъ демагогіяхъ въ мірѣ. Особенное впечатлѣніе произвело заявленіе Гревѣ въ пользу Ремюза. Независимый характеръ, искусная сдержанность, справедливая слава, пріобрѣтенная имъ при исполненіи трудныхъ обязанностей президента собранія — все придаетъ большой авторитетъ его сужденію. Голоса всѣхъ партій поддерживали его въ званіи президента со времени созванія собранія въ Бордо. Онъ недавно сложилъ съ себя это званіе въ минуту раздраженія, быть можетъ разсчитаннаго, потому что ему показалось, что авторитетъ его не признается правой. Но вообще полагають, что эта отставка была уже давно задумана, и что Гревѣ пожелалъ выдти изъ своего президентскаго нейтралитета, чтобы, ставъ во главѣ умѣренной лѣвой, играть болѣе активную роль. Правая воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы избрать, въ лицѣ Бюффé, президента особенно непріятнаго Тьеру, что не мало затруднитъ сношенія между правительствомъ и собраніемъ, когда послѣднее возобновитъ свои засѣданія послѣ пасхальныхъ каникулъ. Что касается Гревѣ, то быть можетъ ему не чужда задняя мысль наслѣдовать Тьеру въ качествѣ президента республики. Какъ бы то ни было, онъ, какъ я уже сказалъ, примкнулъ къ кандидатурѣ Ремюза и въ случаѣ избранія Бародé былъ бы нѣсколько скомпрометтированъ общимъ пораженіемъ. Гамбетта, торжествующій и отдѣлавшійся отъ всѣхъ соперниковъ, сдѣлался бы весьма опасенъ, тѣмъ болѣе, что тѣ выборы, которые должны имѣть мѣсто въ провинціи, окажутся также, по всей вѣроятности, въ пользу радикаловъ.

Я, какъ видите, отвѣтъ большое мѣсто этому избирательному дѣлу; но въ данную минуту оно составляетъ главную заботу дня, и я не могу оставить его, не поговоривъ объ избирательныхъ собраніяхъ, которые происходили. Хотя мы еще живемъ при осадномъ положеніи, но правительство болѣею частію игнорируетъ его и лишь время отъ времени пользуется имъ, чтобы сократить безъ лишннихъ разговоровъ какую-нибудь газету, которая ему не нравится или его стѣсняетъ. Поэтому ораторамъ на общественныхъ собраніяхъ была полная воля, и разумѣется кандидатура Бародѣ вызывала самые многочисленные потоки краснорѣчія, между тѣмъ, какъ о противной кандидатурѣ почти не упоминалось. Но не въ этомъ самая суть. Консерваторы и умѣренные республиканцы впадаютъ въ ту ошибку, что не особенно усердно посѣщаютъ эти сборища, на что, разумѣется, требуется извѣстная смѣлость, такъ что радикаламъ принадлежитъ на нихъ первенствующая роль. Неудивительно поэтому, что всѣ привѣтствія были на сторонѣ Бародѣ, но что было удивительно, такъ это внезапное пробужденіе коммунальныхъ рѣчей и идей, если только можно назвать идеями то, что зарождается въ этихъ скудоумныхъ, но опасныхъ мѣрахъ. Эти народные трибуны доказали существованіе цѣлаго новаго контингента коммуналистовъ, который вполне способенъ и готовъ замѣнить собой, если представится случай, тотъ, который сослали въ Новую Каледонію. Эта перспектива не изъ радостныхъ, и съ удовольствіемъ вспоминаешь, что у этихъ общественныхъ реформаторовъ въ настоящую минуту отобранны ружья и вѣтому нельзя опасаться вооруженныхъ демонстрацій.

Я не знаю хорошенько, что насъ ждетъ, если Бародѣ будетъ избранъ. Радикалы, конечно, не потребовали бы немедленно, чтобы все управленіе было передано въ ихъ руки; весьма вѣроятно даже, что ихъ предводители нашли бы ловкимъ выказать первоначально нѣкоторую умѣренность въ своей побѣдѣ. Но Тьеръ былъ бы глубоко задѣтъ со многихъ сторонъ и оскорбленъ въ своихъ чувствахъ. Онъ не всегда, какъ вамъ извѣстно, владѣетъ своимъ первымъ движеніемъ, и я не удивлюсь, если онъ подастъ въ отставку *ad irato*, и отчаявшись въ правительственной способности республиканцевъ, на этотъ разъ не возьметъ ее назадъ. Если онъ останется во главѣ управленія, то будетъ роковымъ образомъ оттѣсненъ къ правой, и тогда ему придется отказываться отъ всякой надежды рѣшительно повліять на будущіе, общіе выборы, потому что одно чувство съ каждымъ днемъ растетъ во всей странѣ: это нелюбовь къ правой, вплоть заслуживающей, впрочемъ, свою непопулярность.

Положеніе уже было бы довольно затруднительное даже и въ томъ случаѣ, если бы Ремюза восторжествовалъ, какъ я все еще и

теряю надежды. Тогда Тьеръ не сталъ бы облизаться съ правой и правая не чувствовала бы охоты облизаться съ нимъ; но эта партія, за которую остается численное превосходство въ собраніи, столько же будетъ разъярена триумфомъ умѣренной республики, въ лицѣ Ремюза, сколько и триумфомъ радикальной республики въ лицѣ Бароде. Даже, пожалуй, еще сильнѣе, потому что умѣренная республика имѣетъ больше шансовъ на существованіе, тогда какъ радикальная была бы мимолетнымъ ураганомъ, послѣ котораго можно было бы искать прибѣжища въ необузданномъ деспотизмѣ. Какимъ образомъ Тьеръ дастъ дальнѣйшій ходъ соглашенію, съ такимъ трудомъ выработанному шесть недѣль тому назадъ комиссіей тридцати и съ немалымъ трудомъ ратификованному собраніемъ? Какимъ путемъ добьется онъ второй палаты, на которой такъ рѣшительно настаиваетъ, но которой лѣвая никогда не желала, а правая больше не хочетъ дать ему, потому что вообще находитъ, что онъ чересчуръ увлекается республиканскими идеями? А главное: какимъ образомъ отдѣлается онъ отъ обязательствъ, которыя онъ положительно принялъ на себя не только отъ своего имени, но и отъ имени всѣхъ своихъ министровъ, включая сюда и Ремюза, — обязательства, обусловливающихъ ограниченіе всеобщей подачи голосовъ? Рѣшительно не знаю, но предвижу бурю и не безъ страха помышляю о возобновленіи засѣданій національнаго собранія.

Вотъ въ какомъ положеніи мы находимся всего какой-нибудь мѣсяцъ спустя послѣ заключенія окончательнаго договора объ очищеніи территорій, и право печально думать о томъ, какъ скоро изгладилось впечатлѣніе, произведенное этимъ великимъ событіемъ, которое было такъ пріятно само по себѣ и еще потому, что доказало какими ресурсами можетъ располагать Франція; наконецъ, и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ, а именно: стараніями со стороны нѣмцевъ разсѣять всѣ опасенія на счетъ крѣпости Бельфора. Можно съ увѣренностью сказать, что никакое другое правительство, кромѣ правительства Тьера, ни крайняя республика, ни монархія не достигли бы съ такой легкостью и быстротой желаннаго результата. Преждевременное очищеніе территорій, это — какъ выразился недавно одинъ изъ нашихъ хорошихъ публицистовъ въ *Revue des deux Mondes* — „дѣла труда, честности, здраваго смысла, не поддающагося никакимъ подстрекательствамъ, настойчиваго терпѣнія правительства въ дѣлѣ, стоящемъ выше всѣхъ интересовъ партій. Это доказательство живучести страны, которую посѣтили такіе тяжкіе испытанія. Въ какихъ-нибудь два года Франціи удалось вернуть нѣкоторое равновѣсіе, заслужить уваженіе чужихъ народовъ, восстановить часть своего кредита; въ какихъ-нибудь два года, ей

приходится уплатить пять миллиардовъ контрибуцій, не говоря уже о томъ, что война поглотила по крайней мѣрѣ еще пять миллиардовъ, и она выполнить всѣ свои обязательства до единого, не внося беспорядка во внутреннія дѣла, не подвергаясь серьезнымъ монетнымъ или промышленнымъ кризисамъ, и безъ того, чтобы банковые билеты претерпѣли малѣйшее пониженіе. Франція пережила эти испытанія не поколебавшись, и теперь готовится вступить въ тотъ моментъ, когда ей возвращена будетъ полная независимость, полная свобода ея территоріи.

Все это прекрасно и совершенно справедливо, но тѣмъ печальнѣе, что подобныя результаты не ставятся ни во что правительству, которое ихъ добыло, что о нихъ забываютъ, когда правительство требуетъ доказательства довѣрія, котораго оно заслужило, и которое у него оспариваютъ. Перипетіи избирательной борьбы продолжаются въ тотъ самый моментъ, какъ я вамъ пишу, и шансы Ремюза, какъ мнѣ кажется, ослабѣваютъ съ минуты на минуту. Относительно либеральные орлеанисты, какъ мнѣ кажется, измѣняютъ въ настоящій моментъ образу дѣйствій, о которомъ я упоминалъ выше съ похвалою, и готовы взять обратно угрюмое содѣйствіе, оказываемое ими этой кандидатурѣ, которая между тѣмъ никакъ не можетъ обойтись безъ нихъ. Настоящій моментъ несомнѣнно самый тревожный изъ всѣхъ какіе когда-либо переживала республика Тьера. Предстоящее голосованіе рѣшитъ многое, и я жалѣю, что не могу сообщить вамъ его результата въ настоящемъ письмѣ.

Если что можетъ отчасти вознаградить насъ за политическія тревоги, такъ это состояніе, весьма удовлетворительное, общественныхъ доходовъ. Франція рѣшительно замѣчательная страна; она ничего лучшаго не желаетъ, какъ трудиться, производить, потреблять и платить, при чемъ не слѣдуетъ забывать, что дѣла шли бы еще лучше, если бы имъ не мѣшала неопредѣленность политическаго положенія. При существующихъ обстоятельствахъ, роспись доходовъ за первые три мѣсяца текущаго года, которая появилась въ „*Journal Officiel*“, можно сказать изумительна. Нѣкоторые налоги, конечно, не вполне удовлетворительны, но въ суммѣ доходы казны превысили всѣ бюджетныя соображенія слишкомъ на двѣнадцать милліоновъ, что предвѣщаетъ излишекъ въ пятьдесятъ милліоновъ за цѣлый годъ, если политика не спутаетъ всѣхъ расчетовъ. Соответствующіе три мѣсяца прошлаго года дали избытка въ пятьдесятъ пять милліоновъ, и всего замѣчательнѣе, что это увеличеніе относится къ новымъ налогамъ. Старые налоги дали всего тринадцать милліоновъ, между тѣмъ какъ новыя доставили сорокъ два.

Налоги, превысившіе бюджетную оцѣнку, суть: пошлина на гер-

бобую бумагу, туземный сахаръ, табакъ и нѣкоторыя менѣе важныя пошлны. Въ оиѣ вмѣстѣ дали избытокъ въ тридцать-два милліона. За то колониальный и иностранный сахаръ, напитки, спички, желѣзныя дороги, порохъ и почта дали по расчету недоборъ въ двадцать одинъ милліонъ съ половиной, который слѣдуетъ вычесть изъ избытка вышеупомянутыхъ налоговъ, чтобы получить дѣйствительный избытокъ.

Налогъ на табакъ, который внушалъ опасенія въ прошломъ году, идетъ по прежнему crescendo, и это доказываетъ, что курильщики, сначала-было запуганные увеличеніемъ цѣнъ, вернулись къ своимъ прежнимъ привычкамъ. Весьма вѣроятно, что еслибы акцизъ удостоилъ нѣсколько улучшить свои произведенія, то потребление еще увеличилось бы; но сигары, весьма вздорожавшія, вообще отвратительны, и надо помнить, что куришь ихъ ради освобожденія территории, чтобы съ ними примириться.

Налогъ на напитки далъ на семь милліоновъ меньше того, что ожидали: семьдесятъ четыре милліона, вмѣсто восьмидесяти одного. Если этотъ фактъ означаетъ въ то же самое время соотвѣтствующее уменьшеніе въ потребленіи алкоголя, то можно только поздравить себя, но тѣмъ не менѣе нельзя не указать на задержку въ потребленіи различныхъ продуктовъ, которая происходитъ отъ чрезмѣрнаго налога. Довольно ощутительное сокращеніе, и по той же самой причинѣ, произошло въ доходѣ, доставляемомъ почтой, гдѣ нельзя найти такой утѣшительной стороны, какъ по отношенію къ алкоголю. Мысль новисить почтовую пошлину была злополучной во всѣхъ отношеніяхъ; она значительно ограничиваетъ число писемъ; она идетъ въ разрѣзъ съ общими стремленіями всѣхъ другихъ народовъ и является важной помѣхой при заключеніи почтовыхъ конвенцій. Всякій другой налогъ былъ бы гораздо лучше.

Различныя парламентскія коммиссіи, которымъ поручено произвести слѣдствіе надъ революціей 4 сентября, надъ дѣйствіями и поступками правительства національной обороны и надъ парижской коммуной, обнародовали весьма недавно нѣсколько томовъ своихъ отчетовъ, а дѣло ихъ, кажется, далеко еще отъ своего окончанія; оно во всей вѣроятности не будетъ окончено до распущенія собранія и остается спрашивать себя, къ чему послужило это безконечное слѣдствіе, которое не можетъ привести ни какимъ серьезнымъ результатамъ?

Оно обнаружило пропасть интересныхъ и, увы! печальныхъ фактовъ, но такъ какъ коммиссіи составлены главнымъ образомъ изъ членовъ правой, то слѣдствіе считается дѣломъ партій и встрѣчаетъ мало довѣрія. Оно возбуждаетъ лишь одно безплодное раздраженіе,

и радикалы, противъ которыхъ оно направлено, нисколько отъ него не страдаютъ. Упомянувъ объ этомъ, приходится замѣтить, что слѣдствіе обнаруживаетъ весьма странныя вещи. Я укажу, какъ на особенно любопытныя, на исторію администраціи префекта Эскироса въ Марсели. Это такая анархія, о которой трудно себѣ составить понятіе. Префектъ, доминируемый уличными демагогами, настоящими санкюлотами, вынужденный ѣсть и пить съ ними, и зачастую подъ дулами ружей, направленныхъ въ него, постоянно бунтуется противъ самого Гамбетты. Самъ Эскиросъ, впрочемъ, весьма оригинальная личность. Онъ долго жилъ въ качествѣ политическаго эмигранта въ Голландіи и въ Англіи и напечаталъ объ этихъ странахъ рядъ статей, вполне замѣчательныхъ и весьма разумныхъ въ „*Revue des deux Mondes*“. Живя въ Англіи и разсуждая объ англичанахъ, онъ былъ почти тори, но какъ скоро онъ ступилъ на почву Франціи, а главное, какъ скоро на него возложили республиканскую миссію, онъ выказалъ совсѣмъ иные свойства и принялся обезьянничать, копируя эпоху 1793 года.

Важный фактъ, вполне обнаруживаемый слѣдствіемъ, но о которомъ лучше было бы, пожалуй, умолчать—это сепаратистскія тенденціи, которыя во время войны проявились на югѣ, а главное въ Провансѣ. Тамъ не желали признавать никакого центрального правительства, а желали управляться самостоятельно, жить для самихъ себя, оборонять лишь самихъ себя, не заботясь о томъ, что могло происходить въ другомъ мѣстѣ. Французскому единству грозила бы нѣкоторая опасность, быть можетъ, еслибы ему часто приходилось подвергаться испытанію, путемъ бѣдствій. Но, повторяю, въ чемъ обнаруживать подобныя вещи? Нація, гарантированная отъ революціи и обладающая нѣковыми учрежденіями, одна можетъ позволить себѣ подобныя разслѣдованія самой себя.

Въ дѣлѣ слѣдствія на счетъ революціи 4 сентября въ Парижѣ, весьма интересно показаніе генерала Сумена, который былъ тогда комендантомъ крѣпости и недавно умеръ въ томъ же званіи.

Это показаніе лучше всякаго другого доказываетъ, насколько революція была дѣломъ неподготовленнымъ и какъ несправедливо нести въ ней заговора. Въ ночь съ 3-го на 4-е сентября, по прибытіи извѣстій изъ Седана, генералъ, спавшій уже, былъ разбуженъ однимъ сенаторомъ, съ которымъ онъ былъ другъ и который сказалъ ему слѣдующее, въ этихъ самыхъ выраженіяхъ: „*nous sommes f...; demain nous aurons une révolution*“. На другой день генералъ, въ ту самую минуту, какъ онъ отдавалъ приказанія своимъ подчиненнымъ, увидѣлъ секретаря префекта полиціи и между ними завязался слѣдующій разговоръ:

- Съ какими вы вѣстями? гдѣ префектъ?
- Префектъ уѣхалъ: правительства больше нѣтъ.
- Что мнѣ дѣлать?
- Дѣлайте, что хотите. Что касается меня, я пришелъ съ вами проститься. Я отправляюсь въ Бельгію.

Согласитесь, что когда правительство дожило до того, что его чиновники дезертируютъ, не выказывая ни малѣйшаго признака сопротивленія, то надо говорить о крушеніи, а не о революціи. Кромѣ того, вполне констатировано, что генераль, которому специально была поручена оборона законодательнаго корпуса, не отдавалъ никакихъ приказаній, потому что чувствовалъ, что солдаты его не послушаются. Всемъ казалось, что вотъ наступилъ конецъ, послѣдній конецъ. Тогда впечатлѣніе было еще свѣжо, но теперь бонапартизмъ снова сдѣлался партией, съ которой приходится считаться. Вотъ какъ велика измѣнчивость французскаго ума!

Эти воспоминанія переносятъ меня къ маршалу Базену, который все еще находится въ заточеніи въ Версалѣ, и до сихъ поръ еще не назначено время, когда процессъ его начнется. Ссылаются на проволочки слѣдствія и формальности военнаго правосудія; но я вполне увѣренъ, что процессъ уже имѣлъ бы мѣсто, если бы Тьеръ не сопротивлялся ему тайно, но весьма рѣшительно. Нѣсколько времени тому назадъ въ различныхъ французскихъ и иностранныхъ газетахъ, а именно въ англійскихъ и нѣмецкихъ, появились различные статьи, очевидно имѣвшія цѣлью выставить маршала въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ и даже подготовить къ мысли объ его освобожденіи въ силу указа о *non-lieu*, то-есть, недостаточности причинъ для отданія подъ судъ. Но общественное мнѣніе весьма щекотливо на этотъ счетъ; оно не выноситъ, чтобы хвалили маршала, и непременно требуетъ суда надъ нимъ. Поэтому эти пробные маневры остались безъ послѣдствій и молчаніе снова воцарилось на счетъ этого дѣла. За невозможностью лучшаго исхода, Тьеръ старается затягивать дѣло, рассчитывая на какое-нибудь неожиданное обстоятельство, которое освободитъ его отъ бремени, которое сильно удручаетъ его. Общественное мнѣніе повинуетъ чувству справедливости и мести, но не разсуждаетъ. Тьеръ же, наоборотъ, понимаетъ весьма ясно неудобства и даже опасности подобныхъ преній, которыя затронутъ многое и многихъ и при которыхъ маршалу придется обвинять, чтобы защитить самого себя. Вотъ одинъ изъ мотивовъ поведенія Тьера. Но существуютъ еще и другіе, о которыхъ я уже, кажется, упоминалъ вамъ: его почтеніе къ маршаламъ Франціи вообще и специальное уваженіе къ маршалу Базену, котораго онъ считаетъ великимъ полководцемъ, и наконецъ, мучительное чувство личной

отвѣтственности, потому что маршалъ поселился въ Швейцаріи послѣ войны, и вовсе не спѣшилъ вернуться во Францію. Тьеръ убѣдилъ его переѣхать во Францію, говоря ему, что онъ за все ручается. Но не взирая ни на что, процессъ будетъ имѣть мѣсто и произведетъ сильное потрясеніе, и остается только желать, чтобы онъ не совпалъ съ другими причинами къ волненію. Бѣгство невозможно, потому что было бы равнозначуще признанію въ своей виновности, а маршалъ, какая бы участь его ни ждала, не согласится на подобное униженіе.

Насколько внутреннія заботы позволяютъ намъ заниматься вѣчными дѣлами, общее вниманіе привлекается религіозной распрей въ Швейцаріи. Находятъ нѣсколько рѣзкимъ образъ дѣйствій федеральнаго совѣта и кантональных правительствъ, но такъ какъ врагомъ является, въ концѣ концовъ, клерикализмъ, и онъ же самъ является зачинщикомъ, то либералы безъ особеннаго неудовольствія слѣдятъ за его неудачами. Католики же, напротивъ того, видъ себя отъ ярости и ничего лучшаго не желали бы, какъ заставить Тьера повторить безумную ошибку, въ родѣ былого вмѣшательства Гизо въ швейцарскія дѣла въ эпоху Зондербунда. Къ счастью, Тьеръ, хотя слишкомъ убѣжденный, что Франція должна представлять за границей интересы католицизма, умѣетъ отдавать себѣ отчетъ въ обстоятельствахъ и понимаетъ, что настоящій моментъ мало пригоденъ къ тому, чтобы ввязываться въ дѣло, которое можетъ стать европейскимъ. Радикалы и либералы въ Швейцаріи и не скрываютъ, впрочемъ, что существующія обстоятельства именно и побуждаютъ ихъ дѣйствовать не стѣсняясь и съ полнымъ спокойствіемъ духа. Бессиліе Франціи и явная поддержка со стороны двухъ другихъ великихъ сосѣднихъ державъ, Германіи и Италіи, предоставляютъ имъ полный просторъ для дѣйствій, и они намѣрены воспользоваться случаемъ. Это движеніе можетъ зайти очень далеко, и если насильственными мѣрами противъ личностей, конечно, не похвальны, то онѣ не должны заставлять забывать о послѣдствіяхъ, которые могутъ произойти изъ этой распри. Подобно тому, какъ реформація шестнадцатаго вѣка не могла не увѣнчаться успѣхомъ, не будь пристрастнаго содѣйствія со стороны государей, такъ и современная католическая реформа, предпринятая Деллинверами и Гіацинтами и отъ которой быть можетъ зависитъ возрожденіе латинскихъ расъ—нуждалась въ почвѣ, на которой бы она могла опереться и пустить корни съ согласія государства. Она, повидному, нашла эту почву въ Швейцаріи, гдѣ народъ уже теперь на дѣлѣ или по своимъ стремленіямъ привлеченъ на сторону *старо-католиковъ* или *католиковъ-либераловъ*,—какъ они безразлично называютъ себя, — въ большинствѣ ⁸ католиче-

скихъ кантоновъ. Особенный интересъ представляетъ предпріятіе отца Гіацинта въ Женевѣ; его конференціи и его проповѣди пользуются тамъ большимъ успѣхомъ, и еслибы ему удалось основать тамъ ядро католицизма безъ латинскаго языка и безъ цelibата, то этотъ фактъ могъ бы имѣть громадные послѣдствія для насъ самихъ.

Народный французскій инстинктъ по своей природѣ не имѣетъ въ себѣ ничего реформаторскаго; онъ колеблется между двумя фанатизмами, и если отказывается отъ суевѣрія, завѣщаннаго предками, то лишь затѣмъ, чтобы перейти къ крайнему отрицанію. Ему очень трудно понять такіа среднія явленія, какъ отецъ Гіацинтъ, и онъ ихъ не любитъ. Онъ непослѣдовательный католикъ, говорить про него, пожимая плечами, тѣ, которые судятъ о немъ наименѣе недоброжелательно, и не размыслить о томъ, что реформаторы шестнадцатаго столѣтія тоже были вначалѣ просто лишь непослѣдовательными католиками. Поэтому мы весьма скептически относимся къ этой попыткѣ обновленія католицизма; но если мы увидимъ, что она осуществилась на дѣлѣ и живетъ рядомъ съ нами, то быть можетъ впечатлѣнія нѣсколько измѣнятся и примѣръ заразить и насъ самихъ, чего съ своей стороны я очень желаю.

Въ виду тревоженій, происходящихъ въ католическомъ мірѣ и принимая во вниманіе политическое состояніе Европы, понятно, что лѣта и здоровье папы возбуждаютъ особый интересъ между нами, которые остаемся прикованными къ римской куріи. Я хорошенько не знаю, насколько опасны болѣзненные симптомы, проявившіеся въ послѣднее время, но на основаніи дипломатическихъ сообщеній, сдѣланныхъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, французское правительство убѣждено, что св. отецъ не переживетъ лѣта, и послѣдствія его кончины составляютъ для него предметъ весьма естественныхъ заботъ. Неизвѣстно, какія распоряженія сдѣланы на счетъ созванія конклава, неизвѣстно даже, будетъ ли созванъ конclave и не воспользуется ли папа непогрѣшимостью, которую призналъ за собой, для того, чтобы попросту безъ затѣй назначить себѣ преемника по завѣщанію. Въ этомъ случаѣ, не особенно вѣроятномъ, но возможномъ, нѣмецкое правительство, разумѣется, не признало бы новаго папы и произошелъ бы, такимъ образомъ, расколъ. Съ другой стороны, предположивъ, что конclave будетъ созванъ въ Римѣ, что также невѣроятно, но возможно, и гдѣ этотъ конclave, подъ давленіемъ Италіи и Германіи изберетъ папу, расположеннаго къ этимъ обѣимъ державамъ, — будетъ ли признана власть этого новаго первосвященника во Франціи? Признаютъ ли его выборы свободными? Какъ видите, смерть Пія IX влечетъ за собой самыя разнообразныя шансы для раскола. Въ настоящее время носится слухъ, будто фран-

цузскому правительству сдѣлали запросъ: позволить ли оно конклаву собраться во Франціи. Но въ такомъ случаѣ можно навѣрное сказать, что новый папа не былъ бы признанъ ни Италіей, ни Германией. Увѣрять, будто правительство отклонило это предложеніе, и поступило въ такомъ случаѣ весьма благоразумно. Производство папы во Франціи не обошлось бы безъ междоусобной войны.

Я не особенно уклонюсь отъ католицизма, если скажу нѣсколько словъ о приѣмѣ герцога Омальскаго во французскую академію, не потому, что новый академикъ воспользовался этимъ случаемъ для манифестаціи въ пользу клерикаловъ, но потому, что ему пришлось по случаю своего вступленія произнести похвальное слово графу Монталамберу, которому онъ наследовалъ. Засѣданія французской академіи всегда усердно посѣщаются публикой, а это послѣднее засѣданіе привлекло исключительно много народу. Съ восьми часовъ утра у Института толпился *beau monde*, терпѣливо дожидавшійся открытія дверей. Это былъ настоящій маленький праздникъ орлеанизма, и эта партія настолько злосчастна, что можно допустить это небольшое вознагражденіе. Герцогъ Омальскій, надеясь сознаться, успѣшно вышелъ изъ испытанія, представлявшаго для него особенныя трудности и западни. Онъ выказалъ достаточно академическаго краснорѣчія для принца; онъ похвалилъ Монталамбера съ большими достоинствами, не впадая въ тонъ католическаго дифирамба. Онъ сказалъ комплиментъ своему новому собрату Литтрѣ, который особенно ненавистенъ клерикаламъ; похвалилъ Тьера „ворчлаго, который хорошо управляетъ рулемъ“. Словомъ, онъ захотѣлъ всѣмъ понравиться и успѣлъ въ этомъ, не впадъ ни въ пошлость, ни въ грубость. Вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то воинственный духъ, оживлявшій его рѣчь, весьма присталъ старинному африканскому воину. Словомъ, можно сказать, что то была орлеанистская рѣчь, въ хорошемъ значеніи этого слова, потому что орлеанизмъ, будучи неопредѣленнымъ и смѣшаннымъ принципомъ, самъ по себѣ, ищетъ приверженцевъ всюду и желаетъ набрать ихъ изъ всѣхъ лагерей. Въ этомъ заключается его сильная и вмѣстѣ съ тѣмъ его слабая сторона.

Немного дней спустя послѣ приѣма герцога Омальскаго въ свои члены, французская академія лишилась одного изъ своихъ членовъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вице-президентомъ національнаго собранія, Сен-Маркъ-Жиардена. Не будучи первокласснымъ гениемъ ни въ какой отрасли, Сен-Маркъ-Жиарденъ долго и съ отличіемъ занималъ свое мѣсто въ политикѣ и въ литературѣ. Онъ умеръ семидесяти-двухъ лѣтъ.. Либераль, но либераль узкій, отстаивавшій, которому неловко среди демократіи, и который еще не пересталъ дуться, онъ засѣдалъ въ собраніи въ правомъ центрѣ и слылъ за

одинъ изъ главныхъ столбовъ орлеанизма. Въ литературѣ онъ замѣчательнѣе, какъ профессоръ, какъ критикъ и какъ журналистъ. Его курсы въ Сорбоннѣ всегда охотно посѣщались, особливо при имперіи; онъ позволялъ себѣ различныя политическія намеки, и хотя онъ являлся антиподомъ радикализма, но школьное юношество любило его лекціи. Какъ журналистъ, онъ былъ съ 1830 г. и до послѣдняго времени однимъ изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ „*Journal des Débats*“ и ловкимъ публицистомъ, хотя немного тяжелымъ, какъ и вся его особа. Забывая далеко назадъ, упомяну, что Арманъ Каррель, главный республиканскій публицистъ при Луи-Филиппѣ считалъ его далеко не ничтожнымъ противникомъ. Въ прошломъ году онъ отдѣлился отъ „*Journal des Débats*“, въ которомъ сотрудничалъ слишкомъ сорокъ лѣтъ, послѣ того какъ эта газета рѣшительно объявила себя на сторонѣ республики.

Мы лишились также Амедея Тьерри, брата знаменитаго историка Огюстена Тьерри, и который самъ былъ историкомъ, отнюдь не бездарнымъ, хотя и не могъ быть приравненъ къ брату, который, какъ вамъ извѣстно, основалъ новую историческую школу во Франціи. Амедей Тьерри былъ скорѣе ученымъ, чѣмъ гениальнымъ человекомъ. Онъ дебютировалъ давно тому назадъ „*Исторіей Галліи*“. Послѣдніе его труды относились къ Византійской имперіи, и обнаруживаютъ довольно опредѣленные клерикальныя стремленія, но весьма интересны. Вы конечно замѣтили ихъ въ „*Revue des deux Mondes*“.

Такъ какъ я задался составленіемъ некрологовъ, то упомяну про Доріана, министра общественныхъ работъ при правительствѣ 4-го сентября, хорошаго человека, заблудившагося въ политикѣ. Хотя онъ былъ весьма умѣреннаго образа мыслей, однако сдѣлался любимцемъ крайнихъ партій во время осады Парижа, и когда вспыхнулъ бунтъ 31-го октября, онъ пережилъ огорченіе быть провозглашеннымъ главой коммуны, между тѣмъ, какъ его сочлены по правительству находились въ рукахъ бунтовщиковъ. Онъ сталъ особенно популяренъ благодаря слѣпой вѣрѣ, которую онъ заявлялъ къ силѣ сопротивленія Парижа, и которая казалась ему почти безпредѣльной. Онъ былъ депутатомъ въ національномъ собраніи, но никогда не говорилъ тамъ рѣчей.

По части театральныхъ новостей, мнѣ все нечего сообщать вамъ. Упомяну однако о двухъ пьесахъ, которыя вы вѣроятно увидите въ Петербургѣ: *Акробатъ* Октава Фейлье и *Андреа* Сарду. Первая давалась въ *Comédie Française*, вторая въ „*Gymnase*“. *Акробатъ* — маленькая одноактная пьеска, содержаніе которой построено на вѣчномъ сюжетѣ мужа, жены и любовника; но въ этой маленькой пьес-

къ проявляется столько же изящества, сколько и силы, и она заканчивается нравственнымъ и здравымъ выводомъ.

Пьеса Сарду, хотя и блещетъ весьма интересными частностями, но нестроена довольно грубо, гораздо грубѣе, чѣмъ обыкновенно бывають пьесы этого автора. Это происходитъ оттого, что она сдѣлана на заказъ для одной американской актрисы и одной американской кочевой драматической труппы, и появилась въ „Gymnase“ лишь по возвращеніи изъ этого заморскаго путешествія. Эта фабрикація пьесъ для вывоза составляетъ новую черту литературной промышленности нашего времени.

Н.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

12-го апрѣля, 1878.

ИСКУССТВО ВЪ ИТАЛІИ.

Съ приближеніемъ всемірной выставки въ Вѣнѣ, у насъ, въ Италіи, выдвигаются впередъ тѣ вопросы касательно состоянія искусства въ Италіи, которые уже не мало занимали собою въ эпоху всемірной парижской выставки 1867 года. Это вопросы обширные и сложные, и быть можетъ настоящій моментъ весьма пригоденъ для того, чтобы поднять ихъ снова.

Италіи отведена на вѣнской выставкѣ болѣе обширная площадь подъ ея произведенія, чѣмъ въ Лондонѣ и Парижѣ, и не взирая на это многія итальянскія произведенія, предназначенныя къ выставкѣ, не могутъ быть приняты комиссіей, завѣдывающей итальянскимъ отдѣломъ, по недостатку мѣста. Такимъ образомъ, изъ шести-семи произведеній, представленныхъ итальянскими артистами, было принято только одно. Слѣдовательно, въ количествѣ произведеній нельзя отчаяваться, хотя качество ихъ можетъ повергнуть въ глубокое раздумье. Міръ привыкъ считать Италію страной искусства по преимуществу и ожидать отъ нея чудесъ творчества, которыхъ, сдается мнѣ, она не въ состояніи произвести въ настоящую минуту. Въ сферѣ искусства замѣчается то же самое явленіе, что и въ другихъ отрасляхъ культуры: вмѣстѣ съ распространеніемъ культуры, расширяется ея популярность, но утрачивается оригинальность. Искусство стало легкимъ; всѣ въ немъ знаютъ все-какой толкъ и всѣ

изъ кое-какъ занимаются. Изъ ревливой студіи артиста искусство перешло въ школы, въ академіи, во всѣ семейства и сдѣлалось общимъ достояніемъ. Таковъ духъ вѣка, а противъ духа вѣка бесполезно ратовать. Но, надобно сознаться, подобный духъ особенно благопріятствуетъ процвѣтанію посредственности. Въ прошлыя времена искусство и наука были славой и достояніемъ избраннаго меньшинства; въ настоящее время искусство стало общимъ достояніемъ, и въ силу этого уровень его значительно понизился. На мѣсто великаго, труднаго, всесторонняго, истиннаго искусства выступило искусство мелкое и легкое, преслѣдующее мелкія цѣли, довольствующееся мелкими эффектами, и разрабатывающее мелкіе сюжеты, которыми оно вдохновляется на школьной скамьѣ.

Въ академіяхъ преміи даются за лучшіе образцы рисунка, за лучшіе образцы отдѣлки, за лучшіе образцы перспективы и проч. Вслѣдствіе этого юноша, готовящійся къ профессіи артиста, привыкаетъ преслѣдовать одну какую-нибудь сторону въ своемъ искусствѣ, а не всѣ, хлопочетъ о частностяхъ и не заботится о цѣломъ. Наши скульпторы превратились въ простыхъ ремесленниковъ, лѣнящихся изъ глины; какое паденіе сравнительно съ греками или съ Микель-Анджело, который облекалъ въ мраморъ тѣ могучіе и живые образы, которые создавало его геніальное воображеніе! Современный скульпторъ работаетъ съ полнымъ комфортомъ и можетъ безъ конца ошибаться и безнаказанно мять на всѣ лады мягкую и послушную глину, которая принимаетъ всевозможныя формы подъ его руками, безъ особенныхъ усилій съ его стороны. Формовщикъ и бѣдный рѣзчикъ сдѣлаютъ остальное. Рѣзчикъ распинается за скульптора; если онъ воспроизведетъ гипсовую форму недостаточно точно, то его прогоняютъ безъ всякой церемоніи; если-же напротивъ того онъ украситъ ее, то вся честь остается за артистомъ, для котораго искусный рѣзчикъ крайне важенъ.

Съ своей стороны живописцы привыкли также довольствоваться малымъ; одни утѣшаются тѣмъ, что ихъ осѣнила *счастливая мысль*, какъ они выражаются; другіе просятъ васъ обратить вниманіе на *красоту линий*; третьи указываютъ вамъ на то, что *воздухъ у нихъ очень прозраченъ*; четвертые хвалятся тѣмъ, что *фигуры исполнены оживленія*; пятые тщеславятся тѣмъ, что открыли *новые эффекты освѣщенія*; шестые просятъ васъ обратить вниманіе на *живость красокъ*; седьмые на *чистоту рисунка* и проч. и проч. Такимъ образомъ, всѣ болѣе или менѣе полагаютъ все достоинство своихъ произведеній на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ. Ихъ искусство не является результатомъ широкой и полной методы наблюденія отношеній между природой и ея изображеніемъ: оно сводится къ про-

стому механическому приему, болѣе или менѣе удачному, посредствомъ котораго они достигаютъ, при нѣкоторомъ талантѣ, прекраснѣйшихъ, но частныхъ и неполныхъ эффектовъ. Кромѣ этихъ недостатковъ, которыми страдаетъ современное искусство и которые присущи не Италіи собственно, но вѣку, въ какомъ мы живемъ, — существуютъ еще частныя и, надѣюсь, временныя причины, не позволяющія современному итальянскому искусству сравняться по красотѣ съ древнимъ искусствомъ.

Искусство эпохи возрожденія было проникнуто двумя чувствами: эстетическое чувство греческой красоты и религиозное чувство христіанской вѣры. Сила, величіе, оригинальность искусства этой эпохи заключались въ совершенной гармоніи между античной формой и идеальнымъ содержаніемъ. Въ настоящее время идеальнаго содержанія и итальянскомъ искусствѣ болѣе не существуетъ и не можетъ существовать, такъ какъ всякое религиозное вѣрованіе заглохло въ Италіи; античная же форма отвергается, ненавидится и преслѣдуется какъ классическая, педантичная, условная. Собственно, академіи виноваты въ преслѣдованіи, которому подвергается античное искусство; вмѣсто того, чтобы учить, какимъ образомъ древніе артисты изучали дѣйствительность и изображали природу, они рекомендуютъ рабски списывать древнія формы, причемъ случается, что торсъ атлета приписывается святому анахорету, а обликъ Венеры — Мадоннѣ. Современный итальянскій артистъ утратилъ старинныя религиозныя вѣрованія, но еще не замѣнилъ ихъ пониманіемъ современной жизни. Онъ далеко еще не вникъ въ смыслъ этой жизни, и ему необходимо постигнуть ея сущность, прежде чѣмъ изображать ее. Въ настоящую минуту мы переживаемъ переходную эпоху, весьма неблагоприятную для созданія великихъ твореній искусства. Лагерь искусства раздѣляется въ Италіи между академиками новой школы и новаторами, или какъ они сами себя называютъ *avveniristi* (люди будущаго, *будущники*), которые пока сами не знаютъ чего хотятъ и чѣмъ дѣлаютъ. Академики списываютъ античныя модели и окрещиваютъ ихъ новыми именами; *avveniristi* объявляютъ себя врагами всякихъ классическихъ формъ и проповѣдуютъ реализмъ, но суживаютъ его границы, преслѣдуя одинъ лишь грубый реализмъ. Въ погонѣ за оригинальностью, они впадаютъ въ странности и нелѣпости; вмѣсто правильныхъ линий прибѣгаютъ къ изысканнымъ, приличныя и изящныя позы замѣняютъ безобразными и отталкивающими. Одинъ скульпторъ желаетъ, напримѣръ, изобразить монахиню въ моментъ упрямленія монастырей; онъ изображаетъ ее просто въ интересномъ положеніи, и напрасно сталъ бы зритель искать въ лицѣ бѣдной заключенной какое впечатлѣніе произвелъ на нее законъ, предписывающій ей оста-

божденіе: онъ ничего не увидитъ кромѣ безобразнаго и возмутительнаго ожирѣнія. Другой скульпторъ желаетъ изобразить Нерона, артиста, и представляетъ его грубымъ созданіемъ, переодѣтымъ въ женское платье и въ весьма некрасивой, анти-артистической позѣ. Третій желаетъ нарисовать пейзажъ — и списываетъ первую попавшуюся ему на глаза улицу, въ дождливый день. Онъ изображаетъ на полотнѣ полосу грязи — и это называется реализмомъ, новымъ искусствомъ, искусствомъ будущаго и является дерзкой пародіей на истинное искусство, великое искусство, интеллигентное, вдохновенное, идеальное искусство, оживляющее, напр., реформаторскій гений Рихарда Вагнера въ музыкальной драмѣ. Всѣ эти господа вѣрують въ прогрессъ, взываютъ къ искусству будущаго, то-есть искусству, которое движется впередъ, расширяется, измѣняется согласно времени, согласно тѣмъ идеямъ, которыя всякое время приноситъ съ собою, — великое, великолѣпное искусство, которое вдохновляется своей эпохой и вдохновляетъ ее, которое полно волненія и само волнуется. Но что можетъ волновать ограниченное искусство нашихъ *avveniristi*? Какая вѣра вдохновляетъ ихъ? какая высокая идея поддерживаетъ ихъ? Гдѣ то искусство, которое дозволяло бы имъ понимать и другимъ пояснять истины природы? Вѣдь тайна искусства заключается въ томъ, чтобы отереть поэзію въ правдѣ и изобразить ее. И наши *avveniristi* еще жалуются, что не существуетъ больше Меленатовъ, которые бы понимали ихъ творенія, и съ презрѣніемъ относятся къ копѣистамъ античныхъ произведеній, фабрикантамъ Венеръ и Мадоннъ на англійскій, французскій, американскій, нѣмецкій, русскій вкусъ, потому что существуютъ Венеры и Мадонны на всѣ вкусы; наши мастера это знаютъ и съ помощью извѣстныхъ приемовъ ловко превращаютъ какого-нибудь Беато-Анжелико въ Рафаэля, а Рафаэля въ Тиціана, смотря по желанію иностранцевъ, готовыхъ платить большія деньги за произведенія этихъ великихъ художниковъ. Такимъ образомъ, и скульпторы, работающіе на комиссію, отлично знаютъ, что не мускулы *à la* Микель-Анжело, но гибкія формы *à la* Канова находятъ сбытъ среди богатыхъ аматеровъ, и принимаютъ все это въ соображеніе. Эти люди превратились въ ремесленниковъ; и эти ремесленники по крайней мѣрѣ подражаютъ великому прошлому искусству, которое искусно воспроизводило природу. Но *avveniristi* напрасно жалуются на равнодушіе богачей, которые отзываются поощрять ихъ произведенія. *Avveniristi* вообще заявляютъ крайнее пренебреженіе къ законченности рисунка; они утверждаютъ, что эта законченность составляетъ единственное достоинство произведеній Рафаэля, котораго они вообще не одобряютъ. Они не желаютъ утомлять себя ради такого ничтожнаго результата, мало

того, они идутъ дальше и обращаютъ это достоинство, столь трудно приобретаемое, въ существенный и важный недостатокъ. Хорошо рисовать и хорошо писать для такихъ новаторовъ кажется большимъ порокомъ, почти такимъ же, какъ и одѣваться прилично, выражаться красиво и вносить въ жизнь нѣкоторое изящество. Изящество для нихъ является привилегіей аристократовъ и педантовъ, которую всякій независимый артистъ долженъ старательно избѣгать. Съ такими принципами въ искусствѣ каждый писака можетъ претендовать на званіе литератора, всякое маранье можетъ идти за картину, всякій наѣвъ—за мелодію. Но мудренаго нѣтъ, что никто не хочетъ признавать писака, маляровъ и проч. за артистовъ, и они тогда утѣшаютъ себя мыслию, что будущее принадлежитъ имъ, такъ какъ настоящее ничего имъ не даетъ и не можетъ дать, что они—*будущники*.

Между представителями этихъ двухъ крайнихъ и нелѣпныхъ системъ: академиками и *avveniristi*, стоятъ тѣ немногіе благородные артисты, которые стараются примирить насколько возможно широкія требованія современнаго искусства съ совершенствомъ классической формы. Изъ числа этихъ художниковъ, стремящихся примирить реальность съ поэзіей, выдѣляются по своимъ произведеніямъ: Винченцо Вело изъ Лугано, занимающій первое мѣсто, и Карони изъ того же города, Маньи, Тантардини, Табакки, Ардженти и другіе изъ Милана, города, который безспорно занимаетъ въ настоящее время первое мѣсто среди городовъ Италіи какъ по своей литературной, такъ и по артистической культурѣ. Во Флоренціи славятся Дюпрѣ (возбуждавшій много толковъ въ послѣдніе дни своимъ колоссальнымъ монументомъ Кавуру, предназначеннымъ для города Турина и стоившимъ пол-милліона франковъ), Ривальта, Камби, Пацци (Феди—чистый академикъ, а сицилиецъ Сальваторъ Грита, проживающій во Флоренціи—*avvenirista*), и менѣе замѣчательные въ другихъ городахъ Италіи. По части живописи замѣчательна въ Туринѣ школа двухъ братьевъ Гамба, одинъ пейзажистъ, другой историческій живописецъ, школа Гастальди, Понтремоли, Корси и Пасториса; въ Миланѣ, кромѣ старика Гайеца, до сихъ поръ еще живого и дѣятельнаго, Индуно, Джуліано, Пальяно; во Флоренціи—Усси (который недавно окончилъ большую картину, заказанную вице-королемъ египетскимъ и озаглавленную: Путешествіе правовѣрныхъ въ Мекку), Беллуччи, Кастаньола, портретистъ Гордиджани; Синьорини—*avvenirista*, Полластрини же—академикъ. Пейзажистъ Бенассан, калабриецъ, проживающій во Флоренціи, поставляетъ рисунки для великолѣпной фарфоровой фабрики маркиза Джинори; въ Неаполѣ—Морелли по части исторической жи-

вописи, Филиппо Палинци—рисующій животныхъ, Малдарелли, Миола и нѣсколько другихъ.

Если не всѣ эти артисты способны создать искусство будущаго, то животныя Палинци, нѣкоторыя типіановскія картины Гайеца, нѣкоторыя картины *à la* Деларошъ Морелли, *Il Duce d'Atene* Усси, не взирая на нѣкоторую холодность, и нѣкоторыя картины Гастальди, Пальяно и другихъ всегда будутъ фигурировать въ исторіи нашего искусства; они удовлетворительны для настоящаго времени и доказываютъ, что хотя и заглохли преданія артистовъ нашей великой эпохи, но артистическая жизнь не вполне замерла, и желаніе и попытки воскресить ее постоянно проявляются. Но для того, чтобы это возрожденіе стало возможнымъ, необходимо, чтобы наши артисты не обращали искусство въ мелкое орудіе политическихъ и честолюбивыхъ партій, которыя, ради проведенія своихъ собственныхъ мелкихъ цѣлей, унижаютъ достоинство великаго искусства.

Съ нѣкоторыхъ поръ къ вопросамъ искусства примѣшалась политика. Симпатіи къ Франціи или къ Германіи, проявляющіяся въ политическихъ кружкахъ, сообщаются и кружкамъ литературнымъ и артистическимъ. Вслѣдствіе раздраженія, испытываемаго многими итальянцами противъ Франціи, благодаря дерзости, съ какою относятся къ намъ легитимистскіе органы, многіе сочли своей обязанностью обратить всѣ свои симпатіи на Германію. Для такихъ политиковъ политическое паденіе французской націи какъ будто необходимо влечетъ за собой паденіе ея литературнаго и артистическаго авторитета, и превосходные Жеромы, Мейсонны обратились въ послѣднія шесть лѣтъ въ плохихъ школяровъ; напротивъ того, величайшее почтеніе оказывается школѣ, процвѣтающей въ Дюссельдорфѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ и въ самомъ Берлинѣ. Подобно тому какъ на парижской выставкѣ пѣлись гимны въ честь артистическаго генія Франціи, такъ мы должны ожидать, что на вѣнской выставкѣ будетъ прославляться на всѣ лады артистическій геній Германіи и картины Дюссельдорфской школы превозносятся до небесъ. Когда въ Италіи устроится всемірная выставка, тогда быть можетъ снова начнутъ чествовать нашихъ святыхъ и нашихъ мадоннъ, потому что мода слѣдуетъ за тѣмъ, кто ее провозглашаетъ. Въ настоящую минуту германскій вопросъ на очереди и занимаетъ умы въ Италіи. У Германіи, разумѣется, есть здѣсь свои приверженцы и свои противники, и какъ общее правило можно признать, что умѣренная партія хорошо расположена къ Франціи, между тѣмъ какъ демократическая партія заявляетъ, хотя бы даже не ощущала того, свои симпатіи къ Германіи. Симпатіи изъ сферы политической переходятъ въ область артистическую; въ силу этого демократическая партія поставила въ

прошломъ году на сцену и апплодировала въ Болоньѣ *Лоэтрину* Рихарда Вагнера. Но такъ какъ политическіе внутренніе вопросы гораздо болѣе занимають умы, чѣмъ вопросы внѣшніе, то въ прошломъ мѣсяцѣ въ Миланѣ случился курьезный фактъ. Между тѣмъ какъ въ Болоньѣ демократическая партія поддерживала *Лоэтрину* наперекоръ умѣреннымъ, которые его не хотѣли, — въ Миланѣ демократы провалили *Лоэнгрина* черезъ нѣсколько представленій только потому, что умѣренные поддерживали его. Умѣренные апплодировали „*Лоэнгрину*“ потому, что въ трехъ умѣренныхъ миланскихъ газетахъ *La Perseveranza*, *Il Pungolo*, *Il Corriere di Milano* всѣ три музыкальных критика, господа Филиппи, Боито, Торелли Биоллеръ случайно принадлежать къ поклонникамъ Вагнера. Недостаточная серьезность нашей журналистики выражается въ томъ, что достаточно, чтобы критики умѣренныхъ органовъ восхваляли Вагнера, и демократическія газеты начнутъ его преслѣдовать и вопить противъ вторженія чужеземнаго искусства, нѣмецкаго искусства, скудныхъ германскихъ формулъ въ Италиі и восклицать: *да здравствуетъ Верди!* какъ представитель музыкальнаго итальянскаго гения. Хоть бы они кричали: *да здравствуетъ Россини!* Какъ бы то ни было, а фактъ тотъ, что они столько шумѣли и вопили, что вынудили импрессарио прекратить представленія. Скандаль, случившійся въ Миланѣ, весьма прискорбенъ потому, что переносить политическіе, и самые мелкіе при томъ, вопросы въ сферу искусства и этимъ спутываетъ весь критерій искусства, которому приходится отнынѣ угождать пристрастному меньшинству, вмѣсто того, чтобы искать одобренія всѣхъ тѣхъ, кто любитъ и понимаетъ искусство. Нельзя не прибавить также, что паденію нѣмца Вагнера въ Миланѣ немало содѣйствовало также то мнѣніе, которое питаетъ о себѣ Миланъ. Этотъ городъ зовется и признаетъ себя итальянскимъ Парижемъ; кромѣ того, воспоминаніе о Маджентскомъ сраженіи, которое освободило его отъ владычества австрійцевъ, поддерживаетъ въ этомъ городѣ живѣйшую симпатію къ французамъ. Въ Парижѣ провалился *Тамейеръ*: чтобы не остаться позади, миланцы освистали *Лоэтрину*. Свистки миланцевъ Вагнеру заглушились апплодисментами Верди, изъ кареты котораго неаполитанская чернь выпрягла, въ знакъ почтенія, лошадей и повезла на себѣ знаменитаго композитора. Когда фанатизмъ принимаетъ такія безобразныя формы, тогда нѣтъ возможности разсуждать объ искусствѣ. Вообще въ настоящую минуту въ Италиі *говорають много, но разсуждаютъ мало.*

Въ драматическомъ лагерѣ составляется проектъ за проектомъ, чтобы вывести драматическое искусство изъ состоянія бродяжничества и основать постоянные театры. Въ настоящее время каждая

драматическая труппа вынуждена переносить свои пенаты изъ одного города въ другой, черезъ каждый мѣсяцъ и, самое болѣе, черезъ каждые два мѣсяца. Труппамъ приходится тратить на переѣзды свои небольшія сбереженія, и вотъ причина ихъ многочисленности. Каждому значительному городу приходится ежегодно созерцать на сценахъ своихъ различныхъ театровъ, какъ въ волшебномъ фонарѣ, по крайней мѣрѣ съ дюжину драматическихъ труппъ, состоящихъ изъ плохихъ актеровъ, плохо оплачиваемыхъ, и довольствоваться представленіями переводныхъ съ французскаго пьесъ или же оригинальными, итальянскими произведеніями, лишенными всякой оригинальности, причемъ обстановка самая жалкая, костюмы самые бѣдные, да и самыя роли плохо затвержены: каждый вечеръ дается новая пьеса, а потому неудивительно, что роли выучиваются актерами не твердо. Артистамъ нѣтъ времени изучать свои роли, тѣмъ менѣе образовывать себя; мѣняя ежемѣсячно свою публику, они усваиваютъ себѣ банальную манеру игры, которая удовлетворяетъ съ перваго раза массу. Публика тоже не воспитывается, потому что не имѣетъ времени изучить артиста и исправить, подъ его вліяніемъ, свой собственный вкусъ. Зло сознается какъ артистами, такъ и публикой, и мѣры противъ него принимаются; но какія? Нѣкоторые смѣлые спекулянты предлагаютъ муниципалитету выгодныя условія единственно лишь затѣмъ, чтобы получить право называться постоянными и привилегированными труппами, и такимъ образомъ только компрометируютъ недобросовѣстнымъ примѣненіемъ хорошую идею, которая могла бы дать отличные результаты, еслибы была примѣнена какъ слѣдуетъ. Весьма вѣроятно, что черезъ годъ Туринъ, Флоренція и Римъ обзаведутся каждый постояннымъ драматическимъ театромъ. Но нельзя ожидать многого отъ этихъ театровъ, на которыхъ не будетъ показываться никто изъ нашихъ великихъ актеровъ: ни Росси, ни Сальвини, ни Дондини, ни Гаттинелли, ни Ристори, ни Пеццана. Всѣ эти великіе артисты наши продолжаютъ тѣмъ временемъ свои скитанія, и когда изѣздить всю Италію, то отправляются за границу. Такъ сдѣлалъ Эрнесто Росси, который прожилъ въ Америкѣ два года и вернулся покрытый славой и осыпанный золотомъ. Южная Америка наградила нашего знаменитаго артиста всяческими оваціями; князья и президенты, общества и муниципалитеты осыпали его своими дарами и оспаривали другъ у друга. Никогда еще въ Америкѣ не видѣли такого Гамлета, такого Макбета, такого Ромео, такого Паоло, такого Кина, такого Ореста. Росси первый далъ понять американцамъ дивную красоту *Божественной комедіи*. Росси ограничилъ свой репертуаръ нѣсколькими десятками ролей изъ самыхъ крупныхъ произведеній, но вложилъ въ нихъ всю свою душу; особливо въ

тѣхъ, гдѣ требуется юношеская страсть, съ примѣсю тонкой и глубокой ироніи, онъ является неоцѣненнымъ и несравненнымъ артистомъ. Его сотрудники далеко недостойны его, но по крайней мѣрѣ знаютъ свое дѣло и свои роли, и если не передаютъ вполне тѣ характеры, которые изображаютъ, то по крайней мѣрѣ не искажаютъ ихъ, потому что Росси такой же искусный режиссеръ, какъ и талантливый актеръ. Въ настоящую минуту онъ находится въ Италіи, гдѣ готовится дать нѣсколько представленій, прежде чѣмъ снова уѣхать за-границу. Его ожидаютъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ дастъ нѣсколько представленій во время выставки. Отсюда онъ совершитъ путешествіе по Голландіи и Германіи. Онъ думаетъ также будущей осенью побывать въ Петербургѣ, и въ то время, какъ будетъ печататься настоящее письмо, одинъ изъ его агентовъ долженъ прибыть въ вашъ городъ, чтобы устроить его посѣщеніе. Отъ всего сердца желаю Росси встрѣтить у русскихъ такую же симпатію, какую онъ справедливо заслужилъ не только между своими соотечественниками, но и въ далекихъ странахъ.

D. G.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НРАВСТВЕННАЯ ОТВѢТСТВЕННОСТЬ.

Old-fashioned Ethics and common-sense Metaphysics with some of their applications, by *William Thomas Thornton*, author of a treatise „on Labour“ (Старомодная этика и метафизика обыденнаго смысла, съ нѣкоторыми изъ ихъ приложений, соч. Уильяма Томаса Торнтона). London, 1873.

Сочиненіе, по поводу котораго мы желаемъ говорить о *нравственной отвѣтственности*, принадлежитъ, какъ показываетъ самое заглавіе его, къ разряду полемическихъ. Весьма либеральный въ политическихъ вопросахъ, авторъ заявляетъ себя сторонникомъ „старомодной морали и обыденной философіи“;—въ шести главахъ своего новаго сочиненія онъ возстаетъ противъ утилитаризма, противъ притязаній исторіи на званіе науки, противъ философическихъ ученій Юма, противъ *докселеизма* (отъ фамиліи извѣстнаго естествоиспытателя Гоксли) и противъ новѣйшихъ фазъ научнаго атеизма, и хочеть опредѣлить, наконецъ, „предѣлы доказательнаго деизма“. Замѣчательно, что Торнтонъ принимаетъ почти всѣ главные выводы

современной науки, на которыхъ атеизмъ создавалъ свое зданіе: происхожденіе видовъ по теоріи Дарвина, зависимость человѣческой воли отъ окружающихъ обстоятельствъ и т. д., но это нисколько не мѣшаетъ ему воевать съ своими противниками, и нельзя сказать, чтобы неудачно, такъ какъ намѣченная авторомъ цѣль достигается почти во всѣхъ случаяхъ. Цѣль эта, впрочемъ, довольно ограниченная: авторъ непосредственно заинтересованъ въ доказательствахъ „не силы деизма, но слабости атеизма и пустоты его діалектическихъ притязаній“. Что во всякой формѣ набожности всего болѣе возбуждаетъ порицаніе и насмѣшку—это ея излишнее усердіе въ вѣрѣ, ея готовность примириться и согласиться съ разными нелѣпостями, какія могутъ истекать изъ тѣхъ или другихъ требованій ложной набожности. Торнтонъ задумалъ доказать, что тому же самому упреку подлежатъ и тѣ самые философы, которые любятъ осмѣивать набожность. „Что нѣтъ ничего нефилософичнѣе упорнаго атеизма, что нѣтъ ничего суевѣрнѣе его довѣрчивости, что нѣтъ такихъ вѣрованій столь чудовищныхъ, какъ тѣ, посредствомъ которыхъ атеизмъ старается наполнить пустоту, создаваемую его собственнымъ невѣріемъ—вотъ мой нынѣшній тезисъ“ (стр. 201), — говоритъ авторъ. И дѣйствительно, гипотезы, которыя создаетъ въ своихъ доводахъ атеизмъ изъ понятій о силѣ и матеріи, столь же много подлежатъ научному сомнѣнію, какъ и нѣкоторыя гипотезы о вмѣшательствѣ божества въ дѣла сего міра и человѣческихъ обществъ. Большинство существующихъ религій понимаетъ эту шаткость чистаго деизма и потому опирается, въ своихъ послѣднихъ доводахъ, на сверхъестественное откровеніе. Но Торнтонъ—деистъ совсѣмъ иного рода. Онъ прямо говоритъ, что опираться на откровеніе значить, „подвергать весь предметъ религіи спору“; если религія въ свою защиту объявляетъ только, что она противоположна разуму, что она требуетъ лишь вѣры, то тѣмъ хуже для нея, такъ какъ такая защита равна капитуляціи. Нашъ авторъ увѣренъ даже, что въ стараніяхъ современной науки, избѣгать въ своихъ объясненіяхъ „божественной гипотезы“, всего болѣе виновно презрительное отношеніе существующихъ религій къ открытіямъ и изслѣдованіямъ науки. Торнтонъ, напротивъ, основываетъ свои религіозныя убѣжденія на данныхъ строгой науки, и все, что онъ говоритъ противъ тѣхъ или другихъ атеистическихъ предположеній, вторгшихся въ предѣлы науки, все это онъ старается основать на выводахъ и требованіяхъ самой науки. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія (стр. 216), нашъ авторъ даже удивляется, зачѣмъ ученые не пользуются столь удобно прилагаемой гипотезой (*a good working hypothesis*), какъ идея о божествѣ, которая „въ точности совпадаетъ съ большей частью фактовъ и не про-

творѣчить ни одному изъ нихъ". Мы нарочно приводимъ эту фразу о божественной гипотезѣ, чтобы показать на самомъ слогѣ автора, что онъ высказываетъ свои мысли не догматически, но со всею сдержанностью научнаго изслѣдователя. Хотя для него лично существованіе Бога не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ не менѣе онъ говорить о божествѣ, какъ о гипотезѣ; его осторожность допускаетъ даже, что эта гипотеза совпадаетъ „не со всеми фактами, но съ *большей частью*". Онъ какъ бы допускаетъ возможность и право сомнѣнія относительно существованія Высшаго Существа, но это сомнѣніе будетъ, по его мнѣнію, во всякомъ случаѣ страннымъ: онъ удивляется ему, онъ его не понимаетъ.

Мы должны засвидѣтельствовать, съ своей стороны, что во всѣхъ своихъ статьяхъ Торнтонъ держится *этого* главнаго правила добросовѣстной полемики;—онъ всегда честно и вѣрно передаетъ мысли своего противника и никогда не заподозриваетъ его въ какихъ-нибудь дурныхъ намѣреніяхъ. Это не фанатикъ, желающій прежде всего опозорить своего соперника, и не корыстный адвокатъ, жаждущій доброй награды за свою ловкую рѣчь. Вступая въ борьбу съ людьми науки, онъ не видитъ въ ихъ, ошибочныхъ, по его мнѣнію, выводахъ, одну лишь „лгущую ученость". Торнтонъ—писатель съ самыми лучшими намѣреніями, который въ своихъ сомнѣніяхъ и вѣрованіяхъ старается служить прежде всего правдѣ и справедливости, и вотъ почему его читаешь съ интересомъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, съ которыми наиболѣе несогласенъ.

Мы вынуждены, конечно, относительно обсужденія вопросовъ религіознаго свойства, отказаться отъ критики торнтоновской „метафизики" божественнаго плана мірозданія, чудесъ и молитвы, гдѣ онъ объясняетъ, въ своемъ набожномъ усердіи, напримѣръ, недавнее выздоровленіе принца Уэльскаго силою молитвъ британскаго народа; но за то мы вполне воспользуемся „этикою" автора для уясненія вопроса о нравственной отвѣтственности, при чемъ съ одною изъ статей автора мы спорить не станемъ, а противъ другой представимъ сильныя, по нашему мнѣнію, возраженія: мы пожертвуемъ ему притязаніе исторіи на званіе точной науки, но за то спасемъ утилитаризмъ отъ его преувеличенныхъ нападеній.

Притязаніе исторіи на званіе точной науки основывается на томъ предположеніи, что „въ нравственномъ мірѣ, какъ въ физическомъ, неизмѣнное правило, неизбѣжное послѣдствіе, непремѣнная правильность" составляютъ „одну обширную схему всеобщаго порядка... Дѣйствія людей, а слѣдовательно и обществъ, управляются прочными вѣчными законами", которые „предписываютъ каждому человѣку его мѣсто въ необходимой цѣпи бытія, не давая ему ни-

какого выбора относительно этого мѣста". Общественныя явленія „суть результаты великихъ и общихъ причинъ, которыя, дѣйствуя на весь составъ общества, *должны* производить извѣстныя послѣдствія *помимо* (without regard) *желаній* отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ общество составлено" (Бокль). Отсюда прямой выводъ, что „человѣческія желанія зависятъ отъ *научныхъ* законовъ". „Общія законы, управляющіе (affecting) обществами, хотя измѣняются въ своей дѣятельности спеціальными законами, управляющими отдѣльною личностью, но, допустивъ возможность наблюденія ихъ результатовъ на полѣ, достаточно обширномъ, и въ продолженіе періода достаточно долгаго для того, чтобы они захватили въ себя всевозможныя сочетанія спеціальныхъ законовъ, они могутъ оказаться производящими *постоянные* результаты" (Милль).

Эти положенія современной науки возбудили въ Торнтонѣ опасеніе, что въ своихъ послѣднихъ выводахъ они должны отринуть нравственную отвѣтственность человѣка, то-есть допустить такъ-называемую „невмѣняемость" матеріалистовъ. И въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что дѣйствія людей управляются постоянными и неизмѣнными законами, то люди не могутъ быть свободными дѣятелями, а гдѣ нѣтъ свободной дѣятельности, тамъ не можетъ быть и нравственной отвѣтственности. Если люди принуждены, силою обстоятельствъ или вообще какою-нибудь силою, двигаться лишь въ одномъ направленіи, то отъ нихъ нельзя требовать, чтобы они двигались въ другомъ, противоположномъ направленіи. Жизнью человѣка, такимъ образомъ, управляютъ не собственные его расчеты и желанія, а какая-то невѣдомая судьба въ образѣ „вѣчныхъ законовъ природы". По нѣкоторымъ фактическимъ соображеніямъ Бокля, можно утверждать даже, что онъ дѣйствительно держался этого мнѣнія, и можно только удивляться ему, какимъ образомъ, держась подобнаго взгляда на вещи, онъ однихъ историческихъ дѣятелей хвалилъ, а другихъ порицалъ. Толкуя неправильно факты, онъ хотѣлъ доказывать, что въ данномъ состояніи общества опредѣленное число лицъ *должно* положить конецъ своей жизни, — что другое тоже опредѣленное число лицъ *должно* совершить убійство, — что когда заработная плата и цѣны на извѣстномъ уровнѣ, то ежегодно *должно* совершаться опредѣленное число браковъ, — и что всѣ эти опредѣленные числа „опредѣляются не характеромъ и желаніемъ отдѣльныхъ лицъ, но великими общими фактами, надъ которыми отдѣльныя личности не имѣютъ никакой власти". Такимъ образомъ выходитъ, что не количество самоубійствъ или убійствъ зависитъ отъ числа лицъ, готовыхъ совершить его, но число самоубійцъ или убійцъ зависитъ отъ количества преступленій, которое должно быть совершено. „Убий-

ство—подтверждаетъ въ другомъ мѣстѣ Бокль—совершается съ такою же правильностью и находится въ столь однообразномъ отношеніи къ нѣкоторымъ извѣстнымъ обстоятельствамъ, какъ движенія прилива и отлива и отношенія временъ года... Однообразное воспроизведеніе преступленія яснѣе обозначается и удобнѣе предсказывается, чѣмъ физическіе законы касательно болѣзни и разрушенія нашихъ тѣлъ. Преступленія людей—это результатъ не столько пороковъ отдѣльныхъ преступниковъ, сколько того состоянія общества, въ которое ввержены отдѣльныя лица“. Чтобы быть еще болѣе послѣдовательнымъ, ему слѣдовало бы въ послѣднемъ положеніи прямо сказать, что преступленія людей вовсе не зависятъ ни отъ пороковъ, ни отъ добродѣтелей преступниковъ, но исключительно отъ даннаго состоянія общества.

Бокль подтверждаетъ свой взглядъ еще разсужденіями о волѣ отдѣльнаго лица. „Когда мы совершаемъ какое-нибудь дѣйствіе,—говоритъ онъ,—мы совершаемъ его вслѣдствіе одного или многихъ побужденій; эти побужденія—результаты нѣкоторыхъ предшествующихъ вліяній (антецедентовъ); итакъ, если бы намъ были извѣстны всѣ антецеденты со всѣми законами ихъ движеній, то мы могли бы съ безошибочною точностью предсказать всѣ ихъ непосредственные результаты“. Сдѣлайте мнѣ только эти уступки, говоритъ знаменитый историкъ, и я вамъ докажу все остальное. Между тѣмъ, всѣ эти его требованія справедливы и доказываются научнымъ образомъ какъ социальными данными, такъ и физиологіей: никто изъ серьезныхъ ученыхъ не сомнѣвается въ томъ, что побужденія человѣка не что иное, какъ продуктъ всѣхъ условій и обстоятельствъ, среди которыхъ онъ живетъ, и что всѣ эти условія и обстоятельства вызваны въ свою очередь предшествовавшими событіями;—никто изъ нихъ не сомнѣвается также и въ томъ, что знаніе всѣхъ антецедентовъ и законовъ ихъ движеній дало бы намъ возможность предвидѣть результаты ихъ вліяній, но бѣда въ томъ, что законовъ этихъ нѣтъ. Какъ нѣтъ самого будущаго въ исторіи человѣческихъ обществъ. Законы будущаго создаются вмѣстѣ съ будущимъ; догадываться о нихъ можно такъ или иначе, но предсказывать ихъ могъ бы только тотъ, кто пріобрѣлъ бы возможность опредѣлить окончательныя цѣли и судьбы человѣческихъ обществъ. Прошлый опытъ людей въ ихъ общей жизни можетъ, конечно, служить намъ руководителемъ въ настоящемъ для того, чтобы создать лучшее будущее, но этотъ опытъ ничего положительнаго не говоритъ о томъ, каково это будущее будетъ и какими именно путями оно станетъ происходить. Исторія опредѣляетъ только законы, по которымъ происходила прошлая жизнь человѣческихъ обществъ, но такъ какъ прожитая однажды

жизнь не повторяется, то и законы ея могутъ давать лишь нѣкоторыя болѣе или менѣе остроумныя и полезныя догадки о будущемъ; но по этимъ законамъ никакъ нельзя предсказывать будущее въ точности, и слѣдовательно, сами эти законы не могутъ быть названы научными въ смыслѣ законовъ физическихъ, опредѣляемыхъ точными отраслями знанія, то-есть, законовъ, которые могутъ быть сами проверены путемъ опытовъ и предсказанія которыхъ, поэтому, несомнѣнны и точны. Физическій законъ есть не что иное, какъ отчетъ о причинности однообразно повторяющихся явленій, а такъ какъ въ человѣческихъ дѣлахъ однообразіе невозможно, то и законы, по которымъ движется общественная жизнь, не могутъ имѣть тѣхъ атрибутовъ и качествъ, какими отличаются законы физической природы; въ послѣдней все опредѣлено, все повторяется съ неизмѣнною правильностью и однообразіемъ, между тѣмъ какъ въ первой все зависитъ отъ разныхъ случайностей, которыя сами по себѣ совершаются не безъ причинъ, но которыхъ тѣмъ не менѣе ни предвидѣть, ни предсказать съ точностью научнаго закона невозможно: характеръ одной отдѣльной личности въ исторіи разбиваетъ всѣ расчеты и догадки науки. Попробуйте, напримѣръ, судить о будущемъ Россіи наканунѣ появленія Петра Великаго;—Токквиль правъ, когда онъ утверждаетъ послѣ глубокаго изученія „старого режима“, что занимая французскій тронъ около 1750-го года государь въ родѣ Фридриха Великаго, и всѣ реформы, которыя произвела революція, были бы произведены безъ малѣйшихъ потрясеній государства и съ сохраненіемъ королевской власти.

Мы не отвергаемъ возможности опредѣленія въ исторіи зависимости и причинной связи между разными общественными явленіями, при разныхъ обстоятельствахъ; мы утверждаемъ только, что всѣ эти историческія или, какъ ихъ теперь нерѣдко называютъ, соціологическія опредѣленія могутъ давать намъ лишь однѣ догадки относительно будущаго развитія человѣческихъ обществъ и общественной жизни. Какъ до-историческій человѣкъ не могъ имѣть никакого точнаго понятія объ исторической жизни народовъ, такъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ законовъ для опредѣленія будущей жизни человѣчества. Эта жизнь можетъ улучшиться или ухудшиться смотря по тому, какъ станемъ дѣйствовать въ будущемъ мы сами подъ вліяніемъ всѣхъ импульсовъ, завѣщанныхъ намъ исторіей. Но эти послѣдніе импульсы не закалили насъ навсегда идти однимъ и тѣмъ же порядкомъ, однообразно и даже противно нашимъ собственнымъ желаніямъ; — напротивъ, они лишь обуславливаютъ наши желанія, результатомъ которыхъ являются поступки. Наша воля опредѣляется, разумѣется, извѣстными побужденіями, ч

которыя въ свою очередь истекають изъ всѣхъ условій и обстоятельствъ нашей жизни въ обществѣ, но такъ какъ эти условія и обстоятельства не вѣчны, и зависятъ нерѣдко отъ самихъ людей, то само собою разумѣется, что и поступки людей, вызванные побужденіями, которыя возникли изъ тѣхъ условій и обстоятельствъ, должны быть вмѣняемы въ отвѣтственность самихъ дѣйствующихъ лицъ, а не совокупности ихъ, именуемыхъ обществомъ. Нравственная отвѣтственность человѣка является такимъ образомъ несомнѣнною: человѣкъ можетъ падать и можетъ совершенствоваться; человѣкъ можетъ способствовать или препятствовать совершенствованію самого общества;—имъ руководятъ не слѣпыя силы природы, но ясное сознаніе того, что онъ дѣлаетъ.

Признавъ, такимъ образомъ, существованіе нравственной отвѣтственности человѣка за свои поступки, мы должны еще опредѣлить критерій этой отвѣтственности, то-есть то, что человѣку слѣдуетъ дѣлать въ своей личной и общественной жизни, и то, отъ чего онъ долженъ воздерживаться. Въ опредѣленіи этого нравственного принципа мы расходимся въ мнѣніяхъ съ Торнтономъ, который является противникомъ утилитарнаго ученія, хотя въ то же самое время отрицается отъ школы идеалистовъ. Но его возраженія противъ утилитаризма, отличаясь нѣкоторою оригинальностью, нисколько не колеблютъ основъ утилитарнаго ученія; напротивъ, собственная теорія Торнтонна, исходящая изъ какихъ-то „естественныхъ правъ“ человѣка на жизнь и на движимую собственность, имѣетъ сама въ своей основѣ утилитарные принципы, но какъ самостоятельное ученіе, серьезной критики не выдерживаетъ. Мы займемся возраженіями автора противъ утилитаризма по-подробнѣе.

Но прежде, чѣмъ приступить къ критикѣ полемическихъ доводовъ Торнтонна, мы должны знать, какъ понимаетъ онъ свою задачу, какъ опредѣляетъ онъ утилитарное ученіе. Посмотримъ, поэтому, какъ излагаетъ авторъ основныя положенія утилитаризма.

Единственною цѣлью человѣческаго существованія слѣдуетъ считать наслажденіе жизнью — счастье. Но наслажденія бываютъ разныхъ родовъ и степеней: бываютъ чувственные наслажденія, умственные, нравственные, бываютъ наслажденія временныя и постоянныя; есть безумный восторгъ и трезвое довольство, счастье жизни можетъ продолжаться безъ всякихъ нарушеній, но можетъ и подвергаться тѣмъ или другимъ невзгодамъ. Какъ бы то ни было, все достоинство жизни заключается въ наслажденіяхъ, которыя она доставляетъ, или можетъ доставить въ будущемъ. Превосходство всѣхъ оправиль жизни должно, слѣдовательно, зависеть въ ихъ способности приводить къ единственной цѣли жизни—наслажденію. А такъ

какъ эти правила должны быть правилами поведенія, правилами нравственности, то ясно, что утилитаризмъ видитъ нравственность лишь въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя приводятъ къ счастью. Но подъ „счастьемъ“ утилитаризмъ разумѣетъ счастье не самого дѣятеля только, но счастье всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, наибольшаго числа людей въ обществѣ или въ цѣломъ мірѣ. Утилитаризмъ предполагаетъ личное счастье человѣка лишь въ общемъ счастьѣ всѣхъ людей, — онъ не допускаетъ преслѣдованія личныхъ наслажденій на счетъ страданія другихъ лицъ. Такимъ образомъ, онъ признаетъ справедливыми лишь тѣ поступки, которые способствуютъ развитію счастья въ обществѣ, и находитъ несправедливыми тѣ, которые противны этому развитію. Изъ всѣхъ наслажденій утилитаризмъ предпочитаетъ наслажденія, приобретаемыя жизнью въ добродѣтели, и онъ основываетъ это свое предпочтеніе на томъ общезвѣстномъ фактѣ, что всякій человѣкъ, равно знакомый съ разнаго рода наслажденіями, предпочитаетъ нравственные всѣмъ другимъ. Этотъ фактъ доказываетъ, что нравственные наслажденія выше всѣхъ другихъ, а такъ какъ утилитаризмъ совѣтуетъ предпочитать высшія наслажденія низшимъ, то ясно, что въ идеалѣ своемъ онъ желаетъ, чтобы люди вели жизнь въ добродѣтели. Но такая жизнь требуетъ подчиненія личныхъ интересовъ общественнымъ, — и дѣйствительно, добродѣтель перестала бы быть добродѣтелью въ утилитарномъ смыслѣ слова, если бы она не требовала этого подчиненія. Отсюда выходитъ, слѣдовательно, что высшимъ наслажденіемъ по утилитарной системѣ будетъ не что иное, какъ наслажденіе, извлекаемое изъ доставленія счастья не себѣ, а другимъ людямъ. Этого мало, — утилитаризмъ желаетъ, чтобы за этимъ наслажденіемъ его приверженцы шли, побуждаемые лишь самыми чистыми и самыми безкорыстными мотивами. Имѣя въ виду такія предписанія утилитаризма, Торнтонъ не понимаетъ съ какой стати обвиняютъ утилитаристовъ во враждѣ къ религіи; напротивъ, утилитаризмъ, по мнѣнію нашего автора, есть „не что иное, какъ дополнительное развитіе одной половины христіанства“ (и притомъ самой существенной — прибавимъ мы), такъ какъ онъ „не только принимаетъ, но и расширяетъ золотое правило Іисуса Назаретскаго, увѣщавшаго насъ любить нашихъ ближнихъ лучше самихъ себя, дѣлать другимъ не только то, что мы желали бы, чтобы они дѣлали для насъ, но еще гораздо больше, и не только не преслѣдовать наши интересы на счетъ интересовъ другихъ людей, но признавать нашимъ собственнымъ главнымъ интересомъ способствованіе интересамъ другихъ“. Безкорыстность утилитаризма дѣйствительно полная, такъ какъ единственною наградою его приверженцевъ за ихъ службу общественнымъ интересамъ это моральное ученіе

ніе находить въ собственной совѣсти дѣятеля: исполняя въ точности правила своей нравственности, утилитаристъ избѣгаетъ упрековъ своей совѣсти, — того, что называютъ самопорицаіемъ. Джонъ Стюартъ Милль выразилъ однажды мученія самопорицаіа блестящимъ сравненіемъ съ муками ада: говоря о томъ, что абсолютное (безусловное) само по себѣ невозможно, немислимо, онъ сказалъ, что онъ столь твердъ въ этой мысли, что еслибъ ему погрозили за нею адомъ, онъ сталъ бы терпѣть муки ада, но не отказался бы отъ своей мысли. Онъ готовъ, слѣдовательно, перенести все, лишь бы не подвергнуться самопорицаію за измѣну своему вѣрному убѣжденію.

Если теперь мы посмотримъ на исходную точку нашихъ разсужденій объ утилитаризмѣ и сравнимъ ее съ послѣднимъ выводомъ этого ученія, то единственная цѣль человѣческаго существованія — наслажденіе — предстанетъ въ формѣ совсѣмъ не той, которую разумѣютъ обыкновенно подъ словомъ: *наслажденіе*. Здѣсь, въ концѣ нашихъ разсужденій, мы заговорили уже о „мукахъ ада!“ Наслажденія утилитаризмъ ищетъ не въ баловствѣ своей физической натуры, а въ самопожертвованіи изъ-за общаго блага, изъ-за общей пользы.

Такова картина утилитаризма по Торнтону. Въ ней ясно видно, что утилитарная мораль призываетъ людей въ одно и то же время къ самымъ высшимъ въ идеальномъ смыслѣ наслажденіямъ, и къ самому высокому самопожертвованію. Торнтонъ не пожалѣлъ трудовъ для того, чтобы какъ можно ярче выставить величавыя стороны утилитаризма, которыя являются здѣсь отчасти до того величавыми, что чуть не переступаютъ грани въ карикатуру. Высокотребованія утилитаризма дѣйствительно сопряжены съ полнымъ самопожертвованіемъ, но эти требованія не совсѣмъ забываютъ и великаго достоинства человѣка, даже его животнаго эгоизма. Если Торнтонъ правильнѣе оцѣнилъ утилитарное ученіе въ его отношеніяхъ къ личной пользѣ людей и взглянулъ бы на его высшіе идеалы съ менѣе блестящей стороны, онъ можетъ быть не написалъ бы во вступленіи своего „анти-утилитаризма,“ который есть не что иное, какъ неслучайно глубоко продуманный утилитаризмъ...

Торнтонъ обвиняетъ утилитаризмъ въ трехъ важныхъ недостаткахъ, изъ которыхъ одинъ показываетъ будто бы неправильность, ложность, несостоятельность самого ученія вообще. Во-вторыхъ, если признать утилитаризмъ ученіемъ состоятельнымъ и правильнымъ, то онъ лишитъ насъ возможности различать справедливое отъ ложнаго въ практической жизни. Въ-третьихъ, наконецъ, утилитаризмъ стираетъ всѣ разности добродѣтели, такъ что мы теряемъ способность отличать добродѣтель отъ справедливости, геройство отъ простого исполненія долга.

Несостоятельность утилитаризма заключается, по мнѣнію Торнтона, непосредственно въ томъ его основномъ принципѣ, что польза сама по себѣ заключаетъ въ себѣ добродѣтель. Онъ допускаетъ, что добродѣтель не можетъ быть безъ пользы, но польза, въ какомъ бы количествѣ она ни являлась, сама по себѣ не можетъ стать добродѣтельною: „Я отрицаю, — поясняетъ онъ, — что всякое увеличеніе общаго счастья должно считаться справедливымъ, и точно также я не допускаю, чтобы все, что уменьшаетъ общее счастье или препятствуетъ его увеличенію, должно считать несправедливымъ.“ Въ доказательство вѣрности своего отрицанія, онъ приводитъ слѣдующіе факты, изъ которыхъ одни имѣютъ въ виду самопожертвованіе людей въ пользу общества, а другіе — самопожертвованіе въ пользу отдельныхъ личностей.

Первымъ фактомъ въ этой серіи является легенда о принесеніи въ жертву Діанѣ дочери Агамемнона, Ифигеніи. „Чернобородые цари, съ волчьими глазами“, рѣшили убить Ифигенію, такъ какъ отъ этого убійства они ожидали мистической помощи своему предпріятію противъ Трои. Положимъ теперь, что и сама Ифигенія была убѣждена въ необходимости ея смерти для представившейся въ этомъ случаѣ патріотической цѣли, но, тѣмъ не менѣе, она могла сопротивляться, и имѣла право на то. Справедливы ли были цари, наблюдавшіе за тѣмъ, какъ ее приносили въ жертву? — спрашиваетъ нашъ авторъ, жолѣ убѣжденный въ томъ, что утилитаризмъ долженъ оправдать ихъ. Что въ этомъ фактѣ дѣло идетъ объ общей пользѣ — это такъ, но кто здѣсь стремится къ общей пользѣ — цари ли, или Ифигенія? Ифигенія, мы предположили, не желаетъ этой пользѣ, не желаетъ совершить того высокаго самопожертвованія, которое предлагаютъ ей цари, — она, значить, не принадлежитъ къ разряду людей съ высокимъ патріотическимъ вдохновеніемъ, но вотъ и все. Убить ее въ это никакъ не слѣдуетъ: утилитаризмъ выше всего цѣнитъ жизнь, ибо иначе онъ ничего бы не говорилъ ни о какихъ наслажденіяхъ. Утилитаризмъ требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ способствовалъ общей пользѣ не на счетъ страданія другихъ, а на счетъ своего личнаго счастья. Вотъ если бы цари сами себя принесли въ жертву, ради торжества Греціи надъ Троею, тогда бы они на самомъ дѣлѣ дѣйствовали по утилитарному принципу, и всякій утилитаристъ изумился бы ихъ геройству. Въ этомъ фактѣ съ Ифигеніей, однимъ словомъ, нѣтъ ничего такого, что могъ бы похвалить утилитаризмъ, изображенный даже самимъ же Торнтономъ; этотъ фактъ есть лишь первый прологъ нашего автора.

Другой фактъ съ тремя матросами, спасшимися въ маленькой лодкѣ съ погибшаго корабля, совершенно подобенъ факту съ Ифи-

геніей. Дѣло въ томъ, что всѣ они находятъ, что, останься они втроемъ въ лодкѣ, лодка ихъ не выдержитъ, и что, слѣдовательно, одному изъ нихъ нужно погибнуть для того, чтобы другіе двое могли спастись. Одинъ долженъ пожертвовать собою въ пользу двоихъ, то же самое, что жертва Ифигеніи въ пользу царей. Этотъ фактъ также мало доказываетъ несостоятельность утилитаризма, какъ и первый. Мало того, этотъ фактъ принадлежитъ къ простымъ фактамъ животной борьбы за существованіе, такъ что къ нему примѣненіе нравственности почти невозможно. На обломкахъ фрегата Медузы, плававшихъ съ группою почти безумныхъ отъ голода людей, мать съѣла своего ребенка,—кто же станетъ примѣнять къ ней какіе-либо принципы нравственности, а между тѣмъ тѣ два матроса, которые бросили въ море третьяго, находились почти въ такомъ же положеніи, какъ эта мать.

Идемъ далѣе. Вы упали и сломали себѣ ногу, а мимо васъ проѣзжаетъ вашъ сосѣдъ въ просторной коляскѣ, — имѣютъ ли право сострадательные прохожіе, окружившіе васъ, остановить сосѣда и отправить васъ домой въ его коляскѣ?... Или, идетъ сильный дождь, вы видите бѣдную женщину, сильно страдающую отъ дождя, и прохожаго съ двумя зонтиками, — имѣете ли вы право взять отъ него лишній зонтикъ и прикрыть имъ страдающую женщину?... „По всей вѣроятности, — разсуждаетъ авторъ послѣ предложенія этихъ фактовъ, — вы, въ самомъ дѣлѣ, такъ и поступите, и мало напало бы такихъ людей, которые стали бы сильно порицать васъ за то, что вы возгорѣлись такимъ негодованіемъ...“ „Нѣтъ никакого сомнѣнія, — прибавляетъ онъ далѣе, — что общественное счастье приобрѣло бы широкое развитіе, если бы каждый человѣкъ чувствовалъ непреодолимую обязанность помогать своему ближнему всякій разъ, когда онъ это можетъ, подвергая себя лишь ничтожному или вовсе никакому неудобству, — или если бы, въ подобномъ случаѣ, вѣнчанная сила всегда являлась на-лицо, чтобы принудить къ помощи всякаго, кто не желаетъ помогать по собственной волѣ...“ Казалось-бы этихъ разсужденій самого автора достаточно для того, чтобы показать малозначительность этихъ фактовъ, доказывающихъ будто бы несостоятельность утилитаризма. Но нѣтъ, — Торнтонъ находитъ, что только „ученіе Прудона“ могъ бы считать себя, въ данныхъ фактахъ, правымъ захватить чужую коляску и зонтикъ противно воли собственника. Но, не говоря о томъ, что Прудонъ былъ честнымъ человѣкомъ, и быть его послѣдователемъ въ честности заслуживаетъ всякой похвалы, право собственности могло бы быть, по мнѣнію самого Торнтона, такъ ограничено, — и даже хорошо было бы, еслибъ его такъ ограничили, — что не только простой прохожій, но сама высшая власть побудила бы гражданъ къ подобнымъ одолженіямъ

своихъ ближнихъ. Но Торнтонъ считаетъ право собственности не общественнымъ или политическимъ правомъ, а „естественнымъ“, — и отсюда его противорѣчіе. Такъ понимать право собственности могутъ только въ странахъ, гдѣ огромнымъ вліяніемъ пользуется буржуазія. Ни одинъ русскій буржуа, будь онъ самъ Катковъ, не представилъ бы подобныхъ примѣровъ, такъ какъ онъ каждый день можетъ убѣдиться на улицѣ, что русская полиція поступаетъ въ первомъ изъ Торнтоновскихъ фактовъ именно такъ, какъ „ученіе Прудона“, и, по нашему мнѣнію, какъ по мнѣнію всѣхъ утилитаристовъ, справедливо...

Дальнѣйшіе факты автора должны доказывать, что факты, болѣе вредные, чѣмъ полезныя общему счастью, могутъ заслуживать похвалы, какъ проявленія наивысшей добродѣтели. Но, въ дѣйствительности, эти высокодобродѣтельные поступки или одобряются самымъ утилитаризмомъ, или оказываются поступками, въ высокой степени безразсудными. Судите сами, читатель. Въ романѣ г-жи Бичеръ-Стоу: „Minister's Wooing“ изображено пуританское общество, въ которомъ вѣрили, что большинство людей создано съ исключительною цѣлью понасть въ вѣчное пламя ада. Героиня романа, Мэри Скоддеръ, принадлежитъ къ этой сектѣ; она говоритъ своему любовнику: „Въ прошлое воскресенье священникъ проповѣдывалъ по тексту: „я желаю бы, чтобы Христосъ проклялъ меня изъ-за моихъ братьевъ, изъ-за моихъ родственниковъ“, и затѣмъ онъ доказывалъ, что мы должны отказаться отъ нашего собственнаго спасенія, если нужно, ради пользы другихъ. Говорятъ, что это жестокое ученіе, но я чувствую, что я могла бы принять его. Да, я готова пожертвовать моею душою за тебя, — да, я желала бы этого.“ Поступокъ Мэри Скоддеръ, какъ поступокъ самопожертвованія ради спасенія любовника, ничего не говоритъ противъ утилитарнаго ученія, такъ какъ утилитаризмъ одобряетъ подобное геройство, и мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ этотъ фактъ является возраженіемъ противъ утилитарной нравственности.

Другое дѣло другіе два факта. Въ Китаѣ приговореннымъ къ смертной казни дозволено представлять вѣсто себя подставныхъ. Положимъ, что преступный отецъ спасается такимъ образомъ отъ смерти любящимъ его сыномъ, котораго, хотя онъ ни въ чемъ не повиненъ, казнятъ вѣсто его преступнаго отца, дѣлающагося теперь въ глазахъ всякаго моралиста существомъ еще болѣе гнуснымъ. Можетъ ли утилитаризмъ одобрить такой поступокъ сына?.. Еще одинъ подобный примѣръ изъ жизни Англіи: бережливый сынъ соглашается дать моту-отцу часть доходовъ съ принадлежащаго ему майоратнаго имѣнія; отецъ навѣрное промотаетъ эти доходы, а сынъ могъ бы ихъ употребить для общей пользы страны. Одобрить ли

утилитаризмъ и этого сына? По мнѣнію Торнтона, эти сыновья заслуживаютъ удивленія за ихъ сыновнюю преданность; онъ находитъ въ ихъ поступкахъ какое-то безкорыстіе и какую-то добродѣтель высшаго сорта, ибо они жертвуютъ здѣсь, будто бы, бѣльшимъ количествомъ своего собственнаго счастья, чѣмъ какое доставляютъ они своимъ отцамъ. Но, въ дѣйствительности, и китаецъ, и англичанинъ просто поощряютъ своихъ отцовъ въ дурномъ поведеніи и, ради этого поощренія, первый жертвуетъ своею собственною жизнью, а второй — богатствомъ, которое могло бы найти въ его же рукахъ чень хорошее употребленіе. Что же такое въ этихъ поступкахъ заслуживаетъ удивленія? Не говоря о томъ, что самые характеры лицъ значительно противорѣчатъ мысли о возможности подобныхъ фактовъ, — если такіе факты дѣйствительно возможны, то они, во-первыхъ, исключительнаго свойства, а, во-вторыхъ, совершенно безразсудны, и потому къ нимъ нельзя примѣнить принципа нравственной отвѣтственности. Утилитаризмъ не изумляется имъ, онъ ихъ порицаетъ, какъ всякое бесполезное безразсудство, и онъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ Торнтонъ, нашедшій здѣсь поводъ къ прославленію сыновней преданности.

Итакъ, *все* факты автора, которыми онъ надѣялся доказать несостоятельность и ложность утилитарнаго ученія, оказываются сами ложными и несостоятельными. Мы нарочно перебрали ихъ *все*, чтобы показать, какъ твердъ утилитаризмъ въ своихъ нравственныхъ принципахъ, и что возраженія Торнтона могутъ служить лишь доводомъ того, что Торнтонъ невѣрно понимаетъ сущность утилитарнаго ученія.

Какъ бы то ни было, состоятельность утилитаризма, какъ нравственной доктрины, не убѣждаетъ Торнтонъ въ *практической* состоятельности этого ученія. Своимъ вторымъ обвиненіемъ противъ утилитарнаго ученія онъ ставитъ то, что утилитарный критерій справедливости — *общая польза* — не можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ нравственности или безнравственности поступковъ. По утилитарному ученію выходитъ, что „нравственность поступковъ зависитъ вполне и единственно отъ ихъ послѣдствій“: въ этомъ смыслѣ по крайней мѣрѣ выражается одинъ изъ важнѣйшихъ авторитетовъ школы, Джонъ Ст. Милль: „Утилитарные моралисты, — говоритъ онъ, — ушли дальше всѣхъ въ утвержденіи того, что побужденія не играютъ никакой роли (has nothing to do) въ нравственности поступка.“ Торнтонъ убѣждаетъ, напротивъ, что есть тысячи фактовъ, гдѣ нравственность или безнравственность поступка опредѣляется исключительно побужденіями, и, въ доказательство справедливости своего мнѣнія, приводитъ одинъ такой примѣръ, который, однако, какъ мы сейчасъ увидимъ, оказывается бездоказательнымъ. Два доктора лечатъ каждый одного большого одною и тою же болѣзнію, и каждый изъ нихъ убиваетъ своего

пациента сильнымъ приѣмомъ стрихнина, но докторъ № 1-й далъ стрихнинъ съ намѣреніемъ излечить больного, а докторъ № 2-й далъ его для того, чтобы убить больного. Спрашивается, является ли актъ убійства въ обоихъ случаяхъ „одинаково безнравственнымъ“ (equally immoral)?.. Да, разумѣется, этотъ актъ будетъ, во всякомъ случаѣ, безнравственный, но *одинаково* ли — этого мы не понимаемъ, потому что дѣло моральнаго ученія заключается въ опредѣленіи нравственности или безнравственности поступка, а не въ степени преступности его. Въ этическомъ смыслѣ поступки могутъ быть лишь нравственными или безнравственными; степеней нравственности этика не признаетъ. Намѣренія того и другого изъ врачей, въ данномъ случаѣ, служатъ лишь оцѣнкою личности самихъ врачей, но не ихъ поступка: докторъ № 1-й оказывается просто неосторожнымъ, легкомысленнымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ докторъ № 2-й — не что иное, какъ убійца, но поступокъ и того и другого безнравственъ. Убійство — всегда фактъ безнравственный, какими бы побужденіями ни руководился человѣкъ, совершая его, какъ, съ другой стороны, спасеніе человѣка отъ смерти всегда будетъ актомъ справедливымъ въ этическомъ смыслѣ. Конечно, Торнтонъ могъ бы противъ нашего послѣдняго вывода возразить ссылкой опять на Милля, который, какъ извѣстно, возставалъ въ британскомъ парламентѣ противъ отмѣны смертной казни, и Торнтонъ дѣйствительно дѣлаетъ намекъ на эту защиту (стр. 25) смертной казни; но утилитаризмъ вообще не можетъ нести отвѣтственность за ошибки и непоследовательность важнѣйшихъ своихъ сторонниковъ, какъ нельзя, напримѣръ, основываясь исключительно на томъ фактѣ, что основатель позитивизма, Огюстъ Контъ, исполнялъ церемоніи „религіи человѣчества“, приписывать всѣмъ позитивистамъ ту же вѣру въ эти церемоніи или въ самую религію.

Продолжая далѣе свои выводы изъ того утилитарнаго положенія, что побужденія не играютъ никакой роли въ опредѣленіи нравственности поступка, Торнтонъ приходитъ къ новому обвиненію. Такъ какъ утилитаризмъ наставляетъ главнымъ образомъ на общественныхъ послѣдствіяхъ поступка, то Торнтону кажется, что утилитарная нравственность способна оправдывать всякія средства величіемъ цѣли, и что затѣмъ утилитаризмъ долженъ признавать за каждымъ человѣкомъ право на собственные свои законы. И вотъ, въ изложеніи нашего автора является на сцену и Робеспьеръ, и сентябрьскія убійства, и прусскій захватъ Шлезвигъ-Гольштейни, а наконецъ и всѣ тѣ „ревностные филантропы, которые не прочь истребить половину человѣчества для обращенія другой половины въ гражданъ всемірной красной республики“, и всѣ тѣ „обожатели Висмарка, которые, держась убѣжденія въ томъ, что государ-

ственное расширеніе есть *высшее благо* націй, полагають долгомъ патріота устранить всѣ торжественные трактаты, препятствующіе этому расширенію“.

Но обвиненіе утилитаризма въ томъ, что будто бы онъ оправдываетъ средства цѣлями, совсѣмъ не вѣжется съ тѣми опредѣленіями этого ученія, которые даетъ самъ Торнтонъ въ началѣ полемики: общая польза, которую преслѣдуетъ утилитаризмъ, имѣетъ весьма мало общаго съ *salus populi* разныхъ политическихъ партій. Утилитаризмъ основываетъ свои предписанія не на отвлеченныхъ утопіяхъ, но на опытѣ исторіи; для него только тѣ дѣйствія, та общая польза имѣютъ обязательную силу, разумность и состоятельность которыхъ оправданы историческою жизнью народовъ. Утилитаризмъ, какъ проговаривается въ одномъ мѣстѣ нашъ авторъ, требуетъ отъ своихъ послѣдователей „принимать въ соображеніе не только вѣроятные результаты предпринимаемаго дѣла, но и обыкновенныя послѣдствія всѣхъ поступковъ того же рода“. Какимъ же образомъ онъ можетъ оправдывать того бы то ни было въ политической дѣятельности, если тотъ руководствуется въ своихъ поступкахъ исключительно одними „вѣроятными результатами“ своего дѣла, то-есть, цѣлями, и знать не хочетъ объ „обыкновенныхъ послѣдствіяхъ дѣлъ подобнаго рода“, то-есть, о средствахъ? Какимъ образомъ красный республиканецъ, готовый погубить половину человечества, для того только, чтобы оставшаяся половина объявила красную республику, можетъ быть оправданъ по утилитарному ученію? Объявленіе красной республики — это результатъ вѣроятный — не больше, но истребленіе людей посредствомъ революціи — это фактъ несомнѣнный, подтверждаемый всю исторіей. Какимъ же образомъ утилитаризмъ — это ученіе о наибольшемъ счастьѣ наибольшаго числа — можетъ оправдывать революціонера, который рѣшается истреблять людей массами ради „вѣроятнаго“ блаженства оставшихся въ живыхъ. Вообще говоря, утилитаризмъ, какъ ученіе, которое считаетъ „единственною цѣлью человѣческаго существованія наслажденіе жизнью“, вовсе не можетъ оправдывать не только политической рѣзки, но и вообще лишенія того бы то ни было жизни. Исключеніемъ изъ этого правила могутъ быть одни лишь требованія самозащиты.

Но мы можемъ представить крѣпкіе доводы противъ подведенія диктаторскихъ наклонностей подъ покровъ утилитаризма еще съ другой стороны. Извѣстно, что всякій диктаторъ ссылается въ оправданіе своихъ насильственныхъ дѣйствій — будь то Робеспьеръ, Наполеонъ или Феликсъ Пія — на свое безкорыстное желаніе послужить общимъ пользамъ народныхъ массъ или страны. Предположимъ, что каждый изъ нихъ дѣйствуетъ совершенно искренно и

дѣйствительно убѣжденъ въ томъ, что только онъ одинъ, своею энергическою и произвольною дѣятельностью, можетъ спасти страну отъ гибели. Но, спрашивается—желаютъ ли сами народныя массы или страны, чтобы самозванный спаситель спасалъ ихъ,—есть ли они, эти спасители или охранители, уполномочены на свою диктатуру и кто провѣрялъ ихъ взгляды на возможность спасенія или облагодѣтельствованія страны? Утилитаризмъ стремится къ наибольшему счастью наибольшаго числа, и такъ какъ въ этомъ наибольшемъ счастьѣ наибольшаго числа прежде всего заинтересовано само „наибольшее число“, то безъ его одобрительнаго голоса никто не долженъ присвоивать себѣ исключительно право рѣшенія въ такомъ вопросѣ величайшей важности, касающемся всѣхъ: только само „наибольшее число“ можетъ назначать себѣ людей, которые бы изображали собою народное желаніе „общей пользы“. Что же касается до отдѣльныхъ лицъ, стремящихся къ общей пользѣ въ политикѣ, то весь районъ ихъ дѣятельности ограничивается лишь ихъ собственной личностью: только собою имѣютъ они право жертвовать, когда угодно и какъ имъ вздумается, но никакъ не согражданами. Общая польза, которую разумѣетъ утилитарное ученіе, не та общая государственная польза, которую можетъ придумывать себѣ всякій по своему разумѣнію, но та, которая при данномъ состояніи общества опредѣляется желаніями всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, наибольшаго числа гражданъ, способныхъ имѣть политическія желанія.

Переходимъ къ третьему и послѣднему возраженію Торнтона, которое основано на томъ положеніи утилитарномъ, что каждый человѣкъ, если желаетъ быть высоморавственнымъ, долженъ всѣмъ жертвовать ради общей пользы, что лишь этимъ путемъ онъ въ состояніи достигать высшаго наслажденія, которымъ однимъ измѣряется достоинство жизни. Но если преслѣдованіе общей пользы даетъ все, чѣмъ дорога жизнь, если нравственность поступковъ опредѣляется точно также общею пользою ихъ, то отсюда слѣдуетъ, по мнѣнію Торнтона, что когда мы не стараемся *всѣми силами* способствовать общему благу, съ какими бы жертвами подобныя старанія ни сопрягались, то мы поступаемъ безнравственно, грѣшимъ противъ нравственныхъ постановленій утилитаризма. Талантливый редакторъ „Fortnightly Review“, утилитаристъ Джонъ Морли (Morley) выразился однажды, что „справедливость есть общественная идея въ ея высшемъ, самомъ широкомъ и наиболѣе обязательномъ выраженіи... Ею обозначается нравственный принципъ, который обязываетъ каждого такъ руководить своимъ поведеніемъ и своими отношеніями, своими притязаніями и пріобрѣтеніями, чтобы они гармонизировались съ высшимъ благомъ всѣхъ“. Это опредѣленіе „справедли-

вості" нашъ авторъ выставяетъ какъ подтвержденіе своей выше-приведенной мысли, то-есть, что если приверженецъ утилитаризма хоть въ чемъ-нибудь отступаетъ отъ самыхъ крайнихъ пожертвованій въ пользу общей пользы, то онъ уже долженъ считаться члвкомъ безнравственнымъ и даже преступнымъ, такъ что общество уже приобрѣтаетъ право карать его. Общественный долгъ вторгается всюду, во всѣ стороны человѣческой жизни и включаетъ въ себя всѣ проявленія человѣческой добродѣтели: нѣтъ больше ни честности, ни великодушія, ни вѣрности, ни гуманности, ни терпѣливаго смиренія, ни рыцарскаго самопожертвованія—все только одна справедливость, и сама справедливость опредѣляется лишь наивысшей пользою. Общество устанавливаетъ эту „справедливость“, и что въ нее войдетъ, все должно быть исполняемо отдѣльною личностью. подъ угрозою каръ и безъ всякихъ надеждъ на какую-либо признательность, такъ какъ всѣ ваши дѣла суть не что иное, какъ исполненіе общественнаго долга. Объясняя такимъ образомъ утилитарныя требованія въ общественной жизни, Тортонъ прежде всего развиваетъ свои доводы въ пользу того мнѣнія, что утилитаризмъ будто бы оправдываетъ всякую диктатуру, позволяя каждой личности имѣть свои собственные взгляды на „общую пользу“;— въ самомъ дѣлѣ, если общество можетъ налагать на своихъ согражданъ всевозможныя тягости во имя общей пользы, — если утилитаризмъ такимъ образомъ предаетъ личность въ полное рабство обществу, то какимъ же образомъ можетъ онъ въ то же время оправдывать диктатуру какого-нибудь отдѣльнаго лица надъ всѣмъ обществомъ? Очевидно, что Тортонъ не понимаетъ сущности утилитарнаго ученія и перепутываетъ всѣ его понятія.

Но будемъ разсуждать о третьемъ обвиненіи Тортонна, которое во всякомъ случаѣ имѣетъ въ своемъ основаніи гораздо больше правды, чѣмъ обвиненіе утилитаризма въ оправданіи диктаторскихъ наклонностей. Дѣйствительно, утилитаризмъ, въ интересахъ общей пользы, требователенъ, болѣе всѣхъ другихъ моральныхъ ученій, но эта требовательность ограничена самимъ понятіемъ объ общей пользѣ, которое во всякій данный моментъ исторіи мѣняется согласно съ обстоятельствами, въ которыхъ живетъ общество, и съ перемѣнами въ умственномъ развитіи общества. Есть такія общественныя потребности, которыя необходимы для существованія и процвѣтанія общества,—ихъ считаютъ обязательными для всѣхъ: *домомъ*. Есть другія, удовлетвореніе которыхъ весьма полезно для общества, но которыя, при ихъ исполненіи, требуютъ слишкомъ большого напряженія нравственныхъ силъ или крайняго самоотверженія, на что способны лишь немногіе люди, и общество, поэтому, оставляетъ удовлетвореніе этихъ потребностей

на произволъ самихъ гражданъ. Общество признаетъ проявленіе такого рвенія къ общественному благу въ высокой степени важнымъ, но такъ какъ оно не можетъ наложить его на всѣхъ, хотя весьма желаетъ, чтобы это рвеніе проявлялось, то оно не вводитъ такіе поступки въ область „долга“, а даетъ имъ особое, высшее мѣсто, называетъ ихъ *добродѣтельными* или *доблестными*. Можно, конечно, полагать вмѣстѣ съ Морли, что и въ этихъ высшихъ проявленіяхъ нашего рвенія къ общему благу мы дѣйствуемъ лишь подъ руководствомъ одного чувства справедливости къ нашимъ ближнимъ, но общество можетъ называть эту справедливость какими угодно именами, смотря по казусу, по поводу котораго проявляется человекъ свою величайшую преданность общественному благу. Утилитаризмъ, слѣдовательно, не уничтожаетъ никакихъ добродѣтелей и не даетъ обществу никакого права налагать на личность какія-либо обязанности, для исполненія которыхъ необходимо обладать необыкновенными добродѣтелями. Но нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что утилитаризмъ всѣ права личности ставить въ зависимость отъ общественныхъ пользъ, а слѣдовательно, отъ самого общества: такъ-называемыя „естественныя права человека“ не имѣютъ никакого смысла въ главахъ утилитаристовъ. Но утилитаризмъ вовсе не врагъ личной свободы или личной собственности, такъ какъ и та и другая, при извѣстныхъ условіяхъ исторической жизни, способствуютъ общественному развитію, то-есть, общепользны, но какъ личная свобода, такъ и личная собственность — учрежденія не природныя, но общественныя, и потому могутъ быть, согласно съ общественными потребностями, ограничены и даже уничтожены. Въ древнемъ мірѣ и въ доисторическомъ періодѣ не было ни той ни другой. Одно только естественное право слѣдовало бы признавать всѣмъ утилитаристамъ, это — право на жизнь, ибо жизнь не общественный даръ. Общество можетъ предъявлять къ человеку тѣ или другія притязанія въ вознагражденіе за охрану его жизни, но на самую жизнь оно не имѣетъ никакихъ правъ, и напротивъ, именно изъ-за того, что человеку дорога жизнь и что онъ старался охранить ее и обезпечить ея существованіе, возникло само общество.

Моральная система Торнтона построена, напротивъ, на „естественныхъ правахъ“, которыхъ она признаетъ два: 1) абсолютное право, если оно не нарушено какимъ-либо злоупотребленіемъ или не ограничено по собственному согласію, поступать съ собственною своею особою какъ угодно, но *безвредно* для другихъ; и 2) столь же абсолютное право располагать какъ угодно продуктомъ своего собственного *честнаго* труда или труда чужихъ, права которыхъ *честно* приобретены вами. Утилитаризмъ откровенно сказывается въ этихъ

„правахъ“ нашего автора: онъ хочетъ личной свободы, но „безвредной“ для другихъ; онъ желаетъ права личной собственности, но на „честное“ приобретене; онъ желаетъ, слѣдовательно, такого права личной свободы и такого права личной собственности, которыя не нарушали бы правъ другихъ гражданъ, правъ или пользы общества.

Все дальнѣйшее изложеніе Торнтонъ заключаетъ лишь въ защитѣ этихъ личныхъ правъ противъ общественныхъ; но мы уже доказали выше, что оба эти права не могутъ быть названы „естественными“ и потому подлежатъ всѣмъ измѣненіямъ, какія можетъ найти необходимыми общество въ своихъ общихъ интересахъ.

Lettres à la Princesse, par C.-A. Sainte-Beuve, de l'Académie française (Письма къ Принцессѣ Сентъ-Бёва, члена французской академіи). Paris, Michel Lévy, frères, 1878.

Въ этихъ письмахъ (ихъ 263)—къ кузинѣ Наполеона III, принцессѣ Матильдѣ, читатель найдетъ поразительныя доказательства нравственной ничтожности одного изъ наиболѣе талантливыхъ литературныхъ критиковъ Франціи Луи-Филиппа и Наполеона III. Всѣ партіи, за исключеніемъ весьма немногихъ отдѣльныхъ писателей, признавали Сентъ-Бёва „первымъ“ критикомъ Франціи; даже такой радикаль, какъ Ранке, секретарь Гамбетты и дѣятель коммуны въ первое время ея существованія, находилъ возможнымъ простить Сентъ-Бёву его сенаторское достоинство за его замѣчательныя критическія соображенія; однимъ словомъ, это былъ Бѣлинскій нынѣшней Франціи. Его отзывы рѣшали участь писателя, его совѣты всѣ принимали съ благодарностью, его похвалы достаточно было для того, чтобы составить литературную репутацію, и между тѣмъ, какъ мы видимъ теперь изъ этой переписки съ принцессою Матильдою, это была одна изъ самыхъ ничтожныхъ личностей въ нравственномъ отношеніи, это былъ жалкій придворный, выпрашивающій себѣ подачки у императорскаго стола. Сопоставляя его значеніе во французской литературѣ съ его личнымъ характеромъ, невольно приходится согласиться съ рѣзкими приговорами Потвэна надъ французскими литераторами. Если этотъ жалкій льстецъ и низкопоклонникъ, неблагодарный даже къ тѣмъ, которые наградили его сенаторскимъ жалованьемъ за всѣ его холопскіе подходы,—если этотъ Сентъ-Бёвъ могъ играть столь важную роль въ литературномъ мірѣ, то изъ кого же, изъ какихъ еще нравственныхъ ничтожностей состоялъ весь этотъ міръ?! Онъ самъ, какъ критикъ, могъ провоздвигать лишь одніѣ quasi-нравственныя пошлости, но какую же мораль находили читатели въ произведеніяхъ всѣхъ французскихъ писателей, считавшихъ Сентъ-Бёва своимъ лучшимъ и строжайшимъ ценителемъ?...

Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ этихъ писемъ.

Сентъ-Бёвъ дѣлается еженедѣльнымъ посѣтителемъ салоновъ принцессы въ пятидесятыхъ годахъ своей жизни; принцесса дѣлаетъ ему нѣкоторые подарки, а Сентъ-Бёвъ распускается въ разныхъ любезностяхъ, при чемъ почти въ каждомъ изъ своихъ писемъ онъ не забываетъ „положить къ ногамъ принцессы свидѣтельства своей почтительной преданности“. Принцесса посылаетъ ему коверъ, вышитый ею самою: „Какъ! принцесса — восклицаетъ по этому поводу нашъ критикъ — могу ли я осмѣлиться ступить ногами на это великолѣпное, достойное Персiи или Турцiи, и которое вышло изъ вашихъ рукъ? Но за то мои глаза будутъ отдыхать на немъ съ благодарностью и нѣжностью.“ Нужно ли принцессѣ заманить къ себѣ кого-нибудь изъ литературныхъ знаменитостей: Ренана, напримѣръ, или Вате, и Сентъ-Бёвъ тутъ какъ тутъ. „Вы видите, принцесса, пишетъ онъ послѣ удачнаго приглашенiя Ренана, что я весьма точный и усердный секретарь вашихъ приказанiй, и что я пользуюсь всякимъ случаемъ заявить себя самымъ признательнымъ и наиболѣе почтительнымъ образомъ преданнымъ изъ вашихъ слугъ.“ Увѣщаетъ ли принцесса на два мѣсяца въ Италию, и Сентъ-Бёвъ уже пишетъ: „Я могу только предложить вамъ, принцесса, мои чувства признательности, вѣрную преданность и желанiе, чтобы эти два мѣсяца вашего пребыванiя въ Италии были также полны и прiятны для васъ, какъ они будутъ пусты для насъ.“ Дарить ли ему принцесса корзину съ яблоками и мандаринами, и Сентъ-Бёвъ разсыпается уже въ такихъ пошлостяхъ: „Я получилъ эти золотыя яблоки, эти мандарины, которыхъ я никогда не ѣлъ и которые принялъ за что-нибудь другое. Мое невѣжество равно лишь вашей добротѣ.“ Какъ много походить этотъ первый критикъ Францiи на Хлестакова, когда тотъ говоритъ: „А ваши ручки лучше всякой погоды“!

Очень характеристичны также его письма, въ которыхъ онъ хлопотеть, чтобы ему дали сенаторское достоинство и жалованье, о чемъ весьма много старалась принцесса Матильда. Но когда Сентъ-Бёвъ получилъ наконецъ мѣсто сенатора, тонъ его писемъ измѣняется: и въ своихъ критикахъ, и въ своихъ сенатскихъ рѣчахъ онъ начинаетъ пускаться въ разныя либеральности. Принцесса намекаетъ ему на его перемѣны, но Сентъ-Бёвъ уже не слушается и въ одинъ прекрасный день переходитъ изъ офицiальной газеты „Constitutionnel“ въ либеральный „Temps.“ Этотъ переходъ окончательно ссорить принцессу съ Сентъ-Бёвомъ, и затѣмъ переписка прекращается. Можно подумать, что всѣ свои униженiя и пошлые комплименты Сентъ-Бёвъ расточалъ лишь въ видахъ добиться мѣста въ сенатѣ.

Таковъ былъ первый литературный критикъ Францiи Луи-Филиппа и Наполеона III!

ОБЩЕСТВЕННАЯ ГИГИЕНА.

Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, судебной психіатріи, медицинской полиціи, общественной гигиенѣ, эпидемиологіи, медицинской географіи и статистикѣ, изд. медицинскимъ департаментомъ. Томи II и III. 1872 г. Томъ I. 1873 г.

„Сборникъ“, издаваемый медицинскимъ департаментомъ, по своему отношенію къ общественной жизни есть, безспорно, одно изъ наиболѣе важныхъ изданій въ области нашей ученой литературы. Въ немъ мы знакомимся со многими общественно-гигиеническими вопросами и съ сущностью тѣхъ мѣръ, которыя наиболѣе пригодны для поддержанія общественнаго благосостоянія въ санитарномъ отношеніи. Поэтому, „Сборникъ“, какъ органъ общественной гигиены, представляетъ интересъ для каждаго, кто сознаетъ, что общественно-гигиеническія условія, въ которыхъ находится народонаселеніе, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ или его благосостоянія, или бѣдственнаго положенія, смотря по качествѣ этихъ условій. Съ этой стороны „Сборникъ“ интересенъ даже для массы публики. Для лицъ судебного вѣдомства польза его очевидна, если принять въ соображеніе важность судебно-медицинской экспертизы для рѣшенія многихъ судебныхъ дѣлъ.

О важномъ значеніи „Сборника“ для врачей мы уже и не будемъ говорить, такъ какъ онъ собственно для нихъ и ядается. Въ программу „Сборника“ входитъ, правда, очень много наукъ, изъ которыхъ каждая съ полнымъ правомъ могла бы требовать для себя особаго журнала; но не должно забывать, что въ настоящее время у насъ существуютъ только начатки специально-ученой литературы, и раздробленія „Сборника“ на отдѣльные, спеціальныя журналы по каждой изъ наукъ, входящихъ въ его программу (что было бы весьма желательно), можно ожидать только въ будущемъ, при дальнѣйшемъ развитіи нашей литературы вообще, соответственно развитію и потребностямъ самаго общества.

Содержаніе трехъ послѣднихъ книжекъ „Сборника“, о которыхъ мы хотимъ говорить, весьма разнообразно; укажемъ на нѣкоторыя статьи этихъ книжекъ.

Во II-мъ томѣ „Сборника“ прошлаго года обращаютъ на себя вниманіе два случая *убійства* (статья г. Штейнберга), совершоннаго страдавшими *меланхоліей*, слѣдовательно людьми, неспособными ко вмѣненію. Эти случаи и множество другихъ подобныхъ имъ указываютъ на необходимость расширенія сферы судебно-психіатрическаго

изслѣдованія преступниковъ. До сихъ поръ способность ко вмѣненію преступниковъ служить предметомъ споровъ между юристами и врачами: первые обыкновенно смотрятъ на преступниковъ какъ на людей, вполне обладающихъ умственными способностями, предполагаютъ у нихъ *злую* волю, и только въ явныхъ и рѣзкихъ случаяхъ ненормальности умственныхъ способностей у послѣднихъ требуютъ участія врачей для рѣшенія вопроса о способности ко вмѣненію подсудимыхъ; врачи же, наоборотъ, склонны видѣть, во множествѣ случаевъ преступленій, не преступниковъ, а людей психически-ненормальныхъ, и въ нихъ — не *злую*, а *большую* волю, и требуютъ, чтобы психическое состояніе преступниковъ было подвергаемо врачебному изслѣдованію чаще, чѣмъ сколько это дѣлается до сихъ поръ. Справедливость здѣсь на сторонѣ врачей, такъ какъ нерѣдко бывали осуждаемы люди, совершавшіе уголовныя преступленія въ умопомѣшательствахъ, примѣры чему мы видимъ въ криминальной практикѣ всѣхъ странъ. Англійскій юрисконсультъ Фипрой-Келли заявилъ въ 1864 г., что въ теченіе послѣднихъ 64-хъ лѣтъ въ Англіи было совершено 60 легальныхъ убійствъ, т.-е. было казнено такое же число умалишенныхъ. Англійскій врачъ Мадденъ въ своемъ сочиненіи „объ умопомѣшательствахъ и объ уголовной отвѣтственности умопомѣшанныхъ“ сообщаетъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были приговорены къ смерти 11 умопомѣшанныхъ, изъ которыхъ 8 казнены, а 3 помилованы, но заточены.

Весьма любопытныя разсужденія о *психическомъ состояніи преступниковъ* мы находимъ въ статьѣ подъ этимъ же заглавіемъ въ III т. „Сборника“. Авторъ принимаетъ, что у преступниковъ существуютъ психическія аномаліи, но не умственныя, а *нравственныя*: испорченность, необузданныя страсти и желанія и отсутствіе силы воли бороться съ ними. Эти нравственные недостатки часто бываютъ наслѣдственными и могутъ доходить до полного отсутствія нравственного чувства, что авторъ называетъ *нравственнымъ идиотизмомъ*. Такихъ людей слѣдуетъ изолировать для пользы общества и нравственно улучшать ихъ; но, по словамъ автора, обращеніе съ преступниками, имѣющее цѣлью только наказаніе для наказанія, очень опасно и для общества и для самого преступника, оно никогда его не улучшаетъ и часто дѣлаетъ худшимъ; оно производитъ 40—45 процентовъ рецидивистовъ.

Въ основу тюремнаго вопроса, по мнѣнію автора, должны быть положены научныя данныя, изученіе нравственнаго состоянія преступниковъ и средствъ къ улучшенію его, которыя сводятся къ *нравственному леченію преступниковъ* (метода Деметца).

Рука объ руку съ нравственной испорченностью и преступленіемъ идетъ *полнотѣла*, часто тоже составляющее психическую болѣзнь. Въ

І-мъ томѣ „Сборника“ 1873 г. помѣщена весьма дѣльная статья г. Шмелева о мѣрахъ противъ пьянства. О мѣрахъ противъ него въ Россіи должно подумать серьезно: изъ приведенной въ статьѣ г. Шмелева, на стр. 174, вѣдомости о числѣ бѣлогорячечныхъ больныхъ отъ пьянства, за 11 лѣтъ, въ Александровской и Обуховской больницахъ въ Петербургѣ, видно, что число этихъ больныхъ страшно возрастаетъ; такъ, напр., въ этихъ обѣихъ больницахъ въ 1861 г. было 211 чел. одержимыхъ бѣлою горячкою, а въ 1871 г. ихъ было 718! Изъ существующихъ статистическихъ данныхъ авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что число случаевъ смерти отъ пьянства въ Россіи прогрессивно возрастаетъ отъ запада къ востоку. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ статистическія свѣдѣнія о пьянствѣ въ Россіи весьма ограниченны.

Подробно разсмотрѣвъ средства, предложенныя и примѣненныя противъ пьянства въ Западной Европѣ и Сѣверо-американскихъ штатахъ (общества трезвости, пріюты для пьяницъ, законы для ограниченія розничной продажи спиртныхъ напитковъ и проч.), авторъ переходитъ къ Россіи и считаетъ лучшими, прямыми мѣрами противъ пьянства въ Россіи учрежденіе общественныхъ питейныхъ заведеній, пропаганду воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ словомъ, дѣломъ и примѣромъ, въ особенности въ средѣ ремесленного и фабричнаго населенія большихъ городовъ, въ которомъ сильно развито привычное пьянство, и наконецъ, попеченіе о пьяницахъ, для которыхъ должны быть устраиваемы пріюты, съ цѣлью излеченія пьяницъ отъ страсти къ спиртнымъ напиткамъ. Изъ этой же статьи мы узнаемъ, что въ Петербургѣ проектируется учрежденіе пріюта для пьяницъ при Обуховской больницѣ. Весьма желательно, чтобы этотъ проектъ осуществился и чтобы, наконецъ, перестали появляться въ газетахъ разныя рекламы о леченіи отъ пьянства.

Весьма важную роль въ вопросѣ о пьянствѣ должно играть самое качество спиртныхъ напитковъ; разсмотрѣнію его посвящена во II-мъ томѣ „Сборника“ 1872 г. статья г. Гофмана подъ заглавіемъ: „Объ изслѣдованіи и очищеніи водокъ съ медико-полицейскою цѣлью“. Предметомъ этой статьи главнымъ образомъ служитъ открытіе *сивушнаго масла* въ разныхъ спиртныхъ напиткахъ, которое въ нихъ, на основаніи нашихъ законоположеній, вовсе не должно быть, и которое вреднымъ образомъ дѣйствуетъ на организмъ и весьма вѣроятно предрасполагаетъ къ пьянству, производя расстройство желудка и другихъ органовъ. Полиція слѣдовало бы обращать большое вниманіе на чистоту питей и содержаніе въ нихъ сивушнаго масла, что несомнѣнно повело бы къ ограниченію дурныхъ послѣдствій отъ употребленія спиртныхъ напитковъ.

Человѣку въ обыденной жизни, какъ мы узнаемъ изъ разсматриваемыхъ нами книжекъ „Сборника“, угрожаетъ много опасностей:

въ комнатномъ воздухѣ можетъ заключаться мышьякъ, отдѣляющійся въ формѣ пыли со стѣнъ, окрашенныхъ зеленою краскою, содержащею мышьякъ, или оклеенныхъ зелеными обоями, въ которыхъ найдешь тоже мышьякъ; даже всякаго цвѣта обои могутъ быть ядовиты по содержанію въ нихъ мышьяковистой кислоты; зеленый абажуръ на лампѣ тоже можетъ служить источникомъ отравленія мышьякомъ. Ликеры, фруктовые соки, спиртные напитки, разнаго рода пища подкрашиваются фуксиномъ, содержащимъ мышьякъ. Еще недавно въ Петербургѣ былъ случай отравленія горошкомъ, окрашеннымъ швейнфуртскою зеленою, для приданія ему свѣжаго зеленого цвѣта. Вредными для здоровья могутъ быть окрашенные анилиновыми красками разныя шерстяныя издѣлія, напримѣръ чулки, шерстяныя рубашки, конфеты. Дамскія шелковыя платья могутъ воспламеняться сами собою вслѣдствіе обработки шелка пикрино-кислымъ свинцомъ. Причиною вреда для здоровья могутъ быть комнатныя растенія, выделяющія азотистыя соединенія; отъ коровъ человѣкъ можетъ заразиться ящуромъ, отъ лошадей — сапомъ; ему угрожаютъ опасностью даже древесныя вши, которыя въ Пруссіи напали на квартиру одного педагога и такъ измучили его, что значительно пострадало его здоровье. Эта вошь часто обитаетъ въ старыхъ книгахъ, и потому въ особенности угрожаетъ классикамъ. При множествѣ вредныхъ вліяній, угрожающихъ человѣку на каждомъ шагѣ, или лишающихъ его жизни, или значительно сокращающихъ ее, понятна важность знанія и необходимости возможно ранняго ея изученія, именно преподаванія ея въ школахъ; изученіе ея необходимо не только для сохраненія жизни и здоровья, но и для счастья человѣка, и потому совершенно справедливыми представляются слова автора сочиненія: „Système de la Nature“, сказавшаго: „L'homme n'est malheureux que parce qu'il méconnaît la nature“. Отъ незнанія законовъ и вліяній природы и отъ неумѣнья противождать послѣдствіямъ, страдаетъ самъ человѣкъ, гибнутъ продукты его трудовъ, слабеютъ или уничтожаются его производительныя силы; отсюда понятны также важность и полезность основательнаго естественно-научнаго образованія для каждаго.

Весьма важными обстоятельствами въ жизни цѣлыхъ обществъ являются поварыныя болѣзни и устройство санитарной части для предотвращенія ихъ. Главныя поварыныя болѣзни нашего времени суть: холера — исчадіе Востока, и оспа — наслѣдіе для Европы послѣ франко-прусской войны. На статистическомъ конгрессѣ, бывшемъ въ Петербургѣ, англійскій врачъ Муатъ, между прочимъ, сказалъ („Сборникъ“, т. I, 1873 г., отд. II, стр. 40): „Холера одна уничтожила больше людей и разстроила больше семейныхъ очаговъ, чѣмъ всѣ войны и осады Иерусалима до осады Парижа, чѣмъ всѣ

неурожаи, погубившіе громадное число жертвъ, тѣмъ чума и всѣ другія эпидеміи, исторія которыхъ намъ извѣстна. Въ своихъ нападкахъ она безпощадна и въ самыхъ, повидимому, легкихъ случаяхъ небезопасна. Неужели изъ этого не вытекаетъ важность серьезнаго изученія этой болѣзни, и неужели не слѣдуетъ высоко цѣнить отысканіе способовъ, какъ предупредить вторженіе или остановить ужасное распространеніе этого бича?" Въ той же статьѣ г. Бенезе о дѣятельности врачей на статистическомъ конгрессѣ въ Петербургѣ помѣщены доклады д-ра г. Архангельскаго о собираніи статистическихъ свѣдѣній о холерѣ и докладъ д-ра Э. Шерера о статистикѣ сифилиса, заслужившіе одобреніе и благодарность врачей, участвовавшихъ въ сѣздѣ. Читая эти доклады, убѣждаешься, что дѣйствительно лучшій и непосредственный способъ для принятія мѣръ какъ противъ холеры, такъ и противъ послѣдней соціальной болѣзни есть болѣе близкое ознакомленіе съ этими болѣзнями при посредствѣ *статистическихъ данныхъ*, изъ которыхъ сами собою должны вытекать тѣ мѣры, которыя необходимо принимать противъ этихъ болѣзней. Но необходимо прежде всего, чтобы мѣры противъ холеры принимались *заблаговременно*, а противъ сифилиса — *постоянно*. На обработку медико-статистическихъ данныхъ о заболѣвшихъ оспой въ Петербургѣ обращено большое вниманіе со стороны с.-петербургскаго врачебнаго управленія (Сборн., т. III, 1872). Съ идеями о надлежащемъ устройствѣ санитарной части вообще читатели могутъ познакомиться въ статьѣ проф. А. Якобіа (Сборн., т. II, 1872 г.).

Всѣ статьи, о которыхъ мы упомянули въ нашемъ обзорѣ послѣднихъ трехъ книжекъ „Сборника“, издаваемаго медицинскимъ департаментомъ, помѣщены въ двухъ отдѣлахъ этого изданія. Но, сверхъ того, при каждой книжкѣ „Сборника“ помѣщается по нѣсколькимъ листовъ „Приложеній“ къ нему: „Руководства къ гигиенѣ“ и „Руководства къ судебной медицинѣ“. Въ заключеніе нашего обзора скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ руководствахъ. „Руководство къ гигиенѣ“ составляетъ д-ромъ Ф. Эрисманномъ, который рекомендовалъ себя уже прежде своими изслѣдованіями зрительной способности учащихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ и подвальныхъ этажей. Его руководство есть сводъ новѣйшихъ соотвѣтственныхъ изслѣдованій по физикѣ, химіи, физиологіи и другихъ наукъ, которыя служатъ основами для гигиены; руководство его вполнѣ современно и отличается строгимъ научнымъ направлениемъ; до сихъ поръ напечатано 42 листа его руководства, которое обѣщаетъ быть очень обширнымъ сочиненіемъ. Польза такого руководства очевидна.

Во II-мъ томѣ „Сборника“ 1872 года началось „Руководство къ судебной медицинѣ Каспера“, обработанное нѣсколькими русскими

врачами и профессорами. До сихъ поръ появился 1-й отдѣлъ I-й части: *половая отравленія* (т. II и III Сборн., 1872) и начало (11 листовъ) II-й части: *изсмѣдованіе трупа* (т. I Сборн., 1873); какъ видно изъ названія и содержанія этого послѣдняго руководства, оно назначается собственно для врачей. Въ политико-литературномъ журналѣ — не мѣсто разбирать содержаніе появившихся въ печати отдѣловъ этого руководства. Содержаніе 1-го отдѣла I-й части, обработанной г. Мержеевскимъ, наводитъ на грустные размышленія по отношенію приводимыхъ имъ случаевъ (казуистика) къ общественной нравственности. Въ подробно разсказанныхъ имъ случаяхъ преступленій (для избѣжанія названій ихъ въ частности, назовемъ ихъ общимъ именемъ — *половыми преступленіями*), мы видимъ ужасающіе примѣры извращенія полового инстинкта, — извращенія, приближающаго человѣка къ дикимъ животнымъ, или заставляющаго предполагать въ преступникахъ, сюда относящихся, умопомѣшательство или идиотизмъ. Для насъ важно здѣсь то, что во множествѣ случаевъ начатки этихъ преступленій, склонность къ нимъ, проявляются еще въ очень юныхъ возрастахъ: дѣтскомъ, отроческомъ, и потомъ уже развиваются съ большею, неудержимою силою, и то, что большинство преступниковъ было или вовсе лишено воспитанія, или пользовалось дурнымъ, недостаточнымъ воспитаніемъ. Изъ этого нельзя не заключить, что первоначальною причиною этихъ преступленій въ большинствѣ случаевъ служатъ отсутствіе или недостатки *воспитанія*, домашняго или школьнаго, и что для предотвращенія такихъ случаевъ могущественнымъ средствомъ можетъ быть надлежащее воспитаніе, какъ тѣлесное, такъ и психическое. Въ дѣтскомъ возрастѣ, извѣстно, существуетъ большая несоразмѣрность между двумя злыми качествами человѣческаго характера, т.-е. чувствительностью и страстностью, съ одной стороны, и умомъ и волею, съ другой ¹⁾. Главная задача воспитателей дать здоровую пищу воображенію и отклонить его отъ чувственнаго направленія. Сверхъ того, чувствительность кожи у дѣтей можетъ служить причиною ихъ дурныхъ склонностей, не говоря уже о многихъ патологическихъ состояніяхъ кожи и слизистой оболочки, въ особенности на половыхъ частяхъ, какъ-то о зудѣ, сыпяхъ и проч. Большую роль играетъ наслѣдственность склонностей; много значатъ разныя болѣзненные состоянія тѣла, въ особенности мочевыхъ и половыхъ органовъ. Изъ всѣхъ этихъ намековъ понятно, что въ дѣлѣ воспитанія должны принимать участіе какъ воспитатели, такъ и врачи, и что и тѣ и

¹⁾ См. статью Ил. Мечникова «Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія» («Вѣстникъ Европы», январь, 1871 г.), которая, вѣроятно, была замѣчена воспитателями.

другіе, разумными мѣрами, могутъ убить въ зародышѣ тѣ дурныя наклонности ихъ воспитанниковъ, которыя въ будущемъ могутъ содѣлать ихъ преступниками противъ самихъ себя или противъ цѣломудрія другихъ. На первомъ планѣ здѣсь, конечно, должно быть поставлено реальное образованіе съ юныхъ лѣтъ, которое можетъ благотѣльнымъ и трезвымъ образомъ дѣйствовать на воображеніе дѣтей.

Другая причина преступленій, о которыхъ мы говоримъ, кроется въ уровнѣ общественной нравственности и въ качествѣ тѣхъ удовольствій, въ которыхъ общество ищетъ развлеченій; здѣсь достаточно упомянуть о недавнемъ еще преобладаніи оффенбаховскихъ пьесъ на театрахъ, о французскихъ куплетахъ, которые поются въ кафе-шантанахъ, о страсти публики къ деморализующимъ, криминальнымъ романамъ, развивающимъ патологическую подражательность и проч.

Съ перваго взгляда кажется излишнею та подробность, съ какою изложена г. Мержеевскимъ казуистика половыхъ преступленій; но если ближе всмотрѣться въ дѣло, то такая подробность является необходимою въ спеціальному судебно-медицинскому органу, такъ какъ при преступленіяхъ этого рода, обыкновенно совершаемыхъ наединѣ и, слѣдовательно, бѣдныхъ доказательствами, единственнымъ средствомъ добратся до истины какъ для судей, такъ и для врачей, остается подробный разсказъ потерпѣвшихъ о совершеніи преступленія и о всѣхъ обстоятельствахъ, обстановкѣ, къ нему относящихся; только при знаніи ихъ судья и врачъ могутъ выпутаться изъ лабиринта часто лживыхъ показаній какъ со стороны обвиняемыхъ, такъ и потерпѣвшихъ, и только этимъ путемъ могутъ дойти, и то часто съ трудомъ, до рѣшенія вопроса о совершеніи преступленія, въ тѣхъ случаяхъ, когда уже прошло много времени послѣ совершенія его, т.-е. когда на лицо нѣтъ никакихъ уликъ.

Вудемъ надѣяться, что читатели не посѣтуютъ на насъ за этотъ, можетъ быть нѣсколько подробный обзоръ послѣднихъ трехъ книжекъ „Сборника“, издаваемого медицинскимъ департаментомъ. Содержаніе ихъ имѣетъ слишкомъ близкое отношеніе къ общественной жизни, чтобы можно было его игнорировать; многія статьи этихъ книжекъ представляютъ интересъ для всѣхъ членовъ общества, которые только желаютъ пользы для жизни самого общества, и нельзя не быть признательнымъ за изданіе „Сборника“ медицинскому департаменту, заботящемуся какъ о судебно-медицинскомъ образованіи своихъ врачей, такъ и о томъ, съ другой стороны, чтобы они могли передавать въ публику здоровыя начала гігіены, столь необходимыя для благосостоянія общественнаго организма.

ЦВѢТЫ НА ПСЕВДО-КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЧВѢ.

РАЗЫШЛЕНІЯ Г. КУТОРГИ „О НАУКѢ И ЕЯ ЗНАЧЕНІИ ВЪ ГОСУДАРСТВѢ“.

Всѣ истинные почитатели классическаго образованія и серьезной науки повержены въ печаль и уныніе. Стражи русскаго классицизма, стоявшіе съ огненными мечами у храма русскаго просвѣщенія и изгонявшіе оттуда какъ еретиковъ и измѣнниковъ всѣхъ тѣхъ, кого они подозрѣвали въ недостаточномъ увлеченіи классическимъ образованіемъ, теперь сами впали въ ересь и измѣнили дѣлу классицизма. На страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ стали появляться—horribile dictu—такіе промахи въ латинской грамматикѣ и языкѣ, за которое русскому гимназисту былъ бы безпощадно закрытъ доступъ въ университетъ, и за которые ученикъ англійскаго колледжа подвергся бы самому отеческому наказанію. Господа Катковъ и Леонтьевъ, которые нѣкогда взбалоутили все русское литературное море изъ-за того, что одинъ ученый юристъ въ статьѣ о римскомъ правѣ позволилъ себѣ между прочимъ употребить выраженіе *ordo equestris*, вмѣсто *ordo equester*, теперь устроили въ своихъ изданіяхъ, преимущественно же въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, тѣмъ пріютъ для ошибокъ противъ классицизма и убѣжище ученыхъ, которые сдѣлали себѣ монополію изъ легкомысленнаго толкованія древнихъ писателей подъ маской строгой научности.

Вооружись теперь, читатель, твоимъ запасомъ классическихъ свѣдѣній, и проникнемъ съ тобой въ этотъ мрачный лабиринтъ классическихъ промаховъ. Посмотримъ, насколько у насъ извѣстны классическіе языки тѣмъ, которые говорятъ, что они всю свою жизнь посвятили изученію древняго міра. Заглянемъ сначала въ „Московскія Вѣдомости“. Въ этомъ литературномъ органѣ, предназначенномъ болѣе для легкихъ вылазокъ и быстрыхъ наѣздовъ, безъ сомнѣнія рѣдко приходится трактовать о такой высокой матеріи какъ латинскіе тексты, но и туда проникла язва пренебреженія къ классицизму. Въ № 85-мъ „Московскихъ Вѣдомостей“, отъ 5-го апрѣля, упоминается „объ изреченіи Горация: *vita brevis, ars longa est.*“ Мы покорнѣйше просимъ г. Леонтьева, въ теченіи столькихъ лѣтъ объяснявшаго Горация студентамъ московскаго университета, сообщить въ своей газетѣ, въ какомъ изданіи Горация онъ нашелъ это выраженіе, не

поддающееся ни подъ какой метръ. Мы до сихъ поръ полагали, что это выраженіе принадлежит знаменитому основателю эмпирической медицины у грековъ, извѣстному Гиппократу (Афоризмы: Sectio I. Aphor. 1), и можемъ увѣрить г. директора классическаго лица въ Москвѣ, что ни въ одномъ изъ общеупотребительныхъ изданій Горация ничего подобнаго не находится. Перейдемъ теперь прямо къ „Русскому Вѣстнику“. Въ мартовской книгѣ этого ученаго журнала помѣщена ученѣйшая статья г. Куторги: „О наукѣ и ея значеніи въ государствѣ.“ Статья эта, какъ сказано въ примѣчаніи къ ней, „предназначается служить введеніемъ къ полному собранію сочиненій автора.“ Въ началѣ самой статьи помѣщено дѣликомъ извѣстное введеніе Тита Ливія къ его исторіи Рима, и почтенный авторъ статьи говоритъ по этому поводу: „Приступая къ собранію своихъ историческихъ трудовъ, составленныхъ въ теченіе сорокалѣтней литературно-ученой дѣятельности и частью уже изданныхъ, частью еще рукописныхъ, не могу не привести прекрасныхъ словъ Тита Ливія, помѣщенныхъ имъ въ его знаменитомъ введеніи въ исторію Рима“ ¹⁾.

Читатель, конечно, задумается надъ этимъ „не могу не привести“ и спроситъ себя, въ чемъ же заключалась та роковая сила, которая заставила современнаго историка познать введеніе къ своимъ „Opera omnia“ у Ливія? А иной при такой претензіи вспомнить еще поговорку: Quod licet Jovi, non licet bovi! Но г. Куторга спѣшитъ объяснить изумленному читателю, что скромность заставила его вспомнить скромнаго Тита-Ливія въ ту самую минуту, когда онъ подумалъ издать свои *opera*. Титъ-Ливій, оказывается, опасался за успѣхъ своего труда. „Если, говоритъ г. Куторга, историкъ обезсмертившій себя великимъ произведеніемъ и описывавшій событія отечественной республики смотрѣлъ на свой трудъ съ подобнымъ недоувѣріемъ, то не должно ли и это недоувѣріе еще усилиться въ человѣкѣ, посвятившемъ себя изслѣдованію отдаленной древности и предмету, къ которому у насъ нѣтъ и тѣни сочувствія?“ Но есть ли тѣнь знанія въ тѣхъ, которые, посвящая себя изученію классической древности, не знаютъ сами грамматики древнихъ языковъ? Этотъ вопросъ поважнѣе. Г. Куторга позволилъ себѣ сдѣлать выходку противъ современнаго общества, а мы позволимъ себѣ развѣдать, достаточно ли онъ имѣлъ самъ сочувствія къ отдаленной древности, чтобы въ сорокъ лѣтъ своихъ трудовъ надъ древностью научиться переводить Тита-

¹⁾ Изъ этой фразы можно заключить, что есть особенное сочиненіе Тита Ливія подъ заглавіемъ: „Введеніе въ И. Р.“, и что прекрасныя слова, приведенныя г. Куторгою, составляютъ лишь отрывокъ изъ этого сочиненія, между тѣмъ какъ въ нихъ и состоитъ все введеніе.

Ливія безъ ошибокъ. Прослѣдимъ переводъ г. Куторги отъ начала до конца.

Ливій.

Facturusne operae pretium sim, si a primordio Urbis res populi Romani perscripserim, nec satis scio;

Куторга.

Заслужу ли я одобреніе, что описалъ дѣла римскихъ гражданъ, начиная съ самаго первобытнаго времени города — не знаю;

Здѣсь ошибка во времени: надо было бы перевести *опишу*, а не „описать“. *Perscripserim* есть дѣйствительно *conjunct. perf.*, но эта же форма употребляется и въ смыслѣ сослагательнаго будущаго времени, такъ что Мадвигъ видитъ въ ней и *conjunct. futuri exacti*. Ясно, что здѣсь она употреблена въ послѣднемъ значеніи, такъ какъ предполагается, что предисловіе написано Ливіемъ прежде исторіи, на что указываютъ слова: „*Ego contra hoc quoque*“, и самое заключеніе, такъ своеобразно переданное ученымъ переводчикомъ (см. ниже). Далѣе:

nec, si sciam, dicere ausim: quippe qui, quum veterem tum *vulgatam* esse rem, videam, dum novi semper scriptores, aut in rebus certius aliquid adlaturos se, aut scribendi arte rudem vetustatem superaturos, credunt.

но если бы зналъ, не рѣшился бы высказать. Вижу, что *это* (?) считается и устарѣлымъ и слишкомъ простымъ, и что новые писатели всегда обращаются къ болѣе современнымъ событіямъ, полагая, что они или вѣрнѣе ихъ представлять, или искусствомъ изложенія превзойдутъ безискусственную древность.

Въ этомъ мѣстѣ г. Куторга позволилъ себѣ 5 болѣе или менѣе крупныхъ ошибокъ: 1) *tum* послѣ *quum* (если именно это слово, а не другое г. Куторга хотѣлъ выразить въ своемъ переводѣ) не значить *слишкомъ* (чего смыслъ здѣсь не требуетъ), а скорѣе: *еще болѣе*; 2) *vulgatus* не значить простой, а пошлый; 3) что разумѣть г. Куторга подъ словомъ *это*, которое здѣсь играетъ такую важную роль? Читателю г-на Куторги остается совершенно неизвѣстнымъ, „что считается устарѣлымъ и слишкомъ простымъ“. Можно подумать, что подъ таинственнымъ *это* слѣдуетъ разумѣть писаніе римской исторіи, а между тѣмъ Ливій говоритъ: *такъ какъ я вижу, что этотъ приемъ* (т.-е. въ началѣ сочиненія заявлять о правахъ своего труда на общее вниманіе или скорѣе признательность) *устарѣлъ*—а еще болѣе *отсталъ*. Вотъ, что хотѣлъ сказать Титъ-Ливій! 4) *semper novi scriptores* — не новые писатели, а вновь появляющіеся писатели; 5) „всегда обращаются къ болѣе современнымъ событіямъ“. Эти слова сочинены переводчикомъ, который вслѣдствіе этой вставки исказилъ смыслъ подлинника и вложилъ въ уста Ливія упрекъ современнымъ ему римскимъ историкамъ въ непріязненности къ разработкѣ древней исторіи и въ увлеченіи событіями новаго времени.

Utsumque erit въ началѣ слѣдующей фразы переведено словами: „что бы однако ни случилось“, слѣдовало бы перевести: „что бы (мнѣ) ни предстояло.“

Principis terrarum populi у г. Куторги переведено: первенствующей на землѣ республики. Хотя *populus* употреблено здѣсь не въ этнографическомъ, а въ политическомъ смыслѣ, все же неточно переводить его по-русски словомъ республика.

Res est praeterea et inmensi operis ut quae supra septingentesimum annum repetatur; et quae, ab exiguis profecta initiis, eo creverit, ut jam magnitudine laboret sua; et legentium plerisque, haud dubito, quin primae origines proximae originibus minus praebitura voluptatis sint, festinantibus ad haec nova...

Этотъ предметъ потребовалъ огромнаго труда, ибо обнимаетъ собою болѣе семисотъ лѣтъ и излагаетъ дѣла республики, которая, выйдя изъ весьма малаго начала, до того разрослась, что уже страдаетъ своей громадностью. Между тѣмъ не сомнѣваюсь, что первоначальныя времена и событія ближайшія къ первобытной эпохѣ, представить многимъ читателямъ такъ мало занимательнаго, что они поспѣшатъ къ событіямъ новымъ...

Важное въ данномъ случаѣ слово *praeterea* улетучилось въ рукахъ переводчика, тогда какъ оно указываетъ на вторую причину, почему Ливій могъ бы не встрѣтить признательности: первая причина—*tanta scriptorum turba*, вторая—трудность предмета для пишущаго, третья—предпочтеніе читателей къ новому передъ старымъ. Все это въ переводѣ перебито. Искаженіе смысла началось со слова *потребовалъ*, вмѣсто *требуетъ*, или *сопряжено съ огромнымъ трудомъ*. Кромѣ того, слово *res*, поставленное въ началѣ съ особенной силой для противоположности *scriptores* слѣдовало перевести не „этотъ предметъ“, а *самый предметъ*. „Между тѣмъ“ произвольно вставленное переводчикомъ окончательно запутываетъ развитіе мысли: яснѣе было бы передать *et—et* посредствомъ: *во-первыхъ—во-вторыхъ; съ одной стороны—съ другой*.

Legentium plerisque не значить: „многимъ читателямъ“, а *большинству читателей*. Это одна изъ такихъ ошибокъ, за которыя ученики подвергаются особо строгому взысканію, и даже розгамъ, тамъ, гдѣ таковыя мѣры внушенія употребляются.

Въ той же фразѣ встрѣчаемъ подобную же крупную синтаксическую ошибку—причина и послѣдствія перевернуты: Ливій говоритъ, что древность доставить читателямъ менѣе удовольствія, потому что они интересуются новымъ временемъ, а переводчикъ его: что читатели интересуются новой исторіей, потому что древняя не доставляетъ имъ удовольствія.

Ego contra hoc quoque laboris praemium petam, ut me a conspectu malorum, quae nostra tot per annos vidit aetas, tantisper, certe dum prisca illa tota mente repeto, avertam, omnis experti curae, quae scribentis animum, etsi non flectere a vero, sollicitum tamen efficere possit.

Я же, напротивъ, считаю наградою за трудъ, что, углубляясь всѣмъ умомъ въ старину, отвлекаясь отъ созерцанія бытій: нѣтъ же видѣло въ теченіе столькихъ лѣтъ наше время, и становилось свободнымъ отъ всякихъ заботъ, которыя могли бы, если не отклонить духъ писателя отъ истины, то возбудить въ немъ тревогу.

Слово quoque переводчикъ, вѣроятно не зная, что съ нимъ дѣлать, утаилъ, хотя оно указываетъ на вторую награду писателя въ отличіе отъ первой—*juvabit tamen, rerum gestarum memoriae...* consuluisset. Что же касается до цѣлой фразы, то она передаетъ только грамматическій смыслъ подлинника, затемняя его логическій смыслъ своимъ неуклюжимъ построениемъ. Описывая древность, историкъ не стѣсняется страхомъ оскорбить какое-нибудь лицо, тогда какъ при описаніи новаго времени онъ обязанъ принимать въ расчетъ и личные вопросы, что можетъ быть и не заставить его уклониться отъ истины, но во всякомъ случаѣ смущаетъ его спокойствіе.

Quae ante conditam condendamve urbem, poetis magis decora fabulis, quam incorruptis rerum gestarum monumentis, traduntur, ea nec adfirmare, nec refellere, in animo est. Datur haec venia antiquitati, ut, miscendo humana divinis, primordia urbium augustiora faciat.

Преданія о происшествіяхъ до построения, или же построимаго (!?) города, принадлежать болѣе поэтическимъ *былинамъ*, чѣмъ непреложнымъ памятникамъ исторіи, и ихъ ни утверждать, ни опровергать не намѣренъ. Это уступка древности: совокупляя челоѣческое съ божескимъ, *да облакаетъ* она первобытность городовъ святыней.

Для читателя, который не имѣлъ бы возможности справиться съ подлинникомъ, такой переводъ былъ бы совершенно непонятенъ. Кроме того въ частностяхъ есть много неточностей—*fabulae* нельзя переводить *былинами* ¹⁾, а *primordia urbium* не „первобытность“ городовъ, но *первые начатки*; наконецъ: *augustiora faciat*—не „да облакаетъ святыню“, а вѣрнѣе: придаетъ болѣе величіе. Въ переводѣ г. Куторги сравнительная степень осталась безъ передачи.

Et, si cui populo licere oportet, consecrare origines suas, et ad deos referre auctores, ea belli gloria est populo Romano, ut, quum suum conditoris que sui parentem Martem potissimum ferat, tam et hoc gentes humanae patiantur aequo animo, quam imperium patiuntur.

Но если какой-либо республикѣ должно дозволить освящать свое происхождение и возводить къ богамъ своихъ основателей, то военная слава Рима такова что челоѣческія племена могутъ съ тѣмъ же *спокойствіемъ дуга* допустить притязаніе римлянъ, что ихъ родоначальникомъ и родителемъ строителя былъ Марсъ *Всемощный*, съ какииъ они допускаютъ ихъ владычество.

¹⁾ *Fabula* означать всякое сказаніе, т. е. что сказывается — сказка, басня, иже и даже молва, тогда какъ подъ *былиной* разумѣется исключительно короткій народный эпосъ въ тѣсномъ смыслѣ. Преданіе о чудесномъ рожденіи Ромула есть *fabula*, но возникла ли изъ него *былина* (*Gedicht*, у Нибура), этого мы не знаемъ, если не хотимъ на слово вѣрить Нибуру; оно могло остаться въ прозаической сказкѣ, которую впоследствии могли воспользоваться и не народные поэты для своихъ вымысловъ (*poetarum fabulae* у Ливія); такъ поступилъ, напр. Эвний, пользовавшійся не *былинами*, а *лѣтописями*. Мало ли у Нибура *fabulae* а *былинъ* пока не найдено. Слово *fabula*—*Sage*; а *былина*—*Volksgedicht*, *Ballade*. Первое относится лишь къ содержанию, второе и къ внешней формѣ.

Опять *populus* переведено *республикой*. „Возводить къ богамъ своимъ основателей“. Здѣсь совершенно непонята конструція подлинника: объектъ къ глаголу *referte* только *origines suas*; *auctores* же есть приложеніе къ *deos* и не значить вовсе *основателей*. Вслѣдствіе невѣрной конструціи искаженъ и самый смыслъ подлинника. Ливій не могъ сказать, что римляне возводили основателей своего города къ богамъ—а говорить, что римляне освящали свое происхожденіе и возводили его къ богамъ, какъ къ источнику. *Aequo animo* не съ спокойствіемъ духа (здѣсь дѣло идетъ не о стойкахъ), а просто „равнодушно“ или „покойно“.

Martem potissimum—Марсъ Всемоощный. Это—перлъ классической эрудиціи (ерунды)! Ученый издатель сорокалѣтнихъ трудовъ принялъ латинское нарѣчіе *potissimum*, т.-е. „преимущественно предъ всѣми“ или „именно“, за прилагательное, и снабдивъ Марса качествомъ, какого древніе вообще не приписывали своимъ богамъ, обогатилъ классическую міеологію новою разновидностью Марса. Если г. Леонтьевъ засядетъ съ цѣлью написать о поклоненіи Марсу, то пусть онъ остережется перевода г. Куторги, который послѣ сорокалѣтнихъ трудовъ надъ классическою древностью не отличилъ нарѣчія отъ прилагательнаго. Неужели и сорока лѣтъ мало для изученія классическихъ языковъ? Не въ правѣ ли г. Катковъ послѣ этого утверждать, что нужно для того по крайней мѣрѣ восемьдесятъ лѣтъ?

Ad illa mihi pro se quisque acriter intendat animum, quae vita, qui mores fuerint; per quos viros, *quibusque artibus*, domi militiaeque, et partum et auctum imperium sit. Labente deinde paullatim *disciplina*, velut desidentes primo mores sequatur animo; deinde ut magis magisque lapsi sint; tum ire coeperint praecipites: donec...

Мнѣ же напротивъ желательно чтобы каждый обратилъ зоркое вниманіе въ моемъ трудѣ на то: какова была жизнь и каковы нравы; какими мужами и какими *способомъ дѣйствій* въ дѣлахъ внутреннихъ и военныхъ было создано и увеличено владѣтельство; чтобы читатель прослѣдилъ мыслью какъ, при падающей гражданственности, нравы сперва какъ бы *слабѣли*, потомъ болѣе и болѣе *потрясались*, затѣмъ стали быстро *идти къ упадку*. пока и пр.

Выраженіе „способъ дѣйствій“ неудачно, потому что здѣсь подъ *artes* слѣдуетъ разумѣть нравственные качества, какъ очень часто у Саллюстія—*bonae—malae artes* и просто *artes*. См. *Sall. Jug. 82, 2*, о Метеллѣ: *Vir egregius in aliis artibus nimis molliter aegritudinem pati*. Ср. также Цицерона, *Pro imp. Cn. Pomp. 13, 36*: *Non enim solum bellandi virtus in summo atque perfecto imperatore quaerenda est, sed multae sunt artes eximiae, hujus administratae comitesque virtutis*.

Disciplina—не гражданственность. *Velut desidentes*—„не какъ бы ослабѣли“, а „стали какъ бы *подаваться*“ или „оспадать“—метафора отъ зданія. Поэтому Ливій и употребилъ слово *velut—какъ бы*, которое лишено смысла при устраненіи метафоры; да и *lapsi sunt*—„не по-

трясались“ а *падам*, и *praecipitem ire*—не „идти къ упадку“, а просто *разрушиться*; такимъ образомъ, у Ливія мы видимъ послѣдovательную градацію безслѣдно испарившiяся въ переводѣ.

Nos illud est praecipue in cognitione rerum salubre ac frugiferum, omnis te exempli documenta in illustri posita monumento intueri...

Въ томъ и состоитъ *спасительная и плодотворная* польза знанiя дѣлъ (т.-е. исторiи), что ты видишь предъ собою всякаго рода поученiя, начертанныя на славномъ памятникѣ и пр.

„Спасительная и плодотворная польза“!—это просто покушенiе на добрую память Ливiя, какъ будто бы онъ допускалъ гибельную и безплодную пользу! Слѣдуетъ: въ томъ и заключается преимущественно спасительная и плодотворная сила познанiя исторiи“.

Caeterum aut me amor negotii suscepti fallit, aut nulla umquam respublica nec major nec *sanctior* nec bonis exemplis ditior fuit.

Впрочемъ, или меня ослѣпляетъ любовь къ избранному предмету, или дѣйствительно до сихъ поръ не было республики ни величественнѣе, ни *святѣе* нашей, ни богаче добрыми примѣрами...

Святая Римская Республика!!! На языкѣ Ливiя *sanctus* не имѣетъ позднѣйшаго смысла — „святѣй“, т.-е., признанный святымъ, а значить благочестивый, нравственный въ личномъ смыслѣ, т.-е., чтящiй нравственные законы, проявляющiеся главнымъ образомъ въ религiи и правѣ.

Nuper divitiae avaritiam... invexere.

Нынѣ же богатства породили корыстолюбiе и т. д.

Nuper не значить „нынѣ“, а въ *недавнее время*.

Cum bonis potius ominibus votisque ac precatationibus deorum dearumque, si, ut poëtis, nobis quoque mos esset, libentius inciperemus, ut orsis tanti operis successus prosperos darent.

Начнемъ охотнѣе, подражая обычаю поэтовъ, добрыми предзнаменованiями, обѣтами и молитвами къ богамъ и богинямъ, да дадутъ они благополучный успѣхъ труду нашему.

Полное извращенiе мысли Ливiя! Смысль подлинника слѣдующiй: если бы у историковъ былъ тотъ же обычай, что и у поэтовъ,—начинать молитвами, обѣтами и т. п., то Ливiй охотнѣе началъ бы именно такимъ образомъ, но у историковъ такого обычая нѣтъ, а потому Ливiй и начинаетъ свою исторiю прямо съ факта,—съ судьбы Энея и Антенора по разрушенiи Трои, тогда какъ по переводу г. Кутурги надо было бы ожидать молитвъ и обѣтовъ.

Невѣжественный переводчикъ Ливiя обнаружилъ здѣсь, кромѣ незнанiя латинской грамматики, и замѣчательное отсутствiе сообразительности. Незнанiе грамматики въ смѣшенiи *conjunctivi adhortativi*—выражающаго приглашенiе, съ *conjunctivo imperfecti conditionalis*, выражающаго условiе, не соответствующее дѣйствительности—отсутствiе же сообразительности въ томъ, что не догадался посмотреть, съ чего же начинать Ливiй свою исторiю. Такой переводъ и незнакомому съ латинскимъ языкомъ долженъ былъ бы показаться по-

дозрителенъ уже вслѣдствіе страннаго выраженія: *начнемъ охотнѣе!*

Если римскому писателю такъ не посчастливилось въ рукахъ г. Куторги, то греческимъ пришлось бы конечно еще хуже пострадать отъ его толкованій. И дѣйствительно, хотя ему случилось въ своей статьѣ перевести буквально одну только греческую фразу, онъ и тутъ успѣлъ доказать свое безпристрастное отношеніе къ обоимъ древнимъ языкамъ. На стр. 20, слова Платона: Πολλὰ καλὰ, ἣν δ'ἔγω, καὶ πολλὰ ἀγαθὰ καὶ ἕκαστα οὕτως εἶναι φασίμεν... переведены: „Много прекрасныхъ дѣйствій, много добрыхъ дѣлъ, и каждое изъ нихъ мы усматриваемъ“, — хотя Платонъ говоритъ здѣсь, что „за каждый предметъ мы признаемъ извѣстные признаки“. Да и переводъ „прекрасныя дѣйствія“, „добрыя дѣла“ произволенъ, — здѣсь разумѣются всякія проявленія идеи красоты и добра.

Въ виду всего этого, мы хотѣли предложить г-ну Куторгѣ оставить въ покоѣ классиковъ и заняться переводомъ плохихъ французскихъ романовъ, но оказывается, что г. Куторга считаетъ совершенно не нужнымъ церемониться и съ новыми языками. Такъ, напр., французское выраженіе *église militante* (стр. 41), онъ передаетъ — „воинственная церковь“, вѣроятно полагая, что воинственный духъ французовъ заставилъ ихъ отказаться отъ обще-христіанскаго понятія „воинствующей церкви“ и приписать галликанской церкви воинственность — *église belliqueuse*.

На стр. же 27 приводится извѣстный стихъ Шиллера о наукѣ: *Einem ist sie die hohe, die himmlische Göttin, dem Andern* и т. д. въ слѣдующемъ искаженіи: *Einem ist sie die himmlische Göttin, dem Andern eine tüchtige Kuh, die ihn mit Butter versorgt*. Странно именно то, что г. Куторга, ухо котораго должно было привыкнуть къ классическимъ гекзаметрамъ, не замѣтилъ, что въ искаженномъ имъ стихѣ нѣтъ никакого метра!

Такова филологическая сторона разбираемой нами статьи „Русскаго Вѣстника“. Внутреннее содержаніе ея, или мысли въ ней высказанныя, не отличаются большей основательностью или ученостью. Мы, впрочемъ, не коснулись бы содержанія статьи, если бы не узнали, что она произвела на многихъ читателей „Русскаго Вѣстника“ — „потрясающее дѣйствіе“. Статья эта зловѣщаго свойства, она исполнена Кассандриныхъ прорицаній, которыя грозятъ Россіи въ будущемъ страшными бѣдствіями и даже *паденіемъ*. Разсмотримъ же это произведеніе грозной Музы, состоящее изъ двухъ частей — схоластической и исторической.

Первая—заключаетъ въ себѣ водянистыя разсужденія о наукѣ и ея свойствахъ, написанныя тяжелымъ языкомъ и „высокимъ“ слогомъ въ родѣ тѣхъ латинскихъ разсужденій, которыя писались въ цвѣтущую эпоху магистровъ „элоквенціи“. Это риторическая хрія въ честь и славу науки, которую мы лучше всего можемъ оцѣнить словами самого г. Куторги: „Было время, когда считали необходимымъ разсуждать о пользѣ науки и приводить тому подтвержденія и доказательства. Это время прошло, и едва ли возвратится. Доказывать пользу науки не значитъ ли доказывать пользу образованія, или доказывать свѣтъ и теплоту солнца!“ (стр. 29). И тѣмъ не менѣе г. Куторга беретъ—таки на себя этотъ нелѣпный трудъ. Вторая часть—историческая, заключаетъ въ себѣ перечень тѣхъ государствъ, которыя пали вслѣдствіе пренебреженія наукой или перенесенія къ себѣ ложно понятой науки или, наконецъ, вслѣдствіе стѣсненія науки. Первое мѣсто въ ряду этихъ злополучныхъ государствъ занимаетъ *Аравійскій Халифатъ*. Неужели, воскликнетъ удивленный читатель, еще въ гимназіи много слышавшій о высокой образованности аравитянъ, неужели Халифатъ палъ отъ отсутствія науки? Именно такъ, поучаетъ его г. Куторга: „Въ ученыхъ трудахъ аравитянъ (стр. 32) нѣтъ и слѣдовъ самостоятельнаго изученія; о наукѣ никто изъ нихъ не думалъ и не догадывался; вся литература состоитъ или изъ переводовъ или заимствованій и подражанія, или, наконецъ, изъ компиляцій и сборниковъ“. Но что же будетъ съ нами, если такой ученый, какъ г. Куторга, не можетъ и переводить съ латинскаго, какъ переводили арабскіе ученые, и въ грамматикѣ не дошелъ до нарѣчій?!

Строгое осужденіе научной дѣятельности аравитянъ было главнымъ образомъ вызвано тѣмъ, что г. Куторга вмѣстѣ съ другими учеными считалъ долгое время аравійскаго математика Абуль-Вефу *теоріомъ теоріи лунъ* (стр. 32); но недавно онъ узналъ изъ статьи французскаго ученаго Бертрана (*Journal de Savants*, Octobre, 1871), что „Абуль-Вефа былъ только простымъ толкователемъ Птолемея, не присоединивъ къ его труду ничего собственнаго“ (стр. 34). Другое заблужденіе г. Куторги заключалось въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ другими учеными „признавалъ въ аравійскомъ мыслителѣ Ашъ-Шахрастаніѣ знаменитаго философа“, пока не узналъ отъ германскаго ориенталиста Гарбрюкера, что Ашъ-Шахрастаній „пользовался только различными византійскими сборниками, и что главнѣйшая цѣль его состояла въ доставленіи своимъ соотечественникамъ притчъ или мудрыхъ изреченій эллинскихъ мыслителей“, причемъ Ашъ-Шахрастаній приписалъ Гомеру—стихотворныя притчи Менандра—подобно тому, какъ нынѣ г. Леонтьевъ приписалъ Горацію изреченіе Гипократа.

Но, скажетъ читатель, положимъ, что негодованіе г. Куторги противъ Абуль-Вефы и Ашъ-Шахрастанія совершенно справедливо: развѣ арабійская образованность не выставила иныхъ знаменитыхъ именъ? Развѣ арабы ничего не сдѣлали для медицины, химіи, географіи, ариметики, алгебры, астрономіи, оптики, физики, наконецъ философіи ¹⁾? Самъ г. Куторга былъ вынужденъ признать, что „естъ однако часть, хотя не литературы, а письменности, которою аравитяне занимались и съ болѣе строгимъ вниманіемъ и съ болѣшимъ усердіемъ, а потому она не лишена достоинства: говоримъ о сочиненіяхъ, посвященныхъ земледѣлію“. Но всѣ эти ученые заслуги къ чему не повели, и не могли спасти аравитянъ. Вся бѣда ихъ по мнѣнію г. Куторги, заключалась въ томъ, что у нихъ не было классической филологіи—что „они не начали тѣмъ, чѣмъ впоследствии начали западные европейцы эпоху Возрожденія“. Нельзя удивиться безпристрастію историка, который упрекаетъ аравитянъ въ томъ, что они не начали тѣмъ, чѣмъ впоследствии начали западные европейцы. Развѣ западные европейцы начали жить въ эпоху Возрожденія, т.-е., съ XV-го вѣка? Развѣ этому не предшествовалъ тысячелѣтній періодъ въ ихъ жизни, когда они имѣли въ сравненіи менѣе понятій о наукѣ, чѣмъ аравитяне, и когда они учились у аравитянъ? Но, *detur et haec venia antiquitati*—сдѣлаемъ и эту уступку г. Куторгѣ: положимъ, что аравитяне не проявили никакой самостоятельности въ наукѣ, что они только „заимствовали чуждыя (чужія) свѣдѣнія“, что ихъ образованность „служила имъ наружнымъ блескомъ и украшеніемъ“, развѣ это было причиной паденія арабійскаго Халифата? Историкъ „Русскаго Вѣстника“ исторически это утверждаетъ. „Если бы, говоритъ онъ на стр. 31—аравитяне начали тѣмъ, чѣмъ въ послѣдствіи начали западные европейцы въ эпоху Возрожденія; если бы они вмѣсто переводовъ и собранія мудрыхъ изреченій, посвятили себя строгому изученію своего знанія, то нѣтъ сомнѣнія, что Халифатъ стоялъ бы твердо до нашего времени и спасъ бы восточную Европу отъ нашествія турокъ“. Смѣло и строго научно.

Перейдемъ къ другимъ государствамъ: „Въ судьбѣ польскаго королевства, говоритъ г. Куторга, есть черты, напоминающія судьбу арабійскаго Халифата. Быстрое распространеніе государства, большой и столь же кратковременный блескъ, и вслѣдъ за нимъ такъ же быстрое разложеніе и паденіе. Въ концѣ XVI-го вѣка Польша

¹⁾ Вмѣсто того, чтобы украшать себя павлиньими перьями и ссылаться на последнюю книжку французскаго «Журнала для Ученыхъ», лучше было бы познать г. Куторгѣ съ цивилизаціей арабовъ хотя бы изъ популярнаго сочиненія Дрезе: Intellectual Development of Europe. Т. II. Гл. XVI.

возвысилась, а два столѣтія спустя она уже не существовала. Есть сходство и въ самой причинѣ этого событія: оно произошло отъ *совершенного отсутствія науки*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокое между ними различіе. Чтò въ Халифатствѣ дѣлалось по невѣдѣнію... то творилось въ Польшѣ съ полнымъ сознаниемъ и намѣренно: говоримъ о водвореніи ученія, изобрѣтеннаго іезуитами" (стр. 45).

Педагогическая дѣятельность іезуитовъ, по мнѣнію г. Куторги, представляла двѣ пагубныя стороны, которыя особенно рекомендуемъ вниманію гг. Каткова и Леонтьева: „Введеніемъ въ своихъ коллегіяхъ той деспотической дисциплины, которая отвергала всякій помыселъ о самостоятельности и обращала человѣка въ послушное орудіе, іезуиты подавили въ молодомъ поколѣніи идею свободы личной дѣятельности, а изобрѣтеніемъ, въ противоположность ученію филологическому, особаго способа преподаванія и ученія, состоявшаго не въ развитіи умственнаго труда и послѣдовательности мысли, а въ сообщеніи разнаго рода такъ-называемыхъ полезныхъ для жизни свѣдѣній, они подавили свободу мысли. Этотъ іезуитскій способъ ученія, по мнѣнію г. Куторги—есть *буквально тотъ самый*, чтò у насъ называютъ общеобразовательнымъ и что наши противники классицизма превозносятъ, настоятельно требуя его введенія. По странному смѣшенію понятій, многіе придаютъ ему имя реальнаго" и т. д. (стр. 43). Дѣйствительно, странное смѣшеніе понятій!

Мы не знаемъ, что побудило г. Куторгу къ отождествленію іезуитскаго преподаванія съ такъ-называемымъ реальнымъ—поверхностное ли знакомство съ іезуитской педагогіей или, напротивъ, слишкомъ близкое знакомство съ этой педагогіей, основанной, какъ извѣстно, на принципѣ, что цѣль оправдываетъ средство, и допускавшею поэтому, даже искаженіе исторіи—*ad maiorem Dei gloriam*.

Но допустимъ, что педагоги-іезуиты навлекли на Польшу всѣ тѣ бѣдствія, которыя готовили своему отечеству русскіе реалисты—развѣ *это* было причиною раздѣленія Польши? Не дѣйствовали ли при этомъ также и политическія причины? займется читатель. Но г. Куторга ожидалъ такое возраженіе и приготовилъ противъ него побѣдоносный отпоръ.

„Есть, впрочемъ, говоритъ онъ на страницѣ 55, много приверженцевъ мнѣнія, что польское королевство стало только жертвою честолюбія трехъ сосѣднихъ державъ, стремившихся къ приобрѣтенію его достоянія и что оно пало вслѣдствіе нѣсколькихъ несчастныхъ сраженій (?). Имъ противорѣчить изученіе исторіи и опровергаетъ всѣ мечты ихъ“.

Но, можетъ быть, паденіе Польши было слѣдствіемъ разнообразныхъ и сложныхъ историческихъ, географическихъ, этнографическихъ, бытовыхъ, экономическихъ и т. д. причинъ? Къ чему ихъ изучать?

Не проще ли объяснить паденіе Польши одной причиною?—отсутствіемъ науки, подобно тому, какъ іезуитскіе историки объясняли паденіе многихъ государствъ неповиновеніемъ папѣ.

Если отсутствіе науки погубило Аравійскій Халифатъ и Польшу, то та же причина вызвала и третью страшную катастрофу—французскую революцію. „Попраніе идей эпохи Возрожденія, замѣчаетъ г. Куторга на стр. 51, произвело во Франціи революцію“ и нѣсколько далѣе объясняетъ свою мысль такимъ образомъ: „Идея эпохи Возрожденія припаялась во Франціи такъ глубоко, что ихъ нельзя было уничтожить. Ихъ могли преслѣдовать, на время остановить и поправить, но не искоренить. Съ ними росло воздѣйствіе, и когда черезъ столѣтіе созрѣло, то, прорвавшись съ ужасающею силою, повергло Францію въ кровавый переворотъ, извѣстный подъ именемъ великой революціи“.

Изъ этого опять слѣдуетъ обратное, что французскую революцію произвели идеи Возрожденія, т.-е. классическая филологія. Вѣроятно, г. Куторга этого не замѣтилъ, иначе никакъ бы не напугалъ московскихъ старушекъ, которыя до сихъ поръ видятъ во французской революціи только страшную катастрофу, кровавый переворотъ, le règne de la terreur. Но не однихъ только старушекъ напугалъ онъ своей статьей—есть о чемъ призадуматься и всѣмъ. Выводъ изъ статьи заключается въ томъ, что отсутствіе истинной науки, основанной на классической филологіи, погубило и Халифатъ, и Польшу, и Италію, и Испанію, и Португалію, и Богемію (стр. 44), и Австрію, и повергло Францію въ нескончаемую революцію—слѣдовательно, та же причина можетъ погубить и Россію! Но гдѣ же взять Россіи классическую филологію, когда корифеи этой науки послѣ сорокалѣтней учено-литературной дѣятельности не въ состояніи перевести двухъ страницъ изъ Ливія, чтобы не надѣлать множества ошибокъ противъ грамматики и смысла? Вотъ въ чемъ заключается грустная сторона дѣла! Въ настоящее время Россія побѣждаетъ на крайнемъ Востокѣ послѣдніе остатки разбойничьихъ ханствъ. Безъ сомнѣнія, русскіе солдаты покроютъ себя славой предъ Хивой и упрочатъ могущество Россіи на Востокѣ. Но къ чему все это послужить? Увеличеніе политическаго могущества Россіи также бесполезно для нея, какъ и внутреннее преуспѣяніе. „Какъ ни удобны, говоря языкомъ г. Куторги (стр. 16), желѣзныя дороги, телеграфы и пароходы, какъ ни полезны переносимыя къ намъ разнаго рода учрежденія“—все это ни къ чему не поведетъ безъ классической филологіи; а гдѣ ее взять, если ея даже нѣтъ въ статьяхъ „Русскаго Вѣстника“? Мы съ ужасомъ думаемъ о будущемъ,—Россіи, можетъ быть, грозитъ участь Аравійскаго Халифата и, несмотря на теперешнія побѣды надъ Хивой, можетъ быть, придетъ время, когда хивинскій ханъ

разобьетъ свою палатку на площади передъ Страстнымъ бульваромъ, и въ небольшомъ разстояніи оттуда хивинскій ходжа будетъ дуть по пятамъ русскихъ юношей при изученіи корана!

Вотъ до чего доводитъ излишнее усердіе въ доказываніи пользы классической филологіи! Вотъ до чего доводятъ ненаучное изученіе исторіи и произвольное ея построеніе! Подобно тому, какъ въ старой медицинѣ бывали врачи, которые всѣ болѣзни объясняли одной причиною и потому отъ всѣхъ болѣзней лечили однимъ только средствомъ, — бывали и историки, которые старались всѣ событія объяснять одной какой-нибудь причиною, не изучая самихъ событій. При такомъ взглядѣ на дѣло, историческая наука очень упрощалась, и незачѣмъ было изслѣдовать сложные законы человѣческаго обществія, когда судьбу всѣхъ народовъ можно было объяснить однимъ какимъ-нибудь закономъ. Но эти приемы устарѣли, и если они были простибельны въ началѣ сорокалѣтней дѣятельности г. Куторги, то въ концѣ этой дѣятельности они не своевременны. Мы, потому, совѣтовали бы ему для его пользы и ради распространенія его изслѣдованій, не помѣщать статьи „о наукѣ“ въ началѣ 4-хъ томовъ его сочиненій для того, чтобы не внушать читателямъ недобрыя къ его ученымъ приемамъ, а развѣ помѣстить ее въ самомъ концѣ четвертаго тома, да и то въ латинскомъ переводѣ.

Но довольно объ авторѣ статьи „О наукѣ и ея значеніи въ государствахъ“; что же касается до ея издателей, бывшихъ профессоровъ московскаго университета гг. Каткова и Леонтьева, то мы имѣемъ и имъ преподавать одинъ совѣтъ.

Недавно въ одной изъ передовыхъ статей своей газеты, они воскликнули по поводу пересмотра университетскаго устава: „*Наука шлетъ, студенты бѣгутъ баблущи*“. Мы посовѣтовали бы имъ быть осторожнѣе въ подобнаго рода обличеніяхъ. Если наука начала гдѣ-нибудь гнить, то развѣ на страницахъ „Русскаго Вѣстника“, и если кто-нибудь бѣетъ баблущи, то одни редакторы этого журнала, которые не замѣчаютъ въ своихъ изданіяхъ самыхъ грубыхъ ошибокъ противъ латинской грамматики и литературы и противъ здраваго смысла!

Москва, 15 апрѣля 1873.

Д. Е.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 26-го февраля 1873 года.

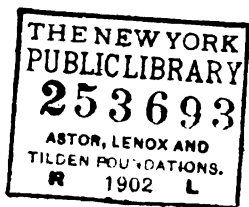
- 1) Выслано 60 р. въ пособіе семейству писателя, находящемуся въ бѣдности.
- 2) Выдано 75 р. писателю, на уплату долговъ, сдѣланныхъ на погребеніе дочери и на леченіе жены.
- 3) Выдано въ ссуду 300 р. одному писателю.
- 4) Выдано 75 р. дочери писателя, лишенной, по преклонности лѣтъ и болѣзненному состоянію, способовъ снискивать пропитаніе.
- 5) Выдано 50 р. на леченіе одного писателя.
- 6) Изъявлена благодарность Общества за сдѣланныя пожертванія: А. Н. Стоянову, Г. Г. Даниловичу и Р. В. Авдіеву.

Засѣданіе комитета 12-го марта 1873 года.

- 1) Отклонены ходатайства четырехъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.
- 2) Изъявлена благодарность Общества Е. И. Якушкину, А. Н. Стоянову и В. А. Манассеину за содѣйствіе ихъ комитету.
- 3) Выданы пособія: двумъ лицамъ по 25 руб., одному 35 р., двумъ по 50 р. и одному 75 р.

Отчетъ казначея за февраль 1873 г.

Къ 1-му февраля состояло въ кассѣ 59,241 р. 10 к.—Въ теченіе мѣсяца поступило 1,213 р. 68 к., въ томъ числѣ: взносы 41 члена общества 597 руб.; отъ редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 100 р.; пожертвованія: М. Н. Анненкова, чрезъ редакцію „Вѣстника Европы“ 139 руб., неизвѣстной, чрезъ редакцію „Донской Газеты“ 100 р., А. Н. Стоянова 100 р., Г. Г. Даниловича 50 р., Р. В. Авдіева 11 р., Н. Н. Герарда 10 руб.; процентовъ по текущему счету 106 р. 68 к.—Израсходовано 1,370 р., въ томъ числѣ: на пенсіи 4 лицамъ 420 р., на продолжительное пособіе 100 р., на единовременныя пособія 8 лицамъ 550 р., на ссуду 300 р.—Къ 1-му марта на лицо 59,084 руб. 78 коп., въ томъ числѣ процентными бумагами 56,600 р., на текущемъ счету 2,306 руб. 68 коп., деньгами 178 руб. 10 коп.

INDEX

ОСАДА КОРИНѠА

Поэма лорда Байрона.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ 1715 году турки, предводимые великимъ визиремъ, наѣ-
зались проложить путь къ сердцу Морен — Наполи-ди-Романи, важ-
нѣйшей крѣпости всей страны, и нашли нужнымъ сначала овладѣть
КоринѠомъ. По отбитіи нѣсколькихъ приступовъ, гарнизонъ умень-
шился, наконецъ, до того, что правитель, видя невозможность про-
тивиться долѣе такой грозной силѣ, какую представляла турецкая
армія, рѣшился вступить въ переговоры съ непріателемъ. Но прежде
чѣмъ эти переговоры пришли къ концу, въ турецкомъ лагерѣ, со-
вершенно случайно, взлетѣлъ на воздухъ главный пороховой погребъ,
въ которомъ находилось до шестисотъ бочекъ пороху, причемъ по-
гибло слишкомъ семьсотъ человекъ. Это обстоятельство до того озло-
било турокъ, что они отказались отъ переговоровъ и штурмовали
крѣпость съ такою стремительностью, что овладѣли ею немедленно,
причемъ большая часть гарнизона, а съ нимъ и правитель Минотти,
были перерѣзаны.

Н. Г.

I *).

Коринетъ! вѣка, полны невзгоды,
 Грозой промчались надъ тобой;
 Но ты стоишь еще — живой —
 Оплотомъ славы и свободы!
 Ни вѣтра вой, ни шумъ волны
 Основный камень всей страны,
 Твою скалу, не сокрушили,
 И здѣсь отечества сыны —
 Прошедшей славы лишены —
 Остатокъ чести сохранили.
 Открытый весь напору волея,
 Что съ двухъ сторонъ его стѣсняють,
 Коринескій мысъ, отваги полнъ,
 Имъ грудь преградой поставляетъ —
 И волны, съ ропотомъ глухимъ,
 Смирненно прадають подъ нимъ.
 Когда-бъ вся кровь, что здѣсь рѣкою
 Была пролита съ тѣхъ временъ,
 Какъ брата собственной рукою
 Здѣсь умертвилъ Тимолеонъ ¹⁾,
 Могла бы выступить обратно
 Изъ ея вспенной земли,
 Она-бъ залила невозвратно
 И мысъ, и портъ, и корабли.
 Когда-бъ собрать всѣ эти кости,
 Что здѣсь сложили по полямъ

*) Настоящій переводъ „Осады Коринѳа“ есть первый русскій переводъ въ стихахъ. Существуетъ только переводъ трехъ строфъ (XIX, XX и XXI), сдѣланный Козловымъ и напечатанный въ „Невскомъ Альманахѣ“ на 1830 годъ. Два прозаическихъ перевода, съ французскаго, принадлежатъ Каченевскому и Воейкову. Первый помѣщенъ въ „Вѣстникѣ Европы“ на 1820 г. (ч. 113 и 114, №№ 20 и 21, стр. 241—262 и 3—23), и потомъ перепечатанъ въ „Выборѣ изъ сочиненій лорда Байрона“ (1821, стр. 1—55), а второй—въ „Новостяхъ Литературы“ на 1824 г. (кн. IX, сент., стр. 97—128).

¹⁾ Тимолеонъ, знаменитый греческій полководецъ и уроженецъ Коринѳа, жилъ за 400 лѣтъ до Рождества Христова. Онъ спасъ въ юности жизнь своего брата, Тимофана, въ одномъ изъ бывшихъ въ то время сраженій съ карфагенянами, а впоследствии умертвилъ его за попытку овладѣть верховною властью въ Коринѳѣ, ставъ свой долгъ родни въше родственникъ узъ.

Никѣмъ непрощенные гости, —
 Возстала-бъ башня къ небесамъ,
 И, гордо высясь, можетъ-статься,
 Могла-бъ съ Акрополемъ сравняться.

II.

На Клееронѣ, вдоль горы,
 Сверкаетъ двадцать тысячъ копій;
 По мысу, вплоть до самыхъ топей,
 Вокругъ раскинуты шатры;
 На каждой маковкѣ сіяетъ
 И осѣняетъ знамена
 Магометанская луна;
 Отряды спаговъ направляетъ
 Приказъ пашей — и занимаетъ
 Турецкій лагерь весь просторъ,
 Насколько можетъ видѣть взоръ.
 Тутъ и арабъ, и съ нимъ отряда
 Его — верблюды, и курды съ конѣмъ,
 И туркоманъ, что бросилъ стадо,
 Чтобъ опоясаться мечомъ.
 Далѣко слышенъ пухекъ громъ,
 Въ борьбѣ съ которымъ замираетъ
 Прибой на берегѣ морскомъ.
 Окопы вырыты; съ ядромъ
 Орудье гибель извергаетъ,
 И, пробивая брешь въ стѣнахъ,
 Взметаеъ камни, словно прахъ.
 Но непріятель отвѣчаетъ
 Съ тѣхъ ветхихъ стѣнъ, сквозь пыль и дымъ,
 Огнемъ и мѣткимъ, и живымъ.

III.

Но кто тотъ витязь на конѣ,
 Кто ближе всѣхъ стоитъ къ стѣнѣ,
 Всѣхъ больше ждетъ ея паденья
 И смыслить болѣе въ веденья

Переговоровъ и войны,
 Чѣмъ всѣ Османовы сыны?
 Кто онъ, какъ вождь на полѣ брани,
 Съ мечомъ побѣды въ мощной длани,
 Какъ вихорь, носится — то тамъ,
 То здѣсь — по дѣламъ, по холмамъ,
 Отъ одного поля къ другому:
 То тамъ, гдѣ гонять мусульманъ,
 То тамъ, откуда христіанъ
 Громятъ, собравшихся къ пролому,
 И гдѣ ослабленныхъ борьбой
 Онъ рѣчью трогаетъ живой?
 Кто онъ, звѣзда и мечъ султана,
 Изъ всѣхъ способнѣйшій вести
 Сыновъ воинственныхъ Османа
 Стезей побѣднаго пути,
 Владѣть ружьемъ и ятаганомъ
 И сокрушать копьемъ булатъ?
 То Альпъ — враждебный христіанамъ
 Венеціанскій ренегатъ.

IV.

Его Венеція вскормила
 И славныхъ предковъ цѣлый рядъ
 Ему съ рожденіемъ подарила;
 Теперь же рыцарь — ренегатъ,
 И противъ братьевъ поднимаетъ
 Тотъ мечъ, который въ оны дни
 Вручили юношѣ они;
 И лобъ преступный покрываетъ
 Чалма, наслѣдье мусульманъ.
 Дѣля удѣлъ Морей славной,
 Коринѣ, краса окрестныхъ странъ,
 Подпалъ подъ власть венеціанъ —
 И вотъ подъ крѣпостью державной
 Стоять отступникъ молодой,
 И прошлыхъ дней воспоминанья —
 Полны, обидъ, полны страданья —
 Предъ нимъ проходить чередой.
 Когда отчизна перестала

Ему казаться дорогой
 Страной свободы вѣковой,
 Его вражда оклеветала
 И въ *ленивый зѣвъ* ¹⁾ во тѣмъ ночной
 Доносъ вложила роковой.
 Провѣдавъ вб-ремя, онъ скрылся
 И межъ невѣрныхъ появился,
 Чтобъ кровь въ сраженьяхъ расточать,
 И тѣмъ отчизнѣ показать,
 Какъ много, много потеряла
 Она въ вонтелѣ своемъ,
 Чья храбрость всюду надъ крестомъ
 Средь грозныхъ сѣчь торжествовала,
 И чья рука бунчуку съ луной
 Надъ нимъ высоко подымала,
 Чтобъ отомстить странѣ родной
 Или улечься подъ землей.

V.

Комурджи ²⁾ храбрый, чья кончина
 Сплела Евгению вѣнокъ
 И крови чьей пріяла токъ
 Та Карловицкая равнина,
 Среди которой палъ отъ ранъ
 Ты, сожалѣя не о жизни,
 А о несчастіяхъ отчизны
 И проклиная христіанъ —

¹⁾ Въ старинномъ дворцѣ дожей, въ Венеціи, при входѣ въ прихожую бывшаго инквизиціоннаго трибунала республики, находилось отверстіе, которое сохранилось въ настоящее время, украшенное *ленивой головою*, служившемъ для вкладыванія тайныхъ доносовъ.

²⁾ Али-Комурджи, любимецъ трехъ султановъ и великій визирь Ахмета III, выгнанный изъ Пелопоннеса въ одну кампанію, былъ смертельно раненъ въ слѣдующую войну противъ нѣмцевъ, въ сраженіи при Петервардейнѣ, на Карловицкой равнинѣ, въ Венгріи, въ ту минуту битвы, когда онъ старался остановить бѣжавшихъ своихъ воиновъ. Онъ умеръ на другой день отъ полученныхъ ранъ. Послѣднимъ его распоряженіемъ было приказаніе отрубить голову генералу Брэйнеру и другимъ нѣмцамъ плѣннымъ, а послѣдними словами: „О, если бы я могъ также поступить со всѣми собаками-христіанами.“ Слова и поступокъ—достойные Калигулы! Это былъ человекъ съ громаднымъ честолюбіемъ и безмѣрной заносчивостью. Услыхавъ, что противникъ его—принцъ Евгений Савойскій, знаменитый полководецъ, онъ сказалъ: „Тѣмъ лучше: онъ мнѣ поможетъ сдѣлаться еще болѣе знаменитымъ!“

Кому рдѣ, вѣрь, твою славою
 Сыны Османа будутъ жить,
 Пока десницею кровавой
 Христова рать не возвратитъ
 Земли въ Элладѣ величавой
 Ея свободы, данной ей
 Царицей гордою морей.

Прошло сто лѣтъ съ поры той славной,
 Какъ право Турціи державной
 Въ Элладѣ онъ возстановилъ.
 Теперь же онъ сыновъ Османа
 На бой послѣдній предводилъ —
 И надъ передней стражей стана
 Начальство Альпу поручилъ.
 Увы! довѣріе героя
 Онъ въ первой битвѣ оправдалъ —
 И вскорѣ путь, пройденный съ боя,
 Лишь пепель сѣль обозначалъ:
 И тѣмъ усердіе благое
 Онъ къ новой вѣрѣ доказалъ.

VI.

Колеблясь, стѣны городскія
 Дрожать подъ пушечнымъ огнемъ,
 И звукъ, губительный какъ громъ,
 Крѣпить удары боевые.
 То тутъ, то тамъ потрясены,
 Валѣтся башни съ крутизны,
 Дробятся арки, переходы
 И съ шумомъ трескаются своды.
 Клубится пламя здѣсь и тамъ,
 И, вставъ столбомъ, тревожитъ взоры,
 И искры, словно метеоры,
 Летятъ къ далѣкимъ небесамъ.
 Могучій вѣтеръ пыль вздымаетъ
 И дымомъ небо застилаетъ,
 И слой вдвойнѣ нависшихъ тучъ
 Не пропускаетъ солнца лучъ.

VII.

Но не одно стремленье къ мщенью
 Манило Альфа къ преступленью —
 Влекло провесть, сквозь дымъ и громъ,
 Невѣрныхъ въ городъ сквозь проломъ:
 Коринев стѣны вѣковыя
 Красу-дѣвицу берегли,
 Чьи совершенства молодыя
 Къ себѣ отступника влекли;
 Чьей красотой живой и милой
 Онъ овладѣть стремится силой,
 И чьей онъ дѣвственной руки,
 Отца желанью вопреки,
 Искать въ счастливое то время,
 Когда измѣны злое бремя
 Еще не жгло его души,
 Когда въ гондолѣ и на балѣ
 Блистала онъ въ шумномъ карнавалѣ,
 Или, таясь въ ночной тиши,
 Давалъ такіа серенады,
 Какихъ не слышали наяды
 Венеціанскихъ береговъ,
 Средь Адриатики валовъ.

VIII.

И въ ней все взорамъ говорило,
 Что и Франчески сердце было
 Не вѣсье холодно къ нему,
 И говорило потому,
 Что много рыцарей являлось —
 Но, не отдавшись никому,
 Рука свободной оставалась.
 Когда Лампюта, гнѣва полны,
 Адриатическія волны
 Умчали къ вражьиѣмъ берегамъ,
 Всѣ въ домѣ скоро увидали,
 Что блѣдность скуки и печали

Къ ей склонилася щекамъ,
 Уста смѣяться перестали;
 Что стала рѣже посѣщать
 Она и праздники, и балы,
 А чаще начала бывать
 Въ капеллѣ; если-жъ карнавалы
 И привлекали иногда —
 То съ потуплёнными глазами
 Она являлася туда,
 Чтобъ показать вождямъ собранья
 Всю бесполезность ихъ исканья.
 Ея слова звучать тоской;
 Ея одежда не блистаетъ,
 И солнце больше не встрѣчаетъ
 Её средь пляски круговой.

IX.

Являсь властителемъ Морен,
 Для охраненія тѣхъ странъ
 (Отъ горъ Патраса до Эвбеи),
 Что грозный мечъ венеціанъ
 Исторгъ у хищныхъ мусульманъ
 (Когда Собѣскій, низлагая
 Гордыню турокъ, поражалъ
 Ихъ на берегахъ крутыхъ Дуная),
 Минотти, славный генералъ,
 Коринеомъ горнымъ управляя
 Собой власть дождей представляя
 Когда давно желанный миръ
 Манилъ Элладу, какъ на ширь,
 Ея богатства охраняя.
 Имѣлъ онъ дочь — и никогда —
 (Съ тѣхъ поръ, какъ радость Менелая,
 Его супруга молодая,
 Покинувъ мужа навсегда,
 Предъ свѣтомъ всѣмъ не доказала,
 Что страсть преступная — начало
 Всѣхъ бѣдъ житейскихъ) — никогда
 Такое чудное созданье
 Не оживляло міровданье.

X.

Стѣна распалась — и проломъ
 Разверзся огненнымъ жерломъ;
 И вотъ ужъ завтра, предъ разсвѣтомъ,
 Начнется бой въ проломѣ этомъ.
 Готово войско; впереди
 Отрядъ охотниковъ собрался:
 Онъ «обречѣннымъ» назывался,
 Хотя у каждаго въ груди
 Родникъ надеждъ живыхъ таялся —
 И онъ въ кровавый бой стремился
 Безъ скорбной мысли о концѣ,
 И всюду бурей прорывался,
 Или простѣрымъ оставался
 Съ печатью смерти на лицѣ,
 Служа всеобщему стремленью
 Простой, бездушною ступенью.

XI.

Ужъ полночь. Блѣдная луна
 Сребритъ вершины Киевона;
 Шумить прибрежная волна,
 И синій куполъ небосклона,
 Принявъ спокойный моря видъ,
 Звѣздами яркими горитъ.
 О, кто, любуясь звѣздъ мерцаньемъ,
 Не отвращался отъ земли
 И не сгоралъ нѣмымъ желаньемъ
 Душою слиться съ ихъ сіяньемъ,
 Паря въ лазоревой дали?
 Волна чуть слышно въ берегъ била,
 Подобясь тихому ручью,
 И мелкихъ камешковъ семью
 Кипѣвшей пѣной шевелила.
 Заснули вѣтры; знамена
 Не развѣвались, какъ бывало,
 И лишь двурогая луна
 Надъ ними трепетно сіяла.

Та гробовая типина
 Ничѣмъ на мигъ не нарушалась:
 Лишь ржанье копей раздавалось,
 Да громкій окликъ часовыхъ
 Вторился эхомъ горъ крутыхъ.
 Раздался голосъ муззина—
 И дальній гулъ, какъ шумъ листовъ,
 Пронёсся въ станѣ межъ шатровъ,
 И огласилась долина
 Мольбой несчётныхъ голосовъ,
 Въ которой, какъ въ мольбѣ духовъ,
 Была и радость, и кручина.
 Такъ вѣтеръ радостный порой,
 Носясь надъ арфою чудесной,
 Насъ тѣшить пѣснью неземной,
 Въ юдоли нашей неизвѣстной.
 Для осажденныхъ въ пѣсни той
 Всѣ злую гибель предвѣщало;
 А осаждавшимъ въ тѣмъ ночной
 Она про смерть напоминала.
 Невольный трепетъ прекратилъ
 Сердце ихъ пламенныхъ бѣнье;
 Но пронеслось одно мгновеніе—
 И стыдъ томительный смѣнилъ
 Сердцамъ ихъ чуждое волненье.
 Такъ похоронный, грустный звонъ
 Есть символъ тлѣнности земного,
 Хотя-бъ звучалъ—печальный—онъ
 Для человѣка намъ чужого.

ХП.

Палатка Альпа возлѣ моря
 Уже раскинута была.
 Въ устахъ молитва замерла;
 Всѣ тихо веругъ; другъ другу вторя,
 Веругъ стана стража обошла.
 Всѣ приказанья въ исполненіе
 Приведены безъ замедленія.
 Еще промчится ночь одна—
 И трудъ его вознаградится:

Все, чѣмъ любовь для насъ ясна
И мсть отрадна—возвратится...
Еще лишь нѣсколько часовъ—
И вспыхнетъ битва роковая.
Отдохновенье предлагая,
Его зоветь походный кровъ;
Но мысли въ немъ—восторгъ и горе—
Кипятъ, какъ вспѣнное море.
Изъ стана вражьяго всего
Лишь сердца Альпа одного
Не изувѣрство направляетъ
Въ его стремленьи роковомъ
Воздвигнуть мѣсяцъ надъ крестомъ;
Одинъ изъ всѣхъ не ожидаетъ
Онъ райскихъ благъ въ краю иномъ;
Одинъ изъ тысячъ, онъ не знаетъ
Святой къ отечеству любви,
Одушевляющей героя
И побуждающей средь боя
Его—и въ ранахъ и въ кровѣ—
Стоять за родину. Отступникъ,
Предатель родины своей,
Одинъ, какъ Кантъ, какъ преступникъ,
Онъ былъ въ дружинѣ безъ друзей.
Онъ былъ отваженъ—и толпою
Всѣ устремлялися за нимъ;
Онъ гордо волею чужою
Игралъ, какъ собственной душою—
И все склонялось передъ нимъ.
Но все-же Альпу не прощалось,
Что онъ Христа когда-то чтилъ;
И даже то, что ихъ водилъ
Онъ къ славѣ—низкимъ имъ казалось,
Затѣмъ, что онъ—ихъ вождь-герой—
Былъ христіаниномъ когда-то.
Они не знали, что душой
Гордыня править той порой,
Когда погибло все, что свято;
Они не вѣдали, что мсть
Способна все въ душѣ встревожить:
Изъ воска камень сдѣлать можетъ,

И что, когда погибла честь,
 Лишь жажда мести сердце гложетъ.
 Онъ вождь—но, чтобъ повелѣвать,
 Нужна лишь смѣлость первымъ стать.
 Такъ левъ—шакала повелитель:
 Одинъ сражаетъ, какъ властитель,
 Свою добычу, а другой
 Остаткамъ радъ добычи той.

XIII.

Лицо измѣнишка горитъ,
 А сердце бьется и болитъ.
 Лежа, мѣняя положенье,
 Онъ тщетно ждетъ успокоенья:
 Лукавый сонъ его бѣжитъ.
 Чалма болѣзненно сжимаетъ
 Его чело, и налегаетъ
 Кольчуга тяжелая на грудь—
 И не даетъ ему вздохнуть;
 Тогда какъ прежде, послѣ бою,
 Склонясь головой къ землѣ сырой,
 И не имѣя надъ собою
 Другого крова, кромѣ той
 Далекой тверди голубой,
 Что и теперь надъ нимъ сіяла,
 Спокойно спать—и все съ нимъ спало.
 Нѣтъ силы ждать во тьмѣ ночной
 Ему зари лучей манищихъ—
 И онъ идетъ на брегъ морской,
 Покрытый тысячами спящихъ.
 Но отчего ихъ долгій сонъ—
 Что здѣсь вкушаетъ каждый воинъ—
 Такъ крѣпокъ, сладокъ и покоенъ,
 Когда уснуть не можетъ онъ?
 Они во снѣ добычу дѣлятъ,
 А онъ?—онъ долженъ здѣсь бродить,
 Въ мѣстахъ, гдѣ сны златые стоятъ
 Послѣдній одръ имъ, можетъ быть,
 И ихъ завидовать мечтаньямъ
 Въ душѣ, истерзанной страданьемъ.

XIV.

Проникла въ грудь его прохлада—
И вмигъ отъ сердца отлегло;
Повѣялъ вѣтеръ, какъ отрада,
И освѣжилъ ему чело.
За нимъ палатки боевыя,
Заливъ Лепантскій передъ нимъ,
А дальше — горы снѣговыя,
Съ ихъ свѣтлымъ пикомъ ледянымъ.
Вѣка летучими роями
Прошли надъ этими горами,
Надъ этимъ моремъ голубымъ;
Но ихъ не свѣяли, какъ дымъ,
Какъ родъ людской съ его страстями.
Рабы и деспоты скорѣй
Подъ гнѣтомъ солнечныхъ лучей
Съ лица вселенной исчезаютъ,
Чѣмъ тѣ слои снѣговъ и льдовъ,
Что какъ въ сіяющей покровъ
Верхи утесовъ одѣваютъ,
Что кедръ горъ переживаютъ
И обелиски городовъ.
Тотъ снѣгъ, накопленный вѣками,
Лежитъ грядою надъ облаками,
Уподобляясь пеленѣ
На память брошенной странѣ,
Въ конецъ истерзанной невзгодой,
Прочь отлетѣвшюю свободой.
Когда — печальна и ясна —
Приютъ любимый свой она
Съ тоскою въ сердцѣ покидала,
Богиня шагъ свой замедляла,
При видѣ брошенныхъ полей,
Разбитыхъ злобой алтарей,
И тихо слѣзы проливала.
Она готова къ нимъ воззвать,
Къ сынамъ воинственной Морей,
И имъ на предѣлахъ указать,
На ихъ нетлѣнные трофеи...

Напрасно! имъ ужъ не возстать
 И дня того ужъ не видать —
 Святой зари его румянца —
 Чтѣ освѣщала персовъ рать
 И смерть великаго спартанца.

XV.

Да, Альпъ — измѣнникъ; но въ мечтахъ
 Онъ любить сердцемъ уноситься
 Къ воспоминаніямъ о дняхъ,
 Весь міръ которыми гордится.
 Бродя въ ночи, мечтаетъ онъ
 О тѣхъ, чтѣ здѣсь со славой пали
 И кровью землю упитали.
 И, въ размышленіе погружонъ,
 Онъ вдругъ почувствовалъ ничтожность
 Добытой славы имъ и ложность
 Досель пройденнаго пути:
 Что онъ для славы той позорной
 Заутра свой отрядъ отборный
 На приступъ долженъ повести...
 Не таковы они, герои,
 Чтѣ здѣсь покоятся кругомъ!
 Здѣсь бились грозные ихъ строи
 И были родины щитомъ.
 Ихъ жизнь промчалась неизмѣнно —
 И память ихъ благословенна.
 И буйный вѣтеръ, и волна
 Ихъ повторяютъ имена,
 И шумный лѣсъ гремитъ ихъ славой,
 И высь колонны величавой
 На ихъ указываетъ прахъ.
 Витаютъ тѣни ихъ въ горахъ;
 Фонтанъ о нихъ напоминаетъ,
 И влечь, гремя издалека,
 И величавая рѣка —
 Все имена ихъ повторяетъ.
 Пускай она населена —
 Эллада дивная — рабами:

Она, прекраснаго страна,
 Еще громеа ихъ именами!
 Кого величїе влечетъ —
 Предъ тѣмъ Эллада возстаеъ:
 И, ободренный, онъ стремится
 Тиранство низкое попрасть;
 И въ битву радостно онъ мчится,
 Чтобъ жизнь за Грецію отдать,
 Или мечомъ добыть свободу
 Ея несчастному народу.

XVI.

А онъ, отступивъ, все мечталъ —
 И вѣтеръ свѣжестью дышалъ...
 Чужда приливамъ и отливамъ,
 Морей полуденныхъ волна,
 Въ своемъ величьи горделивомъ,
 Текла, спокойна и ясна.
 Когда же буря начиналась,
 То и тогда на брегъ она
 Едва на шагъ, на два взбиралась,
 И безучастная луна
 Спокойнымъ взглядомъ провожала
 Ее, что злилась и бѣжала
 И ласкъ ея не замѣчала.
 Скала могучая стоитъ
 И въ волны синїя глядитъ,
 Но тѣ ея не досягаютъ,
 И лишь то мѣсто намѣчаютъ,
 Что у Морейскихъ береговъ
 Въ теченье нѣсколькихъ вѣковъ
 Они слезами орошаютъ.

Въ тяжелыя думы душой погружонъ,
 По берегу моря онъ бродить...
 На выстрѣлъ ружейный отъ крѣпости онъ;
 Но пуля его не находить.

Измѣна-ль проникла въ ряды христіанъ,
 Сердца ли бойцовъ охладѣли?

Не знаю! — но только безмолвенъ ихъ станъ,
И ружья далеко отъ цѣли, —

Хотя онъ подъ башней стоитъ, что блюдетъ
Ворота, ведущія къ морю;
Хотя онъ и слышитъ, какъ взадъ и впередъ
Снуютъ часовые, и, вторя

Шагамъ ихъ размѣряннымъ, эхо звучитъ.
И видитъ онъ пса подъ стѣною:
Склоняся надъ трупомъ, онъ только ворчитъ:
Нѣтъ времени быть за ѣдою.

Онъ съ черепа кожу содралъ со всего,
Какъ съ персика кожу сдираютъ,
И жадно зубами хватается его;
Но тотъ изъ-подъ нихъ ускользаетъ.

Онъ жадно глодалъ — и, казалось, былъ
Не въ силахъ оставить ловитвы,
Затѣмъ, что еще не вполне утолилъ
Онъ голодъ свой жертвами битвы.

По шаламъ зеленымъ онъ тотчасъ узналъ,
Что это тѣ храбрые были,
Чьи чѣла зеленый тюбанъ украшалъ,
Что съ нимъ въ его станъ служили.

Съ головъ ихъ спускалось по пряди волосъ;
Теперь же собаки глодали
Ихъ бритую кожу, лишенную косъ,
И клочья въ зубахъ увязали.

И видитъ онъ: коршунъ бьетъ волка крыломъ,
Вспугнувшего хищныхъ пернатыхъ,
Носившихся стаяй надъ палымъ конемъ,
Съ добычею въ клювахъ горбатыхъ...

XVII.

И Альпъ отъ картины той взоръ отвратилъ:
 Онъ былъ непреклоненъ средь битвы,
 Но стонъ умирающихъ онъ легче сносилъ
 И шопотъ послѣдней молитвы
 Томящихся жаждой, клянущихъ враговъ,
 Чѣмъ видъ ужъ уснувшихъ на вѣки-вѣковъ.

Въ минуту опасности гордость при насъ!
 Какъ въ битвѣ намъ смерть не предстанетъ,
 Могучая Слава отмѣтитъ нашъ часъ
 И Честь про нашъ подвигъ вспомнеть.
 Когда же все кончено, грустно ступать
 По трупамъ погибшихъ средь бою,
 И видѣть, какъ птица и звѣрь ихъ терзаетъ
 Стекаются шумной толпою
 И, мясо сдирая съ ихъ бѣлыхъ костей,
 Считаютъ тѣ трупы добычей своей.

XVIII.

Идѣтъ онъ — и видитъ разрушенный храмъ,
 Воздвигнутый здѣсь неизвѣстной рукою:
 Двѣ стройныхъ колонны съ рѣзбой по краямъ,
 Да мраморъ въ обломкахъ, пороспій травой —
 Вотъ все, что ты, время, оставило намъ!
 Не болѣ ты, время, въ усладу вѣкамъ,
 Оставишь въ грядущемъ, чѣмъ было въ минувшемъ
 Тобою оставлено, мирно уснувшимъ:
 Оставишь настолько, чтобъ можно было
 Жалѣть о грядущемъ, о томъ, что прошло.
 Что видѣли мы, то и наши потомки
 Увидятъ: развалины, камни, обломки!

XIX.

Онъ сѣлъ къ подножію колонны
 На солнцемъ выжженной травѣ.
 Рука приняла къ головѣ
 И тихій вздохъ, подобье стона,
 Больное сердце облегчилъ.
 Онъ молча голову склонилъ —
 И пальцы мѣрно застучали
 По лбу, какъ будто пробѣгали
 По звонкимъ клавишамъ, когда,
 Не начиная, иногда
 Они беззвучно пробѣгаютъ
 По нимъ — какъ-будто ихъ пытаются.
 Такъ онъ сидѣлъ, тая тоску
 И слухъ склоняя къ вѣтерку.
 Вдругъ слышитъ онъ изъ-за колонны
 Какъ будто чьи-то льются стоны.

Онъ голову поднималъ—на море глядитъ;
 Но вѣтеръ сонливый волны не катитъ;
 Онъ взоромъ несѣтся надъ сонной травой,
 Но та не промолвитъ былинкой одною.
 Откуда-жъ тѣ звуки несутся, звучать?
 Глядитъ на знамена—недвижно висятъ,
 Недвижно, какъ листья лѣсовъ Киеерона.
 Что-жъ значать тѣ звуки страданья и стона?
 Глядитъ онъ—трепещетъ—о, сладостный видъ!
 Красавица-дѣва на камнѣ сидитъ.

XX.

Вскочилъ—глядитъ—на сердцѣ страхъ:
 Такъ не смутить его-бъ и врагъ...
 «О, Боже мой! какой судьбою
 Близъ стана ты ночной порою?»
 Напрасно—блѣденъ и смущенъ—
 Перекреститься хочетъ онъ:

Священный символ искупленья
 Не для исполненных сомнѣнья.
 Глядѣть—нѣтъ, это не обманъ!
 Она—лицо ея и станъ:
 Предъ нимъ, полна врасы и блеска,
 Его прекрасная Франческа.
 Въ щекахъ тѣ-жъ розы у ней;
 Но только розы тѣ блѣднѣй.
 Улыбка устъ не украшаетъ:
 Исчезла... какъ?—никто не знаетъ.
 Не такъ ясна лазурь въ волнахъ,
 Какъ въ голубыхъ ея очахъ;
 Но и лазурь ихъ, словно море,
 Таитъ отчаянье и горе.
 Упругость груди молодой,
 Полузакрытая фатой,
 Сверкаетъ свѣжной бѣлизною.
 Кудрей бѣгущею волною
 У плечъ прикрытая слегка,
 Бѣлѣтъ чудная рука.
 Но прежде чѣмъ она вѣщала,
 Она на небо указала—
 И пальцы были такъ нѣжны,
 Что сквозъ былъ видѣнъ свѣтъ луны.

XXI.

— «Къ тебѣ я пришла въ этотъ часъ молчаливый,
 Чтобъ дать тебѣ счастье—самой быть счастливой:
 Я вышла въ ворота, прошла межъ шатровъ—
 И вотъ нахожу тебя въ станѣ враговъ.
 Я слышала: ежели левъ повстрѣчаетъ
 Невинную дѣву—онъ въ лѣсъ убѣгаетъ.
 Господь всемогущій, невинныхъ покровъ,
 Спасаящій ихъ отъ тирановъ лѣсовъ,
 Благой въ своихъ милостяхъ вѣчныхъ, безмѣрныхъ,
 Помогъ и мнѣ, бѣдной, избѣгнуть невѣрныхъ.
 Но если напрасенъ приходъ будетъ мой,
 Тогда мы не свидимся больше съ тобой.
 Своихъ преступленій превысилъ ты мѣру:
 Ты презрѣлъ, отступникъ, отцовскую вѣру!

Разстанься съ чалмою, крестомъ осѣнись —
 И къ этому сердцу главою склонись.
 Смой стыдъ свой — пусть сердце твое облегчится —
 И завтра-жъ Франческа съ тобой примирится.»

— «Гдѣ-жъ брачное ложе найдемъ мы съ тобой?
 Ужели средь мертвыхъ, сраженныхъ войной?
 А завтра въ Коринѣхъ всё сгинетъ живое,
 Палаты и храмы, всё сердцу святое —
 Всё сгинетъ — и только тебѣ и твоимъ
 Мы, мечъ опуская, пощаду дадимъ.
 Простившись навѣки съ невзгодой былою,
 Мы въ край отдаленный умчимся съ тобою —
 И будешь ты вѣрной подругой моей.
 Но прежде я долженъ, ведомый судьбою,
 Унизить гордыню царицы морей.
 Пусть тѣ, что — ведомые зломъ и страстями —
 Моими заклятыми стали врагами,
 Узнаютъ всѣ ужасы мести моей,
 Бичующей плетью, сплетенной изъ змѣй!»

Она прикоснулась холодной рукою
 Къ его опущенной холодной рукѣ —
 И дрожь пробѣжала по сердцу волною,
 И сердце заныло въ глубокой тоскѣ.
 Хотя ея пальцы едва прикасались,
 Но, скорбный, ихъ гнѣта снести онъ не могъ,
 И пальцы ея никогда не казались
 Ему холодны такъ, и обликъ такъ строгъ.
 Но сердце, какъ камень, въ груди опустилось
 И съ щокъ его бурный румянецъ сбѣжалъ,
 Когда онъ, всмотрѣвшись въ нее, увидалъ
 Какъ страшно она измѣнилась.

Франческа прекрасна еще, но ужъ нѣтъ
 Въ чертахъ ея прежняго блеска,
 Ужъ въ нихъ не играетъ тотъ солнечный свѣтъ,
 Что блещетъ межъ волнами, солнцу въ отвѣтъ,
 Въ минуту ихъ шума и плеска.

Уста ея точно боятся вздохнуть:
 Безмолвны, блѣдны — не смѣются;

Волной не вздымается млечная грудь
И вены подъ кожей не бьются.

Хотя ея очи и блещутъ во тьмѣ,
Но взглядъ ея дикъ и печаленъ,
Какъ взглядъ тѣхъ несчастныхъ, что бродятъ во снѣ,
Среди позабытыхъ развалинъ.

Проходила на старый портретъ,
И глядящій изъ рамы на свѣтъ.
Въ часы многотумной вечерней прохлады,
Едва освѣщенный мерцаньемъ лампы,
Онъ кажется—мертвымъ и вмѣстѣ живымъ,
И, робкаго взглядомъ пугая своимъ,
Собирается точно съ осанкой суровой
Къ вамъ выдти на встрѣчу изъ рамы дубовой;
И, хмурясь, качается взадъ и впередъ,
Чуть вѣтеръ повѣетъ, чуть вѣтеръ пахнетъ.

«Но если жертвы этой много
Во имя сердца для тебя—
Сверши ее во имя Бога,
Его Предвѣчнаго любя:
Сорви съ главы своей преступной
Свою позорную чалму
И поклонись душой Тому,
Кто вѣрить влятѣвъ неподкупной,
Спасти сыновъ родной земли;
Не то—погибнешь ты въ пыли;
Не то—отвергнуть будешь мною,
Не только небомъ и землею!
Исполни долгъ—и пусть твой рокъ
Печаленъ будетъ и жестокъ—
Тебѣ простится много-много,
И милосердія врата
Не будутъ нѣмы: къ нимъ доро́га
Слезамъ любви не заперта.
Не медли, милый! будетъ поздно,
Когда Господь предстанетъ грозно:
Ты взоры къ небу, а оно
Печально будетъ и темно...
Ты видишь—мѣсяцъ въ тучѣ тьмится?

Но мигъ—и туча та промчится...
 Когда ты грѣхъ не смоешь свой
 Пока луна одѣта тьмой,
 Тогда судьбы твои свершатся:
 И Богъ, и люди отомстятся.
 Твой жребій страшенъ; но страшнѣй
 Безмѣрность гибели твоей!»

И на равнину голубую
 Глядитъ отступникъ молодой —
 И видитъ тучу громовую;
 Но сердце, полное враждой,
 Лишь дышетъ гордостью одной:
 Въ немъ эта страсть—огонь и сила—
 Всѣ остальные заглушила.
 Ему-ль, подъ тяжестью грѣховъ,
 Страшиться робкой дѣвы словъ?
 «Уже-ль, отчизной оскорбленный,
 Спасеть онъ городъ обреченный?
 Когда въ той тучѣ заключенъ
 Могучій громъ—пусть грянетъ онъ!»
 И Альпъ, тая кручину злую,
 Взглянулъ на тучу громовую:
 Она промчалась—и—ясна—
 Предъ нимъ заискрилась луна.
 И онъ сказалъ: «Пусть рокъ свершится!
 Но мнѣ ужъ поздно преклониться!..
 Тростникъ, встрѣчая бури гнѣтъ,
 Ложится долу и встаетъ;
 Но дубъ трещить и упадаетъ.
 Пускай Венеція узнаетъ
 Во мнѣ врага, и пусть одна
 Ты будешь мною почтена!»

Взглянулъ—но дѣва ужъ пропала;
 Одна колонна лишь стояла.
 Что сталося съ нею—онъ не знаетъ:
 Въ землѣ-ль сырой она укрывалась,
 Или въ пространствѣ испарилась—
 Увы! отступникъ не видалъ.

XXII.

Вотъ ночь пролетѣла—и солнце сіяетъ,
 Даетъ всему праздничный видъ;
 Аврора покровъ свой туманный снимаетъ
 И полдень палящій сулитъ.

Чуть выйдутъ трубы, звучать барабаны
 И гулъ раздается роговъ,
 И выются знамена, и вѣютъ султаны,
 И слышится шумъ отъ шаговъ.

Сквозь бряканье сабель, сквозь ржанье, музыку
 Пронесутся клики: «идуть!»
 И хвостъ лошадиный навѣшанъ на пику,
 И, строясь, всѣ приступа ждутъ.

Татары, арабы и вы, туркоманы!
 Сѣдлайте коней—и впередъ!
 Скачите долиной, какъ тѣ ураганы,
 Что вѣтеръ пустыни несётъ:

Чтобъ кто-нибудь—старецъ иль отрокъ невинный—
 Не спасся бы этимъ путёмъ,
 Когда, утопая въ крови неповинной,
 Пѣхота ворвется въ проломъ!

Могучіе кони гремятъ удилами,
 Косматые гривы столбомъ,
 И бѣлая пѣна, сбѣгая клубами,
 Разносится вѣтромъ кругомъ.

Дымятся въ рукахъ фитили боевые
 И пушки готовы къ пальбѣ,
 Въ надеждѣ разрушить тѣ стѣны крутыя,
 Что служатъ преградой борьбѣ.

Труба янычаръ удалыхъ собираетъ,
 Прославленныхъ въ прежнихъ бояхъ;
 Ихъ Альпъ направляетъ—и сабля сверкаетъ
 Въ его обнаженныхъ рукахъ.

Ужъ ханъ и паши разѣзжаютъ предъ войскомъ,
И славный визирь въ ихъ челѣ.
Лишь выстрѣлъ раздастся—въ весельи геройскомъ
Спѣшите въ Коринеской скалѣ!

Впередъ, удалцы! никого не жалѣйте:
Ни пастырей близъ алтарей,
Ни знатныхъ, ни нищихъ—всѣхъ рѣжьте и бейте—
Самихъ не щадите камней!

«Проломъ передъ вами, могучими львами!»
Безстрашный Комурджи вскричалъ:
«При васъ ваши сабли—побѣда предъ вами:
«Иначе бы кто побѣждать?

«Кто первый добудетъ мнѣ знамя Христово,
«Тотъ требуй—и дастся тому!»
И грозные клики—отвѣтомъ на слово—
Промчались по стану всему.

XXIII.

Какъ волчья стая нападаетъ
На разъяреннаго быка,
И тотъ—не раненый пока—
Ногами первыхъ попираетъ
Или подьемлетъ на рога:
Такъ и османы на врага
Напали, славую повиты—
И были смѣло имъ отбиты...
И, какъ осколками стекла,
Земля усѣяна была
Тѣлами падшихъ середъ бою,
Покрытыхъ кованной бронёю,
Свинцомъ пробитой на поляхъ,
Гдѣ успокоился ихъ прахъ.
Рядами цѣлыми, какъ пали,
Они — недвижные — лежали
Подобно срѣзаннымъ косой
Стеблямъ пшеницы золотой.

XXIV.

Какъ сынъ снѣговъ, потокъ, весной
 Отъ сжатъ камня отторгаетъ
 И ихъ лавиной снѣговой,
 Гремя, въ долину низвергаетъ:
 Такъ, обезсиленныхъ борьбой,
 Сынѡвъ Коринеа низлагаетъ
 Турецкой рати новый строй,
 Въ проломъ нахлынувшій грозой.
 Они неизбежно стояли
 И, тяжело падая во прахъ,
 Въ крови и ранахъ умирали
 Съ оружіемъ въ замершихъ рукахъ.
 И вопль, и клики ликованья,
 И пушекъ громъ, и рѣзкій звукъ
 Глухихъ ударовъ сильныхъ рукъ
 Въ одно сливается стenanье:
 Лишь смерть безмолвствуетъ вокругъ.

Семья сосѣднихъ городовъ
 Громамъ тѣмъ гибельнымъ внимаетъ
 И въ вѣщемъ ужасѣ не знаетъ
 Кого — друзей или враговъ —
 Тѣ клики грозные вѣнчаютъ;
 Не знаютъ: слезы ли имъ лить,
 Иль небеса благодарить
 За звуки тѣ, что повторяютъ
 Ущелья горъ береговыхъ.
 И громъ тѣхъ звуковъ роковыхъ
 Былъ слышенъ въ дальнемъ Саламинѣ,
 Въ Пирейской бухтѣ и Левсинѣ.

XXV.

Съ мечей ручьями кровь бѣжить;
 Палъ городъ, пали укрѣпленья;
 Грабежъ на улицахъ кипитъ:
 Все ждетъ послѣдняго мгновенья.

Изъ храмовъ божьихъ, изъ домовъ
 Проклятыя, жалобы несутся,
 И звуки трепетныхъ шаговъ
 По скользкимъ камнямъ раздаются.
 Средь узкихъ улицъ, здѣсь и тамъ,
 Гдѣ можно дать отпоръ врагамъ,
 Десятки воиновъ встрѣчаютъ
 Толпы враговъ, что наступаютъ,
 И, прислонясь къ стѣнѣ спиной,
 На время сдерживаютъ бой
 И, какъ герои, умираютъ.

Межъ нихъ вниманье привлекаетъ
 Старикъ съ сѣдою головой,
 Но съ сильной, твердою рукой.
 Онъ бодро турокъ отражаетъ—
 И трупы ихъ лежать кругомъ,
 Его сраженные мечомъ.
 Хотя старикъ и отступаетъ,
 Но все — не раненый — ещё
 Съ толпою бьется горячо,
 Чтò все сильнѣе надѣраетъ.
 Рубцы, добытые войной,
 Таясь подъ кованной броней,
 О славныхъ битвахъ говорили,
 Хотя давно тѣ битвы были.
 Старикъ, онъ крѣпость юныхъ силъ
 Въ могучемъ тѣлѣ сохранилъ,
 И врядъ-ли-бъ кто-нибудь сыскался,
 Кто съ нимъ бы силой поравнялся.
 Минотти сдерживалъ одинъ
 Толпу враговъ ожесточенныхъ—
 Толпу, безчисленнѣй сѣдинъ
 Его волосъ посеребрѣнныхъ;
 И много матерей преклонныхъ
 Онъ въ этотъ день осиротилъ:
 Ихъ юныхъ первенцовъ лишилъ,
 Еще въ то время не рожденныхъ,
 Когда—исполненъ юныхъ силъ—
 Онъ мечъ впервые обагрилъ
 Въ крови враговъ иноплеменныхъ.

Когда Минотти потерялъ
 Въ бою единственнаго сына,
 Отцамъ почувствовать онъ далъ
 Какъ велика его кручина.
 И если падшему нужна
 Святая жертва очищенья,
 То тѣнь Минотти — нѣтъ сомнѣнья —
 Была ужаснѣй отмщена,
 Чѣмъ тѣнь Патрокла подъ Пергамою.
 Онъ погребенъ на томъ же самомъ
 Высокомъ берегѣ морскомъ,
 Гдѣ спать герои вѣчнымъ сномъ.
 Но кто укажетъ тѣ могилы,
 Что ихъ пріяли въ цвѣтѣ силы?
 На ихъ могилахъ нѣтъ камней
 И нѣтъ въ могилахъ тѣхъ костей;
 Но ихъ именъ не позабудутъ,
 Пока пѣть пѣсни люди будутъ.

XXVI.

Чу! клики воздухъ потрясаютъ:
 То янычары наступаютъ.
 Рука ихъ мощная ведетъ
 И — обнаженная — впередъ
 Манить отвагой изступленной,
 И по рукѣ той обнаженной
 Героя каждый узнаетъ.
 Однихъ одежда отличаетъ,
 Что взоръ враждебный привлекаетъ;
 Тѣ рукоятки ихъ мечей
 Гордятся цѣнностью камней:
 Но въ мѣрѣ нѣтъ клинка такого,
 Какъ сабля Альпа молодого;
 Тѣ отличаются чалмой,
 А Альпъ — могучею рукой,
 До плечъ высоко обнаженной
 Въ минуту свѣчи изступленной.
 Ничей бунчукъ у стѣнъ крутыхъ,
 Вѣсь, такъ близко не мелькаетъ!

Ничей бунчукъ сыновъ своихъ
 Такъ далеко не увлекаетъ!
 Гдѣ Альпа видится рука —
 Тамъ храбрецы, герои бьются,
 Бѣжитъ кровавая рѣка
 И тщетно вопли раздаются;
 Тамъ обезсиленный герой,
 Безъ стона, гордо умираетъ,
 И, умирая, напрягаетъ
 Остатокъ силъ своихъ, чтобъ бой
 Начать послѣдній, роковой.

XXVII.

Еще старикъ Минотти бьется,
 Но Альпъ недвиженъ остается...

— «Минотти, сдайся!» говоритъ:
 Проси пощады — и пощада
 Тебѣ Франческу возвратить!»

— «И жизни вѣчной мнѣ не надо,
 Когда злодѣй ее дарить!»

— «Ужель тебя, моя святыня,
 Должна сгубить его гордыня?»

— «Ей не бывать въ твоихъ рукахъ!»

— «Но гдѣ-жъ Франческа?»

— «Въ небесахъ —
 Въ чертогахъ свѣтлыхъ, недоступныхъ
 Для душъ коварныхъ и преступныхъ!»

Когда бы громъ предъ нимъ упалъ —
 Злодѣй бы такъ не встрепелъ...
 И, увидавъ, что Альпъ дрожалъ,
 Минотти злобно усмѣхнулся.

— «О Боже!—Альпъ проговорилъ:
Скажи, давно-ль ея не стало?»

— «Вчера—и рокъ я не корилъ,
Что небо скорбную пріяло.
Никто изъ рода моего
Рабомъ не будетъ Магомета!
Сражайся!... Дѣва Назарета!»

Но тщетнъ вызовъ былъ его —
Ужъ грозный Альпъ въ числѣ убитыхъ.
Межъ тѣмъ какъ пламенный потокъ
Рѣчей Минотти ядовитыхъ
Злодѣя грудь пронзалъ и жогъ
Большой меча, которымъ бился,
Вдругъ Альпъ, какъ скошенный, свалился.
Съ ступеней храма, гдѣ пылалъ
Кровавый бой—пылалъ и длился,
Вдругъ выстрѣлъ грянулъ, прокатился—
И Альпъ, сраженный пулей, палъ.
Но прежде чѣмъ изъ предстоявшихъ
Единый рану увидать —
Уже во прахѣ Альпъ лежалъ,
Чтобъ не возстать изъ сонма павшихъ.
Огонь блеснулъ въ его очахъ —
И вѣчный мракъ окуталъ прахъ.
Его на знамя положили.
Съ его высокаго чела
И щекъ, покрытыхъ слоемъ пыли,
Струя кровавая текла;
И пульсъ прерывисто не бился,
И стоить на волю не просился
Изъ устъ, омоченныхъ въ крови.
Ни слово мира и любви,
Ни вздохъ, исполненный кручины,
Не предрекли его кончины.
Еще молитва съ устъ его
Слегать къ Престолу не успѣла,
Какъ легкимъ паромъ отъ него
Душа въ пространство отлетѣла—
И онъ остаѣся до конца
Врагомъ отчизны и Творца.

XXVIII.

И торжества, и гнѣва клики
 Грозой промчались межъ рядовъ
 Его друзей, его враговъ,
 И вновь грозой сляпились пики,
 И вновь мечи блестя въ рукахъ
 И повергають храбрыхъ въ прахъ.
 И, шагъ за шагомъ отступая,
 Минотти сдерживаетъ строй
 Свирѣпыхъ турокъ, защищая
 Родную землю, какъ герой;
 И веругъ него—оберегая—
 Тѣсняются воины толпой.
 Старинный храмъ, оплотъ священной,
 Откуда тотъ направленъ былъ
 Зловѣщій выстрѣлъ, что сразилъ
 Злодѣя въ битвѣ дерзновенной
 И тѣмъ за городъ отомстилъ—
 Оплотъ послѣдній предлагаетъ.
 И, оставляя за собой
 Кровавый слѣдъ на мостовой,
 Минотти къ храму отступаетъ—
 И только здѣсь, очистивъ путь
 Повсюду занятый врагами,
 Прикрытый старыми стѣнами,
 Свободно можетъ онъ вздохнуть.

XXIX.

Усилясь новою толпою,
 Сыны ислама и побѣдъ
 Стремятся съ яростью такою
 За христіанами во слѣдъ,
 Что ихъ безчисленность порою
 Имъ обращается во вредъ.
 Проходъ, который велъ къ твердынѣ
 Послѣдней горсти христіанъ,
 Подобенъ горной былъ тѣснинѣ,

И строй побѣдный мусульманъ,
 Успѣвшій въ храму протѣсниться,
 Назадъ не могъ ужъ возвратиться,
 И долженъ былъ иль побѣдить,
 Иль сномъ могильнымъ опочить.
 Но прежде, чѣмъ имъ сумракъ ночи
 Смежилъ безжизненные очи,
 Ужъ ихъ спѣшили замѣнить
 Другіе, съ мыслью отомстить.
 Ослабѣваютъ христіане
 Передъ напоромъ янычаръ;
 Вотъ ужъ у двери мусульмане:
 Послѣдній близится ударъ.
 Но дверь, покорная запору,
 Еще противится напору.
 Изъ всѣхъ отверстій цѣлый адъ
 Огонь ружейный извергаетъ,
 И мѣткихъ пуль свинцовый градъ
 Рядъ узкихъ оконъ изрыгаетъ.
 Но дверь скрипитъ: еще напоръ—
 Сдаются петли и запоръ,
 И дверь, шатаясь, упадаетъ:
 Коринфъ! чередъ твой наступаетъ!

XXX.

Угрюмъ, свирѣпъ и одинокъ
 Стоитъ Минотти у амвона.
 Надъ нимъ блистая, льетъ Мадонна
 Лучей сіяющихъ потокъ
 На грудь, обрызганную кровью—
 И взоръ ея горитъ любовью.
 Мадонна такъ помѣщена,
 Чтобъ каждый, видя, какъ она,
 Съ Младенцемъ кроткимъ на колѣняхъ,
 Встрѣчаетъ всѣхъ, ко всѣмъ равна,
 Въ своихъ излиться могъ бы пеняхъ.
 На все—прекрасна и ясна—
 Глядитъ съ улыбкою Она,
 И даже въ этотъ мигъ ужасной
 Встрѣчаетъ всѣхъ улыбкой ясной.

Но вотъ Минотти, весь горя,
Вздохнулъ, взглянулъ, перекрестился,
Схватилъ свѣтильникъ съ алтаря
И, приподнявъ, остановился...
Тогда-какъ турки—здѣсь и тамъ—
Уже врывались въ Божій храмъ.

XXXI.

Въ безмолвномъ склепѣ, въ храмѣ томъ,
Подъ мозайковымъ поломъ,
Лежать покойники рядами.
Помость блеститъ ихъ именами;
Но тѣхъ именъ ужъ не видать—
На нихъ кровавая печать:
Узоры мрамора цвѣтные
И—честь родовъ—гербы рѣзные
Покрываютъ пледами кругомъ,
Кругомъ завалены мечами
И бездыханными тѣлами
Сраженныхъ смертью въ храмѣ томъ.
Война сошла подъ эти своды
И здѣсь сокровища свои—
Орудье смерти, зло природы—
Скопило съ мудростью змѣи.
Здѣсь былъ устроенъ предъ осадой
Запасный складъ пороховой.
Приводъ насыпанъ роковой—
И здѣсь послѣднею преградой
Врагу становится герой.

XXXII.

Толпа невѣрныхъ наступаетъ,
И горсть отважныхъ христіанъ,
Ужъ обезсиленныхъ отъ ранъ,
Имъ путь напрасно преграждаетъ.
Не находя живыхъ враговъ,
Они глумятся надъ тѣлами,

И украшаютъ головами
 Верхи кровавыхъ бунчуковъ.
 Тѣ съ пьедесталовъ низвергають
 Изображенія святыхъ,
 Тѣ другъ у друга отнимають
 Куски покрововъ парчевыхъ,
 А тѣ съ иконъ святыхъ сдирають
 Вѣнцы окладовъ дорогихъ.
 Вотъ къ алтарю они подходятъ
 И видятъ чашу всю въ лучахъ—
 И алчность, вспыхнувъ въ ихъ очахъ,
 Здѣсь пищу новую находятъ.
 Еще поутру въ ней вино
 Было Христомъ претворено
 Въ святую кровь Его—и пили
 Ее смиренные бойцы,
 Чтѣ вѣчнымъ сномъ здѣсь опочили,
 Стяжавъ нетлѣнные вѣнцы.
 Лампада чашу освѣщала
 Изъ драгоцѣннаго металла,
 И тѣмъ сіяньемъ для очей
 Добычу дѣлала цѣннѣй.

XXXIII.

Ужъ нечестивая рука
 Сосуда свѣтлаго касалась,
 Когда свѣча поколебалась
 Въ рукахъ Минотти старика,
 Дугу въ пространствѣ описала
 И надъ приводомъ запылала.
 Раздался взрывъ—и сонмъ святыхъ,
 И стѣны храма вѣковья,
 И мертвыхъ груди ледяныя,
 И сонмъ оставшихся въ живыхъ,
 На встрѣчу смерти педшихъ смѣло—
 Гремя, на воздухъ все взлетѣло.
 Упали стѣны; замокъ палъ;
 Возсталъ море на мгновенье,
 И потряслись вершины скалъ,
 Какъ въ грозный часъ землетрясенья.

Миліонъ обломковъ — здѣсь и тамъ —
Поднять къ далекимъ облакамъ.
Все міру грозно возвѣщаетъ,
Что часъ послѣдній наступаетъ.
Все, чѣмъ гордился славный градъ,
На воздухъ въ пламени взлетаетъ
И, сверху падая назадъ,
Окрестность пепломъ покрываетъ.
И этотъ пепелъ роковой,
Дождемъ горящимъ низпадая,
Покрывъ поля и берегъ морской,
Круги на морѣ оставляя.
Кругомъ разбросаны тѣла;
Но кто почившій — христіанинъ,
Или невѣрный мусульманинъ? —
И мать сказать бы не могла.
Когда въ уютной колыбели
Они покоились ещё
И, ихъ цѣлуя горячо,
Въ глаза имъ матери глядѣли,
Они не думали о томъ,
Что грянетъ часъ, въ который громъ
Размететъ члены ихъ кругомъ.
Одно мгновеніе миновало —
И мать родная-бъ не узнала
Родного сына своего
Въ останкахъ, въ остовѣ его.
Повсюду брёвна и каменья
Слѣды являли разрушенья.
Все, что дышало здѣсь кругомъ,
Исчезло въ ужасѣ нѣмомъ.
Умчались въ лѣсъ стада пернатыхъ;
Собаки съ воемъ отошли
Отъ тѣлъ, отъятыхъ у земли;
Верблюды бросили вожатыхъ;
Волы, запряженные въ плугъ,
Сломивъ ярмо, ревѣли въ полѣ;
Ретивый конь летѣлъ по волѣ,
Безъ мундштука и безъ подпругъ;
Лагушекъ крикъ въ трясинѣ дальней
Еще сталъ громче и печальнѣй;
Въ густыхъ лѣсахъ, въ берлогахъ горь,

Гдѣ эхо рвется на просторъ,
Протяжно волки завываютъ,
И, вторя имъ, шакалы лаютъ —
И слышенъ въ дикомъ лѣѣ томъ
И дѣтскій плачь, и визгъ собаки,
Нежданно хлѣстнутой бичёмъ,
Въ минуту ярости и драки.
И, волю давъ своимъ крыламъ,
Орелъ пріютъ свой покидаетъ
И взоръ свой къ небу направляетъ
На встрѣчу солнечнымъ лучамъ.
Вкругъ тучи черныя тѣсняются,
Зіяя сумракомъ могилъ,
И нудятъ — съ каждымъ взмахомъ крылъ —
Все выше, выше подыматься.
Такъ палъ Коринѣъ — и побѣдилъ!

Н. ГЕРБЕЛЬ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ XIX-го ВѢКА

Les discours de M. le Prince de Bismarck. Berl. 1872.

Окончаніе.

X *)

Прежде чѣмъ перейти къ рѣчамъ князя Бисмарка, посвященнымъ отношеніямъ Германіи къ сосѣднимъ государствамъ, т.-е. къ Австріи, Франціи и Россіи, мы не можемъ не остановиться на весьма искусной политикѣ нѣмецкаго канцлера по отношенію къ южной Германіи. Отношенія къ южной Германіи стоятъ какъ-бы на рубежѣ между отношеніями къ побѣжденнымъ народамъ и отношеніями къ иностраннымъ государствамъ.

Бисмарку предстояло тутъ разрѣшить весьма замысловатую задачу: съ одной стороны, онъ понималъ, что пока сѣверная Германія не слилась съ южной, дѣло нѣмецкаго единства стоитъ весьма шатко, слишкомъ непрочное; вотъ почему всѣ его стремленія были направлены къ тому, чтобы по возможности скорѣй исчезла линія Майна, и чтобы вмѣсто словъ «Сѣверо-Германскій Союзъ», можно было произнести одно слово «Германія»; съ другой стороны, его стремленія волей-неволей должны были умѣряться, какъ не совсѣмъ благоприятнымъ расположеніемъ самихъ южныхъ государствъ, которыя не могли такъ скоро забыть, что они были

---

*) См. выше: янв. 195, фев. 257, май, 166 стр.

побѣжденными въ отчаянной схваткѣ семидневной войны 1866 года, такъ и нерасположеніемъ еще болѣе серьезнымъ двухъ сосѣднихъ государствъ къ сліянію сѣверной Германіи съ южной. Если бы трудность заключалась исключительно въ нерасположеніи южныхъ нѣмецкихъ государствъ, тогда князь Бисмаркъ едва ли сталъ бы долго задумываться. Сильный правилами своей практической мудрости, онъ не обратилъ бы никакого вниманія на такое нерасположеніе, и увѣренный въ своемъ превосходствѣ, въ своемъ могуществѣ, онъ поступилъ бы съ южными государствами такъ точно, какъ онъ поступилъ съ Ганноверомъ, Гессеномъ и другими, не чувствовавшими расположенія въ его политикѣ. Но за южною Германію стояли «другіе», и эти-то другіе мѣшали ему. Начинать же немедленно одну войну послѣ другой, бросить вызовъ Франціи немедленно послѣ весьма ненадежнаго замиренія съ Австріею, было не совсѣмъ безопасно: онъ могъ рисковать тѣмъ, что уже приобрѣтено, что онъ крѣпко держалъ въ своихъ желѣзныхъ рукахъ; а мы уже знаемъ, что несмотря на всю свою смѣлость, князь Бисмаркъ соединяетъ съ нею удивительную осторожность и предпочитаетъ довольствоваться меньшимъ, нежели подвергать риску разъ уже добытое. «Благодарзүмію,—высказывался онъ,—можно дать названіе боязни, точно также, какъ называть мужествомъ смѣлое легкомысліе». Такое мужество было чуждо князю Бисмарку. Ему нужно было придумать для достиженія своей цѣли такой планъ, который въ одно и то же время обезоруживалъ бы сосѣднія государства и осуществилъ бы сліяніе южной Германіи съ сѣвѣрною. Онъ желалъ, чтобы не сѣверная Германія бросилась въ объятія южной, а южная склонилась бы передъ сѣвѣрною свою гордую и независимую голову. Очевидно, если бы сама южная Германія объявила свою твердую волю слиться съ сѣвѣрною, то сосѣднимъ государствамъ оставалось бы только примириться съ такимъ положеніемъ. Заманивая къ себѣ южную Германію, Бисмаркъ вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ, что сила внушаетъ уваженіе, что къ могущественной сѣвѣрной Германіи южныя государства волей-неволей должны будутъ скорѣе применить, и потому, по отношенію къ иностраннымъ государствамъ, Бисмаркъ выказывалъ себя настолько же твердымъ и сознающимъ свое могущество, насколько, по отношенію къ южнымъ, онъ выказывалъ себя мягкимъ и податливымъ. Словомъ, для успѣха своего плана ему нужно было съ хитростью лисицы обладать вмѣстѣ и грозною гривой льва.

Вмѣсто того, чтобы нетерпѣливо домогаться присоединенія южныхъ государствъ къ сѣвѣрной Германіи, Бисмаркъ считалъ за

лучшее объявить, что онъ признаетъ вполне удовлетворительнымъ то положеніе, которое создано было войною 1866 года, и что дальнѣйшее сближеніе онъ предоставляетъ времени и «естественному» ходу событій. Пражскимъ трактатомъ 1866 года Австрія исключалась изъ Германіи, и если та единая Германія, которую мы видимъ въ настоящее время, не была еще окончательно отлита въ придуманную нѣмцами канцлеромъ форму, то всѣ условія были такъ умно приспособлены, что князь Бисмаркъ впередъ могъ ручаться за успѣхъ отливки. Что бы ни дѣлала южная Германія, но оторванная отъ Австріи, она должна была кончить тѣмъ, что соединиться съ сѣвѣрною, и вовсе не нужно было обладать особою проницательностію, чтобы предсказать въ весьма скоромъ времени неизбежное сліяніе. Чтобы не понимать этого, требовалось сверхъестественное тупоуміе, которымъ такъ отличались государственные люди второй имперіи. Въ какое положеніе поставилъ князь Бисмаркъ 4-мъ параграфомъ пражскаго трактата южныя государства? Имъ предоставлялось образовать южно-германскій союзъ или оставаться разъединенными и жить каждому такъ-сказать «своимъ домомъ». Еслибы этотъ союзъ образовался, то, состоя изъ королевства Баваріи, Виртемберга, да великаго герцогства Баденскаго, онъ былъ бы такъ слабъ, такъ немогущъ, что ему не оставалось бы ничего другого, какъ простереть свои руки къ Сѣверо-Германскому Союзу, сильному прусскимъ королевствомъ. Бисмаркъ это понималъ лучше кого-нибудь другого, и потому, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ войны, онъ могъ весьма основательно замѣтить, что, по его убѣжденію, «парламентъ на сѣверѣ, имѣющій національное основаніе, и подобный же парламентъ на югѣ, не могутъ быть разрознены дольше, нежели воды Краснаго моря послѣ перехода евреевъ».

Если бы южныя государства рѣшились не основывать южнаго союза, или не въ состояніи были бы придти къ соглашенію относительно его устройства, тогда положеніе ихъ было бы еще болѣе безвыходно, и имъ тѣмъ менѣе было бы возможности устоять противъ магнитной силы притяженія Сѣверо-Германскаго Союза. Какъ ни слабъ былъ тотъ оплотъ, который находили южныя государства въ разрушенномъ германскомъ союзѣ, но тѣмъ не менѣе, они, благодаря ему, не чувствовали себя одинокими въ самомъ центрѣ Европы. Теперь же, когда онъ былъ разрушенъ, и когда они не могли болѣе опираться на Австрію, положеніе ихъ сдѣлалось безвыходнымъ и должно было нѣсколько позже, нѣсколько раньше, привести ихъ въ распростертыя объятія Сѣверо-Германскаго Союза. Они могли не желать, имъ могло быть жутко всту-

пять въ этотъ союзъ, такъ какъ они сознавали, что они должны будутъ утратить значительную долю того «духа независимости», который, по словамъ Бисмарка, такъ силенъ даже въ каждой нѣмецкой общинѣ. Но дѣлать было нечего, нужно было мириться съ тѣмъ, чего нельзя было измѣнить, чего нельзя было миновать. Для князя Бисмарка, убѣжденнаго, «что національное единство будетъ бесспорно освящено исторіею», все это было также ясно, какъ дважды два четыре, и потому, не желая излишне раздражать сосѣднихъ государствъ, онъ рѣшился спокойно, но не дремля, выжидать той минуты, когда безъ малѣйшаго риска можно будетъ присоединить южныя государства къ Сѣверо-Германскому Союзу. Съ одной стороны, обще-Германскій Таможенный Союзъ, съ другой, заключенные наступательные и оборонительные союзы съ южными государствами, давали Бисмарку все, что ему было нужно, и сообщали ему то спокойствіе, котораго не хватало народнымъ представителямъ сѣверо-германскаго союза, жаждавшимъ поскорѣе произнести заветное слово: единая Германія! Эта мысль была какъ нельзя болѣе ясно выражена въ циркулярѣ Бисмарка отъ 7-го сентября 1867 года, разосланнаго по поводу зальцбургскаго свиданія, возбудившаго въ свое время такъ много толковъ, между императоромъ австрійскимъ и Наполеономъ III. «Сѣверный союзъ, — говоритъ въ этомъ циркулярѣ Бисмаркъ, — пойдетъ и въ будущемъ охотно на встрѣчу всѣмъ желаніямъ, которыя выразятъ нѣмецкія правительства юга, во всемъ, что касается расширенія и упроченія національныхъ сношеній между двумя частями страны; но мы всегда предоставимъ заботу опредѣлить границы, въ которыхъ взаимное сближеніе должно будетъ поддерживаться, свободному рѣшенію нашихъ союзниковъ южной Германіи. Мы тѣмъ болѣе считаемъ необходимымъ спокойно сохранять это положеніе, что мы находимъ въ установившихся въ настоящее время отношеніяхъ между сѣверомъ и югомъ, насколько онѣ вытекаютъ изъ заключенныхъ союзовъ и возобновленія таможеннаго союза, законное опирающееся на фактахъ основаніе для независимаго развитія національныхъ интересовъ нѣмецкаго народа».

Этими строками опредѣляется то положеніе, которое съ необычайною ловкостью занялъ князь Бисмаркъ по отношенію къ южной Германіи. Онъ доволенъ, ему больше ничего не нужно, но если южной Германіи самой понадобится болѣе тѣсное сближеніе, то сѣверная Германія охотно пойдетъ на встрѣчу. Бисмаркъ не только не добивается сліянія, не только не намѣренъ приносить никакихъ жертвъ для его достиженія, но онъ прини

имѣетъ покровительственный тонъ, говоря о южныхъ государствахъ. Сѣверной Германіи не нужно союзниковъ, она сама сильна, но слабыя южныя государства не могутъ существовать не опираясь на сильнаго союзника, и онъ милостиво предлагаетъ свою помощь. Бисмаркъ со всею энергіею вооружается противъ того, что заключенные тотчасъ послѣ войны 1866 года наступательные и оборонительные союзы болѣе выгодны для сѣверной, нежели для южной Германіи. «Часто,—говоритъ онъ,—выходить изъ той мысли, что союзные трактаты составляютъ тягость для юга Германіи, какое-то военное вассальное положеніе, и что они выгодны только сѣверу. Но обязанность военной помощи существуетъ для сѣвера точно также, какъ и для юга. Изъ двухъ союзниковъ, болѣе слабый болѣе легко и вовлекается въ опасныя затрудненія, и армія Сѣверо-Германскаго Союза обезпечиваетъ нашему южному союзнику совсѣмъ иного рода помощь, нежели та, которую можетъ намъ подать часть нѣмецкихъ силъ юга, при тѣхъ военныхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся, безъ сомнѣнія, прекрасные элементы этой арміи. Во времена, продолжаетъ Бисмаркъ, подобныя тѣмъ, которыя переживаетъ въ настоящее время Европа, тогда, когда шпага, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ такъ много вѣсить на вѣсахъ, это вовсе не шуточное дѣло для маленькаго государства, неспособнаго «европейски» защищаться, имѣть возможность призвать къ себѣ на помощь... я не хочу называть цифры,—почти неограниченное число штыковъ Сѣверо-Германскаго Союза». Мы привели это разсужденіе Бисмарка, чтобы показать, какъ онъ былъ находчивъ и искусенъ, когда нужно было объяснять отношенія сѣверной Германіи къ южной. Ясно какъ день, что выгода отъ союзовъ съ южными государствами была вся на сторонѣ сѣверной Германіи, такъ какъ первымъ никто не угрожалъ въ то время, когда на послѣднюю сошлись съ нѣсколькихъ сторонъ. Наконецъ, событія французской войны 1870 г. доказали лучше всякихъ разсужденій, кому были выгодны союзы, и какъ тяжело было бы положеніе Пруссіи, окруженной только входившими въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза государствами, изъ которыхъ при томъ нѣкоторые, какъ Ганноверъ, относились къ ней враждебно, если бы она не нашла столь драгоцѣнной помощи въ южныхъ государствахъ Германіи.

Какъ ни убѣдительно доказывалъ Бисмаркъ, что выгода южной Германіи гораздо болѣе, нежели польза сѣверной, требуетъ самаго тѣснаго союза между двумя частями государства, югъ тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ Бадена, слабо поддавался увѣреніямъ нѣмецкаго канцлера. Прогрессисты Германіи причину

этого удаленія юга видѣли въ томъ, что политика сѣверной Германіи была недостаточно либеральна, князь же Бисмаркъ, напротивъ, указывалъ на излишній либерализмъ Сѣверо-Германскаго Союза какъ на причину, оттапливавшую южные государства. «Отчего нѣмцы, спрашивалъ онъ, не хотятъ соединиться съ нами? Не потому, чтобы мы были недостаточно для нихъ либеральны; а потому, что мы для нихъ слишкомъ либеральны. Вотъ единственная причина». Когда на лѣвой сторонѣ рейхстага раздался смѣхъ, Бисмаркъ замѣтилъ: «Вы смѣетесь, господа, потому что вы не хотите взглянуть прямо въ лицо простой дѣйствительности. Среди нѣмецкихъ государствъ юга, самое либеральное, безъ всякаго сомнѣнія, это великое герцогство Баденское. И тутъ-то именно вы встрѣчаете самое горячее желаніе вступить въ Сѣверо-Германскій Союзъ. Либеральные нѣмцы юга хотятъ присоединиться къ намъ. Тѣ, которые противятся вступленію, это — реакціонныя партіи».

Бисмаркъ не разъ высказывалъ это любопытное мнѣніе, справедливость котораго не можетъ не быть подвергнута сильному сомнѣнію. За то другая причина, на которую указывалъ онъ, представляется несравненно болѣе основательною. Съ той минуты, когда князь Бисмаркъ расширилъ свой первоначальный планъ сильнаго и могущественнаго прусскаго государства, онъ не жалѣлъ трудовъ, не жалѣлъ силъ, чтобы практически осуществить идею единой Германіи. Онъ стремился въ этому единству не менѣе, конечно, любого нѣмецкаго патріота, но это не мѣшало ему смотрѣть несравненно болѣе трезво и болѣе глубоко на противодействующія причины. Князь Бисмаркъ сознавалъ, что идея единой Германіи въ томъ видѣ, въ какомъ она имъ осуществляется, вовсе не вызываетъ поголовнаго сочувствія всѣхъ нѣмцевъ; онъ сознавалъ, какъ много преувеличеннаго въ громкихъ возгласахъ, что весь народъ отъ мала до велика пропитанъ одною идеею, однимъ страстнымъ желаніемъ, и онъ откровенно высказывалъ свою мысль. «Ни отъ кого, — говорилъ онъ, — не можетъ ускользнуть, что теченія сѣвера и юга идутъ въ противоположномъ направленіи; югъ, по особенному характеру своей расы, по положенію, которое занималъ онъ въ старомъ устройствѣ имперіи, по существу своему консервативенъ и склоненъ къ партикуляризму; мы для него не только слишкомъ либеральны, но также слишкомъ національны, въ итогъ слишкомъ національно-либеральны. Присмотритесь поближе, продолжаетъ князь Бисмаркъ съ изумительною искренностью, къ характеристическимъ тенденціямъ южнаго нѣмца: вы увидите, что то, что лежитъ

въ основаніи всѣхъ манифестацій, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе, это желаніе остаться баварцемъ, виртембергцемъ, швабомъ, франконцемъ. Онъ находитъ сѣверную Германію слишкомъ тѣсно связанною, и быть можетъ, онъ рѣшился бы войти въ составъ союза менѣе сплоченнаго, гдѣ его частныя желанія, основательныя или нѣтъ, были бы уважены въ несравненно болѣе широкой мѣрѣ. Онъ признавалъ, что населеніе вовсе не таково, какимъ его воображали себѣ либералы 1848 года, и что страстные порывы къ единству вовсе уже не такъ страстны. Только за годъ до французской войны, въ 1869 году, Бисмаркъ открыто высказывалъ, что желаніе единства въ южной Германіи чрезвычайно слабо, и поэтому каждый шагъ сѣверной Германіи долженъ быть строго разсчитанъ, чтобы не прорыть еще большей пропасти между сѣверомъ и югомъ. «На югѣ этой рѣки (Майна),— съ мужествомъ признавался князь Бисмаркъ,—желаніе единства такъ слабо, что извѣстные люди, которые открыто вызываютъ къ помощи иностранцевъ, чтобы разрушить все то, что мы выиграли въ дѣлѣ единства; что люди, которые открыто высказываютъ сожалѣніе, что наступила пора мирнаго повѣтрія на свѣтѣ, замедляющая минуту, когда они могли бы увидѣть побѣдоносные иностранные штыки, окрашенные кровью ихъ братьевъ сѣвера, что эти люди не презираются ихъ соотечественниками и на нихъ не кладется клеймо, гласящее, что это измѣнники своей родины! Напротивъ, во время выборовъ у этихъ людей нѣтъ поддержки, съ ними заключаютъ условія, они съ честью фигурируютъ рядомъ съ своими согражданами».

Признавая, что таково положеніе южной Германіи,—и оно не особенно удивляетъ, когда помнишь, что въ 1866 году суровые нѣмцы сѣвера дрались съ своими братьями юга также горячо, какъ дрались они вмѣстѣ четыре года спустя противъ французовъ, и убивали ихъ съ неизмѣннымъ безсердечіемъ,—князь Бисмаркъ долженъ былъ особенно заботиться о томъ, чтобы ничѣмъ не покровить южныя государства и дѣлать, по крайней мѣрѣ, видъ, что онъ предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствій и нисколько не желаетъ насиловать ихъ воли. Такъ и дѣйствовать нѣмецкій канцлеръ, сдерживая постоянно нетерпѣніе національной партіи сѣвера. Эта проповѣдь терпѣнія заключается въ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ рѣчей Бисмарка, произнесенной менѣе нежели за два мѣсяца до французской войны и посвященной національному вопросу. Сѣверная Германія, развивалъ весьма подробно князь Бисмаркъ, должна выжидать спокойно той минуты, когда Баварія и Виртембергъ сдѣлаютъ рѣшительный шагъ къ сліянію,

должна выжидать, несмотря на все желаніе видѣть наконецъ осуществившимся единство Германіи. «Намъ ни къ чему не послужило бы, если бы Баварія и Виртембергъ должны были быть болѣе тѣсно соединены съ нами противъ ихъ воли, съ принужденіемъ и насиліемъ, и скорѣе, чѣмъ употребить насиліе для этой цѣли, я предпочелъ бы ждать все то время, которое проходитъ между однимъ поколѣніемъ и другимъ».

Строго придерживаясь въ отношеніи къ южной Германіи разумной выжидательной политики, Бисмаркъ останавливалъ порывы великаго герцогства Баденскаго, желавшаго войти въ Сѣверо-Германскій Союзъ, останавливалъ въ виду того, чтобы оно служило звеномъ между сѣвѣрною и южною Германіею, и на упреки, обращенныя къ нему, что онъ недостаточно энергично дѣйствуетъ въ дѣлѣ единства, Бисмаркъ съ большимъ умомъ сдерживалъ слишкомъ рьяныхъ сторонниковъ единства, говоря: «Обратите ваши взоры, господа, въ тому времени, которое предшествовало 1848 г., къ тому времени, которое предшествовало 1864 году. Вы довольствовались бы несравненно меньшимъ!» Путь, пройденный въ дѣлѣ единства и соединенія сѣвѣрной Германіи съ южною, достаточно великъ, «не будемъ же цѣнить нашихъ побѣдъ ниже ихъ стоимости; не слишкомъ торопитесь, господа, дѣлать новые этапы, умѣйте довольствоваться на время тѣмъ, чѣмъ вы обладаете и не будьте такъ жадны къ тому, чего не достаесть еще вамъ». Такъ рассуждалъ Бисмаркъ, и этими словами опредѣлялась вся его политика по отношенію къ государствамъ южной Германіи. Политика рациональная и безъ сомнѣнія гораздо болѣе содѣйствовавшая сплоченію двухъ частей обширнаго государства, нежели политика принужденія и насилія, къ которой склоняли его слишкомъ горячіе патріоты, не разбирающіе въ своей горячности средствъ, и къ которой, въ другихъ случаяхъ, онъ самъ прибѣгалъ такъ охотно.

Хотя князь Бисмаркъ вовсе не обольщалъ себя относительно расположенія южной Германіи къ слиянію съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ и къ единству нѣмецкой націи, тѣмъ не менѣе онъ былъ твердо увѣренъ послѣ 1866 года, что въ случаѣ иностраннаго нашествія или даже просто войны, южная Германія станетъ подъ одно знамя съ сѣвѣрною. Еще въ 1867 году, тотчасъ послѣ заключенія пражскаго мира, Бисмаркъ говорилъ: «Югъ, въ случаѣ, если его цѣлости будетъ сдѣлана угроза, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ найдетъ братскую, абсолютную помощь у сѣвера, точно также какъ сѣверъ вполне убѣжденъ въ помощи юга въ случаѣ внѣшняго нападенія». Это же самое

убѣжденіе Бисмаркъ прямо высказывалъ за два мѣсяца до французской войны, предоставляя слушать кому угодно, когда онъ говорилъ: «я не выражалъ никакого сомнѣнія на счетъ нашего права рассчитывать на военныя силы южныхъ государствъ, и я вполне убѣжденъ, что во всякой войнѣ мы можемъ положиться на полную помощь всѣхъ существующихъ силъ въ нѣмецкихъ государствахъ юга». Событія не обманули ожиданій князя Бисмарка, и еще разъ подтвердили проницательность его политическихъ соображеній. Французская война была тѣмъ горячимъ солнцемъ, которое помогло созрѣть идеѣ единства въ южной Германіи, и этотъ созрѣвшій плодъ Бисмаркъ не упустилъ минуты схватить на лету. И тутъ, какъ въ отношеніяхъ къ побѣжденнымъ государствамъ, не принципы указывали ему разумную систему, не идеи руководили его поразительно успѣшною политикою, а исключительно вѣрный расчетъ, вѣрное пониманіе, изъ чего можно извлечь большую пользу. Къ этому вѣрному пониманію своей пользы въ его отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ, къ которымъ теперь мы и перейдемъ, прибавлялось еще нѣчто—это увѣренность, столь оправдавшаяся, что другіе, съ которыми ему суждено было имѣть дѣло, не сумѣютъ понять своихъ выгодъ, не сумѣютъ оцѣнить своихъ интересовъ.

XI.

Мы сказали уже, что въ системѣ государствъ континентальной Европы, въ то время, когда судьба Германіи попала въ руки князя Бисмарка, было четыре державы: Франція, Россія, Австрія и Пруссія. Последняя считалась самою мелкою, самою слабою изъ всѣхъ четырехъ, а между тѣмъ для того, чтобы завѣщаніе Фридриха II было выполнено, необходимо было, чтобы она сдѣлалась самою крупною, самою могущественною державою. Послѣдователь и политическій преемникъ Фридриха составилъ замѣчательный планъ для осуществленія идеи «великаго короля», планъ, по которому Пруссія должна была по очереди пользоваться каждымъ изъ своихъ сильныхъ сосѣдей, чтобы съ одной стороны нанести полновѣсный ударъ другому сосѣду, и при этомъ самой настолько же возвыситься и окрѣпнуть, насколько сосѣди падали и ослабѣвали. Планъ этотъ весьма наглядно обозначается въ рѣчахъ князя Бисмарка, и нашъ трудъ заключается только въ томъ, чтобы многочисленныя разбросанныя и разбѣденныя части слить въ одно цѣлое. Политическая система князя

Бисмарка будетъ достаточно ясна, если мы прослѣдимъ, хотя можетъ быть и слишкомъ бѣгло, отношенія Германіи къ тремъ ея югочужденнымъ сосѣдямъ: Австріи, Франціи и Россіи за послѣдній десятилѣтній періодъ.

Сообразно плану князя Бисмарка, начнемъ съ Австріи. Это была первая страна, которую ему нужно было обезсилить, уничтожить во что бы то ни стало, если только онъ желалъ, чтобы вся его дальнѣйшая политика увѣнчалась успѣхомъ. Обезсиленіе Австріи должно было развязать ему руки въ Германіи, должно было обезпечить за Пруссіею гегемонію. Такъ точно думалъ и дѣйствовалъ и его предшественникъ Фридрихъ, который никогда не упускалъ случая, чтобы нанести соперницѣ Пруссіи въ Германіи вѣрный ударъ. Одно изъ правилъ практической мудрости заключается въ томъ, чтобы умѣть загребать жаръ чужими руками, и не Бисмаркъ, конечно, можетъ быть обвиненъ въ нарушении этого правила. Въ этомъ отношеніи онъ никогда не былъ повиненъ. Планъ сильнаго прусскаго государства, возвышеніе Пруссіи надъ Австріею сложился у Бисмарка, мы не скажемъ въ которомъ именно году, но, во всякомъ случаѣ, во время пребыванія его во Франкфуртѣ въ качествѣ прусскаго полномочнаго министра при сеймѣ, такъ что война 1859 года между Франціею и Австріею была ему какъ нельзя болѣе съ руки, и читатель знаетъ изъ знаменитаго письма Бисмарка къ министру иностранныхъ дѣлъ барону Шлейницу ¹⁾, какъ горячо возставалъ будущій нѣмецкій канцлеръ противъ самой мысли о возможности вмешательства въ войну Пруссіи, съ цѣлью помочь Австріи. Результатомъ войны 1859 года была потеря для Австріи Ломбардіи, но эта потеря была не настолько значительна, чтобы Бисмаркъ могъ ею довольствоваться. Это былъ только первый шагъ, первый этапъ на длинномъ пути, въ концѣ котораго было полное и безусловное исключеніе Австріи изъ участія въ дѣлахъ Германіи.

Австрія такъ мало была ослаблена итальянскою войною, что когда Бисмаркъ принялъ на себя управленіе Пруссіею и когда онъ приступилъ къ выполненію своего хорошо обдуманнаго плана, онъ не рѣшился еще бравировать Австрію, какъ бравировалъ остальную Германію по поводу шлезвигъ-голлштейнскаго столкновенія. Нѣтъ, онъ чувствовалъ необходимость потрясти предварительно положеніе Австріи среди второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ, и датская война служила къ тому только предлогомъ.

¹⁾ См. Вѣстникъ Европы, декабрь, 1872.

Втянуть Австрію въ эту несправедливую войну, нарушить такимъ образомъ ея доброе согласіе съ франкфуртскимъ сеймомъ, заставить ее ковать орудіе для собственнаго ея побіенія—все это было дѣломъ весьма замѣчательнаго дипломата, умѣющаго отлично понимать политическую близорукость и ничтожность своихъ противниковъ. «Трудно встрѣтить,—замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и образованныхъ публицистовъ западной Европы,—большаго политическаго ослѣпленія съ одной стороны, и большей дерзости и смѣлой эксплуатаціи сосѣдей съ другой. Прусскій министръ, и въ этомъ его главная сила, основывается свои политическія комбинаціи не на измѣнчивой волѣ или капризахъ людей, а на сдѣвленіи интересовъ и обстоятельствъ». Въ своихъ отношеніяхъ къ Австріи, въ той свободной манерѣ, съ которою онъ разставилъ сѣти, въ которой запуталась старая монархія Габсбурговъ, Бисмаркъ основывается также, если не на капризахъ людей, то на ихъ слѣпотѣ, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что находишься во главѣ австрійской политики человекъ такого же калибра, какъ и нѣмецкій канцлеръ, она никогда бы не поддавалась на такую «дерзкую» игру. Но какъ бы то ни было, Австрія была втянута въ датскую войну и тѣмъ самымъ наложилась на себя руку.

Помолчать положеніе Австріи въ Германіи, показать, что она вовсе не остается такою вѣрною опорою Германскаго Союза, какъ то полагали во Франкфуртѣ, для Бисмарка было еще недостаточно. Бисмарку нужно было обезпечить себя союзниками и гарантировать нейтралитетъ грозной, послѣ крымской кампаніи и итальянской войны, Франціи. Съ этой стороны Бисмаркъ дѣйствовалъ не менѣе искусно. Къ сожалѣнію, судить о томъ, что происходило на морскомъ берегу въ Біаррицѣ, какіе разговоры велись въ Тюльери, можно только по догадкамъ, къ которымъ мы не имѣемъ никакого вкуса. Но если бы князь Бисмаркъ оставилъ по себѣ правдивые мемуары, тогда, трудно сомнѣваться, они показали бы дипломатическія способности канцлера нѣмецкой имперіи во всемъ ихъ блескѣ. Теперь же только по слабымъ намекамъ въ его рѣчахъ мы можемъ судить, что онъ не останавливался ни передъ какими увѣреніями, ни передъ обѣщаніями, сдержать которыя князь Бисмаркъ никогда не рассчитывалъ. Сколько бы различные идеалисты ни ратовали искренно противъ правила Лойола: цѣль оправдываетъ средства,—сколько бы дипломаты ни увѣряли, что начало это презрѣнно, въ современной политикѣ начало это играетъ большую роль и будетъ играть до тѣхъ поръ, пока война останется главнымъ факторомъ, регули-

рующимъ отношеніямъ между европейскими государствами. Вотъ отчего обвиненія, сыплющіяся на князя Бисмарка со стороны большею частію французскихъ публицистовъ, что онъ не сдержалъ слова, что онъ обманулъ Наполеона и т. п., все это пустые слова, вздорные возгласы, лишенные всякаго смысла. Кто же когда въ политикѣ держалъ слово, кто не обманывалъ!

Весь вопросъ только въ томъ, чтобы тотъ, кто нарушаетъ свое слово, кто не держитъ обѣщанія, сумѣлъ извлечь изъ этого выгоду, чтобы, при помощи такого рода средствъ, онъ сумѣлъ достигъ своей цѣли, сумѣлъ восторжествовать. Удалось ему—политическая нравственность его оправдываетъ, не удалось,—ну, тогда измѣна слову, несдержанное обѣщаніе будутъ долго таготѣть надъ нимъ и долго общество будетъ возмущаться обманомъ. Успѣхъ же заставляетъ это самое общество рукоплескать обману, который получаетъ имя политической мудрости. И Фридрихъ II, и князь Бисмаркъ отлично это сознавали, и потому оба они такъ мало стѣснялись даннымъ словомъ и сдѣланнымъ обѣщаніемъ. Князь Бисмаркъ отправился во Францію и выговорилъ себѣ выгодный нейтралитетъ; какою цѣною, или вѣрнѣе обѣщаніемъ какой цѣны, это остается неизвѣстнымъ, и если нельзя довѣрять французскому источнику, по которому значительное округленіе было обѣщано Франціи со стороны ея сѣверной и сѣверо-восточной границы, то точно также нельзя довѣрять и нѣмецкому источнику, по которому никакихъ «положительныхъ» и «опредѣленныхъ» обѣщаній не было сдѣлано. Сверхъ выговореннаго нейтралитета Бисмаркъ связалъ еще Францію по рукамъ и ногамъ союзомъ Пруссіи съ Италіей. Франція гордилась, что Италія была ея созданіемъ; какъ же могла она выступить теперь противъ союзницы ея дѣтища?

Планъ Бисмарка былъ крѣпокъ со всѣхъ сторонъ; выполненіе же его поражаетъ энергіею и проникаемостью. Бисмаркъ такъ изолировалъ Австрію, что ей некуда было обратиться своимъ уповающимъ взорамъ. Безучастное отношеніе Англіи къ Даніи ружало за ея неподвижность; что же касается Россіи, то Бисмарку нечего было ея опасаться. Россія могла бы еще явиться на помощь Австріи, какъ явилась она въ 1849 году для защиты ея отъ наплыва радикализма, отъ стремительнаго потока революціонныхъ силъ, хоть и тутъ время не прошло совсѣмъ безслѣдно и въ направленіи русской политики чувствуется до извѣстной степени значительная перемѣна; но думать, чтобы она двинула свои полчища для защиты ея отъ Пруссіи, было невозможно, не только въ силу дружественныхъ отношеній двухъ царствующихъ

домою, а просто потому, что защищать страну, «удивившую Европу своею неблагодарностью», не было никакого основанія. Къ тому же Пруссія, хотя и руководимая исключительно своими собственными интересами и нисколько не помышляя о выгодахъ Россіи, оказала ей въ польскомъ вопросѣ свою политическую, солидарную съ русскою, нѣкотораго рода помощь, за которую мы съ своей стороны успѣли уже ее поблагодарить. Такимъ образомъ, все было подготовлено, все устроено, все строго обдуманно, оставалось только подать сигналъ. Сигналъ былъ поданъ, и по сигналу раздался первый выстрѣлъ. Что касается до повода къ войнѣ, то князь Бисмаркъ о немъ никогда не заботится, увѣренный, что поводъ всегда найдется, и что онъ сумѣетъ дать дѣлу такой оборотъ, что Пруссія, или потомъ Германія окажется вызванною и принужденною къ бою страною, и что Германіи ничего болѣе не оставалось, какъ принять вызовъ дерзкаго врага. Такъ было и тутъ, и тотъ самый Шлезвигъ-Гольштейнъ, который, на горе Австріи, соединилъ ее на время съ Пруссіею, сдѣлался теперь поводомъ рѣшительной для той и другой страны войны. Впрочемъ, война эта была рѣшительная не только для Австріи и Пруссіи, но для всего нѣмецкаго народа, для всей Германіи. «Германія, писалъ Штраусъ (въ своихъ извѣстныхъ узко-патріотическихкихъ и вовсе не говорящихъ въ пользу его гуманныхъ и свободолюбивыхъ чувствъ письмахъ къ французскому философу, не болѣе германскаго отличающагося шириною политическихъ воззрѣній), Германія была поставлена въ положеніе кареты, въ которую впрягли спереди и сзади лошадей равной силы и которая, поэтому, естественно должна оставаться неподвижною... по поводу шлезвигъ-голштейнскаго столкновенія удалось не надолго впречь обѣихъ лошадей рядомъ; но едва только цѣль была достигнута, онѣ снова пошли врозь, въ противоположныя стороны. Оставалось одно: рѣшительно обрубить постромки задней лошади, и тогда передняя могла свободно идти впередъ. Эта идея была также проста, какъ яйцо Колумба; казалось, она должна была придти въ голову каждому; и однако, если не *одинъ* только человѣкъ напалъ на нее, то *одинъ* только сумѣлъ найти вѣрное средство къ ея осуществленію». Штраусъ оказывается весьма плохимъ политикомъ, и даже послѣ того, какъ событія совершились, онъ ничего не видитъ, кромѣ того, на что ему указываютъ. Ему даже то не ясно, что Бисмарку нужно было впречь обѣ лошади вмѣстѣ, для того только, чтобы одна успѣшнѣе могла стрясти другую. Бисмаркъ, конечно, не скажетъ этого прямо, дипломатическія приличія были бы слишкомъ оскорблены; онъ, напротивъ,

стремится увѣрить, что Пруссія была вынуждена къ войнѣ. «Настъ обвиняють, говорятъ онъ по поводу войны 1866 года, что мы съ спокойнымъ сердцемъ рисовали честию, независимостью и свободою Пруссіи въ такомъ предпріятіи, которое называютъ игрою, и котораго, слѣдовательно, мы имѣли возможность избѣжать. Я не признаю этого обвиненія, которое я слышу не въ первый разъ, и я пользуюсь случаемъ, чтобы здѣсь отразить его публично; я отвергаю его всѣми моими силами, какъ ложное измышленіе партіи. Мы были поставлены въ необходимость—въ виду несправедливыхъ нападеній, подготовленныхъ исподоволь, въ виду злоупотребленія большинства относительно Пруссіи въ германскомъ сеймѣ, въ виду опасности, которую мы, ради нашей законной защиты, не могли иначе отвратить, какъ штыками—мы вынуждены были взяться за оружіе—и это называть опасною и рискованною игрою, это называется... я не могу употребить выраженія, которое готово сорваться съ моего языка, въ этой средѣ оно было бы неприлично».

Да не подумаетъ читатель, что князь Бисмаркъ прибѣгаетъ къ выпускному паеосу. Нѣтъ, это было бы совершенно не въ его характерѣ. Онъ возмущенъ тѣмъ, что его политику, его вѣрную, строго обдуманную политику называютъ азартною игрою; онъ возмущается, когда ему не довѣряютъ, что Пруссія «вынуждена» была взяться за оружіе. Съ своей точки зрѣнія онъ правъ; онъ называетъ «вынужденіемъ» то, что сама Австрія добровольно не поспѣшила очистить для Пруссіи мѣсто въ Германіи, что Пруссія силою должна была добиваться того, что ей могли бы уступить безъ бою. Впрочемъ, слѣдуетъ все-таки повторить, что во вѣншей политикѣ дипломатическія приличія, а иногда и дипломатическія требованія и необходимость не позволяли ему сохранять свое качество—откровенность.

Расказывать ходъ этой войны не входитъ въ нашу программу. Тутъ Бисмаркъ стирается за военными дѣятелями, которыми онъ далъ только извѣстный опредѣленный толчокъ, которыми онъ объяснилъ, что ему отъ нихъ нужно, и военные дѣятели въ точности исполнили предписанія князя Бисмарка. Австрія была разбита. На другой день послѣ отчаянной рѣшительной битвы открываютъ мирные переговоры, которые привели къ пражскому миру. Но тутъ представляется одинъ вопросъ, одно сомнѣніе, которое слѣдуетъ разъяснить. Одно изъ главныхъ правилъ князя Бисмарка заключается въ томъ, чтобы изъ извѣстныхъ событийъ извлечь всю возможную пользу, высосать весь сокъ; пови-
димому же въ 1866 году Пруссія остановилась тогда, когда она

могла идти дальше, когда ворота Вѣны были открыты передъ ней, и она могла свободно диктовать мирныя условія.

Безъ сомнѣнія, въ 1866 году Бисмаркъ поразилъ своею умѣренностью, вовсе не согласующеюся съ его характеромъ; мирныя условія могли быть гораздо выгоднѣе и въ сущности тогда же могло быть сдѣлано смѣло то, что случилось послѣ французской войны, т.-е. соединеніе въ одно цѣлое всей Германіи. Съ Баварією, Виртембергомъ и другими могло было быть поступлено также, какъ было поступлено съ Ганноверомъ, Гессеномъ, Франкфуртомъ, etc. Но кромѣ правила, выражающагося въ словахъ — выжимать весь сокъ, у Бисмарка есть другое правило, перетнувшее въ 1866 году, правило, извѣстное уже читателю — вѣрнымъ не слѣдуетъ рисковать изъ-за невѣрнаго, меньшимъ изъ-за большаго, особенно когда это большее можетъ быть достигнуто въ другой разъ. Бисмаркъ остановился, конечно, не добровольно, не изъ чувства умѣренности, а потому, что онъ увидѣлъ легкія тучи со стороны Франціи, и этого было для него достаточно. Что Франція помѣшала ему тогда же далѣе подвинуть осуществленіе его плана, это не догадка; въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенной какой-нибудь мѣсяцъ спустя послѣ окончанія войны, князь Бисмаркъ довольно открыто высказывалъ эту мысль. «Никто, говорилъ нѣмецкій канцлеръ, не рѣшился бы требовать отъ Пруссіи, чтобы она рѣшилась на двѣ большія европейскія войны за разъ; никто точно также не могъ бы требовать, чтобы въ то время, когда она вела одну войну и прежде, чѣмъ обезпечить плоды этой войны, она бы стала компрометтировать свои отношенія съ другими великими державами». Франція въ это время сказала довольно рѣшительно: неидите далѣе! и Бисмаркъ считъ за лучшее до поры до времени покориться этому требованію французскаго правительства, приглашенному въ посредники между воюющими сторонами... «Въ общемъ положеніи, говорилъ Бисмаркъ по поводу мира съ Австрією, мы почерпнули убѣжденіе, что намъ не слѣдуетъ черезчуръ натягивать лукъ, что мы не должны, отбрасывая нѣкоторыя мелочи, подвергать сомнѣнію уже добытыя выгоды и ставить ихъ въ зависимость отъ какихъ-нибудь новыхъ европейскихъ компликацій... Я первый совѣтовалъ безъ колебаній его величеству согласиться и принять тѣ условія, которыя были предложены рѣшительно, à prendre ou à laisser, и не поступать подобно слишкомъ смѣлому игроку, который подвергаетъ еще разъ риску все уже выигранное».

Бисмаркъ остановился, понимая опасность ринуться далѣе въ данную минуту, и потому онъ имѣлъ полное право съ гордостью

отвѣчать на всѣ упреки, обращенныя къ нему, что онъ недостаточно смѣло воспользовался военными побѣдами. «Господа,—обращался онъ къ представителямъ народа,—оцѣнить значеніе военнаго успѣха въ ту самую минуту, когда онъ одержанъ—это одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ политики. Можно легко ошибиться; если мы сами ошиблись, будущее намъ покажетъ это; оно покажетъ, хорошо ли мы выбрали минуту для заключенія мира и прекращенія военныхъ дѣйствій, хорошо ли мы сдѣлали, что рѣшились довольствоваться тѣми условіями, которыя въ то время можно было выговорить. Исторіи принадлежитъ пролить свѣтъ на всѣ причины, которыя содѣйствовали совершенію извѣстнаго факта, и когда вы узнаете ихъ, я думаю, вы не откажетесь засвидѣтельствовать, что правительство достаточно смѣло воспользовалось побѣдою». Бисмаркъ не пошелъ далѣе, опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны Франціи, которая, послѣ уступки Австрію Венеціи, могла постараться отвлечь Италію отъ союза съ Пруссією, и такимъ образомъ развязать себѣ руки. Бисмаркъ не могъ вѣрить въ особую прочность итальянскаго союза, имѣя относительно соблюденія трактатовъ свое особое воззрѣніе. Тѣмъ болѣе онъ восхваляетъ Италію и признаетъ, какую важную роль играла она въ войнѣ 1866 года. «Мы имѣли серьезную помощь въ непоколебимой вѣрности нашего союзника Италіи, вѣрности, которую, я не нахожу словъ, чтобы почтить достаточно высоко и оцѣнить по достоинству».

Но, уступая чувству осторожности, Бисмаркъ не скоро прощаетъ тѣмъ, которые становятся поперекъ его пути и мѣшаютъ ему осуществлять свои планы. Франція послужила ему помѣхой, на Францію должны были быть направлены теперь его постоянныя мысли. И Бисмаркъ нисколько не скрываетъ этого, и нужна была особая слѣпота и глухота, чтобы не видѣть и не слышать, что говорилось въ Берлинѣ на другой день послѣ войны. «Ораторъ,—говорилъ Бисмаркъ въ 1867 году,—упустилъ изъ виду то, на чемъ я особенно настаиваю, т. е., что мы не только не достигли предѣла въ нашей политикѣ, но находимся только въ самомъ началѣ, и вы совершаете большую несправедливость относительно насъ, когда вы смотрите на то, что уже сдѣлано, какъ на нѣчто законченное, заключенное». Едва-ли возможно было государственному человѣку говорить болѣе ясно, болѣе откровенно. Такимъ образомъ, покончивъ съ Австріей, окончательно сокрушивъ ея могущество, дѣлая при этомъ своимъ орудіемъ Францію, безъ согласія которой Италія никогда не могла рѣшиться на соединеніе съ Пруссією, Бисмаркъ тотчасъ послѣ окончанія войны,

или вѣрнѣе, прежде даже нежели она оюнчилась, думаетъ уже о сокрушеніи могущества другого сосѣда, который стѣснялъ его свободу дѣйствій. Очевидно, что Бисмаркъ не могъ позабыть тѣхъ требованій, которыя были предъявлены во время войны 1866 г. Франціею и по поводу которыхъ годъ спустя. Бисмаркъ выражался такимъ образомъ: «Что Франція заботилась объ интересахъ своей политики, никто не можетъ находить тутъ ничего дурного; что же касается до того, чтобы сказать, съ достаточною ли умѣренностью она настаивала на своихъ выгодахъ, я полагаю, что судить о томъ, для публики, еще преждевременно и я долженъ просить васъ предоставить оцѣнить ея поведеніе правительству».

Подобныя слова, конечно, носили на себѣ зловѣщій характеръ, но на нихъ во Франціи, или вѣрнѣе, среди французскаго правительства, не обращали достаточнаго вниманія. Тамъ вѣрили тѣмъ увѣреніямъ, которыя Бисмаркъ лично расточалъ въ Біаррицѣ и въ Тюльери, и которыми, высказывая ихъ иногда и съ трибуны, онъ прикрывалъ и какъ-бы ступшеывалъ свои откровенные порывы, въ видѣ приведенныхъ уже нами. Политика князя Бисмарка по отношенію къ Франціи, начиная отъ 1866 г., т.-е. отъ того времени, когда онъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ воспользовался ею для своихъ цѣлей и до заключенія мира въ 1871 году, можетъ по справедливости быть названа образцовой и служить поученіемъ для всѣхъ странъ и всѣхъ государственныхъ людей Европы. Остановимся только на самыхъ главныхъ этапахъ этой политики, за которую Фридрихъ, если бы онъ могъ возстать изъ гроба, увѣнчалъ бы лаврами своего достойнаго послѣдователя.

Фридрихъ имѣлъ бы тѣмъ болѣе основаній остаться довольнымъ политикою Бисмарка по отношенію къ Франціи, что взгляды его на эту страну, несмотря на его пристрастіе къ французскому языку и его платоническую любовь къ французской философіи, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали взглядамъ современнаго государственнаго челоѣка Германіи. Фридрихъ II далъ многія указанія, которыми Бисмаркъ могъ смѣло воспользоваться въ своихъ отношеніяхъ къ Франціи. Фридрихъ съ грустью говорилъ о томъ, что «Эльзась и Лотарингія оторвались отъ имперіи, отодвинули границы господства Франціи до самаго Рейна»; онъ опасался, что Франція захочетъ еще далѣе расширить свои владѣнія; ея могущество, обладаніе Эльзасомъ и Страсбургомъ не давало покоя Фридриху, точно также какъ недавнее, по крайней мѣрѣ, казавшееся ея могущество и обладаніе тѣмъ же Страсбургомъ вдохно-

вило политику князя Бисмарка. «Исторія Франціи, писалъ Фридрихъ II, представляетъ намъ примѣръ, который невозможно читать безъ того, чтобы не вспомнить черту изъ древней исторіи, приведенную мною. Всѣ понимаютъ, что я хочу говорить о присоединеніи Эльзаса и Страсбурга. Эти государства, отнятыя у Германіи, были въ прежнее время то же, что Термопилаы или защитительные окопы, и Лотарингія, которая такъ недавно захвачена, соответствуетъ Фокидѣ относительно положенія. Способъ захвата, столь схожій со способомъ короля Филиппа, отерываешь, мнѣ кажется, довольно ясно удивительную общность плановъ. Филиппъ не остановился на Термопилахъ, онъ пошелъ дальше. Я припоминаю по этому случаю, продолжаетъ Фридрихъ, слова, сказанныя мудрецомъ одному изъ эфирскихъ царей при видѣ огромныхъ приготовленій, дѣлавшихся для войны:—Зачѣмъ, спрашивалъ онъ этого государя, собираете вы все это оружіе и весь этотъ багажъ?—Для завоеванія Италіи, отвѣчалъ Пирръ.—Но когда Италія будетъ завоевана, куда тогда пойдемъ мы?—Тогда мы завладѣемъ Сициліей; а случись попутный вѣтеръ, Карфагенъ падетъ предъ нами; затѣмъ мы пройдемъ черезъ Ливійскія степи; Аравія и Египетъ не въ состояніи будутъ намъ сопротивляться; Персія и Греція одинаково подпадутъ нашему владычеству. Этотъ государь, прибавляетъ отъ себя Фридрихъ, не имѣлъ другого плана, какъ установить свое господство надъ всею вселенною; его слова были словами властолюбія; властолюбіе же дѣйствуетъ и думаетъ всегда одинаково: я болѣе ничего не прибавлю». Такъ предостерегалъ Фридрихъ противъ могущества Франціи, которую онъ обвинялъ въ стремленіи къ всемірному господству. Мы не удивимся, если иной читатель подумаетъ, что слова эти какъ нельзя болѣе подходятъ теперь къ Германіи, и что могущественному государству, созданному политикой Бисмарка, не грѣшно было бы вспомнить правоученіе Фридриха II. Если вышеприведенныя нами слова весьма близко подходятъ къ современнымъ стремленіямъ развовавшихся нѣмцевъ, за то и объясненіе, которое давалъ Фридрихъ успѣху Франціи, съ одинаковою справедливостію можетъ быть приложено къ Германіи. Фридрихъ II хорошо понималъ, что негодованіемъ, громкими бранными фразами никакъ не сломишь могущества государства, и что гораздо полезнѣе постараться уяснить себѣ причины успѣшной политики государства.

То же самое должно быть сказано въ настоящее время и относительно Германіи. Только тѣмъ, что мы станемъ возмущаться, кричать о насиліяхъ нѣмцевъ, о гнусности ихъ завоевательной политики и т. п., мы не достигнемъ никакихъ результатовъ, и

потому подобную забаву слѣдуетъ оставить въ сторонѣ. Еще болѣе неразумно было бы обрушивать свое негодованіе на князя Бисмарка, который въ глазахъ потомства, исторіи всегда найдетъ оправданіе своей практической философіи въ томъ, что онъ при-мѣнялъ ее къ дѣлу для блага своего государства, допуская даже, что это благо понимается имъ не такъ какъ слѣдуетъ. «Франція, — говорилъ Фридрихъ, — ни въ чемъ не спѣшитъ. Постоянно привязанная къ своему плану, она всего ждетъ отъ обстоятельствъ; нужно, такъ сказать, чтобы завоеванія имѣли видъ, какъ будто бы онѣ сами собою, естественно приходятъ къ ней; она скрываетъ все, что есть строго обдуманнаго въ ея планахъ, и кажется, если судить только по наружности, то фортуна покровительствуетъ ей съ особою заботливостью. Не будемъ, однако, ошибаться: фортуна, судьба—это слова, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего дѣйствительнаго. Истинная фортуна Франціи — это проницательность, предусмотрительность ея министровъ и хорошія мѣры, которыя они принимаютъ.» Поставьте вмѣсто слова Франція — Германія, вмѣсто французскій — нѣмецкій, и слова Фридриха будутъ не только какъ нельзя болѣе современны, но притомъ и чрезвычайно справедливы. Предусмотрительность и проницательность ея замѣчательнаго министра играла въ послѣднихъ событіяхъ Германіи далеко не послѣднюю роль; эта проницательность была именно тѣмъ, что люди зовутъ счастіемъ, фортуною. Рѣдко, когда съ такою силою проявлялась предусмотрительность и проницательность, о которой говорить Фридрихъ, какъ въ отношеніяхъ князя Бисмарка къ Франціи.

Для того, чтобы уяснить себѣ эти отношенія, нужно познаться съ тою программю, которую начерталъ Бисмаркъ послѣ войны 1866 года, — программа, которая должна была имѣть своимъ дѣйствіемъ усиленіе французскаго правительства и далекое подготовленіе словъ: не мы вызывали Францію, она насъ вынудила къ войнѣ! Бисмаркъ старается увѣрить Францію, что между этою послѣднею и Германіею не можетъ никогда существовать враждебныхъ отношеній, что для Франціи усиленіе Пруссіи — событіе чрезвычайно выгодное, и что Пруссія, какъ бы счастливо она ни вела войну противъ Франціи, ничего не можетъ выиграть отъ нея. Рѣчь эта или, вѣрнѣе, часть длинной рѣчи, посвященной этому вопросу, такъ интересна въ настоящее время, когда замѣчательная игра князя Бисмарка раскрылась вполнѣ, слова его проливаютъ такой яркій свѣтъ на его искусство отводить глаза противнику отъ своихъ тайныхъ цѣлей и плановъ, что чи-

татель не посягнетъ на насъ, если мы приведемъ въ подлинныхъ выраженіяхъ князя Бисмарка этотъ любопытный отрывокъ:

«Политическая организація, которую получила Европа въ 1815 году, отношенія кабинетовъ между собою со времени этой эпохи и до 1840 года представляютъ собою образъ огромной оборонительной европейской системы, направленной противъ Франціи. Это была естественная реакція завоевательныхъ войнъ первой французской имперіи. Эта система давала, заинтересованнымъ въ ней, безопасность, но безопасность, связанную съ зависимостью, по крайней мѣрѣ для Пруссіи. До тѣхъ поръ, пока Пруссія къ ней принадлежала, она должна была переносить то несчастное очертаніе, которое она получила въ 1815 году, и быть довольною, во что бы то ни стало, своимъ чернымъ хлѣбомъ.

«Взамѣнъ этого, она пользовалась безопасностью и покровительствомъ. Предшествовавшія правительства; — продолжаетъ развѣивать князь Бисмаркъ свой общій взглядъ на взаимныя отношенія Пруссіи и Франціи, — не считали умѣстнымъ воспользоваться представлявшимися иногда случаями разорвать связь съ системой 1815 года. Если же съ паденіемъ этой системы общая безопасность много проиграла, то это не была вина Пруссіи; система 1815 года была опрокинута 1848 годомъ, — политикою, которой съ этого года или, скорѣе съ 1850-го, слѣдовала Австрія относительно Пруссіи, — политикою, которая сдѣлала весьма труднымъ возвращеніе довѣрія и уступчивости, которыя прежде Австрія встрѣчала въ насъ. Когда восточная война и положеніе, которое заняла Австрія въ отношеніи къ Россіи, нанесли послѣдній ударъ священному союзу, то этотъ, по своему разрушеніи, оставилъ за собою такой порядокъ вещей, при которомъ Пруссія представлялась и за границей, и бѣльшей части своихъ собственныхъ гражданъ, странною, имѣющею постоянную нужду въ защитѣ противъ Франціи, и, основываясь на этой кажущейся нуждѣ въ помощи, спекулировали нашею скромностью и уступчивостью. Въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ эта спекуляція зашла очень далеко, именно со стороны Австріи и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ государствъ. Была ли она законна — это другой вопросъ. Интересы Пруссіи не заключаютъ въ самихъ себѣ ничего, что бы мѣшало намъ желать мира и дружественныхъ сосѣдственныхъ отношеній съ Франціею; мы ничего не можемъ выиграть отъ войны съ этою державою, — утверждалъ князь Бисмаркъ въ 1867 году, — если бы даже война эта и была счастлива. Императоръ Наполеонъ, въ противоположность другимъ французскимъ династіямъ, призналъ въ своей мудрости, что миръ и взаимное довѣріе неразрывны съ интере-

сами обоихъ народовъ — естественно призванныхъ не воевать другъ противъ друга, но вмѣстѣ идти впередъ, и какъ подобаеъ добрымъ сосѣдямъ, по прогрессивному пути благосостоянія и цивилизаціи. Только независимая Пруссія можетъ поддерживать подобныя отношенія съ Франціею, — истина, которую подданные императора Наполеона не признають всѣ въ одинаковой мѣрѣ. Но официально мы имѣемъ дѣло только съ французскимъ правительствомъ. Такое параллельное движеніе впередъ требуетъ взаимности въ благосклонномъ вниманіи къ интересамъ обоихъ народовъ. Каковы въ итогъ интересы Франціи по отношенію къ Германіи, независимо, конечно, отъ случайнаго столкновенія, которое могутъ произвести приходящія событія? Посмотримъ на нихъ безъ нѣмецкаго предубѣжденія, постараемся стать на французскую точку зрѣнія; это единственный способъ справедливо судить чужіе интересы. Для Франціи не можетъ быть желательнымъ, чтобы въ Германіи возвысилась могущественная держава, какою была бы цѣлая Германія подъ гегемоніей Австріи, — имперія въ семьдесятъ пять милліоновъ душъ, Австрія, простирающаяся до Рейна, — даже Франція, простирающаяся до этой рѣки, не образовала бы достаточнаго противовѣса. Для Франціи, которая желаетъ жить въ мирѣ съ Германіею, прямая выгода, чтобы Австрія не составляла части этой Германіи, такъ какъ австрійскіе интересы во многихъ пунктахъ сталкиваются съ интересами Франціи, — идетъ ли рѣчь объ Италіи или о Востокѣ. Между Франціею и Германіею, отдѣленною отъ Австріи, точки соприкосновенія, могущія породить враждебныя отношенія, гораздо менѣе многочисленны; и что Франція желаетъ имѣть своимъ ближайшимъ сосѣдомъ народъ, съ которымъ она могла бы жить въ мирѣ, и противъ котораго 35 или 38 милліоновъ французовъ были бы какъ нельзя болѣе достаточно сильны, чтобы выдержать борьбу въ оборонительной войнѣ, — это такое естественное желаніе, что невозможно порицать ее за то, что она хранитъ его въ своемъ сердцѣ. Я полагаю, что Франція, вѣрно оцѣнивая свои интересы, никогда не допуститъ, чтобы исчезла какая-нибудь изъ двухъ державъ, — прусская или австрійская.*

На этотъ отрывокъ должно быть обращено особенное вниманіе не только потому, что здѣсь выражены нѣкоторые общія воззрѣнія на политическое положеніе Европы, на которыя князь Бисмаркъ обыкновенно такъ скупъ, но также и потому, что этотъ отрывокъ показываетъ, какъ слѣдуетъ относиться не столько къ увѣреніямъ дружбы, — объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, — сколько къ тѣмъ, повидимому, солиднымъ доводамъ, приводимымъ нѣмец-

кимъ канцлеромъ, что выгода, польза двухъ государствъ требуетъ тѣснаго союза. Такія же увѣренія много разъ высказывалъ онъ и относительно насъ, и потому, если кто-нибудь, возражая противъ возможности столкновенія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ Германіи и Россіи, сказалъ бы: помилуйте, о чемъ вы толкуете; почитайте рѣчи князя Бисмарка и вы увидите, какъ онъ убѣдительно доказываетъ невозможность подобнаго столкновенія! Читатель имѣлъ бы полное право отвѣтить: точно такія увѣренія расточалъ князь Бисмаркъ и передъ Франціей, точно также убѣдительно доказывалъ невозможность войны, и однако.....

Въ то самое время, когда князь Бисмаркъ говорилъ о томъ, что самая счастливая война съ Франціей ничего бы не могла дать Германіи; въ то время, когда онъ убѣждалъ, что единая Германія съ гегемоніей Австріи была бы крайне опасна для французовъ, между тѣмъ какъ единая Германія съ гегемоніей Пруссіи должна быть, напротивъ, весьма пріятною и выгодною для Франціи, всѣ мысли князя Бисмарка,—его рѣчи убѣждаютъ насъ въ томъ,—были направлены на войну и на сокрушеніе могущества второго сосѣда. Нужно было бы родиться и жить въ какой-нибудь Аркадіи, чтобы обвинять нѣмецкаго канцлера въ коварствѣ, хитрости, недостойныхъ манѣврахъ. Не одинъ вѣкъ пройдетъ еще прежде, чѣмъ честность политическая будетъ пониматься точно также, какъ честность въ частной жизни, и то, что зовется ложью въ послѣдней, не будетъ почитаться въ мірѣ политики за дипломатическую мудрость. Притомъ же и въ частной жизни современнаго общества существуетъ весьма серьезное разногласіе относительно понятія о честности, которую каждый понимаетъ по-своему, сообразно тому, какъ ему болѣе выгодно понимать ее. Много ли, читатель, людей, которые добровольно признаютъ себя безчестными?

Мы ведемъ нашу рѣчь къ тому, чтобы сказать, что современнаго государственнаго человѣка нельзя судить съ идеальной точки зрѣнія; что какъ бы ни выдавался онъ своими способностями, талантомъ, онъ остается тѣмъ не менѣе сыномъ своего вѣка, и что судить его нужно съ точки зрѣнія состоянія всего общества и понятій, господствующихъ какъ въ частной жизни, такъ и въ политической. Въ понятіяхъ современнаго общества сдѣланъ уже большой успѣхъ, выражающійся въ сознаніи, что государственный человѣкъ, дѣйствующій въ своихъ личныхъ видахъ, или въ интересахъ только своихъ дѣтей, семьи и жертвующій этимъ интересамъ интересами всего общества, цѣлаго народа, — достоинъ презрѣнія. Поэтому, если бы кто-нибудь могъ доказать,

что князь Бисмаркъ, дѣйствуя такъ, какъ онъ дѣйствуетъ, руководится личными интересами, а не государственными, тогда бы мы впередъ были увѣрены, что исторія,—этотъ судъ присяжныхъ человечества,—скажетъ: да, виновентъ! Но этого никто, конечно, не докажетъ, и потому всѣ обвиненія въ коварствѣ, въ ролюмствѣ и т. п. должны быть сочтены за пустые слова.

Что Бисмаркъ думалъ о войнѣ съ Франціей немедленно послѣ окончанія австрійской войны, это легко было бы доказать многими рѣчами его, въ которыхъ онъ то требовалъ сохраненія военнаго бюджета на нѣсколько лѣтъ, мотивируя требованіе свое «тою завистью», «тѣмъ злобнымъ чувствомъ», съ которыми смотрятъ на Германію, то просилъ, чтобы «Германія поскорѣе была осѣдлана», то, наконецъ, повторяя на всѣ лады, что онъ въ началѣ своей политики и т. п. Неотступная мысль Бисмарка о войнѣ съ Франціей, которая должна была быть унижена для осуществленія его плановъ, для возвеличенія Германіи, такъ очевидна, что мы считаемъ излишнимъ убѣждать читателя различными отрывками и цитатами изъ его рѣчей. Подготавливая эту войну, онъ, съ одной стороны, успокаивалъ французское правительство, отводилъ ему глаза разсужденіями, подобными тѣмъ, что Германія ничего не можетъ выиграть отъ войны съ Франціей; съ другой стороны, естественные или искусственные, — мы не беремся рѣшать,—порывы откровенности возбуждали и раздражали національное чувство нѣмцевъ, когда они слышали о «неумѣренныхъ притязаніяхъ» Франціи, о ея желаніи, подобно Германіи, «округлить» свои границы на счетъ нѣмцевъ. Это стремленіе Франціи онъ бросалъ, какъ кость, на которую общественное мнѣніе Германіи жадно накидывалось. Воспоминаніе войны первой имперіи было слишкомъ живо, чтобы можно было слишкомъ сильно обвинять за то нѣмцевъ.

Отличительною чертою внѣшней политики князя Бисмарка служить такая же смѣсь искусно расчитанной скрытности съ большою, повидимому, откровенностью, какъ и смѣсь необыкновенной отваги съ чрезвычайною осторожностью и сдержанностью. Онъ сбиваетъ своего противника съ толку, такъ что тотъ, наконецъ, не знаетъ, чему вѣрить, чему не вѣрить, забывая, что въ дипломатіи слѣдуетъ разсчитывать всегда на самое невыгодное. Бисмаркъ никогда не перехитритъ въ политикѣ, помня хорошо наставленіе Фридриха II, что «никогда не слѣдуетъ допускать въ дипломатіи слишкомъ большую хитрость и тонкость». Онъ сравниваетъ хитрость и излишнюю тонкость съ праностіями, къ которымъ вкусъ до того пріучается, что подъ-бываетъ совершенно

пропадаетъ ихъ пикантность. Князь Бисмаркъ такъ и поступалъ въ своихъ отношеніяхъ къ Франціи. Послѣ увѣреній въ дружбѣ и солидарности интересовъ между двумя государствами, онъ вдругъ давалъ Франціи такія предостереженія, къ которымъ, казалось-бы, ни одно правительство не должно было оставаться глухо. Къ такимъ предостереженіямъ долженъ быть отнесенъ циркуляръ графа Бисмарка, о которомъ мы уже упоминали, — циркуляръ 1867 года по поводу зальцбургскаго свиданія между австрійскимъ императоромъ и Наполеономъ, въ которомъ онъ такъ прямо говорилъ: я приглашаю иностранныя государства, иными словами Францію, удержаться отъ всего, что могло бы показаться Германіи вмѣшательствомъ въ ея дѣла. Чувства достоинства и національной независимости очень раздражительны, поэтому.... будьте осторожны! Въ такомъ смыслѣ говорилъ князь Бисмаркъ. Другимъ предостереженіемъ могъ служить люксембургскій вопросъ, который чуть-было не довелъ до кроваваго столкновенія враждебно стоявшія другъ противъ друга Пруссію, оправившуюся на государства, вошедшія въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза, и Францію. Читатель помнитъ причину возникновенія этого вопроса. Франція желала приобрѣсти себѣ Люксембургъ, на уступку котораго выговорено было уже согласіе нидерландскаго правительства; Германія же, державшая въ Люксембургѣ гарнизонъ, основываясь на томъ, что Люксембургъ входилъ въ составъ стараго Германскаго Союза, воспротивилась такому присоединенію. Вопросъ былъ улаженъ, какъ извѣстно, на лондонской конференціи. Франція должна была отказаться отъ присоединенія небольшого клочка земли, Германія же обязалась очистить Люксембургъ. Бисмаркъ, при этомъ случаѣ, рѣшительно воспротивился присоединенію Люксембурга къ Франціи, что было бы самымъ ничтожнымъ вознагражденіемъ за помощь, оказанную ею во время австрійской войны; но такъ какъ французское правительство было такъ непроницательно, что впередъ не обезпечило себѣ платы за помощь, то съ точки зрѣнія современной практической философіи было совершенно естественно, чтобы она была за то наказана. Какая, въ самомъ дѣлѣ, могла быть надобность Бисмарку производить уплату Франціи, когда, съ одной стороны, она сама позволила эксплуатировать себя, а съ другой, когда онъ сознавалъ уже, что Германія настолько сильна, что можетъ рѣшиться на борьбу. Хотя борьба была уже въ 1867 году и возможна, но князь Бисмаркъ не былъ настолько увѣренъ въ исходѣ ея, чтобы немедленно приступить къ дальнѣйшему осуществленію своего плана. Вотъ почему съ большою твердостью онъ выказалъ тутъ же и большую

осторожность, которую въ рейхстагѣ онъ ставилъ себѣ въ серьезную заслугу. «Мы избѣгали, — говорилъ онъ, — доводить вопросъ до его крайностей, и я думаю, что его величество король заслужилъ благодарность нѣмецкой націи за то, что онъ сумѣлъ устоять противъ искушенія, — весьма сильнаго для государя, призываемаго къ войнѣ, для воинственнаго народа, — возбудить общественное мнѣніе и подать своей арміи, постоянно побѣдоносной, новый сигналъ къ борьбѣ....»

Нужно обладать большимъ запасомъ откровенности, чтобы публично сказать, что война это такая пріятная для короля забава, что нужно благодарить его, если онъ сумѣлъ устоять противъ такого сильнаго искушенія. Искушеніе, должно быть, было велико; кому же было объ этомъ знать лучше, чѣмъ князю Бисмарку; будь онъ чуждъ подобныхъ порывовъ откровенности, онъ, разумѣется, никогда бы не сказалъ ничего подобнаго, такъ какъ кто же захочетъ послѣ этого вѣрить тѣмъ манифестамъ, въ которыхъ говорится весьма краснорѣчиво, что война — это величайшее бѣдствіе, и что правительство рѣшилось на нее съ чувствомъ невыразимой боли и содраганія за неразрывныя съ нею страданія народа.

Давно рѣшивъ въ своей головѣ вопросъ о войнѣ съ Франціей, нераздѣльно связанной съ осуществленіемъ его плана, Бисмаркъ дѣйствовалъ не торопясь, осторожно, строго обдумывая каждый ходъ въ этой трудной игрѣ. Ему нужно было для увѣренности въ успѣхѣхъ съ одной стороны имѣть возможность вполне полагаться на нѣмецкія государства, не слившіяся еще въ то время въ одно цѣлое, съ другой, устроить дѣло такъ, чтобы соединенная Германія имѣла дѣло только съ Франціей и больше ни съ кѣмъ. Что касается нѣмецкихъ государствъ, то мы уже видѣли, съ какимъ искусствомъ князь Бисмаркъ дѣйствовалъ по отношенію къ нимъ и какъ мастерски онъ поставилъ передъ ними дилемму: или присоединяйтесь добровольно, или вы будете присоединены тою же «силою духа національнаго единства», которою были присоединены государства сѣверной Германіи. Тотчасъ послѣ австрійской войны Бисмаркъ уже выражалъ увѣренность, что въ случаѣ внѣшняго столкновенія южная Германія станетъ за-одно съ сѣверною; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, читатель припомнить, онъ нѣсколько разъ высказывалъ, что южныя государства весьма мало расположены слиться въ одно цѣлое и что стремленія къ національному единству еще слишкомъ слабы. Вотъ отчего Бисмарку нужно было выжидать, вотъ отчего онъ укрощалъ воинственный пылъ правительства, которому, по собствен-

ному признанію нѣмецкаго канцлера, такъ хотѣлось увѣнчать себя новыми лаврами. Четыре года, прошедшіе между австрійскою и французскою войнами, были употреблены Бисмаркомъ, чтобы затушить то злобное чувство, которое южныя государства должны были питать къ Пруссіи послѣ 1866 года. Его искусная политика въ значительной степени достигла желаннаго результата. Хотя въ Европѣ и было распространено мнѣніе, что южныя государства приняли сторону сѣверной Германіи во время послѣдней войны исключительно благодаря вліянію на нихъ русскаго кабинета, но мнѣніе это, не говоря уже о подозрительныхъ источникахъ его происхожденія, какъ-то дурно вяжется со всѣмъ тѣмъ, что извѣстно объ отношеніяхъ сѣверной и южной Германіи. Мы гораздо болѣе склонны думать, что южная Германія въ минуту опасности стала за-одно съ сѣвѣрною помимо всякаго посторонняго вліянія, единственно благодаря напору воодушевившей народъ идеи.

Со стороны иностранныхъ государствъ политика князя Бисмарка встрѣчала болѣе серьезныя затрудненія. Хотя конституціонная жизнь въ Австріи и сдѣлала весьма большіе успѣхи, что бы ни говорилъ князь Бисмаркъ, сдѣлавшій замѣчаніе, что австрійскій либерализмъ нравится по той же причинѣ, по которой нравится самая молодая дама, т.-е. потому только, что онъ моложе другихъ, но все-таки не настолько, чтобы лишить возможности правительство начать или вмѣшаться въ войну противъ воли народа. Правительство же австрійское не могло забыть удара, нанесеннаго Садовой, и потому естественно было расположено всегда стать на сторону враговъ Пруссіи, чтобы постараться отомстить за 1866 годъ. Война между Германіей и Франціей должна была представляться сильнымъ соблазномъ для австрійскаго правительства. Франція казалась чрезвычайно могущественною, и мало кто подозрѣвалъ, до какой степени внутренняго разложенія доведена была второю имперіею военная организація страны, со времени послѣдней ея европейской войны 1859 года. Не подозрѣвая этого разложенія, Австрія естественно могла быть расположена вступить въ союзъ съ французскимъ правительствомъ. Вслѣдъ за Австріею увлечена была бы и Италія, связанная съ Франціею столь многими узами. Бисмарку нужно было предупредить самую возможность наткнуться на тройной союзъ, и потому прежде всего онъ сознавалъ необходимость парализовать Австрію. Вотъ тутъ-то нѣмецкій канцлеръ воспользовался своимъ третьимъ сосѣдомъ, чтобы при его помощи ослабить и унижить Францію и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе, чѣмъ прежде, усилить

Германію. Мы не можемъ подробно останавливаться на той дипломатической дѣятельности князя Бисмарка, которая предшествовала началу французской войны, не можемъ и не желаемъ этого дѣлать потому, что наши разсужденія должны были бы основываться на брошенныхъ вскользь намекахъ, на догадкахъ, на газетныхъ и журнальныхъ слухахъ, наконецъ, на увѣреніяхъ одной только стороны. Тѣмъ самымъ мы нарушили бы одно изъ самыхъ мудрыхъ правилъ, столь часто забываемомъ и въ политическихъ да и въ другихъ разсужденіяхъ: *Audiat et altera pars*. Много лѣтъ еще пройдетъ, прежде чѣмъ маска будетъ сорвана съ тѣхъ дипломатическихъ отношеній, которыя привели къ катастрофѣ 1871 года и къ окончательному разрушенію системы политическаго равновѣсія Европы.

Разрушеніе этой системы совершено было исключительно въ интересахъ Германіи. Что Россіи могло быть невыгодно столь непомѣрное возвеличеніе своего нѣмецкаго сосѣда, что въ ея интересахъ могло бы быть недопущеніе Франціи до слишкомъ большого ослабленія и даже раздробленія, объ этомъ, если князь Бисмаркъ и думалъ, то онъ держалъ это про себя. Другимъ же, очевидно, это не приходило и въ голову. Изъ всѣхъ слуховъ, толковъ, увѣреній, сопровождавшихъ французскую войну, за болѣе или менѣе основательное можно принять одно: князь Бисмаркъ въ своей мудрой политикѣ, направленной, само собою разумѣется, исключительно къ нѣмецкимъ интересамъ, и вовсе не заботящейся о томъ, какъ онъ самъ выразился, «чтобы дѣйствовать въ интересахъ русской политики», — успѣлъ достигнуть гарантіи невмѣшательства Австріи во французскую войну. Двинется Австрія на помощь Франціи, двинется и Россія на помощь Германіи. Была ли Россія готова къ войнѣ, было ли у нея хорошо обученное войско, была ли оно хорошо вооружено и т. д., все это мы оставляемъ въ сторонѣ. Какъ бы то ни было, Россія въ глазахъ Европы не потеряла еще значенія сильнаго государства, такъ что угроза ея двинуть свои полки къ австрійской границѣ, на случай, еслибы австрійскіе двинулись къ предѣламъ Франціи или Германіи, была совершенно достаточна, чтобы заставить Австрію хранить строгій нейтралитетъ, какъ бы ни было сильно у ея правительства взять свой *généralis* за Садову.

Такимъ образомъ, Бисмаркъ могъ имѣть увѣренность, что ему предоставлено будетъ одному раздѣляться съ Франціей. Но все предусматривая, обдумывая впередъ каждую мельчайшую подробность своего плана, Бисмаркъ вмѣстѣ съ тѣмъ до самой послѣдней минуты въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ продолжалъ

возставать энергически противъ самой идеи о возможности войны между Германіею и Франціею: «Подстрекать къ войнѣ двѣ великія націи, которыя, находясь въ центрѣ европейской цивилизаціи, обѣ искренно желаютъ жить въ мирѣ, не имѣя никакихъ существенныхъ интересовъ, могущихъ ихъ разъединять, и прибѣгать съ этою цѣлію къ распространенію всякой лжи и раздѣлѣ крупныхъ суммъ,—это называется преступнымъ предпріятіемъ. Мы нѣтъ надобности замыкаться въ общія обвиненія. Ни для кого изъ васъ не составляютъ тайны тѣ маневры, которые имѣютъ своею цѣлію распространить во Франціи, націи чрезвычайно щекотливой во всемъ, что касается ея чести и храбрости, распространить путемъ печати слухъ, что Германія хочетъ воспользоваться своею небывалою силою, которою она обязана своему единству, для того, чтобы объявить Франціи войну, становясь во враждебное къ ней положеніе. Во французскихъ журналахъ каждый день вы встрѣчаете подобную ложь...» Бисмаркъ кончаетъ тѣмъ, что выражаетъ свое удивленіе тому факту, что находятся столько лицъ, которые могутъ «принимать за серьезное подобныя безсмыслицы». Последнее доказываетъ, по мнѣнію князя Бисмарка, только то, «какъ мало знаютъ истинное положеніе вещей». Нѣмецкій канцлеръ не упомянулъ тутъ о тѣхъ враждебныхъ выходкахъ, которымъ подвергалась Франція послѣ войны 1866 года, со стороны нѣмецкихъ газетъ и журналовъ, выходкахъ, подобныхъ тѣмъ, которымъ подвергается Россія со времени окончанія французской войны. Быть можетъ, въ Германіи назовутъ рано или поздно «преступными» также и тѣ предостереженія и тѣ опасенія, внушаемыя могущественнымъ сосѣдомъ, вступившимъ на путь завоевательной политики, которыя высказываются порою по глубокому убѣжденію и въ русской литературѣ.

Затѣмъ, вплоть до самой войны, мы не встрѣчаемъ больше въ рѣчахъ князя Бисмарка такихъ, которыя бы прямо относились къ отношеніямъ между Франціею и Германіею. Нѣсколько словъ, брошенныхъ вскользь медовыхъ словъ, увѣряли, что все обстоитъ благополучно, и что у Франціи нѣтъ лучшаго друга какъ Германія. Война объявлена. Бисмаркъ появляется въ рейхстагѣ на нѣсколько минутъ, чтобы только закрыть его сессію и всю нравственную отвѣтственность за войну взвалить исключительно на одну Францію. Германія ничего такъ не желала какъ мира, ее вынуждаютъ обнажить свой мечъ, она уступаетъ горькой необходимости—вотъ смыслъ послѣднихъ словъ князя Бисмарка передъ началомъ военныхъ дѣйствій. Все, что слѣдовало далѣе, слишкомъ извѣстно, чтобы говорить о томъ, но мы были бы не-

правы, еслибы ничего не сказали о тѣхъ его рѣчахъ, которые относятся къ періоду, слѣдовавшему за заключеніемъ мира. Рѣчи эти важны, такъ какъ онѣ служатъ сильнымъ поддержаніемъ тѣмъ основнымъ правиламъ практической философіи нашего времени, о которыхъ мы говорили, переходя къ разбору внѣшней политики.

Результатомъ войны 1870-го года было во-первыхъ, образованіе нѣмецкой имперіи и затѣмъ присоединеніе къ ней Эльзаса и Лотарингіи. Само собою разумѣется, что мы говоримъ тутъ только о результатѣ внѣшнемъ, осязаемомъ, бросающемся въ глаза, помимо котораго были и другіе результаты, если и не столь очевидные, то не менѣе важные. Въ силу каковаго же начала, съ точки зрѣнія князя Бисмарка, Франція была раздроблена и отъ нея оторваны двѣ области, противъ рѣзко выраженной воли населенія. Когда завоеванъ былъ Шлезвигъ-Гольштейнъ, когда «присоединены» были Ганноверъ, Нассау и другія нѣмецкія земли, то тутъ завоеваніе и присоединеніе были совершаемы во имя единства нѣмецкой націи, во имя общихъ нѣмецкихъ интересовъ. Если ученые, а по ихъ слѣдамъ и неученые нѣмцы смѣло утверждали, что присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи совершается точно также во имя единства нѣмецкой націи; если они пустили въ ходъ всѣ свои историческія и археологическія познанія, чтобы заставить замолчать всѣхъ тѣхъ, которые осмѣливались замечать только, что присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи дѣло не совсѣмъ справедливое, то князь Бисмаркъ не подражалъ ихъ примѣру. Онъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы основывать въ наше смутное время свое право на пожелтѣвшихъ пергаментахъ и на какихъ-то археологическихъ измышленіяхъ. Онъ оставляетъ въ покоѣ всевозможныя историческія натяжки, онъ не ищетъ основаній своего права въ томъ, что покрыто густымъ слоемъ вѣковой пыли и пѣсени. Его право живое, право политической необходимости, государственной пользы, — другого оправданія ему не нужно и онъ не ищетъ его. Завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи необходимо было для «спокойствія» и «безопасности» Германіи, — другихъ объясненій, другихъ оправданій нечего искать.

Германія, разсуждалъ князь Бисмаркъ, была погружена въ глубокій миръ, никто не думалъ, никто не желалъ войны, насъ вызвали на нее, мы должны на будущее время предостеречь себя отъ подобныхъ же сюрпризовъ. Впрочемъ, приведемъ лучше подлинныя слова нѣмецкаго канцлера, который обладает обыкновеннымъ искусствомъ связывать самыя противорѣчивыя мысли

и давать имъ такую форму, какъ будто бы никакого противорѣчія и не существовало. «Обращаясь годъ назадъ, или вѣрнѣе десять мѣсяцевъ,—говоритъ онъ въ 1871 году,—мы можемъ сказать, что Германія была единодушна въ желаніи мира; едва ли былъ хоть одинъ нѣмецъ, который не желалъ этого мира съ Франціею, до тѣхъ поръ, пока существовала возможность поддерживать этотъ миръ съ честью. Что касается до тѣхъ вредныхъ исключеній, которыя желали войны, въ надеждѣ, что ихъ собственная родина падетъ въ ней, то эти люди недостойны имени нѣмцевъ и я не считаю ихъ за нѣмцевъ. Я утверждаю, что нѣмцы единодушно желали мира. Но не менѣе единодушны были они тогда, когда насъ вынудили къ войнѣ, когда мы волей-неволей должны были взяться за оружіе для собственной защиты—не менѣе единодушно приняли рѣшеніе—если Богъ даруетъ намъ только побѣду въ борьбѣ, которую мы рѣшились вести энергически, требовать гарантій, которыя сдѣлали бы невозможнымъ возвращеніе подобной войны, или, по крайней мѣрѣ, если бы она должна была возобновиться, облегчили бы нашу защиту. Каждый помнилъ, что среди нашихъ отцовъ, въ теченіи трехъ столѣтій, едва ли было хоть одно поколѣніе, которое не было бы вынуждено обнажить мечъ противъ Франціи, и каждый говорилъ себѣ, что если прежде, когда Германія находилась въ числѣ побѣдителей Франціи, упустили случай обезпечить Германіи лучшій оплотъ со стороны запада, то только потому, что мы одерживали побѣду вмѣстѣ съ союзниками, интересы которыхъ не были солидарны съ нашими. Каждый принялъ твердую рѣшимость—теперь, когда мы одержимъ побѣду одни, опираясь исключительно на нашъ собственный мечъ и наше собственное право—употребить самыя серьезныя усилія, чтобы оставить нашимъ дѣтямъ лучше обезпеченную будущность».

Тутъ, какъ видитъ читатель, нѣтъ и намѣка на всѣ тѣ разглагоствованія нѣмецкихъ ученыхъ и журналистовъ, доказывавшихъ, что Эльзасъ долженъ быть присоединенъ къ Германіи, потому что это нѣмецкая земля; Бисмаркъ смотритъ на вопросъ иными глазами, и нужно питать непримиримую антипатію и ненависть къ нѣмецкому канцлеру, чтобы не согласиться, что его воззрѣнія, его основанія: «мечъ» и «безопасность» все-таки болѣе къ себѣ располагаютъ, нежели іезуитское право, основывающееся на громкомъ принципѣ національности. Онъ настолько откровененъ и настолько глубоко проникнутъ сознаніемъ справедливости своихъ началъ практической философіи, что смѣло заявляетъ, что завоевательная политика вовсе не вышла еще изъ

употребленія, и что принципы завоеванія нисколько не хуже другихъ принциповъ, господствующихъ въ современномъ политическомъ устройствѣ европейскаго общества. Эльзась, Страсбургъ, Мецъ необходимы для безопасности Германіи, и Бисмаркъ заботится только объ одномъ — это убѣдить въ ихъ дѣйствительной необходимости. Оборонительная линія Германіи никуда не годилась, ей постоянно могли угрожать нападеніемъ; не годилась она точно также и для Франціи, потому что постоянно представляла соблазнъ, искушеніе отодвинуть свои границы. Князь Бисмаркъ въ поддержаніе своего завоевательнаго права могъ бы напомнить слова Фридриха II, которыя мы имѣли случай привести, но онъ приводитъ болѣе современные слова, сказанныя во время восточной войны королемъ Виртембергскимъ: «Узелъ вопроса, говорилъ этотъ король, заключается въ Страсбургѣ, такъ какъ городъ этотъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ нѣмецкимъ, всегда будетъ составлять преграду, мѣшающую южной Германіи примкнуть безусловно къ нѣмецкому единству, слѣдовать безъ всякихъ ограниченій нѣмецкой національной политикѣ. До тѣхъ поръ, пока Страсбургъ будетъ служить воротами, изъ которыхъ можетъ выйти армія, всегда готовая для борьбы, армія въ сто или полтораста тысячъ человѣкъ, въ то время, когда Германія не въ состояніи придвинуть къ верхнему Рейну равныхъ военныхъ силъ, французы всегда будутъ брать верхъ». Бисмаркъ прибавляетъ къ этому, что примѣръ этотъ, взятый изъ нѣмецкой политической жизни, говорить собою все, и къ нему ничего нельзя прибавить.

Изъ словъ Бисмарка слѣдуетъ только одно, что мысль завладѣть Страсбургомъ, давно уже занимала его, что Эльзась — вотъ та цѣль, къ которой онъ стремился съ первыхъ шаговъ своей внѣшней политики. Рѣчи, произнесенныя послѣ войны, объясняютъ, какъ слѣдуетъ понимать его рѣчи, произнесенныя до войны, и мы должны были бы обладать легкомысліемъ французскаго правительства, чтобы не обратить никакого вниманія на политику князя Бисмарка въ отношеніи Франціи до и послѣ войны. Читатель не забылъ, какъ горячо увѣрялъ князь Бисмаркъ, наканунѣ самой войны, что Германія не питаетъ къ Франціи никакихъ иныхъ чувствъ, кромѣ дружбы и расположенія жить въ мирѣ. Насколько тутъ было справедливаго, можно судить по тѣмъ словамъ, которыми князь Бисмаркъ защищаетъ завоеваніе Эльзаса: «Франція, при своемъ выгодномъ положеніи, съ выдвинутымъ впередъ бастиономъ, которымъ служилъ ей Страсбургъ противъ Германіи, всегда была склонна уступить искушенію, какъ только ея внутреннее положеніе заставляло ее искать вы-

хода во внѣшней политикѣ; мы это видѣли въ теченіи послѣднихъ десяти и двадцати лѣтъ. Извѣстно, что 6-го августа 1866-го года ко мнѣ пріѣхалъ французскій посланникъ и въ нѣсколькихъ словахъ объявилъ такого рода ультиматумъ: мы должны уступить Франціи Майнцъ, въ противномъ случаѣ намъ немедленно будетъ объявлена война. Само собою разумѣется, что я не сомнѣвался ни одной минуты относительно отвѣта, который я долженъ былъ дать. Я отвѣчалъ: «если такъ, пусть будетъ война!» Съ этимъ отвѣтомъ посланникъ уѣхалъ въ Парижъ; нѣсколько дней спустя въ Парижѣ одумались, и мнѣ дали понять, что инструкции тѣ были вырваны у императора Наполеона во время болѣзни. Послѣдующія попытки, по поводу Люксембурга и другихъ вопросовъ, извѣстны. Мнѣ нѣтъ нужды, кажется, доказывать, что Франція не всегда обладала достаточною силою воли, чтобы воспротивиться искушеніямъ, которыя возникали для нея вслѣдствіе обладанія Эльзасомъ».

Нѣмецкую политику нужно было бы представлять себѣ какою-то ангельскою политикою, если допустить возможность, чтобы князь Бисмаркъ, несмотря на тѣ отношенія между Франціею и Германіею, которыя онъ такъ удачно охарактеризовалъ нѣсколькими словами, не помышлялъ о войнѣ и объ отнятіи французскихъ провинцій, въ то время, когда на устахъ его былъ медъ и, повидимому, искреннія увѣренія въ мирѣ и дружбѣ. Впрочемъ, князь Бисмаркъ такъ рельефно выставилъ на видъ необходимость присоединенія Эльзаса, что всякія сомнѣнія на счетъ его истинныхъ, давно обдуманыхъ замысловъ должны быть устранены. Какъ только была имъ признана необходимость заштиты «безопасность» Германіи со стороны ея западной границы, для него не могло быть уже никакихъ колебаній относительно способа этой защиты. Бисмаркъ не придаетъ никакого значенія гарантіи всѣхъ европейскихъ государствъ; подобныя гарантіи кажутся ему пустыми словами. Иначе онъ не могъ смотрѣть: гарантіи европейскихъ государствъ основываются на трактатахъ, относительно прочности которыхъ онъ былъ въ сущности такого же мнѣнія, какъ и Фридрихъ. Завоеваніе французскихъ провинцій кажется ему до такой степени естественнымъ, что онъ даже удивляется тому, какъ всѣ европейскія государства не поспѣшили выразить радости, что Германія присоединила къ себѣ Эльзасъ и Лотарингію. Первая мысль, самое простое средство, которое должно было представиться каждому уму для предотвращенія на будущее время страшной борьбы, должно было, по его мнѣнію, заключаться въ томъ, «чтобы усилить защиту той изъ двухъ сто-

ронъ, которая безспорно болѣе мирная». Нужно ли говорить, что «безспорно» самая мирная страна—это Германія! Разрушеніе такихъ крѣпостей, какъ Страсбургъ, Мецъ и т. д. также не казалось достаточнымъ князю Бисмарку. Крѣпости такъ легко снова воздвигнуть! Образованіе изъ Эльзаса и Лотарингіи нейтральнаго государства одинаково не соотвѣтствовало планамъ нѣмецкаго канцлера. Нейтральныя государства, разсуждалъ онъ, которыми была бы со стороны Германіи окружена Франція, были бы выгодны для послѣдней, охраняя ее отъ Германіи, и были бы ничтожны по значенію для Германіи, такъ какъ нейтральныя государства всегда бы тянули къ Франціи. Это признаніе, на которое нельзя не обратить вниманія. Что же, спрашивается, оставалось? «Не оставалось другого средства, говоритъ князь Бисмаркъ, какъ присоединить къ намъ эти земли со всѣми ихъ крѣпостями, чтобы защищать ихъ самихъ противъ Франціи, какъ могущественный оплотъ Германіи, и чтобы отдалить на нѣсколько дней пути исходный пунктъ французскаго нападенія, если бы когда-нибудь Франція, своими ли собственными поправившимися силами или съ помощію прибрѣтенныхъ ею союзниковъ, еще разъ бросила намъ перчатку». Такимъ образомъ, и тутъ завоеваніе французскихъ областей дѣлалось исключительно съ цѣлю «безопасности» и охраненія «независимости» Германіи. Бисмаркъ настолько искрененъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что и не думаетъ какими-либо софизмами прикрывать совершаемое имъ насиліе надъ волею населенія, народа. Выгода государства, польза прикрываетъ собою всѣ принципы; что же касается до какихъ-то требованій, до какихъ-то высшихъ идей небольшого меньшинства современнаго общества, то такіа идеи и принципы совершенно чужды нѣмецкому канцлеру, и онъ отъ души бы посмѣялся надъ такимъ государственнымъ человѣкомъ, который сталъ бы руководствоваться ими въ своей политикѣ.

Но какъ бы безцеремонно ни смотрѣлъ князь Бисмаркъ на волю народа, когда вопросъ идетъ о созданіи сильнаго и могущественнаго государства, какъ бы презрительно онъ ни относился ко всѣмъ современнымъ нападкамъ на завоевательную политику, но въ одномъ ему слѣдуетъ отдать справедливость. Если онъ топчетъ самостоятельность и независимость тѣхъ частей государства, народа, которыя должны быть присоединены къ Германіи, за то онъ не считаетъ, чтобы торжество Германіи надъ другою страной давало ей право мѣшаться во внутреннія дѣла этой страны. Во всемъ, что касается самостоятельности и независимости внутренняго управленія страны, не «присоединяемой» къ

Германіи, онъ относится съ уваженіемъ. Это особенно обнаружилось въ его отношеніяхъ къ Франціи. Нельзя не сказать, что положеніе Франціи послѣ заключенія мира было таково, что могло соблазнить нѣмецкаго канцлера вмѣшаться въ ея внутреннія дѣла и сдѣлаться такъ-сказать рѣшителемъ ея судьбы. Это казалось настолько возможно, что мелкіе государственные люди Франціи, стоявшіе во главѣ ея управленія, не гнушались прибѣгать къ унижительному средству запугивать страну, дѣлая намеки на вторженіе Германіи во внутреннія дѣла государства. Князь Бисмаркъ, между тѣмъ, каждый разъ, какъ ему представлялся случай, высказывалъ въ рейхстагѣ, что онъ никогда не рѣшится вмѣшаться во внутреннія дѣла Франціи. Какая бы форма правленія ни установилась во Франціи, какое бы правительство ни избрала она, пусть только условія заключеннаго мира будутъ строго соблюдены, и мы уважимъ всякое правительство, всякую форму правленія. Исполняйте договоръ, исполняйте, говорилъ онъ, ваши обязательства по отношенію къ Германіи, а до остального намъ нѣтъ никакого дѣла. Наше намѣреніе, высказывалъ князь Бисмаркъ, «воздержаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, отъ всякаго дѣйствія, касающагося будущаго великаго народа, нашего сосѣда.» Само собою разумѣется, что онъ прибавилъ къ своимъ словамъ и другія, смыслъ которыхъ таковъ: мы не отступимся отъ нашей рѣшимости воздержаться отъ всякаго вмѣшательства до тѣхъ поръ, пока интересы Германіи не будутъ нарушены. До всего остального ему нѣтъ дѣла. Конституціонная монархія, или легитимистская имперія, или республика всѣхъ цвѣтовъ, даже до коммуны, Бисмарку все равно, лишь бы обязательства были выполнены. Онъ не прочь былъ войти въ соглашеніе съ коммуной, если бы она восторжествовала, и онъ высказывалъ, что въ случаѣ неисполненія мирныхъ условій, онъ вынужденъ будетъ снова занять Парижъ «по соглашенію съ коммуной или силой.» Мы упоминаемъ это только къ тому, чтобы показать, что у него есть своего рода уваженіе къ самостоятельности и независимости націи. Словомъ, Франціи нечего было опасаться въ 1871-мъ году, чтобы нѣмецкія войска воздвигли во Франціи императорскій или королевскій тронъ и посадили на него того или другого претендента, какъ то было въ началѣ нашего столѣтія. Это правило невмѣшательства вызвано точно также расчетомъ, выгодой, такъ какъ историческій опытъ научилъ его, что подобныя распоряженія судьбою той или другой націи никогда не приводятъ ни къ какому прочному результату. Въ кодексѣ практической мудрости князя Бисмарка такъ мало правилъ и по-

ложеній, не идущихъ въ разрѣзъ съ достоинствомъ и волею народа, что было бы несправедливо не указать на тѣ, которыя фигурируютъ въ немъ.

Планъ Бисмарка, повидимому, осуществленъ до конца. Пораженіе Франціи было послѣднимъ актомъ десятилѣтняго періода его управленія дѣлами нѣмецкаго народа. Германія слита въ одно цѣлое, на мѣстѣ стараго германскаго союза возникла нѣмецкая имперія. Два врага, два сосѣда Германіи лежатъ у ея ногъ. Передъ Бисмаркомъ небо чисто. Опасность, кажется, болѣе ни откуда не угрожаетъ. «Безопасность» и «независимость» Германіи защищены непроницаемою броней. Ему нечего больше бояться Австріи, ему нечего опасаться Франціи. Послѣ десятилѣтняго періода войнъ, Германія должна была бы успокоиться, выпустить оружіе изъ своихъ рукъ, но она этого не дѣлаетъ. Бисмаркъ послѣ окончанія французской войны по прежнему говоритъ: не трогайте военнаго бюджета, не трогайте «военной» казны, думайте о «безопасности» и «независимости» Германіи! Кого же можетъ опасаться князь Бисмаркъ? неужели третьяго сосѣда? Скорѣе ужъ третьему сосѣду слѣдуетъ опасаться теперь «самой могущественной державы въ Европѣ», какъ называетъ нѣмецкій канцлеръ Германію. Мы видѣли, какъ князь Бисмаркъ въ датской войнѣ воспользовался Австріею, чтобы затѣмъ лучше нанести ей самой рѣшительный ударъ; мы видѣли, какъ воспользовался онъ во время австрійской войны Франціею, чтобы впослѣдствіи сломить ея силу; вопросъ, можетъ быть, не былъ бы слишкомъ нелѣпъ, если бы кто-нибудь спросилъ: не пользуется ли онъ и Россіей, чтобы затѣмъ при удобномъ случаѣ нанести крѣпкій ударъ и этому третьему и послѣднему сосѣду? Впрочемъ, вопросъ этотъ довольно понятенъ, и надъ нимъ стоить призадуматься, особенно, когда мы знаемъ, что довольно значительная сумма изъ французской контрибуціи предназначена для усиленія нѣмецкихъ крѣпостей, и притомъ больше трети этой суммы определено употребить на укрѣпленіе восточной границы Германіи.

Не желая занимать читателя нашими гаданіями и предсказаніями весьма возможныхъ будущихъ событій, мы познакомимъ его лучше съ тѣми немногими, но за то сладкими рѣчами князя Бисмарка, относящимися прямо или косвенно до Россіи. Пусть каждый дѣлаетъ изъ нихъ какіе угодно выводы: можно, конечно, познакомиться съ тѣми, что высказывалъ нѣмецкій канцлеръ по поводу отношеній Германіи къ Россіи, придти къ самымъ розовымъ результатамъ, можно получить, если желательно,

увѣренность, что эти дружескія отношенія также неизбѣжны, какъ стала гранитная, и всякія опасенія, всякія сомнѣнія на этотъ счетъ обозвать химерою, бредомъ испуганнаго воображенія. Можетъ и такъ; говорятъ вѣдь, что у страха глаза велики. Тѣмъ не менѣе, мы не удивимся, если найдутся и такіе скептики, которые скажутъ: мы знаемъ цѣну этимъ медоточивымъ рѣчамъ, мы убѣдились опытомъ Франціи, что дружескія увѣренія имѣютъ весьма ничтожный вѣсъ въ устахъ князя Бисмарка, а потому лучше взяться за умъ и подумать надъ вопросомъ: а что какъ Германия, вступившая уже на путь завоеваній, подумаетъ, что не всѣ земли, «гдѣ раздается нѣмецкая рѣчь», слились еще съ общемою родиною, и что недурно было бы въ виду этого нѣсколько округлить «восточныя» границы. Франція не знала поговорки, которую сложила наша народная опытность: на Бога надѣйся, а самъ не плошай! и за то потерпѣла суровое наказаніе. Аналогією, конечно, не слѣдуетъ злоупотреблять, но нельзя также и совсѣмъ пренебрегать ею.

XII.

У князя Бисмарка въ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ бываетъ обыкновенно два періода. Одинъ періодъ именно тотъ, когда онъ пользуется и эксплуатируетъ сосѣда;—это періодъ, повидимому, искренней дружбы, горячихъ и настойчивыхъ увѣреній въ общности интересовъ и щедро расточаемыхъ сладкихъ и лестныхъ словъ. Другой, когда игра раскрывается, и онъ наноситъ сосѣду мѣткій и рѣшительный ударъ. Тутъ уже не можетъ быть рѣчи о пощадѣ; напоминаніе оказанныхъ услугъ, воззваніе къ чувству благодарности—все это тщетно, политика князя Бисмарка чужда всякой сентиментальности, всякой чувствительности. Австріи и Франціи хорошо знакомы эти два періода, и только тогда, когда второй періодъ уже наступилъ безповоротно, политики хватаются за голову и говорятъ себѣ: какъ это случилось, какъ мы не видѣли прежде, какъ мы въ томъ, что говорилось и писалось, не умѣли читать между строкъ. Но сожалѣніе и раскаяніе лишены всякаго смысла въ вопросахъ политики, требующей по преимуществу предусмотрительности и проницательности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи лучше пересолить, нежели недосолить, лучше быть излишне подозрительнымъ къ намѣреніямъ сосѣда, нежели слишкомъ довѣрчивымъ, лучше быть всегда готовымъ вступить съ нимъ въ борьбу, нежели въ какую-нибудь минуту быть пойман-

нымъ въ распложъ. Довѣріе въ политикѣ точно такое же неуѣстное слово, какъ и благодарность и вѣрность трактатамъ. Недовѣрять другимъ и полагаться только на собственные силы, не рассчитывая на союзниковъ — вотъ правило, котораго держался Фридрихъ, держится Бисмаркъ, и которому, при настоящихъ условіяхъ политическаго міра, должны слѣдовать волей-неволей всѣ государства, не желающія видѣть себя растерзанными львиными когтями.

Германія въ отношеніи насъ находится, очевидно, въ періодѣ дружбы, сладкихъ увѣреній въ солидарности интересовъ, взаимной любезности, однимъ словомъ, въ такихъ отношеніяхъ, которыя, казалось бы, должны были исключать всякую мысль о возможности какого-либо столкновенія даже въ самомъ далекомъ будущемъ. Какіе же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ спросить читатель, существуютъ пункты сопріеосновенія и возможности столкновенія между Россією и Германією? Общественное мнѣніе Германіи и общественный «говоръ» Россіи называютъ два такихъ пункта: Польшу и Остзейскій край. Какъ по поводу одного, такъ и по поводу другого высказывается князь Бисмаркъ, и все, что онъ говоритъ, клонится, само собою разумѣется, къ тому, чтобы совершенно успокоить сосѣда и завѣрить Россію въ самыхъ дружескихъ чувствахъ, питаемыхъ къ ней Германією. Мы не станемъ здѣсь говорить о томъ, какъ въ самомъ дѣлѣ относится къ Россіи нѣмецкое общество, воззрѣнія котораго выражаются въ литературѣ, во всевозможныхъ брошюрахъ, толстыхъ книгахъ, ежедневныхъ органахъ печати и т. п. Отношеніе это пропитано злобою, ненавистью, презрѣніемъ. Нѣтъ такой выдумки, нѣтъ такой клеветы, которая на-лету не подхватывалась бы нѣмецкими газетами, не разносилась бы ими съ чувствомъ злорадства, какъ-бы направляя, «поддуськивая» правительство противъ «сѣверныхъ варваровъ», противъ «полуазіатскаго государства». Все это не входитъ въ нашу программу, и мы тѣмъ болѣе можемъ оставить въ сторонѣ отношенія нѣмецкаго общества, нѣмецкой печати къ Россіи, что объ этихъ отношеніяхъ было уже достаточно говорено на страницахъ нашего журнала ¹⁾. Князь Бисмаркъ не разъ съ достаточнымъ презрѣніемъ отзывался о нѣмецкой прессѣ, чтобы ему можно было ставить въ вину весь тотъ наглый вздоръ, распространяемый юродствующею нѣмецкою печатью, которая для русскаго народа не знаетъ достаточно бранныхъ словъ. Непріязненное отношеніе нѣмецкой печати къ Россіи

¹⁾ См. Восточная политика Германіи—Вѣстн. Евр. 1872.

тѣмъ болѣе любопытно, тѣмъ менѣе оно можетъ быть объяснено. Чѣмъ и въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, провинились мы передъ нѣмцами? Уже не мы ли были ихъ вѣрными союзниками, уже не нами ли помыкали они въ волю, уже не мы ли относимся къ нимъ съ уваженіемъ и даже подобострастіемъ? Вина Россіи очевидно заключается въ томъ, что мы не спѣшимъ приподнести нашему могущественному сосѣду польскія провинціи да Остзейскій край, которыя такъ хорошо бы «округлили» Германію. Тогда, безъ сомнѣнія, они смѣнили бы гнѣвъ на милость и, пожалуй, согласились бы за русскимъ народомъ признать право на существованіе и даже среди европейскихъ народовъ. Чѣмъ злобѣе относится къ Россіи нѣмецкая печать и нѣмецкое общество, тѣмъ мягче и дружелюбнѣе представляется отношеніе нѣмецкаго канцлера, чтó впрочемъ не мѣшаетъ ему подчасъ высказывать о насъ не совсѣмъ лестныя мнѣнія, горечь которыхъ чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше сознаешь иногда всю ихъ справедливость.

Большая часть рѣчей князя Бисмарка, касающихся Россіи, относится къ польскому вопросу, на которомъ мы прежде всего и остановимся. Въ этомъ вопросѣ нѣмецкій канцлеръ стоитъ безусловно на сторонѣ Россіи, чтó, впрочемъ, совершенно понятно, особенно если принять во вниманіе его общее воззрѣніе на Польшу. Князь Бисмаркъ терпѣть не можетъ Польшу, онъ не хочетъ признавать существованія польскаго вопроса и ему кажутся наглыми всѣ притязанія поляковъ на независимое существованіе. Польша нѣтъ и быть не можетъ, повторяетъ на всѣ лады нѣмецкій канцлеръ, и мечтанія о Польшѣ, какъ о живомъ тѣлѣ, ему представляются самыми дикими утопіями. Что вы кричите, обращался онъ много разъ въ польскимъ депутатамъ, о насиліи, о правѣ завоеванія, въ силу котораго три государства владѣютъ вами; развѣ ваша собственная исторія не есть исторія насилія и завоеванія! Развѣ не въ силу завоеванія, спрашиваетъ онъ, Польша стала владычицею Западной Пруссіи? «Она быстро воспользовалась своимъ господствомъ, чтобы колонизировать край, и вовсе не внося туда цивилизацію, какъ то дѣлаемъ мы въ этой Польшѣ, въ онѣмеченіи которой насъ обвиняютъ, но положивъ его огнемъ, желѣзомъ и тираниею. Презируя заключенные трактаты, она наполняла западную Польшу польскими чиновниками, которые обогащались, грабя дворянство и силою ополчая ихъ. Такимъ образомъ, изъ имени старой нѣмецкой фамиліи Hutten, при помощи простого перевода дѣлали: Czapski; Rautenberg становилось по-польски: Plinski; Stein—Kaminski. Я могъ бы, продолжалъ князь Бисмаркъ, умножить эти примѣры и показать

вамъ, что нѣмецкая кровь течетъ въ жилахъ тѣхъ людей, которые являются въ настоящее время самыми непримиримыми врагами Германіи. Вольности городовъ были нарушены; въ послѣдствіи была обѣщана свобода религіи, ее даровали хотя въ теоріи, но и то только для того, чтобы насмѣяться надъ нею на практикѣ, закрывая церкви и конфискуя ихъ въ пользу католическихъ общинъ, которыя вовсе не существовали, которыя нужно было создать и узломъ которыхъ сдѣлались благородные приобретатели имѣній или чиновники, посланные въ провинцію. Сколько гражданъ—я напому только примѣръ города Торна—своею головою должны были заплатить за свой протестъ. Изъ 19,000 деревень только 3,000 избѣгли польскаго разоренія въ Западной Пруссіи послѣ битвы при Танненбергѣ. И это казалось имъ еще слишкомъ много».

Напомнимъ, такимъ образомъ, насилія поляковъ, происходившія въ XV ст., Бисмаркъ прибавляетъ: «Какъ послѣ такихъ фактовъ, послѣ того насилія, которое ваши предки всюду вносили, вы, господа, можете взывать еще къ справедливости исторіи, этого я не понимаю». Во всѣхъ своихъ историческихъ разсужденіяхъ князь Бисмаркъ смѣло приравниваетъ факты и событія, относящіеся къ XIV и XV ст., къ фактамъ и событіямъ XVIII и XIX вѣковъ. Онъ не дѣлаетъ никакого различія между различными эпохами, и что могло быть оправдываемо грубостью нравовъ и жалкимъ состояніемъ общественной культуры нѣсколько вѣковъ тому назадъ, то, по его мнѣнію, должно быть оправдываемо и при настоящемъ состояніи цивилизаціи. Если прежде государства образовывались и расширялись силою завоеванія, то нѣтъ причины, чтобы то же самое не совершалось и теперь; оно, впрочемъ, не особенно удивительно, потому что воззрѣнія завоевателей на народъ и право распоряжаться его судьбою мало разнились отъ воззрѣній нѣмецкаго канцлера второй половины XIX вѣка. Раздѣлъ Польши Бисмаркъ признаетъ дѣломъ справедливымъ, только потому что онъ вызванъ былъ выгодною трехъ государствъ. «Во время семилѣтней войны, говоритъ онъ, Польша вмѣсто того, чтобы служить намъ оплотомъ, всегда была пунктомъ соединенія и приюта для русскихъ войскъ. Мы завоевали этотъ край во второй разъ въ 1815 году, вслѣдствіе страшной борьбы, завязанной съ непріателемъ, превосходившимъ насъ силами. Трактаты освятили это завоеваніе. Всѣ государства образуются подобнымъ же образомъ. Мы владѣемъ Польшею и Силезіею въ силу одного и того же права. Если вы оспариваете право завоеванія, то этимъ вы доказываете только, что вы не читали вашей собственной исторіи. Но вы читали ее: вы только осторожно умалчиваете о томъ».

Бисмаркъ рисуетъ образованіе и развитіе польскаго королевства, говорить о нападеніи Польши на владѣнія Тевтонскаго ордена, затѣмъ на Россію, и всюду онъ видитъ только одно: куда проникаютъ поляки,—тамъ разореніе и варварство! Онъ не можетъ простить войны съ Тевтонскимъ орденомъ, и одно воспоминаніе о ней только разжигаетъ ненависть его къ Польшѣ. Вы напали, говоритъ онъ, на «Тевтонскій орденъ и отняли у него западную Пруссію — эту провинцію, которую орденъ законно отвоевалъ у варварства и сдѣлалъ ее цвѣтущею — вы отняли для того, чтобы разорить ее и подчинить крестьянъ, свободныхъ до той поры, тѣмъ притѣсненіямъ, которыми всегда отличалось польское господство».

То же различіе, которое существуетъ между политикой Фридриха и политикой Бисмарка, вообще существуетъ и въ отношеніи къ Польшѣ. Какъ Бисмаркъ ненавидитъ поляковъ, такъ точно ненавидѣлъ ихъ и Фридрихъ, который въ своихъ «мемуарахъ» много разъ представляетъ далеко не лестный портретъ поляковъ. Но Фридрихъ, который былъ душою польскаго раздѣла, что даже явно слѣдуетъ изъ его мемуаровъ, который пускалъ въ ходъ всѣ свои дипломатическія способности, чтобы присоединить къ своему королевству добрый кусокъ Польши, въ то же самое время старается придать себѣ такой видъ, какъ будто бы онъ былъ вынужденъ Австріею и Россіею приступить къ этому раздѣлу, и будто Пруссіи ничего не оставалось другого, какъ взять себѣ свою часть добычи. Словомъ, политика его, образъ дѣйствій по отношенію къ Польшѣ, отличаются тою же скрытностью, неискренностью, какою отличаются всѣ его дѣйствія. Онъ остается всегда строго вѣренъ началу: говорить одно, дѣлать другое. Отношенія же къ Польшѣ князя Бисмарка отличаются свойственною всей его политикѣ откровенностью, отъ которой онъ отступаетъ, и то не безъ труда, въ своихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ, въ тотъ періодъ только, когда онъ располагаетъ свою игру. Вы называете, обращается онъ къ польскимъ депутатамъ, «преступленіемъ» раздѣлъ Польши. «Господа, это было не большее преступленіе, чѣмъ раздѣлъ Россіи, который вы пытались совершить, вы, поляки, въ четырнадцатомъ вѣкѣ, когда вы были достаточно для того сильны. Спуститесь въ самихъ себя и скажите себѣ, что преступленіе завоеванія вы сами совершали сто разъ, когда вы обладали достаточнымъ могуществомъ». Польша погибла, погибла навсегда, погибла безвозвратно, и думать о возможности ея восстановленія, это самая бессмысленная фантазія, утопія—вотъ что проводить

во всѣхъ своихъ рѣчахъ князь Бисмаркъ, приглашая поляковъ сдѣлаться добрыми пруссаками.

По мнѣнію нѣмецкаго канцлера, возстановленіе Польши невозможно уже и потому, что нѣтъ болѣе для того достаточно поляковъ. «Поляки несравненно менѣе многочисленны, нежели обыкновенно полагають. Считать, что ихъ 16 милліоновъ, это ошибка». Бисмаркъ дѣлаетъ счетъ всѣмъ полякамъ и приходитъ къ выводу, что всѣхъ поляковъ всего на все 6.500,000. «И во имя-то этихъ шести милліоновъ вы хотите господствовать надъ двадцатью четырьмя милліонами населенія, а тонъ, который вы придаете вашему требованію, могъ бы заставить подумать, что для васъ нѣтъ болѣе глубокаго униженія, болѣе позорнаго рабства, какъ то сознаніе, что вы не можете болѣе держать подъ своимъ игомъ и угнетать народы, какъ вы, къ несчастью, дѣлали это въ продолженіе вѣковъ, да, въ теченіе пяти столѣтій». Возстановленіе Польши, это утопія, такая утопія, которая для того, чтобы она могла быть осуществлена, потребовала бы прежде всего разрушенія трехъ большихъ державъ: Австріи, Пруссіи и Россіи: «нужно было бы изъ пяти или шести большихъ европейскихъ государствъ разрушить три, для того, чтобы изъ ихъ обломковъ возстановить фантастическое господство шести милліоновъ поляковъ надъ восемнадцатью не-поляковъ. Да и эти шесть милліоновъ, захотѣли ли они быть управляемы по-польски? Я не думаю: прошедшее завѣщало имъ слишкомъ печальныя испытанія». Бисмаркъ подкрѣпляетъ свою послѣднюю мысль, говоря: «я не могу, конечно, восхвалять русскаго господства, какъ слишкомъ милостиваго, но польскій крестьянинъ предпочитаетъ даже его господству своихъ собственниковъ-дворянъ». Не думайте о возстановленіи Польши, забудьте даже о ея прежнемъ существованіи, Польша не возстанетъ изъ пепла! Бисмаркъ вмѣстѣ съ поэтою повторяетъ: «минута, которую ты упустилъ, вѣчность не возвратитъ тебѣ ея».

Указывая на судьбу Польши, какъ на краснорѣчивое поученіе, Бисмаркъ обращается къ собранію нѣмецкихъ представителей и дѣлаетъ такого рода наставительное обобщеніе: «Вотъ куда можетъ быть приведено большое и могущественное государство, управляемое дворянствомъ храбрымъ и воинственнымъ, но эгоистическимъ, когда въ этомъ государствѣ ставятъ личную свободу выше, я не скажу единства государства, но его внѣшней безопасности, когда, другими словами, личныя вольности подавляютъ, подобно чужаежному растенію, общіе интересы». Насколько подобное обобщеніе серьезно, намъ не нужно указывать

читателю,—онъ видитъ передъ собою, хотя и на довольно значительномъ разстоянн, весьма сильное, весьма могущественное государство, цѣльность и безопасность котораго никто не подвергаетъ сомнѣнн, и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляетъ своимъ гражданамъ самую широкую политическую свободу, какую можно только желать.

Если князь Бисмаркъ говорилъ, что населенн Польшн, подвластной Россн, предпочитаетъ русское господство, которое, какъ онъ выражается, онъ не можетъ восхвалять «какъ слишкомъ милостивое», то нужно ли говорить, что онъ думаетъ о населенн Польшн, подвластной Пруссн, и о ея расположенн къ нѣмецкому правительству. Польское населенн процвѣтаетъ, благоденствуетъ подъ покровомъ Пруссн и никогда не рѣшится промѣнять его на управленн пановъ, аристократовъ, будь они самые чистокровные поляки. «Кому, говорить нѣмецкн канцлеръ, я могу сообщить какъ новость, что жители прусской части старой польской республики первые почувствовали и признали блага цивилизацн несравненно выше той, которою они пользовались прежде? Я могу сказать съ гордостью, что эта часть Польшн, находящаяся подъ господствомъ Пруссн, болѣе процвѣтаетъ, болѣе обезпечена въ своихъ правахъ, болѣе привязана къ своему правительству, нежели когда-нибудь была, не только на памяти людей, но въ теченн всей исторн, какая-нибудь провинцн этого государства. Огромное большинство жителей провинцн каждый разъ, какъ представлялся только случай, заявляло свою признательность и привязанность къ прусскому правительству и королевскому дому. Всевозможныя средства соблазна, пущенныя въ ходъ, чтобы «воскресить національное чувство»—во время возстанн, повторяющихся каждыя пятнадцать лѣтъ—не могли увлечь прусскихъ подданныхъ польскаго языка принять участн, въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ, въ этихъ движеннхъ меньшинства, въ которыхъ участвуютъ особенно дворянство, служащн въ господскихъ помѣстьяхъ и рабочн классъ. Что касается до крестьянъ, то ихъ всегда видѣли протестующими, съ большою энергн. и даже съ оружн въ рукахъ, противъ всякой попытки, имѣющей цѣлью возвратн тотъ порядокъ вещей, который они знали по наслышкѣ отъ ихъ отцовъ—они протестовали, говорю я, съ такою энергн, что правительство было вынуждено въ 1848 году, изъ чувства гуманности, выставн противъ возставшихъ другн войска, а не польскн. На всѣхъ поляхъ битвъ—я ссылаюсь на свидѣтельство почтеннаго генерала, бывшаго во главѣ пятаго корпуса армн—польскн солдаты

доказательства тѣхъ же чувствъ преданности. Въ Даніи и въ Богеміи, они, съ свойственною имъ національности храбростью, запечатлѣли своею кровію ихъ привязанность къ королю».

Мы нарочно привели эту длинную выписку одной изъ рѣчей князя Бисмарка, такъ какъ она можетъ служить образцомъ большей части его рѣчей, посвященныхъ польскому вопросу. Съ одной стороны, онъ относится съ необычайною твердостью даже къ мысли о независимомъ существованіи Польши, съ другой, онъ не упускаетъ случая, чтобы лишній разъ заявить, что польская нація благоденствуетъ подъ властью Пруссіи, и что польское населеніе Пруссіи, не въ примѣръ прочимъ частямъ старой Польши, глубоко благодарно правительству за всѣ благодѣянія цивилизаціи, которыми оно пользуется, и что никогда, если бы даже была у него возможность, оно не захотѣло бы возвратиться къ прежнему порядку вещей. Польскій народъ—это прусскій народъ, все различіе заключается въ томъ, что одни говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ, другіе на польскомъ, чувства же однѣ и тѣ же. Такую мысль проводилъ онъ неизмѣнно отъ начала своей политической дѣятельности и до настоящаго времени, какъ въ 1862 году, такъ въ 1872, онъ говорилъ одно и тоже. Послѣ французской войны онъ только прибавилъ, что поляки еще разъ, въ борьбѣ въ Францію, показали всю свою преданность своему нѣмецкому отечеству. Сила подобныхъ разсужденій по необходимости нѣсколько ослабляется только тогда, когда читаешь другія его рѣчи, въ которыхъ онъ горько жалуется, что нѣмецкій языкъ въ запущеніи, что есть цѣлыя общины, которыя, прежде будучи нѣмецкими, теперь ополячились.

Благодаря тому, продолжаетъ князь Бисмаркъ, что польскимъ учителямъ оказывалось всяческое покровительство, вслѣдствіе расчетовъ партій, мы видимъ «въ восточной Пруссіи общины, прежде бывшія нѣмецкими, но гдѣ теперь молодое поколѣніе не понимаетъ нѣмецкаго языка и въ теченіи вѣка, въ который мы обладаемъ этою странкою, оно было совершенно ополячено. Безъ сомнѣнія, это можетъ служить блистательнымъ доказательствомъ жизненности и ловкости польской агитаціи, но она существуетъ только въ силу добродушной терпимости государства». Князь Бисмаркъ обобщаетъ, что наступилъ послѣдній часъ этой «терпимости», и что въ будущемъ Германія въ отношеніи Польши будетъ брать примѣръ съ поведенія Франціи по отношенію къ Эльзасу. Въ добрый часъ! скажетъ читатель, но дѣло въ томъ, что князь Бисмаркъ поведеніе Франціи въ отношеніи къ Эльзасу понимаетъ совершенно по-своему. Князь Бисмаркъ обобщаетъ,

что нѣмецкій языкъ «получить большее развитіе» въ восточной Пруссіи и, такимъ образомъ, надѣется до конца онѣмечить край, и это насильственное введеніе языка называется подражаніемъ Франціи. Въ дѣйствительности же, если бы Германія захотѣла слѣдовать примѣру Франціи въ Эльзасѣ, то она вовсе не вводила бы насильственно нѣмецкаго языка; князь Бисмаркъ отлично знаетъ, и онъ нѣсколько разъ выражалъ это въ своихъ рѣчахъ, основывая даже на этомъ свои политическія соображенія, что въ Эльзасѣ огромное большинство населенія говоритъ по-нѣмецки, и что Франція вовсе не заботилась вводить свой языкъ; край сдѣлался французскимъ, сохраняя нѣмецкій языкъ. Князь Бисмаркъ не хочетъ понять, не хочетъ согласиться, что если Эльзасъ офранцузился, а въ восточной Пруссіи, напротивъ, даже нѣмецкія общины ополчаются, то причина такого различія лежитъ въ различіи нравовъ двухъ странъ, въ различіи политическаго строя одного и другого государства. На чьей сторонѣ преимущество, на сторонѣ ли Франціи или Германіи, едва ли нужно говорить. Насильственное введеніе языка — какъ всякая насильственная мѣра, никогда не можетъ привести ни къ офранцузенію, ни къ онѣмеченію, того или другого края.

Послѣ подобныхъ признаній князя Бисмарка невольно приходится относиться съ меньшимъ довѣріемъ къ увѣреніямъ князя Бисмарка относительно привязанности польскаго населенія къ нѣмецкой землѣ и его благодарности за всѣ «благодѣянія» нѣмецкой цивилизаціи. Еще болѣе ослабляется значеніе этихъ увѣреній, когда читаешь другія рѣчи князя Бисмарка, въ которыхъ онъ говоритъ о необходимости зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы возстаніе въ Россіи не заразило прусской Польши, и какъ чума, не распространилось бы въ ней. Мы указываемъ на эти противорѣчія для того собственно, чтобы сказать, что увѣренія князя Бисмарка относительно «процвѣтанія» и «благоденствія» прусской Польши и ея «благодарности» за дарованіе всѣхъ плодовъ нѣмецкой цивилизаціи, суть, собственно говоря, не что иное, какъ извѣстная система, средство для достиженія цѣли, которая заключается въ томъ, чтобы имѣть право сказать: изъ трехъ государствъ, раздѣлившихъ Польшу, одна только Пруссія сумѣла поступить такъ, что польское населеніе по своимъ чувствамъ, если не по языку, сдѣлалось нѣмецкимъ. Насколько это справедливо, это другой вопросъ, о которомъ здѣсь говорить не мѣсто.

Познакомившись съ воззрѣніями князя Бисмарка на Польшу вообще, мы видимъ, что отношеніе его къ польскому вопросу въ Россіи становится какъ нельзя болѣе понятнымъ, и мы не можемъ

уже чувствовать особенной благодарности за то, что въ этомъ вопросѣ онъ дѣйствовалъ такъ, а не иначе. Князь Бисмаркъ всегда въ этомъ вопросѣ дѣйствовалъ исключительно въ нѣмецкихъ интересахъ, нисколько не заботясь о выгодахъ или невыгодахъ Россіи, что, конечно, никому не можетъ быть поставлено ему въ вину. Въ свою очередь и Россія должна точно также заботиться исключительно о своихъ интересахъ, и князь Бисмаркъ не только признаетъ за нами такое право, но считаетъ «русскую» политику Россіи ея прямою обязанностью. «Россія, я знаю и каждый знаетъ это точно также какъ и я,—говоритъ князь Бисмаркъ,—не руководствуется прусскою политикою и не имѣетъ никакого основанія ею руководствоваться; ея прямая обязанность, напротивъ, имѣть свою, русскую политику».

Князь Бисмаркъ, во время польскаго возстанія, несмотря на его увѣренія въ преданности и любви польскаго населенія къ прусскому правительству, болѣе всего опасался распространенія этого возстанія въ Познани и потому безусловно сочувствовалъ всѣмъ мѣрамъ, какія только предпринимались русскимъ правительствомъ для усмиренія мятежа. «Это возстаніе, говорилъ онъ, въ извѣстныхъ частяхъ польскаго королевства, и особенно вблизи прусской границы, получило развитіе, значеніе котораго выходитъ за предѣлы края. Несомнѣнная цѣль возстанія—это возстановленіе польскаго королевства и его возможное расширеніе на счетъ своихъ сосѣдей до старыхъ польскихъ границъ». Въ виду этого Бисмаркъ, руководствуясь исключительно прусскими интересами, могъ содѣйствовать мѣрамъ для усмиренія возстанія и, не думая нисколько быть пріятнымъ русскому правительству, вступить съ нимъ въ тайное или явное соглашеніе относительно польскаго вопроса. Поэтому сочувствіе и содѣйствіе, которое русскій кабинетъ находилъ въ князѣ Бисмаркѣ во время польскаго возстанія, никому не должно быть толкуемо въ томъ смыслѣ, что Пруссія оказала услугу Россіи и въ этой мнимой услугѣ видѣтъ залогъ дружественныхъ отношеній. «Мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія,—говорилъ нѣмецкій канцлеръ,—относительно тѣхъ попытокъ, которыя дѣлаются, чтобы подготовить на прусской территоріи возстаніе такъ, чтобы оно могло вспыхнуть въ благоприятную минуту».

Эти «положительныя свѣдѣнія», которыми обладалъ князь Бисмаркъ, лучше всего объясняютъ ту косвенную помощь, которая была оказана Россіи Пруссіей. Отношенія Пруссіи къ Россіи были опредѣлены въ то время княземъ Бисмаркомъ на-перекоръ палатѣ. Времена, конечно, съ тѣхъ поръ перемѣнились, и въ настоящее время

князю Бисмарку не нужно было бы обращаться къ палатѣ представителей со словами: «Наклонность выражать энтузіазмъ къ чуждымъ національнымъ стремленіямъ, даже въ ущербъ нашей собственной родинѣ, это родъ политической болѣзни, на которую Германія, увы! кажется, получила привилегію». Нѣмецкіе представители едва ли не превзошли князя Бисмарка въ твердости и рѣшимости не обращать вниманія на «національныя стремленія». Но тогда было не такъ, и нѣмецкому канцлеру приходилось выдерживать борьбу. «Вы говорите,—обращался онъ къ палатѣ,—что интересъ Пруссіи требуетъ абсолютнаго нейтралитета; такое мнѣніе, по моему убѣжденію, ложно въ томъ смыслѣ, что сосѣдство императора Александра безспорно выгодно для Пруссіи сосѣдства Мѣрославскаго и пропагандирующей Польши, ложно въ томъ смыслѣ, что наше коммерческое положеніе точно также, какъ общее благо государства, безспорно заинтересованы въ томъ, чтобы польское возстаніе длилось какъ можно менѣе и чтобы оно поскорѣе уступило мѣсто правильному и законному порядку вещей». Такими аргументами князь Бисмаркъ защищалъ конвенцію, заключенную между Россіей и Пруссіей, конвенцію, въ силу которой войска того и другого государства могли безпрепятственно переходить черезъ границы на довольно значительномъ протяженіи. Бисмаркъ весьма настойчиво убѣждалъ въ то время палату отложить въ сторону всякія гуманныя чувства, называя ихъ излишнею сентиментальностью и просилъ даже рѣчами не вмѣшиваться въ распоряженія русскаго правительства. «Ораторъ,—говорилъ онъ послѣ одной изъ рѣчей Вирхова,—сожалѣеть, что вмѣсто военнаго вмѣшательства, намѣреніе котораго онъ приписываетъ намъ, мы не вмѣшались скорѣе дипломатически, предлагая русскому кабинету измѣнить систему управленія, принятую по отношенію къ Польшѣ. Я долженъ замѣтить, что подобные совѣты, даваемые иностраннымъ правительствамъ о способѣ, которымъ они должны управлять внутри страны, заключаютъ въ себѣ всегда нѣчто опасное, такъ какъ они легко могутъ привести къ взаимности».

Во всѣхъ отношеніяхъ князя Бисмарка къ Россіи или, вѣрнѣе, во всѣхъ его рѣчахъ, гдѣ онъ только долженъ былъ касаться ея, мы видимъ такую же осторожность, какъ и въ польскомъ вопросѣ. Какъ только рѣчь заходила въ палатахъ о какомъ-либо дѣйствіи русскаго правительства, Бисмаркъ тотчасъ же слѣпшилъ прервать замѣчаніемъ, что «политическіе обычаи» должны были бы удерживать отъ рѣзкихъ выраженій относительно дружественной державы. Если Бисмарку и случалось подчасъ высказы-

вать несовѣстныя лестныя мнѣнія относительно внутреннихъ порядковъ страны, то это происходило скорѣе оттого, что онъ самъ не сознавалъ, насколько его сужденія могутъ быть обидны. Въ большинствѣ же случаевъ, почти всегда, преобладала въ его рѣчахъ необыкновенная сдержанность и осторожность. Какъ на примѣръ, можно указать на то мѣсто его рѣчи, въ которой онъ отвѣчалъ одному изъ депутатовъ, обращающему вниманіе Пруссіи на «дѣйствія» русскаго правительства въ Остзейскомъ краѣ и желавшему, чтобы нѣмецкое правительство вступилось за будто бы обижаемыхъ нами нѣмцевъ. «Между великими дружественными державами, — отвѣчалъ нѣмецкій канцлеръ, — чуждыми всякой борьбы изъ-за интересовъ, встрѣчается весьма много случаевъ, когда эти государства, естественно, дѣйствуютъ въ полномъ согласіи, такъ какъ ихъ интересы одни и тѣ же, и нѣтъ никакой надобности стараться нарушить доброе согласіе и внести раздражительность въ отношенія между ними, приписывая одному роль подчиненія, другому — управленія. Вслѣдствіе этого, такъ какъ русская національная чувствительность также щекотлива, какъ и наша, то я желалъ бы, чтобы ораторъ воздержался принимать сторону русскіхъ подданныхъ, которыхъ онъ изображаетъ угнетенными русскимъ правительствомъ. Если онъ имѣлъ серьезное намѣреніе быть полезнымъ тѣмъ, которыхъ онъ беретъ подъ свое покровительство, то я могу его увѣрить, что онъ какъ разъ достигнетъ прямо противоположной цѣли, и что его кліенты вовсе не будутъ ему благодарны, что онъ поднималъ такой колючій вопросъ. Ораторъ сидитъ здѣсь въ полной безопасности и говоритъ нисколько не стѣсняясь. Но мы должны еще спросить, — прибавляетъ князь Бисмаркъ, выражая тѣмъ самымъ весьма обидную для насъ мысль, — каковы будутъ послѣдствія его словъ для тѣхъ, кому онъ желалъ оказать покровительство.»

Бисмаркъ съ негодованіемъ возстаетъ даже противъ самой мысли вмѣшательства во внутреннія дѣла дружественной державы и совѣтуетъ не компрометтировать остзейскихъ нѣмцевъ платоническимъ покровительствомъ, отъ котораго они могутъ только пострадать. Слова князя Бисмарка могли бы насъ безусловно успокоить какъ относительно округленія Германіи на польской границѣ, такъ и округленія со стороны Остзейскаго края, если бы только: во-первыхъ, мы не знали, что, несмотря на достойную откровенность Бисмарка въ своей внѣшней политикѣ, въ отношеніяхъ къ своимъ сосѣдямъ, онъ не вынужденъ быть все-таки соглашаться иногда съ Талейраномъ, что слова существуютъ только для того, чтобы лучше скрывать мысли и дѣйствія; и если

бы, во-вторыхъ, общественное мнѣніе Германіи, выражающееся въ прессѣ и литературѣ, не подсказывало намъ слишкомъ часто: будьте осторожны, не полагайтесь слишкомъ на дружбу!

Если бы кто-нибудь пожелалъ, во что бы то ни стало, отыскать въ рѣчахъ князя Бисмарка хотя слабый намекъ на желаніе «округлить» границы со стороны нашихъ польскихъ провинцій, тотъ долженъ былъ бы остановиться на длинной рѣчи нѣмецкаго канцлера, посвященной пограничнымъ отношеніямъ между Россією и Пруссією. Трактатомъ 1815 года опредѣлены эти отношенія, выговорены права для той и другой стороны, имѣвшія въ виду исключительно границы стараго польскаго королевства, какъ онѣ представлялись въ 1772 году. Нѣмцы жаловались, что права эти нарушаются русскими властями, и что нарушенія пограничныхъ отношеній, установленныхъ въ 1815 году, отзываются крайне вредно какъ на торговыхъ отношеніяхъ края, такъ и на личной свободѣ нѣмцевъ, переходящихъ границу. Они утверждаютъ, что эта личная свобода не достаточно гарантирована въ Россіи и постоянно подвергается опасности. По поводу этихъ-то пограничныхъ отношеній былъ сдѣланъ запросъ въ палатѣ прусскому правительству, на который князь Бисмаркъ и отгѣчалъ пространною рѣчью. Сдѣланный запросъ крайне не понравился князю Бисмарку, такъ какъ онъ вынуждалъ его выдти изъ той сдержанной роли, которую онъ принималъ въ отношеніи Россіи, и сознаться, что между двумя государствами, несмотря на тѣсную дружбу, есть нѣкоторые спорные пункты. «Если,—говорилъ князь Бисмаркъ,—авторъ запроса имѣлъ цѣлью создать министерству иностранныхъ дѣлъ такого рода непріятности, которыя затрудняютъ управленіе дѣлами, то ему это вполнѣ удалось. Министръ иностранныхъ дѣлъ не можетъ принимать на себя роли публичнаго обвинителя сосѣдняго дружественнаго правительства, не нарушая тѣмъ самымъ всѣхъ международныхъ традицій. Путь, принятый правительствами для того, чтобы приходить къ соглашенію по спорнымъ вопросамъ, это — путь дипломатической переписки, а не публичныхъ разглагольствованій. Съ другой стороны, я не желалъ бы, чтобы изъ молчанія правительства кто-нибудь могъ вывести заключеніе, что съ нашей точки зрѣнія пограничныя отношенія таковы, какихъ мы только можемъ желать.»

Нѣтъ, существующими пограничными отношеніями князь Бисмаркъ не имѣетъ основанія быть довольнымъ, и онъ чистосердечно признаетъ ихъ неправильными. «Что пограничныя отношенія,—высказываетъ онъ,—не находятся въ положеніи, которое правительство могло бы признать нормальнымъ, и что подобное

положеніе вещей продолжается уже пятьдесятъ лѣтъ, то это доказывается постоянно возобновляемыми переговорами въ виду улучшенія пограничныхъ отношеній», — переговорами, на которые въ 1867 году онъ возлагалъ свои надежды. Если князь Бисмаркъ желаетъ улучшенія пограничныхъ отношеній, то онъ желаетъ этого улучшенія не столько еще для Пруссіи, сколько для блага Россіи, интересы которой не понимаются, по его мнѣнію, такъ, какъ они должны были бы пониматься; «много разъ, — говоритъ онъ, — мы дѣлали представленія въ этомъ смыслѣ императорскому правительству, но оно полагаетъ, что лучшій судья въ томъ, что отвѣчаетъ его интересамъ, что нѣтъ, это само правительство, и мы ничего не можемъ возражать съ точки зрѣнія международнаго права; мы должны довольствоваться печальнымъ утѣшеніемъ, что русскіе интересы страдаютъ еще болѣе нашихъ отъ таковаго закрытія границъ.» Со стороны нѣмецкихъ подданныхъ постоянно возникаютъ жалобы на притѣсненія, которымъ они подвергаются со стороны русскихъ властей, какъ только переходятъ границы, и жалобы эти самаго различнаго свойства. Между прочими жалобами весьма часто возникаютъ жалобы на неправильное арестованіе и изгнаніе изъ Россіи лицъ, которыя обладаютъ паспортами, находящимися въ порядкѣ, и потому подвергаются притѣсненіямъ безъ всякаго законнаго основанія.

Князь Бисмаркъ останавливается даже и на причинахъ подобныхъ столкновеній: «Откуда рождаются, господа, подобныя столкновенія, не говоря о тѣхъ случаяхъ, которые представляютъ собою не что иное, какъ простое вымогательство? Наши соотечественники часто отправляются въ Россію на-легкѣ, безъ денегъ, безъ знанія языка, не справляясь о тѣхъ формальностяхъ, которыя они должны выполнить на границахъ. Они являютъ съ оружіемъ, хотя и не имѣютъ намѣренія употребить его въ дѣло; но ношеніе оружія запрещено въ Россіи, они должны были бы это знать; *ignorantia legis* — вредная вещь. Другое: наши соотечественники думаютъ, что они могутъ обращаться съ русскими чиновниками точно также, какъ они обращаются съ прусскимъ ландратомъ, и когда они чувствуютъ за собою право, когда въ карманѣ у нихъ прусскія бумаги въ порядкѣ, они считаютъ себя въ правѣ возвысить голосъ на языкѣ, непонятномъ для русскаго чиновника. У насъ въ подобныхъ случаяхъ слишкомъ шумное обращеніе навлекло бы тому, который себѣ позволилъ его, только нѣкоторыя внушенія, и чиновникъ, съ которымъ имѣешь дѣло, вовсе не подумаетъ о мѣрахъ укрощенія; да къ тому же онъ и не имѣлъ бы на то законнаго права. Прусскіе путешественники избалованы терпѣніемъ

нашихъ чиновниковъ; путешествующій пруссакъ думаетъ, что онъ можетъ обращаться съ чиновникомъ на русской таможенѣ точно также, какъ онъ говорить съ прусскимъ министромъ. Онъ ошибается; чиновникъ сердится, и путешественникъ, воображающій себя сильнымъ, потому что у него бумаги въ порядкѣ, громко объявляетъ, что онъ честный человѣкъ, и что о немъ можно справиться въ Калишѣ, Столупянахъ или въ другомъ мѣстѣ. Его засаживаютъ въ тюрьму, безъ того, чтобы онъ понималъ за что. Въ своей жалобѣ, естественно, онъ не говоритъ: я вель себя съ нѣкоторою заносчивостью, какъ я имѣю привычку вести себя дома. Съ своей стороны, русскій чиновникъ, спрошенный о своихъ поступкахъ, не говоритъ: я нашелъ, что путешественникъ слишкомъ возвысилъ свой голосъ для мсего достоинства; но онъ отыскиваетъ въ неисчерпаемомъ арсеналѣ свода законовъ, т.-е. русскаго кодекса, по-истинѣ страдающаго излишествомъ полноты, статью, по смыслу которой путешественникъ не выполнилъ всѣхъ правилъ, что и сдѣлало необходимымъ принятіе мѣры предосторожности до болѣе полныхъ свѣдѣній. Вотъ что отвѣчаютъ! путешественника освобождаютъ, и таковы разстоянія и медленность въ исполненіи дѣлъ, что затѣмъ проходятъ цѣлыя недѣли и тогда уже нужно сознаться въ винѣ; измѣнить ничего нельзя. Притомъ такого рода дѣла должны идти путемъ частныхъ жалобъ, но не могутъ,—спѣшить прибавить князь Бисмаркъ,—служить предлогомъ для принятія угрожающаго положенія относительно сосѣдняго могущественнаго государства; дѣла эти происходятъ не изъ дурныхъ намѣреній сосѣда, но изъ особенныхъ свойствъ его учреждений. Единственное возможное средство помочь всему этому заключается въ томъ, чтобы Россійская имперія, придя сама собою въ убѣжденію, что свобода отношеній необходима и выгодна, открыла свои границы больше, нежели прежде, и передѣлала свое законодательство. Измѣненіе порядка вещей не можетъ быть достигнуто силою, намъ остается только ждать.»

Какъ ни добродушно все то, что высказываетъ тутъ князь Бисмаркъ, но нельзя не сказать, что даже эти поверхностныя замѣчанія показываютъ въ немъ довольно близкое знакомство съ нашими административными правами. Притомъ слѣдуетъ еще помнить, что князь Бисмаркъ, при своей изумительной осторожности, вовсе не высказываетъ всего, что онъ думаетъ о русскихъ дѣлахъ, и мы находимъ подтвержденіе тому въ словахъ, сказанныхъ имъ въ различное время и относящихся до сохраненія въ Петербургѣ особаго военнаго агента. Бисмаркъ убѣдительно проситъ, чтобы его не заставляли развивать передъ палатой тѣхъ

мотивовъ, въ силу которыхъ онъ настаиваетъ на необходимости военного агента. «Вѣрьте мнѣ,—говорилъ онъ,—что вовсе не желаніе избѣжать усталости заставляетъ меня не распространяться объ этомъ». Бисмаркъ нѣсколько разъ напоминалъ палатѣ, что она должна ему вѣрить, когда дѣло идетъ о Россіи, такъ какъ онъ прожилъ въ Петербургѣ три года и знаетъ многое, чего не знаетъ палата. Правительство не настаивало бы такъ на сохраненіи этого поста, «если бы оно не сознавало обязанности защищать его въ силу исключительной дипломатической пользы, и если бы въ этомъ отношеніи у него не было глубокаго убѣжденія, которое заставляетъ его такъ настойчиво поддерживать необходимость военного агента въ Россіи».

У страха, говоритъ русская пословица, глаза велики, и потому неразумно было бы, поддаваясь этому недостойному чувству, въ каждомъ словѣ князя Бисмарка, даже самомъ незначущемъ, видѣть тайные ковы противъ Россіи; но еще менѣе разумно было бы слѣпо полагаться на тѣ дружественныя завѣренія, которыя такъ щедро расточаетъ намъ знаменитый нѣмецкій канцлеръ. Мы видѣли на примѣрѣ двухъ сосѣдей Германіи, Австріи и Франціи, какъ мало значенія слѣдуетъ придавать такого рода дружескимъ увѣреніямъ. Входя въ составъ правилъ практической философіи, представляемой въ наше время княземъ Бисмаркомъ, они также гибки, какъ гибка и самая философія. Дружба, оказанныя услуги въ прошедшемъ, благодарность—все это въ современной политикѣ однѣ пустыя слова, лишеныя всякаго содержанія. Князь Бисмаркъ не разъ высказывалъ, что прошло то время, когда возможны были кровавыя войны изъ-за «жалкихъ» династическихъ интересовъ, изъ-за ссоры двухъ монарховъ. Положеніе его имѣетъ и обратную силу. Если ужъ война не можетъ быть начата теперь изъ-за столкновенія между двумя какими-нибудь царствующими домами, то точно также она не можетъ быть остановлена дружбою двухъ домовъ; эта дружба волею-неволею должна будетъ подчиниться давленію, силѣ «національныхъ интересовъ»—этой единственной возможной причины, по словамъ нѣмецкаго канцлера, современной войны. Слѣдовательно, на всѣ увѣренія дружбы и общности интересовъ слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія выгоды, пользы чуждаго намъ государства; съ точки зрѣнія его «національныхъ интересовъ», и притомъ понимаемыхъ такъ, какъ они понимаются въ данную минуту; однимъ словомъ, съ точки зрѣнія тѣхъ «національныхъ интересовъ», которые для своего удовлетворенія потребовали себѣ завоеванія двухъ фран-

прусскихъ областей, «округленія» Германіи Эльзасомъ и Лотарингіей.

Мы исчерпали до конца собраніе рѣчей князя Бисмарка, этого замѣчательнаго государственнаго человѣка современной намъ эпохи. Сдѣлаемъ ли мы общій выводъ, подведемъ ли итогъ всему нами высказанному или предоставимъ самому читателю сдѣлать такой выводъ изъ нашего труда и рѣшить — имѣли ли мы право называть весь тотъ рядъ правилъ, которыми руководствуется какъ въ своей внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ канцлеръ обновленной нѣмецкой имперіи, практическою философіею XIX-го вѣка? Изъ смысла всѣхъ рѣчей князя Бисмарка, его внутренней и внѣшней политики, мы надѣемся, читатель могъ убѣдиться въ справедливости общей характеристики нѣмецкаго канцлера, предпосланной обзору его дѣятельности. Нельзя не быть удивленнымъ, когда видишь въ этихъ рѣчахъ необыкновенную бѣдность широкихъ и глубокихъ общечеловѣческихъ идей, безъ которыхъ не можетъ быть великаго государственнаго человѣка. И несмотря на это, значеніе князя Бисмарка въ судьбѣ его родины необыкновенно велико. Онъ не только выполнилъ завѣщаніе Фридриха II, но онъ расширилъ его планъ и на мѣсто сильной и могущественной Пруссіи воздвигнулъ сильную и могущественную Германію. Конечно, огромнымъ значеніемъ въ исторіи не только Германіи, но и Европы, князь Бисмаркъ много обязанъ самому себѣ, своимъ отличительнымъ качествамъ: энергіи, рѣшительности, силѣ, ясному пониманію той цѣли, къ которой онъ стремился, что весьма важно и не такъ обыкновенно у государственныхъ людей; но тѣмъ не менѣе едва ли бы политическая система князя Бисмарка увѣнчалась такимъ полнымъ успѣхомъ, еслибы народы Западной Европы не находились въ такомъ печальномъ періодѣ своей политической жизни. Вездѣ старыя начала рушились, новыя не утвердились, и кажется, долго еще не утвердятся. Въ этомъ печальномъ состояніи Европы нужно видѣть одну изъ главныхъ причинъ торжества князя Бисмарка, котораго, живи онъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, писатели романтической школы прозвали бы духомъ тьмы. Нужно было бы въ самомъ дѣлѣ имѣть много смѣлости, чтобы появленіе этого замѣчательнаго по энергіи и рѣшимости человѣка на исторической сценѣ назвать благотѣльнымъ для человѣчества. Странная судьба постигаетъ историческихъ дѣятелей! Одни, которыхъ при жизни величаютъ богами, становятся въ глазахъ потомства воплощеніемъ зла, они представ-

дѣются бичами, ниспосланными будто бы Провидѣніемъ; другіе же, которые при жизни не вызываютъ восторговъ и колѣнопреклоненія, поднимаются въ исторіи на недостижимую высоту. Сколько ни старались бы мы оцѣнить безпристрастно значеніе князя Бисмарка и его политической системы, наши старанія напрасны. Мы, современники, не можемъ еще отрѣшиться отъ извѣстнаго пристрастія въ ту или другую сторону. Предоставляя этотъ трудъ исторіи, мы тѣмъ болѣе не въ состояніи сдѣлать еще вѣрной оцѣнки его исторической роли, что не знаемъ еще какъ прочно окажется возведенное имъ зданіе, какъ крѣпка его политическая система. Намъ кажется, что для того, чтобы зданіе князя Бисмарка было прочно, нужно, чтобы онъ и его преемники разбили старыхъ боговъ и поклонились новымъ, какъ поклонились бы имъ и весь нѣмецкій народъ. Новые боги—это новыя идеи, новыя для большинства, но старыя для тѣхъ пророковъ нѣмецкаго народа, которые носятъ имена Лессинга, Шиллера, Фихте, Бёрне.

Евг. Утинъ.

НОВѢЙШАЯ ПОЛЕМИКА РАСКОЛА

II *).

Вотъ тѣ основанія, которыя приводятся расколомъ въ наше время, чтобы доказать, что московскій соборъ 1666—67 гг., осудившій его, не только не имѣлъ надлежащаго каноническаго достоинства, но сверхъ того былъ несправедливъ въ произнесенномъ имъ осужденіи.

«Все, что возникаетъ не въ слѣдствіе каприза, — такъ говорить «Новѣйшая раскольническая Челобитня», — по естественному ходу вещей, должно имѣть мѣсто подь солнцемъ... Единство вѣры въ догматы и таинства, по ученію святой апостольской церкви, обязательно для каждаго члена ея, но обрядъ и обычай одной частной церкви не обязательны для другой. Однакожъ извѣстный обрядъ, исторически утвердившійся въ какой-либо церкви (и даже приходѣ), становится обязательнымъ для членовъ ея, отъ мірянина до епископа. Народъ русскій въ правѣ имѣть свои русскіе, отечественно-церковные обычаи и обрядовыя особенности, а съ ними и тотъ складъ нравственно-религіозныхъ воззрѣній и убѣжденій, изъ коихъ между прочимъ слагается отличие каждой національности отъ другой, и кои исторически, въ продолженіе вѣковъ, выработали у насъ тѣ особенности, кои, нисколько не отступая отъ восточнаго, апостольскаго православія, сообщили ему у насъ характеръ русской народности, образовали изъ него наше русское

---

*) См. выше: май, 43 стр.

православіе. И образованіе въ нашемъ отечествѣ старообрядства имѣетъ историческое основаніе. Это—несомнѣнно.

«Мы, русскіе, приняли отъ грековъ вѣроученіе христіанское вполнѣ опредѣленнымъ. Всѣ недоумѣнія, какія могли только возникнуть въ области вѣры, были высказаны и свято соборнѣ об-суждены, заблужденія осуждены и православіе навсегда утверждено. Нашимъ предкамъ не оставалось болѣе на чѣмъ бы упражнять ревность къ благочестію, въ которой предки наши не уступали ни одному народу и которая требовала дѣятельности. Эту-то ревность и эту-то дѣятельность и обратили они на предметы обрядовые, которые въ древней Церкви и уставомъ не были опредѣлены и исполнялись разнообразно. Эта-то разнообразность и неопредѣленность, войдя къ намъ съ Востока вмѣстѣ съ религіею, и представила нашимъ предкамъ возможность и — самые предметы для благочестивыхъ изысканій и соображеній, споровъ и соглашеній.

«12-го августа 1478 года всероссійскій митрополитъ Геронтіи освящаль нынѣшній Успенскій соборъ въ Москвѣ. При этомъ освященіи онъ ходилъ кругомъ церкви противу солнца. Дѣйствіе митрополита показалось Москвѣ столь необычайнымъ, что жалобы на него доведены были до государя. Великій князь Иванъ Васильевичъ III «гнѣвъ воздвиже на нѣ, что свѣщаль соборную церковь митрополитъ, да не по солнцу ходилъ съ кресты около церкви. Яко того ради, рече, гнѣвъ Божій приходитъ». Митрополитъ отстаивалъ правильность совершеннаго имъ дѣйствія. (Въ тѣ времена и не безопасно было сознаваться въ ошибкахъ). На споръ были вызваны государемъ въ Москву нарочитые въ то время авторитеты: новгородскій владыка Теофанъ и ростовскій Вассіанъ. Пересмотрѣны были всѣ уставы, но нигдѣ не найдено, какъ должно ходить кругомъ, сказано ходить кругомъ церкви, а какъ ходить — вправо или влѣво — умолчано. «И много спира-шеса, не обрѣтоша истины». Споръ длился четыре года. Въ это время въ Москвѣ приготовлено было къ освященію нѣсколько церквей и придѣловъ; государь настаивалъ на посолонномъ къ освященію, а митрополитъ стоялъ за противусолоніе, и изъ-за этого спора церкви оставались неосвященными. Наконецъ, дошло до того, что митрополитъ временно оставилъ митрополію, рѣшив-шись, — ежели государь «ѣхавъ не добіетъ ему челомъ, и ро-танія того не оставить, что посолонъ ходити,—до конца остави-санъ митрополитскій и въ велии жити». Государь, сдався наконецъ, предоставивъ ему освящать церкви «якоже велитъ». «Устава же не учинили».

«Въ жалобахъ государю на митрополита, — продолжаетъ новѣйшій расколъ далѣе, — въ столь рѣшительномъ внимательствѣ государя въ дѣла обряда, въ серьезности, продолжительности, всенародности и, можно сказать, государственности изслѣдованій, въ словахъ государя: «яко того ради гнѣвъ Божій приходитъ», въ самомъ гнѣвѣ его на митрополита, не ясно ли высказывается, что противусолонное ходженіе, употребленное митрополитомъ Геронтіемъ, было для Москвы дѣломъ, болѣе нежели необычайнымъ, было такимъ нарушеніемъ обычая церкви, «воего ради гнѣвъ Божій приходитъ». Устойчивость же русскихъ на томъ, что было прежде, указываетъ значительную давность утвердившагося въ Москвѣ посолонія... Устава не учинили. Но споръ между государемъ и митрополитомъ, споръ, о которомъ знала и, слѣдовательно, въ которомъ по праву и по духу того времени принимала участіе вся Россія, не могъ пройти безслѣдно, не могъ не возбудить новыхъ усиленныхъ изслѣдованій и соображеній, не могъ остаться нерѣшеннымъ. Лѣтописи не записали намъ самого процесса этого рѣшенія, но церковно-богослужебныя книги, печатанныя при первыхъ пяти патріархахъ, представляютъ намъ по этому предмету результатъ изслѣдованій и соображеній. Посолоніе одержало верхъ и принято единственно обязательнымъ при совершеніи крестныхъ ходовъ и браковъ.

«Что сказано о кругохожденіяхъ, — заключаетъ новѣйшій расколъ по этому поводу, — то, конечно, должно разумѣть и о всѣхъ прочихъ обрядовыхъ вопросахъ, кои, подобно кругохожденіямъ, съ незапамятныхъ временъ подвергались изслѣдованіямъ, имѣли свою исторію, хотя и неписанную, проходили періоды броженія, колебаній и борьбы, но которыя ко временамъ патріаршимъ были рѣшены окончательно. А что книги, печатанныя при перво-патріархахъ, представляютъ окончательный результатъ изслѣдованій и совокупно-церковное рѣшеніе этихъ вопросовъ, это свидѣтельствуется тѣмъ, что противу рѣшеній, выраженныхъ сими книгами, не слышно было въ Россіи ни одного протеста до патріарха Никона» ¹⁾.

Очевидно, новѣйшій расколъ всѣмъ этимъ разсужденіемъ говорить объ историческомъ происхожденіи нашихъ раскольническихъ обрядовъ, хотеть доказать, что они произведеніе — чисто-русскаго, національнаго благочестиваго чувства, произведеніе историческое, вѣвовое. Эта теорія не похожа на прежнюю раскольническую. Прежній расколъ доказывалъ, что содержимые имъ

¹⁾ Лист. 5 и 6 на оборотѣ, 9, 12, 18, 31 и 74. Тоже и въ „Объясненіи“ И. В., л. 6.

обряды древнѣе Никоновскихъ, что они, — вообще говоря, — ведутъ свое начало отъ самыхъ первыхъ временъ христіанства. Ныѣшній же этого не говорить. Онъ не оспариваетъ древности православныхъ обрядовъ сравнительно съ своими, даже видимо признаетъ ее. Онъ говорить только, что его обряды суть обряды чисто русскаго происхожденія, выработаны русскимъ благочестіемъ. вѣковой его практикою, — что они вслѣдствіе этого обязательны для всѣхъ русскихъ и что, стало быть, они несправедливо осуждены соборомъ 1666—67 гг.

Теорія эта, какъ всякій видитъ, смѣла и представлена въ рѣшительномъ видѣ. Послѣ этого мы въ правѣ ожидать отъ новѣйшаго раскола, что онъ ни въ чемъ не измѣнитъ ей, — неуклончиво проведетъ ее до конца въ своемъ возраженіи противъ собора. Однако этого не случилось.

Разбирая статью: «Разсужденіе о томъ, какое крестное знаменіе употреблялось въ древней Руси», новѣйшій расколъ начинаетъ разсуждать: «Чтобы знать, — говорить онъ, — какъ древніе христіане русской церкви слагали персты для крестнаго знаменія, важно знать, какое перстосложеніе приняли они отъ грековъ, такъ сказать, въ моментъ своего просвѣщенія христіанскою вѣрою. Это потому важно, что разъ и такъ торжественно принявъ то или другое перстосложеніе вмѣстѣ съ вѣрою, предки наши, по коренному духу русскаго народа, должны были это перстосложеніе сохранить неизмѣнно: сѣки, руби руку, но она не сложится иначе, какъ научили отцы и предки. Но время принятія нами христіанства при равноапостольномъ Владимірѣ было временемъ господствованія во всей вселенской церкви сложенія двуперстнаго. Слѣдовательно, нашими предками отъ церкви греческой могло быть принято сложеніе не иное, какъ двуперстное. Это положеніе сдѣлается убѣдительнѣйшимъ, если мы припомнимъ, что еще до торжественнаго принятія Россіею христіанства, вѣра христіанская имѣла уже у насъ своихъ послѣдователей, а съ вѣрою, конечно, и перстосложеніе, которое у сихъ первоначальныхъ кievскихъ христіанъ еще менѣе могло быть недвуперстнымъ. Переносясь же мысленно въ эпоху торжественнаго принятія нами христіанства, и догадываясь, что старыя кievскіе христіане должны были быть крестными отцами и вообще руководителями новопрсвѣщенныхъ, мы можемъ съ полною увѣренностію признать, что двуперстное, а не другое сложеніе было принято новообращенными изъ язычества нашими предками. Да, древняя Русь, при принятіи ею христіанской вѣры, не могла принять отъ грековъ иного перстосложенія, кромѣ двуперстнаго, а принявши его разъ

и такъ торжественно, не могла не сохранить его не только до нашихъ дней, но и на грядущія времена». («Расколъ не есть ересь и старообрядцы не еретики», брошюра, л. 19 на оборотѣ, 20, 25 и 29).

Итакъ,—двуперстіе перешло къ намъ, на Русь отъ грековъ. Слѣдовательно, оно вовсе не есть произведеніе національнаго, чисто русскаго благочестія, а между тѣмъ новѣйшій расколъ настоячиво, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что содержимые старообрядцами обряды вполнѣ національны и въ силу этого протестуютъ противъ соборнаго отверженія ихъ.

Противъ того, что «образование въ нашемъ отечествѣ старообрядства имѣетъ историческое основаніе», мы, конечно, ничего не имѣемъ сказать; это — правда. Но со взглядомъ новѣйшаго раскола на самый процессъ образованія раскольническихъ обрядовъ, съ тѣмъ, что «обрядовые вопросы съ незапамятныхъ временъ подвергались изслѣдованіямъ, имѣли свою исторію, хотя и не писанную, проходили періоды броженій, колебаній и борьбы; но которые ко временамъ патріаршимъ были рѣшены окончательно», съ тѣмъ, что они суть вѣковой продуктъ русскаго благочестія, нельзя согласиться.

Разсказавши споръ государя Ивана Васильевича III съ митрополитомъ Геронтіемъ изъ-за посолонія, новѣйшій расколъ вслѣдъ за тѣмъ даетъ ему такое толкованіе: «Не ясно ли,—спрашиваетъ онъ,—высказывается въ этомъ спорѣ, что противусолоннее хожденіе, употребленное митрополитомъ Геронтіемъ, было для Москвы дѣломъ, болѣе нежели необычайнымъ, было такимъ нарушеніемъ обычая церкви, «воево ради гнѣвъ Божій приходитъ». Устойчивость же русскихъ на томъ, что было прежде, указываетъ значительную давность утвердившагося въ Москвѣ посолонія». Этими словами онъ, видимо, силится доказать, что обычай «посолонія» появился въ Россіи съ незапамятныхъ временъ, что онъ выработалъ практикою всей русской церкви. Но самое простое объясненіе этого спора, а главное, добросовѣстное отношеніе къ нему, не допускаютъ этого вывода. Споръ этотъ показываетъ только, что посолоніе начало-было въ ту пору входить въ обыкновеніе. Да и то гдѣ? Въ одной только Москвѣ. Лѣтописецъ своимъ разсказомъ объ этомъ спорѣ не допускаетъ большаго. Утверждать же, что посолоніе было давнимъ обычаемъ всей русской церкви, что за него стояла передъ митрополитомъ вся Россія—нѣтъ никакого основанія. Если бы это было такъ, если бы въ этомъ спорѣ «по праву и по духу того времени принимала участіе вся Россія», то противусолоніе не одержало бы въ этомъ случаѣ верхъ. Рус-

скій народъ, во главѣ съ царемъ своимъ, «по духу того времени и по праву», которое, по мнѣнію новѣйшаго раскола, извѣстно уже намъ въ чемъ состоитъ, никогда не допустилъ бы митрополиту измѣнять давніе, родные свои обычаи. Онъ скорѣе согласился бы на оставленіе послѣднимъ своей кathedры, чѣмъ на измѣну своему родному обычаю, который въ ту пору уже равнозначущъ былъ въ его глазахъ самому догмату. Примѣръ этому—участъ епископа ростовскаго Нестора, который лишенъ былъ своей кathedры за то только, что не разрѣшалъ поста въ среду и пятницу, когда въ эти дни случались извѣстные праздники. Съ Геронтіемъ, однакожъ, подобнаго ничего не случилось. Это—во первыхъ.

Во-вторыхъ, споръ этотъ переданъ новѣйшимъ расколомъ не вѣрно, несогласно съ лѣтописью. Привода въ своемъ разсказѣ характеристическія мѣста этого спора подлинными словами лѣтописи, онъ, само собою, долженъ былъ *всѣ* характерныя черты этого спора передать буквально. А между тѣмъ онъ этого не сдѣлалъ. Въ своемъ разсказѣ онъ тѣ только мѣста лѣтописи передаетъ собственными ея словами, которыя, очевидно, можно объяснять ему въ свою пользу. Другія же мѣста ея, которыя говорятъ противъ него, онъ передаетъ своими словами и искажаетъ мысль лѣтописца. Въ разсказѣ о томъ, какъ царь узналъ о противословіи, совершенномъ митрополитомъ Геронтіемъ при освященіи Успенскаго собора, онъ такъ выражается: «дѣйствіе митрополита показалось Москвѣ *столь необычайнымъ*, что жалобы на него доведены были до государя.» Между тѣмъ лѣтопись это передаетъ такъ, что только *«ипотипи прелестникии клеветаша на митрополита князю»* ¹⁾. Очевидно, что слова лѣтописца и слова новѣйшаго раскола, говоря объ одномъ и томъ же предметѣ, говорятъ въ то же время различно,—расходятся между собою въ указаніи побужденій, которыми руководились доносчики царю на митрополита. Новѣйшій расколъ своими словами выражаетъ ту мысль, что дѣйствіе митрополита оскорбило благочестивое чувство Москвы, оскорбило старину, достойную всякаго уваженія и оскорбило такъ глубоко, что на него за это стали жаловаться даже самому государю. Лѣтопись же доносчиковъ называетъ прямо *прелестниками, клеветниками*, т.-е. такими людьми, которые довели государю о поступкѣ митрополита далеко не по тому одному, что этотъ его поступокъ оскорбилъ святое ихъ чувство къ старинѣ, а совсѣмъ изъ какихъ-то темныхъ,

¹⁾ Софійскій Временникъ, ч. II, стр. 202.

заднихъ расчетовъ. Главнымъ мотивомъ доноса ихъ было что-то тайное, чего въ точности опредѣлить нельзя, но что тѣмъ не мѣнѣе видно изъ словъ лѣтописца. Иначе онъ не выразился бы такъ нецеремонно, не обозвалъ бы клеветниками людей, донесшихъ Ивану Васильевичу о поступкѣ митрополита Геронтія. Кому же больше вѣрить — лѣтописи ли, или новѣйшему расколу?... Конечно, доносъ свой «прелестники» могли представить царю въ благовидномъ образѣ, что, вѣроятно, они и сдѣлали. Царь имъ повѣрилъ и занялся разслѣдованіемъ этого поступка митрополита.

Описывая затѣмъ самый споръ, новѣйшій расколъ утверждаетъ, что тогда «пересмотрѣны были *все* уставы и нигдѣ не найдено, какъ должно ходить кругомъ.» — Этого нельзя сказать; лѣтопись эту мысль выражаетъ слишкомъ обще. Она говоритъ, что «написанія не обрѣте о свещеніи церкви» — и только. Откуда же онъ видитъ, что тогда «пересмотрѣны были по этому случаю *все* уставы», т.-е. и древніе русскіе, и греческіе? Да и могли ли спорившіе это сдѣлать? Сомнительно. Это сомнѣніе наше можетъ перейти въ полное утвержденіе, если мы вспомнимъ, что то время въ нашей исторіи, когда происходилъ этотъ споръ, было уже временемъ крайняго упадка въ просвѣщеніи. Между тѣмъ, въ этомъ случаѣ (т.-е. въ изложеніи спора) слѣдующія слова лѣтописи: «но вси священники, и книжники, и иноки, и *міряне* по митрополитѣ глаголаху, а по великомъ князѣ *мало* ихъ, — единъ владыка ростовской князь Асафъ да архимандритъ чудовской Генадей», новѣйшій расколъ совсѣмъ опустилъ, счелъ полезнымъ для себя не придавать имъ никакого значенія ¹⁾. И это понятно почему: Они, какъ видитъ всякій, идутъ въ разрѣзъ съ его теоріей, — съ тѣмъ толкованіемъ, какое онъ даетъ этому спору. Сказавши, что «священники, и книжники, и иноки, и даже *міряне*» стояли въ этомъ спорѣ за митрополита, новѣйшій расколъ послѣ этого безъ явной логической непоследовательности уже не могъ бы доказывать, что «дѣйствіе митрополита показалось Москвѣ необычайнымъ», что «устойчивость русскихъ на томъ, что было прежде, указываетъ значительную давность утвердившагося въ Москвѣ посолонія» и проч. Большинство голосовъ за митрополита и даже, по тогдашнему, передовое («и книжники, — говорить лѣтопись, — и иноки»), заградило бы ему уста утверждать послѣднее. Всякій, прочитавши эти слова лѣтописи въ разсказѣ объ этомъ спорѣ, тотчасъ понялъ бы, что дѣло вовсе было не такъ, какъ его рисуетъ новѣйшій расколъ, что истина скорѣе

¹⁾ Тамъ же, стр. 224.

была на сторонѣ митрополита, чѣмъ на сторонѣ его доностиковъ, прелестниковъ. И это — правда. Старые обычаи, конечно, болѣе были знакомы митрополиту, иновамъ, священникамъ и тогдашнимъ книжникамъ, какъ людямъ, по самому положенію своей жизни обязаннымъ беречь церковную старину, чѣмъ какому-нибудь князю Асафу, быть можетъ, даже и неграмотному, что въ ту пору, извѣстно, было нерѣдкость.

«Устава же не учинили», заключаетъ новѣйшій расколъ. Но почему, спрашивается? Прямого отвѣта онъ на это не даетъ. Но судя по тону самаго разсказа его объ этомъ спорѣ, по толкованію, какое онъ наводитъ на него и особенно потому, что «посолоніе», современемъ, все-таки, по его понятію, одержало верхъ надъ противосолоніемъ, мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что новѣйшій расколъ видитъ причину этого въ томъ, что великій князь и его три сторонника, хотя и уступили изъ какихъ-то расчетовъ митрополиту въ этомъ спорѣ, однако, на увѣщаніе противосолонія, какъ обычай, мнимо противнаго неписанной старинѣ, вѣрно, не согласились бы, если бы митрополитъ захотѣлъ этого. Такъ ли это, — имѣлъ ли подобныя побужденія митрополитъ Геронтій, захотѣлъ ли бы идти противъ нихъ великій князь — неизвѣстно; лѣтопись даже ничего не намекаетъ на счетъ этого. Не станемъ и мы вдаваться по этому поводу въ болѣе или менѣе произвольныя предположенія; это — излишне. Скажемъ только въ заключеніе нашего разсмотрѣнія разсказа лѣтописи о спорѣ митрополита съ великимъ княземъ изъ-за посолонія, что «старина» въ этомъ случаѣ все-таки одержала верхъ.

Слѣдствіе отсюда ясно и понятно. Если защитники «посолонія» согласились съ митрополитомъ, согласились, чтобы онъ освящать церкви противосолонно — «какъ было въ старину»¹⁾; то понятно, что обычай «посолонія» вовсе уже послѣ этого не можетъ считаться продуктомъ русскаго благочестія, выработаннымъ послѣднимъ еще съ незапамятныхъ временъ, что такъ хотѣлось новѣйшему расколу доказать искаженнымъ своимъ разсказомъ объ этомъ спорѣ. Гораздо правдивѣе, ближе къ истинѣ будетъ, если положимъ, что «посолоніе» въ ту пору только начинало-было входить въ употребленіе въ одной Москвѣ. Лѣтопись своимъ разсказомъ о разобранномъ нами спорѣ не допускаетъ, по крайней мѣрѣ, какъ мы видѣли, другого вывода. «Противосолоніе» она прямо называетъ *старинною*, а сторонниковъ «посолонія» — *клевветниками, прелестниками*, чего ужъ, конечно, она не сдѣлала

¹⁾ Тамъ же, стр. 202.

бы, если бы послѣдній обычай былъ употребляемъ въ русской церковной практикѣ еще съ незапамятныхъ временъ.

Не основательнѣе и другое положеніе новѣйшаго раскола, которымъ онъ старается подтвердить эту же свою теорію. Положеніе это — то, что «обряды, содержимые старообрядцами, представляютъ собою окончательный результатъ изслѣдованій и соображеній всей русской церкви», по той, будто бы, причинѣ, что, «внесеніе ихъ въ книги, печатанныя при первопатріархахъ, не встрѣчало тогда себѣ ни откуда противорѣчія.»

Очевидно, что и это не болѣе, какъ одно простое соображеніе новѣйшаго раскола. Почему,—спрашивается,—онъ вромѣ книгъ ни на что болѣе въ этомъ случаѣ не ссылается? «Лѣтописи, — говоритъ онъ,—молчатъ объ этомъ.» Да почему молчатъ? Лѣтописи же записала намъ споръ изъ-за посолонія. Развѣ «усиленные изслѣдованія и соображенія» русской церкви о двуперстіи, напимѣрь, седмипросфоріи менѣе значущи были для лѣтописца, чѣмъ посолоніе? Не можетъ быть. Лѣтописи, какъ извѣстно, записывали даже несравненно маловажнѣе происшествія, чѣмъ «усиленные изслѣдованія» русской церкви относительно обрядовыхъ вопросовъ. При томъ церковно-обрядовомъ направленіи русской жизни, какое въ особенности замѣтно въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ, подобное предположеніе невозможно. Если же лѣтописи молчатъ объ «усиленныхъ изслѣдованіяхъ и соображеніяхъ» русской церкви относительно обрядовыхъ вопросовъ,—это вѣрный знакъ, что ихъ не было.

Почему, далѣе, новѣйшій расколъ не ссылается даже на опредѣленія Стоглаваго собора, такъ уважаемыя старообрядцами? Потому, вѣроятно, что онъ побоялся тутъ того противорѣчія, въ которое бы онъ тогда неминуемо впалъ на одномъ и томъ же листѣ своего сочиненія. Ссылка на опредѣленія Стоглава тогда подрывала бы ту его мысль, что «изслѣдованія и рѣшенія по обрядовымъ вопросамъ имѣли свою исторію, хотя и не писанную, что раскольническіе обряды—продуктъ чисто *русскаго* національнаго благочестія».

Да и самыя «книги, напечатанныя при перво-патріархахъ», доказываютъ ли то, что хочетъ видѣть въ нихъ новѣйшій расколъ? Если «изслѣдованія и соображенія» русской церкви относительно обрядовыхъ вопросовъ во временахъ патріаршимъ были уже рѣшены окончательно, то книги эти, въ дѣлѣ обряда и вообще «отличительныхъ особенностей старообрядства», должны, конечно, имѣть прежде всего возможно полную однообразность, правильность. Между тѣмъ этого-то въ нихъ и не замѣчается.

Фактовъ на это можно представить множество. Въ большомъ Катехизисѣ 1627 года на оборотѣ пятого листа, на вопросъ: «како сіе бываетъ?» какъ, т.-е. сложеніе перстовъ въ крестномъ знаменіи «показуетъ велию тайну вѣры христіанскія», — дается такой отвѣтъ: «три персты ровно имѣти, великій со двѣма малыми вкуупѣ слагаемыми... А два перста имѣти наклонены, а не простерты.» Ясно, — здѣсь говорится о двуперстіи. Но между тѣмъ въ предидущемъ отвѣтѣ на вопросъ: «како на себѣ достойтъ намъ честный крестъ полагати и знаменоватися имъ», сказано: «сице знаменаемся имъ: сложивше убо три персты десныя руки и возлагаемъ на чело.» Послѣдующій же вопросъ прямо ставится такъ: «безъ такового же сложенія тріехъ перстовъ не возможно ли знаменоватися всѣми персты, или единымъ?» Въ обоихъ этихъ случаяхъ уже, очевидно, предписывается троеперстіе; тутъ ни слова нѣтъ о двуперстіи. Въ Кирилловой книгѣ 1644 года, въ главѣ XIV, въ словѣ о крестѣ, говорится тоже, что «три перста сложити въ мѣсто, великій и малый, и третій, что подлѣ малаго... Два же перста вышній и средній великій въ мѣсто сложити и протянути.» Между тѣмъ, въ главѣ XXVI, «о латинскихъ ересѣхъ», Константинъ Панагіотъ укоряетъ кардинала Ивана Азимита такъ: «почто не согбаеши три персты, но твориши крестъ обоими персты?... На колѣну поклечеши шепча и твориши крестъ на земли со обѣма перстома?» Ясно, что тутъ говорится о двуперстіи; оно порицается здѣсь какъ одна изъ семидесяти двухъ латинскихъ ересей.

Неисправность тогдашнихъ, печатавшихся при перво-патріархахъ, книгъ сознавали не только одни справщики, издатели ихъ, но и другія лица. Патріархъ Филаретъ, отобравши въ 1633 году окружною грамотою уставъ 1610 года, просто-напросто приказалъ его сжечь: «для того, — какъ сказано въ грамотѣ, — что тѣ уставы печатають воръ, бражникъ, Троецкаго Сергіева монастыря крылошанинъ, чернецъ Логинъ, безъ благословенія святѣйшаго Ермогена, и всего священнаго собору, и многія въ тѣхъ уставѣхъ статьи напечатаны не по апостольскому и не по отеческому преданію, своимъ самовольствомъ» ¹⁾. Въ послѣсловіи къ книгѣ Іоанна Лѣствичника, изд. въ Москвѣ 1647 г., о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ говорится, что онъ «видѣлъ въ книгахъ многое неисправленіе» ²⁾. Самъ патріархъ Іосифъ жаловался на неисправность тогдашнихъ нашихъ церковно-богослужеб-

¹⁾ Ист. рус. раскола, Макарія, 124.

²⁾ Тамъ же, 117.

ныхъ книгъ, сознаваясь, что теперь «не обращаешь право писанію безъ порока, по узаконенному правилу св. отецъ, книгу въ церквахъ» ¹⁾). Многія книги, наконецъ, изданныя при патр. Іоасафѣ и Іосифѣ, были перепечатываемы съ прежнихъ уже напечатанныхъ и перепечатываемы, главное, съ измѣненіемъ послѣднихъ. Очевидный знакъ, что прежнія книги, напечатанныя до патр. Іоасафа и Іосифа, признавались этими іерархами и современниками ихъ за неудовлетворительныя.

Всѣ эти и подобныя свидѣтельства ясно говорятъ, что книги, изданныя при перво-патріархахъ, далеко не имѣли того однообразія и правильности относительно «отличительныхъ особенностей старообрядства», какую онѣ должны были бы имѣть, если бы изслѣдованія послѣднихъ къ тому времени «окончательно были рѣшены русскою церковію», если бы онѣ «явились результатомъ усиленныхъ соображеній всей ея вѣковой предшествовавшей практики». Эти свидѣтельства показываютъ, что и «внесеніе отличительныхъ особенностей старообрядства» въ печатавшіяся тогда книги несомнѣнно не встрѣчало протеста со стороны современниковъ. Сознаніе справщиковъ-издателей въ неисправности тогдашнихъ книгъ, недовольство ими другихъ современниковъ, есть уже своего рода протестъ противъ этого внесенія, только, разумѣется, слабый. А если это внесеніе и не встрѣчало тогда себѣ протеста, подобнаго, напр., тому, какой встрѣтилъ царь Иванъ Васильевичъ за посолоніе отъ митрополита, то это, по нашему мнѣнію, происходило отъ того, что большая часть раскольническихъ обрядовъ въ ту пору уже распространена была въ обществѣ и что, главное, исправленіе и печатаніе книгъ производилось тогда очень неудовлетворительнымъ образомъ.

Что обряды эти распространены были тогда въ русскомъ обществѣ, это объясняется очень естественнымъ образомъ. Оно подготовлено было къ тому цѣлымъ предшествующимъ (XVI) вѣкомъ. Просвѣщеніе въ обществѣ въ ту пору стояло на самой низшей степени; средствъ къ образованію никакихъ почти не было. А между тѣмъ, стремленіе къ нему было еще у многихъ. Чѣмъ же они могли удовлетворить ему? Одними церковно-богослужебными книгами, наполненными ошибками, да разными сборниками. И кто же, главное, могъ руководить ими въ этомъ случаѣ, объяснять имъ темныя мѣста книгъ? Уже, конечно, не священники, которые въ то время сами «едва брели» по книгамъ. Являлись, естественно, самозванцы-толкователи, начѣтчики.

¹⁾ Истор. вѣст. о раскол., 60.

Любознательные и имъ были рады. И чѣмъ темнѣе, туманнѣе говорилъ имъ говорунъ-начётчикъ, тѣмъ ему болѣе и довѣряли. Да и нельзя было ему не повѣрить; онъ все говорить о возвышенныхъ, божественныхъ предметахъ и ссылается то-и-дѣю, въ подтвержденіе своихъ словъ, на писанія св. отцовъ. Иногда такіе говоруны писали даже книжки. И книжки эти расходились по рукамъ, читались и перечитывались, особенно если авторы ихъ, или переписчики, подписывали на нихъ имя какого-нибудь знаменитаго отца церкви. Въ XV-мъ, напр., вѣкѣ, извѣстно, во Псковѣ разсуждали о томъ: двоить или троить божественное аллилуія. Извѣстный Геннадій спрашивалъ объ этомъ даже толмача Дмитрія Грека. Дмитрій отвѣтилъ ему, что то и другое можно допустить. Геннадій на этомъ успокоился, но не успокоились другіе. И вотъ, въ 1547 году явилось извѣстное житіе препод. Евфросина, составленное клирикомъ Василюмъ (Варлаамомъ) спустя уже около семидесяти лѣтъ по смерти святого. Въ этомъ житіи провозглашено, что только сугубая аллилуія есть правильная. Подобнымъ же образомъ явилось въ ту пору и ученіе о двуперстіи. Естественно, что русское общество XVII-го вѣка, какъ необразованное и въ то же время подготовленное къ принятію этихъ мнѣній прежнимъ временемъ, не могло подвергнуть ихъ правильной, должной оцѣнкѣ, когда они стали вводиться справщиками-издателями въ тогдашнія церковно-богослужебныя книги. Этого мало: оно даже побоялось бы приняться за это дѣло. Мнѣнія эти, какъ извѣстно, утверждены были самимъ Стоглавымъ соборомъ и вносились въ печатаемыя при перво-патріархахъ книги, людьми, по тогдашнему, все учеными, передовыми, пользовавшимися большимъ довѣріемъ отъ самого двора и патріарховъ.

Далѣе, чтобы внесеніе раскольниковскихъ обрядовъ въ печатавшіяся тогда книги могло себѣ встрѣтить отпоръ со стороны самихъ справщиковъ-издателей, — для этого имъ нужно было быть людьми образованными и добросовѣстными. Печатавшіяся при перво-патріархахъ книги тогда, понятно, были бы правильны, когда бы заведывавшіе этимъ дѣломъ дѣятели свѣряли ихъ напередъ—прежде печатанія—съ древними харатейными славянскими и греческими книгами, когда бы это исправленіе совершалось соборнымъ образомъ. Но всѣ эти условія, при выполненіи которыхъ раскольниковскимъ обрядамъ трудно было бы тогда войти въ печатныя книги, нашими предками, частію по недосмотру, а еще болѣе по невозможности найти въ Великороссіи способныхъ людей для этого дѣла, совсѣмъ почти не соблюдались. И одни

справщики-издатели тогдашних наших церковно-богослужебных книг вносили раскольнические обряды въ послѣднія просто по своему незнанію достоинства этихъ обрядовъ, а другіе—по упорной привязанности къ нимъ.

При первыхъ нашихъ патріархахъ, Іовѣ и Гермогенѣ, дѣло исправленія и печатанія церковно-богослужебныхъ книгъ производилось въ очень жалкомъ видѣ. Занимавшіеся пересмотромъ рукописей для печати, греческаго языка не знали ¹⁾. Многія книги издавались даже безъ благословенія патріарховъ. Извѣстный уже намъ чернецъ Логгинъ, въ 1610 году издалъ, напр., безъ благословенія патріарха уставъ. Другія же книги, хотя издавались и съ благословенія и даже съ освидѣтельствованіемъ ихъ отъ патріарховъ, но только это свидѣтельство состояло въ одномъ томъ, что они наблюдали за согласіемъ печатнаго текста съ избраннымъ рукописнымъ подлинникомъ, производилось уже, значить, во время самаго печатанія книгъ ²⁾. Послѣ этихъ патріарховъ дѣло исправленія книгъ стало-было принимать надлежащій видъ. Служебники тогда, извѣстно, стали-было исправлять по древнимъ славянскимъ и вмѣстѣ греческимъ спискамъ. Но попытка эта не удалась; участь Діонисія, архимандрита Троице-Сергіева монастыря, главнаго справщика этой книги, и его товарищей по этому дѣлу извѣстна. И хотя многочисленныя погрѣшности, указанныя препод. Діонисіемъ въ прежденапечатанныхъ книгахъ и научили патріарха Филарета быть повнимательнѣе къ дѣлу исправленія и печатанія книгъ, однако и онъ, свѣряя однѣ книги съ харатейными списками добрыхъ переводовъ, другія позволялъ издавать только съ своего благословенія и освидѣтельствованія, а иныя и вовсе съ одного своего благословенія. При патр. Іоасафѣ это дѣло производилось уже съ меньшимъ вниманіемъ. Правда, и при немъ требовались изъ монастырей древнія харатейныя книги. Но неизвѣстно, какъ производилось исправленіе по этимъ книгамъ. Дѣтельность же самого патріарха въ этомъ дѣлѣ ограничивалась большею частію тѣмъ только, что онъ благословлялъ издавать книги. При немъ дѣло исправленія и печатанія книгъ было въ рукахъ однихъ почти справщиковъ и типографщиковъ. При его преемникѣ, патріархѣ Іосифѣ, справщики и типографщики совсѣмъ, наконецъ, завладѣли дѣломъ исправленія и печатанія книгъ. Будучи весьма ревностнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ престарѣлымъ и слабымъ, онъ это

¹⁾ Исторія русск. церкви, Филарета, т. IV, стр. 153—154.

²⁾ Ист. русск. раскола, Макарія, 111.

дѣло предоставилъ въ полное распоряженіе послѣднихъ ¹⁾. Известные справщики-издатели эти — І. Нероновъ, пр. Аввакумъ, пустосвятъ Никита, Степ. Вонифатьевъ и многіе другіе—распоряжались на печатномъ дворѣ какъ дома; какъ хотѣли, такъ и исправляли книги. Греческими книгами въ этомъ случаѣ они совсѣмъ не пользовались. Въ послѣсловіи къ Шестодневу 1651 года они прямо говорятъ, что «съ прежнихъ переводовъ печатомъ (сію книгу), а греческихъ еще не видѣхомъ» ²⁾. Пронитанные раскольническими мыслями, они только и старались о томъ, чтобы поскорѣе ввести ихъ въ церковно-богослужебныя книги, и тѣмъ, такъ сказать, оканонизовать ихъ. Известный ученикъ препод. Діонисія, Симонъ Азарьевъ, говоритъ объ нихъ: «Въ оно время (около 1647 года) изволеніемъ самодержца, государя Алексія Михайловича, преподоб. Сергія житіе повелѣно бысть напечатати: сія же, аже отъ насъ быша написана, самодержецъ ту же повелѣ напечатати; печатничижъ, иже на печатномъ дворѣ, тѣхъ новыхъ чудесъ яко тридесать и пять главизнъ напечаташа въ Сергіеву книгу, аже отъ насъ принесена быша, прочая же отъ чудесъ въ небреженіи положиша. И якоже они възгордѣвшеся и небрегоша о чудесѣхъ святаго, аще нѣцки отъ нихъ и сами въ небреженіи животъ свой препроводиша, истину бо глаголаху ложь быти и вѣдѣху въ случай, а не въ чудеса, якоже о источницѣ новоявляшагося кладезя, иже у церкви пречистыя Богородицы у паперти, небрегоша по истинѣ напечатати, и послѣди уже напечаташа съ понужденіемъ, но не по истинѣ, но нѣкую ложь отъ своего вымыслу приложише... яко совѣстію своею зазираеми бяху и инныя отъ чудесъ святаго изринуша и напечатати небрегоша» ³⁾.

Оказывается, такимъ образомъ, что нѣтъ ничего особенно важнаго и въ томъ, что внесеніе раскольническихъ обрядовъ въ книги, изданныя при перво-патріархахъ, не встрѣчало тогда себѣ ни откуда большого протеста. Какъ самое общество, такъ и тогдашній образъ исправленія и печатанія церковно-богослужебныхъ книгъ благопріятствовали даже этому. А то и другое, понятно, далеко не составляетъ того, чтобы внесеніе раскольническихъ обрядовъ въ тогдашнія церковныя книги представляло уже собою «результатъ усиленныхъ изслѣдованій и совокупно-церковнаго рѣшенія обрядовыхъ вопросовъ». Соборовъ, которые должны были

¹⁾ Третье посланіе Игнатія, митроп. Сибирскаго.

²⁾ Ист. русск. раск., Макар., 116.

³⁾ Русскій раск. старообрядства, Щапова, 39—40.

завѣдывать этимъ дѣломъ, какъ мы это уже знаемъ изъ первой главы настоящей статьи, не достаетъ въ этомъ случаѣ.

Итакъ, и это положеніе новѣйшаго раскола не свидѣтельствуешь объ историчности происхожденія раскольническихъ обрядовъ, не говорить, чтобы они были слѣдствіемъ вѣкового чисторусскаго благочестія, которое вырабатывало ихъ еще съ незапамятныхъ временъ и которое окончательно выработало ихъ ко временамъ патріаршимъ, что видно, будто бы, изъ того, что внесеніе ихъ въ печатавшіяся въ ту пору церковно-богослужебныя книги не встрѣчало себѣ нигде протеста.

Неудовлетворительность своей теоріи новѣйшій расколъ и самъ, впрочемъ, какъ будто, сознаетъ. Упоминая о ней въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, онъ нерѣдко видимую шаткость ея считаетъ нужнымъ прикрывать отъ глазъ читателей и другого рода соображеніями, которыя могутъ бросать невыгодный свѣтъ на большой Московскій соборъ, такими именно, что «мы имѣемъ полную возможность доказать, что отличительныя особенности старообрядства отличаются отъ поправленныхъ Никономъ еще тщательностію отдѣлки, нарочитою смысленностію» (Новѣйш. челоб. раск., л. 13 и проч.). Но между тѣмъ о «тщательной отдѣлкѣ отличительныхъ особенностей старообрядства» онъ нигдѣ ничего не говоритъ. Относительно же «нарочитой смысленности», заключающейся въ нихъ—представляетъ только слѣдующую теорію: «не нарушая своимъ разнообразіемъ единства въ исповѣданіи вѣры,—разсуждаетъ по этому поводу новѣйшій расколъ,—и не запиная единодушія въ общеніи единославныхъ церкви, одной съ другою, извѣстный обрядъ, при раздѣленіи церкви изъ-за разномыслія въ членахъ вѣры, становится отличительнымъ признакомъ сихъ церквей, знаменемъ православія одной церкви и неправославія другой. И если воинъ царя земного, по ученію церкви, вѣнчается вѣнцомъ мученика, умирая за свое знамя, не за матеріалъ, изъ котораго оно сооружено, а за вѣру и вѣрность, конкъ оно служитъ видимымъ знакомъ; тѣмъ болѣе достойнъ вѣнцевъ членъ церкви воинствующей, умирая, напр., за осмиконечный крестъ, не за число его концовъ, но за православіе, всего осмиконечный крестъ издревле и до сего дня народомъ русскимъ признавался и признается знаменемъ, знаменемъ православія противъ исконнаго врага нашей церкви и отечества—Запада съ его латинствомъ, напизмомъ, іезуитствомъ и польщиной, вторгавшагося къ намъ подъ своимъ знаменемъ, «крыжомъ лятскимъ»... Иначе за что же церковь ублажаетъ братьевъ Маккавеевъ? Вотъ объясненіе, — заключаетъ онъ, — смысленности старообрядства, его

жизненности и несокрушимости, и упорства той борьбы, которую вотъ уже 200 лѣтъ ведетъ оно противъ невѣжественнаго самовластительства» (тамъ же, л. 5 — 6; «Объясн. И. В.», л. 5 на обор.).

Слѣдовательно, раскольниковскіе обряды служили и служатъ для старообрядцевъ знакомъ православія русской церкви, противъ неправославія другой—западной. Въ этомъ, по убѣжденію новѣйшаго раскола, и заключается «несокрушимость и смысленность старообрядства».

Это объясненіе «смысленности» старообрядства на первый взглядъ дѣйствительно представляется уважительнымъ, говорящимъ за него. Но чѣмъ же, спрашивается, новѣйшій расколъ подтверждаетъ его? По обыкновенію своему—ничѣмъ. Такъ, то и другое свое убѣжденіе онъ считаетъ за аксіому, ясную для всякаго и безъ доказательствъ.

Относительно перваго своего положенія, т.-е. «тщательной отдѣлки отличительныхъ особенностей старообрядства», онъ, — замѣтили мы, — нигдѣ ничего не говоритъ. Почему? Новѣйшій расколъ, вѣроятно, догадался, что разъясненіе имъ этого положенія непременно втануло бы его въ старинную схоластику, что было бы и бесполезно и по меньшей мѣрѣ странно. Никѣмъ врядъ ли кого изъ мыслящихъ трезво можно убѣдить, что посолоніе, напр., гораздо лучше, вѣрнѣе изображаетъ собою извѣстную церковную идею, чѣмъ противосолоніе и проч. Оставимъ, поэтому, въ сторонѣ всѣ такіе вопросы, тѣмъ болѣе, что дѣло не въ существѣ самихъ обрядовъ, а въ томъ представленіи, какое, по убѣжденію новѣйшаго раскола, русскій народъ изстари, искони соединялъ съ ними. Въ послѣднемъ случаѣ важнѣе будетъ остановиться нѣсколько на «нарочитой смысленности отличительныхъ особенностей старообрядства», которая, по его убѣжденію, состоитъ въ томъ, что «эти особенности» всегда служили и служатъ для старообрядцевъ знакомъ православія русской церкви, противъ неправославія Запада. Но если двуперстіе служить, напр., знакомъ православія русской церкви противъ неправославія Запада, то это же самое можно сказать и о православномъ троеперстіи: латиняне, какъ извѣстно, слагаютъ крестъ для молитвы не двуперстнымъ и не троеперстнымъ.

Далѣе, подтверждаетъ ли исторія раскола эту его теорію? Если бы «отличительныя особенности» старообрядцевъ служили для нихъ знакомъ православія русской церкви противъ неправославія Запада, то они никогда и ни въ какомъ случаѣ не придали бы имъ большого значенія. А между тѣмъ первые расколо-

учители весьма смотрѣли на эти «отличительныя особенности старообрядства», и въ нихъ полагали самое существо вѣры. Признавая ихъ коренными догматами христіанской вѣры, старообрядцы, послѣ осужденія ихъ церковію, совсѣмъ отдѣлились отъ послѣдней и одни изъ нихъ стали считать ее за это даже антихристіанскою, еретическою. И подобнаго взгляда на «отличительныя свои особенности» они болѣе или менѣе держались, даже до нашихъ дней. У всякаго еще, притомъ, въ свѣжей памяти тотъ фактъ, какъ раскольники Павловскаго посада, Богородскаго уѣзда, взглянули на имя «Исусъ», которое окружники провозгласили равнозначущимъ имени «Исусъ». Въ доношеніи своемъ московскому духовному совѣту они писали: «многіе христіане чрезъ окружное посланіе не довѣряютъ нашимъ церковнымъ учителямъ. Вы пишете, что въ названіи «Исусъ» нельзя подразумѣвать иного Бога или иного Ісуса. А если такъ не разликовать, то-есть, «Исусъ» и «Исусъ», то вы насъ заставляете кланяться тѣмъ наименованіямъ, какія пишутся въ православной церкви на иконахъ, то-есть, Исусъ. А мы кланяемся Богу «Исусу», его же пріища напи отцы и иного Ісуса не приедемъ; ибо боимся, не пострадать бы намъ, какъ пострадала церковь во времена Никона ¹⁾». Не позабудется и другой фактъ, какъ извѣстный Софроній по тому же поводу взглянулъ на имя «Исусъ». Онъ прямо проповѣдовалъ, что «господствующая нынѣ въ Россіи церковь вѣруетъ во иного Бога Ісуса, рожденнаго осьмью годами послѣ Спасителя міра Ісуса Христа», — что подъ именемъ «Исуса» должно подразумѣвать сына погибели — антихриста». Это ученіе въ 1866 году нѣкимъ Боженковымъ развито было еще далѣе. Признавая, какъ и Софроній, «Исуса» инымъ Богомъ, антихристомъ, рожденнымъ спустя восемь лѣтъ послѣ «Исуса», — онъ еще училъ, что «Исусъ» родился точно также отъ матери Маріи, которая къ зачатію его — антихриста — была освящена вантіемъ Святаго Духа чрезъ слова архангела Гавріила, — что этотъ антихристъ распятъ на двучастномъ крестѣ и что вѣрующіе въ него имѣютъ свое крещеніе, также во имя св. Троицы, — свою хиротонію, свою просфору съ изображеніемъ четвероконечнаго креста и проч. Ученіе это утверждено даже митрополитомъ Кирилломъ, какъ «сочиненное отъ божественнаго писанія и отъ св. правилъ ²⁾».

Такимъ образомъ выходитъ, что не только прежній расколъ, но нѣкоторые и изъ современныхъ почти намъ старообрядцевъ,

¹⁾ Чтен. Моск. Общ. ист. и древн., 1866 г., кн. III, стр. 278—281.

²⁾ Объ австр. сваяхъ, публ. лекц. Иванова.

мало сочувствующіе теоріямъ новѣйшихъ предводителей раскола, смотрятъ на «отличительныя свои особенности» совсѣмъ иначе, придаютъ имъ смыслъ совсѣмъ не тотъ, какой хочется въ нихъ видѣть новѣйшему расколу. Ясно, стало быть, что онъ навязывается, усваиваетъ двухвѣковому расколу то, чего онъ на самомъ дѣлѣ никогда не имѣлъ, и подрываетъ его въ самомъ его основаніи, уничтожаетъ всю его внутреннюю самостоятельность.

Но главное, могла ли образоваться «тщательная отдѣлка и нарочитая смысленность отличительныхъ особенностей старообрядства» при тѣхъ условіяхъ къ просвѣщенію, какія существовали у насъ въ концѣ XV-го, въ XVI-мъ и первой половинѣ XVII-го вѣковъ? Образованіе какъ духовенства, такъ и въ особенности народа было тогда въ самомъ жалкомъ положеніи. Школы не было. Малограмотныхъ въ самомъ духовенствѣ было большинство. «Вотъ приводать ко мнѣ мужика, — жалуется м. Симону новгородскій арх. Геннадій, — я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему (въ священствѣ), и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктениі, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, — а они, немного поучившись азбукѣ, просятъ прочь, не хотятъ учить ее. А у меня духу не достаетъ ставить неучей въ священники. Мужики-невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже, за часы особо. А отойдетъ отъ мастера, и ничего не умѣетъ, — едва-едва бредетъ по книгѣ; а церковнаго порядка вовсе не знаетъ»¹⁾. Правда, это свидѣтельство говоритъ только объ образованіи новгородскаго духовенства. Но не лучшимъ обладало и московское и все вообще тогдашнее (XVI-го вѣка) русское духовенство. Участь Максима Грека и Стоглавый соборъ — ясный и разительный примѣръ, доказательство этого. «Ставленники, замѣчаетъ послѣдній, хотящіи во діаконы и въ попы ставитися, грамоте мало умѣютъ, и святителемъ ихъ поставити, ино сопротивно священнымъ правиламъ, а не поставити, ино святія церкви безъ пѣнія будутъ, а православные хрестіане учнутъ безъ покаянія умирати.... Да о томъ ихъ святители иставляютъ съ великимъ запрещеніемъ: почему мало умѣютъ грамоте, и они отвѣтъ чинятъ: мы-де учимся у своихъ

¹⁾ Акты истор., т. I, стр. 147—148.

отцовъ или у своихъ мастеровъ, а инде намъ учиться негдѣ, сколько отцы наши и мастера умѣютъ; потому и насъ учать. А отцы ихъ и мастера ихъ и сами потому же мало умѣютъ и силы въ Божественномъ писаніи не знаютъ, а учиться имъ негдѣ» ¹⁾. Характеристикою же образованія духовенства начала XVII-го вѣка могутъ служить извѣстный процессъ преподобнаго Діонисія изъ-за слова: «и огнемъ» и слѣдующія слова старца Арсенія: «Есть, государь—пишетъ онъ въ своей челобитной къ боярину Борису Михайловичу—иные таковы, которые на насъ ересь возвели, кои едва азбуку умѣютъ, а то вѣдаю, что не знаютъ, кои въ азбукѣ письма гласныя и согласныя и двогласныя, а еже осмочастія слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа, и времена и лица, званія же и залогы, то имъ ниже на разумъ вставляю. Священная же философія и въ рукахъ не была, ея же кто въ искусствѣ не былъ, удобъ можетъ погрѣшати не точію въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлѣхъ, аще и естествомъ остроуменъ будетъ. Злословищи насъ точію черниломъ вѣрять и письменомъ единѣмъ внимаютъ, и тѣхъ въ конецъ добръ не свѣдаютъ; не знаютъ ни православія, ни кривославія, божественная же писанія точію по чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятъ свѣдѣти» ²⁾. «Нынѣ въ Софійскомъ дому ризничего нѣтъ—писалъ около половины XVII-го вѣка митр. новгородскій Аѳфоній соловецкому игумену Маркеллу — а взять негдѣ, во всѣхъ монастыряхъ добрые старцы перевелись, а которые и есть, и тѣ бражничаютъ, а грамотъ не умѣютъ» ³⁾.

Если, такимъ образомъ, въ ту пору посвящались по мѣстамъ во священники «мужики» — крайніе невѣжды, неумѣвшіе ни читать, ни пѣть и не хотѣвшіе даже учиться; если образованіе духовенства во времена Стоглаваго собора состояло только въ механическомъ навывѣ «писати, пѣти и чести»; если, наконецъ, Арсеній такъ отзывался въ своей челобитной даже «о лучшихъ архимандритахъ и попахъ», которые часто «ни чимъ же равнствовали невѣжду и поселянина»: то, понятно, какъ духовенство могло выполнять свою священную обязанность — просвѣщать пасомыхъ свѣтомъ религіозно-нравственныхъ истинъ. Выѣсто проведенія въ паствѣ здравыхъ религіозно-нравственныхъ истинъ, оно,

¹⁾ Глава XXV.

²⁾ Русск. раск. старообр., Шапова, стр. 36, 140 и 141. Въ тѣхъ же почти выраженіяхъ Арсеній характеризуетъ умственное состояніе современнаго себѣ духовенства и въ посланіи своемъ къ протопопу Ивану Лузьяновичу (см. Правосл. Собор. Слѣдств., 1862, августъ, стр. 368).

³⁾ Русск. раск. старообр., Шапова, стр. 187.

наоборотъ, распространяло въ средѣ ея самыя грубыя догматическія и историческія ошибки. Говоря, напримѣръ, отпуски на праздники Богородичныя, священники весьма странно упоминали въ нихъ и самыя празднуемыя событія, какъ-бы испрашивая и у нихъ, какъ у самой Богородицы, молитвы за насъ; напримѣръ, въ праздникъ Введенія во храмъ пр. Богородицы говорили: «Христосъ истинный Богъ нашъ, молитвами Пречистыя Его Матери честнаго и славнаго Ея Введенія» и проч. Или: нерѣдко въ молитвословіяхъ упоминали вымышленныя имена, читали лишнія суевѣрныя молитвы изъ апокрифическихъ сборниковъ—сельскихъ номоканунцевъ и молитвенниковъ, внесенныя въ церковныя книги ¹⁾.

Что же сама паства? Она коснѣла еще въ большемъ неѣжествѣ. Въ ту пору было нерѣдкость встрѣтить даже вельможъ и бояръ, не умѣвшихъ ни читать, ни писать ²⁾. Объ остальныхъ же классахъ общества и говорить нечего. Нѣкоторые даже чувствовали предубѣжденіе противъ просвѣщенія, боялись его, какъ болѣзни, какъ ереси. «Какое несчастіе, — говоритъ Курбскій объ этомъ времени, — мнящіися быти учителя говорили прельщающе юношей тщаливыхъ къ науцѣ, хотящихъ навываати писанія, съ прещеніемъ заповѣдывали имъ глаголюще: не читайте книгъ многихъ», и указывали, какъ одинъ отъ книгъ «ума иступилъ», другой «въ книгахъ зашолся», «третій въ ересь впалъ». «О бѣда—восплащаетъ онъ—отнимають оружіе, которымъ еретики обличаются, а другіе исправляются и врачевство смертоноснымъ ядомъ называютъ» ³⁾. «О, преблагословенніи російскіи людіе—говорили восточные патріархи, бывшіе въ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ—вы Божиимъ милосердіемъ и благодатію ниже ига работы страждете... обаче ученія чуждаетесь волею, малоцѣняще и мудрость престоющую Богу, не добръ о ней держите, презираете ю» ⁴⁾. Котошихинъ о томъ же времени замѣчаетъ, что «люди російскаго государства никакого добраго наученія не приѣмлютъ» ⁵⁾. Знвшіе же читать, читали «Рафли, Шестокрыль, Воронограй, Остроумій, Зодѣй, Алманахъ, Звѣздочетъи, Аристотель, Аристотелевы врата и иные составы мудрости и воби бѣсовскіе» ⁶⁾, читали все, что попадалось подъ руку. Не имѣя подъ руками книгъ, въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 191 и 192.

²⁾ Ист. Россіи, Соловьева, т. VII, стр. 242.

³⁾ Тамъ же, 218; русск. раск. старообр., Шаповъ, 139; Ист. русск. церкви, Фларетъ, III, стр. 95.

⁴⁾ Русск. раск. стар., Шаповъ, 142.

⁵⁾ Тамъ же, 146.

⁶⁾ Стоглавъ, гл. 41, вопр. 22.

которых бы удобопонятно излагались религіозно-нравственныя истины, тогдашніе грамотники, книжники только и читали, что подобные упомянутымъ нами сборники, наполненные статейками обрядоваго содержанія и апокрифами, «отреченными книгами». Въ сборникахъ XVI-го и XVII-го вѣковъ мы часто можемъ встрѣчать статейки въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей: «наставленіе о томъ, чтобъ святую воду Богоявленія соблюдать честіе самихъ пречистыхъ Св. Таинъ, чтобы если уканеть или проліется,—мѣсто то изжещи углемъ горящимъ, или истесать и въ воду вметать, или, если на ризу уканеть, ризу изрѣзать» и проч. ¹⁾. Что же были за «апокрифы»,—это можно видѣть изъ слѣдующей выписки изъ «бесѣды трехъ святителей Григорія Богослова, Ивана Златоуста и Василія Великаго»: «Григорій рече: кто первѣ Бога нарече? Иванъ рече: сатана, иже свержень бысть съ небеси. Василій рече: что есть высота небесная, широта земная, глубина морская? И. рече: Петръ прониъ видѣ ризы едины лежаща и сударь иже бѣ на главѣ его не съ ризами лежитъ, но особъ свить на единомъ мѣстѣ. Г. рече: сударь бѣ два плата служебныя на блюдѣ, а ризы его верхніе небо и преисподняя, вездѣ стоитъ яко риза стихарь шестаго неба его, а поясъ — желѣзное столпѣ около великаго моря, на немъ же земля плаваетъ, а патрахиль входъ и исходъ, а подъ поясомъ земля: толстота ея яко отъ востока и до запада, и повелѣ его Господень Ангель согнати пену морскую и сотворити землю на трехъ китехъ великихъ, на тридцати малыхъ китахъ заляжетъ тридцать околъ морскихъ, а душа ихъ третія часть райскія воня, идутъ рыбы на ту воню и тѣмъ сыты бывають» и проч. «В. рече: гдѣ первѣ Богъ бысть, иже не бѣ свѣта? И. рече: три коморы на небсѣхъ, въ тѣхъ коморехъ агнецемъ тутъ есть сударь, а свѣту нѣтъ конца. Г. протолеуй ми Троицу. И. рече: въ тѣхъ коморехъ Отецъ и Сынъ и Святый Духъ свѣтъ есть, а другій свѣтъ огнь есть. В. рече: отчего суть ангели сотворени? Г. рече: отъ Духа Господня, отъ свѣта и отъ огня. И. рече: отъ чего солнце сотворено есть? В. рече: отъ нутреннія ризы Господни. Г. рече: отъ чего луна сотворена бысть? В. рече: отъ аера и отъ Престола Господня и отъ воздуха»... Въ томъ же сборникѣ встрѣчаются и такого рода толкованія: «Вопросъ: что есть внукъ рече бабе, положи мя у себѣ, и рече ему баба, како положу тя у себѣ, ты ми отецъ? Толкъ: внукъ есть Христось, а баба земля... Егда распяся Господь, и Иосифъ снемъ со креста тѣло Христово и во гробу не-

¹⁾ Русск. раск. старообр., Щанова, 447—448.

соша, что ему глаголаше Христосъ? Толкъ: Христосъ рече Иосифу: пои Святый Боже».

Вотъ условія къ образованію русскаго народа въ эпоху происхожденія раскола. Народъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть здравыхъ богословскихъ знаній, большинство его пребывало въ младенчествующемъ еще состояніи. Но, чтобы придать извѣстнымъ церковнымъ обрядамъ и обычаямъ «тщательную отдѣлку», чтобы народъ съ ними соединялъ одно извѣстное, болѣе или менѣе разумное, религіозно-нравственное представленіе, для этого ему и особенно вождямъ его нужно имѣть по меньшей мѣрѣ надлежащее познаніе о коренныхъ истинахъ христіанской вѣры,—о значеніи обряда вообще. Откуда же онъ могъ приобрѣсти то и другое, когда средствъ къ этому у него совсѣмъ не было, — когда грамотники читали одни только апокрифы, а большинство духовенства «едва брело» по книгамъ, едва умѣло «писати, пѣти и чести»? Ясно, что тогдашнее образованіе скорѣе извращало мысль русскаго народа, чѣмъ просвѣщало, скорѣе приковывало ее къ одной буквѣ книги, чѣмъ къ смыслу ея. Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, если встрѣчаемъ, что заглавить какое-либо бессмысленное выраженіе въ церковно-богослужебной книгѣ, для замѣненія его лучшимъ, значило въ ту пору «заглавить великій догматъ премудрый»: «дрожь великая поимала и ужась напасть на меня», — говоритъ писецъ Михаилъ Медоварецъ, — когда Максимъ Грекъ приказалъ ему уничтожить нѣсколько строкъ въ одной церковно-богослужебной книгѣ ¹⁾. Понятно, что и нѣ иной какой, а именно вышепредставленный нами взглядъ старообрядцевъ на «отличительныя свои особенности» сравнительно съ нашими, православными, долженъ былъ у нихъ выработаться при тогдашнемъ образованіи русскаго народа и—его понятіи о церковно-богослужебныхъ книгахъ.

Итакъ, попытка новѣйшаго раскола — доказать *несправедливость* отверженія старообрядства большимъ Московскимъ соборомъ, оказывается несостоятельною. Два главныхъ его основанія, на которыхъ онъ въ этомъ случаѣ опирается, не выдерживаютъ самой снисходительной критики.

¹⁾ Русск. раск. старообр., Щапова, 27.

III.

Упомянувъ двумя-тремя словами о томъ, почему народъ временъ патр. Никона непріязненно, будто бы, отнесся къ реформѣ послѣдняго, новѣйшій расколъ разсуждаетъ такимъ образомъ:

«Патріарху Никону и греко-московскому собору старый обрядъ показался уклоненіемъ отъ истины, неправославіемъ, или, что то же, стадо барановъ показалось непріятельскимъ войскомъ, а мельница — рыцаремъ, вызывающимъ на смертный бой.» «Одни крестятся тремя, а другіе двумя перстами; на которой сторонѣ истина?» спрашивалъ патріархъ Никонъ греческихъ іерарховъ, бывшихъ въ Москвѣ. «На которой сторонѣ истина?» На этотъ вопросъ, прекрасно отвѣчаетъ патріарху Никону покойный с.-петербургскій преосвященный митрополитъ Григорій. Въ книжицѣ своей «Отвѣтъ единовѣрца старообрядцу», онъ говоритъ: «старообрядцы для крестнаго знаменія употребляютъ двуперстное сложеніе, а православные — треперстное. Есть ли тутъ разность въ вѣрѣ? Нѣтъ! православные своимъ перстосложеніемъ исповѣдуютъ св. Троицу, а старообрядцы — два естества въ Иисусѣ Христѣ. Въ обрядѣ разность есть, но въ вѣрѣ нѣтъ, ибо православно то и другое. Православно исповѣданіе св. Троицы, православно и исповѣдываніе двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ. Исповѣдующіе св. Троицу, исповѣдуютъ и два естества въ Иисусѣ Христѣ, равно и исповѣдующіе два естества въ Иисусѣ Христѣ, исповѣдуютъ и Святую Троицу.» — Итакъ, на обѣихъ сторонахъ истина: вотъ, что отвѣчаетъ патріарху Никону современный намъ архипастырь. Много же ли смысла въ вопрошеніи патріарха Никона: на которой сторонѣ истина, а слѣдовательно и во всей его толико прославленной обрядовой реформѣ? Такъ разсуждать и спрашивать извинительно дѣтямъ и ученикамъ, а не вождамъ народа на пути спасенія. Этимъ вопросомъ патріархъ Никонъ неопровержимо доказалъ, что онъ былъ крайній буквеникъ и обрядникъ, для котораго истина заключалась не въ духѣ, а въ буквѣ, не въ смыслѣ, а въ формѣ. Вопросеніе патріарха Никона и отвѣтъ на него можно приложить къ каждому изъ спорныхъ вопросовъ между старо- и новообрядствомъ. Итакъ, вотъ тѣ православныя побужденія и соображенія, кои подвигли патріарха Никона на исправленіе нашихъ старо-отечественныхъ обрядовъ и обычаевъ, и вотъ противъ какихъ непріятелей, мнимыхъ враговъ церкви и православія, патріархъ развиваетъ всю силу своего характера, а

греко-московскій соборъ обрушивается самыми полновѣсными, отборными и неслыханными на святой Руси клятвами и анафемами.

«При неукротимомъ характерѣ, неудержимомъ самовластествѣ и при той дѣйствительно власти, которую патріархъ Никонъ умѣлъ сосредоточить у себя въ рукахъ, онъ не могъ быть удовлетворенъ священною, но смиренною обязанностію пастырства умиротворять обрядовыя разномыслія. Крайній буквѣнникъ и обрядникъ, — патріархъ Никонъ вообразилъ, якобы русскія церкви не вполне пребудетъ вѣрною апостольскому православію, если у ней въ нѣкоторыхъ обрядахъ будетъ разность съ церковію греческою, и какъ самовластитель, не почитавшій обязательными для себя вѣковыя рѣшенія своей церкви, Никонъ пошелъ на встрѣчу обрядовымъ раздорамъ, съ тѣмъ, чтобы принявъ сторону однихъ, имъ избранныхъ обрядовыхъ привязанностей, другія, противныя, подавить и уничтожить, и такимъ образомъ, какъ, вѣроятно, ему казалось, навсегда покончить съ вѣковыми соперничествами и раздорами. На этотъ шагъ поощрили нашего патріарха милостыне-собиратели греки: имъ было выгодно всегда тягостную позу попрошайки промѣнять на внушающую осанку цензоровъ и судей. И почему же было не промѣнять, когда само наше архипастырство, въ лицѣ патріарха Никона, на то ихъ вызывало, и когда само правительство, посылая за грехами послонъ, встрѣчало ихъ какъ судей своихъ, уполномочивало ихъ судить свою церковь за то, что она въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ осмѣливалась быть самостоятельною и по праву этой самостоятельности образовала у себя нѣсколько обрядовыхъ особенностей. А между тѣмъ сторонничество грековъ за никоновскіе обрядосправленія есть противное международнымъ правамъ вмѣшательство чужеземца въ домашнія дѣла сосѣда. Споръ въ русской церкви между по-и противосолоніемъ, дву-и треглигуіей, дву-и треперстіемъ и т. д., есть чисто наше русское домашнее дѣло. И греки не измѣнили себѣ и своей исторіи... Проклятія и анафемы греко-московскаго собора истекли именно изъ этого не-русскаго источника» (Новѣйш. челоб. расколн., 1 15—21; «Объясн. И. В.», л. 5—6).

Итакъ, по убѣжденію новѣйшаго раскола, выходитъ, что патр. Никонъ потому началъ обрядосправленіе, что «старые обряды показались, будто бы, ему уклоненіемъ отъ истины, неправославіемъ», что въ этому обрядосправленію «поощрили его милостыне-собиратели греки» и что, наконецъ, по той же самой причинѣ и греко-московскій соборъ проклялъ ихъ. Стало быть,

вся наша тогдашняя церковь и въ лицѣ своихъ представителей заражена была, по его понятію, обрядовѣріемъ. И для убѣжденія читателя въ вѣрности, правильности этого своего взгляда новѣйшій расколъ, какъ видитъ всякій изъ выше представленной нами выписки, не щадитъ красокъ. Чтобы какъ можно рельефнѣе представить патр. Никона обрядовѣромъ, чтобы очернить его и большой московскій соборъ, онъ осыпаетъ ихъ насмѣшками. Но чѣмъ авторъ, въ самомъ дѣлѣ, подкрѣпляетъ свои выводы?

Въ доказательство обрядничества патр. Никона новѣйшій расколъ представляетъ всего одинъ только фактъ. Это — вопрошеніе его у восточныхъ патріарховъ относительно перстосложенія. Но для того, чтобы утверждать—обрядникъ ли былъ патр. Никонъ, или нѣтъ, ему нужно было бы представить цѣльный, полный взглядъ его на обряды, представить побольше фактовъ изъ его дѣятельности, которые бы наглядно всякому показали и доказали его обрядовѣріе, или необрядовѣріе. Развѣ такихъ фактовъ нѣтъ? Есть, — и новѣйшій расколъ знаетъ ихъ, но понимая, что они говорятъ противъ него, онъ прошелъ ихъ молчаніемъ, распространяется взамѣнъ того о личномъ характерѣ Никона, объ его власти, о томъ, что, вообще, въ этомъ случаѣ нейдетъ къ дѣлу.

Всякій знаетъ, что патріархъ Никонъ самъ первоначально крестился двуперстно. Узнавши же, что треперстное сложеніе древнѣе двуперстнаго, онъ тотчасъ же перемѣнилъ свое перстосложеніе, отсталъ отъ того обычая, къ которому привыкъ съ дѣтства. Спрашивается: какъ онъ дошелъ до этого убѣжденія и чѣмъ перемѣнилъ свой крестъ? Никонъ главною задачею своего патріаршества постановилъ—*очищать*, просвѣщать и совершать». Разсматривая поэтому свои печатныя церковно-богослужебныя книги, онъ не могъ не замѣтить противорѣчивыхъ ихъ сказаній относительно перстосложенія для крестнаго знаменія. Эти противорѣчія, естественно, навели его на раздумье, сомнѣніе въ справедливости ихъ. За разъясненіемъ этого своего сомнѣнія онъ обратился къ греческимъ іерархамъ: «одни крестятся двумя, а другіе тремя перстами,—спросилъ онъ у нихъ,—на которой же сторонѣ истина?» т.е. справедливость, вѣрность историческая? Никону необходимо было это знать; онъ рѣшился очистить русскія церковно-богослужебныя книги отъ вкрапившихся въ нихъ погрѣшностей. Слѣдовательно, здѣсь необходимо ему было обратиться къ древности. Но кому же тогда древніе христіанскіе обычаи могли быть извѣстнѣе какъ не греческимъ іерархамъ? Вотъ Никонъ и предложилъ имъ свой вопросъ. Свѣривъ же ихъ отвѣтъ съ древними книгами, онъ убѣдился въ вѣрности его и вслѣд-

ствіе того самъ прежде всего перемѣнилъ свое перстосложеніе, чтобы тѣмъ самымъ придать, такъ сказать, авторитетность этой новизнѣ въ глазахъ массы, лично не могшей свѣриться съ древностію. Выходить, что на этотъ вопросъ Никона должно смотрѣть скорѣе съ исторической точки зрѣнія, чѣмъ съ догматической. Гдѣ же тутъ «обрядничество» патр. Никона? Это станетъ еще убѣдительнѣе, когда мы возьмемъ здѣсь во вниманіе слѣдующее обстоятельство.

Никона новѣйшій расколъ представляетъ «крайнимъ буквennemъ и обрядникомъ, самовластителемъ съ неукротимымъ характеромъ». Все это такія черты, которыя даютъ намъ право полагать, что Никонъ, по своимъ убѣжденіямъ, по своему характеру и власти, былъ человекъ, не терпѣвшій никакихъ себѣ противорѣчій, никому не допускавшій никакихъ уступокъ въ своемъ обрядоисправленіи. А между тѣмъ, вотъ что въ раскольниковской же біографіи протопопа Іоанна Неронова рассказывается о немъ: «Вопроси нѣкогда его старецъ Григорій (т.-е. самъ Нероновъ) рече: иностранныя власти нашихъ служебниковъ не хулятъ, но и не похваляютъ; патріархъ рече: все равно, по какимъ хочешь, по тѣмъ и служишь..... И доколѣ старецъ Григорій былъ на Москвѣ, умолилъ протопопа съ братіею въ соборной церкви на вѣлросахъ, чтобы не четверить аллилуіа; тѣ же послушаша старца, говорили аллилуіа по дважды, въ третіе Слава Тебѣ Боже: патріархъ же ничтоже имъ глагола, точію подъявъ, псалтырь говоря, заповѣдываніе патріархово творилъ, четверить аллилуіа» ¹⁾. Этотъ фактъ въ жизни патріарха Никона какъ объяснить?.... Будетъ ли въ самомъ дѣлѣ «крайнимъ буквennemъ и обрядникомъ», развѣ онъ тогда допустилъ бы это, т.-е. позволилъ бы кому-либо публично идти противъ своихъ обрядоисправленій? Развѣ онъ тогда измѣнилъ бы свое перстосложеніе, къ которому, можетъ быть, привыкъ съ младенчества? Какъ «обрядникъ съ неукротимымъ характеромъ», онъ тогда, натурально, ни того, ни другого не допустилъ бы въ своей жизни. Обрядникъ не разсуждаетъ, что истинно и что нѣтъ. «Сѣки, руби руку обряднику», по выраженію новѣйшаго раскола, но она у него не сложится иначе, какъ приучили его къ тому съ дѣтства. Обрядъ для него—догматъ. Но для патріарха Никона,—въ виду особенно послѣдняго, представленнаго нами факта изъ его жизни,—онъ не былъ догматомъ. Никонъ понималъ значеніе обряда. И потому, очищая свои церковно-богослужебныя книги отъ вѣрвавшихся въ нихъ погрѣшно-

¹⁾ Русск. раск. старообрядства, Шапова, стр. 47 и 48.

стей, и понимая, какъ человѣкъ, по тогдашнему, высокообразованный, всю догматическую неважность многихъ изъ нихъ, дозволялъ иногда нѣкоторымъ дѣйствительнымъ «буквенникамъ и обрядникамъ» держаться мнимой старины, къ которой они уже привыкли.

Что же именно побудило Никона къ обрядоисправленію? Новѣйшій расколъ представляетъ, что видимымъ побужденіемъ къ тому были для Никона греки. Нельзя вполнѣ отрицать этого факта. Восточные святители дѣйствительно осуждали Никона за неисправление священныхъ книгъ и за другія церковныя вины ¹⁾,—но и только. Утверждать же, что на этотъ шагъ, т.-е. на обрядоисправление *поощрили* Никона попрошайки, милостыне-собиратели греки; утверждать далѣе, что «это вмѣшательство ихъ, чужеземцевъ, въ домашнія дѣла сосѣда противно международнымъ правамъ», — значитъ, по меньшей мѣрѣ, показывать этимъ свое совершенное незнаніе ни личности самого патріарха Никона, ни исторіи его реформы, ни характера, наконецъ, отношеній между русскою и греческою церковью.

Патріархъ Никонъ не нуждался ни въ какихъ стороннихъ «поощреніяхъ» къ обрядоисправленію; нужду этого онъ самъ глубоко сознавалъ. Онъ сознавалъ ее еще до патріаршества своего. Это-то сознаніе трудности исправленія церковныхъ неурядицъ и удерживало его сначала отъ принятія самого патріаршаго сана. Онъ былъ не новичекъ въ реформаторскомъ дѣлѣ; къ обрядоисправленію онъ былъ подготовленъ предшествующею своею практикою. Еще будучи митрополитомъ новгородскимъ, патріархъ Никонъ, какъ это извѣстно, навѣрное, и новѣйшему расколу, произвелъ нѣкоторыя реформы въ церковной практикѣ и произвелъ ихъ безъ всякихъ стороннихъ «поощреній». Но если онъ, при обрядоисправленіи, обращался къ восточнымъ іерархамъ съ своими грамотами, то это Никонъ, во-первыхъ, дѣлалъ не самъ одинъ, но вмѣстѣ (1654 г.) съ царемъ. Царь же этотъ—представитель народа въ дѣлахъ церкви—призывалъ ихъ и на соборъ 1667 года. Съ другой стороны, такое отношеніе къ Востоку было и необходимо. Дѣла церкви, по существу своему, конечно, очень не похожи на дѣла политики. Вмѣшательство одной державы въ политическія дѣла другой справедливо можетъ иногда назваться нарушеніемъ международныхъ правъ. Но не то должно быть въ отношеніяхъ одной церкви къ другой, тѣмъ болѣе—нашей церкви къ восточной. По самому происхожденію своему отъ нея и по

¹⁾ Ист. русск. раск., Макарія, стр. 155.

особеннымъ нѣкоторымъ постановленіямъ, она непременно должна была снестись съ восточною въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ церковное обрядоисправленіе. Константинопольскій соборъ, состоявшійся по случаю учрежденія патріаршества въ Россіи, постановилъ: «Церковь русская во всемъ должна быть согласна съ греческою и четырьмя вселенскими патріархами, должна потреблять всякія новины» ¹⁾. Какъ же, принявши это постановленіе Востока, наша церковь могла послѣ этого не отнестись къ нему при началѣ своей реформы?.... По этому постановленію, восточная церковь имѣла даже право сама замѣчать нашей ея неустройства. Это она, и дѣлала. Мало того, объ этомъ правѣ еще книга «О вѣрѣ» говоритъ, что «Русія отъ Бога, отъ собора вселенскаго, отъ царей, князей и королей, за правое строеніе и епархію подана есть константинопольскому и апостольскому престолу и патріарху вселенскому», и что «патріарха вселенскаго (а съ нимъ и прочихъ патріарховъ), архіепископа константинопольскаго слушати, и ему подлежати, и повиноваться въ справахъ (дѣйствахъ) и въ науцѣхъ духовной, есть польза и приобрѣтеніе велие, спасительное и вѣчное» ²⁾. Наконецъ, этого «вмѣшательства» грековъ, по выраженію новѣйшаго раскола, въ наши тогдашнія церковныя дѣла требовало и благоразуміе. Голосъ ихъ въ этомъ случаѣ, какъ свидѣтелей древне-христіанскихъ преданій и обычаевъ, имѣлъ и имѣеть большое значеніе; ибо если обрядоисправленіе, совершенное нашею церковью и съ согласія и утвержденія восточной, произвело такое волненіе и мятежъ въ ревнителяхъ мнимой старины, то что вышло бы, если бы оно произведено было дѣйствительно одною только русскою церковью, безъ сношенія и согласія на то православнаго Востока, по образцу Стоглаваго собора, напрімѣръ?

Итакъ, не личное обрядничество патріарха Никона и не греки побудили его на церковное обрядоисправленіе, а та настоятельная нужда въ очищеніи церковной жизни отъ вѣковыхъ неурядицъ, которую сознавали еще его предшественники. Намъ нѣтъ нужды останавливаться здѣсь на всѣхъ тогдашнихъ безпорядкахъ въ русской церковной практикѣ. Остановимся на одномъ выясненіи нужды книжнаго исправленія при патріархѣ Никонѣ, которая собственно и вызвала то обрядоисправленіе.

Книжнымъ исправленіемъ наша церковь стала заниматься еще очень рано. Но только съ Максима Грека это дѣло начало-

¹⁾ Тамъ же, стр. 146.

²⁾ Книга о вѣрѣ, л. 281—282.

было принимать надлежащее направленіе. Тогдашнія наши церковно-богослужебныя книги, наполненныя вообще разными невѣжественными описями и приписями, заключали нерѣдко въ себѣ и такого рода погрѣшности: въ часословахъ Христосъ Спаситель назывался, напр., не Богочеловѣкомъ, но просто только *человѣкомъ*, а Богъ-Отець — *собезматернимъ Сыну*. Въ тріоди объ Иисусѣ Христѣ говорилось, будто Онъ *созданъ и сотворенъ и по самому божеству* и проч. Такія ошибки не могли, разумѣется, не обращать на себя вниманія свѣдущаго грека. Онъ, дѣйствительно, со всѣмъ усердіемъ и исправлялъ ихъ. Но его труды и старанія по этому дѣлу извѣстно чѣмъ кончились. Дѣло книжнаго исправленія послѣ него остановилось. И хотя Стоглавый соборъ, признавая неисправность церковно-богослужебныхъ книгъ, настаивалъ на исправленіи ихъ ¹⁾, однако дѣло это плѣхо двигалось впередъ. Въ предисловіи къ Апостолу, напечатанному чрезъ гриндцать лѣтъ послѣ этого собора, мы опять читаемъ, что, когда «царь повелѣлъ святыя книги покупать на торжищахъ и полагать въ церквахъ псалтыри, евангелія, апостолъ и прочія, то мало нашлось между ними годныхъ. Прочія же всѣ были испорчены отъ переписчиковъ, неученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ, или отъ неисправленія пасущихъ» ²⁾. И подобные отзывы объ исправляемыхъ и печатаемыхъ церковно-богослужебныхъ книгахъ неумолкали до самаго патріарха Никона. Достоинство книгъ, исправленныхъ и изданныхъ при перво-патріархахъ и отзывы о нихъ современниковъ мы уже знаемъ. Здѣсь довольно будетъ привести еще одинъ отзывъ о тогдашнихъ церковныхъ книгахъ патріарха Іосифа, такъ уважаемаго старообрядцами. Въ предисловіи къ Кормчей, начатой при немъ, патріархъ такъ характеризуетъ книги своего времени: «Обращеши ли,—взываетъ онъ,—гдѣ-либо право писанную безъ порока въ церквахъ святую книгу? Обращеши ли чинъ и послѣдованіе по узаконенному правилу св. отецъ? По чину ли бывающее въ церкви? Знаю, что неудобно можешь обрѣсти не только въ соборной церкви, но даже въ епископіи или въ обителяхъ. Вотъ до какихъ, достойныхъ плача временъ, мы достигли» ³⁾.

Такимъ образомъ, необходимость исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ чувствовалась и при патріархѣ Никонѣ не менѣе, чѣмъ при его предшественникахъ. Онъ это признавалъ и

¹⁾ Глав. 27 и 28.

²⁾ Полн. изв. о раск. 40.

³⁾ Тамъ же, 60.

рѣшился соборнымъ образомъ исправить книги по древнимъ, славянскимъ и греческимъ, источникамъ. Понятно, что при такой постановкѣ дѣла всѣ нововведенія, позднѣйшія вставки и прибавленія, всѣ искаженія текста должны были уже исчезнуть, различныя чтенія—уступить мѣсто единству; всему должно было явиться въ чистомъ, неискаженномъ видѣ. Но, исправляя книги, справщики, естественно, должны были коснуться и обрядовъ. Извѣстныя уже намъ противорѣчивыя сказанія богослужебныхъ книгъ, изданныхъ при перво-патріархахъ, напр. о перстосложеніи для крестнаго знаменія, о седмипросфоріи и проч., не могли не остановить на себѣ вниманія патріарха Никона и его сотрудниковъ. Они самымъ естественнымъ образомъ отсылали ихъ въ истинной христіанской древности, которая и въ этомъ случаѣ должна была теперь взять перевѣсъ надъ мнимою стариною и невѣжествомъ. И она восторжествовала; древнее обрядовое единообразіе было возстановлено.

Разсмотримъ теперь, на какихъ основаніяхъ новѣйшій расколъ упрекаетъ въ «обрядничествѣ» весь московскій соборъ 1667 года.

«О достоинствѣ обрядоисправленій и особенно анаеematствованій греко-московскаго собора, — говоритъ авторъ Челобитной, — распространяться нѣтъ надобности. «Гдѣ есть единство вѣры въ священные догматы и таинства, тамъ сему внутреннему единенію можетъ ли препятствовать нѣкоторое разнообразіе внѣшнее?!» — какъ-бы съ упрекомъ греко-московскому собору за его клятвы и анаемы восклицаетъ духоноснѣйшій изъ современныхъ намъ архипастырей (Слово пр. Филарета, митр. московскаго, 13 мая 1856 года). Не столько въ доказательство неразумности и несостоятельности этихъ клятвъ и анаемъ, сколько въ обличеніе двусмысленности и двоедушія, до которыхъ довели они нынѣшнее господствующее архипастырство, мы обязаны указать, что просвѣщеннѣйшіе изъ русскаго архипастырства жалуютъ нынѣ объ этихъ клятвахъ, стыдятся ихъ, отпираются отъ нихъ, т.е. стараются дать имъ такое толкованіе, якобы архипастырство русскаго церкви никогда не только не проклинали, но и не запрещало обрядовъ, называемыхъ нынѣ старыми; а что будто бы клятвы эти положены на держащихся этихъ обрядовъ за то, что они держались оныхъ съ противленіемъ священной власти и съ преслушаніемъ церкви. Факты и акты не подтверждаютъ, однакожъ, такихъ толкованій» (Новѣйш. раск. челобит., л. 21, на оборот., 22 и 28; «Объясн. И. В.», л. 6). «Прочитайте, — говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, — текстъ соборнаго постановленія отъ 13 мая 1667 года, и вы увидите, что держащіеся стараго обряда прокляты яко еретики (и непокорники), а слѣдовательно

и старый обрядъ, какъ (непокореніе и) ересь» («Письм. старообр. къ Г. Θ.», л. 4 и друг.). «Замѣтимъ, — заключаетъ онъ, — что и самые архипастыри, болѣе другихъ прямодушные, говоря о соборѣ 1667 года, прямо сознаются, что проклятія направлены именно противъ обрядовъ. Такъ, преосвященный Игнатій олонецкій, заканчивая и какъ бы увѣнчивая свою исторію о расколахъ, говоритъ о соборѣ: «Такимъ образомъ подтверждено все, что нынѣ содержитъ церковь: и новоисправленные книги, и крестное знаменіе, и троякое аллилуія, и хожденіе противу солнца, и проч., и проч.... И сколь ясно и рѣшительно осуждено, напротивъ, все то, въ чемъ состоитъ называющееся старообрядство» (Новѣйш. раск. челобитн., л. 24).

Всѣмъ этимъ новѣйшій расколъ, очевидно, хочетъ доказать «обрядничество» большого московскаго собора. Если, въ самомъ дѣлѣ, этотъ соборъ положилъ клятвы и анафемы даже на самые обряды, содержимые ревнителями старины, проклиная и ихъ, какъ проклинаются, напр., ереси, то изъ-за чего же, — думаетъ онъ, — соборъ проклиная ихъ, какъ не изъ-за собственнаго своего обрядовѣрія, не изъ-за того, что самъ отождествлялъ обрядъ съ догматомъ, считалъ ихъ равнозначущими? Доказываетъ же онъ это свое положеніе для такого вывода словами преосвященныхъ — Игнатія и Филарета и простою ссылкой на текстъ соборнаго постановленія отъ 13 мая 1667 года.

Но, — во-первыхъ, — слова преосв. Игнатія не говорятъ того, что хочетъ въ нихъ видѣть новѣйшій расколъ. Они нисколько не говорятъ, будто бы «проклятія собора именно направлены противъ обрядовъ». Приводя выписанное нами свидѣтельство пр. Игнатія для доказательства извѣстной своей мысли, новѣйшій расколъ, очевидно, соблазнился послѣдними его словами: «и сколь ясно и рѣшительно осуждено, напротивъ, все то, въ чемъ состоитъ называющееся старообрядство». Но слова — *осуждать* и *проклинать* выражаютъ не одинаковыя понятія. Проклинать кого-нибудь или что-нибудь значитъ предавать его отлученію отъ церкви, отвергать это какъ вредное въ дѣлѣ спасенія. А осуждать что-либо значитъ просто признавать то неправильнымъ, несовершеннымъ. И преосв. Игнатій, употребляя слово: *осуждено*, употребилъ его именно въ этомъ послѣднемъ только значеніи, т.-е., въ томъ, что обряды, содержимые приверженцами мнимой старины, какъ оказавшіеся неправильными, менѣе совершенными въ сравненіи съ истинно древне-христіанскими обрядами, отвергнуты соборомъ и отвергнуты ясно и рѣшительно на основаніи извѣстныхъ причинъ.

Понимать же слова преосвященнаго такъ, какъ понимаетъ ихъ новѣйшій расколъ, нѣтъ достаточнаго основанія.

Во-вторыхъ, слова преосв. Филарета еще менѣе идутъ къ дѣлу; они обращены къ единовѣрцамъ. А единовѣрцы и раскольники — не одно и то же; между ними есть существенное различіе. Единовѣрцы находятся въ общеніи съ церковію, имѣютъ одну и ту же съ нею іерархію, одни и тѣ же таинства. Но у раскольниковъ ни того, ни другого нѣтъ.

Что же касается текста соборнаго постановленія отъ 13 мая 1667 года, то и онъ не говоритъ того, будто бы этотъ соборъ проклялъ «и старый обрядъ, какъ (непокореніе и) ересь».

Самый текстъ этого соборнаго анафематствованія читается такъ: «Сіе наше соборное повелѣніе и завіщаніе ко всѣмъ вышерѣченнымъ чиномъ православнымъ предаемъ и повелѣваемъ, всѣмъ неизмѣнно хранить и покарятися святѣй восточнѣй церкви. Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не поворитъ святѣй восточнѣй церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ: и мы таково противника, данною властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, аще будетъ отъ освященнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ отъ всякаго священнодѣйствія и благодати и проклятію предаемъ, аще же отъ мірскаго чина, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа и проклятію и анафемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всеочлененія и стада и отъ церкви Божія отсѣваемъ, яко гниль и непотребенъ уды дождеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ»¹⁾.

Наконецъ, для доказательства обрядничества большого московскаго собора новѣйшій расколъ ссылается на то, что русская церковь долго, будто бы, и послѣ него вполнѣ раздѣляла ошибочный взглядъ на обряды, что она, вслѣдствіе вліянія на нее этого собора, заражена была такимъ же какъ и онъ обрядовѣріемъ. Въ этомъ случаѣ онъ цитуетъ указъ св. синода отъ 15 мая 1722 года, который постановилъ, будто бы, что: «которые хотя святѣй церкви и повинуются, и всѣ церковныя таинства приемиютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты: тѣмъ писать въ расколъ, не взирая ни на что» (Письм. старообр. къ Г. Θ., л. 4 на обор.).

Дѣйствительно, указъ въ приведенномъ видѣ подтверждаетъ мысль новѣйшаго раскола. За что же, въ самомъ дѣлѣ, св. синодъ приказываетъ записывать въ расколъ крестящихся двумя перстами.

¹⁾ Дополн. къ Актамъ историч., т. V, стр. 437. Digitized by Google

хотя при томъ и повинующихся церкви, приѣмлющихъ ея таинства, какъ не за то только, что онъ въ двуперстіи видитъ что-то еретическое, неправославное? Чѣмъ инымъ объяснить эту строгость св. синода къ двуперстникамъ, какъ не влияніемъ на него собора 1667 года, который, по убѣжденію новѣйшаго раскола, проклялъ, будто бы, и самые раскольническіе обряды?.. Все это такъ. Но дѣло представится совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, когда мы взглянемъ на указъ св. синода отъ 15 мая 1722 года въ полномъ его видѣ. Приводя этотъ указъ, новѣйшій расколъ, по обыкновенію, выписалъ изъ него только тѣ мѣста, которыя идутъ въ подтвержденіе его мысли, и опустилъ тѣ, которыя говорятъ противъ него. А между тѣмъ, пропущенное мѣсто указа и составляетъ его сущность. Вотъ что говоритъ указъ: «которыя хотя святѣй церкви и повинуются и всѣ церковныя таинства приѣмлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты, а не треперстнымъ сложеніемъ: тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ и которые хотя и по невольности и отъ упорства то творятъ, обоихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что¹⁾». Ясно, что подчеркнутыя нами слова этого указа, но пропущенныя новѣйшимъ расколомъ, даютъ совершенно иное объясненіе строгому повелѣнію св. синода относительно двуперстниковъ, чѣмъ какое расколъ усвоилъ ему. Они показываютъ, что св. синодъ повелѣваетъ записывать двуперстниковъ въ расколъ только потому и тѣхъ, «кои творятъ то съ противнымъ мудрованіемъ», т.-е., съ противленіемъ церкви, отмѣнившей это перстосложеніе какъ неправильное, несовершенное, только тѣхъ, «кои творятъ то отъ упорства», обличающаго въ нихъ злую волю.

Въ послѣднее время открытъ документъ, который не мало уясняетъ и историческую причину такого, повидимому, строгаго отношенія тогдашней нашей церковной власти къ двуперстникамъ и который, главное, показываетъ взглядъ ея на самое раскольническое двуперстіе. Когда при Петрѣ Великомъ нѣкоторые изъ раскольниковъ захотѣли было присоединиться къ церкви, удерживая всячески за собою въ то же время и свое двуперстіе; то св. синодъ въ 1721 году составилъ для нихъ «увѣщательныя пункты о перстномъ сложеніи», въ которыхъ всѣ вообще раскольническіе обряды причисляются имъ въ такъ-называемымъ «среднимъ вещамъ». Объяснивши, почему они считаются «средними вещами», св. синодъ вслѣдъ за этимъ говоритъ: «спросить приходящаго отъ раскола о треперстномъ сложеніи сумнящагося:

¹⁾ Собр. постановл. по ч. раскол., кн. 1, стр. 35—6.

како онъ о нашемъ и о своемъ сложеніи разумѣть: средняя ли вещь есть, или догмать? Аще догматомъ наречеть, то долженъ доказать свое мнѣніе отъ священнаго писанія, ветхозавѣтныхъ или новозавѣтныхъ книгъ, такожь отъ важныхъ соборовъ, или отъ преданій древнихъ, то-есть, отъ согласія многихъ древнихъ учителей. Если же наречеть вещь среднюю, то да утвердитъ слово свое клятвою. И тогда спросите его: чесо ради не хоцетъ сложенія своего переставить? Аще бо вещь есть средняя, то нѣтъ никакой важной причины, для чего оную непремѣнну содержать, кромѣ единого упрямства; упрямствомъ же тымъ противится согласію церковному, оставляетъ на себѣ зазорный образъ, соблазняетъ ближнихъ своихъ и законнымъ властемъ и духовному правительству непокоривъ является, и развѣ симъ противъ совѣсти своей вещь среднюю изъ среды извлекаетъ и самоволіемъ въ догмать ставить, и тако явно еретичествуеть. А о церковномъ разумѣніи сіе сказать ему, что церковь святая кѣмъ-либо образъ перстнаго сложенія имѣла и имѣетъ за вещь среднюю, но раскольникамъ противится за то, что они образъ сложенія перстнаго, каковъ они полюбили, ставятъ за догмать вѣрнъ, а каковъ въ нашемъ обычаѣ видать, ставятъ за ересь; и уже свой сложенія образъ сдѣлали злымъ, не аки бы онъ самъ собою золь былъ, но яко непокоривой, злой, немирлюбивой и гордо-еретичествующей совѣсти ихъ свидѣтель есть. И того ради, аще кто образъ сложенія раскольничаго перемѣнити не хоцетъ, мощно знать, что онъ безотвѣтно упрямъ и непокоривъ пребываетъ, и не съ доброю совѣстію, но лукаво, лицемерно и коварно приходитъ къ церковному соединенію.

Если въ наше время двуперстіе не можетъ быть вѣрнымъ признакомъ для обнаруженія внутреннихъ расположеній держащихся его, то отнюдь нельзя того же сказать относительно времени Петра Великаго, когда простой народъ, по своей крайней неразвитости, считалъ его чуть ли еще не за первый догмать и потому, не признавая видимымъ образомъ другихъ положеній раскола, ни за что въ то же время не соглашался измѣнить основному—двуперстію. Вызванный, такимъ образомъ, нуждою своего времени, упомянутый указъ и съ этой стороны нисколько не говоритъ объ обрядничествѣ св. синода, а слѣдовательно, и о влияніи на него въ этомъ случаѣ собора 1667 года, зараженного, по словамъ новѣйшаго раскола, крайнимъ обрядовѣріемъ.

Будь, наконецъ, зараженъ св. синодъ обрядничествомъ большаго московскаго собора, развѣ онъ тогда позволилъ бы кому-либо говорить противное себѣ? А между тѣмъ, Теофилактъ Лопатинскій

тинскій въ своемъ «Обличеніи неправды раскольниковской» прямо, напр., говорить, что «сложеніе перстовъ въ знаменіи крестомъ не токмо раскольниковское, но и всякое иное, не есть членъ вѣры, всякому ко спасенію потребный»¹⁾).

Все это даетъ намъ право сказать, что большой московскій соборъ не проклиналъ раскольниковскихъ обрядовъ, въ чемъ такъ хотѣлось убѣдить читателей новѣйшему расколу для доказательства своей предвзятой мысли — крайняго обрядничества упомянутого собора; акты и факты, какъ мы видѣли, не подтверждаютъ этого его убѣжденія.

Но этого мало для болѣе или менѣе полнаго разбора возраженій новѣйшаго раскола, который даже не видитъ никакого противленія церкви со стороны старообрядцевъ и въ томъ, что они изъ-за своихъ обрядовъ отдѣлились отъ нея. Опровергая убѣжденіе единовѣрца-старообрядца Г. Θ., который заявилъ-было, что соборъ 1667 года именно проклялъ раскольниковъ за самовольное удаленіе ихъ отъ церкви (Письмо къ старообр. Г. Θ., л. 1-й на обор. и далѣе), авторъ письма къ нему говорить: «Теперь я знаю, что вы, Г. Θ., прадѣдовъ своихъ и всѣхъ прежнихъ, а съ ними и нынѣшнихъ старообрядцевъ почитаете отдѣленцами, отступниками отъ святой апостольской церкви, а слѣдовательно, неповорниками ей, противниками, преслушниками. А почтенный Θ. З. П. прямо сознательно приравниваетъ ихъ къ тѣмъ, коихъ евангеліе называетъ татями и разбойниками — заблужденія важнѣйшія, насажденные и возвращенныя среди единовѣрія попеченіями далеко не безпритязательными и простосердечными!... Да, въ годы шаловливой, безпечной и довѣрчивой юности и я доказывалъ,—говоритъ немного далѣе авторъ письма къ Г. Θ.,—что старообрядцы не старообрядцы, а отступники отъ св. апостольской церкви и ея православія. Но, почтенный Г. Θ., ваши утвержденія, что старообрядцы суть отступники отъ сей церкви суть ли рѣчи мужа возрастнаго, не суть ли онѣ ученическое, ребяческое, но уже довольно затвердѣлое повтореніе болтовни, которую внушаютъ наставники казеннаго, officialнаго, греко-московскаго православія», и проч.? (Тамъ же, л. 10, 14 и 15).

Такимъ образомъ, взглядъ новѣйшаго раскола на вопросъ объ отношеніи старообрядцевъ къ православной церкви, становится ясенъ. Онъ является у него, результатомъ взгляда его на соборъ 1667 года и на происхожденіе своихъ обрядовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если расколъ убѣжденъ, что большой московскій соборъ, какъ со-

¹⁾ Облич., гл. I, л. 21.

ставленный неправильно, не имѣлъ права не только, будто бы, проклинать ихъ, но даже и разсуждать о нихъ, исправлять ихъ; далѣе, если онъ считаетъ свои мнимо-старые обряды произведеніемъ вѣкового русскаго благочестія, полнымъ глубокаго смысла и значенія, произведеніемъ, которому должны подчиняться всѣ: то, понятно, что онъ, въ силу всего этого, въ привязанности раскольниковъ къ этимъ обрядамъ, доведшей ихъ до самовольнаго отдѣленія отъ церкви, не долженъ видѣть никакого со стороны ихъ противленія ей.

Но извѣстно, что лишь только патріархъ Никонъ рѣшился произвести исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, какъ уже нашлись люди, которымъ это дѣло показалось неправымъ. Подъ опредѣленіями собора 1654-го года, который призналъ нужду этого исправленія, уже не подписались нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на немъ и именно—извѣстный намъ епископъ Павелъ Коломенскій, два архимандрита, одинъ игуменъ и два протоіерея ¹⁾. И этотъ глухой ихъ протестъ не остался безъ послѣдствій. Спустя немного времени, въ Москвѣ стали открыто появляться «нѣкіе неискусные и самомудрые, паче же суемудрые безчинія рачители», которымъ дѣло предпринимаемое соборомъ по инициативѣ патріарха Никона казалось «ненавистнымъ», и которые «зловозненнѣ» возставали на него ²⁾. Это были — тотъ же Павелъ Коломенскій и Іоаннъ Нероновъ. Они такъ дерзко стояли теперь за правильность прежнихъ чиновъ богослужебныхъ и обрядовъ, которые наша церковь сочла необходимымъ исправить, что патріархъ Никонъ нашелся вынужденнымъ довести о поступкахъ ихъ до свѣдѣнія вселенскаго патріарха Пасія, который вмѣстѣ съ константинопольскимъ соборомъ, какъ намъ уже извѣстно, и опредѣлилъ отлучить ихъ отъ церкви, если только они не исправятся.

Но послѣдняго не случилось. Случилось, наоборотъ, нѣчто худшее; къ нимъ стали приставать другіе, съ ними соединились извѣстные Аввакумъ, Даниилъ и другіе, бывшіе справщиками при патріархѣ Іосифѣ, люди все оскорбленные патріархомъ Никономъ, обиженные имъ за удаленіе ихъ съ печатнаго двора. Они составили и подали царю «общее прошеніе на многоязyczna Никона». Прошеніе осталось безъ послѣдствій. Негодованіе на Никона, смѣшанное съ слѣпою привязанностію ихъ къ буквѣ старинѣ, и прежде сильная, теперь, конечно, еще болѣе овладѣла

¹⁾ Ист. р. раск., Макарія, стр. 147.

²⁾ Пред. къ Скрижали, издан. въ 1656 году, 13—14. Digitized by Google

вѣдѣми ими. Оскорбленные, увѣренные въ справедливости своихъ убѣжденій, они рѣшились мстить Никону, открыть предъ народомъ его заблужденія. Взявшись, такимъ образомъ, за пропаганду своихъ убѣжденій, они стали чернить все и всѣхъ, стали порицать обрядосправленіе и всю вообще книжную реформу, доказывая православнымъ, что книги и чины, исправленные патріархомъ Никономъ, неправославны, еретичны, что ихъ должно отвергать, и проч. Аввакумъ прямо, напримѣръ, писалъ: «каковъ Никонъ мерзокъ Богу, таковы суть и книги его и догматы укрѣпляющихъ; ученицы его лживи, учителя гречестіи и русіи не со Христомъ собираютъ, но съ сатаною расточаютъ прежнихъ святыхъ отецъ вѣру Христову, и своими растлѣнными догматы антихристу путь уготовляютъ ¹⁾». Они не оставили въ покоѣ и восточную церковь. Чтобы подорвать уваженіе къ ней въ народѣ, который не могъ не знать, что вся эта реформа производится съ благословенія и при участіи ея, они проповѣдовали, что теперь и восточная церковь, находясь подъ игомъ невѣрныхъ, уже потеряла свое православіе, что книги ея, печатаясь въ латинскихъ областяхъ, повреждены, и проч., и проч.

И пропаганда эта шла успѣшно. Благоговѣя предъ мнимою стариною, не умѣя по невѣжеству своему отдѣлять буквы отъ смысла, обряда отъ догмата, многіе вѣрили ей на-слово. Да и какъ не вѣрить? Все, что говорилось противъ никоновской реформы, говорилось людьми авторитетными, бывшими долго даже справщиками на печатномъ дворѣ. И вотъ, во многихъ мѣстахъ даже священники добровольно никакъ не соглашались на принятіе новоисправленныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ ²⁾.

Всѣ эти факты, извѣстные всякому, знакомому съ исторіей раскола, довольно ясно указываютъ на зарождавшійся въ ту пору расколъ; несогласіе съ соборомъ, положившимъ произвести церковно-обрядовую реформу, открытое возстаніе противъ послѣдней, обличеніе дѣятелей ея въ еретичествѣ, волненія народныя, все это было явнымъ противленіемъ церкви!

Дѣло противленія церкви, предпринятое извѣстными намъ личностями, было въ такомъ положеніи, какъ мы его сейчасъ представили, только до разрыва дружбы патріарха Никона съ царемъ. Съ этого же времени зародившійся расколъ пошелъ впередъ уже быстрыми шагами. Униженный, прибитый энергическими мѣрами Никона, онъ теперь снова встрепенулся, ожилъ,

¹⁾ Ист. рус. раск., Макарія, стр. 162.

²⁾ Тамъ же, стр. 166.

возсталъ. Надѣясь, что съ переѣбною участію Никона дѣла церковныя поправятся, возвратятся къ старому, предводители его, не стѣсняясь, вездѣ начали теперь говорить все, что только имъ не нравилось въ церковной реформѣ, все, что они прежде, боясь Никона, не высказывали. Стали распространяться по народу рукописныя тетрадки, посыпались къ царю челобитныя на «новоизмысленные Никонѣмъ догматы». Противленія церковной власти со стороны приверженцевъ мнимой старины были не рѣдкость. Дѣло въ концѣ концовъ дошло до того, что «богохульное ихъ плодоношеніе,—какъ говорилъ царь Алексѣй Михайловичъ,—не точію по различнымъ царствію Богомъ намъ врученнаго странахъ, градѣхъ же и весѣхъ, обносится, но и въ самый сей градъ престола нашего вомчеса, даже и нашіма въ свитцѣхъ рукахъ, въ словесѣхъ же ушесѣма привоснутися. Яже услышавше мы и прочтше, абіе богонаставленіемъ познахомъ діаволѣ быти сѣмъ, сщцевая хулы содержащее: яко нынѣшняя церковь нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писанія лестна, ученіе несправедное и вся скверна и неблагочестна; имъ же душеубійственнымъ злоплодіемъ мнози скудоумніи повреждышеса, аки вѣѣ ума бывше, заблудивша отъ церкви въ новопрозябшая сонмища, крещеніе отложиша, грѣховъ своихъ іереемъ Божиимъ не исповѣдаша, тайнамъ животворящимъ не причащавшася, вкратцѣ рекше, весьма отъ Церкви и отъ Бога отчуждишася. О злаго плода не добраго сѣмене ¹⁾!» И все это говоритъ царь — компетентный для новѣйшаго раскола судья въ дѣлахъ церкви. Что же оставалось дѣлать собору 1667 г., которому съ такою горестію жаловался на раскольниковое возстаніе самъ «прирожденный представитель народа въ дѣлахъ церкви»? Ему оставалось испробовать одно только средство, и послѣднее — вразумить заблудшихъ словомъ и увѣщаніемъ. Онъ и дѣлалъ это: всѣ расколуучители были призываемы на соборъ и вразумляемы ²⁾. Но старанія собора не принесли желаемого плода; главные изъ нихъ не только не раскаялись, не оставили своихъ заблужденій, но еще съ бѣльшею, чѣмъ прежде, дерзостію повторяли ихъ предъ самимъ соборомъ. Они твердо стояли за свое, что теперь церковь «осквернена ересыми многи и антихристовою скверною», что теперь истины и православія нигдѣ — ни въ русской и ни въ греческой церкви — нѣтъ, и проч. ³⁾.

¹⁾ Дополн. къ ист. акт., т. V, стр. 445.

²⁾ Тамъ же, стр. 447—459.

³⁾ Тамъ же, стр. 459 и друг.

Такимъ образомъ и съ этой стороны новѣйшій расколъ неправъ, какъ неправъ онъ былъ, доказывая обрядничество патриарха Никона и большого московскаго собора. Въ виду сопротивленія раскола, послѣднему собору, разсматривавшему и одобрявшему русскую церковно-книжную реформу, ничего уже болѣе не оставалось дѣлать съ фанатическими противниками ея, какъ только отлучить ихъ отъ церкви. Соборъ 1667-го года и отлучилъ ихъ отъ нея, проклиная «яко еретиковъ и непокорниковъ», но проклиная не за то, что они содержали свои мнимостарые обряды—акты, мы видѣли, не говорятъ этого,—но за то, что они держались ихъ «съ противленіемъ священной власти, съ преслушаніемъ церкви», что они изъ-за фанатической привязанности къ нимъ хулили церковь и чрезъ это сами собою еще прежде собора отдѣлились отъ нея. За все это соборъ 1667-го года и отсѣкъ ихъ отъ тѣла церкви, «яко гниль и непотребенъ уды», но и то не навсегда, а «дондеже вразумятся въ правду покаяніемъ ¹⁾».

IV.

Мы покончили съ главными возраженіями новѣйшаго раскола; но онъ, кромѣ того, обращается къ православнымъ представителямъ церковной власти съ укоризнами за нѣкоторые, не направляющія ему, постановленія ихъ относительно старообрядцевъ, и распространяется о нихъ во второй половинѣ своей «Челобитной». Но всѣ эти укоризны крайне мелочны, и только одна изъ нихъ заслуживаетъ нѣкотораго разсмотрѣнія, а именно, по вопросу о такъ-называемомъ единовѣріи.

«Когда правительство узнало свою ошибку, допустивъ московскія вѣтвы,—разсуждаетъ по этому поводу новѣйшій расколъ,—и стало еще съ прошлаго столѣтія протягивать руку примиренія старообрядству; то архипастырство наше, не желая отказаться отъ московскихъ анаемъ и боясь противорѣчить правительству, стало лавировать между предписаніями послѣдняго и московскими вѣтвями. Эта двоедушность, двуличность его всего яснѣе видна въ единовѣріи» (Новѣйш. раск. челоб., л. 21—42; Объясн. И. В., л. 7—13. Буквальной выписки обо всемъ этомъ мы не приводимъ, такъ какъ въ ней нѣтъ надобности). «Что такое единовѣріе? спрашиваетъ авторъ. «Это есть подлинное подражаніе латинской униі, только лишенное латино-іезуитской смысленности».

¹⁾ Тамъ же, стр. 487.

Этого мало. «Нынѣшнее разрѣшеніе св. синодомъ старообрядства для такъ-называемыхъ церквей единовѣрческихъ, разрѣшеніе далеко не полное, не свободное, не прямодушное и не просвѣщенное, по противорѣчію и самому себѣ и греко-московскому собору, способно возбуждать вопросы касательно непогрѣшимости церкви». Какимъ же образомъ? «Старообрядцы,—отвѣчаетъ на это расколъ,—соединяющіеся съ господствующимъ архипастырствомъ, названы *единоотрѣцами*. Но развѣ споръ и раздѣленіе между ними шло изъ-за разногласія въ какомъ-либо *догматѣ*, или *членѣ вѣры*? Развѣ у старообрядцевъ до соединенія съ греко-россійцами была *вѣра*, а по соединеніи стала другая? Старообрядцы остаются *до буквы* вѣрными древней російской церкви. Но развѣ сія церковь до Никона была неправославна, а православною сдѣлалъ ее Никонъ?»

«Единовѣріе!... Греко-обрядцевъ Платонъ назвалъ *церковію*, а соединенцевъ другою. Но церковь безъ епископа не бываетъ, а соединенцамъ даны одни священники, то-есть, приходы, храмы, церкви, но не дано *Церкви*. И эту соединенную церковь преосв. Платонъ назвалъ *единоотрѣческою*, но отнюдь не православною: ибо изъ сей переходъ въ первую строжайше возбраненъ. Но чтобы какая-нибудь церковь была единой вѣры съ православною и вмѣстѣ съ тѣмъ была неправославна, — такой безсмыслицы и представить трудно. А между тѣмъ эта безсмыслица у насъ воть уже шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ официально существуетъ», и проч. (Новѣйш. челоб. раск., л. 36, 85 и 86 на обор., 87 и друг.; Объясн. И. В., л. 7—14).

Все это—софизмы, которые противорѣчатъ фактамъ, всякому извѣстному, и простому здравому смыслу. Мы имѣемъ полное право сказать, что, во-первыхъ, единовѣрцы до соединенія своего съ церковію дѣйствительно имѣли вѣру далеко не ту, которую исповѣдовала церковь до патріарха Никона и которую они содержатъ по соединеніи своемъ съ нею. Православные, напримѣръ, твердо вѣровали и вѣруютъ, что церковь Христова непогрѣшима, что она будетъ существовать до скончанія вѣка, что ея врата ада даже не одолѣютъ, и проч. Но старообрядцы еще 200 лѣтъ тому назадъ провозгласили, что теперь истинной церкви уже нѣтъ нигдѣ, что она погибла, что тайны — не тайны, архіереи — не архіереи. Большинство изъ нихъ еще и теперь убѣждено, что церковь заражена «ересью многи», что въ ней царствуетъ антихристъ, и проч. Неужели новѣйшій расколъ станетъ утверждать, что русская церковь до Никона да и вся вообще восточная такъ именно вѣровала относительно, *напр.*, непогрѣ-

личности церкви, какъ объ этомъ мудрствовали и мудствуютъ большинство старообрядцевъ?... Въ такомъ случаѣ не имѣла ли церковь наша и не имѣетъ ли права старообрядцевъ, отвергнувшихъ подобныя указаннымъ неправильныя свои мудрствованія о нѣкоторыхъ предметахъ вѣры, и вошедшихъ въ единеніе съ нею, называть именно *единоотцами*, а не другимъ какимъ-либо именемъ? Прежде они неправильно мыслили относительно нѣкоторыхъ предметовъ вѣры сравнительно съ православными. Но вотъ, съ теченіемъ времени, они познали эти свои заблужденія, раскаялись въ нихъ, идутъ въ соединеніи съ церковію и, вступивши въ него, вѣруютъ уже во все одинаково съ православными. Значитъ, они, прежде не во всемъ единоотцы послѣднимъ, теперь уже стали *единоотцами* имъ, сдѣлались *единоотцами* ихъ. Слѣдовательно, называя старообрядцевъ, вошедшихъ въ единеніе съ церковію единоотцами, церковь наша такимъ названіемъ ихъ нисколько не подаетъ повода сомнѣваться въ православіи ея.

Но, если старообрядцы, вошедшіе въ единеніе съ церковію на правахъ единоотцевъ, дѣйствительно единоотцы православнымъ; то, спрашивается далѣе: почему же они прямо не названы православными, отчего запрещенъ переходъ изъ православія въ единоотство?

Церковь и на это имѣетъ свои причины. Отличительный характеръ единоотства сравнительно съ православною церковію состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что въ немъ удержаны старыя, будто бы, обряды и мнимо-древнія чины. Это отличіе его какъ ни представляется на первый взглядъ маловажнымъ въ дѣлѣ православія, однако, на самомъ дѣлѣ далеко не таково, чтобы можно было къ нему относиться. Значеніе обряда въ дѣлѣ вѣры извѣстно. Въ силу этого значенія церковь обязана заботиться объ его улучшеніи, единообразіи. Она, дѣйствительно, заботилась и заботится. И если мы видимъ, что она допустила въ единоотствѣ обряды, прививаемые ею за менѣ совершенныя сравнительно съ своими—православными, то это она сдѣлала только изъ снисхожденія къ старообрядцамъ, изъ желанія такимъ своимъ снисхожденіемъ къ нимъ возвратитъ ихъ на путь истины. Спрашивается теперь: какъ же можно было послѣ этого старообрядцевъ-соединенцевъ называть вполне православными, когда подъ православіемъ въ общемъ смыслѣ разумѣются не одни только догматы вѣры, но и вся церковная, вѣками выработанная практика, къ которой относятся и обряды, содержимыя православно-вселенскою церковію?

Это объясненіе показываетъ отчасти уже и причину запре-

щенія свободного перехода изъ православія въ единовѣріе. Въ самомъ дѣлѣ, судя по отличительному характеру единовѣрія сравнительно съ православіемъ, всякій пойметъ, что назначеніе единовѣрія есть назначеніе исключительное и, слѣдовательно, не для всякаго христіанина доступное. Первые согласные (бывшіе раскольники стародубскіе) писали св. синоду о желаніи своемъ остаться при старыхъ обрядахъ такъ: «какъ извѣстно, что долговременная привычка есть какъ вторая природа и перемѣнить оную стоить великаго труда; наши же жители и родились и издавна привыкли къ старымъ церковнымъ обрядамъ: поэтому и не можемъ вмѣстити нынѣ новопечатныхъ книгъ. Не съ тѣмъ, чтобы мы ими гнушались, но ради нѣкой немощнѣйшей братіи, въ разсужденіи сего, что они послужатъ великимъ вредомъ, а не приращеніемъ церкви» (Истор. оч. един. М. С—го, стр. 26). И церковь уважила ихъ просьбу; давши имъ благословенное священство, оставило при нихъ и старые обряды. Значитъ, единовѣріе учреждено исключительно для старообрядцевъ, ищущихъ единенія съ церковію, но желающихъ въ то же время сохранить и свои мнимо-древніе обычаи и обряды, къ которымъ они привыкли съ младенчества, съ которыми они сроднились. Если такъ, — съ какой же стати церковь дозволить свободный переходъ изъ православія въ единовѣріе? Если она, заботясь объ единообразіи обряда, его улучшеніи, станетъ въ то же время дозволить православнымъ, содержащимъ совершенные обряды, переходить въ единовѣріе, гдѣ допущены мнимо-древніе обряды изъ одного только снисхожденія къ слабой немощи старообрядцевъ; то это дѣйствіе церкви будетъ походить на то, какъ если бы человекъ одною рукою своею дѣлалъ извѣстное дѣло, а другою въ то же время разрушалъ его. Старообрядецъ переходитъ въ единовѣріе потому, что онъ, сознавши всю неправду удаленія своего отъ церкви, рѣшился, наконецъ, соединиться съ нею, которая въ то же время изъ снисхожденія своего къ нему дозволяетъ содержать и любимые имъ мнимо-старые обряды. А православный почему переходитъ въ единовѣріе? Онъ и безъ того въ союзъ съ церковію и можетъ желать перейти въ него по одному своему личному расположенію къ мнимо-старымъ обрядамъ, расположенію, приобретенному уже въ зрѣломъ возрастѣ.

Но это еще не все. Переходъ изъ православія въ единовѣріе потому главнымъ образомъ воспрещенъ и воспрещается, что само единовѣріе далеко не соотвѣтствуетъ той идеѣ, какая положена церковію въ его основаніи. Вмѣсто того, чтобы считать себя членами единой православно-каатолической церкви, большин-

ство единовѣрцевъ считаетъ единовѣріе чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ православной церкви и сравнительно съ нимъ находить въ этой послѣдней разныя несовершенства. Еще при устройствѣ единовѣрія московскіе старообрядцы въ числѣ пунктовъ, поданныхъ митрополиту Платону при прошеніи, помѣстили и слѣдующій: «старообрядческихъ священниковъ не требовать въ греко-россійскую церковь къ соборнымъ моленіямъ, какъ-то: въ крестные ходы и тому подобное, а отправлять имъ, по благословенію вашего высокопреосвященства, въ церквахъ старообрядческихъ оныя соборныя моленія; также не принуждать старообрядцевъ къ допущенію на общія моленія знаменующихся тремя персты, браны брѣющихъ и прочія имѣющихъ несогласія съ древними обыкновениями, выключая высочайшихъ особъ» (пунктъ 5). Если перевести это желаніе старообрядцевъ, искавшихъ общенія съ церковію, на болѣе ясную, откровенную рѣчь,—выйдетъ: обряды, содержимые единовѣрцами, древни, истинны и спасительны, а обряды, содержимые греко-россійцами, не имѣютъ ни того, ни другого, ни даже, пожалуй, и третяго. Митрополитъ Платонъ понялъ заднюю мысль, которая скрывается въ вышепредставленномъ желаніи старообрядцевъ, и потому сказавши: «что подлежитъ до недопущенія имъ въ церковь нѣкоторыхъ ими объясненныхъ особъ, на сіе согласиться предосудительно», постановилъ: «сіе (т.-е. переходъ изъ православія въ единовѣріе) не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что онъ (желающій перейти изъ перваго въ послѣднее) никогда дотолѣ въ церковь православную не ходилъ и таинствъ ея не принималъ» (отв. на 5 пунктъ).

Не въ лучшемъ отношеніи къ церкви находились единовѣрцы и въ послѣдующее время. «Въ послѣднее время, — доносили въ сороковыхъ годахъ чиновники министерству внутреннихъ дѣлъ о единовѣрціи въ Костромской губерніи, — устроены здѣсь единовѣрческія церкви, но онѣ не достигли цѣли: очень рѣдко случалось, чтобы закоренѣлый раскольникъ переходилъ въ единовѣріе, напротивъ, православные, зараженные духомъ раскола, непремѣнно присоединяются къ единовѣрцію. Единовѣрческія церкви управляются большею частію строителями ихъ, преимущественно крестьянами, или купцами, которые, выдавая отъ себя жалованье единовѣрческимъ священникамъ, держатъ ихъ въ постоянномъ угнетеніи и безпрекословномъ повиновеніи. Поступившіе изъ раскола въ единовѣріе имѣютъ въ виду избѣгнуть этимъ путемъ преслѣдованій мѣстнаго начальства, земской полиціи, или помѣщика; они числятся только единовѣрцами, а на самомъ дѣлѣ остаются

въ расколѣ. Въ одной единовѣрческой церкви собирались на молитву не раскольникѣ, а православные. Самый строитель ея, богатый купецъ, только по виду придерживался единовѣрія, а на самомъ дѣлѣ былъ закоренѣлый раскольникъ?» Въ Саратовской губерніи, по отзыву другого чиновника, «единовѣрцы открыто говорили, что они не допустить православнаго епископа къ совершенію литургіи въ ихъ церкви, что они не имѣютъ и не хотятъ имѣть никакихъ сношеній съ единовѣрческими монастырями и не будутъ никогда руководствоваться правилами 1800 года» (Ист. мин. внутр. дѣлъ, кн. 8, 559, 560, 568). Еще въ 1869-мъ году вятское епархіальное начальство получило прошеніе отъ прихожанъ единовѣрческой церкви Омутницкаго завода, въ которомъ они просили его вывести отъ нихъ священника Устюгова за то, главнымъ образомъ, что онъ допустилъ женѣ своей и дочери ходить въ церковь въ нѣмецкой одеждѣ и молиться троеперстнымъ крестомъ и вообще позволялъ православнымъ входить въ единовѣрческую церковь, принималъ ихъ ко кресту, грамотныхъ допускалъ на клиросъ, и проч. И подобныхъ фактовъ, наглядно всякому показывающихъ ненормальныя отношенія единовѣрцевъ къ православнымъ, не мало. Очень естественно, что и церковь вслѣдствіе такого большаго тяготѣнія единовѣрцевъ къ расколу, чѣмъ къ православію, должна удерживать православныхъ отъ перехода изъ православнаго прихода въ единовѣрческій. Въ одномъ только случаѣ этотъ переходъ можетъ быть допущенъ, — въ томъ именно, когда желающій его, по тщательномъ изслѣдованіи, окажется закоренѣлымъ раскольникомъ, давно уже уклонившимся изъ православія въ расколъ, совсѣмъ не посѣщающимъ православной церкви и непринимающимъ ея таинствъ.

Еще менѣе, наконецъ, единовѣріе противорѣчитъ «греко-московскому собору». Новѣйшій расколъ, очевидно, выходитъ здѣсь изъ своего своеобразнаго взгляда на происхожденіе раскола и на соборныя (1667 г.) анаемы. «Расколъ, — говоритъ онъ, — происходитъ изъ-за обрядовъ. Какіе же обрядовые вопросы расторгли единство російской церкви? Посолоніе и противосолоніе» и проч. (Новѣйш. раск. челоб., л. 3). Если такъ, и если московскій соборъ, по понятію раскола, проклялъ и самые обряды, то, понятно, что церковь послѣ этого уже никакъ не можетъ благословлять ихъ безъ явнаго противорѣчія себѣ. Но дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, понятіе его о расколѣ слишкомъ односторонне. «По моему мнѣнію, — говоритъ бл. Іеронимъ, — между ересью и расколомъ то различіе, что ересь состоитъ въ низверженіи догмата, а расколъ также отлучаетъ отъ церкви *по причинамъ несо-*

масія съ епископомъ. Слѣдовательно, эти двѣ вещи, по происхожденію, могутъ казаться различными въ извѣстныхъ отношеніяхъ, но въ основаніи нѣтъ раскола, который не имѣлъ чего-либо общаго съ какою-либо ересью, по возстанію противъ церкви» (Догм. богосл., Макарія, т. III, 26, 31. Почти также опредѣляетъ расколъ и Василій Великій). Значить, сущность раскола составляетъ несогласіе съ епископомъ, возстаніе противъ церковной власти, противъ церкви. Нашъ расколъ таковъ именно и есть. И большой московскій соборъ осудилъ мнимыхъ старообрядцевъ не за что другое, какъ только за упорное сопротивленіе ихъ церкви, за хуленіе ея, и притомъ осудилъ не безусловно, а «дондеже вразумятся и возвратятся въ правду покаяніемъ». Теперь это условіе кончилось для старообрядцевъ, ищущихъ единенія съ церковью на правахъ единовѣрія; они вразумились, покаялись въ своихъ бывшихъ заблужденіяхъ, за которыя были отлучены отъ церкви. Тѣ же первые согласные (бывшіе стародубскіе раскольники) въ прошеніи своемъ св. синоду говорили: «Мы недостатки отцовъ и дѣдовъ нашихъ ясно нынѣ видимъ, и постепенно, разсужденіями, чрезъ св. Писаніе, узнали, что церковь восточная и греко-россійская есть святая, православная и самая та, о которой сказано: врата адава не одолѣютъ ей, а потому и ужасаемся о лишеніи святѣйшихъ ея таинствъ» и проч. (Ист. оч. един., М. С—го, 26).

Изъ всего сказаннаго нами о новѣйшей полемикѣ раскола ясно слѣдуетъ, что его возраженія противъ православной церкви существенно отличаются отъ возраженій прежняго раскола: новѣйшій расколъ оставляетъ далеко позади себя своихъ предшественниковъ, и по своимъ воззрѣніямъ на церковь, и по приёмамъ въ доказательствахъ. Прежній расколъ, напримѣръ, съ слѣпымъ фанатизмомъ обличалъ православіе во всевозможныхъ ересьхъ. Современный намъ уже не говоритъ ничего подобнаго: онъ обличаетъ ее только въ расколъ, утверждая, что «не старообрядство—расколъ, а что расколъ именно есть одно только отступничество архипастырства отъ обычаевъ и обрядовъ, выработанныхъ нашею отечественною церковью» (Новѣйш. челоб. раск., л. 83, на обор.). Тотъ называлъ православныхъ еретиками, которыхъ даже убѣгать должно, а этотъ называетъ ихъ только раскольниками, коснѣющими въ грубомъ упрямствѣ и невѣжествѣ. Онъ не доказываетъ теперь, что патріархъ Никонъ измѣнилъ нѣрѣ отцовъ, «исказилъ вѣру старую, православную»; онъ утверждаетъ только, что Никонъ по одному невѣжеству своему и обрядовому упорству измѣнилъ старые отечественные обряды и тѣмъ «произвелъ

расколъ, хотя этого и не имѣлъ въ виду». Новѣйшій расколъ не говоритъ, что чрезъ выпущеніе въ символѣ вѣры буквы *а*, замѣну двуперстія троеперстіемъ и проч. наша церковь впадала въ ересь аріанскую, несторіанскую и другія, но утверждаетъ только, что церковь наша въ лицѣ своего собора (1667 г.) не имѣла права осуждать все старое отечественное обрядство. Онъ не доказываетъ, будто Никоновы «новшества» противны св. Писанію и древне-церковнымъ, свято-отеческимъ установленіямъ, но утверждаетъ только, что соборъ 1667 года, въ лицѣ своихъ представителей-епископовъ, «присвоившихъ себѣ право, вопреки духу и преданіямъ святой апостольской церкви, тираннически распоряжаться обычаями и обрядами своей церкви», незаконно, будто бы, провѣлять старые обряды, достойные, напротивъ, всякаго уваженія, какъ выработанные вѣковою, русскою благочестивою практикою. Наконецъ, новѣйшій расколъ не цитуетъ уже, какъ прежде, для доказательства своихъ положеній, безчисленнаго множества древнихъ свято-отеческихъ свидѣтельствъ, но ссылается, въ этомъ случаѣ, почти на одни только современные намъ источники и болѣею частью развиваетъ свои положенія чисто теоретически, объясняя ихъ иногда подобіями, сравненіями.

Все это обнаруживаетъ, что новѣйшій расколъ положительно расходится съ прежнимъ въ своемъ взглядѣ на православную церковь. Двухсотлѣтняя его жизнь не прошла для него безслѣдно; время и просвѣщеніе положили замѣтно свою руку и на него. Своею настоящею полемикою противъ православія онъ наглядно убѣждаетъ, что онъ не стоитъ на одномъ мѣстѣ неподвижно, что и онъ развивается по-своему. Расколъ настоящій не бѣжитъ отъ свѣта просвѣщенія, онъ не чуждается не только сочиненій по расколу, написанныхъ православными писателями, но и сочиненій заграничныхъ писателей. Судя по произведеніямъ новѣйшаго раскола, можно заключить, что ему хорошо знакомы не только разные указы и распоряженія св. синода и мѣстнаго епархіальнаго начальства, не только исторія раскола (преосв. Игнатія, Макарія, Муравьева) и полемическія сочиненія по этой части (митр. Филарета московскаго, въ проповѣдяхъ, и Григорія), но и разные историческіе документы (Софійскій Временникъ, соборное посланіе вонст. патріарха Паисія къ патріарху Никону, окружное посланіе единой, святой, соборной и апостольской церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, посланіе восточныхъ патріарховъ въ сущимъ въ Великобританіи и проч.), современная духовная журналистика (переписка прот. І. Васильева съ Гизо) и даже латинскій и греческій языки. Но всѣмъ этимъ онъ пользуется въ

своемъ спорѣ противъ православія далеко не по правиламъ здоровой, непредубѣжденной полемики. Въ этомъ отношеніи онъ отчасти сходится съ прежнимъ расколомъ. Но за то въ построеніи своихъ мыслей, въ слогѣ — новѣйшій расколъ далеко оставляетъ за собою прежній. Въ логической послѣдовательности, софистической диалектикѣ, въ правильности періодовъ, картинности, а, мѣстами, и въ чистотѣ языка ему, судя по однимъ вышепредставленнымъ выпискамъ изъ его сочиненій, отказать нельзя. Внѣшняя отдѣлка его произведеній вообще отличается стройностью и краснорѣчіемъ, но краснорѣчіемъ рассчитаннымъ на эффектъ, что особенно видно въ его быстрыхъ переходахъ отъ одного предмета къ другому, въ выводахъ, совсѣмъ неидушихъ къ дѣлу.

Такая перемена въ направленіи и во взглядѣ новѣйшаго раскола на церковь показываетъ, что онъ исподоволь начинаетъ приближаться къ ней, примиряться съ нею. Онъ и подошелъ къ ней, но не подошелъ, къ сожалѣнію, еще не настолько близко, чтобы можно было предвидѣть окончательное его примиреніе съ православіемъ. Онъ далеко еще не питаетъ къ нему расположенія. Обличая церковь въ двухсотлѣтнемъ расколѣ, новѣйшій расколъ считаетъ себя только одного правымъ, вполне православнымъ. Въ силу извѣстныхъ намъ теорій своихъ, онъ считаетъ должнымъ, законнымъ свое требованіе, чтобы вся русская церковь возвратилась въ мнимому старообрядству отъ «поправленнаго новообрядства». Претензія старая, — расколъ нынѣшній и не надѣется на осуществленіе ея, — но за то онъ считаетъ непремѣнною обязанностью церкви дать ему полную свободу, собственную іерархію, независимость¹⁾.

Наконецъ, прежній расколъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ простъ, откровененъ. Но у новѣйшаго этого почти не замѣчается; свое нерасположеніе къ церкви онъ старается прикрывать отъ глазъ читателей подъ своими укоризнами однимъ православнымъ представителямъ церковной власти, подъ своими возвышенными цѣлями, которыми онъ, будто бы, преслѣдуетъ въ своихъ произведеніяхъ. Хитрости въ послѣднихъ несравненно болѣе, чѣмъ даже въ «Поморскихъ отвѣтахъ». Сочиненія новѣйшаго раскола нужно читать съ усиленнымъ вниманіемъ и вниманіемъ, чтобы уловить это. Часто настоящіе его взгляды на извѣстный предметъ именно можно ловить только между строками. Вся почти переписка старообрядца съ Г. Θ. носитъ на себѣ именно этотъ характеръ. Здѣсь

¹⁾ Это требованіе новѣйшаго раскола изложено имъ въ 16-ти пунктахъ (Новѣйш. челобит. раск., въ концѣ, л. 99—108).

онъ, повидимому, и соглашается въ своихъ иныхъ взглядахъ на извѣстный вопросъ съ Г. Ѳ., но въ концѣ концовъ выходитъ не то. Своими софистическими тонкостями, своею діалектикою онъ все какъ будто проповѣдуетъ одно, но въ выводѣ оказывается другое.

Всѣ свои жалобы на несправедливость къ себѣ церкви, всѣ свои стоны и требованія новѣйшій расколъ обставляетъ высшими интересами, мотивируетъ возвышенными цѣлями. Полемизируя противъ православія, онъ маскируется здѣсь оборонникомъ правды, выставляетъ себя ратующимъ не за себя только одного, но, какъ мы видѣли, за цѣлый русскій народъ, даже за его національность, за государство, правительство и, наконецъ, за самую апостольскую церковь, предъ которой наша виновата тѣмъ, что возвела, будто бы, образъ въ догматъ, что, неправильно составивши соборъ 1667 года, несправедливо осудила первый. И выходитъ, что подобною, по меньшей мѣрѣ небезхитростною постановкою дѣла, новѣйшій расколъ уже вполнину достигаетъ своей цѣли; простодушный читатель стоитъ на его сторонѣ, сочувствуетъ его положенію.

Впрочемъ, будетъ ли успѣшна пропаганда новѣйшаго раскола или нѣтъ — объ этомъ мы не рѣшаемся говорить; это дѣло не наше. Мы замѣтимъ только одно, что аффектація новѣйшаго раскола въ изложеніи своихъ мыслей и брань много могутъ вредить ему въ этомъ случаѣ. То и другое можетъ наводить и простодушнаго читателя на сомнѣніе въ справедливости распространяемыхъ имъ своихъ убѣжденій, можетъ наводить его на изслѣдованія послѣднихъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, новѣйшій расколъ глубоко убѣжденъ въ справедливости своихъ положеній, — къ чему онъ, послѣ этого, при развитіи ихъ, старается поражать читателей неожиданными переходами и выводами? зачѣмъ допускаетъ въ этомъ случаѣ чуть не площадную брань?... Новѣйшій расколъ, очевидно, сознаетъ самъ свою внутреннюю несостоятельность, неустойчивость, и старается прикрыть это громкими фразами, картинными и быстрыми, поражающими мысль читателя, выводами. Немудрено послѣ этого, что онъ такъ легко впадаетъ въ противорѣчія, а иногда заговаривается даже, какъ мы видѣли, до положительнаго абсурда.

Д. Троицкій.

ТЕМНОЕ ДѢЛО

РАЗСКАЗЪ.

I.

Меблированныя комнаты мадамъ Штрундъ.

На одной изъ бойкихъ московскихъ улицъ стоялъ большой каменный домъ съ подъездомъ. Надъ оконными лѣйными украшениями бель-этажа тянулась узкая черная полоса съ золотой надписью: «Контора торговаго дома братьевъ Лоскутниковыхъ и К^о». Слева отъ воротъ шла чугунная узорчатая рѣшетка, упиравшаяся въ сосѣдній брандмауеръ, а въ глубинѣ, за главнымъ корпусомъ, видѣлась садъ, и поодаль, влѣво, одно-этажный каменный флигель, съ большими полу-циркульными окнами. На входной двери красовалась бѣлая квадратная пластинка, извѣщавшая голубымъ прифтомъ о существованіи меблированныхъ комнатъ у Амаліи Ивановны Штрундъ. Флигель и порастрескался, и пооблунился, и потемнѣлъ, но владѣтельница меблированныхъ комнатъ, проживавшая въ немъ болѣе десяти лѣтъ, или не замѣчала этого въ силу привычки, или не заводила съ хозяиномъ рѣчи о поправкѣ, потому что внутреннія удобства щедро выкупали его наружныя недостатки. Амалія Ивановна, нѣмка изъ остзейскихъ провинцій, первоначально попала въ Москву, въ качествѣ «бонины», въ какихъ-то дѣтяхъ аристократическаго происхождения.... потомъ, влюбившись, какъ только могутъ влюбляться чувствительныя нѣмки, въ одного изъ своихъ соотечественниковъ, пришедшаго въ Бѣлокаменную съ пустымъ карманомъ и съ сердцемъ, полнымъ надеждъ на гостепріимство и радушіе москвичей,

сочеталась съ нимъ законнымъ бракомъ. Надежды г. Штрунда на гостепріимство москвичей оправдались вполне и дали ему возможность свить теплое гнѣздышко... Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ управлять онъ богатымъ имѣніемъ какого-то графа, и пока тотъ моталъ деньги за-границей, управитель, «при трудолюбіи и искусствѣ», полегоньку округлялъ себѣ капиталецъ... Когда же графъ, движимый чувствомъ человеколюбія, затѣялъ соорудить въ Ниццѣ домъ призрѣнія для бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, то Штрундъ, выславшій ему съ грѣхомъ пополамъ часть требуемой суммы, смекнулъ, что въ родовомъ имѣніи русскаго вельможи управлять скоро будетъ нечѣмъ, и заблаговременно отошелъ отъ мѣста. Амалия Ивановна спала и видѣла уѣхать на родину, завестись своимъ домкомъ, но супругъ ея, полагавшій, что еще не время отдыхать «отъ трудовъ праведныхъ», задумалъ пустить капиталецъ свой въ оборотъ и увеличить его коммерческими операціями. Непривыкшій въ подобнаго рода аферамъ, предприимчивый Штрундъ хватилъ вдругъ слишкомъ высоко, оборвался и пошелъ ко дну. Потеря состоянія такъ подѣйствовала на него, что онъ отчаянно заболѣлъ и вскорѣ умеръ, оставивъ жену въ очень незавидномъ положеніи. Слава Богу, что не было дѣтей! Другая въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ потеряла бы голову, но Амалия Ивановна, какъ женщина характерная, героически вынесла всѣ невзгоды на своихъ крѣпкихъ плечахъ. Собравъ всевозможные клочки отъ проскользнувшего сквозъ пальцы состоянія, она немедленно занялась прискиваніемъ какой-нибудь неблестящей профессіи. Ей хотѣлось нуще всего, чтобы эта профессія избавляла ее отъ необходимости идти въ чужой домъ, подъ команду, а упрочила бы за ней право самостоятельной хозяйки, къ которому она такъ привыкла въ продолженіе своего супружества. Послѣ долгихъ развѣдываній, поисковъ, рекомендацій, наткнулась она на большую старуху-нѣмку, державшую меблированныя комнаты въ томъ самомъ флигелѣ, о которомъ мы говорили и, въ качествѣ помощницы, приладилась въ ней. Расторопная Амалия Ивановна съ такимъ умѣньемъ повела хозяйство, въ таковой порядокъ привела дѣла и облѣбнвшуюся прислугу, что хозяйка передъ ней спасовала и мало-по-малу передала ей бразды правленія. Послѣ смерти старухи, Амалия Ивановна приняла воѣ долги на себя и достигла желаемой цѣли, т.-е. сдѣлалась полновластною и единственною обладательницею тѣхъ самыхъ меблированныхъ комнатъ, куда, два года назадъ, робко вступила въ качествѣ помощницы.

Амалия Ивановна была кругленькая женщина лѣтъ 55-ти, съ

пріятнымъ и еще свѣжимъ лицомъ, такъ что, безъ угрызеній совѣсти, могла сбросить годовъ пять-шесть, а при экстренномъ случаѣ, пожалуй, и побольше... Въ щегольскомъ чепчикѣ, въ черномъ, ловко спитомъ платѣ, въ бѣлоснѣжномъ, туго накрахмаленномъ воротничкѣ, безъ усталы вращалась она въ своихъ владѣніяхъ и неуспынно слѣдила за опрятностью, порядкомъ и комфортомъ жильцовъ. Чисто выметенный корридоръ, съ висячей лампой по срединѣ, былъ устланъ веревочной дорожкой, а подлѣ двери хозяйки красовалась черная лакированная доска съ цифрами и съ мѣдными крючочками, на которые уходившіе жильцы обыкновенно вѣшали ключъ отъ занимаемой ими комнаты. Всѣхъ номеровъ, съ хвойской квартирой и съ общей столовой включительно, было десять. Никогда не случалось, чтобы хоть одинъ изъ этихъ номеровъ оставался незанятымъ болѣе двухъ сутокъ. У Амалии Ивановны даже были постоянные, годовые жильцы; съ нѣкоторыми изъ нихъ водила она дружбу, кофейничала и игрывала въ карты «по маленькой». Прислуга ея состояла изъ повара Никитича, за которымъ она смотрѣла въ оба и не дозволяла ему частыхъ уклоненій отъ трезвости; изъ пожилой дѣвушки Настасьи и человѣка Николая. Настасья, перешедшая вмѣстѣ съ меблированными комнатами подъ дирекцію Амалии Ивановны, строго соблюдала заведенные порядки, умѣла угодить всѣмъ и каждому, вслѣдствіе чего пользовалась довѣріемъ хозяйки и расположеніемъ жильцовъ.

Было морозное декабрьское утро. Въ угловомъ, незатѣйливо, но чисто убранномъ номерѣ о двухъ окнахъ, обращенныхъ въ чугунной рѣшеткѣ, зѣвалъ и потягивался средняго роста плотный господинъ, въ полосатомъ халатѣ. Это былъ брюнетъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ одною изъ обыденныхъ фizioномій, встрѣчающихся на каждомъ шагѣ.

— Эхъ я для Ниволы заспался! — подумалъ онъ, взглянувъ черезъ дворъ на улицу, по которой уже снова сани и прѣиходы. А все этотъ проклятый рамсъ! шутка—рѣзались почти до двухъ часовъ! Зѣвнувъ еще разъ, онъ быстро направился въ переднюю, отдѣлявшуюся отъ упомянутой комнаты низенькою перегородкой, пріотворилъ дверь въ корридоръ, высунулъ голову и крикнувъ густымъ баритономъ: «Ниволай! свѣжей воды умыться, да попроворѣе чаю!»

— Сію секунду-съ! послышался голосъ съ противоположнаго конца.

— Ба, Андрей Николаичъ! — воскликнулъ плотный брюнетъ, увидавъ молодого человѣка красивой наружности, въ щегольской

шубѣ, въ бѣломъ шарфѣ, только-что вояшедшаго въ корридоръ. Куда васъ Богъ носилъ такъ рано? Поздравлять что-ль кого ходили?

— Нѣтъ... ходилъ къ товарищу, неподалеку, отвѣчалъ тотъ, приближаясь къ говорившему, да не засталъ дома... такая досада!

— Холодно?

— Морозъ порядочный... а главное, очень вѣтрено.

— Вотъ это скверно! мороза не боюсь, но вѣтра терпѣть не могу: такъ всего и прохватываетъ! Не хотите ли стаканчикъ чаю?

— Развѣ еще не пили?

— Нѣтъ, не пилъ—проспалъ!

— Пожалуй, съ удовольствіемъ... только вотъ зайду къ себѣ, раздѣнусь.

— Стало-быть, у меня-то нельзя?

— Нѣтъ, ужъ лучше дома... сейчасъ вернусь.

— Ну, хорошо! а я пока умоюсь. Самоваръ живѣе! прибавилъ брюнетъ, обращаясь къ Николаю, промигнувшему съ полнымъ кувшиномъ воды.

— Слушаю-съ! отвѣтилъ тотъ и черезъ минуту юркнулъ опять въ корридоръ.

Хозяинъ отправился умываться въ спальню, изъ которой низенькая однопольная дверь выходила прямо въ гостиную, куда не замедлилъ явиться Андрей Николаичъ Успенскій. На немъ была черная бархатная жакетка, свѣтлыя брюки и пестрый утренній жилетъ; отложной воротничокъ безукоризненно вымытой сорочки казался еще бѣлѣе отъ темно-русой бороды, обрамливавшей его изыщное лицо.

— Экой у васъ легкій воздухъ! замѣтилъ Успенскій, расхаживая по комнатѣ. А у меня бываетъ такъ душно, въ особенности, какъ Николай нажаритъ печку, не знаю куда дѣваться!

— Развѣ форточки-то нѣтъ? спросилъ хозяинъ, вытиравшій полотенцемъ раскраснѣвшіяся щеки.

— Какъ не быть... да прямо къ помойной ямѣ...

— Фу, скверность! По-моему, комната безъ форточки грошъ не стоитъ. Какъ не отворять: самоваръ начадить... накурить... жарко... безъ форточки просто задохнешься!

Дверь изъ корридора распахнулась настежь и Николай влетѣлъ съ чайной посудой. Разставивъ всѣ принадлежности на кругломъ, покрытомъ суконной скатертью, столѣ, отправился онъ за самоваромъ, а брюнетъ тѣмъ временемъ вышелъ въ приемную, умытый, приглаженный и замѣнившій полосатый халатъ сѣренькимъ пальто.

— Еще разъ здравствуйте! обратился онъ къ гостю.

— Ужъ это вы не для меня ли, Егоръ Егорычъ, съ халатомъ-то расстались? спросилъ тотъ.

— Э, сталъ бы я церемониться по сосѣдству! Нѣтъ, ко мнѣ того и глади припожалуетъ купецъ Меркуловъ: я ему вчера отлично запродавъ хлѣбъ... задатокъ привезти хотѣлъ... такъ въ халатѣ-то будто неловко. Садитесь-ка, Андрей Николаичъ! да не хотите ли курнуть? Вонъ папиросы-то на письменномъ столѣ.

— У меня есть сигары—благодарю васъ.

Николай явился съ самоваромъ. Хозяинъ принялся заваривать чай, а гость, помѣстившійся подлѣ него, досталъ изъ бокового кармана черепаховую сигарочницу съ золотымъ ободкомъ и, открывъ ее, вынулъ гаванскую сигару.

— Эге! замѣтилъ Егоръ Егорычъ, да вы сигарочки-то покупаете, кажется, недурныя?

— Да, къ несчастію, разборчивъ... много денегъ жгу! Неудобно ли? предложилъ Андрей Николаичъ, протягивая портсигаръ.

— Позвольте... выкурю одну съ чаемъ.—Экая прелесть! любовался Егоръ Егорычъ, вертя въ рукахъ сигарочницу. Славная вещица! И какъ всѣ угоды прилажены искусно... и вензель въ лавровомъ вѣнѣ... Щеголь вы, батюшка—одно слово! заключилъ онъ, положивъ сигарочницу на столъ.

— Ты чего дожидаться? спросилъ онъ, взглянувъ на Николая, который переминался подлѣ стола, видимо собираясь повести о чемъ-то рѣчь.—Николай былъ низенькій, тщедушный человѣчекъ съ глуповато-умильной фizioноміей, съ черными курчавыми волосами.

— Я, сударь, къ вамъ съ просьбицей..., ухмыльнулся онъ.

— Что такое?

— Я имянинникъ-съ... по тому случаю отпросился у Амалии Ивановны на цѣлый день со двора...

— Ну?

— Отпустила... только, говорить, смотри—чтобъ номера были прибраны какъ слѣдуетъ. Я полегоньку управился вездѣ... дозвольте управиться и у васъ, пока кушаете чай... а то будетъ поздно-съ: ужъ больно долго изволили поживать...

— А! ты имянинникъ? честь имѣю поздравить... Ну, убирай пока спальню, да пришей пожалуйста стажу къ чернымъ брюкамъ—я въ нихъ поѣду. Затѣмъ, получишь рублевку и ступай на всѣ четыре стороны!

— Вотъ дай вамъ Господи добраго здоровья, сударь, про-

говорить съ сѣмонецъ улыбкой Николай. Ничувствительнѣйше благодарень!

— А съ меня подождешь, сказалъ Андрей Николаичъ, взглянувъ на часы. Я, братъ, въ сильномъ безденежьи для твоихъ иманнѣй!

— Помилуйте, сударь! перепало мнѣ отъ васъ и безъ иманнѣй: вы баринъ добрый—нечего и говорить!

— Что-жь, хозяйка дала тебѣ на чай-то? спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Дала-сь, да ужъ больно маловато—всего 50 копѣекъ! Ты, говорить, еще у меня недавно... прежде послужи. Нѣмка-сь, одно слово... за грошъ удавится! Что ей за дѣло, что иманнинъ разъ въ годъ!

— А тебѣ бы хотѣлось два? подшутилъ Егоръ Егорычъ. Экой ловкій! карманъ, знать, любишь набивать?—У насъ вонъ помѣщикъ, тоже Николай, такъ бѣгаетъ отъ иманнинъ-то: зимой, въ Москвѣ говорить, что онъ Никола лѣтній, а лѣтомъ, въ деревнѣ—что зимній... да такъ и проводитъ на бобахъ...

Николай принесъ щетку и отправился въ спальню, а пріятели продолжали бесѣдовать за самоваромъ, частенько поглядывая на часы. Незвѣстно, чего ждалъ Успенскій, но Егоръ Егорычъ нетерпѣливо дожидался покупателя съ обѣщаннымъ задаткомъ. Вдругъ скрипнула дверь... кто-то вошелъ въ переднюю и осторожно кашлянулъ.

— Знать, мой купчина! шепнулъ хозяинъ и поспѣшилъ встрѣтить желаннаго гостя, но вмѣсто его встрѣтилъ молодцоватаго ярославца съ рижаватой бородкой, въ дубленомъ полуинубѣй, ловко перетянутого краснымъ кушакомъ.

— Егору Егоровичу низайшее почтеніе! преговорилъ ярославецъ съ какою-то вычурною отчетливостью, поклонившись и бойко встряхнувъ въ кружокъ остриженными волосами.

— А... Семень Иванычъ... добро пожаловать! Что скажешь?

— Да вотъ-сь Трифонъ Григорьевичъ очень вамъ кланяются... обѣщанный задаточекъ вручить приказали.

— Дѣло хорошее! а я-было его самого поджидалъ.

— Пріѣхать сами никакъ не могутъ: въ отбытіи изъ Москвы-сь.

— Э!.. куда его Богъ понесъ?

— Дѣльцо больно подходящее съ налета подвернулось... упустить не рука... но этой самой аказіи они рано утромъ и въ дорогу срядились. Да вѣдь это все единственно-сь: задаточекъ извольте получить отъ меня.

— Конечно, все равно: я дамъ тебѣ росписку и все недолга!

А между прочимъ, не хочешь ли хлебнуть чайку? самоваръ на столѣ.

— Дѣло бы, сударь, незаворотное... да какъ бы васъ не обезножить?

— Вотъ тебѣ-на! что за безпокойство—ступай!

Вошедшій ярославецъ развязно поклонился Андрею Николаичу, привѣтливо отвѣтившему на поклонъ; но прежде, чѣмъ подсаживаться къ самовару, вынулъ изъ-за пазухи бумажникъ, а изъ бумажника толстый пакетъ съ крупной надписью: «Милостивому государю Егору Егоровичу Бусыгину, отъ Трифона Григорьевъ Меркулова, со вложеніемъ четырехъ-сотъ рублей серебромъ.»

— Допрежъ всего, сказалъ ярославецъ, соблаговолите получить задаточекъ, да пересчитать депозиты-съ. Онъ ловко надломилъ печать, вынулъ деньги и сталъ ихъ раскладывать передъ Бусыгинымъ.

— Вотъ сотня-съ... вотъ другая... вотъ третья... вотъ четвертая... такъ ли по вашему-съ?

— Точно такъ, подтвердилъ Бусыгинъ. Экой мелочи набрали! а впрочемъ хорошо—мѣнять не нужно. Андрей Николаичъ! обратился онъ къ Успенскому, потрудитесь гостю налить стаканчикъ, а я я тѣмъ временемъ росписку напишу.

Онъ отперъ ящикъ письменнаго стола, взялъ листокъ почтовой бумаги и черезъ нѣсколько минутъ росписка была готова.

— Вотъ, сказалъ Бусыгинъ, отдавая ее Семену Ивановичу, читай—такъ ли?

— Все какъ надо быть-съ! заявилъ тотъ, внимательно прочитавъ написанное; потомъ сложилъ росписку вдвое, положилъ въ бумажникъ, который бережно всунулъ опять за пазуху и по-пробовалъ, крѣпко ли затнута кушакъ.

— Ахъ, деньги, деньги! сокрушался Бусыгинъ, укладывая бумажки въ пакетъ; такъ между пальцевъ и скользять... и ничего безъ нихъ не подѣлаешь! Вѣдь вотъ порядочный кушъ получилъ, а надолго ли хватитъ? Завтра сто рублей портному общалъ... гляди, чѣмъ свѣтъ явится, мошенникъ! Сто рублей на бархатную шубку съ собольей опушкой...

— Невѣсту, надо полагать, имѣете въ виду, Егоръ Егоровичъ? лукаво перебилъ ярославецъ, принимаясь за второй стаканъ.

— Будто ужъ кромѣ невѣсты и некому дарить такихъ шубокъ? усмѣхнулся тотъ. Эхъ ты, Семенъ Ивановичъ! чай, самъ знаешь эту статью-то... а?

Семенъ Ивановичъ, вмѣсто отвѣта, значительно кривнулъ, какъ

бы въ подтвержденіе, что упомянутая статья ему дѣйствительно небезызвѣстна.

— Значить, двѣсти рублей вонъ, продолжалъ Бусыгинъ, кладя пакетъ въ ящикъ письменнаго стола. Да послѣ театра придется въ маскарадѣ поужинать съ шампанскимъ... вотъ и разсчитывай!

— А вы денегъ-то много не берите-сь, внушалъ ярославецъ, такъ и соблазна меньше будетъ... При деньгахъ какъ разъ къ бархатной шубкѣ соболью шапочку прикинете, а безъ денегъ посулить можно: посулъ ничего-сь... дѣло неубыточное! — Успенскій и Бусыгинъ засмѣялись.

— Экой плутъ! весело замѣтилъ хозяинъ, а вѣдь истинную правду говорить: какъ его не послушаться? — Есть въ портмоне рублей съ двадцать — авось управлюсь! — Катнемъ, Андрей Николаичъ, вмѣстѣ?

— Нѣтъ, Егоръ Егорычъ, финансы не позволяютъ... да къ тому же у меня въ виду свадьба: на-дняхъ придется съѣздить въ Клинь.

— Какъ? развѣ женитесь?

— Не женюсь, а сестра выходитъ замужъ: надо ее устроить. Да какъ же вы попадете въ театр? прибавилъ Успенскій; помнится, вчера говорили, что приглашены къ какому-то имениннику?

— Э... къ пріятелю, на холостой обѣдъ! Возвращусь часамъ къ восьми, переодѣнусь и въ театр, а послѣ въ маскарадъ. Ыдемъ — полноте жаться!

— Не могу! Впрочемъ... можетъ быть, если не задержать одно обстоятельство... А лучше не разсчитывайте на меня!

— Экой несговорчивый! проговорилъ Бусыгинъ, махнувъ рукой. Что-жъ ты не пьешь, Семенъ Ивановичъ? обратился онъ къ ярославцу, съ котораго градомъ катился крупный потъ.

— Много благодарны, не могу-сь: очень ужъ пропотѣлъ! Да и ко дворамъ пора: время-то, надо полагать, не мало-сь?

— Четверть перваго, сказалъ Андрей Николаичъ, посмотрѣвъ на часы.

— Ахъ, батюшки, пора-сь!

— погоди, погоди! обратился къ нему Бусыгинъ, мнѣ надо кое-что тебѣ сказать. Да сними дубленку-то: что ты въ ней прѣдешь?

— Ничего-сь... не извольте беспокоиться... и такъ посидимъ.

— Николай! крикнулъ хозяинъ, поди-ка сюда.

— Чего изволите, сударь? спросилъ вышедшій изъ спальни Николай, съ иголкою въ рукахъ.

— Я общалъ тебѣ рубль — такъ?

— Точно такъ-съ.

— Вотъ тебѣ на радостяхъ два, расщедрился Бусыгинъ, вынувъ изъ портмоне, лежавшаго въ письменномъ столѣ, двѣ новенькія бумажки.

— Поворнѣйше благодарю, сударь! воскликнулъ довольный Николай, кланаясь въ-поясъ. Дай вамъ Господи получить еще больше!

— Убралъ спальню? спросилъ Бусыгинъ, задвигая ящикъ и запирая его на ключъ, который опустилъ себѣ въ карманъ.

— Убралъ-съ.

— Ну, теперь вотъ что: приготовь фракъ, сорочку съ вышитой грудью... въ среднемъ комодѣ... знаешь? бѣлый жилетъ... да осмотри, всѣ ли пуговицы; новые сапоги достань... кажется, все? Ты рано ли придешь домой-то?

— Раньше десяти не приду-съ... такъ и у Амалии Ивановны спросился. А развѣ на что буду нуженъ?

— Нѣтъ; я къ восьми часамъ приѣду вѣдь только переодѣться, да и маршъ! Приготовь, что нужно, и ступай съ Богомъ; гостиную уберешь завтра: теперь и нѣкогда, и поудно.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ Николай и ушелъ опять въ спальню.

— Ну, Семенъ Ивановичъ, вотъ что я хотѣлъ сказать тебѣ, продолжалъ Бусыгинъ, садясь подлѣ ярославца.

— Что такое будетъ-съ?

— Муку-то я вѣдь вамъ продешевилъ!

— Помилуйте, Егоръ Егоровичъ! по 80-ти копѣекъ за пудъ-то? Господь съ вами! Да на что-жъ лучше этой цѣны?

— Бываетъ, милый человекъ, и лучше! Если бы я не поторопился, такъ Селифановъ далъ бы и по девяти гривенъ съ удовольствіемъ.

— Напрасно вы такъ полагать изволите: Селифанову супротивъ насъ не торговать-съ! Опять же съ нами дѣло не впервые имѣете... люди знакомые...

— Оно такъ, а все-таки Трифонъ Григорьичъ поприжалъ меня... Да и ты тутъ не встати егозилъ: для чего рожь-то на пять съ четвертью сбилъ? а? безстыжіе твои глаза!

— Ничего я не сбивалъ-съ: рожь изволили продать не въ убытокъ. Ужъ больно сыровата... сами знаете...

— Врешь ты, любезный!

— Какъ передъ истиннымъ Создателемъ, сыровата-съ!

— Знай свое толкуешь! Ну, да что тутъ перекоряться: хочешь грѣхъ пополамъ?

— Коли грѣхъ не великъ, такъ отчего же-съ...

— Уломай хозяина взять 260 мѣръ овса! Мы вчера ладились, да не сладились, а ты это дѣло обработаешь—я знаю.

Ярославецъ самодовольно усмѣхнулся.

— Хозяинъ твой, продолжалъ Бусыгинъ, больше четырехъ рублей двадцати-пяти за четверть не дастъ, а я прошу четыре тридцать-пять. Овесъ великолѣпный, сухой, крупный!

— Нѣтъ-съ, Егоръ Егоровичъ, эта музыка неподходящая! Такую цѣну по таперешнему времени мудрено вамъ получить... дорогонько!

— Ахъ, ты выжига ярославская! Что-жъ, по-твоему, стоить? Семень Ивановичъ погладилъ бородку и призадумался. Потомъ, вскинувъ плутоватые глаза прямо на Бусыгина, твердо отчеканилъ:

— Четыре рублика тридцать—настоящая, безобидная цѣна... слѣдуетъ говорить по-божьему!

— Нѣтъ, ужъ ты намаживай на тридцать-пять, да и спринемъ сдѣлку въ Троицкомъ!

— Видить Богъ, нельзя-съ: нескладно будетъ! Вы пять копѣчекъ скиньте, мы, значить, пять копѣчекъ накинemъ, грѣхъ-ать и выдѣть пополамъ-съ!

— Ахъ ты, мошенникъ! Ну, что съ нимъ приважишь дѣлать?

Ярославецъ хихикнулъ; за нимъ разсмѣялись Бусыгинъ и Успенскій.

— Я, сударь, убрался, сказалъ Николай, выходя изъ спальни со щеткой и жестянымъ лоточкомъ наметеннаго сора.

— Ну, ступай. Развѣ вотъ самоваръ бы снять? Впрочемъ. Настя сниметъ—ступай!

Николай ушелъ; вслѣдъ за нимъ поднялся и ярославецъ.

— Куда-жъ ты, Семень Ивановичъ? посиди, потолкуемъ... останавливалъ его довольный сдѣлкою Бусыгинъ. Не хочешь ли рюмочку мадеры?

— Нѣтъ-съ, Егоръ Егоровичъ, благодаримъ поворно! отвѣчалъ тотъ, встряхнувъ головой. Мы эфтимъ не балуемъ...

— Какъ? неужели не пьешь?

— Ни синь-пороху, окромя пива-съ... и то при какой на-есть веселой оказіи. Пиво, сами изволите знать, напитокъ не винный-съ...

— Ну, братъ, несовсѣмъ невинный, какъ хлебнешь черезъ край! захотелъ Бусыгинъ, хлопнувъ его по плечу. Когда же хозяинъ-то прійдетъ? спросилъ онъ, переставъ смѣяться.

— Завтрашній день къ вечеру неотмѣнно будутъ въ Москвѣ-съ

— Такъ я послѣ-завтра и побываю, а ты его ужъ подготовь, да смотри... не надуй...

— Помилуйте—зачѣмъ надувать! Мы тоже совѣсть имѣемъ... дѣла, слава Богу, дѣлаемъ не первый годъ, да и у хозяина въ довѣренности состоимъ.

— Ну, ладно, ладно!

— Прощенья просимъ! заключить ярославецъ, раскланиваясь. Счастливо оставаться-съ!

II.

Неожиданная тревога.

— Вотъ и дѣло въ шляпѣ! воскликнулъ Бусыгинъ, проводивъ ярославца и весело потирая руки. Что, Андрей Николаичъ, чай, разговоръ-то нашъ наскучилъ?

— Нисколько. Во-первыхъ, я заинтересовался приказчикомъ, а во-вторыхъ, подобные разговоры для меня не новость: въ два года таки-понаслушался ихъ у Блинова—онъ тоже торгуетъ хлѣбомъ.

— У какого Блинова?

— Да гдѣ жилъ учителемъ... я, кажется, вамъ говорилъ?

— А! сына готовили въ университетъ? помню. Что этотъ Блиновъ, ведетъ большую торговлю?

— Даже очень: у него огромный оборотъ.

— Видаются вы съ нимъ?

— Нѣтъ... съ тѣхъ поръ какъ отошелъ, не видаюсь...

— Жаль... недурно бы познакомиться съ такимъ тузомъ! Вы бы меня отрекомендовать могли.

— Не жалѣйте...

— А что? плутъ?

— Не больше, чѣмъ другіе, но скверный характеръ... грубый, дерзкій: какъ разъ наткнешься на неприятность.

— Такъ къ чорту его! Меркуловъ хоть и скуповатъ, да съ нимъ весело дѣла вести; главное—платится отлично, безъ задержки. Спасибо ему! добавилъ Бусыгинъ. Теперь я, по крайней мѣрѣ, съ деньгами и въ Москвѣ поживу, съ деньгами и домомъ вернусь.

— Святки думаете пробить здѣсь? спросилъ Успенскій.

— Непремѣнно: надо ужъ окончательно рассчитаться съ Меркуловымъ. А сколько еще комиссій придется исполнить—Господи! Надавали порученій съ три короба: не знаю съ чего и начинать...

— Да, деревенскіе жители на порученія не скупаются, замѣтилъ Андрей Николанчъ. Чуть прознаютъ, кто ѣдетъ въ Москву или въ Петербургъ, сейчасъ занадобится все!

— Пуще бабѣ пристасть... сказала Бусыгинъ, хоть на глаза не кажись! Одной мыла привези непременно отъ Бунса; другой духовъ; третьей — кофейникъ паровой; четвертой — конфетъ отъ Эйнема... и чтобы такихъ-то не клали, а этакихъ побольше... точно я стану каждую фитюльку разбирать! Да это еще что! Одна вонъ заказала талисманъ неувадаемой красоты привезти... одались какой-то... Бабѣ за 50-ть... ну, на кой ей прахъ одались, посудите сами? Вѣрить же, старая дура, что талисманъ и морщины расправляетъ, и веснушки сгоняетъ, и лицо убѣлаетъ, и блескъ глазамъ придаетъ, и кожу паче бархата умягчаетъ...

— Только старухъ въ молодыхъ не превращаетъ! шутливо заключилъ Успенскій.

— Да... вотъ этого-то, знать, не смекнула! подтвердилъ Бусыгинъ. Другой, что съ утра до ночи объ женихахъ гадаетъ, африканскую... не то «американскую гадалку» привези... Ишь какія-то кабалистическія карты... въ дѣйственныхъ лѣсахъ, въ пещерахъ открыты... Стыдно и спрашивать-то: подумаютъ, этакую белиберду себѣ покупаю! Не забыть бы еще султанской, несмываемой краской для одного заштатнаго франта запастись... Христомъ-Богомъ просидѣ: женится на семнадцатилѣтней институткѣ... Ну, это еще, по-моему, простительно...

— Какая несправедливость! вступился Успенскій. Смыслетъ надъ женщинами...

— Андрей Николанчъ! неожиданно перебила вошедшая Настасья, вась какая-то дѣвушка спрашиваетъ.

— Иду! радостно воскликнулъ тотъ, и не простившись съ хозяиномъ, опрометью выбѣжалъ изъ комнаты.

— Эге, пріятель! закричалъ ему вслѣдъ Бусыгинъ. «Знать голубка прилетѣла со далекой стороны?» — Ишь обрадовался! Возьми-ка все отсюда, обратился онъ къ Настасьѣ. Я сейчасъ буду одѣваться — пора ѣхать.

Настасья, пожилая, чисто одѣтая дѣвушка, съ отчетливымъ лицомъ, взяла самоваръ и черезъ нѣсколько минутъ вернулась за посудой. Она поставила все на подносъ и осторожно приподнявъ забытый Успенскимъ портъ-сигаръ, смахнула со скатерти.

— Вамъ ничего не требуется, сударь? спросила она, собираясь уйти.

— Ничего, дружокъ—ступай! отвѣчалъ Бусыгинъ, помадаясь передъ зеркаломъ.

Настасья ушла, а вскорѣ послѣ ея ухода отправился на именины и Егоръ Егорычъ, повѣсивъ ключъ на извѣстную доску съ цифрами, подлѣ комнаты хозяйки.

Черезъ нѣсколько времени, Андрей Николаичъ, въ шубѣ, въ томъ же бѣломъ шарфѣ, стукнулся въ Бусыгину. Отвѣта нѣтъ. Стукнулся еще раза два—то же молчаніе. «Уѣхалъ», подумалъ онъ, и взявши ключъ отъ номера Бусыгина, отперъ дверь и вошелъ туда...

— Андрей Николаичъ, здравствуйте! привѣтливо сказала Амалія Ивановна, вышедшая въ корридоръ въ то самое время, какъ Успенскій запиралъ комнату Егора Егорыча. Мы еще сегодня не видались.

— Не видались, Амалія Ивановна! подтвердилъ тотъ подходя къ ней и вѣшая ключъ.

— Что это? никакъ вы держите его подъ замкомъ? пошутила хозяйка, кивнувъ на угловой номеръ.

— Нѣтъ, онъ уѣхалъ; а я вотъ входилъ за сигарочницей: давеча пилъ у него чай, да и позабылъ второпяхъ. Хорошо, что какъ оставилъ на столѣ, такъ и лежитъ...

— Куда же вы? сейчасъ обѣдъ подадутъ.

— Аппетитъ пропалъ,—усмѣхнулся Успенскій. Пойду къ то-варищу—долгъ отдать... потомъ, быть можетъ, въ театръ отправлюсь.

— А!.. значительно протянула Амалія Ивановна. Вѣрно безденежье кончилось?

— Кончилось! завтра буду имѣть удовольствіе расквитаться и съ вами.

— Это хорошо. Мнѣ, признаюсь, деньги нужны.

— Да кому же, скажите, онѣ не нужны? Безъ денегъ плохо живется... Удивляюсь только, прибавилъ Успенскій, какъ опять итъ, или какъ тратить умѣючи: никакъ не могу приобрѣсти этого умѣнья! Дайте мнѣ, напримѣръ, десять тысячъ, да обяжите тратить по тысячѣ въ годъ, не больше—я буду самый несчастный человѣкъ! Ну, какъ остановиться именно на одной тысячѣ, если знаешь, что есть возможность прожить двѣ, три и четыре...

— Нѣтъ, возразила Амалія Ивановна, такъ нельзя... въ особенностях, когда семейство... обязанности...

Мгновенное облако грусти скользнуло по лицу молодого человека.

— Вы правы, сказалъ онъ, вздохнувши. Неумѣстная трата денегъ отзывается, при случаѣ, очень тяжело... досадно бываетъ на самого себя... Ну, да авось исправлюсь! заключилъ онъ, поклонившись хозяйкѣ, потому что завидѣлъ Настасью съ миской, призывавшей Амалию Ивановну на обычный постъ.

Послѣ обѣда большая половина нахлѣбниковъ мадамъ Штрундъ разбрелась въ разныя стороны. Въ концѣ корридора, освѣщеннаго висачей лампой, подлѣ входной двери, за небольшимъ ясеневымъ столомъ сидѣла Настасья. Подперевъ обѣими руками подбородокъ, она сосредоточенно смотрѣла, какъ маленькая, горбатая старушонка раскладывала передъ ней карты.

— Ну, Настенька! прорицала ворожея, безпрестанно посяюнивая концы пальцевъ, потому что грязныя карты едва отдѣлялись одна отъ другой:—трефовому королю большія хлопоты... и словно болѣсть какая... А вотъ и поздняя дорога въ бубновый домъ... Да, бубны отъ него не отходятъ!

Обложивъ трефоваго короля по общепринятому способу гадальщицы, старушонка уткнула въ щеку палецъ правой руки и начала, послѣ глубокомысленнаго соображенія, истолковывать значеніе разложенныхъ картъ.—Думаетъ... думаетъ о поздней дорогѣ! говорила она, потряхивая головой. Антересуется письмомъ отъ марьяжной дамы... видишь? а вотъ этотъ валетъ... сродственникъ, аль пріятель какой, черезъ свиданіе съ червями, почтенную даму на сердцѣ держитъ... и черезъ трефовый антиресъ, быдто въ казенномъ домѣ... ссора выходитъ!

— У кого ссора? подобострастно спросила Настасья, потиравшая нить истолкованій. У валета съ дамой или у дамы съ трефовымъ королемъ?

— Съ дамой... съ дамой! поясняла гадальщица. Нѣтъ, мать моя, постой-ка... съ королемъ! такъ и есть, съ королемъ: вонъ виновная-то девятка гдѣ! Неладна шестерка въ головахъ... Ну, мать моя! въ поздней дорогѣ ему свиданіе и опять-таки въ бубновомъ домѣ... съ бубновой дамой... А дамѣ этой вышло скверно: ишь какъ виновный тузъ-то легъ?.. Непріятность... неожиданная неприятность! Въ глазахъ у него веселая компанія и словно драка... побой... а все-таки ничего: ему хорошо!

— Слава Богу! порадовалась Настасья. Чтѣ-то вотъ конецъ гаданья скажетъ: чѣмъ-то все кончится?

Въ эту самую минуту входная дверь распахнулась и вошелъ Бусыгинъ, весь въ снѣгу.

— Не приходилъ Николай? спросилъ онъ вслѣдовавшую Настасью.

— Никакъ нѣтъ-съ: онъ отпущенъ до десяти часовъ, а теперь только безъ четверти восемь. Что вамъ угодно?

— Да вотъ бы шубу встряхнуть.

— Позвольте, я...

— Ну, потрудись, голубушка! Снѣгъ хоть и сухой, а все-таки неприятно.

Бусыгинъ, снявъ шубу, вошелъ къ себѣ въ номеръ, куда Настасья вскорѣ принесла ее и широко раскинула на вѣшалкѣ.

— Спасибо, Настя! проговорилъ онъ, зажитая въ спальнѣ свѣчу.

— Не изволите чего приказать? спросила та.

— Нѣтъ, ничего: я сейчасъ ѣду—только переодѣнусь.

— Очень хорошо-съ, проговорила дѣвушка и отправилась дослушивать «вѣрнѣйшій конецъ гаданья».

Не успѣла она путемъ допытаться смысла какого-то весьма темнаго пункта, какъ Бусыгинъ выскочилъ въ корридоръ, во фразѣ, въ бѣломъ жилетѣ, и самъ бѣлѣе этого жилета...

— Настасья! неистово крикнулъ онъ, гдѣ хозяйка?

Настасья, взглянувъ на него, оторопѣла.

— Слышишь? еще неистовѣе крикнулъ Бусыгинъ. Гдѣ хозяйка?.. Меня обокрали!..

— Какъ... обокрали? заикалась горничная, глядя во всѣ глаза на Егора Егорыча, лицо котораго, за минуту блѣдное, вспыхнуло какъ зарево.

— Что за шумъ? что такое, тревожно спросила Амаля Ивановна, появившаяся въ корридоръ. Слѣва выползла какая-то длинная, сухощавая нѣмка, справа выступилъ отставной майоръ, съ черешневымъ чубукомъ. Къ общей группѣ примкнула горбатая старушонка, подшептывая Настасѣ: «Вотъ тебѣ виновный тузъ-то! вотъ неприяность-то въ бубновомъ домѣ... видишь? Ужъ даромъ слова не вымолвлю!» И она вразумительно постукивала уважительнымъ пальцемъ правой руки въ ладонь лѣвой.

— Что такое? повторила Амаля Ивановна.

— То-съ, госпожа Штрундъ, рѣзко сказалъ Егоръ Егорычъ, что у меня изъ комнаты, изъ запертаго ящика, въ мое отсутствіе украли четыреста рублей серебромъ! Поняли?

Амаля Ивановна измѣнилась въ лицѣ.

— Не можетъ быть! всполошилась она. Отроду никакой кражи у меня не случалось, и вдругъ вы говорите...

— Да-съ, говорю... имѣю право говорить! Какъ пропали деньги,

кто ихъ взялъ—ваше дѣло знать! Вы хозяева... вы должны смотреть... ключъ былъ здѣсь. Это ни на что не похоже! кипятился Егоръ Егорычъ, размахивая руками. Воруютъ изъ-подъ носу и хозяева знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ! Да вѣдь это такъ не пройдетъ-съ: будьте покойны! Я заявлю въ полицію... сегодня же... сейчасъ! Хороши порядки!

— Порядки тутъ ни въ чемъ невиноваты, вступился майоръ. Я живу у Амаліи Ивановны не первый годъ, и кромѣ благочинія...

— Чортъ-ли въ этомъ благочиніи! рѣзко перебилъ Бусыгинъ. У меня украдены четыреста рублей—вотъ вамъ и благочиніе.

— Божъ мой... какой случай! прошепелявила сухощавая цѣмка.

— Экой грѣхъ тяжкій! вздохнула горбатая старушонка, пятакъ подальше отъ Бусыгина.

— Прежде, чѣмъ обвинять меня, произнесла Амалія Ивановна съ достоинствомъ, сдѣлайте одолженіе, г. Бусыгинъ, объясните въ чемъ дѣло. Я рѣшительно не понимаю, объ какихъ деньгахъ вы говорите?

— Вся исторія въ двухъ словахъ, нетерпѣливо порѣшилъ тотъ. Окружавшая его группа навестила уши.

— Купецъ, которому я запродавъ хлѣбъ, объяснялъ Егоръ Егорычъ, прислалъ мнѣ нынче утромъ съ привазиномъ задатокъ, четыреста рублей. Я положилъ деньги въ письменный столъ, заперъ ящикъ, взялъ съ собой ключъ... вотъ онъ—изволите видѣть? потомъ отправился на именины. Послѣ обѣда сѣлъ играть въ карты и проигралъ почти все, что было въ портмоне. Заѣзжаю сюда переодѣться, хочу взять рублей пятьдесятъ, отпираю ящикъ... пакета съ деньгами нѣтъ! — Перерылъ, перекопалъ все — деньги исчезли!.. Что вы на это скажете, сударыня? заключилъ онъ, дерзко уставившись на хозяйку.

— Странная вещь! изумлялась та. Никто къ вамъ не пріѣзжалъ... я была безотлучно дома... ключъ здѣсь... Рѣшительно не понимаю!

— А я еще меньше! заносчиво сказалъ Бусыгинъ. Что приказчикъ отдалъ мнѣ собственноручно четыреста рублей, что получилъ отъ меня въ этихъ четырехъ-стахъ росписку, то могутъ засвидѣтельствовать г. Успенскій и Николай: оба они въ это время были у меня въ номерѣ. Вы не отлучались изъ дому, ко мнѣ никто не входилъ, ящикъ не поврежденъ, а деньги украдены! Ну, разсудите на милость, что-жъ это такое?

Амалия Ивановна раздумчиво покачала головой. — Входить... правда... нерешительнымъ тономъ замѣтила она.

— Кто входитъ? рѣзко воскликнулъ Бусыгинъ, вслушавшійся въ эти слова.

— Нѣтъ... не можетъ быть... соображала хозяйка.

— Чего не можетъ быть? говорите, ради Бога! кипятился Бусыгинъ, смотря на нее въ упоръ.

— Чтобы такой прекрасный молодой человѣкъ, какъ Успенскій, былъ способенъ взять деньги... невѣроятно!

— Успенскій! почти вскрикнулъ Егоръ Егорычъ. Успенскій, входитъ ко мнѣ?

— Входитъ... я сама видѣла..., подтвердила смутившаяся хозяйка, которой было тяжело увеличивать позорное обвиненіе, нававшее на Андрея Николаича.

— Входитъ? заревѣлъ Бусыгинъ, зачѣмъ?

— Ишь сигарочницу позабылъ...

— Какую сигарочницу? это вздоръ! Долго ли же онъ оставался?

— Не знаю: я встрѣтилась съ нимъ въ то время, какъ онъ ужъ запираетъ вашу дверь.

— Ну-съ?

— Ну, я пошутила съ нимъ немножко... думала, что онъ васъ заперъ...

— А онъ что?

— Ничего. Я, говоритъ, давеча пилъ тамъ чай, да сигарочницу на столѣ оставилъ: ходилъ за ней.

— Потомъ?

— Потомъ сказалъ, что обѣдать не хочетъ... пошелъ товарищу долгъ отдать... собирался въ театръ...

— Какъ же онъ отказался, когда я звалъ его съ собой? обѣлился Бусыгинъ; увѣрялъ, что денегъ нѣтъ? Даже Николаю не далъ ни копѣйки!

— А со мной завтра расплатиться хотѣлъ, заявила Амалия Ивановна. Сказалъ, что при деньгахъ...

— Мерзавецъ! перебилъ внѣ себя Бусыгинъ. Теперь я убѣжденъ, что деньги не миновали его рукъ: при немъ онъ были привезены, при немъ я ихъ считалъ, при немъ заперъ въ ящикъ...

— Не обронули ли гдѣ, сударь? вступилась Настасья. Можетъ и положили въ ящикъ, да послѣ передумали — взяли съ собой? Какъ-нибудь на дорогъ...

— Э, матушка... я не полоумный! То положилъ, то взялъ, то обронулъ... что за вздоръ?

— А вы, сударыня, чего смотрѣли? набросился онъ на хозяйку. Ужъ если пускаете жильцовъ безъ разбора, должны по крайней мѣрѣ ограждать порядочныхъ людей! Бусыгинъ стогорча позабылъ, что въ окружавшей его группѣ находился квартирантъ-майоръ!

— Я не къ вамъ это отношу, Никаноръ Васильичъ, поправился онъ, спохватившись, что сдѣлать не совсѣмъ ловкое замѣчаніе.

— Извините, оправдывалась Амалия Ивановна, задѣтая за живое, всѣ мои квартиранты люди честные, благородные. Да и про Успенскаго ничего дурного не скажу: живетъ третій мѣсяцъ чинно, скромно...

— Дѣйствительно, ѣдко возразилъ Бусыгинъ, только деньги таскать мастеръ! — А для чего вы ему дозволили распоряжаться въ моей комнатѣ, скажите на милость? Стало быть, всякій встрѣчный и поперечный имѣетъ право входить въ чужой номеръ, когда хозяина нѣтъ дома? Обычай что-ль у васъ такой?

— Да помиуйте, рѣзко замѣтила Амалия Ивановна, какой же онъ встрѣчный и поперечный? Вы съ нимъ видались каждый день: то вы къ нему, то онъ къ вамъ... Ну, съ какими бы я глазами остановила Успенскаго? Идетъ знакомый человѣкъ взять сигарочницу — вдругъ я его не пускаю: стойте, молъ, куда вы? И почему я знала, что случится такая вещь? Вошелъ къ пріятелю пріятель, пропали деньги... чѣмъ же я тутъ виновата, разсудите по совѣсти?

— Какой онъ чортъ пріятель! Познакомились въ номерахъ... такихъ пріятелей у меня полъ-Москвы! А вотъ рожица смазливая, да франтъ, такъ и духу не хватило: какъ, дескать, можно, чтобъ такой милашка деньги стянулъ!

— Боже мой! грустно проговорила Амалия Ивановна. Неужели взаправду Успенскій могъ сдѣлать такую низость?

— Кто же, позвольте спросить? Если не онъ, такъ стало быть прислуга...

— Что вы, сударь! взвела оскорбленная Настасья. Да разрази меня Царица небесная...

— Не плачь, не огорчайся, Настя! успокоивала ее хозяйка. Сдѣлайте одолженіе, продолжала она, обращаясь къ Бусыгину, не обижайте ее: Настасья дѣвушка честная, хорошая... живетъ у меня больше десяти лѣтъ: ни вашихъ, ни чьихъ денегъ она не тронетъ — вѣрьте мнѣ. Николай хоть и недавно, но я взяла его по рекомендаціи и до сихъ поръ ничего дурного за нимъ не замѣчала...

— На повѣрку выходить, что всѣ честные, всѣ прекрасные люди! Ёдко перебил Бусыгинъ. Деньги, должно быть, сами изъ ящика ушли!—А вотъ отправлюсь сейчасъ въ полицію, заявлю о пропажѣ... пусть сдѣлають обыскъ—вотъ и баста!

При словахъ: «полиція, обыскъ», вся группа смутилась... Майоръ выразительно крикнулъ; Настасья заревѣла во весь голосъ; горбатая старушонка ахнула, всплеснувъ руками; сухоощавая нѣмка прошептала: «Божь мой, какой скандалъ!» а Амаля Ивановна замѣтно поблѣднѣла.

— Не подождать ли до завтра, г. Бусыгинъ? упрямилась она. Вы бы переговорили съ Успенскимъ сами... можетъ быть...

— Нѣтъ-съ! отрѣзалъ Егоръ Егорычъ. Переговаривать мнѣ съ этимъ франтомъ нечего, а надо ловить его по горячимъ слѣдамъ—вотъ что!

Черезъ нѣсколько минутъ Бусыгинъ уѣхалъ, оставивъ группу въ сильномъ смятеніи. Много было толковъ, догадокъ насчетъ необычайной кражи, случившейся у мадамъ Штрундъ. Вѣсть-съ быстротою молніи передавалась возвращавшимся домой квартирантамъ. Всѣ ахали, соболязнявали, утѣшали хозяйку, и въ концѣ концовъ все-таки улеглись спать, заинтересованные развязкой предстоящей драмы.

Часу въ четвертомъ утра, когда Бусыгинъ и всѣ спали болѣе или менѣе покойнымъ сномъ, Андрей Николаичъ слегка постучался въ окно, подлѣ котораго стояла кровать Николая. Тотъ, засвѣтивъ огарокъ, отперъ дверь, впустилъ его, и Успенскій, прошептавъ: спасибо! осторожно пробрался въ свой номеръ.

III.

Онъ, или не онъ?

На другое утро, часовъ около восьми, къ Бусыгину вошелъ судебный слѣдователь въ сопровожденіи помощника надзирателя, стереотипная личность котораго напоминала десятки ей подобныхъ. — Чтѣ же касается до судебного слѣдователя, Сергѣя Андреевича Свободина, то это былъ высокій мужчина лѣтъ 35-ти, съ спокойнымъ, но нѣсколько строгимъ лицомъ. Сѣдые волосы и темныя, рельефно расположенныя брови придавали особенный блескъ его каримъ глазамъ; вся его фигура вообще являла какой-то своеобразный типъ, непохожій на другіе.

— Честь имѣю кланяться! проговорилъ онъ. Судебный слѣдователь Свободинъ!

— Очень пріятно познакомиться! отвѣчалъ Бусыгинъ, расклавываясь. Покорнѣйше прошу садиться, пригласилъ онъ, указывая на кресла, стоявшія вокругъ стола. — Я вчерашній день былъ у васъ, обратился онъ къ слѣдователю, но, по несчастію, не засталъ васъ дома. Изволили читать мое письмо?

— Да, я прочелъ его тотчасъ же по пріѣздѣ, и весьма сожалѣлъ, что не могъ исполнить вашего требованія: было слишкомъ поздно.

— Я вѣдь и не потревожилъ бы васъ, сказалъ Егоръ Егорычъ, но представьте себѣ мое положеніе: пріѣзжаю въ квартиру — ни надзирателя, ни поручика нѣтъ дома... писарь лѣвомъ не вьезеть... толкую ему, такъ, молъ, и такъ... медлитъ некогда — ничего не понимаетъ! Насилу вашего-то адреса могъ добиться.

— Дѣло праздничное.... нельзя же-съ... пояснилъ помощникъ надзирателя, закуривая папирску. Всѣ люди, всѣ человѣки!

— Вы изволили заявить, обратился Свободинъ къ Бусыгину, что въ ваше отсутствіе, изъ запертаго ящика, пропали у васъ четыреста рублей? И что подозрѣніе ваше падаетъ на одного изъ здѣшнихъ жильцовъ — такъ?

— Точно такъ, подтвердилъ Бусыгинъ.

— На г. Успенскаго, если не ошибаюсь?

— Да, на него.

— На чемъ же, позвольте спросить, основывается ваше подозрѣніе?

— Да на всемъ!

— Это не отвѣтъ: потрудитесь рассказать обстоятельно все, какъ было, не задаваясь исключительною мыслью, что деньги взяты непременно г. Успенскимъ.

— Чтѣ за исключительная мысль — помилюте! воскликнулъ Егоръ Егорычъ. Я самъ былъ на тысячу верстъ отъ этой мысли, но всѣ обстоятельства такъ встаютъ противъ него, что сомнѣніе невозможно.

— Однако, все-таки потрудитесь рассказать.

Бусыгинъ съ мельчайшими подробностями рассказалъ то, что уже извѣстно читателю, и окончивъ повѣствованіе, вопросительно уставился на слѣдователя. — Тотъ, пока говорилъ Егоръ Егорычъ, не сводилъ съ него своихъ пронизательныхъ глазъ и внимательно вслушивался въ каждое слово.

— Чтѣ вамъ сказать на это? произнесъ онъ, пожимая пле-

чани. Случай, кажется, одинъ изъ такихъ, какіе встрѣчаются сплошь да рядомъ.

— Дѣло ясное, какъ день! замѣтилъ помощникъ надзирателя. Профитились... понадобились деньги...

— На что ясибе! поддерживалъ хозяинъ. При немъ я ихъ получилъ, при немъ считалъ...

— Что такое этотъ г. Успенскій? перебилъ слѣдователь.

— Недавно кончившій курсъ студентъ.

— Чѣмъ онъ занимается?

— А кто его знаетъ! Щеголь страшный... смазливъ... имѣетъ, пожалуй, промышленности своего рода... да вотъ, какъ видно, и стаянуть при случаѣ мастеръ!

— Ну... это еще не доказано!—Давно вы съ нимъ знакомы?

— Мѣсяца два. Такъ... сошлись здѣсь въ номерахъ, поваблотаюсь въ Москвѣ, да мѣшаю дѣло съ бездѣльемъ.

— Вы, стало быть, не здѣшній—не московскій.

— Нѣтъ, я тульскій помѣщикъ; пріѣхалъ на время, по дѣламъ.

— То-есть, по какимъ же собственно?

— Хлѣбъ продавать, какъ я уже имѣлъ удовольствіе вамъ объяснить. Хотѣлъ, по обыкновенію, провести здѣсь святки, разсчитаться съ покупщикомъ, да и домой.

— Вы говорите, что кромѣ г. Успенскаго и корридорнаго нибого не было у васъ въ то время, когда приказчикъ привезъ вамъ деньги?

— Ни души! Я преспокойно ихъ пересчиталъ, вложилъ въ пакетъ, заперъ въ письменный столъ—вотъ и все! Если сомнѣваетесь, извольте спросить Меркулова: у него моя росписка. Не напрасно же...

— Помилуйте! да я надѣюсь, вамъ не безызвѣстно, что за ложное показаніе подвергаются суду?—И не имѣли вы съ г. Успенскимъ никакой ссоры, размолвки?

— Ни малѣйшей!

Свободинъ всталъ и принялся внимательно осматривать номеръ Бусыгина. Ни одна, кажется, полоска на обояхъ не избѣгла его строгаго обзора. Долго стоялъ онъ передъ окномъ спальни, выходящимъ на разстояніи трехъ-четырехъ шаговъ къ сосѣднему брандмауеру, но кромѣ снѣжной глыбы, наметенной съ вечера, ничего подозрительнаго не представлялось его глазамъ.

— Комодъ былъ тоже запертъ? спросилъ онъ, увидавъ въ нижнемъ ящикѣ торчавшій ключъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бусыгинъ, не запертъ. Я всегда

тавляю такъ: лежитъ бѣлье, кое-какія мелочи... стоить ли за-
нять!—А что?

Свободинъ, вмѣсто отвѣта, наклонился, вынулъ ключъ, и ос-
мотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ, направился къ письменному
столу... не попробовалъ: ключъ вопелъ какъ разъ!.. Онъ безпре-
пятственно повернулъ его и выдвинулъ ящикъ! Бусыгинъ, слѣ-
дившій за всѣми движеніями Свободина, такъ и обомлѣлъ!

— Вотъ и разгадка, почему деньги утрачены безъ взлома!
пояснилъ поручикъ, разводя руками.

— Видите ли, какая вещь? обратился слѣдователь къ Бусы-
гину. Прежде, чѣмъ настоятельно обвинять г. Успенскаго, поду-
майте хорошенько, не могъ ли кто другой воспользоваться этимъ
обстоятельствомъ?

— Нѣкому, нѣкому! горячо увѣрялъ тотъ. Ключъ всегда ос-
тавался въ комодѣ...

— И ничего не пропадало?

— Рѣшительно ничего! Ужъ если бы кто зналъ эту меха-
нику, давно бы понавѣдался въ столъ, согласитесь сами? У меня
постоянно тамъ деньги, хоть и небольшія, а все-таки деньги,
отчего-жъ до вчерашняго дня все было цѣло? Нѣтъ, я готовъ
присягнуть, что Успенскій сыгралъ со мной эту мошенническую
штуку! Входилъ въ нумеръ, оставался одинъ, могъ подбирать
ключи... нѣкому и невдомѣкъ, что онъ тутъ стряпаетъ! —
Опять же утромъ говорилъ, нѣтъ денегъ и вдругъ, черезъ какіе-
нибудь два-три часа времени, объявляетъ хозяинъ, что хочетъ
расплатиться съ ней... собирается въ театръ... въ чорту на ку-
лички... что это такое? Вѣдь не съ неба же ему свалились
деньги!—Полноте выгораживать этого мерзавца! гнѣвно заклю-
чилъ Бусыгинъ, махнувъ рукой.

— Позвольте замѣтить, что никого, никогда я не выгоражи-
ваю, строго произнесъ Свободинъ, но не имѣю привычки дѣй-
ствовать и очертя голову, потому что легче слѣлать ошибку,
чѣмъ послѣ поправить ее. Въ настоящемъ случаѣ всѣ видимыя
улики дѣйствительно противъ г. Успенскаго, но улики требуютъ
подтвержденія. Дома онъ?

— Еще спитъ, отвѣчалъ смятчившійся Бусыгинъ, я недавно
справлялся. Ишь откуда-то въ четвертомъ часу вернулся домой.

— Тѣмъ лучше, сказалъ Свободинъ. Потрудитесь, Петръ Ива-
нычъ, позвать свидѣтелей, добавилъ онъ, обращаясь къ помош-
нику надзирателя. Сейчасъ же отберемъ показанія отъ хозяйки,
отъ прислуги, составимъ протоколъ, да и въ г. Успенскому. Васъ,
г. Бусыгинъ, я попрошу пожаловать вмѣстѣ съ нами.

Андрей Николаичъ только-что проснулся и съ закинутыми руками лежалъ въ какомъ-то сосредоточенномъ раздумьи. Лучъ янтарнаго солнца весело заглядывалъ въ окно его уютной комнаты и пробивался къ нему за перегородку. Неизвѣстно, сколько въ времени пролежалъ молодой человѣкъ, занятый своими мыслями, если бы стукъ въ дверь не заставилъ его очнуться.

— Кто тутъ? громко окликнулъ онъ, приподнимаясь на локтѣ.

— Отворите, г. Успенскій! послышался незнакомый голосъ.

— Я еще не вставалъ! вѣжливо, но сухо отозвался Андрей Николаичъ, недовольный безцеремонностью неизвѣстнаго посѣтителя.

— Нужды нѣтъ, заявилъ Бусыгинъ. Отворите пожалуйста: есть до васъ дѣло...

— Ахъ, Егоръ Егорычъ! Извините... сейчасъ... сію минуту!

Успенскій проворно вскочилъ съ постели, обулся, накинулъ халатъ, и пригладивъ волосы, отперъ дверь.

— Что вамъ угодно? изумился онъ, взглянувъ на типичное лицо судебного слѣдователя, который въ свою очередь окинулъ его бѣглымъ, но проницательнымъ взглядомъ.

— А вотъ сейчасъ узнаете, что намъ угодно! съ торжественной угрозой произнесъ Бусыгинъ, входя въ комнату и не обращая вниманія на протянутую ему Успенскимъ руку.

Тотъ еще болѣе изумился: что означалъ ранній визитъ Егора Егорыча въ сопровожденіи неизвѣстнаго господина? Къ чему, вмѣсто обычнаго дружескаго, торжественный тонъ? Развѣ шутка? Но что за цѣль подобнаго рода шутки?

— Милости прошу садиться! сказалъ Успенскій, пододвигая стулья и самъ сядя нѣсколько поодаль. Извините, сказалъ онъ, замѣтивъ, какъ слѣдователь обводилъ глазами его комнату, что у меня еще такой безпорядокъ... Онъ указалъ на разбросанные принадлежности своего туалета и снялъ со стола шляпу, въ которой виднѣлись свѣтлыя лайковыя перчатки. Поздно воротился изъ маскарада и проспалъ безъ зазрѣнія совѣсти!

Непринужденность хозяина нѣсколько удивила Сергѣя Андреича, даже Бусыгину сдѣлалось какъ будто неловко. Успенскій вопросительно посмотрѣлъ на гостей. Въ эту самую минуту влетѣлъ помощникъ надзирателя.

— Прикажете позвать свидѣтелей, Сергѣй Андреичъ? спросилъ онъ, раскланявшись съ Успенскимъ.

— Что такое, господа? недоумѣвалъ тотъ, ошеломленный внезапнымъ появленіемъ новаго лица. Полицейскій чиновникъ... свидѣтели... что такое?

— Видите ли, въ чемъ дѣло... осторожно началъ Сергѣй Андреичъ. Г. Бусыгинъ...

Но Бусыгинъ не выдержалъ и перебилъ его на первомъ же словѣ.

— Да-съ, милостивый государь, вскинулся онъ на Успенскаго, я считалъ васъ порядочнымъ человѣкомъ... обходился съ вами по-пріятельски... а вы удрали такую штуку, что мое почтеніе!

— О чемъ вы говорите, Егоръ Егорычъ? Я васъ рѣшительно не понимаю! удивлялся нѣсколько встревоженный Успенскій.

— Полно такъ ли? дерзко усмѣхнулся Бусыгинъ. Пружинь-то подвели хоть и мастеровато, а все-таки онѣ лопнули... вотъ что-съ!

— Полегче, г. Бусыгинъ! вступился слѣдователь. Можно все объяснить г. Успенскому безъ неумѣстныхъ метафоръ.

— Не до церемоній мнѣ—позвольте! ъсновался Егоръ Егорычъ, позабывая всякое приличіе. У меня пропали деньги, ваша обязанность ихъ отыскать: на то вы и судебный слѣдователь.. Называть же этого господина честнымъ человѣкомъ — вы мени не заставите.

Сосредоточенный взглядъ Сергѣя Андреича буквально былъ прикованъ къ Успенскому: его въ высшей степени занималъ этотъ изящный молодой человѣкъ, въ синемъ халатѣ, съ полурастегнутымъ воротомъ бѣлой, какъ снѣгъ, сорочки, на котораго изъ ярко-озареннаго солнцемъ окна прямо падалъ свѣтъ. Онъ видѣлъ, какъ при словѣ: «судебный слѣдователь», поблѣднѣло его красивое лицо, какъ вспыхнули глаза, какъ нервно дрогнули губы! Что-жъ вызвало это движеніе? дерзкій ли, оскорбительный намекъ Бусыгина, или страхъ, что преступное дѣяніе открылось такъ неожиданно, такъ скоро?

— Что вы сейчасъ сказали? вспыхнулъ Андрей Николаичъ, круто повернувшись къ Бусыгину.

— То и сказать, что у меня пропали четыреста рублей... и что кромѣ васъ...

Не успѣлъ онъ докончить рѣчи, какъ Андрей Николаичъ размахнулся и полновѣсная пощечина непремѣнно сорвалась бы на пышную ланиту тульского помѣщика, если бы Свободинъ не спасъ ее отъ угрожавшей опасности: онъ быстро бросился на молодого человѣка и во-время удержалъ его руку.

— Не стыдно ли, господа! уворизненно воскликнулъ онъ. Вы, г. Успенскій, ничего не докажете пощечиной; а вы, г. Бусыгинъ, хотя и имѣете право заявлять на кого бы то ни было

подозрѣніе, но до тѣхъ поръ, пока судебная власть не произнесетъ своего приговора, не можете никого клеймить никакимъ позорнымъ названіемъ. Поэтому, совѣтую вамъ обоимъ не переступать границъ благопристойности: не вынуждайте меня прибѣгать къ содѣйствію полиціи.

Жосткое замѣчаніе Свободина видимо образумило расходившагося Егора Егорыча. Онъ выпилъ стаканъ воды изъ стоявшаго на окнѣ графина, и принялся обмахивать платкомъ разгорѣвшееся лицо.—Успенскій, блѣдный, взволнованный, съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ во взглядѣ, прислонился къ перегородкѣ, стиснулъ зубы и медленно провелъ рукою по лбу.

— Черниленко бы разжиться! хлопоталъ между тѣмъ Петръ Ивановичъ, поглядывая по сторонамъ. Привычка къ подобнаго рода сценамъ крѣпкой броней, должно быть, ограждала его душу отъ всякихъ впечатлѣній, изумленій и смущеній. Мысль его сосредоточивалась въ настоящее время на одномъ: у тульского помѣщика украдены четыреста рублей франтоватымъ господиномъ, противъ котораго востаютъ самыя непреложныя улики; слѣдуетъ составить «актецъ», скрѣпить его извѣстнымъ образомъ, затѣмъ предоставить развязку высшимъ властямъ и разнымъ судебнымъ инстанціямъ; самому же волноваться, надрываться нечего: все близко принимать къ сердцу—силъ не хватитъ!

— Табъ какъ-же на счетъ черниленки-то? повторилъ онъ, вида, что хозяинъ не трогается съ мѣста.

Успенскій взялъ съ письменнаго стола бронзовую чернилицу и поставилъ ее передъ помощникомъ надзирателя.

— Прикажете, Сергѣй Андреичъ, позвать свидѣтелей? спросилъ тотъ, желая поскорѣе приступить къ составленію акта.

— Повремените, отвѣчалъ Свободинъ, дѣло еще пока обойдется безъ нихъ.—Г. Успенскій! обратился онъ къ Андрею Николанчу, безсознательно остановившемуся передъ окномъ, не угодно ли вамъ отвѣтить на нѣкоторые вопросы?

— Спрашивайте! съ тупымъ равнодушіемъ вымолвилъ тотъ, повернувшись къ судебному слѣдователю. Только прошу васъ объ одномъ: объясните, ради Бога, что именно дало г. Бусыгину поводъ и право обвинять меня?

Егоръ Егорычъ рванулся-было что-то заявить, но суровый взглядъ Сергѣя Андреича мгновенно остановилъ этотъ порывъ.

— Давно вы знакомы съ г. Бусыгинымъ? началъ слѣдователь, обращаясь къ Успенскому.

— Очень недавно, отвѣчалъ тотъ.

— Но все-таки имѣли съ нимъ пріятельскія отношенія, часто видались?

— Да!

— Вчерашній день утромъ, напримѣръ, видѣлись вы съ г. Бусыгинымъ?

— Видѣлся. Я долго сидѣлъ у него... пилъ чай.

— При васъ, стало быть, отдалъ ему приказчикъ деньги — четыреста рублей?

— При мнѣ.

— Вы никому не упоминали объ этомъ обстоятельствѣ?

— О какомъ обстоятельствѣ?

— Что г. Бусыгинъ получилъ деньги?

— И разговора не было: что-жъ тутъ необыкновеннаго!

— Видѣли вы, какъ г. Бусыгинъ считалъ эти деньги?

— Видѣлъ.

— Замѣтили, какъ положилъ въ ящикъ письменнаго стола?

— Замѣтилъ.

— Обратили вниманіе, когда г. Бусыгинъ заперъ ящикъ и ключъ взялъ къ себѣ?

— Этого обстоятельства хорошенько не припомню: я разговаривалъ съ приказчикомъ.

Егоръ Егорычъ опять-было рванулся съ какими-то аргументомъ, и опять-таки судебный слѣдователь остановилъ его. Разспрашивая Андрея Николаича, онъ напряженно смотрѣлъ ему прямо въ глаза: все будто хотѣлось въ нихъ что-то вычитать, уяснить! Но Андрей Николаичъ, блѣдный какъ полотно, былъ спокойно-холоденъ, и стойко выносилъ пыливый взглядъ Свободина.

— По отъѣздѣ г. Бусыгина, продолжалъ тотъ, входили вы въ его комнату?

— Входилъ.

— И оставались тамъ одни?

— Одинъ.

— Съ какою цѣлью?

— Съ цѣлью взять сигарочницу, позабытую на столѣ: она мнѣ понадобилась.

— Почему же вы предположили, что сигарочница осталась именно на столѣ?

— Ничего я не предположилъ, а просто постучался къ г. Бусыгину, думая, что онъ еще дома! Когда же убѣдился въ противномъ, то взялъ ключъ, отперъ дверь, вошелъ въ комнату, и къ счастью, увидалъ ее на столѣ. Но что же тутъ общаго съ обвиненіемъ г. Бусыгина? Я рѣшительно не понимаю!..

— Вотъ что тутъ общаго, вѣско проговорилъ слѣдователь. Изъ комнаты г. Бусыгина, изъ запертаго ящика, пропали извѣстные вамъ четыреста рублей! Ни г. Бусыгинъ, ни корридорный, какъ видно изъ его показанія, ни вы, наконецъ, какъ объявили сами, ни съ кѣмъ не имѣли разговора объ этихъ деньгахъ; слѣдовательно, никто изъ живущихъ не знаетъ, были онѣ получены г. Бусыгинымъ или нѣтъ? Въ его отсутствіе, никто, кромѣ васъ, къ нему не входилъ: сама хозяйка подтверждаетъ этотъ фактъ; почти всѣ квартиранты были внѣ дома... и деньги вдругъ пропали! Обстоятельства пропажи вопіющимъ образомъ совпадаютъ...

— О!.. теперь мнѣ все понятно!.. перебилъ отчаянно Успенскій, и схватился за голову.

Свободинъ раздумчиво смотрѣлъ на него, Бусыгинъ вертѣлся какъ на иголкахъ; даже безмятежный Петръ Ивановичъ пріостановился жечь папироски.—Съ минуту длилось молчаніе.

— Такъ вы думаете, что я взялъ... или, по вашему, укралъ эти деньги? отнесся Андрей Николаичъ къ Бусыгину, окинувъ его презрительнымъ взглядомъ.

— Вы, тысячу разъ вы! прорвался тотъ, вскочивъ со стула. Больше никому! Поутру были, что денегъ нѣтъ, сидѣли безъ гроша, а къ вечеру вдругъ проявились деньги! Откуда? какимъ образомъ? Вѣдь не кладъ же дался вамъ въ руки!

— Изъ чего вы заключаете, что у меня проявились деньги?

— Слава тебѣ Господи! Да не сами-ль вы общались расплатиться съ хозяйкой? говорили, что безденежье кончилось... полетѣли въ театръ, въ маскарадъ!

— Дѣйствительно, г. Успенскій, вступился слѣдователь, обстоятельство это бросаетъ на васъ сильную тѣнь подозрѣнія. Положимъ, вы позабыли у г. Бусыгина сигарочницу, сигарочница понадобилась вамъ—все это такъ; но согласитесь сами, что было бы гораздо натуральнѣе, если бы вы обратились къ хозяйкѣ съ просьбой отпереть номеръ г. Бусыгина? Къ тому же вамъ было извѣстно, что полученные имъ четыреста рублей лежатъ въ письменномъ столѣ...

— Не могу не согласиться, что такъ было бы гораздо лучше, подтвердилъ Успенскій, но я объ этомъ не подумалъ; тѣмъ болѣе, что въ мое отсутствіе самъ г. Бусыгинъ не разъ входилъ ко мнѣ въ комнату за книгой, за газетами, за чѣмъ-нибудь другимъ. Объ деньгахъ же я совершенно позабылъ, да если бы и помнить, то все равно это обстоятельство не помѣшало бы мнѣ ройти въ номеръ г. Бусыгина: развѣ я могъ предполагать, что меня заподозрятъ въ воровствѣ!

— Отъ сумы, да отъ тюрьмы никогда не слѣдуетъ отрезаться! наставительно замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Замѣчаніе справедливо! горько усмѣхнулся Успенскій. Скажи мнѣ кто-нибудь за минуту до вашего прихода, что на меня обрушится такое позорное обвиненіе, я, или счелъ бы того сумасшедшимъ, или посмѣялся бы отъ души ни съ чѣмъ несообразному предсказанію! Но какъ ни странно складываются противъ меня обстоятельства пропажи, я все-таки отчаяваться не хочу: рано или поздно истина должна открыться непременно!

— Эки нѣжности распустилъ! слегка ухмыльнулся Бусыгинъ. Да ужъ какъ ни прихеривайся, голубчикъ, а деньги руцѣ твоихъ не миновали!

— Все это такъ, г. Успенскій, проговорилъ слѣдователь, но если вы не можете указать источникъ, изъ котораго получили деньги...

— Что-жъ тогда? тревожно произнесъ молодой человѣкъ.

— Во-первыхъ, я сейчасъ же, при свидѣтеляхъ, произведу въ вашей квартирѣ обыскъ, а во-вторыхъ, если найдутся деньги и вы не укажете, откуда ихъ взяли, то... извините... долженъ буду васъ задержать.

— Клянусь вамъ честью! горячо воскликнулъ Успенскій, я не виноватъ!

Егоръ Егорычъ, недовольный медленностію слѣдователя, сердито пробуркнулъ какую-то фразу и отвернулся къ окну.

— Если вы находите обвиненіе г. Бусыгина ошибочнымъ, не имѣющимъ никакого основанія, обратился Свободинъ къ Успенскому, потрудитесь объяснить.

— Какого объясненія вы требуете? холодно спросилъ тотъ.

— Откуда у васъ взялись деньги?

— На это отвѣтить не могу, сухо порѣшилъ молодой человѣкъ.

— Можете, или не можете—это все равно; по крайней мѣрѣ, вы не отвергаете, что у васъ дѣйствительно есть деньги? допытывался Свободинъ.

— Нѣтъ, не отвергаю.

— Гдѣ же? сколько?

— Чтобы избавить васъ отъ труда производить обыскъ съ официальными церемоніями, иронически усмѣхнулся Успенскій, потрудитесь выдвинуть ящикъ письменнаго стола—онъ не запертъ... тамъ всѣ мои деньги!..

Бусыгинъ быстро обернулся, Петръ Ивановичъ привсталъ, а Свободинъ, бросивъ на молодого человѣка недоумѣвающий взглядъ,

медленно выдвинулъ ящикъ, гдѣ лежали разныя бумаги и сверху большой пакетъ съ крупной надписью...

— Вотъ... вотъ онъ самый, обрадовался Егоръ Егорычъ, бросаясь къ столу.

— Ошибаетесь г. Бусыгинъ! Ядео замѣтилъ Успенскій. Въ этомъ пакетѣ письмо моего отца!

Дѣйствительно, адресъ былъ на имя Андрея Николаича. — Приподнявъ мелко исписанную тетрадь, что-то въ родѣ учебныхъ замѣтокъ, Свободинъ увидалъ небольшой, продолговатый конвертъ, изъ котораго заманчиво выглядывалъ уголъ десяти-рублевой бумажки!..

— Деньги... деньги! неистово вскрикнулъ Бусыгинъ. Нашлись! давайте ихъ сюда!

— Не торопитесь! холодно отстранилъ его Сергѣй Андреичъ. Въ конвертѣ деньги, это правда, но пока еще слѣдствиемъ не дознано, точно ли онѣ ваши, вы не имѣете на нихъ никакого права: до окончательнаго рѣшенія дѣла, деньги останутся въ моихъ рукахъ.

— Ахъ ты Господи! простоналъ озадаченный Бусыгинъ.

Сергѣй Андреичъ взялъ конвертъ, отъ котораго такъ и повѣяло тонкимъ запахомъ *violette de Parme*... Долго вертѣлъ онъ этотъ атласистый конвертъ, безъ надписи, безъ вензеля!..

— Вы говорите, что у васъ было ровно четыреста рублей? спросилъ онъ Бусыгина!

— Ровно четыреста рублей, нетерпѣливо подтвердилъ тотъ.

— Какого достоинства были ассигнаціи: крупныя, или мелкія?

— Всякія были... и крупныя и мелкія.

— Однако постарайтесь припомнить, сколько и какихъ было счетовъ.

Бусыгинъ оторопѣлъ. Онъ наканунѣ такъ обрадовался полученію задатка, что ему и въ голову не пришло дѣлать подробный перечень бумажекъ, присланныхъ Меркуловымъ.

— Я... право, не знаю... заминался онъ. Вся сумма была пересчитана вѣрно, а сколько въ ней находилось кредитовъ такихъ или другихъ—ей-Богу не знаю! Впрочемъ, позвольте... припоминалъ онъ, вскинувъ глаза къ потолку. Были двѣ пятидесятныя... ни одной сотенной... это вѣрно!—Затѣмъ, соображалъ онъ, кажется нѣсколько двадцати-пяти-рублевыхъ... десяти-рублевыхъ... Нѣтъ! отчаянно закончилъ Егоръ Егорычъ, не знаю!—Такъ какъ я не предполагалъ, что деньги будутъ украдены, и что отъ меня потребуется офиціальный перечень всѣхъ бумажекъ отъ сотенной до рублевой, то понятно, не имѣлъ предосто-

рожности выучить ихъ наизусть! Впрочемъ, надѣюсь, что обстоятельство это не измѣняетъ ходъ дѣла? тѣмъ болѣе, будь у меня хоть сотенныя подѣрядъ — ихъ въ мелочь обратить не мудрено!

Во все продолженіе этого разговора, Андрей Николаичъ равнодушно смотрѣлъ на все его окружавшее; только когда Свободинъ началъ вынимать изъ конверта деньги, его брови слегка дрогнули.

— Ну, не правду ли я говорилъ! воскликнулъ Бусыгинъ, сразу увидавшій двѣ пятидесятныхъ. Ни одной сотенной... двѣ пятидесятныхъ... перечислялъ онъ кредитные билеты, которые слѣдователь клалъ на столъ отдѣльными пачками. Двадцати-пятирублевые... десяти-рублевые... Смотрите, ради Бога: вотъ и мелкота пошла! — Триста... триста пятьдесятъ... Всѣ! повершилъ онъ, едва сдерживаясь отъ радостнаго волненія.

— Нѣтъ, до четырехъ-сотъ не достааетъ семнадцати рублей, сказалъ Свободинъ, снова вкладывая деньги. Вы, вѣроятно, истратили ихъ, г. Успенскій?

— Да, я ихъ истратилъ... сквозь зубы подтвердилъ тотъ.

— Значить, было четыреста рублей?

— Четыреста рублей.

— Надѣюсь, вы теперь сами видите, что всѣ обстоятельства пропажи возстаютъ противъ васъ? Не имѣетъ ли дѣйствительно г. Бусыгинъ основанія заподозрить васъ въ похищеніи его собственности?

— Нѣтъ, не имѣетъ! вспыхнулъ Успенскій. Я не брать... я не способенъ... я не могъ взять его денегъ!..

— Предположимъ — вы не взяли ихъ; но не можетъ же правосудіе удовлетвориться голословнымъ отрицаніемъ обвиняемаго лица: ему нужны факты, неопровержимые факты! Укажите на источникъ, изъ котораго добыли деньги, назовите лицо, которое могло вамъ ихъ дать, и если оно передъ судомъ подтвердитъ ваше показаніе, то само собой разумѣется, что обвиненіе г. Бусыгина окажется лишеннымъ всякаго основанія. Иначе, заpiresательство ваше придастъ ему еще больше силы и вѣроятія. Ну, скажите же, продолжалъ Свободинъ, слегка притрогиваясь къ рукѣ Успенскаго, холодной какъ ледъ, кто далъ вамъ эти деньги? Мы сейчасъ наведемъ справки... сдѣлаемъ запросъ...

— Ахъ, чего вы отъ меня требуете! задыхающимся голосомъ прошепталъ Успенскій и закрылъ лицо руками.

— Владыко многомилостивый! вполголоса проговорилъ Бусыгинъ, обращаясь къ Петру Ивановичу. Чего онъ дожидается — скажите на милость?

— Да-съ, шептулъ помощникъ надирателя, затяжки много-вато! Съ нимъ, я вамъ доложу, какое ни на есть слѣдствіе — бѣда! Все у него какъ-то по-своему... «Судебныя, говорить, формальности пойдутъ своимъ чередомъ, а мнѣ важнѣе всего вѣрныя справки навести!» Ужъ и разспрашиваетъ, и разглядываетъ, и всѣ-то мышиныя норы обнюхиваетъ — инда тоска беретъ! А чуть мало-мальски замѣтишь, что дѣло-то молъ, гроша горьлаго не стоить — сейчасъ закинется... Неприятный человѣкъ!

— Эхъ, кабы знато да вѣдано, не связываться бы лучше съ нимъ! пожалѣлъ Бусыгинъ, кивнувъ на Свободина. А Свободинъ все смотрѣлъ на Успенскаго, все ожидалъ его отвѣта.

— Что-же, проговорилъ онъ наконецъ, угодно вамъ объяснить...

— Вы хотите, чтобы я сказалъ откуда взялъ деньги? рѣзко отоварался тотъ, какъ-бы выведенный изъ тяжелаго усыпленія.

— Да, непременно... иначе...

— Эти деньги... перебилъ вспыхнувшій, какъ зарево, Успенскій и — оборвался! — Нѣтъ, твердо прибавилъ онъ черезъ минуту, не могу!.. Я объявилъ разъ навсегда, что денегъ у г. Бусыгина не бралъ, да и ни у кого не способенъ ихъ взять; что-же касается до той суммы, которую вы нашли въ письменномъ столѣ, она моя, моя собственная... отчета въ ней отдавать я никому не намѣренъ! Дѣлайте, что хотите... составляйте свои протоколы, акты... арестуйте меня: я ничего вамъ больше не скажу!.. Онъ съ какой-то торжественной рѣшимостью встряхнулъ волосами и отвернулся къ окну!

Начался обычный допросъ обвиняемаго въ присутствіи двухъ свидѣтелей-чужекъ, явившихся изъ коридора на давно желанный призывъ. Бусыгинъ ожилъ, соскучившійся Петръ Ивановичъ принялся бойко строчить, и формальный актъ, за подписью свидѣтелей, былъ составленъ по общепринятымъ правиламъ. Когда очередь подписи дошла до Андрея Николаича, онъ на минуту призадумался... пальцы его задрожали... что-то готово было сорваться съ языка... но онъ отчаянно махнулъ рукой и на формальномъ актѣ подписалъ свой приговоръ!..

Черезъ полчаса, совсѣмъ одѣтый, въ шубѣ, въ знакомомъ намъ бѣломъ шарфѣ, Андрей Николаичъ проходилъ корридормъ, чтобы подъ прикрытіемъ Петра Ивановича отправиться въ арестантскую камеру частнаго дома.

— Тамъ не дурно-съ... вы не безпокойтесь, утѣшалъ его по-

ручій. И содержаніе очень удовлетворительное, и народъ порядочный—не разночинцы... стѣсненія большого не будетъ!

Всѣ квартиранты были въ сборѣ, и подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, грустно провожали молодого человѣка, привѣтливый и симпатичный нравъ котораго всѣхъ ихъ къ себѣ располагалъ. Амалія Ивановна видимо была расстроена и часто подносила платокъ къ глазамъ.

— Прощайте, Амалія Ивановна! прощайте, господа! взволнованнымъ голосомъ сказалъ Успенскій, притрогиваясь къ нимъ. Прощайте и вы, г. Бусыгинъ! презрительно отнесся онъ къ тутъ же стоявшему Егору Егорычу. Повторяю передъ лицомъ всѣхъ присутствующихъ, что денегъ вашихъ я не бралъ! Вы испортили мнѣ будущность — Богъ вамъ судья!..

— «А что, если не онъ? мелькнуло въ головѣ Бусыгина, охваченнаго вдругъ какимъ-то тревожнымъ чувствомъ. Э!.. черезъ минуту порѣшили онъ, кому же больше? Деньги нашлись у него... четыреста рублей нота въ ноту... какихъ уликъ еще нужно? Пусть посидитъ!»

Свободинъ, простившись съ Успенскимъ, опять разспросилъ хозяйку и многихъ изъ квартирантовъ относительно образа жизни Андрея Николаича, но ничего, кромѣ хорошихъ отзывовъ объ немъ, не вынесъ изъ меблированныхъ комнатъ мадамъ Штрундъ.

IV.

Судебный слѣдователь.

Бывши еще студентомъ юридическаго факультета, Сергій Андреичъ Свободинъ пристрастился къ чтенію «Causes célèbres», надъ которыми нерѣдко просиживалъ цѣлыя ночи. Всѣ болѣе или менѣе крупные случаи изъ судебной практики были ему извѣстны; надъ ними-то, прежде чѣмъ заглядывать въ ихъ развязку, обыкновенно и любилъ онъ задаваться вопросомъ: «А что, если бы мнѣ пришлось раскрывать подобнаго рода преступленіе, какъ поступилъ бы я?» Если его выводы совпадали съ результатомъ выводовъ кого-нибудь изъ замѣчательныхъ юристовъ, онъ испытывалъ свѣтлыя минуты довольства самимъ собою и съ новымъ увлеченіемъ предавался судебнымъ изысканіямъ. Призадумываясь надъ ними, Свободинъ пришелъ къ заключенію, что скромная роль судебного слѣдователя далеко не такъ маловажна и безцвѣтна, какъ привыкли то думать другіе. Отъ него первого

и отъ собранныхъ имъ на мѣстѣ преступленія матеріаловъ, которые въ послѣдствіи служатъ фундаментомъ для обвиненія, зависить правильный ходъ уголовного процесса. Между судебнымъ слѣдователемъ и преступникомъ возникаетъ нѣкотораго рода борьба: судебная власть хочетъ во что бы то ни стало добиться истины, преступникъ всевозможными изворотами уклоняется отъ преслѣдованія закона. Если судебный слѣдователь, не довольствуясь наружной обстановкой дѣла, не удовлетворяясь, быть можетъ, случайно подвернувшейся уликой, задастся мыслью поглубже, поосновательнѣе вникнуть въ сущность даже побочныхъ обстоятельствъ, то притронется, пожалуй, такъ неожиданно къ ловко скрытой пружинкѣ, что всѣ предположенія, основанныя, повидимому, на твердыхъ данныхъ, распадутся сами собою и раскроютъ настоящую драму преступленія. Судебному слѣдователю первому предстоитъ войти въ лабиринтъ лжи, обмана, разнорѣчивыхъ показаній, предстоитъ во всемъ этомъ хаосѣ уловить таинственную нить въ истинѣ, схватиться за нее, напасть на слѣды преступленія, не давая виновному времени сгладить, уничтожить ихъ. Въ воображеніи Сергія Андреича все яснѣе и яснѣе выработывался типъ судебного слѣдователя, который, по его мнѣнію, долженъ прежде всего проникнуться сознаніемъ своей обязанности и желаніемъ служить истинѣ дѣломъ, а не словомъ. Вѣрно или ошибочно было его предположеніе, но онъ думалъ, что не одно знаніе и неуклонное исполненіе судебной процедуры должно руководить разслѣдованіями каковаго-бы то ни было процесса. Ему казалось, что судебному слѣдователю необходимо обладать горячимъ, задушевнымъ словомъ, способнымъ при случаѣ заронить искру раскаянія въ сердцѣ преступника, быть тонкимъ наблюдателемъ, чтобы съумѣть подмѣтить каждую жилку въ лицѣ подсудимаго, прочесть во взглядѣ то, чего не прочтутъ другіе, и имѣть нѣкотораго рода инстинктъ, который иногда вѣрнѣе всякихъ судебныхъ умозаключеній раскрываетъ истину!

По выходѣ изъ университета, Свободину представлялась возможность вступить на поприще адвокатуры и сдѣлаться современнымъ, быть можетъ, однимъ изъ лучшихъ адвокатовъ, но онъ предпочелъ блестящей будущности скромную карьеру судебного слѣдователя. Этой скромной карьерѣ, въ ущербъ денежнымъ интересамъ, даже иногда въ ущербъ здоровью, посвящалъ онъ всецѣло свою жизнь и предавался ей всей душой, какъ истинный артистъ любимому искусству. Не утомляли его ни труды, ни разъѣзды во всякую непогоду, ни безсонныя ночи, когда онъ часто до изнеможенія доискивался какой-нибудь неувидимой нити пре-

ступленія, отъ которой зависѣла судьба подсудимаго; за то не было для него выше радости, когда силою своихъ соображеній и выводовъ удавалось ему не разрубить, а распутать крѣпко затянутый узелъ какого-нибудь темнаго дѣла!

Вышедши въ какомъ-то неопредѣленномъ раздумьи изъ меблированныхъ комнатъ мадамъ Штрундъ, Сергій Андреевъ медленными шагами направился домой. Мысль объ Успенскомъ сильно занимала его воображеніе: онъ чувствовалъ, что въ этомъ дѣлѣ что-то пролетало темной полосой, но что именно—не могъ еще ни понять, ни сообразить. Передъ нимъ отчетливо рисовалась стройная фигура молодого человѣка, съ спокойнымъ лицомъ, съ яснымъ, открытымъ взглядомъ; онъ вспоминалъ; какъ поблѣднѣло это лицо, какъ вспыхнуло, загорѣлся этотъ взглядъ при дерзкомъ намекѣ Бусыгина, и терялся въ догадкахъ: былъ ли то признакъ оскорбленной чести, или искусно подготовленный порывъ? Дѣйствовалъ ли Успенскій, не ограждаясь никакими предосторожностями, въ силу отважно задуманнаго плана, который могъ сложиться въ его воображеніи при видѣ полученныхъ Бусыгинымъ денегъ, или онъ ненарочно позабылъ ситарочницу, и не заставъ Бусыгина, не считая предосудительнымъ войти на нѣсколько минутъ въ его нумеръ? Если допустить это предположеніе, то кто же, кромѣ него, могъ знать, что деньги лежатъ именно въ ящикѣ письменнаго стола? Воръ, незнакомый съ этимъ обстоятельствомъ, непременно бы оставилъ слѣды попытокъ овладѣть собственностію Бусыгина: тутъ стоялъ и комодъ, и дорожный чемоданъ, куда могли быть спрятаны деньги, но ни къ комоду, ни къ чемодану никто не притронулся; деньги были вынуты завѣдомо, безъ взлома, безъ поврежденія замка, а былъ ли ящикъ дѣйствительно отпертъ ключомъ отъ комода, или другимъ, который также легко могъ подойти—вопросъ нерѣшенный! Да и откуда бы взялся воръ? Никто, кромѣ Успенскаго и Николая, не зналъ, что Бусыгинъ получилъ четыреста рублей; а такъ какъ извѣстное и всѣми подтвержденное отсутствіе Николая изъ дома снимаетъ съ него самаго малѣйшую тѣнь подозрѣнія, то преступное дѣйствіе, въ виду неотразимыхъ уликъ, прямо падаетъ на Успенскаго! Ужели гнѣвно дрогнувшія губы, негодованіемъ вспыхнувшіе глаза, намѣреніе дать Бусыгину пощечину и холодное спокойствіе при формальномъ допросѣ, не что иное, какъ тонко разсчитанная игра искуснаго актера? Почему же нѣтъ: арена дѣйствительной жизни едва ли не богаче подобными представи-

телями сценическаго искусства, чѣмъ подмостки любого театра! Къ тому же, въ продолженіе шестилѣтней практики, Свободинъ имѣлъ много темныхъ криминальныхъ случаевъ, гдѣ настоящимъ героемъ драмы являлся иногда не полушьяный, забитый нуждою оборванецъ, а человѣкъ изъ хорошаго круга, человѣкъ, которому и воспитаніе, и общественное положеніе, и понятія о чести должны бы, кажется, были указывать только прямой путь!

Сергѣй Андреичъ задавался всевозможными вопросами, но изъ всѣхъ разнорѣчій и догадокъ никакъ не могъ добиться положительнаго вывода ни за, ни противъ обвиняемаго. Онъ зналъ, что отъ его постановленія зависѣла судьба Успенскаго, что ему первому предстояло запятнать его будущую карьеру, видѣлъ, что всѣ собранныя улики встаютъ противъ молодого человѣка, какъ противъ похитителя чужой собственности, а между тѣмъ какое-то нравственное убѣжденіе отвергало эти улики, что-то неуволимое протестовало противъ виновности Успенскаго! Останавливалась мысль Свободина и на конвертѣ съ замѣтнымъ запахомъ *violette de Parme*... Отчего именно въ этомъ конвертѣ лежали деньги, а не въ одномъ изъ тѣхъ, иного формата, съ четкими буквами А. У., которые онъ замѣтилъ въ письменномъ столѣ? Какъ ни думалъ, какъ ни соображалъ Сергѣй Андреичъ, а все-таки для оправданія Успенскаго не было у него ни мѣтѣйшей опоры. На вторичный допросъ разсчитывалъ онъ тоже не много: по всѣмъ видимостямъ, Успенскій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, однажды задавшись мыслию дѣйствовать такъ, или иначе, неспособны измѣнять своихъ показаній.

Изъ формальнаго допроса сдѣлалось извѣстно, что Андрей Успенскій, сынъ бѣднаго сельскаго священника, учился въ одной изъ московскихъ гимназій, потомъ поступилъ въ университетъ, гдѣ на словесномъ факультетѣ и кончилъ курсъ. Бывши еще гимназистомъ шестого класса, имѣлъ онъ постоянно уроки и зарабатывалъ настолько, что не обращался за помощью къ отцу, у котораго, кромѣ него, подростала дочь. По окончаніи курса, Андрей Николаичъ жилъ около двухъ лѣтъ у купца Блинова домашнимъ учителемъ, съ платою по шестисотъ рублей въ годъ и съ правомъ давать частныя уроки въ свободное время. Отошелъ же отъ него потому, что надѣялся получить болѣе выгодное мѣсто, въ ожиданіи котораго и жилъ у мадамъ Штрундъ. Обстановка Андрея Николаича была хотя не блестящая, но далеко не бѣдная: нѣкоторый комфортъ, красивыя вещицы, замѣченныя Свободинымъ на столѣ, наконецъ, вся изящная персона Успенскаго, показывали, что онъ пользовался не только необходимыми средствами

въ жизни, но даже имѣлъ возможность и удовлетворять своимъ прихотямъ. Да что-жъ изъ этого? Иногда послѣднее-то обстоятельство, въ минуты безденежья, и заставляетъ молодыхъ людей сворачивать съ прямой дороги.... А красивая рука въ лайковой перчаткѣ такъ же ловко сѣмбуетъ притронуться къ чужой собственности, какъ и грязная, мозолистая рука острожника!

Какъ бы то ни было, Сергій Андреичъ все-таки порѣшилъ вечеромъ того же дня съѣздить къ Блинову, имя котораго было ему извѣстно по-наслышкѣ. Успенскій жилъ у него около двухъ лѣтъ, принадлежалъ нѣкоторымъ образомъ къ семейству, а въ такой срокъ и при такихъ обстоятельствахъ можно, если не совсѣмъ изучить человѣка, то быть, по крайней мѣрѣ, въ состояніи многое сказать относительно его характеристики. Предрѣшивъ, что Успенскій неспособенъ измѣнить своихъ показаній, Сергій Андреичъ не ошибся: послѣ вторичнаго допроса въ частномъ дождѣ, молодой человѣкъ подтвердилъ только то, что уже было извѣстно. Не успѣлъ Свободинъ выдти изъ арестантской, какъ ему объявили, что близъ одного изъ подмосковныхъ сѣлъ, славившагося съ нѣкотораго времени своими кровавыми драмами, совершилось страшное убійство, нагнавшее паническій страхъ на всѣхъ окрестныхъ жителей.

Чтобы напасть на горячіе слѣды, медлить было некогда, да Сергій Андреичъ, по обыкновенію, и не медлил: онъ тотчасъ же отправился домой, наскоро снарядился и черезъ нѣсколько минутъ лихая пара уже мчала его по снѣжной, ухабистой дорогѣ къ мѣсту преступленія.

Дѣло оказалось сложнымъ, запутаннымъ и, сверхъ чаянія, держало его трое сутокъ внѣ города. Воротившись домой только на четвертый день, въ сумерки, и немного отдохнувъ, Свободинъ отправился къ Блинову, но прежде заѣхалъ провѣдать Успенскаго. Онъ засталъ его въ какомъ-то безотрадномъ настроеніи духа. Передъ нимъ лежала злополучная черепаховая сигарочница и развернутый нумеръ газеты. Красивое лицо его замѣтно поухдѣло, подъ глазами рѣзо обозначились темно-синія полосы, глаза утратили всю живость, весь свой блескъ! Не добившись отъ него ничего новаго, кромѣ увѣренія, что онъ не признаетъ, не можетъ признать себя виновнымъ въ кражѣ денегъ, Свободинъ пожалъ плечами и простился съ нимъ.

V.

Семейство Блиновыхъ.

Въ столовой, оклеенной лакированными обоями подъ дубъ, при свѣтѣ лампы съ зеленымъ абажуромъ, суетилась расторопная дѣвушка лѣтъ 25-ти, приготовляя чайныя принадлежности. Арка справа, прикрытая вполонину суконной драпировкой, вела въ кабинетъ хозяина; дверь слѣва была отворена въ залу, гдѣ раздавался дѣтскій говоръ и звонкій смѣхъ: двое мальчиковъ, въ красныхъ канусовыхъ рубашкахъ, играли въ лошади.

— Ты брыкайся, Миша... вотъ такъ... смотри! учишь десятилѣтнѣй Володя своего меньшого брата. А голову-то гни на-стороню, какъ папашина пристяжка... круче... еще круче!

Миша, толстый, хорошенькій мальчишка, съ синими, какъ васильки, глазами, выгнулся всѣмъ корпусомъ и принялся такъ усердно копировать «папашину пристяжку», что, потерявъ равновѣсіе, плѣхнулся на паркетъ.

— Дѣти!.. чтó такое?.. испуганно вскрикнула молодая женщина, выбѣжавшая изъ столовой.

— Мамочка, не бойся! успокоивалъ Володя, хватая ее за руки. Онъ не ушибся... онъ смѣется... видишь?

— Я не ушибся! весело подтвердилъ вскочившій Миша, съ размаха бросаясь къ матери. Я представлялъ пристяжку... а Володя все кричалъ: круче, круче! Я и упалъ...

— Ахъ, Володя! такой большой мальчикъ и такъ шалишь— не стыдно ли? Папаша дома, а вы рѣзвитесь, шумите... вотъ за шалости и въ циркъ не повезу!

— Мамочка, душечка, не сердись—не будемъ! твердили дѣти, заскаясь къ молодой женщинѣ, которая и укоряла ихъ, и свѣтло улыбалась.

— Дѣлай чай—самоваръ поданъ! послышался рѣзко-непріятный возгласъ изъ столовой.

— Иду! поспѣшно отозвалась молодая женщина. Смотрите же, прошептала она, наклоняясь къ мальчикамъ и приглашая взъерошеннаго Мишу, за чаемъ не шумите... ведите себя какъ слѣдуетъ— не сердите папашу!

— Ахъ, мамочка, не безпокойся! съ достоинствомъ произнесъ Володя. Мы, вѣдь, это такъ... нечаянно...

— Ну, хорошо, хорошо—пойдемте! Папаша дожидается.

За столомъ уже сидѣлъ пожилой, рыжеватый мужчина, съ рябымъ, непривѣтливомъ лицомъ, въ крапчатой жакетѣ и въ длинномъ галстукѣ съ изумрудной будавкой. Это былъ глава семейства, богатый первой гильдіи купецъ, Матвѣй Антонычъ Блиновъ.

— Помилуй, Наталья! недовольнымъ голосомъ проговорилъ онъ. Тебя не дожدهшься: самоваръ совсѣмъ заглохъ!

Молодая женщина могла бы возразить противное, но ничего не возразила, а принялась молча дѣлать чай. Мальчики смирно усѣлись около матери, на которую походили, какъ двѣ капли воды. Мягкій свѣтъ лампы упалъ прямо на ихъ разгорѣвшіяся, хорошенькія личики.

— Матвѣй Антонычъ! обратилась Блинова къ мужу, протягивая налитой стаканъ.

— Позвольте, папочка, я вамъ передамъ, хотѣлъ-было послужиться Володя.

— Не суйся—безъ тебя возьмутъ! сердито пробуркнулъ отецъ, отстраняя его руку.

Мальчикъ вспыхнулъ и сконфузился.

— Не сердитесь на нихъ! тихо вступилась Наталья Валерьевна. Они немножко пошалили, да вѣдь нельзя же: дѣти!

— Э, полно, матушка, не заступайся! Избалованы, ни на что не похоже... чуть на головахъ не ходятъ! Вонъ у Ермолаевыхъ тоже дѣти, цѣлнхъ пятеро, а погляди-ка въ какой струнѣ шелохнуться не смѣютъ!

— Не смѣютъ, покуда на глазахъ! съ оттѣнкомъ досады замѣтила Блинова. А заберутся на антресоли, такъ готовы другъ другу шею свернуть... одинъ, вонъ, гувернантѣ глазъ выкололъ... да и учатся-то изъ-подъ палки!

— У тебя ужъ сейчасъ и изъ-подъ палки! Не велика бѣда, если отецъ выстегаешь разъ-другой-третій... или задасть потасовку: мальчишекъ не убудетъ, а по крайней мѣрѣ страхъ имѣютъ.... За битаго-то, матушка, двухъ небитыхъ даютъ!

Хотя Блиновъ стригся и одѣвался по-нѣмецки, силится жить по-барски, а мыслилъ, какъ видите, по-просту, по-русски... При всякомъ удобномъ случаѣ медвѣжья натура изъ-подъ европейскаго костюма просилась на просторъ! Глаза Блиновой мгновенно засѣлись и что-то неопредѣленное 스woльзнуло по лицу.

— Дѣтямъ нужны не стеганья, неровнымъ голосомъ замѣтила она, а хорошій примѣръ, да разумное наблюденіе...

— Ну, понесла свое! досадливо перебилъ мужъ. Начиталась, наслушалась разныхъ фанаберій... знай поетъ съ чужого голоса!

— Затѣмъ пѣтъ съ чужого, когда есть хоть маленькій да

свой! возразила затронутая Наталья Валерьяновна. Вы сами иногда говорили, что излишняя строгость...

— Нельзя ли безъ замѣчаній? перебилъ опять Матвѣй Антонычъ; ты знаешь, я до нихъ не охотникъ? Отдамъ, вотъ, твоихъ баловней въ гимназію, да и дѣлу конецъ — что тутъ за подготовки! Тамъ и готовить, и выпускать за-одно—безъ хлопотъ!

Наталья Валерьяновна опустила глаза и тихо вдохнула. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Папаша, можно вамъ сказать одно словечко? сказать вдругъ Миша, подбѣгая къ отцу, на котораго вопросительно уставилъ бойкіе глазенки. Тотъ видимо просвѣтлѣлъ отъ неожиданной выходки сына, и слегка щелкнулъ его въ кругленькій подбородокъ.

— Какое такое словечко... говори!

— Не отдавайте насъ съ Володей въ гимназію!

— Вотъ тебѣ здравствуй! Куда же васъ отдать?

— Никуда не отдавайте: оставьте дома.

— Э... паутъ! да у тебя губа не дура: звать, въ лѣнади-то играть веселѣе, чѣмъ учиться?

— Нѣтъ! въ лошади играть само собой, а учиться—само собой... только возьмите намъ Андрея Николаича!

— Ахъ, папаша, возьмите! подтвердилъ Володя. Онъ добрый, ласковый... мы любимъ его! И оба мальчика кинулись отцу на шею.

— Это что за новости? изумился тотъ, отстраняя дѣтей. Если вы еще осмѣлитесь...

Въ эту минуту раздался звонокъ, въ счастію, быть можетъ, прервавшій семейную сцену. Горничная побѣжала отпирать дверь и возвратилась съ визитной карточкой въ рукахъ.

— Отъ кого это? спросилъ Блиновъ.

— Приѣхалъ какой-то высокій баринъ... ишь очень нужно съ вами повидаться. Спрашиваетъ, можете ли принять?

«Судебный слѣдователь Свободинъ», на-соро прочелъ Блиновъ.—Проси его, Маша! добавилъ онъ, бросая карточку на столъ.

— Извините, проговорилъ вошедшій Свободинъ, раскланиваясь, что, не имѣя чести быть съ вами знакомымъ, я осмѣлился потревожить васъ.

— Помилуйте... очень пріятно! отвѣтилъ Матвѣй Антонычъ, сильно заинтересованный посѣщеніемъ должностного лица. Не угодно ли въ кабинетъ? тамъ удобнѣе... а ты, Наташа, пришли намъ чаю.

Хозяинъ ввелъ гостя въ просторную, красиво меблированную

комнату съ итальянскимъ окномъ, усадилъ на мягкій диванъ, и нетерпѣливо ожидать разгадки неожиданнаго визита. Дѣти опять смиренно пріютились около чайнаго стола и занялись вареньемъ, а Наталья Валерьяновна стала готовить свѣжій чай.

— Мнѣ, право, совѣстно... началъ Сергѣй Андрентъ, обращаясь къ Блинову. Вы, можетъ быть, заняты... вамъ некогда...

— Сдѣлайте одолженіе! успокоивалъ его тотъ; я совершенно свободенъ. Хотѣлъ-было съѣздить въ клубъ, да раздумалъ—отложилъ до завтра.

— Въ такомъ случаѣ, потрудитесь, пожалуйста, сообщить мнѣ нѣкоторые свѣдѣнія объ Андрѣ Николаичѣ Успенскомъ: жилъ онъ у васъ?

— Успенскій? переспросилъ удивленный Блиновъ, жилъ...

— Долго?

— Около двухъ лѣтъ.

— Учителемъ?

— Да, онъ занимался съ моимъ старшимъ сыномъ отъ первой жены: вздумалось поступить въ университетъ — не захотѣлъ идти по торговой части; потомъ подготавливалъ въ гимназію двухъ младшихъ сыновей.

— Почему онъ отошелъ отъ васъ?

— Потому... что я отказалъ.

— Отказали? изумился Свободинъ, припомнивъ, что Успенскій показавъ на допросѣ, будто самъ отошелъ отъ мѣста, имѣя въ виду другое, лучшее.—Отчего же? развѣ плохо исполнялъ свою обязанность?

— Не то, чтобы плохо.... Да позвольте, замѣтилъ приободрившійся Блиновъ, смекнувъ, что цѣль посѣщенія не касалась его собственной личности, къ чему клонятся ваши разспросы объ Успенскомъ и почему вы обратились именно ко мнѣ?

— Потому обратился именно къ вамъ, что онъ въ вашемъ домѣ жилъ почти два года; слѣдовательно, его характеръ и привычки должны лучше быть извѣстны вамъ, чѣмъ кому-нибудь другому.

— А развѣ кому понадобилось знать характеръ и привычки Успенскаго?

— Точно такъ: понадобилось мнѣ!

— Вамъ?

— Да, мнѣ! значительно подтвердилъ Сергѣй Андрентъ. Видите ли, въ чемъ дѣло, пояснилъ онъ, замѣтивъ изумленіе хозяина; Успенскій заподозрѣвъ въ похищеніи четырехсотъ рублей и вотъ уже пятый день содержится въ частномъ домѣ. Всѣ улики...

— Поосторожнѣе! внезапно перебилъ его Матвѣй Антонъ, услышавъ звонъ разбившейся посуды. Опять шалить мальчишки! гнѣвно заключилъ онъ. Наташа! отошли ихъ на верхъ—они мѣшajúтъ... да что же чаю? Такъ вы изволите говорить, продолжалъ онъ, снова обращаясь къ Сергѣю Андренчу, что всѣ улики...

— Всѣ улики противъ Успенскаго, закончилъ тотъ. Но такъ какъ мнѣ почему-то несовсѣмъ вѣрится, чтобы онъ былъ способенъ на такой позорный поступокъ, то я и попросилъ бы васъ, во имя правды, отъ которой зависитъ вся будущность молодого человѣка, дать мнѣ, насколько возможно, вѣрныя свѣдѣнія объ немъ: это для меня очень важно.

— Кто же и какимъ образомъ обвиняетъ его въ кражѣ? спросилъ Блиновъ.

Сергѣй Андренчъ принужденъ былъ вкратцѣ повторить уже извѣстную намъ исторію, и пока онъ говорилъ, человѣкъ подалъ ему на кругломъ серебряномъ подносѣ чай.

— Какъ вамъ сказать объ Успенскомъ? промолвилъ хозяинъ, выслушавъ Сергѣя Андренча до конца. Пустой онъ малый... фанфаронъ — больше ничего!

— На чемъ же вы основываете его пустоту и фанфаронство?

— Да какъ же-съ! Получалъ у меня шестьсотъ рублей на всемъ на готовомъ, да съ частныхъ уроковъ, пожалуй, не меньше, а никогда гроша не было за душой! И франтилъ, и по театрамъ, и по концертамъ шатался, и всякіе пустяки накупалъ... Ну, къ чему, разсудите сами, человѣку безъ состоянія жить выше головы? У него старикъ-отецъ: въ селѣ, чай, по копѣйкѣ собираетъ... безприданница сестра... а онъ зря деньгами сорить! И ужъ какъ высокомеренъ—спаси Господи! Думаетъ, умнѣе его и на свѣтѣ нѣтъ... Начнетъ, бывало, правительственныя распоряженія, торговлю порицать: и то не такъ, и это не сакъ... одно косо, третье криво, десятое не по немъ... чуть въ министры не лѣзетъ! Пустельга-съ! порѣшилъ Блиновъ.

— Положимъ, что такъ, замѣтилъ Свободинъ; однако отъ пустоты до воровства далеко — неправда ли? Успенскій могъ франтить, могъ накупать бесполезныхъ вещей, но вѣдь онъ моталъ свои собственныя, трудовыя деньги? Вѣдь не замѣчали же вы его въ чемъ-нибудь... предосудительномъ?

— Нѣтъ... не замѣчалъ, но ручаться за честность этого поповича все-таки не могу... кто его знаетъ! Третій мѣсяцъ безъ мѣста... уроковъ, гляди, не ахти-сколько... деньги подвернулись ловко... какихъ случаевъ не бываетъ!..

Вглядываясь въ непріятную фізіономію Блинова, вслушиваясь въ его голосъ, въ которомъ будто слегка звучало затаенное раздраженіе, Свободинъ чувалъ, что отзывы этого человѣка заключали въ себѣ что-то недоброжелательное, даже враждебное относительно Успенскаго: положительно онъ его не обвинялъ, правда, за то далеко и не отстаивалъ!

Какъ ни старался Сергій Андреичъ отобрать болѣе опредѣленные свѣдѣнія о молодомъ человѣкѣ, Блиновъ продолжалъ уклончиво отвѣчать на его вопросы и видимо отстранялся отъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Очень жаль, сказалъ Свободинъ, вставая, что противъ моего ожиданія отзывы ваши о г. Успенскомъ такъ неудовлетворительны!

— Отзывы—дѣло мудреное, смиренно замѣтилъ Блиновъ. Человѣкъ въ ину-пору и за себя не поручится, а вѣдь чужая душа—потемки... сами, чай, изволите знать?

— Однако, онъ жилъ у васъ два года...

— Чтоже-съ! прожилъ бы и двадцать два, а все-таки бы я не зналъ, насколько потянетъ его честности...

— Ну, въ такомъ случаѣ, извините, что я васъ потревожилъ!

— Помилуйте... ничего-съ! любезно отвѣтилъ Матвій Антонычъ, пощипывая свою рѣденькую бороду.

Когда гость и хозяинъ вышли въ столовую, тамъ уже никого не было кромѣ старушки-няни, убиравшей посуду. Свободинъ раскланялся съ Блиновымъ и въ прежнемъ раздумьи на счетъ Успенскаго отправился домой.

VI.

Violette de Parme.

— Илья!

— Чего изволите?

— Кто принесъ это письмо?

— Какая-то дѣвушка.

— Что-жъ она сказала? отъ кого?

— Ничего не сказала. Спросила допрежъ всего, дома ли вы нѣтъ, молъ, сейчасъ только уѣхали. Ну, говоритъ, отдайте барину письмецо какъ пріѣдетъ, да съ тѣмъ и ушла.

— Давно ли она приходила?

— Съ полчаса времени.

— Отчего ты меня не разбудилъ? я и такъ проспалъ: скоро восемь часовъ.

— Да пожалѣй я, сударь, васъ будить: четверо сутокъ мучился на слѣдствіи — шутка сказать! Опять же дѣвушка отвѣта не дождалась — сама спѣшила куда-то, я и подумалъ, что дѣло, знать, не болѣе важно...

— Хорошо. Ступай, попроворнѣ готовь чай — мнѣ надо ѣхать.

— Слушаю-сь.

Разговоръ этотъ происходилъ въ спальнѣ только-что проснувагося Свободина, которому Илья подаль принесенное дѣвушкой письмо. При первомъ прикосновеніи къ конверту съ легкимъ, знакомымъ запахомъ *violette de Parme*, Сергій Андреичъ встрепенулся: этотъ ароматный конвертъ безъ вѣзеля мгновенно напомнилъ ему другой, такой же, съ тѣмъ же самымъ запахомъ, найденный въ письменномъ столѣ Успенскаго! Ему вдругъ почудилось, что раннее, неизвѣстно кѣмъ присланное письмо должно непременно имѣть какую-нибудь связь съ судьбою молодого человека. Онъ надорвалъ конвертъ и вынулъ листокъ почтовой бумаги, гдѣ въ нѣсколькихъ строчкахъ, торопливо написанныхъ женскою рукою, самымъ убѣдительнымъ образомъ просили его побить вечеромъ того же дня дома и часу въ девятomъ, безъ постороннихъ посѣтителей, принять одну особу, которой необходимо сообщить ему что-то очень важное, нетерпящее отлагательства. Кто, съ какою цѣлью прислалъ ему загадочное посланіе безъ подписи? Прочитавъ его не одинъ разъ, Свободинъ задумался надъ нимъ, и только повѣстка Ильи: «Чай готовъ-съ... пожалуйста!» заставила его вскочить съ постели и проворно умыться.

Свободинъ напился чаю, одѣлся и уѣхалъ. Воротился онъ домой уже около шести часовъ и строго запретилъ Илѣ принимать кого бы то ни было.

— Всѣмъ, рѣшительно всѣмъ говори, что меня нѣтъ, что я не скоро буду, наказывалъ онъ. Только когда прійдетъ одна дама, ты ее тотчасъ-жепусти и проси прямо въ кабинетъ — слышишь?

— Слышу-съ, значительно подтвердилъ Илья, вскользь посмотрѣвъ на барина. Должно быть, визиты подобнаго рода считались дѣломъ не совсѣмъ обыденнымъ въ холостой жизни Сергія Андреича...

— Дама-то молодая, аль старушка? лукаво допытывался Илья.

— Не знаю, какая... я съ ней незнакомъ, не видалъ: прійдетъ по дѣлу.

— Такъ-съ... а ужъ я-было подумалъ...

— Напрасно ты подумалъ, слегка усмѣхнулся Свободинъ.

Послѣ ухода Ильи, сѣлъ-было онъ писать, но ему не писалось; открылъ книгу — не читалось: тревожное чувство ожиданія, разныя предположенія мѣшали заняться какимъ-нибудь дѣломъ. Онъ принялся ходить по кабинету и ходилъ до тѣхъ поръ, пока не раздался звонокъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышались легкіе шаги... Свободинъ поспѣшно отворилъ дверь и встрѣтилъ гостью, блѣдную, смущенную... Взглянувъ на нее, онъ сейчасъ же вспомнилъ, гдѣ недавно видѣлъ эту молодую, стройную женщину, въ черномъ платьѣ...

— Пропу поворно! привѣтствовалъ онъ ее, затворивъ дверь и указывая на стоявшія полукружіемъ кресла. Но гостя, въ крайнему его удивленію, молчала, не трогалась съ мѣста и еще замѣтнѣе поблѣднѣла.

— Что съ вами? воскликнулъ озадаченный Свободинъ. Види, что взволнованная посѣтельница находится въ какомъ-то напряженномъ, неестественномъ состояніи, онъ заботливо взялъ ее подъ руку и усадилъ на диванъ.

— Успокойтесь, ради Бога! уговаривалъ Сергій Андрейчъ. Вѣрьте, все, что бы вы ни сказали, дальше этой комнаты никогда нигуда не пойдетъ: вы имѣете дѣло съ честнымъ человѣкомъ — вотъ вамъ моя рука!

Гостя, робко взглянувшая на хозяина, видимо пріободрилась: этотъ теплый привѣтъ, это доброе, честное лицо, эти хорошіе глаза, такъ много говорили въ пользу судебного слѣдователя, такъ къ нему располагали!

— Мнѣ, право, совѣстно... извинялась она дрожащимъ голосомъ, слабо сжимая протянутую ей руку. Въ первый разъ... я не знаю...

— Знайте только одно, сударыня, горячо прервалъ Сергій Андрейчъ, что вы безбоязненно можете говорить со мною... обо всемъ! Это слово онъ замѣтно подчеркнулъ. Если я вамъ на что-нибудь пригоденъ, располагайте мною: все, что отъ меня зависитъ, все, что возможно — я готовъ сдѣлать для васъ!

— Благодарю! съ чувствомъ произнесла посѣтельница. Я нисала..., — нетвердымъ голосомъ, запинаясь, продолжала она, — что имѣю сообщить вамъ нѣчто важное... дѣйствительно... по этому поводу... я рѣшилась... Голосъ ея вдругъ оборвался, слезы подступили къ горлу. Она смѣшалась и опустила голову.

Свободинъ видѣлъ, понималъ эти нравственные страданія и угадывалъ, что передъ нимъ женщина — «неподготовленная въ борьбѣ», а просто женщина обыкновенная, робкая, съ устъ ко-

торой и срывается, и на лету замираетъ тягостное, неизбежное признаніе!

— Какое малодушіе! какая слабость! отчаянно шептала она, чувствуя, что судебный слѣдователь пристально смотритъ на нее. Вдругъ щеки ея мгновенно облились румянцемъ, глаза заискрились рѣшимостью... и она, будто отъ электрическаго удара, выпрямилась передъ Свободинымъ во весь ростъ...

— Карайте меня названіемъ безчестной жены, безчестной матери! порывисто воскликнула посѣтительница, но у меня больше не хватаетъ силъ молчать... Я—Блинова! продолжала она еще порывистѣе, я люблю Успенскаго!.. Отъ меня онъ получилъ чetyреста рублей... вотъ доказательство!

Она судорожно выхватила изъ кармана смятое письмо и протянула его Свободину.

— Я васъ узналъ съ перваго взгляда, спокойно сказалъ Сергѣй Андрейчъ, взявъ письмо. Я имѣлъ честь видѣть васъ вчера вечеромъ, когда прѣвѣжалъ къ вашему супругу. Надѣюсь, дальнѣйшія разъясненія дадутъ мнѣ возможность...

Наталя Валерьяновна смутилась: ей сдѣлалось какъ-то совѣстно, неловко... она едва вѣрила самой себѣ, что такъ рѣшительно, такъ смѣло выдала любовь свою!.. Что подумаетъ судебный слѣдователь? къ какому разряду женщинъ отнесетъ ее? А развѣ можно было поступить иначе? Она знала, что отъ него зависѣла судьба Успенскаго, знала, что объясненіе необходимо: что-же оставалось дѣлать ей?..

Сергѣй Андрейчъ мягко взглянулъ на молодую женщину: онъ понималъ, чего ей стоить оправданіе любимаго человѣка! Передъ нимъ мало-по-малу приподнималась завѣса, до настоящей минуты скрывавшая загадочное поведеніе Успенскаго: возможно ли ему было сказать, что деньги отъ Блиновой? возможно ли было набросить тѣнь подозрѣнія на ея имя? Нѣтъ! онъ губилъ себя, за то спасалъ отъ поворной огласки женщину, отъ тяжкой отвѣтственности передъ мужемъ—жену, отъ стыда передъ дѣтьми—мать! Все это молніей пронеслось въ головѣ Свободина и радостное чувство самодовольства охватило его: усумнившись въ виновности Успенскаго, онъ, значить, не ошибся! Не время, не мѣсто было соображать, кто именно совершилъ вражу, но Сергѣй Андрейчъ твердо порѣшилъ во что бы то ни стало отыскать виновнаго.

— Сергѣй Андрейчъ! стыдливо произнесла Наталя Валерьяновна, опустивъ глаза; не думайте, ради Бога... не считайте меня одной изъ тѣхъ женщинъ...

— Напрасно вы беспокоитесь, сударыня! ласково перебилъ тотъ. Ужели вы такъ мало предполагаете во мнѣ проникательности, что я не могъ, не способенъ былъ васъ разгадать?

— Какъ успокоиваютъ меня ваши добрыя слова! съ чувствомъ проговорила Наталья Валерьяновна. Теперь, прибавила она смѣлѣе, когда въ вашей власти и моя тайна, и его оправданіе, я попросила бы васъ объ одномъ: не постучайте выслушать меня—мнѣ такъ бы хотѣлось высказаться передъ вами!

— Сдѣлайте одолженіе! ободрилъ ее Свободинъ. Я самъ желалъ, но не смѣлъ просить объ этомъ. Говорите, пожалуйста говорите—я слушаю васъ! Тѣмъ болѣе, что изъ вашего разсказа можетъ очень многое выясниться въ пользу г. Успенскаго.

— Я на казенный счетъ воспитывалась въ институтѣ, начала Блинова, по протекціи одной вліятельной особы, у которой отецъ мой, бѣдный, незначительный чиновникъ, завѣдывалъ дѣлами по поводу какого-то нескончаемаго процесса. Послѣ его смерти, мать моя, одинокая, большая женщина, осталась почти безъ всякихъ средствъ, и мнѣ, по выходѣ изъ института, пришлось пережить не мало безотрадныхъ дней. За невозможностью поступить въ гувернантки, я добывала кое-какую швейную работу, учила дѣтей приходскаго священника, чѣмъ и поддерживала наше грустное существованіе. Въ церкви, куда хаживала по праздникамъ къ обѣдни, имѣла я несчастіе настолько понравиться богатому вдовцу Блинову, что онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Матушка, узнавъ объ этомъ, чуть не сошла съ ума отъ радости; что же касается до меня, то, несмотря на ограниченность нашихъ средствъ, я всѣми силами отбивалась отъ ненавистнаго сватовства: Блиновъ мнѣ не нравился и я предчувствовала, что полюбить его не смогу никогда. Какъ я ни плакала, какъ ни упрашивала не связывать на вѣкъ моей судьбы съ судьбой немилаго человѣка, матушка ничего и слушать не хотѣла. Она жаловалась на безразсудное упорство дочери, лишавшей ее удобствъ обезпеченной жизни, и этимъ жалобамъ не было конца! Горькое, безвыходное положеніе заставило меня противъ воли сдѣлаться женою Блинова... Вскорѣ послѣ моего замужства, матушка умерла, успокоенная, что Богъ привелъ ей такъ блистательно устроить дочь!.. Не хочу васъ утомлять подробностями своей супружеской жизни, скажу только, что она была невыносимо тяжела. Матѣй Антонычъ, заносчивый, своенравный, мелочной, требовалъ отъ меня какого-то безусловнаго повиновенія, какой-то нескончаемой благодарности за сдѣланную будто бы мнѣ честь, за оказанное благодѣяніе! Вначалѣ я оскорблялась, плакала по цѣлымъ днямъ,

мучилась... потомъ вступилась за свою нравственную свободу, начала смѣло отстранять ее, на грязные, бессмысленные упреки отвѣчать правдивой рѣчью... впоследствии же, увидавъ, что ни слезы, ни правдивыя рѣчи не только не улучшаютъ, но видимо ухудшаютъ нашъ семейный бытъ, я мало-по-малу примолкла, примирилась! Я пришла къ убѣжденію, что у меня не хватитъ силъ выбиться изъ-подъ тяжелаго гнета, что съ слабой грудью плыть противъ теченія немыслимо: надорвешься, а до берега все-таки не доплывешь! Я порѣшила, что Богъ не судилъ мнѣ быть счастливой, однако ошиблась: когда родился Володя, потомъ Миша, я увидала, что счастье и для меня возможно!.. Нераздѣльно принадлежала дѣтямъ вся моя жизнь, всѣ помыслы... до встрѣчи съ Андреемъ... съ Успенскимъ! поправилась она.

— Да, раздумчиво сказалъ Свободинъ, при безотрадной обстановкѣ вашей жизни, при вашемъ взглядѣ на все васъ окружающее, сближеніе съ Успенскимъ было неизбежно. Оба молодцы... оба такъ часто, такъ близко одинъ къ другому...

— Вначалѣ я какъ будто его дичилась, продолжала Блинова. Мнѣ было и совѣстно, и больно обнаруживать передъ постороннимъ человѣкомъ болѣзнь семейной жизни; его присутствіе дѣлало меня обидчивѣе, нетерпѣливѣе... выходни мужа казались уродливѣе обыкновеннаго... его небрежные отзывы объ Успенскомъ почему-то раздражали меня... «Велика фигура учителя! говорилъ Матвѣй Антонычъ. Плати только деньги—отбоя не будетъ: любого выбирай. Захочется крикнуть: «ну-ка ты, ученый, подавай мнѣ чай!» и крикну... и подастъ! А я вотъ, неученый, ему не подамъ... да ничего со мной и не подѣлаешь... а вѣдь это расчѣты!» За послѣдніе годы Матвѣй Антонычъ почему-то ударился въ «современность», т.-е. началъ ѣздить въ театръ, записался въ клубъ, сталъ одѣваться у Бургеса, далъ позволеніе старшему сыну вступить въ университетъ, но на этой наружной оболочкѣ и приостановилась его «современность». Не скажу, что мужъ мой злой, недобрый человѣкъ—нѣтъ! Онъ просто одинъ изъ деспотовъ-самодуровъ, мыслимыхъ только въ нелѣпомъ купеческомъ быту, гдѣ грозный глава семейства не подлежитъ никакому контролю. Успенскій все понялъ, все разгадалъ очень скоро... съ этой-то разгадки и началось наше сближеніе. Онъ такъ искренно высказывалъ мнѣ свое сочувствіе, такъ видимо искалъ моего расположенія, такъ полюбилъ моихъ дѣтей, такъ сумѣлъ ихъ привязать къ себѣ... Нѣтъ! не хватаетъ силъ! задыхающимся голосомъ порѣшила взволнованная Блинова. Не могу, не смѣю пере-

давать тѣхъ минутъ свѣтлаго, неожиданнаго счастья... Она остановилась и закрыла обѣими руками пылавшее лицо.

Свободинъ всталъ и прошелся по кабинету. Исповѣдь этой молодой женщины затронула его. Но такъ какъ онъ былъ не столько «мужчина», сколько судебный слѣдователь, задавшійся мыслью остановиться на чемъ-нибудь болѣе твердомъ, нежели эта исповѣдь, то снова и обратился къ Блиновой съ прозаическими, необходимыми распросами.

— Правда-ли... Позвольте узнать имя-отчество? началъ онъ, садясь подлѣ нея.

— Наталья Валерьяновна.

— Правда-ли, Наталья Валерьяновна, что Успенскій отошелъ отъ васъ по поводу лучшаго мѣста, которое будто бы имѣлъ въ виду?

Та съ удивленіемъ взглянула на Свободина.

— Да, подтвердилъ Сергій Андреечъ, такъ онъ по крайней мѣрѣ показалъ на допросѣ. Супругъ же вашъ утверждаетъ совсѣмъ противное: что не Успенскій отказался отъ мѣста, а что онъ самъ отказалъ Успенскому. Говорите, пожалуйста, откровенно, ласково продолжалъ онъ. Отъ вашей откровенности зависитъ если не все, то очень многое.

— Мужъ правъ, отвѣтила Наталья Валерьяновна; онъ самъ отказалъ ему.

— Вслѣдствіе какихъ же именно причинъ? ревность что-ли замѣшалась?

— Не думаю, потому что онъ не могъ и подозрѣвать нашей любви, а скорѣе что-то похожее на досаду, на зависть, что мы сошлись такъ близко. Ему казалось, будто Успенскій чересчуръ фамиллярно обходится съ женой богатаго первостатейнаго купца, и что эта жена позволяетъ становиться съ собой на одну доску «учителю-поповичу»! Онъ никогда не былъ съ нимъ особенно привѣтливъ, а ужъ тутъ малѣйшее обстоятельство начало возбуждать его неудовольствіе; даже привязанность дѣтей къ учителю бѣсила его! Когда старшій сынъ вступилъ въ университетъ, Матвѣй Антонычъ сталъ частенько поговаривать, что Успенскій не нуженъ, что для подготовленія мальчишковъ въ гимназію можно взять учителя по-проще, по-дешевле. Мы поняли, что разлука наша близка, что Успенскому самому слѣдуетъ предупредить этотъ отказъ, а все-таки медлили разстаться! И онъ и я страдали одинъ за другого: его терзала мысль, что онъ не можетъ, не смѣетъ вступить за меня; что человѣкъ, котораго онъ презираетъ, имѣетъ право безнаказанно разбить все счастье

нашей любви... Я видѣла, какъ дорого обходилась ему его лихорадочная, напряженная сдержанность, и каждую минуту опасалась неизбежнаго взрыва! Опасенія мои, слава Богу, не оправдались, за то Матвѣй Антонычъ прямо, безъ всякихъ отговорокъ, безъ предупрежденій, на-отрѣзъ отказалъ ему!..

«Теперь мнѣ понятно живое показаніе Успенскаго!» подумалъ Сергѣй Андреичъ. — Послѣ того, продолжалъ онъ вслухъ, какъ г. Успенскій выѣхалъ отъ васъ, видались вы съ нимъ?

— Да..., отвѣтила замаявшись Наталья Валерьяновна, но очень рѣдко... съ большими предосторожностями... я всегда предупреждала его...

— Значитъ, дѣвушка, приходившая къ нему въ Николинъ день...

— Была моя горничная, Маша. Съ ней я прислала ему четыреста рублей.

«Ну, возможно ли было предвидѣть такое невѣроятное совпаденіе обстоятельствъ!» подумалъ опять Свободинъ. — Горничной, стало быть, извѣстны ваши отношенія съ г. Успенскимъ? спросилъ онъ.

— Извѣстны... давно... но я увѣрена въ ея скромности: она искренно предана намъ обоимъ!

— По какому же случаю были вами присланы г. Успенскому деньги?

— Потрудитесь прочесть привезенное мной письмо: оно вамъ ясное отвѣтитъ, чѣмъ я.

«А что, мелькнуло въ головѣ Свободина, если это письмо подготовлено и прислано ей Успенскимъ изъ-подъ ареста? Нѣтъ, въ ту же минуту порѣшилъ онъ, ни Успенскій, ни эта женщина, въ словахъ которой звучало столько истины и чувства, неспособны на обманъ!» Онъ развернулъ письмо и прочелъ слѣдующее:

«Мой добрый другъ Наташа!

«Если бы я исписалъ десять листовъ кругомъ, то все равно не «высказалъ бы тебѣ и сотой доли того чувства благодарности, «которымъ переполнено мое сердце! Ты знала, какъ меня тревожила судьба сестры, какъ беспощадно я упрекалъ себя въ «безпечности, какъ мучился, гдѣ и какъ добыть давно обѣщанные «ей триста рублей, отъ которыхъ зависѣла ея свадьба, и вдругъ «такъ неожиданно присылаешь мнѣ сегодня не триста, а четыреста рублей: ты даже подумала о моихъ долгахъ! Ахъ, Наташа, ты окончательно уничтожаешь меня своимъ великоду-

«пшемъ! Я знаю, сколько тревогъ, сколько ухищреній стоили эти деньги женѣ богача! Я увѣренъ, что ты или продала, или заложила свои вещи... не правда ли—скажи? И все это для меня?..»

Свободинъ поднялъ голову и вопросительно взглянулъ на Блинову.

— Да, онъ не совсѣмъ ошибся! горько усмѣхнулась та. Еслибы я не сберегла банковаго билета въ дѣйстви рублей, когда-то подареннаго богатымъ женихомъ бѣдной невѣстѣ на булавки, и если бы Мапа не заложила моихъ брилліантовыхъ серегъ, я не смогла бы выручить Успенскаго: обычный Матвѣи Антоныча держать и приказчиковъ, и жену на отчетѣ!

«Мнѣ сдѣлалось совѣстно, досадно,—продолжалъ читать Сергѣй Андриичъ письмо Успенскаго,—что я, при хорошемъ жалованьи, при хорошихъ урокахъ, не сумѣлъ ничего отложить сестрѣ, не подумалъ, что деньги, тратившіяся на излишнія вещи, безъ которыхъ легко обойтись, понадобятся современемъ Марѣушѣ; что за недостаткомъ этихъ безразсудно потраченныхъ денегъ придется ей, быть можетъ, сидѣть цѣлый вѣкъ въ дѣвкахъ... Нѣтъ, я не подумалъ ни о чемъ! Мнѣ было такъ хорошо подлѣ тебя... я былъ такъ счастливъ... чего-же больше? Только скорбное письмо отца способно было мнѣ напомнить мои обязанности, мое обѣщаніе—какой отвратительный эгоизмъ! Но теперь я твой должникъ, Наташа: ты увидишь, какъ я при-мусь трудиться и, главное—беречь деньги; хочу какъ можно скорѣе съ тобою расквитаться! Неужели не шута спрашиваешь, можно ли намъ видѣться сегодня? свободенъ ли я? Мапа просто разсердила меня этимъ вопросомъ: развѣ не знаешь, какъ я дорожу минутами нашихъ рѣдкихъ свиданій, развѣ сомнѣ-ваешься въ моей любви? Ахъ, еслибы ты могла видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю сегодня обѣщанной тобой «повѣстки», то увѣренъ, не предложила бы мнѣ такого обиднаго вопроса! Буду, ангелъ мой, буду непременно! Горю нетерпѣніемъ поблагодарить тебя и расцѣловать твои хорошенькія губки!

«Весь твой и навсегда Андрей».

«PS. Когда же соберешься въ циркъ и доставишь мнѣ удовольствіе взглянуть хоть издали на дѣтей?»

— Ваше признаніе и то, что пишетъ г. Успенскій, сказали

Свободинъ, складывая письмо, ясно убѣждаютъ меня въ его невиновности. Какъ хорошо вы поступили, Наталья Валерьяновна, что рѣшились обратиться прямо ко мнѣ! Стало быть, вы слышали мой вчерашній разговоръ съ вашимъ мужемъ?

— Къ счастью! горячо отвѣтила Блинова; иначе, при другой обстановкѣ, это извѣстіе окончательно бы сразило, погубило меня! Когда вы сказали, что Успенскій обвиненъ... въ воровствѣ, что онъ подѣ арестомъ... точно кто молотомъ ударилъ мнѣ прямо въ сердце! Удивляюсь, какъ я не вскрикнула, какъ я не повалилась! А ужъ когда разбила чашку—Господи!.. такъ и почувствовалось, что мужъ идетъ въ столовую... видитъ... догадывается... Ахъ, чего мнѣ стоили эти минуты! Мы съ Машей не спали всю ночь, придумывая, чѣмъ и какъ спасти Успенскаго; наконецъ, я рѣшилась послать вамъ письмо...

— Кто же вамъ далъ мой адресъ?

— Валя вчерашняя карточка.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, припомнилъ Свободинъ. Успокойтесь, Наталья Валерьяновна,—продолжалъ онъ,—съ г. Успенскимъ дурного ничего не будетъ: еще не знаю, гдѣ, какимъ образомъ примусь отыскивать слѣды воровства, но вѣрьте, найду ихъ непременно!

— Стало быть, вы теперь же освободите его? радостно спросила Блинова.

— Къ несчастію, нѣтъ! Пока не найдется настоящій похититель денегъ, г. Успенскій долженъ содержаться подѣ арестомъ; во-первыхъ, потому, что безъ вашего вмѣшательства въ это дѣло, гласно, при свидѣтеляхъ, нельзя оправдывать его, а во-вторыхъ, онъ самъ не желаетъ подобнаго оправданія; иначе для чего бы онъ молчалъ такъ упорно?

— Онъ падитъ меня! воскликнула Блинова. Добрый! благородный!... Сергѣй Андреевъ! съ жаромъ продолжала она, я буду ждать, надѣяться... Но если для его оправданія не найдется другихъ средствъ кромѣ моего заявленія, скажите... предупредите! Пусть оскорбляетъ меня мужъ, пусть осуждаетъ свѣтъ—я все-таки спасу Успенскаго: Богъ и дѣти простятъ меня!...

«Хорошъ онъ, да хороша и она!» подумалъ Сергѣй Андреевъ, глядя на молодую женщину, съ разгорѣвшимся лицомъ, съ сверкавшими глазами, готовую купить цѣною чести свободу любимаго человѣка!...

— Ободрите его... просила она; скажите ему...

— Будьте увѣрены, успокоиваю Свободинъ, сдѣлаю все, что можно, что должно. Я обѣщаю вамъ оправдать г. Успенскаго, и сдержу слово!

Простившись съ Свободнымъ, Наталья Валерьяновна, нѣсколько успокоенная, обнадеженная, отправилась домой, а онъ въ раздумьи долго еще ходилъ по кабинету и не одни судебныя соображенія на этотъ разъ исключительно занимали его умъ!...

VII.

Темное дѣло.

Много было толковъ, предположеній и догадокъ въ меблированныхъ комнатахъ мадамъ Штундъ по поводу драмы, закончившейся арестомъ Успенскаго. Эта драма, въ продолженіи двухъ-трехъ дней, служила нескончаемой темой разговора для квартирантовъ Амалии Ивановны. Успенскаго и жалѣли, и порицали, и оправдывали, и сажали въ острогъ, кто на два года, а кто повруче, и на четыре; печалились объ участи несчастнаго старика-отца, предполагали, такъ или иначе отзовется на немъ неожиданный ударъ, а все-таки, наконецъ, всѣ выговорились, выдохлись, за исключеніемъ хозяйки да главнаго героя происшествія, Бусыгина. Хозяйка сокрушалась, что исторія покражи непременно повредитъ репутаціи ея меблированныхъ комнатъ, гдѣ въ продолженіи столькихъ лѣтъ все обстояло такъ чинно, такъ благополучно; сокрушалась, что номеръ Успенскаго будетъ пустовать до окончанія дѣла, а кто и какимъ образомъ вознаградить ее за понесенные убытки — вопросъ нерѣшенный. Бусыгинъ, какъ лицо пострадавшее, не переставалъ повторять встрѣчному и поперечному исторію похищенія денегъ съ начала до конца, и при всякомъ удобномъ случаѣ ругалъ Успенскаго всласть. Однако, вскорѣ и хозяйка, постоянно утѣшаемая квартирантами, поуспокоилась; и Бусыгинъ, выпросившій у Меркулова сверхъ задатка еще сто рублей, сдѣлался потише; онъ уже не такъ часто и не такъ подробно рассказывалъ исторію покражи.

Въ меблированныхъ комнатахъ мало-по-малу водворялся прежній порядокъ. Имя Успенскаго слышалось рѣже и рѣже, на сцену выступили разговоры о вновь прибывшей труппѣ акробатовъ, о какой-то безрукой необыкновенной дѣвицѣ, которая посредствомъ ногъ писала, вышивала, даже будто бы стрѣлила изъ пистолета. Амалия Ивановна снова принялась варить утренній кофе, къ величайшему удовольствію квартирантовъ, потому что соотечественница ея, фрау Беръ, гостившая ради печальнаго событія, отпускала имъ съ микроскопической порціею сахара тазую

грибную жижу вмѣсто кофе, что тѣ громко вознегодовали. Поварь, безъ строгаго надзора хозяйки, готовилъ скверно и подавалъ тухлыхъ рабчиковъ; корридоръ желся плохо; даже Настасья до того забалтывалась съ горбатой старушонкой о судьбѣ Успенскаго, что забывала во-время убирать комнаты, накрывать на столъ и править инныя службы.

Утромъ того дня, въ который я попрошу читателя снова перенестись къ мадамъ Штрундъ, рано проснувшійся Егоръ Егорычъ, совсѣмъ одѣтый, сидѣлъ за стаканомъ кофе, калякая, по обыкновенію, съ Николоемъ, который, выставивъ правую ногу и заложивъ руки назадъ, стоялъ передъ нимъ.

— Да, братъ! это знакомство у меня вотъ гдѣ! говорилъ Бусыгинъ, хлопая себя по затылку. Угостилъ пріятель — нечего сказать! Не выручи Меркуловъ, пришлось бы свистать въ кулакъ! Вѣдь ухитрился же, подлецъ этакій!

— Да-съ, подтвердилъ Николай, поддѣлъ онъ васъ ловко! И когда вошелъ, и когда взялъ — окаян! А что Егоръ Егорычъ, продолжалъ онъ, какъ вы слышаны объ немъ: еще содержится?

— Содержаться-то содержится, да вся эта исторія подвигается что-то плохо! Судебный слѣдователь, кажется, больше мастеръ говорить, чѣмъ дѣло дѣлать: то былъ въ отлучеѣ, то, знать, отдыхать, а время-то все идетъ да идетъ — вѣдь вотъ ужъ почти недѣля! Зналъ, лучше бы прямо въ полицію заявилъ — живо бы все обработали!

— А хоша Андрей Николаичъ и замаралъ себя, замѣтилъ сокрушительно Николай, мнѣ все-таки его жалко: баринъ добрый, ласковый!

— Ну его къ чорту и съ лаской! Другой оборветъ, облаетъ съ-плеча, за то и видишь его насквозь, а вотъ этакіе-то франты миндальничаютъ-миндальничаютъ, да и надѣлаютъ тебѣ непріятностей съ три вероба!

— Какъ я-то, сударь, благодарю Создателя, умирительно вздохнулъ Николай, что не попалъ подъ лабеть! Не будь именинникъ, не уйди со двора на цѣлый день — бѣда бы, какъ есть бѣда! Прежде всѣхъ былъ бы въ отвѣтъ: находился, дескать, тутъ... видѣлъ деньги... Ну, и потянули бы раба божія!

— Да, подтвердилъ Егоръ Егорычъ, хоть малый ты, кажется, и честный, а подъ такой случай извини: отца родного прицѣпишь — четыреста рублей не шутка!

— Что за шутка — помиуйте! Какъ вернулся я домой, какъ сказавъ мнѣ, что у насъ сотворилось, такъ я и ахнулъ! Господи,

можь, твоя воля! баринъ хорошій, а на такое дѣло пошелъ! И словно чуяло мое сердце...

— Егоръ Егорычъ, всталъ? спросилъ кто-то, пріотворивъ дверь.

— Всталъ, давно всталъ—добро пожаловать! закричалъ Бусыгинъ, узнавъ голосъ квартиранта-майора.

— Съ добрымъ утромъ! привѣтствовалъ тотъ хозяина, входя и протягивая ему руку. Забрелъ провѣдать васъ.

— Хорошо сдѣлалъ! не хотите ли стаканчикъ кофею?

— Премного благодаренъ — сію минуту пилъ и, признаюсь, съ удовольствіемъ; видно, что Амалия Ивановна варила сама: запахъ, ароматъ—просто прелесть. А вотъ во время разстройкѣ то подруга ея подчивала насъ такой бурдой, инда тошнило...

— Прикажете снять? спросилъ Николай, видя, что Бусыгинъ допилъ свой стаканъ.

— Снимай, больше не буду, отвѣтилъ тотъ; и Николай забравши посуду вышелъ.

— Ну, чтб, Егоръ Егорычъ, подвигается ли ваше дѣльцо? спросилъ майоръ.

— Плохо, Ниланоръ Васильичъ, очень плохо! сокрунительно промолвилъ хозяинъ. Заѣзжалъ раза два къ слѣдователю—домашнѣтъ: ишь куда-то на слѣдствіе командировали, далеко. Теперь, говорятъ, вернулся; хочу сегодня же понавѣдаться къ нему. Ужъ такая истома—не приведи Господи! Какъ вы тамъ меня ни убеждайте, что теперешнее слѣдствіе лучше, быстрѣе прежняго идетъ, я съ вами никогда не соглашусь: гдѣ, въ чемъ это улучшение, позвольте спросить? Вотъ хоть бы мои четыреста рублей? Напились у Успенскаго—чего-жъ яснѣе? Ну и отдай ихъ тутъ же по принадлежности... Нѣтъ-съ, извините! Пошли допросы, развѣдыванія, справки, всякая чепуха... одурь беретъ!

— Нельзя безъ этого, Егоръ Егорычъ, внушалъ майоръ; у судопроизводства свои формы, отъ которыхъ оно не имѣетъ права отступать. Чтб же касается до новыхъ порядковъ, напрасно вы ихъ порицаете; возвращенія мои относительно этихъ порядковъ основываются на весьма уважительныхъ данныхъ. Я многое въ жизни видалъ, многое читалъ, кое о-чемъ размышлялъ и самъ, и пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что мы, русскіе, по части цивилизаціи вообще и по судебной реформѣ въ особенности, сдѣлали громадный шагъ впередъ! Смѣло могу сказать, съ умеченіемъ заключилъ майоръ, что касательно гуманности мы даже опередили всю Европу!

— Ужъ и всю Европу! недоувѣрчиво ухмыльнулся Бусыгинъ.

— Да-съ! вѣско подтвердилъ майоръ, любившій горячо по-трактовать о судебномъ прогрессѣ. Примѣровъ нашей гуманности весьма не мало — умѣйте только обратить на нихъ вниманіе... Я вотъ постоянно слѣжу за этимъ любопытнымъ предметомъ, и недалеко какъ вчера прочелъ въ русскихъ вѣдомостяхъ поразительный случай судебного мягкосердія...

— Какой же это случай?

— А вотъ извольте прислушать. Въ какой именно губерніи, не припомню... черемись... не то чувашь... убилъ родного сына вслѣдствіе подстрекательства своей второй жены, то-есть, мачихи убитаго, въ чемъ и не запырлся передъ судомъ. Слышите-съ?

— Слышу. Въ припадкѣ помѣшательства что-ли?

— Нѣтъ, о помѣшательствѣ не упоминается... Чѣмъ же, вы предполагаете, кончилось дѣло? спрашивалъ Никаноръ Васильичъ, какъ-бы заранѣе предвкушая эффектъ разсказа.

— Да чѣмъ же кончиться? хладнокровно замѣтилъ Бусыгинъ. Отецъ ни съ того, ни съ сего убилъ родного сына, добровольно сознался въ преступленіи — въ каторгу его лѣтъ на пятнадцать, да и шабашъ!

— Такъ и зналъ, что вы это бухнете! ликовалъ майоръ. А вотъ и ошиблись, государь мой, да еще какъ ошиблись-то!

— Ошибся? не безъ удивленія спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Да-съ! иронически подтвердилъ майоръ. Конечно, случись это въ странахъ просвѣщенныхъ, гуманныхъ... сейчасъ бы пустили въ ходъ ссылки, каторжные работы, лишеніе всѣхъ правъ состоянія и проч. Снисходили бы, пожалуй, до какихъ-нибудь смягчающихъ обстоятельствъ, никакъ не дальше... Ну, а мы, варвары, не таковы-съ! торжественно заключилъ онъ. Наши добрые, истинно-гуманные судьи не только не наказали преступнаго сыноубійцу, но даже, по добротѣ души и христіанскому всепрощенію, тутъ же ему въ судѣ собрали десять рублей!.. Умилительно, ей-богу, умилительно! И глубоко растроганный ораторъ съ чувствомъ высморкался въ пестрый фуляръ.

— Помилуйте! изумился Бусыгинъ; что тутъ умилительнаго? По-моему это просто поблажка, да еще кака! «Вотъ, молъ, голубчикъ — за труды! Валай тутъ же кстаи и жену, и дочь, если есть: еще десять рублей соберемъ!» Хороша гуманность! Это, по-моему, ни на что не похоже!

Майоръ сдѣлалъ движеніе и знаменательно взглянулъ на Бусыгина.

— Да-съ, ни на что не похоже! уперся тотъ. Теперь, значить, и Успенскаго можно освободить отъ суда и расправы? Эка

бѣда, что четыреста рублей подтибрилъ! Человѣкъ молодой, пріятной наружности... ему необходимъ и комфортъ, и пятое-десятое... не гноить же его въ острогѣ! Да и пусть, молъ, руку набиваете!...

— Г. Бусыгинъ! можно войти?

— Кто тамъ? спросилъ Егоръ Егорычъ. Ахъ, господинъ Свободинъ — милости просимъ! радостно добавилъ онъ, увидавъ вошедшаго Сергѣя Андреича. А я ужъ нынче собирался къ вамъ...

— Что дѣлать, г. Бусыгинъ! былъ въ отлучкѣ... позамедлилъ... говорилъ Сергѣй Андреичъ, входя въ комнату и раскланиваясь съ майоромъ.

— Не лишній ли я здѣсь, господа? вѣжливо спросилъ тотъ, нѣсколько рисуясь.

— Помилуйте, у насъ секретовъ нѣтъ! сказала Бусыгинъ. Ну что новенькаго? нетерпѣливо полюбопытствовалъ онъ, обращаясь къ Свободину.

— Пока ничего: дѣло еще все въ прежнемъ положеніи. Я вотъ хочу немножко побеспокоить васъ...

— Чѣмъ? испугался Егоръ Егорычъ.

— Да надо бы здѣшнюю прислугу еще разомъ переспросить «велейно»... и если бы вы позволили, такъ теперь же, у васъ

— Какъ вамъ угодно; хотя рѣшительно не понимаю, къ чему поведетъ эта «велейность»! Вѣдь ужъ дѣло, кажется, ясно какъ дважды-два-четыре?

— Положимъ... но все-таки это необходимо для нѣкоторыхъ судебныхъ соображеній.

— Воръ пойманъ съ поличнымъ — какія же тутъ еще судебныя соображенія? замѣтилъ недовольнымъ голосомъ Бусыгинъ, ядовито взглянувъ на майора-прогрессиста.

— Нельзя безъ нихъ, г. Бусыгинъ, урезонивалъ Сергѣй Андреичъ. Замѣйте, я всѣми силами стараюсь какъ можно скорѣе возвратитъ вамъ деньги.

— Ахъ, дай-то Господи! воскликнулъ Егоръ Егорычъ, всплеснувъ руками. Допрашивайте, г. слѣдователь, хоть всѣхъ поголовно, распоряджайтесь — только ужъ не томите! Вѣрите ли, какимъ пудовикомъ лежитъ у меня на душѣ это проклятое дѣло!

— Вѣрю, г. Бусыгинъ, очень вѣрю! И мнѣ вѣдь не сласть какая распутывать его!

— Да распутывать-то, кажется, нечего? — Впрочемъ, поступайте какъ угодно, спохватился Егоръ Егорычъ, боясь излишнимъ напоромъ прогнѣвать «самонравнаго» слѣдователя. Я вамъ тутъ ни на что не нуженъ? мягко закончилъ онъ.

— Вѣроятно, г. слѣдователь будетъ удобнѣе спрашивать

прислугу въ вашемъ отсутствіи, вступился майоръ; да и прислугѣ будто не такъ стѣснительно...

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ Свободинъ.

— Развѣ тѣмъ временемъ къ Амаліи Ивановнѣ пойти? размышлялъ Бусыгинъ.

— А почему же не ко мнѣ? Сразимтесь-ка въ шапки отъ нечего дѣлать, пригласилъ Никаноръ Васильичъ.

— Ну, ладно, пойдемте! Если на что понадобится, г. Свободинъ — потрудитесь извѣстить.

— Хорошо, извѣщу.

— Прикажете послать Николая? предложилъ Бусыгинъ, или Настасью прежде?

— Вы очень обязательны... благодарю васъ...

— Такъ кого же: Николая?

— Хоть его.

— А стаканчикъ чаю не желаете?

— Не беспокойтесь — пилъ недавно.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія!

Бусыгинъ ушелъ въ сопровожденіи майора, а Сергѣй Андрейчъ принялся опять осматривать комнату; но какъ и въ первый разъ, подозрительнаго ничего не отыскалъ: тотъ же браунингъ передъ окномъ спальни, тѣ же снѣжные сугробы подъ окномъ, та же тщательно заклеенная дверь въ чужой номеръ — больше ничего!

Вошелъ Николай и почтительно остановился на порогѣ гостиной. Мысль, что онъ явился на допросъ къ судебному слѣдователю, видимо взволновала его, какъ изволновала бы, конечно, и всякаго; глуповато-умильное лицо его было нѣсколько блѣдно.

— Поди сюда, любезный! сказалъ Свободинъ. Поближе... еще поближе — не бойся!

Николай подошелъ.

— Ты вѣдь знаешь, у г. Бусыгина пропали деньги — такъ?

— Точно такъ-съ.

— Знаешь, что подозрѣніе пало на г. Успенскаго?

— Знаю-съ.

— Ну, а какъ по-твоему, могъ онъ ихъ взять, или нѣтъ?

— Почему же мнѣ знать-съ?

— Однако, не замѣчалъ ли ты за нимъ чего-нибудь такого... какъ бы сказать попросте... неладнаго?

— Ничего не замѣчалъ-съ.

— Ишь вонъ къ нему какая-то дѣвчура бѣгаетъ?

— Можетъ статья... не видалъ-съ.

— Не поигрываетъ ли онъ въ картишки?

— Не извѣстенъ-съ.

— А что онъ, мотовать?

— Кто-съ?

— Да Успенскій-то?

— Не могу знать-съ.

Свободинъ пристально посмотрѣлъ на Николая. Какъ онъ ни пробовалъ заводить съ нимъ рѣчь на всякіе лады, тотъ, изъ короткихъ отвѣтовъ: «не знаю, не могу знать-съ», ни на шагъ не выступалъ и крѣпче всего держался за свое отсутствіе. Вслѣдъ за нимъ явилась тоже нѣсколько встревоженная Настасья, а такъ какъ уклончивые отвѣты и видимая сдержанность Николая показались Свободину не совсѣмъ натуральны, то онъ и рѣшился измѣнить свой маршрутъ, зная по опыту, что иногда окольный путь вѣрнѣе приводитъ къ желаемой цѣли, нежели большая прямая дорога.

— Скажи мнѣ, душа моя, ласково обратился онъ къ дѣвушкѣ, есть у васъ, кромѣ тебя да Николая, еще какая-нибудь прислуга въ нумерахъ?

— Старичокъ-поваръ есть, только онъ къ намъ не касается: онъ постоянно въ кухнѣ, внизу. Амалія Ивановна окромя кушанья ничѣмъ его не отягощаютъ.

— Давно живетъ?

— Да почитай пять лѣтъ-съ.

— Хорошій старикъ?

— На что лучше: услужливый, чистоплотный... Выпить бы иной разъ не прочь, да Амалія Ивановна повадки не дають — страсть ихъ боится!

— А Николай-то у васъ недавно?

— Недавно-съ; гляди, четырехъ мѣсяцевъ не будетъ.

— Что онъ, по-твоему, тоже человѣкъ хорошій? Тебѣ вѣдь его легче распознать, нежели кому другому, съ видомъ просто-душія продолжалъ Свободинъ. Ты столько лѣтъ живешь у хозяйки, всѣмъ завѣдуешь, распоряжаешься: ты ея правая рука; значить, онъ у тебя всегда на виду. Хозяйка чего пожалуй и не домежнѣется, а ужъ тебя-то онъ не проведетъ — не такъ ли?

Слова судебного слѣдователя видимо пріободрили Настасью и пріятно затронули ея самолюбіе.

— Правду истинную говорить изволите, не безъ достоинства подтвердила она. Ужъ такъ я, кажется, служу Амаліи Ивановнѣ, такъ блюду ея добро, что на томъ свѣтѣ Господу-Богу отвѣта ни въ одной поропинкѣ не дамъ! Иной разъ онъ бы много упуше-

ній сдѣлали изъ-за своей доброты, опять же хозяйскій глазъ не всегда усторожить нашего брата, а ужъ я лукавствомъ да хитростью ихъ не обману — нѣтъ, ужъ никогда-съ!

И Настасья, качнувъ головой, плавно развела руками.

— Я вижу, ты дѣвушка хорошая, честная; вотъ Николай-то, сдается мнѣ, не того...

— Нѣтъ, сударь, объ Николаѣ тоже молвить худа нечего, замѣтила поразговорившаяся Настасья. Онъ малый простой; не видать, чтобы и отъ дѣла больно лынялъ, и непьющій...

— А не пошаливаетъ, гдѣ плохо лежитъ?

— Охъ, сударь, этого, кажись, незамѣтно! Вотъ развѣ на кусокъ падохъ: несеть, тамъ, котлетки, аль пирожки—урветъ безпремѣнно, коли не досмотришь. Пытала не разъ журить его: «что, молъ, ты сытъ что-ль этимъ будешь? какъ тебѣ не совѣстно!» Ну, а прочимъ дѣломъ незамѣтно — нечего болтать пустое!

— Что онъ, человѣкъ женатый, семейный?

— Нѣтъ, пока холостой, а жениться собирается.

— Э! ужъ не на тебѣ ли?

— Помилуйте, сударь! какой складъ въ мои годы замужъ идти.... У него невѣста молодая, красивая.

— Ты, стало-быть, ее видала?

— Какъ-же! она ходитъ къ нему частенько, да дѣло-то все у нихъ что-то не склеивается!

— Отчего же?

— Богъ ихъ знаетъ! Она дѣвушка-то бы и ничего-себѣ, продолжала увлекшаяся Настасья, да ужъ больно форсиста, вертитъ имъ словно тряпкой, а онъ такъ въ глаза ей и лѣзетъ—смерть любить!

— Что-жъ она, въ горничныхъ что-ль живетъ? продолжалъ разспрашивать Свободинъ.

— Нѣтъ-съ, возразила Настасья, она бѣлошвейка. Еще въ ученьи была, съ нимъ познакомилась... а теперь онъ ей квартиру нанимаетъ.

Разговорчивость Настасьи неожиданно натолкнула Сергѣя Андреича на новую дорогу, которую, быть можетъ, долго и тщетно пришлось бы ему отыскивать самому.

— Вотъ какъ! проговорилъ онъ. И хорошую?

— Не видала, не знаю-съ. А много разъ звала: «Приходи, говорить, Настюша, чайку попить!»—Приду, молъ, Раиса Григорьевна, приду безпремѣнно, да такъ на посулъ и отъѣзжаю: все некогда!

— Ужъ и некогда! скажи лучше, на извозчика денегъ жалъ...

— На Грачовку-то не грѣхъ и пѣшкомъ дойти—на что мнѣ извозчикъ!

— А она живетъ на Грачовкѣ?

— Да-съ. На углу ишь будка, а за будку-то какъ повернешь въ переулокъ, третій домъ на лѣвой рукѣ, сѣренькій, съ мезониномъ.

— Одинокая она, или родня какая есть?

— Одинокая-съ, да сама сѣмщица вмѣстѣ съ ней живетъ— не скучно. Такая, говорить, женщина славная, обходительная... Матреной Семеновной зовутъ.

Узнавъ, что было нужно, и не желая въ глазахъ Настасьи придавать особаго значенія своимъ разспросамъ относительно Николая и его возлюбленной, Свободинъ перевелъ рѣчь на домашніе порядки, на образъ жизни Амаліи Ивановны и ея квартирантовъ.

— Однако, я позаболтался! шутя замѣтилъ онъ, взглянувъ на часы. Да ужъ говорить-то ты большая мастерица— съ тобой и дѣло позабудешь!

— Благодаримъ на ласковомъ словѣ! промолвила довольная Настасья, скромно потупивъ глаза.

— Теперь вотъ что, душа моя: сходи ты къ г. Бусыгину— онъ тутъ у какого-то военнаго; скажи ему..... Свободинъ вдругъ остановился и чутко наострилъ ухо. Кто тутъ? спросилъ онъ, указавъ на дверь въ сосѣдній номеръ, откуда отчетливо послышалась мужская рѣчь съ примѣсью иностраннаго акцента.

— Что-жъ кофе? спрашивалъ чей-то суровый басъ. Ты знаешь. я не люблю сто разъ твердить одно и то же!

— Виновать-съ, отвѣтилъ знакомый голосъ Николая, маленько позамѣшкель...

— То-то, позамѣшкель: всякій день слышу эту отговорку. Не выводи меня изъ терпѣнія—право, Амаліи Ивановнѣ скажу!

— Не извольте гнѣваться... подамъ сію секунду-съ!

Раздалось торопливое стуканье удалявшихся каблучковъ и недовольное ворчаніе сосѣда.

— Кто здѣсь живетъ? повторилъ вполголоса Свободинъ, обращаясь къ приостановившейся Настасьѣ.

— Нѣмецъ, Иванъ Карлычъ, шопотомъ отвѣтила та.

— Давно живетъ?

— Позвольте... дай Богъ память! соображала Настасья. Съ октября, припомнила она; такъ и есть: на самую на Казанскую переѣхаль.

— Учитель что-ль какой?

— Нѣтъ-съ, онъ слесарь.

Свободинъ встрепенулся: одно это слово будто электричествомъ ударило его! Ужели къ раскрытію истины ведетъ не та тропинка, на которой, какъ двѣ туманныя фигуры, едва обозначились Николай и Ранса?

— Сосѣдъ Бусыгина — слесарь! подумаль Сергѣй Андреичъ. Если я такъ явственно слышалъ его разговоръ съ Николаемъ, значить и онъ могъ слышать все, что говорилось у Бусыгина? Отъ новаго, неожиданнаго открытія бросило его въ жаръ.

— Стало-быть, этотъ слесарь и мастерство свое здѣсь производить? спросилъ онъ какъ можно натуральнѣе, разсчитывая на словоохотливость Настасьи.

— Нѣтъ-съ, какъ можно ему у насъ въ нумерахъ мастерство производить! Онъ ишь прежде воды составлялъ—вотъ чипучія-то... изволите знать? потомъ фортуныяны дѣлалъ, народу челоуѣкъ десять держалъ, и ужъ по какому случаю заведеніе прикончилъ—не умѣю вамъ сказать. Принялся-было въ прошломъ году орудовать слесарнымъ мастерствомъ—тоже, знать, на лады не пошло: порѣшилъ и его. Собирается теперь въ Харьковъ, не то въ Кіевъ дѣла производить, да вотъ покуда и живетъ у насъ.

— Что-жъ это все ему не къ рукѣ? выпить что-ль любить?

— Сохрани Господи! Такъ, можетъ-статься, выпла незадача: всяко бываетъ. Нѣмецъ онъ съ виду хоша и несуразый, необходимый, а ужъ куда дотошливъ! видать, что на производство молодецъ, одобрительно заключила Настасья. Онамедни, вонъ, Амалия Ивановна засунули куда-то ключъ отъ секлетерки—искали, искали... Нѣтъ ключа... а секлетерку надо безпремѣнно отворить: дровяникъ денегъ дожидается. Что дѣлать? Побѣжала я это у жильцовъ ключи собирать: не подойдетъ ли, молъ, какой? Хватъ-хватъ... ни одинъ не подходитъ! Прибѣгаю къ нему: такъ и такъ, дескать, Иванъ Карлычъ, ключъ отъ секлетерки затеряли... пожалуйста своего—не отопретъ ли? Нѣтъ, говорить, мой не годится, да я и безъ ключа отпру! Вынулъ изъ ящика инструментиъ какой-то... и пошелъ къ Амалии Ивановнѣ. Не успѣли мы глазомъ мигнуть, какъ онъ... бацъ — и отперъ! Да вѣдь какъ отперъ-то: замка ни чуточки не попортилъ!

— Да, молодецъ! раздумчиво замѣтилъ Сергѣй Андреичъ.

— Ужъ какъ обрадовались мы! А ключъ-то опосля нашелся: у Амалии Ивановны въ утреннемъ капотѣ былъ, постылый!

— И жена тутъ же съ нимъ живетъ? перебилъ наудачу Свободинъ, чтобы удержать словоохотливую Настасью.

— Жены у него нѣтъ: онъ вдовый. А страсть, полагаю, на-

ровить! прибавила рассказчица, мотая головой. Смотрить изъ-подлобья, сидить себѣ одинъ-одинёконекъ: знай, читаетъ газеты да покуриваетъ! И до гостей-то не охоть — только вотъ къ Амалии Ивановичѣ и ходитъ. За то ужъ и онѣ любятъ и наблюдаютъ его не въ примѣръ передъ другими: и кусокъ-то ему получше наровать, и сахару-то въ кофей больше кладутъ, и все этакое... Что-то было маленько прихворнулъ, добавила Настасья; съ самаго Николаи кукчится... Николай-то былъ имявинникъ, ушелъ... мятю ему заваривала... ишъ желудкомъ поразладился... лежалъ...

— Такъ-таки цѣлый день и пробылъ дома?

— Цѣлый день-съ... чудакъ до страсти... мнительный!

— Вотъ что, голубушка, сказала Свободинъ; мнѣ время ѣхать, такъ ты г. Бусыгина не тревожь, а скажи только, что если не сегодня вечеромъ, то завтра утромъ я непременно буду — слышишь?

— Очень хорошо-съ, отвѣтила Настасья, подавая ему шубу. А если угодно — добѣгу сію минуту...

— Не трудись: мнѣ теперъ некогда, да и нѣтъ особенной надобности видѣться съ нимъ — послѣ заѣду.

Выпедши отъ Бусыгина, Сергѣй Андреичъ почти наткнулся на сосѣда-нѣмца, который, потерявъ терпѣніе, шелъ, вѣроятно, къ хозяйкѣ съ жалобой на Николая. Это былъ плотный, рыжеватый мужчина среднихъ лѣтъ, съ угрюмымъ лицомъ, съискоса глядѣвшими глазами.

— Если этотъ искусникъ такъ ловко отпираетъ секретеры, подумалъ Свободинъ уходя, то мудрено ли ему, при случаѣ, отпереть чужую дверь или столъ съ простымъ замкомъ? Что изъ его нумера былъ слышанъ весь разговоръ, въ томъ я сейчасъ убѣдился, тѣмъ болѣе, что Бусыгинъ говоритъ очень громко; что у него могло явиться намѣреніе овладѣть деньгами сосѣда, и онъ, для ббольшаго удобства дѣйствій, сказался больнымъ — понятно; что четыреста рублей ваяты или Николаемъ, или нѣмцемъ — въ томъ я увѣренъ; но кѣмъ именно? — вотъ вопросъ! За кого изъ нихъ приняться: за слесаря или за Николая? недоумѣвалъ Свободинъ. Э! порѣшилъ онъ; давай на счастье примусъ за Николая! Николай человекъ свой, а нѣмецъ гость: подождемъ его тревожить до поры до времени! Остановившись на мысли начать дѣло съ Николая, Сергѣй Андреичъ отправился прямо въ часть. Тамъ заручился онъ извѣстнымъ уже намъ Петромъ Ивановичемъ и, вкратцѣ изложивъ ему свой планъ, наказалъ захватить двухъ свидѣтелей, какіе подвернутся подъ руку, немедленно отправляться на Грачовку, въ такой-то переулочъ, гдѣ и ожидать его перваго при-

зѣва. Петръ Ивановичъ, которому казалось, что безпокойный слѣдователь черезчуръ умничаешь и вертитъ людьми «безъ всякаго резона», хотя и ругнулъ его въ душѣ, а все-таки, по долгу службы, не прекословилъ; и черезъ полчаса уже прогуливался въ сопровожденіи какихъ-то двухъ личностей около сѣренькаго дома, куда вошелъ Свободинъ.

VIII.

Сѣмщица.

Небольшой дворъ съ кучами снѣга, гдѣ безъ зазрѣнія со-вѣсти была налита и набросана всякая дрянь, привлекавшая пѣ-лую стаю воронъ, покривившееся крыльцо, подпертое двумя стол-биками, съ площадкой, поросшей ледяными шипками; прямо — грязная лѣстница въ верхній этажъ; справа и слѣва — двери, оби-тыя цыновкой, въ нижній, — вотъ что представилось глазамъ Сво-бодина, явившагося отыскивать сѣмщицу Матрену Семеновну, у которой жила Раиса. Наудачу отворилъ онъ дверь справа и во-шелъ прямо въ кухню, гдѣ охватило его запахомъ луку и смра-домъ перегорѣлаго постнаго масла. Въ крошечное оконце, немы-тое, вѣроятно, съ самаго начала его существованія, скупо про-бивался свѣтъ; на подоконникѣ красовался огарокъ въ глиняномъ подсвѣчникѣ; подлѣ печки, въ углу, стояла обитая тарелка, въ дно которой усердно долбили двѣ кохинхинки, а изъ комнаты съ пріотворенной дверью слышалось поученіе, видимо относив-шееся къ виновной кошкѣ.

— Мышей не ловишь, мерзавка! уеорялъ женскій голосъ, а къ рыбѣ такъ сейчасъ подобралась... ахъ ты, окаянная! брысь, проклятая! Тарелку-то вѣдь разбила... скажите на милость!

Свободинъ громко кашлянулъ.

— Кто тамъ? окликнулъ голосъ.

— Здѣсь живетъ бѣлошвейка Раиса Григорьевна? вмѣсто от-вѣта спросилъ Сергѣй Андреичъ.

Послышались торопливые шаги и передъ нимъ явилась худо-щавая женщина лѣтъ подлѣ пятьдесятъ, въ ситцевомъ платьѣ, въ засаленной ватной кофтѣ, за то въ сѣткѣ, выпитой блестящими бусами и съ кисточкой у лѣваго виска.

— Нѣтъ, батюшка, отвѣтила она, оглядывая его съ головы до ногъ; Раиса Григорьевна здѣсь не живетъ... стѣхала-сь. А вамъ на что ее? полюбопытствовала хозяйка, спльно заинтересо-

ванная визитомъ «барина» въ енотовой шубѣ, въ собольей бляжѣ! Да неуждно ли пожаловать въ горницу! привѣтливо заманивала она; здѣсь маленько чадно...

Свободинъ, догадавшійся, что передъ нимъ сама съѣмщица, Матрена Семеновна, и судившій по приглашенію пожаловать ни съ того, ни съ сего «въ горницу», что она съ успѣхомъ можетъ докончить начатое словоохотливой Настасьей относительно біографіи и новаго мѣстожителства Раисы, вошелъ въ ея горницу. Налѣво ширмы, обтянутыя полинялымъ коленкоромъ, большой, покрытый ковромъ, сундукъ, преграждавшій путь въ сосѣднюю комнату; въ простѣнкѣ, между двумя окнами, старомодный диванъ съ высокой спинкой, надъ диваномъ зеркало въ топорной рамѣ подъ орѣхъ; столъ, нѣсколько разнокалиберныхъ стульевъ, три горшка ерани, да въ сигарномъ ящикѣ густо-разросшіеся молодой лукъ,—вотъ все убранство горницы. Направо, за достатой перегородкой, обѣшленной сверху до низу картинами самаго разнообразнаго свойства, съ дверью, когда-то выкрашенной клевою краской, была еще крошечная комната, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, недавно проживала возлюбленная Николая.

— Прошу покорно, сударь... пожалуйста! юлила съѣмщица, указывая на диванъ и стоя на нетерпѣніемъ попытаться отъ гостя, зачѣмъ именно понадобилась ему Раиса.

— Жаль, сказалъ Свободинъ, что эта дѣвушка съѣхала отъ васъ! Мнѣ ее рекомендовали, какъ отличную бѣлошвейку: хотѣлъ дюжину сорочекъ отдать... и полотна тонкаго купить... экая досада!

— Ну, батюшка, не досадуите... не сокрушайтесь! Слава тебѣ Господи, что не отдали: все бы перепортила какъ есть!

— Чтѣ вы? значить, плохо шьеть?

— Шить-то еще кое-какъ шьеть... изъ пятого въ десятое, а ужъ насчетъ кройки ничего не смыслить! Рѣжетъ, бывало, рѣжетъ... кромсаетъ-кромсаетъ, да кулъ-кулемъ и соньеть... никакъ не годится! Ужъ если вамъ желательно имѣть хорошія, паратны сорочки, такъ осмѣлюсь вымолвить слово насчетъ своей племянницы: вотъ эта шьеть такъ шьеть... эта—настоящая бѣлошвейка! Трехъ мастерицъ, доложу вамъ, держать, на Кузнецкій мостъ французу въ магазинъ сорочки работаетъ... самыя модныя фасоны знаетъ... и недорого беретъ! Отдайте, батюшка! уговаривала съѣмщица, залѣвая Свободину почти въ лицо; останется довольны... и мнѣ не разъ спасибо скажете! Бѣлошвейка—первый сортъ... какъ передъ истиннымъ Создателемъ говорю! И лаветь-то рукой подать: неуждно ли провожу сію минуту? Вотъ накинуть платокъ да пальтишко... горницу запру...

И, не дожидаясь отвѣта, Матрена Семеновна юркнула за ширмы.

— Пойдите, хозяйюшка... пойдите, не хлопчите! остановилъ ее Сергѣй Андрѣичъ, видя, что разговоръ повернулъ не туда, куда ему хотѣлось.

— Аль раздумали? спросила съѣмщица, понивившаяся изъ-за ширмъ уже съ накиннутымъ на голову платкомъ.

— Снимите платокъ-то, да и потолкуемъ кое-о-чемъ... Съ вами, я вижу, можно говорить по-душѣ, напрямикъ... Вотъ въ чемъ дѣло: хорошо ли, плохо ли пить Ракса — все равно; мнѣ бы хотѣлось только узнать навѣрное, чтó она за дѣвушка такая? Вы съ ней знаемы, жили вмѣстѣ... значитъ, вамъ и книги въ руки....

— Э... такъ вотъ она линія-то куда пошла! тонко усмѣхнулась Матрена Семеновна, понимаю!

— Ну, и хорошо, что понимаете! шутиливо замѣтилъ Свободинъ. Расскажите же мнѣ все пообстоятельнѣе, продолжалъ онъ, вынувъ изъ портмоне трехъ-рублевую бумажку, а вотъ это примите въ подарокъ.

— Ахъ, сударь... зачѣмъ же... помилуйте! жеманилась съѣмщица, подхвативъ съ пріятной улыбкой ассигнацію и ловко сунувъ ее въ карманъ. Я бы и такъ... съ удовольствіемъ...

— Вѣрю... а все-таки, сами знаете... какъ васъ звать?

— Матреной Семеновной.

— Что сухая ложка ротъ деретъ... Не такъ ли, Матрена Семеновна?

— Оно конечно... да вѣдь тутъ дѣло не секретное... житейское... я очень понимаю... Иной разъ полюбится сатана нуще яснаго сокола... ну, а Ракса дѣвушка казистая: бровь съ молодежъ!

— Сколько ей лѣтъ? спросилъ Свободинъ, видя, что Матрена Семеновна принимаетъ его за соперника Николая и не намѣреваясь выводить ее изъ этого заблужденія.

— Съ успленія двадцать первый пошелъ. Дѣвка, что называется, въ порѣ.., нахваливала она.

— А какъ на счетъ... поведенія-то?

— Ну... есть душенька... какъ не быть! Николаемъ прозывается, въ нумерахъ у какой-то нѣмки служить. Онъ только одинъ и хаживалъ сюда и то не часто; чтó же было на сторонѣ — Богъ вѣсть! И за родную дочь иной разъ не поручишься, сами знаете! — Гдѣ же вы-то, мой батюшка, повстрѣчались съ ней? полюбопытствовала съѣмщица.

— Въ церкви, отвѣтилъ Свободинъ на удачу.

— Скажите пожалуйста! Да она и во храмъ-то Божій почти не заглядывала: когда-жъ бы это?

— То-есть у церкви, поправился Сергій Андреевъ. Она оставилась помолиться... я съ ней заговорилъ... ну, слово-за-слово... дальше да больше... и познакомились!

— Дѣвка она шустрая—что говорить! Еще маленько изъяснить подѣлъ: чай, замѣтили?

— Какъ не замѣтить! подтвердилъ Свободинъ, не понимая, о какомъ «изъясненіи» идетъ рѣчь.

— Начнетъ говорить, словно горохъ сыплетъ: гагакаетъ-гагакаетъ—иногда слушать тяжело!

— Ничего, усмѣхнулся догадавшійся Свободинъ, картавить и хуже!—Однако, Матрена Семеновна, шутя замѣтилъ онъ, на повѣрку выходить, не я васъ разспрашиваю, а вы меня: уговоръ-то былъ не тотъ... помните?

— Охъ, сударь, извините! спохватилась съѣмщица. Я вѣдь такъ, ради любознательности... какъ это все у васъ тамъ было... Что-жъ вамъ еще знать-то желательно? прибавила она съ готовностію подслужиться отвѣтами.

— Да вотъ что: сколько времени жила у васъ Ранса?

— Ровнехонько полтора года.

— Зарабатывала много денегъ?

— Какіе заработки: три-четыре рубля въ мѣсяцъ — никакъ не больше. Пьетъ плохо, къ тому же лѣнива, любитъ поспать, поѣжиться... ну, и до лакомага кусочка охотница, и чайку лишній разъ выпить не прочь...

— Однако, на три, на четыре рубля разнѣжнись не очень, замѣтилъ Свободинъ.

— А Николай-то на что? Онъ ей почитай все жалованье отдаетъ. Врѣзавшись по-уни: спать и видѣть повѣнчаться съ ней, да она-то на законный бракъ не больно зарится.

— Отчего же?

— «Что, говорить, за неволя замужъ идти? Теперь онъ меня содержать въ холѣ, всѣ деньги отдаетъ—живу себѣ барыней; а попробуй, выдь за него, и упечетъ, пожалуй, въ горничныя, а въ прачки, да меня же станеть обирать! Ты, говорить, любезный, разбогатѣй допрежь всего, а тамъ я за тебя и замужъ пойду!» Дѣйствительно, сударь, прибавила съѣмщица въ видѣ поученія, она не безъ резонта говорить: въ нашемъ сословіи, мужъ не токма женѣ помочъ—самъ наровитъ станеть послѣднее... вотъ что-съ! Опять же...

— Давно она съѣхала отъ васъ? перебилъ Свободинъ.

— Послѣ Ниволы на другой день.

— Чтѣ ей вздумалось? Квартирка у васъ недурная... вы, кажется, женщина добрая, привѣтливая?

— Ну вотъ подите! Все жила какъ слѣдованно, всѣмъ была довольна... вдругъ вздурилась: стало и холодно, и утарно, и тѣсно—всѣ причуды въ одну секунду поднялись! Утромъ полетѣла отыскивать квартиру... къ вечеру, глядь, собирается моя дѣвка: «Съѣзжаю, говорить, прощайте!» Вотъ тебѣ здравствуй! И наняла-то недалеко, у портного; онъ производствомъ занимается, а жена, не плошъ меня, жильцовъ пускаетъ, нахлѣбниковъ держитъ, закладами пробавляется... И чтѣ ей тамъ полюбилося, скажите на милость? «Комната, говорить, особенная... и больше, и лучше... небель новѣе...», а у меня чѣмъ небель плоха? И кроватка подъ красное дерево... и комодецъ, и стульчики... чего еще надо? У самой вѣдь окромя постели, сундучишка да самовара, нѣтъ ни зерна: изъ чего бы форсить-то? Не понимаю, откуда прыть взялась! Развѣ кто подъ веселую руку подвернулся — денегъ далъ... разбогатѣла? повершила Матрена Семеновна, значительно взглянувъ на Свободина.

— Ну! для того, чтобъ имѣть квартиру на два, на три рубля въ мѣсяцъ дороже, замѣтилъ тотъ, денегъ большихъ не нужно!

— Нѣтъ, сударь, позвольте: въ нашемъ быту два-три рубля въ мѣсяцъ—разсчетъ! Опять же ея шубка да кашемировый платокъ очень сумлительны: кабы не завелись деньжонки, не изъ чего бы ей такъ франтить—воля ваша! Здѣсь полтора года жила, не выработала шубки шерстяной, а тутъ, Богъ-вѣсть откуда, появилась атласная, съ мѣховымъ воротникомъ! И платокъ такой хорошій; знать, не изъ дешевыхъ. Я-таки поглядѣла на нее...

— Гдѣ-жъ вы ее видѣли? когда? спросилъ Свободинъ.

— Да вчерась. Зашелъ ко мнѣ утромъ кумъ: человекъ онъ нужный, не угостить нельзя. Поставила я самоваръ, да и побѣжала въ питейное; выхожу оттуда... глядь, жилищка моя Рамса Григорьевна плыветъ... и не кланяется! Ну, молъ, коли ты не кланяешься, такъ и отъ меня поклона не жди: я сама не хуже! съ достоинствомъ произнесла Матрена Семеновна.

— Не подарилъ ли шубку-то ей кто изъ родныхъ?

— Помилуйте-съ! У ней окромя тетки, кривой Анисьи, родныхъ ни души. Тетка сама за два съ четвертью у купца Тряпкина въ черныхъ кухаркахъ спину гнетъ: гдѣ ей такіе подарки дарить! Вонъ Ниволаю на именины чашку принесла, такъ и то крахѣла, да охала!

— А... значить, шестого Николай былъ именинникъ?

— Какъ же... цѣлый день здѣсь пировать. Ранса-то и пироги пекла, и судака заливала... здѣсь онъ и обѣдалъ. Насилу ужъ въ десяти часамъ распрощался съ своей краей!

— Никуда онъ не уходилъ?

— Кажись, нигуда...

— Припомните, Матрена Семеновна, хорошенько: полно не уходилъ ли?

— Позвольте... позвольте... глубокомысленно соображала та, подпиравъ щеку рукой. А вѣдь уходилъ-съ! вдругъ воскликнула она. И очень мнѣ это въ память: пообѣдала я съ ними... ну, покалякали, выпили по рюмочкѣ, по другой, нельзя именинника не поздравить... потомъ, проводили Раксину тетеу, легла и соснуть маленько. Легла, да и проспала, знать, часу до шестого... встаю—совсѣмъ темнехонько! Батюшки... время самоваръ наставлять! Только въ сѣни-то вышла углей насыпать, глядь—Николай въ шинели, въ картузѣ. Куда же, молъ, Николай Кузьмичъ, отъ чаю бѣжите? Я, говорить, маленько прогуляться хочу—скоро вернусь. Ну, покуда я провозилась... покуда што... часъ времени прошелъ и не замѣтили. А тутъ онъ вернулся... у Раксы-то ужъ самоваръ вскипѣлъ...

— Что-жъ дальше? нетерпѣливо перебилъ Сергѣй Андреичъ.

— Да ничего особеннаго. Только памятно мнѣ, что ни съ того, ни съ сего заперлись они въ каморку и прошушували цѣлый вечеръ, а ужъ объ чемъ—доложить вамъ не умѣю: не слыхала. Вотъ на утро-то и всѣлилась Ранса съѣзжать. И за чѣмъ понадобилась другая квартира, и что такую за благодать у портного нашла—до сей поры не понимаю! Народу въ домѣ тьма-тьмуца... мастеровщина... безобразники... чего не видала? Ужъ если вы, сударь, поладите съ ней сурьезно, продолжала Матрена Семеновна, перевозите ее ко мнѣ—по душѣ вамъ советую! У меня жильцы хорошіе, у меня тихо, скромно; ни избаловаться, ни повѣсничать ей не съ кѣмъ... глупостей никакихъ я не допущу... сохрани царица небесная! Пуще чѣмъ за родной дочерью присмотрю!

— Непремѣнно, непременно... даже за комнату вамъ набавлю! весело пообщать Свободинѣ. Я сейчасъ же и отправлюсь къ ней... можно? какъ вы думаете?

— Отчего же не можно: смѣлость города беретъ! Къ тому же Николай вамъ не помѣха... Только вы, сударь, за дѣло все-таки возьмитесь поаккуратнѣе: онъ хоня на видъ и плюгавый, а пресильнѣющій! Онова Федькѣ-бапмачнику совсѣмъ было глазъ

высадить... не подѣзжай, дескать, къ моему королю! Такъ вы прежде сторонкой поразвѣдайте, не у нея ли Николай... дворнику что-ль тамъ гривенничекъ дайте... онъ васъ и упередитъ. Нельзя, батюшка, при такой ocasiи, безъ опаски дѣйствовать... береженаго, сами знаете, и Богъ бережетъ!

— Дѣло понятное! Растолкуйте же мнѣ, Матрена Семеновна, гдѣ живетъ Ранса?

— Близехонько: какъ теперь выдете изъ воротъ на-право, все и поднимайтесь къ верху, къ большой улицѣ-то. Дойдете до угла—на углу колбасная, а супротивъ колбасной, черезъ дорогу, переулокъ. Войдете въ этотъ самый переулокъ, на правой рукѣ второй домъ... забыла, какъ прозывается... да все равно—вы найдете: второй отъ угла... внизу лавочка... надъ воротами ножницы...

— Понялъ — благодарю! прервалъ Свободинъ, взявшись за шапку. Прощайте, Матрена Семеновна—скоро увидимся!

— Оченно, оченно буду рада! ликовала довольная съѣмщица, провожая гостя. Дай вамъ Господи успѣха и всякаго благополучія! кричала она ему вслѣдъ. Перевозите ко мнѣ... ужъ будете довольны... ужъ соблюду!...

По выходѣ отъ съѣмщицы, Сергѣй Андреичъ нашелъ на улицѣ дожидавшихся его поручика и двухъ свидѣтелей, нетерпѣливо постукивавшихъ ного-объ-ногу.

— Вы насъ совсѣмъ заморозили! сказалъ недовольный Петръ Иванычъ.

— Да-съ, ваше благородіе, подтвердилъ одинъ изъ свидѣтелей; инда сердце выпецмело!

— Хотя бы чайкомъ пообогрѣться! присовокупилъ другой.

— А что, Сергѣй Андреичъ? вопросительно осклабился поручикъ, въ воображеніи котораго заманчиво мелькнулъ трактиръ: эхъ, хорошо бы пропустить «маленькую», да закусить пирожкомъ съ груздями!

— Нѣтъ, господа—не время! сказалъ Свободинъ. Надо кончить дѣло, а тамъ отправляйтесь куда угодно — задерживать не стану. Дѣвушка-то вѣдь отсюда съѣхала! обратился онъ къ поручику.

— Такъ изъ чего же мы здѣсь мерзли? изумился тотъ. Стало быть, всѣ ваши розыски...

— Ненапрасны! весело закончилъ Сергѣй Андреичъ. Я узналъ болѣе, чѣмъ ожидалъ. Пойдемте, господа! тутъ недалеко: вонъ только подняться вверхъ, да улицу перейти.

«А!.. чтобъ тебя волки съѣли и съ дѣвухой!» подумалъ Петръ Иванычъ, шагая за Свободинымъ.

— Какъ же такъ, ваше благородіе! заговорилъ-было первый свидѣтель; у меня въ лавкѣ-то махонькій парнишка одинъ...

Свободинъ, не слушая его, быстро шель по переулку, на углу котораго дѣйствительно оказался большой каменный домъ, съ фасадомъ на улицу. Внизу, надъ колбасной, била прямо въ глаза синія вывѣска съ иголки, невольно обращающая на себя вниманіе маленькою оригинальноію: по обѣимъ сторонамъ рельефо выдавались двѣ свиньи, мастерски вызолоченныя головы, между которыми отчетливо блестѣла надпись: «Братья Ивановы»... Перешедши черезъ улицу, Свободинъ сейчасъ же замѣтилъ каменный облупившійся домъ. Внизу мелочная лавочка, надъ воротами вывѣска портного, съ законическою надписью: «Гавриловъ и принимаетъ заказы».

— Вотъ мы и пришли! сказалъ онъ. Дѣвунка живетъ у портного.

— Знаю я этого портного, замѣтилъ Петръ Иванычъ; работалъ онъ прежде на меня, да больно нефасонисто шьетъ—пересталъ отдавать.

— Хотя свѣдѣнія мои болѣе чѣмъ удовлетворительны, продолжалъ Свободинъ, не обращая вниманія на заявленіе поручика, но все-таки, чтобы какъ-нибудь не промахнуться, надо мнѣ непременно переговорить съ бѣлошвейкой глазъ-на-глазъ. Значитъ, вы здѣсь меня пообождите, и пожалуйста никуда не отлучайтесь.

— Эхма! сокрушался первый свидѣтель; шибко ужъ мы перезабл...

— Опять же стоять на одномъ мѣстѣ — смерть! добавилъ другой.

— А не зайти ли намъ къ Гаврилову, Сергѣй Андренчъ? спросилъ поручикъ. Скажу: давальцевъ привелъ; станемъ сукно выбирать, торговаться... И обогрѣмся, и подъ рукой будемъ.

— Пожалуй, согласился Свободинъ; только повремените — дайте мнѣ уйти.

— Хорошо. Мы постоимъ здѣсь минутъ десятокъ, а вы пока розыщите кого слѣдуетъ.

IX.

Р а и с а.

Свободинъ вошелъ въ калитку и прямо, въ глубинѣ двора, надъ деревяннымъ флигелемъ, увидалъ повтореніе знакомой выгѣски въ миниатюрѣ. На крыльцѣ, живо напомнившемъ ему крыльцо Матрены Семеновны, около обмерзлой кадучки возилась какая-то баба въ стеганомъ шугаѣ, въ сапогахъ.

— Гдѣ живетъ бѣлошвейка Раиса Григорьевна? спросилъ онъ ее.

— Вонъ..., указала баба въ сѣни. Въ прихожую-то войдете — первая дверь налѣво.

— Спасибо, матушка! поблагодарилъ Свободинъ. Онъ отворилъ дверь, обитую клеенкой, и изъ грязной передней вошелъ прямо въ свѣтлую, довольно большую комнату, съ постелью подъ пестрымъ ситцевымъ одѣяломъ, съ незатѣйливой омеблировкой извѣстнаго склада. На столѣ во весь опоръ кипѣлъ нечищенный самоваръ и стояла налитая чашка. Тутъ же красовались калачи, связка филиповскихъ баранокъ, фунтовая баночка съ малиновымъ вареньемъ, икра, семга, непчатой лимонъ, а наклонясь къ окну, распаковывала какой-то свертокъ обитательница комнаты, бѣлошвейка Раиса.

— Что вамъ угодно? спросила она, быстро повернувшись къ незнакомому посѣтителю.

Раиса была высокая, статная дѣвушка. Круглое, румяное лицо дышало избыткомъ здоровья, черные глаза съ какой-то подзадоривающей поволокой, смотрѣли больше чѣмъ смѣло; крупныя, алія губы рѣзко выдавались впередъ и только крошечный лобъ, несмотря на взбитые, зачесанные кверху волосы, значительно портилъ общую пикантность фізіономіи. Во всей фигурѣ Раисы проглядывало что-то избалованное, лѣнивое, являвшее скорѣе «бѣлоручку», нежели труженицу, привыкшую гнуть спину надъ работой.

— Что вамъ угодно? повторила она, слегка прищурившись на Свободина.

— Вѣ Раиса Григорьевна, бѣлошвейка? вѣжливо спросилъ тотъ.

— Да... я шью бѣлье...

— И очень хорошо, какъ я слышала! Мнѣ-бы хотѣлось

заказать вамъ дюжину тонкихъ сорочекъ... полотно готово — доставлю: хоть сегодня.

— Н-ѣтъ-съ..., какъ-то нерѣшительно отвѣтила она, не могу; я и такъ спѣшной работой забралась... некогда!

Раиса замѣтно грѣшила противъ буквы р, на что указывала Матрена Семеновна, но этотъ недостатокъ не только не портить ея рѣчи, но даже придавалъ ей нѣкоторую пріятность.

Свободинѣ мимолетнымъ взглядомъ окинулъ комнату: ни обрѣзовъ, ни малѣйшихъ швейныхъ принадлежностей, ни даже обыкновеннаго «киричика» для прикалыванія — ничего нигдѣ не оказалось.

«Лжетъ! подумать онъ. Да и при спѣшной работѣ некогда вполнѣн разсуживать за самоваромъ».

— Очень жаль! сокрушительно проговорилъ онъ вслухъ. А я-было такъ надѣялся на васъ... полотно не дешевое... отдашь, Богъ знаетъ, въ какія руки... къ тому же я человѣкъ заѣзжій... Москвы почти не знаю... Ужъ если сами не беретесь, порекомендуйте по крайней мѣрѣ кого-нибудь изъ знакомыхъ: премного бы одолжили!

— Нѣтъ у меня знакомыхъ бѣловшеекъ! рѣзко проговорила Раиса, искоса поглядывавшая на Свободина.

— А все-таки, продолжалъ тотъ, вамъ отыскать-бы ихъ легче, нежели мнѣ... сдѣлайте одолженіе!

— Изъ чего вы взяли? заносчиво перебила Раиса, видимо недовольная навязчивостію непрощеннаго давальца. Стану я бѣгать, розыскивать бѣловшеекъ—вотъ новости! Ноги-то, чай, у самихъ некупленные. И она ухарски кивнула головой.

— Не сердитесь... я васъ обидѣть не желалъ, но какъ заѣзжій.... Однако, неожиданно прибавилъ онъ, снимая шубу, позвольте пообогрѣться! Я издалека... прозябъ...

— Здѣсь не трактиръ! вспыхнула хозяйка на безцеремонность гостя. Да и некогда съ вами проклажаться: мнѣ время со двора идти.

— Я васъ задерживать и не намѣренъ... но позвольте же немного обогрѣться! Я вамъ не помѣшаю.

Раиса нехотя сѣла за самоваръ и почему-то сконфузилась отъ упорно-пристальныхъ взглядовъ гостя.

— Скажите, Раиса Григорьевна, что въ Москвѣ обыкновенно платится за сорочку? спросилъ Свободинъ.

— Цѣны разныя, отвѣтила та сквозь зубы.

— Однако... приблизительно? Вотъ хоть вы, напримѣръ, сколько берете?

— Три рубля! рѣзко отвѣтила хозяйка, желая отвязаться отъ разспросовъ надоѣдливаго гостя.

— Э... какъ дорого! У насъ такъ девять гривенъ, много рубль — красная цѣна! Правда, что наши бѣлошвейки и живутъ иначе, прибавилъ онъ, обводя глазами лежавшіе на столѣ припасы. Въ домѣ иной разъ куса чернаго хлѣба нѣтъ, а вы часъ-то вотъ кушаете съ калачиками, съ бараночками, съ вареньемъ... вонъ у васъ и игра, и семга... совсѣмъ другое дѣло.

Ранса досадливо двинула стуломъ.

— Какъ здѣсь свѣтло, тепло, привольно! продолжалъ тотъ, расхаживая по комнатѣ. Славная квартирка! думаю, не дешево изволите платить? О! да вы и щеголиха! Ишь какая шубка — атласная, съ мѣховымъ воротникомъ... поадрывляю! И Сергѣй Андреичъ, распахнувъ полы висѣвшей около кровати шубки, принялся ею любоваться. Добраго дали?

Ранса не выдержала и быстро вскочила съ мѣста.

— Чтѣ вы все разглядываете, да рассматриваете! вспыхнула она, почти оттолкнувъ Свободина. Что за левизоръ таковой! Сказано, сорочки шить не берусь... ну, и ступайте — не проѣдайтесь! Запелъ себѣ какъ въ харчевню... шнырять по всѣмъ угламъ... чтѣ, въ самомъ дѣлѣ, за срамъ таковой!

— Ну вотъ опять разсердились! отвѣтить, будто обидѣвшись, Свободинъ. Велика бѣда, что человѣкъ полюбопытствовалъ узнать, чтѣ стоитъ шубка!

— Бѣда не бѣда, а нечего тутъ разспрашивать: чтѣ-бы ни стояла — не ваше дѣло! Ничего вотъ не стоитъ! задорилась Ранса; мнѣ ее подарили... тѣтенька подарила...

— Тѣтенька? усмѣхнулся онъ. Ужъ не кривая ли Анисья, чтѣ у купца Тряпкина въ кухаркахъ за два съ четвертью живетъ? Озадаченная Ранса примѣтно смутилась.

— Почему вы знаете? несовсѣмъ твердымъ голосомъ спросила она.

— Мало ли чтѣ я знаю! вѣско произнесъ Свободинъ, убѣжденный, что нить темнаго дѣла была въ его рукахъ.

Предварительный разговоръ съ Матреной Семеновной, жившая увертки Рансы, ея смущеніе, внезапная перемена квартиры, чай со всевозможными закусками, щегольская шубка — все доказывало ему, что деньги Бусыгина украдены Николаемъ и отданы Рансѣ: теперь въ ея признаніи вся сила!

«Хорошо, что я не тронулъ нѣмца! подумалъ Свободинъ. Хотя онъ и мастеръ отпирать чужіе секретеры, однако въ этомъ дѣлѣ пожалуй ни при чемъ!»

— Кто васъ прислалъ ко мнѣ? спросила Раиса, стараясь придать вопросу тонъ безпечности.

— Ни-во-лай! разстановисто проговорилъ Свободинъ.

При этомъ неожиданномъ отвѣтѣ Раиса вздрогнула: предчувствіе чего-то недобраго мгновенно охватило ее.

— Какой Николай? Я не знаю никакого Николая! отшпиралась она.

— Тотъ самый, что служить въ номерахъ госпожи Штрундъ!

— Что такая за госпожа Штрундъ? И госпожи Штрундъ не знаю, и никакихъ номеровъ не знаю... ничего... ничего я не знаю!

— Полноте, Раиса Григорьевна, какъ не знать! Не сами ли собирались за него замужъ? только вѣдь и ждали, пока разбогатѣтъ! Ну, Николай теперь разбогатѣлъ... свадьбу, значить, откладывать нечего... Жаль, что придется сыграть ее не всласть: на владимірской дорожкѣ!

Свободинъ умышленно озадачилъ поблѣднѣвшую Раису.

— На владимірской дорожкѣ! машинально повторила она, и опустила руки.

— Да, ужъ не прогнѣвайтесь: вашъ будущій сожителъ обвиненъ въ кражѣ четырехсотъ рублей и арестованъ!

— Неправда! воскликнула растерявшаяся Раиса. Арестованъ учитель Успенскій, а не онъ!

— Э!.. да вѣдь вы не знаете Николая, не бываєте въ номерахъ госпожи Штрундъ—откуда же эта вѣсть дошла до васъ?

Раиса вспыхнула и спохватилась, что попала въ западню.

— Что вы за допросчикъ? накинулась она на Свободина. Какое право имѣете приставать къ незнакомой дѣвушкѣ? Кликну воть хозяина... турнетъ—своихъ не узнаете! Придетъ всякой, да безобразничать начнетъ — много будетъ! Что вамъ надо? что вы за человекъ? кипятилась она, подступая къ Свободину.

— Я судебный слѣдователь! серьезно сказалъ онъ, взглянувъ ей прямо въ глаза. Скажу слово — и сію же минуту полицейскій чиновникъ сдѣлаетъ здѣсь обыскъ: берегитесь, если найдутся деньги!

Эта неожиданная угроза, этотъ глубокій, насевовъ прохватывающій взглядъ, мигомъ усмирили Раису.

— Знайте, продолжалъ Сергѣй Андреевъ, что укрыватель чужой собственности подвергается одинаковому наказанію съ виновнымъ.—Предрѣшивъ, что Раису ни религіей, ни долгомъ чести, ни горячимъ словомъ не проймешь, онъ, какъ опытный наблюдатель, принялся развертывать передъ ней мрачную перспективу тюремнаго заключенія со всей его тяжелой обстановкой. Налетая

на матеріальныя лишенія, онъ зналъ, что для такой личности, какъ Раиса, были они страшнѣе всякой нравственной пытки, невыносимѣе всѣхъ угрызений совѣсти.

— Лучше сознайтесь чистосердечно, заключилъ онъ; судъ возьметъ во вниманіе ваше раскаяніе и уменьшитъ степень наказанія: даже совѣсть, быть можетъ, оправдаетъ.

Расчетъ Свободина оказался вѣренъ: слова его сильно подействовали на Раису и она совѣсть ужъ-было замахнулась въ чемъ-то повиниться... Вдругъ по влажнымъ губамъ ея скользнула дерзкая усмѣшка, что-то вызывающее, удалое блеснуло въ глазахъ.

— Никакихъ денегъ я не крада, твердо проговорила она; ни отъ кого ничего краденаго не принимала, а не вѣрите—дѣлайте обыскъ! И, постукивая каблуками, Раиса отошла къ столу.

«Откуда взялась такая прыть? подумалъ Свободинъ, посмотрѣвъ ей вслѣдъ. Вѣрно, надѣется — деньги припрятаны далеко, не найду?» — Такъ вы утверждаете, что краденыхъ денегъ у васъ нѣтъ, что вы ни въ чемъ невиноваты? обратился онъ къ ней.

— Ни въ чемъ невиновата! рѣзко подтвердила она.

— Зачѣмъ же солгали, что незнакомы съ Николаемъ?

— Еще бы не солгать! иронически усмѣхнулась Раиса. Какая честная дѣвушка станетъ рассказывать встрѣчному и поперечному, что у нея есть любовники!

«Ого! подумалъ опять Свободинъ, да она смѣтливѣе, чѣмъ я предполагалъ: за-словомъ въ карманъ не ходитъ!» — Прекрасно-съ! добавилъ онъ вслухъ; но, вѣдь, найдутся или не найдутся у васъ деньги — ареста вамъ все-таки не миновать.

— Эка важность арестъ; арестуйте! Подержите - подержите, да и выпустите — дѣло извѣстное!

— Ну, это мы еще увидимъ!

— Увидимъ! насмѣшливо заключила Раиса.

Свободинъ распахнулъ дверь въ сѣни, гдѣ уже дожидались его обогрѣвшіеся свидѣтели и поручикъ, присутствіе которыхъ начинало производить нѣкотораго рода волненіе между обитателями флигеля.

— Пожалуйте, господа! проговорилъ Сергѣй Андреевъ. Надо произвести обыскъ!

При появленіи новыхъ лицъ, Раиса будто вздрогнула и поблѣдѣла, что не укрылось отъ вниманія судебного слѣдователя.

— Съ чего прикажете начать? спросилъ развернувшійся поручикъ, сбросивъ шинель.

— Погодите, Петръ Ивановичъ... погодите... дайте пообдумать,

чтобы времени не тратить понапрасну. «Гдѣ у нея деньги? принялся соображать Свободинъ. Стѣны штукатуренныя, бѣленныя... полъ новый: ни одной щели... стулья плетенные... Въ сундукъ? Нѣтъ, въ сундукѣ побоятся держать такую сумму, если не изъ опасенія обыска, то изъ страха — кто-бъ не забрался: народу въ домѣ много. Диванъ хозяйскій — могутъ переставить въ другое мѣсто. Подушки очень жидки... на-виду. Вѣроятно же всего въ матрацѣ—дѣло бывало!» порывшись Свободинъ, бывшій на счастье, не разъ помогавшее ему въ крайнихъ случаяхъ.

— Надо прежде всего осмотрѣть постель, проговорилъ онъ вслухъ.

Ранса всполошилась....

— Сейчасъ-съ! рванулся одинъ изъ свидѣтелей, желая подслужиться. Онъ живо сбросилъ подушки, сдернулъ одеяло и, съ помощію подоспѣвашаго товарища, стащилъ полосатый тибетовый матрацъ.

Свободинъ нагнулся къ матрацу и принялся внимательно осматривать его со всѣхъ сторонъ.

— Такъ и есть! вдругъ радостно воскликнулъ онъ, приподнявъ лѣвый край. Смотрите... зашто!

— Дѣйствительно! изумился Петръ Ивановичъ, присѣвъ на корточки. И зашто-то какъ замѣтно — бѣлыми нитками... на-скоро... Сейчасъ подпору-съ! И онъ кинулся отыскивать ножницы.

— Пойдите... погодите! вскрикнула Ранса. Я сама... сама отдамъ!...

Схвативъ со стола ножикъ, блѣдая, взволнованная, подбѣжала она къ Свободину и остановилась передъ нимъ.

— Вы говорили, что судъ прощаетъ, оправдываетъ за добровольное признаніе? порывисто прошептала она.

— Если не оправдываетъ, то значительно смягчаетъ мѣру наказанія—это вѣрно.

— Такъ деньги у меня... винюсь!..

Петръ Ивановичъ и свидѣтели въ недоумѣніи смотрѣли на все происходившее у нихъ передъ глазами. Ранса быстро подпоролъ уголъ матраца, и засунувъ руку по-ломотъ, вынула что-то завернутое въ синюю сахарную бумагу, перевязанную крестъ-на-крестъ бичовкой.

— Эка дѣвка-плутъ! подивился Петръ Ивановичъ, относясь къ свидѣтелямъ. Видитъ, кривая не вывезла — дай, моль, повинюсь!

— Ну, ужъ и онъ дока! замѣтилъ свидѣтель, кивнувъ на слѣдователя.

Свободинъ сдвинулъ битовку и вынуть изъ плотно улежавшейся бумаги знакомый намъ пакетъ съ крупной надписью: «Милостивому Государю Егору Егоровичу Бусыгину, отъ Трофима Григорьевъ Меркулова, со вложеніемъ четырехъ-сотъ рублей серебромъ». Въ пакетъ не доставало ровно пятидесяти.

— Эхъ вѣдь дала какого маха! подивился первый свидѣтель. Краденныя деньги оставила въ томъ же самомъ пакетъ—вотъ ты и поди! Ужъ именно, гдѣ грѣху-то быть, тутъ и затѣніе найдеть!

— Да вѣдь пакетъ въ этомъ дѣлѣ ни при чемъ! порѣшилъ Петръ Ивановичъ. Денежки отыскались—значить, сказывай откуда ихъ взяла: не бѣлошвейнымъ же мастерствомъ наработала четырехъ-ста рублей!

— Батюшка! ваше благородіе! заголосила вдругъ Раиса. Не погубите... сама вѣдь руками отдала... сдѣлайте божескую милость! Невиновата, ей-богу, невиновата... грѣхъ попутать... Николай облестилъ, окаянный! словно чѣмъ одурманилъ... я дѣвушка молодая, неопытная... не знала, что деньги краденныя... почему мнѣ знать! И Раиса со слезами бухнулась слѣдователю въ ноги.

— Встаньте, полноте плакать! уговаривалъ Сергій Андреевъ, добившійся, наконецъ, желаннаго результата. — Ну вотъ, Петръ Ивановичъ, усмѣхнулся онъ, обращаясь къ поручику, вы все на Успенскаго-то зубы грызли? а?

— Каюсъ смиренно повинился тотъ. Опростоволосился! Молодецъ вы, Сергій Андреевъ—одно слово! Не намъ, грѣшнымъ, чета!

Свидѣтели съ подобострастіемъ взглянули на слѣдователя и знаменательно перемигнулись.

По составленіи акта, расплаканная Раиса вышла въ сѣни подъ конвоемъ Петра Ивановича, Свободина и двухъ свидѣтелей. Сѣни были биткомъ набиты всевозможными личностями: хозяйка, подслушивавшая у дверей, разблаговѣстила по всему дому, что новая жилища воровка, что полиція нашла у нея въ тюфякѣ три тысячи, что ее везутъ въ острогъ, оттуда въ дальній монастырь на покаяніе, и тому подобные варианты. Свидѣтели отправились прямо въ трактиръ, поручикъ повезъ Раису въ частный домъ, а Свободинъ, взявъ перваго попавшагося извозчика, полетѣлъ съ радостнымъ извѣстіемъ къ Успенскому, и съ сильно возбужденнымъ чувствомъ любопытства, какъ и когда украдены деньги Николаемъ, въ признаніи котораго онъ почти не сомнѣвался.

Вѣсть объ освобожденіи Успенскаго, о его непривосновенности въ кражѣ, неожиданный арестъ Николая, его признаніе— все это, какъ бомба, упало въ меблированные комнаты мадамъ Штрундъ. Разговорамъ, изумленіямъ, толкамъ не было конца. Защитники Андрея Николаича торжествовали, обвинители сильно сконфузились, а самъ герой происшествія, Егоръ Егорычъ Бусыгинъ, положительно былъ уничтоженъ. Прогрессистъ-майоръ отворачивался отъ него, какъ отъ зачумленного, Амалия Ивановна, ея квартиранты—и защитники, и обвинители, всѣ безъ исключенія, вдругъ отдалились отъ него. Жизнь въ номерахъ мадамъ Штрундъ сдѣлалась ему крайне неприятна, и въ ожиданіи окончательнаго расчета съ Меркуловымъ, перебрался онъ въ какія-то «chambres garnies», на Лубянку. За то Успенскій былъ встрѣченъ съ полнѣйшимъ триумфомъ! Блѣдный, похудѣвшій, какъ будто еще недоувѣрявшій своему освобожденію, машинально пожималъ онъ протягивавшіяся въ нему руки и почти задыхался отъ волненія. Мысль, что въ этомъ самомъ домѣ, эти самые люди такъ еще недавно клеймили его названіемъ вора, сжимала ему сердце, леденела кровь. Успенскій ихъ не обвинялъ, не имѣлъ права обвинять: всѣ обстоятельства кражи слишкомъ несчастливо сложились противъ него; не будь Свободина, не будь Наташи, этихъ двухъ свѣтлыхъ существъ, къ которымъ онъ чувствовалъ какую-то безпредѣльную, нескончаемую благодарность, вся его будущность погибла бы навсегда! Несмотря на всеобщее вниманіе и ласку, ему было какъ-то неловко, тяжело у Амалии Ивановны Штрундъ. Расплатившись съ нею, онъ скоро уѣхалъ въ Клинъ: надо же было отвезти сестрѣ деньги! При воспоминаніи, чего стоилъ этотъ свадебный подарокъ, Успенскій вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и впадалъ въ безотчетное раздумье.

Узнавъ, что деньги Бусыгина нашлись у Раисы, что она арестована, Николай откровенно сознался въ преступленіи и рассказалъ безъ утайки все, какъ было.

Когда, въ Николинъ день, Меркуловскій приказчикъ отдалъ Бусыгину четыреста рублей, Николай, убиравшій спальню, невольно позавидовалъ помѣщику-счастливцу. «Ишь-ты, подумалъ онъ, задатокъ—четыреста рублей! Ну, за что? Мужики и сѣли, и пахали, и работали до упаду, а онъ продалъ готовенькое, да знай ломить деньгу! И вѣдь, гляди, прокурдонить такъ... по пустякамъ! Вонъ въ театръ собирается... въ маскарадь... шубку ишь кому-то посулилъ... Эхъ, кабы такія денежки достались мнѣ, какъ бы я свою Раису снарядилъ! — Сначала сыграли бы свадьбу... отъ нѣмки бы отошелъ... открыли бы благошвейное и

зажгли бы своимъ домкомъ!» Мечты Николая все становились радужнѣе, все ярче... обольстительный образъ Райсы съ своимъ роскошнымъ, упругимъ станомъ, съ своими сладострастными глазами, дразнилъ, распалялъ его воображеніе... мысль о присвоеніи денегъ сильнѣе и сильнѣе окватывала всѣ помыслы!—Онъ зналъ, что Бусыгинъ уѣдетъ на именины, возвратится около восьми часовъ, переодѣнется и отправится въ театръ. Квартиранты, по обыкновенію, разойдутся: дѣло праздничное... деньги въ столѣ... а ключъ отъ комода подходитъ къ столу!.. Обстоятельство это было ему давно извѣстно, но до настоящей минуты онъ никогда не злоупотреблялъ случайнымъ открытіемъ: и въ голову не приходило попользоваться иногда мелочью, которую, по всѣмъ вѣроятіямъ, не пересчитывалъ Бусыгинъ. Все яснѣе, все обаятельнѣе чудилось ему, будто знакомый, любимый голосъ шепчетъ надъ самымъ ухомъ: «Возьми... возьми — замужъ пойду!» Но какъ взять? какимъ образомъ? Этотъ вопросъ неотступно мучилъ Николая! Уйти, воротиться, взять деньги и опять уйти? невозможно: или хозяйка, или Настасья непременно увидятъ, спросятъ — зачѣмъ вернулся? Откроется пропажа—подозрѣніе падетъ прямо на него: возвращался, дескать, домой, входилъ въ номеръ... Время все шло, да шло, а Николай ни на что еще не рѣшился, ничего еще не придумалъ! «Знать, не судьба владѣть чужими деньгами!» грустно заключилъ онъ, затворяя форточку... Вдругъ, будто озаренный какимъ-то свѣтомъ, остановился—и замеръ!.. Окно большое, форточка во все стекло, между сосѣднимъ брандмауеромъ и домомъ узкое пространство, куда никто и не заглядываетъ даже днемъ; не замыкать форточку, пролѣзть въ нее когда стемнѣетъ—вотъ планъ, мгновенно сложившійся въ головѣ Николая, который онъ и порѣшилъ привести въ исполненіе. — Возвратившись отъ Райсы, онъ осторожно прокрался къ окну спальни. Было уже совсѣмъ темно; шелъ мелкій, частый снѣгъ — тѣмъ лучше: замечать слѣды. Легонько стукнулъ онъ въ окно, опасаясь, не вернулся ли Бусыгинъ, не прилегъ ли... стукнулъ посильнѣе... еще посильнѣе — нѣтъ, все тихо, темно... Егоръ Егорычъ еще не пріѣзжалъ! Николай сбросилъ шинель, калоши и вскарабкался на подоконникъ... Въ виски ему било будто молотомъ, сердце ёкало отъ страха и волненія, въ глазахъ мутилось... но онъ скоро превозмогъ себя и мысль о Райсѣ смѣнила укоризны встревоженной совѣсти. Тихо, осторожно распахнулъ онъ форточку, влѣзъ къ Бусыгину, обтеревъ ноги полою сюртука, чтобы не наслѣдить, и черезъ нѣсколько минутъ, тою же дорогою спустился на подо-

конникъ, тщательно притворилъ форточку, и благополучно спрыгнулъ прямо на снѣгъ обладателемъ четырехъ-сотъ рублей!..

Вернувшись къ десяти часамъ домой и узнавъ, что подозрѣнiе въ кражѣ, въ виду уже извѣстныхъ читателю обстоятельствъ, заведено Бусыгиннымъ на Успенскаго, Николай еще далеко не успокоился духомъ: мысли его тревожно сосредоточивались на незапертой форточкѣ. Разсердившійся Бусыгинъ увесъ ключъ отъ номера съ собою, значить, нѣтъ никакой возможности зайти бы то ни было войти къ нему. А что, если во крѣпадѣ, вдумавшись онъ самъ отворить ее? Отъ этого предположенiя лихорадочная дрожь пробѣгала по всему тѣлу Николая и неотступный страхъ мучилъ его! Но когда возвратившійся Бусыгинъ остановился съ кѣмъ-то въ корридорѣ, и отдавъ Николаю ключъ, велѣлъ попорочитье слать постель, тотъ отъ радости едва устоялъ на ногахъ! Онъ отперъ дверь, вошелъ въ комнату и прежде всего, въ потмахъ, бросился заперать форточку... потомъ зажегъ свѣчу, осмотрѣлъ полъ: слѣдовъ не видно... все въ порядкѣ... онъ перекрестился и вздохнулъ свободно!

Потерявъ Николай голову, не спохватясь замкнуть форточку, Сергѣй Андреичъ, осматривавшій ее съ такимъ вниманiемъ, видѣвшій, что влѣзть въ нее снаружи весьма удобно, непремѣнно бы остановился на этомъ обстоятельствѣ; но удостовѣренiя Бусыгина, что форточка была закрыта и крѣпко замкнута, разбивали всѣ его соображенiя. Что, если бы онъ обрадовался только тѣмъ уликами, которыя такъ неотразимо возставали противъ Успенскаго?

Е. В. Л.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

у

АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА

Разсказы и воспоминанія.

I.

Гамбургъ.—Способы переѣзда въ Америку.—Schiffs-kontrakt.—Переѣздъ до Лита.—Поискъ агента въ Литѣ.—Переѣздъ въ Глазго.—Ожиданіе отъѣзда.—Служба о жизни въ Америкѣ.—Пароходъ «Каледонія». — Мистеръ Андерсенъ, переводчикъ и агентъ эмиграціонной комиссіи.—Причины и цѣль моей поѣздки въ Америку.—Пассажиры «Каледонія». — Разсказы объ Америкѣ.—Похороны на кораблѣ.—Конецъ плаванія и берега Нового Сѣвта.—Формальности при высадкѣ на берегъ переселенцевъ.—Гостиница «Золотой Левъ» въ Нью-Йоркѣ.—Справка въ русское консульствѣ.—Прогулка по Нью-Йорку.—Конныя желѣзныя дороги.—Бетте и сельки.—Приключеніе съ Якобсомъ.—Отъѣздъ въ Чикаго.—Мои спутники.—Ѣзда съ эмигрантскимъ поѣздомъ.—Видъ мѣстности у желѣзной дороги.

...Берлинскій поѣздъ пришелъ въ Гамбургъ въ 5 часовъ утра. Въ вокзалѣ не было ни одного динстмана, потому я обратился къ первому встрѣтившемуся мнѣ господину съ просьбою объяснить, какъ добраться до «Эльснеръ-отеля», гдѣ жальцо останавливаться. Случай натолкнулъ меня на одного изъ тѣхъ содержателей меблированныхъ комнатъ, которые ожидаютъ прихода поѣздовъ и стараются заманить въ себѣ пріѣзжающихъ. Понятно, что герръ Бунъ, какъ назвалъ себя господинъ, къ которому я обратился, старался всѣми силами доказать, что въ больиныхъ отеляхъ остановка обходится очень дорого и путешественникъ далеко не

можетъ пользоваться тѣми удобствами, какія доставятъ герръ Кунъ и его супруга, содержащая весь домъ въ образцовой чистотѣ, умѣющая готовить такія вкусныя блюда, что если кто разъ попробовалъ остановиться у нихъ, то уже въ другой прїѣздъ, ни за что не остановится въ другомъ мѣстѣ. Я согласился отправиться въ герру Куну, отчасти потому, что было какъ-то неловко на отрѣзъ отказаться и оставить безъ вниманія его краснорѣчіе, — а говорилъ онъ очень ужъ краснорѣчиво и много, — отчасти потому, что намѣревался остаться въ Гамбургѣ только время нужное для полученія билета на переѣздъ въ Америку. А не все ли равно, гдѣ остановиться на эти нѣсколько часовъ. Герръ Кунъ взялъ мой мѣшокъ и повелъ меня къ себѣ, болтая безъ умолку всю дорогу.

Услыхавъ, что я собираюсь ѣхать въ Америку, онъ сообщилъ мнѣ, что состоитъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ агентомъ комиссіи, занимающейся перевозкой эмигрантовъ въ Америку и что беретъ устроить мой отъѣздъ, такъ что мнѣ не придется ни о чемъ хлопотать и беспокоиться. Черезъ полчаса ходьбы по узкимъ улицамъ стараго города герръ Кунъ привелъ меня къ себѣ, указавъ мнѣ комнату, сдать на попеченіе своей жены, пожилой, еще болѣе словоохотливой, чѣмъ ея мужъ, и отправился хлопотать, по его словамъ, о моемъ отъѣздѣ.

Отведенная мнѣ комната, равно какъ и вся квартира герра Куна, дѣйствительно отличалась необыкновеннымъ порядкомъ и чистотой. Поданный мнѣ завтракъ и кофе также вполне оправдали слова хозяина, которымъ, признаться, я не вполне довѣрялъ въ вокзалѣ. Дѣйствительно за ту цѣну, за которую мы сговорились, т.-е. одинъ прусскій талеръ въ сутки за квартиру и кушанье, врядъ ли можно бы было имѣть въ отелѣ такое помѣщеніе и столъ. Часовъ въ 10 утра герръ Кунъ вошелъ ко мнѣ въ комнату съ какимъ-то другимъ господиномъ, котораго отрекомендовалъ какъ одного изъ агентовъ, служащихъ при комиссіи для перевозки эмигрантовъ въ Америку. Агентъ объяснилъ мнѣ, что гамбургскій пароходъ только вчера отправился въ Нью-Йоркъ. А такъ какъ пароходы изъ Гамбурга отходятъ въ Америку только одинъ разъ въ недѣлю, то мнѣ приходилось прождать шесть дней до слѣдующаго парохода или ѣхать черезъ Англію, какъ отправляются очень многіе эмигранты и куда отходитъ пароходъ сегодня же въ 2 часа. Дорога черезъ Англію стоить то же самое, что прямо изъ Гамбурга, придется только проѣхать лишнихъ два или три дня. Эта потеря времени впрочемъ вознаграждается тѣмъ, что можно хоть мелькомъ взглянуть

на Англію, не потерявъ на это лишнихъ денегъ. Отъ агента узналъ я также, что прежде эмигранты подвергались разнаго рода надувательствамъ, что побудило устроить особое учрежденіе подъ именемъ эмиграціонной комиссіи, которая заботится о томъ, чтобы гарантировать эмигрантовъ отъ всякаго рода мошенничества и притѣсненій. Компанія, занимающаяся перевозкой эмигрантовъ, находится подъ контролемъ этой комиссіи и гарантируетъ правильность своихъ дѣйствій залогомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ. Компанія обязана содержать агентовъ, оказывающихъ содѣйствіе эмигрантамъ, какъ при отправкѣ ихъ изъ Европы, такъ и во время дороги до Нью-Йорка, гдѣ послѣдніе поступаютъ подъ покровительство тамошней эмиграціонной комиссіи. Безъ этого покровительства, говорилъ мнѣ агентъ, эмигрантамъ было бы очень плохо, въ особенности въ Америкѣ, гдѣ всякій только и думаетъ, какъ бы попользоваться на счетъ ближняго. Стоимость переезда съ содержаніемъ слѣдующая: каюта 1-го класса 120 прусскихъ талеровъ, каюта 2-го класса 72 и междупалубное пространство или 3-й классъ 50 талеровъ. Пассажиры 2-го и 3-го классовъ обязаны имѣть свой тюфякъ, одеяло и подушку, такъ какъ имъ отводится только пустая койка на пароходѣ; также свою посуду для купанья и умыванья. Эмигрантовъ, переселяемыхъ черезъ Англію, компанія за ту же плату доставляетъ въ одинъ изъ восточныхъ портовъ на пароходѣ, откуда по желѣзной дорогѣ въ ближайшій западный портъ, гдѣ передаетъ на пароходъ, отправляющійся въ Америку. Эмигранты, отправляющіеся сегодня, должны ѣхать въ Литъ, куда идетъ пароходъ. Особый агентъ долженъ встрѣтить ихъ у пристани и доставить по желѣзной дорогѣ въ Глазго, гдѣ придется подождать день или два отхода парохода въ особой, нарочно устроенной для эмигрантовъ гостинницѣ, гдѣ за содержаніе эмигрантовъ платитъ комиссія.

Я нашелъ болѣе удобнымъ отправиться въ тотъ же день черезъ Англію и хотѣлъ взять билетъ въ междупалубномъ пространствѣ, такъ какъ стоимость переезда въ немъ болѣе всего соотвѣтствовала моимъ, довольно скуднымъ, денежнымъ средствамъ. Но агентъ и герръ Кунъ отсовѣтовали мнѣ это, увѣряя, что безъ привычки къ морскому путешествію мнѣ будетъ слишкомъ трудно переносить неудобства переезда въ третьемъ классѣ, приходящіеся часто не подъ силу даже привычнымъ къ разнымъ лишениямъ черноработнымъ. Я рѣшился ѣхать во второй каютѣ. Агентъ посмотрѣлъ мой паспортъ, выписалъ имя и просилъ прийти въ 12 часовъ въ контору компаніи, гдѣ уплатить деньги, и получи

билетъ или какъ его зовутъ *Schiffs-kontrakt*. Въ конторѣ, уплативъ 6 талеровъ, я могу получить постель и жестяную посуду. Также могу размѣнить деньги на американскія и сдать кладь, которую было бы неудобно таскать съ собою, а лучше получить по приѣздѣ въ Америку. Время до 12-ти часовъ онъ совѣтовалъ употребить на то, чтобы купить себѣ фланелевое бѣлье, безъ котораго въ морѣ легко простудиться, туфли, сигары, морсу для питья во время морской болѣзни и пр.

Герръ Кунъ вызвался проводить меня и помочь закупить что нужно. Въ 12 часовъ, заплативъ деньги въ конторѣ, я получилъ свой шифъ-контрактъ, въ которомъ было прописано, какое количество съѣстныхъ припасовъ я буду получать въ видѣ изготовленныхъ мяса, картофеля, крупы и хлѣба; что кромѣ содержанія компанія обязуется дать мнѣ помѣщеніе, гдѣ на каждаго пассажира приходилось бы не менѣе 10-ти кубическихъ футовъ воздуха. Въ случаѣ несчастія съ пароходомъ, на которомъ я поѣду, доставить меня все-таки на мѣсто назначенія, т.-е. въ Нью-Йоркъ, причемъ всѣ издержки за эту доставку падаютъ на комиссію. На случай болѣзни на пароходѣ подается помощъ безвозмездно докторомъ, нарочно для этого имѣющимся на пароходѣ. Жалобы на невыполненіе обязательствъ комиссіи приносятся германскому консулу въ Нью-Йоркѣ. Было также прописано, что за уплаченные мною 6 талеровъ, сверхъ денегъ за переѣздъ, я имѣю получить на пароходѣ нужную посуду и постель. Кассиръ опять предложилъ мнѣ размѣнить деньги и сдать багажъ, но это я нашелъ лишнимъ, такъ какъ деньги были у меня въ англійскихъ фунтахъ, а багажъ весь заключался въ двухъ дорожныхъ ящикахъ, которые не могли мнѣ сдѣлать большого затрудненія. Когда будетъ время отправляться на пароходъ, за мною долженъ былъ зайти тотъ же агентъ, который былъ у меня утромъ. Дѣйствительно, въ половинѣ второго зашелъ агентъ и я, расплатившись съ герромъ Куномъ, оставшимся очень довольнымъ, что я далъ ему 2 талера за хлопоты, отправился на пароходъ. Дорогой агентъ сказалъ мнѣ, что на пароходѣ, на которомъ я поѣду до Лита, нѣтъ второго класса и что мнѣ придется ѣхать или въ междупалубномъ пространствѣ или въ первой каютѣ, если я захочу заплатить за столъ, что составитъ полъ-англійскаго фунта за два дня переѣзда. Я предпочелъ послѣднее. Тогда онъ передалъ мнѣ заранѣе приготовленный билетъ 1-го класса.

Пароходъ не былъ еще нагруженъ, почему, вмѣсто двухъ часовъ, мы ушли только въ шесть. Передъ отъѣздомъ полицейскіе чиновники весьма тщательно осмотрѣли паспорта всѣхъ пас-

сажировъ. Между пассажирами подозрительныхъ лицъ не оказалось; чиновники сошли съ парохода и, по знаку капитана, мы двинулись внизъ по Эльбѣ. Двухъ-суточное плаваніе до Лита было очень удачно. Море было совершенно спокойно, только на второй день къ вечеру поднялось небольшое волненіе, причинившее морскую болѣзнь нѣкоторымъ пассажирамъ. На меня качка не произвела никакого впечатлѣнія. Пассажиры въ первой каютѣ были англичане, нѣкоторые изъ нихъ говорили хорошо по-нѣмецки и по-французски. Это было большое счастье для меня, не знавшаго ни слова по-англійски. Въ разговорахъ съ умными, любезными спутниками незамѣтно прошло время. На третій день показались красивые берега Англии, и пароходъ, пройдя между скалистыми островами, изъ которыхъ иные имѣли совершенно бѣлый цвѣтъ отъ множества сидѣвшихъ на нихъ птицъ, остановился противъ гавани Лита. По причинѣ отлива въ гавань войти было нельзя. Маленькій рѣчной пароходикъ подвезъ къ намъ таможенныхъ чиновниковъ, осмотрѣвшихъ довольно поверхностно чемоданы, заботясь только, чтобы въ нихъ не было значительнаго количества спиртныхъ напитковъ и табаку. Тотъ же рѣчной пароходъ забралъ насъ всѣхъ, пассажировъ, съ нашимъ багажемъ и высадилъ на набережную, гдѣ пассажиры тотчасъ разошлись. Напрасно я искалъ глазами агента, долженствовавшего встрѣтить меня здѣсь и отправить въ Глазго. На всемъ протяжении набережной я не видалъ ничего похожаго на агентство или контору. Вдоль всего берега тянулись какія-то заборчечныя, кирпичныя зданія, безъ всякой вывѣски или надписи, вѣроятно, склады товаровъ. По набережной изрѣдка проходили какія-то личности въ испачканныхъ рабочихъ курткахъ, вовсе непохожіе на агентовъ. Неподалеку отъ меня стоялъ нѣмецъ, по имени Якобъ. Онъ также ѣхалъ въ Америку, куда сопровождалъ трехъ женщинъ, своихъ землячекъ. Они всѣ четверо ѣхали изъ Гамбурга въ междупалубномъ помѣщеніи, такъ что я почти передъ самымъ пріѣздомъ въ Литъ сошелся съ Якобомъ на палубѣ и узналъ, что мы съ нимъ попутчики. Стоя около нѣсколькихъ сундуковъ, на которыхъ сидѣли его спутницы, онъ оглядывался, ища, подобно мнѣ, агента и былъ видимо еще въ большомъ недоумѣніи, чѣмъ я. Я подошелъ къ нему и спросилъ, что намѣренъ онъ теперь дѣлать. «Не знаю, отвѣчалъ онъ, взяли деньги за проѣздъ до Америки, дали какой-то контрактъ, сказали, что агенты будутъ вездѣ встрѣчать насъ и отправлять куда слѣдуетъ, а теперь высадили сюда на берегъ, въ городъ, гдѣ никто ни одного слова не понимаетъ по-нѣмецки, такъ что, пожалуй,

не только агента, да и мѣста; гдѣ переметывать, не отыщешь». Однако, печаловаться было бесполезно, надо было что-нибудь предпринять, чтобы въ самомъ дѣлѣ не остаться до ночи на набережной, въ ожиданіи агента, который, пожалуй, и вовсе не придетъ. Я предложилъ устроиться такъ: оставить сундуки и мои вещи подъ надзоромъ женщины, намъ съ Якобсомъ идти и поисвать, не найдется ли кто-нибудь, кто бы могъ намъ указать, если не агента, то, по-крайней-мѣрѣ, гостиницу, гдѣ бы сколько-нибудь понимали по-нѣмецки или по-французски. Встрѣтить кого-нибудь понимающаго по-русски я, разумѣется, не надѣялся.

Женщины сильно запротестовали, противъ того, чтобы остаться одними, безъ покровителя, даже заплакали отъ страха; однако, Якобсъ кое-какъ ихъ успокоилъ и мы отправились на поиски. Неподалеку отъ насъ стоялъ какой-то рабочій, опершись о каменный столбъ набережной и глядѣлъ въ воду. Мы обратились къ нему съ начала на нѣмецкомъ, потомъ на французскомъ языкѣ, съ просьбою вывести насъ изъ затруднительнаго положенія. Англичанинъ выслушалъ, что мы ему говорили, подумалъ съ минуту, процѣдилъ по-англійски «не понимаю» и принялся опять смотрѣть въ воду. Отправились дальше. На встрѣчу попался какой-то господинъ въ пальто и цилиндрѣ. Онъ также терпѣливо выслушалъ насъ, сказалъ свое «не понимаю», повернулся спиной и пошелъ дальше. Двери въ нѣкоторые амбары были не заперты и внутри видѣлись люди. Вошли въ одинъ изъ нихъ и опять обратились на двухъ извѣстныхъ намъ языкахъ къ господину, писавшему что-то, стоя у конторки. То же терпѣливое выслушиваніе и физіономія, какъ будто человекъ понимаетъ, что ему говорятъ, и въ концѣ концовъ то же «не понимаю». Вооружившись терпѣніемъ, мы останавливали всѣхъ встрѣчныхъ, заходили во всѣ отворенные пакгаузы, рассчитывая, что вѣдь есть же тутъ, въ гавани такого большого города, кто-нибудь понимающій хоть нѣсколько словъ по-нѣмецки или по-французски. Дѣйствительно, отошедши довольно далеко, въ одномъ изъ пакгаузовъ, едва мы заговорили, какъ къ намъ подскачилъ человекъ небольшого роста и спросилъ насъ, не эмигранты ли мы. Этотъ человекъ оказался агентомъ компаніи, переправляющимъ эмигрантовъ съ пристани на желѣзную дорогу. Онъ не ожидалъ, что пароходъ придетъ такъ рано и счелъ лишнимъ оставлять свою работу и идти на пристань. Узнавъ, что мы дѣйствительно эмигранты, онъ быстро зашагалъ по направленію, противоположному тому откуда мы пришли, приглашая насъ слѣдовать за собою и поспѣшить, чтобы не опоздать на поѣздъ желѣзной дороги. Насилью успѣли

мы растояковать ему, что мы не одни и что другіе эмигранты ждут нашего возвращенія у вещей на пристани. Тогда онъ сказалъ, чтобы мы шли назадъ, на пристань, а самъ забѣжавъ въ пакгаузъ, скоро догналъ насъ, сидя въ двухколесной телегѣ, запряженной лошадию такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какихъ мнѣ никогда не случалось видѣть. Сундуки и мѣшки были скоро введены на этотъ кабриолетъ, размѣрами и вѣрностью вполнѣ соответствующій впряженному въ него животному, и черезъ часъ мы сидѣли уже въ отдѣленіи вагона, запертые на ключъ и неслись, то по тоннелямъ, то надъ городами, съ быстротою, о которой трудно составить понятіе по ѣздѣ на желѣзныхъ дорогахъ континента. Въ теченіи четырехъ часовъ, отъ Лита до Глазго, насъ продержали подъ ключемъ и ни разу не дали выйти на станціяхъ, на которыхъ остановки были чрезвычайно коротки. Въ Глазго встрѣтилъ насъ агентъ тоже въ костюмѣ рабочаго. Онъ подозвалъ двухъ другихъ рабочихъ, и съ ихъ помощью взваливъ наши вещи на ручную тележку, повезъ изъ вокзала, приглашая насъ слѣдовать за собою. Слѣдомъ за нихъ, мы пришли въ гостиницу Митчеля, устроенную для эмигрантовъ въ Уоркстритъ. Здѣсь ждалъ насъ обильный ужинъ и очень встати, такъ какъ мы съ завтрака на пароходѣ, т.-е. съ 9-ти часовъ утра, ничего не ѣли, а было уже около девяти часовъ вечера. Агентъ, давъ насъ хозяйкѣ, предложилъ намъ взять съ тележки тѣ вещи, которыя могутъ намъ понадобиться въ эти дни и повезъ остальные въ пакгаузъ, гдѣ онѣ должны были храниться до нашего отправленія въ Америку. Какъ хозяйка, такъ и никто изъ прислуги не говорилъ ни слова по-нѣмецки, такъ что мы не могли узнать ничего на счетъ времени нашего отправленія, а если встрѣчалась въ чемъ-нибудь надобность, то приходилось объясняться знаками, что причиняло часто презабавныя недоразумѣнія. На другой день, не зная, когда намъ придется ѣхать и ожидая каждую минуту, что за нами придетъ агентъ, мы просидѣли цѣлый день въ гостинницѣ. Къ вечеру прибыло изъ Гамбурга еще 8 человѣкъ эмигрантовъ-нѣмцевъ; изъ нихъ нѣкоторые говорили по-англійски. Черезъ нихъ мы узнали, что пароходъ пойдетъ въ Нью-Йоркъ еще черезъ пять дней, которые намъ придется провести въ гостинницѣ. Отъ нечего дѣлать, все это время, казавшееся ужасно длиннымъ, ходили осматривать городъ. Я купилъ англійскій самоучитель, чтобы выучить хотя самыя употребительныя слова и выраженія.

Дня черезъ три въ нашей гостинницѣ появился какой-то старикъ, только-что вернувшійся изъ Америки, гдѣ онъ пробылъ

лѣтъ 20. Неутѣшительныя вещи рассказывалъ онъ намъ про страну, въ которую мы ѣхали. И жить-то тамъ дорого, и работать-то трудно. Заработная плата хоть кажется и велика, а не хватаетъ на содержаніе. Мошенниковъ тамъ странное множество, чуть ли не всѣ поголовно. Убіиства и грабежи безпрестанные. Работу достать трудно, а нѣтъ работы—приходится умирать съ голоду. Хотя я составилъ себѣ понятіе о жизни въ Америкѣ совершенно противоположное рассказамъ старика, которыми не слишкомъ-то вѣрилъ, однако эти рассказы произвели на меня непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нѣмцевъ былъ уже разъ въ Америкѣ, куда онъ ѣдетъ во второй разъ, поддѣкивалъ рассказамъ старика, увѣряя, что ему бѣда какъ трудно было первое время по пріѣздѣ въ Америку и что товарищи его, пріѣхавшіе туда съ нимъ, почти всѣ погибли, не будучи въ состояніи вынести трудности новой жизни.

Наконецъ, шесть дней томительнаго ожиданія, проведенные въ гостинницѣ Митчеля, пришли къ концу. Въ теченіи этихъ шести дней постоянно прибывали новыя партіи эмигрантовъ изъ Германіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи, такъ что въ послѣдніе дни набралось человѣкъ до 200 и въ гостинницѣ стало тѣсно. Въ среду утромъ въ гостинницу пришелъ агентъ эмиграціонной коммисіи, опросилъ насъ, довольны ли мы содержаніемъ, выкликая по списку осмотрѣлъ наши контракты, выдалъ билеты и просилъ не отлучаться далеко, такъ какъ часовъ въ 12, онъ зайдетъ за нами, чтобы отвезти на пароходъ «Каледонія», отходящій въ два часа изъ Глазго въ Нью-Йоркъ. Дѣйствительно въ 12 часовъ, послѣ вторичной переклички, насъ толпою повели къ пристани и сдали на пароходъ. Въ два часа, при прощальныхъ крикахъ толпы народа, собравшейся на берегу, «Каледонія» отчалила отъ пристани и при помощи небольшого буесирнаго парохода, такъ какъ фарватеръ очень узокъ, пошла внизъ по рѣкѣ, къ проливу св. Георгія. На другой день, часа въ 4 утра, мы зашли въ Коркъ, гдѣ число пассажировъ увеличилось партіей ирландцевъ, чело-
вѣкъ въ 150, и пройдя мимо живописныхъ скалистыхъ береговъ Ирландіи, къ вечеру вышли въ открытый океанъ. Для перевозки изъ Европы въ Америку эмигрантовъ, ѣдущихъ огромными массами, устроилось нѣсколько компаній, имѣющихъ по нѣскольку паровыхъ судовъ большихъ размѣровъ и специально выстроенныхъ для перевозки эмигрантовъ. На континентѣ имѣются такія компаніи въ Штетинѣ, Гамбургѣ, Бременѣ и Гаврѣ. Но суда этихъ компаній не могутъ перевозить всего числа эмигрантовъ съ континента, почему континентальныя компаніи входятъ въ соглаше-

ніе съ болѣе богатыми и обладающими большимъ числомъ перевозочныхъ судовъ американскими и англійскими компаніями. Суда этихъ компаній совершаютъ правильные рейсы преимущественно между Нью-Йоркомъ въ Америкѣ, и Ливерпулемъ и Глазго въ Англіи.

«Каледонія», на которой ѣхалъ я, есть одинъ изъ шестнадцати паровыхъ судовъ компаніи Anchore Line, совершающихъ рейсы между Нью-Йоркомъ и Глазго. По «Каледоніи» можно судить и о всѣхъ судахъ для перевозки эмигрантовъ, такъ какъ по своему устройству и размѣрамъ они отличаются другъ отъ друга очень мало и подчиняются правиламъ, установленнымъ эмиграціонными комиссіями.

«Каледонія» — большой винтовой пароходъ, снабженный тремя мачтами, такъ что, кромѣ пара, можетъ идти подъ парусами. Онъ имѣетъ три палубы, изъ которыхъ двѣ нижнія сплошныя, отъ борта до борта, а верхняя, кромѣ задней части и небольшого пространства у носа, гдѣ она тоже сплошная, занимаетъ только середину парохода, оставляя по обѣ стороны часть второй палубы открытою, въ видѣ двухъ корридоровъ. Машина помѣщается въ срединѣ парохода и раздѣляетъ его на двѣ части, переднюю и заднюю. Между первой и второй палубой, въ задней части помѣщаются капитанская каюта, каюта пассажировъ перваго класса и каюты старшихъ офицеровъ. Въ передней части — каюты младшихъ офицеровъ, кухня, каюта пассажировъ второго класса, лазаретъ, и въ носовой части — помѣщеніе для матросовъ. Все пространство между второй и третьей палубой, кромѣ мѣста занимаемаго машиной и кладовой въ носовой части, составляетъ помѣщеніе пассажировъ третьяго класса или междупалубнаго пространства. Каюта перваго класса состоитъ изъ большой общей залы посрединѣ и небольшихъ спальныхъ каютъ, на четыре человѣка каждая. Отдѣлана и обмѣблирована она не только хорошо и комфортабельно, но даже роскошно.

Вторая каюта далеко уступаетъ первой. Не имѣетъ общей залы, не было и помину о коврахъ, мягкихъ диванахъ, столахъ и другихъ принадлежностяхъ комфорта. Койки изъ дерева, окрашеннаго масляною краскою, лѣпились у стѣнъ въ два яруса, какъ нары въ русскихъ избахъ, только не сплошь, а раздѣлялись стѣнками, образуя помѣщеніе для каждаго пассажира. Всякую мебель замѣняли деревянныя скамейки, служившія и стульями и столами во время обѣда. Но такъ какъ публика во второй каютѣ была попомятнѣе пассажировъ 3-го класса и на каждаго приходилось большее пространство, наконецъ, такъ какъ вторая

каюта помѣщалась между верхнею, несплошною и 2-ю палубами, что значительно облегчало вентиляцію, то и казалась расѣмъ сравнительно съ междупалубнымъ пространствомъ.

Въ междупалубномъ пространствѣ, очень худо освѣщаемомъ маленькими круглыми окошками почти надъ самымъ уровнемъ моря, такъ что здѣсь царствовалъ постоянный полумракъ. По сторонамъ довольно широкаго прохода устроены изъ грубо сложенныхъ досокъ отдѣленія, похожія на стойла. Въ этихъ отдѣленіяхъ нераздѣленные ничѣмъ нары въ два яруса, на которыхъ помѣщались въ перемежку мужчины, женщины и дѣти, съчетомъ по 24 человѣка взрослыхъ въ каждомъ отдѣленіи. Несмотря на холщевые мѣшки, идущіе изъ междупалубнаго пространства на верхнюю палубу и служащіе для образованія постоянного сквозного вѣтра для очищенія атмосферы, несмотря на частое куренье уксусомъ и заботы корабельной прислуги о содержаніи отдѣленія въ чистотѣ, воздухъ былъ ужасно спертъ. Кромѣ особаго запаха, присущаго кораблю, неопрятные, скученные пассажиры не мало способствовали порчѣ воздуха, особенно во время качки, когда подвергались морской болѣзни. Мнѣ кажется, что чистоплотные нѣмцы, страдавшіе этою болѣзнію больше другихъ, заболѣвали не столько отъ качки, сколько отъ вони и нечистоты, распространяемой ирландцами.

Я отъ души благодарилъ герра Куна и агента, отсѣловавшихъ мнѣ ѣхать въ междупалубномъ помѣщеніи.

Послѣ первыхъ двухъ дней, довольно бурныхъ, какъ намъ казалось, вѣтеръ стихъ и жизнь на пароходѣ пришла въ нормальный порядокъ. Я могъ приглядѣться къ моимъ спутникамъ и познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Въ первомъ классѣ ѣхали только трое пассажировъ-англичанъ. Во второй каютѣ человѣкъ 12 мужчинъ и 7 женщинъ. Вторая каюта, помѣщавшаяся на второй палубѣ, раздѣлялась на двѣ половины, изъ которыхъ каждая, представляя собою что-то въ родѣ корридора, заключала 40 коекъ, расположенныхъ по двѣ, одна надъ другою, вдоль стѣнъ.

Правая половина каюты предназначалась для женщинъ, лѣвая для мужчинъ. Такъ какъ пассажировъ было всего 12, то намъ было очень просторно и мы могли, не громоздясь другъ надъ другомъ, размѣститься довольно удобно и не стѣсняя никого, имѣть при себѣ свои вещи. Переводчикъ, онъ же и агентъ эмиграціонной комиссіи, помѣстился недалеко отъ меня, что было очень пріятно, такъ какъ при его посредствѣ я могъ говорить съ моими сосѣдами, англичанами, не говорившими ни на какомъ языкѣ, кромѣ англійскаго.

Переводчикъ, онъ же и агентъ, родомъ изъ Норвегіи, зимой служить матросомъ на купеческихъ корабляхъ, а лѣтомъ, когда ѣдетъ болѣе всего эмигрантовъ, пользуясь своимъ знаніемъ шведскаго, англійскаго, французскаго, итальянскаго и испанскаго языковъ, служить агентомъ и переводчикомъ при эмиграціонной комиссіи, причемъ, разумѣется, получаетъ несравненно большее вознагражденіе, чѣмъ въ качествѣ матроса. До сихъ поръ онъ былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, но въ этомъ году одно обстоятельство сильно смущаетъ его. До нынѣшняго года переселенцы изъ Германіи рѣдко направлялись на Лить и Глазго, а ѣхали черезъ Гуль и Ливерпуль. Теперь же, вслѣдствіе значительно усилившейся эмиграціи изъ Германіи, почти ни одинъ пароходъ не уходитъ изъ Глазго въ Нью-Йоркъ, не имѣя на борту партіи нѣмецкихъ эмигрантовъ.

Г. Андерсенъ, какъ зовутъ переводчика на «Каледоніи», не знаетъ нѣмецкаго языка, и увѣряетъ, что несмотря на свои старанія, не можетъ его выучить, приписывая это какъ трудности языка, такъ и тому, что въ его годы (ему за пятьдесятъ), память сильно измѣняется. При усиленіи нѣмецкой эмиграціи, ему придется потерять пожалуй прибыльное мѣсто, что будетъ, пожалуй, большая потеря для эмигрантовъ не-нѣмецкихъ, потому что врядъ ли найдется таковой добросовѣстный, внимательный и предупредительный агентъ, какъ г. Андерсенъ. Покамѣстъ онъ старается пополнять свой недостатокъ знанія нѣмецкаго языка тѣмъ, что отыскиваетъ между пассажирами людей, говорящихъ по-нѣмецки, чрезъ которыхъ и объясняется съ нѣмцами. Мое знаніе нѣмецкаго и французскаго языковъ дало мнѣ возможность часто помогать г. Андерсену и тѣмъ, хотя сколько-нибудь, отблагодарить его за расположеніе и предупредительность ко мнѣ.

Пассажиры второй каюты—англичане и ирландцы, ѣхавшіе, по большей части, не въ первый разъ въ Нью-Йоркъ по дѣламъ. Это все люди порядочные, обладающіе изряднымъ запасомъ разнообразныхъ свѣдѣній, насколько можно судить о людяхъ, проживая съ ними двѣ недѣли въ каютѣ и разговаривая не иначе, какъ съ помощію переводчика.

Якобы съ своими спутниками помѣщался въ междупалубномъ пространствѣ. Я часто ходилъ къ нему и могъ отчасти приглядѣться къ эмигрантамъ, ѣдущимъ, подобно мнѣ, искать счастья за моремъ и расположенныхъ въ тѣсныхъ, грязныхъ отдѣленіяхъ по 24 человекъ въ каждомъ, безъ различія пола и возраста.

Чтобы сдѣлать понятнымъ живой интересъ, съ какимъ я

старался сблизиться съ пассажирами междупалубнаго пространства, да и вообще, чтобы сдѣлать удобопонятнымъ мой дальнѣйшій рассказъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о цѣли моей поѣздки и о причинахъ, принудившихъ меня ѣхать въ Америку.

Получивъ образованіе въ одномъ изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ, я хотѣлъ примѣнить приобрѣтенныя знанія къ сельскому хозяйству и отправился въ наслѣдственное имѣніе. Это было въ 1862 году, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, когда, вслѣдствіе новыхъ условий, прежній порядокъ веденія хозяйства оказался непримѣнимымъ и усилія лучшихъ хозяевъ были направлены на выработку новаго метода хозяйства, болѣе-сообразнаго съ новыми условіями. Вооруженный теоретическими и техническими свѣдѣніями, я считалъ себя поставленнымъ болѣе выгодно, чѣмъ другіе хозяева, получившіе по большей части классическое образованіе и успѣвшіе уже нѣсколько привыкнуть и сродниться съ приемами, существовавшими при крѣпостномъ правѣ. Но на первыхъ же порахъ оказалось, что мои свѣдѣнія, хотя могутъ принести большую помощь въ веденіи хозяйства, оказываются совершенно безсильными для преодоленія того сумбура понятій, предразсудковъ, искусственно составленныхъ неестественныхъ отношеній, массы затрудненій, являвшихся на каждомъ шагу, однимъ словомъ, противъ того безпорядка, въ которомъ находился тогда русскій сельско-хозяйственный міръ. Среди этого хаоса я не зналъ, какой избрать путь, и думалъ въ литературѣ найти что-нибудь, могущее помочь мнѣ составить ясный, опредѣленный планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Но тогдашняя литература еще не выработала ни одного идеальнаго дѣлового характера. Дѣловые люди являлись въ видѣ какихъ-то туманныхъ призраковъ, и литература не задавала себѣ такихъ вопросовъ, интересовавшихъ, впрочемъ, три-четверти народонаселенія, какъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, какой способъ обработки полей землевладѣльцевъ выгоднѣе какъ для нихъ, такъ и для крестьянъ, и какимъ путемъ могутъ быть вводимы въ простое крестьянское хозяйство усовершенствованные приемы. Чисто-техническія, сельско-хозяйственныя сочиненія занимались изученіемъ и описаніемъ методовъ хозяйства и разныхъ машинъ и орудій, выработавшихся въ западной Европѣ и примѣнимыхъ у насъ только въ весьма немногихъ случаяхъ и то съ разнаго рода измѣненіями. Сосѣди мои, хозяева, были еще въ болѣе затруднительномъ положеніи и самые благоразумные стали выжидать, заперли свои записки,

распродали инвентарь и заботились только о томъ, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ побольше наличныхъ денегъ, обращая въ нихъ все, что было возможно. Такой выжидательный методъ былъ мнѣ не по-сердцу, я хотѣлъ работать во что бы то ни стало и рѣшившись примѣнить, насколько возможно, научныя данныя и замѣнить ручную работу машинами, принялся за дѣло. По истеченіи девяти лѣтъ усиленнаго труда, для котораго я не щадилъ ничего, оказалось, что я не только не добился никакого путнаго результата, но прохозяйничалъ все мое довольно значительное состояніе, отъ котораго у меня осталось всего-на-все какихъ-нибудь пятьсотъ рублей. Всматриваясь въ мою прошлую дѣятельность, я видѣлъ, что особенныхъ глупостей не дѣлалъ. Предпріятія, хорошо задуманныя и обстановленные, имѣвшія всѣ шансы на успѣхъ, не удавались вслѣдствіе самыхъ, повидимому, пустыхъ обстоятельствъ. То рабочіе разбѣгутся, забравъ деньги впередъ и оставивъ работу въ самое нужное время; то испортится машина и чинить ее надо везти въ Петербургъ, верстъ за четыреста; то выкупная ссуда, вошедшая въ бюджетъ расходовъ, путешествуетъ по разнымъ инстанціямъ, отъ мирового посредника до главнаго выкупного учрежденія, взадъ и впередъ, вмѣсто предполагаемыхъ двухъ, цѣлыхъ шесть лѣтъ; то веревки и шворни въ телѣгахъ исчезнутъ неизвѣстно куда и спѣшная работа стоитъ, пока телѣги не приведены въ порядокъ; то управляющій, воспользовавшись моею отлучкой, займется въ карты съ мельникомъ, забудетъ открыть, послѣ дождя, заставки во вновь строящейся мельницѣ — и плотину разнесетъ и размочетъ. Изъ сосѣдей моихъ большая часть давно побросала хозяйство и пристроились кто на государственную службу, кто къ желѣзнымъ дорогамъ. Въ двухъ-трехъ имѣніяхъ ведется образцовое хозяйство. Владѣльцы этихъ имѣній, обладая значительными капиталами, улучшаютъ хозяйства, которыя обѣщаютъ давать доходъ со временемъ, а покамѣстъ, кромѣ хлопотъ и расходовъ, не приносятъ ничего. Успѣшнѣе всего идетъ хозяйство у мелкихъ владѣльцевъ, особенно изъ крестьянъ, но по первобытнымъ приемамъ и способамъ обработки даютъ средства къ существованію — не болѣе. Важнѣйшую причину неудачнаго хода хозяйствъ я нахожу въ томъ обстоятельствѣ, что владѣльцы, понимая, какъ должна производиться работа, не умѣютъ показать сами, какъ ее сдѣлать, и въ отчужденіи, взаимномъ нерасположеніи, отчасти во враждебныхъ отношеніяхъ между владѣльцемъ и рабочимъ, также въ ощутительномъ недостаткѣ толковыхъ помощниковъ, способныхъ понять и приводить въ исполненіе предположенія хозяина. А та

кіе помощники могутъ образоваться при настоящихъ условіяхъ только изъ людей, прошедшихъ лично всѣ ступени хозяйственной іерархіи, отъ рабочаго и пастуха до распорядителя, умѣющаго работать всякую работу и вполне понимающаго нужды и интересы рабочаго. Такихъ личностей мало и образованію ихъ представляется много затрудненій по неразвитости и неграмотности рабочихъ.

Поставленному въ необходимость самому зарабатывать хлѣбъ, мнѣ оставалось или идти на службу, т.-е. признать за собою окончательную неспособность заниматься разъ начатымъ дѣломъ и забросить свѣдѣнія и опытность, приобретенныя девятилѣтнею работою и потерю дѣлаго состоянія, или выработать изъ себя хорошаго управляющаго имѣніемъ, пройдя лично всѣ работы и изучивъ каждую изъ нихъ. Пройти эту школу въ Россіи я считалъ не такъ полезнымъ, да и самолюбіе и барская спѣсь не позволяли этого. Потому я рѣшился отправиться въ Америку, гдѣ люди справляются съ большими затрудненіями и въ какіе-нибудь сто лѣтъ изъ дикой пустыни образовали первоклассное государство, единственно умѣющее работать. Въ Америкѣ я рассчитываю, начиная съ чернорабочаго, пройти по ступенямъ дѣловой іерархіи такъ высоко, какъ позволятъ мнѣ мои силы, и съ запасомъ практическихъ знаній, а, если Богъ поможетъ, и денегъ, возвратиться въ Россію и снова заняться сельскимъ хозяйствомъ. Насколько удастся мнѣ выполнить этотъ планъ или придется его измѣнить вовсе—покажетъ время и новыя условія въ совершенно незнакомой странѣ.

Мнѣ случалось читать много объ Америкѣ, но изъ всего прочитаннаго я могъ вынести то, что всякому желающему работать тамъ хорошо, что всякое дѣло идетъ тамъ такъ быстро и успѣшно, что если бы не были видны результаты американской дѣятельности, то было бы трудно повѣрить этому быстрому развитію. Но совершенно яснаго понятія о томъ, какъ живутъ и работаютъ люди въ Америкѣ, я составить себѣ не могъ. Въ прочитанныхъ сочиненіяхъ описываются весьма подробно результаты, до которыхъ достигли разныя отрасли общественной дѣятельности, но не выяснялись причины и способы, возбуждающіе и поддерживающіе эту живую дѣятельность. Съ частною жизнью американцевъ трудно было познакомиться, такъ какъ знакомиться приходилось по романамъ, сильно противорѣчащимъ одинъ другому.

Приведя свои свѣдѣнія объ Америкѣ въ нѣкоторую систему, я убѣдился, что почти ничего не знаю о странѣ, въ которую отправляюсь, почему рѣшился, не задаваясь впередъ никакими точ-

ными планами, всматриваться во все самому и, положившись на случай, стараться пользоваться имъ. Я знаю, что одна изъ причинъ быстрого возрастанія народонаселенія и благосостоянія въ Соединенныхъ Штатахъ есть сильный притокъ переселенцевъ изъ Европы. Эти переселенцы несутъ въ Америку какъ свою работу, такъ и запасъ знаній, отчасти даже капиталы, прибрѣтенные въ Европѣ.

Столезувшись на пароходѣ съ значительнымъ числомъ переселенцевъ, ѣдущихъ въ Америку, чтобы найти тамъ новое отечество, и съ людьми, которые уже бывали тамъ и должны быть знакомы съ условіями жизни въ Америкѣ, я хотѣлъ провѣрить и пополнить свой скудный запасъ свѣдѣній по этому предмету.

Сойдясь съ болѣею частью пассажировъ междупалубнаго пространства и спрашивая ихъ о томъ, что они намѣрены предпринять въ новой странѣ, я былъ чрезвычайно удивленъ, убѣдившись, что свѣдѣнія ихъ объ Америкѣ еще ничтожныѣе и менѣе ясны, чѣмъ мои. Очень немногіе имѣли родственниковъ и знакомыхъ въ разныхъ мѣстахъ Союза, которые, вызвавъ ихъ на переѣздъ изъ Европы, снабдили надлежащими наставленіями, какъ добраться до извѣстнаго мѣста. Затѣмъ всѣ свѣдѣнія этихъ господъ ограничивались тѣмъ, что въ Америкѣ лучше, чѣмъ въ Европѣ, что ихъ родственники, переселившіеся изъ Европы нѣсколько лѣтъ тому назадъ безъ гроша, пробѣдствовали сначала, успѣли составить себѣ порядочное состояніе и общаются имъ помочь устроиться несравненно лучше, чѣмъ въ Европѣ. Остальные эмигранты знали еще того менѣе. Они слышали, что въ Америкѣ очень легко разбогатѣть, и ѣдутъ туда, истративъ на проѣздъ почти всѣ свои деньги. Куда они ѣдутъ, зачѣмъ, даже о томъ, гдѣ находится обѣтованная страна Америка, они имѣли самыя туманныя свѣдѣнія. Всѣ они вполне были убѣждены, что стоить только разъ попасть туда, какъ уже съ неба посыплется всякая благодать, особенно въ видѣ золота, и счастливому переселенцу остается только трудъ подбирать это золото и расходовать его по своему вкусу. Меня поразили также грубость понятій, невѣжество и дикость болѣею части переселенцевъ, принадлежащихъ къ національностямъ, считающимся передовыми по образованію. Таковой узкости понятій и свѣдѣній мнѣ не случалось встрѣчать ни разу между русскими, даже бѣлорусскими мужиками, обвиняемыми въ полнѣйшей неразвитости. Нѣмцы и французы были грамотные, но, несмотря на это, кромѣ необходимыхъ для ихъ ремесла, положительно не имѣли никакихъ свѣдѣній ни по одной отрасли человѣческихъ знаній и не интересо-

вались ничѣмъ, что выходило за кругъ ихъ обыденныхъ занятій или прямо не касалось города или мѣстечка, гдѣ они родились. Ирландцы были еще невѣжественнѣе; почти всѣ безграмотные, они выросли въ испорченной атмосферѣ фабричныхъ городовъ и вынесли отсюда совершенную нравственную распущенность и неслыханные у насъ, въ Россіи, пороки.

Пассажиры второго класса принадлежали въ торговому словію, и какъ видно получили не обширное, но прочное образование. Вслѣдствіе дѣятельной жизни и частыхъ путешествій, они приобрѣли и усвоили себѣ много разнообразныхъ знаній. Они, видимо, гордились тѣмъ, что въ большей части американскихъ городовъ считаютъ себя какъ дома и охотно рассказывали о своемъ пребываніи тамъ. Но изъ этихъ рассказовъ опять-таки трудно было вывести что-нибудь опредѣленное. Такъ, одинъ постоянно рассказывалъ о различныхъ крупныхъ биржевыхъ спекуляціяхъ, сплошь и рядомъ встрѣчающихся въ Нью-Йоркѣ, отъ которыхъ бѣдняки, не отличающіеся даже особыми способностями, въ нѣсколько дней становились миллионерами. Однако, самъ онъ, такъ хорошо знакомый съ механизмомъ этихъ миллионныхъ оборотовъ, далеко не миллионеръ и довольствуется мѣстомъ клерка въ банковской конторѣ, въ Глазго, съ жалованьемъ 200 фунтовъ въ годъ. Другой рассказывалъ о западныхъ штатахъ, гдѣ простые рабочіе въ самое непродолжительное время приобретали земельную собственность и достигали благосостоянія. Третій имѣлъ огромный запасъ разныхъ страшныхъ исторій объ убійствахъ, грабежахъ и всякаго рода безчинствахъ, совершенныхъ безнаказанно въ республикѣ. Причиною этихъ безчинствъ онъ выставлялъ голодъ и безысходность положенія, въ которое становятся иногда американскіе работники. Рассказывали много о безобразіяхъ въ южныхъ штатахъ, о буйствахъ, насиліяхъ и плутняхъ на выборахъ. Всѣ, однако, соглашались въ томъ, что нигдѣ дѣла не идутъ такъ хорошо, какъ въ Америкѣ и что всякому переселенцу приходится очень плохо на первыхъ порахъ, гдѣ его окружаютъ всякаго рода махинаціями, для выманиванія денегъ, и гдѣ онъ рискуетъ быть даже убитымъ, если стумѣетъ не поддаться этимъ махинаціямъ. Признаюсь, я не могъ привести ничего въ систему изъ всѣхъ этихъ рассказовъ. Мои свѣдѣнія о бытѣ въ Америкѣ не подвинулись почти ни на шагъ. Убѣдился я только въ томъ, что по очень малому запасу денегъ, оставшихся у меня послѣ проѣзда, я, вѣроятно, не рискую понасть ни подъ какую мошенническую штуку.

Вмѣсто предполагаемыхъ 10-ти дней, «Каледонія» сдѣлала пе-

реѣдъ изъ Глазго въ Нью-Йоркъ въ 14 дней. Причиною этого замедленія было отсутствіе попутнаго вѣтра. Это промедленіе вполнѣ вознаграждалось тѣмъ, что вромѣ первыхъ двухъ дней и еще 7-го и 8-го, довольно бурныхъ, не было качки съ ея обыкновенными неприятыми послѣдствіями въ видѣ морской болѣзни. Хотя я самъ не подверженъ морской болѣзни, но сидѣть цѣлый день въ каютѣ, не смѣя выдти на палубу, гдѣ съ непривички трудно ходить не держась за что-нибудь и рискуешь быть облитымъ съ ногъ до головы плеснувшей черезъ бортъ волною,—страшная скука. Во второй каютѣ было мало больныхъ, но все-таки всѣ чувствовали какое-то томленіе, лежали въ своихъ койкахъ и неохотно вступали въ разговоры. Въ междупалубномъ пространствѣ, куда я заходилъ въ бурное время къ больному Якобсу, царствовалъ страшный беспорядокъ. Неряшливость ирландцевъ проявилась въ полной силѣ и надо было отворачиваться и дѣлать надъ собою усилія, проходя мимо нихъ, чтобы самому не сдѣлалось дурно. Капитанъ «Каледонія», нестарый еще человекъ, очень заботился о своихъ пассажирахъ: во время качки часто сходилъ къ нимъ, вмѣстѣ съ докторомъ, и старался ободрить больныхъ. Въ хорошую погоду онъ устраивалъ на палубѣ игры и подбивалъ на танцы, но такъ какъ за этимъ, все-таки, оставалось много времени, то, чтобы пассажировъ не одолѣла скука, ихъ снабжали книгами, преимущественно духовнаго содержанія, издаваемыми на различныхъ языкахъ Нью-Йоркскимъ библейскимъ обществомъ. На 11-й день пути умеръ одинъ пассажиръ первой каюты, отъ воспаления мозга, проболевъ нѣсколько часовъ. На борту не было методистскаго священника, почему отходную прочиталъ надъ нимъ капитанъ. Покойника завернули въ старый флагъ, прикрѣпивъ къ нему кусокъ каменнаго угля и при напутственной молитвѣ капитана спустили въ море, гдѣ онъ быстро пошелъ ко дну. Похороны произвели на всѣхъ какое-то тоскливое впечатлѣніе, и какъ ни старались капитанъ и офицеры развлечь пассажировъ, все какъ-то не клеилось и только подъ вечеръ, когда вдали за поднявшимся туманомъ увидѣли узкую полоску земли, берега Нью-Фаундленда, печальныя лица пассажировъ повеселѣли. На тринадцатый день, къ нашему пароходу подъѣхала лодка лопмана и «Каледонія» убавивъ ходу, между множествомъ различныхъ судовъ, сновавшихъ взадъ и впередъ, вошла въ устье Гудсонъ-Ривера. Берега, казавшіеся сначала сѣрыми полосками на горизонтѣ, такъ что ихъ можно было принять за облака, стали мало-по-малу приближаться и представили собою довольно красивую мѣстность, покрытую затѣйливыми

загородными домиками и тустыми садами. Часовъ въ 11 вечера бросили якорь у Губернаторскаго острова. Кажется, всю ночь никто изъ эмигрантовъ не сходилъ въ каюту. Всѣ были на верхней палубѣ и старались взглянуть, хоть издали, на землю, куда такъ давно стремились и гдѣ, думается, осуществятся самыя заветныя мечты. Немногое можно было рассмотреть въ безлунную ночь. Чернымъ лѣсомъ стояли маты на судахъ, причаженныхъ въ огромномъ числѣ къ берегамъ. За этимъ лѣсомъ, на огромномъ пространствѣ, видѣлись вечерніе городскіе огни, отъ которыхъ какъ заревою освѣщалась часть неба. Въ гавани мелькали то тамъ, то здѣсь зеленые и красные сигнальные фонари пароходовъ, совершающихъ и днемъ и ночью свои рейсы отъ одного берега къ другому. Затѣмъ не было видно ничего и воображеніе могло рисовать каждому изъ насъ какую угодно картину. На другой день рано утромъ насъ попросили собрать и уложить вещи такъ, чтобы не дѣлать задержки таможенными чиновниками при осмотрѣ. Часовъ въ 6 утра подошелъ пароходикъ, съ котораго сошло нѣсколько джентльменовъ въ соломенныхъ шляпахъ, надѣтыхъ на затылокъ и коротенькихъ пиджакахъ; это были докторъ и таможенные чиновники. Пассажировъ 2-го и 3-го классовъ согнали на переднюю часть палубы и заставили проходить поодиночкѣ мимо докторовъ, смотрѣвшихъ пристально на проходящихъ и задававшихъ нѣкоторымъ вопросы о причинѣ бѣдности и состояніи здоровья. Послѣ осмотра докторовъ, нашедшихъ всѣхъ здоровыми, спустились на вторую палубу. Здѣсь таможенные чиновники открывали и осматривали сундуки и мѣшки, тщательно перерывали нѣкоторые, пробуя даже, нѣтъ ли гдѣ двойного дна, ставили крестъ, что означало, что багажъ осмотрѣнъ. Послѣ осмотра, окончившагося благополучно, пароходикъ отчалилъ, увозя съ собою докторовъ, чиновниковъ и пассажировъ перваго класса съ ихъ багажемъ, а «Каледонія», поднявъ якорь, потянулась далѣе вверхъ по Гудсонъ-Риверу и остановилась противъ Кестель-Гардена, зданія, куда высаживаютъ пассажировъ. Крытая барка, прицѣпленная бокомъ къ маленькому пароходу, приняла насъ съ нашимъ багажемъ и привезла въ пристани Кестель-Гардена, при прощальныхъ крикахъ экипажа съ «Каледоніи» и переселенцевъ на баркѣ. На пристани Кестель-Гардена, у входа въ большое зданіе, стоящее особнякомъ и обнесенное высокимъ деревяннымъ заборомъ, на плетеныхъ скамейкахъ, сидѣло нѣсколько джентльменовъ, по костюму похожихъ на бывшихъ на нашемъ пароходѣ таможенныхъ чиновниковъ. Они сидѣли съ сигарами въ зубахъ, въ весьма, повидимому, неудобныхъ позѣхъ,

закинуть ноги за ручки и спинки скамеекъ. Когда наша барка причалила, эти джентльмены встали, пособили намъ вытащить на пристань наши вещи и провели въ зданіе, гдѣ, раздѣливъ по національностямъ, заставили насъ проходить между двумя перилами въ конторѣ, гдѣ джентльменъ въ цилиндрѣ, чиновникъ эмиграціонной комиссіи, вписывалъ имя, возрастъ, мѣсто рожденія и опрашивалъ, желаетъ ли переселенецъ оставаться въ Нью-Йоркѣ или ѣхать далѣе на западъ, есть ли у переселенца знакомые въ Америкѣ или нѣтъ. Опросивъ каждого, впускалъ въ отгороженное пространство, гдѣ было очень много народа разного пола и возраста. Это были, какъ мнѣ сказали, эмигранты, пріѣхавшіе ранѣе насъ и оставшіеся въ Кестель-Гарденѣ, въ ожиданіи, что эмиграціонная комиссія препроводитъ ихъ далѣе, къ мѣсту ихъ назначенія. Всякій эмигрантъ, высадившійся въ Нью-Йоркѣ, можетъ оставаться нѣсколько времени въ Кестель-Гарденѣ, пока не прищетъ себѣ мѣста, или не захочетъ отправиться далѣе, подъ покровительство эмиграціонной комиссіи. Для перѣзда эмигрантовъ въ разныя части Союза устраиваются особые поѣзды на желѣзныхъ дорогахъ, съ уменьшенною платою. Не желающіе останавливаться въ Кестель-Гарденѣ могутъ отправляться куда имъ угодно, причемъ агентъ эмиграціонной комиссіи предостерегаетъ ихъ, совѣтуя не слишкомъ полагаться на разныя обѣщанія и повѣроче держать свои деньги, стараясь имѣть на первыхъ порахъ дѣло съ содержателями гостинницъ, или такъ называемыхъ бордингъ-гаузовъ, имѣющими право входа въ Кестель-Гарденъ. Не зная, какъ мнѣ быть первое время въ Америкѣ, я рѣшилъ поступить такъ: высадившись въ Нью-Йоркѣ, постараться отыскать кого-нибудь изъ русскихъ, освоившагося въ Америкѣ, рассчитывая, что русскій не откажетъ земляку въ соѣтѣ, какъ устроиться на новомъ мѣстѣ. Еще на пароходѣ г. Андерсенъ посоветовалъ мнѣ не оставаться въ Кестель-Гарденѣ, а остановиться въ гостинницѣ «Золотой Левъ», гдѣ, по его словамъ, останавливаться дешевле всего и гдѣ хозяинъ гостинницы охотно поможетъ мнѣ въ моихъ поискахъ. Самъ Андерсенъ пристаеъ въ той же гостинницѣ. Чтобы отыскать гостинницу «Золотой Левъ», лежащую недалеко отъ Кестель-Гардена, Андерсенъ далъ мнѣ красиво отфотографированную карточку съ адресомъ гостинницы. Такія же карточки онъ далъ Ляобсу и нѣкоторымъ изъ пассажировъ, не бывавшимъ еще въ Нью-Йоркѣ. Оставшіеся среди толпы незнакомаго народа одинъ, въ обширномъ зданіи со множествомъ выходовъ, въ томъ странномъ состояніи, въ которое попадаетъ чужбѣ, попавшій послѣ долгой жизни въ деревнѣ въ шумный

городъ или высадившійся на берегъ послѣ продолжительнаго морского путешествія, я нѣсколько растерялся и не зналъ, куда направиться, чтобы выйти изъ Кестель-Гардена на улицу и отыскать рекомендованную гостинницу. На мое счастье я увидѣлъ на другомъ концѣ г. Андерсена, хлопотавшаго о размѣщеніи эмигрантовъ съ нашего парохода, желавшихъ остаться въ Кестель-Гарденѣ, и подошелъ къ нему. Г. Андерсенъ провелъ меня въ другое отдѣленіе Кестель-Гардена, подвелъ къ какому-то джентльмену, котораго назвалъ хозяиномъ «Золотого Льва», сдалъ ему и, пообѣщавъ придти въ гостинницу часа черезъ два, отправился опять хлопотать по своей обязанности. Изъ всѣхъ, получившихъ отъ Андерсена карточки, оказался я одинъ, желающій остановиться въ рекомендованной имъ гостинницѣ. Остальные эмигранты, въ томъ числѣ и Якобъ, желавшіе только отдохнуть два въ Нью-Йоркѣ, сдавъ свой багажъ въ пакгаузъ Кестель-Гардена, отправились въ городъ. Хозяинъ гостинницы повелъ меня къ себѣ по каменнымъ дорожкамъ сада, отдѣляющаго Кестель-Гарденъ отъ Battery Place, сплошь покрытаго массою пѣшеходовъ и вереницами огромныхъ паро-конныхъ рессорныхъ фуръ, называемыхъ «экспрессо». Гостинница «Золотой Левъ» помѣщалась на этой площади. За полтора доллара въ сутки хозяинъ отвелъ мнѣ чистенькую комнату, за ту же плату я могъ пользоваться завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, для чего долженъ былъ ходить въ общую столовую въ опредѣленные часы дня.

Отдохнувъ нѣсколько и взявъ ванну въ особомъ помѣщеніи, составляющемъ, какъ мнѣ сказали, принадлежность всякой гостинницы въ Америкѣ, я, не желая тратить попустому времени, сошелъ внизъ къ хозяину и спросилъ у него, не знаетъ ли онъ кого-нибудь изъ русскихъ въ Нью-Йоркѣ. На мой вопросъ онъ отвѣтилъ, что хотя въ Нью-Йоркѣ живетъ большое число русскихъ и мистеру Скау, такъ звали хозяина, случалось довольно часто встрѣчаться съ ними, но онъ не можетъ указать мѣста жительства ни одного изъ нихъ, а лучше всего совѣтуетъ обратиться въ русское генеральное консульство, куда тотчасъ же и проводилъ меня. Въ консульствѣ я засталъ одного чиновника, кажется секретаря генеральнаго консула, не говорящаго ни слова по-русски. На мой вопросъ о русскихъ, онъ сказалъ мнѣ, что кромѣ служащихъ при миссіи, въ консульствѣ неизвѣстны русскіе, проживающіе въ Нью-Йоркѣ, что вѣроятно мнѣ скажетъ и консулъ, котораго я могу застать завтра отъ 12-ти до трехъ часовъ. Хотя мнѣ этого не было высказано, но изъ всѣхъ отвѣтовъ видно было ясно, что отъ меня, не знаю почему, желаютъ отдѣлаться,

и находить очень страннымъ, что человекъ ищетъ русскихъ черезъ русское консульство. Такой приемъ озадачилъ меня и я рѣшился придти другой разъ въ консульство только въ случаѣ крайней на то необходимости. Денегъ, хотя не очень много, у меня еще имѣлось, такъ что мое существованіе мѣсяца на три было обезпечено. Въ три мѣсяца, вѣроятно, я ознакомлюсь нѣсколько съ мѣстностью и наткнуся на какое-нибудь дѣло.

По возвращеніи въ гостинницу, я засталъ тамъ г. Андерсена, который предложилъ мнѣ пройтись съ нимъ и посмотрѣть на самый замѣчательный торговый городъ Сѣверной Америки. Мы прошли по Бродвею, сплошь застроенному великолѣпными домами съ вывѣсками всевозможныхъ видовъ и огромными зеркальными стеклами въ конторахъ и магазинахъ; посмотрѣли на знаменитый желѣзный домъ Стюарта и на вновь строящееся зданіе почтамта; проѣхались по конно-желѣзной дорогѣ до центрального парка, единственнаго парка въ мірѣ по величинѣ и разнообразію, куда жители Нью-Йорка собираются подышать свѣжимъ воздухомъ. Когда стемнѣло, городъ освѣтился газомъ и мы отправились домой по залитымъ свѣтомъ улицамъ, казавшимся при яркомъ освѣщеніи еще красивѣе чѣмъ днемъ. Не могу съ точностью опредѣлить, вслѣдствіе ли быстрого перехода отъ однообразія, окружавшаго меня въ теченіи двухъ недѣль океана, въ шумъ и разнообразіе многолюднаго города, или оттого, что оно дѣйствительно такъ есть, но мнѣ казалось, что все въ Нью-Йоркѣ носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то особенной, незамѣченной мною по ту сторону океана, кипучей, дѣятельной жизни. Люди здѣсь, согласно съ тѣмъ понятіемъ, какое я составилъ себѣ еще ранѣе объ Америкѣ, работаютъ постоянно и толково для увеличенія своихъ матеріальныхъ средствъ и не жалѣютъ этихъ средствъ для того, чтобы окружить себя возможнымъ комфортомъ и доставить себѣ всѣ возможные удобства до послѣднихъ мелочей. Это стремленіе къ удобству проглядывается во всемъ, что ни попадаетъ на глаза, даже при бѣгломъ осмотрѣ города. Постройки по наружному даже виду вполне приспособлены къ своему назначенію. Такъ, дома на Бродвее, Баури и другихъ торговыхъ улицахъ отличаются огромными размѣрами, снабжены огромными окнами съ зеркальными стеклами, такъ что можно съ улицы видѣть массу товаровъ, разложенныхъ внутри магазина въ расчитанномъ порядкѣ, чтобы плѣнить глазъ покупателей. Въ неторговыхъ улицахъ, гдѣ живутъ семейства дѣловыхъ людей, дома носятъ совсѣмъ другой характеръ. Уакіе, трехъ-этажные, безъ вычурной наружной отдѣлки, безъ всякихъ помѣщений для торговли, они

видимо устроены такъ, чтобы человѣкъ послѣ работы могъ отдохнуть въ кругу своего семейства, вдали отъ мучительной дѣятельности. На улицахъ бросаются въ глаза отличныя мостовыя, частью изъ небольшихъ каменныхъ плитъ, частью деревянные, торцовыя, а въ улицахъ, гдѣ живутъ нью-іорскіе богачи, дорогой, но зато гладкій и красивый мафъ-адамъ. Улицы прямыя и широкія, всѣ освѣщены газомъ и снабжены водопроводами. Уже другихъ лучшая улица Бродвей и прилегающія къ ней въ такъ-называемомъ «старомъ городѣ». По всѣмъ большимъ улицамъ кромѣ Бродвея проложены рельсы конно-железной дороги, на нѣкоторыхъ даже по нѣсколько рядовъ. Нечего говорить, какое удобство представляютъ эти конно-железные дороги, въ особенности устроенныя такъ, какъ въ Нью-Йоркѣ. Всѣ пути конно-железныхъ дорогъ, принадлежащихъ разнымъ частнымъ обществамъ, начинаются на небольшой площади у Сити-Галль или ратуши, откуда они идутъ во всѣ концы города по главнымъ улицамъ, кончаясь преимущественно у перевозовъ, служащихъ для сообщенія съ Бруклингомъ, Вильямсбургомъ, Гобокеномъ и другими отдѣльными городами, составляющими какъ-бы части Нью-Йорка и лежащими частью на материкѣ, частью на островѣ Лонгъ-Эйландѣ. Самыи Нью-Йоркъ, какъ извѣстно, занимаетъ собою островъ того же имени, лежащій при устьѣ Гудсонъ-Ривера, раздѣляющагося на два рукава, носящихъ названія North и South River. Кареты конно-железной дороги отходятъ отъ конечныхъ пунктовъ каждыя пять минутъ, причемъ не дожидаются, чтобы въ нихъ вошло определенное число пассажировъ. По дорогѣ всякій, желающій сѣсть въ карету, даетъ знать рувою кучеру и тотъ придерживаетъ лошадей и ѣдетъ мимо желающаго сѣсть въ карету нѣсколько тише, если это—молодой человѣкъ, и останавливается вовсе, если—леди или старикъ. При выходѣ изъ кареты поступаютъ также. При входѣ кондуктору платятъ пять центовъ, за которые возуть разстояніе, чуть ли не въ двадцать верстъ. Пассажировъ въ карету пускаютъ безъ счета. Кто вошелъ ранѣе, садится на скамейку, вошедшіе, когда всѣ мѣста заняты, стоятъ на платформѣ или внутри кареты, держась за нарочно для этого сдѣланные ремни въ крышѣ кареты. Если въ карету входитъ леди и мѣста всѣ заняты, то ближайшій къ ней мужчина обязанъ уступить ей свое мѣсто на скамейкѣ, а самъ долженъ простоять остальную часть пути, если не освободится мѣсто. Несмотря на множество и помѣстительность каретъ, онѣ всегда набиты биткомъ и едва успеваютъ перевозить всѣхъ желающихъ. Да и вообще на улицахъ,

съ ранняго утра до вечера, такое движеніе, что не выдавши самому трудно повѣрить. Улицы, въ особенности прилегающія къ набережнымъ, сплошь покрыты экспрессо и разныхъ видовъ экипажами. Но экипажей сравнительно мало и они совершенно теряются въ массѣ экспрессо, служащихъ для перевозки клады. По широкимъ тротуарамъ постоянно снуютъ густая толпа пѣшеходовъ, какъ будто спѣшащихъ куда-нибудь. Вглядываясь въ эту толпу, не замѣчаешь той пестроты, того разнообразія костюмовъ, въ которому привыкаетъ глазъ на большихъ улицахъ европейскихъ городовъ. Пѣшеходы по большей части мужчины, видимо идущіе по дѣлу, а не праздные фланеры. Въ костюмахъ не видно ни особой роскоши, ни нищенскихъ лохмотьевъ. Видно, всѣ эти люди пользуются достаточнымъ благосостояніемъ. Несмотря на толпу, на улицахъ царствуетъ полнѣйшій порядокъ. Нѣтъ ни толкотни, ни давки, такъ что полисменамъ, стоящимъ по угламъ улицъ, остается одно занятіе, переводить боязливыхъ леди черезъ улицы. Это впрочемъ составляетъ, какъ мнѣ говорили, одну изъ ихъ главныхъ обязанностей. Рѣзкую противоположность съ улицами, гдѣ сосредоточена торговая дѣятельность Нью-Йорка, составляютъ 5-ое Avenue и прилегающія къ нему. Здѣсь живутъ семейства богатыхъ жителей города. Улицы почти пусты, не видать тяжело нагруженныхъ экспрессо. Изрѣдка пронесется щегольская коляска или кетое бегге. Въ центральномъ паркѣ, куда подвѣчеръ, когда падетъ жара, собирается чуть-ли не вся денежная аристократія орода, глаза разбѣгаются на массу великобѣнныхъ женскихъ костюмовъ и цѣнныхъ щегольскихъ экипажей. Здѣшніе экипажи отличаются своимъ легкимъ видомъ, тонкостью колесъ и другихъ частей, что не мѣшаетъ имъ превосходить прочностью европейскіе. Между множествомъ каретъ, колясокъ и проч. встрѣчаются безпрестанно чисто американскіе бегге и сельки. Бегге имѣютъ видъ вышоваго четырехъ-угольнаго ящика съ привинченными сверху сидѣньемъ и разборчатымъ верхомъ. Бегге помѣщается на лежащихъ рессорахъ и снабжено четырьмя высокими колесами до такой степени тонкими, что при быстрой ѣздѣ ихъ почти не видать и кажется, что бегге идетъ по воздуху. Бегге запрягаются одиночною или парюю. Сельки состоятъ изъ двухъ высокихъ колесъ, на оси которыхъ помѣщается рессорное сидѣнье, для одного человѣка. Сельки употребляются для рысистыхъ бѣговъ, до которыхъ американцы большіе охотники. Лошади на подборъ первоклассныя, олуковныя англійскія. Ихъ приводятъ преимущественно изъ штата Кентукки, гдѣ коневодство ведется въ обширныхъ размѣ-

рахъ. Попалась мнѣ на встрѣчу пара сѣрыхъ рысаковъ, по складу напоминавшихъ мнѣ орловскихъ. Ужъ не наши ли земляки попали за океанъ?

Мы вернулись домой часовъ въ девять вечера, какъ разъ въ ужину, за которымъ собрались въ общей столовой всѣ жильцы «Золотого Льва», преимущественно шведы и норвежцы, только-что прибывшіе изъ Европы и ходившіе тоже смотрѣть городъ, отъ котораго они были положительно въ восторгѣ. Послѣ ужина я отправился въ свою комнату, гдѣ чистая постель, стоящая на твердомъ полу, доставила мнѣ возможность выспаться такъ, какъ я кажется никогда не спалъ. Какъ крѣпко я заснулъ, пойметъ только тотъ, кому приходилось проспать нѣсколько ночей подъ рядъ въ пароходной койкѣ, гдѣ всю ночь качаетъ съ боку на бокъ, иногда чуть не выкидываетъ вонъ и надъ головой слышится грохотъ и визгъ машины, служащей для подниманія и спуска парусовъ. На другой день, часовъ въ десять, меня разбудил стукъ въ дверь. Отворяю—и вижу Якобса. По его лицу видно было, что съ нимъ случилось что-то непріятное, что подтвердилось его рассказомъ. Выйдя съ другими эмигрантами изъ Кестель-Гардена съ намѣреніемъ отправиться въ гостинницу «Золотого Льва», онъ попросилъ перваго встрѣчнаго указать ему дорогу. На бѣду намъ попался агентъ одного изъ мошенническихъ притоновъ, прикинувшись тоже недавно прибывшимъ изъ Европы. Онъ доказалъ Якобсу и его спутникамъ, что идти въ гостинницу «Золотого Льва» не стоить, такъ какъ тамъ за все берутъ слишкомъ дорого, и уговорилъ ихъ идти съ нимъ въ гостинницу въ Гренвичъ-стритъ, гдѣ при большихъ удобствахъ жизнь обходится гораздо дешевле и гдѣ хозяинъ нѣмецъ, а не датчанинъ, какъ въ «Золотомъ Львѣ». Въ довольно грязневенькой гостинницѣ, куда ихъ привели, Якобсъ сговорился такимъ образомъ: за двѣ взятыхъ имъ комнаты для себя и для женщинъ, два доллара въ сутки, а за столъ по пятидесяти центовъ въ день съ человѣка, такъ что выходило всего расхода для Якобса и трехъ его спутницъ четыре доллара въ день. Якобсъ хотѣлъ пробыть въ Нью-Йоркѣ дня три, чтобы дать отдохнуть женщинамъ, отыскать какого-то родственника и затѣмъ ѣхать далѣе, въ Чикаго. Остальные, пришедшіе съ нимъ эмигранты должны были на другой день, въ девять часовъ утра, быть въ Кестель-Гарденѣ, откуда отправлялись далѣе въ различные западные штаты. Въ гостинницѣ намѣлились земляки, очень обрадовавшіеся новымъ пріѣзжимъ. Устроилась попойка, кончившаяся карточной игрою. Сначала вновь прибывшімъ повезло; но потомъ они стали проигрывать подъ рядъ. Якобсъ проигралъ

около пятидесяти долларовъ. Очевидно, ихъ обыгрывали, даже одного изъ игроковъ поймали въ плутнѣ, вслѣдствіе чего поднялся шумъ. Тогда хозяинъ гостинницы, не присутствовавшій при игрѣ, вошелъ въ комнату, объявилъ, что такъ какъ азартныя игры запрещены закономъ, то онъ не потерпитъ, чтобы въ его домѣ производилась игра, выгналъ игроковъ вонъ, а обыгранныхъ эмигрантовъ заставилъ, несмотря на ихъ протестъ, разойтись по комнатамъ. Поутру при расчетѣ эмигранты только ахнули, увидѣвъ представленный счетъ; но дѣлать было нечего, время приближалось къ девяти, когда имъ нужно было отправляться, и они скрѣпя сердце заплатили деньги. Съ Якобса тоже потребовали платы за прожитыя сутки. Оказалось, что ему надо заплатить за помѣщеніе не два доллара за всѣхъ, а по два доллара съ человѣка, т.-е. 8 долларовъ. За столъ пришлось заплатить за завтракъ, обѣдъ и ужинъ отдѣльно по 50 центовъ, т.-е. $1\frac{1}{2}$ доллара съ человѣка или всего 6 долларовъ. Кромѣ того за выпитое пиво и вино, такъ какъ новыя знакомые ушли не заплативъ, ему пришлось заплатить еще 10 долларовъ. Понятно, что такая исторія взбѣсила Якобса и онъ, не зная, что дѣлать, пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ, какъ быть дальше. Одѣвшись, я сошелъ внизъ къ мистеру Скау и передалъ ему случившееся съ моими товарищами по путешествію. Онъ объяснилъ, что Якобсъ съ товарищами сами виноваты во всемъ, отправляясь, несмотря на предупрежденіе агентовъ эмиграціи, въ одинъ изъ притоновъ, нарочно устроенныхъ съ цѣлью пользоваться глупостью «зеленыхъ» (здѣсь такъ зовутъ вновь пріѣхавшихъ эмигрантовъ), воображающихъ себя умнѣе всѣхъ на свѣтѣ и попадающихъ на первую ловушку; что заплаченныхъ денегъ уже не вернуть, а пусть Якобсъ похлопочетъ перевезти свои вещи въ гостинницу «Золотаго Льва», гдѣ онъ можетъ помѣститься со своими спутниками за четыре доллара въ сутки, въ двухъ комнатахъ со столомъ, такъ какъ это обыкновенная цѣна. Якобсъ отправился въ свою гостинницу, но вернулся черезъ полчаса безъ вещей, такъ какъ его хозяинъ объявилъ, что не выдастъ вещей, пока не получитъ по восьми долларовъ еще за двое сутокъ, которые Якобсъ намѣревался пробыть въ Нью-Йоркѣ. Хорошо, что утъ явился г. Андерсенъ: узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ сходилъ за какимъ-то чиновникомъ въ Кестель-Гарденъ и мы въ четверомъ отправились въ Гринвичъ-стритъ выручать вещи и спутницъ Якобса. Послѣ горячаго и довольно громкаго спора между иммиграціоннымъ агентомъ и хозяиномъ гостинницы, въ концѣ котораго первый хотѣлъ уже прибѣгнуть къ помощи полиціи, вещи были вынесены изъ гостинницы и мы съ тремя женщинами

нами отправились обратно на Батери-плэсъ, напутствуемые громкими ругательствами хозяина, которыми онъ не скупясь осыпал насъ на всевозможныхъ языкахъ, стоя въ дверяхъ своего вертепа. Въ довершеніе всѣхъ прелестей остановки у земляка, прусскаго нѣмца, оказалось, что женщинамъ всю ночь не давали спать клопи и другія насѣкомыя, не виданныя ими въ Европѣ, такъ что они были очень рады помѣстившись въ чистенькихъ комнатахъ «Золото-го Льва». Идя по Гринвичъ-стритъ, я замѣтилъ вещи, которыхъ не видалъ, ходя наканунѣ по Нью-Йорку. Привлеченныя шумомъ, выползли разныя весьма подозрительныя личности. По ихъ одранному платью, худымъ болѣзненнымъ лицамъ можно было ясно видѣть, что не всѣмъ хорошо въ Америкѣ, что и здѣсь гнѣздится нищета со своими спутниками, развратомъ и всевозможными пороками, можетъ быть преступленіями. Видъ этихъ личностей, случай съ Якобсомъ и разные рассказы о мошенничествахъ и грабежахъ, которые мнѣ пришлось слышать въ мое суточное пребываніе въ Нью-Йоркѣ и отъ г. Андерсена и мистера Скау и отъ многихъ жильцовъ «Золотого Льва», наконецъ мѣры, принимаемыя самимъ правительствомъ для огражденія эмигрантовъ отъ разныхъ надувательствъ, заставили меня призадуматься надъ своимъ положеніемъ, и когда Якобъ повторилъ мнѣ сдѣланное еще на «Баледоніи» предложеніе ѣхать въ Чикаго, и тамъ вмѣстѣ, подъ руководствомъ хорошо извѣстныхъ ему людей, приучаться въ новомъ образѣ жизни, я съ радостью согласился и мы порѣшили на другой же день уѣхать изъ Нью-Йорка, и объявили объ этомъ мистеру Скау. Г. Андерсенъ взялся достать билеты на эмигрантскій поѣздъ, и дѣйствительно на другой день принесли намъ пять билетовъ и велѣли быть въ вокзалѣ западной дороги, никакъ не позже двухъ часовъ пополудни.

Билетъ отъ Нью-Йорка до Чикаго въ пассажирскомъ поѣздѣ стоить 22 доллара; для эмигрантовъ дѣлается уступка и билетъ стоить 14 долл. Хотя съ эмигрантскимъ поѣздомъ придется пробыть въ дорогѣ лишнія сутки, но за то при поѣздѣ всегда имѣется агентъ эмиграціонной комиссіи, подъ покровительствомъ котораго не встрѣтятся тѣ затрудненія, тѣ ловушки, въ которыя, какъ мнѣ говорили, попадаетъ всякій новичекъ при ѣздѣ по американскимъ дорогамъ. Запасшись съѣстными припасами на четыре дня, по совѣту Андерсена, мы простились съ нимъ, рассчитались съ мистеромъ Скау, причемъ не вышло никакихъ недоразумѣній, взобрались на экспрессо и ровно въ два часа приѣхали въ обширный вокзалъ. Экспрессманъ, привезшій насъ, положительно отказался отъ всякаго вознагражденія, такъ какъ онъ

служить при гостинницѣ «Золотого Льва» собственно для отправки постояльцевъ и ихъ багажа. Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о лицахъ, съ которыми вслѣдствіе общности временныхъ интересовъ и новости положенія въ чуждой обстановкѣ, мы стали считаться какъ-бы своими. Съ Лита, гдѣ мы впервые почувствовали свое одиночество, оставшись одни на набережной, Якобъ и я, мы сошлись какъ-то ближе, чѣмъ съ другими спутниками и стали питать почему-то большое довѣріе другъ къ другу. Якобъ—отставной егеръ прусской службы, чѣмъ очень гордится, сынъ фермера. Онъ наслѣдовалъ отъ отца хорошую ферму въ восточной Пруссіи, гдѣ по окончаніи срока службы занимался хозяйствомъ; но мелочное нѣмецкое хозяйство пришлось ему не по душѣ и онъ уже давно задумывалъ сбыть ферму и прискаты себѣ другое занятіе. Въ прошломъ году прїѣзжалъ на родину старый школьный товарищъ Якобса, ушедшій изъ Европы нищимъ и составившій въ нѣсколько лѣтъ значительное состояніе. Этотъ товарищъ уговаривалъ его бросить все и ѣхать въ Америку. Уѣхавъ назадъ въ Чикаго, гдѣ отлично устроился, онъ письменно не переставалъ звать Якобса, обѣщая помочь ему всѣми силами на первыхъ порахъ. Якобъ распродалъ свое имущество, выручилъ 6,000 талеровъ и съ этими деньгами отправился искать счастья въ Новый Свѣтъ, взявъ съ собою молодую женщину Анну, занимавшуюся у него женскимъ хозяйствомъ нѣсколько лѣтъ, такъ какъ онъ не женатъ. У Анны Балингъ была еще причина, побуждавшая ее переселиться въ Америку. Она вдова, и единственный сынъ ея Густавъ, молодой человекъ лѣтъ 22-хъ, ремесломъ столяръ, бѣжалъ въ прошломъ году отъ солдатчины въ Америку, гдѣ въ Чикаго, при помощи Бумана, товарища Якобса, скоро нашелъ выгодную работу и желалъ тамъ остаться навсегда. Другія двѣ молодыя дѣвушки были постороннія для Якобса, ѣхали только подъ его покровительствомъ, на свой собственный счетъ. Одна изъ нихъ, Фридерика, ѣхала по вызову бездѣтнаго дяди, куда-то за Чикаго; другая, Кристина, съ груднымъ ребенкомъ, ѣхала къ своему жениху, по имени Гекену. Гекенъ хотѣлъ жениться на Кристинѣ, но попалъ въ солдаты, гдѣ ударилъ офицера:—долженъ былъ дезертировать и спастись въ Америку, оставивъ Кристину беременною. Когда Кристина родила, родственники, у которыхъ она жила, выгнали ее изъ дома и плохо бы пришлось бѣдняжкѣ, если бы Якобъ не пріютилъ ее у себя. Гекенъ сколотилъ нѣсколько денегъ въ Америкѣ и выслалъ нужную на проѣздъ сумму, прося Якобса,

съ которымъ былъ друженъ на родинѣ, привезти Кристину съ собою въ Чикаго.

Пріѣхавъ въ два часа въ вокзалъ, мы съ Якобсомъ отправились разыскивать агента. Съ полчаса ходили по большимъ заламъ, по дебаркадеру, у котораго безпрестанно останавливались и отходили поѣзды. Служащихъ при дорогѣ не видать. Публика безъ звонковъ, безъ помощи кондукторовъ входитъ въ вагоны и выходитъ изъ нихъ. Пробовали спрашивать, насъ выслушивали, но не понимали. Агента нигдѣ не оказывалось. Это начало приводить насъ въ недоумѣніе, женщины начали втихомолку плакать. Наконецъ, у входа въ одну залу мы увидали толпу мужчинъ и женщинъ. По платью, по разнокалибернымъ шляпамъ и пестрымъ узламъ не трудно было догадаться, что это эмигранты, нѣмцы. Подойдя къ нимъ, мы узнали, что они, боясь опоздать, пріѣхали въ вокзалъ чуть-ли не съ 12-ти часовъ, нашли другъ друга, собрались въ одно мѣсто и ждутъ агента, долженствующаго отвезти ихъ, какъ и насъ, въ Чикаго. Мы тоже присоединились къ этой толпѣ и стали ожидать. Мало-по-малу стали еще прибывать запыхавшіеся, боявшіеся что опоздали, переселенцы, такъ что насъ составила большая толпа. Между тѣмъ, время шло. На большихъ часахъ надъ дверью, у которой мы помѣстились, пробило три, потомъ четыре часа, а агента все нѣтъ какъ нѣтъ. Между переселенцами послышался ропотъ, предположеніе, что не надули ли насъ всѣхъ, такъ какъ въ этой проклятой странѣ что ни шагъ, то надувательство. Надо замѣтить, что считая лишнимъ слушаться предостереженій эмиграционныхъ агентовъ, почти всѣ изъ собравшихся здѣсь заплатили за свою самонадѣянность и рассказывали тутъ же, на какія глупыя штуки ихъ поддѣвали. Эта неудача на первомъ шагѣ обдала самонадѣянныхъ нѣмцевъ какъ варомъ и поселила въ нихъ какую-то боязнь и недовѣріе даже къ эмиграционной комиссіи, предупреждавшей ихъ быть осторожнѣе. Наконецъ, когда часовая стрѣлка подходила уже къ пяти, къ намъ подбѣжалъ какой-то джентльменъ въ пиджакѣ, въ соломенной шляпѣ на затылкѣ, и сказавъ, что онъ давно-ожидаемый агентъ и кондукторъ на поѣздѣ, съ которымъ мы поѣдемъ, осмотрѣвъ наши билеты, пересчитавъ и вѣзвѣ не расхотѣлся, опять убѣжалъ куда-то.

У всѣхъ отлегло отъ сердца: отыскался такъ давно-ожидаемый агентъ, значить, надо полагать, насъ не надули и, наконецъ, повезутъ куда слѣдуетъ. Черезъ полчаса опять приближалъ къ намъ агентъ и вѣзвѣ взять мѣшки и идти за нимъ садиться въ

вагоны, побѣжали на дебаркадеръ, оттуда на полотно дороги и очень проворно пролѣзая между вагонами черезъ скрѣпленія стоящихъ на пути поѣздовъ, подошелъ къ ряду вагоновъ, съ надписью: «эмигрантскіе». Мы гнались за нимъ какъ стадо барановъ, боясь упустить его изъ вида, толкая другъ друга, теряя мѣшки, пособляя женщинамъ и дѣтямъ, которыхъ тоже было большое число, перелѣзая черезъ высокіе буферы. Размѣстивъ насъ по вагонамъ, агентъ опять осмотрѣлъ наши билеты, пересчиталъ и ушелъ, заперши предварительно насъ въ вагонъ на ключъ. Мы были увѣрены, что тотчасъ поѣдемъ. И дѣйствительно, вагоны двинулись и пошли куда-то; пройдя немного, остановились и пошли назадъ, потомъ опять впередъ; оказалось, что съ нашими вагонами дѣлаютъ маневры, чтобы прицѣпить къ поѣзду, идущему въ Альбани. Протаскавъ насъ взадъ и впередъ нѣсколько разъ, оставили совсѣмъ въ покоѣ и только въ 7 часовъ кончилась томительная неизвѣстность, когда мы поѣдемъ. Послѣ ожиданія съ двухъ часовъ до семи, локомотивъ свиснулъ и понесся по освѣщеннымъ улицамъ, такъ какъ уже стемнѣло, вонъ изъ Нью-Йорка, оказавшагося не совсѣмъ гостепріимнымъ многимъ изъ насъ.

Довольно долго поѣздъ шелъ по освѣщеннымъ улицамъ города, причемъ кареты конной дороги, экспрессо и пѣшеходы топились у самыхъ рельсовъ, проложенныхъ посреди улицъ безъ всякихъ барьеровъ. Чтобы предупредить публику, переходившую и переѣзжавшую безпрестанно черезъ рельсы, на локомотивѣ звонили въ колоколъ во все время, пока поѣздъ шелъ городомъ. На одной изъ улицъ, къ поѣзду, шедшему здѣсь довольно тихо, подбѣжала толпа уличныхъ мальчишекъ и, узнавъ эмигрантскіе вагоны, проводила насъ крикомъ «зеленые» и разными насмѣшками, свидѣтельствовавшими о незавидномъ мнѣніи, какое себѣ составили дѣти о переселенцахъ. Нѣсколько камней влетѣло въ открытыя окна вагона, но, къ счастью, никого не ушибло. Скоро каменные дома стали смѣняться деревянными, раздѣленными другъ отъ друга большими пустырями; толпа, на все еще освѣщенныхъ улицахъ, стала рѣдѣть, и поѣздъ, пройдя мостъ, вынесъ насъ за городъ. При слабомъ свѣтѣ луны, изъ окна вагона виднѣлась налѣво широкая рѣка, направо — высокія горы, то удалявшіяся отъ дороги, то приближавшіяся къ ней. На горахъ виднѣлись огоньки и силуэты довольно частыхъ загородныхъ построекъ. Соскучась всматриваться въ темноту, гдѣ нельзя было ничего ясно рассмотреть, я устроился поудобнѣе, заснулъ и проспалъ, пока Якобъ не разбудилъ меня. Было уже свѣтло, ва-

гоу стоялъ на мѣстѣ, въ полѣ, запертый попрежнему. Въ окно я увидѣлъ, что наши пять эмигрантскихъ вагоновъ прицѣплены не къ пассажирскому поѣзду, съ которымъ мы ѣхали изъ Нью-Йорка, а къ товарному, стоявшему теперь на мѣстѣ по неизвѣстной намъ причинѣ. Пассажиры, не спавшіе ночью, говорили, что поѣздъ останавливался уже раза три не у станціи и, простоявъ часа два, шель далѣе. Скоро, послѣ оглушительнаго свиста, мимо насъ промчался почтовый поѣздъ, за которымъ двинулись и мы. Я сталъ осматривать мѣстность около дороги. Рѣки и горы не было больше видно. По обѣ стороны далеко шла слегка холмистая мѣстность, съ довольно частыми, бѣлыми, очень красивыми домиками фермъ. Около фермъ тянулись поля, засѣянные маисомъ, пшеницею и табакомъ, прерываясь ровными искусственными покосами и подчищенными перелѣсками. Видно, что эта мѣстность густо населена и достигла высокой степени сельско-хозяйственнаго развитія. Часто желѣзная дорога пересѣкала небольшія рѣки и каналы, въ которыхъ вода каменною стѣнкою удерживалась выше уровня смежныхъ полей. По бичевнику, устроенному по рѣкамъ и каналамъ, большія, сытныя лошади тянули по нѣскольку барокъ, прицѣпленныхъ одна за другую. Иногда виднѣлись вдали высокія трубы фабрикъ и каменные постройки, скученныя въ одномъ мѣстѣ, съ облакомъ дыма надъ ними. Вѣроятно, какой-нибудь городъ. Вообще видъ мѣстности ничѣмъ не напоминалъ, что эта страна всего лѣтъ 150 назадъ впервые увидѣла европейскую цивилизацію; казалось, что ѣдешь не по Америкѣ, а по самой населенной и богатой части Германіи; только во всемъ проглядывалъ какой-то особый характеръ, если можно такъ сказать, отсутствіе мелочности и пачкотни, а стремленіе дѣлать все на широкую ногу.

На слѣдующей станціи наши вагоны отцѣпили и загнали на запасной путь, гдѣ мы опять простояли съ часъ времени въ запертыхъ на ключъ вагонахъ. Потомъ, протаскавъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, прицѣпили опять къ шедшему изъ Нью-Йорка пассажирскому поѣзду, съ которымъ, останавливаясь по нѣскольку минутъ на станціяхъ, мы и пріѣхали въ Альбани, главный городъ штата Нью-Йоркъ. Городомъ опять все время звонили въ колоколъ. Поѣздъ опять шель по красиво обстроеннымъ улицамъ, отлично вымощеннымъ деревянною торцовою мостовою и, почти не убавляя хода, остановился въ обширномъ вокзалѣ. Здѣсь наши вагоны отперли въ первый разъ послѣ Нью-Йорка. Джентльменъ, вошедшій къ намъ и осмотрѣвшій наши билеты, объявилъ, что онъ тоже агентъ эмиграціонной комиссіи, и что мы подъ его

покровительствомъ поѣдемъ до Клевеланда. Теперь онъ пригласилъ насъ выйти изъ вагона и подождать въ особо устроенномъ для эмигрантовъ помѣщеніи съ часъ времени, когда онъ насъ посадить на другой поѣздъ по дорогѣ къ Буфало, принадлежащей уже другой компаніи. Новый агентъ былъ очень говорливъ и охотно отвѣчалъ на вопросы, которыми его осыпали со всѣхъ сторонъ. Проводивъ насъ въ эмигрантское помѣщеніе, онъ указалъ намъ буфетъ, гдѣ можно было спросить себѣ поѣсть чего-нибудь. Указалъ комнату для умыванія, причемъ, какъ маленькимъ дѣтямъ, показалъ, какъ удобнѣе справляться съ еранами и складными зеркалами. Вообще онъ обходился съ нами, какъ нянька съ дѣтьми, вѣренными ея надзору. Наказавъ намъ не производить никакихъ безчинствъ и не расходиться далеко, чтобы не опоздать къ отходу поѣзда, онъ ушелъ. Пока умывались и закусывали, прошелъ назначенный часъ. Прошелъ еще другой часъ, а агентъ все-таки не являлся. Многіе изъ пассажировъ, полагая не безъ основанія, что насъ и здѣсь продержатъ въ напрасномъ ожиданіи часовъ пять, отправились смотрѣть городъ. Не прошло и четверти часа послѣ ихъ ухода, какъ пришелъ агентъ и велѣлъ собираться на поѣздъ. Ему сообщили, что нѣсколькихъ людей не достаетъ, и что они въ городѣ. Тогда онъ побѣждалъ отыскивать ушедшихъ, что ему удалось сдѣлать очень скоро, при помощи полисменовъ, замѣтившихъ направленіе; по которому пошли «зеленые». Прочитавъ намъ нотацію, что слѣдуетъ во всемъ слушаться агента, безъ чего можемъ нажить Богъ знаетъ какихъ непріятностей, онъ посадилъ насъ въ вагоны, не заперъ на этотъ разъ на ключъ, предупредивъ, чтобы мы не выходили на платформы вагоновъ во время ѣзды, и, послѣ неизбѣжныхъ маневровъ и ожиданій около двухъ часовъ, мы двинулись въ путь. Трое сутокъ мы ѣхали отъ Альбани до Буфало. Обыкновенные пассажирскіе поѣзды дѣлаютъ этотъ переѣздъ въ десять часовъ. Но насъ везли особеннымъ способомъ, то бросая на какой-нибудь станціи, даже часто между станціями, среди поля, прицѣпляя то къ товарнымъ, то къ пассажирскимъ, догонявшимъ насъ, поѣздамъ. Приходилось по нѣскольку часовъ ходить по вокзаламъ на станціяхъ и по полотну дороги у одиноко стоявшихъ пяти эмигрантскихъ вагоновъ. При этомъ я невольно присматривался къ порядку на желѣзной дорогѣ, значительно отличающейся отъ европейскихъ. Первое, что бросалось въ глаза, это — ничтожное число служащихъ. На сколоченныхъ на живую нитку промежуточныхъ станціяхъ виднѣлось два, три, много пять человекъ служащихъ при дорогѣ. Я не говорю про большіе, капитальные и

красиво выстроенные вокзалы въ городахъ, гдѣ сходятся обыкновенно нѣсколько путей, и гдѣ служащихъ довольно большое число, но все-таки меньше, чѣмъ въ Европѣ. По линіи нѣтъ ни одной сторожевой будки. Полотно проложено по полю безъ барьеровъ и оградъ и во многихъ мѣстахъ поросло густою, высокою травою, слегка примятою проходящими поѣздами. Сторонними лицамъ не запрещаютъ ходить по полотну, по которому, рядомъ съ рельсами, проходить обыкновенная пробѣжная дорога.

По мѣрѣ удаленія отъ Альбани, фермы стали попадаться рѣже. Воздѣланные поля стали часто прерываться большими пространствами, поросшими кустарникомъ и мелкимъ неподчищеннымъ лѣсомъ, что напомнило собою родную Россію, только растительность была нѣсколько другого вида. Часто холмистая мѣстность смѣнялась высокими горами, въ которыхъ былъ просѣченъ корридоръ для желѣзной дороги. Ближе къ Буфало скалы стали попадаться чаще и чаще, образуя чрезвычайно красивые виды. Мимо Ниагары, видной съ линіи желѣзной дороги, насъ везли ночью, такъ что мы ея не могли видѣть. Во время остановокъ между станціями, также при проходѣ поѣзда мимо промежуточныхъ станцій, къ намъ приходили дѣти съ окрестныхъ фермъ, предлагая купить хлѣбъ, молоко и плоды. Они ѣхали съ нами до слѣдующей станціи или остановки, когда запасъ взятыхъ припасовъ истощался, выходили изъ вагоновъ и возвращались съ однимъ изъ безпрестанно встрѣчающихся поѣздовъ обратно. По чистенькому, даже нарядному платью, по смѣлому, умному выраженію лицъ, наконецъ по умѣнью скоро считать, можно было заключить, что сельское населеніе достигло значительной степени благосостоянія и умственного развитія, далеко опередивъ, въ этомъ отношеніи, поселянъ Европы. Подходили къ намъ также рабочіе изъ эмигрантовъ, прибывшихъ сюда уже нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ. Неутѣшительныя вещи сообщали они о жизни въ Америкѣ. Хотя заработная плата хороша и работать приходится всего десять часовъ въ сутки, но работать тяжело, жить ужасно дорого, да и трудно достать работу. Даже европейскому мастеру приходится здѣсь быть ученикомъ, такъ здѣшніе приемы въ работѣ отличаются отъ европейскихъ. Во всемъ примѣнены машины и усовершенствованные инструменты. Ремесленнику, хорошо знающему свое дѣло, рѣдко приходится найти занятіе по своему ремеслу. Приходится работать что скорѣе подвернется. Иначе грозитъ голодная смерть. Затѣмъ шли рассказы о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ каждымъ на первыхъ порахъ, о разныхъ доущахъ, плутняхъ, самоуправствахъ; о законѣ, слишкомъ строго карающемъ всѣхъ,

и праваго, и виноватаго. Всѣ жаловались на неопредѣленность положенія, на незнаніе, будетъ ли у нихъ работа завтра или нѣтъ. Всѣ эти сѣтованія перемѣшивались разсказами о страшныхъ убійствахъ, грабежахъ, и совѣтами быть во всемъ какъ можно осторожнѣе, иначе пропадешь ни за что.

Подобные разговоры усиливали непріятное впечатлѣніе, сдѣланное Америкой на многихъ изъ нашихъ спутниковъ, ѣхавшихъ такъ самоувѣренно сюда богатѣть. Признаюсь, видъ всеобщаго благосостоянія и довольства, повсюду бросающійся въ глаза, сильно противорѣчилъ всѣмъ этимъ толкамъ. Да и изъ разсказовъ не удавалось ничего вывести совершенно яснаго. Съ другой же стороны, вѣдь не стоворились же всѣ эти люди обманывать насъ. Наконецъ, способъ перевозки, въ которомъ выражалось покровительство эмиграціонной комиссіи, свидѣтельствовалъ о томъ, какъ мало церемонятся и уважаютъ личность въ равноправной республикѣ. Мы хотя «зеленые», но все-таки люди и платимъ за свой перѣздъ деньги, правда по уменьшенной цѣнѣ, но эту скидку намъ предложили не вслѣдствіе нашей просьбы, а вслѣдствіе установленнаго правила. Наконецъ, это обстоятельство не давало никакого права обращаться съ нами, какъ съ негоднымъ товаромъ, который взялись доставить не на срокъ, везутъ какъ и когда придется, не трудясь предупредить объ остановкахъ, о времени прибытія въ какой-либо пунктъ, и не заботясь о томъ, что мы тоже люди и имѣемъ надобность въ ѣдѣ, снѣ и проч. Все это, вмѣстѣ взятое, обило меня съ толку, такъ что я рѣшился исполнѣ подчиниться приказаніямъ эмигрантскаго агента, котораго, скажу мимоходомъ, мы видѣли раза два на большихъ станціяхъ, высматривать и выспрашивать, какъ можно большее число фактовъ и вывести изъ нихъ какое-нибудь заключеніе со временемъ. Передъ одной изъ остановокъ, къ намъ вошелъ агентъ, объявилъ, что такъ какъ завтра воскресенье, то поѣзды изъ Буфало, куда мы сегодня приѣдемъ, не будутъ отходить до вечера, почему намъ можно переждать это время въ гостинницѣ и нѣсколько отдохнуть. Чтобы насъ не надули и не обмошенничали, онъ роздалъ карточки гостинницы, гдѣ совѣтовалъ остановиться и куда общался придти въ 9 часовъ вечера, чтобы отвести на поѣздъ. Вмѣсто субботы вечеромъ, послѣ обычныхъ остановокъ, мы прибыли въ Буфало въ воскресенье утромъ, въ 10 часовъ, очень довольные, что можно пробыть цѣлый день внѣ вагона и размять усталые члены. Не успѣли выдти изъ вагоновъ, какъ насъ окружила цѣлая толпа содержателей бордингъ-гаузовъ, зазывая къ себѣ на всевозможныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Эмигранты показывали

данныя агентомъ карточки, прося указать гостинницу. Пришедшіе встрѣчать насъ джентельмены называли себя агентами именно этой гостинницы. Мнѣ показалось подозрительнымъ такое множество агентовъ, а потому, дойдя съ однимъ изъ нихъ до перваго полисмена, я обратился къ нему съ просьбою разъяснить мнѣ, не впалъ ли я по незнанію языка въ какую-нибудь ошибку. Оказалось, что назвавшій себя агентомъ искомой гостинницы былъ самъ содержатель кабака, совершенно въ другой части города, куда онъ насъ и велъ. Когда его обманъ открылся, онъ съ нахальствомъ отказался отъ своихъ словъ и вида, что со мною путить не совсѣмъ удобно, присталъ къ Якобсу, увѣряя, что тотъ обязанъ заплатить ему два доллара за то, что онъ довел насъ до полисмена и пронесъ два мѣшка его спутницъ. Насилью удалось полисмену заставить его оставить насъ въ покое. Полисменъ довелъ насъ до гостинницы, гдѣ мы не застали ни одного изъ нашихъ спутниковъ, такъ какъ хозяинъ и не думалъ посылать никого въ вокзалъ. Хорошо, что агентъ эмиграціонной комиссіи зашелъ справиться о насъ въ гостинницу часовъ въ двѣнадцать. Не мало было ему хлопотъ розыскать въ разныхъ концахъ города порядкомъ поплатившихся эмигрантовъ, выручить ихъ изъ разныхъ притоновъ и собрать въ одно стадо. Отъ Буфало, отъ ѣхавъ уже съ нами до Клевеланда, вслѣдствіе чего остановки, кажется, было меньше, гдѣ и передалъ насъ кондуктору поѣзда идущаго прямо въ Чикаго. Остальная часть пути ничѣмъ не отличалась отъ начала: тѣ же рассказы о безчинствахъ, тѣ же остановки и ожиданія по нѣсколькимъ часамъ, что вотъ сейчасъ пойдемъ дальше. Въ Клевеландѣ случилось только одно обстоятельство, надѣлавшее мнѣ и Якобсу порядкомъ тревоги. Узнавъ, что поѣздъ простоятъ три часа, наши женщины вздумали погулять по городу и не сказавъ никому ни слова, оставивъ вещи на попеченіе одного изъ эмигрантовъ, ушли, заблудились и попали въ другой вокзалъ, гдѣ мы ихъ отыскиали съ большимъ трудомъ при помощи полисменовъ, на наше счастье говорившихъ по-нѣмецки. Пришедъ въ вокзалъ, онѣ, понятно, не нашли насъ, подумали, что мы уѣхали, оставивъ ихъ однихъ и сидѣли на дебаркадерѣ въ слезахъ среди довольно большой толпы, изъ которой многіе помогли бы имъ выдти изъ затрудненія, если бы могли понять, въ чемъ дѣло и что за причина ихъ слезъ.

А. Б***.

ОТЕЦЪ РОДНОЙ!

Князь N, ближайшій мой сосѣдъ,
Въ своей усадьбѣ много лѣтъ
Сидитъ, въ отставкѣ генераломъ.
Всѣ говорятъ о старикѣ
Съ почтеньемъ; въ нашемъ городѣ
Его считаютъ либераломъ.
Когда, порой, онъ держитъ спичъ
На земскихъ митингахъ *семейныхъ*,
Всѣмъ ясно, что Илья Ильичъ —
Ожесточенный врагъ и бичъ
Понятій всѣхъ узкоколейныхъ.
Но иногда, у насъ въ глуши,
Глазъ-на-глазъ, за стаканомъ чаю,
Я въ тайникѣ его души
Совсѣмъ иное подмѣчаю...
Подчасъ не выдержать ему:
Глядишь, нѣтъ-нѣтъ да' и прорвется,
Такъ съ головой и окунется
Въ старонаслѣдственную тьму!
Шутникъ! да вотъ, еще недавно,
Въ прихожую захлопнувъ дверь,
Про старину онъ вспомнилъ: «Славно
Живали прежде! а теперь!
Съ хозяйствомъ нашимъ — просто мѣла,
И ничего нѣтъ впереди!
Въ деревнѣ жить такая скука! —
Хоть въ губернаторы иди!

Законъ помѣщику указанъ,
 А власти нѣтъ! Вѣдь это срамъ:
 Онъ—столпъ отечества, а связанъ
 Весь по рукамъ и по ногамъ!
 Да что ужъ! духъ нововведенья
 Насъ обуялъ и одолѣлъ;
 Мы разорились съ Положенья,
 Да и мужикъ-то обѣднѣлъ:
 Несетъ онъ къ баринѣ, бывало,
 И куръ, и утокъ, и гусей,
 И живность всякую; не мало
 Скоплялось благостыни всей.
 Водилось у крестьянъ въ тѣ поры
 Довольно этого всего,
 А запретили съ нихъ поборы —
 Теперь—мошенники и воры,
 И нѣтъ въ хозяйствѣ ничего!
 Спился мужикъ и голодаетъ,
 А пьяницу — не смѣй и сѣчь!
 Всѣ подѣлились: такъ бываетъ,
 Что некому соху запречь!
 Бывало — кормишь всѣхъ голодныхъ
 Весной, въ неурожайный годъ;
 Теперь — нѣтъ дѣла до свободныхъ,
 Великъ и безъ того расходъ.
 Такъ все идетъ къ уничтоженью!
 У насъ теперь, по принужденью,
 Нельзя и дѣвку подъ вѣнецъ:
 Чтожъ это будетъ наконецъ?!
 Ущербъ народонаселенью!
 Бывало — въ свазкахъ поглядимъ
 И самъ устраиваешь свадьбы;
 Тутъ вся забота — наровишь,
 Къ Филипповкамъ не опоздать бы.
 Бывало, явится мужикъ:
 «Мы къ вашей милости»... и — въ ноги!
 — «Вставай, чего тебѣ, старикъ?»
 — «Кормилецъ! я, какъ есть, убогій,
 «Въ дому всего одна дочка, —
 «Понарови: еще молодѣ!
 «Поберегла бы старика
 «Хоть до впредь будущаго года».

— «А какъ ее, невѣсту, звать?
 — Авсинья, батюшка, — ей кличка;
 «Къ Успленью схоронила мать»...
 — «А покажи!... ну, не велича!»
 — «И вся тутъ! нашъ отецъ родной!»
 — «А кто женихъ?» — «Да Ванька рыжий:
 «Не любъ ей больно онъ: благой,
 «И воръ, и азарникъ безстыжій»..
 «Пустое, — скажешь — поживеть,
 «Полюбится»!

А вотъ комиссся,
 Какъ баба голосить начнеть:
 Была, вотъ — помнится — Анисья...
 Невѣста сыну — не по ней,
 Давай сейчасъ другую ей!
 «Такая, — дескать, — и сякая,
 «Нѣтъ проку: гомонить-то зда,
 «А что жъ! работница пустая,
 «Да и робенка прижила»...
 — «Ну! всѣхъ рѣчей не переслушать —
 «Ступай, голубушка, домой!»
 Какъ разъ — идетъ дворецкій: «Кушать
 «Пожалуйте!»

Ахъ, Боже мой!
 Изъ-за чего хлопочень столько?
 Вѣдь все для нихъ же... вотъ народъ!
 Все съ пустяками пристаешь,
 А благодарности — нисколько...

Ужъ на дворѣ Филипповъ постъ...
 «Что-жъ свадьбы наши?» — «Все справлялись,
 «Съ отцомъ Васильемъ торговались,
 «Сегодня — ѣдутъ на погость»,
 Доложить староста. — «Постой-ка,
 «Никакъ они?» — «Они и есть!»
 И точно: показалась тройка,
 Другая, третья — цѣлыхъ шесть.
 Клячѣнки чуть уносятъ ноги,
 По грязи мчатъ во весь опоръ,
 Свернули съ столбовой дороги,
 Съ погоста — всѣ ко мнѣ во дворъ.
 Людей полнешеньки телѣги...

«Гдѣ-жѣ молодые?—«Посреди:
 «Вонъ—лупить коренникъ-то пѣгій,
 «Съ отгѣтой бѣлой на груди».
 Слышны бубенчики и пѣнье
 И колокольчиковъ гудѣнье...
 Но смолкли голоса и звонъ, —
 Ждутъ молодые позволенья
 Ко мнѣ явиться на поклонъ.
 «Впустить!»—толпою поѣзжане
 Ваятъ въ покои; молодой
 Въ суконномъ, праздничномъ кафтанѣ,
 А молодая—въ сарафанѣ
 Кумачномъ, съ золотой тесьмой.
 Расплетена коса на-двое,
 Еще заплаваны глаза,
 Въ лицѣ—смущеніе тупое...
 Войдутъ, крестясь на образа,
 И—въ ноги, по три раза оба—
 Таковъ обрядъ — сначала мнѣ,
 Потомъ покойницѣ женѣ
 И дѣтямъ—каждому особо;
 Для воспитанія дѣтей
 Мамзель жила у насъ — и ей!
 Поздравивъ ихъ съ законнымъ бракомъ,
 Наливкой сладкой угостишь,
 Поморщась, «горько!» возгласишь —
 Я былъ всегда на это лакомъ —
 Дашь молодой на сарафанъ
 Да на рубаху молодому,
 Лѣску посулишь на хорому,
 Изъ ихъ же дачи—не изъянь!
 Благодарять—и въ ноги снова:
 «Довольны много мы тобой,
 «Кормилецъ нашъ, отецъ родной!»
 Тутъ скажешь теплое имъ слово:
 (Все просто было въ старину
 И по-отечески, къ тому же)
 «Ты, Ванька, береги жену,
 «А ты, Аксинья,—слушать мужа!
 «Ну, съ Богомъ!»

Вотъ и блажь прошла!

А я вѣдь не любилъ повадокъ — by Google

Ни, ни!—крестьянинъ зналъ порядокъ:
Не миновать ему тягла!

Такъ—иногда и противъ воли —
Хозяйства нашего оплотъ,
Жить, благоденствуя, народъ
И множился... а нынче: то ли?
Сосѣдь! все это — на ушко!
Толкуютъ наши коноводы,
Что мало имъ еще свободы!
Имъ либеральничать легко:
Кричать—одна у нихъ забота,
А за душою—ничего.
У нихъ и цензъ — одно болото...
Да намъ-то, *крутымъ*, каково!!
И вотъ, на старости, я вторить
Обязанъ чуши этой всей;
Зло сдѣлано — что пользы спорить?
Вѣдь только раздражнишь гусей.
Мы либералы — и отлично!
Я вамъ, почтенный, доложу,
Что съ точки зрѣнья политической
На это дѣло я гляжу.
Я былъ ужъ въ чинѣ капитанскомъ
Извѣстенъ мужествомъ всегда,
А въ вашемъ *мужестве гражданскомъ*
Не знаю толку, господа!»

А. Яхонтовъ.

ЛЮДИ И ПРАВЫ

ВРЕМЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

LITERATUR UND GESELLSCHAFT IN FRANKREICH ZUR ZEIT DER REVOLUTION, 1789 — 94.
VON LOTHEISSEN.

Наши читатели уже знакомы, хотя въ общихъ чертахъ, съ однимъ изъ новѣйшихъ этюдовъ по исторіи большой французской революціи, а именно въ ея первый періодъ развитія, отъ 1789 до 1794 года. Литературное обозрѣніе въ февральской книгѣ за текущій годъ было посвящено у насъ именно анализу труда нѣмецкаго ученаго Лоткейссена, даваго весьма полную и всестороннюю характеристику литературы и общества во Франціи за первые годы революціи. Но этотъ трудъ заслуживаетъ ближайшаго ознакомленія съ нимъ во всѣхъ его подробностяхъ, какъ по историческому интересу эпохи, богатой источниками и потому представляющей обширное поле для наблюденій, такъ и по строго-научному методу автора, внесшаго въ свой трудъ полную трезвость взгляда, безъ всякой предвзятой тенденціи, и рѣдкое безпристрастіе въ изложеніи борьбы партій, раздиравшихъ французское общество съ самыхъ первыхъ дней революціоннаго движенія. Исследуя «субъектъ», какъ естествоиспытатель, авторъ не ограничивается болѣзнями стараго режима, но показываетъ, какъ и новый режимъ понесъ на себѣ всѣ слѣды общественнаго разложенія данной минуты и превратился въ терроръ, отличавшійся тѣми же самыми пороками, противъ которыхъ онъ боролся: люди

прогресса, воспитанные въ школѣ стараго режима, лишь только захватили власть въ свои руки, какъ тотчасъ же возвратились къ этому же старому режиму и сами сдѣлались представителями произвола.

Къ научнымъ достоинствамъ труда Лоткейссена, къ независимости его историческихъ мнѣній какъ относительно павшихъ, такъ и тѣхъ, которые восторжествовали въ эпоху революціи, присоединяется еще одно преимущество этюдовъ нѣмецкаго ученаго. Извѣстный трудъ Гейтнера: «Исторія литературы въ XVIII-мъ вѣкѣ» помѣщаетъ время революціи только въ эпизодъ, а Юліанъ Шмидтъ въ своемъ сочиненіи о новой французской литературѣ, избираетъ эпоху революціи вступленіемъ къ своему труду. Нашъ же авторъ избралъ эту эпоху специальнымъ предметомъ изслѣдованія. Онъ могъ имѣть и имѣлъ одно пособіе въ сочиненіи Эжена Марона: «Литературная исторія революціи»,—но этотъ трудъ написанъ исключительно съ критическою цѣлью, между тѣмъ, какъ у Лоткейссена преобладаетъ чисто историческій характеръ, и литературные факты являются у него въ тѣсной связи съ фактами общественной жизни, культуры.

Авторъ опасался для себя одного соблазна, а именно, комментируя факты изъ смутной эпохи французскаго общества, невольно поддаться впечатлѣніямъ современныхъ событій и современнаго смутнаго времени Франціи. Вотъ почему онъ и сгѣшитъ оговоркою въ своемъ предисловіи: «Предлагаемая книга—заявляетъ Лоткейссенъ — не есть произведеніе, вызванное современными событіями; но тѣмъ не менѣе она можетъ въ настоящій моментъ имѣть свой, совершенно особый интересъ, потому что, изображая положеніе вещей во Франціи прошедшаго столѣтія, она тѣмъ самымъ какъ-бы содѣйствуетъ къ разъясненію того, что совершается въ ней теперь. Сочиненіе это было уже готово въ 1870 году, когда вспыхнула война и всякое литературное предпріятіе подобнаго рода должно было обождать болѣе мирнаго времени. Выступая теперь передъ публикой съ моимъ трудомъ въ полномъ составѣ, я обращаю ея вниманіе на то, что намѣренно оставилъ его неизмѣненнымъ и, за исключеніемъ небольшихъ замѣчаній, воздержался отъ всякихъ сравненій съ послѣдними событіями, или отъ какихъ бы то ни было намековъ на нихъ. Нынче я многое могъ бы сказать иначе, но хотѣлъ сохранить за собой полное безпристрастіе въ сужденіяхъ, а читателямъ никакимъ образомъ не желалъ навязывать ссылокъ на современность».

Общаніе — прекрасное, но трудно выполнимое, и дѣйстви-

тельно въ этомъ отношеніи Лоткейссенъ не совсѣмъ безупреченъ и, быть можетъ, въ корректурныхъ уже листахъ рука его внесла замѣтки, писанныя, очевидно, съ знаніемъ главнаго результата послѣдней франко-прусской войны. Но при всемъ томъ авторъ остался безупречнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ не впалъ въ преувеличенія и выразилъ увѣренность, что основы французскаго общества, потрясенныя на нашихъ глазахъ точно также, какъ они были потрясены въ концѣ прошедшаго столѣтія, снова окрѣпнутъ и возвратятъ Европѣ Францію болѣе умудренною опытомъ и менѣе способною къ экспериментамъ со стороны самыхъ крайнихъ партій.

I.

Въ теченіе восемнадцатаго вѣка обнаружилось такое сильное движеніе умовъ, какового другой примѣръ въ новой исторіи мы находимъ развѣ только въ вѣкѣ реформаци. Какъ тогда европейскіе народы, послѣ продолжительной борьбы, достигли значительнаго улучшенія въ своей умственной и политической жизни, такъ точно теперь готовились они замѣнить столѣтіе дѣйствіями, отъ которыхъ слѣдовало ожидать еще болѣе важныхъ результатовъ. Если тогда главнымъ двигателемъ переворота была религія, то теперь обществу былъ данъ толчекъ философій. Она получила начало въ Англіи и оттуда проникла во Францію, гдѣ предлагалась обществу, правда, болѣе поверхностнымъ образомъ, но зато въ вѣсело болѣе доступной формѣ. Изъ Франціи она перешла въ сосѣднія страны, а вскорѣ новыя идеи распространились и по всему континенту. Основные начала просвѣщенія и ученіе объ улучшеніи судьбы человѣка находили себѣ ревностныхъ апостоловъ на тронахъ и въ кабинетахъ государственныхъ людей, которые часто ничего не щадили, стараясь осуществлять свои челоѣколюбивые планы. Въ дряхломъ европейскомъ мірѣ повсюду начинала возникать новая, кипучая жизнь. Императоръ Іосифъ, Фридрихъ II, Струэнзе, Помбаль и Екатерина II пытались перестроить свои царства въ смыслѣ новыхъ идей. Но усилія ихъ были тщетны, потому что они не могли быть послѣдовательными. Имъ удалось только просвѣтить произволъ прежняго времени. Они слишкомъ скоро увидѣли себя позади другихъ. Понятно, что и внѣшній складъ общества точно также подвергся большимъ измѣненіямъ. Убѣжденіе въ неизбежности катастрофы сдѣлалось всеобщимъ, но въ то же время всѣ вѣрили, что съ помощью ея

цивилизация сдѣлаетъ большой шагъ впередъ. Вольтеръ предсказывалъ это еще за двадцать пять лѣтъ до начала революціи, когда полу-серьезно, полу-насмѣшливо писалъ одному изъ своихъ друзей: «это будетъ отличный переполохъ; счастливы, кто молодъ: онъ увидитъ славныя вещи» ¹⁾. Еще яснѣе выразился онъ передъ Кондорсе, когда общалъ ему въ будущемъ полное торжество философій, благодаря которой настанутъ лучшія времена, потому что чѣмъ болѣе научатся люди думать, тѣмъ менѣе будутъ они несчастны.

То было замѣчательное, единственное въ исторіи время. Между тѣмъ, какъ государи и народы вели ожесточенныя войны, между тѣмъ какъ кровь лилась рѣкой и борьба кипѣла на сушѣ и на морѣ, въ Старомъ Свѣтѣ и въ Новомъ,—повсюду возникали новыя понятія и распространялись идеи о братствѣ, о необходимости свободнаго развитія политической жизни, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, о принадлежности каждому права на усовершенствованіе. Наше время представляло опять картину кровавой борьбы, вызванной старинной ненавистью между различными народностями и которую долго надѣялись отвратить. Но едва ли эта борьба подчинить идеи гуманности и общности всѣхъ чело-вѣческихъ стремленій одностороннему, хотя и исполненному глубокаго смысла ученію о національностяхъ.

Но вовсе не война, не крайняя расточительность высшихъ слоевъ общества, не финансовый кризисъ были, какъ это часто утверждали, причиной великаго переворота во Франціи. Въ другихъ государствахъ уже не разъ господствовала такая же точно неурядица, но никогда она не приводила къ такимъ послѣдствіямъ. Главнымъ двигателемъ всего былъ напоръ новыхъ идей. Какъ бы долго мыслитель ни оставался въ тѣни, съ какимъ бы презрѣніемъ ни относилась невѣжественная толпа къ его изслѣдованіямъ,—будущность принадлежитъ ему. Разъ открытая истина никогда болѣе не теряется.

Заслуга восемнадцатаго столѣтія заключается въ томъ, что оно опять пробудило отъ долгаго сна понятія о правдѣ, свободѣ и чело-вѣчности, разъяснило ихъ и сдѣлало доступными каждому. Нигдѣ однако новыя идеи не имѣли такого быстрого и широкаго развитія какъ во Франціи. Хотя въ Германіи тоже происходило сильное движеніе, отразившееся и на нѣмецкой литературѣ; хотя тамъ начали появляться люди, подобные Канту и Лессингу, вліяніе которыхъ на нѣмцевъ не вполне истощилось и до

¹⁾ Вольтеръ маркизу де-Шовеленъ (1764 г.).

сихъ поръ, — однако умственное движеніе во Франціи было еще дѣятельнѣе, и гораздо глубже, чѣмъ въ Германіи, проникло во всѣ слои общества.

Въ то же самое время начала, на которыхъ утверждались государственный строй Франціи, были до такой степени поколеблены, что перемѣна казалась необходимой даже самымъ робкимъ умамъ. Всѣ отрасли государственной жизни во Франціи были въ полнѣйшемъ упадкѣ. Франція медленно умирала и казалась отъ старческой слабости неспособною болѣе ни къ какой дѣятельности. «Страна хирѣла, въ ея жилахъ изсыкла кровь и она была уже не въ силахъ выносить тяжести собственнаго тѣла», говоритъ Андре Шенье въ своей одѣ на присягу національнаго собранія въ бальной залѣ въ Версалѣ. Самъ король не имѣлъ болѣе никакой власти, несмотря на ослѣпительный блескъ, какимъ себя окружалъ. По наружности королевская власть казалась такой же неограниченной, какъ во дни Людовика XIV, но на дѣлѣ она умерла вмѣстѣ съ нимъ. Правленіе оставалось при своихъ старыхъ формахъ, но духъ его испарился и даже въ аристократическихъ кружкахъ, также какъ и въ высшихъ административныхъ, онъ уступилъ мѣсто философскому взгляду на вещи. Уже въ царствованіе Людовика XV, самъ Мальзербъ, стоявшій во главѣ тогдашней цензуры, могъ подъ прикрытіемъ казенной печати разсылать по всей Франціи запрещенныя книги въ родѣ «Эмиля» Руссо. Изрѣдка король и его министры еще сажали безъ суда въ Бастилію безпокойныхъ. Незадолго до революціи какой-то неивѣстный заплатилъ головой за пасквиль, направленный противъ короля, который онъ прибилъ на углахъ улицъ. Но все это были плохія мѣры для стараго режима, который уже не находилъ вѣрной опоры даже въ самыхъ ближайшихъ изъ своихъ слугъ. Никто не боялся правительства, которое во всемъ, даже въ самомъ произволѣ, выказывало себя и слабымъ и непослѣдовательнымъ. Что могли думать о королѣ, который позволялъ управлять собою какой-нибудь Помпадуръ или Дюбарри? Чего можно было ожидать отъ правительства, политика котораго зависѣла отъ капризовъ женщины дурного поведенія? Такого рода порядоки вещей при дворѣ порождали слѣдствія въ родѣ злополучной морской войны съ Англіей или забавнаго похода противъ Фридриха Прусскаго. Когда извѣстіе о битвѣ при Россбахѣ дошло до Франціи, оно вызвало только насмѣшки, и французы оставались совершенно безучастны ко всему ходу военныхъ дѣйствій. Какимъ воодушевленіемъ, напротивъ, воспламенились умы, когда двадцать пять лѣтъ спустя распро-

страшился слухъ о приближеніи непріятельскихъ войскъ! Одною этого обстоятельства достаточно, чтобъ вполне обрисовать положеніе вещей передъ революціей. Людовикъ XVI, несмотря на все свое доброе желаніе, не могъ сдѣлать никакихъ измѣненій къ лучшему. Старый режимъ еще задолго до своего паденія обанкротился и въ нравственномъ, и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи.

Тѣмъ не менѣе кризисъ могъ бы быть отстраненъ, не только на время, но и совсѣмъ, какъ это дѣйствительно случилось въ Англіи, благодаря усиліямъ высшаго класса. Но для этого требовалось отъ привилегированныхъ сословій больше силы и внутренней крѣпости, а также болѣе заботливости о благѣ отечества. Такъ-называемое высшее общество во Франціи, напротивъ, было чуждо всякой серьезной дѣятельности и не имѣло ни малѣйшаго вліянія на ходъ событій. Оно только и думало о наслажденіяхъ, которыя для него заключались въ веселыхъ пиршествахъ, любовныхъ похожденияхъ и скандальныхъ приключеніяхъ. Средоточіемъ этой жизни составляли изящные салоны столицы, куда собиралось высшее общество и лица, имѣвшія притязаніе на остроуміе, и гдѣ предсѣдательствовали красавицы высшаго круга, и не безукоризненныхъ нравовъ. Парижъ больше, чѣмъ когда-нибудь, сдѣлался главной школой утонченной любезности, свѣтскости и остроумной болтовни. Революція разсѣяла потомъ это блестящее общество и утверждаютъ, будто тонкость въ обращеніи, которая для свѣтскаго обихода то же, что букетъ для вина, съ тѣхъ поръ никогда болѣе не достигала прежней высоты. Дѣйствительно, изъ нея сдѣлали тогда нѣчто въ родѣ науки. «Трудно себя представить», говоритъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* одна изъ современницъ этой эпохи, — «свѣтскость, грацію, очаровательную любезность и утонченность нравовъ, которыя составляли прелесть тогдашняго парижскаго общества». Г-жа Виже Лебрёнъ, авторъ этихъ «Воспоминаній», очень извѣстная портретная художница, представляетъ вообще чрезвычайно интересныя наблюденія надъ высшимъ обществомъ тогдашняго времени. Она между прочимъ описываетъ бывшіе въ большомъ ходу «маленькіе ужины», на которыхъ обыкновенно собиралось человѣкъ двѣнадцать, много пятнадцать, хорошо между собой знакомыхъ людей. Собирались почти всегда около девяти часовъ вечера. Политика была оттуда строго изгнана, разговоръ исключительно вертѣлся на литературныхъ и городскихъ новостяхъ, иногда читались стихи или предлагались для разгадки шарады. Угощеніе считалось дѣломъ второстепеннымъ и отличалось большою простотой. Однажды г-жа

Лебрёнъ прочла въ «Путешествіи юнаго Анахарсиса» описаніе древне-греческой кухни и немедленно придумала угостить ожидаемыхъ въ этотъ же самый вечеръ гостей ужиномъ въ древнемъ вкусѣ. Въ качествѣ художницы она держала въ своей мастерской множество различныхъ костюмовъ, которые и предоставила въ распоряженіе посѣтителей. Современная столовая, съ помощью ковровъ и ширмъ, была превращена въ античную залу; у одного любителя искусства, графа Паруа, заняли этрусскія и греческія вазы. Съ гостей, по мѣрѣ того, какъ они появлялись, снимали ихъ наряды и пудру и, дурно ли хорошо ли, превращали ихъ въ грековъ и гречанокъ. Поэту Лебрёну накинули на плечи пурпуровый плащъ, возложили ему на голову лавровый вѣнокъ и онъ преобразился въ Пиндара. Маркизу де-Любьеру дали золотую лиру и всѣ гости, расположившись вокругъ стола, пѣли хоръ Глюка: «Божество Паэоса и Книдоса». Сама хозяйка была въ бѣломъ платьѣ, съ цвѣтами на головѣ и вмѣстѣ съ дочерью, впоследствии графиней Реньо де-Сентъ-Анжели, держа въ рукахъ античной формы кувшинъ, обходила гостей, наполняя ихъ кубки старымъ кипрскимъ виномъ. «Лебрёнъ принесъ съ собою нѣсколько Анакреоновыхъ одъ въ собственномъ переводѣ и мнѣ кажется, что я никогда не проводила другого такого веселаго вечера», говорить въ заключеніе авторъ. Во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ домахъ съ страстью занимались театромъ и балами. Для успѣха въ обществѣ необходимо было хорошо говорить, имѣть всегда на-готовѣ острый отвѣтъ, умѣть ловко играть словами и подъ прикрытіемъ легкой морали, мѣтко бросать колкости. Въ этомъ заключалась наука свѣтскихъ людей и въ этомъ полагали они свою славу.

Но весь этотъ наружный блескъ высшаго общества и самоувѣренная гордость салонныхъ героевъ были въ высшей степени обманчивы: они только прикрывали внутреннюю порчу. Всѣ эти развращенныя до крайности личности были не что иное, какъ паразиты. Укажемъ для примѣра на принца Рогана, который, объявивъ себя банкротомъ на тридцать милліоновъ, разорилъ много семействъ, — или герцога Ловёна, самаго блестящаго представителя аристократіи, который своей утонченной любезностью, своими приключеніями и невѣроятной расточительностью, въ полномъ смыслѣ слова ослаблялъ современниковъ и кончилъ свое существованіе странствующимъ рыцаремъ. Воспитанникъ 1-жи Помпадуръ и наслѣдникъ несмѣтныхъ богатствъ, онъ въ теченіи десяти лѣтъ велъ самую безумно-веселую жизнь, приобрѣлъ себѣ славу развратника, которому не могла противиться ни одна женщина и

который самъ изъ всѣхъ женщинъ пренебрегалъ только одною—своею женой. Разоренный въ конецъ, онъ отправился въ Америку, гдѣ сражался рядомъ съ Лафайетомъ, позднѣе применивъ къ революціи, былъ посланъ въ званіи генерала въ Италію и въ Вандею и наконецъ умеръ на эшафотѣ (31-го декабря 1792 г.).

Подобно Лозёну жило большинство современныхъ аристократовъ, съ тою только разницею, что они были нѣсколько осмотрительнѣе. Французскіе мемуары прошлаго столѣтія переполнены самыми печальными примѣрами. Барбье говоритъ въ своемъ «Дневникѣ» (1718—1763), что изъ двадцати дворянъ, по крайней мѣрѣ пятнадцать, не жили съ своими женами и забавлялись на сторонѣ. Но изъ этого обстоятельства почтенный современникъ выводитъ совершенно неожиданную мораль. Онъ полагаетъ, что, взявъ въ соображеніе такой порядокъ вещей, Людовикъ XV вовсе не заслуживаетъ слишкомъ строгаго порицанія за свою Помпадуръ. Барбье не видитъ, почему для главы государства это предосудительнѣе, чѣмъ для его подданныхъ.

Церковь того времени находилась не въ лучшихъ рукахъ. Высшія духовныя мѣста, связанныя съ большими доходами, обыкновенно раздавались младшимъ сыновьямъ знатныхъ семействъ. Такимъ образомъ духъ легкомыслія проникъ и въ высшее и въ среднее духовенство. Оно издѣвалось не хуже Вольтера надъ ученіями церкви, не стремясь при этомъ знакомиться даже съ самыми основными началами философіи, и вслѣдствіе того оно мало-по-малу утратило всякія вѣрованія, всякое сознаніе долга и отвѣтственности. Дюбуа, во время регентства, ради шутки возведенный герцогомъ Орлеанскимъ въ званіе архіепископа камбрейскаго, для того, чтобы получить право хоть разъ присутствовать на придворномъ ужинѣ, конечно составляетъ исключительное явленіе, но все-таки большинство тогдашняго высшаго духовенства играло роль праздныхъ и бесполезныхъ паразитовъ. Такого рода личностью былъ между многими другими аббатъ Клодъ-Анри Вуазенонъ. Ему не было дѣла до церкви, онъ даже отказался отъ предложеннаго ему епископства булонскаго, потому что оно могло черезъ-чуръ обременить его особу, и довольствовался собственными церковными доходами, позволявшими ему жить беззаботно. Онъ былъ очень дурень собой, но любимъ при дворѣ, гдѣ блистала остроуміемъ, хвастался безвѣріемъ и проводилъ время въ сочиненіи пустенькихъ комедій. Своимъ веселымъ нравомъ онъ успѣлъ приобрести всеобщее расположеніе. Во время министерства герцога Шуазёля, на него было возложено порученіе написать исторію Франціи, хотя онъ вовсе не былъ спо-

собенъ ни на какой серьезный трудъ. Буазефонъ отлично понималъ цѣль своихъ покровителей: онъ спокойно преемствовалъ назначенный ему въ качествѣ историографа доходъ въ шесть тысячъ ливровъ, а выполненіе всѣхъ другихъ требованій своего новаго званія считалъ совершенно излишнимъ. Академія тѣмъ не менѣе сочла нужнымъ наградить его заслуги и призвала его въ свою среду на мѣсто умершаго Кребильона. Вольтеру и энциклопедистамъ вдвойнѣ легко было поражать такихъ противниковъ. Если ревность иногда и побуждала фанатиковъ, въ родѣ Каласа, отстаивать свои убѣжденія съ помощью оружія, за то масса духовенства рѣшительно не годилась болѣе для серьезной борьбы, и мѣткая насмѣшка Вольтера часто встрѣчала наилучшій приѣмъ именно у тѣхъ, противъ кого бывала направлена.

Низшее городское и сельское населеніе, терпѣвшее крайнюю нужду, составляло рѣзкую противоположность съ этимъ утонченнымъ и испорченнымъ обществомъ. Непроходимая бездна раздѣляла оба класса и дѣлала положеніе въ высшей степени опаснымъ. Народъ былъ притѣсненъ, отягощенъ барщиной и податьми и оставался въ глубокомъ невѣжествѣ, которое дѣлало его неспособнымъ ни на какія попытки къ улучшенію своего быта. Токвилль, основательно изучившій восемнадцатый вѣкъ, утверждаетъ, что французскій крестьянинъ находился передъ революціей въ гораздо худшемъ состояніи, чѣмъ за пять столѣтій тому назадъ. Потрясающее впечатлѣніе производитъ въ этомъ отношеніи разсказъ Руссо о бѣдности и недовѣрчивости крестьянъ. Странствуя однажды по окрестностямъ Ліона, усталый и голодный вошелъ онъ въ одно крестьянское жилище, гдѣ ему предложили, какъ единственную пищу, отвратительный на вкусъ ячменный хлѣбъ, испеченный пополамъ съ мякиной. И только когда крестьянинъ удостовѣрился, что гость его не слуга главнаго сборщика податей, досталъ онъ изъ потаеннаго угла кладовой спрятанные тамъ съѣстные припасы, болѣе годные для употребленія. Онъ признался, что какъ онъ самъ, такъ и сосѣди его тщательно прятали то небольшое, что имъ удавалось пріобрѣтать, боясь въ противномъ случаѣ возбудить алчность сборщика и его подчиненныхъ, на произволъ которыхъ они были оставлены. Послѣ страшной чумы, свирѣпствовавшей во Франціи въ 1721 и 1722 гг., цѣлыя сотни селъ и деревень остались совершенно пустыми, да и самыя окрестности Парижа представляли зрѣлище безлюднаго и незастроеннаго пространства. Чума довершила то, что, по выраженію Мишле, начато было правленіемъ Людовика XIV и регентствомъ.

Но тамъ, гдѣ обыденная жизнь общества течетъ неправильно, можно съ увѣренностью сказать, что умственная и художественная его дѣятельность также не отличается присутствіемъ въ ней здравыхъ началъ. Было бы даже удивительно, еслибъ большинство произведеній искусства и литературы во Франціи во второй половинѣ прошлаго столѣтія не носили на себѣ отпечатка неестественности и крайняго искаженія вкуса. Какъ въ началѣ столѣтія славился Ватто своими граціозными картинами изъ придворной жизни, такъ позднѣе очень уважались его ученики и послѣдователи, Патеръ и Ланкре, между тѣмъ, какъ гораздо болѣе замѣчательныя художники, подобныя, напримѣръ, Грѣзу, съ трудомъ прокладывали себѣ путь. Въ архитектурѣ, особенно въ пышной внутренней отдѣлкѣ зданій, господствовалъ извѣстный стиль рококо, который, повинувшись самымъ капризнымъ влеченіямъ фантазіи, грѣшилъ излишествомъ въ украшеніяхъ и представлялъ неправильныя, изломанныя линіи, утомлявшія глазъ, иѣсто чтобъ повонить его.

То же стремленіе къ изысканности породило и въ литературѣ ложный родъ идилліи или пасторальной поэзіи, пренебреженной приторной сентиментальности. Геснеръ сдѣлался любимцемъ высшаго свѣта; его то-и-дѣло переводили на французскій языкъ, а многотысячные подражатели старались еще перещеголять его. Королева Марія-Антуанетта сама разыгрывала идиллію въ своемъ Трианонѣ, гдѣ устроила себѣ особенный сельскій пріютъ, который называли «Мельницей». Она жила тамъ въ крошечныхъ, прелестныхъ домикахъ вмѣстѣ съ королемъ, принцами и ближайшими изъ придворныхъ, носила пастушескій нарядъ изъ шелку и высокой головной уборъ, думая, что въ полномъ смыслѣ слова воскрешаетъ простоту золотого вѣка. И все это шло рядомъ съ указаніями Руссо на совершенно инныя жизненныя начала. Но высшій кругъ общества былъ ослѣпленъ, или вѣрнѣе, хотѣлъ видѣть только то, что ему нравилось. Сентиментальность была тогда въ модѣ, и даже въ произведеніяхъ Руссо обращалось вниманіе именно на то, что удовлетворяло вкусу большинства. Высшее общество съ ума сходило отъ Юліи и Сень-Прѣ, героев *Новой Элоизы*, но оставалось совершенно равнодушнымъ къ *Contrat social* и къ *Эмилю*. Слѣдующій эпизодъ изъ жизни Бернардена де-Сень-Пьера, служить отличнымъ выраженіемъ этой сентиментальности. Знаменитый авторъ *Павла и Виргиніи* былъ въ гостяхъ у дамы, которая собирала у себя на дачѣ, въ окрестностяхъ Парижа, лучшее общество столицы. Бернарденъ де-Сень-Пьеръ привезъ съ собой собаку, которая внезапно захворала и

несмотря на всѣ усилія спасти ее, околѣла. Сентъ-Пьеръ такъ былъ этимъ огорченъ, что, не простясь съ хозяйкой, немедленно оставилъ ее домъ, написавъ ей записку, въ которой горько упрекать ее за смерть животнаго. Все общество было глубоко потрясено. Собакѣ устроили трогательныя похороны и воздвигли ей въ тѣни плакучей ивы прекрасный памятникъ. Но все было напрасно: Бернардень остался непреклоненъ и никогда болѣе не возвращался въ этотъ домъ.

Все это представляло, конечно, весьма мало истиннаго чувства, и было простымъ слѣдствіемъ праздности, дѣломъ моды, которая тогда царствовала всецѣльно. Безвкусіе, проглядывавшее въ поверхностныхъ взглядахъ высшаго общества на искусство и на жизнь, еще болѣе поражало вслѣдствіе постоянныхъ его усилій блистать остроуміемъ. То былъ періодъ манерныхъ стиховъ, шутовой эпиграммы и мадригала. Въ *Запискахъ*, нелипценныхъ, впрочемъ, интереса, Колле, автора болѣе чѣмъ посредственныхъ комедій, на каждой страницѣ встрѣчаются шутивыя стихотворенія, или сочиненныя имъ самимъ, или слышанныя имъ въ городѣ ¹⁾. Для остроумнаго, насмѣшливаго склада народнаго ума такое направленіе служило чрезвычайно удобнымъ орудіемъ мести. Съ моралью вообще мало церемонились, избѣгая только казаться смѣшными. Руссо понимать весь вредъ такого настроенія умовъ и боролся съ нимъ, но не имѣлъ большого успѣха. Между прочимъ, въ письмѣ къ д'Аламберу онъ сильно пеняетъ на современные таланты за то, что они, слѣдуя общему теченію, часто тратятся на бездѣлушки, которыя могутъ нравиться, но, конечно, не заключаютъ въ себѣ ничего истинно прекраснаго. Все ихъ достоинство въ легкомъ оборотѣ рѣчи, который легко сообщается пустякамъ. Еще сильнѣе выражается онъ, когда въ своемъ трактатѣ о наукахъ и искусствахъ спрашиваетъ у «знаменитаго Аруэ», сколько сильныхъ и прочныхъ красотъ принесъ тотъ въ жертву ложной деликатности и сколько великихъ созданій погубила у него страсть къ манерности и щегольству, столь плодотворная на мелочи?

Но если литература не могла противиться общему теченію, она, во всякомъ случаѣ, во многихъ отношеніяхъ выполнила свое назначеніе. Въѣтъ Людовика XIV содѣйствовалъ развитію классической поэзіи, — послѣдующее столѣтіе имѣло благотворное влі-

¹⁾ Collé, Journal historique, который особенно много занимается театромъ своего времени.

ніе на прозу, которая въ теченіе его выработала въ себѣ силу, гибкость и свободу, какихъ мы не находимъ ни въ какомъ другомъ языкѣ. Литература подала руку философіи и вмѣстѣ съ нею боролась за успѣхи цивилизаціи. Если она къ концу столѣтія, по мѣрѣ того, какъ событія принимали все болѣе и болѣе серьезный характеръ, почти совсѣмъ уступила мѣсто своей союзницѣ,— то это было совершенно естественно. Вниманіе общества было сильно возбуждено новыми проявленіями государственной жизни, интересъ къ политикѣ все возрасталъ, особенно въ среднемъ сословіи, которое одно еще не утратило своихъ силъ и здоровья. Сословіе это заключало въ себѣ низшее дворянство, чиновничество и буржуазію, вражда которыхъ къ церкви и правительству усиливалась съ каждымъ часомъ. Когда Монтескьё въ своемъ «Духѣ Законовъ» впервые указалъ на государственный строй Англіи, какъ на достойный подражанія, онъ поступилъ чрезвычайно смѣло. Но онъ вскорѣ нашелъ много послѣдователей и книга его имѣла громадное вліяніе. За Монтескьё послѣдовалъ Вольтеръ, въ которомъ, однако, было еще слишкомъ много придворнаго элемента, для того, чтобы онъ рѣшился всѣми силами возстать противъ господства произвола. За то онъ тѣмъ съ болѣе ошесточеніемъ преслѣдовалъ своими нападками церковь и господствовавшее въ ней суевѣріе. Дидро, д'Аламберъ, Гриммъ и прочіе сотрудники Энциклопедіи еще превзошли его въ преслѣдованіи господствовавшихъ вѣрованій. Другіе писатели строили идеальныя теоріи лучшаго государственнаго устройства, трудились надъ исправленіемъ законовъ и надъ уничтоженіемъ злоупотребленій и хлопотали о возбужденіи въ массахъ чувства собственнаго достоинства. Даже самые легкомысленные люди и тѣ, въ извѣстный періодъ, считали себя обязанными судить и рѣдить объ этихъ предметахъ. Само правительство, хотя невольно, однако также содѣйствовало къ утвержденію общества въ новыхъ стремленіяхъ. Министры Людовика XVI, изъ ненависти и зависти къ Англіи, вовлекли Францію въ американскую войну за свободу и независимость, а потомъ сами удивлялись, когда изъ-за Атлантическаго океана проникли къ нимъ революціонныя идеи и республиканскія воззрѣнія. Съ финансовымъ кризисомъ, окончательно вызваннымъ военными издержками, при растерянности правительства, которое не находило выхода изъ затруднительнаго и опаснаго положенія, со всѣхъ сторонъ начали раздаваться требованія преобразованій. Начиная съ короля и до послѣдняго буржуа всѣми овладѣло сознаніе необходимости что-нибудь сдѣлать. Но въ высшемъ обществѣ никто не рѣшался коснуться самаго корня зла и

всѣ мечтали о такихъ преобразованіяхъ, которыя не стоили бы никакихъ жертвъ.

При подобномъ порядкѣ вещей, общество распалось на многочисленныя партіи, изъ которыхъ каждая предлагала свое собственное ученіе, часто противорѣчившее рѣзко другимъ. Такъ, иные мечтатели совѣтовали челоѣчеству вернуться назадъ, ко временамъ первобытнымъ. Кондорсе (1775 и 1776 гг.) желалъ, напротивъ, прогресса, требовалъ отмены пошлыны на хлѣбную торговлю и возставалъ противъ крѣпостного состоянія и торговли неграми. Съ другой стороны, возвышались голоса въ пользу деспотизма, какъ единственнаго средства противъ всеобщаго разрушенія. Въ этомъ тонѣ особенно много писалъ Лэнгѣ, адвокатъ, котораго, за сильно развитый въ немъ духъ противорѣчія и за беспощадную критику, страшно боялись всѣ его противники и на верху, и внизу. Когда его враги успѣли удалить его изъ адвокатуры, онъ бросился въ публицистику, и въ 1774 г. основалъ журналъ, въ которомъ безъ разбора нападалъ на министровъ и на парламентъ, на философію и на теологію. Лэнгѣ былъ челоѣкъ необыкновенныхъ способностей. Онъ ненавидѣлъ общество, потому что оно его оскорбило, и находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы съ холоднымъ отрицаніемъ относиться ко всѣмъ любимымъ идеямъ своихъ современниковъ. Такъ, онъ опровергалъ воззрѣнія, изложенныя Монтескье въ «Духѣ Законовъ», за что самъ потерпѣлъ обвиненіе въ непростительной ереси. Спорилъ онъ также и съ энциклопедистами и съ философами. Восточный порядокъ вещей онъ предпочиталъ европейской цивилизаціи и вооружался на защиту деспотизма и рабства. Въ своей «Теоріи Законовъ» онъ утверждаетъ, что никакое государство не можетъ рассчитывать на долговѣчность, если оно не опирается на рабство, то-есть не имѣетъ двухъ совершенно отдѣльныхъ классовъ людей: господъ, которые свободно пользуются жизнью, и крѣпостныхъ, которые на нихъ работаютъ. Государство безъ рабовъ, въ глазахъ Лэнгѣ, уподобляется экипажу безъ лошадей. «Человѣку, — говоритъ онъ, — нужны сильныя, выносливыя животныя, а обществу — трудящіеся рабы.» Однимъ словомъ, онъ считаетъ рабство необходимымъ зломъ. Смотри на вещи съ этой точки зрѣнія. Лэнгѣ заходитъ очень далеко. Онъ утверждаетъ, что власть короля надъ подданнымъ равняется власти послѣдняго надъ его скотиной и пашней. Деспотическое правленіе одно можетъ сдѣлать людей счастливыми; только подъ его благодѣтельной сѣнью возможно истинное равенство между гражданами. Сложная машина новѣйшей государственной науки, ученіе объ участіи народа въ законо-

дательствъ и въ правленіи,—все это вадоръ: Лангэ знаетъ только одно средство, которое можетъ спасти Францію отъ конечной гибели, а именно: установленіе въ ней неограниченной монархіи, подобной восточному деспотизму.

Жертва собственныхъ неумѣренныхъ выходовъ, Лангэ принужденъ былъ бѣжать въ Англію, откуда, немного спустя, вернулся и былъ посаженъ въ Бастилью. Однако, ему вскорѣ удалось освободиться и онъ опять бѣжалъ въ Англію. Его дѣятельность особенно замѣчательна тѣмъ, что ею можно измѣрять силу обстоятельствъ, управляющихъ событіями. Онъ всѣми силами своего ума боролся противъ потока, увлекавшаго его вѣкъ, былъ самъ имъ увлеченъ и силой обстоятельствъ поставленъ въ рядъ главнѣйшихъ предвозвѣстниковъ революціи, давая предвѣщать своими сочиненіями всѣ крайности терроризма.

Но противоположности сходятся. Жанъ-Жакъ-Руссо, этотъ апостолъ новѣйшаго времени, взявшій на себя задачу облагородить общество, въ началѣ своей литературной дѣятельности также явился противникомъ новѣйшей цивилизаціи. Непроходимая пропасть раздѣляетъ Лангэ и Руссо, но въ этой одной мысли они подають другъ другу руки. Когда Дижонская академія предложила премію за лучшее сочиненіе, которое разрѣшало бы вопросъ, полезное или вредное вліяніе имѣетъ на нравы образованность, Руссо постарался доказать, что она опасна для нравственности. Его остроумные выводы доставили ему награду и извѣстность. Академіи при этомъ тоже досталась своя доля славы, такъ какъ философскія задачи подобнаго рода были тогда въ большой модѣ. Поощренная успѣхомъ, она поставила на очередь разрѣшеніе другого вопроса, о причинахъ неравенства между людьми. Руссо вторично одержалъ побѣду. Онъ еще съ болѣе сильнымъ ожесточеніемъ, чѣмъ въ предыдущемъ сочиненіи, напалъ на цивилизацію и на всѣ отрасли человѣческаго развитія. Человѣка, который первый отгородилъ клочекъ земли и назвалъ его своимъ, объявляетъ онъ злѣйшимъ врагомъ человѣчества и восхваляетъ дикое, первобытное состояніе, когда люди ходили нагіе и не знали даже семейныхъ связей. Такое состояніе есть единственное естественное и потому одно можетъ дать человѣку счастье. Онъ почти считаетъ возможнымъ утверждать, что самая способность мыслить противна природѣ, и потому человѣкъ, который мыслить, есть не что иное, какъ выродокъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говорить, что какъ это ни ужасно, а приходится сознаться, что хорошо поступаютъ дикари, при рожденіи своихъ дѣтей сплюсывающіе имъ черепа: этимъ умственно изувѣченнымъ существамъ

дѣлается, такимъ образомъ, доступно человѣческое счастье, для котораго они предназначались. Подобное ученіе не было по вкусу Вольтеру и онъ преслѣдовалъ Руссо насмѣшками, говоря, что тотъ своими сочиненіями возбуждаетъ желаніе ходить на четверенькахъ. Но никакія, даже самыя остроумныя насмѣшки надъ Руссо не могли ослабить его вліянія. Его сочиненія въ тысячахъ экземпляровъ облетали Францію и вездѣ встрѣчали самое горячее сочувствіе. Руссо, въ сущности, не сказалъ ничего новаго: его ученіе встрѣчается въ предшествующихъ системахъ, преимущественно англійскихъ философовъ. Но ни одинъ изъ нихъ не выражалъ своей мысли такъ смѣло, безъ всякихъ схоластическихъ ухищреній и тяжеловѣсныхъ доказательствъ, такъ сознательно, удобопонятно и съ такой силой. Его «Общественный Договоръ» былъ, такъ сказать, предвѣстникомъ революціи и провозглашеніемъ ея. Руссо проповѣдуетъ въ немъ ученіе о господствѣ массы, передъ которой всякая отдѣльная личность неизбежно должна преклоняться, которая ограничиваетъ даже самыя религіозныя требованія и имѣетъ право всякаго, оказывающаго ей сопротивленіе, приговорить къ смерти. И именно на этомъ сочиненіи Руссо лежитъ мрачная тѣнь грозныхъ событій послѣдующихъ годовъ, и гений его точно провидѣлъ кровавые дни, которымъ надлежало наступить въ самый разгаръ революціи. Чѣмъ для гугенотскихъ проповѣдниковъ была Библія, тѣмъ впоследствии стала «Общественный Договоръ» для ораторовъ «Горы» и комитета общественной безопасности. Руссо, со всей своей любовью къ свободѣ, забываетъ о правахъ на независимость отдѣльныхъ личностей и самъ дѣлается поборникомъ насилія и тиранніи.

Но этотъ самый Руссо съ своими крайними воззрѣніями, съ своей ненавистью къ власти и аристократіи, къ роскоши и благосостоянію и въ особенности къ современному складу общества, — долгое время былъ любимцемъ аристократическаго круга. Этотъ фактъ служитъ знаменательнымъ явленіемъ и какъ нельзя лучше характеризуетъ легкомысліе эпохи. Высшій кругъ, какъ видно изъ этого, не сознавалъ угрожавшей ему опасности и принималъ за шутку мрачную прелюдію приближавшейся бури. Къ тому же Руссо рѣзко нанадалъ на энциклопедистовъ и атеистовъ, взгляды которыхъ многіе изъ высшаго круга хотя раздѣляли, но вовсе не желали распространять ихъ въ народъ. Руссо признавалъ также необходимость церкви и искренней, изъ сердца выходящей религіозности. Къ вопросу о религіи онъ вообще относился чрезвычайно оригинально, какъ это видно изъ его «Исповѣди Савойскаго викарія». Герой этой книги не вѣритъ ни въ одинъ изъ

догматовъ церкви, но тѣмъ не менѣе свято выполняетъ всѣ ея внѣшнія предписанія, церемоніи и обряды, и несмотря на это противорѣчіе чувствуетъ себя совершенно счастливымъ. Викарій у Руссо не признаетъ ничего кромѣ формы, которая внушаетъ ему благоговѣніе и поэтически его настраиваетъ. Руссо имѣлъ конечно и противниковъ, и люди разсудительные не всегда прощали ему его противорѣчія съ самимъ собой. Вотъ отрывокъ изъ одной критики на него. «*Mercure français*», наиболѣе распространенный литературный листокъ того времени, напечаталъ, при появленіи «Новой Элоизы», слѣдующую статью:

«Во Франціи явится необыкновенный человѣкъ, который придетъ отъ береговъ озера и объявитъ народу:

— «Я одержимъ демономъ энтузіазма; небо наградило меня даромъ непослѣдовательности; я философъ и учитель парадоксовъ».

«Толпа двинется за нимъ и многіе въ него увѣруютъ.

«И онъ скажетъ имъ: «Вы всѣ воры и негодяи; ваши жены — распутныя женщины; я поселюсь между вами».

«И онъ станетъ злоупотреблять добродушіемъ этого народа и будетъ говорить ему нелѣпыя дерзости. Онъ провозгласитъ: «Въ странѣ, гдѣ я родился, всѣ люди добродѣтельны, — и я никогда не буду жить въ странѣ, гдѣ родился».

«И онъ станетъ утверждать, что науки и искусства имѣютъ вредное вліяніе на нравы и самъ будетъ писать о всевозможныхъ наукахъ и искусствахъ.

«И онъ скажетъ, что театръ есть источникъ порчи и разврата, и самъ будетъ писать оперы и комедіи. Онъ объявитъ, что добродѣтель живетъ только между дикими, у которыхъ онъ никогда не былъ, но въ средѣ которыхъ былъ бы достоинъ жить.

«И онъ дастъ людямъ совѣтъ ходить совершенно нагими, а самъ будетъ носить шитыя золотомъ и серебромъ платья, когда у него таковыя будутъ.

«И онъ скажетъ, что всѣ знатные — презрѣнные лакеи, а самъ будетъ ихъ посѣщать всякій разъ, когда тѣ позовутъ его къ себѣ изъ любопытства, какъ рѣдкаго заморскаго звѣря» и т. д.

Трудно въ самомъ дѣлѣ повѣрить, чтобы авторъ «Савойскаго викарія» могъ написать книгу, подобную «Эмилю», которая имѣла такое громадное и благотворное вліяніе и гдѣ онъ съ такой любовью относится къ природѣ и такъ убѣдительно совѣтуетъ ей подражать. Но въ теченіе его бурной жизни и своеобразнаго развитія въ немъ, такъ сказать, выросли двѣ души. «Все прекрасно по выходѣ изъ рукъ Создателя, но все уродуется, проходя черезъ руки человѣка», такъ начинается онъ своего «Эмиля». Этой войной,

которую онъ объявляетъ всему условному и искусственному, этики указаніемъ на природу, какъ на вѣчный источникъ всего истиннаго и прекраснаго, а также и дотолѣ неподозрѣваемымъ въ немъ пыломъ страсти, какую онъ изобразилъ въ своей «Новой Элоизѣ», Руссо явно подготовилъ путь не только наступавшему новому времени, но еще и позднѣе развившемуся романтизму.

Схватывая однимъ общимъ взглядомъ всю картину умственнаго движенія той эпохи, приходишь въ невольное изумленіе при видѣ разнообразныхъ группъ и отбѣнковъ, которые ее составляютъ. Но всего ярче въ ней выдаются: безпокойное броженіе умовъ въ погонѣ за истиной и всеобщая вѣра въ лучшую будущность, а также энергическія проявленія ума и воли — рядомъ съ легкомысліемъ, невѣріемъ и поверхностнымъ взглядомъ на вещи, который въ изысканности чисто вѣшной жизни находитъ себѣ полное удовлетвореніе.

Правительство въ это тяжелое время не сумѣло стать во главѣ движенія. Оно колебалось, не зная на что рѣшиться. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ эпохи, Малле-дю-Панъ, уже въ декабрѣ 1788 г. писалъ въ своемъ дневникѣ: «Въ Версалѣ ежедневно мѣняются системы и политическія мнѣнія. Тамъ нѣтъ ни правилъ, ни принциповъ. Солнце черезъ каждые три дня освѣщаетъ въ Версалѣ новый взглядъ на вещи. Колебанія, слабость, полнѣйшая неспособность!»

Наступало другое время и требовало другихъ людей. Вальтеръ умеръ 30-го мая 1778 года; Руссо послѣдовалъ за нимъ нѣсколько недѣль спустя, а именно 3-го іюля. Дидро, Бюффонъ, д'Аламберъ, всѣ покончили свое существованіе въ восьмидесятыхъ годахъ. Съ паденіемъ бурбонской монархіи прекращался одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ французской литературы. Между тѣмъ какъ по ту сторону Рейна нѣмецкая поэзія достигала высшей степени развитія, литература во Франціи, казалось, умирала. Но это истощеніе было только наружное. Народная дѣятельность обратилась въ другую сторону. Духъ, охватившій Францію, вывелъ писателей изъ обычной колеи и побудилъ ихъ броситься почти исключительно на политику. Средній классъ, буржуазія, чувствовала себя способною и призванною принять участіе въ судьбѣ страны. Революція была дѣломъ этого сословія, которое не только сдѣлалось «чѣмъ-нибудь», какъ говорилъ аббатъ Сійесъ, но въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ было всѣмъ, пока счастливый солдатъ не смирилъ его и не водворилъ во Франціи царство меча.

Одно это обстоятельство уже достаточно объясняетъ застой въ литературѣ. Всѣ таланты обратились къ общественной дѣятель-

ности. Ими внезапно овладало лихорадочное стремление къ политическому вліянію, къ власти, къ популярности, рядомъ съ которыми впрочемъ шло также и безкорыстное желаніе служить общему благу. Въмѣсто того, чтобъ читать книги и стихи, Франція начала слушать парламентскія рѣчи. Трибуна заняла мѣсто литературы, газета вытѣснила альманахи музъ. Литература, которая, несмотря на свой оппозиціонный духъ, все-таки отчасти продолжала держать себя съ аристократическимъ достоинствомъ, при такомъ порядкѣ вещей конечно должна была быть заброшена. Прежде, чѣмъ въ ней выработалась новая внутренняя жизнь, надлежало прожить цѣлому поколѣнію, слѣдовало улесться броженію умовъ и наступить сравнительному затишью. Двадцать лѣтъ бурь и кровопролитій заставили жить Францію кипучею, внѣшней жизнью, которая увлекала ее какъ въ водоворотъ. Когда народъ наконецъ пришелъ въ себя, все успѣло измѣниться; настала новая жизнь, возникли новыя отношенія и для литературы создалась новая почва. Революція и имперія были для литературы только переходнымъ временемъ.

По закону природы всякое разрушеніе таитъ въ себѣ зародышъ новой жизни. Потому мы увидимъ, какъ при крушеніи государственной и общественной жизни литература ушла въ различныя отрасли общественной жизни, какъ она перенесла борьбу за различныя начала на ораторскую трибуну и на сцену, и возбуждала о нихъ пренія въ книгахъ и всевозможныхъ родахъ поэтическихъ произведеній, не исключая и приторной идилліи; — какъ, съ ея же помощью, рядомъ съ политическими переворотами медленно, но прочно совершалось развитіе новыхъ идей. Чего литературѣ этой эпохи не достаетъ въ эстетическомъ отношеніи, то пополняется въ ней психологическимъ интересомъ.

II.

Когда политическая жизнь во Франціи окончательно пробудилась, высшій кругъ общества, до тѣхъ поръ господствовавшій безраздѣльно, къ крайнему своему изумленію увидѣлъ около себя новое, свѣжее общество, которое имѣло совсѣмъ другой характеръ. выражало другія желанія и почти говорило другимъ языкомъ, чѣмъ онъ. Въ этомъ новомъ обществѣ не боялись дальнѣйшаго развитія и осуществленія идей, которыя еще такъ недавно служили только забавой празднымъ умамъ.

Но высшій кругъ не рѣшался сопротивляться движенію и въ первое время нисколько не пытался задерживать ходъ событий. Сами представители высшей аристократіи въ достопамятную ночь съ четвертаго на пятое августа предложили великія общественныя реформы, измѣнившія во Франціи весь существовавшій дотолѣ порядокъ вещей. Такого рода переворотъ, гораздо болѣе чувствительный для массъ, чѣмъ высокія политическія реформы, совершенно естественно привелъ народъ въ сильное возбужденіе. Тѣмъ не менѣе все обошлось относительно спокойно и никто не могъ предвидѣть страшныхъ послѣдующихъ событий. Въ ту минуту истинно высокія чувства заставляли биться всѣ сердца, и нація жила дѣйствительно прекрасной жизнью.

Все это немедленно отразилось измѣненіемъ характера парижскихъ салоновъ и вращавшихся въ нихъ людей. Старинныя аристократическія семейства, которыя прежде составляли центр общественной и даже умственной жизни, теперь съ неудовольствіемъ все болѣе и болѣе отодвигались на задній планъ. Еще только нѣсколько знатныхъ дамъ продолжали по прежнему у себя принимать, съ тою однако разницею, что и въ ихъ гостинныхъ мѣсто свѣтской болтовни занялъ живой обмѣнъ мыслей и мнѣній между посѣщавшими ихъ государственными людьми, высшими администраторами, писателями и журналистами. Старый свѣтъ исчезъ вмѣстѣ съ своими нравами и вкусами, а на мѣстѣ его возникъ новый. Представители лѣвой стороны находили самый радушный пріемъ въ салонахъ герцогини гогенцоллернсконъ или въ домѣ Богарне. Весьма оживленное общество собиралось также у извѣстной писательницы Силлери-Жанлисъ. Но самый замѣчательный салонъ въ первый годъ революціи безспорно былъ тотъ, въ которомъ хозяйкой была г-жа Неккеръ, жена министра, каждый четвергъ принимавшая у себя друзей своего мужа. Уроженка Швейцаріи, она въ среду испорченнаго парижскаго общества сумѣла внести нравственную силу и свѣжесть своей родины, при чемъ однако не могла вполнѣ отдѣлаться отъ ея нѣсколько тяжеловѣснаго доктринерства. Въ ея салонѣ легкая болтовня не замедлила превратиться въ серьезныя пренія, непринужденность обращенія въ чопорную слегка формальность. Несмотря на свое продолжительное пребываніе въ Парижѣ, она не могла вполнѣ съ нимъ свыкнуться и по удаленіи Неккера изъ министерства, съ радостью вернулась на берега Женевскаго озера, въ свой любезный Коппетъ, который впоследствии служилъ также утѣшительнымъ ея знаменитой дочери. Во время могущества Неккера, его вечера посѣщались съ двойной цѣлью: на нихъ ухаживали

за вліятельнымъ министромъ и встрѣчались съ замѣчательнѣйшими людьми изъ міра политики и литературы. По смерти Бюффона, ближайшаго друга хозяйки дома, въ ея салонѣ, кромѣ многихъ другихъ знаменитостей, можно было видѣть ученаго писателя аббата Сійеса, тонкаго наблюдателя Гримма, преисполненнаго идеальныхъ стремленій Кондорсе и наконецъ Талейрана, бывшаго тогда еще епископомъ Отѣнскимъ, но уже ясно выказывавшаго свое искусство въ политической интригѣ. «Онъ улыбался, чтобъ не говорить, и говорилъ, чтобъ не отвѣчать».

Безъ сомнѣнія меньшей вліятельностью, но гораздо большей привлекательностью отличался салонъ, который у себя открыла для поэтовъ и художниковъ Юлія Тальма, жена знаменитаго актера. Въ большой залѣ, фантастически разукрашенной разнаго рода оружіемъ, у ней собирались поэты: Шенье, Дюсисъ, Легуве, живописцы: Давидъ и Грѣзъ, а позднѣе глава жирондистовъ Верньо, Роланъ и многіе другіе. Въ послѣдующіе годы, когда условія общественной жизни сдѣлались сложнѣе и затруднителнѣе, салоны опустѣли и наконецъ совсѣмъ закрылись. По мѣрѣ того, какъ усиливался ужасъ положенія, всякое, даже самое невинное собраніе стало возбуждать подозрѣнія и могло повести къ тюремному заключенію и даже смертному приговору.

Но это печальное время наступало постепенно. 1789-й годъ въ глазахъ большинства слылъ даже счастливымъ. Многіе еще мечтали о свободѣ и республиканской простотѣ и питали надежды на возможность воскресить порядки вещей классическаго міра, изъ среды котораго не замедлили бы выдти герои и правители по образцу Плутарховыхъ. Живопись также не осталась чуждой общему движенію. Жакъ-Луи-Давидъ (1743—1825) стремился развить въ публикѣ вкусъ къ республиканскому античному искусству и къ строгому, возвышенному стилю. Еще задолго до революціи написалъ онъ своего «Велизарія» и своихъ «Гораціевъ». Но нѣкоторымъ изъ его картинъ не вдругъ посчастливилось. Такъ, на примѣръ, его «Брутъ, которому приносятъ тѣло обезглавленнаго сына», долгое время не могъ быть выставленъ для публики. Только гораздо позже, когда Давидъ объявилъ себя на сторонѣ якобинцевъ, ему была отдана полная справедливость. Вскорѣ все искусство должно было подчиниться господству античнаго стиля въ томъ видѣ, въ какомъ его передавало нѣсколько однообразное и чопорное подражаніе Давида. Мода эта оказала свое дѣйствіе даже въ постройкѣ домовъ, въ формахъ мебели, въ женскихъ нарядахъ. Изломанныя линіи стиля рококо исчезли и уступили мѣсто геометрически правильнымъ очертаніямъ, которые счита-

лись классическими. Впрочемъ, Давидъ впоследствии, по примѣру многихъ изъ своихъ современниковъ, измѣнилъ свое республиканское направленіе въ угоду Наполеону. Нѣсколько ранѣе онъ былъ портретистомъ Марата, а затѣмъ обрекъ свое искусство на прославленіе императора, рисуя планы для его придворныхъ празднествъ и предлагая образцы троннаго кресла. Въ оправданіе его можно сказать, что это превращеніе суроваго республиканца въ придворнаго наполеоновскаго живописца отчасти было слѣдствіемъ всеобщаго заблужденія, которое привѣтствовало въ Бонапартѣ героя въ родѣ Плутарховыхъ, и ожидало отъ него, что онъ воскреситъ древнія героическія времена. Это заблужденіе не мало содѣйствовало къ успѣшному выполненію широкихъ замысловъ честолюбиваго генерала.

Взятіе Бастиліи еще болѣе усилило возбужденное состояніе, въ какое начинали приходить умы. Событіе это воспроизводилось на всѣхъ театрахъ съ помощью фейерверка, ружейныхъ залповъ и оглушительнаго шума. Вскорѣ развалины тюрьмы сдѣлались предметомъ настоящаго поклоненія, изъ котораго ловкіе промышленники не преминули извлечь для себя значительныя выгоды. Одинъ особенно отличился въ этомъ отношеніи. Онъ взялся разчистить развалины Бастиліи и, устроивъ особыя агентства, разсылалъ и продавалъ по всей Франціи обломки камней въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Онъ превращалъ ихъ въ бонбоньерки, чернилицы, прессъ-папье и разныя другія бездѣлушки. Изъ пѣшей, найденныхъ въ Бастиліи, дѣлались медальоны, которые свободные люди должны были носить на сердцѣ. Увѣряютъ, будто въ каждомъ салонѣ, посреди разныхъ каминныхъ украшеній, на первомъ планѣ непременно виднѣлась гипсовая модель Бастиліи.

Но извѣстно, какъ быстро одни событія слѣдовали за другими, какъ скоро многіе начали отчаиваться въ будущемъ и какъ по мѣрѣ того, что государственное банкротство становилось неизбежнымъ, мало-по-малу началась эмиграція. Въ сентябрѣ 1789 г. въ одномъ Парижѣ было выдано около шести тысячъ паспортовъ различнымъ богатымъ семействамъ, которыя, желая спасти свое имущество, вывозили его за границу. Но между тѣмъ, какъ бѣдливые брали съ собой свои сокровища, пряча ихъ въ выдолбленныя палки, въ тотъ же самый мѣсяцъ двѣнадцать «гражданокъ» явились въ національное собраніе, и въ видѣ добровольной жертвы принесли въ даръ отечеству свои драгоценныя украшенія. Онѣ этимъ хотѣли указать на способъ, какимъ еще возможно было бы пополнить опустѣвшую казну. Примѣру ихъ слѣдовали мно-

гіе, начиная съ короля, который отправилъ на монетный дворъ свои золотые и серебряные приборы, до самыхъ бѣдныхъ людей, которые жертвовали позолоченныя пуговицы и башмачныя пряжки. Всякій, по мѣрѣ силъ, старался отвратить общественное зло. Въ отчетѣ засѣданія 17 мая 1792 г. упоминается о предложеніи поэта Бомарше, пожертвовавшаго въ государственную казну всѣ свои доходы съ театральныхъ пьесъ, которыя будутъ даваться въ продолженіе войны. Въ тотъ же день въ собраніе явились депутація отъ шюль, приютовъ и богадѣленъ съ приношеніемъ небольшихъ суммъ, которыя имъ удалось скопить посредствомъ разныхъ лишеній.

Но эти приношенія не могли спасти Францію отъ разоренія. Революціонный потокъ разливался все шире и шире, пока не снесъ и не увлекъ за собою всего. Въ страшное время, которое вслѣдъ затѣмъ наступило, всѣмъ овладѣло почти дѣтское стремленіе истреблять малѣйшіе слѣды низвергнутой власти. Упомянувъ о королѣ, избѣгали называть его даже Людовикомъ Капетомъ, но постоянно говорили только о «покойномъ veto». Изъ игральныхъ картъ были изгнаны фигуры королей и королевъ, и ихъ замѣнили червонными и бубновыми геніями, или трефовыми и пиковыми богинями свободы. Валеты получили названіе картъ равенства, а тузъ, какъ старшая карта, преобразился въ олицетвореніе закона. Въ сказкахъ тоже не терпѣлись болѣе принцы, и «принцесса съ золотыми кудрями» превратилась въ «красавицу съ волосами изъ ассигнацій», такъ какъ золото считалось тоже чѣмъ-то аристократическимъ.

Но, къ несчастію, исторіку нельзя ограничиться разсказомъ такихъ забавныхъ мелочей. Переполненныя тюрьмы и ежедневно обгабляемая свѣжей кровью гильотина свидѣтельствовали, что люди, захватившіе въ свои руки власть, намѣревались идти очень далеко. Самыя ужасныя гекатомбы, предлагавшіяся демону ненависти и фанатизма, не могли удовлетворить разсвирѣпѣвшихъ республиканцевъ. Они, подобно Макбету, такъ далеко зашли въ кровавый потокъ, что имъ было гораздо легче продолжать путь, нежели идти назадъ, и они ежедневно требовали новыхъ жертвъ, пока не пробилъ ихъ собственный часъ.

Но за то ярво выступали на этомъ мрачномъ фонѣ мужество и стойкость въ убѣжденіяхъ, съ какими приговоренные къ смерти шли на встрѣчу своей судьбѣ! А между тѣмъ эти люди дорожили жизнью не менѣе другихъ людей. Здѣсь опять чувствуется вліяніе примѣровъ, заимствованныхъ изъ классическаго міра. Женщины не отставали отъ мужчинъ и также твердо, какъ они,

встрѣчали свою участь. Если онѣ въ началѣ рассчитывали на расширеніе своихъ правъ и даже, можетъ быть, на достиженіе гражданскаго равенства съ мужчинами, то надежды ихъ весьма скоро рухнули. Революція предоставила имъ одно право: наравнѣ съ ними умирать подъ топоромъ.

Особенно трогательны послѣдніе дни Кондорсе. Когда человѣкъ остается вѣренъ своимъ убѣжденіямъ до послѣдняго вздоха, не склоняясь передъ врагами,—это заслуживаетъ глубокаго уваженія. Такія черты характера, впрочемъ, встрѣчаются еще довольно часто. Но гораздо болѣе рѣдкое явленіе представляетъ человѣкъ, который, преслѣдуемый себѣ подобными и осужденный ими на смерть, въ эти горькіе часы сохраняетъ вѣру въ свои идеалы и въ будущее, и свою любовь къ человѣчеству. Такимъ оказался Кондорсе. Изгнанный и объявленный внѣ закона, онъ на нѣкоторое время нашелъ себѣ пристанище въ домѣ одного друга. Тамъ онъ, скрываясь отъ враговъ, написалъ свое извѣстное сочиненіе о развитіи человѣческаго духа, главная часть котораго посвящена будущему усовершенствованію человѣческаго рода. Видно, какъ глубоко успѣла въ немъ вкорениться вѣра въ добрыя качества человѣческой природы и въ свѣтлую ея будущность,—и это въ то время, которое угрожало расторгненіемъ всѣхъ узъ, связывающихъ общество!

Изящная свѣтскость и утонченная любезность въ обращеніи совсѣмъ исчезли изъ Франціи. Ихъ какъ будто увезли съ собою эмигранты-аристократы. Въмѣсто красивыхъ шляпъ, какими прежде щеголяли, теперь повсюду виднѣлись яеобинскіе колпаки, вмѣсто напудренныхъ, завитыхъ париковъ—длинные прямые волосы. Республиканское *ты* совершенно вытѣснило прежнее *вы*. Люди, не знавшіе, будутъ ли они еще жить завтрашній день, искали наслажденія сегоднешнимъ, и, какъ во время средневѣковой чумы, стремленіе къ развлеченіямъ и наслажденіямъ достигло во Франціи въ эти ужасные мѣсяцы крайнихъ размѣровъ. Никогда еще театры не бывали такъ полны, проституція такъ явна и азартныя игры такъ распространены. Парижская община жаловалась на это уже въ первый годъ своего существованія, и представляла въ одномъ изъ своихъ отчетовъ національному собранію свѣдѣнія объ игорныхъ домахъ, насчитываетъ ихъ у себя до 4,000. Цифра эта съ каждымъ годомъ возрастала.

Воодушевленіе къ общему благу и самопожертвованіе, жажда наслажденій и ненависть къ людямъ,—всѣ эти разнообразныя элементы являлись перемѣшанными, и самыя ужасныя страсти потрясали до основанія внутреннюю жизнь народа. Къ большому

еще смятенію возникъ религіозный разладъ, церковный вопросъ, который въ однихъ возбуждалъ робость и тревоги совѣсти, а другихъ побуждалъ въ самымъ худшимъ крайностямъ. На религіозной почвѣ различныя партіи встрѣчались еще гораздо враждебнѣе, нежели на почвѣ политическихъ или общественныхъ реформъ. Чѣмъ меньше послѣдователей находило себѣ ученіе церкви въ высшемъ классѣ, тѣмъ упорнѣе держался его простой народъ, который, несмотря на республиканскій календарь, продолжалъ почитать святыхъ. Возстаніе, поднятое въ Вандеѣ, показывало, какое разрушительное пламя можетъ разгорѣться въ народной массѣ, если, вмѣстѣ съ политической ненавистью, эту массу охватить еще и религіозный фанатизмъ. Хотя въ этой варварской, междоусобной войнѣ, вызванной возстаніемъ въ Вандеѣ, послѣдняя и была побѣждена, однако побѣдители при этомъ сами повредили собственному дѣлу. Поводъ, послужившій къ войнѣ, остался неискорененнымъ и рано или поздно непременно долженъ былъ снова выступить на поле битвы, чтобъ понести новое поражение отъ иного и болѣе дѣйствительнаго оружія. Народнымъ массамъ нельзя силой навязывать новыхъ вѣрованій, а тѣмъ менѣе возможно разомъ вырывать вкоренившіяся въ нихъ, хотя бы даже и ложныя идеи. Только школа, истинное образованіе народа можетъ въ этомъ отношеніи имѣть на него благотворное вліяніе. Это упустили изъ виду либеральныя кружки, содѣйствовавшіе революціи, и теперь они жестоко платились за то, видя, какъ всѣ ихъ труды оставались напрасными, разбиваясь главнымъ образомъ о невѣжество массъ.

Извѣстныя эпохи нерѣдко порождаютъ людей, въ которыхъ съ особенной отчетливостью выражаются ихъ отличительныя черты, вслѣдствіе чего сама эпоха представляется потомству какъ-бы воплощенію въ живые, осязательные образы, не мало содѣйствующіе къ ея уразумѣнію. Такъ бурное краснорѣчіе большой французской революціи буквально воплотилось въ гигантской личности Мирабо. Масса скептиковъ, людей праздныхъ, которые, радостно привѣтствуя новую свободу, ничѣмъ однако не содѣйствовали къ ея утвержденію и ничего не предпринимали для огражденія ея отъ терроризма, нашли себѣ полное олицетвореніе въ лицѣ Николая Шамфора. Плохой поэтъ, онъ отличался необыкновеннымъ умѣньемъ вести легкій разговоръ. Никто не обладалъ въ такой степени талантомъ граціозной болтовни и мѣткой сатиры.

Онъ родился въ Оверни въ 1741 году и, въ качествѣ незаконнорожденнаго, рано познакомился съ горемъ, которое его сильно ожесточило. Онъ никогда не зналъ своего отца, и тѣмъ

съ большимъ жаромъ стремился собственными силами создать себѣ положеніе. Прибывъ въ Парижъ въ ранней молодости, онъ попробовалъ сдѣлаться драматическимъ писателемъ. Но его пьесы: «Молодая Индіанка», «Купецъ города Смирны», «Мустафа и Зеанжиръ» уже и тогда имѣли мало успѣха, а теперь давно забыты. Но послѣдняя изъ этихъ пьесъ, игранная въ 1776 г., понравилась королевѣ вслѣдствіе намѣковъ, какіе заключались въ ней, на добраго государя, жившаго въ полномъ согласіи съ своими братьями. Послѣ перваго же представленія Марія-Антуанетта пригласила автора къ себѣ и назначила ему ежегодное содержаніе въ тысячу двѣсти ливровъ. Младшій братъ короля, графъ Артуа, сдѣлалъ его своимъ чтецомъ, а принцесса Елизавета своимъ секретаремъ. Видя такіе знаки расположенія со стороны королевской семьи, придворные совершенно естественно ей подражали. Принцъ Конде тоже назначилъ Шамфора своимъ секретаремъ, а другой знатный дворянинъ далъ ему даровое помѣщеніе у себя въ великолѣпномъ дворцѣ, между тѣмъ какъ академія избрала его въ свои члены (1781 г.). Такимъ образомъ, принятый въ высшее общество и осыпанный почестями, болѣе скромный человѣкъ счелъ бы себя вполне удовлетвореннымъ. Съ другой стороны, болѣе независимый характеръ не вынесъ бы долго милостей, которыя нерѣдко давали себя сильно чувствовать. Но Шамфоръ не былъ способенъ ни на то, ни на другое: онъ оставался въ услуженіи у знатныхъ, а въ сердцѣ его копилось все болѣе и болѣе горечи. «Я люблю независимую бѣдность, — сказалъ онъ однажды, — а живу среди богатыхъ людей. Я бѣгаю почестей, а онѣ меня преслѣдуютъ. Единственное мое утѣшеніе составляетъ литература, но я не вижу никого изъ писателей и не посѣщаю академіи. Я считаю иллюзіи необходимыми для людей и самъ живу безъ иллюзій. Страсти, по моему мнѣнію, полезнѣе разсудка, а между тѣмъ я дошелъ до того, что болѣе не знаю, что такое страсть.» Если Шамфоръ несовсѣмъ справедливо характеризуетъ себя этими словами, тѣмъ не менѣе заключающееся въ нихъ противорѣчіе изображаетъ его совершенно вѣрно. Всѣ знали, какой у него былъ богатый запасъ анекдотовъ и остроумныхъ выходокъ; всѣмъ было извѣстно его неподражаемое искусство вести разговоръ, и покровительствовавшая ему знать требовала отъ своего секретаря, чтобы онъ, изъ благодарности ей, отдавалъ свои таланты въ ея распоряженіе. Какъ приглашаютъ виртуозовъ, чтобы наслаждаться ихъ пѣніемъ или игрой, такъ точно приглашали Шамфора, чтобы слушать его разговоръ. Терзаемый завистью, подстрекаемый честолюбіемъ, презирая окружающее его

общество, онъ обыкновенно бросался въ разговоръ очертя голову. И чѣмъ больше страдалъ онъ въ душѣ, тѣмъ больше рѣчь его была остроумна и блестяща, тѣмъ неотразимѣе было его дѣйствіе на слушателей. Онъ ненавидѣлъ это общество, которому не могъ быть равнымъ по происхожденію, и тѣмъ не менѣе былъ къ нему прикованъ. Въ немъ не было достаточно силы воли, чтобъ отказаться отъ денегъ. Проводя время въ праздности, онъ искалъ забвенія въ наслажденіяхъ, но только въ конецъ разстроилъ здоровье, не получивъ ни малѣйшаго облегченія для ума. «Я укротилъ свои страсти,—говоритъ онъ,—подобно суровому наѣзднику, который убиваетъ своего коня, если не можетъ имъ управлять.»

Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ пытался нѣсколько освободиться отъ своего рабства, его заставляли за это дорого платиться. Вотъ какъ онъ въ письмѣ къ одному другу изливаетъ всю свою горечь: «Какъ? — говорятъ они, — развѣ онъ недостаточно вознагражденъ за свои труды честию вращаться въ нашей средѣ, удовольствіемъ забавлять насъ и видѣть съ нашей стороны такое обращеніе, какового не видятъ ни какой другой писатель?... Пиши, если хочешь, провой и стихами, и ты получишь за то нѣсколько похвалъ, множество дерзостей и заработаешь извѣстное число ливровъ, прежде чѣмъ тебѣ достанется пенсіонъ въ 25 или въ 30 луидоровъ. Да тѣ еще приходится оспаривать у соперниковъ, подобно черни, которой на публичныхъ праздникахъ бросаютъ деньги.» И тѣмъ не менѣе онъ принималъ эти деньги, продолжая разыгрывать роль придворнаго, и потомъ вымещалъ свою злобу на всемъ человѣчествѣ, которое осыпалъ жестокими упреками. Часть ихъ дошла до насъ въ собраніи его *Изреченій и Мыслей*, которыми онъ, главнымъ образомъ, составилъ себѣ извѣстность во Франціи. Многіе изъ лучшихъ французскихъ писателей принадлежатъ къ числу такъ-называемыхъ моралистовъ. Таковы: Монтанъ, Паскаль, Лабрюйеръ, Ларошфуко, кроткій Вольтеръ и въ позднѣйшее время Жуберъ. Они не проповѣдуютъ, какъ можно было бы предполагать по ихъ названію, морали въ настоящемъ смыслѣ слова, но предлагаютъ рядъ изреченій, наблюденій, картинокъ и эскизовъ, нравственнымъ содержаніемъ которыхъ стараются дѣйствовать на умы. Къ числу ихъ принадлежитъ также и Шамфоръ. Хотя онъ и не достигаетъ до высоты своихъ предшественниковъ, однако до насъ дошелъ также цѣлый рядъ его изреченій. Ему принадлежитъ извѣстное презрительное выраженіе на счетъ публики, которая его жестоко оскорбила равнодушнымъ пріемомъ, оказаннымъ его драматическимъ произведеніямъ. «Сколько, — спрашиваетъ онъ, — нужно дураковъ, чтобъ

составить публику?» Онъ также пустилъ въ ходъ раздѣленіе друзей на такихъ, которые васъ любятъ, такихъ, которые о васъ никогда не освѣдомляются, и, наконецъ, на такихъ, которые васъ ненавидятъ. Подобно своимъ предшественникамъ, оправдывая свою любовь къ уединенію, онъ говоритъ, что къ своимъ недостаткамъ привыкъ больше, чѣмъ къ недостаткамъ другихъ людей. Затѣмъ онъ совѣтуетъ каждому, кто долженъ являться въ общество, по утрамъ проглатывать жабу: тогда онъ можетъ быть спокоенъ, что цѣлый день не встрѣтитъ уже ничего отвратительнаго.

— «Кто, — восклицаетъ онъ, — спросясь у своего разсудка, рѣшится быть отцомъ?... Я не женюсь, потому что боюсь имѣть сына, который бы во всемъ на меня походилъ, — сына, который былъ бы бѣденъ также какъ я, который, не умѣя лгать, льстить и пресмыкаться, подвергался бы тѣмъ же самымъ экспериментамъ, какъ я.... Взглянувъ серьезно на міръ и на людей, сердцу ничего болѣе не остается, какъ разбиться или очерствѣть.»

Такого рода человѣкъ, конечно, не могъ привѣтствовать революцію иначе, какъ съ радостью. Вскорѣ вся Франція повторила его слова: «Война дворцамъ, миръ хижинамъ», хотя въ сущности онъ имѣлъ весьма мало права ихъ произносить, да и вообще въ нихъ было мало смысла. Онъ же немного позже подалъ аббату Сійесу мысль написать его извѣстное сочиненіе: «Что такое третье сословіе»? ¹⁾ Съ учрежденіемъ національнаго собранія онъ примкнулъ къ Мирабо, которому часто сообщалъ свои мысли, почему и получилъ прозвище его «электрической головы».

Благодарность не была въ числѣ добродѣтелей Шамфора. Подобно тому какъ онъ сталъ теперь противъ короля, также точно отрекся онъ и отъ академіи. Его сочиненіе, направленное противъ этого учрежденія, уронило его въ общественномъ мнѣніи. Получивъ мѣсто бібліотекаря при національной бібліотекѣ, онъ явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ революціи. На всѣ излишества ея у него были только одніи остроты и никогда серьезнаго порицанія. По словамъ Шамфора, девизъ рево-

¹⁾ Однажды Шамфоръ сказалъ графу Лоранге: „Я только-что окончилъ трудъ.“ — „Какой? Вы написали книгу?“ — „Нѣтъ, не книгу, — я не такъ глупъ, а только заглавіе книги, въ которомъ и заключается вся суть. Остальное я предоставилъ нуританину Сійесу, который пусть дѣлаетъ что хочетъ. Но что бы онъ ни написалъ, всеобщее вниманіе будетъ обращено только на заглавіе.“ — „Что же въ немъ говорится?“ — „Что такое третье сословіе? Ничего. Что оно имѣетъ?—Ничего.“ Но Сійесъ впоследствии нѣсколько измѣнилъ это заглавіе, отчего оно стало еще выразительнѣе. См. *Lettres de J. B. Lauraguais à M-me ***. Paris 1862, стр. 160. Sainte-Beuve, Causeries IV. Duval, Mémoires I, 322.*

люди былъ слѣдующій: «Будь мнѣ братъ, или я тебя убью!» Но остроуміе въ это кровавое время тоже считалось опаснымъ оружіемъ, и Шамфору пришлось за него поплатиться. Его арестовали, но скоро выпустили, а затѣмъ вторично заключили въ тюрьму, гдѣ онъ окончилъ жизнь въ страшныхъ страданіяхъ, ранивъ себя въ лицо выстрѣломъ и нанеся себѣ неловкій ударъ бритвой (13 апрѣля 1794).

Кто хочетъ получить полное понятіе объ общественной жизни этого времени, объ оглушительномъ шумѣ и самыхъ рѣзкихъ противорѣчій, сопровождавшихъ революціонное движеніе, — пусть тотъ обратится къ книгѣ Себастьяна Мерсье: «Парижъ во время революціи, или новый Парижъ». Это есть не что иное, какъ собраніе коротенькихъ газетныхъ статей и очерковъ, которые авторъ первоначально помѣщалъ во время Директоріи въ фельетонномъ отдѣлѣ журналовъ.

Себастьянъ Мерсье (1740—1814) былъ уже извѣстенъ публикѣ другими своими сочиненіями. Онъ въ 1770 г. выступилъ на литературное поприще съ произведеніемъ, которое изъ предосторожности называлъ. «2440-й годъ: историческій сонъ». Оно имѣло большой успѣхъ. Въ немъ Мерсье изображаетъ второго Эпименида, который просыпается послѣ здороваго семисотлѣтняго сна и находитъ во Франціи весь порядокъ вещей совершенно измѣнившимся. Эта канва даетъ ему возможность свободно высказывать свои мнѣнія объ общественныхъ и политическихъ отношеніяхъ своего времени. Между прочимъ онъ съ увѣренностью предсказываетъ революцію, хотя не подозреваетъ, что время ея уже почти настало.

Мерсье пробовалъ свои силы и въ области эстетической литературы, въ качествѣ критика и реформатора, и только вслѣдствіе своей литературной оппозиціи попалъ въ число приверженцевъ революціи и былъ избранъ въ члены Конвента. Но онъ вскорѣ явился противникомъ якобинцевъ, во время процесса короля Людовика мужественно его отстаивалъ и подаль голосъ противъ его казни. За то онъ былъ заключенъ въ тюрьму и самъ избѣгъ смерти, только благодаря своевременному паденію Робеспьера. Во время Директоріи Мерсье терпѣлъ большую нужду и вслѣдствіе этого писалъ по заказу статьи для парижскихъ газетъ. То были большею частью воспоминанія о прошломъ или живое, остроумное изображеніе настоящаго, и все вмѣстѣ представляетъ собраніе очерковъ и замѣтокъ, которые отлично рисуютъ эпоху.

Набрасываемые на бумагу безъ всякой системы, въ-торопяхъ, безъ отдѣлки и претензій на изящный слогъ, эти очерки, именно

вслѣдствіе своей безпорядочности, служить самымъ вѣрнымъ и характернымъ изображеніемъ безумной сумятицы, какою ознаменовался этотъ годъ. На одной страницѣ Мерсье говорить о Конвентѣ и красныхъ шапкахъ, на слѣдующей приводитъ народную пѣсню, нѣсколько далѣе описываетъ кабакъ или дворецъ Egalité (Пале-Рояль), а вслѣдъ затѣмъ совершенно неожиданно пускается въ разсужденія о литературѣ и искусствахъ. Но посреди всего этого хаоса, читателю и въ голову не приходитъ желать болѣе систематическаго изложенія. Книгу Мерсье въ томъ видѣ, какъ она есть, по отчетливости и вѣрности, съ какою передаетъ характеръ эпохи, можно сравнить съ фотографіей.

Въ наши дни она приобретаетъ еще двойное значеніе: въ ея описаніи революціи, какъ въ зеркалѣ, отражаются послѣднія парижскія событія. Сходство поразительное во всемъ: въ настроеніи умовъ, въ дѣйствіяхъ массы, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ жизни. Парижане съ тѣхъ поръ ничему не научились, но и ничего не забыли. Тогда пруссаки, правда, не стояли подъ стѣнами города, но республика вела тагостную для нея войну и границамъ Франціи угрожали могущественные враги. Кромѣ того, тогда, какъ и теперь, тамъ царствовали голодъ, внутренняя неурядица и полное экономическое разореніе.

Мерсье описываетъ все это съ болью въ сердцѣ, которое однако тотчасъ переполняется горечью, лишь только онъ начинаетъ говорить о самихъ парижанахъ. «Въ эпоху революціи,—пишетъ онъ,—людей въ шесть мѣсяцевъ можно узнать гораздо лучше, чѣмъ въ другое время въ теченіи двадцати лѣтъ». Ему принялось видѣть всѣ ужасы той эпохи, всѣ крайности, какимъ предавалось какъ образованное общество, такъ и невѣжественная чернь. Когда онъ касается подробностей тогдашняго положенія вещей, то кажется, будто присутствуешь при совѣщенныхъ событіяхъ. Мерсье также упоминаетъ о непоколебимой вѣрности въ побѣдѣ, какая воодушевляла всѣхъ парижанъ. Что Парижъ неприступенъ и непобѣдимъ, было уже тогда твердымъ убѣжденіемъ cadaго изъ обитателей береговъ Сены. Въ народѣ ходили баснословные слухи и онъ всему вѣрилъ, все принималъ за чистую монету. Съ другой стороны, повсюду чуялись шпионы и измѣнники и никто не былъ вполнѣ обезпеченъ отъ такого рода подозрѣній. Только главный виновникъ всего въ то время назывался не Бисмаркомъ, а Питтомъ, и англійскія деньги безразлично являлись на помощь какъ роялистамъ, такъ и якобинцамъ, все съ цѣлью въ конецъ уничтожить Францію. Мерсье съ достовѣрностью знаетъ, что англійскій кабинетъ подготовилъ бѣгство

Людовика XVI на Санъ-Доминго, для того, чтобъ оттуда удобнѣе противодѣйствовать революціи. Онъ не менѣе увѣренъ также и въ томъ, что Питтъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ паденію жирондистовъ, которыхъ преслѣдовалъ за то, что имъ были извѣстны его тайны. Не сомнѣвается онъ также и въ томъ, что Робеспьеръ находился на жалованьи у Англіи. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ Мерсье явно служить только отголоскомъ общественнаго мнѣнія. Ходили между прочимъ и слухи о намѣреніи Робеспьера жениться на дочери Людовика XVI, чтобы посредствомъ этого брака овладѣть престоломъ. Но во всѣхъ несообразностяхъ и нелѣпостяхъ подобнаго рода есть своя доля утѣшенія. Сравнивая нынѣшнюю ненависть Франціи къ Пруссіи съ ея тогдашними порывами ярости противъ коварнаго Альбіона, и припоминая, какъ эта ярость совсѣмъ улеглась по истеченіи пятидесяти лѣтъ, невольно начинаешь надѣяться, что французы и нѣмцы также не замедлятъ скоро опять сдѣлаться друзьями.

Въ 1794 г.,—рабскаго стиля, какъ тогда говорили,—или во II-мъ году республики, въ Парижѣ, хотя онъ и не былъ осажденъ непріятельской арміей, открылся страшный недостатокъ въ свѣстныхъ припасахъ. Мерсье рисуетъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ поразительную картину страданій и отчаянной борьбы изъ-за куска хлѣба. Въ наши дни мы видѣли въ Парижѣ такую же, если еще не болѣе ужасную нужду, которая невольно вызываетъ на сравненія. Община была вынуждена опредѣлить количество ежедневнаго потребленія мяса, запасъ котораго былъ такъ скуденъ, что его приходилось на человѣка по одному фунту каждыя десять дней. «Какая блѣдность, — говоритъ Мерсье — вдругъ разлилась по лицу матерей, какія горькія слезы полились у нихъ изъ глазъ, когда имъ вдругъ сдѣлалось извѣстно столь страшное распоряженіе. Разбойничьи шайки дѣлали опаснымъ пребываніе въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы. Онѣ нападали на уединенныя дачи и грабили всѣ свѣстные припасы, какіе только имъ попадались подъ руки. Но вскорѣ даже и разбой оказался безсильнымъ для добыванія пищи. Уже въ девять часовъ утра нѣкогда столь обильные рынки бывали совершенно пусты, и только развѣ на зарѣ еще оказывалась возможность что-нибудь на нихъ добыть. Но и тутъ представлялось затрудненіе, какъ проникнуть на рынокъ. Уже съ полночи составлялись длинныя ряды женщинъ, которыя, несмотря на непогоду, проводили цѣлыя часы на открытомъ воздухѣ, выжидая открытія рынковъ, чтобъ неимоверными усиліями завоевать себѣ нѣсколько яицъ, или немного масла. Возбужденное населеніе, и безъ того

повсюду видѣвшее измѣну, не преминуло и голодъ приписать коварному непріятелю, который не допускалъ подвоза въ столицу съѣстныхъ припасовъ. Мерсе, совершенно естественно, тоже такъ думаетъ. «Всѣ лица были печальны; повсюду раздавались проклятія на жизнь и на злодѣевъ—виновниковъ голода!»—говорить онъ въ одномъ мѣстѣ и продолжаетъ описаніемъ сценъ, каждое утро повторявшихся передъ лавками мясниковъ и булочниковъ. Недовольныя толпы возрастали съ каждой минутой. Жандармы верхомъ на лошадяхъ сновали взадъ и впередъ, и давили людей подъ предлогомъ поддерживать между ними порядокъ и защищать ихъ отъ несчастныхъ случаевъ. На улицахъ часто царствовало неописанное смятеніе и происходила настоящая борьба. Гигантскіе носильщики, на жалованьи у знатныхъ и вліятельныхъ лицъ, нерѣдко силой врывались въ мясныя лавки и, не слушая никого, уносили оттуда цѣлыя четверти говядины, между тѣмъ какъ бѣдные и слабые, и въ числѣ ихъ многія женщины, измученныя долгими ожиданіями, возвращались домой, къ дѣтямъ, съ пустыми руками. Тоже самое происходило и передъ булочными, гдѣ народъ толпился, какъ въ другое время у театровъ. Даже масло, жиръ, мыло и тому подобные товары добывались не иначе, какъ съ боя, не говоря уже о цѣнахъ, которыя достигали баснословныхъ размѣровъ. Въ харчевняхъ потребителямъ предлагались, какъ лакомыя блюда, пара селедокъ съ накрошеннымъ лукомъ, варенныя сливы или жиденькая чечевичная похлебка, между тѣмъ, какъ тутъ же рядомъ, въ Пале-Рояль, гастрономы могли еще получать за пятьдесятъ франковъ довольно сносный обѣдъ.

Тогда, какъ и теперь, посреди всеобщей разнузданности и хаоса, не нашлось человѣка съ ясной головой и твердымъ характеромъ, который, захвативъ въ свои руки правленіе, сумѣлъ бы спасти страну отъ военнаго деспотизма. Недостатокъ въ политическомъ здоровомъ смыслѣ и въ проницательности различныхъ партій и народа, чувствовался тогда еще сильнѣе, чѣмъ теперь. Всѣ осыпали другъ друга упреками; кто осмѣливался не раздѣлять мнѣнія большинства, немедленно причислялся къ разряду «несчастныхъ» и объявлялся «преступникомъ». Кюве рассказываетъ въ своемъ похвальномъ словѣ Ласепеду, какъ этотъ послѣдній прочелъ однажды въ одной газетѣ свое имя въ числѣ «несчастныхъ, которые согласились дѣйствовать во вредъ народу». Редакторъ этой газеты былъ частымъ гостемъ въ домѣ Ласепеда и всегда отлично принятъ. Онъ не замедлилъ явиться туда и послѣ выхода въ свѣтъ вышеупомянутой статьи. Ласепедъ заго-

ворилъ съ нимъ о ней и въ отвѣтъ получилъ только изумленный вопросъ, неужели ему неизвѣстно настоящее значеніе этого слова? «Несчастный» означаетъ ни болѣе ни менѣе, какъ человѣка, который не раздѣляетъ мнѣнія большинства, и потому названіе это никакъ не можетъ быть принято за оскорбленіе.

Мерсье не совсѣмъ такъ думалъ и особенно дурно отзывался о своихъ собратяхъ, журнальныхъ писателяхъ. То, что онъ говорить о нихъ, отлично можетъ быть примѣнено къ политическимъ болтунамъ и героямъ прессы современной Франціи. «Зайдетъ ли рѣчь о революціи,—пишетъ онъ,—постоянно раздаются однѣ и тѣ же фразы: слѣдовало бы сдѣлать то-то, надлежало бы избрать того-то, лучше было бы выступить въ походъ въ такой-то часъ. Всѣ они удивительные пророки, когда событія уже миновали; они разсыпаются въ бесполезныхъ возгласахъ и произносятъ рѣчи передъ гремящимъ водопадомъ, думая своимъ голосомъ удержать паденіе гнѣющагося потока... Сколько фальшивыхъ идей и ложныхъ сужденій, какое незнаніе причинъ и слѣдствій различныхъ событій!»

Для полноты сходства между тогдашнимъ и нынѣшнимъ положеніемъ вещей не было также недостатка и въ тайныхъ бумагахъ низвергнутаго правительства. Уже въ 1789 году одинъ членъ національнаго собранія открылъ существованіе «Красной книги», въ которой заключался списокъ пенсіонеровъ и содержанія различныхъ лицъ. Книга эта по приказанію національнаго собранія была обнародована нѣсколько позже, и Мерсье прибавилъ къ ней свои замѣчанія. Во главѣ списка стоялъ нѣмецкій принцъ, который получалъ четыре пенсіона, составлявшіе въ общемъ 48,000 ливровъ, и всѣ четыре въ видѣ вознагражденія за службу въ качествѣ полковника. За нимъ слѣдовалъ президентъ съ тремя пенсіонами; первый—онъ получалъ какъ президентъ и управляющій, второй—какъ управляющій и президентъ, а третій «по вышеизложеннымъ причинамъ». Другой счастливецъ, королевскій лейбъ-хирургъ, пользовался будто привилегіей вѣзять податъ съ каждаго цирюльника въ странѣ, вслѣдствіе чего имѣлъ ежегодный доходъ въ 62,000 ливровъ. Въ числѣ получавшихъ пенсіоны были также и дамы. На имя одной были записаны двѣ суммы «въ уваженіе къ оказаннымъ ею услугамъ и съ цѣлью облегчить ей вступленіе въ бракъ». Другая получала три пенсіона: «въ видѣ продолженія»—«безъ причины»—и «какъ тайное содержаніе», и такъ далѣе.

Гораздо забавнѣе слушать Мерсье, когда онъ толкуетъ, на примѣръ, о недостаткѣ въ странѣ бумаги, отъ котораго терпѣли

даже правительственныя мѣста. Торговый департаментъ принужденъ былъ сдѣлать особенное донесеніе объ этомъ недостаткѣ бумаги, который затруднялъ появленіе газетъ и имѣлъ многія другія непріятныя послѣдствія. «Французскій Меркурій» ядовито замѣчаетъ, что это весьма естественно въ странѣ, гдѣ ежедневно на уличныя стѣны милліоны объявленій, прокламацій, приговоровъ, банковыхъ билетовъ, клеветъ, доносовъ и извиненій: гдѣ ежедневно отсылаются въ провинціи тысячи листовъ, громадныхъ размѣровъ газетъ, журналовъ и цѣлые тюки всякаго рода гениальныхъ произведеній. Въ изобиліи встрѣчались только одного рода бумаги, а именно ассигнаціи. Ихъ было такъ много, что никто уже не хотѣлъ ихъ принимать. Мерсье рассказываетъ, что однажды онъ заплатилъ извозчику за одинъ конецъ шесть тысячъ ливровъ. Правда, что ливдоръ въ то время равнялся двадцати тысячамъ ассигнаціями.

«Чтобы сдѣлаться собраніемъ всевозможныхъ зрѣлищъ, Парижу не доставало только превратиться еще въ парадный плацъ, говоритъ Мерсье. Явилось и это. Вскорѣ ежеминутно стали раздаваться звуки военнаго марша, по улицамъ начали разѣзжать пушки, Тюльерійскій садъ наполнился конницей. Тамъ видѣлась раскинутая палатка, здѣсь лошадиныя копыта разрушали роскошные цвѣтники: могло казаться, что находишься посреди вѣствующаго лагеря. Горожане уже привыкли къ барабанному бою и къ виду военныхъ мундировъ; драгуны и гусары то-и-дѣю скачутъ взадъ и впередъ; на улицахъ ежеминутно встрѣчаются генералы съ тяжелыми эполетами, съ шарфомъ черезъ плечо, съ красными перьями на шляпахъ. Солдаты смѣняются въ караулъ, ходятъ дозоромъ и упражняются въ маршированіи и стрѣльбѣ. Каждый день сожигается значительное количество пороху, повсюду раздаются ругательства и пахнетъ казармой. Солдатская шинель нынче въ большой модѣ, а при бритвѣ вмѣсто мыльнаго таза употребляются осколки бомбъ, нарочно выписываемые изъ Валансьена или изъ Лілля. — «Кто идетъ?» недавно раздался вопросъ на одномъ изъ постовъ. — «Это я, гражданинъ!» было жалкимъ отвѣтомъ. Карательный прицѣлился, собираясь выстрѣлить. — «Господь съ тобой, любезный другъ, вѣдь я тебѣ заплатилъ за то, чтобъ ты отправлялъ караулъ вмѣсто меня!» Задержанный оказался дворяниномъ, который послалъ за себя служить своего повара.»

Еще многое можно было бы заимствовать изъ рассказовъ Мерсье такого, что вполне подходило бы подъ современныя событія. Мы могли бы указать на цѣлый рядъ картинокъ въ стилѣ нынѣшняго жанра, которыя изображаютъ въ каррикатурномъ видѣ

старую аристократію и ничтожныхъ господчиковъ-роялистовъ, носившихъ прическу *à la Titus* и только волосами выражавшихъ свою оппозицію. Они полагали, что имя добраго Тита непременно всякому станетъ напоминать добраго Людовика. Поразительное своимъ разнообразіемъ, но далеко не отрадное зрѣлище представлялъ также Пале-Рояль съ своими игорными домами, роялистскими и якобинскими заговорщиками, потерянными женщинами и ворами, съ своей знатной, но поблеклой обстановкой, съ своей роскошью и нищетой. Только соединивъ всю эту массу очерковъ въ одну картину и вполнѣ познавшагося съ воцарившимися въ обществѣ легкомысліемъ и безстыдными модами, а въ особенности съ проглядывавшею повсюду политической недобросовѣстностью,—впервые начинаешь ясно сознавать, какое пагубное вліяніе имѣло на весь французскій народъ время терроризма и директоріи. Періодъ стремленія къ возвышеннымъ идеаламъ и къ самопожертвованію миновалъ безвозвратно; потоки пролитой крови затопили ихъ и подготовили господство меча.

Мерсье часто съ грустью останавливается на предчувствіи близкаго паденія великолѣпной столицы. «Будетъ тотъ день и падетъ священная Троя», говорилъ Гомеръ, и Мерсье печально размышляетъ, что Парижъ, несмотря на всѣ свои чудеса, представится взорамъ позднѣйшихъ изыскателей прошлаго далеко не такимъ величественнымъ и прекраснымъ, какими представляются намъ теперь остатки древняго Вавилона. Такая заботливость о приличной смерти и даже о посмертномъ впечатлѣніи на потомство въ высшей степени характеристична.

Но фельетоны Мерсье, рисующіе Францію именно въ моментъ подобнаго разложенія, служатъ наилучшимъ доказательствомъ того, сколько жизненныхъ силъ скрывается во французскомъ народѣ. Если онъ могъ оправиться отъ страшныхъ крайностей временъ революціи и имперіи, то тѣмъ легче онъ страхнетъ съ себя и всѣ слѣды деморализаціи, послѣдственной въ немъ второй имперіей. Правда, страна была тогда побѣждена внѣшнимъ непріятелемъ, но онъ тѣмъ не менѣе стоялъ у ея границъ и угрожалъ ей изъ Голландіи и съ Рейна. Лучшая военная гавань на югѣ Франціи находилась въ рукахъ у англичанъ; внутри свирѣпствовала междоусобная война, а правильное войско было распущено. Повсюду царствовала страшная нужда; всякій, кто могъ носить оружіе, былъ завербованъ въ революціонную армію; женщины и дѣти умирали съ голоду. Франція бѣднѣла съ каждымъ днемъ. Знатныя семейства всѣ или погибли на эшафотѣ, или эмигрировали, ихъ имѣнія были конфискованы республикой и распрода-

ны за самую ничтожную цѣну; промышленность находилась въ страшномъ упадкѣ, а искусства въ загоиѣ, такъ какъ они считались принадлежностью аристократіи. Не даромъ училъ Руссо, что стѣны городовъ воздвигаются изъ развалинъ крестьянскихъ жилищъ; — не даромъ увѣрялъ онъ, что всякій разъ, когда на его глазахъ строился новый дворецъ, ему казалось, будто онъ присутствовалъ при разореніи цѣлыхъ областей.

Въ это время погибло много драгоценныхъ собраний и богатыхъ библіотекъ. Въ Нанси сожгли картинную галерею, стоимость которой доходила до нѣсколькихъ сотенъ тысячъ. Изъ королевской библіотеки исчезло 652 ящика, наполненные рукописями и разнаго рода документами. Всякое воспоминаніе о прошломъ старательно изглаживалось. Во многихъ мѣстахъ книги въ библіотекъ укладывались въ бочки, гдѣ онѣ предназначались гнію, но предварительно жандармы саблями срывали съ нихъ дорогие переплеты, украшенные аристократическими гербами. Науки тоже считались, если не опасными, то, во всякомъ случаѣ, вредными. Байльи, одинъ изъ первыхъ астрономовъ въ странѣ и любимецъ народа, несмотря на свои заслуги, былъ безжалостно умерщвленъ. Знаменитый химикъ Лавуазье, просившій короткой отсрочки въ исполненіи надъ нимъ смертнаго приговора, думая, что онъ окончитъ важное химическое изысканіе, получилъ отъ казнь съ замѣчаніемъ, что республика не нуждается въ химіи.

Но не слѣдуетъ приписывать исключительно революціоннымъ идеямъ всѣхъ ужасовъ, какія въ это страшное время совершили изступленные фанатики. Эдгаръ Кинэ весьма справедливо замѣчаетъ въ своей исторіи революціи: «Варварство вошло въ силу не потому только, что на сцену выступили невѣжественныя массы. Подъ блестящей поверхностью восемнадцатаго столѣтія существовали въ полной силѣ Мальотены и Кабошъены четырнадцатаго вѣка. Крѣпостное состояніе сохранило чернь въ положеніи средневѣковаго варварства; разбивъ свои оковы, она начала сражаться оружіемъ и съ яростью давно прошедшихъ временъ»¹⁾.

Передовые люди не были заражены ни этими заблужденіями, ни этой ненавистью къ просвѣщенію. Въ тѣ дни, когда Франціи всего болѣе угрожало варварство, Конвентъ издалъ по этому случаю рядъ весьма важныхъ постановленій. Онъ предпринялъ пере-

¹⁾ Edgar Quinet, La révol. I, 79. Мальотенами назывались толпы парижской чернѣ, вооруженной орудіемъ въ родѣ молота или колотушки. Кабошъены были парижскіе масоны, которые подъ предводительствомъ своего начальника, Кабоша, играли роль въ кровавой исторіи четырнадцатаго столѣтія.

смотреть уже существовавших законовъ и назначилъ комиссію для разработки новыхъ. Нѣсколько позже Наполеонъ воспользовался его трудами съ весьма немногими измѣненіями, но всю честь ихъ приписалъ одному себѣ. Далѣе, Конвентъ положилъ основаніе «Институту» и «Нормальной Школѣ», этому разсаднику учителей для высшихъ классическихъ училищъ. Онъ же призналъ за правительствомъ обязанность воспитывать всѣхъ дѣтей, и объявивъ образованіе обязательнымъ, указалъ путь для послѣдующихъ поколѣній. Онъ такъ далеко зашелъ въ своемъ поклоненіи государственному устройству грековъ и римлянъ, что вовсе запретилъ частное воспитаніе и требовалъ безусловно, чтобы всѣ дѣти посѣщали общественныя заведенія. Конвентъ явно хотѣлъ, чтобы образованіе пустило во Франціи глубокіе корни. Но планы его, за неимѣніемъ людей, часто приводились въ исполненіе не совсѣмъ удачно. Слишкомъ много вниманія было обращено на внѣшность, и дѣтямъ уже съ азбукой старались внушать патріотическія и республиканскія идеи. Трудно повѣрить, до какихъ крайностей иногда доходили преподаватели. Такъ, напримѣръ, въ катехизисѣ гражданки Демаре стоятъ слѣдующіе вопросы и отвѣты:

Вопросъ: Кто ты?

Отвѣтъ: Дитя отечества.

Вопросъ: Въ чемъ заключаются твои богатства?

Отвѣтъ: Въ свободѣ и равенствѣ.

И подобная мудрость предназначалась пяти и шестилѣтнимъ мальчикамъ!

Могла ли при такихъ условіяхъ существовать литература?

Едва ли. Всѣ замѣчательнѣйшіе таланты бросились въ общественную дѣятельность, которая быстрее и легче удовлетворяла ихъ честолюбіе. Вліяніе на массы раздѣляли между собой три силы: трибуна, политическая печать и театръ, и хотя всѣ три мало отличались литературными достоинствами, тѣмъ не менѣе представляютъ живой историческій интересъ. Онѣ стояли во главѣ умственнаго развитія эпохи и оставляли весьма мало мѣста настоящему творчеству. Хотя въ самые тяжелые дни «царства ужаса» въ литературѣ, вѣроятно въ силу противорѣчія, и господствовало нѣжное, меланхолическое, наивное направленіе, однако истинному поэтическому духу тамъ негдѣ было развернуться и ему поневолѣ приходилось молчать. Въ теченіе всего этого времени появился только одинъ поэтъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: Андре Шенье, да и тотъ не рѣшался печатать своихъ произведеній.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ.

По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ.

Въ апрѣлѣ 1869 года, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Кларендонъ обратился къ дипломатическимъ агентамъ Англіи и ея консуламъ съ просьбою доставить ему свѣдѣнія о положеніи промышленныхъ и ремесленныхъ классовъ въ различныхъ государствахъ. Свѣдѣнія эти должны были главнымъ образомъ касаться отношенія численности рабочаго класса къ численности другихъ классовъ населенія, характера жилищъ и пищи рабочихъ, отношеній хозяевъ къ наемщикамъ, размѣра заработной платы и вообще всѣхъ данныхъ, характеризующихъ положеніе силъ рабочаго рынка въ той странѣ, изъ которой требовались свѣдѣнія, и указывающихъ на возможность и пользу появленія на немъ предложенія работы со стороны англійскихъ рабочихъ. „Всѣ свѣдѣнія объ этихъ предметахъ, прибавляетъ циркуляръ, могутъ принести большую пользу въ нашей странѣ (Англіи), давая возможность сравнить условія, при которыхъ трудъ существуетъ въ другихъ государствахъ, съ условіями, которыми онъ обставленъ въ Великобританіи, и усмотрѣть, гдѣ могутъ искать наивыгоднѣйшаго приложенія предпримчивость и искусство нашего англійскаго рабочаго“. Затѣмъ, въ іюнѣ 1870 года, усматривая, что свѣдѣнія, доставляемыя вслѣдствіе этого циркуляра, не вполне удовлетворительны, лордъ Кларендонъ разослалъ другой, въ которомъ болѣе подробно изложилъ свои требованія. Во главѣ своей

программы онъ поставилъ вопросъ о сравненіи стоимости содержанія рабочаго въ данной мѣстности со стоимостью содержанія его въ Англіи, причемъ просилъ принять во вниманіе размѣръ заработной платы и отношеніе ея къ расходамъ рабочаго, чтобы англичане могли заранѣе разсчитать, имѣютъ ли они возможность при извѣстномъ заработкѣ получить тѣ же жизненные удобства, которыми пользуются въ своемъ отечествѣ, и не придется ли имъ, несмотря на возвышенную плату, не удовлетворить своихъ обычныхъ потребностей вслѣдствіе относительной дороговизны предметовъ первой необходимости. Разрѣшеніе вопроса этого побудило большинство агентовъ весьма подробно разсмотрѣть бюджетъ доходовъ и расходовъ рабочаго. Далѣе, лордъ Кларендонъ требовалъ свѣдѣній по слѣдующимъ предметамъ: какія существуютъ мѣры, ограждающія здоровье рабочихъ; какой они могутъ пользоваться пищей; какіе напитки вредны, какіе полезны; какую должно носить одежду въ разные времена года; существуютъ ли не вдалекѣ отъ мѣста работы здоровыя жилища для рабочихъ; хорошо ли освѣщается воздухъ въ этихъ жилищахъ, ограждены ли они отъ вреднаго вліянія сырости, мѣзмовъ и нечистотъ; какъ велико число рабочихъ часовъ въ сутки; достаточно ли хорошо работники знаютъ свое дѣло, достаточно ли добросовѣстно выполняютъ его, какъ они относятся къ низкой заработной платѣ, какое вліяніе въ данной странѣ оказываетъ искусство и добросовѣстность рабочаго на размѣръ этой платы и проч.

Конечно, запросы министра не остались безъ отвѣтовъ. Со всѣхъ концовъ свѣта, изъ всѣхъ странъ, куда только проникли англичане, появились рапорты, болѣе или менѣе удовлетворительно очерчивающіе матеріальное положеніе работника. Рапорты эти, составившіе три большихъ тома, заключающихъ въ себѣ около 150 печатныхъ листовъ, были представлены на разсмотрѣніе англійскаго парламента. Они коснулись размѣровъ заработной платы, стоимости содержанія рабочей семьи, количества и качества работы, образа жизни рабочихъ, ихъ жилищъ, пищи и одежды. Особенности законодательства, относящіяся до рабочаго класса; различныя условія общественной жизни, имѣющія вліяніе на бытъ работника и его нравственныя качества, не были также оставлены безъ вниманія. Матеріальная сторона ставилась почти всѣми составителями донесеній на первый планъ, а остальныхъ предметовъ рапорты касались настолько, насколько это необходимо для пополненія экономическаго очерка. По разсматриваемымъ нами матеріаламъ почти для всякой страны можно составить себѣ довольно ясное понятіе о бюджетѣ доходовъ и расходовъ рабочаго, и о томъ, какія удобства жизни доступны для него при данномъ заработкѣ. Источники свѣдѣній, изложенныхъ въ доне-

сеніяхъ, выбирались ихъ составителями съ большою осмотрительно-
 стью, общій тонъ ихъ отличается спокойствіемъ и безпристрастіемъ,
 и если встрѣчаются выводы, съ которыми не всегда можно согла-
 шаться, то они никогда самихъ фактовъ не затемняютъ и оставляютъ
 возможность относиться къ нимъ весьма многосторонне. Это безпри-
 страстіе и отсутствіе всякой тенденціозности при группировкѣ со-
 бранныхъ данныхъ придаютъ донесеніямъ этимъ весьма много цѣнъ.
 О положеніи рабочихъ много писано, говорено и печатано. Цифры,
 фактовъ и размышленій по этому предмету накопилась тѣма, но въ
 большинствѣ случаевъ всѣ они задрапированы какими-либо тенден-
 ціями, затмѣвающими истину. Съ одной стороны представители кон-
 сервативнаго элемента или представители капитала, группируя факты,
 относящіеся до рабочаго вопроса, стараются убѣдить другихъ и убѣ-
 диться сами, что положеніе рабочихъ не дурно, что оно постепенно
 улучшается правительственною властью и усиліями капиталистовъ,
 что недовольство своимъ положеніемъ этихъ людей происходитъ
 изъ самыхъ дурныхъ источниковъ, наклонности къ лѣни, къ роскоши,
 зависти и проч., и что оно поддерживается агитаторами, мечта-
 щими о перекройкѣ всего общественнаго устройства по своему набо-
 лону, форма котораго удобна для нихъ самихъ. Съ другой стороны
 о рабочихъ хлопочутъ, говорятъ, пишутъ и на нихъ дѣйствуютъ люди,
 враждебно относящіеся къ власти и капиталу, признающіе въ по-
 слѣднихъ источникъ всякаго зла для современнаго общества и для
 массы народа, изнемогающаго подъ бременемъ труда, лишній и не-
 вѣжества. Эти люди всѣ свои надежды на міровой прогрессъ воз-
 лагаютъ на народъ; за высшими сословіями не признаютъ никакой
 жизненности и способности его двигать; требуютъ разрушенія ста-
 рого порядка. Но они еще не начертали законченныхъ плановъ для
 новыхъ зданій, не заготовили матеріаловъ для ихъ сооруженія и дѣй-
 ствуютъ для народа во имя идей, часто для него совершенно, въ на-
 стоящее время, недоступныхъ. Какъ тѣ, такъ и другіе относятся къ
 рабочей силѣ пристрастно, хотя быть можетъ съ ихъ точки зрѣнія
 и добросовѣстно, т.е. умышленно не извращаютъ фактовъ, а только
 останавливаютъ свое вниманіе на тѣхъ, которые имъ болѣе нравятся
 и не могутъ отрѣшиться отъ своихъ крайнихъ воззрѣній, отъ своихъ
 личныхъ, такъ сказать, интересовъ настолько, чтобы не окрашивать
 факты и выводы любезнымъ ихъ сердцу оттѣнкомъ и тѣмъ затем-
 няютъ ихъ естественныя очертанія. Среди массы такихъ матеріаловъ,
 чуждыхъ всякой тенденціозности, англійскія донесенія составляютъ
 весьма драгоценные документы. Они собраны людьми чужой націи,
 совершенно объективно относящимися къ фактамъ, ими анализируе-
 мымъ. Для собирателей лично не представляется никакихъ выгодъ

вносить въ свои работы какія бы то ни было тенденціи; если же они желали держаться нѣкоторой тенденціозности въ видахъ подкрѣпленія политическихъ идей, ими самими исповѣдуемыхъ, то цѣль, съ которой составлялись ихъ донесенія, невольно обращала ихъ на объективный путь. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль донесеній заключалась въ томъ, чтобы открыть для англійскаго рабочаго источники существованія нѣ своей родины или доставить Англій полезныя рабочія силы. Очевидно, что для этого надо было разсмотрѣть положеніе рабочаго въ каждой странѣ не съвою призму какихъ бы то ни было предвзятыхъ идей или теорій, а простымъ глазомъ, вооруженнымъ только беспристрастіемъ. Надо было свести всѣ свои изслѣдованія на голые факты, относящіеся до матеріальнаго его положенія въ данную минуту, и дать отвѣтъ на вѣстой вопросъ: можетъ-ли быть въ данной странѣ англійскій рабочій сытъ, одѣтъ и здоровъ, найдетъ онъ себѣ работу или нѣтъ. Отвѣтъ вполне опредѣленный могъ быть построенъ только на осязательныхъ данныхъ. Отвлеченные выводы, которые каждый изъ составителей рапортовъ желалъ бы дѣлать, не могли измѣнить фактовъ и цифръ, ими собранныхъ, которые они должны были положить въ основаніе своей работы. Такой характеръ разсматриваемыхъ нами матеріаловъ, повторяемъ, придаетъ имъ много цѣны и ими смѣло могутъ пользоваться спокойные мыслители, люди науки, беспристрастно относящіеся къ той или другой сторонѣ рабочаго вопроса, которые трудятся надъ возстановленіемъ фактовъ въ ихъ абсолютно-вѣрномъ видѣ и надъ выводомъ законовъ, которые необходимо имѣть въ виду для правильнаго разрѣшенія вопроса. Къ голосу этихъ людей, не совсѣмъ еще впрочемъ твердо, понемногу прислушиваются обѣ враждебныя стороны, и радикалы и консерваторы, но менѣе всего къ сожалѣнію народныя массы, для которыхъ покуда еще недоступенъ голосъ науки.

Если обѣ крайнія партіи усмѣютъ и съумѣютъ примириться во время, благодаря всеосвѣщающей и всепримиряющей наукѣ, и если и тѣ и другіе найдутъ возможность, во имя истиннаго прогресса, во имя благосостоянія массъ и матеріальнаго, и нравственнаго, подать другъ другу руку, а сами рабочіе настолько пресѣдутся, что получатъ возможность беспристрастно относиться къ предлагаемымъ имъ вниманію теоріямъ, то рабочій вопросъ, если не будетъ разрѣшенъ, — то по крайней мѣрѣ поставленъ на настоящій путь безъ разрушительныхъ толчковъ. Счастливо то правительство, которое имѣетъ возможность уяснить себѣ положеніе рабочаго сословія въ странѣ и отношеніе его къ капиталу, при помощи вполне достовѣрныхъ, чуждыхъ тенденціозной окраски свѣдѣній, и которое не отвернется отъ выводовъ беспристрастной

науки, сдѣланныхъ при помощи этихъ же данныхъ. При этомъ, одно изученіе данныхъ, относящихся до своей страны, не можетъ вполне уяснить положенія рабочихъ и требованій, которыя необходимо удовлетворить. Только изъ сравненія этихъ данныхъ съ данными, относящимися до другихъ государствъ, возможно вполне сознательно опредѣлить свою программу дѣйствій. Мы говоримъ, что для правительства необходима такая работа, но для успѣшнаго ея выполненія надо, чтобы и самое общество, на которое правительство опирается, совершая тѣ или другія реформы въ государствѣ, имѣло правильный взглядъ на побудительныя причины, вызвавшія эти реформы; иначе осуществленіе ихъ можетъ стать крайне затруднительнымъ. Въ виду этого, мы желаемъ сгруппировать въ настоящей статьѣ всѣ данныя и факты, представляемые англійскими донесеніями, при помощи которыхъ представляется возможность составить довольно вѣрное представленіе о матеріальномъ положеніи рабочаго въ той или другой странѣ, причемъ мы будемъ избѣгать всякихъ теоретическихъ или отвлеченныхъ выводовъ. Намъ нужно будетъ прибѣгать часто къ цифрамъ, безъ которыхъ нельзя стать на твердую почву; поэтому мы просимъ читателя не поскучать обиліемъ числовыхъ данныхъ и внимательно къ нимъ отнестись. Программа наша такова: для каждой страны мы сдѣлаемъ общій очеркъ положенія рабочаго класса, подраздѣляя рабочихъ на земледѣльческихъ, фабричныхъ и ремесленныхъ; затѣмъ для cadaго разряда выведемъ размѣръ расходовъ, необходимыхъ для поддержанія существованія семьи, и противопоставимъ эти цифры размѣрамъ заработной платы, которая идетъ на ихъ покрытіе; далѣе, укажемъ на количество дневного труда, при которомъ выручается данный заработокъ, и коснемся вопроса о доступныхъ для рабочаго матеріальныхъ сбереженіяхъ, потребныхъ для упроченія его матеріальнаго благосостоянія, а также о досугѣ отъ физическаго труда, безъ котораго невозможенъ нравственный прогрессъ. При этомъ нельзя будетъ не обратить вниманіе на матеріальную обстановку, на жилища, одежду и пищу рабочихъ, чтобы уяснить, какими удобствами жизни можетъ пользоваться рабочій при данномъ заработкѣ и данныхъ расходахъ. Тамъ, гдѣ эти удобства жизни представляются въ очень жалкомъ видѣ, трудно разсчитывать на сбереженія, и обратно: тамъ, гдѣ накапливаются сбереженія, эта обстановка уже должна представляться въ болѣе или менѣе нормальномъ видѣ. Если для взрослого рабочаго досугъ, оставляемый физическимъ трудомъ, играетъ большую роль, то для дѣтей онъ еще важнѣе. Въ странѣ, гдѣ дѣти обременены работой, трудно ожидать быстрого возвышенія благосостоянія рабочихъ: дѣти истощаются физически, не имѣютъ достаточно времени для своего образованія — и нѣтъ основанія ожидать, чтобы

подростающему поколѣнію жилось лучше, чѣмъ зрѣлому. Поэтому на работѣ, исполняемой дѣтьми, и ихъ содержаніи мы непремѣнно будемъ останавливаться.

Русское правительство, стремящееся, въ послѣднія 12-ть лѣтъ, совершить мирнымъ законодательнымъ путемъ радикальныя реформы, клонящіяся къ возвышенію народнаго благосостоянія, поставило въ послѣднее время на очередь капитальный вопросъ о преобразованіи системы податей, лежащихъ нынѣ на рабочемъ (такъ-называемомъ доселѣ податномъ) сословіи Россіи. Ясно, что отъ болѣе или менѣе правильнаго разрѣшенія этого вопроса будутъ зависѣть многія условія дальнѣйшаго развитія Россіи какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Правильное же разрѣшеніе его возможно только при тщательномъ изученіи экономическаго положенія рабочаго въ той или другой мѣстности, при осязательныхъ числовыхъ данныхъ, опредѣляющихъ степень обременительности существующаго налога для однихъ и возможности возвышенія его для другихъ. Данные эти, собранныя правительствомъ въ большомъ изобиліи, при помощи земскихъ учреждений и мѣстныхъ правительственныхъ властей, насколько можно судить по свѣдѣніямъ въ свое время опубликованнымъ, совершенно измѣнили физіономію вопроса. Предполагалось общее, нынѣ существующее количество подати распределить между плательщиками настоящаго времени на началахъ болѣе справедливыхъ и наименѣе обременительныхъ для податныхъ сословій, между тѣмъ какъ данныя, представленныя правительству земствомъ и губернаторами,—по крайней мѣрѣ, большинство тѣхъ, о которыхъ въ свое время упоминала періодическая печать,—указываютъ, что какъ бы ни раскладывали общую сумму податей между сословіями, нынѣ ихъ несущими, они не будутъ въ состояніи ихъ выплатить, и представляется необходимость значительную часть сборовъ отнести на другіе источники, до сихъ поръ неприкосновенные. Полный сводъ этихъ свѣдѣній, поступившихъ въ комиссію, состоящую при министерствѣ финансовъ, еще не изданъ, и потому было бы преждевременно приводить какія-либо по этому поводу соображенія; но нельзя не остановиться на только-что указанномъ фактѣ, который самъ по себѣ не можетъ быть отрицаемъ и по сгруппированіи всѣхъ данныхъ, хотя степень обремененія податныхъ сословій можетъ оказаться не столь высока, какъ это показалось съ перваго раза при разсмотрѣніи этого вопроса въ отдѣльныхъ земскихъ собраніяхъ. Такъ-называемыя податныя сословія не могутъ вынести всей массы существующихъ податей, какъ бы эти подати распределены ни были. Вотъ что признаютъ почти всѣ земскія собранія и нѣкоторые провинціальныя представители администраціи

ной власти. Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ—на каіе источники и при какихъ условіяхъ должно отнести ту сумму податей, которая невыносима для плательщиковъ, мы обратимъ вниманіе только на способъ опредѣленія размѣровъ этой суммы. Ясно, что на новые предметы обложенія должно отнести ту сумму, которую не могутъ уплатить настоящіе плательщики въ томъ или другомъ видѣ. Но что же они могутъ уплатить? насколько ихъ слѣдуетъ облегчить? Для размѣра облегченія существуетъ и извѣстный максимум и нѣкоторый minimum. Minimum облегченія будетъ представлять изъ себя та сумма налога, которую народъ безусловно уплачивать не можетъ, которая остается въ недоимкахъ или выскивается по иначѣ, какъ съ посягательствомъ на самый источникъ производительности народного труда и хозяйства въ настоящую минуту. Мы подразумеваемъ подъ этимъ продажу за безцѣнокъ и несвоевременно смота и продуктовъ хозяйства, требованіе уплаты повинностей задатками за едва начатую работу. Такой minimum довольно не трудно опредѣлить, исчисливъ среднюю цифру недоимокъ за нѣсколько лѣтъ, а для каждой данной мѣстности цифру недоимокъ, высканннхъ при помощи продажи имущества. Продажи эти въ большинствѣ случаевъ производятся при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, что общій ихъ сумма представитъ требуемую цифру, и если въ нее войдетъ часть налога, вырученного хотя и черезъ продажу, но совершенною правильно, то эта часть замѣнитъ сумму налога, неправильно высканную при помощи заработныхъ денегъ, о чемъ собрать свѣдѣній не представится никакой возможности. Этотъ minimum представитъ изъ себя ту цифру сборовъ, которую будетъ необходимо отнести на совершенно новые источники, во-первыхъ, для того, чтобы обезпечить ноступленіе государственныхъ доходовъ и, во-вторыхъ, для того, чтобы не истощить источниковъ существующихъ. Но такъ какъ при разрѣшеніи податнаго вопроса надо имѣть въ виду не только избавить плательщиковъ отъ разоренія, но и предоставить возможность податнымъ единицамъ дѣлаться болѣе и болѣе производительными, какъ для возвышенія частнаго и общественнаго благосостоянія, такъ и для увеличенія государственнаго богатства, то необходимо опредѣлить тотъ предѣлъ облегченія податныхъ сословій, при которомъ производительность ихъ труда и принадлежащаго имъ имущества можетъ прогрессивно развиваться при остальныхъ благоприятствующихъ условіяхъ. Maximum суммы налога, который можетъ быть снятъ съ податныхъ сословій при практическомъ разрѣшеніи вопроса, должна представить цифра, которая можетъ быть отнесена на новые источники обложенія, безъ ихъ обремененія и безъ ущерба ихъ производительнымъ силамъ. А если, могутъ намъ возразить, размѣръ

ся будетъ таково, что, не исключеніи ея изъ общей суммы налога, остатокъ его все-таки будетъ не по силамъ рабочему классу и будетъ подавлять развитіе его производительныхъ силъ? Въ такомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ во что бы то ни стало изыскать средства къ уменьшенію государственныхъ расходовъ. Иного исхода придумать невозможно.

Величайшее затрудненіе представляется, однако, при этомъ. Какъ опредѣлить границу между налогомъ обременительнымъ и необременительнымъ, между налогомъ, дающимъ возможность платежному источнику усиливать свою производительную способность, и между налогомъ, парализующимъ эту способность? Окончательное разрѣшеніе этого вопроса невозможно, но внимательное разсмотрѣніе всѣхъ источниковъ существованія работника и предметовъ его расхода можетъ дать указанія на эту границу. Тамъ, гдѣ возможны сбереженія, возможенъ и матеріальный прогрессъ. Гдѣ при матеріальныхъ сбереженіяхъ для рабочаго доступенъ нѣкоторый досугъ, можно ожидать прогресса нравственнаго, а слѣдовательно, наиболѣе производительнаго употребленія матеріальныхъ сбереженій, такъ что при разрѣшеніи податного вопроса надо постоянно имѣть въ виду доставить возможность рабочему дѣлать сбереженія, которыя бы онъ могъ употребить на усиленіе производительности своего труда и своей собственности и имѣть досугъ для нравственнаго совершенствованія, безъ котораго невозможенъ матеріальный прогрессъ. Слѣдовательно, должно принять съ одной стороны во вниманіе источники существованія рабочаго, и съ другой всѣ необходимыя расходы для поддержанія его труда и существованія семьи, рассчитать налогъ такъ, чтобы онъ не только не нарушилъ равновѣсія въ бюджетѣ рабочаго, но давалъ даже возможность дѣлать сбереженія при количествѣ работы, не исключаящемъ нѣкотораго досуга.

Судя по тому, что было въ свое время напечатано въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, нынѣ въ податной комиссіи сосредоточилось достаточно матеріаловъ для уясненія этой стороны вопроса; но намъ кажется, что данныя, касающіяся до положенія только того рабочаго, для котораго совершается реформа, русскаго рабочаго, будутъ гораздо яснѣе, если представится возможность сравнить ихъ съ однородными же данными, относящимися до рабочихъ другихъ странъ. Какъ бы разнообразны ни были условія существованія рабочихъ въ различныхъ странахъ, потребность въ досугѣ и потребность въ матеріальныхъ сбереженіяхъ остаются повсюду необходимыми пружинами, двигающими впередъ народныя массы. Поэтому, помимо безусловнаго интереса, который представляютъ свѣдѣнія, собранныя англійскимъ правительствомъ, они даютъ возможность сдѣлать съ

вышеупомянутою цѣлью сравненіе между матеріальнымъ положеніемъ рабочихъ въ различныхъ государствахъ и принять во вниманіе данныя, собранныя о Россіи, сдѣлать необходимыя для нея выводы. Мы не ставимъ эти сравненія и выводы главнѣйшей цѣлью нашего труда, но желаемъ, между прочимъ, чтобы настоящая статья могла служить нѣкоторымъ для того матеріаломъ, и въ заключеніе нашего обзора постараемся выяснитъ нѣкоторыя положенія, могущія правильно освѣтитъ сгруппированные нами факты.

Начнемъ съ Германіи, потомъ обратимся къ Швеціи и Франціи, къ Голландіи и Бельгіи, къ Америкѣ и Россіи, и наконецъ, приведемъ главные данныя для самой Англіи изъ новѣйшихъ статистическихъ работъ и наблюденій.

I.

Г Е Р М А Н І Я

I. Населеніе.

Все населеніе Прусскаго королевства, за исключеніемъ Лауэнбурга, по переписи, произведенной въ концѣ 1867 года, простиралось до 23,970,901 лица обоого пола. Въ томъ числѣ мужчинъ 11,870,433 или 49,52% и женщинъ 12,100,508 или 50,48%. Отношеніе числа мужчинъ къ числу женщинъ нѣсколько уменьшилось съ 1864 года, когда была произведена предыдущая перепись — вслѣдствіе сильно развившейся въ шестидесятыхъ годахъ эмиграціи рабочихъ изъ Германіи въ Америку. Изъ общаго числа мужчинъ пятьдесятъ процентовъ суть отцы семействъ или лица, непосредственнымъ трудомъ приобрѣтающія средства къ жизни. Женщины, принадлежащія въ этому разряду, составляютъ только 24,46 процентовъ общаго ихъ числа. На каждые 100 мужчинъ этого разряда приходится женщинъ, приобрѣтающихъ своимъ трудомъ средства къ жизни, 39,79 и 81,81 лицъ мужскаго пола и 145,56 женскаго, не добывающихъ непосредственно средствъ для своего существованія и находящихся въ зависимости отъ труда первыхъ. Принимая, что женщины-работницы вообще своимъ трудомъ окупаютъ только свое личное существованіе, каждый рабочій мужчина въ Пруссіи долженъ содержать своимъ трудомъ 3,3 человѣка, включая себя самого въ это число. Впрочемъ, надо принять въ соображеніе, что около половины всего числа муж-

ских рабочих суть холостые люди, не имѣющіе семействъ, такъ что въ дѣйствительности каждому рабочему семьянину приходится содержать болѣе трехъ человекъ и даже до пяти. Эта пропорція принята за основаніе дальнѣйшихъ расчетовъ, относящихся до стоимости содержанія семействъ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что ею же руководилось и берлинское статистическое бюро при собираніи свѣдѣній по этому предмету. Это средній по государству выводъ; но каждое занятіе имѣетъ свое отношеніе. Для земледѣльческаго рабочаго число содержимыхъ имъ членовъ семейства (кромѣ самого себя) доходить до 3-хъ почти лицъ, для большинства фабричныхъ рабочихъ оно превосходитъ 4.

Высшій процентъ работниковъ-мужчинъ падаетъ на Вестфалію, при-рейнскія провинціи и Бранденбургъ, гдѣ находятся главнѣйшіе промышленные и фабричные центры, а низшій на Силезію, откуда за недостаткомъ мѣстной работы множество рабочихъ уходятъ искать ее въ другія части Германіи. Отношеніе мужчинъ, занятыхъ работой, къ общему числу мѣстнаго мужского населенія наивысшее въ Бранденбургѣ, Шлезвигъ-Гольштейнѣ и Ганноверѣ, словомъ тамъ, гдѣ каждому рабочему приходится содержать наименьшее число нерабочихъ членовъ семейства.

Все населеніе Саксонскаго королевства по переписи 1861 года состояло изъ 2,225,240 обоого пола, изъ которыхъ къ рабочимъ могутъ быть причислены 575000 человекъ. Послѣ 1861 года въ Саксоніи не было произведено подробной переписи, изъ которой можно было бы вывести численность собственно рабочихъ классовъ, а общая перепись 1867 года указала, что въ 6 лѣтъ населеніе королевства возросло до 2,423,856 жителей. Надо полагать, что приблизительно въ такой же пропорціи возвысилась численность рабочихъ классовъ. Отношеніе числа лицъ, добывающихъ средства къ жизни личнымъ трудомъ, къ числу остальныхъ, въ Саксоніи весьма близко подходитъ къ существующему въ Пруссіи.

Въ Виртембергскомъ королевствѣ въ 1868 г. числилось 849,000 муж. и 930,000 женскаго пола. Изъ 609,000 мужчинъ старѣе 14-ти лѣтъ около 750,000 могутъ быть причислены къ рабочему классу; изъ нихъ 400,000 непосредственно зарабатываютъ средства къ жизни, а около 350,000 составляютъ дѣти или молодые люди, еще не кончившіе своего образованія; часть ихъ только помогаютъ старшимъ въ работѣ, но не могутъ быть признаны полными работниками. Такимъ образомъ, около половины мужского населенія Виртембергскаго королевства состоитъ изъ самостоятельныхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, относительно женскаго пола нельзя опредѣлить отношеніе числа лицъ, непосредственно добывающихъ своимъ трудомъ средства къ жизни,

къ числу остальныхъ, потому что нѣтъ указаній на число замужнихъ женщинъ, которыхъ бы можно было отнести къ этому разряду. Что же касается до женщинъ незамужнихъ (кромя дѣтей), то изъ общаго числа ихъ 313,000, заняты самостоятельной работой 113,000 или около 30%. Принимая въ соображеніе, что изъ замужнихъ женщинъ несравненно меньшій процентъ составляютъ лица, имѣющія возможность зарабатывать кусокъ хлѣба личнымъ трудомъ, для Виртембергскаго королевства можно принять безъ большой ошибки тотъ же процентъ женщинъ этого разряда относительно общаго ихъ числа, что и для Пруссіи, то-есть около 24½%. При такомъ расчетѣ на каждые 100 мужчинъ самостоятельныхъ рабочихъ придется 57 таковыхъ женщинъ, а нерабочихъ, неподдерживающихъ личнымъ трудомъ своего существованія, мужчинъ 110 и женщинъ 175, такъ что на рабочаго нерабочихъ жителей среднимъ числомъ приходится около 2,80, или каждому рабочему среднимъ числомъ необходимо добыть средства къ жизни для 3,7 человѣкъ, включая въ то число и самого себя.

Это число довольно близко подходитъ къ тому, которое выведено выше для Пруссіи, и немногимъ разнится отъ соответствующихъ цифръ для остальныхъ частей Германіи.

Изъ общаго числа рабочихъ Германіи повсемѣстно около 50% занято трудомъ земледѣльческимъ, причемъ за послѣдніе годы замѣчается постепенное уменьшеніе относительнаго числа этихъ рабочихъ и возрастаніе числа фабричныхъ и ремесленниковъ. Причина этого кроется какъ въ развитіи ремесла и промышленности, такъ и въ замѣнѣ ручного труда машиннымъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, а также въ постепенномъ переходѣ отъ экстенсивнаго способа хозяйства къ интенсивному. Этими послѣдними причинами объясняется, отчасти, и то обстоятельство, что несмотря на возвышеніе общаго уровня сельскаго хозяйства въ странѣ, относительное число сельскихъ рабочихъ уменьшается.

II. Земледѣліе.

Естественныя условія Пруссіи, въ особенности восточной ея части, суровый климатъ и тощая почва, далеко не благоприятствуютъ успѣхамъ земледѣлія. Все, что сдѣлано въ пользу его развитія, сдѣлано трудомъ человѣка, встрѣчавшаго въ окружающей природѣ не союзника, а врага, подчинявшагося труженику только тогда, когда послѣдній его поработалъ. Несмотря, однако, на необходимость вести упорную борьбу съ природой, агрономія въ Пруссіи сдѣлала въ послѣднее пятидесятилѣтіе громадныя успѣхи, свидѣтельствующіе о

настойчивости и трудолюбіи земледѣльцевъ. Яснымъ доказательствомъ этихъ успѣховъ можетъ служить то обстоятельство, что количество скота за послѣднее 50-лѣтіе, увеличилось болѣе чѣмъ въ $2\frac{1}{2}$ раза и только съ 1858-го по 1864-й г. оно возросло на 12% . При этомъ должно имѣть въ виду, что улучшение самой породы скота, ухода за нимъ, а также обработки молочныхъ и мясныхъ продуктовъ возвысило за тотъ же періодъ времени (50 лѣтъ) доходность каждой штуки скота на одну треть. Трехпольная система хозяйства, требовавшая оставленія ежегодно одной трети земли подъ паромъ, преобладала въ началѣ текущаго столѣтія, а въ настоящее время сохранилась только въ хозяйствахъ отсталыхъ. Въ Бранденбургѣ, напр., она нигдѣ не встрѣчается, въ Познани ея держатся только собственники-крестьяне, въ Помераніи ея почти не знаютъ. Вообще же, уже въ половинѣ прошлаго десятилѣтія подъ паромъ въ Пруссіи находилось только $\frac{1}{3}$ всей пахатной земли.

И высшія и низшія сословія Пруссіи видимо желали основать какъ свое матеріальное благосостояніе, такъ и политическую независимость на поземельной собственности и дѣлали все возможное, чтобъ расширить и улучшить ее. Мы видимъ, что съ одной стороны увеличиваются размѣры отдѣльныхъ крупныхъ владѣній, а съ другой увеличивается число мелкихъ собственниковъ. Первый фактъ замѣчается по преимуществу въ восточной Пруссіи. Дробленіе же собственности особенно рѣзко выяснилось въ при-рейнскихъ провинціяхъ и Вестфаліи. Такъ, въ восточной Пруссіи крупныя поземельныя владѣнія составляютъ болѣе половины всей поверхности, средніе же, отъ 25—300 моргеновъ, не много менѣе половины, а мелкіе участки менѣе 25-ти морген., обрабатываемые личнымъ трудомъ собственниковъ, едва $\frac{1}{10}$ часть. Въ Вестфаліи же только 16% поверхности заняты крупною собственностью, половина при-рейнскихъ провинцій занята владѣніями, заключающими въ себѣ менѣе 30 моргеновъ, а участки большіе—600 морг. занимаютъ едва 22% поверхности. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ западныхъ провинціяхъ, а отчасти и въ остальныхъ многіе фабричныя рабочіе и ремесленники владѣютъ небольшими участками земли подъ домомъ и садомъ; обработка такихъ участковъ производится въ досужее, отъ преобладающаго занятія, время или выполняется членами семейства, не занятыми ремесломъ или фабричною работою.

Согласно послѣдней переписи, произведенной въ Пруссіи, почти половина населенія этой страны, а именно около 12-ти милліоновъ обоюго пола лицъ, занимается земледѣльческимъ трудомъ, причемъ на каждую кв. милю приходится по 1859-ти душъ земледѣльческаго населенія. Оно наиболѣе густо въ Вестфаліи и при-рейнскихъ про-

той же комнатѣ; она готовится на очагѣ, устроенномъ въ одномъ изъ угловъ этого помѣщенія. Если же, въ видѣ исключенія, при домѣ есть кухня, то въ ней и спать и ѣдать, и складывать топливо и хранить разные припасы, инструменты и принадлежности хозяйства. Зачастую домашняя птица содержится тамъ же, гдѣ живутъ хозяева. Хлѣвъ и помойная яма бываютъ расположены такъ близко къ дому, что семейство рабочаго имѣетъ полную возможность вдыхать миазмы, распространяемые ими. Вентиляціи обыкновенно никакой не существуетъ, и если встрѣчаются какія-либо отверстія въ стѣнахъ, дверяхъ или окнахъ, продѣланныя иногда даже съ специальною цѣлю освѣженія воздуха, то заботливыя хозяйки не упускаютъ случая закупоривать ихъ при первой возможности, во избежаніе холода или сквозного вѣтра. О погребахъ и кладовыхъ при такихъ помѣщеніяхъ не можетъ быть и рѣчи, также какъ и о водосточныхъ канавахъ, которыя могли бы содѣйствовать уничтоженію часто непроходимой отвратительной грязи, ихъ окружающей. Годовая плата за наемъ такого дома колеблется между 20 и 25 гульд., а стоимость его постройки простирается до 500 гульд. Если домъ этотъ не составляетъ собственности мелкаго землевладѣльца-крестьянина, а построенъ специально для того, чтобы его отдавать въ наймы, то при немъ есть всегда небольшой клочекъ земли, который можетъ быть нанятъ подъ огородъ за особую плату.

Ко второму разряду отчеты относятъ рабочихъ, нанимающихся на фермы на опредѣленный срокъ, болѣею частію на годъ. Имъ поручаются менѣе серьезныя и отвѣтственныя работы по хозяйству и какъ денежное довольство, такъ и вообще ихъ содержаніе хуже рабочихъ перваго разряда.

Кромѣ того въ Пруссіи весьма распространенъ особый классъ мелкихъ арендаторовъ, обязанныхъ личнымъ трудомъ (нѣчто въ родѣ барщины) оплачивать землевладѣльцу пользованіе земель. Отношенія эти созданы совершенно добровольнымъ соглашеніемъ между собственниками земель и ихъ рабочими съ арендаторами въ одно и то же время. Каждый такой фермеръ арендуетъ у крупнаго землевладѣльца участокъ земли, необходимый для прокормленія своей семьи, и домикъ съ хозяйственными принадлежностями, составляющій собственность землевладѣльца. За это онъ платитъ весьма невысокую ренту, и кромѣ того обязуется отработать на земляхъ хозяина опредѣленное число дней за опредѣленную же поденную плату. При этомъ и хозяинъ беретъ на себя обязательство доставлять работу этимъ лицамъ, въ теченіи круглаго года въ опредѣленномъ размѣрѣ. Семья такого рабочаго даетъ среднимъ числомъ около 700 рабочихъ дней землевладѣльцу, который уплачиваетъ за нихъ до 233 тал. Каждый

день оплачивается среднимъ числомъ шиллингомъ. Женскіе и дѣтскіе рабочіе, дни по опредѣленному расчету приравняются къ мужскимъ.

Развитіе желѣзныхъ дорогъ, весьма облегчившее передвиженіе рабочихъ изъ одной мѣстности въ другую, способствовало, за послѣднее время, развитію земледѣльческаго наемнаго труда на артельныхъ началахъ. Устраиваются эти артели обыкновенно такъ: человекъ 15—20 обоого пола, желая получить общую работу, избираютъ изъ своей среды опытное лицо, которое отправляютъ заблаговременно въ такія мѣстности, гдѣ рассчитываютъ найти работу. Этотъ уполномоченный входитъ въ соглашеніе съ землевладѣльцами, заключаетъ съ ними контрактъ за себя и за своихъ товарищей, извѣщаетъ послѣднихъ объ этомъ и приглашаетъ ихъ прибыть на мѣсто. Нерѣдко этимъ артелямъ приходится работать за 200 и болѣе миль отъ своего постоянного мѣста жительства. По окончаніи работы въ одномъ мѣстѣ, они иногда переходятъ въ другое. Заработанные деньги дѣлятъ поровну, а къ зимѣ рабочіе непременно возвращаются домой. Особенно развита эта форма труда между жителями восточной Пруссіи и по преимуществу въ при-висянскихъ провинціяхъ, откуда они уходятъ работать на западъ.

Какъ ни скромно положеніе всѣхъ этихъ рабочихъ, они могутъ считаться сравнительно обезпеченными въ своемъ существованіи, и получая относительно хорошее содержаніе и пищевое довольствіе, имѣютъ возможность, при свойственной германской расѣ аккуратности и весьма скромныхъ требованіяхъ, дѣлать нѣкоторые сбереженія, откладывать копѣйку на черный день въ банки или ссудныя товарищества, или что еще лучше, приобрѣтать небольшую поземельную собственность—цѣль всякаго заботливаго работника-семьянина. Но кромѣ указанныхъ нами разрядовъ земледѣльческихъ рабочихъ, существуютъ пролетаріи, болшею частью одинокіе люди, не имѣющіе ни дома, ни постоянного занятія. Они обыкновенно нанимаютъ уголокъ въ квартирѣ какого-либо постоянного семейнаго рабочаго и предлагаютъ свои труды землевладѣльцамъ въ такое время года, когда наступаютъ спѣшныя полевые работы, съ которыми постоянные или годовые рабочіе управиться не могутъ. Пользуясь случаемъ, они требуютъ обыкновенно за свой поденный трудъ 20-ю или около того процентами болѣе противъ постоянного рабочаго. Этотъ избытокъ однако не обезпечиваетъ вполне ихъ положенія, ибо зимой они остаются почти всегда безъ дѣла и едва прокармливаются остатками отъ лѣтняго заработка. О сбереженіяхъ такимъ людямъ никогда не приходится и думать. Тяготаясь своимъ существованіемъ на родинѣ, они стремятся эмигрировать, и большая часть германскихъ рабо-

чихъ, переселяющихся въ Америку, принадлежить именно къ этой средѣ. Поэтому общее число ихъ въ Германіи изъ году въ годъ уменьшается, тогда какъ потребность въ такихъ временныхъ рабочихъ силахъ постоянно возрастаетъ по мѣрѣ развитія сельскаго хозяйства. Очевидно, что и цѣна на ихъ трудъ должна увеличиваться. За послѣднія десять лѣтъ цѣна ихъ труда возросла на 30%. Надо ожидать, что наступитъ время, когда заработная плата настолько будетъ обеспечивать ихъ существованіе, что имъ болѣе не будетъ представляться необходимости искать хлѣба за океаномъ.

Отношеніе хозяевъ къ рабочимъ еще въ весьма недавнее время было до такой степени строго и сурово, что постоянные заcontractованные рабочіе не имѣли права вступать въ бракъ безъ разрѣшенія хозяина, а разрѣшенія этого почти никогда не давалось, такъ какъ владѣльцы усматривали въ бракѣ помѣху успѣшной работѣ. Одинъ этотъ фактъ достаточно характеризуетъ стѣсненное положеніе земледѣльца-работника въ то время, но нынче эти отношенія измѣнились значительно къ лучшему. Образованіе, проникшее въ рабочую массу, возможность несравненно съ большею, противъ прежняго, скоростью и дешевизной передвигаться изъ одного мѣста въ другое и пріискивать выгодный для себя заработокъ, развитіе фабричной и заводской промышленности, сдѣлали рабочаго значительно требовательнѣе, какъ относительно обращенія съ нимъ хозяевъ, такъ и относительно удобствъ жизни. Хозяева же стали несравненно болѣе дорожить рабочими. Ихъ обращеніе съ ними сдѣлалось гораздо гуманнѣе, пища и помѣщенія улучшились. На браки рабочихъ, допущенные владѣльцами сначала какъ необходимая уступка, нынче смотрятъ даже весьма благосклонно, ибо, какъ оказывается, семейный хорошій рабочій, озабочиваясь тѣмъ, чтобы обезпечить и настоящее и будущее своей семьи, гораздо болѣе дорожитъ своимъ мѣстомъ, чѣмъ холостой, и слѣдовательно добросовѣстнѣе выполняетъ работу, такъ что женатые рабочіе въ настоящее время пользуются нѣкоторыми льготами и избыткомъ содержанія, не предоставленнымъ холостымъ. Такое, какъ-бы вынужденное улучшеніе отношеній хозяина къ работнику ни мало однако не умалило успѣховъ сельскаго хозяйства. Одновременно съ улучшеніемъ этихъ отношеній, увеличивалась и доходность хозяйствъ, хотя конечно не въ нихъ однихъ лежатъ причины этого успѣха.

III. Ремесленники и фабричные работники.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію числовыхъ данныхъ, необходимыхъ для яснаго очертанія матеріальнаго быта ремесленниковъ и германскихъ рабочихъ, мы постараемся дать общее понятіе о главнѣйшихъ группахъ, на которыя они могутъ быть раздѣлены. Въ предыдущей главѣ мы коснулись земледѣльцевъ, изъ остальныхъ прежде всего останавливаютъ на себѣ вниманіе ремесленники, въ весьма недавнее еще время принадлежавшіе къ тому или другому цеху, а въ настоящую минуту, послѣ уничтоженія этихъ установленій, еще не вполне устроившіеся въ своемъ новомъ положеніи. За ними слѣдуютъ подмастерья и ученики, положеніе которыхъ болѣе или менѣе уже обрисовалось и, наконецъ, фабричные рабочіе, составляющіе большинство.

Нѣкоторые хозяева мелкихъ ремесленныхъ заведеній, многіе ремесленники и частію мелкіе торговцы, промышлявшіе въ первой половинѣ настоящаго столѣтія въ городахъ, къ которымъ прикрѣпляли ихъ цеховыя привилегіи, вынуждены были вслѣдствіе уничтоженія этихъ привилегій, развитія свободы торговли и ремеслъ, расширенія фабричной промышленности, перенести свою дѣятельность изъ городовъ въ села и вообще изъ мѣстностей болѣе промышленныхъ въ такія, гдѣ промышленность была мало развита и гдѣ имъ нельзя было страшиться конкуренціи не только съ фабрикантами, но даже съ своими прежними подмастерьями и рабочими. Съ одной стороны, это весьма благотѣльно повліяло на усовершенствованіе ремеслъ, потому что, вмѣсто того, чтобы работать на хозяевъ, многіе ремесленники получали возможность работать для себя, а съ другой, лишивъ мелкія городскія мастерскія множества рабочихъ рукъ, разорило ихъ хозяевъ и вызвало со стороны болѣе или менѣе крупныхъ торговцевъ требованія о стѣсненіи ремесленниковъ. За послѣднее же время желѣзныя и шоссейныя дороги, представляющія дешевыя и удобныя средства для передвиженія людей и товаровъ, еще неблагопріятнѣе подѣйствовали на мелкія ремесленныя заведенія и даже на мелкихъ ремесленниковъ. Крупныя мануфактуры и фабрики получили возможность передвигать свои произведенія въ такія мѣстности, гдѣ прежде шли въ продажу только произведенія мѣстныхъ ремесленниковъ, и трудъ послѣднихъ не только утратилъ большую долю своей самостоятельности, но даже пересталъ окупать существованіе работника и принудилъ его искать новыхъ источниковъ жизни. Часть этихъ рабочихъ применила къ вновь возникшимъ фабрикамъ, остальные пробиваются съ большимъ

трудомъ и пополняютъ свой скудный ремесленный заработокъ земледѣльческимъ. Счастливейшими изъ нихъ надо считать тѣхъ, которые сумѣли до кризиса накопить немного денегъ и приобрести нѣсколько моргеновъ земли. Положеніе этихъ послѣднихъ относительно можно назвать цвѣтущимъ. Остальнымъ изъ нихъ, не принявшимъ къ фабрикамъ, приходится искать при крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ работу, соответствующую ихъ ремеслу. За недостаткомъ постоянной работы въ одномъ мѣстѣ, они часто переходятъ отъ одного хозяина къ другому, зарабатывая немного болѣе хорошаго сельскаго рабочаго, а иногда по нуждѣ работаютъ только за пищу и квартиру. Семьи этихъ несчастныхъ живутъ по преимуществу въ большой нищетѣ. Свѣжее мясо составляетъ за нихъ столъ великую рѣдкость и роскошь, а употребленіе вина или пива даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ вовсе для нихъ недоступно.

Подмастерьями называются въ Германіи ремесленники, получившіе нѣкоторое техническое практическое образованіе, проработавшіе нѣсколько лѣтъ подъ руководствомъ какого-либо искуснаго мастера или выдержавшіе испытаніе въ видѣ исполненія какой-либо особо заданной работы, или просто получившіе свидѣтельство отъ мастера, у котораго обучались въ знаніи ремесла. Законы настоящаго времени не требуютъ ни того, ни другого, но издавна установившійся обычай лишаетъ часто и доселѣ возможности занятіе тѣхъ смѣльчаковъ, которые не желаютъ ему подчиниться. Кромѣ того, большинство подмастерьевъ, по окончаніи ученія у какого-либо мастера, предпринимаютъ путешествіе по Германіи, а иногда даже и въ чужіе края, съ цѣлю усовершенствованія своего ремесленного образованія. Такой рабочій старается побывать въ тѣхъ городахъ, гдѣ процвѣтаетъ избранное имъ ремесло, и поработать нѣсколько времени въ лучшихъ мастерскихъ. Путешествія эти не только даютъ возможность ремесленнику усовершенствовать свои спеціальныя познанія, но обогащаютъ ихъ общими свѣдѣніями и чрезвычайно расширяютъ ихъ умственный горизонтъ. Подмастерья, прошедшіе такую школу, весьма легко находятъ себѣ работу на родинѣ и заработокъ ихъ равняется заработку хозяина мелкаго ремесленного заведенія. Если подмастерье не женатъ, то его матеріальное положеніе бываетъ лучше положенія его хозяина. Но во время упадка по какимъ-либо причинамъ промышленности, которою онъ кормится, положеніе его дѣлается весьма опаснымъ, онъ рискуетъ потерять работу и часто, оставаясь безъ дѣла, истрачиваетъ всѣ сбереженія въ хорошее рабочее время деньги. Этого, впрочемъ, не случается съ тѣми изъ нихъ, которые устраиваются при крупныхъ мануфактур-

ныхъ заведеніяхъ, отличаются знаніемъ своего дѣла и успѣваютъ зарекомендовать себя съ особенно хорошей стороны. Такими рабочими капиталисты дорожатъ настолько, что въ самое трудное время стараются ихъ удерживать при фабрикахъ.

Подмастерья эти, прежде чѣмъ сдѣлаться подмастерьями, бывають простыми учениками. Обыкновенно мальчикъ лѣтъ около пятнадцати, окончившій въ начальной школѣ курсъ обязательнаго образованія, избираетъ какое-нибудь ремесло и поступаетъ къ хозяину или на фабрику, съ цѣлью изучить дѣло подъ его руководствомъ. Обучается онъ ремеслу бесплатно, и даже получаетъ отъ хозяина готовый столъ и помѣщеніе. Обученіе продолжается три года, что и включается въ условіе, но въ случаѣ дурного съ нимъ обращенія хозяина, онъ имѣетъ право уйти и заключенное условіе уничтожается. Впрочемъ, германскихъ хозяевъ нельзя обвинить въ дурномъ обращеніи съ своими учениками. Они злоупотребляютъ своею властію лишь въ томъ отношеніи, что заставляютъ ихъ часто исполнять обязанности домашней прислуги и такимъ образомъ тратить время въ ущербъ успѣхамъ ихъ техническихъ занятій и ученія въ школѣ, которую они продолжаютъ обыкновенно посѣщать. Даровая работа учениковъ, часто весьма искусныхъ и способныхъ, настолько выгодна для хозяевъ, что они набираютъ ихъ весьма большое число и тѣмъ вызываютъ ропотъ со стороны подмастерьевъ, лишаящихся поэтому излишней работы, а часто и мѣста. Бывали примѣры, что подмастерья соединялись для борьбы въ этомъ отношеніи съ хозяевами и прибѣгали даже къ покровительству закона. Еще недавно владѣльцы крупнѣйшихъ типографскихъ заведеній Германіи признали вполне справедливымъ неудовольствіе въ этомъ отношеніи подмастерьевъ и установили нѣкоторыя постоянныя правила по этому предмету, ограждающія положеніе подмастерьевъ. Правительство же по этому поводу не приняло до сихъ поръ никакихъ законодательныхъ мѣръ.

Обыкновенный фабричный рабочій, далеко не столь искусный, какъ подмастерье, конечно и зарабатываетъ менѣе его. Не столько законы страны, сколько общественное мнѣніе вынуждаетъ, по словамъ англичанъ, владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ и другихъ ремесленныхъ заведеній заботиться о доставленіи рабочимъ хорошей пищи и, главное, здоровыхъ помѣщеній какъ для работы, такъ и для семейной жизни. Обращаются хозяева съ рабочими хорошо, но, несмотря на это, между тѣми и другими далеко не установилось вполне прочныхъ, добрыхъ отношеній. Рабочіе никакъ не хотятъ признать, что ихъ интересы тождественны съ интересами капиталиста, къ ко-

торому они нанимаются работать, и признають только, что, въ силу необходимости, они должны работать какъ можно старательнѣе единственно для того, чтобы заработать возможно болѣе денегъ, а вовсе не для того, чтобы возвысить барышъ хозяина или самое производство. Этотъ классъ рабочихъ заключаетъ въ себѣ большинство германскихъ простолюдиновъ, недовольныхъ своею участью и ищущихъ средствъ къ ея улучшенію. Идеи социализма и другихъ разрушительныхъ, какъ они названы въ донесеніи, теорій находятъ весьма легкій доступъ въ ихъ среду и имѣютъ между ними много приверженцевъ. Заработокъ ихъ, какъ оказывается по словамъ того же репортера, который утверждаетъ, что эти люди находятся въ хорошемъ положеніи, оказывается недостаточнымъ для прокормленія семьи, если жена и дѣти рабочаго сами не зарабатываютъ себѣ кусокъ хлѣба. Женщины, впрочемъ, безъ труда находятъ себѣ работу на фабрикахъ и получаютъ довольно хорошее жалованье. Болѣе $\frac{1}{5}$ всего числа рабочихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ составляютъ женщины и ихъ матеріальное положеніе сносно, но въ нравственномъ отношеніи онѣ стоятъ весьма низко и предаются разгулу и разврату, чему не мало содѣйствуютъ общія для обоихъ половъ мастерскія и продолжительность ночной работы. Нѣкоторые крупные фабриканты стараются отдѣлить женскія мастерскія отъ мужскихъ, но въ мелкихъ предпріятіяхъ это дѣлается совершенно невозможнымъ. Одинокіе рабочие живутъ безбѣдно и даже имѣютъ возможность дѣлать порядочныя сбереженія; но, во-первыхъ, между собственно фабричными рабочими вкоренился обычай рано (и необдуманно, прибавляетъ репортеръ) вступать въ бракъ, а, во-вторыхъ, между ними далеко не развито стремленіе, присущее другимъ рабочимъ ихъ родины, употреблять свои сбереженія на приобрѣтеніе недвижимой собственности, и, главное, они имѣютъ очень мало къ тому возможности. Чрезвычайное однообразіе ежедневно исполняемой ими работы, которая, въ большинствѣ случаевъ, длится болѣе 12-ти часовъ въ сутки, возбуждаетъ въ нихъ непреодолимую потребность въ развлеченіяхъ, на которыя они, когда до нихъ могутъ добраться, тратятъ всѣ свои лишніе деньги и даже физическія силы. Репортеръ старается смягчить непріятное впечатлѣніе, которое неминуемо производитъ такое сообщеніе, указывая на нѣсколько исключеній изъ общаго правила, причемъ сообщаетъ, что тамъ, гдѣ владѣльцы промышленныхъ заведеній заботятся о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи рабочихъ, ихъ положеніе цвѣтущее и нравственно они гораздо выше остальныхъ. Въ хорошихъ — упоминаетъ о воспитательныхъ обществахъ (Bildungsverein), съ тѣми изъ — вносить просвѣщеніе въ среду рабочаго класса, и

говорить, что общества эти принесли большую пользу и пробудили во многих рабочих охоту къ умственнымъ занятіямъ и нравственному совершенствованію. Нельзя не порадоваться, конечно, что при неудовлетворительности общаго существуютъ частныя исключенія; но нельзя не пожалѣть, что хорошее представляетъ только исключенія, и вмѣстѣ нельзя не сознаться, что измѣнить положеніе дѣла къ лучшему зависитъ, какъ видно, отъ капиталистовъ, а не отъ труда. Гдѣ,—говорить донесеніе,—капиталисты позаботились о благосостояніи рабочихъ, тамъ оно и явилось. Ученые, конечно, свѣтъ, а не ученые — тѣма, но учиться можно тогда, когда есть на то время, если человѣку приходится работать болѣе 12-ти часовъ въ сутки трудно предположить, чтобы при всѣхъ усиліяхъ его доброжелателей, членовъ *Bildungsverein'*овъ, можно было добиться, чтобы он нашелъ время и силы для занятій умственнымъ трудомъ. Уменьшитъ же число рабочихъ часовъ зависитъ опять-таки отъ капиталистовъ и было бы весьма благоразумно, если бы они это совершили раньше чѣмъ строптивые рабочіе, побуждаемые апостолами „разрушительныхъ учений“, прибѣгли къ мѣрамъ насильственнымъ, которыя, хотя временно, но неминуемо потрясли бы промышленность и отразились бы на карманахъ самихъ предпринимателей. Къ счастью, какъ мы увидимъ ниже, во многихъ частяхъ Германіи фабриканты уже обратили вниманіе на этотъ предметъ.

Кромѣ собственно фабричныхъ рабочихъ, существуютъ въ большомъ количествѣ рабочіе, изготовляющіе разнаго рода издѣлія для фабрикантовъ и мануфактуристовъ у себя на дому. Занятія этихъ людей могутъ быть названы домашней или кустарной промышленностью. Капиталистъ доставляетъ имъ матеріалъ для работы и оплачиваетъ ее поштучно. Самая работа исполняется ремесленникомъ себя на дому при помощи членовъ семейства, а иногда и нанятыхъ подмастерьевъ. Такимъ образомъ существуютъ нѣсколько группъ ремесленниковъ: портные—въ Берлинѣ, слесари и кузнецы—около Эмберфельда, гранильщики—въ Нассау, многіе другіе и главнымъ образомъ ткачи — въ различныхъ мѣстностяхъ Пруссіи. Последніе наиболѣе многочисленны и обезнечены въ при-рейнскихъ провинціяхъ гдѣ расположены значительныя шелковыя мануфактуры. Но положеніе ихъ представляется въ самомъ плачевномъ видѣ въ Верхней Силезіи, гдѣ льно-ткацкая промышленность, издавна тамъ процвѣтавшая, была убита политическими обстоятельствами при Фридрихѣ Вильгельмѣ III и не могла выдержать конкуренціи съ ирландскою. Болѣе 30,000 рабочихъ совершенно обнищали, упали духомъ и въ настоящее время представляютъ изъ себя группу самыхъ бѣдныхъ

нихъ рабочихъ въ Германіи и не могутъ подняться, несмотря на нѣкоторые поощрительныя со стороны правительства мѣры. Вздумали-было они замѣнить день хлопкомъ, но не выдержали расходовъ на приобрѣтеніе новыхъ инструментовъ, и этой попыткой едва ли не обезсилили себя еще болѣе. Они перебиваются изо-дня въ день, при помощи работы, какая попадется подъ руку.

IV. Размѣръ заработной платы и расходы рабочихъ.

Въ этой главѣ мы постараемся дать понятіе о размѣрѣ заработной платы, существующей въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи, и о расходахъ, которые рабочіе обязаны дѣлать для поддержанія своего существованія и существованія своей семьи, причемъ обратимъ вниманіе на удовлетвореніе главнѣйшей житейской потребности—пищевого довольства, характеръ котораго опредѣляетъ главнымъ образомъ общій характеръ благосостоянія работника при доступныхъ для него матеріальныхъ средствахъ.

Д-ръ Энгель, директоръ статистическаго бюро въ Берлинѣ, изъ разсмотрѣнія большой массы статистическихъ данныхъ, состоящихъ въ его распоряженіи, нашелъ возможнымъ вывести среднее процентное отношеніе расходовъ, производимыхъ какъ рабочими, такъ и нерабочими семействами, средства которыхъ приближаются къ средствамъ первыхъ, на удовлетвореніе необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Онъ подраздѣлилъ семейства по доходности на три разряда. Къ первому отнесъ рабочихъ, получающихъ въ годъ отъ 45 до 60 фунтовъ стерлинговъ; ко второму людей среднего класса, годовой заработокъ которыхъ простирается отъ 90 до 120 фунт. стерл., и, наконецъ, къ третьему состоятельныя семейства, имѣющія въ годъ отъ 150 до 225 фунт. стерл. дохода.

Послѣдній разрядъ не можетъ быть причисленъ собственно къ рабочему классу и потому представляетъ для насъ интересъ лишь потому, что нѣкоторые выводы, необходимые для нашего предмета, возможно сдѣлать только изъ сравненій. Самый низшій разрядъ дохода, приведенный Энгелемъ, не соответствуетъ среднему заработку обыкновеннаго рабочаго, а представляетъ весьма возвышенный заработокъ, если не считать высокаго жалованья, которое получаютъ нѣкоторые изъ нихъ, занимающіе должности смотрителей, надзирателей, управляющихъ на фабрикахъ и проч. Эти послѣднія лица могутъ подойти подъ вторую категорію, получающихъ отъ 90 до 120 фунт. стерл.

Вотъ основные выводы изслѣдованій д-ра Энгеля:

Предметы расхода.	Процентное отношение расходовъ семейнаго рабочаго, получающаго въ годъ отъ 45 до 60 фунт. стерл.			человѣка, годовой доходъ котораго простирается отъ 90 до 120 фунт. стерл.			человѣка, обезпеченнаго годовымъ доходъ отъ 150 до 225 фунт. стерл.		
	Процент.			Процент.			Процент.		
Пищевое довольство	62	95	}	55	90	}	50	85	}
Одежда	16			18			18		
Жилище	12			12			12		
Освѣщеніе и отопленіе	5	5	}	5	10	}	5	15	}
Воспитаніе, религія и проч.	2			3,50			5,5		
Покровительство законовъ	1			2			3		
Охраненіе здоровья	1			2			3		
Различныя удобства, развлеченія и проч.	1			2,5			3,5		
	100			100			100		

Несмотря на то, что выводы эти сдѣланы для сравнительно весьма высокой доходности и на основаніи данныхъ, собранныхъ въ Пруссіи, они не только подтверждаются данными, относящимися до болѣе мелкихъ доходовъ въ самой Пруссіи, но могутъ быть примѣнены съ большою достовѣрностію и къ другимъ государствамъ. Какъ изъ только-что приведенной таблицы, такъ и изъ другихъ статистическихъ данныхъ представляется возможность сдѣлать нѣкоторыя общія заключенія. Во-первыхъ, чѣмъ бѣднѣе семейство, тѣмъ ему относительно болѣе приходится издерживать на свое прокормленіе. При доходности въ 33 фунт. стерл. пища поглощаетъ уже 67%, а при 26 фунт. стерл. до 71%. Во-вторыхъ, отношеніе расходовъ на одежду и жилище къ общей ихъ суммѣ остается неизмѣннымъ для всякаго почти состоянія изъ приведенныхъ въ таблицѣ, но при весьма сильномъ пониженіи дохода, относительная стоимость квартиръ уменьшается; такъ, при доходѣ въ 30—20 ф. ст. дохода, она составляетъ всего 8,3 или 9%. Надо, конечно, имѣть въ виду, что выводы Энгеля представляютъ среднія цифры и не могутъ быть отнесены ко всякому данному случаю. Возможность часть доходовъ откладывать на черный день, конечно, гораздо болѣе тамъ, гдѣ меньшій процентъ общихъ расходовъ употребляется на насущныя потребности. Для рабочаго эти расходы составляютъ 95%, для человѣка, получающаго въ годъ 150—225 фунт. стерл., они не превышаютъ 85%. Ясно, что для перваго, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, невозможно сберечь и 5% изъ своего дохода. Онъ можетъ отказать себѣ во всякомъ развлеченіи, во всякомъ comfortѣ, и у него останется только одинъ процентъ; если ни ему, ни членамъ его семейства не придется прибѣгать къ покровительству законовъ, у него останется еще процентъ; если всѣ члены семейства будутъ совершенно здо-

ровы, онъ можетъ разсчитывать на третій; расходы же на воспитаніе и церковь ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть вычеркнуты изъ бюджета. Итакъ, рабочій ни въ какомъ случаѣ болѣе 3% изъ своего годового дохода сберечь не можетъ, и то получая относительно хорошее содержаніе. Принимая же во вниманіе, что чѣмъ больше доходъ, тѣмъ больше могутъ быть сбереженія, ибо для второго разряда они уже возможны въ размѣрѣ 6,5%, для третьяго — 9,5%; можно и обратно предположить, что обыкновенный прусскій рабочій, получающій въ годъ отъ 25 до 30 фунт. стерл., можетъ сберечь въ годъ не болѣе 1 или 1½ процента, или около 7—8 шиллинговъ. Это количество приблизительно соотвѣтствуетъ суммѣ наименьшихъ годовыхъ взносовъ членовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, организованныхъ въ Германіи рабочими по системѣ Шульце-Делича.

Для большаго уясненія вопроса о стоимости содержанія рабочихъ семействъ, возможности удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей рабочаго и размѣра доступныхъ ему сбереженій, нельзя ограничиться одними средними теоретическими выводами, только-что указанными нами. Обращаясь же къ болѣе непосредственнымъ даннымъ, мы усматриваемъ, что расходы рабочихъ представляютъ наиболѣе крупныя цифры въ большихъ городахъ и наименѣе крупныя въ селеніяхъ. Чѣмъ больше городъ, тѣмъ и жизнь въ немъ дороже; чѣмъ болѣе развита промышленность въ данной мѣстности, тѣмъ опять выше стоимость существованія. Такъ, напримѣръ, въ городѣ Кёнигсбергѣ общій расходъ семейнаго рабочаго (5 членовъ семейства) простирается до 36 фунт. стерл., въ Кёльнѣ — до 61 ф. стерл. Впрочемъ, эта послѣдняя цифра составляетъ исключеніе. Навысшій размѣръ ихъ не превышаетъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ 40 фунт. стерл. Въ селахъ и мелкихъ городахъ Помераніи, минденскомъ округѣ (въ Вестфаліи), нѣкоторыхъ саксонскихъ провинціяхъ она падаетъ до 12-ти съ небольшимъ фунт. стерл., представляющихъ, впрочемъ, минимумъ; максимумъ же этой цифры для тѣхъ же мѣстностей простирается до 33 фунт. стерл., а чаще всего, судя по приведеннымъ въ донесеніяхъ статистическимъ таблицамъ, на содержаніе семьи, состоящей изъ 4—6 членовъ, рабочему приходится расходовать около 20—25 фунт. стерл. въ годъ, а въ прирейнскихъ провинціяхъ нѣсколько болѣе, 25—30 фунт. стерл.

Въ Кёнигсбергѣ, гдѣ общая стоимость содержанія семьи, какъ мы сказали, простирается до 36-ти фунт. стерл., сумма эта распредѣляется такъ:

на пищу	27 ф. ст. —
на жилище	4 " " 10 ш.
на отопленіе и освѣщеніе	1 " " 4 "

на одежду	2 ф. ст. 8 ш.
на предметы домашняго хозяйства и рабочіе инструменты	— 12 „
на подати и сборъ на школы	— 6 „

Всего . . . 36 ф. ст. —

Въ сельскихъ округахъ Силезіи стоимость содержанія 3—5 членовъ семейства колеблется между 10 фунт. стерл. 7 шилл. и 23 фунт. стерл. 2 шилл., и сумма въ подробностяхъ распадается на слѣдующіе отдѣлы:

Пища	отъ 7 ф. 10 ш. до 13 ф. 1 ш.
Жилище	„ — 18 „ „ 2 „ 5 „
Отопленіе и освѣщеніе	„ — 18 „ „ 2 „ 2 „
Одежда	„ — 12 „ „ 3 „ 9 „
Предметы домашняго хозяйства и рабочіе инструменты	„ — 3 „ „ 1 „ 10 „
Подати и сборъ на содержаніе школъ	„ — 6 „ „ — 15 „

Всего . . . отъ 10 ф. 7 ш. до 23 ф. 2 ш.

Въ мануфактурныхъ округахъ Силезіи же общая стоимость содержанія семьи (4—5 членовъ) простирается отъ 18¹/₂ до 30 слишкомъ фунт. стерл., причемъ на пищу расходуется отъ 12 до 16 ф. стерл., на жилище—около 2¹/₂, на одежду—отъ 3 до 6 ф. ст.

Стоимость жизни въ рейнскихъ провинціяхъ выше, чѣмъ въ остальныхъ; такъ, напримѣръ, въ сѣверной части эссенскаго округа она, для семьи въ 5 человекъ, простирается до 37 ф. 19 шилл. въ годъ; изъ нихъ издерживается: на пищу 26 ф. 5 ш., на наемъ квартиры 3 ф., на отопленіе и освѣщеніе 1 ф. 16 ш., на одежду 4 ф. 10 ш., на предметы домашняго обихода и рабочіе инструменты 15 ш. и столько же на подати и школу.

Въ Магдебургѣ (въ саксонской Пруссіи) общая стоимость содержанія семейства (5 членовъ) исчислена въ 30 ф.

на пищу	18 ф. —
на жилище	3 „ 15 ш. — 4 ф. 10 ш.
на отопленіе и освѣщеніе	1 „ 10 „
на одежду	4 „ 10 „
на домашнее хозяйство и ин- струменты	— 15 „
на подати и проч.	— 15 „

Всего . . . 30 ф. —

Вышепоказанныя мѣстности избраны нами, во-первыхъ, потому, что они представляются наиболѣе характеристичными, и, во-вторыхъ, потому, что разсматриваемые нами матеріалы даютъ возможность противопоставить цифрамъ расхода цифры дохода рабочаго въ этихъ округахъ. Прежде всего обратимся къ Силезіи. Благодаря труду профессора Якоби, издавашаго изслѣдованіе о заработной платѣ въ этомъ округѣ, мы можемъ составить себѣ весьма отчетливое понятіе о матеріальномъ положеніи мѣстнаго рабочаго. Единственный источникъ доходовъ силезскаго рабочаго, какъ и всякаго другого, составляетъ его личный трудъ, его заработокъ. Дневной же заработокъ простого рабочаго (Handarbeiter) среднимъ числомъ (принимая въ расчетъ и зимнія, и лѣтнія цѣны) колеблется между 8½ пенс. и 1 шилл. Женщины получаютъ отъ 4½ до 7½ пенс. Высшій размѣръ встрѣчается чаще, чѣмъ низшій. Въ большихъ городахъ, вблизи ихъ и вездѣ, гдѣ отъ рабочаго требуется болѣе обыкновеннаго искусства или силы, цѣны эти увеличиваются. Въ случаѣ появленія въ странѣ какихъ-либо экстренныхъ работъ, напримѣръ, проведенія желѣзной дороги, цѣны на рабочихъ сильно поднимаются и достигаютъ до 1½ шилл. въ день мужчинѣ лѣтомъ и 1 шилл. женщинѣ. Въ большихъ городахъ простая работница можетъ въ день заработать болѣе шиллинга. Работая по контракту или поштучно, рабочій можетъ увеличить свой заработокъ на 30 и даже 50 процентовъ и получить въ лѣтній день до 2 шилл., а на желѣзно-дорожныхъ работахъ еще болѣе. Бываютъ, весьма впрочемъ рѣдко, случаи, когда, за недостаткомъ работы, лѣтняя поденная плата падаетъ до 8½ пенс. мужчинѣ. Иногда работа оплачивается по часамъ, при чемъ мужчина получаетъ за часъ около 1 п. и до 1½ п., а женщина — отъ ½ п. до 1 п. Дѣти, которыя еще обязаны посѣщать школу, находятъ нерѣдко легкую полевою работу и, выполняя ее въ свободные отъ ученія часы, зарабатываютъ среднимъ числомъ около 3 пенс. въ день. Это все относится до простыхъ рабочихъ и, главнымъ образомъ, земледѣльцевъ. Что же касается до рабочихъ, стоящихъ по искусству ближе къ фабричнымъ и ремесленникамъ, ихъ заработокъ достигаетъ до 2½ шилл. въ день, а для рабочихъ, изучившихъ какое-либо ремесло, онъ еще выше. Есть ремесленники, получающіе въ годъ отъ 75 до 90 ф. стерл. Высшую плату получаютъ искусные работники у фортопьянныхъ мастеровъ; ихъ недѣльный заработокъ равняется иногда 2½ ф. ст., что составитъ въ годъ болѣе 120 ф. ст. Обращаясь къ другимъ даннымъ (свѣдѣніямъ коммерческой палаты), мы видимъ, что средній дневной заработокъ фабричнаго рабочаго въ Силезіи колеблется между 1 и 2 шилл. Рабочихъ, получающихъ болѣе 2 шилл., весьма мало, такъ что принимая заработокъ хорошаго мужского ра-

бочаго въ $1\frac{1}{2}$ шилл., мы будемъ весьма близки къ истинѣ, и увидимъ, что въ годъ, или въ 300 рабочихъ дней, онъ заработаетъ 15 фунт. стерл. Наименьшій расходъ на содержаніе семьи въ Силезіи составляетъ около 11 ф. стерл., и, слѣдовательно, при этомъ расчетѣ, рабочий имѣетъ возможность скромно содержать свою семью и даже дѣлать нѣкоторую экономію. Но это относится до наиболѣе искусныхъ рабочихъ, которыхъ средній заработокъ въ день не ниже $1\frac{1}{2}$ шилл. Заработокъ же простого рабочего, составляющаго массу населенія, до этой цифры, какъ мы видѣли, не доходитъ; онъ едва достигаетъ до 1 шилл. въ день. Силезскіе рудокопы получаютъ отъ $8\frac{1}{2}$ пенс. до $1\frac{1}{2}$ шилл., и эта послѣдняя плата составляетъ шахтшии заработка, до котораго онъ въ большинствѣ случаевъ не достигаетъ. Рабочіе на металлическихъ фабрикахъ въ Силезіи зарабатываютъ въ день не болѣе 1 шилл., и только наиболѣе искусные, составляющіе меньшинство, получаютъ болѣе. Слѣдовательно, дневной заработокъ большинства этихъ рабочихъ приближается къ одному шиллингу. Принимая это въ расчетъ, мы увидимъ, что въ годъ большинство изъ нихъ получить около 9 фунт. 10 шилл., что не составляетъ даже минимума суммы, необходимой для содержанія семьи, то-есть 10 фунт. 10 шилл. Конечно, эти люди могутъ существовать, но ихъ существованіе весьма жалкое, если они, какъ оказывается, не могутъ удовлетворять своихъ насущнѣйшихъ потребностей въ ихъ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, такъ какъ минимумъ стоимости содержанія основанъ на минимумѣ житейскихъ удобствъ, необходимыхъ для рабочего. Ясно, что сбереженія такого рабочего—если они дѣлаются возможными—прежде всего будутъ поглощаться необходимыми улучшениями его текущей домашней жизни—пищи, одежды, жилища и проч. Надо при этомъ замѣтить, что цифры, выражающія стоимость содержанія семьи, относятся къ 1860 году, а цифры заработной платы—къ 1867—68 и 69 годамъ. Между тѣмъ цѣнность жизненныхъ потребностей за это время значительно возросла въ большинствѣ провинцій Пруссіи. Такъ, напримѣръ, въ Силезіи цѣна на розъ въ 1860 году была 5 ш. $8\frac{1}{2}$ п., а въ 1869 году 6 ш. 2 п.; на мясо въ 1860 году $4\frac{1}{4}$ п., а въ 1869 году $5\frac{1}{2}$ п. Вслѣдствіе этого, стоимость содержанія должна была возвыситься сравнительно съ приведенными нами цифрами—и заработокъ оказывается еще менѣе удовлетворительнымъ. Между тѣмъ, Якоби въ своемъ трудѣ о силезскихъ рабочихъ утверждаетъ, что ихъ матеріальное положеніе совершенно удовлетворительно. „Подмастерья и обыкновенные рабочіе,—говоритъ онъ,—могутъ получать вполне достаточное жалованье, ни мало не истощая своихъ физическихъ силъ чрезмѣрнымъ трудомъ. Рабочіе ремесленныхъ заведеній, расположенныхъ въ низмен-

ныхъ частяхъ Силезіи, находятся въ особенно благоприятныхъ условіяхъ. Многие изъ нихъ живутъ на собственной землѣ и имѣютъ возможность въ свободные отъ ремесленныхъ работъ часы воздѣлывать эту землю, причемъ выращиваютъ большую часть потребнаго для нихъ хозяйства картофеля и другихъ овощей. Рабочее населеніе все болѣе и болѣе оказываетъ расположенія къ благоразумной экономіи и сбереженіямъ, которыя дѣлаютъ ни мало не истощая своихъ силъ и не подвергая себя матеріальнымъ лишеніямъ. Самымъ осязательнымъ послѣдствіемъ этого является физическая крѣпость и возвышеніе нравственнаго уровня между ними. Потребность интеллектуальнаго совершенствованія также вполне опредѣлилась. Репортеръ, приводящій эти слова Якоби, признаетъ ихъ справедливость въ примѣненіи къ нѣкоторымъ исключительнымъ мѣстностямъ Силезіи, но предостерегаетъ, что относить ихъ ко всему промышленному населенію Пруссіи значило бы впасть въ большую ошибку и даже утопію.

Для гор. Магдебурга (въ саксонской Пруссіи) мы можемъ сдѣлать также непосредственное сравненіе доходовъ рабочаго съ его расходами, такъ какъ цифра первыхъ, т.-е. заработки по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ разрядовъ рабочихъ въ этомъ городѣ приведены въ таблицѣ, составленной по свѣдѣніямъ, имѣющимся за 1867 и 1868 годы въ коммерческой палатѣ. По свѣдѣніямъ этимъ оказывается, что на бумагопрядильной фабрикѣ 318 рабочихъ получаютъ всего жалованья въ годъ 5741 фунтъ стерл., что составляетъ на cadaго 18 фунт. стерл.; что на 7-ми другихъ фабрикахъ 934 рабочихъ зарабатываютъ всѣ вмѣстѣ 41,438 ф. стерл. или 44 ф. 8 шилл. каждый. Такимъ образомъ средній годовоі зароботокъ выражается 35-ю фун. ст. приблизительно и указываетъ на безбѣдное существованіе большинства, причемъ меньшинство далеко не располагаетъ средствами достаточными для удовлетворенія надлежащимъ образомъ своихъ необходимыхъ потребностей. Мы говоримъ меньшинство изъ того числа рабочихъ, которые вошли въ приведенное нами исчисленіе. Въ остальныхъ частяхъ саксонскихъ провинцій Пруссіи стоимость содержанія рабочей семьи простирается въ сельскихъ округахъ и мелкихъ городахъ отъ 12½ ф. стерл. до 30 фунт. стерл. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно доходитъ до 37 фунт. стерл., но это составляетъ исключеніе, которое нельзя принимать въ расчетъ. Заработная же плата хорошаго горнаго рабочаго при 12-ти часовомъ трудѣ колеблется между 1 шилл. 2½ п. и 1 шилл. 9½ п., а обыкновеннаго рабочаго на металлическихъ фабрикахъ выражается 1 шилл., и только литейщики получаютъ до 1½ шилл. Слѣдовательно годовоі зароботокъ и другихъ (300 рабочихъ дней) представляетъ минимально, весьма мало,

мумъ 10 фунт. стерл. и максимумъ 18 фунт. стерл., что далеко не соответствуетъ ни минимуму, ни максимуму вышеприведенной стоимости содержанія, но въ среднемъ выводъ даетъ цифры дохода, которымъ можно покрыть необходимые расходы. Особенною обстоятельствомъ отличаются свѣдѣнія о заработной платѣ въ гор. Барменѣ, около Эльберфельда, въ южной части рейнскихъ провинцій. Данныя эти собраны однимъ изъ мѣстныхъ фабрикантовъ въ 1865—67 г. и опубликованы по распоряженію городского совѣта въ Барменѣ. Мы остановимся только на цѣнахъ 1867 года, не входя въ разсмотрѣніе цѣнъ предыдущихъ лѣтъ. Низшій недѣльный заработокъ простого рабочаго выражается 7 шилл., а наиболѣе искусные получаютъ болѣе 1 фунт. ст., рабочіе же исполняющіе фабричныя заказы на дому получаютъ до 2 ф. 8 ш. въ недѣлю. Работая поштучно, они имѣютъ возможность получать гораздо больше. Есть производства, которыя вовсе не требуютъ, чтобы рабочіе работали на фабрикѣ: они берутъ работу на домъ и исполняютъ ее иногда при помощи своего семейства или даже наемныхъ подмастерьевъ. Такъ напримѣръ мастера, изготовляющіе нѣкоторыя шелковыя и шерстяныя ленты, матеріи, шнуры и проч., имѣютъ дома всѣ необходимые для производства инструменты, общая стоимость которыхъ весьма значительна: она равняется 270 фунт. ст. Такіе мастера въ недѣлю выручаютъ до 3½ ф. ст., но изъ этой суммы за всѣми расходами по производству очищается имъ не болѣе 2 ф. 5 ш., часть которыхъ надо употребить на погашеніе капитала, затраченнаго на приобрѣтеніе инструментовъ. Впрочемъ такія мелкія заведенія, существуя самостоятельно, рѣдко могутъ выдерживать конкуренцію съ крупными, не имѣя достаточно средствъ постоянно слѣдить за быстро-мѣняющимися требованіями моды и не имѣя возможности поддерживать въ постоянной исправности инструменты, весьма быстро приходящіе въ негодность. Можно принять средній заработокъ порядочнаго въ этой мѣстности работника около 15 шилл. въ недѣлю.

Такимъ образомъ минимумъ заработка выразится въ годъ 7 ш. $\times$ 42 = 9½ фунт. ст.; средній заработокъ 15 ш. $\times$ 42 = 21 фунт. ст. и высшій, который можно отнести только къ небольшому числу лицъ, дойдетъ до 42—50 фунт. стерл. Между тѣмъ стоимость содержанія семейства въ этой мѣстности, какъ видно изъ таблицы составленной въ 1860 г., слѣдовательно когда жизнь была дешевле, простирается до 36 фун. ст. и нигдѣ не обходится менѣе 22 ф. 10 шилл., такъ что заработокъ обыкновеннаго рабочаго не даетъ ему возможности безбѣдно содержать семью и даже хорошій рабочій не можетъ этого достигнуть.

Чтобы дать понятіе о томъ, чѣмъ при указанныхъ размѣрахъ заработка питаются рабочіе въ Пруссіи, мы приведемъ имѣющіяся въ донесеніи по этому предмету свѣдѣнія. Въ при-рейнскихъ провинціяхъ семья вышеприведеннаго состава потребляетъ въ годъ 1000 англ. ф. пшеничной и гречневой муки, 1800 ф. хлѣба, 2600 картофеля, зелени и овощей на 26 шилл., рису и различныхъ крупъ 90 ф., говядины и свинины 200 ф., масла 90 ф., молока 180 кварт., соли 26 ф., кофе и пр. на 18 шиллинговъ. Стоимость всѣхъ этихъ продуктовъ простирается до 26 ф. 5 шилл., такъ что среднимъ числомъ пищевое довольствіе каждаго члена семейства обходится до 5 ф. 7 шилл. въ годъ, причемъ хлѣба, крупъ и муки въ разномъ видѣ каждый среднимъ числомъ сѣдаетъ въ годъ около 400 англ. ф., а мяса 40 ф. Въ Вестфалии мяса потребляется уже меньше, а въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, гдѣ жизнь гораздо дешевле, содержаніе каждаго члена семьи обходится 2—4 фунт. стерл. Преобладающею тамъ пищею является мучная съ весьма незначительной прибавкой мяса, а въ Силезіи и саксонскихъ провинціяхъ Пруссіи рабочіе почти не знаютъ мяса. Впрочемъ, въ наиболѣе промышленныхъ округахъ собственно фабричные рабочіе, въ особенности на желѣзодѣлательныхъ заводахъ, безъ мяса почти не могутъ обходиться и потребляютъ его въ годъ на всю семью на сумму около 3 фунт. стерлинговъ.

Въ Гамбургѣ, какъ сказано въ донесеніи, въ которомъ опредѣленныхъ цифръ не приведено, заработная плата приблизительно равняется стоимости содержанія рабочаго, причемъ относительно крупный расходъ составляетъ наемъ квартиры, поглощающій одну пятую, а иногда и четверть всего заработка семейнаго человѣка.

Въ Саксоніи поденные рабочіе, работники въ каменноугольныхъ копяхъ, каменщики зимой, кузнецы, рабочіе на фарфоровыхъ фабрикахъ, на чугуно и мѣди-плавильныхъ и многіе другіе простые рабочіе составляющіе большинство населенія, по свѣдѣніямъ, составленнымъ передъ войной (1868 г.), могли зарабатывать въ недѣлю 6 или 7½ шилл. По мѣрѣ искусства рабочихъ, конечно, заработки возвышаются и доходятъ даже, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, до 30 шилл. Но это составляетъ такой максимумъ, который нельзя принимать въ расчетъ тѣмъ болѣе, что есть указанія на заработки, не превышающіе въ недѣлю 3½ или 4 шилл. Въ Лейпцигѣ существуютъ слѣдующія цѣны на работу: портные зарабатываютъ въ недѣлю отъ 15 до 20 шилл., каменщики отъ 9 до 20 шилл., работники въ типографіяхъ отъ 7½ до 15 шилл., столяры отъ 2½ до 3 шилл., простые земледѣльческие рабочіе отъ 6½ до 9 шилл. А расходъ рабочаго средней руки въ

Лейпцигѣ, содержащаго жену и троихъ дѣтей (исчисленіе это, по мнѣнію его составителя, можетъ быть примѣнено и къ большинству другихъ промышленныхъ городовъ Саксонскаго королевства) въ недѣлю выражается такъ:

	шилл.	пенс.
Наемъ жилища	2	6
Стирка и проч.	"	6
Освѣщеніе и отопленіе	1	5 ³ / ₄
Одежда	1	9
Расходы по обученію трехъ дѣтей	"	7 ¹ / ₂
Утренній кофе съ пшеничнымъ хлѣбомъ	1	¹ / ₂
Завтракъ	3	6
Обѣдъ	4	1 ¹ / ₂
Вечерняя закуска въ 4 часа	1	9
Ужинъ и кофе	2	10 ¹ / ₂
Всего	1 ф.	1 ³ / ₄

Къ этому разсчету, приведенному вслѣдъ за подробнымъ указаніемъ размѣра заработной платы, на которой мы остановили также вниманіе читателя, Кроу, генеральный консулъ въ Лейпцигѣ, прибавляетъ: „Меня спросятъ, чѣмъ возможно объяснить, что женатый человѣкъ, зарабатывающій гораздо менѣе 1 фунта стерл. въ недѣлю, тратитъ 1 фунтъ слишкомъ. Это объясняется тѣмъ, что то, чего не можетъ заработать мужъ, должна заработать жена, а если она этого сдѣлать не можетъ, то семейство входитъ въ долги.“ Иногда въ семьѣ женатаго рабочаго холостой нанимаетъ уголь, въ которомъ спитъ, и за это уплачиваетъ около шиллинга въ недѣлю, что служитъ семьѣ, хотя не прочнымъ, подспорьемъ. Холостой рабочий имѣетъ возможность жить гораздо лучше женатаго, издерживать относительно много на одежду и притомъ откладываетъ на черный день или копить деньги къ тому времени, когда вздумаетъ обзавестись семьей. Его еженедѣльные расходы выражаются такъ:

	шилл.	пенс.
Наемъ помѣщенія	1	
Стирка, отопленіе и освѣщеніе	1	8 ¹ / ₂
Одежда	2	
Пища	4	
Всего	9	2 ¹ / ₂

Вообще Кроу признаетъ, что заработокъ женатаго рабочаго въ промышленныхъ городахъ Саксонскаго королевства 25⁰/₁₀₀ ниже сто-

имости содержанія семьи, а заработокъ холостого на 50% превышаетъ общую сумму его необходимыхъ расходовъ. Пища, которою, при вышеуказанномъ размѣрѣ заработка, довольствуются саксонскіе рабочіе, вообще далеко не роскошна, хотя здорова. Мясо употребляется, по преимуществу, въ видѣ свинины; затѣмъ большую роль въ столѣ рабочаго играетъ картофель, который саксонцы чрезвычайно любятъ, до того, что съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ памяти Дрека и настолько чтутъ ее, что почти въ каждой саксонской деревушкѣ можно найти портретъ человѣка, которому Европа обязана распространеніемъ въ ней этого корнеплода.

Самая плохая пища достается на долю рабочихъ въ Рудныхъ горахъ. Она состоитъ, по преимуществу, изъ картофеля, очень жидкаго кофе и хлѣба. Мяса эти люди почти не знаютъ, оно составляетъ большую рѣдкость.

Сельскій рабочій начинаетъ свой день лѣтомъ въ 4½ час. утра, а зимой въ пять, съѣдая мучную похлебку и нѣсколько хлѣба съ масломъ. Кофе составляетъ исключеніе; въ 9 часовъ онъ закусываетъ хлѣбомъ съ масломъ и сыромъ и иногда выпиваетъ рюмку водки; въ 12 часовъ съѣдаетъ похлебку, какія-нибудь овощи и по воскреснымъ днямъ, и во время жатвы, ¼ фунта мяса на человѣка; въ 4 часа пополудни опять закусываетъ хлѣбомъ съ масломъ и, въ случаѣ особенно тяжелой работы, съ сыромъ, и выпиваетъ рюмку водки; въ 7 или 8 часовъ вечера, окончивъ работу, онъ ужинаетъ мучной похлебкой и хлѣбомъ съ масломъ лѣтомъ, а зимой, по преимуществу, картофелемъ съ масломъ. При этомъ выпивается кружка или двѣ пива.

Городской рабочій средней руки завтракаетъ утромъ въ 6 часовъ, выпивая чашку или двѣ кофе и съѣдая ¼ ф. бѣлаго или ржаного хлѣба; въ 9 час. онъ съѣдаетъ полфунта хлѣба съ масломъ или ветчиной и непременно пьетъ водку. Въ 12 часовъ рабочіе съѣдаютъ то, что имъ приносятъ изъ дому, а именно: хлѣбъ съ масломъ, ветчину или сосиски, и опять-таки пьютъ водку; если жена или дѣти имъ могутъ приносить обѣдъ, то они получаютъ теплую похлебку, мясо и какія-нибудь овощи. Нѣкоторые рабочіе, въ особенности холостые или живущіе далеко отъ мѣста работы, обѣдаютъ въ трактирахъ, гдѣ получаютъ мясо и овощи; въ 4 часа вечера они закусываютъ полуфунтомъ хлѣба съ масломъ, иногда же съ сыромъ или ветчиной, выпиваютъ рюмку водки, а вечеромъ, въ 7 часовъ, ужинаютъ; ужинъ состоитъ изъ полуфунта хлѣба, картофеля (часто безъ масла) и кружки пива. Затѣмъ ремесленники, пользующіеся относительно хорошими содержаніемъ, питаются такъ: они утромъ, въ 6 час., вы-

пиваютъ нѣсколько чашекъ хорошаго кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ, въ 9 час. закусываютъ хлѣбомъ съ масломъ, водку пьютъ изъ нихъ только тѣ, которымъ приходится работать на открытомъ воздухѣ; въ 12 час. они ѣдятъ очень хорошую мясную похлебку (около $\frac{1}{3}$ англійскаго фунта мяса на человѣка) съ примѣсью зелени и овощей. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, кромѣ того, за ихъ столомъ непремѣнно бываетъ хорошій кусокъ жаренаго мяса. Въ 4 часа они пьютъ кофе съ хлѣбомъ и масломъ, иногда пиво или водку, а въ 7 часовъ ужинаютъ, при чемъ ѣдятъ хлѣбъ съ масломъ, сыръ и ка-кія-нибудь овощи и пьютъ пиво.

Пищей, приведенной въ послѣднемъ и предпослѣднемъ примѣрѣ, пользуется, конечно, меньшинство и потребление мяса въ Саксоніи далеко не распространено между рабочими. Судя по статистическимъ свѣдѣніямъ, оно не только не возрастаетъ, но едва ли не уменьшается. Такъ, въ 1806 году мяса въ Саксоніи потреблялось среднимъ числомъ на каждого жителя 30 фунтовъ, въ 1863 г. по 35 $\frac{1}{2}$ фунтовъ, но при этомъ цѣна на него возросла вдвое; слѣдовательно, для бѣдняковъ оно стало менѣе доступно, чѣмъ прежде. Нельзя не обратить вниманіе на то обстоятельство, что саксонскіе рабочіе значительно уменьшили свои расходы на разнаго рода жизненные потребности образованіемъ потребительныхъ обществъ. Если бы имъ приходилось покупать все у торговцевъ, расходы ихъ были бы для нихъ еще тяжелѣе и быть можетъ невыносимы.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ Данцига, положеніе рабочихъ въ этомъ городѣ и его сельскомъ округѣ весьма удовлетворительно. Рабочіе раздѣлены въ донесеніи на три разряда: первый составляютъ сельскіе полевые работники; ихъ заработокъ простирается въ мѣсяцъ до 1 ф. 5 шилл., расходы, необходимые по содержанію семьи, до 1 ф. 3 шилл.; второй разрядъ — городскіе рабочіе низшаго класса, вырабатываютъ въ мѣсяцъ до 2 слишкомъ фунтовъ стерлинговъ и издерживаютъ нѣсколько менѣе этой суммы; къ третьему разряду отнесены ремесленники и подмастерья. Ихъ заработокъ исчисленъ въ 3 фунт. 2 $\frac{1}{2}$ шилл., а расходы въ 2 ф. 19 $\frac{1}{2}$ шилл., что составляетъ экономію въ 3 шилл. въ мѣсяцъ.

Въ Виртембергскомъ королевствѣ плата обыкновеннаго рабочаго колеблется между 9—18 шилл. въ недѣлю или 13 и 25 ф. стерл. въ годъ, а для особенно искусныхъ мастеровъ и ремесленниковъ доходить до 1 $\frac{1}{2}$ фунт. и болѣе стерл. въ недѣлю или до 67—75 ф. стерл. въ годъ; расходъ семейнаго рабочаго, получающаго въ годъ 25 ф. ст., равняется, по вычисленіямъ, приведеннымъ въ донесеніи, его приходу, а именно онъ издерживаетъ:

	ф. шилл. ден.		
На квартиру	4	15	
„ освѣщеніе и отопленіе.	1	20	
„ хлѣбъ	4	6	8
„ мясо.	3	15	
„ остальные съѣстные припасы	5	2	6
„ табакъ и сигары.		10	
Всего	20	19	2

У него остается съ небольшимъ 4 ф. ст., изъ которыхъ ему необходимо произвести расходы на одежду, на обученіе дѣтей, на лекарства и проч. Денегъ этихъ едва хватаетъ на эти предметы. Подробнаго перечня расходовъ рабочихъ, получающихъ менѣе 25 фунт. стерл., въ донесеніи не приведено, но едва ли можно предположить, чтобы они въ состояніи были дѣлать какія-либо сбереженія.

Н. Ф.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое іюня 1873.

Сборы на желѣзныхъ дорогахъ. — Способы осуществленія желѣзно-дорожной сѣти въ Россіи. — Казна, концессіонеры и общества. — Новыя правила для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ. — Слухи о новыхъ правилахъ для печати. — Сообщенія и вареванія. — Еще о регламентаціи гимназій. — Вопросъ о выпускныхъ экзаменахъ. — По поводу всесословной волости.

Въ ряду новыхъ условій быта, созданныхъ въ Россіи за послѣднія двѣнадцать лѣтъ, одно изъ первыхъ мѣстъ, безспорно, принадлежитъ проведенію обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ. По своему вліянію на совокупность нашихъ бытовыхъ условій, проведеніе желѣзныхъ дорогъ едва ли не занимаетъ въ числѣ преобразованій первое мѣсто послѣ крестьянской реформы. Не говоря уже о прямомъ значеніи желѣзныхъ путей въ смыслѣ удобства сообщенія и оживленія многихъ отраслей промышленности, а также о замѣтной уже нынѣ перемѣнѣ въ торговомъ значеніи различныхъ пунктовъ, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ явилось важнымъ факторомъ въ крупнѣйшемъ изъ экономическихъ явленій послѣднихъ лѣтъ, именно въ возвышеніи цѣнъ на предметы употребленія, возвышеніи зарбботковъ и соотвѣтственнымъ паденіи цѣнъ бумажнаго рубля. Желѣзно-дорожное дѣло достигло уже весьма значительнаго развитія, такъ какъ въ настоящее время въ Россіи открыто движеніе по пространству болѣе 13 тысячъ верстъ желѣзныхъ путей. Но мы находимся наканунѣ еще новыхъ крупныхъ шаговъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ теперь составляется предположеніе о новой сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая будетъ имѣть до 10-ти тысячъ верстъ протяженія, что вмѣстѣ съ длиною въ около 17-ти тысячъ верстъ линій построенныхъ и уже строящихся нынѣ, представитъ громадную цифру 27 тысячъ верстъ.

Въ прошломъ апрѣлѣ были опубликованы отчетъ о валовомъ сборѣ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ за 1872 годъ, и новыя пра-

вила для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ, правила, которыя представляютъ весьма существенныя измѣненія въ нынѣшнемъ порядкѣ выдачи концессій. Въ виду этихъ данныхъ, а также слуховъ о составленіи новой сѣти дорогъ, мы хотимъ бросить общій взглядъ на положеніе желѣзно-дорожнаго дѣла.

Изъ отчета о валовомъ сборѣ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ за 1872 годъ видно, что въ эксплуатаціи находилось уже 13,217 верстъ (за исключеніемъ финляндскихъ). Въ теченіи 1872 года перевезено пассажировъ 20.602,088, грузовъ 935.422,234 пуда, общій сборъ составилъ 101.959,345 рублей или 7.865 р. 71 к. на версту. Общій валовой сборъ увеличился въ теченіи 1872 года на 7.510,615 рублей или на $7^{95}/100^0/0$, но сборъ съ версты уменьшился на 745 рублей. Этотъ послѣдній фактъ объясняется тѣмъ естественнымъ явленіемъ, что по мѣрѣ расширенія сѣти въ составъ эксплуатируемой сѣти вошли линіи малоодоходныя, то-есть такія линіи, которыя или еще не успѣли достигнуть той производительности, какую должны получить, или же по самому свойству своему на долгое время должны оставаться малоодоходными, такъ какъ самая постройка ихъ была вызвана особыми соображеніями. Въ общемъ результатѣ, сборъ на нашихъ дорогахъ все-таки возросъ за 1872 годъ почти на $8^0/0$. Возвышеніе сбора замѣчалось преимущественно на дорогахъ центральныхъ (за исключеніемъ Николаевской). Такъ сборъ усилился на линіяхъ: тамбово-козловской на $45^{54}/100^0/0$, кіево-брестской на $27^{21}/100^0/0$, козлово-воронежской на $21^{33}/100^0/0$, новоторжской на $16^{12}/100^0/0$, московско-ярославской на $13^{57}/100^0/0$, одесской на $11^{24}/100^0/0$, рязанско-козловской $10^{87}/100^0/0$, московско-рязанской на $8^{51}/100^0/0$, пуйско-ивановской $8^{12}/100^0/0$, балтійской, варшавско-вѣнской, рыбинско-бологовской, варшавско-лодзинской, московско-нижегородской, варшавско-бромбергской, курско-кіевской, варшавско-тереспольской, московско-курской, орловско-грязинской, курско-харьковско-азовской и ряско-моршанской (отъ $7^{47}/100$ до $0^{57}/100^0/0$). Уменьшеніе же дохода произошло на риги-динабургской на $27^{55}/100^0/0$, орловской-витебской на $21^{51}/100^0/0$, волго-донской на $12^{37}/100^0/0$, динабурго-витебской на $11^{74}/100^0/0$, царскосельской на $5^{84}/100^0/0$, николаевской на $4^{62}/100^0/0$, петербурго-варшавской на $3^{49}/100^0/0$ и митавской на $1^{45}/100^0/0$.

Изъ этого перечня оказывается, что главное возвышеніе сбора произошло по линіямъ, лежащимъ на внутреннихъ, плодородныхъ и населенныхъ мѣстностяхъ. Паденіе же было замѣтно по такимъ линіямъ, которыхъ торговое значеніе зависитъ преимущественно отъ торговли вѣншей, каковы николаевская, петербурго-варшавская и линіи, зависящія отъ Риги. Возвышеніе сбора на линіяхъ первого изъ этихъ разрядовъ весьма утѣшительно; оно свидѣтельствуетъ о

громадномъ подспорьи, какое оказываютъ желѣзныя дороги развитію нашей внутренней торговли. Уменьшеніе сбора на линіяхъ второго разряда представляетъ явленіе отчасти временное, а именно зависѣвшее отъ упадка нашего вывоза за границу въ прошломъ году.

По общей цифрѣ сбора первостепенное значеніе въ ряду нашихъ желѣзныхъ дорогъ принадлежитъ николаевской, которая дала въ 1872 году болѣе $16\frac{3}{4}$ милл. р. сбора, и петербурго-варшавской съ ея вѣтвью до прусской границы (до 8 м. 800 т. р.). За ними являются: московско-курская (болѣе 7 м. 800 т. р.) и одесская съ вѣтвями (7 м. р.). Величина общаго сбора, разумѣется, прежде всего зависитъ отъ протяженія дороги, но разница въ производительности различныхъ линій бываетъ такова, что отгѣсняетъ на второй планъ и самое протяженіе. Такъ петербурго-варшавская дорога съ вѣтвью, ровно вдвое длиннѣе николаевской, а между тѣмъ сбору даетъ вдвое менѣе послѣдней. Сравнивая выгодность линій по поперстному сбору ихъ, мы должны поставить на первомъ мѣстѣ николаевскую (27,767 р. 39 к. съ версты) и московско-рязанскую (20,765 р. 51 к.). За ними слѣдуютъ линіи, имѣющія болѣе 15 т. р. сбору съ версты, въ слѣдующемъ порядкѣ: рязанско-козловская, московско-нижегородская, царскосельская, московско-курская; варшавско-вѣнская имѣетъ сбору съ версты до 11 т. р. Наименьшій поперстный сборъ дала либавская дорога (981 р. 31 к.). Въ общемъ, среднемъ размѣрѣ, поперстный сборъ нашихъ дорогъ за 1872 годъ, какъ уже сказано, составлялъ 7,865 р. 71 к.

Желѣзныя дороги въ Россіи строились, какъ извѣстно, казною, какъ-то: николаевская, варшавско-вѣнская, московско-курская, одесско-балтская, кіево-балтская, балто-временчугская, грушевско-донская, петербурго-рихимьянская, ливенская — и частными компаніями или предпринимателями-концессионерами. Самый способъ постройки дорогъ отъ казны былъ весьма различенъ. Казна строила николаевскую дорогу своими инженерами, но поручала исполненіе работъ подрядчикамъ, подъ руководствомъ и надзоромъ инженеровъ, при чемъ однако подряды сдавались не инженерами, но управленіемъ. Московско-курскую дорогу казна строила прямо чрезъ своихъ инженеровъ, такъ-называемымъ хозяйственнымъ способомъ. Если бы казна безусловно держалась этихъ двухъ способовъ постройки, то очень могло быть, что дороги обошлись бы гораздо дороже; могло быть и то, что мы имѣли бы теперь только меньшую половину той желѣзно-дорожной сѣти, какую имѣемъ. Но можно сказать съ достовѣрностью, что при непосредственно-казенномъ способѣ постройки, тѣ дороги, какія бы мы имѣли, были бы выстроены превосходно. Николаевская дорога была первою значительною линіею, построенною въ самой Россіи и

представляетъ лучшую нашу желѣзную дорогу. Правда, стоила она дорого, а именно до 150 т. р. съ версты (всего болѣе 90 милл. р.), но это зависѣло, во-первыхъ, отъ новизны дѣла; такъ и петербурго-варшавская дорога, которую строила компанія, обошлась въ 104 т. р. съ версты; нижегородская, имѣющая одинъ путь рельсовъ, обошлась въ 88½ т. р. съ версты. Во-вторыхъ, стоимость николаевской дороги значительно зависѣла отъ громадности сооруженій на станціяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ техникою рельсоваго пути. Надо замѣтить впрочемъ, что сооруженія эти не всѣ могутъ быть признаны излишними, такъ какъ они служили и служатъ для помѣщенія управленій, а отчасти и для склада товаровъ. Что въ послѣдствіи казна, при непосредственной постройкѣ, могла значительно понизить свои расходы, это доказывается казенной постройкою московско-курской дороги, которая обошлась уже въ 97 т. р. съ версты, и ливенской узколейной (25½ т. р. съ версты). Финляндскіе инженеры построили назенную дорогу отъ Петербурга до Рихимьякѣ всего за 19¾ т. р. (металлическихъ) съ версты. Правда, дорога эта имѣетъ только одну колею, но все-таки сравнительно съ такими издержками, какъ 80 т. р. съ версты, во что обходилась постройка нѣкоторыхъ частейъ дорогъ, вдобавокъ еще далеко не удовлетворительно устроенныхъ, этотъ фактъ показываетъ, что веденіе дѣла частными лицами само по себѣ еще не вдругъ достигло цѣли удешевленія. Разница дорогихъ частныхъ построекъ отъ дорогихъ казенныхъ главнымъ образомъ состояла въ томъ, что излишекъ расхода шелъ не на улучшеніе самой постройки, но въ чистый барышъ предпринимателей.

Въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ главное, во всякомъ случаѣ, — качество постройки, такъ какъ извѣстно, что огромное большинство несчастій, бывающихъ на желѣзныхъ дорогахъ, происходятъ именно отъ неудовлетворительности постройки и ремонта пути. Въ этомъ отношеніи, николаевская дорога, со времени своей постройки и пока она оставалась въ казенномъ управленіи, то-есть въ теченіе дѣтъ пятнадцати, представляла замѣчательный примѣръ: вромѣ случаевъ, зависѣвшихъ отъ неосторожности, на ней за все это время несчастій вовсе не было. Да и въ настоящее время николаевская дорога безспорно самая безопасная изъ всѣхъ. Въ свое время, т.-е. въ прошлое царствованіе, казенная постройка этой дороги представляла еще и не малое нравственное значеніе. Въ то время, когда общество еще сомнѣвалось въ собственныхъ нравственныхъ силахъ, когда на желаніе всякой реформы нерѣдко слышалось возраженіе, что у насъ „нѣтъ людей“, — въ составѣ казенныхъ строителей, инженеро-путей сообщенія нашлись тѣ люди, которые, при работахъ на десятни

милліоновъ рублей, явили примѣръ безкорыстія безусловнаго, никогда и никѣмъ не заподозрѣннаго. Таковы были главные строители николаевской дороги г. Мельниковъ и покойный Крафтъ; таковъ былъ и строитель другого громаднаго самостоятельнаго сооруженія — николаевскаго моста въ Петербургѣ, г. Кербедзъ. Ихъ постройки производились въ одно время съ постройкою исаакіевской церкви и нѣкоторыхъ крѣпостей, бывшихъ притчами въ народѣ.

Но вѣдомство инженеровъ путей сообщенія, хотя и заключало въ себѣ людей высокихъ талантовъ и честности, было слишкомъ слабо у насъ, чтобы удержать въ своихъ рукахъ такое многомилліонное дѣло, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ. Оно должно было допустить сперва передачу исполненія всей задуманной сѣти иностранной акціонерной компаніи, такъ-называемому Главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, которое и построило линіи петербурго-варшавскую (начата еще казною) и нижегородскую, но оказалось несостоятельно къ выполненію всей предначертанной сѣти, такъ что казна должна была измѣнить его уставъ, снять съ него неисполненныя обязательства и оставить за нимъ громадный долгъ себѣ. Затѣмъ главное вліяніе въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ перешло въ руки министерства финансовъ. Не только соображеніе финансовыхъ условій дѣла, но самое присканіе концессіонеровъ, а въ одномъ случаѣ даже и начальника казенной постройки перешло въ руки министерства финансовъ. Вѣдомство строительное заняло по отношенію къ этому дѣлу положеніе комитета техниковъ и экспертовъ, но не руководителей. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, измѣнились и самыя условія казенныхъ построекъ. Одесско-балтская дорога строилась отъ имени казны и на ея средства, но не строительнымъ вѣдомствомъ, а частнымъ лицомъ, въ распоряженіе котораго вдобавокъ былъ отданъ обязательный трудъ штрафованныхъ солдатъ. Вѣдомству путей сообщенія была предоставлена только общая повѣрка работъ, произведенныхъ этимъ едва ли не самымъ нераціональнымъ изъ всѣхъ допускавшихся доселѣ способовъ. Въ свое время много было говорено о достоинствахъ этой постройки, ея скорости, дешевизнѣ и удовлетворительности. Но въ послѣдствіи оказались два послѣднія свойства: верста одноклейной одесско-балтской дороги, при употребленіи обязательнаго труда, обошлась въ 82 тысячи рублей.

Предоставленіе постройки желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки, то-есть выборъ концессіонеровъ и соглашеніе съ компаніями, фактически перешло въ руки министерства финансовъ. Технические соображенія, разумѣется, требовались отъ строительнаго вѣдомства, но инициатива всего дѣла перешла къ финансовому управленію, и при

такихъ условіяхъ естественно, что концессіонеры хотя и были подчинены контролю министерства путей сообщенія и имѣли въ виду, что построенную линію будутъ свидѣтельствовать инженеры, но, по самому существу дѣла, чувствовали себя въ весьма значительной степени независимыми отъ этого министерства. Постройка желѣзныхъ дорогъ предоставлялась сперва акціонернымъ обществамъ или концессіонерамъ безъ всякой конкуренціи. Такъ были предоставлены акціонернымъ компаніямъ линіи Главнаго общества, московско-ризанская линія и нѣкоторыя другія. Выше уже сказано, что Главное общество построило двѣ свои линіи на 88—104 тыс. рублей съ версты. Московско-ризанская обошлась въ 77½ тыс. р. съ версты. Затѣмъ начался уже настоящій „золотой вѣкъ“ желѣзно-дорожнаго строительства. Частныя лица являлись съ просьбами о предоставленіи имъ построить такую или иную линію, по собственному ихъ выбору, но съ тѣмъ, чтобы казна гарантировала имъ минимумъ дохода, а затѣмъ составляли акціонерныя общества, которыя выпускали облигации. Концессіи давались сперва на ту или другую линію безъ предварительнаго соображенія о томъ, которая нужнѣе, и безъ всякой конкуренціи. Тогда явились у насъ Струсберги, концессіонеры, которые, безъ собственнаго капитала, одной предприимчивостью и спекулятивной опытностью, въ нѣсколько лѣтъ нажили громадные состоянія. Прежніе откупщики воскресли въ лицѣ концессіонеровъ желѣзныхъ дорогъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что обогащеніе концессіонеровъ было несравненно быстрѣе и менѣе рискованно, чѣмъ наживы откупщиковъ.

Сильный толчокъ всему дѣлу былъ данъ именно этими неслыханными, легкими барышами. Просьбъ о концессіяхъ явилось множество, и еслибы дѣло пошло далѣе исключительно по инициативѣ частныхъ лицъ и по выбору между ними министерства финансовъ, то у насъ явилась бы не рациональная система дѣйствительно наиболѣе нужныхъ желѣзныхъ путей, но совокупность случайно избранныхъ линій, одна съ другой конкурирующихъ, параллельныхъ и непроездительныхъ, а между тѣмъ кредитъ, какимъ мы могли располагать на главныхъ денежныхъ рынкахъ Европы для желѣзно-дорожнаго дѣла, былъ бы истощенъ. Полная свобода частной инициативы сдѣлала свое дѣло, давъ сильный толчокъ предприимчивости; явилась потребность рациональной регламентаціи. Тогда, по соглашенію финансоваго и строительнаго вѣдомствъ, стали составляться обязательныя планы желѣзно-дорожнаго строительства, желѣзно-дорожныя сѣти, рационально рассчитанныя. Въ эти сѣти включались линіи наиболѣе нужныя и опредѣлялся порядокъ, въ какомъ слѣдовало начинать ихъ постройку, а также и техническія условія и сроки сооруженія важ-

дой изъ нихъ и т. д. Дороги, которыхъ постройка была предоставлена концессионерамъ безъ конкуренціи, были построены очень дорого, какъ, напримѣръ, рязанско-козловская 95 тыс. р. съ версты, орловско-витебская $83\frac{3}{4}$ тыс. р., петергофская $75\frac{1}{2}$ тыс. р., козловско-воронежская $73\frac{3}{4}$ тыс. р. Дешевле другихъ была постройка курско-харьково-азовской линіи — $58\frac{1}{2}$ тыс. р. съ версты. Линіи эти строились между 1864 и 1869 годами. Только послѣ этихъ примѣровъ и тогда, когда первыми концессионерами уже были нажиты громадныя состоянія, въ концессионное дѣло введено было начало конкуренціи, а именно съ 1868 года концессіи стали выдавать тѣмъ предпринимателямъ, которые объявили наименьшую цѣну на постройку, причемъ, впрочемъ, торги были ограниченны, то-есть къ участію въ нихъ допускались только капиталисты, извѣстные министерству финансовъ.

Подъ вліяніемъ конкуренціи, цѣна постройки тотчасъ стала падать, и съ 80-ти, даже 90 тысячъ понизилась до половины этихъ поверстныхъ цѣнъ. Затѣмъ практика указала опасность иного рода: стремленіе концессионеровъ наверстать на самомъ качествѣ постройки тѣ барыши, которыхъ уже не обѣщала пониженная цѣна. Явилась необходимость усилить надзоръ за строительствомъ со стороны министерства путей сообщенія, и вотъ, съ 1870 года усиливается его вліяніе на ходъ желѣзно-дорожнаго дѣла,—вліяніе, которое и съ самаго начала напрасно было ослаблено поставленіемъ концессионеровъ въ независимость отъ строительнаго вѣдомства, которое между тѣмъ должно отвѣчать за качество всѣхъ произведенныхъ построекъ. Съ тѣхъ поръ, министерство путей сообщенія и финансовъ правильно раздѣлили между собой участіе въ направленіи желѣзно-дорожнаго дѣла, сообразно специальности каждаго изъ этихъ вѣдомствъ. Министерству путей сообщенія поручено было производство предварительныхъ изысканій, а также составленіе нормальныхъ концессій съ подробными, обязательными для предпринимателей и компаній правилами не только самой постройки, но до извѣстной степени и эксплуатаціи. Самый выборъ концессионеровъ былъ предоставленъ министерству путей сообщенія, а за министерствомъ финансовъ было сохранено только опредѣленіе финансовыхъ условій дѣла. Къ сожалѣнію, при этомъ система открытыхъ, гласныхъ торговъ была оставлена и вмѣсто нее явилось нѣчто среднее—предпочтеніе низшей объявленной цѣны, но при предполагаемой равною солидності негласныхъ конкурентовъ. Этимъ устраненіемъ открытой конкуренціи, обставленной одинаково доступными для всѣхъ условіями, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что цѣна, по которой предприниматели брались за постройку дорогъ, однажды пониженная торгами съ

90, 80-ти и 70-ти тыс. рублей до 50 — 40 тыс. рублей на версту, съ 1870 года не понижалась далѣе чувствительнымъ образомъ. Возрасти вновь она пока, конечно, не могла, такъ какъ доселѣ еще не была твердо выяснена предѣльная цѣна, по которой возможна постройка при среднихъ условіяхъ мѣстности, и, сверхъ того, конкуренція все-таки была допускаема въ извѣстной мѣрѣ. Но чѣмъ менѣе гласности и твердости будетъ дано соисканію, тѣмъ вѣроятнѣе станеть, что при постройкѣ дорогъ новой сѣти цѣна снова повысится, подѣ предложомъ общаго вздорожанія, хотя, вѣроятно, прежнія громадныя цѣны все-таки теперь уже допущены не будутъ.

Но одной гласности конкуренціи и равенства ея условій для всѣхъ при раздатѣ концессій еще недостаточно; эти условія способны только устранить произволъ администраціи и удешевить постройку. Затѣмъ необходимо обезпеченіе главнаго условія, именно, чтобы при возможной дешевизнѣ постройка была вполнѣ удовлетворительна, и наконецъ нужно еще и оградить интересы тѣхъ акціонерныхъ обществъ, которымъ окончательно достанется эксплуатація новыхъ дорогъ. Въ желѣзно-дорожномъ, какъ и во всякомъ компанейскомъ, сложномъ промышленномъ дѣлѣ, въ особенности въ дѣлѣ, котораго первоначальная постановка дѣлается нѣсколькими лицами, такъ называемыми учредителями и которое затѣмъ передается акціонерному обществу, главная изъва представляется тѣмъ обстоятельствомъ, что огромная часть средствъ, собранныхъ на дѣло по поводу и подѣ залогъ дѣла, идетъ совершенно помимо этого дѣла, совершенно пропадаетъ для него. При той сложной комбинаціи, какая представляется: испрошеніемъ концессіи, исполненіемъ постройки, выпускомъ акцій, выпускомъ облигацій и полученіемъ гарантіи, происходитъ такое явленіе, что главные барыши бывають нажиты на дорогѣ раньше открытія ея, нажиты такими лицами, которымъ нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ условій, какиѣ въ концѣ концовъ будетъ обставлена эксплуатація дороги, потому что они выйдутъ изъ дѣла гораздо раньше. Прямое назначеніе, прямая цѣль такихъ концессіонеровъ, учредителей-спекулянтовъ именно въ томъ и состоитъ, чтобы „выжать“ изъ дѣла возможно больше, прежде чѣмъ оно началось. А такъ какъ одно изъ средствъ выжиманія есть именно пониженіе достоинства постройки и обзаведенія, которое впослѣдствіи должно отразиться не только въ уменьшеніи доходности дороги, но и въ уменьшеніи безопасности ея, то это и служить весьма основательною причиною предпочитать въ общемъ принципѣ казенную постройку постройкѣ частной. Казенная постройка дороги если и обошлась дорого, то по крайней мѣрѣ все, что израсходовано — израсходовано на постройку, а не унесено въ

огромной долѣ спекуляціею. Допуская даже возможность отдѣльных случаевъ недобросовѣстности, мы все-таки должны будемъ признать, что по мелочамъ не могутъ быть разнесены милліоны, которые спекуляція при частной постройкѣ и частномъ учредительствѣ, уносить совершенно удобно, дѣйствуя вполне безнаказанно. При строительствѣ казенномъ, въ настоящее время можемъ рассчитывать на то, что прежняя дороговизна будетъ устранена, такъ какъ опытъ достаточно выяснилъ мѣстныя условія строительства и опредѣлилъ цѣны. Что касается добросовѣстности, то какъ уже сказано выше, еще двадцать лѣтъ тому назадъ мы имѣли такихъ инженеровъ, на которыхъ безкорыстіе въ то время многіе смотрѣли съ наивнымъ удивленіемъ; позволительно думать, что съ тѣхъ поръ и впредь, по мѣрѣ успѣховъ нравственнаго развитія въ самомъ обществѣ, добросовѣстность казенныхъ строителей не будетъ ни подлежать сомнѣнію, ни сопровождаться удивленіемъ. Отъ спекуляціи же ожидать такого чуда, чтобы она когда-либо морализировалась — совершенно напрасно, потому что это противно самому существу ея. Въ Пруссіи, во Франціи, въ Англіи никто не сомнѣвается въ честности правительственныхъ инженеровъ. Но стоить припомнить себѣ послѣднія обвиненія Ласкера въ прусской палатѣ и имперскомъ сеймѣ, чтобы убѣдиться, что спекуляція нигдѣ не имѣетъ никакой связи съ нравственными успѣхами общества. Обвиненія Ласкера раскрыли въ Пруссіи ту самую язву концессионерной и вообще учредительской спекуляціи, которая во Франціи, при второй имперіи, представлялась исторіею желѣзно-дорожныхъ концессій и акціонерныхъ комбинацій.

Частная инициатива въ желѣзно-дорожномъ строительствѣ у насъ уже исполнила свое естественное призваніе: путемъ немалыхъ лишнѣхъ пожертвованій мы приобрѣли то, что Россія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, и что капиталы какъ русскіе, такъ и иностранные легко обращаются къ желѣзно-дорожной промышленности, легко помѣщаются въ желѣзно-дорожныя бумаги. Отнынѣ надо желать, чтобы самая постройка новыхъ линій по преимуществу производилась правительствомъ, и чтобы частная промышленность въ дѣлѣ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и въ особенности постройки ихъ была поставлена подъ дѣйствительный контроль нашего строительнаго вѣдомства. Такой контроль, въ томъ, что касается самой постановки частныхъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій, долженъ по возможности вести къ тому, чтобы странить изъ этихъ предпріятій лишнѣхъ посредниковъ, спекулирующихъ на выжиманіе изъ него легкихъ барышей еще прежде, чѣмъ по состоялось. Всего лучше, конечно, если бы сама казна строила дороги и затѣмъ образцовала для эксплуатаціи ихъ частныя обще-

ства, посредствомъ выпуска акцій. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда постройка будетъ поручаема частнымъ обществамъ, все-таки желательно, чтобы казна имѣла дѣло непосредственно съ самими обществами, которыя, построивъ дорогу, будутъ владѣть ею все время, определенное концессією, устраняя всякое коммисіонерство въ видѣ испрошенія концессій и учредительства компаній для владѣнія линією, ими выпрошеною и построенною.

Итакъ, соединяя вмѣстѣ главныя указанія опыта, находимъ, что желательными представлялись слѣдующія мѣры: сосредоточеніе всего направленія и руководства желѣзно-дорожнаго дѣла, за исключеніемъ одной только финансовой стороны—въ рукахъ министра путей сообщенія; отданіе рѣшительнаго преимущества казенной постройкѣ новыхъ линій; наконецъ—устраненіе по возможности всякихъ посредниковъ-барышниковъ между казною, которая даетъ разрѣшеніе и гарантію, и акціонернымъ обществомъ, которое строитъ или приобретаетъ дорогу для того, чтобы пользоваться ея доходомъ. Интересы этого акціонернаго общества, какъ окончательнаго хозяина дороги, очевидно солидарны съ интересами казны въ этомъ дѣлѣ. Интересамъ ихъ обоимъ прямо враждебенъ интересъ предпринимателя-концессіонера, потому что онъ стремится или уйти изъ дѣла раньше постройки, продавъ новымъ предпринимателямъ за деньги то, что казна дала ему даромъ, или же нажить барышъ на самой постройкѣ и на учредительствѣ общества, то-есть впередъ лишить окончательныхъ владѣльцевъ дороги части того имущества, которое они приобретаютъ на-вѣру. Такое разобщеніе между окончательнымъ хозяиномъ дѣла и казною, которая его гарантируетъ и впоследствии будетъ вновь владѣть имъ, въ пользу посредника, наживающаго несоответственные барыши, должно исчезнуть. Эти цѣли въ настоящее время и выяснились вполне для правительства, какъ о томъ удостоверяютъ новыя „Правила для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ“, высочайше утвержденныя 30 марта 1873 г. Эти правила допускаютъ два способа постройки: непосредственно отъ правительства или посредствомъ акціонернаго общества; но, сколько извѣстно, предполагается нынѣ отдавать предпочтеніе именно казенной постройкѣ. Новыя правила опредѣляютъ, что по высочайшемъ утвержденіи сѣти, министръ путей сообщенія производитъ казенныя изысканія по включеннымъ въ сѣть линіямъ, и предъ наступленіемъ каждаго года вносить, по соглашенію съ министромъ финансовъ, въ комитетъ министровъ свои соображенія о томъ, какія изъ этихъ линій должны строиться въ теченіе года, а также сводъ изысканій по нимъ и заключеніе о цѣнѣ ихъ постройки. Заключенія комитета министровъ по этимъ представленіямъ утверждаются высочайшею

вѣстью. Затѣмъ, министръ путей сообщенія вноситъ въ комитетъ министровъ, для высочайшаго утвержденія, соображенія о способѣ исполненія каждаго предпріятія, то-есть, должна ли дорога строиться отъ казны или акціонернымъ обществомъ, представляя на этотъ послѣдній случай и проектъ устава общества съ опредѣленіемъ въ уставѣ основнаго капитала, а также вида и размѣра правительственнаго содѣйствія предпріятію. Новыя линіи, примыкающія къ существующимъ, могутъ быть передаваемы для постройки тѣмъ обществамъ, которыя владѣютъ этими существующими линіями. За однимъ этимъ исключеніемъ, во всѣхъ прочихъ случаяхъ, когда предполагается передать постройку новому акціонерному обществу, само правительство принимаетъ на себя роль концессіонера и учредителя, до образованія общества. Въ этихъ случаяхъ министерство путей сообщенія публикуетъ уставъ и относящіяся къ постройкѣ данныя, и вѣстѣ, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролемъ, образуетъ *правительственную учредительную комиссію* изъ трехъ членовъ, по одному отъ каждаго изъ названныхъ вѣдомствъ. Комиссія этой дается составленная министерствомъ путей сообщенія, въ соглашеніи съ двумя другими вѣдомствами, инструкція, на основаніи которой она производитъ слѣдующія дѣйствія: открываетъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ подписку на акціи учреждаемаго общества, публикуя объ этой подпискѣ, и вѣстѣ о цѣнѣ постройки, подписной цѣнѣ акцій, суммѣ перваго взноса, порядкѣ слѣдующихъ взносовъ и способѣ разверстки; затѣмъ, комиссія производитъ разверстку, публикуетъ о результатѣ подписки и созываетъ акціонеровъ въ первое общее собраніе для выбора правленія общества. При этомъ постановляется, что подписка происходитъ на равныхъ для всѣхъ основаніяхъ, и при разверсткѣ пользуются преимуществомъ подписавшіеся на *меньшее* количество акцій. Такимъ образомъ наносится сильнѣйшій ударъ всей той безплодной и вредной спекуляціи, которая обыкновенно сопровождается выпускъ акцій и подписку на нихъ, и произволъ при ихъ разверсткѣ, съ отдачею преимущества крупнымъ капиталистамъ для того, чтобы захватить акціонерное дѣло въ возможно меньшее число рукъ. Въ первомъ общемъ собраніи правительственная учредительная комиссія является въ видѣ правленія, и предсѣдатель ея предсѣдательствуетъ въ этомъ собраніи; затѣмъ, по избраніи правленія, дѣйствія правительственной комиссіи прекращаются. Но новыя правила заходятъ еще далѣе для огражденія правильности дѣйствій въ обществѣ; они постановляютъ, что въ составъ самого выборнаго правленія общества министерство путей сообщенія назначаетъ одного *директора* отъ себя, который будетъ получать жалованье отъ казны,

насчетъ компаніи, и этотъ директоръ отвѣчаетъ непосредственно передъ правительствомъ за всѣ дѣйствія правленія, для чего и пользуется правомъ заявлять протесты противъ рѣшеній правленія. Это правило вовсе не нарушаетъ самостоятельности акціонернаго общества, не порабощаетъ его официальной регламентаціи, а только ограждаетъ акціонеровъ отъ злоупотребленій и произвола правленія, такъ какъ протестъ правительственнаго директора, если будетъ признанъ за уважительный министромъ путей сообщенія, не имѣетъ никакихъ послѣдствій, какъ только перенесеніе спорнаго вопроса на разрѣшеніе самихъ же акціонеровъ въ общемъ собраніи. Весьма важно еще правило, что до утвержденія общими собраніемъ плана дѣйствій, составленнаго правленіемъ, правленіе не имѣетъ права производить какіе-либо расходы, заключать какіе-либо подряды и сдѣлки, кромѣ по найму помѣщенія и по дѣлопроизводству до втораго общаго собранія. Извѣстно, что учредители и правленіе нерѣдко навязываютъ акціонерамъ убыточные сдѣлки, принуждая къ утвержденію ихъ тѣмъ простымъ соображеніемъ, что сдѣлки уже заключены и расходы произведены. Не менѣе важно было оградить самый составъ первыхъ общихъ собраній отъ подставныхъ лицъ, помощью которыхъ учредители не рѣдко превращаютъ общія собранія въ пустую форму и сами вотируютъ себѣ всевозможныя преміи и полномочія. Явныхъ учредителей при новыхъ правилахъ не будетъ, но ничто не ручается, что не будетъ попытокъ со стороны прежнихъ концессионеровъ-спекулянтовъ захватывать и новыя общества въ свои руки, стоя за плечами мнимыхъ подписчиковъ. Вотъ почему постановляется, что участіе въ первыхъ двухъ общихъ собраніяхъ, имѣющихъ по преимуществу характеръ учредительныхъ, допускается только по именнымъ свидѣтельствамъ, выданнымъ правительственной учредительной комиссіею. Наконецъ, суммы, принадлежащія обществу, будутъ состоять въ вѣдѣніи министра финансовъ и правленіе можетъ получать ихъ не иначе, какъ по свидѣтельствамъ министерства путей сообщенія.

Нельзя не признать вполне рациональными и вполне современными мѣры, предложенныя нынѣ правительствомъ относительно желѣзно-дорожнаго строительства. Потребность усиленія государственнаго контроля, государственнаго руководства въ этомъ дѣлѣ сознается теперь вездѣ; даже въ самой Англіи, истинномъ отечествѣ частной инициативы, возникло движеніе въ пользу не только усиленія правительственнаго контроля, чему соответствуетъ и новый билль о желѣзныхъ дорогахъ, внесенный въ парламентъ, но въ пользу выкупа государствомъ изъ частныхъ рукъ такого колоссальнаго фактора общественной безопасности и общественнаго благосостоянія, какъ си-

стема рельсовыхъ путей, этихъ истинныхъ артерій современной жизни. Въ Германіи, какъ извѣстно, учредительскія плутни, преимущественно въ желѣзно-дорожномъ же дѣлѣ, вызвали всеобщее негодованіе и повели къ производству изслѣдованія, а затѣмъ возникъ вопросъ и вообще объ огражденіи акціонерныхъ обществъ отъ эксплуатаціи спекулянтовъ, доходящей до расхищенія. Эта язва настоящаго европейскаго общества заняла почетное мѣсто и на нынѣшней всемірной выставкѣ, такъ какъ биржевой погромъ, происшедшій въ Вѣнѣ, имѣлъ одною изъ своихъ причинъ тѣ же захваты спекулянтами въ свои руки предпріятій, принадлежащихъ множеству лицъ, въ дѣйствительности устранившихся отъ распоряженія ими.

Правда, всѣ законодательныя мѣры въ этомъ отношеніи не могутъ создать безусловной безопасности для акціонеровъ отъ произвола и для всего общества отъ обмановъ спекуляціи. Но вѣдь и законы и учрежденія, ограждающіе личную безопасность, не устраняютъ безусловно ни убійствъ, ни разбоевъ, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, что законы эти и полиція не приносятъ пользы. Скупка акцій спекулянтами, подставленіе мнимыхъ акціонеровъ, попытки негласно захватить въ свои руки эксплуатацію акціонернаго предпріятія, безспорно, не могутъ быть безусловно устранены и изданными нынѣ правилами. Но дѣло въ томъ, что за ними такимъ проискамъ придется бороться противъ сильныхъ препятствій, между тѣмъ какъ нынѣ происки эти осуществлялись съ полнымъ просторомъ. Во всякомъ случаѣ, даже и по отношенію къ самимъ административнымъ учрежденіямъ, слѣдуетъ порадоваться такой реформѣ, которая отменяетъ нынѣшній порядокъ раздачи концессій, съ его негласною конкуренціею, съ произвольнымъ предпочтеніемъ одного концессіонера другому по соображеніямъ предполагаемой „солидности“, съ его искательствомъ и вымогательствомъ предпринимателей по всѣмъ ступенямъ различныхъ управленій. Реформа эта какъ нельзя болѣе умѣстна именно теперь, наканунѣ утвержденія новой обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ. О сѣти этой доселѣ имѣются только частныя свѣдѣнія; такъ, говорятъ, что она рассчитана на около 10,000 верстъ и называютъ входящія въ нее линіи, въ числѣ которыхъ, къ общему удивленію, не находилось желѣзной дороги въ Сибирь. Впрочемъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, проектъ сибирской дороги все-таки составляется и, быть можетъ, будетъ опредѣленъ еще ранѣе утвержденія сѣти.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ о новыхъ правилахъ для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ сказано только, что правила эти удостоились высочайшаго утвержденія, но восходили ли они на утвержденіе порядкомъ законодательнымъ, или утверждены

„въ видѣ опыта“—не сказано. Во всякомъ случаѣ надо желать, чтобы имъ приданъ былъ характеръ окончательности, характеръ закона. Нельзя никакъ сказать того же о другой мѣрѣ, которая, по слухамъ, поступила на разсмотрѣніе государственнаго совѣта къ концу нынѣшней сессіи, а именно о проектированныхъ двухъ дополнительныхъ статьяхъ къ закону о печати. Приданіе формы закона этимъ статьямъ, казалось бы, не вызывается необходимостью принять, на основаніи ихъ, какія-либо послѣдствія мѣры; нельзя серьезно утверждать, чтобы наша печать нуждалась въ какихъ-либо неотложныхъ, энергическихъ мѣрахъ предупрежденія. А между тѣмъ, содержаніе дополнительныхъ статей, насколько оно сдѣлалось извѣстнымъ, именно таково, что не мѣшало бы первоначально провѣрить ихъ „опытомъ“, и есть основаніе предполагать, что опытъ прямо доказалъ бы ихъ неудобопримѣнимость. Статьи, какъ говорятъ, имѣютъ цѣлью опредѣлить, въ какихъ предѣлахъ газетамъ должно быть дозволено сообщать свѣдѣнія объ административныхъ предположеніяхъ и официальныхъ цифрахъ, а также постановить, что редакціи обязаны будутъ, по требованію администраціи, указывать, отъ кого именно ими получены такіа свѣдѣнія.

Прежде всего возникаетъ недоумѣніе, что могло возбудить самую мысль объ этихъ мѣрахъ? Сообщаемыя нашими газетами свѣдѣнія изъ административнаго міра, какъ извѣстно, относятся, за весьма рѣдкими исключеніями, къ категоріи извѣстій самаго безобиднаго и невиннаго свойства. Сообщаются слухи о законопроектахъ, когда эти законопроекты уже поступаютъ на разсмотрѣніе высшихъ коллегіальныхъ мѣстъ, и когда, стало быть, никакія мѣры строгости не могутъ обезпечить безусловнаго сохраненія ихъ въ тайнѣ. Да и къ чему же это служило бы, когда само правительство неоднократно обнародывало проекты и предварительныя работы по важнѣйшимъ изъ своихъ законодательныхъ мѣръ? Въ дѣлѣ обсужденія этихъ общихъ правительственныхъ актовъ, очевидно, возможно только соблюденіе одного изъ двухъ противоположныхъ принциповъ: или полной безгласности, совершеннаго молчанія о нихъ печати и до изданія, и по изданіи такихъ актовъ, какъ было въ то время, когда наша печать могла разсуждать только объ искусствахъ, гуляньяхъ и погодѣ; или — допущеніе гласности и затѣмъ отказъ отъ всякаго нетерпѣнія даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда починъ печати можетъ показаться кому-либо „несвоевременнымъ“ и „неловкимъ“. Такія лица всегда найдутся, какъ бы осторожно и выжидательно ни дѣйствовала печать. Хотя бы она заговорила о законѣ, когда онъ уже совсѣмъ обветшалъ, когда само правительство уже сознало обветшаніе закона, найдутся люди, которые признають „неловкимъ“ и „несвое-

временнымъ" прикосновеніе гласнаго слова къ вопросу, до котораго еще не дошла очередь, и стануть увѣрять, что такое внимательство можетъ „помѣшать“ административному почину. Но ничего средняго между водвореніемъ и поддержаніемъ полной безгласности и примиреніемъ съ гласностью во всѣхъ случаяхъ, даже когда она не нравится, не можетъ установить *законъ*. Другое дѣло — административная практика. Извѣстно, что въ особыхъ, весьма нерѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ администрація и доселѣ имѣла полную возможность безусловно предупреждать всякое сужденіе и даже заявленіе печати о томъ или другомъ предметѣ, который казался почему-либо особенно „щекотливымъ“. И печать до такой степени вѣрно подчинялась такимъ совѣтамъ, что спрашивается, какія же еще гарантіи нужны противъ нея для присутственныхъ мѣстъ, обладающихъ чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати столь полными, неограниченными правами?

Что касается газетныхъ извѣстій о дѣйствіяхъ центральной администраціи, то извѣстно, что эти извѣстія у насъ главнымъ образомъ состоятъ въ сообщеніяхъ о томъ, что въ смѣту такого-то управленія предположено занести сумму на производство такой-то работы или на усиленіе штата такимъ-то дѣлопроизводителемъ или бухгалтеромъ. Кому могутъ казаться вредными или опасными подобныя сообщенія? А вѣдь извѣстія нашихъ газетъ, повторяемъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, сводятся именно къ сообщенію изъ административнаго міра именно такихъ „инфинитезимальныхъ“ фактовъ. Правда, и факты второстепенные, даже мелкіе сами по себѣ, могутъ получить не малое относительное значеніе въ томъ случаѣ, если они служатъ опорами для разсужденія о какой-либо важной, всѣмъ извѣстной, гласной мѣрѣ; только заручившись достовѣрными фактами и безспорными цифрами и возможно выступать съ обсужденіемъ той или другой мѣры, подлежащей обсужденію. И вотъ, когда это дѣлается, когда журналъ или газета, вмѣсто того, чтобы ограничиться произнесеніемъ о какихъ-либо мѣрахъ общихъ фразъ, что никого бы не обидѣло, потому что ничего бы не доказывало, выступаетъ съ разсужденіемъ, хотя и нисколько не злонамѣреннымъ и остающимся строго въ предѣлахъ закона, но фактическимъ, подтверждая свои сужденія ссылкой на второстепенные, даже мелкіе, но *дѣйствительные* факты и цифры, тогда возникаютъ понятныя неудовольствія; тогда спрашивается: „откуда они добыли эти факты и цифры, кто сообщилъ ихъ, кѣмъ окружены начальники отдѣленій, что *послѣ этого можетъ* оставаться государственною тайной?“ А между тѣмъ, что же такое сдѣлала газета, какого неприкосновеннаго предмета она коснулась и какую раскрыла государственную тайну? По повѣрью ока-

зывается, что неприкосновенный предметъ было просто всѣмъ извѣстное устройство какого-нибудь управленія, — устройство, о которомъ, до введенія его, сама администрація собирала отзывы отъ множества лицъ, разсылая печатные проекты по всей Россіи; государственная же тайна, разоблаченная въ опасности для страны, заключалась, на примѣръ, въ цѣнѣ муки въ Петербургской губерніи въ такомъ-то году!

Еслибы газета ограничилась голословнымъ сужденіемъ объ устройствѣ даннаго управленія, многимъ и въ мысль не пришло бы утверждать, что это опасно; мысль объ опасности пришла имъ только въ ту минуту, когда они увидѣли въ печати дѣйствительную цѣну муки. Съ другой стороны, смѣшно и думать, что если бы такой безобидный самъ по себѣ фактъ, какъ цѣна муки, появился въ газетѣ отдѣльно, безъ всякаго отношенія къ какому-либо административному учрежденію, появился бы, на примѣръ, въ формѣ: „намъ передаютъ за достоверное, что въ 1865 году кулъ муки въ магазины петербургской губерніи ставился по *x* рублей“, — смѣшно и думать, повторяемъ, что кто-нибудь, даже изъ консервативнѣйшихъ консерваторовъ, усмотрѣлъ бы въ этомъ сообщеніи раскрытіе государственной тайны. Эти два элемента, то-есть независимое гласное сужденіе и извѣстіе о фактѣ, о цифрѣ, въ отдѣльности представляются безобидными многимъ изъ тѣхъ, кто въ соединеніи ихъ усматриваетъ нѣчто ужасное. Такъ мѣдъ и цинкъ сами по себѣ невинны, но соединеніе ихъ составляетъ гальваническую батарею. Главное, что при этомъ смущаетъ такихъ пугливыхъ, хотя и не по наивности конечно, людей, это именно вопросъ: какъ могли быть добыты эти факты? и затѣмъ другой вопросъ: стало-быть, нѣтъ болѣе никакой тайны? Говорящіе такъ способны забывать, что сами они систематически сообщали печати массу официальныхъ свѣдѣній, и именно съ полемической же цѣлью. Въ администраціи, начиная съ министерства иностранныхъ дѣлъ и продолжая министерствами военнымъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія и т. д., нѣтъ *никого*, кто бы не былъ повиненъ въ такомъ, въ сущности вполнѣ законномъ, правильномъ и рациональномъ приѣмѣ. Но кто же затѣмъ имѣетъ право обижаться, въ случаѣ, если приѣмъ, имъ самимъ многократно и съ успѣхомъ употребленный, однажды обращается и противъ него? Мы слышали, что нѣкоторые пуристы были крайне удивлены и раздражены появленіемъ въ газетѣ „Русскій Міръ“, въ одной изъ статей ея по поводу военно-окружной системы, весьма обстоятельнаго изложенія контракта интендантства съ г. Фейгинымъ. Признаемся, мы не понимаемъ такой щепетильности. Чѣмъ контрактъ Фейгина таинственнѣе и неприкосновеннѣе, чѣмъ, напри-

мѣръ, былъ контрактъ Уайненса, о которомъ всѣ разсуждали въ свое время безъ малѣйшаго вреда для государства, напротивъ, съ очевидной пользою, потому что этотъ контрактъ наконецъ и былъ расторгнутъ. Что контрактъ Фейгина былъ оглашенъ газетою и что газета позволила себѣ выразить мнѣніе объ убыточности этого контракта — въ этомъ не было рѣшительно ничего удивительнаго, какъ не было ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ контрактъ вообще былъ доступенъ для частныхъ лицъ. Контрактъ, безъ сомнѣнія, былъ извѣстенъ всѣмъ служившимъ у г. Фейгина; г. Фейгинъ могъ самъ показывать его всѣмъ, съ кѣмъ вступалъ въ денежные обязательства. Но мы можемъ указать на иной примѣръ сообщенія официальныхъ данныхъ, съ цѣлью доказать, что вообще расходы нашего военного вѣдомства, относительно говоря, умѣренны, — сообщеніе въ самомъ дѣлѣ удивительное: въ „Голосѣ“ однажды помѣщенъ былъ сводъ цифръ по сравненію нашей военной смѣты, по главнымъ статьямъ, со смѣтою сѣверо-германскою. Вотъ это сообщеніе очевидно могло явиться въ газетѣ не иначе, какъ изъ официального источника. Спрашивается, если можно дѣлать одной газетѣ сообщенія такого рода, съ цѣлью устранить мысль о возможности сокращенія военныхъ расходовъ, то есть ли затѣмъ поводъ обижаться, когда противное мнѣніе прибѣгаетъ въ тому же приему, съ той только разницей, что оглашаетъ факты не первостепенной важности, пользуется источниками не наиболѣе сокровенными, но ссылается на такую общедоступную вещь, какъ контрактъ съ коммерческимъ лицомъ?

Да и вообще, замѣтимъ, во всей происходившей недавно полемикѣ по поводу военно-окружной системы, частная газета „Русскій Міръ“ не могла привести противъ этой системы и десятой части тѣхъ официальныхъ данныхъ, которыя были предоставлены въ распоряженіе частной же газеты „Голоса“ для защиты этой системы. То же самое можно сказать и о полемикѣ, бывшей въ нашей печати по поводу преобразования гимназій и составленія устава реальныхъ училищъ. Официозные защитники предположенныхъ однимъ вѣдомствомъ мѣръ орошали всходъ этихъ мѣръ цѣлыми ливнями официальныхъ данныхъ, и особенно усиливали эти потоки именно въ самые тѣ дни, когда мѣры эти обсуждались въ государственномъ совѣтѣ, короче—производили настоящую агитацію путемъ печати, для оказанія поддержки данному вѣдомству въ нужную минуту. Находимъ ли мы это вреднымъ? Нисколько; мы только хотимъ напомнить, что затѣмъ никто не имѣетъ права обижаться употребленіемъ другими того же, совершенно естественнаго и безвреднаго приема. Не сочувствуя ни цѣлямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ защитѣ системы

классицизма, ни цѣлямъ „Русскаго Міра“ въ нападеніи на военно-окружную систему, мы только просимъ не забывать, что нельзя дѣлать самимъ одно, а другихъ обвинять чуть-ли не въ государственной измѣнѣ, когда они дѣлаютъ то же самое. Если мы скажемъ, что въ разныхъ вѣдомствахъ есть даже особы, способные чиновники, которыхъ специальность заключается въ томъ, чтобы офиціозно сообщать офиціальныя данныя или составлять офиціозныя статьи, съ цѣлью проведеніи той или другой мѣры, устраненія того или другого возраженія, то насъ не опровергнуть въ этомъ случаѣ ни дѣлопроизводители вѣдомства военнаго, ни дѣлопроизводители вѣдомства просвѣщенія.

Дѣлопроизводители, пожалуй, даже прямо согласятся съ нами, что все это такъ. Но—быть можетъ, скажутъ они—бываютъ случаи, что данныя сообщаются не тѣмъ, которые слѣдовало бы, не тому, кому слѣдовало бы, и не тѣмъ, кто имѣетъ на это полномочіе. Но вѣдь слишкомъ ясно, что иначе и быть не можетъ, какъ только сдѣлаю какое-либо отступленіе отъ системы полной безгласности. Если одному чиновникамъ поручается дѣлать сообщенія газетамъ съ полемической цѣлью, то нѣтъ никакой возможности внушить всѣмъ прочимъ чиновникамъ, что они даже въ частныхъ разговорахъ должны хранить малѣйшую подробность дѣла, какъ государственную тайну. Во всякомъ случаѣ, печать не имѣетъ возможности повѣрять полномочія чиновниковъ, удостовѣряться, съ разрѣшенія начальства или безъ его разрѣшенія ими произносятся то или другое слово. Всякія мѣры, принятія съ цѣлью заставить редакторовъ доносить отъ кого ими слышанъ тотъ или другой слухъ, очевидно были бы безуспѣшны. Ясное дѣло, что требовать подобнаго обличенія отъ порядочныхъ людей невозможно, и что подобное требованіе только ставило бы ихъ въ непріятную, но неизбѣжную нужду прибѣгать къ „школьническимъ“ отговоркамъ; ссылаться на лицъ неслужащихъ или на во-слѣднаго покойника изъ служившихъ. Спрашивается, что пришлось бы дѣлать, если редакторъ сослался на неслужащее лицо? Было ли бы признано необходимымъ привлечь это лицо къ слѣдствію или требовать, чтобы редакторъ указалъ непременно на какого-нибудь чиновника, подъ опасеніемъ приостановленія изданія? И чѣмъ можетъ быть доказанъ фактъ, что сообщеніе исходило отъ чиновника, если оно было устное или писано не его рукой? Примѣненіе подобнаго закона въ большинствѣ случаевъ оказалось бы невозможнымъ, а по изреченію Петра: „всѣе законы писать, когда ихъ не исполнять или играть ими какъ въ карты, подбирая масть къ масти“.

Впрочемъ, говорятъ, что проекты новыхъ законовъ о печати не верглись, при законодательномъ разсмотрѣніи, значительнымъ чис-

неніямъ, и что въ настоящее время предполагается уже только по первому — предоставить министру внутреннихъ дѣлъ право, въ виду особенно важныхъ государственныхъ соображеній, не допускать къ обсужденію въ печати извѣстныхъ вопросовъ; по второму же — не допускать въ печати обнародованія какихъ бы то ни было официальныхъ, находящихся въ правительственномъ разсмотрѣніи, дѣлъ или выписокъ изъ нихъ, съ тѣмъ, что, за нарушение каждаго изъ этихъ законовъ, изданія могутъ быть приостанавливаемы на время отъ одного до трехъ мѣсяцевъ. Первое право, какъ уже сказано выше, фактически существовало и до сихъ поръ, стало-быть вопросъ только въ его узаконеніи; о второмъ ограниченіи можно только пожалѣть, потому что если оно будетъ соблюдаться строго, какъ долженъ соблюдаться всякій законъ, то оно лишитъ саму администрацію возможности предлагать на общественное обсужденіе проекты, по которымъ она сама признаетъ полезнымъ собрать возможно больше отзывовъ и дополнительныхъ данныхъ; если же законъ этотъ исполнялся бы съ допущеніемъ изъятій въ офиціозномъ смыслѣ, то это ослабило бы его значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлою бы ко многимъ пререканіямъ между самими административными вѣдомствами. Но, во всякомъ случаѣ, утѣшительно, что послѣдніе слухи о предполагаемыхъ постановленіяхъ уже не говорятъ о такой нерациональной и непрактичной мѣрѣ, какъ возложеніе на ответственность редакцій газетъ и журналовъ охраны бюрократической дисциплины и отнесеніе къ обязанности представителей гласности заботъ о соблюденіи канцелярской тайны.

Происходилъ ли какой-нибудь вредъ отъ того, что передѣлка устава гимназій была въ то время, когда находилась на разсмотрѣніи, самымъ обстоятельнымъ образомъ демонстрируема въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“? Пожалуй, можно сказать, что если бы разсмотрѣніе облечено было тайной, то публика могла бы подозрѣвать существованіе въ официальныхъ запискахъ аргументовъ, болѣе вѣскихъ, чѣмъ тѣ, которые оказались по сообщеніямъ московской газеты. Но вѣдь въ дѣйствительности вѣскіе аргументы не создались бы сами собою оттого только, что публика могла бы подозрѣвать о ихъ существованіи. И въ настоящее время намъ нисколько не кажется страннымъ или могущимъ повредить чему-либо такой фактъ, что московская газета, въ отвѣтъ на помѣщенную въ нашемъ журналѣ статью о „Новой регламентаціи гимназій“, сообщила въ точности, изъ какихъ именно лицъ состояла коммиссія, наряженная министерствомъ народного просвѣщенія для составленія правилъ 8 декабря 1872 г. объ испытаніи учениковъ гимназій. Московская газета права, защищаясь чѣмъ можетъ, и когда находить, что въ этихъ правилахъ гос-

подствуешь канцелярскій духъ, то она безъ всякаго вреда могла заявить, что всѣ члены комиссіи, составлявшей правила, бывали въ свое время педагогами. Другое дѣло вопросъ о пользѣ, о доказательности такого возраженія. Какъ будто смыслъ какихъ-нибудь правилъ заключается не въ нихъ самихъ, а въ томъ, какого званія лицамъ поручено было ихъ составить! Возраженія „Московскихъ Вѣдомостей“ на статью г. П. Н. представляютъ забавный полемическій прикѣлъ: не опровергнувъ ни одного изъ фактовъ противника и не приведя никакого новаго факта, московская газета цѣтается, единственно посредствомъ напряженнаго усилія, вывести изъ тѣхъ же фактовъ противоположное заключеніе. Такая сила одной „доброй воли“ напоминаетъ подвигъ барона Мюнхгаузена, который, завязнувъ верхомъ въ болотѣ, *сильно* дернулъ себя за косу въ верху, и тѣмъ поставилъ себя съ лошадию на твердый грунтъ. Г. П. Н. говорилъ, что изданными министерствомъ правилами педагогическія сословія гимназій лишены самостоятельности, что у экзаменной комиссіи отнято право составленія задачъ для письменныхъ отвѣтовъ, что задачи эти составляются въ канцеляріяхъ попечителей, и при этомъ ссылался на параграфъ правилъ. „Московскія Вѣдомости“ приводятъ этотъ параграфъ для уличенія автора въ „искаженіи истины“, какъ будто можно уличить кого-нибудь тѣмъ, на что онъ самъ ссылается? Оказывается, что же: члены испытательныхъ комиссій сами назначаютъ по нѣскольку задачъ, но посылаютъ ихъ предварительно на *утвержденіе* попечителя, которому, затѣмъ, предоставляется *избирать* изъ этихъ задачъ или самому назначать по одной задачѣ на каждый предметъ. Итакъ, въ конечномъ результатѣ, кому же принадлежитъ право назначать задачи по своему усмотрѣнію? Ясно, что попечитель можетъ выбрать что хочетъ изъ представленныхъ ему задачъ, остальные отбросить, прибавить свои, наконецъ послать задачи, присланныя изъ одной гимназій въ другую. „Итакъ, у экзаменныхъ комиссій не только не отнято право, но на нихъ *возлагается обязанность* составленія задачъ!“ съ торжествомъ восклицаютъ „Моск. Вѣд.“. Но въ томъ-то и дѣло, что на нихъ только возложена обязанность, а право-то утверждать или не утверждать задачи, ими составленныя, всецѣло предоставлено попечителю. Далѣе, г. П. Н. указывалъ, что правила вводятъ въ комиссію, производящую выпускной экзаменъ, чиновника, командируемаго попечителемъ, и придаютъ этому чиновнику, въ противность точному смыслу высочайше утвержденнаго въ 1871 году устава гимназій, преобладающій голосъ въ сужденіяхъ комиссіи, такъ какъ, въ случаѣ несогласія этого депутата съ большинствомъ комиссіи, дѣло представляется на разсмотрѣніе высшаго начальства и притомъ не директоромъ, но депутатомъ. Между тѣмъ,

одинъ изъ параграфовъ устава гимназій устанавливаетъ, что переводъ учениковъ въ классы и выдача аттестатовъ подлежатъ обсужденію и окончательному *рѣшенію* педагогическаго совѣта. Ничего изъ этого „Московскія Вѣдомости“ опровергнуть не могли, но дѣлають жалкую попытку сослаться на другой параграфъ устава, который говоритъ, что случаи разногласія директора самой гимназіи (а не посторонняго депутата) съ большинствомъ педагогическаго совѣта, представляются на разрѣшеніе попечителя, причемъ, замѣтимъ, объ экзаменахъ ничего и не сказано. Но прелестно то, что изъ предоставленія закономъ права директору гимназіи „Моск. Вѣд.“ выводятъ заключеніе, что законъ предоставляетъ это же право постороннему лицу, чиновнику, командированному попечителемъ. *За отсутствіемъ депутата*, разсуждаютъ они, директоръ, если не согласенъ съ мнѣніемъ большинства, можетъ перенести дѣло на разрѣшеніе высшаго начальства. Положимъ, что это право директора распространяется и на экзаменные вопросы. Но, все-таки, законъ даетъ это право только директору гимназіи, а министерскія правила, предоставляя это право постороннему чиновнику, депутату и даже преимущественно передъ директоромъ, допускаютъ нѣчто, чего въ законѣ нѣтъ, и чему законъ прямо препятствуетъ, установивъ, что выдача аттестатовъ *подлежитъ окончательному рѣшенію педагогическаго совѣта*. Стало быть, несогласно съ закономъ вмѣшательство посторонняго лица, хотя бы оно было очень учено. „Моск. Вѣд.“ ссылаются, что на основаніи правилъ, депутаты должны быть свѣдущи въ древнихъ языкахъ и въ элементарномъ курсѣ математики. Но хотя бы эти депутаты достигали даже такой изумительной степени учености, какъ, напр., знаніе сферической тригонометріи, ученость ихъ не можетъ создать имъ права, котораго не даетъ имъ законъ. Министерскія правила столь же мало, какъ и знаніе тригонометріи, могутъ измѣнять постановленія закона.

Прибавимъ отъ себя, что г. П. Н. имѣлъ достаточное основаніе рекомендовать сокращеніе состава центральныхъ учреждений министерства народнаго просвѣщенія, чѣмъ главнымъ образомъ и навлекъ на себя злобу московскаго органа. Въ петербургскихъ гимназіяхъ, говорятъ, даже письменные *отвѣты* учениковъ гимназій посылаются изъ этихъ заведеній на обсужденіе высшаго начальства. Извѣстно, что для перевода въ шестой классъ гимназій нынѣ требуется отъ 12-ти-лѣтнихъ мальчиковъ знакомство съ 800 стихами изъ „Метаморфозъ“ Овидія, а въ седьмомъ классѣ требуется уже переводъ Тита-Ливія. Если въ составѣ чиновниковъ, состоящихъ при попечителѣ или департаментѣ, есть такіе, которые сами не сдѣлають ошибки въ 800 стихахъ Овидія и съумѣють переводить Тита-Ливія вѣрно,

чѣмъ его переводить московскій профессоръ г. Куторга послѣ 40-лѣтней дѣятельности, то сокращеніе состава администраціи необходимо прежде всего въ видахъ успѣха самого преподаванія. Какъ подобныя чиновники остаются чиновниками, а преподавателями латинскаго языка приходится, за недостаткомъ, оставлять такихъ братьевъ-славянъ, которые сами оказали на экзаменѣ недостаточное знаніе этого языка, и только извѣстны своимъ усердіемъ (см. апрѣльскую и майскую книги „Вѣстника Европы“)?

Въ прошедшей книжкѣ нашего журнала мы помѣстили статью Е. Л. Маркова: „Всесословная вялость“, написанную по поводу дѣла, которое не мало занимало въ послѣднее время наше общество, и которое сводилось главнымъ образомъ къ вопросу: должно, или не слѣдуетъ включить въ составъ нашей сельской общины элементъ образованный и соединить въ одно цѣлое земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ? Нашъ почтенный сотрудникъ, возражая на отрицательный отвѣтъ г. Кошелева, пришелъ къ заключенію, которому, по нашему мнѣнію, нельзя не сочувствовать, при томъ разъясненіи вопроса, какое приводится всею статьею: „Мы утверждаемъ,—говоритъ г. Марковъ,— что включеніе въ составъ общины элемента образованнаго, соединеніе въ одной группѣ мужиковъ съ баринами, не только не повредило бы интересамъ крестьянъ, но въ *большинствѣ* случаевъ могло бы принести имъ положительную выгоду, ослабляя *противодѣйствіе* невѣжества мѣрамъ общей крестьянской пользы“. Дѣло, очевидно, заключается въ томъ, *какъ* совершить такое соединеніе земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, живущихъ на одной территоріи, въ одну общину? Но г. Марковъ устраняетъ себя въ той статьѣ отъ рѣшенія такого вопроса: „Мы не касаемся, говоритъ онъ, въ настоящемъ случаѣ самаго способа осуществленія этой *всесословной* группы и вообще *никакихъ* практическихъ подробностей, а только разсматриваемъ общее значеніе *всесословности* для первичныхъ ступеней общественной жизни“. Между тѣмъ, „способъ“ осуществленія *всесословной* группы можетъ быть весьма различенъ, какъ по различію чисто-экономической точки зрѣнія, такъ и по характеру внутренней политики, направляемой такъ или иначе. При такомъ положеніи вопроса интересъ самаго дѣла требуетъ выслушать мнѣніе *каждаго*, и чѣмъ это мнѣніе будетъ искреннѣе, тѣмъ легче оно приведетъ къ результату, независимому отъ интересовъ, лежащихъ внѣ самаго дѣла. Съ такимъ убѣжденіемъ писалъ почтенный авторъ помѣщаемой ниже нами статьи о земледѣліи и землевладѣніи свою записку чисто-практическаго характера,

съ указаніемъ многихъ практическихъ подробностей, ведущихъ къ осуществленію всесословной волости. И такое убѣжденіе о необходимости выслушать каждое откровенное мнѣніе въ дѣлахъ общественныхъ мы вполне раздѣляемъ, сохраняя за собою право выразить и свое мнѣніе о томъ же предметѣ съ полною искренностью.

Не можемъ при этомъ случаѣ не замѣтить, что всякой искренности, добросовѣстности печатнаго сужденія у насъ и доселѣ еще стараются подставлять ногу нѣкоторые дѣльцы, которыхъ настоящее мѣсто, очевидно, не въ гласной дѣятельности. Такъ, по поводу „Варшавскихъ писемъ“, помѣщенныхъ на страницахъ нашего журнала, варшавскій.... „корреспондентъ“ „Голоса“ въ № 127 этой газеты позволилъ себѣ привычные такимъ людямъ доносы, что авторъ тѣхъ писемъ — „полякъ, ратующій во имя Рзечи-Посполитой“ и что „В. Е.“, помѣстившій эти письма, „покровительствуетъ польскимъ стремленіямъ, претендующимъ на нашу плоть и кровь“. Инсинуація эта сама по себѣ должна быть смѣшна всѣмъ, кто читалъ упомянутыя письма. Для насъ лично она особенно смѣшна уже потому, что авторъ тѣхъ писемъ извѣстенъ намъ какъ коренной русскій, по происхожденію своему, если можно такъ выразиться, „сугубо“ - русскій человекъ. Всякое оправданіе противъ очевидно нечѣпкой клеветы по отношенію къ нашему журналу мы считаемъ лишнимъ, но считаемъ положительной обязанностью напомнить редакціи „Голоса“, что пора ей очистить свои корреспонденціи отъ доносовъ, возбуждающихъ отвращеніе порядочныхъ людей. Во время мятежа, борьбы, встревоженное общество могло быть не особенно разборчиво; въ минуту опасности послушаешь и шпіона. Но пора же, наконецъ, очистить печать отъ доносчиковъ, которые могли незамѣтно проскочить въ нее въ другое время.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ и ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

По поводу вопроса о лучшемъ устройствѣ нашего сельскаго хозяйства.

I. Сравненіе условій земледѣльческаго положенія Россіи съ положеніемъ его въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи.

Наше отечество, обладая огромнымъ количествомъ земли, не можетъ однако равняться средствами производительности со многими другими государствами. Россія не можетъ выдерживать конкуренціи по количеству плодородной земли ни съ Американскими Соединенными Штатами, ни съ англійскими колоніями, въ особенности въ Австраліи. Россія не можетъ равняться съ Англіей въ массѣ капиталовъ, обращенныхъ на искусственную *интенсивную* обработку земли.

Какъ ни велико въ настоящее время значеніе Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, оно должно еще увеличиваться въ неисчислимыхъ почти размѣрахъ. Всемирное населеніе увеличивается. Кочующія дикія племена выводятся и народъ стремится изъ просвѣщенныхъ густонаселенныхъ краевъ въ пустопорожнія страны и преимущественно въ такія, которыя пользуются умѣреннымъ климатомъ. Просторъ еще существуетъ на нашей планетѣ, но долженъ съ каждымъ вѣкомъ уменьшаться. Владѣнія Американскихъ Штатовъ состоятъ до сихъ поръ изъ пятисотъ милліоновъ десятинъ, при двухстахъ тысячахъ ☐ милліахъ углеродныхъ копей, т.-е., количествъ въ десять разъ больше, чѣмъ сколько есть на всемъ остальномъ земномъ шарѣ. Въ западныхъ территоріяхъ, еще несложившихся въ штаты, довольно земли, чтобы пропитать, по пропорціи англійскаго народонаселенія, двѣсти пятьдесятъ милліоновъ людей. „Самая поражающая черта западно-американскихъ равнинъ (Канзаса), — рѣзко замѣчаетъ наблюдательный путешественникъ Дилькъ, — есть ихъ способность принимать и поглощать милліоны людей и съ открытою пастью ожидать новыхъ поселенцевъ. Обширныя и безмолвныя, тучныя, однако пустыя, пологія на поля, но невспаханныя, онѣ имѣютъ просторъ для гунновъ, готовъ, вандаловъ, для всѣхъ толпящихся племенъ, которыхъ по-

важно и можетъ еще валить изъ равнинъ Азіи и центральной Европы. Пространство вдвое обширнѣе Индостана, болѣе умѣренное климатомъ, болѣе удобонаселяемое, безъ изгородей (hedgeless), безъ валиковъ (gateless), доступное для всѣхъ, достаточное для прокормленія половины человѣческаго рода, еще неприсвоенное, не затронутое, улыбаясь ожидаетъ рукъ и плуга ¹⁾“. Тотъ же путешественникъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Китайцы (эти азіатскіе ирландцы) уже начали стремиться къ новымъ странамъ; кто можетъ опредѣлить, гдѣ остановится это стремленіе? Ирландія, имѣющая теперь пять милліоновъ жителей, выселила равное тому число въ другія страны. Чтѣ помѣшаетъ видѣть въ теченіе будущаго пятидесятилѣтія эмиграцію двухсотъ милліоновъ изъ отдѣляющихся нынѣ провинцій Китая?“

Земельное богатство Россіи не можетъ выдержать сравненія ни съ американскимъ, ни съ австралійскимъ. Большая часть имперіи находится подъ суровымъ климатомъ; 40% всей поверхности европейской Россіи занято лѣсами. Изъ 88-ти милліоновъ пахатной земли 75 воздѣлывается по трехпольной системѣ. Запасныхъ, нетронутыхъ земель остается сравнительно немного, и тѣ по большей части въ менѣе удобныхъ къ населенію безводныхъ или отдаленныхъ краяхъ имперіи.

Европа и южная половина Азіи становятся тѣсными, и пароходы изъ Ливерпуля, Лондона, Глазго, Корка, Гавра, Гамбурга, Бремена, Гонъ-Конга перевозятъ за моря излишнее населеніе двухъ старыхъ материковъ.

Европа признаетъ всю цѣнность остающихся въ ней свободныхъ земель; она ихъ не только берегаетъ, но улучшаетъ искусственно. Изъ европейскихъ государствъ Англія въ особенности заботится о сохраненіи своихъ земель неприкосновенными, не допуская испахивать ихъ. Около двухъ-третей плодородной почвы въ Англіи подъ натуральными или искусственными лугами и корнеплоднымъ хозяйствомъ. На удобреніе же земли истощаются огромные капиталы. Въ Англіи засѣваютъ мало земли и получаютъ огромные урожаи. Такимъ образомъ Англія оправдываетъ собою антитезисъ, высказанный экономистомъ Лавернемъ: „Для того, чтобы болѣе собирать зерна, лучше сокращать, чѣмъ расширять воздѣлываемыя поверхности и оставляя большія пространства подъ травяными произрастеніями, можно извлечь не только больше выгодъ въ мясѣ, молокѣ и шерсти, но имѣть еще и большее количество зерна“.

Дѣйствительно, средній урожай пшеницы въ Англіи есть $3\frac{1}{4}$

¹⁾ Dilke, «Greater Britain».

квартировъ на 1 акръ, что соотвѣтствуетъ на русскую мѣру 15³/₄ девятипудовымъ четвертямъ на одну десятину.

Главныя причины, по моему мнѣнію, высокаго состоянія земледѣлія въ Англіи слѣдующія: 1) Умѣренность ея климата. 2) Распределение земли между немногими крупными и средними собственниками. 3) Соединеніе въ однихъ рукахъ поземельной собственности и капитала и притекающая отъ этого возможность землевладѣльцевъ довольствоваться умѣренными доходами, не истощающими капитальнаго достоинства земли. 4) Стремленіе землевладѣльцевъ къ сбереженію доброты качества земли, которую они не обязаны закономъ раздѣлять между своими наслѣдниками, и которую они имѣютъ право завѣщать въ нераздѣльную собственность одного лица. 5) Возможность землевладѣльцевъ слагать съ себя обработку полей и труды хозяйства, и повѣрять ихъ земледѣльцамъ опытнымъ и располагающимъ денежными средствами. Образованіе большихъ фермъ, достаточныхъ и для производства корнеплодныхъ растений и хлѣба для прокармливанія скота. 6) Изобиліе луговъ сравнительно съ пахатной землею и нераздѣльность обширнаго скотоводства съ обработкой земли по всей Великобританіи. Почти каждое графство (хотя пространствомъ меньше нашихъ уѣздовъ) имѣетъ собственную свою породу рогатаго и мелкаго скота. Столицы и города снабжаются скотомъ не съ краевъ государства, а изъ прилежащихъ къ нимъ мѣстностей. 7) Малое число самихъ земледѣльцевъ-работниковъ, составляющихъ не болѣе $\frac{1}{4}$ части всего населенія. Остальные $\frac{3}{4}$ живутъ трудами своихъ рукъ въ мануфактурномъ промыслѣ. 8) Размноженіе городовъ и поддержка повсемѣстно высокихъ цѣнъ на продукты земли. 9) Почетъ и помѣстные права, коими землевладѣльцы пользуются независимо отъ государственной службы, а весьма часто и въ связи съ этой службой.

Американскіе Соединенные Штаты имѣютъ преимущество по количеству земли, — Великобританія по качеству земли, сберегаемой и удобряемой. Либихъ пророчилъ, что въ Англіи почва черезъ нѣсколько вѣковъ должна будетъ, съ увеличивающимися потребностями жителей, истощаться вмѣстѣ съ запасами ея минеральнаго топлива. Англичане это знаютъ и принимаютъ всевозможныя мѣры предосторожности.

Земледѣльческое положеніе Россіи можетъ быть очерчено исчисленіемъ фактовъ, противоположныхъ изложеннымъ условіямъ англійскаго земледѣлія.

1) Суровость климата въ Россіи. Вслѣдствіе чего, говоря вообще, десять десятинъ нашихъ не имѣютъ стоимости одной англійской.

2) Раздѣленіе земли на самыя мелкіе участки и поземельная соб-

ственность *обязательная* для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости .отъ помѣщика, но перешедшихъ въ зависимость отъ другого помѣщика, котораго называютъ „міромъ“.

3) Отдѣленіе поземельной собственности отъ капитала. Число поземельныхъ собственниковъ изъ дворянъ велико; но вмѣстѣ съ тѣмъ денежныхъ между ними очень немного. Относительно же самыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ-крестьянъ, можно принять за общее правило, что они не имѣютъ вовсе денежныхъ средствъ, исключая можетъ быть только того, что необходимо для самой грубой и дешевой обработки своихъ полосъ. Дворяне должны производить возможно большіе посѣвы зернового хлѣба на оставшейся у нихъ землѣ для удовлетворенія своихъ нуждъ, а крестьяне, дѣля между собою общественную землю и не удобряя вовсе, или удобряя весьма недостаточно поля, могущія отойти черезъ годъ въ чужія руки, истощаютъ землю и получаютъ самые скудные урожаи большею частью второстепенныхъ хлѣббовъ: ржи, овса и гречи.

4) Дворяне-землевладѣльцы охотно продаютъ свои земли, не только когда онѣ доведены до ничтожныхъ размѣровъ, но и обширныя вотчины, для облегченія будущаго раздѣла имѣній между дѣтьми. Вотчины отдаются также цѣликомъ въ аренду съ предоставленіемъ чрезвычайныхъ правъ арендатору въ вознагражденіе за значительную арендную плату.

5) Господскія земли обрабатываются самими помѣщиками, или отдаются исполу, или по мелочи за деньги. Фермы по сію пору не образовались еще на господскихъ земляхъ въ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ, но существуютъ въ балтійскихъ, сѣверо-западныхъ, привислянскихъ и южныхъ провинціяхъ имперіи. Всѣ же поступившія въ крестьянскій надѣлъ земли не могутъ, по самой своей дробности, образовать фермъ. Скотъ содержится крестьянами для домашнихъ нуждъ, но не для продажи. Въ нашихъ среднихъ, болѣе населенныхъ губерніяхъ вся земля, годная для обработки, идетъ подъ пашню. Остаются подъ лугами одни поемныя мѣста и лѣсныя поляны.

6) Мѣстнаго скота недостаточно для прокормленія жителей. Столицы снабжаются скотомъ, пригоняемымъ съ дальнихъ краевъ имперіи, къ большой опасности для здоровья мѣстнаго скота по всемъ протяженію прогонныхъ дорогъ. По увѣренію статистиковъ и ветеринаровъ, одна шестая часть всего скота въ государствѣ вымываетъ ежегодно отъ заразы.

7) Земледѣльцы, то-есть народъ, живущій сельскими горами, составляютъ $\frac{9}{10}$ всего населенія. Изъ всего хлѣба, ежегодно производимого въ Россіи, 80% потребляются на мѣстѣ самими произ-

водителями. Остальные 20% идутъ на продовольствіе городовъ и войска и на заграничную продажу.

8) Городовъ мало; большая часть ихъ мало населена и крайне бѣдна, и мѣстныя цѣны на земледѣльческія произведенія низки. Эти цѣны возвысятся съ увеличеніемъ средствъ сообщенія, но мелкіе города должны еще болѣе отъ того обѣднѣть.

9) Значеніемъ въ государствѣ и помѣстными правами землевладѣльцы никакими не пользуются.

Истощеніе почвъ, которое Либихъ сулилъ Англіи въ будущемъ, у насъ давно началось. Доказательствомъ тому служитъ настоящее обѣдненіе почвъ во многихъ губерніяхъ, какъ-то: Московской, Владимірской, Смоленской и разныхъ уѣздахъ Псковской, Калужской, Орловской, нѣкогда весьма плодородныхъ, нынѣ приносящихъ самые скудные урожаи. Вообще можно сказать, что наше земледѣліе не удобряетъ, но опустошаетъ землю.

Сопоставляя и сличая мѣстныя условія сельскаго хозяйства въ Англіи и Россіи, мы усматриваемъ причины, по которымъ Россія не можетъ равняться съ Англіей средствами къ усовершенствованію своего земледѣлія. Изъ препятствій къ улучшенію нашего хозяйства нѣкоторыя непреодолимы, но нѣкоторыя могутъ быть устранены.

Неизмѣнимо все, что относится къ климату, неизмѣнимо только отчасти то, что вошло въ обычаи и народную вѣру, и совершенно открыты для обсужденія всѣ тѣ препятствія къ усовершенствованію дѣла, которыя признаются дѣйствительно вредными и которыхъ никто не защищаетъ.

II. Происхожденіе и положеніе деревень.—Ранніе крестьянскіе браны.—Нелюбовь къ лугамъ.—Отношеніе сельскаго населенія къ городскому.—Преобладаніе хлѣбнаго производства надъ разведеніемъ скота и ржаныхъ посѣвовъ надъ пшеничными.—Послѣдствія общиннаго пользованія.—Круговая порука.—Обязательный выкупъ.

Нѣкоторыя отличительныя черты нашего сельскаго хозяйства свойственны одной Россіи и не встрѣчаются въ другихъ европейскихъ государствахъ. Таково скопленіе земледѣльческаго рабочаго чарода въ большихъ деревняхъ, трехпольная обработка земли, общинное пользованіе землей и общинное управленіе крестьянъ.

Деревни образовались у насъ первоначально по необходимости во взаимной помощи и защитѣ отъ разбойниковъ и дикихъ звѣрей. Онѣ продолжаютъ существовать донинѣ и препятствуютъ установленію всякаго рациональнаго хозяйства. Главныя ихъ неудобства:

1) отдаленность земледѣльца отъ обрабатываемой имъ земли; 2) не-

Изъ назначенія въ крестьянское вѣчное владѣнiе, или только въ вѣчное пользованiе, извѣстнаго количества земли не проистекаетъ право каждой крестьянской души на владѣнiе или на пользованiе опредѣленнымъ кускомъ земли, но только право на владѣнiе или пользованiе опредѣленнымъ на нее количествомъ изъ общаго крестьянскаго надѣла. Размежеванiе столькихъ же участковъ, сколько въ деревнѣ душъ, немыслимо, и еслибъ оно даже было исполнено, повело бы къ разоренiю крестьянъ по неравенству въ качествѣ участковъ и невозможности нахожденiя даже на лучшихъ участкахъ всѣхъ необходимыхъ условiй хозяйства и жизни. Равно невозможно проводить особыя дороги изъ деревни на каждый участокъ; есть множество и другихъ очевидныхъ препятствiй къ размежеванiю полей на участки, соотвѣтствующiе величинѣ отдѣльнаго крестьянскаго надѣла.

Мы видимъ, что за границей вообще считается полезнымъ для общества, чтобъ мужчина женился не въ первыхъ годахъ своего совершеннолѣтія, но чтобъ онъ воспользовался своею молодостію для труда, не обременяясь семейными заботами. Но, въ противность этому общему правилу, у насъ въ деревняхъ браки бывають по необходимости весьма ранніе, и мужчина, достигшій 18-лѣтняго возраста, спѣшитъ жениться. Работниковъ, холостыхъ людей, у насъ вовсе не видать ни въ городахъ, ни въ деревняхъ; и это есть слѣдствіе нашего деревенскаго устройства. При самомъ ограниченномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, нуженъ рабочій скотъ. Невозможно крестьянину-хозяину устраиваться въ наемномъ домѣ въ своей деревнѣ, а еще менѣе въ городахъ, еслибъ даже случилось такъ, что надѣлъ одного крестьянина находился у самой заставы какого-нибудь уѣзднаго города. За городской заставой простирается всегда часть родской земли, и крестьянину некуда было бы выпустить свою тину. Въ Англіи и во многихъ частяхъ Германіи поселяне

Джонъ Рок
Digitized by Google

въ городахъ, иногда по два и по три въ одной комнатѣ, но это потому, что они не хозяева, а работники. У насъ молодой крестьянинъ, имѣющій свой земельный надѣлъ, долженъ завестись домою въ своей деревнѣ и ему нужна жена, чтобы наблюдать за его хозяйствомъ.

Кромѣ того, что размноженіе дѣтей слабого сложенія отъ молодости родителей имѣетъ вредное вліяніе на будущія поколѣнія, ранніе браки ограничиваютъ также свободу труда молодого отца, прикрѣпленнаго къ опредѣленному мѣсту жительства. Онъ прикованъ къ деревнѣ своимъ имущественнымъ интересомъ, и покоряется всѣмъ обязанностямъ, возлагаемымъ на прочихъ жителей деревни.

Крестьяне еще спѣшатъ жениться во избѣжаніе рекрутской повинности, которой они могли бы подвергаться, какъ холостые четвертые или третьи сыновья, при отцѣ-домохозяинѣ. Сдѣлавшись сами отцами, они удаляются тѣмъ отъ рекрутской очереди, пока ихъ сыновья еще малолѣтны, и тотъ же самый расчетъ побуждаетъ новое поколѣніе слѣдовать примѣру предыдущаго. Размноженіе хозяйствъ ведетъ естественнымъ образомъ къ раздробленію оборотнаго капитала хозяевъ и, слѣдовательно, не къ обогащенію, но скорѣе къ обѣдненію всей деревни, но при всемъ томъ отцы семействъ не противятся раздѣламъ, чрезъ которые ихъ сыновья избавляются на время отъ исправленія рекрутской повинности.

Въ прежнее время, переселеніе изъ деревень, стѣсненныхъ большимъ числомъ жителей, въ отдаленныя, на нѣсколько сотъ верстъ отстоящія и еще ненаселенныя земли, было дѣломъ весьма затруднительнымъ, а переходъ крестьянъ изъ сельскаго состоянія въ состояніе вольныхъ, безземельныхъ работниковъ вовсе невозможенъ, развѣ въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Самъ законъ тому противился. Крѣпостное право прикрѣпляло крестьянъ къ землѣ, къ которой они были приписаны, и подчиняло ихъ власти помѣщика-землевладѣльца. Этотъ послѣдній былъ весьма рѣдко собственникомъ ненаселенныхъ земель, а когда у него таковыя и были, то переведеніе на нихъ крестьянъ было для него труднымъ дѣломъ, сопряженнымъ съ денежными пожертвованіями и съ большими несправедливостями, такъ какъ крестьяне разставались съ плачемъ съ старосельемъ, для перехода въ незнакомые и отдаленные края. Переселеніе происходило изъ центральныхъ губерній въ восточныя и южныя, но въ размѣрѣ, несоотвѣтствующемъ нуждамъ перваго края и земельному изобилію другого.

Ом. Крестьяне, бравшіеся въ господское услуженіе, какъ дворовые, женились, но не очень значительно, сельское населеніе. Обращеніе 1) отдаленную работу въ самомъ имѣніи, или отдаваемую на

сторону въ работники, или сами удалявшіеся на заработки, они рано или поздно возвращались въ свои деревни.

Деревни годъ отъ году возрастаютъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сближаются между собой. Можно предвидѣть, напр., въ Серпуховскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ Московской губерніи, то время, когда треть или половина каждаго надѣла будетъ занята избою, надворнымъ строеніемъ съ огородомъ; даже и теперь оставалась бы за нѣкоторыми деревнями ничтожная пропорція пахатной земли, еслибъ исполнялся во всей строгости законъ о прогалахъ между кварталами. Но когда въ этихъ самыхъ мѣстностяхъ деревни истребляются пожарами, то онѣ выстраиваются вновь въ удивительно скорое время на погорѣлыхъ мѣстахъ, будто бы для удаленія всякой возможности переселенія на болѣе привольныя мѣста.

До 1861 года сельское населеніе было распредѣлено неравномѣрно; напр., въ 20-ти изъ 56-ти губерній европейской Россіи было по 470 обоого пола душъ на одну квадратную географическую милю, а въ Московской по 2911. Надѣлы въ пользованіи у крестьянъ были къ тому времени въ Астраханской губерніи по 8 десятинъ на хозяина, въ Подольской по 1, 4, а въ круглой сложности во всѣхъ 56-ти губерніяхъ по 3, 6.

Пахатная земля составляла и прежде и послѣ 1861 года самую значительную часть крестьянскаго надѣла. Въ населенныхъ губерніяхъ остаются подъ лугами лишь мѣста неудобныя для населенія и для пашни. Одна-четвертая часть десятины, а иногда еще меньшая пропорція луговъ приходится на одну десятину пахатной земли ¹⁾.

¹⁾ Пропорція луговой земли къ пахатной.

Губерніи.	На 100 десятинъ.		Губерніи.	На 100 десятинъ.	
	Паш.-ни.	Луговой земл.		Паш.-ни.	Луговой земл.
Вятская	85	15	Черниговская . . .	81	19
Рязанская	85	15	Тамбовская	82	18
Могилевская	85	15	Костромская	83	17
Орловская	85	15	Казанская	84	16
Нижегородская . . .	86	14	Калужская	83	17
Тульская	87	13	Кіевская	85	15
Московская	80	20	Владимирская . . .	87	13
Псковская	80	20	Курская	87	13
Симбирская	80	20	Витебская	91	9
Бовенская	80	20			

Луговая земля преобладаетъ въ сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ губерніяхъ, но въ послѣднихъ при залежной системѣ трудно провести черту между пахатной и луговой землей. Надо приписать значительную пропорцію луговой земли въ сѣверныхъ губерніяхъ неплодородности пахатной земли, а въ восточныхъ и нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ малочисленности населенія. Въ Великобританіи всей воздѣлываемой земли

Изъ этого видно, какъ велико затрудненіе къ размноженію рогатаго скота.

Положеніемъ 19-го февраля право крестьянъ владѣть или пользоваться землею обращено въ *обязанность*. Деревни, даже расположенныя на невыгодныхъ мѣстахъ, получаютъ какую-то гарантію вѣчнаго существованія.

Народонаселеніе увеличивается въ Россіи, но оно очень неравномѣрно раскинуто на поверхности земли, густо въ изстари населенныхъ земляхъ и чрезвычайно рѣдко въ краяхъ, отдаленныхъ отъ столицъ. То же самое встрѣчается и въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и повсюду, но нѣтъ сомнѣнія, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ усугубило это явленіе въ Россіи и остановило свободный притокъ народнаго труда и капитала къ новымъ, незатронутымъ землямъ. Нельзя не обратить вниманія и на то, что сами крестьяне изъявляли по временамъ стремленіе къ какимъ-то отдаленнымъ, благословеннымъ землямъ, расположеннымъ вдоль какой-то молочной рѣки. Приходилось даже полицейской власти удерживать народъ отъ поголовнаго переселенія въ неизвѣстный край; но нельзя притомъ не согласиться, что въ этомъ случаѣ непросвѣщенный инстинктъ собственной пользы сходилъ съ указаніемъ экономической науки. Крестьяне, размножаясь, тѣснились, участки каждаго поселенія уменьшались, а слѣдовательно уменьшались и отдѣльныя земляныя полосы, на которыя эти участки были раздроблены.

Чѣмъ ограниченнѣе воздѣлываемое мѣсто, тѣмъ нужнѣе, казалось бы, употреблять его на самые цѣнные продукты, но необходимость собственнаго пропитанія ведетъ къ противному результату: къ сѣянію въ наибольшемъ размѣрѣ хлѣбовъ второстепенныхъ, которые легче и вѣрнѣе достаются при слѣпной и небрежной работѣ.

Потому вездѣ почти сѣютъ гораздо болѣе ржи и овса, чѣмъ пшеницы, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ послѣдняя могла бы хорошо родиться. Пшеница преимущественно сѣется въ степныхъ малонаселенныхъ краяхъ. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе земледѣльцевъ, тѣмъ менѣе чистаго барыша отъ земли. При дальнѣйшемъ увеличеніи населенія на одной мѣстности дойдетъ до того, что все произведеніе земли будетъ совершенно поглощено производителями.

Но, кромѣ необходимости имѣть большое количество самаго дешеваго хлѣба, препятствіе къ добыванію болѣе цѣннаго продукта

29.955,694 акровъ; изъ нихъ находится подъ пашней только 9.433,532, а весь остокъ подъ корнеплодной культурой, травой въ сѣвооборотѣ и восточными лугомъ (Изъ англійскихъ официальныхъ таблицъ — Gard eer's Chronicle and Agricultural Gazette, № 6, 1869 г.).

находится въ самомъ истощеніи почвы. Земля самая лучшая, послѣ сѣятія съ нея двухъ-трехъ хлѣбовъ, не можетъ родить пшеницы безъ продолжительнаго отдыха или безъ сильнаго удобренія. О такомъ отдыхѣ на крестьянскихъ земляхъ не можетъ быть и рѣчи по необходимости обрабатывать весь надѣлъ для собственнаго прокормленія, для удобренія же нужно достаточное количество скота; а въ самыхъ населенныхъ полосахъ Россіи, гдѣ только представлялась возможность сѣять хлѣбъ, нигдѣ не осталось луговъ. Рогатый скотъ содержится подъ крышею только зимою. Навоза такъ мало, что его достаетъ только на ту часть земли, которая стоитъ обработки, т. е. на самыя близкія полосы, на *ладъ*, а на отдаленныя отъ деревни полосы, еслибы его и доставало, крестьяне не были бы въ силахъ его возить.

Лавернь доказываетъ статистическими вычисленіями, что въ Англіи изъ 16-ти милліоновъ душъ только 4 милліона, т. е. $\frac{1}{4}$ населенія живетъ хлѣбопашествомъ, а во Франціи изъ 35-ти милліоновъ 20, т. е. $\frac{4}{7}$. На сто гектаровъ (десятинъ) живетъ въ Англіи 30 душъ, во Франціи 40. Чистая прибыль, раздѣленная между рентою владѣльцу и платою работнику, съ одного гектара въ Англіи 115 франковъ, а во Франціи 40. Лавернь говоритъ: „Хотя французскій крестьянинъ бываетъ часто собственникомъ и прибавляетъ черезъ то немного ренты и прибыли къ своей поденной платѣ (*salaire*), но вообще живетъ бѣднѣе англійскаго крестьянина. Онъ бѣднѣе помѣщенъ, хуже одѣтъ и хуже ѣстъ; болѣе питается хлѣбомъ, но и этотъ хлѣбъ преимущественно ржаной, смѣшанный съ кукурузою и гречихой, даже съ каштанами, тогда какъ англійскій крестьянинъ ѣстъ хлѣбъ пшеничный съ малою долею ячменя или овса. Французскій мужикъ не употребляетъ мяса, а англійскій крестьянинъ употребляетъ“.

Но русскій крестьянинъ еще бѣднѣе французскаго, въ чемъ можно убѣдиться, прочитавъ статистическія свѣдѣнія, собранныя гг. Гагемейстеромъ, Вильсономъ и Митчелемъ, написавшимъ докладъ своему правительству о состояніи русскаго сельскаго населенія. Русскій крестьянинъ, по суровости климата, требуетъ болѣе французскаго укрѣпляющую пищу, и пользуется ею несравненно менѣе. Его главная пища состоитъ въ ржаномъ хлѣбѣ, пшеница дается преимущественно степнымъ жителямъ, въ населенныхъ же мѣстностяхъ не иначе, какъ при такомъ удобреніи, которое крестьяне не въ силахъ давать землѣ въ достаточномъ количествѣ ¹⁾).

¹⁾ Гагемейстеръ приписываетъ бѣдности и беззаботливости русскаго земледѣльца, что число рабочихъ людей въ Россіи то же самое на 50 милліоновъ, какъ во Франціи на 38 милліоновъ.

О преобладаніи ржаной культуры Либихъ выражалъ слѣдующее мнѣніе: „Рожь, говоритъ онъ, содержитъ столько же кали, какъ пшеница, но только $\frac{1}{10}$ долю менѣ фосфорной кислоты, чѣмъ пшеница; поэтому причиняетъ почти равный убытокъ обработанной подъ нее землѣ, а между тѣмъ стоитъ и продается $\frac{1}{3}$ дешевле пшеницы“. Слѣдовательно, желательно увеличить число производителей и потребителей пшеницы.

Либихъ, подобно Лаверню, излагаетъ мнѣніе въ пользу разнородности городовъ и ремесленного народонаселенія и уменьшенія числа земледѣльцевъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что городское населеніе въ великороссійскихъ губерніяхъ равняется только $\frac{1}{10}$ части сельскаго населенія.

Слѣдующая таблица, показывающая процентную пропорцію годныхъ къ работѣ людей въ населеніи, заимствована у г. академика Веселовскаго.

Губерніи.	Л ѣ т а.		
	Отъ 14 до 18 и отъ 60 до 65.	Отъ 18 до 60.	Сверхъ 65-лѣтніе и физически не- способные.
Саратовская	12.22	53.84	34.44
Владимірская	9.58	52.85	39.57
Нижегородская	9.59	52.55	37.85
Московская	10.18	50.86	38.95
Тверская	10.52	51.54	37.94
Новгородская	9.38	53.89	36.73
Средняя пропорціональная	10.58	52.44	36.98

Изъ официального статистическаго свѣдѣнія о Симбирской губерніи видно, что ея населеніе распределено какъ слѣдуетъ:

	Процент.
1) Дѣти до 10 лѣтъ, старики, сверхъ 80	29.
2) Отроки отъ 10 до 15, старики отъ 60 до 80	16.
3) Рабочій народъ отъ 15 до 60	55.

Сравнительно съ Великобританіей Россія чрезвычайно слаба производительною върами. Тогда какъ въ Великобританіи число мужчинъ и женщинъ между 15 и 60-лѣтними годами 548 на 1000, а въ Бельгіи 518, въ Россіи таковыхъ только 265, согласно таблицамъ Брюна и Зернова.

Расчеты о средней долготѣ человѣческой жизни въ Россіи совершенно сослѣзуютъ съ предыдущими заключеніями. Въ сѣверныхъ и западныхъ губерніяхъ Россіи средняя долгота жизни между 22—27 годами, а въ земледѣльческомъ приволжскомъ бассейнѣ и вообще въ юго-восточѣ имперіи средняя долгота 20 лѣтъ; а въ Вятской, Пермской, Оренбургской губерніяхъ только 15 лѣтъ.

Средняя долгота жизни въ другихъ европейскихъ государствахъ около 40 лѣтъ. Въ самомъ томъ возрастѣ, который считается производительнымъ, огромная пропорція въ Россіи людей слабыхъ отъ болѣзней или плохой пищи. Изъ доклада о мобилизаціи 1868 г. видно, что изъ 174 тысячъ представленныхъ въ рекруты, 44 тысячъ были признаны не по малому росту, но по болѣзнямъ и другимъ физическимъ недостаткамъ.

между тѣмъ какъ во Франціи и Пруссіи городское населеніе равняется $\frac{1}{3}$ сельскаго, а въ Великобританіи оно въ 3 раза его превышаетъ. Слишкомъ половина великороссійскихъ городовъ имѣютъ не болѣе 5,000 жителей, а иные не болѣе 1,000 жителей обоого пола. У иныхъ городовъ весь годовой доходъ не болѣе 250 руб. Такіе города не лучше деревень. Въ нихъ потребляется болѣе ржи, чѣмъ пшеницы.

Изъ предыдущихъ замѣчаній видны огромный перевѣсъ въ Россіи сельскаго населенія надъ городскимъ, преобладаніе хлѣбнаго производства надъ разведеніемъ скота, и ржаныхъ посѣвовъ надъ пшеничнымъ.

Общинное пользованіе земли (а вслѣдствіе того общинное управленіе крестьянъ) было необходимымъ послѣдствіемъ размноженія и размельчанія земельныхъ участковъ въ крестьянскомъ пользованіи, и усугубляетъ всю вредность раздробленія поземельной собственности.

Дѣйствіе общиннаго пользованія не всѣмъ извѣстно, но коротко знакомо хозяевамъ, слѣдившимъ въ теченіе многихъ лѣтъ за улучшеніемъ крестьянскаго быта.

Одинъ сельскій хозяинъ, принимая большое участіе въ устроеніи своего имѣнія, пожелалъ имѣть подробныя свѣдѣнія о крестьянскихъ земляхъ и поручилъ искусному землебру положить на планъ эти участки съ указаніемъ не одной только окружной границы полей каждой деревни, но и тѣхъ именно участковъ, которыми каждое хозяйство пользовалось. Вышла убійственная работа: на планъ выходило множество мелкихъ и весьма неправильныхъ фигуръ, болѣею частію длинныхъ параллелограммовъ, имѣющихъ не болѣе 10 саженъ ширины, иногда и менѣе того. Въмѣсто параллелограммовъ выходили иногда кривыя пространства, огибающія овраги или бугры. Планъ этотъ имѣлъ видъ чрезвычайно мелкой, но неправильной мозаики, и весьма трудно было узнать на немъ всѣ участки, принадлежащіе одному хозяину и составляющіе всѣ вмѣстѣ полное количество земли, которую каждый крестьянинъ долженъ былъ имѣть въ своемъ пользованіи. Самъ хозяинъ бывалъ призываемъ для облегченія этого расчета, и даже въ его присутствіи было очень трудно дойти до вѣрнаго исчисленія его земли, потому что изъ предоставленныхъ его пользованію лоскутовъ земли онъ нѣкоторые, слишкомъ отдаленные, или невыгодные, не обрабатывалъ вовсе. Кажется болѣе 2-хъ годовъ было употреблено на сочиненіе этого плана, который никогда не былъ оконченъ, потому что многія изъ фигуръ измѣнились въ теченіе этого времени, вслѣдствіе постоянного переверстанія полей и неизбежныхъ раздѣловъ между крестьянами.

Поля наши имѣютъ видъ, вполне соотвѣтствующій тому, чего можно

ожидать отъ безпорядочнаго пользованія и отъ спѣшной обработки. Сорные травы: пырей (*triticum repens*), лебеда (*lipodium*), вострица, берестка, осока, репейникъ, смотря по свойству земли—глинистому, песчаному или черноземному, испещряютъ ниву, и многія изъ нихъ возносятся свои маковки выше уровня спѣлаго колоса. Послѣ трех-годовой пашни, въ новыхъ степныхъ краяхъ пестрота полей еще рѣзче высказывается, чѣмъ на менѣе хлѣбородной почвѣ. Стени, разъ бывшія подъ пашней, теряютъ навсегда тотъ видъ гладкой и тучной растительности, которымъ Дилькъ былъ пораженъ, проѣзжая черезъ Канзасъ. Флора на землѣ однажды вспаханной совершенно другая, чѣмъ на нетронутой еще плугомъ. Нѣкоторые злаки (*plantes graminées*), какъ ковыль и другіе, исчезаютъ безвозвратно, и за посѣвомъ зерна непременно слѣдуетъ незваная свита особенныхъ вредныхъ растений. Чѣмъ чаще земля испахивается, тѣмъ болѣе эти травы ее одолаживаютъ ¹⁾).

Черноземъ есть далеко не неистощимый капиталъ. Съ нимъ надо обходиться чрезвычайно бережно и деликатно. Арендаторы охотно

¹⁾ Изъ урожайныхъ вѣдомостей нѣкоторыхъ нѣмѣй въ Сибирской, Самарской, Орловской и Курской губерніяхъ видно, что средній урожай пшеницы былъ самъ четверть, т.е. немного болѣе $\frac{1}{4}$ средняго урожая въ Англіи. Средній урожай ржи самъ шесть. Вслѣдствіе большого количества запахиваемыхъ земель и множества земледѣльцевъ въ Россіи, производится въ нашемъ государствѣ болѣе хлѣба на душу всего населенія чѣмъ въ другихъ государствахъ. Если разложить на число душъ производимый хлѣбъ, то по статистическимъ исчисленіямъ видно, что въ Россіи производится на душу 9 гектолитровъ (около 5 четвертей), въ Швейцаріи, Франціи и Пруссіи 6, а въ Великобританіи 4,9. Между тѣмъ въ сравнительной статистикѣ Гауснера произведеніе одного гектара (нѣсколько меньше 1-й десятины) въ разныхъ государствахъ показано слѣдующее:

Бельгія	} 14 гектолитровъ.
Нидерланды	
Саксонія	
Великобританія	} 13.2.
Виртембергъ	
Бадень	
Австрія	10.3.
Франція	} 9.3.
Швейцарія	
Пруссія	9.1.
Италія	9.
Норвегія	7.6.
Испанія	6.2.
Греція	6.1.
Россія	6.0.

Въ этомъ сличеніи говорится объ урожаѣ всѣхъ хлѣбовъ вообще, а не одной пшеницы. Еслибъ рассчитать былъ сдѣланъ пшеничнымъ урожаемъ, то разница въ производимомъ количествѣ была бы еще большая.

наивысшіе степные участки, но не иначе какъ съ правомъ снимать съ нихъ хлѣбъ 4 или, по крайней мѣрѣ, 3 года сряду. Безъ такого условія трудъ подъема земли не окупается; на два года не стоить и распахать ее. Двѣнадцатилѣтняго отдыха подъ пастбищемъ и сѣнокосомъ едва ли достаточно, чтобы залужить вспаханную четыре года сряду черноземную почву; даже и послѣ такого отдыха, залежь не обращается въ первобытное состояніе ковыльной земли.

Вредъ, причиненный нашему земледѣлію общиннымъ пользованіемъ, нисколько не выкупается улучшеніемъ крестьянскаго быта. Круговая порука есть непремѣнное условіе общиннаго пользованія, а она даетъ и уничтожаетъ всякое стремленіе къ труду. Мірская круговая порука не есть нововведеніе, она существовала и при крѣпостномъ правѣ. Помѣщикъ отвѣчалъ передъ правительствомъ въ своевременномъ и полномъ платежѣ крестьянской подушной подати, а міръ отвѣчалъ передъ помѣщикомъ въ исправномъ взносѣ подушной подати и оброка за землю. Круговая порука образовалась *de facto* съ незапамятныхъ временъ, какъ необходимое послѣдствіе общины, а съ 1861 года она существуетъ у насъ, какъ принципъ нашего законодательства. Община замѣняетъ передъ правительствомъ безчисленныя отдѣльныя личности и, отвѣчая за всѣхъ, сама не можетъ существовать безъ круговой поруки между своими членами, т.-е. безъ отвѣственности исправныхъ, трудолюбивыхъ и здоровыхъ членовъ общества своимъ имуществомъ за неисправныхъ, лѣньныхъ и больныхъ. Трудолюбивые теряютъ главное побужденіе къ работѣ при опасеніи отвѣчать за лѣньныхъ, а лѣньные отдаляются отъ труда, полагаясь на чужое усердіе. Но община и круговая порука въ платежѣ повинностей необходимы при отдачѣ въ пользованіе земли мелкими участками.

Общинное управленіе отличается отъ бывшаго помѣщичьяго тѣмъ, что оно не допускаетъ произвола одного лица во всѣхъ вообще рѣшеніяхъ, но допускаетъ произволъ міра, представляемаго большинствомъ членовъ общины.

Круговая порука особенно тяготитъ зажиточныхъ крестьянъ и низводитъ ихъ на степень среднего состоянія. Уравненіе состояній нигдѣ не происходитъ такъ систематично, какъ въ нашихъ деревняхъ. Община раскладываетъ между своими членами всѣ повинности, которыя складываются съ крестьянъ, умершихъ послѣ ревизіи, больныхъ, бѣглыхъ, крайне бѣдныхъ и неисправимо-развратныхъ. Вслѣдствіе узаконенія, подвергающаго цѣлую общину, при неисправности въ платежахъ, конфискаціи всего имущества, кромѣ необходимаго для хозяйства, зажиточные крестьяне, составляющіе меньшинство

сравнительно съ бѣдными, сокращаютъ изъ чувства самосохраненія свое хозяйство, обращая имущество въ деньги.

Не только до 1861 года, но и по настоящее время русскій крестьянинъ не есть ни свободный работникъ, ни собственникъ. Какъ работникъ, онъ не пользуется правами рабочаго класса въ Германіи, во Франціи и въ Англіи. Онъ не имѣетъ также равныхъ съ ними правъ собственности, потому что весь приобрѣтенный плодъ его труда, въ видѣ скота и орудій, можетъ быть у него отобранъ безъ всякой съ его стороны вины, въ случаѣ несостоятельности общины. Онъ не собственникъ полевой земли и не можетъ указать ни на одну полосу, которая бы ему принадлежала, хотя бы земля была выкуплена цѣлой общиной отъ помѣщика. Отдѣльныя личныя собственности крестьянъ находятся въ весьма маломъ числѣ и составляютъ исключеніе изъ общаго правила.

Нельзя оспаривать, что коллективное право на землю, принадлежащую общинѣ, есть въ нѣкоторой степени обезпеченіе средствъ жизни, но оно куплено чрезвычайно дорого, при тяжелыхъ обязанностяхъ, съ нимъ связанныхъ, и при пагубныхъ нравственныхъ результатахъ, къ которымъ оно ведетъ.

Достойно замѣчанія, что возраженія противъ дарованія крестьянамъ личной свободы безъ земли сдѣланы многими помѣщиками вовсе не на челоуѣколюбивомъ основаніи, но изъ чисто хозяйственнаго разсчета. „При чемъ же мы останемся,—спрашивали они,—когда крестьяне уйдутъ, и что намъ дѣлать съ одной землей?“ Это возраженіе было до нѣкоторой степени извинительно со стороны владѣльцевъ такихъ имѣній, гдѣ земля составляла меньшую, а крестьянская повинность болѣшую цѣнность. Такіе помѣщики разсуждали, что они нисколько не были виновны въ томъ, что на ихъ долю достались въ наслѣдство имѣнія малоземельныя, но оцѣненные при семейныхъ раздѣлахъ наравнѣ съ многоземельными, и дававшія прежде значительный доходъ на основаніи законовъ, дозволявшихъ сборъ оброка не съ одной земли, но и съ крестьянскаго, не чисто земледѣльческаго, а фабрикаго труда.

Затруднительная задача, какъ вознаграждать владѣльцевъ, имѣвшихъ плохую землю или малое количество земли по числу жителей, была разрѣшена предложеннымъ самими помѣщиками и допущеннымъ правительствомъ средствомъ, состоявшимъ въ обязательномъ выкупѣ самими крестьянами земли.

Несправедливость этой мѣры бросается въ глаза, и опытъ доказалъ, что она крайне отяготительна для крестьянъ, а во многихъ случаяхъ стѣснительна для бывшихъ помѣщиковъ. Въ обезпеченіе крестьянъ положено, что они имѣютъ право отказываться при обя-

зательномъ выкупѣ отъ платежа 20%, т.-е. цѣлой пятой части выкупного капитала. Но этимъ самымъ уменьшается и вознагражденіе помѣщика за потерю бывшаго при крѣпостномъ состояніи права помѣщика на обязательный трудъ, и за продаваемую имъ въ крестьянскую собственность землю.

Процессъ выкупа производился туго, и послѣ заключенія выкупныхъ актовъ оказывается несостоятельнымъ по накопленію крестьянскихъ недоимокъ въ уплатѣ дополнительнаго выкупного капитала, который бывшіе помѣщики должны еще болѣе по необходимости, чѣмъ изъ жалости къ крестьянамъ, разсрочивать на нѣсколько лѣтъ.

Обязательный выкупъ понуждаетъ крестьянъ къ приобрѣтенію и не вполне доброкачественной земли, когда нѣтъ другой въ имѣніи, и полного или малаго надѣла смотря по желанію помѣщика. Обязательный выкупъ малоцѣнной земли есть почти то же, что выкупъ оброчной или рабочей повинности. Но право удалиться отъ неприводительной или неторговой мѣстности выгоднѣе для крестьянина, чѣмъ обязанность оставаться на ней много лѣтъ.

Обязательный выкупъ земли, даже въ самыхъ хлѣбородныхъ краяхъ, можетъ быть накладнымъ для крестьянина, по крайней мѣрѣ не такъ выгоднымъ, какъ право свободного переселенія. Въ степныхъ краяхъ земля очень обильна, дешева и плодородна, но обязанность жить при своемъ надѣлѣ лишаетъ крестьянъ возможности пользоваться дешевой землею и высокой рабочей платой на разстояніи двухъ или трехъ сотъ верстъ отъ ихъ деревни.

Съ 1861 до 1865 г. число выкуповъ, сдѣланныхъ по добровольному соглашенію, превышало число выкуповъ обязательныхъ; но въ 1866 году было 4333 выкупа обязательныхъ противъ 1121 добровольныхъ, и съ того времени по 1-е ноября 1869 года число первыхъ превышало значительно число послѣднихъ. Всего же было съ 1862-го по 1-е ноября 1869 г. добровольныхъ выкуповъ 19,584 и обязательныхъ 21,370. Любопытно выслушать заграничныя сужденія о результатахъ выкупной операціи.

Въ офиціальномъ донесеніи въ англійскій парламентъ „о пользованіи и обработкѣ земли въ Россіи“ находятся слѣдующія свѣдѣнія на счетъ 40,954 добровольныхъ и обязательныхъ выкуповъ крестьянами земель:

„Утверждено выкупныхъ актовъ:

	Доброволь- ныхъ.	Обязатель- ныхъ.
Въ 1862 году	1,238	330
„ 1863 „	4,808	1,366
„ 1864 „	6,914	2,438
„ 1865 „	3,625	2,324

Въ 1866 году	1,121	4,333
> 1867 >	880	3,843
> 1868 >	529	3,273
> 1869 г. по 1 ноября	469	3,464
	19,584	21,370
	или 48%	или 52%

„Въ томъ числѣ не заключаются совершенные въ юго-и сѣверо-западныхъ губерніяхъ обязательные выкупы, числомъ 21,014. Не принимая ихъ въ счетъ, ясно, что изъ 3,614,882 ¹⁾ новыхъ землевладѣльцевъ, около 2 миллионъ въ самыхъ промышленныхъ и производительныхъ губерніяхъ были лишены возможности выбора между вѣчнымъ пользованіемъ землею и возможностью оставить ее послѣ 19 февраля 1870 года. Прибавляя къ состоявшимся въ великороссійскихъ губерніяхъ 21,370 обязательнымъ выкупамъ 21,014 обязательныхъ выкуповъ, заключенныхъ впослѣдствіи въ западныхъ губерніяхъ по особому законодательному постановленію, выходитъ итогъ обязательныхъ выкуповъ 42,384 противъ 19,584 добровольныхъ, т.-е. обязательныхъ выкуповъ 69%, а добровольныхъ 31%. Изъ числа крестьянъ, не выкупившихъ до сихъ поръ свои земли, самая большая часть удержана землевладѣльцами посредствомъ обязательныхъ выкуповъ отъ перехода на другія мѣста, и небольшая только часть останется на прежнемъ мѣстѣ жительства по общему интересу владѣльца и пользователя.

„Обязательные выкупы состоялись преимущественно въ промышленныхъ и въ тѣхъ менѣе плодородныхъ губерніяхъ, гдѣ надѣлы обильнѣе, чѣмъ въ черноземномъ краю.

Выкупные акты:

Промышленныя и менѣ плодородныя губерніи:	Добровольныхъ.	Обязательныхъ.	Итого.
Владимірская	273	1,236	1,509
Вологодская	90	502	592
Костромская	227	1,557	1,784
Московская	244	1,025	1,269
Новгородская	707	2,218	2,925
Псковская	286	2,810	3,046
Тверская	540	2,611	3,151
С.-Петербургская	875	805	1,180
Ярославская	303	1,299	1,602

или 18%   или 82%

¹⁾ Эта цифра взята изъ официальныхъ счетовъ по выкупной операціи съ 1863 по 1 ноября 1869 года.

„Такъ какъ итогъ выкупныхъ актовъ за исключеніемъ западныхъ губерній былъ къ 1-му ноября 1869 года 40,954, то пропорція обязательныхъ выкуповъ, падающая на промышленныя и менѣ плодородныя губерніи (т.-е. тамъ именно, гдѣ менѣ выгодно для крестьянъ покупать землю), составляетъ около 34% общаго итога (52%) обязательныхъ выкуповъ въ Великороссіи, и остается только 18% обязательныхъ выкуповъ на всѣ 35 губерній, не включенныхъ въ предыдущій списокъ.

„Не удивительно, что при такомъ большомъ числѣ обязательныхъ выкуповъ крестьяне смотрятъ на выкупную операцію какъ на новую повинность. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, обязанные годовымъ денежнымъ сборомъ, уже прозвали себя „казенными крестьянами“, а свои надѣлы „казенною землею“.

„Это чувство зависимости отъ казны особенно сильно тамъ, гдѣ административная власть взимаетъ штрафъ съ крестьянъ, плохо обработавшихъ землю, коей производительность обезпечиваетъ государственныя и выкупныя повинности.

„При выкупной операціи казна удерживаетъ въ свою пользу одинъ процентъ, такъ какъ крестьяне платятъ 6% съ выкупного капитала, а помѣщики получаютъ только 5%.

„Если бы казна не брала этого процента въ свою пользу, то выкупъ былъ бы значительно облегченъ: помѣщики получали бы однимъ процентомъ болѣе въ годъ, или крестьянинъ платилъ бы однимъ процентомъ менѣ, или этотъ процентъ былъ бы раздѣленъ пополамъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ.

„Крестьяне начинаютъ обращать большое вниманіе на одинъ очень важный финансовый вопросъ, связанный съ общиннымъ пользованіемъ земли; а именно: каково будетъ чрезъ 45 лѣтъ положеніе семейства, выкупающаго ежегодными взносами два высшіе 4-десят. надѣла? Численность общины къ концу этого срока болѣе чѣмъ удвоится; слѣдовательно, надѣлы уменьшатся на одну половину или на три четверти и семейство, платившее до тѣхъ поръ за 8 десят., найдетъ при концѣ выкупного періода только при половинѣ этого количества земли. Семья можетъ притомъ пресѣчься безъ наслѣдниковъ до истеченія выкупного періода и тогда всѣ платежи для выкупа надѣла будутъ потеряны для этого семейства и перейдутъ въ пользу общины.

„Новое крестьянское положеніе въ своихъ главныхъ чертахъ есть не что иное, какъ законъ для обезпеченія казеннаго интереса. Противоположно ирландскому земледѣльцу (cottier) бѣда русскаго мужика въ неотмѣнности его пользованія землею. Его предки находились при этомъ пользованіи цѣлыя столѣтія. Оно было однимъ

изъ условій крѣпостнаго состоянія и крестьянское положеніе 1861 г. воспроизвело его въ новой формѣ¹⁾.

Въ отвѣтъ на этотъ строгій приговоръ слѣдуетъ замѣтить, что обязательный выкупъ хотя уже есть фактъ совершившійся, но въ своихъ послѣдствіяхъ можетъ быть сглаженъ облегченіемъ перехода выкупленныхъ земель изъ однихъ рукъ въ другія, какъ будетъ объяснено нами ниже.

Въ рамку настоящихъ замѣчаній не входитъ подробное изслѣдованіе вреда, нанесеннаго мануфактурной промышленности, внутренней торговлѣ и развитію торговаго флота чрезъ то, что не могутъ поступить въ ихъ распоряженіе всѣ тѣ работники, которые *принуждены* къ воздѣлыванію земли потому только, что на ней живутъ.

Рабочій трудъ вообще годъ отъ году дорожаетъ. Не только помѣщики, но и фабриканты должны платить возвышенную цѣну работникамъ, такъ какъ большая часть ихъ занята самыми неблагодарными полевыми работами.

Преимуществомъ крѣпостнаго владѣнія считалось то, что помѣщики могли понуждать своихъ (по тогдашней терминологіи) крестьянъ обрабатывать крестьянскія же земли. Нынѣ помѣщики, къ счастью, лишены этого права и если крестьяне не идутъ на постороннія работы, то это уже происходитъ не отъ дѣйствія помѣщичьей власти, а отъ другихъ причинъ. Между тѣмъ, можно заключить о преимущественной выгодѣ во многихъ случаяхъ промышленнаго труда надъ трудомъ земледѣльческимъ изъ того обстоятельства, что до 1861 года средній оброкъ былъ: въ промышленныхъ губерніяхъ 9 р. 29 к. на душу, въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ 8 р. 77 к. и степныхъ 7 р. 89 копѣекъ.

Самые зажиточные крестьяне и самыя богатяя деревни находятся въ промышленныхъ губерніяхъ; деревни же въ плодородныхъ губерніяхъ довольно бѣдны. Прежде крестьяне располагали большимъ оборотнымъ капиталомъ въ видѣ скота. Въ настоящее время проживающее промысломъ населеніе сохранило прежній видъ благосостоянія и устройства, а хлѣбопашцы живутъ также неопратно и грязно какъ прежде, при меньшемъ довольствѣ противъ прежняго. Огромные мануфактурныя центры, подобныя Манчестеру, Бирмингаму, Ліону, Литтиху, Дюссельдорфу и другимъ городамъ по всему сѣверо-восточному побережью Рейна, у насъ не существуютъ. Мы не воздѣлываемъ богатыхъ копей каменнаго угля въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онъ обилень и даже близокъ къ земной поверхности, потому что

¹⁾ „Unlike the Irish cottier, the Russian serf was groaning under the fixity of his tenure. His forefathers had possessed it for centuries. It was one of the conditions of slavery, and the Emancipation Act has reproduced it in another form.“

англійскій уголь обходится намъ дешевле своего собственнаго. Дѣйствительно, за какую цѣну наймемъ мы работниковъ, готовыхъ опуститься въ землю до глубины ста сажень, чтобы работать тамъ по 10 часовъ въ день, подвергаясь опасности отъ газовыхъ взрывовъ, когда они могутъ и даже обязаны обрабатывать клочекъ земли, не всегда достаточный для своего прокормленія?

Россія отправляетъ за границу хлѣбъ, лѣсъ, ленъ, шерсть, сало, тряпье и кости. Большая часть этихъ произведеній уходитъ въ тѣ заграничныя мѣста, гдѣ набралось много золота; но оно не идетъ къ намъ оттуда въ уплату; напротивъ, мы еще посылаемъ туда золото, добытое въ нашихъ собственныхъ рудникахъ, потому что государство въ долгу и должно платить пеню за свою расточительность. Чѣмъ же оплачиваются наши сырые произведенія? Частью нашими собственными матеріалами, преобразованными въ такія вещи, которыя сами мы не обдѣлываемъ: рельсами, подвижнымъ составомъ для желѣзныхъ дорогъ, пушками большого размѣра съ прусскихъ заводовъ и пр. и пр. Еслибъ не было такъ, нашъ вексельный курсъ сталъ бы возвышаться, и иностранные купцы перестали бы оплачивать наши сырые матеріалы векселями. Но мы остаемся въ долгу передъ ними за отдѣлку нашихъ собственныхъ матеріаловъ. Итакъ, мы платимъ очень дорого за иностранный трудъ, потому что намъ отечественный трудъ обошелся бы еще дороже по недостатку вольныхъ работниковъ и прикрѣпленію огромной народной массы къ землѣ.

При этомъ мы должны указать еще на одинъ весьма важный и печальный фактъ, вредный не для одного земледѣлія, но и для народной нравственности. Фабрики у насъ привлекаютъ въ города работниковъ, но выѣстъ съ тѣмъ и отрываютъ ихъ отъ семействъ, которыя остаются въ деревняхъ.

Молодые крестьяне проводятъ большую часть года въ городахъ и только на короткое время пасхи и сѣнокоса навѣщаютъ свои семейства. Женщины жнутъ и косятъ по всей Россіи, а около Москвы онѣ пашутъ, молотятъ и производятъ всѣ самыя тяжелыя работы, кромѣ косыбы. Ихъ постоянная разлука съ мужьями ведетъ къ разстройству семействъ и къ беззаконнымъ связямъ. Въ этомъ случаѣ положеніе вещей у насъ подходитъ весьма близко къ ослабленію, если не къ уничтоженію вовсе, семейной жизни. Нарушеніе законовъ религіи входитъ въ обычай рабочаго народа и какъ-бы оправдывается потребностями хозяйства. Въ чужихъ краяхъ, болѣзни, неразрывныя съ порчею нравовъ, преобладаютъ преимущественно въ городахъ и хотя проникаютъ и въ сельскій бытъ, но въ видѣ исключеній. Въ Россіи эти тлетворныя болѣзни распространяются осо-

бенно въ деревняхъ и дотога отражаются на новорожденныхъ дѣтяхъ, что нельзя предвидѣть, когда останется ихъ гибельное дѣйствіе.

„Guette aux riches“ — „война богатымъ“ (то-есть, своимъ же богатымъ членамъ), могла бы служить девизомъ общины. Зажиточные крестьяне не скрываютъ, что они ничего болѣе не желаютъ на свѣтѣ, какъ только освобожденія отъ круговой поруки; но, къ несчастію, кромѣ другихъ, почти непреодолимыхъ препятствій, зажиточные крестьяне въ невыкупленныхъ имѣніяхъ встрѣчаютъ сопротивленіе къ выходу своему изъ общины со стороны самихъ землевладѣльцевъ, которые боятся накопленія недоимокъ, когда одни недостаточные крестьяне будутъ составлять всю общину. Слова Сперанскаго примѣняются какъ нельзя болѣе къ преобладающему общинному началу: „со всѣми признаками свободы, законности, народъ въ дѣйствительности можетъ быть рабомъ“.

Приведемъ здѣсь кстати рядъ замѣтокъ извѣстнаго въ Орловской губерніи землевладѣльца, В. А. Краинскаго, съ которыми мы познакомились въ рукописи.

„Духъ и смыслъ законоположеній 19-го февраля 1861 года заключаются въ томъ, чтобъ сдѣлать крестьянина собственникомъ выкупаемой его трудами земли. Къ сожалѣнію, регламентация и буква „Положеній“ состоятъ въ явномъ противорѣчій съ основною мыслью законодателя: крестьянинъ трудится, подвергая себя всѣмъ возможнымъ лишеніямъ, чтобъ только выкупить землю у прежняго помѣщика, но вовсе не для себя, а въ пользу другого помѣщика, котораго называютъ міромъ. Этотъ міръ, не допускающій личной собственности, даетъ ему на одинъ годъ пользоваться одною полосою земли, а на другой—обмѣниваетъ ее на иную, худшую или лучшую полосу, смотря по своей прихоти, имѣющей силу закона и неподлежащей обжалованію (Мѣст. пол. велик. губ., ст. 113 и 114). Слѣдовательно, вѣчное право для крестьянина осталось то же самое, съ обмѣномъ только одного произвола на другой.“

„Эта несправедливость еще разительнѣе въ отношеніи такого крестьянина, который, по естественному стремленію къ свободѣ, нежелалъ бы дать болѣе широкій просторъ своему труду и способностямъ переходомъ въ другое сословіе. Его не могутъ увалить изъ общества иначе, какъ по уплатѣ или половины капитальнаго долга, лежащаго на выкупной осудѣ по участку, который не составляетъ его личной собственности. Другими словами, онъ долженъ выкупить своими трудами половину этого участка, предоставить его въ даръ міру и потомъ можетъ выдти изъ общества обображеннымъ, проработавъ на

него десятки лѣтъ, безъ пользы для себя и своей семьи (Пол. о вым., ст. 178).

„Если же крестьянинъ не только не въ состояніи принести подобныхъ жертвъ, чтобъ освободиться отъ мірскаго гнета, но, вслѣдствіе разныхъ причинъ, поступить въ разрядъ недоимщиковъ, тогда міръ имѣетъ право отдать его въ заработки подрядчикамъ по контрактамъ даже въ другія губерніи (Пол. о вым., ст. 127, 129). Нельзя не привести при этомъ фактовъ, насколько прибыльна міру и крестьянину эта востановленная барщина. Известно, что сооруженіе въ Россіи желѣзныхъ дорогъ доставляло вольнонаемному труду весьма выгодныя заработки, но многія крестьянскія общества законтрактовали своихъ недоимщиковъ на трудъ принудительный—по урокамъ. Какъ стадо согнали этихъ несчастныхъ съ разныхъ сторонъ. И что-жь? Проработавъ цѣлое лѣто, люди эти не отработали стоимости забранныхъ ими отъ подрядчиковъ харчей, и потребовалось содѣйствіе администраціи, чтобъ доставить имъ средства возвратиться домой. Такой случай приобрѣлъ большую извѣстность на кіево-балтской желѣзной дорогѣ. Міръ, приславшій этихъ барщинниковъ, не только ничего не выигралъ, но сдѣлалъ ихъ еще болѣе несостоятельными въ платежахъ, потому что, упустивъ работы домашнія, они ничего не заработали на сторонѣ.

„Но мірское общество имѣетъ еще другой способъ взысканія: отобразъ часть или весь полевой надѣлъ недоимщика, оно можетъ подвергнуть ихъ вродѣ-жъ съ торговъ. Съ легальной стороны, справедливо, чтобъ несостоятельность должника была восполнена кредиторами продажей принадлежащаго ему имущества. Но въ отношеніи крестьянина несправедливость заключается въ томъ, что, при свободной конкуренціи на торгахъ при продажѣ недвижимаго имущества всѣхъ прочихъ сословій часто случается, что только извѣстной части этого имущества достаточно бываетъ для пополненія обязательствъ должника, затѣмъ остальное освобождается отъ продажи, если можетъ составить отдѣльное цѣлое, или же, въ противномъ случаѣ, вручается должнику оставшаяся отъ продажи имущества сумма денегъ, превышающая уплату долговъ. Одинъ только крестьянинъ, рабъ своей общины, лишенъ этого наисправедливѣйшаго права; всякая конкуренція устроена при продажѣ его поземельной собственности, которую могутъ приобрести одни лишь крестьяне, не располагающіе значительными средствами и покушающіе лишній для себя участокъ при единственномъ условіи—если онъ достанется имъ далеко ниже своей дѣйствительной стоимости (Пол. о вым., ст. 127, 128): Да и какую цѣну можно дать за участокъ, приобретаемый въ пользованіе, а не въ личную собственность?

„Несостоятельность экономического устройства освобожденных крестьянъ вызвала возгласы гуманистовъ не противъ ложнаго принципа, на которомъ оно основано, но противъ мнимой обременительности крестьянскихъ платежей; но тому, кто проѣхалъ нѣсколько сотъ верстъ по юго-западнымъ границамъ Россіи, извѣстно, что денежные платежи нашихъ крестьянъ въ $2\frac{1}{2}$, иногда въ 3 раза легче платежей крестьянъ смежныхъ заграничныхъ селеній того же самаго племени (малороссійскаго) и языка, при одинаковыхъ условіяхъ почвы и умственнаго развитія. Разница въ матеріальномъ благосостояніи поселянъ по ту и другую сторону границы состоитъ въ томъ, что австрійскіе крестьяне менѣе пьянствуютъ и больше зарабатываютъ. Если бы предположить даже такой абсурдъ, чтобы съ русскихъ крестьянъ не требовать никакихъ платежей, то положеніе ихъ не только бы не улучшилось, но сдѣлалось бы гораздо безнадежнѣе, потому что, при первомъ неурожаѣ, ни правительству, ни земству нечѣмъ было бы имъ помочь. И какъ избѣжать этихъ неурожаевъ, когда крестьянинъ не рѣшается до сихъ поръ класть затраты на удобреніе отведенныхъ ему полосъ, зная, что на слѣдующій годъ ихъ могутъ отдать другому лицу, которое даромъ воспользуется его трудомъ и капиталомъ. Что-жъ удивительнаго, если съ объединеніемъ отдѣльныхъ личностей, составляющихъ общину, бѣднѣетъ самая община, а круговая порука, на нее возложенная, становится съ каждымъ днемъ болѣе тягостною и менѣе надежною, по мѣрѣ приближенія общаго банкротства всѣхъ поручителей одного за другихъ.

„Переходя къ административному управленію крестьянъ, мы видимъ, что оно нисколько не лучше ихъ экономического устройства. Во всѣхъ образованныхъ странахъ общину составляютъ всѣ проживающіе вмѣстѣ въ данномъ околотѣ, въ которомъ, при ежедневныхъ сношеніяхъ, интересы всѣхъ сословій связаны интересами общины. Для управленія этой административной единицей назначаются люди болѣе образованные, болѣе способные охранять порядокъ, спокойствіе и благосостояніе общины. У насъ придумали, наоборотъ, составить общину исключительно крестьянскую, съ избраніемъ однихъ крестьянъ начальниками этой общины, такъ что высшіе, болѣе образованные, классы должны сноситься, по своимъ обыденнымъ нуждамъ, съ начальниками общины, невѣжественными и неспособными, по узкости своихъ понятій, — возвыситься до равноправнаго охраненія интересовъ всѣхъ классовъ, живущихъ въ одной мѣстности. Такимъ образомъ, потеряна всякая нравственная и политическая дѣя поднятъ низшія сословія до уровня образованія высшихъ, а принята обратная система приниженія высшихъ до уровня невѣжества низшихъ классовъ.

„Устройство волостныхъ судовъ вызвало такое единодушное порицаніе, что трудно что-нибудь прибавить ко всему, что было по этому предмету заявлено какъ самими крестьянами, такъ и земскими собраніями разныхъ губерній. Скажемъ только, что у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ правосудіе вручается лучшимъ, способнѣйшимъ людямъ, специально знакомымъ съ установленными въ государствѣ законами; въ Россіи придумали наоборотъ: безапелляціонный крестьянскій судъ, основанный на произволѣ безграмотныхъ невежественныхъ судей,—явленіе безпримѣрное въ новѣйшей исторіи.

„Благая разумная мысль устройства церковныхъ попечительствъ—и та никакъ еще не могла отрѣшиться отъ мірскихъ приговоровъ, составляемыхъ поголовно и вліяющихъ на благоустройство церквей и приходскихъ школъ, образующихъ первое звено народного образованія. Помѣщикъ-храмоздатель можетъ, по желанію міра, быть устраненъ отъ попечительства, а еврей—быть избранъ церковнымъ старостой православной церкви, какъ это случилось въ Подольской губерніи, по произволу болѣе $\frac{2}{3}$ крестьянъ, о чемъ было возвыщено почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ. Скажите, что это за явленіе? Невѣжеству, изолированному отъ всякаго благотворнаго на него вліянія высшаго образованія, предоставлено развивать просвѣщеніе, а евреямъ—благоустроить церковный порядокъ въ нашемъ православіи? Вѣдь только оставшееся за духовнымъ начальствомъ право утвержденія въ должности церковныхъ старостъ устранило этотъ послѣдній скандалъ“.

III. Возможность и польза отмены общиннаго владѣнія и пользованія землей.—Пролетаріатъ.

Всѣ представленныя здѣсь замѣчанія доводятъ насъ до заключенія, что переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ частному будетъ, безъ сомнѣнія, шагомъ къ улучшенію сельскаго хозяйства, но еще неудовлетворительнымъ, пока размѣры частной собственности не будутъ значительно увеличены.

Законодательство должно не только облегчать переходъ отъ общиннаго къ частному землевладѣнію, но также доставлять всѣ возможные средства къ образованію поземельныхъ собственности въ размѣрахъ, достаточныхъ для составленія полного самостоятельнаго хозяйства. Хуторъ съ постройками для хозяина, его семьи, его рабочихъ людей и рабочего скота долженъ быть окруженъ достаточной пропорціей пахатной и луговой земли, съ натуральнымъ или искусственнымъ водопоемъ.

Такой результатъ можетъ быть достигнутъ двумя средствами:

соединеніемъ многихъ крестьянскихъ надѣловъ въ одинъ и отдачей большихъ участковъ земли въ аренду, о чемъ мы скажемъ подробнѣе ниже.

Сгруппированіе малыхъ поземельныхъ крестьянскихъ участковъ въ средніе и крупныя участки, примѣрно отъ 100 до 600 и болѣе десятинъ, принесетъ слѣдующіе полезные результаты:

1) Плодородность почвы сохранится чрезъ уменьшеніе пространства подъ посѣвами хлѣба и увеличеніе пространства подъ лугами.

2) Пахатныя земли будутъ уваживаться обильнѣе вслѣдствіе уменьшенія ихъ пространства и чрезъ усиленіе скотоводства. Ржаная культура уменьшится и будетъ замѣнена, хотя отчасти, болѣе выгодной — пшеничной.

3) Разведеніе повсемѣстно рогатаго скота, кромѣ пользы земледѣлю толовой полей и навозомъ, сообразитъ прогонъ скота изъ дальнихъ мѣстъ и уменьшитъ опасность свотскихъ надеждъ.

4) Появленіе въ общественномъ строѣ молодыхъ работниковъ, отказавшихся отъ поземельнаго надѣла, холостыхъ и не имѣющихъ другихъ средствъ въ прокормленію, кромѣ труда, оживитъ не только мануфактуру и торговлю, но даже и земледѣльческую промышленность. Холостой работникъ найдетъ себѣ дѣло и по хуторамъ, и въ городахъ. Вольный трудъ подешевѣетъ для хозяина и будетъ въ то же время прибыльнѣе для работника, незабоченнаго семействомъ.

5) Населеніе уѣздныхъ городовъ увеличится отъ наплыва работниковъ, число потребителей пшеницы сдѣлается больше и мѣстная пѣна всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ подвинется.

Наконецъ, 6) Необходимость раннихъ браковъ, столь пагубныхъ своими послѣдствіями, устранился для крестьянъ недомохозяевъ, уступившихъ добровольно свои права на крестьянскій надѣлъ и вышедшихъ изъ общины. Приобрѣтется болѣе престога для земледѣлія и народонаселеніе будетъ увеличиваться соразмѣрно съ средствами продовольствія.

Нѣкоторый матеріальный переломъ неизбѣженъ при предполагаемой перемѣнѣ въ порядкѣ пользованія землею. Но, въ виду такихъ переломовъ и въ облегченіе для тѣхъ людей, которые могли бы отъ нихъ пострадать, можно и даже необходимо будетъ назначать болѣе или менѣе длинныя сроки для приведенія въ дѣйствіе новаго порядка. Мы видимъ многіе подобные примѣры разсрочекъ въ законоположеніи 1861 года. Точно также требовался бы продолжительный срокъ для перехода крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую и изъ земледѣльческаго состоянія въ ремесленное или торговое.

Но переходъ отъ большихъ деревень въ хутора произошелъ бы далеко не повсемѣстно. Въ фабричныхъ и торговыхъ мѣстностяхъ,

отдаленныхъ отъ большихъ городовъ, крестьяне останутся снокойными жителями деревень. Во многихъ мѣстахъ деревни останутся въ настоящемъ своемъ видѣ и будутъ заняты ремесленными или фабричными людьми и семействами земледѣльцевъ, живущихъ по хуторамъ. Въ нѣкоторыхъ, особенно благопріятныхъ, случаяхъ деревни возрастутъ до степени мѣстечекъ и городовъ, при другихъ же обстоятельствахъ нѣкоторыя деревни уменьшатся, а инныя вовсе исчезнутъ.

Такова будетъ непремѣнно участь многихъ деревень даже при дѣйстви обязательномъ выкупа крестьянскаго надѣла. Крестьяне оставятъ выкупленную ими же землю и перейдутъ на болѣе выгодную мѣстность.

Нельзя находить противнымъ справедливости непринужденное и естественное превращеніе мелкихъ собственности въ болѣе крупныя чрезъ продажу и куплю, потому что праву собственности должно принадлежать и право ея отчужденія, и нельзя признать также такой порядокъ вреднымъ на практикѣ. Невозможность вести рациональное хозяйство на поляхъ ничтожнаго размѣра очевидна. Противъ этого не предвидится дѣльных возраженій ни съ юридической, ни съ экономической точки зрѣнія.

Не менѣе того существуетъ весьма сильное предубѣжденіе противъ размноженія въ обществѣ людей, не имѣющихъ поземельной собственности, слѣдовательно и противъ образованія въ сельскомъ быту среднихъ и крупныхъ собственности, потому что онѣ должны составляться чрезъ обезземеленіе большинства. Свобода труда кажется, по мнѣнію нѣкоторыхъ людей, ничтожнымъ благомъ въ сравненіи съ поземельною собственностью, промышленное населеніе считается менѣе заинтересованнымъ въ благоустройствѣ страны и болѣе склоннымъ къ мятежу, чѣмъ сельское. (Но увѣрены ли мы въ вѣчномъ спокойствіи сельскаго населенія, бѣднаго и въ будущемъ еще бѣднѣйшаго?). вмѣстѣ съ тѣмъ, социальныя теоріи о равенствѣ состояній мирятъ филантроповъ даже съ обязательной собственностью, хотя бы самой неопредѣленной и фиктивной, какъ съ первымъ шагомъ къ возжеланному всеобщему равенству имуществъ.

Но тщетно противопоставлять какіе-либо аргументы, возраженія, состоящимъ въ одномъ словѣ, особенно если оно возбуждаетъ страхъ. Таково слово *пролетаріатъ*, и потому мы считаемъ неизлишнимъ по вопросу о пользѣ безземельныхъ работниковъ подвергнуть на размышленіе читателя слѣдующія мысли о пролетаріатѣ.

Пролетаріями въ Римѣ назывались тѣ безденежные люди, которые не входили ни въ одинъ изъ классовъ римской республики, такъ какъ не могли обогащать ее ничѣмъ, кромѣ размноженія дѣтей

(proles). Пролетаріатъ можно опредѣлить состояніемъ зависимости. Онъ кажется нераздѣльнымъ съ природою человѣка, обреченнаго ѣсть хлѣбъ свой въ потѣ лица. Состояніе зависимости является при рожденіи человѣка, возобновляется при его старости и напоминаетъ о себѣ при его болѣзняхъ. Нѣтъ такого государства, въ которомъ бы не было людей непронизводительныхъ, или производящихъ подъ вліяніемъ нужды. Въ бѣдныхъ государствахъ пролетаріатъ менѣе возмущаетъ чувства, потому что многіе стоятъ близко къ уровню недостаточныхъ людей, и, напротивъ, сильнѣе поражаетъ взоръ и возбуждаетъ жалость тамъ, гдѣ контрастъ между богатыми и бѣдными болѣе рѣзокъ.

Даже въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы пролетаріатъ не существовалъ, и потому онъ кажется дѣйствительно нераздѣльнымъ съ общественною жизнью, по крайней мѣрѣ при всѣхъ испытанныхъ доселѣ формахъ ея. Можно даже предвидѣть, что пролетаріатъ усилится съ прекращеніемъ эмиграціи изъ населенныхъ въ ненаселенные края, потому что послѣднихъ болѣе не останется, когда Америка и Австрія будутъ вмѣщать полное число людей, которыхъ они могутъ прокормить.

Нѣтъ пока средствъ остановить развитіе пролетаріата, но можно направлять его, облегчая и уравнивая теченіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обращая его въ производительную силу.

Капиталъ и трудъ найдутъ общую пользу въ сближеніи; они, можетъ быть, когда-нибудь сольются въ одну нераздѣльную силу, и работникъ, вмѣсто поденной платы отъ фабриканта, будетъ участвовать въ барышахъ фабрики. Работа, исполненная или обѣщанная по контракту, можетъ давать право на вступленіе въ ассоціацію или компанію съ хозяиномъ. Не нужно, чтобы капиталистъ дѣлался работникомъ, хотя ничто не мѣшаетъ ему работать, но желательно, чтобы работникъ сдѣлался капиталистомъ.

И капиталистъ, и работникъ берутъ свое начало въ пролетаріатѣ, котораго никакими насильственными средствами нельзя уничтожить.

Во всякомъ случаѣ, вышеуказанное мнимое общее землевладѣніе не уничтожаетъ, а только маскируетъ пролетаріатъ и подъ фиктивнымъ названіемъ землевладѣльцевъ уравниваетъ въ составѣ общины всѣхъ, какъ полезныхъ, такъ и вредныхъ ея членовъ.

Вышеупомянутое нами разсужденіе указываетъ на разрѣшеніе важнаго вопроса, при какомъ порядкѣ вещей и распредѣленіи собственности болѣе всего обезпечивается благосостояніе отечества: при обязательномъ ли равенствѣ, или при сложившемся отъ вѣка неравенствѣ состояній?

Съ тѣхъ поръ, какъ собственность исторически извѣстна, она

сложилась при двухъ условіяхъ, ей присущихъ, — неравенствѣ и передачѣ ея по наслѣдству. О первомъ свидѣтельствуетъ древность словъ: „богатый и бѣдный“, существующихъ на всѣхъ языкахъ и у всѣхъ народовъ; что же касается наслѣдства, то оно столько же древне и неразрывно связано съ правомъ собственности, иначе, при равномъ распредѣленіи имуществъ, наслѣдство не имѣло бы ни смысла, ни выраженія для себя. Исторія представляетъ, однакожъ, нѣкоторые исключенія изъ общаго правила, насильственно введенныя законодательствомъ, какъ, напримѣръ, въ Спартѣ, гдѣ небольшая военная община долго содержала себя на счетъ труда работавшихъ на нее илотовъ. Но когда впослѣдствіи стали, съ одной стороны, возобновляться возмущенія этихъ невольниковъ, безпощадно усмиряемыя истребленіемъ ихъ рабочей силы и производительности, а съ другой — раскрылась вся нищета Спарты, сравнительно съ цвѣтущимъ положеніемъ прочихъ государствъ Греціи, тогда военная эта община распалась въ самомъ жалкомъ видѣ. Считаемо не лишнимъ привести по этому предмету слѣдующее сужденіе извѣстнаго писателя Сюдра:

„Легкость, съ которою рушились общинныя учрежденія Ликурга въ соприкосновеніи съ цивилизаціей остальной Греціи, основанною на принципѣ собственности, и послѣдовавшія затѣмъ безполезныя усилія возвратиться къ этимъ учрежденіямъ, — представляютъ намъ полезное поученіе. Это доказываетъ, что система общинности, какъ бы ни была сильна ея организація, какъ бы ни была страшна власть, установленная для ея защиты, тѣмъ не менѣе безсильна, чтобъ устоять противъ стремленія къ особенностямъ личной, глубоко укорененной въ сердцѣ человѣка. Ни общее всѣмъ спартіатамъ воспитаніе, ни фанатизмъ самоотверженія, который былъ имъ внушаемо съ самаго юнаго возраста, ни грозная власть эфоровъ не могли удерживать народъ Ликурга въ оковахъ абсолютнаго равенства и коммунизма, которыя онъ сносилъ, пока былъ бѣденъ и невѣжественъ и ту же бѣдность и невѣжество видѣлъ вокругъ себя. Но едва лакедемоняне усмотрѣли вблизи богатства, выработанныя цивилизаціей болѣе развитою, какъ чувство собственности, насильственно въ нихъ подавленное, пробудилось и ниспровергло всѣ препятствія. Но при тѣхъ отвратительныхъ учрежденіяхъ, которыя внушили имъ, болѣе чѣмъ всякому другому народу въ древности, презрѣніе къ труду земледѣльческому, промышленному, торговому и отвращеніе отъ благороднѣйшихъ умственныхъ занятій, пробудившееся въ нихъ чувство собственности и желаніе приобрѣтеній перешли въ алчность грабежа и взяточничества: необузданная продажность опозорила эфоровъ и прочихъ сановниковъ.

„Эти факты доказываютъ ту неопровержимую истину, что изъ всѣхъ побужденій человѣческой дѣятельности самое энергическое, самое могущественное и самое естественное есть чувство собственности личной. Всякая общественная организація, насилующая это чувство, не избѣгнетъ рокового къ нему возврата, и прогрессъ состоитъ въ томъ, чтобы его просвѣтить, сдѣлать нравственнымъ, а не истощаться въ безплодныхъ усиліяхъ къ его подавленію ¹⁾“.

„Въ новѣйшія времена Австрія и Россія также пытались устроить у себя, въ видахъ экономическихъ, военныя общины, содержащіяся обязательнымъ трудомъ; но опытъ не оправдалъ ожиданій, построенныхъ на ложномъ началѣ, и всѣ военныя поселенія пришлось упразднить обоимъ правительствамъ, несмотря на миллионныя затраты, брошенныя на ихъ учрежденіе. Есть еще небольшія общины моравскихъ братьевъ и другія, существующія до сихъ поръ, подъ вліяніемъ фанатизма отдѣльной религіозной секты, но и этотъ дѣятельный значительно ослабѣлъ въ соприкосновеніи съ жизнью, болѣе цивилизованною. По крайней мѣрѣ въ русскихъ колоніяхъ, члены этихъ общинъ стали тяготиться своимъ положеніемъ, и можно предвидѣть, не въ далекомъ будущемъ, переходъ ихъ къ личной собственности.“

„Сверхъ того издавна существуютъ общины монашескія, основанныя на общежитіи, но какъ ассоціаціи индивидуальнаго духовнаго совершенствованія, онѣ исключаютъ семейное начало и потому къ разсужденію нашему не относятся.“

„Упомянувъ объ этихъ исключительныхъ явленіяхъ, подтверждающихъ, что всякое насиліе труда и собственности не увеличиваетъ, а уменьшаетъ народное богатство, обращаемся къ принципамъ чисто экономическимъ.“

„Въ наше время есть много поборниковъ равномѣрнаго раздѣла имуществъ, скопленныхъ отдѣльнымъ личнымъ трудомъ, для распределенія ихъ, какъ между тѣми, которые трудились надъ ихъ пріобрѣтеніемъ, такъ и тѣми, которые не понесли никакого труда и лишений для образованія этихъ имуществъ. Но предположимъ, что состоялся первый такой раздѣлъ, кто же поручится, что люди лѣнивые и расточительные не растратятъ въ самомъ скоромъ времени все, что имъ досталось даромъ, безъ труда? Далѣе потребуетъ новый раздѣлъ на половину бѣднѣе перваго, наконецъ придетъ время, когда всѣ будутъ равно бѣдны и нечего будетъ дѣлить между ними. За этой послѣдней чертой абсурда останется только возвратиться къ дикому

¹⁾ Hist. du communisme, par Sudre, ed. de Paris, 1856, p. 12 et 13.

состоянію, изъ коего извлека людей ихъ цивилизація, вездѣ развиваясь по мѣрѣ увеличенія богатствъ личной собственности.

„Каждый отдѣльный членъ общества можетъ трудиться дѣятельно и усердно только при увѣренности, что весь плодъ его труда останется въ его полномъ распоряженіи; если же коммуна или иное социальное учрежденіе опредѣлитъ, въ видахъ уравниванія состояній, что произведеніе всякаго новаго труда должно быть отправлено въ одну какую-нибудь центральную, всемірную, отечественную, или волостную кассу, тогда исчезнетъ всякая цѣль труда и родится соревнованіе въ обратномъ порядкѣ; прилежный работникъ не станетъ трудиться болѣе лѣниваго, а центральная касса, расходуя на содержаніе коммуны болѣе, чѣмъ получается прибыли отъ добытыхъ общинными трудомъ произведеній, окажется подъ конецъ несостоятельною. Что же далѣе? Тотъ же самый абсурдъ раздѣла чужого труда, какъ и раздѣла чужой собственности. Послѣ напрасной и безразсудной борьбы съ природою вещей, послѣ безчисленныхъ потерь въ богатствѣ частномъ и народномъ, тѣмъ не менѣе придется возвратиться къ естественнымъ побужденіямъ человѣческой дѣятельности, основаннымъ на принципахъ *свободы собственности и свободы труда*.

„Всѣ политическія и экономическія соображенія объ устройствѣ народнаго благосостоянія сходятся въ этотъ окончательномъ выводѣ, добытомъ опытами человѣчества и положеніями науки“.

IV. Размноженіе землевладѣльцевъ и препятствія къ устройству фермъ. — Объединеніе землевладѣльцевъ вслѣдствіе раздѣла недвижимыхъ имѣній.

Мы обсуждали до сихъ поръ вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства со стороны земледѣльцевъ; намъ остается рассмотреть его со стороны землевладѣльцевъ, бросить взглядъ на главныя черты положенія, въ которомъ крупныя и среднія собственности находятся въ Россіи, и опредѣлить дѣйствіе этого положенія на нашу земледѣльческую промышленность.

Вездѣ, а въ Россіи особенно, землевладѣльцу трудно, да и невозможно быть земледѣльцемъ и, наоборотъ, земледѣльцу дорого обходится его землевладѣніе. Никто, конечно, не сомнѣвается въ вѣрности того основнаго экономическаго закона, въ силу котораго процентъ роста на помѣщаемый капиталъ долженъ быть тѣмъ выше, чѣмъ болѣе риску сопряжено съ помѣщеніемъ, и наоборотъ, чѣмъ менѣе риску или чѣмъ вѣрнѣе помѣщается капиталъ, тѣмъ меньшіе проценты роста онъ можетъ приносить владѣльцу; ясно также, что довольствоваться хотя вѣрными, но низкими процентами роста можетъ только владѣлецъ крупнаго капитала, и наоборотъ, человекъ

небогатый вынужденъ избирать для помѣщенія своего небольшого капитала болѣе выгодное, хотя и болѣе рискованное предпріятіе. Прибавимъ къ этому то соображеніе, что всегда и вездѣ самымъ вѣрнымъ помѣщеніемъ капитала, по справедливости, считается землевладѣніе и что, съ другой стороны, земледѣліе, или собственно сельское хозяйство, есть самое рискованное предпріятіе, ибо его успѣхъ зависитъ не только отъ тѣхъ условій, которыя необходимы во всякомъ промышленномъ предпріятіи, какъ, на примѣръ, большее или меньшее умѣнье, стараніе и опытность хозяина, но и отъ различныхъ климатическихъ и атмосферныхъ явленій, какъ, на примѣръ, градъ, изліиство или недостатокъ дождя, несвоевременные морозы и проч., которыхъ не только устранить, но даже предвидѣть нѣтъ возможности.

При вѣрности этихъ положеній, не подлежитъ сомнѣнію, что въ каждомъ государствѣ землевладѣніе должно являться удѣломъ самыхъ богатыхъ людей, и наоборотъ, земледѣліе выпадаетъ на долю бѣднѣйшей части населенія; это существуетъ какъ общее правило вездѣ, но у насъ въ Россіи, вслѣдствіе особыхъ условій, въ которыхъ мы находимся, этотъ экономическій законъ еще менѣе допускаетъ исключеній, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Въ каждомъ государствѣ, вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ оно находится, по размѣрамъ своей территоріи, по густотѣ населенія и проч., вырабатываются самую жизнь свой особый maximum и minimum землевладѣнія; такъ, на примѣръ, въ Бельгіи владѣлецъ 600 десятинъ считается крупнымъ землевладѣльцемъ. И дѣйствительно, тамъ, для приобрѣтенія такой собственности, надо быть богатымъ человѣкомъ; при этомъ, разумѣется, и владѣніе 3-ми десятинами возможно, какъ minimum, ибо доходъ такого пространства земли, когда оно воздѣлывается усовершенствованной огородной или садовой культурой, обезпечиваетъ безбѣдное существованіе цѣлой семьи; но мы въ Россіи находимся въ совершенно другихъ условіяхъ; у насъ не только владѣніе 600 десятинами, но и 3000 десятинами вовсе не есть признакъ богатства, и такъ какъ мы можемъ насчитать у себя владѣльцевъ въ нѣсколько десятковъ и сотенъ тысячъ десятинъ,—что немислимо, на примѣръ, въ Бельгіи,—то и minimum нашего землевладѣнія долженъ быть высокъ, такъ что владѣльца 600 десятинъ мы считаемъ малымъ собственникомъ, а владѣніе въ 3 десятины (хотя бы засѣваемыхъ пшеницей) не обезпечиваетъ у насъ безбѣднаго существованія семьи и уплаты всѣхъ налоговъ, и тотъ, кто на свой капиталъ можетъ приобрѣсти только 3 десятины, предпочтетъ всякое другое помѣщеніе своего капитала, какъ болѣе выгодное.

Сельское хозяйство, какъ всякое другое промышленное дѣло, и даже еще въ гораздо большей степени, требуетъ постоянного и неотступнаго наблюденія хозяина. Богатый купецъ, если онъ только увѣренъ въ честности своего приказчика, можетъ, безъ ущерба своему дѣлу, отлучиться отъ своей лавки; фабрикантъ можетъ сдѣлать распоряженіе о томъ, что каждый изъ его рабочихъ и мастеровъ на фабрикѣ долженъ сработать не только сегодня или завтра, но и въ теченіи недѣли и болѣе, но сельскій хозяинъ никогда не можетъ окончательно распорядиться своими рабочими средствами даже на одинъ день; какъ бы хорошо и подробно онъ ни обдумать планъ работъ на завтра — появленіе одной тучи на небѣ, которой предвидѣть онъ не могъ, вынуждаетъ его нерѣдко совершенно покинуть уже начатое дѣло и немедленно и совершенно иначе распорядиться своими рабочими средствами. Поэтому возможно съ успѣхомъ и безъ упущеній вести торговлю въ нѣсколькихъ лавкахъ и въ разныхъ городахъ, возможно, хотя съ большими затрудненіями, имѣть и нѣсколько фабрикъ, но рѣшительно невозможно вести съ успѣхомъ дѣло сельскаго хозяйства внѣ извѣстныхъ предѣловъ пространства и времени, которые почти одинаковы вездѣ. Такъ, напримѣръ, если въ Бельгій дѣятельный хозяинъ можетъ самъ, распоряжаясь и присматривая за всѣми работами, поспѣть вездѣ на пространствѣ 600 десятинъ въ теченіи 10-ти или 12-ти рабочихъ часовъ въ день, то и въ Россіи въ то же время онъ долженъ бы, при равно тщательной обработкѣ, ограничиться тѣмъ же пространствомъ; а изъ этого слѣдуетъ, что ежели въ Бельгій въ одномъ лицѣ можно себѣ представить и крупнаго 600-десятиннаго землевладѣльца и сельскаго хозяина, то въ Россіи занятіе сельскимъ хозяйствомъ доступно только мелкому, то-есть тоже 600-десятинному владѣльцу.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что нормальное положеніе и правильное развитіе сельско-хозяйственной промышленности возможно вездѣ и особенно у насъ только тогда, когда установится фермерское или хуторское хозяйство; при этомъ землевладѣніе остается на долю самыхъ крупныхъ капиталистовъ въ государствѣ, которые ищутъ не столько выгоднаго, сколько вѣрнаго помѣщенія своего капитала; они не желаютъ и не могутъ употреблять большую часть своего времени на заботы о своихъ имущественныхъ дѣлахъ; ихъ призваніе въ государствѣ совершенно другое, ихъ досуги должны быть посвящены занятію общественными дѣлами, а потому для нихъ всего удобнѣе и выгоднѣе крупная поземельная собственность, приносящая, посредствомъ долгосрочной аренды, хотя не высокій, но вѣрный доходъ; сельское хозяйство дѣлается занятіемъ тѣхъ, которые, имѣя нужныя свѣдѣнія, имѣютъ также и небольшой капиталъ,

изъ котораго они могутъ извлечь наибольшія выгоды, употребивъ его на эксплуатацію чужой земли, пользованіе которой обезпечено за ними долгосрочной арендой; наконецъ, тотъ, кто, не имѣя никакого капитала, получаетъ средства къ существованію изъ своей физической рабочей силы, долженъ быть не землевладѣльцемъ, и даже не сельскимъ хозяиномъ,—ибо и то, и другое требуетъ затраты капитала, котораго у него нѣтъ,—а рабочимъ на чужой землѣ и въ чужомъ хозяйствѣ. Обстоятельства, при которыхъ имущественныя отношенія сложились въ Россіи, воспрепятствовали образованію фермъ столько же, сколько система крестьянскаго пользованія землей, уже описанная нами въ первой части настоящаго разсужденія.

Имѣнія жаловались великимъ князьямъ боярамъ съ обязанностью поставлять извѣстное число вооруженныхъ людей для военныхъ потребностей.

По прекращеніи обязанности содержать и поставлять дружины, за помѣщикомъ осталась обязанность прокормить рабочихъ крестьянъ, поселенныхъ въ помѣстьѣ, и предоставлена ему власть извлекать свои собственные доходы изъ земли и съ крестьянскаго труда.

Помѣщики, облеченные властью крѣпостного права, были слѣпыми и безответственными орудіями внутренняго управленія, представителями безъ апелляціи правосудія въ подчиненныхъ имъ народныхъ массахъ и исполнителями верховной воли. Власть, имъ дарованная, была необходима для верховной власти: она облегчала дѣло правленія и замѣняла правительство во всѣхъ дѣлахъ, относящихся до крестьянъ. Подробности крестьянскаго быта не могли доходить до центральнаго правленія и были предоставлены пощенію и произволу помѣщиковъ.

Явно, что при власти почти неограниченной и, во всякомъ случаѣ, опредѣленной весьма слабо, благосостояніе крестьянъ должно было подвергаться большимъ колебаніямъ, вслѣдствіе востанной зависимости отъ помѣщика, часто отсутствующаго.

При самомъ благонамѣренномъ помѣщикѣ могли быть сдѣланы, по его неопытности и незнанію, самыя пагубныя и несвоевременныя распоряженія, которыя должны были исполняться беспрекословно.

Трудъ помѣщика былъ очень многосложенъ; ему предстояло не только наблюдать за хозяйствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ управлять очень значительными массами людей.

Самымъ простымъ средствомъ къ упрощенію какъ управленія, такъ и хозяйства, оказалась предоставленіе пользованія всею землею крестьянамъ за денежный оброкъ. Но, хотя оброкъ и можно назвать рентою за землю, но оброчное хозяйство не есть одно и то же, что фермерское. Ферма должна состоять изъ хозяйственнаго заведенія

и опредѣленнаго примыкающаго къ ней количества земли, пахатной и луговой. Разбросанные же и неотгороженные отъ чужого владѣнія 10 или 15 участковъ не подходятъ подъ условія фермы.

Помѣщики, желавшіе извлечь возможно большую пользу изъ своихъ имѣній, брали въ свое собственное распоряженіе часть земли и заводили господскую запашку; хозяйственныя распоряженія происходили иногда подъ собственнымъ надзоромъ помѣщика, но весьма часто дѣлались издали посредствомъ громадной и утомительной переписки.

При равнодушіи крестьянъ къ улучшенію земли, которая могла быть отъ нихъ отнята помѣщикомъ во всякое время, при угрожающей всегда необходимости раздѣла земли между крестьянами, плодородныя ея качества не сберегались. Такъ было въ оброчныхъ имѣніяхъ и точно также въ имѣніяхъ на господскомъ хлѣбопашествѣ.

Постепенное размноженіе сельскаго населенія и истощеніе плодородности почвы побуждали помѣщиковъ переселять крестьянъ въ отдаленныя, еще незатронутыя плугомъ мѣстности имперіи. Эта мѣра, сама по себѣ благоразумная, приводилась иногда въ исполненіе весьма круто и причиняла смертность, которая вредила не рѣдко доброму имени помѣщика и тяжело ложилась на его совѣсть, такъ какъ воля крестьянъ не участвовала въ этомъ дѣлѣ.

Можетъ быть размноженіе землевладѣльцевъ произошло еще быстрѣе въ Россіи, чѣмъ размноженіе земледѣльцевъ. Права первородства въ наслѣдованіи имѣній у насъ никогда не существовало; имѣнія дѣлились между сыновьями поровну и вмѣсто одного владѣльца являлось вдругъ пять или шесть.

Крупныя имѣнія быстро распались на среднія, а сіи послѣднія на самыя мелкія, и обѣдненіе помѣщиковъ должно было отразиться усиленнымъ требованіемъ труда отъ крестьянъ и плодовъ отъ земли. Обѣдненіе помѣщиковъ дѣйствовало одновременно съ размноженіемъ земледѣльческаго населенія на истощеніе почвы. Имущества средней величины, которыя по статистическимъ даннымъ состоятъ изъ 673 десятинъ ¹⁾, и даже имущества втрое большія не благопріятны для образованія фермъ по двумъ причинамъ: 1) по бѣдности землевладѣльцевъ, которые не въ состояніи жертвовать тѣмъ барышомъ, который могъ бы вознаградить фермера за его труды и должны сами извлекать всю возможную пользу изъ земли, и 2) по причинѣ разбросанности оставшихся въ ихъ собственности участковъ въ 100, 50 и даже 15 десятинъ. Владѣльцы десятковъ тысячъ десятинъ

¹⁾ Эта цифра взята изъ официальныхъ отчетовъ по выкупной операціи съ 1862 г. по 1-е ноября 1869 года.

также не заводятъ у себя фермъ для отдачи по долгосрочнымъ контрактамъ, вслѣдствіе отсутствія полезнѣйшаго класса фермеровъ, т.-е. земледѣльцевъ-капиталистовъ, и по затрудненію, уже выше указанному, въ пріисканіи фермерами годныхъ и несемейныхъ работниковъ. Эти обстоятельства вынуждаютъ крупныхъ землевладѣльцевъ обрабатывать свои земли посредствомъ вольнонаемнаго труда, довѣрять эту операцію управляющимъ и дѣлать упущенія, неизбѣжныя въ хозяйствѣ, производимомъ по корреспонденціи, или они отдаютъ свои поля подъ посѣвъ сельскимъ общинамъ за денежную плату или изъ-полу.

Краткость лѣта, отдаленность отъ общества, страхъ слишкомъ уединенной жизни, — всѣ эти причины отвлекали крупныхъ помѣщиковъ отъ сельской и привлекали ихъ въ городскую жизнь, къ обогащенію столицъ, но ко вреду для земледѣлія. Отсутствію всякаго политическаго представительства помѣщика, противопоставлялась возможность возвышаться и пріобрѣтать вѣсь посредствомъ государственной службы.

Мѣстное дворянство должно было все болѣе и болѣе падать не только въ средствахъ жизни, но и въ общественномъ мѣнѣи, и самый почтенный отецъ семейства, недостигшій посредственнаго чина, бывалъ осмѣянъ какъ недоросль и оставался беззащитнымъ отъ притѣсненій полицейскихъ чиновниковъ.

Иностранные посланники доносили изъ Петербурга своимъ правительствомъ, что чертоги вельможъ превращаются въ царскіе дворцы или воспитательныя учебныя заведенія. Картины и статуи, невозпроизводимыя оригинальные памятники древняго искусства уходятъ изъ дворцовъ, передѣланныхъ въ казенные корпуса, и помѣщаются въ музеяхъ или перемѣщаются за границу въ иностранныя публичныя и частныя галлерей. Въ то же время русскіе, живущіе внутри государства, бываютъ свидѣтелями постепеннаго исчезновенія господскихъ усадебъ.

Размноженіе въ Россіи землевладѣльцевъ подѣйствовало не только на полевое, но и на лѣсное наше хозяйство. Съ раздробленіемъ имѣній, помѣщики были вынуждены обращать свои лѣса въ деньги, и обрекали такимъ образомъ два поколѣнія своего потомства выжидать отъ 60 до 80 лѣтъ возрожденія лѣса на срубленномъ мѣстѣ и дѣлать новыя порубки для добыванія средствъ къ жизни. Такимъ образомъ не одни доходы извлекались изъ имѣнія, но и капитальная его стоимость.

Чѣмъ гуще населеніе и чѣмъ сильнѣе чувствуется потребность въ строительномъ и дровяномъ матеріалѣ, тѣмъ менѣе его находится на мѣстѣ и тѣмъ дороже становится покупная его цѣна. Онъ де-

шевѣ лишь тамъ, гдѣ никому не нуженъ. Покупная цѣна однокачественнаго лѣса въ Россіи бываетъ въ иныхъ мѣстахъ 500 рублей, въ другихъ 50 копѣекъ за десятину. Она доходитъ до первой цѣнности въ нѣкоторыхъ московскихъ и харьковскихъ уѣздахъ, и встрѣчается въ послѣдней цифрѣ въ разныхъ мѣстностяхъ не только сѣверныхъ (какъ-то въ Архангельской и Вологодской), но и въ приволжскихъ, какъ, напр., въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи и въ Балахнинскомъ Нижегородской. Тамъ можно вымѣнять женевскіе золотые часы безъ боя на 100 десятинъ строевого лѣса. Размѣры лѣсныхъ порубокъ все болѣе и болѣе возрастаютъ, по мѣрѣ размноженія желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ и вслѣдствіе повторяющихся въ деревняхъ пожаровъ.

Если бы наши имѣнія не дробились до безконечности, наши лѣсные владѣльцы могли бы удержаться отъ продажи, руководствуясь указаніями самой простой бухгалтеріи для сбереженія собственности своихъ дѣтей. Если бы крестьяне не были прикрѣплены къ опредѣленной мѣстности, фабричный народъ переселялся бы въ Олонецкую, Вятскую и другія лѣсныя губерніи и употреблялъ бы на мѣстѣ лѣсѣ, который дальняя перевозка доводитъ до невозможной цѣны.

Изъ денегъ, платимыхъ нынѣ потребителями за лѣсной матеріалъ, ничтожная часть поступаетъ въ уплату за самый лѣсѣ; $\frac{3}{4}$, а иногда и большая пропорція уходитъ на рубку, пилку и провозъ до мѣста доставленія ¹⁾.

Гладстонъ сказалъ въ англійской нижней палатѣ, что Великобританія должна теперь усиливать старанія уплачивать свой національный долгъ, потому что черезъ 200 лѣтъ ея каменноугольные копи начнутъ истощаться, она потеряетъ тогда теперешнее преимущество въ мануфактурномъ отношеніи и сойдетъ на уровень государствъ, не имѣющихъ этого дорогого топлива. Но что будетъ черезъ 200 лѣтъ съ Россією, или хотя бы съ густо населенными ея мѣстностями,—

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ продано было рижскому лѣсопромышленнику около 20 ососновныхъ деревьевъ, самыхъ крупныхъ и высокихъ изъ прибрежнаго къ Волгѣ лѣса, Самарской губ., цѣною по 6 руб. дерево. Каждое дерево обошлось купцу съ сплавомъ, и съ провозомъ до Риги, въ нѣсколько сотъ рублей, но заплачено съ доставкой въ англійскій портъ по 65 фунтовъ стерлинговъ.

Хотя лѣсѣ въ Самарской губ. доходитъ въ настоящее время до 250 руб. за десятину строевого, 100 руб. дровяного и 10 руб. таловаго, но получается кругомъ за десятину, за вычетомъ расходовъ на сохраненіе лѣсовъ, очень скромная сумма. И она не представляетъ доходъ, но капиталъ, полученный въ замѣнъ уничтоженнаго лѣса. Кажется парадоксомъ, но тѣмъ не менѣе справедливо, что лѣса, безъ которыхъ нельзя будетъ жить въ Россіи, такъ мало приносятъ пользы въ настоящее время своимъ владѣльцамъ, что почти не стоить оберегать ихъ. Хозяева ихъ и не оберегаютъ а продаютъ.

если часть населенія не подвинется къ лѣсамъ и если дѣла вольнаго труда не понизится настолько, чтобы сдѣлать выгодною обработку нашихъ каменноугольныхъ копей?

У. Послѣдствія выкупа крестьянской земли для землевладѣльцевъ и положеніе ихъ въ средѣ сельскаго населенія.

Крестьянское дѣло предложено было, въ 1859-мъ году, обсужденію губернскихъ комитетовъ не подъ названіемъ дѣла о прекращеніи крестьянской зависимости, или объ отиѣнѣ крѣпостного владѣнія, а подъ болѣе обширнымъ наименованіемъ — дѣла объ улучшеніи крестьянскаго состоянія. Въ предварительныхъ совѣщаніяхъ по сему предмету, съ самаго перваго дѣла, съ рѣчью объ освобожденіи крестьянъ возникла и другая рѣчь — о поземельной собственности.

Слово *улучшеніе* влекло за собою совокупное обсужденіе этихъ двухъ вопросовъ, такъ какъ, по мнѣнію многихъ, освобожденіе крестьянъ безъ дарованія имъ поземельной собственности не было бы улучшеніемъ, а напротивъ ухудшеніемъ ихъ быта. Надо было вслѣдствіе такого мнѣнія освобождать крестьянъ съ частью земли, къ которой они были прикрѣплены. Разсуждали, что земля была до тѣхъ поръ смѣшанною собственностью и не принадлежала одному помѣщику, такъ какъ онъ обязанъ былъ кормить крестьянъ, или предоставлять имъ возможность кормиться отъ плодовъ земли, и что крестьяне, получая гражданскія права, должны были пользоваться правомъ поземельной собственности. Припоминали въ подтвержденіе этого взгляда старую поговорку: „мы господскіе, а земля наша“, и заключали, что крестьяне не примутъ и полную свободу за милость, если будутъ притомъ лишены той земли, на которой они до тѣхъ поръ жили и которую обрабатывали изъ рода въ родъ.

Первое затрудненіе встрѣтилось въ вопросѣ: будетъ ли повесенъ одними помѣщиками весь убытокъ отъ пожертвованія части земли, или этотъ убытокъ ляжетъ не на однихъ помѣщиковъ, и какинъ средствомъ можно бы было его уменьшить? Мысль о возможности выкупа земли устранила это первое сомнѣніе. Члены отъ правительства уговаривали комитеты къ уступкѣ достаточнаго количества земли крестьянамъ на собственное прокормленіе и на обезпеченіе уплаты государственныхъ повинностей; а изъ числа членовъ по выбору комитета тѣ, которые признавали необходимымъ для сохраненія помѣщиковъ отъ разоренія, чтобы въ имѣніяхъ, гдѣ земля дурного свойства и неплодородна, часть оной была непременно уступлена крестьянамъ за деньги, находили также таковую уступку выгодною для помѣщиковъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ много необработанной земли, а

рукъ мало. Въ обоихъ случаяхъ прикрѣпленіе крестьянъ, чрезъ выкупную операцію, къ землѣ какъ-бы сглаживало переходъ отъ стараго крѣпостного права къ его отміну и къ независимости крестьянъ. Понуженіе къ уплатѣ оброковъ сошло бы съ плечъ помѣщиковъ и стало бы обязанностью самого правительства.

Усвоенный народнымъ обычаемъ сельскій міръ доставлялъ возможность передавать землю цѣлому обществу, и тѣмъ отстранялась явная невозможность продавать крестьянамъ по-одиночѣ мелкіе участки въ двѣ-три десятины. Такимъ образомъ, общинное владѣніе, а на первое время общинное пользованіе показали удовлетворяющими всѣмъ потребностямъ. Круговая порука членовъ общины являлась естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ общиннаго устройства. Мѣстные русскіе обычаи были продолжены и, сверхъ того, казалось, что оставляется просторъ для новыхъ имущественныхъ отношеній. Даже члены губернскихъ комитетовъ, противники общиннаго управленія по убѣжденію, мирились съ мыслью объ общинѣ, какъ о переходномъ средствѣ, въ надеждѣ, что будетъ дана возможность крестьянамъ выходить постепенно изъ общиннаго владѣнія въ частное, отдѣльное и самостоятельное.

Многіе помѣщики владѣли небольшими имѣніями, были обременены долгами и заботяся о собственныхъ средствахъ жизни, при предстоящей отміну крестьянскихъ обязанностей, надѣялись на вознагражденіе, чрезъ выкупъ, за уступаемыя крестьянамъ земли.

Мнѣніе о надѣлѣ крестьянъ землею, разъ выраженное губернскими комитетами, не могло быть взято назадъ безъ онасеній большихъ неудовольствій и безпорядковъ. Оно и послужило основаніемъ новому положенію о крестьянахъ.

Съ утвержденія этого положенія въ 1861-мъ г., поземельная собственность распределяется въ Россіи приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Городскихъ земель	0,4%
Казенныхъ приблизительно	33,0 >
Удѣльных	1,6 >
Горныхъ и проч.	3,5 >
Казенныхъ крестьянъ	14,7 >
Удѣльных	0,9 >
Бывшихъ крѣпостныхъ	5,0 >
	20,6%
Дворянскихъ	19,7%
Одюдворяескихъ и неразмежев. . .	17,7 >
Колонистскихъ, казацкихъ и проч. .	2,7 >

Итакъ, одна пятая часть удобныхъ къ обработкѣ земель принадлежитъ помѣщикамъ и одна пятая крестьянамъ.

Помѣщичья земля раздѣлена между 100 т. владѣльцами и средняя пропорція земли—673 дес. на землевладѣльца, за исключеніемъ крестьянскаго надѣла.

Земля не выкупленная, но только отданная въ вѣчное пользованіе, не можетъ считаться помѣщичьей землею, такъ какъ помѣщикъ не имѣетъ права, въ случаѣ неплатежа общиною аренды, лишать общину или отдѣльнаго ея члена земли и осѣдлости. При неисправности со стороны всей общины въ платежѣ, нѣкоторое количество земли отнимается отъ общины и отдается въ пользованіе помѣщику на срокъ, соответствующій накопленной недоимкѣ. Но, очевидно, что земля эта не можетъ находиться, при существующемъ положеніи, въ полномъ распоряженіи землевладѣльцевъ.

Крестьянскій надѣлъ поглощаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ все бывшее помѣщичье имѣніе, а когда не все, то остающіяся помѣщику части составляютъ рѣдко одинъ нераздѣльный кусокъ и вообще раздѣлены на мелкіе и отдаленные другъ отъ друга участки, уступаемые многими помѣщиками за дешевую цѣну или даромъ своимъ крестьянамъ или постороннимъ людямъ.

Обязательный выкупъ, съ точки зрѣнія помѣщика, есть обязательная продажа, ибо вѣчное пользованіе землею повлечетъ къ столкновеніямъ съ крестьянами, и помѣщикъ принужденъ будетъ, хотя не закономъ, но обстоятельствами къ продажѣ крестьянскаго надѣла.

Равно при пользованіи и при выкупѣ крестьянской земли многосложныя отношенія между крестьянами и помѣщиками принуждаютъ тѣхъ и другихъ прибѣгать къ посредничеству полицейской и судебной власти, и по этой причинѣ управляющіе имѣніями должны быть не столько агрономами, сколько юристами.

Помѣщики, заложившіе до 1861-го года свои имѣнія, уплатили свои долги взносомъ въ банкъ полученной ими выкупной суммы за землю, и часто забывали, что остающіяся у нихъ деньги составляютъ весь ихъ капиталъ, а не доходъ. Болѣе достаточные помѣщики хранятъ эти бумаги, или продаютъ ихъ по биржевой цѣнѣ (нынѣ по 15% ниже пари), употребляя капиталъ на постройку доходныхъ домовъ, покупку облигацій желѣзныхъ дорогъ и разныхъ коммерческихъ акцій. Нѣкоторые свободные капиталы употребляются на покупку земель, но вообще капиталъ не обращается на тщательную и рациональную обработку земли.

Число крупныхъ землевладѣльцевъ, живущихъ не на подгородныхъ дачахъ или за границей, но посреди обширныхъ своихъ владѣній, очень невелико. И, правду сказать, ихъ положеніе посреди окружающихъ ихъ сельскихъ общинъ вовсе непривлекательно.

Они, во-первыхъ, лишены почти всякой возможности оказывать

своимъ присутствіемъ пользу мѣстному населенію. Болѣе всѣхъ, по крайней мѣрѣ не менѣе прочихъ людей, заинтересованные въ благоустройствѣ обитаемаго ими края, они не могутъ, съ своей стороны, оказывать большого содѣйствія къ достиженію этой цѣли. Они не имѣютъ не только никакой власти, но даже никакого вліянія на мѣстное управленіе. Они не участвуютъ въ выборѣ чиновниковъ земской полиціи, назначаемыхъ правительствомъ, ни въ выборѣ сельскихъ начальниковъ, волостныхъ головъ и деревенскихъ старостъ, выбираемыхъ общинами. Они остаются безсильными зрителями опустошительныхъ пожаровъ и ежедневныхъ беспорядковъ отъ вольной продажи крѣпкихъ напитковъ. Они также не имѣютъ прямого вліянія на народное воспитаніе, которымъ руководствуетъ учитель, выбранный уѣздной земской управой.

Волостная община имѣетъ право удалать, по своему приговору, вредныхъ людей, но боится прибѣгать къ этой мѣрѣ, дабы не навлечь на себя мести со стороны родственниковъ опаснаго чело-вѣка, высланнаго съ мѣста жительства. Волостные головы не смѣютъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, боясь лишиться голосовъ на будущихъ выборахъ и зная, что по роду своей службы они подвержены болѣе другихъ крестьянъ опасности отъ поджоговъ. Невозможно предупредить поджигательство и, по совершеніи его, почти никогда не удастся открыть виновнаго ¹⁾.

На пожарахъ волостной старшина, а въ его отсутствіе староста распоряжается до пріѣзда становаго пристава народомъ и пожарнымъ инструментомъ. Но народъ состоитъ преимущественно изъ женщинъ и дѣтей. Старшина не имѣетъ никакой власти надъ посторонними зрителями, которыхъ всегда довольно много, а изъ мѣстныхъ жителей-мужиковъ каждый стоитъ около своего дома. Замѣтно, что крестьяне должностные, волостные судьи не любятъ и находятъ неприличнымъ влѣзать на пожарную трубу и качать воду изъ бочекъ.

¹⁾ Слѣдующій фактъ походитъ на тысячи повторяющихся ежегодно. Въ 1867 году, въ деревнѣ Шелковой, 2-го стана, Серпуховскаго уѣзда, произошелъ ночью пожаръ въ одномъ запертомъ на ключъ домѣ и полдеревни сгорѣло. Крестьяне, въ то же самое время, нашли спрятанными въ кустахъ, вдалекѣ отъ деревни, сундуки съ принадлежностью хозяина дома, прежде всѣхъ загорѣвшагося. Волостной старшина и множество крестьянъ сообщили это подозрительное обстоятельство становаму приставу, который арестовалъ заподозрѣннаго впредь до слѣдствія. Но на повальномъ обыскѣ, произведенномъ слѣдователемъ, крестьяне отзывались незнаніемъ причины пожара, несмотря на предъявленные ими самими слухи и факты, и затѣмъ, спрошенные о нравственности заподозрѣннаго лица, объявили, что они его ни въ чемъ не обвиняютъ. Слѣдствіе кончилось тѣмъ, что заподозрѣнный въ поджигательствѣ не былъ вовсе привлеченъ къ суду, но освобожденъ изъ-подъ присмотра старосты и снабженъ видомъ на жительства въ уѣздѣ.

Главный недостатокъ оказывается въ лошадяхъ для подвозки воды. Посреди женскаго вопля слышится брань на слабость и нераспорядительность начальства. Въ этой тревогѣ голосъ волостного старшины совершенно заглушается и страшный безпорядокъ прекращается лишь тогда, когда вся деревня, или большая часть ея, выгоритъ. Наблюденіе за пожарною полиціей лежитъ на волостномъ старшинѣ. Онъ имѣетъ право осматривать во всякое время пожарные снаряды и лошадей, которыхъ очередные крестьяне должны въ случаѣ пожара закладывать подъ бочки. Но старшина весьма затрудняется въ пользованіи этимъ правомъ по той причинѣ, что каждый крестьянинъ, состоящій на очереди для поставки лошади, надѣется, что день пройдетъ безъ всякаго несчастія и работаетъ на своей лошади. Старшина знаетъ впередъ, что рѣдко найдется у очередного крестьянина лошадь въ конюшнѣ, а крестьянинъ приметъ неожиданный досмотръ за признакъ личной къ нему вражды со стороны старшины и, при первомъ случаѣ, ему отомститъ. Помѣщикъ не имѣетъ права вмѣшательства ни въ какія распоряженія для предупрежденія или прекращенія пожара.

Изъ свѣдѣній, опубликованныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ о пожарахъ въ Россіи, видно, что среднее число пожаровъ въ однѣхъ деревняхъ, отъ 1860 до 1864 года, было 10,556 въ годъ, годовой убытокъ былъ 20 милліоновъ руб. и сгорало ежегодно 53,166 домовъ.

Большая часть сельскихъ пожаровъ происходитъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ пьяныхъ крестьянъ. Питейные дома совершенно изъяты изъ-подъ власти сельской полиціи, кромѣ наблюденія за временемъ для открытія и закрытія питейной продажи. Слѣдуетъ, что краденныя вещи принимаются въ уплату за проданное вино, но права обыска питейныхъ домовъ сельская полиція не имѣетъ, а помѣщикъ, не участвующій въ сельской полиціи, еще менѣе можетъ располагать этимъ правомъ, какъ бы основательны ни были слухи объ укрывательствѣ вещей или о другихъ злоупотребленіяхъ.

Въ настоящее время усиленно возбуждаютъ крестьянъ къ обученію своихъ дѣтей. Община изъ своихъ средствъ содѣйствуетъ къ содержанію мѣстной школы. Поэтому и направленіе обученія, и утвержденіе программы преподаванія не зависятъ отъ помѣщика, хотя бы онъ былъ основателемъ училища при крѣпостномъ правѣ: оно не зависитъ и отъ общества, а зависитъ отъ земства. Нѣтъ утвержденной для всей имперіи программы элементарнаго преподаванія и характеръ его зависитъ отъ направленія, которое ему дано мѣстнымъ земскимъ учрежденіемъ.

Народныя училища находятся подъ наблюдениемъ и контролемъ духовнаго и гражданскаго начальства. Въ губернскихъ училищныхъ совѣтахъ засѣдаютъ членъ отъ епархіальнаго начальства и смотритель училищъ отъ учебнаго округа. Первый наблюдаетъ за преподаваніемъ закона Божія, а второй — за преподаваніемъ прочихъ предметовъ, но и тотъ, и другой могутъ только временно, а иногда и не самолично, а чрезъ избранныхъ попечителей навѣщать народное училище и не имѣютъ большой возможности содѣйствовать успѣхамъ ученія, преслѣдуя главнымъ образомъ полицейскія, а не педагогическія цѣли.

Въ положеніи о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ, 2-го августа 1864 года, вліяніе помѣщика совершенно обойдено. Попечительства состоятъ изъ священнослужителей и членовъ, избираемыхъ отъ прихожанъ. Приходскій священникъ, церковный староста и волостные старшины — суть непремѣнные члены попечительства. „Предсѣдатель попечительства избирается общимъ собраніемъ прихожанъ, по большинству голосовъ, изъ лицъ, пользующихся общимъ довѣріемъ, не исключая и мѣстнаго приходскаго священника, который есть, во всякомъ случаѣ, непремѣнный членъ попечительства; предсѣдателю попечительства присвоивается званіе попечителя прихода.“ На попечительство возлагается обязанность заботиться объ изысканіи средствъ для заведенія въ приходахъ школъ, больницъ и богадѣленъ и вообще завѣдываніе мѣрами призрѣнія.

Не запрещено выбирать и помѣщика въ предсѣдатели попечительства, но онъ не состоитъ непремѣннымъ членомъ онаго и о немъ совершенно не упомянуто въ указѣ 2-го августа 1864 года.

Намъ извѣстенъ случай съ однимъ помѣщикомъ, принимавшимъ всегда большое участіе въ содержаніи и украшеніи церкви. Онъ былъ избранъ предсѣдателемъ приходскаго попечительства, но, возвратясь черезъ годъ въ имѣніе и потребовавъ для просмотра церковныя книги, узналъ, что онъ уже болѣе не попечитель, и что на его мѣсто выбранъ другой.

Земскія учрежденія суть бесспорно признакъ свободы и общественнаго развитія, и чѣмъ болѣе они облегчаютъ дѣятельность центральной администраціи, тѣмъ болѣе обезпечено благоустройство общества. Но организація сельской общины предшествовала нашимъ земскимъ учрежденіямъ, которыя удеглись, такъ-сказать, на подпочвѣ сельскаго самоуправленія. Обсужденіе всѣхъ мѣстныхъ пользъ и нуждъ ввѣрено уѣздному собранію, въ которомъ вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ; а такъ какъ размѣръ земли, дающій право на избраніе гласнымъ въ уѣздныя земскія собранія, очень умѣренъ (отъ 200—300 десят.), то большинство въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ

состоить изъ недостаточныхъ, а весьма часто изъ безграмотныхъ людей.

Въ виду такого ненормальнаго порядка вещей, которыми значительная часть населенія, именно болѣе богатая матеріально и умственно, въ каждой мѣстности осуждена на положеніе иностранцевъ, не принимающихъ участія въ общей жизни своего края, и въ виду сознаваемого теперь всѣми ухудшенія нашего сельскаго хозяйства, правительство, конечно, озабочено составленіемъ опредѣленной программы дѣйствій, какъ устроить имущественныя отношенія къ лучшему для будущаго развитія нашего земледѣлія. Но прежде чѣмъ такая программа установится окончательно, мы осмѣливаемся подвергнуть общественному обсужденію слѣдующія частныя соображенія касательно средствъ, которыя отчасти могутъ служить къ удовлетворенію вышеуказанныхъ экономическихъ нуждъ нашего отечества. Главная наша цѣль состоитъ въ сохраненіи отъ раздробленія имѣній средняго размѣра, въ обращеніи мелкихъ собственности въ собственности средней величины и общиннаго владѣнія въ личное.

Какая бы ни была польза майоратовъ крупныхъ имѣній въ политическомъ отношеніи, таковыя майораты не составляютъ вовсе необходимаго условія преуспѣянія земледѣльческаго хозяйства. Напротивъ того, средній размѣръ поземельныхъ имуществъ благоприятствуетъ земледѣлію и майораты желательны въ особенности для того, чтобъ спасти *небольшія имѣнія* отъ раздробленія.

1. На основаніи ст. 1,110 т. X. ч. 1. Св. Зак. изданія 1857 г., родовыя имѣнія, а также и благопріобрѣтенныя, если умершій владѣлецъ не учинилъ на случай своей смерти распоряженія завѣщаніемъ, поступаютъ по закону къ наследникамъ, изъ коихъ дѣти мужскаго пола, по выдѣлѣ законной части сестрамъ (по ст. 1,128 того же тома), дѣлятъ наследство между собою по равнымъ частямъ поголовно. Указанный порядокъ наследованія въ недвижимомъ имуществѣ представляетъ существенныя неудобства въ отношеніи не только къ небольшимъ, но даже и къ среднимъ имѣніямъ, полагая послѣднія въ 5 т. дес. земли, такъ какъ, естественно, имѣнія эти со временемъ будутъ доведены до такого крайняго измелечанія, что уже немислимо будетъ устройство въ нихъ сколько-нибудь правильнаго хозяйства.

Для избѣжанія этихъ послѣдствій представляется, въ виду вышеизложенныхъ соображеній, цѣлесообразнымъ измѣненіе означеннаго закона въ томъ смыслѣ, что наследованіе въ недвижимыхъ имуществѣхъ, не свыше 5 т. дес. земли, какъ родовыхъ, такъ и благопріобрѣтенныхъ, если умершіе владѣльцы послѣднихъ не учинили на

случай своей смерти распоряженія завѣщаніемъ, подчиняется порядку, установленному въ 1,199 1,200 и 1,201 ст. того же тома для имѣній заповѣдныхъ, а именно: послѣ смерти владѣльца наследуетъ имѣніе старшій законнорожденный сынъ его, а за смертію сына, по праву представленія, старшій сынъ послѣдняго, и такъ далѣе.

2. Въ существующихъ законоположеніяхъ находится опредѣлительное правило, по которому бывшіе помѣщики, для достиженія хозяйственныхъ цѣлей, имѣютъ право приобрѣтать покупкою, наравнѣ съ лицами другихъ сословій, участки земли, выкупленные крестьянами въ собственность. Право это имѣетъ благотворительное вліяніе какъ для помѣщиковъ недостаточныхъ имѣній, которые такимъ образомъ получаютъ возможность увеличивать свои имѣнія, такъ и для крестьянъ, предоставляя послѣднимъ благопріятный случай сбывать разрозненные участки, негодные къ раціональной обработкѣ. Всякое законоположеніе для облегченія существующаго права будетъ экономически полезно.

3. По ст. 68, п. 2, Положенія о выкупѣ, если приобрѣтеніе крестьянами въ собственность земли ихъ надѣла совершается по требованію одного помѣщика, на основаніи ст. 35, и притомъ крестьяне приобрѣтаютъ весь свой земельный надѣлъ, то помѣщикъ не имѣетъ права требовать отъ нихъ какихъ-либо дополнительныхъ платежей сверхъ причитающейся ему выкупной ссуды, исчисляемой согласно ст. 66. Такое постановленіе весьма естественно вытекало изъ существовавшаго порядка вещей, такъ какъ въ теченіи первыхъ 9-ти лѣтъ съ изданія Положенія 19 февраля 1861 года крестьянамъ не разрѣшалось отказываться отъ надѣла, и потому требованіе помѣщика о выкупѣ являлось для нихъ обязательнымъ; но какъ въ настоящее время ограниченія этого болѣе не существуетъ, то было бы совершенно справедливо предоставленіе бывшимъ помѣщикамъ права на полученіе отъ крестьянъ и при обязательномъ выкупѣ дополнительнаго платежа до размѣра полной капитальной суммы, а при нежеланіи крестьянъ приступить къ выкупу на этихъ условіяхъ,—требовать отъ нихъ возвращенія надѣловъ, съ назначеніемъ имъ для сего 5-ти-лѣтняго срока, въ теченіи котораго они должны быть обязаны приписаться къ какому-либо обществу или сословію.

4. По ст. 135 мѣстн. великор. Пол., участки земли, отбираемые отъ крестьянъ по правиламъ о взысканіи недоимокъ, поступаютъ сначала во временное распоряженіе помѣщика на три года, и только по истеченіи этого срока, если крестьяне не пожелаютъ ихъ взять назадъ или принявъ оныя, вновь лишатся ихъ за недоимку,—поступаютъ окончательно къ помѣщику. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ отрѣзаются отъ крестьянъ земли отдаленныя и, слѣдовательно, мало

удобренныя или совѣмъ неудобренныя, то принявъ въ свое распоряженіе отобранный отъ крестьянъ участокъ и не будучи увѣренъ, что крестьяне не потребуютъ его себѣ по прошествіи 3-хъ лѣтъ, помѣщикъ не рѣшится затрачивать трудъ и капиталъ для улучшенія свойства земли, а безъ этого онъ не будетъ въ состояніи извлечь изъ участка настолько пользы, чтобы по крайней мѣрѣ можно было покрыть недоимку. Поэтому слѣдовало бы предоставить помѣщикамъ право, въ случаѣ накопленія недоимокъ, требовать отрѣзки отъ надѣла крестьянъ участка земли, соотвѣтствующаго своему цѣнности количеству недоимокъ, и передачи онаго въ полное свое распоряженіе.

5. По ст. 165 Полож. о вык., если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внести въ казначейство всю причитающуюся за его надѣлъ выкупную сумму, то общество обязывается выдѣлить такому домохозяину соотвѣтственный участокъ, по возможности, къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества. Такъ какъ домохозяинъ, уплатившій выкупную сумму, освобождается отъ круговой поруки, то можетъ случиться, что общество, не будучи болѣе заинтересовано въ благосостояніи выдѣляющагося крестьянина, выдѣлитъ ему участокъ не вполне удобный. Въ законѣ нѣтъ указанія, что домохозяинъ, признающій неудобнымъ или невозможнымъ принять выдѣленный участокъ, могъ бы требовать вознагражденія деньгами, между тѣмъ, по ст. 36 общ. Пол., обществу предоставляется удовлетворять крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами, если выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ. Въ виду этого было бы желательно предоставленіе такому домохозяину права, въ случаѣ, если онъ останется выдѣломъ недоволенъ, отказаться отъ своего участка и требовать отъ общества возвращенія уплаченной въ казну выкупной суммы.

6. По смыслу ст. 117 мѣстн. Полож. и ст. 166 Пол. о вык., при участковомъ пользованіи или владѣніи, подворные участки по смерти домохозяина поступаютъ къ его наслѣдникамъ, согласно существующимъ мѣстнымъ обычаямъ. Въ предупрежденіе дробленія этихъ участковъ было бы желательно установленіе положительнаго правила, что по смерти домохозяина подворный участокъ, составляя собственность семьи, переходитъ въ распоряженіе одного изъ членовъ оной, который, по существующему обычаю, заступаетъ мѣсто умершаго.

7. По закону, крестьяне имѣютъ право разрѣшать открытіе нитенныхъ заведеній на земляхъ, отведенныхъ имъ въ надѣлъ. Было бы желательно ограниченіе этого права въ томъ смыслѣ, что нитенныя заведенія могутъ быть открываемы не ближе одной версты отъ усадьбы помѣщика. Въ видахъ равноправности помѣщикъ въ свою очередь

также обязывается не дозволить открытія на принадлежащей ему земли питейныхъ заведеній ближе одной версты отъ крестьянскихъ усадебъ. Такимъ образомъ, ограниченіе въ этомъ случаѣ права помѣщика представляетъ для крестьянъ существенныя выгоды, избавляя ихъ отъ конкуренціи въ продажѣ напитковъ.

8. На основаніи ст. 114 М. В. П., при общинномъ пользованіи передѣлы земли между крестьянами производятся по усмотрѣнію общества, которое такимъ образомъ имѣетъ право передѣлать землю каждый годъ. Такой порядокъ не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на хозяйство, такъ какъ весьма естественно не имѣя увѣренности, что отведенные участки останутся у нихъ болѣе или менѣе продолжительное время, крестьяне избѣгаютъ прилагать особый трудъ къ обработкѣ земли. Для устраненія этого необходимо замѣнить общинное пользованіе наследственнымъ, обязавъ сельскія общества, въ теченіи извѣстнаго срока, напр. 3-хъ лѣтъ, разбить мірскую землю разъ навсегда на подворные участки и раздать ихъ домохозяевамъ въ потомственное пользованіе съ возложеніемъ на каждого изъ нихъ отвѣтственности за отбываніе повинности.

То же самое правило слѣдуетъ примѣнить и къ тѣмъ имѣніямъ, гдѣ крестьяне уже выкупили свои надѣлы. По отношенію къ симъ послѣднимъ правило это будетъ еще благотѣльнѣе, потому что оно относится не къ пользованію, а къ владѣнію. Здѣсь представляется вопросъ: исполнима ли предложенная мѣра тамъ, гдѣ выкупные платежи превышаютъ цѣнность земли? Рента уплачивается нынѣ совокупнымъ трудомъ всего общества. Кто будетъ уплачивать ее послѣ передѣла земли между крестьянами?

Ренту будетъ уплачивать каждый членъ общества самъ за себя. Онъ и теперь уплачиваетъ, какъ членъ общества, избытокъ ренты надъ цѣнностью земли. Несправедливость этого платежа уменьшится по крайней мѣрѣ тѣмъ, что трудолюбивый не будетъ платить за лѣниваго. Средство къ устраненію платежа ренты, превышающей цѣнность земли, указано выше подъ № 2-мъ и 3-мъ.

Для устраненія затрудненій, которыя могутъ быть встрѣчены крестьянами при распредѣленіи на участки всего надѣла, было бы полезно предоставить имъ право подвергнуть раздѣлу разъ навсегда только то количество земли, которое они сами считаютъ цѣннымъ, оставивъ прочую часть надѣла въ общинномъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ. Такимъ образомъ трудъ передѣла можетъ уменьшиться на половину, если община найдетъ полезнымъ оставить такое количество въ общинномъ владѣніи. Домохозяева, желающіе оставить общество, имѣютъ право продавать въ постороннія руки только тѣ участки, которые они получили въ личную собственность; право же

свое на участіе въ остальной мѣнѣ удобной или болѣе отдаленной землѣ, находящейся въ общинномъ владѣніи, они передаютъ общинѣ, которая обязана оную принять по оцѣнкѣ заранѣе установленной на этотъ случай мірскимъ приговоромъ.

Такимъ образомъ, невошедшія въ раздѣлъ земли будутъ принадлежать общинѣ; при постепенномъ же уменьшеніи ея членовъ естественно образуется большее количество свободной земли, которую община найдетъ выгоднымъ продавать сосѣднимъ владѣльцамъ или образовывать изъ нихъ подворные крупные участки.

10. По ст. 162. Полож. о вык., до уплаты выкупной ссуды общество можетъ отчуждать приобрѣтенныя имъ земли, подъ которыя выдана ссуда, не иначе, какъ со взносомъ вырученныхъ за проданныя земли денегъ въ счетъ остающагося по выкупной ссудѣ долга. Въ видахъ предоставленія крестьянамъ большей возможности устроить свой бытъ по собственному усмотрѣнію, было бы полезно разрѣшеніе имъ продавать выкупныя земли прежнимъ своимъ помѣщикамъ съ переводомъ всего или части долга по выкупной ссудѣ.

11. Въ виду важнаго значенія луговъ, было бы полезно тамъ, гдѣ луга не составляютъ четвертой части пахатной земли, расположить хозяйствъ, хотя бы искусственнымъ образомъ, въ пользу обращенія въ луга части запашки; средствомъ для сего могло бы быть освобожденіе *обращенной въ луга полевой земли*, съ третьяго года по прекращеніи посѣвовъ, отъ *всѣхъ поземельныхъ налоговъ*. Ту же льготу слѣдовало бы распространить въ тѣхъ же мѣстностяхъ также и на земли, обращенныя подъ разведеніе корнеплодныхъ растений.

12. Съ цѣлью предохраненія малолѣсныхъ губерній отъ совершеннаго истребленія лѣсовъ, было бы весьма полезно, согласно мнѣнію Гакстаузена, поощреніе разными существенными льготами тѣхъ изъ фабрикантовъ, которые будутъ устроить свои заводы въ губерніяхъ лѣсныхъ.

Представляя наши замѣчанія суду общественнаго мнѣнія, мы убѣждены, что всякій вопросъ можетъ быть окончательно выясненъ только посредствомъ свободного и всесторонняго его обсужденія съ разныхъ и даже противоположныхъ точекъ зрѣнія.

Гр. В. Орловъ-Давыдовъ.

30-го апрѣля, 1873 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюня, 1873.

Выборы 11-го мая во Франціи.—Министерскій кризисъ.—Переѣзъ правительства. — Биржевой кризисъ въ Вѣнѣ. — Политическая заносчивость одной русской газеты.

Если выборы 27-го апрѣля во Франціи давали правительству Тьера „предостереженіе“ въ республиканско-радикальномъ смыслѣ, то результаты послѣдующихъ выборовъ, происходившихъ 11-го мая въ нѣсколькихъ департаментахъ, дали тому же правительству „второе предостереженіе“ въ томъ же смыслѣ, и произвели еще большее впечатлѣніе. Изъ пяти дополнительныхъ выборовъ 11-го мая, 3 пали на радикаловъ, 1 на умѣреннаго республиканца и 1 на бонапартиста. Въ числѣ избранныхъ радикаловъ находился Ранъ (Ranc), который игралъ роль при коммунахъ. Избраніе Бародѣ въ Парижѣ и Рана и Гюйо въ Ліонѣ свидѣтельствовало, что два главные центра Франціи желали во что бы то ни стало, и хотя съ очевидной опасностью для Тьера, выразить свою антипатію къ большинству національнаго собранія. Избиратели-республиканцы не могли не сознавать, что вызывая кризисъ, они подвергаютъ опасности существованіе правительства Тьера, но они повидимому были убѣждены, что насталъ моментъ для окончательнаго рѣшенія; они хотѣли принудить Тьера сдѣлать рѣшительный шагъ на лѣвую сторону, рассчитывая, что монархическое большинство, при своихъ внутреннихъ несогласіяхъ, не будетъ имѣть смѣлости опрокинуть самого Тьера, потому что не придется къ соглашенію насчетъ выбора ему преемника. Расчетъ этотъ оказался ошибоченъ въ томъ отношеніи, что монархическое большинство счумѣло придти къ соглашенію для борьбы, хотя само собою разумѣется, что на другой же день послѣ побѣды всѣ разногласія въ его средѣ возникли вновь и эти раздоры могутъ разрушить то, что было достигнуто общими силами.

Выборы 27-го апрѣля и 11-го мая произвели въ правой сторонѣ крайнее раздраженіе и вызвали среди ея извѣстный, неоднократно слышанный во Франціи голосъ о необходимости „спасти общество.“ Что касается непосредственнаго дѣйствія на Тьера, то выборы достигли своей цѣли: онъ понялъ, что моментъ кризиса наступилъ, что при возобновленіи сессіи ему придется выдержать борьбу уже не за министерство, но за личную свою власть. Поэтому онъ озаботился стать твердо по крайней мѣрѣ среди тѣхъ партій, на поддержку которыхъ онъ могъ разсчитывать: для этого надо было преобразовать кабинетъ. Правая сторона сама дала ему поводъ къ этому преобразованію. Г. де-Гуляръ, крайне непопулярный министръ внутреннихъ дѣлъ, прямо объявилъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться въ кабинетѣ вмѣстѣ съ Жюлемъ Симономъ. Симонъ изъявилъ готовность удалиться, а Тьеръ принялъ прошенія ихъ обоихъ для того, чтобы увольненіемъ Гулара и вмѣстѣ оставленіемъ Симона въ кабинетѣ не вывести правую сторону окончательно изъ терпѣнія: Гуларъ онъ привнесъ въ жертву республикѣ, а Симона—правой сторонѣ собранія. Въ „Официальной газетѣ“ 19-го мая явились назначенія новыхъ министровъ: министромъ внутреннихъ дѣлъ вновь былъ назначенъ Казимиръ Перье, министромъ публичныхъ работъ Беранже, а министерство просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ раздѣлено было на два министерства: членъ правой стороны де-Фуртү былъ назначенъ министромъ духовныхъ дѣлъ, а министромъ народнаго просвѣщенія Уаддингтонъ, депутатъ энского департамента, родомъ англичанинъ и протестантъ, археологъ, членъ института, и искренній республиканецъ. Прочіе изъ прежнихъ министровъ остались на своихъ мѣстахъ. Такое измѣненіе сообщило кабинету Тьера значеніе кабинета „лѣваго центра.“ Правая усмотрѣла въ немъ прямой вызовъ себѣ, сдѣланный весьма кстати и отчасти, какъ уже сказано, возбужденный ею самой чрезъ Гулара. Въ частномъ собраніи правой стороны составленъ былъ текстъ запроса правительству въ смыслѣ необходимости поддерживать консервативные принципы въ виду опасности со стороны радикализма. Запросъ этотъ былъ внесенъ въ собраніе съ 160-ю подписями.

По открытіи засѣданій первая побѣда правой стороны сказалась въ избраніи вновь прежлаго президента, бонапартиста Бюффе. Онъ былъ избранъ въ засѣданіи 20-го мая большинствомъ 360 голосовъ противъ 289, данныхъ въ пользу кандидата лѣвой стороны Мартеля. Двое изъ прежнихъ вице-президентовъ собранія, также члены правой стороны, Бенуа-д'Ази и Витѣ были избраны въ томъ же засѣданіи, а Мартель и на вице-президентство сперва не получилъ достаточнаго числа голосовъ. Только на другой день большинство въ

пользу его избранія въ вице-президенты состоялось, а именно 330 голосовъ противъ 323, поданныхъ за кандидата правой стороны де-Ларси. Этотъ успѣхъ, несмотря на его незначительность, подавъ поводъ либеральной печати предполагать, что правой въ концѣ концовъ не совладать съ Тьеромъ. По силѣ временной конституціи, президентъ республики можетъ принимать участіе въ преніяхъ собранія по запросу, если совѣтъ министровъ признаетъ это необходимымъ. Совѣтъ министровъ рѣшилъ, что Тьеръ будетъ лично участвовать въ преніяхъ.

Въ засѣданіи 23-го числа, герцогъ Брольи мотивировалъ запросъ большинства рѣчью, въ которой этотъ бывшій посолъ правительства Тьера въ Лондонѣ выступилъ самымъ безпощаднымъ и несправедливымъ обличителемъ Тьера. Онъ доказывалъ, что правительство, заявляя консервативные принципы на словахъ, своимъ образомъ дѣйствій прямо обезпечиваетъ успѣхъ радикаловъ; что радикализмъ не есть политическая, но противо-общественная партія, а правительство щадить его, входить съ нимъ въ соглашенія и надѣется подѣйствовать на него кротостью. Выходитъ тотъ результатъ, что побѣду одерживаетъ, благодаря образу дѣйствій правительства, не кто иной, какъ сама коммуна: Бародѣ, который признавалъ парижскую коммуну равно законною, какъ и національное собраніе; Рантъ, который былъ членомъ коммуны; Локруа, который оставилъ собраніе и перешелъ къ коммуналь. „Правительство,—сказалъ ораторъ,—подготавливаетъ намъ собраніе, состоящее изъ радикаловъ и мы можемъ предвидѣть возвращеніе въ Парижъ собранія коммуналистовъ, привѣтствуемое прощенными мятежниками 18 марта!“ Рѣчь Брольи съ начала до конца была рядомъ личностей. Послѣ „коммуналистовъ“, онъ призвалъ къ отвѣту и Жюля Симона и сопоставивъ его съ Гуларомъ, спросилъ правительство, какой политики оно намѣрено держаться: политики сопротивленія радикализму, или политики уступокъ ему? „Правительство должно отвѣчать на этотъ вопросъ, сказалъ ораторъ, и отвѣчать не одними словами, которыя наконецъ утомляютъ, но дѣйствіями!“

Герцогу Брольи отвѣчалъ въ томъ же засѣданіи Дюфоръ, министръ юстиціи. Рѣчь его была безстрастна, и по свидѣтельству корреспондентовъ произвела мало впечатлѣнія; но какое же впечатлѣніе можетъ быть произведено на людей, которые не хотятъ ничего и слышать? Такъ до начала рѣчи Дюфора, нѣкоторое число членовъ правой стороны встали и вышли изъ собранія, желая показать, что вслѣдъ оправданія будутъ бесполезны. Дюфоръ говорилъ дѣло, и рѣчь его при чтеніи представляется вполне убѣдительною. Да и можетъ ли быть не убѣдительною рѣчь, которая оправдываетъ Тьера противъ обвиненій въ радикализмѣ или въ сообщничествѣ съ коммуною? Дю-

ФОРЪ напомнилъ, что никто иной какъ именно Тьеръ побѣдилъ коммуну, разогналъ ея приверженцевъ, составилъ законъ противъ „международнаго общества“. Ссылаются на послѣдніе выборы;—но вѣдь эти выборы, въ которыхъ обвиняютъ правительство, состоялись противъ правительства, имѣли характеръ оппозиціонный по отношенію къ нему. Далѣе Дюфоръ осыпалъ похвалами Гуляра, въ угодность большинству. Но въ концѣ рѣчи, онъ хотя въ мягкой формѣ, но рѣшительно заявилъ, что по мнѣнію правительства наступила необходимость „основать консервативную республику“; что выборы 27-го апрѣля и 11-го мая доказываютъ это и что безъ такого рѣшенія правительство будетъ лишено возможности поддерживать порядокъ. Послѣ рѣчи Дюфора прочтено было посланіе, которымъ Тьеръ заявлялъ свое намѣреніе лично объясниться въ собраніи. По силѣ дополнительнаго закона къ конституціи, 13-го марта, по прочтеніи такого посланія засѣданіе должно закрываться и президентъ республики долженъ быть заслушиваемъ на слѣдующій день, если только собраніе не рѣшитъ, что онъ долженъ быть заслушанъ немедленно. Большинство голосовъ, собраніе постановило, что будетъ слушать президента на другой день въ 9 часовъ утра.

Въ засѣданіи 24-го мая, въ половинѣ десятаго, Тьеръ взошелъ на трибуну. Первыми же словами онъ разсѣялъ всякія догадки, будто въ крайнемъ случаѣ онъ готовъ составить себѣ министерство изъ членовъ правой стороны, лишь бы остаться самому во главѣ правленія. „Здѣсь сильно нападали,—такъ началъ онъ,—на политику правительства. Но единственный отвѣтчикъ (le seul responsable) передъ палатой и страной, это—я. Нападенія направлены противъ меня, и я ихъ въ этомъ смыслѣ и принимаю.“ Затѣмъ, Тьеръ излагаетъ положеніе такъ, какъ онъ уже излагалъ его не разъ: напоминаетъ, что не онъ просилъ себѣ власти, что въ странѣ и въ палатѣ существуютъ партіи монархическія и республиканскія, притомъ нѣсколько монархическихъ и нѣсколько республиканскихъ партій, и спрашиваетъ, что же ему оставалось дѣлать посреди ихъ, какъ не быть безпристрастнымъ? „Быть безпристрастнымъ,—сказалъ онъ,—не значить держаться двусмысленной политики (politique à double face)“. Онъ напомнилъ, что никакихъ уступокъ безпорядку, никакой двусмысленности онъ не захотѣлъ въ 1871 году, даже съ той цѣлью, чтобы отвратить кровопролитіе. Исчисливъ то, что сдѣлано правительствомъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ страны, напомнивъ, что изъ 5-ти милліардовъ 4 уже уплачены, а 250 милліоновъ для уплаты 1-го іюня уже готовы, Тьеръ перешелъ къ вопросу о составѣ своего кабинета. „Мы говоримъ вамъ, что мы—консерваторы; вы отвѣчаете: „мы вамъ не вѣримъ“. Позвольте же и намъ, когда вы подозреваете

насъ въ сочувствіи къ людямъ безпорядка, а сами отпираетесь, то вы не монархисты, отвѣчать—мы вамъ не вѣримъ“. Тьеръ доказывалъ далѣе, что монархисты собранія не могутъ установить монархіи, потому что — „престолъ одинъ, а у васъ трое кандидатовъ“. „Практически говоря,—замѣтилъ онъ,—монархія невозможна и сила обстоятельствъ за республику (*la république est dans la force des choses*)“. Послѣ историческаго обзора, въ которомъ онъ коснулся установленія всенароднаго голосованія и реакцій, бывавшихъ во Франціи, Тьеръ заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ личнымъ обращеніемъ: „почтенный герцогъ Брольи говорить, что разсчитывая на поддержку фракцій лѣвой стороны, мы будемъ кліентами (*les protégés*) и должниками (*les obligés*) радикаловъ. Но и онъ, если получить большинство правой стороны, онъ также станетъ кліентомъ и должникомъ такого покровителя, отъ котораго отвернулся бы его отецъ: онъ будетъ кліентомъ имперіи“.

Этими словами Тьеръ прямо попалъ въ самый узелъ заговора, основаннаго на соглашеніи между приверженцами обѣихъ линій Бурбоновъ и бонапартистами. Союзъ этотъ составилъ на условіи, что, въ случаѣ побѣды, орлеанисты не будутъ избирать президентомъ республики герцога Омальскаго и допустить въ кабинетъ новаго состава одного или двухъ бонапартистовъ. На основаніи закона 13-го марта, по выслушаніи посланія президента, засѣданіе должно было закрыться. Слѣдующее засѣданіе назначено было въ тотъ же день въ два часа.

Въ этомъ второмъ засѣданіи 24 числа, легитимистъ Эрнѹ внесъ предложеніе о переходѣ къ очереднымъ занятіямъ слѣдующаго содержанія: „Собраніе, принявъ во вниманіе, что пренія идутъ не о формѣ правленія; что учредительные законы, представленныя въ силу рѣшенія собранія, будутъ разсмотрѣны имъ впослѣдствіи, но что въ настоящій моментъ необходимо успокоить страну, давъ правительству направленіе въ смыслѣ политики рѣшительно-консервативной,—выражаетъ сожалѣніе, что новѣйшія измѣненія въ составѣ министерства не дали консервативнымъ интересамъ того удовлетворенія, какого они были вправѣ ожидать — и затѣмъ переходить къ очереднымъ занятіямъ“. Текстъ этого „перехода“ былъ написанъ самимъ „вице-императоромъ“ Руэ—вотъ до какой степени рыцари большинства подчинились руководству бонапартистовъ. Дюфоръ отъ имени правительства поддерживалъ формулу простаго перехода къ очереднымъ занятіямъ. При подачѣ голосовъ, за формулу Эрнѹ оказалось 360 голосовъ, противъ нея (и за правительство) 344. Тогда на трибуну взошелъ одинъ изъ пламеннѣйшихъ членовъ большинства Бараньонъ и потребовалъ, чтобы правительство объяснилось: остается оно или

нѣтъ. Дюфоръ объяснилъ, что несмотря на принятое собраніемъ рѣшеніе, Франція все-таки имѣетъ президента республики и правительство, пока оно не замѣнено другимъ, и что министры отправятся на совѣщаніе къ президенту, чтобы принять рѣшеніе. Затѣмъ, по предложенію Баранбона, назначено было третье засѣданіе въ тотъ же день, въ восемь часовъ вечера. Въ этомъ засѣданіи собранію сообщены были просьбы объ увольненіи Тьера и его министровъ. По требованію Шангарнье и Брольи, собраніе произнесло свое рѣшеніе и сдѣлало новый выборъ немедленно: отставка Тьера была принята большинствомъ 368 голосовъ противъ 339. Затѣмъ приступлено было къ избранію преемника Тьеру, и президентомъ республики былъ избранъ маршалъ Макъ-Магонъ, большинствомъ 390 голосовъ противъ 1, поданнаго за Гревѣ. Остальная часть собранія воздержалась отъ подачи голосовъ. По закрытіи засѣданія, толпа, окружавшая собраніе, встрѣтила депутатовъ при выходѣ криками „да здравствуетъ Тьеръ!“ Передъ квартирой Тьера въ Версали была произведена такая же демонстрація. Нигдѣ порядокъ нарушенъ не былъ. Въ исходѣ 12-го часа ночи, Бюффе сообщилъ собранію, что маршалъ Макъ-Магонъ принялъ „не безъ сопротивленія“ президентство.

На другой день собранію сообщено было слѣдующее письмо Макъ-Магона: „Господа представители, я повинуюсь волѣ собранія, облеченнаго полновлостию народа, принимая должность президента республики. Тяжела эта отвѣтственность, возлагаемая на мой патріотизмъ, но съ помощью Божіею и при преданности армии, которая всегда будетъ войскомъ закона и опорой всѣхъ порядочныхъ людей, мы будемъ продолжать вмѣстѣ дѣло освобожденія территорій и восстановленія нравственнаго порядка въ странѣ. Внутри страны мы станемъ поддерживать миръ и тѣ принципы, на которыхъ опирается общество. Даю вамъ въ томъ слово, какъ честный человѣкъ и какъ солдатъ“.

Заговоръ, который ниспровергъ Тьера, долженъ былъ повліять на составъ новаго правительства. Надо замѣтить, что сверхъ общей ненависти къ Тьеру, соединившей монархистовъ, въ кризисѣ играло не послѣднюю роль личное честолюбіе одного изъ вождей орлеанистовъ, именно герцога Брольи. Былъ посредникомъ между Тьеромъ и Коммиссіею Тридцати, онъ, говорятъ, надѣялся въ то время стать главою Тьерова кабинета. Союзъ орлеанистовъ съ бонапартистами былъ дѣломъ Руэ съ одной стороны, Брольи съ другой. Бонапартисты ставили первымъ условіемъ, чтобы новымъ президентомъ не былъ избираемъ герцогъ Омальскій. Другой вожь орлеанистовъ, графъ Одиффрѣ (герцогъ Пакъѣ), остался вѣренъ своему принцу. Но Брольи пошелъ на соглашеніе, съ тѣмъ, чтобы самому сдѣлаться главою кабинета. Эта награда ему досталась. Кабинетъ новаго президента

составился такъ: Броли — министр иностранных дѣлъ и вице-президентъ совѣта, Бѣле, министр внутренних дѣлъ, Эрнѹ — юстиціи, Манъ — финансовъ, Батбі — просвѣщенія, де-ла-Буилльри — торговли, Десселиный — публичныхъ работъ, Дампьеръ д'Орнуа — морской, дю-Бюррайль — военный министр. Нѣтъ повода особенно сокрушаться надъ судьбою Франціи по поводу этой перемѣны. Раздоръ между монархистами, органическая неспособность ихъ подчиниться одному изъ трехъ ихъ кандидатовъ — пока лучшее ручательство за неотмѣнимость республики. Что касается какого-нибудь захвата силою, то Макъ-Магонъ и Броли не такіе люди, отъ которыхъ можно ожидать этого. Жаль конечно, что старику Тьеру не дали окончить блестящаго его дѣла — освобожденія территоріи. Но за то при новомъ правительствѣ скорѣе можно ожидать, что собраніе разойдется и что настанетъ наконецъ для Франціи періодъ правильной политической жизни.

Дней чрезъ десять по открытіи выставки, въ Вѣнѣ неожиданно произошелъ серьезный биржевой кризисъ. Съ того времени, какъ австрійское правительство вступило на путь конституціонный, то-есть въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, матеріальное благосостояніе Австріи сдѣлало большіе успѣхи. До того времени Австріи постоянно угрожало банкротство и кредитъ ея находился въ совершенномъ упадкѣ именно вслѣдствіе полного произвола австрійскаго правительства въ дѣлахъ финансовыхъ, какъ и въ другихъ, и злоупотребленія этимъ произволомъ. Князь Меттернихъ любилъ займы, онъ видѣлъ въ нихъ не только деньги, но и средство для вліянія. „Чѣмъ болѣе у Австріи будетъ кредиторовъ, тѣмъ болѣе у нея будетъ друзей, — это изреченіе принадлежитъ Меттерниху. Денежныя злоупотребленія, открытыя въ администраціи, и финансовыя затрудненія, какъ извѣстно, и были въ Австріи непосредственнымъ поводомъ къ призванію въ государственный совѣтъ „партикулярныхъ людей“, къ такъ-называемому „усиленію“ государственнаго совѣта земскими людьми — изъ котораго произошла конституція. Вотъ почему австрійскій сеймъ и доселѣ сохраняетъ названіе государственнаго совѣта — Reichsrath. Ограниченіе произвола, установленіе бюджета выборнымъ собраніемъ и необходимость давать ему полный отчетъ подѣйствовали такъ благотворительно на финансы Австріи, что несмотря на новую несчастную войну, расходы пришли наконецъ къ равновѣсію съ доходами. Деньги въ Австріи въ обращеніи остались бумажныя, по прежнему, хотя монетная система и измѣнена; серебряная монета имѣется только размѣнная. Но дѣло въ томъ, что національный банкъ не можетъ выпускать неограниченнаго количества бумажныхъ денегъ; по ст. 14 устава банка, бумажный выпускъ его ограниченъ 200

милл. гульденовъ, сверхъ суммы, обеспеченной соответственными металлическимъ и фондовымъ запасомъ. Въмѣстѣ съ улучшеніемъ положенія государственныхъ финансовъ, въ Австріи сильно оживилась за послѣдніе годы промышленность, и естественныя богатства страны, подъ влияніемъ наплыва иностранныхъ капиталовъ и замѣчательнаго развитія туземной частной предпримчивости, получили настоящую свою цѣну. Однимъ словомъ, конституціонная Австрія оказалась несравненно богаче, чѣмъ была Австрія, „дѣлавшая долги для пріобрѣтенія друзей“. Но быстрое возвышеніе общаго благосостоянія почти всегда доводитъ до преувеличеній тотъ изъ своихъ факторовъ, который представляется именно развитіемъ частной предпримчивости. Легкость и значительность барышей, сперва совершенно законныхъ, производительныхъ, дѣйствуетъ заразительно на весь коммерческій міръ, а потомъ и на все общество. Разростается спекуляція, имѣющая уже характеръ игры, а не торговли, и чѣмъ соблазнительнѣе достигаемые отдѣльными лицами успѣхи, тѣмъ вѣрнѣе бываетъ впослѣдствіи приближеніе такого момента, когда оказывается призрачность большинства дѣлъ, несоответствіе массы заключенныхъ обязательствъ и слѣдующихъ по нимъ расчетовъ дѣйствительнымъ нуждамъ производительности и реальному, наличному капиталу.

Такой моментъ наступилъ теперь на вѣнской биржѣ. Нездоровое состояніе вѣнскаго денежнаго рынка чувствовалось уже довольно продолжительное время; не разъ уже бывали на биржѣ „страхи“; но доселѣ они не оправдывались, и самое это обстоятельство побуждало спекуляцію все къ большей рискованности. Биржевыхъ конторъ въ Вѣнѣ накопилось огромное число, и можно сказать, что въ нихъ сосредоточилась, главнымъ образомъ, жизнь не только самой австрійской столицы, но и весьма значительной части провинціального общества. Всякая торговля, всякая профессія стали какъ-бы только источниками для пріобрѣтенія игорныхъ денегъ; фабрикація и торговля стали смотрѣть на свои барыши какъ на нѣчто второстепенное, только дающее деньги для спекуляціи; даже такъ-называемыя „либеральныя профессіи“ стали смотрѣть на биржу какъ на окончательную цѣль своихъ трудовъ. Нѣмецкое общество, трудолюбивое и крайне бережливое въ Австріи, какъ и вездѣ, мало-по-малу стало пріучаться копить деньги только для того, чтобы пустить ихъ въ оборотъ одной изъ биржевыхъ конторъ. Золотое время для спекуляціи недобросовѣстной, какъ извѣстно, тогда именно и наступаетъ, когда матеріаломъ для нея дѣлаются такъ-называемыя „маленькіе капиталы“, то-есть сбереженія людей совершенно посторонняго міру коммерческому. Пока спекуляція можетъ рассчитывать только на средства коммерческихъ капиталистовъ, она хотя можетъ быть

игрою, но должна по крайней мѣрѣ представлять гарантію, требуемую отъ всякой игры людьми, которые эту игру знаютъ. Но когда „учредительство“ всевозможныхъ предпріятій на акціяхъ можетъ разсчитывать на сбереженія людей, ничего не понимающихъ въ дѣлѣ, кромѣ цифры перваго выданнаго имъ, изъ ихъ же взносовъ, дивиденда, тогда преимущественно начинаютъ возникать предпріятія именно „невозможныя“ или такія, которыя, подъ предлогомъ производительнаго дѣла, разсчитываютъ прямо на эксплуатацію не этого дѣла, а самихъ акціонеровъ.

По свидѣтельству вѣнскихъ газетъ, нынѣшній кризисъ на вѣнской биржѣ могъ получить совсѣмъ иные размѣры, чѣмъ тѣ, въ какихъ онъ удержался. Утверждаютъ, что еслибы кризисъ нѣсколько продолжился, то произошло бы настоящее національное бѣдствіе, нѣчто въ родѣ всеобщей ликвидаціи, именно потому, что все общество болѣе или менѣе участвовало въ игрѣ. Но, благодаря принятымъ мѣрамъ, кризисъ остался биржевымъ, то-есть биржевыя банкротства не повели къ банкротству промышленности и торговли. До какой степени положеніе вѣнскаго рынка было натянутое до кризиса, о томъ свидѣтельствуетъ ничтожность самого непосредственнаго повода къ кризису. Начало было таково, что въ одно утро передъ открытіемъ биржи сдѣлалось извѣстно прекращеніе платежей биржевой конторою Петшекъ; контора эта разослала циркуляры тѣмъ домамъ, въ которыхъ имѣла вклады, объясняя, что находится вынужденною произвести ликвидацію; въ то же время контора эта выпустила на биржу массу бумагъ сомнительнаго достоинства, принятыхъ ею къ учету. Паника послѣдовала тотчасъ. Не только этихъ бумагъ, но и никакихъ другихъ не стали покупать и дѣла на биржѣ совершенно прекратились. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ стали наступать сроки для расчетовъ у другихъ конторъ, а денегъ продажей или учетомъ бумагъ приобрѣсть было невозможно, ликвидаціи, то-есть аукціонная продажа залоговъ, начали являться одна за другою. Государственные фонды и желѣзно-дорожныя облигаціи потерпѣли только незначительное пониженіе, но бѣда была въ томъ, что наличныя деньги исчезли. Подъ вѣрныя бумаги можно было получить въ ссуду не болѣе 10% ихъ номинальной стоимости. Въ одну биржу 15-го мая произведено было 126 ликвидацій. Въ числѣ несостоятельныхъ конторъ оказались и два значительные частные банка. Нѣсколько биржевиковъ, лишившіеся всего состоянія, лишили себя жизни. Правительство отвратило распространеніе кризиса на солидные промышленныя предпріятія: для возобновленія учета въ національномъ банкѣ оно сперва открыло ему кредитъ изъ наличныхъ суммъ казначейства въ 4 милл. гульденовъ, въ видѣ ссуды, а затѣмъ издало

распоряженіе о временномъ приостановленіи дѣйствія ст. 14 банковаго устава, ограничивающей выпускъ банкомъ кредитныхъ денегъ. Но такъ какъ банкъ въ такое время, разумѣется, долженъ былъ принимать къ учету бумаги крайне осмотрительно, то мѣры правительства, охранивъ промышленность, не спасли спекуляціи; банкротства биржевыхъ спекулянтовъ продолжались. Раздраженіе не только въ мірѣ дѣльцовъ, но во всемъ обществѣ было немалое. Нѣкоторые банкиры подверглись оскорбленію дѣйствіемъ на биржѣ. Федералисты не упустили случая протестовать противъ нынѣшняго министерства и вообще противъ господства „нѣмецко-еврейской централистской, биржевой клики“. Федералистскія газеты доказывали, что всемірная выставка въ Вѣнѣ, затѣянная этою кликой для наживы, по всему, что видно, окажется убыточною съ финансовой стороны, а биржевой погромъ представляетъ банкротство всей централистской, нѣмецкой системы, требуя, на основаніи такихъ соображеній, перемѣны системы, то-есть увольненія кабинета Ауэрсперга. Само собою разумѣется, что во всемъ этомъ есть только малая доля справедливаго. Биржевой погромъ не имѣлъ ничего общаго съ политическою системою нѣмецкой либеральной партіи, хотя справедливо, что спекуляція находится въ рукахъ нѣмцевъ и евреевъ, приверженцевъ централизма, и что фактъ этотъ, во всякомъ случаѣ, не дѣлаетъ чести правамъ людей этой партіи. Извѣстно, что и всѣ политическіе органы нѣмецкой централистской партіи находятся въ рукахъ биржевыхъ предпріятій. Все это, конечно, не доказываетъ, будто сама система централизма основана на безнравственныхъ началахъ, но зависитъ просто отъ совпаденія тѣхъ двухъ фактовъ, что централисты—нѣмцы и евреи, а биржевая спекуляція находится также въ рукахъ нѣмцевъ и евреевъ.

Иностраннымъ газетамъ случается иногда обращать вниманіе на статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ по вопросамъ внѣшней политики, касающимся Россіи, несмотря на малосодержательность и фальшивый тонъ напыщенности, которыми тѣ статьи отличаются. Московская газета заботливо подбираетъ крохи оказываемаго ей вниманія и помѣщаетъ ихъ въ свои „витрины“ подъ увеличительное стекло, для рекламы своему мнимому величію. Между тѣмъ, на дѣлѣ означенныя рекламы вовсе не имѣютъ того смысла, въ которомъ ихъ представляетъ московская газета. Иностранная печать, чрезъ посредство своихъ корреспондентовъ, вообще слѣдитъ за заявленіями печати русской, и заявленію искреннему, въ которомъ высказалось не искательство или фанфаронство, а правдивое слово въ защиту интересовъ Россіи, умѣетъ придавать настоящее значеніе, угадываетъ въ

немъ голосъ независимаго русскаго общественнаго мнѣнія. На статьи же „Московскихъ Вѣдомостей“ иностранная печать смотритъ иначе: видѣть въ нихъ истинный отголосокъ общественнаго мнѣнія она не можетъ, потому что въ этихъ статьяхъ поражаетъ прежде всего притворство, усиліе приравнять положеніе нашей печати къ положенію печати заграничной. Поэтому иностранная печать, если обращаетъ вниманіе на заявленія московской газеты, то единственно въ силу иллюзіи, что заявленія ея могутъ имѣть значеніе оффиціозное. Никакой особенной цѣны имъ за границею не придается и придаваемо быть не можетъ, иначе какъ только въ этомъ, ошибочномъ смыслѣ. Недавно, говоря о средне-азиатскихъ дѣлахъ, мы высказали свое убѣжденіе, что усилія англійской дипломатіи вполне логическимъ путемъ привели къ тому, что положеніе Россіи по отношенію къ этому вопросу стало дипломатически неуязвимо, короче—послужили въ пользу Россіи, которая и не имѣетъ повода угрожать англійскимъ интересамъ. Мы не намѣрены подражать „Моск. Вѣдомостямъ“ въ собираніи себѣ за границей рекламъ для назиданія нашихъ читателей; но, для объясненія, приходится сказать, что одинъ изъ корреспондентовъ „Times“, человекъ, которому, очевидно, очень хорошо знакомо положеніе и относительное значеніе органовъ нашей печати, указалъ на наши слова именно какъ на искреннее, независимое заявленіе изъ русскаго общества. Отсюда гнѣвъ московской газеты на насъ и нареканія ея на англійскаго корреспондента, котораго она старается поставить въ противорѣчіе съ другими отзывами „Times“ о заявленіяхъ русской печати, выписывая одинъ изъ такихъ отзывовъ въ видѣ новаго похвальнаго себѣ аттестата. Гнѣвъ „Московскихъ Вѣдомостей“ на насъ былъ вызванъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мы посмѣялись мимоходомъ надъ смѣшнымъ притворствомъ, съ какимъ та же газета ставила англійской печати въ укоръ и въ образецъ сдержанность печати русской, очень хорошо зная, что не всегда русская печать находится въ положеніи печати англійской. „Московскимъ Вѣдомостямъ“ пришлось теперь въ той же статьѣ, гдѣ онѣ выписываютъ новую иностранную рекламу своей важности, сознаться въ томъ школьничествѣ, на которомъ мы, улыбаясь, поймали ихъ за ушко. Но тѣмъ сильнѣе эта вовсе не оффиціозная, но напыщенная газета сердится на насъ за такое легкое наказаніе. „Какого названія заслуживаетъ русскій органъ,—вопрошаетъ она,—который злорадно увѣряетъ иностранцевъ, что всѣ сужденія русской печати въ этомъ международномъ вопросѣ гроша не стоятъ?“ Предполагаемый отвѣтъ ясенъ—новая государственная измѣна со стороны „Вѣстника Европы“. Это забавно! Когда же мы увѣрали, что всѣ сужденія русской печати въ этомъ вопросѣ ничего не стоятъ? Всякій русскій голосъ въ защиту

русскихъ интересовъ имѣть цѣну; чѣмъ онъ правдивѣе, искреннѣе, тѣмъ больше его цѣна, какъ то очень хорошо понимаютъ и за границей. И наоборотъ. Какъ ни дурны съ нравственной стороны приемы „Моск. Вѣд.“ вообще, мы не рѣшимся утверждать, что и въ ихъ словахъ въ защиту русскихъ интересовъ *все*—притворство, нѣтъ ничего искренняго. Поэтому и ихъ слова могутъ имѣть нѣкоторую цѣну, хотя бы ту, которую сама эта газета въ своемъ „униженіи паче гордости“ опредѣлила мѣдною монетой. Но мы утверждаемъ, что цѣна и ея заявленій была бы выше, если бы въ нихъ не было примѣси намѣренной фальши, рассчитаннаго, никого не обманывающаго и за границей притворства. Съ своей стороны мы нисколько не раскаяемся въ томъ, что вывели „Моск. Вѣд.“ на „свѣжую воду“ и отзывъ англійскаго корреспондента о нашихъ словахъ лучшее доказательство, что наша печать наилучшимъ образомъ можетъ служить защитѣ интересовъ Россіи именно при отсутствіи всякаго притворства и погрешекъ мнимаго величія.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12 (24) мая 1878.

ПАРЛАМЕНТСКІЕ ТРУДЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ.

Англичане считаютъ за высшую цѣль для политическаго честолюбія человѣка—сдѣлаться представителемъ своихъ согражданъ въ парламентѣ, и буквы М. Р. (*member of parliament*) являются магической вещью, передъ которой разверзаются двери всѣхъ салоновъ и которая даетъ право рассчитывать на вліяніе и власть, быть можетъ на постъ министра. Въ Германіи не то. Конечно, члены парламента взаимно оказываютъ другъ другу то уваженіе, которое имъ причлествуетъ, но въ палаты, въ общества, придаютъ сравнительно мало значенія этому званію. За то несомнѣнно, что нигдѣ парламентскій трудъ не составляетъ такого тяжелаго бремени, какъ здѣсь. Въ каждомъ парламентѣ находится сравнительно немного членовъ, которые работаютъ, но за то эти послѣдніе совершенно завалены дѣломъ, чему немало содѣйствуетъ и нѣмецкая основательность. Нѣмецкіе парламенты, какъ извѣстно, дѣлятся не только на нѣсколько большихъ партій, но на множество фракцій, которыя зачастую различаются между собой самыми ничтожными оттенками во

мнѣнійхъ. Такъ, напримѣръ, въ рейхстагѣ существуютъ фракціи: крайняя правая, старо-консервативная, ново-консервативная, германская и имперская партія, либеральная имперская партія, центръ (ультрамонтаны), національные либералы, прогрессивная партія. Каждая изъ этихъ фракцій имѣетъ своего предсѣдателя и собирается на засѣданія, въ которыхъ обсуждается планъ кампаніи на всякій частный случай. Законопроекты, поступающіе въ рейхстагъ, обыкновенно передаются въ комиссіи, которыя составляются такимъ образомъ, что каждая партія, смотря по своей численности, посылаетъ одного или нѣсколькихъ членовъ въ комиссію, такъ что послѣдняя представляетъ собой все собраніе. Члены же комиссіи въ свою очередь совѣщаются съ фракціями, получаютъ отъ нихъ инструкціи и извѣщаютъ ихъ о ходѣ событій. Зачастую происходятъ соглашенія между различными фракціями, которыя тогда присылаютъ другъ другу довѣренныхъ людей. Но этимъ дѣло не оканчивается: по особенно затруднительнымъ вопросамъ образуются такъ-называемыя вольныя комиссіи, въ которыхъ принимаетъ участіе всякій, кто хочетъ. Надъ фракціями господствуетъ еще конвентъ сенъборовъ, состоящій изъ представителей всѣхъ фракцій и въ которомъ сообща обсуждаются всѣ дѣла. Представьте же себѣ положеніе такого члена, который засѣдаетъ въ десяткѣ подобныхъ комиссій. Ему буквально часто не хватаетъ времени, чтобы пообѣдать, да зачастую онъ всѣ ночи проводитъ за работой. Такого рода занятія могутъ имѣть свою хорошую сторону, но они подрываютъ силы и здоровье, и отбиваютъ охоту къ парламентской дѣятельности у людей весьма способныхъ, но непривычныхъ къ такому непосильному труду. Не взирая на то, въ каждую сессію изготавливается огромная масса работы, и когда недавно въ англійской нижней палатѣ министръ высказалъ, по поводу проекта о преобразованіи избирательныхъ округовъ, что этотъ проектъ такъ затруднителенъ, что займетъ цѣлую парламентскую сессію, то это показалось почти комичнымъ, въ виду той массы законовъ, которые здѣсь вырабатываются въ одну сессію. Правда, постоянно толкуютъ, что такое положеніе дѣлъ — временное; что оно продержится лишь до тѣхъ поръ, пока Германія не насадитъ у себя такихъ же прочныхъ конституціонныхъ учреждений, какъ тѣ, которыми наслаждается Англія: но со времени 25-лѣтняго конституціоннаго существованія еще не произошло въ этомъ отношеніи никакой перемѣны. Въ 1848-мъ году, впервые составлены были во Франкфуртѣ и въ Берлинѣ конституціи для Германіи и Пруссіи. Первая погибла въ колыбели; а послѣдняя въ теченіе десяти лѣтъ измѣнялась въ реакціонномъ духѣ. Новая эра (1858) принесла либеральные законы; наступила эпоха внутренняго кризиса, затѣмъ—

основаніе сѣверо-германскаго союза, и четыре года спустя—германской имперіи, которое сдѣлало необходимымъ цѣлый рядъ законовъ. Весь строй экономическаго законодательства былъ измѣненъ, введенъ новый уголовный кодексъ, завязалась борьба съ ультрамонтанами частію въ рейхстагѣ, частію въ прусскомъ ландтагѣ; окружное положеніе, банковый законъ, монетная система, право ассоціацій, законъ о печати и двадцать другихъ вопросовъ стояли или стоятъ на очереди, и оглянувшись на то, что сдѣлано въ послѣдніе два мѣсяца, я въ самомъ дѣлѣ не зналъ бы съ чего начать, если бы нѣкоторыя строчки послѣдняго иностраннаго обозрѣнія въ „В. Евр.“ не напомнили мнѣ, что первое мѣсто въ ряду совершившагося занимаютъ церковные законы.

Они уже внесены въ прусское законодательство, а поэтому пренія о нихъ представляютъ чисто ретроспективный интересъ, вслѣдствіе чего я и не намѣренъ приводить ихъ здѣсь. Я желаю упомянуть объ одномъ только: вся либеральная партія стояла за эти законы. Только Францъ Дунеръ въ палатѣ депутатовъ, да Грунеръ въ палатѣ господъ (первый—членъ прогрессивной, второй—членъ старолиберальной партіи) высказались противъ законовъ, съ либеральной точки зрѣнія, и Грунеръ при этомъ разсуждалъ точь-въ-точь такъ, какъ составитель иностраннаго обозрѣнія въ „Вѣстникѣ Европы“. Грунеръ сказалъ, объявивъ вышеупомянутые законы крайне реакціонными: „Можно какъ угодно думать о правительственномъ проектѣ,—я цитирую стенографическій отчетъ ¹⁾,—можно считать его необходимымъ или излишнимъ, но не слѣдуетъ заблуждаться на счетъ того, что этотъ проектъ, если только онъ будетъ принятъ, сотретъ великій принципъ свободы въ нашихъ учрежденіяхъ; что если онъ будетъ принятъ, то вмѣсто великаго принципа свободы установится система бюрократическаго контроля и бюрократическаго вмѣшательства; что если этотъ проектъ будетъ принятъ, то не ограничится одними церковными дѣлами, но отброситъ насъ къ временамъ ужасающаго абсолютизма. Въ этомъ смыслѣ я называю эти законы крайне реакціонными. Если же я теперь спрошу, какимъ образомъ группируются относительно этихъ законовъ обѣ большія партіи, на которыя дѣлится это высокое собраніе, — вся страна, то вижу съ одной стороны, что та партія, которая до сихъ поръ считала своей обязанностью всегда дѣйствовать за-одно съ правительствомъ, поддерживать правительство, поддерживать власть, въ настоящемъ случаѣ рѣшилась стоять за принципъ свободы и вотировать противъ проекта правительства. Если же я погляжу на своихъ старыхъ друзей, на

¹⁾ 25-е засѣданіе палаты господъ, 24-го апрѣля.

либеральную партію въ этой палатѣ, на ту партію, которая считала своимъ призваніемъ всегда и насколько можно стоять за свободу совѣсти, то вижу, что она рѣшилась идти въ настоящемъ случаѣ по пути, указанному ей правительствомъ. То же самое зрѣлище представляетъ и другая палата“.

Ораторъ затѣмъ изложилъ традиціи либеральной партіи: „Съ того времени, какъ парламентскія учрежденія все болѣе и болѣе укоренились на континентѣ, и съ той поры, какъ въ послѣднюю четверть столѣтія и даже раньше того, образовалась либеральная партія, всегдашней аксіомой этой партіи было то, что церковь и государство должны быть отдѣлены другъ отъ друга. Этой мыслью была вполне проникнута либеральная партія въ 1848-мъ году. Несправедливо, когда говорятъ теперь, что въ тѣ времена ошибочно, и благодаря малодушному компромиссу, внесена была въ тогдашнюю конституцію эта великая свободная мысль, этотъ великій принципъ свободы церкви. Въ ту эпоху въ трехъ различныхъ пунктахъ засѣдали законодательныя собранія: въ Берлинѣ, во Франкфуртѣ, въ Вѣнѣ. Результатъ былъ слѣдующій: въ конституціонныхъ рѣшеніяхъ, принятыхъ во франкфуртской церкви св. Павла, здѣсь и въ Австріи, признается принципъ свободы церкви, автономія и самостоятельность церкви. Во Франкфуртѣ и здѣсь засѣдали вожди тогдашней либеральной партіи, люди замѣчательные, высокаго патріотизма и высокаго ума. Эти люди очень хорошо знали, что дѣлали, и когда здѣсь утверждаютъ, что они и весь тогдашній либерализмъ находились еще въ младенческомъ состояніи, то я позволю себѣ вамъ замѣтить, что это совершенно несправедливо, потому что немного лѣтъ передъ тѣмъ возникъ споръ между кѣльнскимъ архіепископомъ и прусскимъ правительствомъ, въ которомъ обсуждались всѣ вопросы, касающіеся вообще отношеній между государствомъ и церковью, и за которыми слѣдили всѣ мыслящія головы, всѣ выдающіеся авторитеты. Весь міръ былъ занятъ этими преніями; лишь немного лѣтъ спустя сошлись вышеупомянутыя собранія. Неужели же вы думаете, что люди съ такими высокими знаніями и дарованіемъ дѣйствовали тогда, какъ неопытныя дѣти, и внесли въ конституцію такого рода принципъ, хорошенько не сознавая его послѣдствій? Я полагаю, что избранные люди, которые засѣдали здѣсь и въ Паульскирхе, поступили не такъ. И если на этомъ самомъ основаніи я усматриваю нѣкотораго рода измѣну со стороны либеральной партіи, которая вотируетъ нынѣ противъ своихъ традицій, то тѣмъ поразительнѣе такой образъ дѣйствій со стороны крайней лѣвой. Всего же рѣзче поражаетъ онъ со стороны той партіи, которая въ 1861-мъ году организовалась въ Пруссіи, какъ германская прогрессивная пар-

тія, и осенью 1866-го г. распалась на національно-либеральную и прогрессивную партіи. Когда эта партія въ іюнѣ 1861 года обнародовала свою программу, то она выразилась въ ней буквально: „въ законѣ о народномъ образованіи и въ законѣ о бракѣ, должно быть удержано и завершено отдѣленіе церкви отъ государства“.

Ораторъ прибавляетъ, что въ послѣднія 20 лѣтъ всѣ четыре министра народнаго просвѣщенія, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, оставались вѣрны этому принципу, котораго придерживался самъ князь Бисмаркъ до 1871 года. Въ эту эпоху декораціи сразу переимѣнились и потому именно, что партія центра вдругъ стала въ оппозицію. Чтобы сломить эту оппозицію, полагаетъ ораторъ, правительство измѣнило свое отношеніе и напоминаетъ о томъ, какъ прежняя „католическая фракція“ въ палатѣ депутатовъ (предшественница нынѣшней партіи центра) долгіе годы боролась заодно съ старо-либералами за конституцію, что даже самымъ реакціоннымъ министрамъ и въ голову не приходило сломить эту оппозицію посредствомъ измѣненія конституціи. Если вы позволите лишитъ всякой почвы подобную оппозицію, посредствомъ отиѣны всѣхъ свободныхъ принциповъ, тогда—восклицаетъ Грунеръ—вы подпишете этимъ самымъ смертный приговоръ конституціонной жизни, тогда вы должны будете придти, какъ къ крайнему выводу, къ личной диктатурѣ въ парламентской формѣ. Послѣ этого ораторъ приводитъ въ примѣръ Бельгію, Голландію и Италію и заключаетъ пророчествомъ, что правительство не найдетъ выхода въ этихъ законахъ, но, напротивъ того, станетъ въ такое положеніе, что вынуждено будетъ принимать исключительныя мѣры относительно печати и права ассоціаціи, и тогда либеральная партія очутится въ ложномъ положеніи.

Я вѣрно анализировалъ эту рѣчь, одну изъ замѣчательнѣйшихъ, какія были произнесены противъ церковныхъ законовъ. Но, спрашивается теперь, откуда возникла эта ничѣмъ немотивированная перемѣна, эта измѣна либеральной партіи своимъ принципамъ? Неужели же эта партія, которая однако никогда еще не навлекала на себя упрека въ безхарактерности, вдругъ превратилась въ подобострастнаго угодника Бисмарка?

Такъ какъ я далъ здѣсь мѣсто *одному* воззрѣнію, то слѣдуетъ отвести такое же мѣсто и представителямъ противоположнаго мнѣнія. Съ этой цѣлью, мнѣ придется перенести васъ въ палату депутатовъ за четыре слишкомъ мѣсяца до того дня, когда раздался рѣчь Грунера. 4-го (16-го) января началось въ палатѣ депутатовъ *первое* обсужденіе первыхъ 4-хъ церковныхъ законовъ, а именно касательно образованія и назначенія духовенства.

Въ этотъ день фонъ-Беннигсенъ, выдающійся членъ національно-

либеральной партіи, говорилъ въ пользу закона. Беннигсенъ говоритъ рѣдко, но не иначе какъ въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Мнѣніе же его имѣетъ сильный вѣсъ. Я впередъ заявляю, что не имѣю намѣренія противопоставлять его Грунеру по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что онъ политикъ до мозга костей и, слѣдовательно, не особенно гонится за принципами, а, во-вторыхъ, потому, что ему не приходилось выгораживать прошлаго ни относительно себя, ни относительно своей партіи, ни оправдывать послѣднюю въ „измѣнѣ“. Программа прогрессивной партіи, цитированная выше, не обязательна для національно-либеральной партіи, возникшей пять лѣтъ позже, хотя и изъ нѣдръ прогрессивной партіи. Въ силу этого, Беннигсенъ и не считалъ нужнымъ оправдывать свою партію въ какой бы то ни было измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ. Но его доказательства въ пользу необходимости церковныхъ законовъ, для того, чтобы устранить превышеніе власти со стороны церковной іерархіи, такъ убѣдительно, что врядъ-ли можно что-либо возразить противъ нихъ. Онъ естественно коснулся событій 1848 года. Порядокъ отношеній между государствомъ и церковью, какъ его думали-было установить тогда, сказалъ онъ, былъ первой попыткой этого рода въ Германіи. О томъ, удачна ли или неудачна эта попытка, въ тѣ времена могли судить лишь на основаніи теоретическихъ соображеній; только опытъ могъ показать, не послужитъ ли подобнаго рода регулированіе отношеній между государствомъ и церковью ко вреду государства, не принесетъ при этомъ особой пользы церкви. Въ то время интересъ сосредоточивался, главнымъ образомъ, на другихъ отрасляхъ; въ то время дѣло шло о томъ, чтобы заложить первый фундаментъ національному государственному зданію, найти первыя прочныя формы конституціоннаго правленія для многихъ нѣмецкихъ странъ и, главное, для прусскаго государства. Политическія, національныя стремленія, задачи, которыя развивались на этой почвѣ и вступали въ такую ожесточенную борьбу другъ съ другомъ, поглощали общій интересъ до такой степени, что на долю всѣхъ остальныхъ вопросовъ уже не хватило вниманія, потому что они не казались такими важными и настоятельными. Тѣмъ, которые одни изъ всѣхъ партій—не исключая и правительства—совершенно ясно и сознательно вели все дѣло отъ начала и до конца, предоставлена была полная свобода дѣйствій. Такимъ образомъ, мы дожили до настоящихъ острыхъ симптомовъ: *Смаллабуса*, *Энциклики* и притязаній Ватикана, который требуетъ такихъ отношеній между государствомъ и церковью, гдѣ церковь предоставляетъ самой себѣ опредѣлять границу своихъ правъ и обязанностей, какъ одного изъ условій своей божественной миссіи, какъ неотъемлемаго условія своего каноническаго права, которое до сихъ

поръ сохранялось во всей своей неприкосновенности. Я заявляю, что и теперешніе законы оставляютъ вполне неприкосновенной самостоятельность церкви, въ ея внутреннихъ дѣлахъ. Въ этихъ законахъ не содержится ничего такого, что бы могло препятствовать церкви, а именно католической, широко развиваться въ своихъ внутреннихъ сферахъ. Эти законы не затрогиваютъ ни догмата, ни символа, ни литургіи, ни вѣры, словомъ, ничего подобнаго. Но, конечно, настоящая борьба идетъ вовсе не изъ-за нихъ. Церковь заявляетъ теперь претензію на то, чтобы то отношеніе, которое существуетъ на фактѣ, которое во многихъ юридическихъ учрежденіяхъ исторически развивалось и должно развиваться между государствомъ и церковью, — чтобы вся эта обширная область зависѣла отъ ея доброй воли; она думаетъ, что ей только предлежать рѣшать, какія правила признаются ею, и оснашиваетъ у государства право регулировать обоюдныя границы въ формѣ законодательства и конституціи... *Ecclesia militans* разрушала государства и производила революціи (тутъ безпокойство центра доходить до крайней степени, и ораторъ обращается прямо къ нему) не въ прошлыхъ вѣкахъ, но въ настоящемъ столѣтіи, въ новѣйшее время, — не достаточно ли напомнить вамъ, если вы желаете, примѣры Бельгіи, Испаніи? И вы хотите теперь прикинуться, что будто бы во всѣ времена бывали слабы и угнетаемы; будто бы правительство во всѣ времена могло рассчитывать на вашу покорность; будто бы поддержка, оказываемая вами правительству, рассчитана лишь на то, чтобы предотвратить тѣ великія опасности, которыя такое цивилизованное общество, какъ европейское, во всякое время таитъ въ своихъ нѣдрахъ. Кто не знаетъ изъ исторіи вашей церкви, или, лучше сказать, изъ исторіи клерикально-іерархической партіи, которая вообще охотно отождествляетъ себя съ католической церковью, — кто не знаетъ, что она колебала и разрушала государства, открыто или путемъ интригъ боролась съ правительствами или дѣйствовала такъ, какъ того требовали интересы, представляемые ею, или какъ приказывали тѣ, кому она повинуетъ; что она, смотря по обстоятельствамъ, бывала консервативной, либеральной, революціонной или какою угодно.

Вотъ что говорилъ Беннигсенъ. Но я долженъ еще цитировать рѣчь Вирхова, который говорилъ на слѣдующій день. Я уже упоминалъ о его рѣчи въ моемъ письмѣ, отъ 24-го (12-го) января ¹⁾, подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ. Я упоминалъ также и о томъ, что онъ во всѣ времена былъ неутомимымъ борцомъ за свободу. Теперь, когда я снова прочиталъ тѣ дебаты, то увидѣлъ, что мною не было прежде приведено то мѣсто его рѣчи, гдѣ онъ опровергаетъ упреки,

¹⁾ См. «Вѣстникъ Европы», февраль, стр. 876.

дѣлаемые „Вѣстникомъ Европы“ всѣмъ тѣмъ либераламъ, которые вотировали за церковные законы. Поэтому не излишне привести здѣсь это мѣсто, и съ тѣми перерывами, которые придаютъ дебатамъ настоящій колоритъ. Вирховъ метнулъ нѣсколькими острыми стрѣлами въ епископовъ, которые такъ долго боролись на ватиканскомъ соборѣ противъ догмата о непогрѣшимости и затѣмъ внезапно признали его; онъ говорилъ о сдѣлкахъ клерикаловъ, готовыхъ служить всякой власти, лишь бы изъ этого вышла какая-нибудь польза для церкви, и прибавилъ:

„Но церковь сама по себѣ нисколько насъ не интересуеъ (депутатъ Виндгорстъ восклицаетъ при этомъ: „я думаю!“). То, что насъ интересуеъ, это — *свобода личнаго религіознаго убѣжденія или религіознаго вѣрованія*. Называйте это какъ хотите. Мы требуемъ гарантіи въ томъ, что каждый воленъ вѣрить какъ ему угодно, но, милостивые государи, мы отрицаемъ, чтобы въ это вѣрованіе входила іерархія (восклицаніе въ центрѣ: „да! разумѣется, она входитъ въ него!“). Да, въ этомъ именно и заключается разница между нами. Для васъ іерархія является догматическимъ учрежденіемъ, духовенство, по вашему, принадлежитъ къ догмату, а этого мы не можемъ признать. Вотъ та ошибка, въ которую всегда впадало государство. Оно всегда допускало, чтобы іерархія считалась частью догмата. Да, милостивые государи, это дѣйствительно ведетъ къ отрицанію государства. Если оно допустить, что подданные имѣютъ право, въ смыслѣ свободы вѣры, признавать за неоспоримый догматъ всю церковную организацію, допускать непогрѣшимость папы, то этимъ въ самомъ дѣлѣ освящается мятежъ. Вѣдь если кто-нибудь скажетъ: на папу нападаютъ, *ergo* нападаютъ на мою вѣру, *ergo* я имѣю право сопротивляться правительству, то это будетъ лишь естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія. Вотъ, милостивые государи, въ чемъ заключалась ошибка нашего правительства“.

По моему мнѣнію, никто вѣрнѣе и остроумнѣе не формулировалъ самой сущности всего спора. А заключеніе рѣчи Вирхова должно окончательно разсѣять всякія сомнѣнія насчетъ его настроенія:

„Мы видимъ въ этомъ уровень нѣмецкаго развитія и основаніе для сужденія, насколько наше рѣшеніе соотвѣтствуетъ нашему общему развитію, и я долженъ сказать, милостивые государи, что тотъ родъ учебныхъ заведеній, которые предлагаетъ въ настоящее время правительство, — хотя вообще они мнѣ не симпатичны, будучи государственными заведеніями, — я значительно предпочитаю той спеціально-клерикальной организаціи, какая существуетъ въ настоящее время. Такъ какъ я сужу о законѣ не по сравненію съ абсолютно хорошимъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, но по сравненію съ относительно хорошимъ, то, оставляя въ сторонѣ свои дальнѣйшія

желанія, перехожу къ очередному порядку дѣлъ и поддерживаю правительство въ тѣхъ стремленіяхъ, о которыхъ я долженъ признать, что они пригодны для того, чтобы помочь ему выпутаться изъ сѣтей церкви. Эти законы стремятся совершенно честно и открыто къ *эманципации государства*. Эту эманципацию государства, этотъ дѣйствительно *свѣтскій характеръ государства*, принимаемый имъ во всѣхъ его направленіяхъ,—вотъ что я радостно привѣтствую и буду поддерживать изъ всѣхъ силъ“.

Все это клонится къ поясненію смысла церковныхъ законовъ и побудительныхъ причинъ, руководившихъ ландтагомъ при принятіи ихъ. Теперь спрашивается, какое дѣйствіе будутъ они имѣть? Съ этой цѣлью, прежде всего слѣдуетъ указать на тѣ три закона, которые уже были изданы въ томъ же направленіи, какъ и настоящіе церковные законы, а именно законъ о злоупотребленіяхъ кафедръ, законъ о надзорѣ за училищами и законъ объ изгнаніи іезуитовъ. Всѣ эти три закона вызывали такую же точно оппозицію со стороны ультрамонтановъ, всѣ вызывали у противниковъ самыя мрачныя предсказанія, и... между тѣмъ, эти законы мирно прошли и вступили въ силу, не создавъ ни серьезной и опасной оппозиціи, ни мучениковъ. Судя по предыдущимъ рѣчамъ, можно было бы ожидать, что молодые, пылкіе капелланы станутъ постоянно и жестоко нападать на государство съ кафедръ и сотнями наполнять тюрьмы, чтобы доказать тираннію государства; но они ведутъ себя крайне осторожно, и рѣдко кто изъ нихъ навлекаетъ на себя обвиненіе ¹⁾. Законъ о надзорѣ за училищами тоже безъ особыхъ затрудненій приводится въ исполненіе, а іезуиты удалились, не вызвавъ ничьей симпатіи. То же самое будетъ и съ церковными законами. Доказательствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что нѣмецкіе епископы, которые собрались-было въ прошедшемъ мѣсяцѣ въ Фульдѣ, съ цѣлью издать воинственный манифестъ, въ концѣ концовъ выпустили окружное посланіе къ своей паствѣ, которое плохо маскируетъ ихъ отступленіе. Въ этомъ окружномъ посланіи мы находимъ только два положительныхъ заявленія: паства должна признавать только тѣхъ пастырей истинными, которые признаны епископами за способныхъ и достойныхъ этого званія, и тѣ, которые вздумаютъ апеллировать къ свѣтской власти противъ приговоровъ духовной, будутъ *ipso facto* отлучены отъ церкви. Что касается перваго пункта, то нельзя заранее сказать, какъ сложатся дѣла на практикѣ. Что касается втораго пункта, то-есть отлученія отъ церкви, то данный законъ именно имѣетъ въ виду дать право апеллировать въ извѣстныхъ случаяхъ

¹⁾ И самовольное измѣненіе конституціи въ 1850 году прошло безъ особыхъ затрудненій, но отъ этого нисколько не измѣнился его смыслъ. — Google

къ свѣтской власти противъ приговоровъ духовной, и изданъ съ цѣлью оградить низшее духовенство отъ притѣсненій высшаго. Конечно, законъ не навязываетъ своего покровительства духовнымъ лицамъ, но они знаютъ, что могутъ разсчитывать на подобное покровительство, и это сознаніе можетъ улучшить ихъ положеніе.

Но если бы у кого и оставалось сомнѣніе насчетъ истиннаго смысла окружного посланія, то оно должно быть разсѣяно извѣстіемъ, что во время конференціи часть епископовъ требовала болѣе энергичной политики. Въ числѣ ихъ называютъ епископовъ Эрмеландскаго и Мюнстерскаго, между тѣмъ какъ епископъ *in partibus*, Нѣмчановскій, высказался за болѣе умѣренный образъ дѣйствія.

Этого впрочемъ и слѣдовало ожидать, потому что римская церковь всегда отлично умѣла примѣняться къ обстоятельствамъ и уступать тамъ, гдѣ она ничего не могла сдѣлать силой. Только тогда, когда она имѣетъ дѣло съ слабѣйшимъ, похвывается она непоколебимостью своихъ принциповъ и невозможностью уступить.

Въ вопросѣ о церковныхъ законахъ, часть лютеранскаго духовенства шла рука объ руку съ ультрамонтанами. Но этотъ фактъ не можетъ возбуждать опасеній: во-первыхъ, число лютеранскихъ духовныхъ лицъ, примкнувшихъ къ ультрамонтанамъ, не велико, а во-вторыхъ, имъ не достаетъ того, что главнымъ образомъ довело Бисмарка до ненависти къ ультрамонтанамъ, — а именно *антинаціональности*. Сколько бы ни возставали лютеранскіе священники противъ церковныхъ законовъ, сколько-бы ни честили Бисмарка антихристомъ, они останутся всегда вѣрными подданными и хорошими патріотами. Подобные примѣры намъ извѣстны изъ англійской исторіи. Реформатскіе священники тамъ не рѣдко стояли въ оппозиціи, тѣмъ не менѣе никогда не составляли заговоровъ съ чужими странами противъ правительства.

Нѣсколько дней тому назадъ, при обсужденіи въ рейхстагѣ отчета объ управленіи Эльзасомъ и Лотарингіей, канцлеръ высказался вполне ясно относительно этого предмета. Никто не доставляетъ германскому правительству столько хлопотъ въ этихъ частяхъ государства, какъ католическое духовенство. Оно не стѣсняется въ выборѣ средствъ и не преминуло пустить въ ходъ чудесныя видѣнія, съ цѣлью возбудить простой народъ. То тамъ, то тутъ появлялись такія видѣнія и возвѣщали возвращеніе французовъ; народъ стекался массами, пока наконецъ жандармы или солдаты не вмѣшивались въ дѣло. Виндгорстъ воспользовался упомянутымъ отчетомъ, чтобы напасть на имперское управленіе за рѣзкое обхожденіе съ католическимъ духовенствомъ и монахами. Виндгорстъ—извините за вульгарное сравненіе—производитъ на князя Бисмарка такое же дѣйствіе, какъ крас-

ное сукно на быка. Вамъ извѣстно изъ моихъ прежнихъ писемъ, что бывшій ганноверскій министръ имѣлъ большія связи при дворѣ и употреблялъ ихъ для интригъ противъ Бисмарка. Онъ очень уменъ, ловокъ, неутомимъ, всегда готовъ отразить ударъ на парламентскихъ турнирахъ, столь остроуменъ, что слушается съ удовольствіемъ даже противниками и настолько же полонъ ненависти къ Бисмарку, насколько Бисмаркъ къ нему. При этомъ онъ ничтожнѣйшій, а Бисмаркъ величайшій человекъ въ парламентѣ.

Не стану передавать колкостей и злыхъ выходокъ, которыя Бисмаркъ расточалъ въ томъ засѣданіи рейхстага: большая часть ихъ была облечена въ форму ироніи и утрачиваетъ силу въ парламентской обстановки. Только тотъ, кому эта обстановка хорошо знакома, можетъ оцѣнить рѣчь, приведенную отъ слова до слова, потому что реторическіе приемы, употреблявшіеся прежде, — красивые періоды, полновѣсныя выраженія, высокій пафосъ, — совершенно вышли изъ моды. Въ современныхъ парламентахъ господствуетъ разговорный стиль и лучшіе ораторы весьма скупы на пафосъ и эффектъ, хотя Бисмаркъ обладаетъ въ высшей степени талантомъ къ этому. Стоитъ только припомнить его слова: „Мы не пойдемъ въ Каноссу!“, которыя въ борьбѣ противъ ультрамонтановъ въ Германіи имѣли большее значеніе, чѣмъ всѣ остальные рѣчи вмѣстѣ взятыя.

Въ настоящемъ случаѣ канцлеръ заключилъ свою рѣчь весьма сильной головоломкой, сказавъ въ защиту управленія Эльзасъ-Лотарингіей, за которое онъ отвѣтственъ:

„Сомнѣвайтесь въ нашемъ умѣнѣй, но не сомнѣвайтесь въ нашихъ честныхъ побужденіяхъ, нашемъ мужествѣ, нашей преданности дѣлу и рѣшимости отражать всѣ нападки!“

Въ этой рѣчи канцлеръ привелъ одно мѣсто изъ дипломатическаго донесенія объ Ирландіи, съ цѣлью показать, какъ повсюду ультрамонтаны затрудняютъ не-католическія правительства въ управленіи католическими подданными:

„Хотя ультрамонтаны и не проповѣдуютъ открыто возстанія, тѣмъ не менѣе ихъ поведеніе вредно для спокойствія страны. Коноводы ихъ хорошо знаютъ, что открытое знамя раздора привело бы только къ совершенному низложенію ультрамонтанской партіи и мятежниковъ. Но миръ и спокойствіе народа еще менѣе желательны для нихъ, чѣмъ открытое возстаніе. Органы ультрамонтановъ раздуваютъ огонь, возбуждаютъ до ожесточенія противъ протестантскаго населенія, стараются погрѣть уваженіе къ законамъ и авторитетъ начальства; взывая къ христіанскому терпѣнію, они способствуютъ распространенію неудовольствія въ народѣ и искажая факты мѣшаютъ

заживать старымъ ранамъ. Не заботясь о благѣ народа, они имѣютъ въ виду лишь усиленіе могущества Рима“.

Виндгорстъ (при продолженіи преній въ слѣдующемъ засѣданіи) отвергалъ эти общія положенія, между тѣмъ извѣстно изъ хода преній по поводу ирландскаго церковнаго билля, во время которыхъ министерство Гладстона едва не пало, что ультрамонтаны рѣшили дѣло въ парламентѣ и всѣ либеральныя англійскія газеты были поражены такимъ неслыханнымъ событіемъ. Виндгорстъ сослался на то, что въ Россіи и Америкѣ взгляды правительства на церковную политику иные. Бисмаркъ отвѣчалъ относительно Россіи, что ему вѣроятнѣе лучше извѣстно положеніе русскаго правительства, чѣмъ Виндгорсту; относительно Америки онъ умолчалъ. Извѣстно, что американцы съ опасеніемъ смотрятъ впередъ: римская церковь, имѣвшая тамъ вначалѣ лишь ничтожное число представителей, по-немногу, вслѣдствіе ирландскихъ выселеній, приобрѣла большое значеніе, и уже начинаетъ отъ время до времени показывать когти.

Кромѣ церковныхъ законовъ, прусскій ландтагъ, закрытый ^{20/8} мая, послѣ семимѣсячной дѣятельности, съ нѣсколькими большими перерывами, — порѣшилъ еще нѣсколько весьма важныхъ законовъ, къ какимъ слѣдуетъ причислить новое окружное положеніе. Объ окружномъ положеніи я уже сообщалъ, а изъ важныхъ вопросовъ мнѣ остается упомянуть только объ одномъ, недавно рѣшенномъ, а именно о займѣ въ 120 милліоновъ талеровъ на постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ и на усиленіе текущихъ средствъ уже существующихъ. Предложеніе это было внесено въ палату депутатовъ еще ^{19/7} декабря (двѣ главныя линіи: одна изъ Берлина въ Вецларъ, для болѣе прямого соединенія восточныхъ провинцій государства съ западными, стоимость ея постройки 50^{3/4} милл. талеровъ, и другая отъ Кобленца, черезъ Триръ къ границѣ, — для соединенія съ Эльзасомъ; стоимость этой линіи 20^{3/4} милл. талеровъ), но различныя обстоятельства мѣшали осуществленію закона. Во-первыхъ, противъ него была партія, не сочувствовавшая расширенію государственнаго желѣзно-дорожнаго дѣла; второй же и главной причиной проволочки этого закона было недовѣріе палаты депутатовъ къ министру торговли, графу Иценпицу, управленіе котораго желѣзно-дорожнымъ дѣломъ привело къ столь тяжелымъ нападкамъ. Это послѣднее препятствіе было устранено тотчасъ послѣ возвращенія императора Вильгельма изъ Петербурга, назначеніемъ Ахенбаха на мѣсто Иценпица. Съ этимъ назначеніемъ разъяснилось, что и вышеупомянутая оппозиція была не серьезна.

Графъ Иценпицъ держался весьма простаго принципа въ своей желѣзно-дорожной политикѣ. Онъ исходилъ изъ того, что постройка

большихъ дорогъ должна производиться государствомъ, а мелкихъ— частными лицами. Но такой принципъ нельзя провести послѣдовательно. Новый министръ уклонился, при обсужденіи закона, отъ представленія программы своей желѣзно-дорожной политики, такъ какъ комиссія, учрежденная указомъ отъ 14 февраля, вслѣдствіе заявленій Ласкера, для обсужденія желѣзно-дорожнаго закона, еще не окончила своихъ работъ. Но онъ заявилъ, что ему было бы пріятно раздѣлить отвѣтственность относительно выдачи концессій. Онъ указалъ на то, что вопросъ кому строить дороги, государству или частнымъ лицамъ, не можетъ считаться открытымъ: двѣ трети прусскихъ дорогъ построены частными лицами, правительство зачастую и не располагало средствами для постройки, и подобныя времена могутъ повториться. Когда, нѣсколько дней спустя, законъ поступилъ въ палату господъ, министръ заявилъ еще опредѣленнѣе, что онъ желаетъ допустить свободную конкуренцію государственныхъ и частныхъ дорогъ, но что для послѣднихъ требуется надзоръ. Иначе они примутся безпощадно извлекать выгоды изъ своихъ привилегій, а ропотъ въ публикѣ такъ растетъ, что правительству придется уступить и взять желѣзно-дорожное дѣло въ свои руки; или же они будутъ губить другъ друга безграничной конкуренціей и, погибая, взывать къ помощи правительства.

Между предложеніями, разсмотрѣнными до сихъ поръ *рейхстагомъ*, наиболѣе важныя въ политическомъ отношеніи: о распространеніи компетентности Союза на все гражданское право и объ учрежденіи желѣзно-дорожнаго вѣдомства. Что касается перваго, то имперская конституція предоставила Союзу только нѣкоторую часть гражданского права, но либералы постоянно настаивали на распространеніи компетентности Союза на все гражданское право. Вопросъ этотъ, какъ понятно, сводится на чисто-политическій, потому что единственная причина, побуждавшая нѣкоторыя правительства противиться компетентности Союза въ гражданскомъ правѣ, состоитъ въ предстоящей уtratѣ части верховной власти отдѣльными государствами. Дебаты (3 апрѣля) были незначительны, но тѣмъ значительнѣе было заявленіе, сдѣланное Дельбрюкомъ: препятствія, мѣшавшія правительствамъ принять предложеніе, вполне или почти устранены; въ союзномъ совѣтѣ въ непродолжительномъ времени будетъ достигнуто полное единогласіе или по крайней мѣрѣ требуемое большинство относительно этого вопроса, и союзныя правительства намерены въ такомъ случаѣ, вмѣстѣ съ провозглашеніемъ конституціи, созвать комиссію для выработки гражданского кодекса (для всей Германіи).

Эти слова вызвали громкое одобреніе собранія, вполне справед-

ливое, такъ какъ введеніе однообразнаго гражданскаго права для всей Германіи еще крѣпче свяжетъ Германію воедино.

Напомню при этомъ, что уголовное право существуетъ одно для всей Германіи, уголовный кодексъ сѣверо-германскаго союза распространенъ на всю имперію. Военный уголовный кодексъ также введенъ во всей имперіи. Въ настоящее время засѣдаютъ двѣ коммиссіи, изъ которыхъ одна обсуждаетъ военное уголовное судопроизводство, а другая гражданское уголовное судопроизводство. Проектъ послѣдняго принадлежитъ Фридбергу, подъ предсѣдательствомъ котораго былъ разработанъ проектъ уголовного права. Этотъ человѣкъ принадлежитъ къ числу талантовъ перваго разряда, которыми Германія можетъ поистинѣ гордиться и которыхъ Бисмаркъ съ поразительной ловкостью сумѣлъ привлечь къ дѣламъ; таковы: Дельбрюкъ, Кампгаузенъ, Фалькъ, Ахенбахъ, Стефанъ, Михаэлисъ и многіе другіе. Проектъ уголовного судопроизводства, который былъ опубликованъ раньше, чѣмъ поступилъ въ коммиссію, возбудилъ однимъ своимъ пунктомъ бурю въ общественномъ мнѣніи. Онъ устраняетъ судъ присяжныхъ и замѣняетъ его *Schöffengericht*. Выраженіе *Schöffe* даже для нѣмца довольно непонятно, хотя каждому ребенку приходилось слышать въ школѣ, что при *Vehmgerichten*, *Schöffen* произносили рѣшеніе надъ обвиняемымъ. *Schöffen*, по первоначальному своему значенію, суть міряне, исправляющіе судейскія обязанности. Слѣды этого древне-германскаго судоустройства почти совсѣмъ исчезли. Наши присяжные произносятъ рѣшеніе только относительно факта, юридическая же сторона дѣла предоставлена судьямъ. Нѣмецкіе юристы уже давно недовольны судомъ присяжныхъ и проектъ уголовного судопроизводства замѣняетъ его учрежденіемъ *Schöffengericht*, гдѣ ученые и неученые судьи обсуждаютъ сообща и самый фактъ, и примѣненіе къ нему закона. Сторонники суда присяжныхъ выставляютъ главнымъ образомъ противъ *Schöffengericht* то обстоятельство, что не-специалисты не будутъ рѣшаться вступать въ споры съ учеными, и, такимъ образомъ, будутъ имъ подчиняться. Упомянутая коммиссія для обсужденія проекта высказалась недавно огромнымъ большинствомъ за *Schöffengericht*, но подлежитъ большому сомнѣнію, чтобы рейхстагъ согласился съ такимъ мнѣніемъ коммиссіи. По крайней мѣрѣ нѣкоторые отдѣльные ландтаги (саксонскій и вюртембергскій) объявили себя противъ устраненія суда присяжныхъ и имперское правительство не станетъ, конечно, въ угоду нѣсколькимъ юристамъ, ставить препятствія къ довершенію великой реформы.

Второй важный шагъ къ усиленію имперской центральной власти состоитъ въ рѣшеніи учредить имперское желѣзно-дорожное вѣдомство, состоящее изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ совѣтниковъ, упол-

номоченныхъ исполнять обязанности, указанныя въ имперской конституціи относительно желѣзныхъ дорогъ ¹⁾. Князь Бисмаркъ встрѣтилъ предложеніе съ большимъ сочувствіемъ, что совершенно понятно, такъ какъ весьма вѣроятно, что предложеніе было внесено по его желанію; во всякомъ же случаѣ предварительно было имъ одобрено. По логикѣ слѣдовало бы собственно предпослать имперскій желѣзно-дорожный законъ учрежденію желѣзно-дорожнаго вѣдомства, но депутаты были того мнѣнія, — и ихъ нельзя въ этомъ упрекать, — что выработка закона потребуетъ очень много времени, а если вѣдомство развѣ существуетъ, то и дѣло для него, и законъ найдутся. Какъ видите, практическая политика дѣлаетъ успѣхи въ рейхстагѣ и достигаетъ значительныхъ результатовъ. Учреждается одно вѣдомство за другимъ, и каждое представляетъ собой звено цѣпи, которая связываетъ все крѣпче и крѣпче воедино Германію. Достигнутые со времени основанія имперіи — немного болѣе двухъ лѣтъ — результаты колоссальны, и политика князя Бисмарка, въ этомъ отношеніи, достойна удивленія. Всякій разъ, какъ только вносился какой-нибудь проектъ, имѣющій въ виду великое объединеніе, мелкія государства возставали противъ него. Въ такихъ случаяхъ Пруссія принимала на себя пассивную роль и заявляла только, что хотя и не имѣетъ ничего противъ проекта, но ни подъ какимъ предлогомъ не воспользуется принадлежащимъ ей большинствомъ въ союзномъ совѣтѣ, чтобы принудить своего союзника. Вслѣдъ за тѣмъ, проектъ принимается рейхстагомъ; союзный совѣтъ отклоняетъ его. Пресса поднимаетъ тревогу противъ партикуляристовъ, а также и противъ Пруссіи, которая оказалась по ея мнѣнію, недостаточно энергична. Кто въ подобное время составитъ себѣ сужденіе на основаніи отзывовъ прессы, можетъ подумать, что Бисмаркъ совершенно утратилъ свою энергію, что онъ боится мелкихъ государствъ, что стремленіе къ единству угасаетъ, и что все идетъ какъ нельзя хуже. Черезъ нѣсколько времени подобныя жалобы прекращаются, на слѣдующей сессіи рейхстага проектъ снова появляется, встрѣчая уже болѣе слабую оппозицію. Можетъ быть еще потребуются третья сессія, но тогда уже навѣрный проектъ проходить съ полнымъ успѣхомъ, безъ всякой усиленной поддержки со стороны Пруссіи.

Образованіе инвалиднаго фонда для всей имперіи, одобренное нѣсколько дней тому назадъ рейхстагомъ, можетъ считаться также шагомъ въ объединенію. Законъ 8 іюля 1872 года относительно фран-

¹⁾ Желѣзно-дорожное дѣло подлежитъ надзору со стороны имперіи, а также имперскому законодательству.

цузской контрибуціи предоставилъ имперіи 1,500 милліоновъ франковъ на покрытие расходовъ, причиненныхъ войной. Изъ этого закона союзное правительство вывело, что расходы по инвалиднымъ пенсіонамъ должны производиться не изъ средствъ отдѣльныхъ государствъ, но изъ упомянутыхъ $1\frac{1}{2}$ милліардовъ. Но такъ какъ противно здравому смыслу хранить безъ движенія столь значительный капиталъ въ теченіе по крайней мѣрѣ 60 или 70 лѣтъ, пока не умретъ послѣдній инвалидъ войны 1870—71 годовъ, то новый законъ предлагаетъ образовать фондъ, который помѣститъ на проценты и тратить понемногу, такъ чтобы его хватило до тѣхъ поръ, пока еще есть на лицо инвалиды. Для этой цѣли была вычислена сумма, потребная для инвалидовъ имперіи въ настоящее время; затѣмъ, по расчету вѣроятности, продолжительность ихъ жизни и изъ этихъ двухъ данныхъ опредѣленъ капиталъ, потребный для производства пенсіоновъ.

Напримѣръ, 17 генераловъ и генералъ-лейтенантовъ сдѣлались инвалидами на войнѣ. Среднее число ихъ лѣтъ 58, общая сумма пенсіона 50,735 талеровъ, т.-е. среднимъ числомъ на каждого 3,000 талеровъ. Средняя продолжительность жизни, по расчету вѣроятности, 16 лѣтъ. Изъ этихъ данныхъ весьма просто вычислить размѣръ капитала, а также размѣръ ренты, для чего только слѣдуетъ знать, какой процентъ онъ будетъ приносить. При $3\frac{1}{2}\%$ потребуются капиталъ для инвалиднаго фонда въ 200 милліоновъ; при 4% , принятыхъ правительствомъ за основаніе расчета, — 187 милліоновъ: въ этомъ размѣрѣ и было сдѣлано предложеніе правительства, одобренное рейхстагомъ послѣ довольно оживленныхъ преній, во время которыхъ самый принципъ совѣмъ не оспаривался. Главнымъ спорнымъ пунктомъ былъ вопросъ, въ какія бумаги слѣдуетъ вложить капиталъ. Большинство рейхстага не скрывало отъ себя, что правительство приобретаетъ, вмѣстѣ съ столь значительнымъ фондомъ, громадную силу, и нѣкоторые ораторы высказывали даже мнѣніе, что было бы правильнѣе производить пенсіоны инвалидамъ изъ текущихъ доходовъ государства, т.-е. изъ налоговъ, но въ концѣ концовъ сами же они отказывались отъ этой мысли, потому что руководящей идеей въ этомъ вопросѣ была возможно прочная организація общаго управленія инвалидами для всей Германіи, и, съ другой стороны, предоставленіе правительству, для всякихъ случайностей, значительной суммы, которой бы оно могло располагать въ каждую минуту. Хотя, несмотря на то, въ законѣ и сдѣланы всѣ возможныя оговорки, какъ разъ съ противоположной цѣлью, но сила солову ломить и, въ случаѣ нужды, правительство поступить по примѣру, данному Бисмаркомъ во время внутренняго столкновенія, и возьметъ

деньги тамъ, гдѣ можеть. Такъ какъ сверхъ упомянутыхъ 187 милліоновъ, правительство получило 72 милліона на перестройку укрѣпленій,—сумма, которая также будетъ тратиться понемногу, въ теченіи многихъ лѣтъ,—то общая сумма, которой оно располагаетъ, достигаетъ весьма большихъ размѣровъ. Къ тому же, прусское правительство располагаетъ еще вышеупомянутыми 120-ю милліонами, предоставленными ему на постройку желѣзныхъ дорогъ.

Изъ числа длиннаго ряда законовъ, разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ рейхстагомъ въ текущую сессію, мнѣ остается упомянуть о двухъ: законѣ о натуральныхъ воинскихъ повинностяхъ и монетномъ законѣ. Первый устанавливаетъ натуральныя повинности для населенія въ случаѣ войны (постой, лошади и т. п.) и вознагражденіе за нихъ, равномѣрное для всей Германіи; въ новомъ законѣ приняты за основаніе прусскіе порядки, въ которыхъ сдѣланы только незначительныя измѣненія. Второй въ теченіи нѣсколькихъ недѣль держалъ въ крайнемъ возбужденіи всѣхъ финансистовъ рейхстага, и обсужденіе его было весьма интересно.

На основаніи 4-го параграфа № 3-го имперской конституціи, установленіе системы мѣры, вѣса и монеты, а также выпускъ процентныхъ и безпроцентныхъ бумагъ, предоставлены законодательству рейхстага. Вслѣдствіе этого, принятая еще въ 1868 году сѣверогерманскимъ союзомъ система мѣры и вѣса была распространена въ 1871 на всѣ государства имперіи. Оставалось установить монетную систему. Еще въ ноябрѣ 1871 г. рейхстагъ приступилъ къ обсужденію этого предмета, но ограничился въ то время изданіемъ закона относительно чеканки золотой монеты. Въ свое время я сообщалъ объ этомъ обстоятельно ¹⁾, теперь же припомню, что законъ 4-го декабря 1871 года установилъ чеканку золотыхъ монетъ въ 10 и 20 марокъ, къ чему немедленно и было приступлено. Этимъ закономъ былъ рѣшенъ въ принципѣ вопросъ о переходѣ къ золотой единицѣ, хотя въ немъ и не упоминалось объ исключительности такой единицы; напротивъ, извлеченіе крупныхъ серебряныхъ монетъ изъ обращенія предоставлялось другому закону, который долженъ былъ послѣдовать. Новыхъ золотыхъ монетъ отчеканено всего на сумму свыше 600 милліоновъ марокъ; изъ нихъ, за вычетомъ 120 милліоновъ на военный фондъ, около 500 милліоновъ готовы для обращенія. Чеканка серебряной монеты одновременно была приостановлена; находящаяся въ обращеніи понемногу извлекается. Но можеть пройти еще много времени, пока эта процедура придетъ къ концу, частью потому, что потребное для обращенія количество золотой и раз-

¹⁾ См. «Вѣстникъ Европы», декабрь 1871 г., стр. 871 и слѣдующія.

мѣнной монеты не можетъ быть такъ быстро отчеканено, частью же потому, что весьма трудно сбыть за границу обращающееся въ настоящее время серебро, такъ какъ всѣ страны переходятъ къ золотой единицѣ. Оставить серебряную монету на ряду съ золотой нельзя, во-первыхъ, потому, что *слишкомъ большой* избытокъ монеты производить вредное повышеніе цѣнъ, во-вторыхъ же, потому, что при всякомъ колебаніи отношенія цѣнности между золотомъ и серебромъ сравнительно болѣе дешевый металлъ вытѣснитъ болѣе дорогой. Бамбергеръ изложилъ это съ чрезвычайной ясностью во время преній въ ноябрѣ 1871 года. Вопросъ о двойной монетной единицѣ, говорилъ онъ, сводится обыкновенно на то, что должникъ долженъ имѣть возможность удовлетворять займодавца, по желанію, золотомъ или серебромъ. Это право похоже на то, какъ будто человѣкъ отъ природы снабженъ двумя карманами, однимъ съ золотомъ, а другимъ съ серебромъ, и платитъ тѣмъ, чѣмъ ему пріятнѣе. На дѣлѣ бываетъ не такъ. Всякій платитъ тѣмъ, что у него есть, а это зависитъ отъ движенія торговли; весьма немногіе оставляютъ лежать изъ году въ годъ запасы денегъ, большинство же достаетъ ихъ когда нужно. Въ состояніи ли при этомъ должники платятъ серебромъ, если на денежномъ рынкѣ болѣе большой спросъ на золото, чѣмъ на серебро? Такъ на дѣлѣ и не случается, а бываетъ слѣдующимъ образомъ: На денежномъ рынкѣ внезапно явился спросъ на серебро. Крупные купцы обращаются на міровые денежные рынки, въ такія мѣста, гдѣ существуетъ двойная единица, и стараются приобрести серебро изъ депозитовъ банковъ. Какъ только банки это замѣтятъ, — а они замѣтятъ это, понятнымъ образомъ, весьма скоро, — то начинаютъ платить не серебромъ, а золотомъ. Вслѣдствіе этого, обращаются за серебромъ къ другимъ, болѣе мелкимъ источникамъ; пускаютъ въ ходъ мѣняль, которые скупаютъ серебро внутри страны. Такимъ образомъ, часть серебра переходитъ въ руки мѣняль, другая лежитъ у банкировъ и въ обращеніи само собою остается, главнымъ образомъ, золото. Вообще, въ странѣ съ двойной единицей всегда будетъ въ обращеніи тотъ металлъ, который въ данный моментъ, сравнительно, дешевле, что конечно невыгодно съ экономической стороны.

Въ проектѣ новаго закона опредѣляется для Германіи золотая единица. Единицей счета служить марка. Правительство предлагаетъ, кромѣ 10 и 20-ти-марковыхъ золотыхъ монетъ, установленныхъ закономъ 4 декабря 1871 года, чеканить серебряныя монеты слѣдующаго достоинства: въ 5 марокъ, въ 1 марку, въ $\frac{1}{2}$ марки и въ $\frac{1}{4}$ марки; изъ никкеля: въ 10 пфенниговъ и въ 5 пфенниговъ, и мѣдныя: въ 2 пфеннига и въ 1 пфеннигъ. Послѣ продолжительныхъ, весьма оживленныхъ преній рейхстагъ принялъ нѣкоторые измѣненія въ

проектъ правительства, изъ которыхъ главнѣйшія заключаются въ томъ, что на ряду съ серебряной монетой въ 5 марокъ должна чеканиться и золотая того же достоинства, и что между серебряной монетой въ 5 марокъ и въ 1 марку, должна быть введена промежуточная въ 2 марки. Правительство съ большой энергіей боролось противъ введенія двухмарковой монеты и одно время можно было опасаться изъ-за этого пункта за весь законъ. Монета въ 2 марки равняется австрійскому гульдону, а это заключаетъ въ себѣ двойную опасность. Во-первыхъ, гулденъ лежитъ въ основаніи австрійской монетной системы; многіе, а именно южно-германцы, желаютъ, чтобы онъ былъ введенъ за основаніе и въ Германіи, и если на ряду съ маркой останется гулденъ, то весьма вѣроятно, что онъ помѣшаетъ марку прививаться въ народѣ. Вторая опасность состоитъ въ слѣдующемъ: сущность разнѣнной монеты заключается въ томъ, что ея дѣйствительная цѣнность гораздо ниже номинальной, почему она и принимается только при незначительныхъ платахъ. Такъ, напримеръ, по новому монетному закону, никто не обязанъ принимать въ уплату серебряной монетой болѣе, чѣмъ на 20 марокъ, а никкелевой и мѣдной на одну марку. Если цѣнность серебра (относительно золота) понизится, а это уже существуетъ на дѣлѣ, то Австрія будетъ его скупать, перечекивать на гульденъ, отправлять въ Германію и такимъ образомъ, не прямымъ путемъ, обмѣнивать на золото. Во время преній, Дельбрюкъ положительно заявилъ, что такъ дѣлается уже въ настоящее время, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться собственными глазами, такъ какъ страна переполнена австрійскими гульденами. Конечно, правительство приметъ съ своей стороны мѣры противъ такого наплыва австрійской монеты: подтвердитъ существующее запрещеніе принимать гульденъ въ общественныхъ кассахъ и, наконецъ, издастъ запрещеніе принимать эту монету при частныхъ расплатахъ, но это повлечетъ за собой нѣкоторые неудобства и можетъ заставить потерпѣть убытки невинныхъ.

Записка правительства представляетъ интересный обзоръ, изъ котораго видно, сколько различныхъ страны доставили золота для чеканки новой монеты. Чеканнаго золота (т.-е., для переплавки) заготовлены слѣдующія количества: I. Въ Германіи: 273½ миллиона франковъ въ 20, 10 и 5-франковыхъ монетахъ, въ томъ числѣ 106 миллионъ франковъ изъ французской контрибуціи, 48,857 *фунтовъ* французскаго золота, 1,915,978 *штукъ* совереновъ, 13,531 *фунтовъ* русскихъ имперіаловъ, 600 *фунтовъ* американскихъ долларовъ и орловъ, 2614 *фунтовъ* золота въ полосахъ, 332 *фунта* испанскихъ золотыхъ, 669,668 *штукъ* прусскихъ фридрихсдоровъ, 217,819 *штукъ* германскихъ кронъ, 8418 *штукъ* австрійскихъ кронъ. II. Въ Англіи: 3 мил-

ліона 33,897 унцовъ золота въ полосахъ, 193,194 унца американскихъ золотыхъ и 273,950 унцовъ наполеондоровъ. Общая стоимость этой массы золота вычислена въ 211 миллионовъ талеровъ.

Еще болѣе жаркая борьба,—чѣмъ по поводу гульдена,—была вызвана однимъ прибавленіемъ, гласящимъ, чтобы до 1 января 1875 года были вынуты изъ обращенія всѣ банковые билеты, цѣнность которыхъ обозначена не имперской единицей, и чтобы, начиная съ этого срока, остались въ обращеніи и вновь выпускались только банковые билеты, стоимостью не менѣе, чѣмъ въ 100 марокъ.

То же самое должно относиться и къ государственнымъ кредитнымъ билетамъ. Противъ послѣдняго правительство возстало самымъ рѣшительнымъ образомъ и заявило о невозможности такого постановленія, изъ уваженія къ мелкимъ государствамъ, изъ которыхъ нѣкоторые выпустили весьма значительныя количества бумажныхъ денегъ. Кампгаузенъ, правда, выразилъ мысль о постепенномъ уничтоженіи бумажныхъ денегъ отдѣльныхъ государствъ и замѣнѣ ихъ имперскими кредитными билетами. Этотъ вопросъ остался пока нерѣшеннымъ.

Говоря о дѣятельности рейхстага, нельзя не упомянуть о двухъдневныхъ, весьма важныхъ въ политическомъ отношеніи, преніяхъ, происходившихъ 16 и 17 мая, о которыхъ я упомянулъ уже выше. Рейхстагу былъ представленъ второй годичный обзоръ законоположеній и управленія въ Эльзасъ-Лотарингіи (на основаніи § 3, закона 9 іюня 1871 г.), вызвавшій продолжительныя пренія. Управленіе порицалось главнымъ образомъ съ двухъ сторонъ: ультрамонтанами, недовольными изгнаніемъ іезуитовъ и строгими мѣрами противъ орденовскихъ обществъ, и господиномъ Зоннеманномъ, ультрадемократическимъ депутатомъ отъ Франкфурта, вступившимся за якобы угнетаемыхъ французовъ въ Эльзасъ-Лотарингіи. Самый отчетъ по управленію весьма сухъ; онъ приводитъ только факты, обходя всякія разсужденія. Пренія не привели ни къ какому результату. Но кто возьмется рѣшить, достигнуто-ли все, чего можно было достигнуть, или, что при другихъ условіяхъ можно было достигнуть большаго? А на этомъ вертится весь вопросъ. Одно несомнѣнно: сліяніе съ Германіей совершается медленно, но въ этомъ отношеніи Бисмаркъ никогда не заблуждался и еще разъ упомянулъ во время преній, что онъ вовсе не желаетъ присоединенія обѣихъ провинцій и только уступилъ необходимости въ военномъ отношеніи,—признаніе, въ искренности котораго можно немного усомниться. Весьма важно сдѣланное заявленіе, что имперская конституція будетъ введена въ эти провинціи съ 1-го января слѣдующаго года—если до того времени не произойдетъ ничего особеннаго (на основаніи вышеприве-

деннаго закона, имперская конституція должна была быть введена еще съ 1-го января 1873 г., но закономъ 20 июня 1872 г. введеніе ея отсрочено на одинъ годъ). Такимъ образомъ, на слѣдующей сессіи рейхстага будутъ участвовать представители Эльзасъ-Лотарингіи. Смѣлый опытъ съ наборомъ далъ слѣдующій результатъ: изъ 33,475 человекъ, обязанныхъ служить, явилось къ сроку 7454—число довольно значительное; кромѣ того поступило на службу 500 вольноопредѣляющихся.

Когда я подумаю, сколько важныхъ предметовъ, бывшихъ на обсужденіи рейхстага, приходится мнѣ оставить незатронутыми, то невольно дивлюсь дѣятельности этого парламента, засѣдающаго всего два мѣсяца съ небольшимъ. Приходится признать, что парламентская машина несравненно лучше дѣйствуетъ въ Германіи, нежели въ Пруссіи, несмотря на то, что рейхстагъ находится въ зависимости отъ союзнаго совѣта, не имѣющаго, правда, значенія верхней камеры, но представляющаго собой многоголовое и тяжелое на подъемъ учрежденіе, которое подготавливаетъ всѣ предложенія для рейхстага и можетъ одобрить или отвергнуть его рѣшеніе. Какихъ только не было слышно жалобъ вначалѣ на союзный совѣтъ, какихъ не было предсказаній относительно его бесплодности. Организация его весьма проста: президентъ (императоръ), союзный совѣтъ и комитеты совѣта. Въ средѣ этихъ трехъ элементовъ рѣшаются всѣ дѣла, и тѣмъ легче и скорѣе, что всѣ они съ внѣшней стороны составляютъ одно цѣлое. Комиссіи избираются изъ членовъ самого союзнаго совѣта, раздѣляющихъ такимъ образомъ трудъ между собой. Первоначально комитеты этого учрежденія были составлены по образцу постоянныхъ комитетовъ Сѣверо-Германскаго Союза: военный комитетъ, техническая военная комиссія, вѣдѣнію которой подлежали крѣпости, комиссія для исполненія постановленій Союза (*Bundesexecutionscommission*), комиссія для разбора частныхъ просьбъ, адресованныхъ въ союзное собраніе (*Reclamationscommission*), комиссія для наблюденія за дѣятельностью представителей сословій въ отдѣльныхъ государствахъ. Къ семи постояннымъ комитетамъ Сѣверо-Германскаго Союза имперская конституція присоединила еще комитетъ для иностранныхъ дѣлъ; впоследствии образовались еще три комитета: по дѣламъ Эльзасъ-Лотарингіи, административный и законодательный. Составъ комитета, относительно числа членовъ и представителей отъ отдѣльныхъ государствъ, раз навсегда опредѣленъ; комитеты избираются на годъ, но по истеченіи этого срока члены могутъ быть избраны снова.

Дѣлопроизводство союзнаго совѣта вообще весьма просто. Всякій болѣе или менѣе значительный вопросъ передается въ подлежащій

комитетъ; союзный совѣтъ выслушиваетъ докладъ комитета и въ случаѣ согласія съ его мнѣніемъ, выраженнаго простымъ большинствомъ голосовъ, передаетъ дѣло черезъ имперскаго канцлера въ рейхстагъ.

Весьма способствуетъ быстрому ходу дѣлъ то обстоятельство, что ничего не сказано о необходимости извѣстнаго числа наличныхъ членовъ союзаго совѣта для постановленія рѣшеній, а также объ инструкціяхъ для членовъ его. Въ статьѣ 7-й конституціи значится просто: „не находящіяся налицо и не снабженные инструкціями голоса не считаются“. Первый комментаторъ конституціи Сѣверо-Германскаго Союза, которая почти цѣликомъ вошла въ конституцію имперіи, Гирземенцель замѣчаетъ по этому поводу, что въ присутствіи союзаго канцлера, или лица замѣняющаго его, рѣшенія могутъ постановляться при *всякомъ* числѣ наличныхъ и снабженныхъ инструкціями голосовъ. Въ той же статьѣ значится, что всякій членъ союзаго совѣта долженъ самъ заботиться о своей инструкціи. Въ прежнемъ Германскомъ Союзѣ, всякій представитель былъ обязанъ подавать голосъ сообразно съ своей инструкціей, и въ случаѣ неимѣнія таковой, дѣло приостанавливалось до полученія инструкціи. Понятно, что такой порядокъ сильно задерживалъ ходъ дѣла.

Въ настоящее время, союзные комитеты имѣютъ помѣщеніе въ самомъ рейхстагѣ; члены ихъ весьма часто находятся тамъ во время засѣданія рейхстага (за столомъ уполномоченныхъ Союза, потому что ни одинъ членъ союзаго совѣта не можетъ быть одновременно и членомъ рейхстага), что дѣлаетъ возможнымъ для Дельбрюка быстро созвать членовъ на общее собраніе. Кто налицо—прекрасно, нѣтъ—такъ нѣтъ, между тѣмъ важный вопросъ разрѣшается въ кратчайшее время.

Ничѣмъ неомраченныя отношенія между палатой депутатовъ, рейхстагомъ и правительствомъ имѣли весьма важныя послѣдствія для дѣла свободы и прогресса. Первымъ такимъ послѣдствіемъ можно назвать уничтоженіе значенія перовъ. Романтико-феодалное твореніе Фридриха-Вильгельма IV не существуетъ больше съ 30-го ноября. Палата господъ стала обыкновеннымъ конституціоннымъ, весьма прозаическимъ сенатомъ, первой камерой, въ которой, правда, засѣдаютъ весьма консервативные люди, но не мечтающіе болѣе перевернуть весь свѣтъ по своимъ мыслямъ и желаніямъ и не воображающіе себя призванными, по Божію повелѣнію, управлять государствомъ. Никто не изобразилъ съ такою ясностью хода идей покойнаго короля, какъ Ранке, въ недавно изданной перепискѣ короля съ Бунзеномъ ¹⁾, составляющей весьма важный документъ для

¹⁾ L. v. Ranke, Aus dem Briefwechsel Friedrich Wilhelm's IV mit Bunsen. Leipzig. 1873.

исторіи того времени. Бунзенъ предостерегаетъ короля отъ опасности сдѣлаться „любителемъ древности“, вмѣсто того, чтобы быть королемъ-законодателемъ XIX-го вѣка. И дѣйствительно, палата господъ была собраніемъ древностей. Но идеи короля о конституціи Германіи превосходили все. Его планъ состоялъ въ восстановленіи римской имперіи, въ австрійскомъ домѣ, на ряду съ которой онъ красовался королемъ германскимъ, коронованнымъ протестантскимъ епископомъ Магдебурга. Вокругъ короны находятся двѣ палаты: верхняя и нижняя; первая состоитъ изъ королей, герцоговъ, князей, — вторая изъ городовъ, рыцарства, ассессоровъ, остальной знати и депутатовъ отъ сельскихъ общинъ.

Двадцать пять лѣтъ спустя, братъ этого короля созываетъ германскій парламентъ, — послѣ исключенія Австріи, — основанный на всеобщихъ прямыхъ выборахъ! Трудно найти болѣе рѣзкаго контраста для характеристики эпохъ.

Перемѣны въ министерствѣ составляютъ второй важный моментъ. Девизъ, употребленный Вольтеромъ относительно Россіи: *ex oriente lux*, — можетъ быть удачно примѣненъ къ побѣдѣ императора Вильгельма въ Петербургѣ. До его побѣды еще бродили тучи на политическомъ горизонтѣ: Бисмаркъ былъ пасмуренъ, ультрамонтаны и ультраконсерваторы, увѣренные въ побѣдѣ, открыто заявляли, что церковные законы не будутъ утверждены, палата депутатовъ была недовольна тѣмъ, что графъ Иценцлицъ не оставляетъ своего поста, несмотря на его доказанную неспособность; неудовольствіе палаты усиливалось еще тѣмъ, что король медлил разрѣшеніемъ увеличенія квартирныхъ денегъ для гражданскихъ чиновниковъ, несмотря на то, что предложеніе этой мѣры было внесено въ ландтагъ самимъ правительствомъ и принято почти безъ измѣненій. Причина медлительности короля была извѣстна: онъ не хотѣлъ утверждать закона раньше, чѣмъ *рейхстагъ* не одобритъ представленія объ увеличеніи содержанія высшимъ офицерамъ. Такое поведеніе короля совершенно противно конституціи и Кампаузенъ, министръ финансовъ, уже былъ готовъ подать въ отставку, — но король вернулся и согласился на всѣ требованія министерства: церковные законы и законъ объ увеличеніи квартирныхъ денегъ были утверждены. Иценцлицъ получилъ отставку и на его мѣсто назначенъ Ахенбахъ, молодой человекъ 43-хъ лѣтъ, ученый, талантливый администраторъ, ловкій въ парламентскомъ дѣлѣ, членъ свободноконсервативной партіи и уважаемый всѣми партіями. Съ этимъ назначеніемъ разсѣялись послѣднія опасенія, возникшія въ январѣ, послѣ сложенія съ себя Бисмаркомъ обязанностей предсѣдателя въ министерствѣ. Объ ослабленіи его вліянія не можетъ быть и рѣчи, потому что назначеніе Ахенбаха, соответствующее вполнѣ

его желаніямъ, дало перевѣсъ молодому элементу въ министерствѣ и разсѣяло опасенія относительно партикуляристскихъ стремленій, на которыя указывали нѣкоторые трусливые люди въ январѣ.

Тѣмъ не менѣе существуетъ реакціонное стремленіе, но въ другой области, а именно въ области экономическаго законодательства. Законодательство послѣднихъ лѣтъ, по мнѣнію не только консерваторовъ, но и умѣренныхъ либераловъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ушло слишкомъ далеко, а именно относительно безграничнаго права стачекъ. Своеволіе „рабочихъ“ не знаетъ предѣла и если желаютъ пріостановить распространеніе зла, то не слѣдуетъ медлить. Это выразилось въ запросѣ, обсуждавшемся рейхстагомъ 12-го ч., и поддержанномъ болѣе чѣмъ 100 членами: не пожелаетъ-ли правительство представить проектъ закона о наказаніи за нарушеніе контракта. За нарушеніе контракта не существуетъ наказанія: понесшему убытокъ предоставлено только право искать вознагражденіе. Но получить вознагражденіе за убытокъ съ рабочихъ не легко, и потому такое право при забастовкахъ не имѣетъ смысла. Рабочіе прекращаютъ работу, не дожидаясь сроковъ, означенныхъ въ контрактахъ, что, понятнымъ образомъ, ставитъ контрагентовъ въ весьма затруднительное положеніе. Дельбрюкъ заявилъ, что правительство готовитъ проектъ закона объ учрежденіи мировыхъ судовъ для болѣе короткаго и простаго разбора споровъ между рабочими и капиталистами; затѣмъ о назначеніи наказанія за нарушеніе контракта той стороной, которая нарушила его, и наконецъ объ охраненіи отъ матеріальнаго и нравственнаго принужденія тѣхъ рабочихъ, которые не пожелаютъ примѣнить къ стачкѣ. Помѣщикамъ также нужна помощь. Для нихъ сильно страдаютъ отъ недостатка рабочихъ, выселяющихся массами. Не знаю, въ чемъ можетъ быть имъ оказана помощь, такъ какъ нельзя же воспретить переселеніе, а затруднить его различными придираньями ни къ чему не приведетъ.

Тронная рѣчь, 20-го мая, указывала на предстоящіе выборы (полномочіе палаты депутатовъ истекаетъ осенью, рейхстага — будущей весной) и заявляла надежду, что народъ будетъ руководствоваться патриотическимъ чувствомъ и полнымъ довѣріемъ къ правительству. Главныя партіи уже выставили свои избирательныя программы. Въ нихъ содержится мало положительнаго. Избирательная борьба сосредоточится главнымъ образомъ, конечно, между ультрамонтанами и правительствомъ; исходъ во многихъ случаяхъ будетъ зависѣть отъ либераловъ: не будучи въ состояніи представить собою большинство, имъ предстоитъ выборъ между ультрамонтанами и національными консерваторами. Умѣренные либералы будутъ, конечно, за послѣднихъ, а крайняя лѣвая, не принимающая никакого

компромисса, заявляетъ, что ей все равно, кто будетъ выбранъ, ультрамонтанъ или консерваторъ, первый даже для нея пріятнѣе, для вѣрной оппозиціи правительству. Ультрамонтаны преисполнены надеждъ: они рассчитываютъ на 100 мѣстъ. Соціалисты, имѣющие только двухъ представителей въ настоящемъ рейхстагѣ, насчитываютъ пять кандидатовъ въ одной Саксоніи. Если причесть къ нимъ поляковъ, которыхъ 14—15 человекъ, нѣсколькихъ партикуляристовъ и крайнюю лѣвую сторону партіи прогресса,—то положеніе можетъ сдѣлаться довольно опаснымъ.

Во внѣшней политикѣ господствуетъ тишина, по крайней мѣрѣ, на видъ. Дружественныя отношенія между Россіей, Пруссіей и Австріей достаточно гарантируютъ миръ. Относительно Франціи, Германіи приходится только выжидать. О намѣреніяхъ касательно выборовъ папы, которыя, по всей вѣроятности, скоро наступятъ, хранится строгая тайна. То, что о нихъ говорится, только догадка, но я полагаю, что у Бисмарка планъ кампаніи вполне готовъ и что онъ начнетъ съ того, что предложить миръ на совершенно удобныхъ условіяхъ. Если же его условія не будутъ приняты, то дѣло приметъ еще болѣе крутой оборотъ, чѣмъ было до сихъ поръ. Многіе предпочитаютъ начать съ послѣдняго.

К.

НОВЫЯ КНИГИ.

La science au point de vue philosophique, par E. Littré, de l'Institut et de l'Académie de Médecine. (Наука съ философской точки зрѣнія. Соч. Э. Литтре, члена Института и Медицинской Академіи). Paris. Didier et Cie. 1873.

Изъ современныхъ французскихъ приверженцевъ такъ-называемой „положительной философіи“ самое видное мѣсто занимаетъ Литтре, весьма замѣчательный ученый, авторъ громаднаго словаря французскаго языка, за которымъ онъ работалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Новая книга, о которой мы хотимъ говорить, есть сборникъ статей по разнымъ научнымъ вопросамъ, разсматриваемымъ на основаніи воззрѣній положительной философіи. Нѣкоторыя статьи принадлежатъ къ давнопрошедшему времени, когда не только авторъ не былъ контистомъ, но и самой положительной философіи еще не существовало: къ 1834—35 годамъ; но большинство статей относится къ контристскому періоду, почти цѣлая половина книги написана въ 1868—72 годахъ и была помѣщаемъ по частямъ въ журналѣ: „La Philosophie

positive", издаваемомъ самимъ Литтре вмѣстѣ съ нашимъ соотечественникомъ, г. Вырубовымъ, въ Парижѣ. Въ прежнихъ статьяхъ вѣяніе времени сдѣлало свое дѣло и статьи кажутся, поэтому, устарѣлыми, но за то новыя статьи вполне соотвѣтствуютъ современному состоянію науки. Однако и прежнія статьи выполняютъ въ сборникѣ ту цѣль, которую преслѣдуетъ авторъ въ изданіи своей книги, такъ какъ и въ нихъ научные вопросы излагаются въ тѣхъ видахъ, чтобы извлечь изъ нихъ философскія поученія. Такимъ образомъ, сквозь всю книгу проходитъ вѣрная связь цѣлаго философскаго направленія, что придаетъ самой книгѣ нѣкоторый особенный интересъ, состоящій въ томъ, что здѣсь передъ читателемъ излагаются не только всѣ главныя основанія положительной философіи, но еще въ примѣненіи ко всѣмъ отраслямъ знанія.

Литтре пишетъ прекраснымъ, общедоступнымъ языкомъ, и если пониманіе и усвоеніе всѣхъ его выводовъ требуетъ отъ читателя не бѣзглаго, но очень внимательнаго чтенія, то въ этомъ виновно не мастерское изложеніе автора, а серьезность самыхъ предметовъ изложенія. Кто охотно хочетъ познать тѣ вещи, о которыхъ пишетъ Литтре, тотъ съ удовольствіемъ прочтетъ разбираемую нами книгу. Въ ней излагаются всѣ крупныя научныя и философскія вопросы нашего времени: здѣсь вы найдете статьи о всѣхъ отрасляхъ естествознанія и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: и объ астрономіи, и о физикѣ, и о химіи, и о біологіи вообще, а также о фізіологіи и геологіи въ частности; тутъ вы познакомитесь и съ „Космосомъ“ Гумбольдта, и съ электро-магнетизмомъ Ампера, со взглядами положительной философіи на теоріи Кювье и Дарвина; тутъ найдете вы интересныя разсужденія объ отношеніяхъ біологіи къ соціологіи, о происхожденіи идеи справедливости, о позитивныхъ гипотезахъ касательно космогоніи, и т. д. Всѣ эти предметы излагаются подъ освѣщеніемъ положительной философіи, и потому сама положительная философія со всѣми ея главными выводами находится на глазахъ у читателя.

Положительная философія, созданная Огюстомъ Контомъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, только въ наше время начинаетъ занимать умы и интересовать общественное вниманіе во всемъ цивилизованномъ мірѣ, въ которомъ до Конта и въ продолженіи всего послѣдняго періода времени господствовали взгляды разныхъ метафизическихъ и теологическихъ школъ, распадающихся, какъ извѣстно, на двѣ большія группы: идеалистическую и матеріалистическую. Сама положительная философія присчитывалась многими къ матеріализму, и никто не терпѣлъ столь много въ своей жизни отъ этого послѣдняго обстоятельства, какъ нашъ почтенный авторъ. Читатели „Вѣстника Европы“ вѣроятно еще не забыли, напимѣръ, того скандала въ парижской

академіи, который сдѣлалъ членъ ея, фанатическій епископъ Дюпанлу, при избраніи Литтре въ члены той же академіи. Благодаря подобнаго рода ненависти клерикальной партіи, Литтре не могъ занимать ни одной профессорской катедры во время второй имперіи, и на него смотрѣли вообще весьма подозрительно. Но между тѣмъ позитивизмъ Литтре не заключаетъ въ себѣ ничего такого насильственнаго, ничего такого вызывающаго противъ религіи, что бы могло угрожать какими-нибудь бѣдами и несчастіями современному обществу въ любомъ изъ цивилизованныхъ государствъ.

Положительная философія, разумѣется, не теологія и не идеализмъ, но она и не то, что составляетъ сущность матеріализма. Въ основѣ своей, положительная философія отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что разъ признавъ „относительность“ человѣческаго знанія, она никогда и нигдѣ не забываетъ этого факта и строго сдерживается въ его границахъ. Подъ относительностью человѣческаго знанія слѣдуетъ разумѣть то, что нашему знанію есть предѣлы;— все, что находится въ предѣлахъ познавательной способности разума— все это составляетъ положительное знаніе; все другое, въ познаніи чего играетъ главнымъ образомъ фантазія — все это положительная философія отвергаетъ, какъ знаніе гипотетическое, положительнымъ наблюденіемъ и опытомъ не доказанное. Какъ бы вѣроятныя эти гипотезы ни казались, она не принимаетъ ихъ и не выводитъ изъ нихъ никакихъ заключеній, не строитъ на нихъ ни системъ, ни предположеній, ни догадокъ. Мы никогда не можемъ узнать всего— говорить позитивизмъ—и всѣ наши усилія достигъ абсолютнаго, безусловнаго знанія не могутъ дать положительныхъ результатовъ; будемъ же скромны и ограничимся въ нашихъ научныхъ стремленіяхъ тѣмъ полемъ, гдѣ открытъ просторъ наблюденію и опыту, и станемъ принимать за истину лишь то, что можетъ быть изслѣдовано и provato научнымъ образомъ,—только такимъ путемъ мы приобро́демъ дѣйствительныя, положительныя знанія, изъ которыхъ можно вывести вѣрныя заключенія какъ для нашей матеріальной жизни, такъ и для нравственной. Все прочее, что сочиняютъ разныя абсолютныя теоріи, всегда вело лишь къ заблужденіямъ и ошибкамъ и продолжаетъ вести къ тому же и теперь. Согласимся разъ навсегда, что и „наши концепціи, наши доктрины, наши системы никогда не могутъ стать абсолютными и должны оставаться, и по сущности своей и по необходимости, относительными. Матеріальное пространство есть не что иное, какъ образъ пространства умственнаго: что ограничиваетъ одно, тѣмъ же ограничено и другое. Наши концепціи, наши доктрины, наши системы могутъ быть вѣрными лишь для человѣчества и среди человѣчества. Тщетною и ребяческою оказ-

лась бы гордость наша, еслибъ мы вздумали достигнуть чего-нибудь универсальнаго въ опредѣленномъ и безусловномъ смыслѣ. Но благо-родно и справедливо можетъ хвалиться человѣкъ тѣмъ, что посред-ствомъ гения и терпѣнія ему удалось вызвать свѣтъ, постоянно возра-стающій—интеллектуальное солнце, которое просвѣщаетъ его въ соз-ерцаніи вещей и ведетъ его по пути коллективной жизни“ (стр. 14).

Литтре приводитъ нѣсколько примѣровъ существеннаго разно-гласія между положительной философіей и разными метафизическими системами. Эти примѣры могутъ всего лучше охарактеризовать по-ложительную философію и мы воспользуемся здѣсь однимъ изъ нихъ.

Начнемъ съ матеріализма. Существенная аксіома матеріалистовъ—это вѣчность матеріи, то-есть, что у нея не было начала и не бу-детъ конца. Извѣстно, что такое вѣрованіе существовало не всегда, что вѣрили прежде и вѣрують теперь, что матерія создавалась и что она подлежитъ разрушенію. Но фактъ неуничтожаемости матеріи—научный фактъ: онъ засвидѣтельствованъ опытомъ. Въ природѣ и въ насъ самихъ ничего не создается вновь, ничего не прибавляется къ тому веществу, которое уже существуетъ, и ничего не пропадаетъ: самыя тонкія изъ нашихъ наблюденій знакомятъ лишь съ многораз-личными превращеніями матеріи—каждое разложеніе ведетъ за собою новыя сложенія, все измѣняется, принимаетъ разныя формы, но при этомъ матерія не прибываетъ въ количествѣ и не убываетъ. И до тѣхъ поръ, пока мы останемся въ предѣлахъ научныхъ опытовъ, мы можемъ неоспоримо утверждать, что матерія, подлежащая нашему изслѣдованію, неуничтожима. Но если эту относительную истину хо-тятъ обратить въ безусловную, въ такомъ случаѣ переходятъ пре-дѣлы человѣческаго разума и начинаютъ приписывать ему познаніе вѣчности и вещества, а такого познанія онъ имѣть не можетъ: онъ ихъ мыслить лишь какъ понятія. Съ другой стороны положительная философія не допускаетъ созданія чего бы то ни было изъ ничего. Объ обѣихъ гипотезахъ, вѣчности матеріи и ея созданіи—говоритъ Литтре — нельзя даже разсуждать одинаковымъ образомъ. „Прежде всякаго опыта, онѣ имѣли равное право на нашъ разумъ; но опытъ внесъ между ними значительную разницу. Путемъ опыта мы никогда не производили изъ ничего какого-либо вещества, но всегда убѣжда-лись опытомъ, что всѣ вещества только превращаются. Мы не имѣемъ, поэтому, никакой достаточной причины думать, что было твореніе; напротивъ, мы имѣемъ всѣ причины думать, что матерія существуетъ постоянно. Это достовѣрно для насъ, но, какъ я говорилъ, это—до-стовѣрность второстепенная, достовѣрность условная, достовѣрность опытная. Мы знаемъ матерію лишь какъ явленіе, какъ феноменъ, а не какъ вещество. Откуда же берется право говорить о прошлой и

будущей вѣчности предмета, который намъ извѣстенъ лишь съ феноменальной стороны?" (стр. 323). Но—могутъ возразить материалисты—если позитивизмъ не допускаетъ сотворенія матеріи, то какъ же можетъ онъ не допустить вѣчности ея: если матерія не создана, то она вѣчна—это прямой логическій выводъ. Да, таковъ логическій выводъ въ наше время, но вѣдь извѣстно, что логика иногда ведетъ къ абсурду. Человѣческій разумъ, въ продолженіи своего развитія, не разъ принималъ вещи, которыя прежде казались ему немислимыми, и отказывался отъ другихъ, которыя считалъ единственно логичными; эта *психическая несостоятельность* въ немъ есть. „Образъ вѣчности всегда будетъ такимъ, и наша способность мыслить его — жалкая гарантія въ возможности сохранить его навсегда. Я никогда не найду лишнимъ повторить—прибавляетъ Литтре—что все мыслимое или немислимое имѣетъ приложеніе лишь въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ: таковъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ результатовъ психической физиологіи. Въ этихъ предѣлахъ эти термины обладаютъ истиной, достовѣрностью, вѣрностью, но при первой попыткѣ перенести ихъ за наши предѣлы, мы уже лишаемся увѣренности въ томъ, что они имѣютъ какое-либо значеніе и они падаютъ на насъ какъ оружіе, неудачно брошенное въ пространство. Извѣстно, что человѣческій разумъ не предугадываетъ міра, а открываетъ его посредствомъ опыта, и извѣстно также, что опытъ не имѣетъ никакого значенія въ вопросахъ сущности и начала“ (стр. 324).

Перейдемъ теперь къ критикѣ идеализма, или пантеизма. Въ этой метафизикѣ исключительное преобладаніе отдается понятію о жизни, о силѣ; здѣсь тоже первую роль играетъ *вѣчное* начало—духъ. Изъ духа все происходитъ и къ нему все возвращается. Сперва какъ-бы скрытый въ массѣ, или воодушевляемый, онъ начинаетъ выдѣляться въ существа, которыя чувствуютъ, которыя желаютъ, которыя мыслятъ, и наконецъ пріобрѣтаетъ полное обладаніе надъ самимъ собою и полное самосознаніе въ человѣческомъ разумѣ, который такимъ образомъ является приспособленнымъ къ высшему существованію, къ высшей идеѣ. Какъ бы то ни было, „ничто не даетъ намъ правъ распространять психическую теорію нашего сознанія и сознанія животныхъ на *всѣ* вещества во *всѣ* времена и во *всѣ* пространства“, и потому эта метафизика, развивая свою теорію о томъ, что все произошло изъ духа, и что во всемъ есть духъ, не имѣетъ никакого положительнаго основанія, и поэтому позитивистами отвергается въ той же мѣрѣ, какъ материализмъ.

Вообще говоря, положительная философія имѣетъ въ виду разъяснять лишь то, что подлежитъ человѣческому опыту и наблюденію,

но каждый разъ, когда логика даннаго времени пытается проникнуть за предѣлы опыта и наблюденія, философія позитивистовъ благо-разумно останавливается и скромно сознается въ безсиліи человѣческаго разума. За этими предѣлами, — говоритъ Литтре, — „положительная наука ничего не отрицаетъ и ничего не утверждаетъ; она, однимъ словомъ, не знаетъ непознаваемаго, но констатируетъ о существованіи его. Такова высшая философія; идти еще далѣе химерично, не доходить до этого значило бы бѣжать отъ нашего значенія“ (стр. 562).

De la corruption littéraire en France. Étude de littérature comparée sur les lois morales de l'art, par Ch. Potvin. (Объ испорченности французской литературы. Этюдъ сравнительной литературы о нравственныхъ законахъ искусства. Соч. Ш. Потвэна). Paris, 1873.

Пагубное вліяніе французской литературы на общественные нравы уже давно стало темою разныхъ нападеній на Францію, — нападеній, которыя поднимаются отовсюду, со всего цивилизованнаго міра. Сама Франція часто говорила о безнравственности своей литературы извѣстнаго порядка; въ 1856 году парижская академія нравственныхъ и политическихъ наукъ даже назначила премію за лучшее сочиненіе о вліяніи современнаго романа и театра на нравы, и затѣмъ 2-го мая 1857 года увѣнчала трудъ Эжена Пуату; нѣсколько позже Прудонъ брался разрѣшать тотъ же вопросъ, и результатомъ этихъ изученій былъ едвали не лучший его трудъ: „De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise“, который побудилъ его однако къ бѣгству въ Бельгію. Но, къ сожалѣнію, ни Прудонъ, ни Пуату не разрѣшили вопроса вполнѣ. Оба они осудили и театръ и романъ, но каждый съ своей точки зрѣнія: Прудонъ нашелъ виновными въ безнравственномъ направленіи литературы церковь, духовенство, клерикализмъ, а Пуату, напротивъ, революцію, свободомысліе, невѣріе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и тотъ, и другой критикъ нашли и показали публикѣ много такихъ вещей, которыхъ она и не подозрѣвала въ томъ, что ей предлагали для чтенія; но такъ какъ основными началами для обоихъ критиковъ служили больше интересы церкви и революціи, чѣмъ моральные интересы искусства, то многое они представили въ ложномъ, преувеличенномъ видѣ, а многого другого сами не поняли, и многое просто просмотрѣли, какъ маловажное по ихъ одностороннему мнѣнію.

Новое сочиненіе Потвэна о томъ же предметѣ гораздо болѣе со-отвѣтствуетъ цѣлямъ столь высокой задачи, какъ вліяніе современной литературы на общество. Потвэнъ — бельгіецъ и весьма хорошій знатокъ французской литературы, такъ какъ постоянно занимается

ею, и притомъ съ серьезными общественными и политическими намѣреніями. Онъ любитъ Францію, онъ хотѣлъ бы гордиться ея литературой, но его основательное образованіе на Шекспирѣ, Лессингѣ, Шиллерѣ, Мольерѣ, и на памятникахъ Индіи и античнаго міра, постоянно твердитъ ему, что французская литература идетъ ложною дорогою, и хотя продолжаетъ играть важную роль за границею и пользуется тамъ почетомъ извѣстнаго рода, однако сѣмена, разсываемые ею повсюду, не могутъ быть признаны сѣменами добра и счастья для цивилизаціи. Потвѣнъ смѣло говорить, что французскій романъ и французскій театръ только развращаютъ свою публику, научая ее изумляться пороку и презирать добродѣтель; и въ его обвинительный актъ входятъ всѣ французскіе авторы, къ какой бы школѣ они ни принадлежали, потому что всѣ они, даже обладающіе самыми лучшими намѣреніями, не понимаютъ главныхъ требованій искусства въ такомъ изображеніи жизни, чтобы добродѣтель, торжествующая ли, или побѣжденная, всегда являлась передъ читателями въ привлекательномъ видѣ, и чтобы порокъ, хотя бы самый блестящій и самый обольстительный, всегда возбуждалъ одно отвращеніе. Его сочиненіе представляетъ большой томъ, почти въ 500 страницъ, полный самыхъ убѣдительныхъ примѣровъ погрѣшностей этого рода въ самой концепціи отдѣльныхъ частей или характеровъ, или цѣлыхъ произведеній авторовъ, пользующихся самою громкою славой у французовъ и за границею: у Виктора Гюго, Ламартина, Жоржъ-Занда, Эмиля Ожье, Октава Фёлье, Бальзака, Альфреда Мюссэ и многихъ другихъ, новыхъ и старыхъ; цѣлая особая глава, написанная съ большимъ талантомъ, посвящена Александрѣ Дюма-сыну.

Сочиненіе нашего автора состоитъ изъ четырехъ частей. Въ первой изъ нихъ онъ ставитъ вопросъ объ обвиненіи французской литературы въ развращеніи общественныхъ нравовъ. Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, разумѣется, утвердительно, оспоривъ предварительно разныя парадоксальныя мнѣнія касательно нравственности литературныхъ произведеній вообще. На этотъ счетъ среди французскихъ писателей господствуютъ весьма многія заблужденія. Нѣкоторые изъ нихъ прямо отрицаютъ всякое вмѣшательство нравственности въ литературу; они полагаютъ, что не можетъ быть никакихъ нравственныхъ правилъ въ искусствѣ, что талантъ и свобода творчества—единственныя условія нравственности, что нравственность—это прекрасное, что только дурныя произведенія гибельны для общественныхъ нравовъ, такъ какъ образцовое произведеніе не можетъ быть безнравственнымъ, и такъ какъ все, что нравится читателю, непременно цивилизуетъ, — что, наконецъ, слѣдуетъ допускать и „вакханаліи генія“. Эта теорія, само собою разумѣется, ведетъ къ

тому, что писатель предается лишь своему личному артистическому вкусу и, вѣруя въ силу своего таланта, хлопочетъ лишь о томъ, чтобы его читали безъ скуки, ради пріятнаго проведенья времени; ему дѣла нѣтъ до того, какое нравственное вліяніе могутъ имѣть его произведенія на публику; онъ излагаетъ то, что ему нравится, что ему легче и проще дается, что скорѣе можетъ пріобрѣсть толпу читателей, а затѣмъ хоть трава не рости: „я высказалъ мои волненія и мои мечты, я талантъ, и мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, здоровы ли въ нравственномъ отношеніи эти мои мечты и волненія— пусть всякій черпаетъ изъ нихъ, что ему заблагоразсудится“.

Потвѣръ не признаетъ—и совершенно справедливо—безгрѣшности таланта, даже если бы онъ былъ величайшимъ изъ геніевъ. Кто желаетъ быть апостоломъ, — говоритъ онъ, —тому нужно знать предварительно пути и средства апостольскаго служенія. „Наука, одна нравственная наука искусствъ можетъ дать право генію на это служеніе. Необразованный геній является профаномъ въ храмѣ, геніемъ безнравственнымъ, онъ святотаскуетъ, а не проповѣдуетъ... Всѣ вакханаліи генія дали весьма жалкіе результаты: ихъ сочиненія болѣе похожи на опьяняющіе напитки, чѣмъ на благородное вино, ихъ художественное вдохновеніе походитъ болѣе на пьяное состояніе жреца Вакха, чѣмъ на страсть разумаго существа, и сами они, эти геніи, противорѣчатъ себѣ въ продолженіе всей ихъ жизни, ежедневно, и затѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ проклинають дѣла своей юности, и желаютъ удалить этотъ ядъ изъ литературнаго обращенія... Геній безъ нравственной науки не свѣтъ просвѣщенія, но факель Катилины или Мессалины“. Вообще говоря, поклоненіе передъ однимъ талантомъ ведетъ только къ развитію щепетильнаго самовозвеличенія писателей, которые занимаются въ сущности лишь пластическимъ изображеніемъ прекраснаго, пренебрегая всѣми задачами философіи и морали, которыхъ они подчасъ даже просто не знаютъ.

Есть другой разрядъ писателей, которые понимаютъ весь вредъ теоріи „искусства для искусства“, и потому желаютъ прежде всего служить нравственнымъ интересамъ общества, но къ сожалѣнію они полагають, что для этой цѣли достаточно взять хорошую, справедливую тему. Обладая художественнымъ талантомъ и нравственными принципами того или другого сорта, они думаютъ, что все, что бы они ни создали, выйдетъ непременно нравственнымъ. Они упускають изъ виду философское значеніе литературнаго произведенія: правду характеровъ, правду отношеній между дѣйствіемъ и причиною, и вотъ ихъ произведенія вмѣсто того, чтобы поучать читателя нравственнымъ принципамъ, принимаемымъ авторами, только унижаютъ

эти принципы и даютъ просторъ порочнымъ стремленіямъ и страстямъ.

Писателей, которые соблюдали бы въ своихъ произведеніяхъ всѣ три требованія серьёзнаго искусства, почти нѣтъ во Франціи: одни упускаютъ изъ виду нравственную сторону дѣла, другіе — философскую или научную, а третьи — занимаются лишь пластикой прекраснаго. За весьма немногими исключеніями, всѣ романы, вся поэзія и весь театръ современной Франціи сбились на ложный путь, и не удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ того здороваго искусства, законы котораго критически опредѣлены уже въ прошломъ вѣкѣ Лессингомъ, и которыхъ придерживалась прежняя до-революціонная литература Франціи.

Во второй части Потвэнъ говоритъ о французскихъ писателяхъ, какъ о нравственныхъ личностяхъ, и приходитъ къ заключенію, весьма для нихъ неслестному. Всѣ они щеголяютъ въ своихъ сочиненіяхъ „искренностью“, въ которой они находятъ оправданіе самымъ безнравственнымъ изъ своихъ созданій. Это реализмъ — увѣряютъ они, какъ будто реализмъ состоитъ въ описаніи всякой пошлости, которая придетъ въ голову писателю, когда онъ совершаетъ какое-либо безнравственное дѣло. „Искусство — говоритъ нашъ авторъ — можетъ быть нравственнымъ лишь подъ честнымъ перомъ. Искренность — родная сестра честности и безъ нея ни на что не годна. Но что же значить та, другая искренность, которая даетъ амнистію безнравственному писателю и морализуетъ развратное сочиненіе. Если, напримѣръ, свобода любви проповѣдуется въ романахъ женщиною свободною, или если насъ желаетъ обратить къ своему искреннему культу „жрецъ красоты, золота и наслажденія“ — то достаточно ли этого для того, чтобы книга была хороша и авторъ оставался въ мирѣ съ всеобщою совѣстью? Я согласенъ, что здѣсь однимъ лицемѣріемъ меньше, но я утверждаю также, что одною опасностью здѣсь больше. Лучше было бы, если бы развратный человѣкъ постарался написать честное сочиненіе, которое противорѣчитъ его жизни, но въ которомъ видны были бы черныя пятна его нравовъ. Лицемѣріе порока имѣетъ то преимущество передъ его искренностью, что оно служитъ послѣднюю службу добродѣтели“. Нѣтъ, не искренность порока нужна для проповѣди правды въ литературѣ, но честность — честность сердца и ума: не добрыя намѣренія только, но и добрые нравы въ собственной жизни. Цивилизаціонныя темы, нравственные совѣты, честныя указанія — всего этого мало; писатель долженъ давать больше, ибо въ немъ самою профессію даетъ себя чувствовать человѣкъ: его трудъ говорить публикѣ не только о намѣреніяхъ и пожеланіяхъ автора, но также

и о томъ, гдѣ онъ бываетъ, въ какой нравственной обстановкѣ живетъ. „Напрасно воспѣвать идеалъ своей эпохи, пребывая въ тинѣ ея дѣйствительности; — человѣкъ проституціи плохо рисуетъ невинность; рабы своихъ страстей не въ состояніи живо представить мужественный характеръ. Стыдливость, справедливость, честь, героизмъ — все это не такіе продукты, которыми можно торговать какъ и когда угодно. Вдохновеніе исходитъ изъ общаго строя нравственной личности писателя. Нравственное шарлатанство личности производитъ лишь ложныя концепціи, а не библии прогресса; отъ этихъ евангелій отдастъ пародіей... Нельзя въ одно и то же время быть прелюбодѣемъ и пророкомъ, человѣкомъ разврата и апостоломъ цивилизаціи, вакханкой чувства и пиеіей прогресса, Христомъ и торжникомъ въ храмѣ“. — Между тѣмъ что такое представляютъ французскіе писатели, какъ нравственные личности?.. Беранже заявилъ однажды, что онъ намѣревался описать людей своего времени. „Кто знаетъ (говаривалъ иногда поэтъ), можетъ быть именно этому труду моей старости мое имя будетъ обязано тѣмъ, что переживетъ меня. Весьма желательно, чтобы потомство сказало: справедливый, серьезный Беранже!“ Но этотъ „историческій лексиконъ“, задуманный въ духѣ спокойнаго безпристрастія, не былъ написанъ, почему бы вы думали? Потому—сказалъ самъ Беранже—, потому что пришлось бы говорить дурное о всѣхъ моихъ друзьяхъ“.

Послѣ авторовъ Потвэнъ (въ третьей части) переходитъ къ разбору произведеній и разбираетъ постановку ихъ идеи, гуманное чувство, идеалъ. Въ постановкѣ идеи онъ смотритъ, вѣрно ли изображены характеры дѣйствующихъ лицъ, вѣрно ли представлена борьба чувствъ, правильны ли типы людей, служащихъ выраженіемъ какихъ-либо общественныхъ стремленій, и наконецъ, въ мѣру ли восторгается, въ мѣру ли порицаетъ авторъ тѣ или другія мнѣнія своихъ героевъ. Въ заключеніи третьей части отведена цѣлая глава театру Дюма-сына.

Въ четвертой части сочиненія Потвэна мы имѣемъ выводы автора изъ всѣхъ его изысканій о причинахъ нравственнаго паденія французской литературы и о возможности ея возстановленія. Цитатами самихъ французскихъ писателей Потвэнъ доказываетъ, что главные причины безнравственности романовъ и театра во Франціи заключаются съ одной стороны въ томъ, что писатели смотрятъ на свое дѣло не какъ на призваніе, но какъ на ремесло, а съ другой—въ политическомъ деспотизмѣ, въ когтяхъ котораго Франція постоянно была въ продолженіи всего новаго литературнаго періода; подъ этимъ „деспотизмомъ“ авторъ разумѣетъ не цензурныя условія только, но также политическую централизацію, которая собрала всю лите-

ратуру въ одномъ Парижѣ, самомъ безнравственномъ изъ всѣхъ французскихъ городовъ, и враждебное отношеніе духовенства къ свѣтской цивилизаціи. Возможность восстановленія нравственного достоинства французской литературы опредѣляется самими причинами ея нравственного паденія. Если можно удалить причины, то зло исчезнетъ само собою.

ОТВѢТЪ Г. ЛЮБИМОВУ.

Полемика по вопросу о трубѣ Галилея возникла слѣдующимъ образомъ. Г. Любимовъ, въ статьѣ своей: *Новая теорія поля зрѣнія и увеличенія оптическихъ инструментовъ*, высказываетъ мнѣніе, что общепринятая теорія поля зрѣнія Галилеевой трубы есть грубая ошибка, до сихъ поръ не обратившая на себя вниманія, и ошибка потому, что поле зрѣнія считается зависящимъ отъ величины зрачка. Онъ утверждаетъ, что поле зрѣнія зависитъ только отъ величины объектива. Я доказываю, что въ цѣломъ рядѣ специальныхъ трактатовъ и въ нѣкоторыхъ учебникахъ существуетъ истинная, полная теорія Галилеевой трубы, по которой поле зрѣнія зависитъ какъ отъ зрачка (и вообще отъ окуляра), такъ и отъ объектива.

Въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* г. Любимовъ соглашается повидимому принять въ расчетъ вліяніе зрачка. Если такъ, то въ этомъ случаѣ споръ въ главныхъ чертахъ привелъ противниковъ къ соглашенію. Въ моихъ возраженіяхъ, напечатанныхъ въ *Бюллетенѣ* М. О. испытателей природы (1873, № 4) и въ мартовской книжкѣ *Знанія*, я ограничился только полемъ зрѣнія Галилеевой трубы, такъ какъ оно составляетъ главный предметъ статьи г. Любимова. Я не касался ни увеличенія оптическихъ инструментовъ, ни трубы Кеплера, и замѣтилъ только, что и въ этой послѣдней изображеніе объектива (кружокъ Біо) имѣетъ вліяніе на размѣры поля зрѣнія. Въ полной теоріи Кеплеровой трубы поле зависитъ вообще не только отъ величины окуляра, но частію и отъ величины объектива. Формулы показываютъ, какъ измѣняется съ переменной элементовъ трубы относительное вліяніе окуляра и объектива на поле зрѣнія того и другого телескопа. Полная теорія даетъ объясненіе всѣхъ явленій, представляемыхъ при различныхъ обстоятельствахъ полемъ зрѣнія, и указываетъ на тѣ соображенія, какими нужно руководствоваться при устройствѣ трубы. Относительно трубы Кеплера и относительно уве-

личенія оптическихъ инструментовъ мы съ г. Любимовымъ не пришли еще къ полному пониманію другъ-друга. Кромѣ того онъ желаетъ уяснить мнѣ въслѣдствіи, почему вопросъ о вліяніи зрачка сложнѣе, чѣмъ какъ представляется мнѣ. Мои наблюденія надъ полемъ зрѣнія Галилеевой трубы онъ считаетъ почему-то не имѣющими значенія, межъ тѣмъ какъ своихъ собственныхъ не приводитъ ни разу. Онъ интересуется подробностями наблюдений и проситъ дать ему нѣсколько чиселъ. На всѣ подобныя обоюдныя разъясненія я согласенъ вполнѣ, и стоить только найти специальный журналъ, который отвелъ бы намъ достаточно мѣста для подробнаго разсмотрѣнія занимающаго насъ дѣла. Если это окажется почему-либо неудобнымъ, то я прошу г. Любимова указать какое-либо ученое общество или просто пригласить нѣсколькихъ специалистовъ. Это послѣднее, какъ самое удобное, я и предлагалъ, помнится, въ самомъ началѣ спора.

Отъ вопроса о телескопахъ г. Любимовъ переходитъ къ разбору первыхъ пяти популярныхъ лекцій моихъ, помѣщенныхъ въ первой книгѣ сборника *Природа*.

Рецензентъ сперва опредѣляетъ, что требуется отъ популярно-ученаго сочиненія и затѣмъ говоритъ, что я порѣшилъ задачу мою исполнить легкими средствами и явился не посредникомъ между наукой и публикой, но посредникомъ между публикой и тремя иностранными, весьма впрочемъ почтенными, книгами (Секки, Шеллена и Клейна). Онъ не обращаетъ при этомъ вниманія на то, что во второй и третьей изъ пяти лекцій постоянно встрѣчаются мои собственные, совѣтъ не легкія спектральныя наблюденія надъ солнцемъ, и забываетъ, что нѣсколько строкъ выше самъ же онъ говоритъ, что я произвелъ многія собственные наблюденія.

Рецензентъ заявляетъ далѣе, что я ничего не говорю о трехъ названныхъ выше книгахъ, которыми пользуюсь, межъ тѣмъ какъ обыкновенно принято указывать заимствованія и даже обозначать вносными знаками буквально приводимыя мѣста.

Вслѣдъ затѣмъ онъ приводитъ нѣсколько выписокъ изъ моихъ лекцій и сличаетъ ихъ съ выписками изъ сочиненій Шеллена и Секки.

При составленіи моихъ лекцій я пользовался не только тремя названными выше книгами, но еще многими другими, и чтобы не выдавать чужого за свое, поступилъ при этомъ такъ, какъ поступаетъ главный авторитетъ, котораго я держался, знаменитый Секки, какъ дѣлаютъ Шелленъ и многіе другіе авторы научно-популярныхъ сочиненій. Чтобы оставить текстъ возможно свободнымъ отъ выносокъ, въ немъ самомъ прямо упоминаются имена авторовъ, когда идетъ

рѣчь объ ихъ открытіяхъ, собственныхъ ихъ наблюденіяхъ, теоріяхъ и т. д. Въ этомъ отношеніи я былъ очень аккуратенъ: на страницахъ моихъ лекцій постоянно мелькаютъ имена авторовъ и чаще всего Секки. Сочиненія, изъ которыхъ берутся прямо общезвѣстные уже факты и воззрѣнія, въ текстѣ совсѣмъ не упоминаются, но заглавія ихъ трудовъ помѣщаются въ самомъ концѣ сочиненія, въ литературномъ указателѣ, въ который входитъ поименованіе всего относящагося къ предмету сочиненія. Съ подобнымъ спискомъ курсъ моихъ лекцій и переданъ въ редакцію *Природы*. Удобіе сказаннаго способа едвали можно что-нибудь придумать для огражденія автора отъ упрековъ въ заимствованіи безъ упоминанія лица, у котораго сдѣлано заимствованіе.

Наконецъ, есть вещи до того общезвѣстныя, что ихъ почти безъ всякихъ измѣненій можно встрѣтить въ десяткахъ популярныхъ и ученыхъ сочиненій; онѣ берутся цѣликомъ изъ перваго заслуживающаго довѣрія трактата, изъ первой справочной книги.

Не смѣшно ли съ указаніемъ источника написать такую истину: скорость вращенія около осей для внѣшнихъ планетъ среднимъ числомъ въ два съ половиною раза больше чѣмъ для внутреннихъ. Не отыскивать же каждый разъ для популярнаго сочиненія того, кто первый провозгласилъ ее. Выписки рецензента составляютъ собраніе подобнаго рода истинъ, уже вошедшихъ въ десятки популярныхъ сочиненій почти безъ всякаго измѣненія. Въ пяти вошедшихъ лекціяхъ, т. е. въ сотнѣ страницъ, такихъ выписокъ набралось околу трехъ страничекъ, и за то рецензентъ величаетъ меня то псевдонимомъ Секки, то Шеллена, то Клейна. Если бы я не пользовался этими авторами и въ слѣдующихъ, печатающихся моихъ лекціяхъ, то ихъ можно было бы не помѣщать въ литературный указатель въ концѣ сочиненія, такъ какъ Секки играетъ роль въ другомъ отношеніи и имя его десятки разъ является у меня. Одна изъ наиболѣе крупныхъ, сплошныхъ выписокъ изъ Секки, за которую рецензентъ называетъ меня псевдонимомъ Секки, есть слѣдующая:

Durch eine einfache Rechnung hat Helmholtz nachgewiesen, dass, wenn die Verdichtung der Sonnenmaterie bis zu dem Grade weiter fortschreitet, dass das Gestirn die Dichtigkeit der Erde erreicht haben wird, die hierdurch entwickelte Wärme hinreicht, um den Verlust ihrer Ausstrahlung für 17 Million Jahre zu ersetzen. Eine solche Annahme aber, dass die Sonne sich noch fortwährend verdichte, ihr Durchmesser also sich verkleinere, steht durchaus nicht mit den Ergebnissen der heute so überaus verfeinerten Beobachtungen und Messungen der Astronomen im Widerspruche.

In der That würde eine solche Verdichtung, wie wir sie eben angenommen haben, bei der enormen Grösse der Sonne erst in 24,000 Jahren eine Verkleinerung des scheinbaren Durchmessers der Sonne um 1 Bogensekunde zur Folge haben, eine Grösse, welche wir eben noch mit unseren feinsten Messwerkzeugen wahrnehmen können und bis auf welche heute noch der Durchmesser der Sonne zweifelhaft ist.

Раскрываемъ сочинение Клейна, не то, о которомъ говорятъ рецензентъ, но другое — Entwicklungsgeschichte des Kosmos, 1870, стр. 33, явившееся раньше Секки-Шеллена, и читаемъ:

Helmholtz hat gezeigt, dass, wenn die Sonne sich von ihrer gegenwärtigen Dichte bis zu derjenigen der Erde, also auf das Vierfache ihrer heutigen mittleren Dichte zusammenzieht, die hierdurch entwickelte Wärme genügt, um die Ausstrahlung für 17 Million Jahre zu decken. Dass aber eine stetige Zusammenziehung der Sonne stattfindet, widerstreitet keineswegs den Ergebnissen der heute so überaus verfeinerten astronomischen Messungen. Denn die Abnahme des scheinbaren Durchmessers würde unter der oben gemachten Annahme erst in den nächsten 24,000 Jahren bis zu einer Bogensekunde anwachsen, d. h. einen Werth erreichen, bis auf welchen heute noch der Durchmesser zweifelhaft ist.

Сходство такое же какъ и съ моею выпиской. Клейнъ дѣлаетъ при этомъ двѣ выноски, а у Секки тутъ нѣтъ никакой ссылки. Извольте видѣть, какъ авторитеты даже смотрятъ на заимствованія такихъ, сдѣлавшихся общезвѣстными, вещей; наша же цѣль — „въ немногихъ бесѣдахъ ознакомить слушателей съ современнымъ запасомъ свѣдѣній о свойствахъ небесныхъ тѣлъ“.

Останавливаясь на происхожденіи солнечной теплоты, рецензентъ приводитъ изъ моихъ лекцій относящееся сюда мѣсто, въ которомъ говорится о пополненіи *большой части* изливаемой солнцемъ теплоты (не всей, а большой части).

Слова *большая часть* оставляются безъ вниманія и для рецензента выходитъ, что пониженіе температуры солнца невозможно. Между тѣмъ у меня, для избѣжанія болѣе сложныхъ объясненій, описывается просто тотъ процессъ, который, согласно съ гипотезой Лапласа и съ имѣющимися свѣдѣніями о солнцѣ, постоянно совершался и совершается въ газообразномъ тѣлѣ солнца, процессъ, въ которомъ охлажденіе, сгущеніе и нѣкоторое вознагражденіе излученной теплоты тѣсно связаны между собою и могутъ быть разсматриваемы какъ три дѣйствія, непрерывно и періодически совершающіяся одно за другимъ.

Самое серьезное возраженіе рецензента состоитъ въ томъ, что количество теплоты, изливаемой на землю, слишкомъ велико. Количество это выражено 295 единицами тепла. Это дѣйствительно недо-

смотримъ, и вмѣсто 295 должно быть 0.295 (стр. 57), а вмѣсто *million* (на стр. 59), слѣдуетъ читать *million*.

Мы были бы очень благодарны рецензенту за такое указаніе, но дѣло въ томъ, что тотчасъ по выходѣ первой книги *Природы* нѣкоторые изъ нашихъ слушателей указали намъ на это превращеніе чиселъ и указали на основаніи тѣхъ цифръ, которыя были вѣрно записаны ими на лекціи; но намъ пріятно сказать спасибо и рецензенту.

Дальнѣйшія соображенія нисколько не страдаютъ отъ ошибки въ числахъ. У меня говорится далѣе о томъ, что упавшая на землю теплота скоро оставляетъ нашу планету и въ теченіе короткой остановки на ней преобразуется во всевозможныя формы, въ которыхъ способно являться какое-либо движеніе, какая-либо жизнь. Рецензентъ шутитъ надъ этимъ, и потомъ продолжаетъ: „г. Бредихинъ, впрочемъ, позволяетъ солнечной теплотѣ сдѣлать короткую остановку на землѣ и, натворивъ чудесъ, скакать далѣе. Но какъ же онъ не замѣтилъ, что если теплота преобразовалась во всевозможныя формы, то, значить, осталась, а не скачетъ далѣе. Иначе въ чемъ-же механическое ученіе о теплѣ? Очевидно, что теорія г. Бредихина равняется открытію *perpetuum mobile*“.

Но рецензентъ навязываетъ мнѣ теорію, которой я никогда не создавалъ. Еслибы онъ потрудились взглянуть чрезъ нѣсколько страницъ, въ концѣ лекціи, на выписку изъ Тиндалля, заключенную, какъ слѣдуетъ, въ кавычки, то онъ прочелъ бы въ послѣднихъ строкахъ слѣдующее: „Солнце нисходитъ къ намъ въ формѣ теплоты и въ той же формѣ оставляетъ насъ; но въ промежуткѣ между приходомъ и отходомъ оно вызываетъ къ жизни многообразныя силы на нашей планетѣ: всѣ онѣ суть частныя виды солнечной энергіи, тѣ облики, которые временно принимаетъ эта энергія, переминаясь отъ своего источника въ безконечность“.

Послѣднія два возраженія касаются неточности объясненій, и тутъ-же обобщаются: „авторъ вообще не даетъ себѣ труда быть точнымъ въ объясненіяхъ“. Это обобщеніе какъ-то не совсѣмъ вѣзется со сказаннымъ при началѣ рецензіи: „лекціи написаны весьма живо, читаются съ интересомъ“ и т. д. Если объясненія вообще не ясны, то чтеніе едва-ли можетъ быть живо.

О той-же замѣткѣ г. Любимова я не скажу ни слова: читатель самъ легко составитъ объ немъ надлежащее мнѣніе.

О. Бредихинъ.

Москва, 18-го мая.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

МАЙ—ІЮНЬ 1873.

Книга пятая. — Май.

	СТР.
Сказки Диккенса. — The life of Charles Dickens, by John Forster, vol. II. 1842—1852. — I-III. — Л. А. ПОЛОНСКАГО	5
Новѣйшая полемика раскола. — I. — Д. И. ТРОИЦКАГО	43
„Ultimo“. — Повѣсть. — VIII-XIII. — ФР. ШПИЛЬГАГЕНА	74
Новѣйшая исторія Австріи. — I. Десять лѣтъ реакціи: министерство Шварценбергъ-Баховское. 1849—1859. — I-II. — В. Д. СПАСОВИЧА.	122
Сказкой. — Стих. гр. А. К. ТОЛСТАГО	158
Практическая философія XIX-го вѣка. — Les discours de M. le Prince de Bismarck. — VII-IX. — ЕВГ. УТИНА.	166
Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцати до пятидесятихъ годовъ. — Историческіе очерки. — VIII. Валинскій. — А. Н. ПЫШИНА	223
Теорія Дарвина и вопросы педагогич. — A. Decandolle, Histoire des sciences et des savants, depuis deux siècles. — Бар. Н. А. КОРФА.	275
Хроника. — Всесловная вѣлость. — Мысли по поводу русской всесловной вѣлости. — Е. Л. МАРКОВА	312
Внутреннее овозрѣніе. — Новый вопросъ о раскольникахъ. — Судебные примѣры. — Необходимость закона о юридическомъ бракѣ. — Отношеніе церкви къ расколу. — Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1871 годъ. — Обращеніе и проповѣдь. — Духовныя училища и сборы. — Походъ въ Хиву и начало военныхъ дѣйствій. — Петербургское градоначальство. — Письмо гр. А. П. Шувалова въ редакцію. — „Впрочемъ“	350
Новая регламентація гимназій. — По поводу новыхъ правилъ для испытанія въ гимназіяхъ. — П. Н.	377
Иностранное овозрѣніе. — Пріѣздъ императора Вильгельма. — Измѣненіе австрійской конституціи. — Новый законъ о выборахъ. — Соглашеніе съ Галиціей. — Результаты частныхъ выборовъ во Франціи. — Ремюзъ и Вародѣ-Германскія дѣла. — Духовные законы. — Положеніе Эльзаса	382
Корреспонденція изъ Парижа. — Кандидатура Ремюзъ и Вародѣ. — Н.	400
Корреспонденція изъ Флоренціи. — Искусство въ Италіи. — D. G.	416
Новѣйшая литература. — Нравственная отвѣтственность. — Oldfashioned Ethics and common-sense Metaphysics with some of their applications, by W. T. Thornton	424
Новыя книги. — Lettres à la Princesse, par C.-A. Sainte-Beuve.	442
Общественная гигиѣна. — Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ и пр. Т. I и II. 1872 и 1873. — В.	
Цвѣты на псевдо-классической почвѣ. — Размышленія г. Куртори „О наукѣ и ея значеніи въ государствѣ“. — Д. Е.	
Извѣстія. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.	
Библиографическій листокъ.	

Книга шестая. — Июнь.

Осада Коринфа.—Поэма Лорда Байрона.—Перев. Н. ГЕРБЕЛЯ	485
ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ XIX-го вѣка.—Les discours de M. le Prince de Bismarck.—Окончаніе.—ЕВГ. УТИНА	500
НОВѢЙШАЯ ПОЛЕМИКА РАСКОЛА.—П.—Д. И. ТРОИЦКАГО	553
ТЕМНОЕ ДѢЛО.—Разсказъ.—I-IX.—Е. В. Л.	601
РУССКІЙ РАБОЧІЙ У АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.—Разсказы и воспоминанія.—I.—А. К***	681
ОТЕЦЪ РОДНОЙ!—Стих. А. ЯХОНТОВА	715
ЛЮДИ И ПРАВЫ ВРЕМЕНЬ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.—Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—94, von Lotheissen.—С.	720
ХРОНИКА.—Современное положеніе рабочей силы въ Европѣ и Америкѣ.—По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ.—Н. Ф.	726
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сборы на желѣзныхъ дорогахъ.—Способы осуществленія желѣзно-дорожной сѣти въ Россіи.—Казна, концессионеры и общества.—Новыя правила для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ.—Служба о новыхъ правилахъ для печати.—Сообщенія и нареканія.—Еще о регламентаціи гимназій.—Вопросъ о выпускныхъ экзаменахъ.—По поводу всеобщей волости	731
ЗЕМЛЕДѢЛІЕ И ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ.—По поводу вопроса о лучшемъ устройствѣ нашего сельскаго хозяйства.—Гр. В. ОРЛОВА-ДАВЫДОВА	810
ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Выборы 11-го мая во Франціи.—Министерскій кризисъ.—Перемена правительства.—Биржевой кризисъ въ Вѣнѣ.—Политическая заносчивость одной русской газеты	815
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—ПАРЛАМЕНТСКІЕ ТРУДЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ.—К.	820
НОВЫЯ КНИГИ.—La science au point de vue philosophique, par E. Littré, de l'Institut et de l'Académie de Médecine. (Наука съ философской точки зрѣнія. Соч. Э. Литтре, члена Института и Медицинской Академіи). Paris, Didier et C ^{ie} . 1878.—De la corruption littéraire en France. Etude de littérature comparée sur les lois morales de l'art, par Ch. Potvin. (Объ испорченности французской литературы. Этюдъ сравнительной литературы о нравственныхъ законахъ искусства. Соч. Ш. Потвена). Paris, 1878.	825
ОТВѢТЪ Г. ЛЮБИМОВУ.—О. А. БРЕДИХИНА	
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

Въспоминаніе

ВЪСТАНОВЛЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 5-ая.

МАЙ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

С. П. Яковлевъ

КНИГА 5-ая. — МАЙ, 1873.

I.—СКАЗКИ ДИККЕНСА. — The Life of Charles Dickens, by John Forster, vol. II. 1842—1852. — I-III. — Л. А. Полонского	Стр. 1
II.—НОВѢЙШАЯ ПОЛЕМИКА РАСКОЛА. — I. — Д. И. Троицкого	11
III.—«ULTIMO». — Повесть. — VIII-XIII. — Фр. Шюльгагена	74
IV.—НОВѢЙШАЯ ИСТОРИЯ АВСТРИИ. — I. Десять лѣтъ реакціи: министерство Шварценбергъ-Баховское. 1849—1859. — I-II. — В. Д. Спасовича	122
V.—СЛѢПОЙ. — Стих. гр. А. К. Толстаго	125
VI.—ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX-го ВѢКА. — Les discours de M. le Prince de Bismarck. — VII-IX. — Евг. Утина	126
VII.—ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ отъ двадцатыхъ до пятидесятихъ годовъ. — Историческіе очерки. — VIII. Бѣлинскій. — А. И. Пыпина	225
VIII.—ТЕОРИЯ ДАРВИНА И ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИИ. — A. Decandolle, Histoire des sciences et des savants, depuis deux siècles. — Бар. П. А. Корфа	270
IX.—ХРОНИКА. — ВСЕСОСЛОВНАЯ ВЛОСТЬ. — Мысли по поводу русской всеобщей влостности. — Е. Л. Маркова	312
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Новый вопросъ о раскольниковѣхъ. — Судебные примѣры. — Необходимость закона о юридическомъ бракѣ. — Отношеніе церкви къ расколу. — Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1871 годъ. — Обращеніе и провозвѣдъ. — Духовныя училища и сборы. — Походъ въ Хингу и начало военныхъ дѣйствій. — Петербургское градоначальство. — Письмо гр. А. П. Шумилова въ редакцію. — „Впрочемъ“	312
XI.—НОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦІЯ ГИМНАЗІЙ. — По поводу новыхъ правилъ для испытанія въ гимназіяхъ. — П. Н.	370
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Приѣздъ Императора Вильгельма. — Намѣненіе австрійской конституціи. — Новый законъ о выборахъ. — Соглашеніе съ Галліціей. — Результаты частныхъ выборовъ во Франціи. — Ремюзъ и Бародѣ. — Германскія дѣла. — Духовныя законы. — Положеніе Элизаса	370
XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРІЖА. — Кандидатура Ремюза и Бародѣ	370
XIV.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ. — Искусство въ Италіи. — В. О.	370
XV.—НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Нравственная отвѣтственность. — Old-fashioned Ethics and common-sense Metaphysics with some of their applications, by W. T. Thornton	370
XVI.—НОВЫЯ КНИГИ. — Lettres à la Princesse, par C.-A. Sainte-Beuve	370
XVII.—ОБЩЕСТВЕННАЯ ГИГИЕНА. — Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ и пр. Т. I и II, 1872, и I, 1873. — В.	370
XVIII.—ЦВѢТЫ НА ПСЕВДО-КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЧВѢ. — Размышленія г. Кутурки „О наукѣ и ея значеніи въ государствѣ“. — Д. Е.	370
XIX.—ИЗВѢСТІЯ. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикамъ	370
XX.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—IV стр.

ВИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

сочиненій Лермонтова, съ портретомъ его, двумя снимками съ почерка и статью о Лермонтовѣ *А. Н. Пыпина*. Изд. 3-е, исправл. и доволн., подъ ред. *П. А. Ефремова*. Т. I и II. Спб. 1873. Ц. 3 р. 50 к.

Новому изданію сочиненій Лермонтова предшествовало прежде всего исправленіе недостатковъ двухъ прежнихъ (*С. С. Дудышкина*), гдѣ поэзія хотя отдѣлена отъ стихотворныхъ опытовъ дѣтства, послѣдніе искажены произвольными пропущеніями и, наконецъ, дополнены опущенные прежними изданіями. Оставшееся за тѣмъ составить держаніе особаго доводительнаго тома, куда вѣдетъ и неизданная обширная поэмѣ Лермонтова. Порядкомъ изданія оставлены хронологическій, но въ отношеніи общаго распредѣленія дѣлать предположить дать первое мѣсто произведеніямъ, издаваемымъ при жизни Лермонтова, соединивъ къ этому лучшее изъ посмертныхъ, вмѣстѣ съ письмами поэта. Самое изданіе обзавелось подробнымъ указателемъ статей о Лермонтовѣ и биографическимъ очеркомъ судьбы и характеристикой его произведеній. Однимъ словомъ, новое изданіе старалось удовлетворить всѣмъ самымъ строгимъ требованіямъ и быти достойнымъ памяти поэта, который, по справедливому замѣчанію *А. Н. Пыпина*, „надоже останется однимъ изъ любимыхъ представителей русской поэзіи, по энергіи чувства, богатству поэтическихъ мотивовъ и некапковенной прелести формы“. Не даромъ *Вѣстникъ* восхищается въ Лермонтовской „Думѣ“, „мзавной крѣпостію стиха, громовою силой слова, одушевленіемъ, исполненіемъ энергіею благодушнаго негодованія и глубокой грустью“.

С. Пушкинъ. Матеріалы для его биографіи и оцѣнки произведеній. *П. В. Анисимова*. Спб., 1873. Ц. 2 р. 50 к.

Пушкину не посчастливилось, какъ Лермонтову. Лучшимъ изданіемъ его поэзіи остается таки первое, а послѣдующія выходящая все же и ниже по своимъ качествамъ. Лучшая его графія принадлежитъ первому изданію; но съ и теперь она же является вновь, безъ всякихъ измѣненій, какъ будто съ того времени появилось въ свѣтъ никакихъ матеріаловъ о биографіи поэта; даже публикѣ предоставлено угадать, какое это второе изданіе, а сами писатели ни однимъ словомъ не именуютъ на.

Если такая механическая работа оправдывается нѣсколько невозможностью приобрести такое изданіе, для своего времени весьма замѣтельное и обстоятельное, то все же нельзя считать отсутствіемъ, наиримѣръ, такихъ недостатковъ, какъ сохраненіе въ новомъ изданіи поэмы *Миленька*, который продолжается въ всякой надобности и въ новомъ изданіи вымѣняться подъ буквою *М*.

Лексическія розысканія академика *Я. Е. Грота*. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка. Спб. 1873. Стр. 668.

Постоянній томъ соединилъ въ одно цѣлое труды одного автора, помѣщаемые въ различныхъ изданіяхъ; но это не одна перепечатка, такъ какъ всѣ статьи пересмотрѣны и отчасти измѣ-

нены въ новомъ изданіи. Въ этихъ статьяхъ изслѣдователи отечественнаго языка найдутъ для себя значительную опору и руководство при изученіи въ области лексикографіи. Главное мѣсто въ этомъ сборникѣ принадлежитъ новому и еще не изданному труду: „Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго до нынѣ“. Хотя почтенный ученый находитъ русское правописаніе болѣе установленнымъ, нежели нѣмецкое, но все же нельзя не признать существовавшего у насъ въ этомъ отношеніи хаоса весьма значительнымъ, и потому нельзя не поблагодарить автора за его попытку, если не окончательно рѣшить всѣ спорные вопросы нашего правописанія, то по крайней мѣрѣ исторически объяснить практикуемую путаницу и тѣмъ содѣйствовать къ болѣе устойчивости нашей орфографіи.

Полное собраніе сочиненій Гофмана, перев. и изд. подъ ред. *Н. В. Гербеля* и *А. А. Соколовскаго*. Т. I. Спб. 1873. Стр. 354. Ц. 75 коп.

Полное изданіе будетъ состоять изъ 12 томовъ одинаковаго объема съ нынѣшнимъ, соответственно послѣднему изданію оригинала въ 1857 г. До сихъ поръ сочиненія Гофмана были знакомы у насъ въ извлеченіяхъ прежняго времени; между тѣмъ талантъ этого писателя, для котораго сдѣлалось нарицательнымъ для всего фантастическаго въ литературѣ, заслуживало большаго вниманія нашихъ переводчиковъ. У Гофмана фантастическое служило не внѣшней оболочкой, не аллегоріею, но являлось самостоятельнымъ міромъ, какимъ оно является въ одной народной поэзіи, цѣлою областью челоукаго духа, постоянно соприкасающагося съ міромъ дѣйствительнымъ. Издатели общающъ приложить къ одному изъ послѣдующихъ томовъ биографію поэта, и можно только пожалѣть, что они не съ этого начали.

Единственный русскій путеводитель по Вѣнѣ и ея окрестностямъ, съ планами выставокъ и города. Соч. *Е. Львова-Кочетова*. Москва, 1873. Ц. 2 р. 50 коп. (!). Стр. 186.

Въ Германіи не только Вѣна, но почти всякій городъ имѣетъ для себя гидъ; для Вѣны же существуетъ ихъ нѣсколько, начиная съ „Wiener-Baudeke“, такъ что русскій гидъ представляетъ удобства для однихъ незнающихъ нѣмецкаго языка, а его составителю остается только „не мудрствовать лукаво“. И тѣмъ не менѣе авторъ русскаго гида не воздержался отъ послѣдняго, доказывая, что туземные гиды изображаютъ все въ розовомъ свѣтѣ и вслѣдствіе того „чистый и безлобный русачекъ является домой оштрафованный“. Но въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы и автору брать и дома съ „русачка“ 2 р. 50 коп. за 186 страницекъ. Изданіи также тенденціозность гида: авторъ пишетъ въ Москвѣ и заключаетъ свой гидъ увѣреніемъ, что „Вѣна страдаетъ политическимъ отсутствіемъ внутренней чистоты, комфорта и даже самыхъ простыхъ удобствъ“. Вѣроятно, авторъ не нашелъ въ Вѣнѣ никакихъ щей. Но независимо отъ историческихъ мнѣній и взглядовъ, трудъ его не безполезенъ для незнающихъ языка, а планъ города, исполненный въ Вѣнѣ, весьма удовлетворителен.

ОБЪ ИЗДАНИИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ть КНИГЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) *Безъ доставки на домъ* 15 руб. 50 коп. — 2) *Съ доставкой по городской почтѣ* 16 р.

II.—Въ Москвѣ: 1) *Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ Н. Г. Сазонова* 16 р. 2) *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

III.—Въ губерніи: *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

IV.—Заграницею: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію съ вышеуказанной цѣнѣ (17 р.) предлагается: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 р. — въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія Княжества; в) 4 р. — во Францію и Днію; д) 5 р. — въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; е) 6 р. — въ Швейцарію; ф) 7 р. — въ Италію и Японію.

1. — ПОДПИСКА принимается: а) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при нижнемъ магазинѣ А. Ф. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; б) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтового учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ выдается газетъ и журналовъ.

2. — ПЕРЕМѢНА АДРЕССА сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло попасть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможности извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какова нумера начать перемѣну.

Примчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, вносящіе за годъ, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. — ЖАЛОБА, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ пошлениемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпелемъ. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первому нумеру, но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы. Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно спосылать съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворяетъ только по полученіи отчета послѣдней.

Примчаніе. — Жалоба должна быть отправлена никакъ не позже послѣдняго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика. — Точно также Редакція не можетъ удовлетворять жалобамъ уѣздныхъ подписчиковъ, которые, въ противность первому условію подписки, требуютъ возврата журнала на такія станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 50.

ЖУРНАЛЪ

ИДЕИ.

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-ая.

ЮНЬ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 6-ая. — ЮНЬ, 1873.

	Стр.
I.—ОСАДА КОРИНФА.—Поэма Лорда Байрона.—Перев. Н. Гербеля	455
II.—ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX-го ВѢКА.—Les discours de M. le Prince de Bismarck.—Окончаніе.—Евг. Утина	500
III.—НОВѢЙШАЯ ПОЛЕМИКА РАСКОЛА.—II.—Д. Н. Гранскаго	553
IV.—ТЕМНОЕ ДѢЛО.—Разсказъ.—I-IX.—Е. В. Л.	601
V.—РУССКІЙ РАБОЧІЙ У АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.—Разсказъ и воспоминанія.—I.—А. К***	681
VI.—ОТЕЦЪ РОДНОЙ!—Стих. А. Яхонтова	715
VII.—ЛЮДИ И ПРАВЫ ВРЕМЕНЬ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.—Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—94, von Lotheissen.—С.	720
VIII.—ХРОНИКА.—СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РАЗСКОЛА СИДЫ ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ.—По допесеніямъ англійскихъ и французскихъ агентовъ и новѢйшимъ результатамъ статистическихъ работъ	756
IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сборы на желѣзныхъ дорогахъ.—Своеобстоятельство желѣзно-дорожной сѣти въ Россіи.—Казна, концессіи и общества.—Новыя правила для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ.—Слухи о новыхъ правилахъ для печати.—Сообщенія и нареканія.—Еще регламентація гимназій.—Вопросъ о выпускныхъ экзаменахъ.—По поводу всесословной волости	791
X.—ЗЕМЛЕДѢЛІЕ И ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ.—По поводу вопроса о лучшемъ устройствѣ нашего сельскаго хозяйства.—Гр. В. Орлова-Давыдова	
XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Выборы 11-го мая во Франціи.—Министерскій кризисъ.—Перемена правительства.—Виржевой кризисъ въ Вѣнѣ.—Поэтическая заносчивость одной русской газеты	8
XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Парламентскіе труды и политическое развитіе.—К.	85
XIII.—НОВЫЯ КНИГИ.—La science au point de vue philosophique, par E. Littré, de l'Institut et de l'Académie de Médecine. (Наука съ философской точки зрѣнія. Соч. Э. Литтре, члена Института и Медицинской Академіи). Paris, Didier et C-ie 1873.—De la corruption littéraire en France. Etude de littérature comparée sur les lois morales de l'art, par Ch. Potvin. (Объ истинности французской литературы. Этюдъ сравнительной литературы о нравственныхъ законахъ искусства. Соч. Ш. Потвина). Paris, 1873.	90
XIV.—ОТВѢТЪ Г. ЛЮБИМОВУ.—В. А. Бредихина	94
XV.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VIII стр.

Онежскія былинныя, записанныя Александромъ Ое-
доровичемъ *Гильфердингомъ* лѣтомъ 1871
года. Съ двумя портретами онежскихъ ра-
содовъ и наѣвами былинъ. Сиб. 1873. Ц.
4 руб.

«Онежскія былинныя» — есть большой томъ круп-
наго формата, съ предисловіемъ (LVI стр.) и
текстомъ, напечатаннымъ убористой печатью въ
два столбца (1336 столб.), томъ, изъ котораго
мышью бы для или три обыкновенныхъ тома.
Масса былинъ, заключающихся здѣсь, едва ли
не равняется собранію г. Рыбникова. Нельзя не
замѣтить тому факту, что весь этотъ огром-
ный матеріалъ собранъ былъ покойнымъ Гиль-
фердингомъ въ одно лѣтнее путешествіе по
онежскому краю. Нужно было чрезвычайное
грудолюбіе, великая споровка въ отношеніяхъ
къ народомъ, — не говоримъ уже, большая лю-
бовь къ этому народу, — чтобы доставить столь
богатый результатъ. «Онежскія былинныя» оста-
нутся однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятни-
ковъ этнографической дѣятельности Гильфер-
динга, если не самымъ замѣчательнымъ. Мы по-
стараясь еще возвратиться къ этой книгѣ въ
текстѣ журнала.

Предисловіе къ «Онежскимъ былиннымъ» пред-
ставляетъ ту самую статью: «Олонецкая губер-
нія и ея народныя расоды», которая уже зна-
кома читателямъ нашего журнала (Вѣст. Евр.
1872, мартъ).

Внѣшнее исполненіе изданія очень хорошо;
приложенные портреты сдѣланы отчетливо.

Сущность мирового процесса или философія без-
сознательнаго. Доктора философіи Эдуарда
фонъ-Гартмана. По 2-му нѣмецкому изда-
нію полное изложеніе съ присоединеніемъ
предисловія, введенія и критической оцѣнки
системы. *А. А. Козлова*. Въ трехъ выпу-
скахъ. Выпускъ 1-й. М. 1873. 322 стр.
Ц. 2 р.

«Философія Безсознательнаго», Гартмана, —
последняя система, возникшая въ философской
Германи. Книга его, вышедшая лѣтъ пять тому
назадъ, разошлась уже въ нѣсколькихъ изда-
ніяхъ, и теперь явились первые выпуски изда-
нія *смыслотипнаго*, которое, очевидно, рассчиты-
вается на продолжительный успѣхъ книги въ
публикѣ. Г. Козловъ предпринялъ изложеніе
книги Гартмана, которое намѣревается сопрово-
дить и собственной критической оцѣнкой ея.
Въ 3-мъ выпускѣ. Онъ предпочелъ изложеніе
полному переводу по разнымъ причинамъ — по
трудности передачи нѣмецкой философской тер-
минологіи, по цензурнымъ затрудненіямъ, кото-
рыя встрѣчаются при полнотѣ переводѣ нѣ-
которыхъ мѣстъ книги, по обширности объема
подлинника, не подававшей надежды на большой
крутъ читателей. Что г. Козловъ предпочелъ
такую форму передачи Гартмана, въ этомъ нѣтъ
конечно бѣды. Что касается его собственныхъ
высказаній, о нихъ рано говорить до 3-го вы-
пуска изданія; — но по предисловію и небольшо-
му введенію г. Козлова, мы замѣтили бы
только одно, — что явившись защищать Гартма-
нову и свою метафизику отъ противоположныхъ

мнѣній, авторъ напрасно полагаетъ, что при
этомъ ему нужно бороться противъ такъ-назы-
ваемыхъ «мыслящихъ реалистовъ»: ему лучше
бы вспомнить, или узнать другихъ противниковъ,
гораздо болѣе серьезныхъ и, можетъ быть, опас-
ныхъ для его метафизики, и въ иностранной,
и даже въ русской литературѣ... О способѣ ви-
раться, у г. Козлова, мы замѣтили бы, что
онъ не лишнее сдѣлалъ бы, еслибы послѣдовать
примѣру изучаемаго имъ писателя, о которомъ
онъ говоритъ слѣдующее: «о писателяхъ, на ко-
торыхъ онъ (Гартманъ) ссылается и даже съ
которыми расходится во взглядахъ, онъ всегда
отзывается съ достоинствомъ»...

Медицина и медики. Э. *Литтре*. Переводъ съ
французскаго подъ редакціей *М. Цебрико-
вой*. Сиб. 1873. 388 стр. Ц. 2 р.

Самъ авторъ называетъ свое изданіе — «полу-
книгой»: это есть сборникъ статей, писанныхъ
имъ въ разное время и относящихся къ одному
предмету. Литтре отдалъ въ молодости много
лѣтъ на изученіе медицины, и хотя не поже-
лалъ стать врачомъ по профессіи, но много за-
нимался и практической медициной: словомъ,
онъ значительно компетентный судья въ этомъ
дѣлѣ. Онъ останавливается на весьма разнооб-
разныхъ сюжеттахъ медицинской науки, практики
и исторіи, которая онъ постоянно болѣе или
менѣе оживляетъ характеромъ своей позитив-
ной философіи, и сближаетъ съ исторіей обще-
ства. Его книга можетъ вообще представить за-
нимательное и полезное чтеніе.

Переводъ довольно хорошъ; но въ иныхъ мѣ-
стахъ можно пожелать большей точности и боль-
шаго умѣнья владѣть языкомъ.

О значеніи приморскаго города Евпаторіи (Тав-
рической губерніи) какъ лечебнаго пункта.
Написалъ (по поводу проектируемаго тамъ
лечебнаго учрежденія) докторъ медицины
Трахтенбергъ. Симферополь. 1873. 20 стр.
Ц. 20 к.

Брошюра написана по поводу того, что въ
Евпаторіи предполагается основать лечебное
учрежденіе. Лѣционное общество черномор-
скихъ купцовъ въ Евпаторіи удостоилось уже
Высочайшаго утвержденія и вскорѣ должна
открыться подписка на акціи. Послѣ общества
литинскаго, это второе предпріятіе, имѣющее въ
виду сдѣлать Крымъ обитаемымъ для больныхъ,
которые захотѣли бы воспользоваться климатомъ
и лечебными средствами Крыма и которые до
сихъ поръ подвергались тамъ неудобствамъ и
лишеніямъ точно въ полудикой странѣ. Докторъ
Трахтенбергъ, который писалъ уже прежде о
лечебныхъ средствахъ Евпаторіи, въ насто-
ящей брошюрѣ указываетъ нѣгнѣйшее положеніе
города и окрестности, и какъ человѣкъ, зна-
комый съ дѣломъ, указываетъ мѣры, какія нужны
для того, чтобы Евпаторія могла стать воз-
можной для обитанія больными, съ пользою, а не
съ вредомъ для ихъ здоровья и спокойствія.
Авторъ очень безпристрастенъ къ своему пред-
мету и брошюра сообщаетъ полезныя прак-
тическія свѣдѣнія и советы.

О В Ъ И З Д А Н І И
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) *Безъ доставки* на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) *Съ доставкой* по городской почтѣ 16 р.

II.—Въ Москвѣ: 1) *Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ П. Г. Соловьева* 16 р. 2) *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

III.—Въ губерніи: *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

IV.—*Заграницею*: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) предлагается: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 р. — въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія Княжества; в) 4 р. — во Францію и Дانیю; д) 5 р. — въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; е) 6 р. — въ Швейцарію; ф) 7 р. — въ Италію и Японію.

1. — ПОДПИСКА принимается: а) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; б) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамилии и того почтового учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

2. — ПЕРЕМѢНА АДРЕССА сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло послѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого номера начать перемѣну.

Примчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. — ЖАЛОБА, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первымъ почтовымъ безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворить только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примчаніе. — Жалоба должна быть отправлена никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика. — Точно также Редакція не можетъ удовлетворить жалобы тѣхъ подписчиковъ, которые, въ противность первому условію подписки, требуютъ высылки журнала на такіе станціи жолѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

М. Стасюленичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп. 30.

**This book is under no circumstances to be
taken from the Building**

[illegible]

11 1897

11 1897

11 1897

11 1897

